

ДЛМ 38

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XLII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Редакторы:

О. А. Белоброва, Д. С. Лихачев (ответственный редактор), *М. А. Салмина*

Рецензенты:

А. Х. Горфункель, О. В. Творогов

Серия основана в 1934 г.

Т $\frac{4603020101-607}{042(02)-89}$ 476-89

© Издательство «Наука», 1989 г

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.)

К 55-летию отдела

История Отдела (Сектора) древнерусской литературы тесно связана с историей Пушкинского Дома, в которой, по словам В. Н. Баскакова — автора исторического очерка «Пушкинский Дом (1905—1930—1980)», — «лежат истоки процессов, во многом и по сейчас определяющих профиль и направление деятельности Института русской литературы и неизменно поддерживающих традиционное взаимодействие исследования с широким поиском, собиранием и хранением памятников национальной культуры. . . В Пушкинском Доме закладывались научные основы истории русского литературного средневековья».¹

Поскольку не только на протяжении истекших пятидесяти лет, но и сейчас Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома является крупнейшим научным центром изучения литературы Древней Руси в нашей стране и за рубежом, то его история есть, по сути, история советской науки о средневековой русской литературе.

Итак, «историей Пушкинского Дома, — как справедливо пишет В. Н. Баскаков, — занимались очень мало, а если и занимались, то эпизодически и очень поверхностно. . .» Материалы архивов, в которых сохранились свидетельства научной жизни отдела в первое десятилетие его существования (по послевоенному периоду материал сохранился лучше), дают в какой-то мере возможность представить себе литературный быт Пушкинского Дома, ту «атмосферу, которая царила здесь на разных этапах его развития, оживленные дискуссии и споры теоретического, методологического и идеологического свойства. . .»,² т. е. как раз то, что сквозит за строками документов официального делопроизводства и на частую невозможность полного воссоздания чего сетовал В. Н. Баскаков. Труд самого В. Н. Баскакова — исторический очерк о Пушкинском Доме и редакция двух томов библиографии и документов, выпущенных к 75-летию со дня создания и 50-летию образования научного института на основе Пушкинского Дома, — во многом восполняет те пробелы, о которых писал автор, и ни один историк как Пушкинского Дома в целом, так и любого из его отделов не сможет пройти мимо этого труда. Наша задача — воссоздать историю возникновения и становления Отдела (Сектора) древнерусской литературы, руководимого с момента его зарождения до 1947 г. акад. А. С. Орловым, затем — чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (с 1947 по 1954 г.), а с 1954 г. — акад. Д. С. Лихачевым.

¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом (1905—1930—1980): Исторический очерк. Л., 1980. С. 5.

² Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Статьи; Документы; Библиография. Л., 1980. С. 4—6.

Известно, что до 1930 г. Пушкинский Дом существовал как учреждение архивно-музейного типа, где сосредоточивались материалы и проводилось изучение русской литературы исключительно XIX в. 1 октября 1930 г. Отделением общественных наук АН СССР было утверждено Положение об Институте новой русской литературы, а 2 октября 1930 г. в связи с этим директором института был назначен А. В. Луначарский, который в основном находился в Москве, и его обязанности в 1930 и 1931 гг. исполнял Н. К. Козмин.³ Предыстория этих событий такова.

Директором Пушкинского Дома до 1930 г. был акад. П. Н. Сакулин (он же — председатель группы языкознания и литературы Отделения гуманитарных наук АН СССР). 28 декабря 1929 г. П. Н. Сакулин обратился в отделение с докладной запиской, предложив создать Институт русского языка и словесности. В институте должны были работать, по мысли П. Н. Сакулина, три отделения: 1) по истории и теории русского языка; 2) по древнерусской литературе; 3) по новой русской литературе.⁴

Как же замысливался П. Н. Сакулиным Отдел древнерусской литературы?

Еще в дореволюционные годы при Отделении русского языка и словесности Академии наук была создана Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ), которую возглавил акад. Н. К. Никольский. До 1928 г. комиссия работала «на общественных началах», привлекая к своей работе различных ученых в области русской древней письменности. В ЛО Архива Академии наук (ААН) СССР, в фонде акад. Н. К. Никольского (ф. 247), содержатся материалы по КПДЛ. В 1928 г. был утвержден штат КПДЛ, по которому в состав комиссии в соответствии с существовавшей тогда номенклатурой входили председатель — академик, 1 старший ученый хранитель, 1 научный сотрудник 1-го разряда, 1 научный сотрудник 2-го разряда — всего 3 штатных единицы. Постановление Отделения гуманитарных наук АН СССР от 28 января 1928 г. возложило на председателя КПДЛ поручение сформировать новый состав комиссии, после чего туда вошли следующие сотрудники: М. Н. Куфаев, Н. Н. Зарубин, В. Ф. Покровская. КПДЛ занималась выявлением в рукописных отделениях библиотек новых списков литературных памятников, сличением их с уже известными, описанием рукописей, составлением копий древних списков и т. п., ставя своей целью максимально полно учесть состав сохранившейся древнерусской книжности и подготовить тексты к изданию. Картотека комиссии и все материалы сохранялись в Детском Селе (г. Пушкине), в доме акад. Н. К. Никольского вплоть до его смерти в марте 1936 г. Вторая комиссия — Комиссия по составлению толковой библиографии по древнерусской литературе (КТБ) — работала под руководством акад. В. Н. Перетца, постоянных сотрудников она не имела. Учреждение КТБ было одобрено на заседании Отделения русского языка и словесности 5 декабря 1915 г. (см. материалы и отчеты отделения за 1915 г.). В письме к акад. Н. К. Никольскому от 19 ноября 1930 г. В. Н. Перетц привел полностью составленную в 1915 г. и переработанную в 1929 г. записку о КТБ.

«КТБ древней русской литературы имеет следующие задачи:

1) Составляемая библиография должна дать возможность ориентировки в научной литературе, посвященной памятникам древней русской письменности.

2) Библиография должна обнимать все сведения о литературных явлениях Древней Руси, дошедших до нас в письменном виде, кроме памятников богослужебных, законодательных и юридических документов.

³ См.: ААН, ф. 1, оп. 1 (1930), № 256, л. 66, 46. См. также: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом (1905—1930—1980).

⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 42—43.

3) Библиография должна давать сведения только о том, что было где-либо и когда-либо напечатано в статьях и исследованиях, относящихся к изучению того или иного памятника; обязательно упоминаются списки его — лишь известные в печати.

4) Библиография должна быть собрана от начала письменности до (приблизительно) 1725 г., с отступлением для тех позднейших памятников, которые в сущности являются продолжением старой литературной традиции и сохранились в рукописном виде.

5) Библиография говорит об изданиях памятников, лишь отмечая место издания, и подробно — об исследованиях, статьях и заметках об этих памятниках, давая сжато составленное резюме всего сделанного для выяснения происхождения, судеб и литературных взаимоотношений каждого памятника (писателя).

6) Сведения о памятниках (писателях) группируются по жанрам, причем внутри каждого отдела соблюдается хронологическое расположение материала.

Задачей сотрудников является: библиографирование с аннотациями всего печатного материала, относящегося к области истории древней русской литературы, систематизация собранных данных и снабжение заинтересованных учреждений и лиц надлежащими справками».⁵

Подводя итоги работы КТБ к 1 января 1931 г., В. Н. Перетц писал: «Подкомиссия (до 1 окт. 1930 г. — комиссия) работала в 1916—1930 гг., за вычетом 1918—1921 гг., т. е. 10 лет, без штатных ассигнований; на оплату сотрудников получено за эти годы около 2200 р. Руководитель — акад. В. Н. Перетц. Сотрудники за 10 лет: проф. Адрианова, Багрий, Балухатый, Еремин, Никольская, Розанов, Щеглова.

Цель подкомиссии двоякая: 1) теоретическая — подготовить и обработать материал для истории литературоведения в России; 2) практическая — пользуясь знаниями специалистов, дать идущей смене литературоведов ключ к систематическому изучению научной литературы о памятниках древнерусской словесности XI—XVIII вв.».⁶

За годы работы КТБ обработала 139 периодических изданий и 268 монографий и статей (с конца XVIII в.). Изготовлено 20 050 карточек, не считая ссылочных. План расположения карточек был следующим: алфавитный порядок, с соблюдением группировки по литературным жанрам — повести, сказания, жития, летописи, публицистика, драма, вирши и др. Важно было и то, что картотекой почти сразу же можно было пользоваться, так как после редактирования карточки ставились в каталог на соответствующее место.

В 1930 г., как мы уже знаем, было выработано Положение об Институте новой русской литературы, а в программе института указывалось, что необходимо вести изучение истории русской литературы, начиная с XVIII в. и кончая современностью. Таким образом, специальной административной единицы, занимающейся исследованием средневековой русской литературы, положение и программа 1930 г. не предусматривали. Это противоречило намерению акад. П. Н. Сакулина, предлагавшего в своей докладной записке (на исходе 1929 г.) создать во вновь организуемом институте Отдел древнерусской литературы на основе Комиссии по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы и Комиссии по составлению толковой библиографии.

Правда, 13 мая 1930 г. П. Н. Сакулин отправил в Отделение гуманитарных наук новую докладную записку, где изложил программу будущего института: «Научно-исследовательская работа в области литературоведения требует особого организационного оформления. С этой целью и создается Институт новой русской литературы».⁷

⁵ ААН, ф. 247, оп. 2, № 58, л. 1.

⁶ Там же, л. 9.

⁷ ААН, ф. 150, оп. 1 (1929), № 3, л. 117.

Предполагаемый Сакулиным институт должен был: а) разрабатывать историю новой русской литературы начиная с середины XVII в., б) заниматься изучением современной литературы и в) разрабатывать проблемы теоретико-методологического характера (проблемы поэтики и методологии). Итак, возникновение института состоялось: «Институт новой русской литературы был утвержден Комитетом по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР в списке научных и административных учреждений и общественных организаций Академии наук СССР 20 июня 1930 г.»⁸

В течение следующих двух лет сформировывается Комиссия по древнерусской литературе (КДЛ).⁹ Она создается на основе двух прежних комиссий — КПДЛ и КТВ, т. е. комиссий акад. Н. К. Никольского и акад. В. Н. Перетца. Н. К. Никольский, как видно из его письма в президиум АН СССР и копии на имя председателя группы по языку и литературе А. В. Луначарского от 25 октября 1930 г., предполагал «не сокращение работ КПДЛ, а расширение ее задач, функций и штата».¹⁰ По положению о КДЛ, писал Н. К. Никольский, она является надстройкой над существовавшими ранее двумя комиссиями (КПДЛ и КТВ), учрежденной для руководства вместо проектированного ранее Института русского языка и литературы. Создание КДЛ связано прежде всего с именем акад. А. С. Орлова. В 1931 г. он был приглашен из Московского университета, где вел преподавательскую деятельность, в Ленинград на должность заместителя директора Института новой русской литературы. Как справедливо отмечает В. Н. Баскаков, «ему принадлежит инициатива и им, при активном участии В. П. Адриановой-Перетц, были созданы предпосылки для широкого включения древнерусской литературы в программу исследований Пушкинского Дома. В 1931—1932 гг. в институте организуются доклады, проводятся обсуждения, планируется и направляется работа комиссий, осуществляются первые исследования русской средневековой литературы. Весь комплекс этих работ объединился Комиссией по древнерусской литературе — КДЛ».¹¹ Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы, формально вошедшая в КДЛ, не прекращает в течение 1930—1931 гг. своей работы. В ААН СССР хранится отчет КПДЛ о работе в 1930 г. (по 1 октября 1930 г.), где говорится: «В конце отчетного года (на сентябрьской сессии АН) утверждено Положение о Комиссии по древнерусской литературе (КДЛ) с двумя подкомиссиями: а) по исследованию и подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (прежняя КПДЛ с более широкими задачами — разработка научных проблем в области древнерусской как письменной, так и устной словесности, издание памятников и подготовительные работы), б) по составлению толковой библиографии».

Итак, Комиссия по древнерусской литературе возникла в 1930 г. Председателем КДЛ был избран акад. Н. К. Никольский.¹²

Научная работа подкомиссии по изданию памятников древнерусской литературы заключалась в следующем.

А. 1. Собрание материалов и составление библиографии русских пергаменных рукописей под заглавием «*Bibliotheca (Bibliographia) slovenorossica, sive nontitra manuscriptorum nec non scriptorum quorumcumque monumenta edita et inedita extant*».

2. Выработка предварительного плана издания старорусских повестей

⁸ См: Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 94; ср.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 77.

⁹ См.: Комиссия по древнерусской литературе // Вестн. АН СССР. 1931. № 2. Стб. 53—55.

¹⁰ ААН, ф. 247, оп. 2, № 52, л. 15.

¹¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 128.

¹² ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 5—6.

и сказаний светского содержания XIV—XVII ст. (акад. М. Н. Сперанский, М. Н. Куфаев).

3. Повести о Фроле Скобееве (В. Ф. Покровская).

4. Слово Даниила Заточника (Н. Н. Зарубин).

5. Повести о происхождении табака и о табаке (М. Н. Куфаев).

Б. 1. Составление сводного списка рукописей по отделам основного фонда ГПБ (Н. Н. Зарубин).

2. Обследование рукописных собраний ГПБ и регистрирование неопи- санных рукописей.

3. Частичное обследование рукописного собрания Щукина в ГИМе.

4. Снятие копий с памятников повествовательной литературы из собра- ний БАН, из отдельных сборников московских книгохранилищ и главным образом из собраний ГПБ.

Работа же подкомиссии по составлению толковой библиографии, кото- рой руководил В. Н. Перетц, велась в это время в основном им и В. П. Ад- риановой-Перетц.

На 1931 г. подкомиссия ставила следующие рабочие задачи.

«1) Продолжение библиографирования еще не использованной части периодических изданий, русских и иностранных, содержащих материал по библиографии истории древнерусской литературы.

2) Аннотирование уже ранее собранного материала.

3) Продолжение экспедиционной работы по выяснению состояния и местопребывания фондов для истории древней русской литературы с целью уточнения данных в научной литературе».¹³

Академик Н. К. Никольский, по-видимому, болезненно переживал перестройку бывшей в его ведении КДЛ и слияние ее с КТБ. Он вообще считал, что такая реорганизация комиссии безосновательна. В 1930 г. Никольский просил у администрации Института новой русской литера- туры и Отделения общественных наук АН СССР создания определенных условий для работы КДЛ. В годовом рабочем отчете за 1931 г. он писал: «Ни дополнительного штата, ни дополнительных ассигнований, ни обу- рования помещения КДЛ в 1931 г. не получила. Наоборот, введенная в нее подкомиссия по составлению толковой библиографии осталась по-прежнему без штатных единиц, денежных ассигнований было назна- чено менее, чем в 1930 г. . . . Тем не менее значительная часть плана ее (КДЛ) работ оказалась выполненной».¹⁴

Как отмечено в отчете за 1931 г., подкомиссия по исследованию и изда- нию памятников древней русской литературы под руководством Н. К. Ни- кольского 1) уделяла внимание проработке методологических вопросов марксистского построения истории древнерусской литературы и критике имеющихся схем развития литературы древнейшего периода (кроме того, член КДЛ акад. А. С. Орлов по поручению комиссии сделал доклад «Книга как орудие социальной борьбы (по материалам русского средне- вековья)»); 2) уточняла в связи с текущими работами и составлением плана работ на 1932 г. предварительный план издания древнерусской светской повествовательной литературы XVI—XVII столетий; 3) систе- матизировала библиографические материалы картотеки; 4) подготовила к изданию: а) Повести о Фроле Скобееве (работа В. Ф. Покровской), б) По- весть о взятии Царьграда и Хождение Стефана Новгородца (работы акад. М. Н. Сперанского); 5) подготовила к изданию первый выпуск Трудов КДЛ (статьи акад. Орлова, Сперанского, Седельникова, Щегло- вой, Богдановой, Еремина); 6) подготовила к печати второй выпуск Тру- дов КДЛ (работы Сперанского, Чернышева, Ржиги и др.); 7) продолжала в связи с обнаружением новых материалов работу о революционных на- строениях в древнерусской литературе (работа М. Н. Куфаева); 8) вела

¹³ ААН, ф. 247, оп. 2, № 58, л. 11.

¹⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 9—11.

собрание библиографических материалов и текстов повестей о птицах (работа Н. Н. Зарубина), о табаке (работа М. Н. Куфаева).

Была также продолжена работа по составлению библиографического труда «Bibliotheca. . . sloveno-rossica» и т. д.

На основании решения Отделения общественных наук от 24 ноября 1931 г. произошло соединение Института новой русской литературы с Комиссией по древнерусской литературе, и институт получил название Института русской литературы (ИЛИ или ИРЛИ). В комиссию дополнительно были введены зам. директора Института русской литературы Г. Е. Горбачев и академик-секретарь отделения А. Н. Самойлович.¹⁵ «Решение это, — пишет В. Н. Баскаков, — было утверждено общим собранием 28 февраля 1932 г., а несколько позднее комиссия была преобразована в Отдел древнерусской литературы, заведующим которого 4 мая 1932 г. назначается академик А. С. Орлов».¹⁶ Следовательно, временем создания Отдела (Сектора) древнерусской литературы (далее: ОДЛ или ОДРЛ) надо считать весну 1932 г. При этом КТБ, которой руководил В. Н. Перетц, сразу же объединилась с отделом, а КПДЛ, руководимая Н. К. Никольским, хотя формально и подчинялась отделу, но фактически работала самостоятельно. 10 декабря 1932 г. Н. К. Никольский представил руководству института «Отчет Комиссии по подготовке издания памятников древнерусской литературы при Отделе древнерусской литературы ИРЛИ за 1932 г.». В нем он писал: «В истекшем 1932 г. в связи со слиянием КДЛ с И(Н)ЛИ и образованием при ИРЛИ Отдела древнерусской литературы, в состав которого наряду с Комиссией по составлению толковой библиографии вошла также и Комиссия по подготовке издания памятников древнерусской литературы, работы последней протекали при крайне неблагоприятных условиях».¹⁷ В ряду этих «неблагоприятных условий» Н. Никольский называл: уменьшение числа штатных сотрудников (остались сам Никольский и Н. Н. Зарубин; В. Ф. Покровская перешла в Отдел древнерусской литературы, в комиссию В. Н. Перетца, была сокращена ставка М. Н. Куфаева), далее — прекращение отпуска средств (что вполне объяснимо, так как средства выделялись теперь на весь отдел в целом), неурегулирование вопроса с помещением КПДЛ. Дело в том, что, как уже упоминалось, комиссия размещалась в Детском Селе, в доме, принадлежавшем ранее акад. Н. К. Никольскому (Октябрьский бульвар, д. 37), и работа с картотеками КПДЛ была затруднена для сотрудников отдела.

Насколько акад. Н. К. Никольский противился созданию Отдела древнерусской литературы и непосредственному участию в его работе, считая ее ненаучной и нецелесообразной (что, несомненно, тормозило деятельность отдела), видно из отзыва В. Н. Перетца о статье Н. К. Никольского «О перспективах деятельности КПДЛ во вторую пятилетку». Статья Н. К. Никольского, направленная в руководящие инстанции ИРЛИ, по-видимому, не сохранилась, а отзыв В. Н. Перетца в машинописном варианте, датированный 1933 г., находится в архиве В. П. Адриановой-Перетц (РО ИРЛИ, ф. 728; архив не разобран). В своем отзыве, адресованном, как можно предположить, руководству Института русской литературы, В. Н. Перетц упоминал об обстоятельствах, при которых работа КПДЛ «была оживлена в 1928 г.». Вначале комиссия была исключена

¹⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1932), № 5, л. 102.

¹⁶ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 128. — См. выписку из протокола Отделения общественных наук от 5 октября 1932 г., № IV, § 23: «ИРЛИ, академиком А. С. Орлову, В. Н. Перетцу, Н. К. Никольскому.

Академик-секретарь доложил выписку из протокола заседания президиума Академии наук об утверждении академика А. С. Орлова Зав. Отделением древнерусской литературы ИРЛИ, акад. Н. К. Никольского — председателем Комиссии по подготовке издания памятников древнерусской литературы и акад. В. Н. Перетца — председателем Комиссии по составлению толковой библиографии того же отдела ИРЛИ. Постановлено: утвердить» (ААН, ф. 763, оп. 2, № 39, л. 2).

¹⁷ Материалы отчета комиссии см.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 18.

тогдашним Научным советом из списка академических научных учреждений, и только благодаря выступлению В. Н. Перетца, доказавшего необходимость продолжения работы комиссии, она была вновь включена в список и акад. Н. К. Никольскому предоставлены 3 вакансии штатных сотрудников. В. Н. Перетц писал о непродуктивности КПДЛ, «за 5 лет осуществившей издание небольшого памятника» (имелась в виду публикация работы Н. Н. Зарубина о «Молении Даниила Заточника» с изданием текста в Трудах КПДЛ в 1932 г.). «Неудачной организацией работы и подбором сотрудников следует объяснять злосклония КПДЛ, а не слиянием ее с ИНЛИ или с ИРЛИ», — писал В. Н. Перетц. Н. К. Никольский, по его мнению, не сумел привлечь к работе литературоведов-медиевистов. Кроме того, комиссия никак не была связана с разработкой общих вопросов истории литературы, которой занимались не только «древники», но и сотрудники Отдела новой литературы. «Прав ли акад. Никольский, — спрашивал В. Н. Перетц, — считающий, что отделы древней и новой литературы объединяет только „однозвучное слово «литература»“, входящее в их наименование?»

Далее в отзыве В. Н. Перетца последовательно, по пунктам разбираются все упреки Н. К. Никольского, сделанные Отделу древнерусской литературы. Прежде всего Никольский возражал против самого соединения КПДЛ с ОДЛ, против рабочего подчинения комиссии отделу: «Организационные формы, в которые неудачно влита в настоящее время ее (КПДЛ) научная деятельность, отчетливо указывают, что она обречена ими на непроизводительную работу и напрасную затрату ученых сил и народных средств». На это В. Н. Перетц отвечал: «Акад. Никольский принципиально возражает против самой возможности и целесообразности при современном состоянии науки объединения двух обособившихся уже разнородных научных дисциплин, не связанных между собой ни предметами изучения, ни приемами исследовательской методики».

По мнению Н. К. Никольского, «слово „литература“ в применении к средневековью имеет совершенно иное содержание и объем сравнительно со значением того же термина в применении к более поздним столетиям».

На это В. Н. Перетц отвечал: «Вряд ли надо в наше время подробно доказывать, что каждый памятник словесного творчества, каково бы ни было его содержание и первоначальное назначение, может быть изучаем и как продукт именно словесного искусства, с точки зрения его стилистики, художественного словесного оформления, его общественной функции . . . таким образом в выборе материала для изучения принципиальной разницы между историком новой и древней литературы нет. (Кстати, древняя литература не «переименована» в литературу эпохи феодализма, как полагает акад. Никольский, а этим названием уточняется неопределенный термин «древний» и указывается отчетливо, при какой общественно-экономической структуре возникли памятники, входящие в кругозор историка, что, конечно, немаловажно при перестройке традиционной схемы истории литературы по векам».)

Н. К. Никольский выступал и против методики изучения древнерусских литературных памятников, проводимого ОДЛ. Он упрекал его сотрудников в том, что доклады, прочитанные ими в 1933 г., не выходили из рамок устаревшего формально-филологического метода.

В связи с этим В. Н. Перетц писал: «Ни идеалистическое, ни материалистическое освещение литературного материала невозможно до тех пор, пока самый материал не будет переработан приемами строгой филологической критики. И в этом моменте работы, первом во всяком, правильно построенном научном исследовании, историк новой и древней литературы сойдутся на одном и том же методе. . . И тот и другой оперируют с рукописями, сверяют их, выбирают чтения, подводят варианты, комментируют их, объясняя, почему предпочитается тот или иной список, то или иное

отдельное чтение. Приемы критики текста, датировки памятника, определения автора и среды необходимы всякому историку литературы, какой бы эпохой он ни занимался. Следовательно, на этом первом этапе обработки литературного материала филологические разыскания необходимы представителям обеих объединенных в ИРЛИ научных дисциплин. . . Подходить к своему источнику оба должны с одними и теми же строго научными требованиями, не допускающими возможности исторических обобщений до предварительного критического исследования материала во всеоружии „старого“ филологического метода.

Весьма полезно сотрудничество историков древней и новой литературы там, где исследование подходит к самому ответственному моменту — к обобщениям, к обработке подготовленного материала на основе диалектического материализма. Исходные методологические предпосылки, основные задачи здесь будут одни и те же у историков всех периодов русской литературы. . . Здесь необходимо привлекать к обсуждению каждого отдельного вопроса возможно большее количество научных работников, хотя бы материал, которым каждый из них занимается, и отстоял хронологически далеко. Цель, которую впереди имеет ИРЛИ в полном своем составе, — построение истории русской литературы на всем ее протяжении на основах новейшей методологии, — должна быть достигнута в процессе общей работы над освоением этой новой методологии. Практика последних заседаний ОДЛ, где присутствовали и сотрудники ОНЛ (Отдела новой литературы. — *М. Р.*), показала, насколько плодотворной и интересной может быть такая совместная работа. . .

Итак, на всех этапах историко-литературного исследования сотрудничество ОДЛ и ОНЛ принципиально не только не вредно, как это пытаются доказать акад. Никольский, но оно необходимо».

Но Н. К. Никольский не только не видел возможности сотрудничества исследователей новой и древней русской литературы, он упрекал сотрудников ОДЛ в недостатке «широких запасов знаний, недостаточной квалификации». В своем отзыве В. Н. Перетц показал необоснованность обвинений Н. К. Никольского, поскольку они были абсолютно голословны и не подтверждались сколько-нибудь серьезным разбором статей и докладов членов ОДЛ. В ответ на замечание Н. К. Никольского о том, что темы докладов на заседаниях отдела неактуальны, узки и ничего не прибавляют к общей картине развития древнерусской литературы, В. Н. Перетц писал: «Поскольку основной проблемой, какую ставит себе отдел на 1933 и 1934 гг., является общая композиция истории русской литературы феодального периода, — каждый новый литературный факт, вводимый тем или иным членом отдела в научный кругозор, представляет ценность для выполнения плана, равно как и новое освещение ранее бывших известными фактов. Из перечня докладов, читавшихся на заседаниях ОДЛ, можно видеть, например, что отдел уделил внимание памятникам той массовой литературы XVII—XVIII вв., которые оставались в тени до сих пор, но которые существенно необходимы для перестройки самой схемы истории литературы XI—XVIII вв.».

Естественно, для того чтобы осуществить такую перестройку на основе новых фактов и нового освещения этих фактов, необходимо было критически осмыслить предшествующие построения истории литературы. Н. К. Никольский не видел научной пользы в этом. Он писал, что критика существовавших историй литературы «есть для отдела занятие праздное, более пригодное для университетских просеминариев, чем для Академии наук».

В отзыве В. Н. Перетца читаем: «Мнение по меньшей мере странное. Отмахнуться от всех существующих построений схемы истории древней литературы, назвав их вообще „ненаучными“, как это делает акад. Никольский, конечно, недостаточно».

. . . Дефект старых историй литературы не только в неправильном

освещении фактов, но — что важнее — в отсутствии многих литературных фактов, ставших известными позже и изменяющих нередко самую схему построения.

Вот почему ОДЛ и формулирует свою вторую задачу так осторожно: „начальная наметка основных линий новой программы для композиции истории литературы, т. е. собирание недостающего для всей композиции материала“. Между тем акад. Никольский почему-то увидел в этой задаче стремление отдела создать какую-то „предвзятую композицию“, которая предварит собирание и исследование фактов. Конечно, во всех его критических замечаниях, направленных против этой проблемы плана, заключается сплошное недоразумение. . . Не потому, что „старые специалисты не проходили курсов политграмоты и диамата“, а „молодняк склонен к левизне“ (Н. К. Никольский), не будет в ближайшее время построена композиция истории древней русской литературы, а потому, что для этого еще не приготовлен материал, над собиранием и обработкой которого по мере своих сил и работает ОДЛ и который должен быть собран и издан КПДЛ. Для успешного продолжения его работы, конечно, нужна активная работа и критика, но серьезная, плодотворная, критика фактов, критика примерами собственной работы, а не голословные субъективные оценки — не убедительные и безрезультатные». В. Н. Перетц считал, что Н. К. Никольский как руководитель КПДЛ не понимал всей важности задач ее работы, т. е. планомерного, научного издания памятников древнерусской литературы на основе их всестороннего изучения. Комиссия не стала, к сожалению, тем центром, который объединял бы усилия не только исследователей древнерусской письменности, но специалистов смежных областей знания. А именно в таком объединении исследовательских усилий и видел необходимое условие плодотворной работы по изучению литературы и — шире — культуры Древней Руси В. Н. Перетц, а вместе с ним возглавивший отдел А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. Именно таким центром их усилиями стал ОДЛ. Напротив, Н. К. Никольский не стремился привлечь к работе других исследователей, кроме штатных сотрудников КПДЛ — М. Н. Куфаева, В. Ф. Покровской и Н. Н. Зарубина.

«Даже академики работали вне КПДЛ, — писал в отзыве В. Н. Перетц, — а например, московские литературоведы, на которых обращал внимание акад. Никольского акад. М. Н. Сперанский, не были привлечены к работе. Это неумение или нежелание объединить, организовать даже небольшие наличные силы неминуемо должно было повести к изолированности КПДЛ. Работа в области изучения древнерусской литературы шла мимо нее, и поступавшие в Академию наук работы — а таковые были — появлялись в печати не по вине КПДЛ». К участию же в Трудах ОДЛ сами В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов старались привлечь как можно больше серьезных ученых. Это были: чл.-кор. Вс. И. Срезневский, чл.-кор. А. Д. Айналов, П. К. Симони, В. В. Майков, проф. В. А. Десницкий, В. Л. Комарович, «старейший из учеников акад. Истрина Г. П. Бельченко» (как выразился В. Н. Перетц), проф. М. А. Яковлев, С. Д. Балухатый, В. В. Буш, научные работники А. Б. Никольская, С. А. Щеглова, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев.

В. Н. Перетц писал: «Следует признать заслугой ОДЛ и его руководителя привлечение названных лиц, так как таким образом старые кадры литературоведов смыкаются с новыми в совместной работе».

На утверждение Н. К. Никольского, что «тематика ОДЛ стала в зависимость от личных интересов его членов», В. Н. Перетц отвечал: «Это совершенно не соответствует истине». Штатные работники, конечно, обязаны работать в плане, но и нештатные — также разрабатывают темы плановые. Если же среди их работ оказываются ценные в отношении методологическом или по содержанию, ОДЛ как единственный научный орган по изучению древней литературы не вправе отказать авторам в заслушании

работы, разборе ее и консультации». Все нежелание Н. К. Никольского согласовать научную деятельность КПДЛ с планами ОДЛ, соотнести между собой первоочередные и второстепенные задачи работы по собиранию, изучению и изданию памятников древнеславянской письменности акад. В. Н. Перетц объяснял в своем отзыве «неосведомленностью акад. Никольского в вопросах новейшего научного литературоведения». Сохранившийся в машинописном виде отзыв В. Н. Перетца на статью Н. К. Никольского не закончен. На последнем листе запись карандашом: «... считать справедливыми требования Н. К. Никольского к руководству института беспрепятственно выдавать бумагу для нужд КПДЛ и возмещение денежного долга, возникшего в результате упразднения одной штатной единицы при слиянии КПДЛ с ИРЛИ». Об этом Н. К. Никольский в своей статье писал так: «После реформы 1932 г. КПДЛ стала в административную и бюджетную зависимость от ИРЛИ, мало заинтересованного в научных успехах искусственно присоединенной к ней организации». Н. К. Никольский требовал вернуть эту штатную единицу КПДЛ и огорчился, что она не включена в план 1934 г., однако в ней более нуждалась КТБ, также входящая в состав ОДЛ. Ведь в ней работали внештатно все те же члены отдела. По этому поводу В. Н. Перетц замечал: «Что же касается должности научного сотрудника для КТБ, то вполне естественно, что отдел, обязанный следить за тем, чтобы интересы всех его комиссий были обеспечены сметой, при возможности получить только одного нового сотрудника, назначает его для той комиссии, которая в настоящее время не имеет ни одной штатной единицы, а не для той, которая все-таки обслужена двумя». Поэтому В. Н. Перетц предполагал обратиться к администрации института с просьбой, «чтобы 2 работника были даны отделу с 1 января 1934 г. ввиду развертывания им работы: отсутствие работников срывает план».

Конечно, эта разница взглядов на то, как должна строиться работа по изучению древнерусской литературы в Академии наук, была вызвана вовсе не личными взаимоотношениями ученых. Дело в другом. Н. К. Никольский при своей огромной эрудиции и доскональном знании древних рукописей не видел во всем богатстве древнерусской письменности системы литературных фактов и событий и не воспринимал, по-видимому, историю древнерусской литературы как историю развития определенных жанрово-стилистических явлений. «Картотека Никольского», хранящаяся ныне в Рукописном отделе БАН, содержащая наиболее полные сведения о древнерусских рукописях и их переписчиках, не потеряла своего научного значения, и ею пользуется уже не одно поколение исследователей.

История КПДЛ и подготовленных ею материалов в виде картотеки подробно освещается в справке об Отделе древнерусской литературы, составленной его председателем А. С. Орловым,¹⁸ и в машинописном отчете о работе ОДЛ в 1937 г.,¹⁹ без подписи, но, по-видимому, составленной также А. С. Орловым, так как он хранится в его фонде. В справке говорится: «До мая 1936 г. при ОДЛ находилась Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ). Задача этой комиссии — собрать исчерпывающие сведения о всех рукописных памятниках древнерусской книжности, включая сюда и сведения о литературных памятниках. Используя печатные описания рукописных собраний, комиссия предпринимает описание неописанных рукописных фондов. В итоге работы в картотеке комиссии должны быть собраны сведения о всех сохранившихся списках каждого литературного памятника. Кроме того, комиссия предполагала взять на себя подготовку копий с рукописных списков литературных памятников, которые намечались к изданию ОДЛ. Комиссия имела кроме председателя (акад. Н. К. Никольского)

¹⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), л. 19. Машинопись.

¹⁹ ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 39.

двух штатных сотрудников — Н. Н. Зарубина, М. Н. Куфаева». «За время до 1932 г., — писал А. С. Орлов в отчете, — КИДЛ выпустила лишь один том серии „Памятники древнерусской литературы“, но сосредоточила свое внимание на составлении картотеки „Рукописной книжности древнерусских библиотек“. В картотеку, по мысли Н. К. Никольского, должны были войти сведения о всех сохранившихся рукописных книгах XI—XVIII вв. После присоединения в 1932 г. КИДЛ к Институту русской литературы комиссия вошла в состав Отдела древнерусской литературы, но фактически продолжала вести работу вполне автономно, не считаясь с плановыми задачами отдела. Комиссия имела свой план, не зависящий от плана отдела. Система работы в комиссии всецело определялась взглядами на ее задачи акад. Никольского, и по-прежнему все силы сотрудников употреблялись на пополнение картотеки». Далее А. С. Орлов подробно изложил положение дел с картотекой КИДЛ (картотекой Никольского). После смерти акад. Н. К. Никольского (25 марта 1936 г.), по постановлению комиссии, созданной для распределения между учреждениями Академии наук его рукописного и книжного наследия, из библиотеки академика, составлявшей собой собственность Академии наук (за много лет до смерти Никольский сам передал ее туда), должны были быть выделены книги по древнерусской и славянским литературам и переданы Отделу древнерусской литературы ИРЛИ «для образования в нем кабинета древнерусской литературы». Кроме этих книг отделу полагалась и принадлежащая институту картотека КИДЛ. Обращаясь к заместителю директора ИРЛИ Ю. Г. Оксману, А. С. Орлов писал 1 апреля 1936 г.:

«Отдел древней литературы просит принять меры к тому, чтобы в возможно более быстрый срок перевезти из Детского Села картотеку Комиссии по изданию памятников древней литературы. Эта картотека может быть размещена в библиотеке Института литературы, где немедленно будет начата работа по ее систематизации, крайне необходимая для очередной работы ОДЛ по созданию проспекта истории русской литературы эпохи феодализма.

При распределении книжного фонда акад. Н. К. Никольского ОДЛ просит сохранить для Института литературы все книги по истории древнерусской, славянских и византийской литератур, необходимые для организации кабинета древней литературы».²⁰

Почти все уже было перевезено, но 19 мая 1936 г. пришло телеграфное распоряжение акад. Горбунова о передаче всей библиотеки акад. Никольского и картотеки КИДЛ в БАН. Рассказывая далее о сложностях пользования картотекой в БАН, А. С. Орлов пишет о том, как научного сотрудника ОДЛ В. Ф. Покровскую, преодолевшую противодействие сотрудников БАН и все же работавшую с картотекой в Рукописном отделе библиотеки, остановили для проверки сделанных ею выписок. Руководством библиотеки В. Ф. Покровской было запрещено вынести эти записи из помещения Рукописного отдела.

Итак, документы свидетельствуют, что уже весной 1932 г. отдел существовал как самостоятельная единица и не просто формально существовал, но начал целенаправленно и интенсивно работать. Как показывают материалы ААН, уже 17 апреля 1932 г. состоялось заседание Отдела древнерусской литературы, на которое был приглашен Н. К. Никольский (приглашение содержится в записке, подписанной А. С. Орловым). Заседания состоялись также 9 и 29 мая. На последнем обсуждался доклад М. Я. Яковлева о проблеме литературных заимствований. «С самого начала, — вспоминает Д. С. Лихачев, — отдел стал центром изучения древнерусской литературы, в работе которого на общественных началах принимали участие все ленинградские и московские специалисты. На заседания отдела приходили не только его сотрудники (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-

²⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19, л. 15.

Перетц, И. П. Еремин, М. О. Скрипиль, В. Ф. Покровская и Д. С. Лихачев), но и все, кого интересовала древняя русская литература, начиная от студентов и кончая академиками. . .» (Л и х а ч е в Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3). Реорганизацию Комиссии по древнерусской литературе с ее двумя подкомиссиями в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ, которую акад. Никольский считал губительной для КДЛ, акад. А. С. Орлов в отчете за три года работы отдела (с 1931 по 1934 г.) называл плодотворной. Несмотря на прежнее количество штатных единиц (в 1931 г. в КДЛ их было три, затем, в 1932 и 1933 гг., — две и с 1 февраля 1934 г. — снова три: это М. Н. Куфаев, Н. Н. Зарубин, В. Ф. Покровская; М. Н. Куфаев был уволен, затем восстановлен), отдел повысил свою продуктивность, как это видно из числа выпущенных им изданий. «Сохраняя в своих исследовательских и библиографических предприятиях преемственную связь с КДЛ, — указывал А. С. Орлов, — ОДЛ в последние три года соотносит свои производственные планы с общими задачами, выдвигаемыми ИРЛИ в целом».²¹

В 1932 г. была утверждена новая редакция Положения об Институте русской литературы, по которой научно-исследовательский сектор, переименованный так из историко-литературного, разделялся на два основных отдела: 1) древнерусской литературы и 2) новой русской литературы.²²

Итак, Отдел древнерусской литературы начинает работать как единое целое с 1932 г. Уже осенью этого года у А. С. Орлова возникает замысел написания «Истории русской литературы», осуществлению которого он хочет подчинить все научные усилия сотрудников отдела. 30 сентября 1932 г. он писал непременно секретарю Отделения общественных наук акад. А. Н. Самойловичу в связи с составлением планов научной работы на вторую пятилетку: «Мне кажется, что на 2-е пятилетие в области изучения древнерусской литературы необходимо усилить именно методологическую сторону работы, бывшей до сих пор по преимуществу источниковедческой и библиографической. Во 2-й пятилетке необходимо, наконец, создать схему общей композиции истории русской литературы эпохи феодализма (в отрезке от XI до 1/2 XVIII в.) на основе марксистской методологии. . . Я категорически возражаю против мнения, что еще не наступило время для осуществления общей композиции истории древнерусской литературы, потому будто бы, что не все памятники этой литературы вскрыты и исследованы. . .».²³

То, что отдел как научная организация существовал начиная со второй половины 1932 г., доказывают материалы ААН 1933 г. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что уже в марте, ноябре и декабре проходили научные заседания отдела (на самом деле они, очевидно, устраивались чаще). Постоянными участниками дискуссий и слушателями докладов в это время были А. С. Орлов, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. В. Айналов, Н. Н. Зарубин, С. А. Щеглова, В. Ф. Покровская, Н. К. Никольский, В. В. Майков, П. Н. Берков, П. К. Симони, М. А. Яковлев. Осенью в отделе появляются два аспиранта — И. Шиманов и Н. И. Тарасов.

Сохранились ответы на запрос председателя ОДЛ А. С. Орлова о возможных докладах на заседании отдела в 1934 г. Почти все заявленные доклады, как видно из протоколов заседаний и повесток, состоялись.²⁴ Сохранился отчет акад. А. С. Орлова о выполнении отделом рабочего плана 1933 г. и план работы на 1934 г., а также объяснительная записка руководству Академии наук по поводу плана работы всего института на 1934 г. В ней говорилось: «Отдел древней литературы концентрирует

²¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 16, л. 17.

²² См.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 79—80.

²³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 6, л. 31.

²⁴ Там же, № 16, л. 1—2.

свое внимание на изучении воинских повестей, пародийно-сатирической и драматической литературы под углом зрения построения основных линий новой марксистской композиции истории литературы». Конкретно это должно было выразиться в «теоретической работе по проблеме заимствования, в окончании работ по московским воинским повестям, в исследовании и подготовке к изданию памятников пародийно-сатирической литературы, в подготовке к изданию корпуса драматических произведений XVII—XVIII вв. доклассической традиции». Предполагалась также серьезная работа по подготовке к изданию библиографии по древнерусским повестям.²⁵

В уже упомянутом отчете ОДЛ за 1931—1934 гг., составленном акад. С. А. Орловым, говорилось (с учетом научной терминологии своего времени): «. . .имея главной целью подготовку материала для построения истории литературы с XI по XVII век на основах марксо-ленинской методологии, ОДЛ планирует свою работу в трех направлениях: 1) обсуждает в докладах и печатных статьях вопросы марксо-ленинской методологии в применении к памятникам литературы эпохи феодализма и схемы периодизации истории литературы этого времени; 2) исследует памятники, не вошедшие до сих пор в историю литературы, недостаточно изученные и особенно ярко отражающие моменты классовой борьбы в эту эпоху; 3) ведет библиографическую работу по выявлению наличности рукописного материала и подводит итоги исследовательской и издательской деятельности в области древнерусской литературы в прошлом».²⁶ Итогом работы ОДЛ за три года явились следующие издания (учтены и внештатные авторы).

1. Труды Комиссии по древнерусской литературе. 1 (1932. 216 с.);
2. Труды Отдела древнерусской литературы. 1 (1934. 359 с.);
3. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова (1934. 594 с.);
4. В. Н. Перетц. «Рукописи библиотеки Московского университета. Самарских библиотеки и музея и минских собраний» (1934. 193 с.);
5. М. Н. Сперанский. «Новгородские повести» (1934. Научно-популярная серия);
6. А. С. Орлов. «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв.» (1934. 169 с.);
7. В. Н. Перетц. «Выставка массовой русской литературы XVIII в. Путеводитель» (1934. 27 с.).

В октябре 1934 г. сдан в печать 2-й том ТОДРЛ (23 а. л.).

К 1934 г. в отделе определился круг исследований по древнерусской литературе. Сохранился проект положения о научно-исследовательской работе Института русской литературы, составленный в 1934 г. Ю. Г. Оксманом, бывшим тогда одним из заместителей директора. Об ОДЛ в этом проекте говорится:

«Отдел древней литературы (эпоха раннего феодализма XI—XVII вв.) распадается на группы:

1. Группа изучения повести и драмы.
2. Группа изучения пародийно-сатирической литературы».

«При отделе, — говорилось далее, — состоят две комиссии:

1. Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы.

2. Комиссия по составлению толковой библиографии».²⁷

Если учесть, что в это время штатными сотрудниками отдела были всего несколько человек (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, В. Н. Перетц, В. Ф. Покровская, И. П. Еремин (аспирант)), то очевидно, что работу

²⁵ См.: Там же, № 16, л. 54.

²⁶ Там же, л. 17.

²⁷ Там же, № 16, л. 46.

в обеих группах и комиссиях приходилось вести почти всегда одним и тем же сотрудником. Активное участие в работе отдела принял В. Л. Комарович: осенью 1934 г. он выступил с докладами на тему «Реальный субстрат легендарного града Китежа (по данным летописи)». ²⁸

После выхода в свет 1-го тома ТОДРЛ разгорелись споры вокруг принципов издания древнерусских текстов. Поводом явилась напечатанная в этом томе рецензия В. Н. Перетца на работу Н. Н. Зарубина «Слово Даниила Заточника». Н. Н. Зарубин, ученик акад. Н. К. Никольского, издал памятник, пользуясь принципом, которым руководствовались многие его предшественники, по древнейшим и потому уже, как они считали, лучшим спискам, не изучая путем тщательного текстологического сопоставления списков всю литературную историю памятника. Эта рецензия В. Н. Перетца вызвала возражения Н. К. Никольского. Он написал письмо на имя А. С. Орлова, где выступил против выработанной В. Н. Перетцем и его учениками методики издания древнерусских текстов. Сохранились черновики этого письма, в котором, в частности, говорилось: «Издания текстов по лучшим и древнейшим спискам без так называемых исследований не только не отжили свой век, но являются предприятиями большинства академий наук (например Берлинской, Венской и др.) и научных учреждений, и это делается не без оснований». ²⁹

Однако мнение Н. К. Никольского, как известно, не вызвало поддержки со стороны редколлегии Трудов, так как методы издания, применяемые В. Н. Перетцем, были научно обоснованы.

В 1934 г. отделом в большом объеме планировалась и так называемая научно-вспомогательная работа. Комиссия по учету памятников литературы (так иногда в документах называется КПДЛ Никольского) планировала: 1) продолжение подготовки издания «*Bibliotheca sloveno-rossica*» (до 10 а. л.); 2) продолжение учета и библиографирования сохраняющихся в рукописях литературных памятников (до 2500 карточек); 3) продолжение подбора и библиографического комментирования памятников (сырого материала) по темам научно-исследовательской работы ОДЛ; 4) пополнение, систематизацию и вообще ведение специальной картотеки комиссии. ³⁰

Комиссия по составлению толковой библиографии предполагала продолжить в 1934 г. библиографирование периодических изданий (до 20-ти), систематизацию, пополнение и подготовку к печати библиографии русских повестей до XVIII в. включительно, развернуть начальные работы по подготовке библиографии «русской драмы доклассической традиции». Особое внимание уделялось отделом важной в то время задаче подготовки кадров. Систематические занятия с аспирантами по древнерусской литературе, языку и палеографии проводились акад. А. С. Орловым и В. Н. Перетцем, по русскому фольклору — В. П. Адриановой-Перетц. Число аспирантов решено было увеличить в 1934 г. до трех человек. Однако сделать это не удалось. В записке А. С. Орлова (1936 г.) говорилось: «Выпуская к январю 1937 г. своего единственного аспиранта, ОДЛ, крайне нуждающийся в пополнении своего состава молодыми квалифицированными научными силами, находит необходимым, чтобы за ним было закреплено не менее двух вакансий для аспирантов-докторантов». ³¹

²⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), л. 136.

²⁹ ААН, ф. 247, оп. 2, № 59, л. 8—9. — В архиве Н. Н. Зарубина, недавно найденном А. Г. Тимофеевым, сохранилось ходатайство Н. К. Никольского от 17 декабря 1935 г. о присвоении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения («*Honoris causa*»), в котором Н. К. Никольский также полемизирует с В. Н. Перетцем. Существовал и ответ самого Н. Н. Зарубина на рецензию В. Н. Перетца, предназначенный, по свидетельству Н. К. Никольского, для 3-го тома ТОДРЛ, однако он не был напечатан. За эти сведения и возможность ознакомиться с архивом Н. Н. Зарубина благодарю А. Г. Тимофеева.

³⁰ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), л. 48—48 об.

³¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19.

В это же время отдел включается в подготовку работы по созданию учебника по древней русской литературе для вузов. Написание разделов учебника осуществлялось позже, но уже 16 февраля 1934 г. А. С. Орлов послал в Учпедгиз письмо с просьбой учесть работу Отдела древнерусской литературы ИРЛИ:

«Узнав о подготовке Вашим Издательством стабильных учебников для вузов по русской литературе эпохи феодализма, я считаю необходимым указать, что в Институте русской литературы Академии наук СССР под моим руководством работают отделы древнерусской литературы и литературы XVIII века, и поставить вопрос о том, что было бы целесообразно в интересах дела согласовать содержание учебников с этими отделами ИРЛИ».³²

На рабочем заседании ОДЛ 27 декабря 1934 г. по предложению А. С. Орлова постановили впредь печатать в Трудах ОДЛ протоколы заседаний с подробным изложением докладов и прений.

В 1935 г. на заседаниях отдела более или менее постоянно присутствовали и принимали участие в обсуждении докладов А. С. Орлов, В. В. Майков, М. О. Скрипиль, В. Г. Чернобаев, В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович, Д. В. Айналов, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская, Н. Шиманов, В. В. Гейман, Н. Ф. Бельченко, Е. А. Рыдзевская, Н. Н. Зарубин, М. П. Алексеев, П. К. Симони, П. Н. Берков, Н. П. Колпакова. Определились и основные темы исследований отдела в зависимости от того, какой проблемой, каким материалом занимались сотрудники. Это — «Повесть о Савве Грудцыне» (во всех аспектах) у М. О. Скрипиля, сочинения Ивана Вишенского — у И. П. Еремина, сатирическая литература XVII в. и библиография древнерусской литературы — у В. П. Адриановой-Перетц, древнерусское изобразительное искусство и его связи со средневековой литературой — у Д. В. Айналова, польская литература XVII—XVIII вв. — у В. Г. Чернобаева, летописание (историческое повествование) и «Китежская легенда» — у В. Л. Комаровича,³³ демократическая литература XVII—XVIII вв. и библиография древнерусской повести — у В. Ф. Покровской. Сохранился документ,³⁴ сообщающий о том, что в 1935 г. Н. К. Никольский поручил М. В. Щепкиной и Е. П. Борисовой — сотрудницам Рукописного отдела ГИМа — составить полный карточный каталог: 1) пергаменных рукописей; 2) датированных рукописей по всем собраниям, хранящимся в ГИМе.

В письме В. П. Адриановой-Перетц от 7 апреля 1936 г. М. В. Щепкина сообщила, что осенью 1935 г. Н. К. Никольскому были отправлены 500 карточек для каталога, а еще 500 были изготовлены к 1 января 1936 г., но не отосланы в Ленинград, а оставлены в Москве, в Рукописном отделе ГИМа. В 1936 г. было написано еще около 140 карточек, которые также не посылались Н. К. Никольскому. М. В. Щепкина интересовалась судьбой отосланных карточек и задавала вопрос, куда отослать уже готовые. Таким образом, работа по описанию рукописей продолжалась.

«Конституция» ИРЛИ 1936 г. подтверждала существование ОДЛ в составе научно-исследовательского сектора. Она утверждала председателем отдела А. С. Орлова, ученым секретарем — Адрианову-Перетц.³⁵

³² ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 16, л. 37. Машинопись.

³³ 21 марта и 3 апреля 1935 г. В. Л. Комаровичем были прочитаны соответственно два доклада: «Опыт изучения местной легенды (Китежская легенда)» и «Редкий случай устной и письменной традиций».

³⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19, л. 26—27.

³⁵ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 3. «С момента образования Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме, — пишет Д. С. Лихачев, — она (В. П. Адрианова-Перетц. — М. Р.) была фактически его руководителем, ведя на правах секретаря всю организационную работу при заведующем — академике А. С. Орлове, привлекая докладчиков, выполняя техническую работу по созыву совещаний, по составлению и редактированию „Трудов Отдела древнерусской литературы“» (Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3).

В 1936 г. замысливается издание неопубликованных работ, а также переиздание старых трудов ученых-предшественников. Так, В. П. Адрианова-Перетц готовит к печати часть оставшихся неизданными материалов А. А. Шахматова о «Повести временных лет»,³⁶ а А. С. Орлов предлагал переиздать работы А. И. Лященко об исследованиях былинного эпоса и разысканиях о летописных преданиях. Планировалось издание книги «Советское литературоведение за 20 лет», в которой большое место отводилось обзору итогов изучения древнерусской литературы.³⁷

В 1936 г. начинается планомерная работа над «Историей русской литературы» в 10-ти томах. В 1937 г. был разработан подробный план этого издания и сформирован коллектив работников.³⁸

«Тесно связано с замыслом „Истории русской литературы“ все предвоенное развитие исследований по древнерусской литературе, заключающееся как в разыскании, изучении, публикации памятников, так и в историко-литературном и теоретическом осмыслении литературного процесса средневековья».³⁹

Все второе полугодие 1937 г. — это работа над составлением плана и обсуждение первых очерков для «Истории русской литературы».⁴⁰ И хотя в отчете о работе за 1937 г. А. С. Орлов отмечал, что «перед отделом стоит трудная задача — создание „Истории русской литературы“, из частных тем, сокращенных до минимума, в плане все же были сохранены те, «разработка которых необходима для заполнения существенных пробелов в литературоведении».⁴¹

С 1937 г. секретарем издания учебника по истории русской литературы и «Истории русской литературы» на договорных началах работает Д. С. Лихачев.

По теме «Переводная и оригинальная повесть XII—XVIII вв.» были написаны статьи А. С. Орловым, Д. В. Айналовым, М. О. Скрипилем, В. Ф. Покровской. Кроме того, В. Ф. Покровская продолжала работу над монографией «Рукописная повесть и роман XVIII в.»

По теме «Старинный театр и драматургия» И. П. Еремин подготовил статью «Народная драма „Царь Ирод“» (включена в 6-й том ТОДРЛ) и начал работу над научно-популярным очерком «Русский народный театр». В 1937 г. были подготовлены главы «Петрушка на Украине и в Белоруссии» и «Сценические эффекты народного театра».

По теме «Библиография древнерусской литературы» акад. А. С. Орлов подготовил статью «Изучение древнерусской литературы в 1917—1937 гг.» (включена в общеакадемический сборник «Наука в СССР за 20 лет»).

В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская подготовили аннотированную библиографию изданий и исследований по древнерусской литературе за 1917—1937 гг.

В 1937 г. отделом были напечатаны книги: А. С. Орлов. «Древняя русская литература XI—XVI вв.» (М.; Л., 1937); В. П. Адрианова-Перетц. «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.» (М.; Л.,

³⁶ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. См. также: Насонов А. Н. О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обзорение летописных сводов» // Проблемы источниковедения. Л., 1936. Сб. 2, кн. 2. — Сохранилось письмо В. П. Адриановой-Перетц к Б. Д. Грекову, в котором она узнавала, не собирается ли Институт истории, где хранились материалы А. А. Шахматова, сам их издавать. В случае, если такое издание не намечалось, она предлагала издать эти материалы в ОДЛ (ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19).

³⁷ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19.

³⁸ См. подробнее: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 41—43.

³⁹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 88.

⁴⁰ См. протоколы заседаний ОДЛ от 3 июня, 3, 11, 15, 27 октября, 11 ноября (формируется план работы на 1938 г., выносится постановление: работать над первым томом «Истории русской литературы» — XI—XV вв.), 1 и 27 декабря 1937 г. (ААН, ф. 150, оп. 1 (1937), № 27).

⁴¹ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 39.

1937). Сдана в печать рукопись А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XII—XV вв.». Подготовлены к печати следующие издания: 1) ТОДРЛ. Т. 4; 2) Библиография древнерусской повести (XII—XVII вв.) / Под ред. А. С. Орлова; подгот. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская.

1938 год ознаменовался сдачей в печать 1-го тома «Истории русской литературы» (XI в.—1220-е гг.).⁴² Кроме того, среди других работ — статей в учебник по истории русской литературы, подготовки «Библиографии древнерусской повести» — важным событием был 750-летний юбилей «Слова о полку Игореве». Была подписана к печати книга А. С. Орлова «Слово о полку Игореве», а 22—27 мая 1938 г. в Пушкинском Доме прошла юбилейная сессия. 3 апреля состоялось специальное заседание ОДЛ, где обсуждались вопросы ее подготовки.⁴³

Программа юбилейных мероприятий, предложенная ученому совету ИРЛИ, была такова.

1. Доклады в Москве и Ленинграде.

Акад. А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве» и основные проблемы его изучения.

Акад. Б. Д. Греков. Историческая эпоха «Слова».

Чл.-кор. Н. К. Пиксанов. «Слово» и фольклор.

И. П. Еремин. «Слово» в русской, украинской и белорусской художественной литературе XIX—XX вв.

Проф. А. А. Смирнов. Переводы «Слова» на западноевропейские языки.

Н. С. Тихонов. «Слово» и его эпические параллели (Песнь о Роланде, Фирдоуси, Руставели).

2. Выставка в конференц-зале ИЛИ «„Слово о полку Игореве“ в науке и искусстве».

3. Художественная часть — исполнение отрывков из оперы Бородина «Князь Игорь».

4. Издания:

А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве» / Исслед., текст и перевод. Сборник докладов.

Полная аннотированная библиография изданий, переводов и исследований «Слова о полку Игореве». 1800—1938 / Сост. В. П. Адрианова-Перетц.

В 1938 г. на заседаниях Отдела древнерусской литературы присутствуют: Д. В. Айналов, П. К. Симоны, П. Н. Берков, В. Л. Комарович, М. О. Скрипиль, Е. В. Вальденберг, Ю. В. Панышева, А. И. Никифоров, Ростовская, Телентюк, Е. А. Рыдзевская, М. А. Яковлев, М. С. Боровкова-Майкова, В. И. Малышев. Для работы над «Историей русской литературы» кроме штатных сотрудников были привлечены: К. В. Кудряшов, С. К. Шамбинаго, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, А. И. Васильев, В. Л. Комарович, М. Д. Приселков, Н. Н. Воронин. Сохранились письма к ним за подписью А. С. Орлова и ученого секретаря ИЛИ Ф. Ф. Канаева с просьбой принять участие в издании.⁴⁴

⁴² См. отчет отдела (ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), № 13, л. 1).

⁴³ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), л. 4—4 об.

⁴⁴ Там же, № 42, л. 34—39. — Но именно В. П. Адрианова-Перетц создала квалифицированный «авторский коллектив» «Истории». «Как ученый со специфическим складом ума — умением мыслить конкретно, — пишет Д. С. Лихачев, — Варвара Павловна хорошо знала цену живой связи наук, посвященных одному объекту — Древней Руси. Поэтому она охотно приглашала во все коллективные труды не только литературоведов-медиевистов, но и историков, искусствоведов, лингвистов, источниковедов и т. д. Так, в тринадцатитомной „Истории русской литературы“ — в тома, посвященные древнерусской литературе, — она пригласила участвовать наиболее замечательных из живших тогда русских историков — М. Д. Приселкова и Б. А. Романова, лучших специалистов по древнерусскому искусству — Д. В. Айналова и Н. Н. Воронина, крупного источниковеда Б. М. Боровского» (Лихачев Д. С. В. П. Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Т. 29. С. 5).

Начиная с зимы 1938 г. на заседаниях ОДРЛ обсуждаются отдельные главы для будущей «Истории». Так, 31 января обсуждалась работа В. П. Адриановой-Перетц о библейских сказаниях, 21 марта — глава И. П. Еремина «Оригинальная учительная литература Киевской Руси», 28 июня — глава А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве», 5 сентября — две главы В. П. Адриановой-Перетц: «Апокрифические сказания» и «Христианская гимнография», 10 сентября — ее же раздел о сборниках морально-философских изречений, 19 и 22 сентября — работы М. А. Яковлева о начале христианства в Киевской Руси и о «Девгениевом деянии», 29 сентября — глава И. П. Еремина «Переводная учительная литература», 4 октября — глава В. Л. Комаровича об истории создания «Повести временных лет», 10 октября — глава С. А. Бугославского об оригинальных житиях киевского периода, 16 октября — глава В. П. Адриановой-Перетц «Летопись как памятник литературно-художественный», 25 октября — глава В. Ф. Покровской «Византийская историческая литература», 16 ноября — глава В. Л. Комаровича о «Поучении» Владимира Мономаха. Одновременно с работой по написанию «Истории русской литературы» шла работа и над учебником по истории русской литературы для высшей школы. Так, 16 декабря 1938 г. обсуждалась глава о русской литературе Киевского государства, написанная В. П. Адриановой-Перетц, а 19 декабря — глава об областных литературах XIII—XIV вв., подготовленная М. О. Скрипилем.

25 ноября 1938 г. секретарь отдела В. П. Адрианова-Перетц докладывала на общем заседании ОДРЛ о ходе работы над учебником. На том же заседании ею было рассказано о намечаемых на 1939 г. изданиях отдела, в частности о специальном сборнике статей по «Слову о полку Игореве» (куда не включались работы юбилейного характера). Собрание этого издания было поручено И. П. Еремину.

В 1938 г. был сдан в печать 1-й том «Истории русской литературы» (XI в.—1220-е гг.) объемом 30 а. л., а также подписаны к печати две книги: 1) «Библиография древнерусской повести. Вып. 1» (подгот. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская); 2) «Библиография изданий, переводов, исследований „Слова о полку Игореве“» (подгот. В. П. Адрианова-Перетц).

Это итоги работы Комиссии по составлению толковой библиографии. Третья подписанная к печати книга — ТОДРЛ. Т. 4.

Личный состав Отдела древнерусской литературы на 1938 г. был следующим: зав. отделом — акад. А. С. Орлов, ученый секретарь — В. П. Адрианова-Перетц, старшие научные сотрудники — И. П. Еремин, В. Ф. Покровская и с 15 апреля 1938 г. — М. О. Скрипиль (см.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), № 13, л. 2), на договорных началах (а с 25 ноября 1938 г. в штате) Д. С. Лихачев.

Подводя итоги работы отдела в 1938 г., А. С. Орлов писал: «Главное внимание было уделено изучению древнерусской беллетристики . . . исследованию литературных памятников, особенно ярко отражающих классовую борьбу в изучаемую эпоху. ОДРЛ стремился монографическим изучением отдельных памятников или их групп заполнить „белые пятна“, которых так много оставило нам в области истории русской литературы средних веков дореволюционное литературоведение.

В соответствии с основным заданием в производственных планах ОДРЛ были выдвинуты четыре главные темы: „Древнерусская переводная и оригинальная повесть“, „Сатирическая литература“, „Старинный театр и драматургия“ и „Публицистическая литература средних веков“. Результаты отдельных работ по всем этим темам частью публикуются отделом в его „Трудах“ (вышло 3 тома, 4-й сдан в печать), частью составили содержание изданных монографий. Наибольшее внимание было сосредоточено на литературных явлениях XVII в. ввиду того, что именно в этом разделе истории русской литературы оказалось особенно много пробелов. Ори-

гинальная повесть и сатира XVII в. (работы М. О. Скрипиля, В. Ф. Покровской, С. К. Шамбишаго и В. П. Адриановой-Перетц) получили новое освещение и продемонстрированы на ряде новых памятников. Значительно углублено наше понимание текста „Слова о полку Игореве“ (в статьях акад. А. С. Орлова и чл.-кор. Д. В. Айналова). Пополнились сведения о старинном русском театре и его репертуаре (работы П. Н. Попова, В. П. Адриановой-Перетц), получили надлежащее осмысление некоторые публицистические произведения Древней Руси (работы И. П. Еремина и А. И. Некрасова), показан относительный параллелизм литературного процесса Киевской Руси современному ему западноевропейскому (статьи М. П. Алексеева и Е. А. Рыдзевской). В ряде своих работ (В. Ф. Покровской, В. П. Адриановой-Перетц) ОДРЛ стремится показать судьбу старой литературной традиции в рукописной и лубочной литературе XVIII в., готовя этим соответствующие разделы в истории литературы XVIII в., обычно совершенно обходящей эту „массовую“ литературу.

В 1936—1937 гг. ОДРЛ предпринял подготовку к печати неопубликованных работ покойного акад. А. А. Шахматова по истории русского летописания: исследование о составе летописных сводов XII—XV вв. и сохранившаяся в рукописи часть второго тома „Повести временных лет“ сданы в печать.

Стремясь довести до широких масс читателей достижения в области древнерусской литературы, ОДРЛ принимает участие в издании научно-популярной серии Академии наук. За минувшие годы акад. А. С. Орлов опубликовал в этой серии обзор переводных повестей XVI—XVII вв. и педагогический опыт изложения наиболее выразительных явлений древней русской литературы XI—XVI вв.

Параллельно научно-исследовательской работе ОДРЛ до начала 1936 г. Комиссия по подготовке и изданию памятников древнерусской литературы под руководством акад. Н. К. Никольского выявляла наличие рукописного материала по истории древнерусской литературы. После смерти акад. Никольского картотека комиссии, содержащая сведения о рукописных текстах литературных памятников XI—XVIII вв., перешла в Рукописный отдел Библиотеки АН СССР.

Учет изданий и исследований по истории древнерусской литературы пополнял библиографическую картотеку ОДРЛ, на основании материалов которой в ближайшем будущем сдается в печать подготовленный первый том „Библиографии древнерусской повести“.

Научно-исследовательская и библиографическая работа, которая велась ОДРЛ в течение четырех лет его существования, подготовила базу для выполнения основной задачи отдела — для создания „Истории русской литературы XI—XVII вв.“. В 1937 г. отделом разработан обстоятельный план этого издания и организован коллектив его исполнителей. К концу 1938 г. ОДРЛ обязуется представить на суд советского читателя первый раздел — „Историю литературы Киевского государства“.⁴⁵

К середине 1939 г. были закончены тома „Истории русской литературы“, посвященные средневековой литературе. В ААН сохранились отзывы А. С. Орлова (о третьем томе), В. А. Десницкого (о первой части второго тома), мнения Л. А. Плоткина и Н. К. Пиксанова, высказанные на обсуждении, рецензия на второй том М. Д. Приселкова.

Резко критический отзыв был написан акад. И. К. Лупполом и А. Н. Толстым. Они упрекали авторов в якобы недооценке самобытности и самостоятельности древнерусской литературы, в чрезмерном, с их точки зрения, увлечении «византийским влиянием», а также в расплывчатом понимании национальных особенностей культуры Древней Руси. На этот отзыв письменно ответили В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов, а также Н. К. Гудзий. Приведем некоторые тезисы из этих ответов.

⁴⁵ ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 41—43. Машинопись.

«Ответ на отзыв И. К. Луппола и А. Н. Толстого

А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц

23 XI 1939

. . . Резкость выражений . . . необоснованность выводов, построенных на произвольном истолковании выхваченных из контекста отдельных положений, оценка всего Введения вне связи с содержанием тома — все это превращает отзыв в рецензию, не помогающую в работе. . .

„Исторический очерк“, именуемый в рецензии „сухим“, должен дать в первую очередь политическую историю Киевской Руси, которая больше всего отражена литературой этого времени; без напоминания читателю, в надлежащем освещении, главных фактов этой истории непонятен будет и дальнейший анализ памятников, начиная с „Слова Илариона“ и кончая „Словом о полку Игореве“. . .

Статья об искусстве Киевской Руси . . . дает картину скрещения „разнообразных стилей“ на восточноевропейской равнине, явившегося результатом многообразных связей наших предков — с эллинской культурой, с востоком и юго-востоком Азии, Кавказом, Европой, Скандинавией. . . Статья . . . показывает полную аналогию процесса творческой переработки литературного и изобразительного материала, полученного Киевской Русью извне. Вместе с статьями о литературе она наполняет реальным содержанием тезис о прогрессивном значении принятия христианства и потому является необходимой в общей концепции 1-го тома.

О статье „Культурные связи Киевского государства“.

Нельзя ставить грань между политическими и культурными отношениями на том основании, что через 10 веков культурного материала об этих отношениях не сохранилось.

. . . Искажением исторической перспективы будет замалчивание некоторых фактов, сужение круга международных связей Киевской Руси. . .

Вопрос о встрече двух культур рецензенты неправильно переносят в плоскость оценки их сравнительной высоты.

В задачу литературоведа не входит изучение религиозного значения церковной литературы, но напомнить читателю, что эта литература формировала художественные вкусы средневекового книжника тем более необходимо, что в отличие от всех предшествующих „Историй древней русской литературы“ 1-й том нашего издания дает литературные характеристики тех церковных жанров, которые в обиходе литературоведов обычно фигурировали под именем „книжности“.

Из отзыва Н. К. Гудзия от 28 ноября 1939 г.: «Все изложение тома, в том числе и вступительные статьи, ставят себе задачей показать высоту культуры наших предков, нисколько не дискредитируемой тем, что русские на первых порах заимствовали чужие литературные богатства: народ ленивый и не любопытный не способен даже усваивать чужие ценности».

Из рецензии М. Д. Приселкова от 19 апреля 1940 г.: «Предложенный мне на консультацию по исторической части том „Истории древнерусской литературы“ (от начала XIII в. до конца XVI в.) должен прежде всего быть охарактеризован как большое научное достижение того ученого коллектива, который выполнил эту работу, и, в особенности, того редакторского руководства, которое наметило рамки темы и самый тип издания. Нет никакого сомнения, что это изложение захватит внимание широкого советского читателя, возбудит в нем живой интерес к прошлым судьбам Родины, многое уяснит ему из этого прошлого. Особенно нужно приветствовать это издание для молодых наших историков . . . перед нами правильно задуманная и увлекательно осуществленная работа, большое ученое достижение, большой вклад в дело нашей культуры».⁴⁶

⁴⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1939), № 30.

В. А. Десницкий возражал против того, что в разных местах «Истории» много говорилось о летописании, и предлагал вынести эти характеристики в отдельную главу. Ответ редакции был следующим: «Ведь исторические-то повести почти все вынуты из летописных сводов и для должного понимания их общественно-политических и художественных (стилистических) особенностей совершенно необходимо показать отчетливо — и именно здесь же, а не где-то в особой главе, — в каком комплексе эти повести бытовали. В том и отличие нашего тома от предшествующих характеристик исторических повестей XIII—XV вв., что мы даем их не в отрыве от того целого, в каком они создавались и бытовали. . . И где же, как не во введении к главе об исторических повестях, должна идти речь о борьбе общественно-политических тенденций, отчетливее всего сказавшейся в летописании.

. . . Если отделить летописание от других видов областной литературы, цельность историко-литературной концепции разобьется и единство литературного процесса обнаружить не удастся».⁴⁷

В планах отдела на 1940 г. по-прежнему первое место занимала дальнейшая работа над «Историей русской литературы». Так, на заседании ОДРЛ 21 января 1940 г. М. О. Скрипиль ознакомил собравшихся с написанной им главой «Легенда об Унженском кресте и Повесть о Юлианин Лазаревской». При обсуждении доклада В. Л. Комарович отметил: «В Повести об Юлианин основное достоинство — портретные черты самой героини. Ценность этого портрета (портретами бедна русская литература) необходимо особо подчеркнуть».⁴⁸ 27 февраля И. П. Еремин выступил с докладом о поэзии XVII в., в марте М. О. Скрипиль доложил о своих наблюдениях над «Синодиком», В. Ф. Покровская — над переводами с белорусского в первой половине XVII в. 9 мая С. К. Шамбинаго выступил с докладом «Повести о тверском Отроче монастыре и о начале Москвы», 15 мая — В. П. Адрианова-Перетц с изложением «Введения к литературе первой половины XVII в.», 27 мая — И. П. Еремин с докладом о театре XVII в. Все эти доклады были прочитаны по материалам, предназначенным для 2-го тома «Истории русской литературы».

Итоги работы над ним в первом полугодии обсуждались на заседании 9 июня 1940 г. Первая часть 2-го тома была готова для обсуждения на ученом совете 21 июня.

Во втором полугодии 1940 г. продолжалось обсуждение глав для второй части 2-го тома. Так, 26 сентября В. П. Адрианова-Перетц представила на обсуждение главу «Введение к литературе 1-й половины XVII в.», существенных замечаний по которой сделано не было (как отмечено в протоколе), 10 октября проф. В. Е. Вальденберг прочитал главу о публицистике второй половины XVII в., 17 октября И. П. Еремин — главу о старобрядческой литературе XVII в. (Елифаний, тема об Антихристе, «Отрагительное писание» Ефросина), 24 октября выступил В. Ф. Ржига с обсуждением главы о «Повести о Горе-Злочастии», 31 октября — Д. С. Лихачев с докладом о новгородско-псковской литературе времени Смуты. В течение ноября и декабря 1940 г. обсуждались главы по темам: «Смутное время в литературных памятниках времен Василия Шуйского» (В. Л. Комарович), «Украинское влияние в русской литературе XVII в.» (И. П. Ере-

⁴⁷ Там же. — Вспоминая о работе над «Историей русской литературы», Д. С. Лихачев пишет: «Мы в Отделе приступили к написанию первых двух томов десятитомной „Истории русской литературы“. Здесь мне пригодились мои старые мечты о создании настоящей истории русской литературы XI—XVI вв., интерес к летописанию и искусству Древней Руси. Я стал редактировать и писать. В первом томе параллельно готовившегося учебника для вузов „История русской литературы“ я писал разделы по истории русского искусства (моя идея) и написал их от XI до XVIII века включительно. Получилась миниатюрная история русского искусства, связанная с историей русской литературы» (Л и х а ч е в Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 32).

⁴⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1940), № 23, л. 1 и след.

мин), «Сибирское летописание» (Д. С. Лихачев). В работе ОДРЛ, как и в первые годы, по-прежнему активно участвуют не только литературоведы, но и историки, историки искусства, археологи — круг людей, занимающихся культурой Древней Руси. Часто с докладами и статьями в Трудах ОДРЛ выступал искусствовед проф. Д. В. Айналов, главы о древнерусском искусстве (зодчестве, живописи, прикладном мастерстве) в «Истории русской литературы» были написаны и обсуждались на заседаниях отдела Н. Н. Ворониным. Один из отзывов на первый и второй тома был написан М. К. Каргером.⁴⁹ Поэтому следует отметить, что помимо основной работы над «Историей русской литературы» — обсуждения ее отдельных глав — осенью 1940 г. на заседании отдела обсуждался доклад историка проф. Б. А. Романова «Древнерусский книжечий», построенный на анализе текста «Моления Даниила Заточника». Необычная для ученого «художественная» подача материала (автор доклада основывался на текстах, изданных Н. Н. Зарубиным, и признавался, что сама литературная история памятника его не интересовала), своя, личностная, точка зрения на исторические факты вызвала, как можно судить по сохранившемуся в ААН протоколу заседания, большой интерес и дискуссию. Этот доклад лег в основу большой работы Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (М.; Л., 1966). Д. С. Лихачев вспоминает: «Начиная с конца 30-х годов, Б. А. Романов постоянно бывал на заседаниях Сектора древнерусской литературы, принимал участие в обсуждении его работы, печатно выступал с рецензиями на издания сектора, участвовал в работе серии „Памятники литературы“ и охотно консультировал молодых специалистов сектора по вопросам древнерусской истории».⁵⁰

В 1940 г., одновременно с подготовкой «Истории русской литературы», выдвинулась и другая задача: составление теоретического сборника по древнерусской литературе. Этот сборник должен был быть посвящен проблеме влияний и взаимодействий в литературе.⁵¹ Было определено примерное содержание сборника, включающее следующие темы: 1) Народность в древней русской литературе. Своеобразие в связи с влияниями (А. С. Орлов); 2) Фольклор и древняя русская литература (М. О. Скрипиль); 3) Проблема западноевропейских влияний (И. П. Еремин); 4) Византийское влияние в древнерусской литературе (В. Ф. Покровская); 5) Проблема литературных взаимодействий (В. П. Адрианова-Перетц); 6) Древнерусская литература и изобразительные искусства (вопрос об их взаимодействии) (Д. С. Лихачев). Редакторами такого сборника предполагались А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. В предварительном проекте плана работы на 1940 г., составленном, по всей вероятности, А. С. Орловым, сказано, что сборник должен быть посвящен «в конечном счете (как вывод из всех статей) — проблеме народности в древнерусской литературе».⁵²

Уже по названию предполагаемой статьи А. С. Орлова видно, что вопрос о том, в чем же заключается своеобразие древнерусской литературы, он связывал прежде всего с ее национальными особенностями.

Позже, в 1944 г., в неоконченном и неотправленном письме В. П. Адриановой-Перетц по поводу ее «Заключения» к двум томам «Истории русской литературы» А. С. Орлов писал из санатория «Боровое» (Казах-

⁴⁹ «Широкая связь с представителями разных наук была особенно важной в методологическом отношении. Эта связь позволила поставить изучение древней русской литературы на прочную историческую базу. Так, когда понадобилось перед войной выработать более детальную, чем было до того принято, периодизацию древнерусской литературы, историческая периодизация, положенная в основу литературной, сыграла свою существенную и положительную роль. Начинать с нее было во всяком случае необходимо» (Л и х а ч е в Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Т. 29. С. 5).

⁵⁰ Л и х а ч е в Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 495.

⁵¹ Предварительный проект плана см.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 48.

⁵² Там же.

ская ССР) в Казань: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там, обычно покрытые коркой. Они везде таятся, их надо чуют и отыскать, и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой. „Образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т. д. — собственно ничего не говорящие термины, подстановка слов вместо существа явлений народности. Если бы эта тема была разработана, ее выводы могли бы проходить нитью, скрепляющей любой синтез средневекового материала, ведущей из прошедшего в будущее, в наше время и далее. . .»⁵³

Очевидно, в те же дни А. С. Орловым были написаны заметки об этом «Заклучении». Они не закончены и представляют собой, видимо, только набросок рецензии. В них говорится: «Своеобразие русское получилось от синтеза ряда причин в их развитии. Если начать с нуля, трудно дойти до числа из единиц, до суммы».⁵⁴

Однако проблема народности в литературе была предметом намечавшихся исследований не только для сотрудников ОДРЛ. В 1940 г. предполагалось составление подобного теоретического сборника и по новой и новейшей литературе (см.: Предварительный проект к обсуждению на ученом совете от 4 ноября 1939 г. Главные работы).

В апреле 1940 г. в отделе был поставлен на обсуждение доклад А. С. Орлова «Особенности средневековой литературы как тема для теоретической работы ОДРЛ». К докладу А. С. Орлов подготовил тезисы, которые предлагались заранее для обсуждения (их 11), и приложение-перечень важнейших, с его точки зрения, особенностей средневековой литературы (по русскому материалу).

Вопрос об особенностях русской средневековой литературы был поднят А. С. Орловым раньше — в статье «К изучению средневековья в русской литературе»,⁵⁵ в которой автор подчеркивал, что «средневековье» — понятие не только хронологическое, а знаменующее особую фазу в развитии общества как явление, заполненное определенным идеологическим содержанием, обладающее определенными особенностями.

«Средневековье как культурно-литературная система, — сказал на обсуждении А. С. Орлов, — есть интернациональное общеевропейское явление. . . При определении границ русского средневековья следует учитывать, что отдельные признаки эпохи заходят обычно за ее грань. Можно кончать русское средневековье моментом европеизации при Петре I; можно отодвинуть границу в XVII в., когда через воздействие Украины и Белоруссии усваивался в некоторой степени европеизм; можно, наконец, остановиться и на рубеже XVI—XVII вв., когда события так называемого Смутного времени произвели ряд коренных изменений в общественной жизни. Но где бы мы ни поставили границу средневековья, несомненно, что пережитки его в литературе ощущаются еще и после Петра».⁵⁶ А. С. Орлов указал на необходимость сведения итогов наблюдений над сходством русских и западноевропейских литературных явлений, уже сделанных исследователями, на необходимость считаться при классификации литературных явлений с существующими в науке определениями жанра, сюжета, мотива и т. д. «Необходимо помнить, — сказал он, — что одна и та же литературная схема может то развиваться в целый сюжет, то оставаться лишь мотивом, вплетенным в другой сюжет». На этом же заседании А. С. Орлов поставил на обсуждение вопросы: 1) что дать в пер-

⁵³ ААН, ф. 763, оп. 2, № 15, л. 21 об. и след. — Датируется по сообщению А. С. Орлова в том же письме о посылке им в Казань в ответ на запрос И. И. Мещанинова отчета о работе за 1943 г.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Никитинские субботники. Сб. статей: Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931. С. 186 — 194.

⁵⁶ См. протоколы заседаний от 3 и 9 апреля 1940 г. (ААН, ф. 150, оп. 1 (1940), № 23, л. 6). — Дальнейшие выступления цитируются по этим протоколам.

вый теоретический сборник — статью ли с предварительным перечнем средневековых особенностей русской литературы или только итоги изучения этого вопроса до его статьи 1931 г. включительно; 2) берется ли отдел за систематическую разработку темы о поэтике средневековья в целом.

При обсуждении доклада А. С. Орлова, его тезисов и перечня средневековых особенностей русской литературы В. П. Адрианова-Перетц отметила, что эстетика средневековья не была неподвижной, характерные признаки художественного мышления, поскольку оно нашло свое выражение в литературе, находились в постоянном движении. «Основной признак средневекового литературного выражения — схематизм — в той или иной мере вступал в противоречие с реализмом наблюдения, с конкретностью. Эта борьба схематичного и конкретного в литературе протекает неравномерно. . .» В своих более поздних работах В. П. Адрианова-Перетц развила эти мысли о «реалистичности» древнерусской литературы. В ответ же на доклад А. С. Орлова она подчеркнула, что «художественное выражение средневековой литературы должно изучаться в постоянной связи с приемами изобразительного искусства, особенно иконописи и миниатюры, и что поэтика средневековья должна изучаться коллективно».

На обсуждении было также высказано мнение, что преждевременно показывать в статье для теоретического общеполитического сборника намеченные в тезисах А. С. Орлова «признаки средневековья», так как они пока имеют вид эмпирически установленных фактов, не объясненных еще как один из элементов средневековой культуры, неподвижных и как будто одинаковых для всего средневековья.

На это В. П. Адрианова-Перетц отвечала, что такой перечень послужит своего рода «рабочей гипотезой для сотрудников, поможет им разобраться в специфике каждого жанра, периода, и несомненно найдет свое отражение в итогах всей работы».

По докладу А. С. Орлова выступил Д. С. Лихачев. Разобрав с методологической точки зрения каждую из выделенных докладчиком особенностей средневековой русской литературы, он предложил сделать ряд оговорок, а именно: «что понятие средневековой литературы мыслится в работе диалектически. . . как процесс, поэтому все „выделения“ и „пункты“ в данной работе условны; что в средневековой литературе могут доживать особенности предшествующих общественных формаций; что оговаривается отношение к средневековому фольклору, указывается на условности определения и сложности и противоречивости самого явления». «Средневековая литература, — говорил Д. С. Лихачев, — всюду и всегда выступает как сложное, противоречивое и развивающееся явление. Это должно быть основной идеей статьи в теоретическом сборнике, которой следует придать проблемный характер. Основная опасность такой работы — антидиалектичность и формализм».

М. О. Скрипилъ высказал следующую мысль: «Наша задача: поставить литературные особенности средневековья в связь с средневековым мировоззрением и первое объяснить вторым. Затем — показать возникновение конкретного на общем (традиция и творчество)». План анализа, по предположению М. О. Скрипиля, мог быть таким: «Типология сюжетов. Устойчивые образы. Символика мотивов. Условная фразеология».

Задачи, поставленные докладом А. С. Орлова, не могли все же быть реализованы в ближайшие годы, так как у каждого сотрудника отдела была своя тема и индивидуальный план работы, связанные прежде всего с изданием и исследованием конкретных памятников литературы — летописей, исторических и сатирических повестей, повестей Петровской эпохи и др. Кроме того, необходимо было в первую очередь закончить написание «Истории русской литературы». Но тезисы доклада А. С. Орлова и в особенности мысли, высказанные при их обсуждении В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачевым, определили на будущее важнейшие пути

изучения поэтики древнерусской литературы, ее особенностей как литературы средневековой.

3 октября 1940 г. был утвержден план работы отдела на 1941 г., где как основные указывались следующие издания: 1) «История русской литературы» (окончательное завершение 2-го тома); 2) «Хрестоматия по древнерусской литературе», которая, как отмечалось в протоколе заседания, «мыслится отделом как продолжение предпринятого институтом цикла истории литературы, и содержание и объем ее должны соответствовать многотомной „Истории русской литературы“, т. е. составлять 3 тома (Киевский период, XIII—XV вв., XVI—XVII вв.), примерно по 30 печ. листов в каждом». В 1941 г. предполагалось выработать план «Хрестоматии» и подготовить к печати ее 1-й том (Киевский период). Намечалась подготовка 6-го тома ТОДРЛ и монографических работ: 1) А. С. Орлов. «Письмо Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь» (5 а. л.); 2) М. О. Скрипиль. «Очерки по истории повести: Повесть о Петре и Февронии» (7 а. л.); 3) В. Ф. Покровская. «Переводные повести Петровской эпохи» (3 а. л.); 4) И. П. Еремин. «Проблемы барокко в русской литературе XVII века»; 5) Д. С. Лихачев. «Очерки Московской литературы XIV века»; 6) В. П. Адрианова-Перетц. «Рукописная новелла XVII—XVIII вв.».

1941 г. начался отчетом В. П. Адриановой-Перетц о работе «внештатного аспиранта» Д. С. Лихачева, завершившего работу над новгородскими летописями XII в. На том же заседании 2 января 1941 г. отделом было принято обязательство досрочно сдать в издательство после редакции первой части 2-й том «Истории русской литературы», а к 15 февраля — 1-й и 3-й тома.⁵⁷ Зимой и весной 1941 г. на заседаниях ОДРЛ кроме его сотрудников часто присутствуют Ю. В. Панышева, Л. Н. Шептаев, А. И. Никифоров, В. И. Малышев, а также В. Л. Комарович, Б. А. Романов, Н. Н. Воронин. По-прежнему обсуждаются на открытых заседаниях окончательные редакции глав для «Истории русской литературы», ежемесячно проверяются ход и итоги индивидуальной работы сотрудников.

15 июня 1941 г. обсуждаются отзывы о диссертационной работе Д. С. Лихачева «Новгородские своды XII в.». В третьем пункте постановления, принятого на заседании отдела, сказано: «Назначить диспут в июне 1941 года, до летнего перерыва в работе ученого совета».⁵⁸ В плане заседаний отдела на июнь 1941 г., написанном рукой В. Ф. Покровской, было намечено: «Июнь, 5-е. 13 час. Д. С. Лихачев. „Новгородские известия «Повести временных лет»“ (статья для VI вып. Трудов ОДРЛ); июнь, 12-е. В. Л. Комарович. „Областное летописание XIV—XV вв.“ (для V вып. Трудов); июнь, 20-е (пятница). М. О. Скрипиль. „Повесть о Петре и Февронии“ (для VI вып. Трудов); июнь, 26-е — подведение итогов работы отдела в первой половине 1941 г.».⁵⁹ В назначенные сроки состоялась доклад В. Л. Комаровича и М. О. Скрипиля, а 11 июня 1941 г. Д. С. Лихачевым была защищена диссертация по теме «Новгородские летописные своды XII века» на степень кандидата филологических наук. Протокол последнего «мирного» заседания отдела сохранился только в черновике, который писавшая его, как всегда, В. Ф. Покровская уже не стала переписывать своим четким, каллиграфическим почерком.

Итак, Великая Отечественная война застала Отдел древнерусской литературы уже сложившимся научным коллективом, создавшим два тома из десяти томной «Истории русской литературы», выработавшим определенную методику изучения и издания русских средневековых памятников. К этому времени наметились три главных направления работы отдела: научно-исследовательское, издательское, библиографическое. В по-

⁵⁷ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1941), № 50, л. 1.

⁵⁸ Там же, л. 33.

⁵⁹ Там же, л. 36.

слевоенные годы, с началом работы в отделе В. И. Малышева, началась еще и собирательская деятельность.

В первую военную зиму 1941/42 гг. многие сотрудники Пушкинского Дома оставались в Ленинграде. Об этом периоде, основываясь на архивных документах, рассказывает в главе «В дни войны и блокады» своего исторического очерка о Пушкинском Доме В. Н. Баскаков. «В планах института, — пишет он, — выдвинулись на первое место работы, посвященные теме патриотизма и защиты Родины в русской литературе, героическому прошлому нашего народа и отражению его в литературе. Эти работы осуществлялись в спешном порядке и в том же 1941 г. уже выходили из печати».⁶⁰

12 июня 1942 г. основная группа сотрудников, а также часть музейных и архивных фондов института были эвакуированы в Казань. «Сегодня ровно месяц как я с семьей выехал из Ленинграда, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову в июле 1942 г. из Казани. — Ехали мы 12 дней сравнительно благополучно в теплушках. В Казани я первое время хворал, но сейчас поправился. . . Сейчас постепенно проходит та физическая слабость, которая вначале (по прибытии в Казань) лишала меня сил подниматься по лестницам.

. . . На днях в Казань приехали остатки нашего института. . . В этих „остатках“ Варвара Павловна, Анна Ив. (Перепеч. — М. Р.), Модзалевский, Калаушин, Городецкий».⁶¹

В Ленинграде остались около 16 сотрудников ИРЛИ во главе с уполномоченным президиума АН СССР по Институту литературы В. А. Мануйловым. Заведующим Архивом института был М. И. Стеблин-Каменский, заведующим Литературным музеем — В. М. Глинка. Архив института (ААН, ф. 150) сохранил много любопытных документов 1941—1942 гг., в том числе переписку с эвакуированными сотрудниками, с ученым секретарем института в Казани М. О. Скрипилом, заместителем директора Л. А. Плоткиным и директором института П. И. Лебедевым-Полянским, находившимся в Москве.

В первую блокадную зиму умер В. Л. Комарович. В. А. Мануйлов обратился в дирекцию Государственной публичной библиотеки с просьбой позаботиться о личной библиотеке В. Л. Комаровича: «В случае, если Вам удастся получить книги и материалы В. Л. Комаровича, ИЛИ просит передать в его архив рукописи литературоведческих работ Комаровича, среди которых особый интерес представляют его работы о русской летописи и о „Маскараде“ Лермонтова и картотека по Достоевскому».⁶²

Д. С. Лихачев писал А. С. Орлову в Боровое: «Очень жаль Василия Леонидовича — он умер ужасно: один, сходя с ума. Книжки и мебель свою (мебель у него была хорошая) он сжег в буржуйке. Жена и дочка его пропали. Квартира осталась пустая; — где его рукописи (по летописи и др.), я не знаю (не нашел)».⁶³

До эвакуации из Ленинграда научная работа сотрудников ОДРЛ продолжалась. В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев писали статьи и редактировали 2-й том «Истории русской литературы». Об этой работе, как пишет В. Н. Баскаков, 20 июля 1942 г. сообщала «Ленинградская правда»: «Научный сотрудник Д. С. Лихачев написал ряд фундаментальных разделов, профессор В. П. Адрианова-Перетц заканчивает редактирование второй части тома, посвященного истории русской литературы начала XVIII в.».

Кроме того, в 1942 г., как видно из отчета о проделанной работе,⁶⁴ В. П. Адрианова-Перетц продолжала изучение стихотворных фаций

⁶⁰ Пушкинский дом: Исторический очерк. С. 92—106.

⁶¹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁶² ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 10.

⁶³ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁶⁴ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42.

XVIII в. и закончила статью «Изумруд — энциклопедия общественной и частной морали русского средневековья».⁶⁵ М. О. Скрипиль, находясь в Казани, готовил монографию о древнерусской повести и занимался, в частности, «Повестью о Басарге», готовя ее к изданию. Д. С. Лихачев переработал раздел о протопопе Аввакуме для второй части 2-го тома «Истории русской литературы», статью о новгородских известиях в «Повести временных лет» — для 5-го тома ТОДРЛ, продолжал работу над монографией о начале русского национального государства, для чего были исследованы стилистические особенности литературного средневековья (таково название одной из глав будущего труда), и, кроме того, написал две важные работы, которые сыграли огромную роль для патриотического воспитания и поддержания боевого духа бойцов Красной Армии в военное время. Это — написанная совместно с М. А. Тихановой брошюра «Героическая оборона древнерусских городов», изданная в осажденном Ленинграде в 1942 г., и «Военное искусство Древней Руси». Позднее Д. С. Лихачев писал:

«Через месяца два она (брошюра. — М. Р.) была набрана слабыми руками наборщиц и отпечатана. Осенью того же года я стал получать на нее отклики прямо с передовой.

... В чем состояла тогда современность древней русской литературы? Почему мысль от тяжелых событий ленинградской блокады обращалась к Древней Руси?»⁶⁶ И далее автор сам отвечал на эти вопросы: «Понять те 900 дней обороны Ленинграда можно было только в масштабе всей тысячелетней истории России. Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой. Вот почему, работая над нашей книгой в разных концах города, не связываясь друг с другом даже по телефону или письмами, ибо ни телефон, ни почта не работали, мы все же писали так, что и теперь трудно нам сказать: кто из нас писал какую главу».⁶⁷ Д. С. Лихачевым были написаны также статьи для Антифашистского комитета Совинформбюро и — по заданию Политуправления Ленинградского военного округа — статьи о культуре Новгорода и Пскова.

А. С. Орлов с начала войны находился в Казахстане, в санатории «Воровое» АН СССР. 25 декабря 1942 г. он писал Л. А. Плоткину в Казань: «В 1942 г. мною составлена книга на тему: „Казахский героический эпос и отношение его к русскому“ — ок. 6 п. л. Мне желательно было бы, чтобы эта книга была издана в Академии наук в серии научно-популярной. Мои занятия казахским героическим эпосом стали известны Председателю Совпаркома Каз.ССР Ундасыкову К. Д., который посетил меня и одобрил произведенные мною работы по изучению казахского эпоса, считая их весьма актуальными». В то же время А. С. Орлов беспокоится за судьбу отправленных из блокадного Ленинграда в Казань томов «Истории русской литературы»: «Не откажите справиться, где находятся присланные из Ленинграда машинописные экземпляры неизданных томов „Истории русской литературы“. Правда ли, что без вести пропал весь XVII век в том единственном экземпляре, куда внесены все поправки, и второй, еще не тронутый, редакторский экземпляр. Сообщите мне, пожалуйста, сведения по этому делу. Нельзя ли сообщить теперешний состав Отдела древней литературы».⁶⁸ К концу 1942 г. состав ОДРЛ был следующим: Д. С. Лихачев и М. О. Скрипиль (в Казани), В. П. Адрианова-Перетц (в Ташкенте),

⁶⁵ См. письмо В. П. Адриановой-Перетц из Ташкента, написанное осенью 1942 г. М. О. Скрипилью в Казань, где сообщается, что к 1 января 1943 г. может быть сдана в печать статья В. П. Адриановой-Перетц «Изумруд — энциклопедия общественной и частной морали русского средневековья» (2.5 а. л.).

⁶⁶ Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 г. // Звезда. 1975. № 1. С. 180.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

И. П. Еремин (в Саратове), А. С. Орлов (в Каз.ССР). Д. С. Лихачев писал А. С. Орлову 11 декабря 1942 г.: «На днях В. П. поехала в Ташкент, вместе с Л. Г. Гринберг».⁶⁹

В. П. Адрианова-Перетц сначала уехала из Ленинграда в Елабугу, затем в Казань, но пробыла там недолго и, не возвращаясь в Ленинград, отправилась в Ташкент с Л. Г. Гринберг, А. И. Перепеч и М. М. Калаушиным, о чем 6 ноября 1942 г. телеграфировал из Казани в Свердловск — в президиум Академии наук — М. О. Скрипилю. В Ташкенте тогда находился Б. С. Мейлах, который 14 ноября 1942 г. писал М. О. Скрипилю в ответ на его просьбу обеспечить жилье приехавшим сотрудникам:

«Многоуважаемый Михаил Осипович!

Как Вам уже известно, наши ленинградские товарищи благополучно прибыли в Ташкент. Я сделал все, что мог, для того, чтобы помочь им с жильем. Удалось с первых же дней поставить их в лучшие условия, по сравнению с другими, приехавшими вместе с ними сотрудниками. . .

Цели ли наши тома Истории литературы?»⁷⁰

В Ташкенте В. П. Адрианова-Перетц редактировала первую часть 2-го тома «Истории русской литературы», готовя ее к отправке в Казань для печатания. 1 декабря 1942 г. она писала М. О. Скрипилю о следующей части 2-го тома:

«Мой том — II т., ч. 2 (XVII век) — я прошу с надежной оказией переслать сюда, окончу редактуру, здесь дам на рецензию двум членам гл. ред., весной попрошусь в Боровое, чтобы там доработать с А. С. Орловым, а затем в Москву к Павлу Иван. (Лебедеву-Полянскому). Но страшно, не украли ли этот том вместе с другим имуществом. Тогда пропала наша работа и придется том как целое начинать делать снова».⁷¹

М. О. Скрипилю успокоил ее сообщением о сохранности этого тома, находившегося в Казани, но не сразу найденного.

В. П. Адрианова-Перетц беспокоилась о сотрудниках ОДРЛ, с которыми волею судьбы была разлучена, особенно о состоянии здоровья Д. С. Лихачева, не оставившего работы всю минувшую тяжелую ленинградскую зиму. Она писала Л. А. Плоткину из Ташкента 1 декабря 1942 г.: «Теперь большая к Вам просьба бытового порядка. Меня очень тревожит судьба Д. С. Лихачева. У него ведь четверо иждивенцев. Помогите ему, чем можно: пропусками в столовую, пайком, пособием — что реальнее. Цену ему, как работнику, Вы знаете и распространяться об этом не буду». В тот же конверт было вложено письмо А. И. Перепеч: «До нас дошло, что очень скверно живет Дмитрий Сергеевич Лихачев. Очень жаль его. За время войны он показал себя с лучшей стороны. Подумай и сделай что-нибудь для облегчения его положения. Этот человек заслуживает заботу, даже особую заботу о себе».⁷² А уже 23 декабря она писала М. О. Скрипилю в Казань: «Как здоровье Дмитрия Сергеевича? Берегите его, он у нас хрупкий».⁷³

Наконец, А. С. Орлов писал Л. А. Плоткину 25 декабря 1942 г.:

«В. П. Адрианова-Перетц написала мне из Ташкента, что опасается за здоровье Д. С. Лихачева с семьей в пять человек, так как он имеет всего один пропуск в столовую. На питание жалуется и сам Д. С. Лихачев, особенно в отношении своих детей. Прошу Вас помочь Д. С. Лихачеву как ценнейшему работнику отдела. . . Ожидаю от Вас ответа по этому делу».⁷⁴ Дирекция института в Казани включила Д. С. Лихачева первым

⁶⁹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁷⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

⁷¹ Там же, № 11.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, № 13.

⁷⁴ Там же.

в список на единовременное пособие сотрудникам, эвакуированным из Ленинграда.

Д. С. Лихачев вел в Казани активную научную деятельность. В самом начале 1943 г. М. О. Скрипиль писал А. С. Орлову: «Сейчас в Казани мы живем и работаем очень небольшой группой (И. И. Толстой, Л. А. Плоткин, Д. С. Лихачев, А. М. Астахова, П. Г. Ширяева, К. Н. Державин). Последнее время мы стали более или менее регулярно проводить научные заседания: доклады делает И. И. Толстой по истории античной сказки, Д. С. Лихачев — по истории культуры Древней Руси. На сессии, проведенной гуманитарными институтами АН совместно с КГУ в связи с 25-летием Октябрьской революции, с докладами выступали от нашего института Л. А. Плоткин — „Литературоведение за 25 лет“, А. М. Астахова — „Возрождение эпоса“, и я — „Тема патриотизма в древнерусской литературе“». ⁷⁵

Д. С. Лихачев вспоминает (1985): «В читальном зале Казанского университета зимой было ниже нуля, и я приносил с собой чернильницу, которую, чтобы не замерзали чернила, держал в кармане. Библиотекариши были истинные подвижницы».

Несмотря на то что основной состав сотрудников ИРЛИ 12 июля 1942 г. эвакуировался в Казань, до осени еще не было окончательно решено, где же все-таки сосредоточатся главные научные силы института: многие сотрудники оказались в разных городах — в Саратове, Иркутске, Тобольске, Ярославле, Новосибирске, Кыштыме. 25 июля 1942 г. Л. А. Плоткин обратился в президиум АН СССР с просьбой оставить институтский центр в Казани:

«До настоящего времени Институт литературы Академии наук СССР не имел постоянного местопребывания, так как часть сотрудников оставалась в Ленинграде, часть находилась в Казани, остальные — в Саратове и Ташкенте. Теперь, в связи с выездом оставшегося в Ленинграде контингента сотрудников, представляется, наконец, возможность обосновать институт в одном месте и развернуть работу. Мне представляется, что основным местопребыванием института следовало бы установить Казань.

Доводы в пользу этого таковы:

1. Институту по плану предстоит в этом году закончить X том „Истории русской литературы“. Для этой работы, равно как и для других научно-исследовательских работ, совершенно необходима солидная библиотечная база. Университетская библиотека Казани в этом смысле могла бы нас удовлетворить. Перевод института в город, лишенный научной библиотеки, фактически лишит нас возможности вести научно-исследовательскую работу.

2. Оставление института в Казани, как мне кажется, не вызовет особых затруднений для президиума. У нас в наличии имеется 43 чел. (5 ед. вакантных). Из них — 10 чел. оставлены для охраны здания в Ленинграде, трое находятся в Ташкенте, трое в Саратове, двое в Москве, один в Боровом и один в Новосибирске. 6 человек уже живут в Казани. Таким образом, для того, чтобы обосновать институт в Казани, нам нужно лишь небольшое рабочее помещение (2 комнаты) и разрешение на жилплощадь для 10 человек (несколько человек после всего перенесенного в Ленинграде нуждаются в длительном отпуске и будут находиться со своими семьями).

3. Институт литературы, если бы он был сконструирован как некое организационное целое, мог бы объединить вокруг себя и оставшихся в Казани лингвистов.

4. Объединение и развертывание работы института представляется делом неотложным, и я прошу президиум принять для этого все возможные меры». ⁷⁶

⁷⁵ Там же. То же см. в письме М. О. Скрипиля к П. Г. Ширяевой от 3 декабря 1942 г.

⁷⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

Меры были приняты, и институт остался в Казани. В письме А. С. Орлову от 24 августа 1942 г. Д. С. Лихачев сообщал: «Возможно, что в конце сентября институт будет иметь „угол“, т. е. несколько столов в комнате, которую занимает другое учреждение (кажется, РИСО)».⁷⁷

Продолжала работу и группа сотрудников, оставшаяся в Ленинграде. Возглавлявший ее В. А. Мануйлов докладывал 1 июня 1942 г. директору института П. И. Лебедеву-Полянскому в Москву: «Институт имеет свой план работы. Сначала мы планировали работу института по кварталам, но вскоре — по указанию уполномоченного президиума АН СССР по ленинградским учреждениям АН СССР А. А. Фомина — мы составили годовой план работы. Этот план обсуждался на производственных совещаниях института (по образцу заседаний ученого совета такие совещания мы проводим регулярно) и был утвержден на Объединенном ученом совете ленинградских институтов АН СССР». В план этот, в частности, входили статьи для второй части 2-го тома «Истории русской литературы», над которыми, как уже упоминалось, работали В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев, подготовка к изданию 5-го тома ТОДРЛ, составление сборника статей «Народные песни о защите родины».⁷⁸

12 октября 1942 г. в письме к П. А. Лебедеву-Полянскому В. А. Мануйлов сообщал: «Коллектив сотрудников института работает дружно и к исполнению своих обязанностей относится сознательно. За истекший период нам пришлось заготавливать дрова, застеклять и заделывать фанерой все помещения, отеплять водопроводные трубы. С помощью одной военной части восстановлен водопровод, уборные, держатся пожарные посты и посты МПВО, убираются помещения и т. д. Эти хозяйственные заботы отнимают много сил и времени, и мы чувствуем острую нехватку людей, но с рабочей силой очень трудно. . .»⁷⁹

Остается добавить, что сотрудники института охраняли еще квартиру А. С. Пушкина на Мойке и фонограммархив в Доме ученых. В том же письме читаем: «Несмотря на то, что хозяйственные заботы отнимают у нас большую часть времени и сил, научные сотрудники по мере возможности продолжают вести научную работу. Это касается не только индивидуальной работы, предусмотренной планом. Мы провели несколько открытых Литературных чтений, о которых были сочувственные отзывы в ленинградской и центральной московской печати. С особым успехом прошло выступление В. Н. Инбер, читавшей свою поэму „Пулковский меридиан“».

Летом 1942 г. В. А. Мануйлов писал в Казань: «Настоящим сообщая, что архивные и музейные фонды, а также библиотека Института литературы в Ленинграде находится в порядке, здание пострадало от обстрелов незначительно и сейчас подготавливается к зиме, коллектив сотрудников, оставшихся в Ленинграде, работает самоотверженно и дружно. . .»

«Теперь наши сотрудники более или менее осели, как-то устроились, «начали» работать. Время военное, всюду идет соцсоревнование, на фронте творятся великие дела, страна несет громадные жертвы, надо максимально подтягиваться и не только не отставать от других, но и перегонять», — писал 23 июля 1942 г. П. И. Лебедев-Полянский М. О. Скрипилю в Казань.⁸⁰

Итак, к весне 1943 г. основные силы института сосредоточились в Казани. На заседании ученого совета 15 апреля 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц, которая с 1926 г. являлась чл.-кор. АН УССР, куда была избрана за работы по старинной украинской литературе и фольклору, вместе с С. Д. Балухатым и М. К. Азадским выдвигается на избрание в чл.-кор. АН СССР, а И. И. Толстой — в академики. Находясь в это время в Ташкенте, В. П. Адрианова-Перетц продолжала интенсивно работать,

⁷⁷ ААН. ф. 763, оп. 3, № 72.

⁷⁸ ААН. ф. 150, оп. 1 (1942), № 14.

⁷⁹ Там же, № 10.

⁸⁰ Там же, № 12.

не порывая тесной связи с Казанью. К лету 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц переезжает в Казань.⁸¹ В письме из Ташкента к Н. П. Колпаковой в Ленинград она писала: «Если ничего не помешает, в начале июня поеду в Казань» печатать 2-й том».⁸²

1 июня 1943 г. был объявлен приказ дирекции ИРЛИ: «За успешную работу, точно выполненную в установленные календарные сроки, премировать ст. научных сотрудников института: В. П. Адрианову-Перетц . . . Д. С. Лихачева».⁸³

А 10 июля 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц писала Н. П. Колпаковой из Казани: «. . . действительно, сразу очень много дела. Я уже оформила работу нашей тройки древников как работу отдела. Если Еремин согласится переехать в Казань (И. П. Еремин эвакуировался в Саратов вместе с Ленинградским университетом. — М. Р.), восстановят и его. Ну, а старик в Боровом. Живу по-птичь: не сею, не жну, а только ем. Лихачевы (в соседней комнате) с утра приносят мне кофе и кипяток, то же и вечером, делают все покупки. А я строчу с утра до вечера» (РО ИРЛИ, ф. 728).

«Мы с Варварой Павловной соседи, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову 21 ноября 1943 г., — живем в комнатах рядом. Вот ее здоровье меня не радует. Врачам она не показывается и морит себя какой-то чудовищной диетой: ест птичьих порции, а раз в неделю день целый ничего не ест».⁸⁴

«Тройка древников» — это сама В. П. Адрианова-Перетц, возглавлявшая основную организационную работу «древников» в Казани, М. О. Скрипиль и Д. С. Лихачев. 23 июля 1943 г. Варвара Павловна писала: «Завтра буду с директором выяснять возможность печатания 2-го тома».⁸⁵ Сохранился протокол заседания сотрудников института от 30 июля 1943 г., где вынесено решение о назначении В. П. Адриановой-Перетц заведующей ОДРЛ:

«На весь период пребывания акад. А. С. Орлова вне Казани исполнение обязанностей зав. Отд. древнерусской литературы возложить на ст. науч. сотр. отдела, чл.-кор. В. П. Адрианову-Перетц.

Председатель: акад. П. И. Лебедев-Полянский».

В 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев приняли участие в издании работ в научно-популярной и оборонной сериях: уже к середине этого года были написаны «Родина в памятниках средневековой русской литературы» В. П. Адриановой-Перетц и «Культура Древней Руси» Д. С. Лихачева. В письме А. С. Орлову от 5 марта 1943 г. Д. С. Лихачев сообщает о своем докладе, посвященном повести Петра Бориславича о взаимоотношениях кн. Изяслава Мстиславича и Владимирка Галицкого, прочитанном в институте; о том, что он послал в «Исторические записки» работу о Добрыне и что Б. Д. Греков принял ее в № 14 этого журнала. М. О. Скрипиль закончил работу «Повесть о Дмитрии Басарге и ее литературная история. (Исследования и тексты)». А. С. Орлов завершил монографию «Героические сюжеты в древнерусской литературе». В 1943 г., как мы знаем, были подготовлены к печати обе части 2-го тома «Истории русской литературы», и В. П. Адриановой-Перетц было составлено «Заключение» к двум томам (XI—XVII вв.).⁸⁶ В неоконченном письме А. С. Орлова к В. П. Адриановой-Перетц, приводившемся ранее, говорилось по

⁸¹ «В трудных условиях жизни в эвакуации в Казани она приняла на себя заведование Отделом и усиленно работала над двумя полугодами десятилетней „Истории русской литературы“. Закончить это издание несмотря на войну — она считала своим долгом» (Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 418).

⁸² РО ИРЛИ, ф. 726. Архив В. П. Адриановой-Перетц. Письмо датировано 17 мая 1943 г.

⁸³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1943), № 18.

⁸⁴ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 726, архив В. П. Адриановой-Перетц.

⁸⁶ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 68.

этому поводу: «Не ждите от меня редакторских коррективов. Я сообщу в замечаниях лишь свой личный взгляд как собеседник в ученом обсуждении. Хорошо было бы, чтобы в этом обсуждении участвовал еще кто-либо, кроме нас с Вами.

Не имея в распоряжении всего текста древнерусских томов, я лишен возможности быть точным и веским, настоящим рецензентом. Затем я обуреваем желанием видеть в „Заключении“ нечто новое, искреннее, полученное от действительно пережитого материала, что-нибудь реальное, пластическое, нами, работниками, <смело> добытое. Но ведь это только желание, а вот как это выполнить — не по силам мне дать практическое предложение. В „Заключении“ у Вас все хорошо, недискутируемо, общеприемлемо, охватисто, очень содержательно, сытно. Все как надо. А я человек парадоксальный и бестактный, все уклоняюсь от колеи, все ищу неторной тропы — и потому противоречу. Но, может, именно такая позиция и будет для Вас бесполезной?»⁸⁷

Как увидим, «Заключение», написанное В. П. Адриановой-Перетц, обсуждалось более подробно на заседании ОДРЛ позже, уже в Ленинграде. В недатированном письме к Д. С. Лихачеву, по-видимому, более позднем, чем письмо к В. П. Адриановой-Перетц, А. С. Орлов пессимистически писал: «Передо мной проходят главы академической истории древней литературы, точно лермонтовский парад „красавиц городских“, у которых „давно бестрепетные“ руки и т. д. Передо мной в предстоящей разработке древностей нет перспективы, не ощущается живого влечения к манящей вдали серьезной цели. Завершение академического „пособия“ как будто послало „древников“ в отставку за ненадобностью. А новой, свежей общей стимулирующей литературной идеи не наворачивается. Темы, конечно, пазвать можно, скажем: „Историческая поэтика“, принятая отделением восторженно. Но ведь это только схоластический термин, пока без руководящей новой общей идеи».⁸⁸

В течение весны—лета 1943 г. на общих собраниях института в Казани делались научные доклады сотрудников отдела. 1 марта состоялся доклад Д. С. Лихачева «Летописные известия о Добрыше», на котором присутствовали: Л. А. Плоткин, акад. С. П. Обнорский, чл.-кор. И. И. Толстой, ст. научные сотрудники М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, аспиранты А. С. Дубинская, О. В. Ковальническая, Н. П. Панаева, В. А. Максимова. 31 мая Д. С. Лихачев выступил с докладом «Летописные известия об Алеше Поповиче». На заседании помимо названных лиц были Е. Э. Лишиц и В. Л. Бреннерт. Кроме того, заседания института посещали Б. А. Ларин, Е. К. Бахмутова, Н. В. Пигулевская, А. А. Гозенпуд, аспиранты Л. М. Лотман, Н. Т. Панченко. 17 июня с докладом «К вопросу о художественной традиции в фольклоре. Песня о рябине и о сожжении женой мужа» выступила бывшая тогда доцентом Кировского педагогического института А. П. Евгеньева. Она была принята в докторантуру в Отдел древнерусской литературы, ее работу консультировала В. П. Адрианова-Перетц, а 20 октября 1943 г. был обсужден и утвержден план докторской диссертации А. П. Евгеньевой «К истории стиля и языка XVII—XVIII вв.». В устной беседе (май 1984 г.) она вспоминала, как доброжелательно отнеслись к ней В. П. Адрианова-Перетц и И. И. Толстой во время вступительного собеседования, как В. П. Адрианова-Перетц поддержала тему диссертации, отмечая острый недостаток лингво-стилистического подхода к русскому средневековому литературному материалу, и как много важных и точных советов было получено во время докторантуры от сотрудников отдела и в первую очередь от В. П. Адриановой-Перетц. При обсуждении плана диссертации А. П. Евгеньевой Варвара Павловна сказала: «Отделу древней литературы необходим филолог. В связи с изданием истории древней

⁸⁷ Там же, № 15, л. 21 об.—22.

⁸⁸ Там же, оп. 3, № 72.

литературы вопрос языка становится чрезвычайно важным. Очень ценным является тот факт, что в основе всех глав лежит задача отличить образ сознательно выработанный и образность обычной речи. Это поможет выделить фольклорный прием и тем поможет общим вопросам литературоведения. . .»⁸⁹

На том же заседании ученого совета (20 октября 1943 г.) В. П. Адрианова-Перетц выступила с большим докладом «Историчность древнерусской литературы (XI—XVII в.)», предназначавшимся как статья для задуманного институтом издания своих научных трудов. В этом издании (оно обсуждалось на ученом совете 30 июля) предполагался раздел, посвященный древней литературе. Был определен и состав редколлегии: ответственный редактор — чл.-кор. АН СССР П. И. Лебедев-Полянский, заместитель ответственного редактора — акад. А. С. Орлов, проф. Л. А. Плоткин, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, И. И. Толстой, И. С. Зильберштейн, М. О. Скрипиль.

Выступая по докладу В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачев отметил: «Значение работы заключается в том, что до сих пор не делали обобщений под предлогом того, что якобы не было закончено изучение литературы. Однако работа Варвары Павловны показывает, что это возможно».

В ответном слове докладчица сказала: «Историзм не единственное явление в древнерусской литературе. Это необходимо было подчеркнуть, если бы речь шла об итогах древнерусской литературы. Мне хотелось показать, что большая литература делалась в области именно исторической литературы, так как этого многие недооценивали. . .»

К статье, написанной по этому докладу, В. П. Адрианова-Перетц добавила аннотацию: «Статья устанавливает, что ведущие литературные жанры с XI по XVII в. в своей тематике откликаются прямо или косвенно на важнейшие вопросы общественно-политической жизни каждой эпохи; показывает, что „историзм“ ярче всего выразился в сложных и многообразных вариантах темы „Родина“; характеризует своеобразие литературного выражения „историзма“ в каждом периоде; приводит к выводу, что в лучших литературных памятниках XI—XVII вв. налицо „народность“».

Для институтского сборника трудов предназначалась и написанная Д. С. Лихачевым статья «Политические идеи в литературе эпохи Ярослава Мудрого». В аннотации к ней читаем: «В статье говорится о попытках Византии распространить на русский народ теорию всемирной гегемонии византийского императора. Попытки поставить русский народ в политическую зависимость от Византийской империи встречают резкий отпор при Ярославе Мудром. В противовес теории всемирного владычества Второго Рима — Византии — Иларион выдвигает идею равноправности русского народа народам Европы и теоретически ее обосновывает. Опору своим идеям Иларион находит в грандиозных мозаичных и фресковых изображениях Софии Киевской, вскоре после построения которой и было произнесено „Слово“ Илариона».⁹⁰

Продолжая изучение древнерусского летописания, Д. С. Лихачев, кроме того, написал несколько глав для планируемой монографии «Летопись как литературный памятник (наблюдения над единством литературного развития)». «Зимой и весной этого года, — писал он А. С. Орлову 4 августа 1943 г., — я закончил работу о родовом предании Яна и Вышаты . . . Сейчас я работаю над Ипатьевской летописью — над повестью об Изяславе — и „вылущиваю“ Черниговское летописание, что оказалось интересным для „Слова о полку Игореве“».⁹¹ В. П. Адрианова-Перетц закончила в это время большую монографию о стихотворных и

⁸⁹ Там же, ф. 150, оп. 1 (1943), № 18.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

прозаических фацециях XVII—XVIII вв. — с изданием текстов по рукописям московских и ленинградских собраний, с комментариями. Помимо того исследовательница написала работу «К истории „Слова о полку Игореве“ в русской литературе XV—XVI вв.», которая во многом и определила будущее изучение взаимоотношений текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». 19 октября 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц писала Н. П. Колпаковой по поводу сообщения последней о желании поэта Виссариона Саянова перевести современным стихом «Задонщину»: «Сейчас я сделала реконструкцию старшего вида ее».⁹²

Но мысли о Ленинграде не оставляли уехавших. «Ходят слухи, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову 5 марта 1943 г., — о нашем переезде в Ленинград в июне—июле этого года, но постановления еще нет». Переезд этот состоялся очень нескоро, однако в сохранившихся письмах Д. С. Лихачева А. С. Орлову из Казани постоянно звучит «ленинградская тема»: «Когда Вы вернетесь в Ленинград — Вы его не узнаете, но порядок в нем образцовый, нет очередей, все выдачи производятся аккуратно, город чист, хотя ужасно изранен».⁹³

В этих ожиданиях прошел еще один год войны.

1944 г. был последним годом эвакуационной жизни института. Приближались возвращение домой и уже скорая теперь победа.

9 января 1944 г. Д. С. Лихачев пишет А. С. Орлову: «Собираемся летом возвращаться в Ленинград, но официально ничего не известно»; в письме от 3 мая 1944 г.: «Все надеются, что осенью мы соберемся в Ленинграде». 9 июля 1944 г. он сообщает: «Вчера уехала в Ленинград В. П. вместе с Елизаветой Ивановной Бобровой».⁹⁴

18 февраля 1944 г. на общем собрании сотрудников института была заслушана информация Д. С. Лихачева о Фонде Победы и вынесено решение отчислить в фонд 50 % месячной заработной платы.⁹⁵ 7 июня, как свидетельствует повестка заседания, доклад Л. А. Плоткина «Чехов и современность» состоялся уже в Ленинграде.⁹⁶ Однако полностью возвращение состоялось только в начале 1945 г.: «10 января переезжаем в Ленинград, если институт вышлет пропуска (едет вся казанская группа), — из письма Д. С. Лихачева А. С. Орлову от 18 декабря 1944 г.»⁹⁷

В первом же полугодии 1944 г., еще в Казани, продолжалась интенсивная научная жизнь. Приезжавший в Ленинград заместитель директора института Л. А. Плоткин 5 февраля 1944 г. говорил на общем собрании сотрудников ленинградской группы: «Несмотря на то что научные силы института были разделены между Казанью, Ташкентом, Москвой, Ленинградом и др. городами, план научной работы успешно выполнен и в настоящее время подготовлен к печати целый ряд коллективных работ и научно-исследовательских монографий. Особо следует отметить, что успешно продолжается и в ближайшие годы будет доведена до конца работа по созданию и изданию истории русской литературы и истории западных литератур».

26 января на общем заседании сотрудников института в Казани Д. С. Лихачевым был прочитан доклад «Повесть Петра Бориславича о князе Игоре». Сохранились краткие тезисы доклада, предложенные автором:

1. Критика и история повести.

2. Историческая обстановка и факты, изображающиеся в повести. Историческая обстановка возникновения повести.

⁹² РО ИРЛИ, ф. 728, архив В. П. Адриановой-Перетц.

⁹³ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См.: Там же, ф. 150, оп. 1 (1944), № 11.

⁹⁶ См.: Там же.

⁹⁷ Там же, ф. 763, оп. 3, № 72.

3. Вопрос об авторе повести; личность Петра Бориславича.
4. Время создания повести и цель ее создания.
5. Стиль повести и ее язык.
6. Жанр светской повести о (княжеских) междоусобиях и о преступлениях — характерный для русской средневековой литературы жанр (повесть Петра, Повесть попа Василия о князе Васильке и др. образцы жанра). Специфические черты сюжета и стиля этого жанра.
7. Связь с этим жанром Жития Бориса и Глеба, Повести об убийении Игоря Ольговича киевлянами (Черниговская, Переяславская и Киевская версии) и Сказания об убийении Андрея Боголюбского.
8. Заключение: жанр повести о междоусобных преступлениях, его стилистические особенности и язык, его целенаправленность и историческая основа. Начало этой традиции — Повесть о Борисе и Глебе — начало междоусобий. Конец этого жанра — и повесть об ослеплении Вас. Темного. Хронологические рамки . . . жанра».⁹⁸

Доклад Д. С. Лихачева вызвал живой интерес. В. П. Адрианова-Перетц сказала при обсуждении: «Дмитрий Сергеевич изучает летопись с точки зрения ее возникновения, ее состава. Выделение нового жанра повестей интересно, так как здесь поднят вопрос о возникновении некоторых средневековых жанров и вне зависимости от византийской литературы». Ее поддержал М. О. Скрипиль: «Работа имеет очень большое значение, так как она отражает тенденцию Отдела древней литературы раскрывать своеобразие и многообразие жанров средневековой литературы». Отвечая на вопросы и замечания, докладчик подчеркнул основные выводы своей работы: «Жанр существует, но нет в нем стилистических трафаретов, хотя и есть стилистические общие герои. Объединяются произведения: 1) целью повествования; 2) автором — человеком, близким к событию; 3) тенденциозностью жанра, стремящегося реально к подробному изображению события, автор подчеркивает „правдивость“ нелитературного повествования: он избегает литературных схем. . .»

2 февраля 1944 г. на общем заседании сотрудников института с докладом «Беллетристические элементы древнерусской переводной агиографии» выступил М. О. Скрипиль. На заседании присутствовали: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Н. И. Мордовченко, Рахлин, Б. Л. Модзалевский, Д. Е. Максимов, А. М. Астахова, А. П. Евгеньева, В. И. Семёнова-Тян-Шанская, Т. Д. Белановская, Л. М. Лотман, Гордон, М. А. Шерешевская.

Выступая по докладу, наряду с критическими замечаниями Д. С. Лихачев отметил: «Достоинство доклада — необычайная широта обобщений, широчайший материал. . .»

В. П. Адрианова-Перетц остановилась на следующем моменте: «. . . чтобы избежать переоценки русского средневековья, Михаилу Осиповичу пришлось уйти в греческие корни. Но надо подумать о привлечении западной агиографии, если речь идет о принципиальной постановке вопроса. . .»

31 мая обсуждался доклад В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“», явившийся результатом большой предварительной работы. «Восстановительная работа над „Задонщиной“, — сказала Варвара Павловна при обсуждении ее доклада, — немало дает для комментария „Слова“ (текстологические уточнения)». Второй доклад на эту тему, явившийся как бы продолжением первого, был сделан В. П. Адриановой-Перетц 2 августа. Проблема реконструкции текста «Задонщины» стала в этот период целью работы исследовательницы.

Сохранился протокол организационного заседания заведующих секторами от 7 сентября 1944 г., состоявшегося уже в Ленинграде, когда собрался основной состав института. Часть сотрудников Отдела древнерус-

⁹⁸ Там же, ф. 150, оп. 1 (1944), № 11.

ской литературы вернулась из эвакуации летом—осенью 1944 г.,⁹⁹ и 1 октября начались заседания отдела в Ленинграде.¹⁰⁰

После возвращения в Ленинград Отдел древнерусской литературы расположился не во 2-м этаже — в комнате рядом с малым конференц-залом, как это было до войны, а в 1-м этаже — в длинной комнате с окном, выходящим в институтский двор, перед входом в которую стояла скульптура акад. А. Н. Веселовского. Позже сектор пересел на 3-й этаж, в левое крыло здания, а спустя некоторое время после смерти В. П. Адриановой-Перетц (в июне 1972 г.) — в правое крыло.

На первых трех заседаниях протоколы не велись, так как секретарь ОДРЛ был назначен только 1 декабря 1944 г. Это — А. П. Евгеньева, докторант отдела, работавшая под руководством В. П. Адриановой-Перетц. На заседании 1 октября А. С. Орлов ознакомился с работами сотрудников, выполненными за время эвакуации. 4 октября 1944 г. на ученом совете института, а 10 октября — на заседании ОДРЛ состоялось обсуждение «Записки о состоянии и задачах литературоведения», разработанной бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Обсуждение на ученом совете запротоколировано. «Записка» вызвала много возражений и предложений. В частности, относительно изучения древнерусской литературы председательствовавший на заседании ученого совета А. С. Орлов заметил: «То, что произошло в древней литературе, т. е. в каком она находится теперь состоянии, никто не знает. Интересы к ней были очень мало.

. . . Из состояния нашего „древнего“ отдела литературоведения вытекает то, что нужно расширить плацдарм материала и заполнить в материале белые пятна. Пережить все те детские болезни, которые перенесла новая литература. Новая литература мужественно показала самостоятельность своей мысли. Нам надо перенести все методологические принципы исследования новой литературы на нашу древнюю. Надо рассматривать древнюю литературу исторически. Нам нужно было яснее сказать о наших принципах. Язык у нас слишком парламентарный и приглаженный.

. . . Мы должны подойти к истории древней литературы как к живому материалу. Надо показать процесс средневекового мышления. . . Нам надо обязательно обсудить вопрос об отношении к литературе как к искусству. Необходимы теплота и эмоциональное отношение к литературе. Этим лучше всего вскрывается значение памятника».¹⁰¹ На этом же ученом совете разбирался вопрос о проведении в близком будущем научно-исследовательской сессии института, для которой В. П. Адрианова-Перетц предложила тему доклада: «„Слово о полку Игореве“ на Западе». 4 ноября 1944 г. обсуждались планы работ отдела в 1945 г. Неотложной задачей стало издание 2-го тома «Истории русской литературы» (XIII—XVII вв.), который, как уже известно, был подготовлен до войны. В 1944 г. была сдана в набор рукопись первой части 2-го тома (40 а. л.). Она вышла из печати весной 1945 г. Вторая часть требовала переработки и дополнений, что и было сделано в течение 1945 г., а в 1946 г. эта часть тома (тоже 40 а. л.) была сдана в набор.

В 1944 г. ОДРЛ работал в следующем составе. Заведующий отделом — акад. А. С. Орлов, ст. научные сотрудники: В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль, докторант — А. П. Евгеньева. 9 декабря 1944 г. состоялся ее доклад на тему «Эпитеты в русском былевом эпосе». Присутствовали: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, И. М. Колесницкая, Е. И. Боброва, М. И. Стеблин-Каменский. По основной теме научного плана 1944 г. «Проблема жанра в средневековой русской литературе» были выполнены следующие работы:¹⁰² А. С. Орлов. «Воинская повесть в ее ха-

⁹⁹ Там же, оп. 1 (1945), л. 21 и след.

¹⁰⁰ Там же, № 9, л. 42.

¹⁰¹ Там же, оп. 1 (1944), № 11.

¹⁰² Там же, оп. 1 (1946), № 10, л. 29.

рактрных жанровых особенностях»; В. П. Адрианова-Перетц. «Княжеские жития — жанр панегирика национальным героям»; И. П. Еремин. «„Слово о полку Игореве“ — ораторское „слово“»; Д. С. Лихачев. «Летопись XI—XVI вв. как литературный жанр».

М. О. Скрипиль закончил докторскую диссертацию на тему «Опыты изучения историко-бытовой повести», которую защитил в декабре 1944 г.

Параллельно с основной темой шла работа индивидуальная. Так, В. П. Адрианова-Перетц подготовила материал для очерка «Житийно-повествовательная литература о князе Владимире I», И. П. Еремин начал работу над изучением художественных особенностей «Повести временных лет».

Д. С. Лихачев сдал для издания в серии научно-популярных книг «Очерки по истории национального самосознания Древней Руси», А. С. Орлов написал ряд статей по истории русского литературного языка (язык Крылова, Грибоедова, Лескова). В конце 1944 г. акад. А. С. Орлов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. По этому поводу Д. С. Лихачев писал ему из Казани: «Прочтя в газетах о Вашем награждении, я почувствовал, что работа отдела становится на прочные рельсы, что он нужен и что его не забывают».¹⁰³

В дальнейшем отдел, или, как он стал называться с 1946 г., Сектор древнерусской литературы, предполагал работать по трем основным направлениям, результатом чего должны были стать монографии-исследования, объединяемые общими проблемами. Это проблемы становления русской национальной литературы XI—XVII вв.: 1) Раскрытие генезиса главнейших произведений древнерусской литературы как глубоко самобытных явлений; 2) История поэтического стиля XI—XVII вв.; 3) Роль фольклора в формировании жанров и поэтического языка средневековья; 4) Русско-славянские литературные отношения средневековья как выражение литературного единства славянского мира.

Основными памятниками, на материале которых разрабатывались эти проблемы, были: «Слово о полку Игореве», русские летописи, сочинения Владимира Мономаха, исторические и историко-бытовые повести.

В течение 1945 г. регулярная научная жизнь отдела стабилизировалась. Проходили научные заседания, читались доклады. В течение этого года секретарские обязанности исполняла докторант А. П. Евгеньева. Ее рукой и написаны сохранившиеся в архиве протоколы.¹⁰⁴ 3 февраля 1945 г. на совещании руководящих сотрудников ИРЛИ обсуждалась предстоящая работа по написанию сборника научных работ к юбилею Академии наук СССР (220 лет). Решено было историю становления литературоведческой науки разделить хронологически — по векам, и об истории изучения памятников древнерусской литературы в Академии наук поручено было написать В. П. Адриановой-Перетц.

Что же касается исследовательских работ В. П. Адриановой-Перетц, то в 1945 г. она продолжает работать над поэтикой древнерусской литературы — собирает материал, делает наблюдения над художественным стилем средневековой литературы, регулярно обсуждает написанное на заседаниях отдела. Эта работа была связана с намечавшимся созданием большой общеконститутивной работы по исторической поэтике, которая обсуждалась осенью 1944 г. на заседании заведующих секторами ИРЛИ.¹⁰⁵ Этот труд не был осуществлен до конца, но в 1945 и 1946 гг. В. П. Адрианова-Перетц интенсивно работала над изучением стиля древнерусских памятников, в результате чего появилась ее замечательная работа «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947), называвшаяся вначале «Очерки литературного стиля русского средневековья». На заседании отдела

¹⁰³ Там же, ф. 763, оп. 3, № 72.

¹⁰⁴ Там же, ф. 150, оп. 1 (1945), № 9.

¹⁰⁵ Там же, оп. 1 (1944), № 11.

7 марта 1945 г. обсуждается одна из глав этой книги — «Из истории средневековой метафоры».¹⁰⁶ Присутствовали: А. С. Орлов, В. А. Десницкий, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль, Е. И. Боброва, О. В. Ковальницкая, И. М. Колесницкая, П. Г. Ширяева, И. П. Еремин, М. В. Николаева, А. П. Евгеньева.

Резюмируя свои наблюдения, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «... характерной особенностью средневековой метафоры является постоянство ее употребления, т. е. то самое постоянство, о котором писал А. С. Орлов в отношении некоторых формул и сочетаний в воинских повестях... В своей работе я опиралась на то понимание метафоры, которое было известно писателю-византийцу, шедшему от античной традиции... речь шла о стилистическом приеме (метафоре), который при переходе из жанра в жанр принимает различную окраску и уже, конечно, не может лежать только в пределах богословия».

Прочитанный ею доклад В. П. Адрианова-Перетц считала началом большой работы, предпринятой и рассчитанной не на один год, так как в дальнейшем она предполагала проследить различные виды метафор по всем жанрам древнерусской литературы.

А. С. Орлов высоко оценил работу В. П. Адриановой-Перетц, почувствовав преимущество ее труда по отношению к исследователям прошлого в области художественного значения памятников литературы Древней Руси — прежде всего Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского. «Когда я слушал доклад, — сказал на обсуждении А. С. Орлов, — я вспомнил Ф. И. Буслаева, писавшего о том, что в первой четверти XVII в. происходит изменение метафор в русской литературе... Надо установить круг явлений (метафоры, аллегории, символы) и проследить не только на „практике“, но использовать и теоретические работы средневековья... Работа, начатая Варварой Павловной, огромна и требует привлечения к ней и других сотрудников».

Действительно, в эти же первые послевоенные годы и Д. С. Лихачев и И. П. Еремин, а с лингвистической точки зрения — А. П. Евгеньева разрабатывают вопросы стиля литературных средневековых памятников. Помимо большой работы о художественной природе летописи¹⁰⁷ Д. С. Лихачев, например, в дополнение к статье В. Л. Комаровича для «Истории русской литературы» написал в 1945 г. раздел «Стиль писаний протопопа Аввакума» — тема, к которой он потом не раз обратится в более поздних своих работах.¹⁰⁸

14 марта 1945 г. Д. С. Лихачев рассказал на заседании отдела о своей научной работе в 1943—1944 гг.

28 марта с рассказом об экспозиционном плане Отдела древнерусской литературы в Литературном музее выступила В. Д. Кузьмина (тогда сотрудница Литературного музея в Москве). На этом заседании присутствовали: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, М. О. Скрипиль, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, М. В. Николаева (в 1945 г. аспирантка ОДРЛ, работавшая под руководством В. П. Адриановой-Перетц), Г. П. Ширяева, А. Н. Хмелевская, А. П. Евгеньева, В. А. Десницкий.

Идея специального «Музея древнерусской книжности» была выдвинута еще акад. Н. К. Никольским, и в 1918 г. такой музей, носивший «историко-библиографический характер», был по его инициативе создан. Он помещался в доме Н. К. Никольского в Детском Селе. Об этом факте говорят материалы по деятельности Н. К. Никольского в «Историко-библиографическом музее древней славяно-русской книжности» и черновые рукописи

¹⁰⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1945), № 9.

¹⁰⁷ В план Совнаркома на 1946 г. по ОДРЛ входило издание монографии Д. С. Лихачева о летописи как литературном произведении (ААН, ф. 150, оп. 1 (1946), № 10).

¹⁰⁸ См.: «Человек в литературе Древней Руси» (2-е изд. М., 1970), «Развитие русской литературы X—XVII вв.» (Л., 1973), «Смеховой мир Древней Руси» (Л., 1976) и др.

по истории его возникновения, сохранившиеся в архиве академика.¹⁰⁹ План экспозиции древнерусских книжных материалов в Литературном музее Москвы, изложенный В. Д. Кузьминой, вызвал при обсуждении живой интерес, а также ряд замечаний и пожеланий, связанных с принципом показа материала. Проспект этого плана сохранился в архиве.¹¹⁰

25 апреля 1945 г. на заседании отдела, когда подводились итоги работы в течение 1-го квартала, с развернутым сообщением о необходимости немедленно приступить к подготовке планомерного издания памятников древнерусской литературы выступил А. С. Орлов: «. . . до сих пор мы не имеем настоящего издания, отвечающего современным требованиям литературной науки, тогда как это дело исключительной важности и значения. Издание памятников, которое в отделе прекратилось, необходимо начать снова». На этом заседании было решено: 1) составить докладную записку в президиум АН СССР об издании памятников древнерусской литературы; 2) направить письмо директору БАН с просьбой о скорейшем открытии Рукописного отдела (в 1945 г. еще законсервированного), поскольку для издания памятников необходима была в первую очередь работа с рукописями. Д. С. Лихачеву поручили передать это письмо в дирекцию БАН. Директор библиотеки проф. Яковкин считал возможным открыть Рукописный отдел только после празднования юбилея Академии наук, когда из помещений БАН будут вывезены рукописи Пулковской обсерватории, хранившиеся там в годы войны. Для работы в Рукописном отделе на заседании ОДРЛ была выдвинута кандидатура В. Ф. Покровской, которая тогда работала в госпитале. Для юбилейной выставки сотрудниками ОДРЛ был подготовлен список рукописей и старопечатных книг, к которым составлены аннотации.

23 мая отделом была принята докладная записка А. С. Орлова об издании памятников древнерусской литературы, адресованная дирекции ИРЛИ. Решено было направить эту записку в бюро Отделения литературы и языка АН СССР. В течение 1945 г. вопрос не был, по-видимому, окончательно решен, так как А. С. Орлов еще раз вернулся к нему в конце года, в письме в дирекцию института от 21 декабря 1945 г.: «Пятилетним планом (1946—1950 гг.) Институтом литературы предусмотрено издание Сектором древнерусской литературы серии „Памятников древнерусской литературы“».

Еще в 1898 г. академиками М. И. Сухомлиновым и А. А. Шахматовым был составлен „Проект издания собрания сочинений русских писателей“, в которое должны были войти и литературные памятники русского средневековья. В том же году акад. Н. К. Никольскому было поручено собирание библиографических материалов для академического издания памятников XI в. (в 1906 г. были изданы «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв.»). Организованная в 1901 г. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) развернула большую подготовительную библиографическую работу (итоги ее собраны в картотеке КПДЛ, хранящейся в БАН), но за все время своего существования (до 1936 г.) издала лишь три выпуска „Памятников“, в которые вошли Жития Бориса и Глеба, Авраамия Смоленского и Моление Даниила Заточника.

Между тем потребность в строго научном издании литературных памятников XI—XVII вв. все возрастает. Целые группы этих памятников — и именно те, которые в настоящее время привлекают к себе особое внимание исследователей, — до сих пор остаются либо совсем не изданными, либо имеются в старых, не отвечающих научным требованиям изданиях. В таком положении, например, находится большинство русских повестей —

¹⁰⁹ ААН, ф. 247, оп. 2, № 39.

¹¹⁰ Сводный тематико-экспозиционный план раздела «Древняя русская литература (XI—XVII вв.)» (сост. В. Д. Кузьмина). — Там же, ф. 150, оп. 1 (1947), № 16.

исторических, бытовых, легендарных, памятники русского стихотворства (не изданы даже сочинения Симеона Полоцкого), многие драматические произведения, путешествия и т. д.

„Памятники древнерусской литературы“ должны дать исследователям и читателям наиболее значимые по теме и лучшие в художественном отношении произведения каждого литературного жанра. В первую очередь будут изданы хранящиеся лишь в рукописях или неудовлетворительно научно изданные тексты. Основные требования, которым должны удовлетворять все издания, сводятся к следующему:

а) изданию предшествует вступительная статья критико-библиографического характера, содержащая вместе с тем историю текста памятника в рукописных его списках;

б) текст изучается с учетом всех сохранившихся его списков;

в) при наличии нескольких редакций памятника издаются те из них, которые представляют переработки, существенно изменяющие содержание, стиль или язык произведения;

г) старшая редакция издается, по возможности, в реконструированном виде, во всяком случае — с исправлением явно ошибочных чтений, причем все исправления оговариваются в примечаниях;

д) текст сопровождается комментарием историко-литературным и по мере надобности историческим, историко-географическим и реальным;

е) в приложении к каждому выпуску дается словарь наиболее характерных для данного памятника трудных слов с переводом на современный русский язык;

ж) желательно иллюстрировать каждый выпуск снимками со старших списков памятника и миниатюрами к тексту и авторскими портретами, если таковые сохранились в художественно ценном исполнении.

Сектор древнерусской литературы считает неотложной задачей организацию систематического издания по приведенному плану „Памятников древнерусской литературы“ и просит дирекцию Института литературы возбудить перед Отделением литературы и языка АН СССР ходатайство об учреждении специальной серии „Памятники древнерусской литературы“ и о том, чтобы серия ежегодно обеспечивалась в издательском плане. . .»¹¹¹

В дополнительной записке А. С. Орлова, адресованной дирекции, говорилось: «Это издание в каждом случае должно явиться результатом большой, вполне самостоятельной исследовательской работы. Реконструкция основного текста, сохранившегося в поздних списках, установление редакций памятника составляют наиболее трудоемкую и требующую чисто исследовательских разысканий часть всякого научного труда по истории древнерусской литературы. Ввиду этого работа по изданию памятников XI—XVII вв. должна быть приравнена к любой исследовательской теме. . .»¹¹²

На заседании отдела 30 мая 1945 г. решено было ходатайствовать перед дирекцией института о представлении ОДРЛ должности младшего научного сотрудника, на которую планировалось пригласить В. И. Малышева. Владимиру Ивановичу предстояла большая работа по библиографии и описанию рукописей.

В течение весны и осени 1945 г. продолжались работы сотрудников по изучению отдельных конкретных произведений. Выделим доклад В. П. Адриановой-Перетц о княжеских житиях, состоявшийся 6 июня 1945 г., по поводу которого А. С. Орлов заметил: «Доклад интересен объединением большого материала на психологической основе с указанием на государственные и политические стороны . . . Работа . . . ставит своей задачей обосновать княжеские жития как специфический жанр».¹¹³

¹¹¹ Там же, оп. 1 (1946), л. 69.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, № 10.

Осенью, 28 ноября, В. П. Адрианова-Перетц делает другой, близкий по теме доклад о «Слове о житии и преставлении великого кн. Дмитрия Ивановича. . .» Варвара Павловна обратилась к житиям в результате своих занятий поэтическим стилем. В июле ею был сделан доклад о «плачах» в древнерусской литературе, во многом основанный на агиографическом материале.

В связи с пере- и доработкой второй части 2-го тома «Истории русской литературы» В. П. Адрианова-Перетц 26 сентября 1945 г. ставит на обсуждение в отделе вопрос о периодизации русской литературы XVII в. «Очень важно было бы показать, — говорила она, — что настоящий поворот в литературе начинается с момента особенно яркого и резкого проявления национальных демократических тенденций». «До сих пор никто не давал в системе тех явлений, которые систематизировала Варвара Павловна, — заметил А. С. Орлов. — У докладчика очень тонко подмечены специфические особенности некоторых периодов. В заключительной статье, подводящей итоги трех больших частей, необходимо сказать о том, что истоки и основание древней литературы — византийская литература — представляет собой основу мирового характера, и русская литература продолжала и развивала традиции, имеющие исключительно важное значение». Д. С. Лихачев высказал тогда мысль, развитую им в более поздних его работах: «В заключении необходимо подчеркнуть, что русская древняя литература не заканчивается в XVII веке».¹¹⁴

Итоги работы отдела в 1945 г. выразились в его годовом отчете.¹¹⁵

I. «История русской литературы».

Отпечатана 1-я часть 2-го тома (объем 43 а. л.), дополнен ряд статей и проведена редактура 2-й части 2-го тома (объем 40 а. л.), написаны 2 вводные главы и заключительная статья к двум первым томам. Вводные главы и заключительная статья были отредактированы А. С. Орловым.

II. Проблема становления национальной русской литературы в XI—XVII вв.

А. С. Орловым написана статья «О повестях Смутного времени начала XVII в.», продолжено исследование стиля воинской повести. На юбилейной сессии Академии наук сделан доклад «Героические темы древнерусской литературы — к истории воинского стиля XI—XVII вв.».

В. П. Адрианова-Перетц продолжала работу над книгой «Очерки литературного стиля русского средневековья». Ею также была написана статья «К истории литературного пейзажа в древнерусской литературе» (для сборника в честь А. И. Белецкого).

И. П. Еремин закончил исследования «„Слово о полку Игореве“ как литературный жанр» и «Стилистический анализ „Повести временных лет“». Д. С. Лихачев продолжал работу над исследованием летописи как литературного памятника.

III. Подготовка к изданию «Памятников древнерусской литературы».

А. С. Орлов готовил к печати «Повесть о пахождении Стефана Батория на Псков», В. П. Адрианова-Перетц собрала материал для издания двух редакций «Задонщины», М. О. Скрипиль подготовил к печати три редакции «Повести о Савве Грудцыне», начал работу над списками «Повести о Юлиании Лазаревской», И. П. Еремин готовил к изданию текст «Рифмологикона» Симеона Полоцкого и двух его «Книжиц». Д. С. Лихачев работал над списками «Повести о Николе Заразском».

IV. Издательская деятельность ОДРЛ в 1945 г. выразилась в том, что вышли из печати 1-я часть 2-го тома «Истории русской литературы»; книги А. С. Орлова: 1) «Героические темы древнерусской литературы», 2) «Казахский героический эпос» и «Древняя русская литература XI—XVII вв.» (3-е изд.); книга Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, л. 25.

Руси» и находилась в печати его же «Культура Руси в XV в.». Докторант А. П. Евгеньева продолжала работу над диссертацией. Кроме того, сотрудниками отдела (А. С. Орловым, Д. С. Лихачевым и А. П. Евгеньевой) был сделан ряд докладов на заседаниях ученого совета института, в отделах новой русской литературы и фольклора, в Институте истории.

Уже в самом начале нового 1946 г. (2 января) в секторе состоялось обсуждение принципов публикации памятников. Выступали И. П. Еремин и М. О. Скрипиль. В обсуждении помимо постоянных сотрудников сектора приняла участие В. Ф. Покровская. В. П. Адрианова-Перетц сказала, что «самым важным является вопрос реконструкции текста. Если говорить о полной реконструкции текста, то могут возникнуть многие сложные положения, обусловленные тем, что наиболее древними могут оказаться детали варианта, а не основного списка. Надо решить вопрос о том, до какого предела идет реконструкция. Относительно раскрытия цитат следует сказать, что нельзя ограничиваться только цитатами из Священного писания. Необходимо обсудить вопрос о комментариях и их „распределении“ между вступительной статьей и подстрочными примечаниями».¹¹⁶

А. С. Орлов призвал к бережному отношению к средневековым текстам: «Публикуя список XIII—XIV вв., приходится быть чрезвычайно осторожным, так как исправления могут быть спорными. Восстановление текста по двум-трем спискам, может быть, и не следует делать, а если делать, то чрезвычайно редко. Что касается исправления цитат, то и здесь требуется большая осторожность, иногда приходится оставить цитату в том виде, в каком она приведена . . . Вопрос об орфографии чрезвычайно сложен, и в „восстановленных“ местах и в раскрытых титлах здесь придется быть особенно внимательным. Необходимо использовать словари, которые даны в приложениях к различным изданным памятникам и являются дополнениями к словарю Срезневского. (Желательно бы составить библиографию их!)».¹¹⁷ Немногом ранее, 28 ноября 1945 г., А. С. Орлов говорил в связи с сообщением М. О. Скрипиля о подготовке им к изданию текста «Повести о Савве Грудцыне»: «. . . при таком большом количестве списков желательно видеть не только резко отличные друг от друга, но и группы списков близких. В предисловии можно дать характеристику различных групп списков, должна быть текстологическая характеристика».¹¹⁸

При обсуждении принципов издания древнерусских текстов А. С. Орлов высказал следующие соображения: «Необходимо поставить вопрос об издании сборников „Измарагд“, „Златая цепь“, „Златоуст“. Следует издавать „Триоди“ и „Торжественники“. Надо составить список тех сборников, которые надо издавать. Для культурной истории России сборники эти имеют огромное значение».

Напомню, что еще в 1942 г. В. П. Адрианова-Перетц написала статью об «Измарагде». Вопросы о принципах издания древних текстов возникли, конечно, не внезапно. Накопился опыт работы над конкретными памятниками. Много работал в это время над историко-бытовыми повестями М. О. Скрипиль, над летописанием — Д. С. Лихачев, над сочинениями Симеона Полоцкого — И. П. Еремин, а В. П. Адрианова-Перетц в феврале 1946 г. ставит на обсуждение в секторе план издания «Задонщины». Очевидно, не случайно и то, что тогда же, в феврале, проф. И. М. Тронский, исследователь английской литературы, сделал на заседании сектора доклад о современных приемах издания классиков.

В плане работы сектора на 1946 г., подписанном А. С. Орловым, предполагалось:

1. Издание ТОДРЛ (т. 5, 6).

¹¹⁶ Там же, № 10.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

II. Издание текстов памятников древнерусской литературы: «Повесть о нахождении Батория на Псков» (А. С. Орлов); «Задонщина» (В. П. Адрианова-Перетц); «Книжицы» Симеона Полоцкого, сочинения Феодосия Печерского (И. П. Еремин); «Повесть о Николе Заразском» (Д. С. Лихачев); повести о Юлиании Лазаревской, о Басарге, о Тимофее Владимирском, о купце Георгии и волхве, о бедствиях купеческой дочери (М. О. Скрипиль); записи былин XVII в. (А. П. Евгеньева); «Повесть о Ярополе-царевиче» (М. В. Николаева).

III. Монографии: А. С. Орлов. «Владимир Мономах и его сочинения»; В. П. Адрианова-Перетц. «Очерки литературного стиля русского средневековья» (гл. «Эпитет в русской литературе XI—XVII вв.»; «Фантастика в историческом повествовании»); А. П. Евгеньева. «Из истории русского литературного языка и стиля XVII—XVIII вв.» (гл. IV—VII докторской диссертации); М. О. Скрипиль. «Опыты изучения древнерусской повести». Т. 2 (Гл. «Повесть о Луке Колоцком»). То же. Т. 1 — доработка в печати; М. В. Николаева. «Повесть о Ярополе-царевиче» (канд. дис.).

IV. Историография древнерусской литературы: труды К. Ф. Калайдовича и П. Строева. Исполнители: И. П. Еремин и Д. С. Лихачев.

В плане Совнаркома на 1946 г. по Сектору древнерусской литературы значилось:

I. Издание второй части 2-го тома «Истории русской литературы» (XVII в.). Объем 40 а. л. Отв. редактор В. П. Адрианова-Перетц.

К плану была приложена аннотация ответственного редактора: «Особое внимание обращено на литературные памятники, характеризующие усиление реалистических тенденций, связей с устной традицией, сближение литературного языка с живой речью; показано появление в литературе новой тематики, рост сатирических жанров; ослабление дидактизма и интерес к характеристике нового „героя“, отдельными чертами напоминающего уже деятеля времени реформ; пересмотрены вопросы западно-европейских и украинско-белорусских культурных и литературных воздействий».¹¹⁹

II. Монография «Летопись как литературное произведение». Объем 25 а. л. Исполнитель: ст. научный сотрудник Д. С. Лихачев.

В примечании к плану работы на 1946 г. А. С. Орлов писал: «ОДЛ не может и не должен быть урезан, так как отдел работал много и необходимо, чтобы сделанные уже работы были напечатаны в 1946 г. Кроме того, необходимо, чтобы отдел имел свой орган. Есть большие законченные работы, например диссертация М. О. Скрипиля. Есть текст „Повести о Савве Грудынце“, надо издать и первые записи былин. Труды отдела должны быть изданы обязательно, причем они должны состоять из работ сотрудников, а также из кратких конспективных изложений того нового, что вышло».¹²⁰

При обсуждении плана И. П. Еремин предложил издавать в ОДРЛ не только статьи, но и сами тексты.

В. П. Адрианова-Перетц по этому поводу заметила: «Вероятно, в 1946 г. придется в „Трудах“ совместить и исследования и тексты. В дальнейшем необходимо издание текстов выделить как особое издание, представляющее собой большое коллективное предприятие, нуждающееся в особых ассигнованиях (командировки, копии, фотокопии и т. д.)».

Решение о начале научных изданий древнерусских памятников, принятое сектором в 1945 г., стало воплощаться в жизнь уже на следующий год. Работа В. П. Адриановой-Перетц над текстом «Задонщины» — тому пример. 13 марта 1946 г. на заседании сектора обсуждались вопросы, связанные с изданием этого памятника. «Предположение Варвары Павловны о трех источниках „Задонщины“ вполне реально, — сказал А. С. Орлов. — Очень интересно, как Кирилло-Белозерский список помогает восстано-

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

нию текста. Необходимо продолжить разыскания и восстановление текста, так как это имеет большое значение в числе неопровержимых доказательств против положений А. Мазона, высказанных им в работе о „Слове о полку Игореве“. 24 апреля А. С. Орлов выступил на секторе, как было помечено в повестке дня, с сообщением о полученных им из Парижа лекциях А. Мазона, в которых автор развивал свои положения о подложности «Слова о полку Игореве». В результате участники заседания постановили: «Подготовить и напечатать ряд статей и исследований по частным, конкретным вопросам, связанным с историей „Слова о полку Игореве“ и с самим текстом». ¹²¹ В конце мая состоялся доклад П. Н. Беркова «Заметки к истории изучения „Слова о полку Игореве“, а в ноябре 1946 г. В. П. Адрианова-Перетц выступила с докладом «„Задонщина“ в изображении Мазона». Наряду с этим в течение 1946 г. продолжалась ее работа над «Очерками литературного стиля русского средневековья» — были написаны главы: вступительная, заключительная и о роли метафорически-символического стиля в русской литературе XI—XVII вв. По второй части этого труда был написан раздел, касающийся проблем изучения исторического повествования XI—XVII вв., собран материал об элитете. Все эти вопросы обсуждались в течение года на заседаниях сектора: в марте, например, состоялся доклад В. П. Адриановой-Перетц на тему «Метафора „солнце“ в древнерусской литературе», продолжающий прочитанный ею годом раньше доклад «Из истории средневековой метафоры». Д. С. Лихачев закончил в 1946 г. свою работу о летописи как литературном памятнике, и доклад «К вопросу о летописи как литературном памятнике» был прочитан им на заседании сектора в феврале 1946 г. Эта работа была докторской диссертацией Д. С. Лихачева.

«Основная идея и тема диссертации, — пишет автор, — заключалась в попытке рассмотреть всю историю русского летописания как историю литературного жанра, при этом постоянно меняющегося в зависимости от изменения историко-литературной обстановки. До меня проблема изменения типов летописного жанра не ставилась. Метод А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова позволял рассматривать историю летописания только как историю сводов». ¹²²

В. П. Адрианова-Перетц позже писала об этой работе: «Д. С. Лихачев с первых же шагов подошел к летописи не только как историк, но и как литературовед. Он изучал рост и изменение самих способов летописания, их обусловленности своеобразием русского исторического процесса. Так намечился характерный для всего исследовательского пути Дмитрия Сергеевича глубокий интерес к проблеме художественного мастерства древнерусской литературы. Уже в ранних своих работах он изучает стиль литературы и изобразительного искусства как проявление единого художественного сознания». ¹²³ В 1946 г. вышла книга Д. С. Лихачева «Культура Руси эпохи русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.)», в которой особенно важна для дальнейших исследований в области изучения древнерусской литературы глава о литературе эпохи Куликовской битвы и где в сжатом виде были сконцентрированы многие положения ученого, нашедшие развитие в последующих его работах. Продолжался и его труд о «Повести о Николле Зараском». 20 февраля 1946 г. Д. С. Лихачев прочитал на заседании сектора незавершенную статью покойного В. Л. Комаровича «Повести о Николле Зараском». Поскольку статья представляла собой определенный этап в исследовании повести (как сказано в протоколе заседания), решено было ее напечатать, предварительно «проверив все ссылки и справки». Работа самого Д. С. Лихачева

¹²¹ Там же, № 13.

¹²² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. С. 34.

¹²³ Адрианова-Перетц В. П. Дмитрий Сергеевич Лихачев: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1966. С. 7—8.

над этим памятником продолжила и развила труд В. Л. Комаровича. В. П. Адрианова-Перетц охарактеризовала работу Д. С. Лихачева как образцово выполненное текстологическое исследование. В марте 1946 г. Д. С. Лихачев выступил с докладом о «Житии Александра Невского», проследив в нем западнорусские литературные традиции. А. С. Орлов отметил, что «доклад надо рассматривать как программу дальнейшей большой работы». О вышедшей в 1947 г. статье на основе этого доклада В. П. Адрианова-Перетц отозвалась как о «чрезвычайно свежей по наблюдениям».

И. П. Еремин готовил к изданию тексты сочинений Феодосия Печерского и Кирилла Туровского (они были напечатаны в 5-м и 6-м томах ТОДРЛ), а также «Декламации» Симеона Полоцкого. На заседании сектора 27 февраля 1946 г. Еремин прочитал доклад на эту тему, а 6 октября — о Кирилле Туровском. Одновременно он изучал материалы по истории старинного театра (сообщение об этом было заслушано 6 октября). Театру было посвящено и заседание сектора 20 ноября, когда читался доклад С. А. Щегловой «Любительский театр начала XVIII в. и его репертуар».

Разрабатывалась и тема взаимоотношений литературы и фольклора, как можно судить об этом по прочитанным в 1946 г. докладам В. П. Адриановой-Перетц «Фольклор в стихотворных жаргах XVIII в.», М. В. Николаевой «Повесть о Ярополе-царевиче и русские народные сказки», А. П. Евгеньевой «Лексика сборника Кириши Данилова» и «Сказание о киевских богатырях», А. А. Морозова «Легенды о скоморохах в фольклоре и древней литературе». Одно из заседаний сектора (23 сентября) было посвящено переводной литературе Древней Руси: с докладом «Еврейские источники русского компилятивного хронографа» выступил Н. А. Мецкерский. При обсуждении доклада В. П. Адрианова-Перетц сказала: «Работы докладчика имеют огромное значение в освещении переводов домонгольского периода. Чрезвычайно интересны данные и о русском языке Киевского периода. В этом направлении надо вести дальнейшую работу, так как итоги ее будут иметь значение для освещения реальной картины литературного языка Киевской Руси».

М. О. Скрипиль продолжал работу над темой «Древнерусская историко-бытовая повесть». Он подготовил к изданию повести о Басарге, о Юлиании Лазаревской, о Тимофее Владимирском, о купце Георгии и Волхве, о бедствиях купеческой дочери.

Докторант А. П. Евгеньева работала над диссертацией «К истории литературного языка и стиля XVII—XVIII вв.», аспирант М. В. Николаева — над диссертацией «Повесть о Ярополе-царевиче».

В 1946 г. была возобновлена интенсивная работа по библиографии древнерусской литературы. Этим занимался В. И. Малышев, который привел в порядок картотеки «Толковой библиографии древнерусской литературы», заново составил аннотированные карточки на исследования о древнерусской повести, просмотрел ряд журналов и газет, откуда извлек материалы для картотеки. В. И. Малышевым было также начато научное описание рукописных сборников из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Кроме того, в 1946 г. В. И. Малышев осуществил поездку по Карелии для выявления и собирания сохранившихся рукописей — 2 октября на заседании сектора он сделал отчет об этой поездке.

Печатался 5-й том ТОДРЛ, был сдан на рецензию 6-й том, подготовлена монография А. С. Орлова «Владимир Мономах» (в серии научно-популярных изданий АН СССР). Помимо работ, упомянутых в официальном отчете, В. П. Адрианова-Перетц напечатала в 1946 г. статью «Академик А. С. Орлов. К 75-летию со дня рождения» («Вестник АН СССР» (1946. № 4)); написала рецензии на книги А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» («Вестник АН СССР»), «Юмористические курьезы» (сб. памяти чл.-кор.

АН СССР И. А. Бычкова), на книгу Н. К. Гудзия «История древнерусской литературы».

А. С. Орлов осуществил 2-е дополненное издание книги «Слово о полку Игореве», напечатал статью «Повесть 1606 г.» (Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1946. Т. 5, вып. 1); Д. С. Лихачев написал доклад «Шахматов как исследователь русского летописания» для сессии Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, посвященной памяти акад. А. А. Шахматова. И. П. Еремин опубликовал статью «Неизвестный памятник болгарской литературы конца XVI в.» (Науч. бюл. ЛГУ. 1946. № 11—12),¹²⁴ М. О. Скрипиль — статьи «Повесть о Петре и Февронии» и «Эпические сказания южных славян об огненном змее» (там же).

В конце 1946 г., 4 ноября, на заседании сектора М. О. Скрипилем была прочитана статья А. С. Орлова «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья». При ее обсуждении И. П. Еремин, а вслед за ним и М. О. Скрипиль поддержали замечание А. С. Орлова о необходимости переиздания памятников древнерусской литературы, а также об обновлении их репертуара. Центральной задачей работы специалистов по древнерусской литературе И. П. Еремин считал не только «эстетическое оживление» древнерусских памятников (по выражению А. С. Орлова), но и изучение художественного стиля древнерусской литературы как метода. Важна мысль А. С. Орлова, сказал И. П. Еремин, относительно связи в работе между специалистами по русской и западной литературам в целях взаимного обогащения научными достижениями в литературоведении. М. О. Скрипиль добавил, что необходимо, по его мнению, сделать более тесными научные связи исследователей древнерусской литературы с фольклористами и специалистами по античной культуре, больше «использовать достижения разных областей исторических наук». В дальнейшем по инициативе В. П. Адриановой-Перетц историки совместно с литературоведами приняли деятельное участие в издании ряда памятников: «Хождения за три моря» Афанасия Никитина (1958), «Повести временных лет». Ч. 1—2 (1950), «Посланий Ивана Грозного» (1951) и др. Мысль А. С. Орлова «об обновлении работы в книгохранилищах» поддержал В. И. Малышев.

Общеакадемический план 1947 г. предусматривал следующие работы.

1. Монографии-исследования: А. С. Орлов. «Владимир Мономах и его сочинения»; И. П. Еремин. «Древнерусская летопись XII—XIII вв. К истории стиля и мировоззрения»; «История русской литературоведческой мысли в СССР. Т. 1 / Коллектив сотрудников под общей редакцией акад. А. С. Орлова и чл.-кор. В. П. Адриановой-Перетц.

2. Подготовка к изданию памятников древнерусской литературы. 1) Исторические повести: «Повесть о Николке Зараском» (Д. С. Лихачев); 2) Историко-бытовые и легендарно-исторические повести: повести о Петре, царевиче Ордынском, о Луке Колоцком, о Марфе и Марии (М. О. Скрипиль); 3) Ораторство XI—XIII вв.: сочинения Кирилла Туровского (И. П. Еремин); 4) Зарубежные путешествия: «Хождение игумена Даниила и его позднейшие переделки» (В. П. Адрианова-Перетц); 5) Фольклор в записях XVII—XVIII вв.: пословицы в сборниках конца XVII в. (А. П. Евгеньева).¹²⁵

Как свидетельствует отчет о работе сектора за 1947 г., по общеакадемическому плану в 1947 г. велась работа над монографическими исследованиями: И. П. Ереминым — по теме «Древнерусская летопись XII—XIII вв. (Воинская повесть как литературный жанр)», В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, М. О. Скрипилем — над «Историей

¹²⁴ О «Житии архиепископа Варлаама», составленном не ранее конца 1598—начала 1599 г., и выписке из него — «Новине» Ивана Вишенского, датируемой примерно 1600 г.

¹²⁵ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 8.

русской литературоведческой мысли». (Был составлен развернутый план части обзора, касающейся зачатков литературоведения в средние века и метода изучения памятников древнерусской литературы в XVIII—XIX вв.) Из памятников древнерусской литературы к изданию были подготовлены: большая часть «Повести о Николе Заразском» Д. С. Лихачевым, повести о Петре, царевиче Ордынском, о Луке Колодком, о Марфе и Марии М. О. Скрипилем, из сочинений Кирилла Туровского И. П. Еремин подготовил тексты и предисловие к его «речам», В. П. Адриановой-Перетц была начата подготовка к изданию «Хождения игумена Даниила», а изучение ею «Задонщины» выразилось в публикации: «Задонщина. К вопросу о реконструкции авторского текста» (Изв. ОЛЯ АН СССР. 1947. № 2).

В 1947 г. Д. С. Лихачев представил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Очерки по истории форм летописания XI—XVI вв.», а аспирантка М. В. Николаева закончила работу над кандидатской диссертацией «Повесть о Ярополе-царевиче». Докторская диссертация Д. С. Лихачева частично вошла в изданную им в 1947 г. книгу «Русские летописи и их культурно-историческое значение». В диссертации, по словам В. П. Адриановой-Перетц, ученым была поставлена задача «построить систематическую историю летописания от его возникновения до XVII в.». Книга же Д. С. Лихачева стала «ценным вкладом в науку, принципиально новые выводы ее приняты и литературоведами и историками». Касаясь цикла работ Д. С. Лихачева о русском летописании (к ним относятся и статьи ученого о новгородской литературе и культуре для 2-го тома «Истории русской литературы», на их основе была написана книга «Новгород Великий» (1945)), В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что «они дали верное направление исследованиям художественных элементов летописания на разных этапах его развития. Они окончательно утвердили за летописями место среди литературных памятников исторического жанра».¹²⁶

Согласно общеплановому плану, В. П. Адрианова-Перетц продолжила работу по написанию «Очерков литературного стиля русского средневековья» (ч. II: «Проблемы литературного изучения древнерусского исторического повествования»), М. О. Скрипиль — «Опытов изучения древнерусской повести» (т. 2), Д. С. Лихачев — над изучением русской летописи как литературного произведения. Были собраны материалы для 7-го тома ТОДРЛ.

В ноябре 1947 г. прошла юбилейная сессия ИРЛИ, где сотрудниками сектора были прочитаны доклады: «Основные проблемы изучения литературы XI—XVII вв. в исследованиях 1917—1947 гг.» (В. П. Адрианова-Перетц); «Новое в изучении „Слова о полку Игореве“» (И. П. Еремин); «Древнерусская летопись как литературный памятник в трудах советских литературоведов и историков» (Д. С. Лихачев); «Древнерусская повесть в исследованиях 1917—1947 гг.» (М. О. Скрипиль).

С приходом в сектор В. И. Малышева в 1947 г. возобновилась и продолжалась библиографическая работа. В картотеке «Толковая библиография древнерусской литературы» им было закончено пополнение отдела, относящегося к изучению литературы XI—XVII вв. В 1917—1947 гг. продолжалось собирание сведений о рукописях из собрания Погодина; была произведена проверка новых поступлений в рукописных отделах БАН, ГПБ, ЛГУ, Института истории АН СССР, Всесоюзного географического общества для выявления новых списков «Азовских повестей». В. И. Малышев обнаружил 9 неизвестных в науке списков. На книжной выставке ИРЛИ он вместе с сотрудниками институтской библиотеки организовал отдел, характеризующий изучение древнерусской литературы

¹²⁶ Дмитрий Сергеевич Лихачев: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1966. С. 10.

в 1917—1947 гг.¹²⁷ В официальном отчете не упомянуты статьи и рецензии В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, вышедшие в 1947 г. в различных научных журналах.¹²⁸

Принципиально важное значение имело появление в печати в 1947 г. книги В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси» — итога ее многолетней работы. Д. С. Лихачев писал о книге: «Она интересна как первый опыт обстоятельного исследования метафор-символов в древней русской литературе — их значения, происхождения и традиционной повторяемости в различных произведениях, а также особого жанра, стоящего на грани книжности и фольклора, — лиро-эпических „плачей“. . . Принципиально важно, что и здесь, как и в своих исследованиях взаимоотношения фольклора и литературы, Варвара Павловна подчеркивает идейную обусловленность всяких изменений формы».¹²⁹

Весной 1947 г. умер А. С. Орлов. 17 мая состоялось совместное заседание секторов древнерусской и новой литературы, посвященное его памяти. Были прочитаны два доклада: «Академик А. С. Орлов — литературовед, художник и педагог» (В. П. Адрианова-Перетц) и «Академик А. С. Орлов: Жизнь и научная деятельность» (П. Н. Берков).

Кроме постоянных сотрудников на заседании присутствовали М. М. Орлова (вдова А. С. Орлова), В. Ф. Покровская, П. Н. Берков, В. В. Данилов, Е. С. Истрина, В. А. Петров, Б. С. Мейлах, И. Е. Тыслер, Д. В. Грибакин — всего, как показывает запись в протоколе, 33 человека.

Открывая заседание, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «А. С. Орлов был разносторонний ученый, никогда не замыкавшийся в рамках своей специальности. Характерной особенностью всех его работ является глубокий историзм, прекрасное знание фактического материала. Как человек <он> всегда был чутким и добрым нашим старшим товарищем». Касаясь биографии ученого, Варвара Павловна отметила: «Александр Сергеевич был воспитанником Московского университета. В Московском университете в это время широко был развит вкус к художественной стороне произведений. Сам же Александр Сергеевич считал себя призванным изучать поэтическую сторону памятников русской письменности. Этим объясняется его интерес к „Слову о полку Игореве“, воинским повестям. В работе над этими темами он проявил себя как наследник лучших традиций Ф. И. Буслаева. Но А. С. Орлов не был эстетом, он не рассматривал художественную сторону памятников замкнуто, в отрыве от исторической перспективы. В своих работах он широко привлекал материалы истории, истории искусств, этнографии и т. д. „Поэтику надо всегда рассматривать в связи с мировоззрением автора“, — говорил А. С. Орлов. Русскую культуру он считал частью славянской культуры и призывал к совместному их изучению. Свообразие русской художественной литературы он видел в своеобразии русского исторического процесса. Наши художественные ценности он считал частью мировой культуры. Отсюда у него возник интерес к казахскому героическому эпосу: в этом эпосе он уловил тесную связь с русской культурой, с русским эпосом».

В. П. Адрианова-Перетц говорила также и о внимании А. С. Орлова к русскому языку («Методология и методика языка всегда его интересовали. Знакомство с церковнославянским языком он считал необходимой ступенью в изучении русского языка. Александр Сергеевич интересовался языком крестьян; знал прекрасно купеческий язык, разделяя его всего, как он выражался, „на две половинки“: мужской язык и женский»), о высокой культуре слова самого А. С. Орлова («Устная речь Александра Сергеевича всегда отличалась большой выразительностью, яркостью харак-

¹²⁷ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 8.

¹²⁸ См.: Там же, № 16.

¹²⁹ Варвара Павловна Адрианова-Перетц: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1963. С. 14—15.

теристик и неподдельным юмором»). П. Н. Берков рассказал об основных этапах научной биографии А. С. Орлова, более подробно остановившись на работе созданного им института книги, документа и письма и участии его в сборниках статей по литературе XVIII в.

В составе Сектора древнерусской литературы произошли изменения. Заведующей стала В. П. Адрианова-Перетц, уже выполнявшая эти обязанности во время эвакуации в Казани и замещавшая А. С. Орлова во время его болезни. В связи с окончанием срока докторантуры А. П. Евгеньевой (1 мая) секретарем сектора становится В. И. Малышев, и с 25 апреля 1947 г. им велись все протоколы заседаний.

14 мая прошло обсуждение плана одной из глав книги «История поэтических учений», задуманной Академией наук СССР. В. П. Адрианова-Перетц сказала по этому поводу: «Сектору поручено написать первую главу для книги „История поэтических учений“. Материала по этому вопросу очень мало. Эту работу на материале средневековой литературы можно будет сделать по-настоящему лишь тогда, когда будет написана историческая поэтика и после серии больших предварительных исследований. Поэтому наша статья должна быть не как итог каких-то исследований, а лишь как постановка проблемы».

Затем выступил М. О. Скрипиль: «Поэтической теории как системы учения русское средневековье не создало, оно до этого не поднялось, хотя отдельные попытки в этом направлении и были. Вот так и надо ставить вопрос в статье, которую нам предлагают написать. Эти попытки теоретического осмысления заметны были внутри произведений древнерусской литературы. Но это создавалось на практике, на опыте. Никто тогда не говорил, как надо писать художественное произведение, никто тогда не задумывался над этим и не строил теорий». Д. С. Лихачев высказал мысль, что «... в Древней Руси были только эстетические вкусы, приобретенные эмпирически». И далее: «Вот эти вкусы-то и надо еще выяснить, объяснить их, обобщить, а затем уже строить поэтическую теорию древнерусской литературы. Известный сейчас материал в этом вопросе позволяет лишь сделать декларативное заявление, и только. Сейчас можно будет поставить только вопросы, ответы на которые дадут будущие исследователи, которым придется сделать строгую проверку наличного материала, пока еще очень и очень незначительного». Подводя итог обсуждению плана, В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «еще не пришло время, чтобы браться за разработку данной темы. Литература X—XVII вв. только обнаруживает стремление теоретизировать некоторые поэтические вкусы и приемы».¹³⁰

4 июня 1947 г. в секторе состоялось обсуждение книги Д. С. Лихачева «Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.)» и рецензии на нее М. Н. Тихомирова в журнале «Вопросы истории» (№ 4 за 1947 г.).

«По мере того как историческая наука отходит от традиционного представления о Древней Руси как о мрачной поре культурного застоя, неподвижности, замкнутости и упадка, — писал в предисловии Д. С. Лихачев, — по мере того как искусствоведы, археологи, литературоведы обнаруживают новые факты, свидетельствующие о высоком уровне русской средневековой культуры, — выясняется и своеобразии отдельных эпох культурного развития Руси». Книга Д. С. Лихачева стала итогом его наблюдений над текстами многих памятников древнерусской литературы. Через две недели после этого обсуждения В. П. Адрианова-Перетц выступает на заседании сектора с итоговым докладом «Основные проблемы в изучении средневековой русской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.», подготовленным ею для сессии ИРЛИ, посвященной 30-летию Октябрьской революции. Показав, что за это время исследователями были

¹³⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 16.

«переосмыслены литературные процессы средневековья», по-новому поставлена проблема периодизации литературного процесса (она стала более историчной), В. П. Адрианова-Перетц отметила, что советские ученые впервые «разбили литературные явления на жанры», в их исследованиях расширился круг памятников переводной литературы, было установлено, что в литературе XVII в. «личность все больше и больше освобождается от трафарета и шаблона». При всем том «характер древнерусского человека, — продолжала она далее, — еще не раскрыт целиком нашими литературоведами. Перед советскими литературоведами стоит задача раскрыть полнее эстетические запросы древнерусского человека . . . более полно и подробно изучить историческую поэтику. . .» При обсуждении доклада В. П. Адриановой-Перетц Д. С. Лихачев предложил включить в него важный и необходимый для дальнейших исследований вопрос об издании древнерусских памятников литературы.¹³¹

Работа В. П. Адриановой-Перетц над изучением стиля средневековой литературы привела ее к новым наблюдениям в области взаимоотношений древнерусской литературы и фольклора — темы, которую исследовательница разрабатывала много лет. В марте и мае 1947 г. она выступила с двумя докладами в Секторе фольклора: «Устная символика в древнерусской литературе» и «Народная прическа и древнерусские плачи». Позже в основополагающей для этой темы статье «Древнерусская литература и фольклор» В. П. Адрианова-Перетц напишет: «Проблема взаимоотношения в Древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотношения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости».¹³² Не случайно при обсуждении в декабре 1947 г. состава готовящегося 7-го тома ТОДРЛ В. П. Адрианова-Перетц решила посвятить его проблеме связей литературы и фольклора.

Помимо названных основных проблем, разрабатывавшихся сотрудниками сектора в 1947 г., читались и обсуждались доклады о «Слове о полку Игореве» (Н. В. Шарлемань), об элементах русской народной медицины в «Повести о Петре и Февронии» (Н. А. Богоявленский), о стиле Симеона Полоцкого (И. П. Еремин), о русской риторике XVI в. (Д. С. Бабкин), об авантюрном романе XVIII в. в связи с «Повестью о Ярополе-царевиче» (М. В. Николаева), о языке и стиле устной поэзии XVII в. (А. П. Евгеньева).

31 декабря 1947 г. на рабочем заседании сектора было решено с 1 января 1948 г. проводить заседания по средам с двух часов дня, что продолжается и до сих пор. В. П. Адрианова-Перетц как заведующая сектором заботилась о том, чтобы слушать доклады и принимать участие в обсуждении работы сектора могли все ученые смежных специальностей, все, кто интересуется вопросами литературы и культуры Древней Руси. Варвара Павловна считала важным поддерживать связь с постоянными участниками Трудов ОДРЛ, а также с бывшими сотрудниками. Так, сохранилась ее записка в дирекцию БАН, где в Рукописном отделе работала В. Ф. Покровская, с просьбой разрешить Вере Федоровне прерывать работу для участия в заседаниях сектора. «Для отдела чрезвычайно важно, — говорится в записке, — поддерживать научное общение со всеми специалистами, а тем более со своими питомцами».¹³³

Итак, со смертью А. С. Орлова завершается период становления, развития и оформления Отдела (Сектора) древнерусской литературы как единого целого. В последующие годы В. П. Адрианова-Перетц вместе со своими коллегами сделала сектор главным центром современного изучения древнерусской литературы.

¹³¹ См.: Там же.

¹³² ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 5.

¹³³ Там же.

Г. М. ПРОХОРОВ

Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания

1. Родственные памятники

Радзивилловский список летописи был сделан, судя по его бумаге и письму, в конце XV в.¹ Изложение же его оканчивается или обрывается на статье 6714 (1206) г. На всем своем протяжении оно близко (но по-разному) летописным текстам Лаврентьевского,² первой части Московско-Академического³ и второй части Архивского списков (начиная с 6646 (1138) г.), т. е. к Летописцу Переяславля-Суздальского.⁴ Лаврентьевский написан в 1377 г., а Московско-Академический и Архивский — тоже в XV в. Радзивилловский выделяется из них тем, что он иллюстрирован. Это древнейший иллюстрированный список русской летописи. Но здесь речь пойдет не о том, что представляют собой здешние миниатюры, иллюминирующие летописный текст, — только ли плод художественного творчества конца XV в. или же воспроизведение более древних иллюстраций, находившихся в том списке или в тех списках, которые генетически предшествовали Радзивилловскому, — а о том, что представляет собой его летописный текст.

Оборван ли он писцом или оканчивался на том же месте в его протографе? Значительно вероятней второе — потому, во-первых, что конец изложения находится здесь не в конце списка, а на его предпоследнем листе (244): статья 6711 (1203) г., продолжающаяся на этом листе, прерывается среди лицевой стороны листа (после миниатюры) вставкой, представляющей собой продолжение рассказа о событиях 6713 (1205) г., за которым следует рассказ о 6714 (1206) г.; после вставки, в конце второй строки снизу на л. 244 об., изложение возвращается к прерванной статье 6711 (1203) г.: на л. 245 за ней следует статья 6712 (1204) г. и начинается статья 6713 (1205) г.; она и обрывается с окончанием оборота 245 л. (а продолжается, как сказано, на л. 244). Поскольку эта перестановка части текста никак не может быть объяснена историей самого Радзивилловского списка (например путаницей в нем листов, так как переставленный текст не занимает целого листа), приходится думать, что листы были переставлены в той рукописи, от которой Радзивилловский список прямо или опосредованно зависит: вероятнее всего последний лист той книги оторвался и был вложен перед предпоследним. Во-вторых, точно такая же перестановка текста обнаруживается в Московско-Академическом списке, какой А. А. Шахматов первоначально счел выверенной копией Радзивиллов-

¹ См.: Шахматов А. А. Описание рукописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Б. М., 1902. С. 1—17 (ОЛДП; Вып. СХVIII).

² ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 4, вып. 4; То же. 1927. Т. 4, вып. 2.

³ Там же. Вып. 1. С. VII.

⁴ Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. К. М. Оболенским. М., 1851.

ского,⁵ но затем изменил свое мнение, потому что выверен он, в таком случае, должен был быть по протографу Радзивиловского, и признал его более исправной копией того же оригинала.⁶ После окончания на статье 6714 (1206) г. общего с Радзивиловским списком текста в Московско-Академическом идет другая по характеру и составу, общерусская, Софийская I летопись за 1205—1237 гг. (а далее, в части за 1237—1418 гг., по определению А. А. Шахматова, — Ростовский владычный свод).⁷ Таким образом, на статье 1206 г. оканчивался какой-то более древний, чем Радзивиловский и Московско-Академический, список летописи, их предшественник. Изобразим этот вывод графически, условно назвав текст-протограф, следом за А. А. Шахматовым, «Радзивиловской летописью» (см. рис. 1).

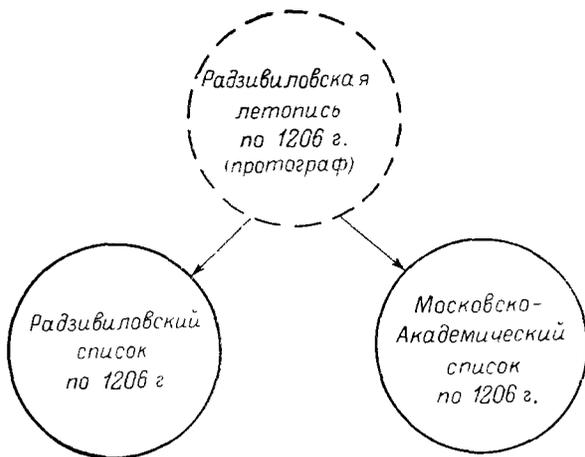

Рис. 1.

Радзивиловская летопись, т. е. Радзивиловский и Московско-Академический списки разом, весьма близка, как ясно из сказанного, к Лаврентьевской летописи, содержащейся в Лаврентьевском списке 1377 г., и к Летописцу Переяславля-Суздальского, содержащемуся в Архивском списке XV в. Однако же списками Радзивиловской летописи ни тот ни другой памятник названы быть не могут:⁸ у них гораздо более сложные отношения между собой и со списками Радзивиловской летописи, нежели у тех друг к другу. Летописец Переяславля-Суздальского сам по себе близок к Лаврентьевской летописи, но — только до определенного момента. Лаврентьевская летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г., а Переяславско-Суздальский летописец — статьей 6722 (1214) г. Близость же между ними не переходит за пределы окончания Радзивиловской летописи, т. е. за статью 6714 (1206) г. Значит, в пределах до 1206 г. указанные летописные тексты более близко родственны друг другу, чем после этого года. Издатель текста Архивского списка, давший ему удержавшееся за ним определение Летописца Переяславля-Суздальского и убе-

⁵ Шахматов А. А. Исследование // Радзивиловская, или Кенигсбергская. летопись. С. 21—30.

⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 44—45.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ Я. С. Лурье называет Летописец Переяславля-Суздальского третьим списком Радзивиловской летописи: «Начиная с известия 1138 г. может рассматриваться как третий список Л. Р. еще один памятник — Летописец Переяславля-Суздальского. . .» (Лурье Я. С. 1) Летопись Радзивиловская // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 142 (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»); 2) То же // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1987. Вып. 1 (XI—первая пол. XIV в.). С. 248).

дительно ограничивший время его создания (т. е. окончания) 1214 и 1219 гг., К. М. Оболенский о заключительной части этого Летописца написал следующее: «С 1206 года начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение; сходный до этого года с киевской летописью, помещенною в Лаврентьевском списке, далее он со списком мниха Лаврентия совершенно расходится». Следовательно, делает К. М. Оболенский вывод (мы сделали выше такой же), «...оба составителя пользовались одним древнейшим источником, простиравшимся только до 1206 года, а с этого времени пополняли рассказ событий из других источников. Что касается до летописца Переяславского, то он, по всему вероятно, события следующих годов рассказал прямо от себя».⁹ В приведенных словах К. М. Оболенского в поправке нуждается только определение текста Лаврентьевской летописи до 1206 г. как киевской: к настоящему времени ясно, что с середины XII в. киевский текст в этой летописи начинает постепенно уступать место владими́ро-суздальскому, каковой к началу XIII в. и преобладает в изложении над южнорусским.

И Лаврентьевской летописи свойственны особенности, которые тоже обращают внимание примерно на 1206 г. и заставляют думать о нем как о времени окончания одного из этапов истории ее текста. Это пропуск большей части статьи 6711 (1203) г., статьи 6712 (1204) г. целиком и большей части статьи 6713 (1205) г., отчего сохранившееся здесь начало статьи 6711 (1203) г. смыкается с окончанием статьи 6713 (1205) г., где говорится о смерти Елены Всеволодовны (так что она оказывается датированной 1203 г.), причем происходит это среди л. 142, т. е. не объясняется утратой листов в Лаврентьевском списке.¹⁰ Значит, листов не доставало в каком-то из протографов — вероятнее всего по той же причине, по какой произошла перестановка текста в Радзивиловской летописи: потому что это были последние или близкие к последнему листы рукописи.

А. А. Шахматов, сопоставив этот пропуск в Лаврентьевской летописи с перестановкой текста за 6713—6714 (1205—1206) гг. в Радзивиловской, пришел к выводу, что составитель Лаврентьевской пользовался тем самым дефектным экземпляром летописи, «который лег в основание Радзивиловской»: в нем «(так же, как теперь в Радзивиловской) под 6711 (1203) г. сообщалась известия 6713 (1205) г.: кончина муромского князя Владимира Юрьевича, кончина дочери великого князя Всеволода Елены, примирение Ольговичей со Всеволодом и Романом. И вот мы видим, что одно из этих событий, а именно кончина Елены, читается и в Лаврентьевской под 6711 (1203) г., причем Лаврентьевская не содержит ни одного из известий 1203—1205 гг., подвергшихся перестановке в Радзивиловской. . .»¹¹

Надо сказать, Лаврентьевская летопись не имеет в этом месте значительно большего по объему текста, нежели период за 1203—1205 гг., оторвавшийся от хронологически предшествующего ему повествования вследствие перестановки отрывка за 1205—1206 гг.: пропуск начинается там задолго до того места статьи 6711 (1203) г., где в Радзивиловской вторгся отрывок о 1205—1206 гг. Окончания же пропущенного в Лаврентьевской и смещенного в Радзивиловской летописи текстов почти совпадают: расхождение здесь в одно небольшое известие — первое под миниатюрой на л. 244 Радзивиловской: «Того же лѣта преставися Володимерь Гургевич, муромский князь». Похоже, что в протографе Радзивиловской летописи перед тем, как он стал протографом Лаврентьевской, переложенный вперед последний лист положили на место, но пару листов, предшествующих ему, потеряли; или же, списав текст первого из этой пары листов до миниатюры (обрыв в Лаврентьевской летописи начинается всего за три

⁹ Летописец Переяславля-Суздальского. С VII.

¹⁰ См.: ИСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 418—421; см. также: Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 89.

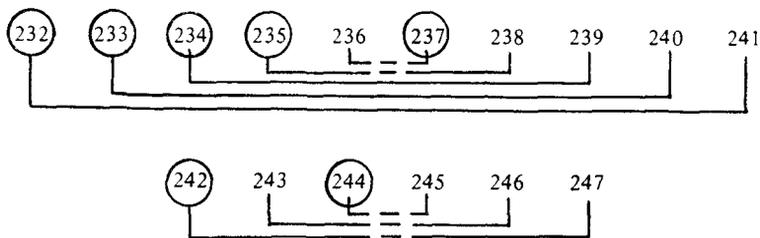
¹¹ Шахматов А. А. Обзорение. С. 10.

слова — «собѣ в полонъ» — до миниатюры на л. 238 Радзивилловской), по ошибке перелистнули этот и следующий лист и продолжили списывание под точно так же расположенной миниатюрой последнего листа, помещенного перед этим на место (ср. л. 244 Радзивилловской летописи).¹²

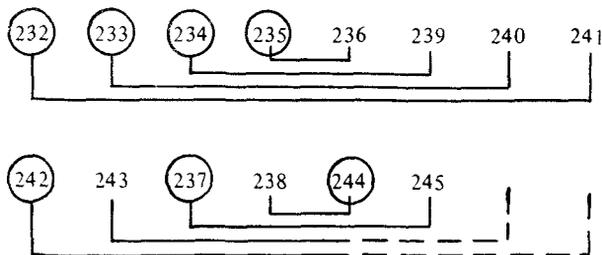
С выводом К. М. Оболенского А. А. Шахматов в принципе был согласен: «Сравнивая Переяславскую летопись с Лаврентьевскою, — пишет он, — видим, что до 1206 года различия между ними незначительны. . .»; однако же сам он склонялся к мысли, что основой Переяславской послужила Владимирская летопись, доведенная далее не только 1206, но и 1214 г.: «Переяславская же летопись. . ., — пишет он несколько дальше, — содержала извлечения из Владимирского свода, доходившие до 1214 года».¹³ Ознакомимся с его аргументацией, ибо вывод важен.

«. . . в конце 1206 г. в Переясл. два кратких известия вместо двух длинных Лаврентьевской; напротив, длинное известие о походе рязанских князей вместо краткого известия Лаврентьевской».¹⁴ Сравнивая летописи, видим, что статья 6714 (1206) г. Переяславской сначала полностью воспроизводит (с незначительными, на уровне работы писца отличиями) тот текст, который составляет последнюю статью Радзивилловской (последние его слова: «. . . и положиша ю у церкви святых Богородица»), а затем, продолжая это известие (со слов «въ монастыри, юже бѣ сама създала. . .») и приводя следующее (о походе Романа Мстиславича «на Ляхи», его гибели и о походе Рюрика и Ольговичей к Галичу), дает выборку из значительно

¹² Заметим здесь, что два листа, некогда предшествовавшие в Радзивилловской л. 244, содержащие статью 6710 (1202) г. полностью и начало статьи 6711 (1203) г., в том числе часть отсутствующего в Лаврентьевской текста, сейчас перенесены в ней на несколько листов вперед и носят номера 237 и 238. Кстати сказать, номера эти представлены буквенной цифирью, полууставом, может быть, в XVI в.: стало быть, перенос этот произошел когда-то очень давно. Убедиться в том, что в данном случае текст перемещен вместе с листами Радзивилловского списка, а не его протографа, позволяет строение 30-й тетради кодекса, которая стала из-за этого на два листа больше, и 31-й, которая сделалась меньше (кружочками обвожу номера листов с филигранями):

Первоначально же 30-я и 31-я тетради рукописи выглядели так (номера листов сохраняя нынешние):

Возможно, впрочем, л. 246 и 247, парные л. 242 и 243, первоначально были на месте и были чистыми. Нынешние л. 246 и 247, занятые «Сказанием Данила игумена», — иной, более густого замеса, бумаги и исписаны другой рукой. Явно, они присоединены к тетради с летописью позже.

¹³ Шахматов А. А. Исследование. С. 60, 90.

¹⁴ Там же. С. 92.

более распространенного текста Лаврентьевской летописи (собственной вставкой кажутся тут лишь слова: «Господь же рече: претерпевый до конца. . . во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь»). Завершает же эту статью гораздо более подробное, чем в Лаврентьевской, сообщение о походе рязанских князей на половцев и, что существенно, не родственное Лаврентьевской по тексту: «Того же лѣта Романъ Рязанский князь с братиєю. . . Се же бысть месяца априля страстных недели въ среду» (П, 108); ср. в Лаврентьевской: «Того же лѣта ходиша. . . и взяша вежѣ ихъ» (Л, 425). Так что уже это известие отнести к общему источнику этих летописей оказывается если не вовсе невозможным, то очень затруднительным.

«. . . под 1210 читаем то же, что в Лавр. под 1208, о победе Юрия Всеволодовича над рязанскими князьями».¹⁵ Но прежде того, надо сказать, в Переяславской летописи идут статьи 6715—6717 (1207—1209) гг., не имеющие ничего общего с текстом Лаврентьевской.¹⁶ Статья же 6718 (1210) г., отдельными словами совпадающая с последним сообщением статьи 6717 (1208) г. Лаврентьевской летописи, опять превосходит его подробностями и величиной; ср.: «Поиде Изяславъ Володимеричъ и кюръ Михайло Всеволодичъ с половци на великого князя Всеволода. . . Гюрги же воротися къ отцу своему съ побѣдою въ градъ Володимиръ» (П, 109) и «Тое же зимы кюръ Михайль со Изяславом, пришедша, начаста воевати волость Всеволожу. . . И возвратися князь Юрги ко отцю своему, слава Бога» (Л, 434). Легче допустить, что во Владимирскую летопись было сделано заимствование (с сокращением) из Переяславской, нежели наоборот.

«. . . под 1211 то же, что в Лавр. под 1210, а именно о рождении Всеволода Константиновича».¹⁷ Эти сообщения, действительно, близки друг другу по тексту: «Родися Костянтину Всеволодичю сынъ, и нарекоша имя ему въ святѣмъ крещении Иоаннъ, а по княжѣску Всеволодъ» (П, 109), «Родися Костянтину сынъ Всеволодъ, а въ святѣмъ крещеньи нарекоша ему имя Иоанн» (Л, 435), — но они слишком кратки (причем в Лаврентьевской, как видим, опять короче, чем в Переяславской), чтобы быть уверенными в том, что мы не имеем здесь дела с обычной продиктованной темой формулой.

Все дальнейшие указываемые А. А. Шахматовым параллели, а именно: «. . . под 1212 то же, что в Лавр. под 1211, о женитьбе Георгия Всеволодовича; ниже то же, что в Лавр. под 1209, о походе сыновей Всеволода против новгородцев, схвативших своего князя Святослава Всеволодовича; под 1213 то же, что в Лавр. под 1212, об освобождении Юрием из заточения князей Рязанских; под 1214 и в Переясл., и в Лавр. о поставлении епископов Симона владимирского и Пахомия ростовского; ниже в Переясл. то же, что в Лавр. под 1213, о закладке в Ростове соборной церкви св. Богородицы»,¹⁸ — параллели лишь тематические, но ни в коем случае не текстуальные. Это записи разных людей, разных летописцев, работавших, как можно представить себе, в таких близких друг к другу городах, как Переяславль-Залесский и Владимир-Залесский. Неизбежно, что при такой близости «точек зрения» в поле их зрения попадали часто одни и те же события, отчего в значительном и тут и там по объему и в целом различном, разнородном материале появились тематические совпадения. Таким образом, приведенные выше слова К. М. Оболенского, что «с 1206 года начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение», остаются, на мой взгляд, совершенно верными.

А это значит, что мы не имеем права, сопоставляя Переяславскую летопись с Лаврентьевской, говорить как об источнике первой из них

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ср. с. 108—109 Переяславской летописи и стб. 428—435 Лаврентьевской.

¹⁷ Шахматов А. А. Исследование. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 90.

о Владимирском своде ни 1216, ни 1215, ни 1214, ни 1212 гг., ни «начала XIII в.», если предполагается, что это начало переходит границу 1206 г.

О своде 1216 г. в этом смысле писал А. А. Шахматов, считая, что он «доходил, предположительно, до 1216 года, т. е. до года Липецкой битвы, Юрьевской рати (21 апр. 1216 г.)».¹⁹ О своде 1214 г. и своде «начала XIII в.» писал он же в более поздней работе.²⁰ Предположение о своде 1212 г. принадлежит М. Д. Приселкову,²¹ опиравшемуся при этом на позднейшее высказывание А. А. Шахматова о владимирском своде 1212 г., «кончавшемся описанием смерти великого князя Всеволода и изложением его завещания детям».²² Вот любопытное сообщение М. Д. Приселкова об эволюции мысли А. А. Шахматова: «В определении окончания этого владимирского свода А. А. Шахматов сначала высказался за 1206 год, относя изложение 1206—1214 годов в переяславском „Летописце“ к руке переяславского продолжателя, затем определил окончание владимирского свода как 1214 год, считая, что в Переяславле этот свод был только отредактирован, и, наконец, в позднейшем своем высказывании А. А. Шахматов определяет этот владимирский свод 1212 годом, считая последним его известием описание смерти и завещательной беседы Всеволода с детьми».²³ М. Д. Приселков воспринял это последнее мнение А. А. Шахматова, как будто не заметив того, что в Лаврентьевской и Переяславской летописях описание смерти Всеволода и изложение его завещания детям не имеют ничего общего. Согласно М. Д. Приселкову, владимирский летописный свод 1212 г. был продолжен в Переяславле-Залесском по 1214 г. включительно; как он пишет, «переяславское (суздальское) летописание, использовавшее владимирский свод 1212 г. и продолжавшее его изложением двух последующих годов, далее этого не пошло», так как «у переяславского князя Ярослава не хватало забот более, чем на доведение своего летописания от 1212 до 1214 г. . .»²⁴

Мысль о владимирском своде 1215 г. принадлежит Ю. А. Лимонову. Заметим, что, высказывая ее, он не отрицает существования и свода 1212 г. Как и А. А. Шахматов, Ю. А. Лимонов полагает, что конец Радзивилловской летописи (или ее протографа) был утрачен.²⁵ Идя даже дальше А. А. Шахматова, который, как мы увидим, считал, что только некоторые переяславские добавки сохранились в Радзивилловской, Ю. А. Лимонов полагает, что сохранились они там все.²⁶ Но при этом, в отличие от А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, он почему-то не считает, что Радзивилловская летопись восходит к Переяславской, но говорит, что обе они зависят от владимирского летописного свода. Убедительно датировав окончание Переяславской летописи мартом—апрелем 1216 г.,²⁷ ее общий с Радзивилловской источник он датировал несколько более ранним временем, 1215 г.²⁸

Но коль скоро вслед за К. М. Оболенским мы признали изложение Переяславской летописи с конца 1206 г. по 1214 г. (ее конец) независимым

¹⁹ Там же.

²⁰ Шахматов А. А. Обзорение. С. 51—54.

²¹ Приселков М. Д. 1) Лаврентьевская летопись (история текста) // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 32. Сер. ист. наук. Вып. 2. С. 82—87; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 82—87.

²² Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 83.

²³ Там же. С. 78, примеч. 1.

²⁴ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 84.

²⁵ Это ясно из того, например, что он пишет об отсутствующих в Радзивилловской летописи подробностях некролога Всеволода Юрьевича (в Лавр. — под 1212—1213 гг.) и о присутствующей там «настоящей политической программе Юрия и владимирских феодалов, оформленной в виде завещания Всеволода. . .» так, будто эта летопись содержит это завещание, а не кончается на статье 1206 г. (См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской земли. Л., 1967. С. 165—166).

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ Там же. С. 158—159.

²⁸ Там же. С. 166.

от владимирского летописания, все рассуждения о переходящем границу 1206 г. владимирском источнике Переяславской летописи приходится, как уже сказано, оставить.

Подкрепленный таким образом вывод К. М. Оболенского можно графически показать так:

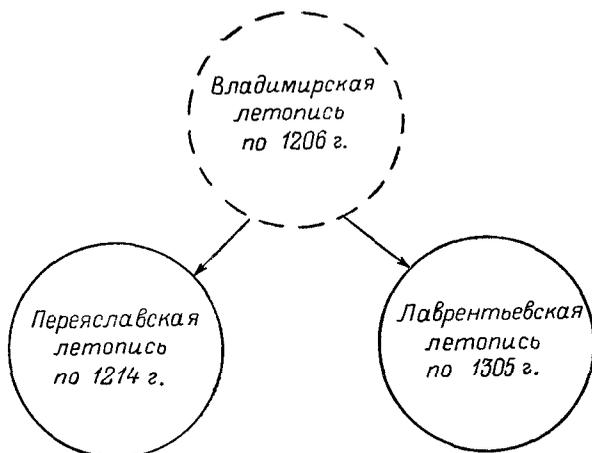

Рис. 2.

Естественным образом мы теперь оказываемся перед вопросом: как соотносятся Радзивилловская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Радзивилловского и Академического списков летописи, и Владимирская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Лаврентьевской и Переяславской летописей?

Впрочем, есть препятствие прямому сопоставлению этих гипотетических источников — утверждение А. А. Шахматова, что Радзивилловская летопись происходит прямо из Переяславской летописи 1216 г. (1216-го потому, что, по А. А. Шахматову, завершающая фраза завершающей статьи 1214 г. этой летописи «Се же бысть лето високосное» может относиться к високосному 1216 г.). Объясняя разницу в их окончаниях, А. А. Шахматов писал, что в основание Радзивилловской летописи был положен список Переяславской, который «подвергся . . . утрате окончания (листов, обнимавших события 1206—1214 гг.). . .»²⁹

Но в этой гипотетической картине сразу же удивляет истораживает то, что Переяславская летопись, прежде чем лечь в основание Радзивилловской, предполагается, случайно утратила как раз ту свою часть, которая в целом резко отличает ее от Лаврентьевской. А если посмотреть более внимательно, можно заметить, что «линия отрыва» должна была пройти (в известии о погребении жены князя Всеволода Марии) точно по границе текста Переяславской летописи, не совпадающего с текстом Лаврентьевской («. . . и положиша ю у церкви святыя Богородица» — это и последние слова Радзивилловской), и текста, с ним совпадающего (от слов «. . . въ монастыри, юже бѣ сама сздала. . .»), т. е. перед началом небольших дословных выписок из Лаврентьевской, о которых мы говорили выше).

Что же побудило А. А. Шахматова высказать такую именно гипотезу, а не более естественное предположение, что Радзивилловская летопись зависит от Владимирской непосредственно, минуя Переяславскую? Вот как на этот вопрос отвечает М. Д. Приселков: «Предположение, что Радзивилловская летопись представляет собой текст владимирского свода

²⁹ Шахматов А. А. Исследование. С. 91, 95.

1212 г., а „Летописец Переяславля-Суздальского“ — его переяславскую обработку, затруднительно высказать потому, что в Радзивиловской летописи мы имеем следы переяславской обработки (под 1157 г. прибавку „В Переяславли Новем“, а под 1177 г. — прибавка „и переяславци“ в фразе „тобе ростовци привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и володимерци и переяславци“, которой нет в Лаврентьевском тексте (имеется в виду «прибавки», а не фразы. — Г. П.), и ряд сокращений, которых нет в „Летописце Переяславля-Суздальского“. Тогда надо допустить, — продолжает М. Д. Приселков, — что Радзивиловская летопись была сближена с „Летописцем Переяславля“, а этот последний — с Лаврентьевской летописью». ³⁰

Сокращения служить аргументом не могут, а две «прибавки» размером в три десятка букв вместе не кажутся слишком надежным основанием для умозаключения о прямой связи двух больших летописных текстов друг с другом. Переяславские вставки существуют, но — в Переяславской летописи, и они отмечены ее издателем, К. М. Оболенским: это, во-первых, замена в молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому под 6683 (1175) г. (после рассказа о его убийстве) имени «князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата. . . с благородными дѣтми» (л. 371; так в Лаврентьевской, Радзивиловской и Московско-Академической) на имя «князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца» и просьба дать «прижитие дѣтйи благородныхъ» (II, 84; первый сын Ярослава Всеволодовича Феодор родился в 1219 г.); во-вторых, это три прибавки — сравнительно с теми же Лаврентьевским, Радзивиловским и Московско-Академическим списками летописи — известий о переяславцах в рассказе той же статьи о войне между Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, с одной стороны, и Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, с другой. ³¹ Из наблюдений А. А. Шахматова ³² мы знаем, что такого же рода, хотя и менее значительное, отличие Переяславской летописи от Лаврентьевского, Радзивиловского и Московско-Академического текстов наблюдается и в статье следующего, 6684 (1176) г.: это — излишние слова «и переяславци» в сообщении о призвании в Суздальскую землю Михалка и Всеволода Юрьевичей. Можно указать, кроме того, в статье 6698 (1190) г. Переяславской летописи добавку «в градѣ Переяславли» к сообщению о рождении у великого князя Всеволода сына Феодора (в Радзивиловском списке эта статья отсутствует по причине утраты листа; судим по Московско-Академическому и Лаврентьевскому спискам). Дальше мы рассмотрим эти различия подробнее.

Как же совмещается факт отсутствия этих переяславских замен и добавок в Радзивиловской летописи с утверждением о ее зависимости от летописи Переяславской? Неужели можно думать, что кто-то старательно восстанавливал в ней более древний, первоначальный текст и удалял вставки? А. А. Шахматов так точно и считает. Он полагает, что «Радзивиловская основывалась не на одной Переяславской летописи, а исправляла ее на основании еще другой суздальской летописи», ³³ что «дополнительным источником Радзивиловской летописи, источником, по которому отчасти сокращен, отчасти же исправлен основной ее источник, была Лаврентьевская летопись». ³⁴ М. Д. Приселков, принимая в принципе этот вывод А. А. Шахматова, поясняет только, что в таком случае текст Переяславской летописи должен быть в Радзивиловской выправлен «по тексту одного из этапов образования Лаврентьевской летописи», ³⁵ «одного из предше-

³⁰ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 85, примеч. 1.

³¹ См.: Летописец Переяславля-Суздальского. С. I—II, 85—86.

³² Шахматов А. А. Обзорение. С. 46.

³³ Шахматов А. А. Обзорение. С. 48.

³⁴ Шахматов А. А. Исследование. С. 52.

³⁵ Приселков М. Д. История. С. 83.

ствующих этапов образования нынешнего текста Лаврентьевской летописи».³⁶

Того же взгляда на соотношение Радзивиловской и Переяславской летописей придерживается Я. С. Лурье. Не сомневаясь в наличии в Радзивиловской «переяславских черт», он рассуждает следующим образом: «Мало вероятно, что переяславские черты вносились в летописание начала XIII в. в два приема: сначала в РА, а затем снова и более решительно в П. Естественнее предположить, что оригинал Радз. и П. был составлен в Переяславле, а затем владимирский редактор устранил его переяславскую тенденциозность, но сделал это, как часто бывает при редактировании. Недостаточно последовательно, оставив „неустраненные следы переяславской обработки“». ³⁷ «Во всяком случае, — считает Я. С. Лурье. — восстановление нескольких первоначальных мест во владимирской переработке Переяславского свода представляется более вероятным, чем обратное предположение о первичности текста РА».³⁸

В доказательство того, что следы влияния именно Переяславской летописи заметны в Радзивиловской, А. А. Шахматов и указал на те две, по его мнению, тоже переяславские добавки под 1157 и 1177 гг. о которых мы уже знаем из слов М. Д. Приселкова. В первом случае это слова «в Переяслави (в) Новем», отличающие сообщение Переяславской и Радзивиловской летописей от сообщения Лаврентьевской о завершении строительства Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса, заложеной его отцом: «. . . и церковь кончалъ, юже бѣ заложилъ преже отецъ его, святаго Спаса камену в Переяслави Новѣмъ» (это окончание статьи 6665 г. Радзивиловской; см.: Л., 348); во втором случае это слова «и переяславци» в статье 6685 (1177) г., в речи Всеволода к Мстиславу («. . . а мене былъ с братомъ Богъ привель и володимерци и переяславци»; см.: Л., 380).³⁹

Однако же указание на место, где была заложена и закончена строительством церковь, представляется не позднейшей добавкой, но необходимой частью известия о такого рода событиях; отсутствие же указания на место, обесмысливающее сообщение, — результатом порчи текста. А. А. Шахматов, впрочем, писал об этом указании и как о пропущенном в общерусском источнике Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, «который в свою очередь заимствовал его из Переяславской летописи, но устранил слова „в Переяслави Новем“, подобно тому как позже составитель Радзивиловской летописи устранил под 1175, 1176 и 1177 гг. тенденциозные вставки переяславского летописца».⁴⁰ Получается, по А. А. Шахматову, что эти слова сначала были добавлены, а потом пропущены. Но не проще ли представить себе, что в Переяславской и Радзивиловской летописях это сообщение имеет не дополненный, но первоначальный вид, а в Лаврентьевской лишено своего конца? И кроме того, летописцу Переяславля-Суздальского естественно было бы назвать свой город просто Переяславлем и его жителей — переяславцами, как он это и делает в уже известных нам случаях, а также под 6721 (1213) и 6722 (1214) гг.: «. . . а Ярославу Переяславль. . .», «. . . и еха въ Переяславль. . .», «. . . приехавъ въ Переяславль. . .», «. . . и съзвавъ вси переяславци. . .», «И тако съде Ярославъ в Переяслави на столѣ, идѣ же родися», «. . . послася къ брату къ Ярославу въ Переяславль. . .», «. . . и съвокупя переяславци поиде. . .», «. . . а Ярослав к Переяславлю. . .» (П, 110—111); и что тоже естественно — пояснять название города, когда речь заходит об ином Переяславле, южном. Например: «Прииде Ярославъ изъ Русьскаго Переяславля. . .» (П, 108), «. . . пойти ему на столъ въ Русьскый Пере-

³⁶ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 86.

³⁷ Лурье Я. С. О происхождении Радзивиловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 69.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Шахматов А. А. Исследование. С. 36.

⁴⁰ Шахматов А. А. Обозрение. С. 77; ср. также: с. 46, примеч. 1.

яславль», «. . . а Володимиръ въ Русьскый Переяславль и сѣде в нем» (II, 112). Так что слова «в Переяславле (в) Новем» не могут быть поставлены в ряд дополнений переяславо-суздальского летописца XIII в.

Что же касается предположительной добавки слов «и переяславци» в статье 6685 (1177) г., то стоит заметить, что в рассказе Лаврентьевской летописи о 70-х гг. XII в. северные Переяславль и переяславцы упоминаются неоднократно.⁴¹ И если бы, допустим, хоть одно из этих упоминаний отчего-то пропало под пером какого-нибудь писца на каком-то этапе передачи текста от неведомого нам владими́ро-суздальского источника Радзивиловской летописи к известному нам Лаврентьеву списку 1377 г., то число «переяславских дополнений» среди свидетельств влияния Переяславской летописи на Радзивиловскую, наверное, не ограничилось бы у А. А. Шахматова двумя. Да и можно ли считать прибавленными слова «и переяславци» в устах переяславского князя, говорившего как раз о том, кто дал ему, его брату, княжившему во Владимире, и ростовскому князю Мстиславу, к которому он обращался, власть: «Тобе ростовци привели . . . а мене былъ с братомъ Бог привель, и володимерци, и переяславци» (II, 379). Несомненно, эти слова первоначальны.

Удивительно, что в данном случае, в вопросе о соотношении Радзивиловской, Переяславской и Лаврентьевской летописей, мысль А. А. Шахматова не проделала ту же эволюцию, какую она проделала в объяснении сходства Радзивиловского и Московско-Академического списков: сначала, как мы помним, он полагал, что второй из них сделан с первого, но потом, обдумав возникшую при этом необходимость допустить, что Московско-Академический список в таком случае должен быть выправлен по источнику Радзивиловского, склонился к более простой картине, а именно решил, что эти списки независимо друг от друга отражают их общий источник («Радзивиловскую летопись» — протограф).

Итак, А. А. Шахматов не изменил своего мнения, что текст «Радзивиловской летописи объясняется вполне удовлетворительно как соединение текста Лаврентьевской и Переяславской летописей»,⁴² а мы согласиться с этим по изложенным выше причинам не можем. И это побуждает нас взглянуть более внимательно на сходства и различия Радзивиловской летописи с той и другой. Ведь она обладает большим рядом особенностей, сближающих ее то с Переяславской летописью и отличающих от Лаврентьевской, то с Лаврентьевской — и отличающих от Переяславской. Картина, надо сказать, обычная для случаев, когда тексты независимо друг от друга восходят к одному (не в смысле одного списка, а в смысле одного вида текста) общему источнику. Но как в данном случае обстоит дело, мы сможем решить, лишь сличив Радзивиловскую летопись с родственными ей летописными текстами на всем ее протяжении. Значит, помимо Лаврентьевской и Переяславской мы должны привлечь к сравнению и Ипатьевскую летопись XV в.,⁴³ содержащую, как и Радзивиловская и Лаврентьевская, «Повесть временных лет» и на протяжении XII в. пользовавшуюся северным, владими́ро-суздальским источником, родственным и Радзивиловской, и Лаврентьевской, и Переяславской летописям.

⁴¹ См. в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I, вып. 2) под 6683 (1175) г.: «Уведевше же смерть князю ростовци, и суздальци, и переяславци. . .» (стб. 371); то же самое в Ипатьевской (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 595) под 6684 (1176) г.: «. . . и посади брата своего Всеволода в Переяславли» (стб. 379), под 6685 (1177) г.: «. . . а по переяславци посла Мстиславича Ярослав. . .» (стб. 380), «. . . и бывшую ему за Переяславлем. . .» (стб. 382).

⁴² Шахматов А. А. Обзорение. С. 51.

⁴³ См.: ПСРЛ. СПб., 1908; Переизд. М., 1962. Т. 2.

2. Схождения и расхождения

Переяславская летопись дошла до нас без своей начальной части, лишь со статьи 6646 (1138) г.⁴⁴ И уже в этой ее статье есть то (известие о смерти и похоронах Евфимия Володимировны), чего нет в Радзивиловской, но что есть в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Но подойдем к этому году издали, начав с начала, — чтобы иметь необходимую для правильного восприятия перспективу.

Стремясь увидеть соотношение памятников летописания, мы будем учитывать разницу в смысле, в наличии или отсутствии фраз и целых сообщений, не беря в расчет незначительные разночтения, обязанные своим происхождением то поновлению лексики, то погрешностям писцов-копиистов.⁴⁵

Особенности, отличающие Радзивиловскую летопись от Лаврентьевской и сближающие с Ипатьевской, идут с самого начала и примерно по конец XI в.,⁴⁶ чередуясь с особенностями, отличающими ее от Ипатьевской летописи и сближающими с Лаврентьевской,⁴⁷ но также и с признаками (главным образом пропусками), отличающими ее и от той и от другой.⁴⁸

⁴⁴ Предшествуют ей в рукописи «Повесть временных лет», известия 1137 и 1143 гг., а также две выписки из «Повести временных лет» (1102 и 1110 гг.), причем все это — выборки из летописи, которая «носила название „Летописецъ русских царей“ и по многим данным принадлежала юго-западной Руси. . .» (Шахматов А. А. Исследования. С. 32).

⁴⁵ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 65—87.

⁴⁶ Это, во-первых, само название «Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго, откуда есть пошла Руская земля, и кто в ней почаль первое княжити», одинаковое в РА и Ип и иное в Л (Л, 1; Ип, 2); далее: отсутствующие в Л слова «в дни Нектана и Фалека. . . столп до небесе» (Л, 5; Ип, 4), «и въ ширину локот 5433 локти» (Л, 5; Ип, 4), «прогнавши Волохы, иж бѣша преж прияли землю Словенську» (Л, 11, примеч. 34; Ип, 9), «всю власть Рюрикъ одинъ, и пришел ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховом, и прозва Новъгород, и съде ту, князя, раздаа волости» (Л, 20, примеч. 49; Ип, 14); статья 6442 (934) г. целиком: «Первое приидоша Угре на Царьград и пленоваху всю Фракию. Романъ сотвори миръ со Угры» (Л, 43; Ип, 9); под 6453 (945) г. слова «дворъ Воротиславль и Чюдин, а перевѣсице бѣ въ градѣ, и бѣ въ градѣ дворъ другой, идѣже есть» (Л, 55; Ип, 44), «на Искоростѣнь град, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ» (Л, 58; Ип, 46); под 6488 (980) г.: «Варяшко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, «много воева Володимера с Печенѣгы» (Л, 78; Ип, 66), «издалеча и собираетъ особъ богатство, и въставъ и от ноши» (Л, 81; Ип, 68); под 6492 (984) г.: «а по смерти же рече со женами похоть творити блудную» (Л, 84; Ип, 72), «и бѣ старейшина Неврод» (Л, 91; Ип, 78), «и рѣша вольсьви египетстии царю: родился есть дѣтище в жидѣхъ» (Л, 94; Ип, 81); под 6504 (996) г.: «и Володимеръ с малою дружиною изыде противу» (Л, 124; Ип, 109); под 6523 (1015) г.: «Гривну, а главу отвергоша прочь» (Л, 134; Ип, 120), «радуйтася, светозарное солнце. . . въ славу мученикомъ» (Л, 139; Ип, 126), «и дивна свѣтника, и мудра хитреца и» (Л, 140; Ип, 127), «а нынѣ быша надобе утерль слезъ, и рече имъ» (Л, 141; Ип, 128), «Руси и Печенѣгы, и изыде противу ему к Любичю об» (Л, 141; Ип, 128—129); под 6524 (1016) г.: «видивъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав» (Л, 142; Ип, 129); под 6527 (1019) г.: «се слышавше ту же казнь примут, но и больши сее, понеже вѣдая се сътворять» (Л, 145; Ип, 133); под 6532 (1024) г.: «и трудишася Варязи, секуще Сѣверъ» (Л, 148; Ип, 136), «еже бо полонилъ Болеславъ, победив Ярослава» (Л, 155; Ип, 143); под 6579 (1071) г.: «аще вас погублю, то мзда ми будетъ» (Л, 178; Ип, 168); под 6582 (1074) г.: «Автопий же, пришел к Чернигову» (Л, 193; Ип, 185); под 6597 (1089) г.: «и украси город Переяславский здании церковными» (Л, 209; Ип, 200); под 6602 (1094) г.: «В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с Половци и поя собѣ жену Тугорканю, князя Половецкаго» (Л, 226; Ип, 216); под 6604 (1096) г.: «гнаста по нем. Олегъ же вбежа въ Стародубъ и затворись ту. Святополкъ и Володимеръ» (Л, 230; Ип, 220); под 6605 (1097) г.: «И Кияном, яко миръ будет, и начаша межи собою слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку» (Л, 264; Ип, 238). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 30—31, 62—64.

⁴⁷ См.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 57—61.

⁴⁸ Далее указываю то, что, наличествуя в Л и Ип, отсутствует в РА: «присѣдяху къ Дунаевъ бѣ множество ихъ, съдяху бо» (Л, 13; Ип, 9); под 6406 (898) г.: «По сем же Угри прогнаша Вольхи» (Л, 25; Ип, 18); под 6453 (934) г.: «а я возвращающу похожю и еще. Пусти дружину свою домови» (Л, 54; Ип, 43); под 6488 (980) г.: «пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля» (Л, 77; Ип, 65); под 6496 (988) г.: «имате плодъ вашъ въ священъе, тѣмже должни есмы работати Господеви» (Л, 120; Ип, 105), «умершую же

На границе же XI и XII вв. происходит перемена в соотношении летописных текстов. Далее в Радзивилловской мы уже не видим перемежающихся черт общности то с Лаврентьевской летописью, то с Ипатьевской, но то и дело отмечаем факт отсутствия уже не фрагментов фраз и рассказов, как было до сих пор, а преимущественно целых сообщений, наличествующих в той и другой⁴⁹ либо в одной Лаврентьевской⁵⁰ (кроме того, Ипатьевская летопись отсюда начинает все более и более превосходить Лаврентьевскую и Радзивилловскую количественно и, будучи южнорусской летописью, в дальнейшем постепенно отходит от них тематически).

Предшествующие этому рубежу различия могут быть объяснены работой множества переписчиков,⁵¹ с разной степенью точности переписывавших знаменитую «Повесть временных лет» — и последовательно, один за другим (и тогда ошибки прочтения, замены слов и выражений, невольные перестановки, пропуски, описки и поправки суммировались), и параллельно друг другу (и тогда появлялась разница в ошибках). С начала же XII в. мы имеем дело, несомненно, с гораздо менее популярным текстом, а потому здесь мы видим меньше разночтений, зато обнаруживаем разницу в количестве известий. Очевидно, это результат сознательного исключения ряда сообщений из общей для трех летописей основы создателями Радзивилловской или их предшественниками.

старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ» (Л, 124; Ип, 105); под 6500 (992) г.: «выпустиша Печенѣзи мужь свои» (Л, 123; Ип, 108); под 6504 (996) г.: «и сверши яже насади десница твоя новыя люди си» (Л, 124; Ип, 108); под 6532 (1024) г.: значительный рассказ о восстании волхов в Суздале, от слов «тогда. В се же лѣто. Вѣсташа вольсви в Суздали» до слов «и вѣзвратис Ярослав приде Новуногороду» (Л, 147—148; Ип, 135); под 6545 (1037) г.: «азъ призвах страхъ Господень, мои свѣти, моя мудрость, мое утверженье» (Л, 152; Ип, 140); под 6562 (1054) г.: «между собою, Богъ будеть в васъ и покоривыть вы противныя подъ вы» (Л, 161; Ип, 149—150); под 6579 (1071) г.: «тѣмже аще умреть челоувѣкъ, в землю идыть тѣло, а душа к Богу», «рече има Янь: какыи то Богъ сѣдя в безднѣхъ» (Л, 177; Ип, 166), «сице нама божи молятъ» (Л, 178; Ип, 167); под 6582 (1074) г.: «се же старецъ послѣ поужаше ис церкви» (Л, 190; Ип, 182), «и отидоша, поругавшесе ему» (Л, 193; Ип, 184), «и молитву творяше над нимъ» (Л, 194; Ип, 185); под 6599 (1091) г.: «и знаменавше мѣсто кдѣ копати» (Л, 209; Ип, 201), «отцем наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью их и нраву их» (Л, 213; Ип, 205); под 6604 (1096) г.: «сѣкуще противныя, и сѣдя Господь въ тѣ день спасене велико, месяца» (Л, 231; Ип, 222), «сол свой из Новагорода» (Л, 237; Ип, 227); под 6605 (1097) г.: «Турова и Пиньска и прочих град твоихъ» (Л, 258; Ип, 232), «и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи» (Л, 260; Ип, 234), «слыша людье, яко в Турийскѣ суду» (Л, 268; Ип, 242); под 6609 (1101) г.: «месяца априля в 14 день в 9 час дне въ среду», «и послаша по Половцѣ, и сняшася у Сакова», «и пояша тали межи собою» (Л, 274, 275; Ип, 250). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 65—68.

⁴⁹ Под 6610 (1102) г. в РА нет сообщений о смерти Ярослава Ярополчича и о выдаче за Болеслава «в Ляхы» Сбыславы Святополковны (Л, 276; Ип, 252); под 6612 (1104) г. — о приходе митрополита Никифора, смерти Вячеслава Ивановича и посажения Никифора на митрополичьем столе (Л, 280; Ип, 256); под 6614 (1106) г. — о пострижении Евпраксии Всеволодовны и Святослава Давидовича (Л, 281; Ип, 257—258); под 6615 (1107) г. — о смерти «Володимерой» княгини (Л, 281; Ип, 258), а также о смерти матери князя Святополка (Л, 282; Ип, 259); под 6616 (1108) г. — о смерти дочери Всеволода Катерины, и значительно короче — о вписании Феодосия в Синодик (Л, 283; Ип, 260); под 6617 (1108) г. — даты смерти и сообщения о похоронах Евпраксии Всеволодовны (Л, 283; Ип, 260), под 6620 (1112) г. — о смерти черниговского епископа Иоанна (Л, 289; Ип, 273); под 6622 (1114) г. — о поставлении епископом Даниила и смерти Святослава Владимировича (Л, 290; Ип, 277); под 6626 (1118) г. — о смерти переяславского епископа Лазаря (Л, 291; Ип, 285); под 6632 (1124) г. — подробностей затмения и сообщения о смерти Василико Ростиславича, «Святополчей» княгини и Володаря Ростиславича (Л, 293; Ип, 288—289); под 6634 (1126) г. — о смерти «Володимерей» княгини (Л, 296; Ип, 290); под 6635 (1127) г. — о погребении Изяслава Святополчича (Л, 299; Ип, 293); под 6642 (1134) г. — о смерти переяславского епископа Маркела (Л, 302; Ип, 295 — здесь: «Марко»). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 65, 49.

⁵⁰ Под 6622 (1114) г. — о поставлении Кирилла епископом (Л, 290); под 6626 (1118) г. — о поставлении Сильвестра на место умершего переяславского епископа Лазаря (Л, 291); под 6630 (1122) г. — о смерти княгини «Мстиславлей» и переяславского епископа Даниила (Л, 292).

⁵¹ См.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 57—68.

Не замечая после начала XII в. перемещений в соотношении памятников, мы подходим к 6646 (1138) г., которым начинается уцелевшая часть Переяславской летописи. С этого момента привлекаем к сравнению и Переяславскую летопись. И мы видим, что, начинаясь, эта летопись примыкает не к Радзивиловской, а к Лаврентьевской и Ипатьевской, и такое ее положение не изменяется до статьи 6683 (1175) г.⁵² включительно.

Напомним, что А. А. Шахматов говорил об «особенной близости Радзивиловской к Переяславской, в целом ряде случаев противопологающей их Лаврентьевской», указывая при этом на «общие пропуски сравнительно с Лаврентьевской, напр. под 1193, 1194, 1195, 1196, 1198, 1201; лишние против Лаврентьевской известия под 1138, 1197, 1205, 1203—1205; более или менее значительные отличия их против Лаврентьевской под 1144, 1175, 1177 и т. д.».⁵³ Как будто это противоречит нашим наблюдениям. Но не все в этих заметках верно. Здесь замечаю лишь, что под 1138 (6646) г. не Радзивиловская с Переяславской содержат лишнее против Лаврентьевской известие, но Лаврентьевская, Переяславская и Ипатьевская (Ип под 1139 г.) — против Радзивиловской (о смерти и похоронах Евфимии Володимировны), а в статье 1144 (6652) г. лишних известий ни там, ни там нет. Так что признаков особенной близости в содержании Радзивиловской летописи к Переяславской прежде, по крайней мере, статьи 1175 г. не обнаруживается.

А. А. Шахматов привел также ряд общих Радзивиловской и Переяславской летописям чтений начиная 1149 и кончая 1177 г., совпадающих то с Лаврентьевской, то с Ипатьевской.⁵⁴ Но все это — незначительные разночтения, обязанные своим происхождением огрехам писцов. При этом ученый как будто не считал заслуживающим внимания или не заметил большой ряд броских особенностей, противопоставляющих Радзивиловскую летопись Лаврентьевской, Ипатьевской и Переяславской в пространстве до 1175 г.

Отметим, что в исходных наблюдениях А. А. Шахматова есть неточности, относящиеся и к части летописного повествования, следующей за 6683 (1175) г., к которой мы сейчас обратимся. Так, под 6704 (1196), 6706 (1198) и 5709 (1201) гг. не Радзивиловская и Переяславская летописи имеют общие сравнительно с Лаврентьевской пропуски, а одна Радзивиловская сравнительно с Лаврентьевской и Переяславской (сообщение о рождении у князя Всеволода сына Гавриила — Л, 412; П, 102; слова «и постригъся и в скымъ бывъ» и сообщение о рождении у князя Всеволода сына Ивана — Л, 414; П, 104; сообщение о смерти и похоронах княгини «Ярославлей» — Л, 416—417; П, 105). В статье 5709 (1201) г. есть, кроме того, целый ряд общих черт у Радзивиловской и Лаврентьевской летописей, отсутствующих

⁵² Перечисляю отсутствующее в РА: под 6646 (1138) г. — сообщение о смерти и погребении Евфимии Володимировны (Л, 305; П, 53; Ип, 301 — здесь указано время смерти, но не сказано о погребении); под 6654 (1146 г.) — слова «в неделю» и последнее в статье сообщение о похоронах дочери Владимира Маринцы (Л, 333; П, 57); под 6659 (1151) г. — сообщения о том, что погребали Ростислава Гюргевича в Переяславле «братъ Андрей, Глеб и Мьстислав» и положили его «близъ стрья своего Андрея и Святослава» (Л, 330; П, 64; Ип, 418), и о том, как половец повернул Андреева коня, — период «един же половчн. . . остави его вси половци» (Л, 333; П, 65; Ип, 431), а кроме того — период от слов «зана бѣ старѣи тогда» до слов «и дружину свою» (Л, 333—334; П, 66; Ип, 437), период «вышедшим же переяславским пешим. . . приведешъ пакы на ны половци» (Л, 335; П, 66; Ип, 442—443), а также слова «Андрей же рече. . . в волость свою Володимерю» (Л, 335; П, 66); под 6666 (1158) г. — указание на день святого апостола Родиюна, вторник (Л, 348; П, 73; Ип, 491); под 6676 (1168) г. — слова «и поможе Богъ и святая Богородица и отня и дѣдья молитва князю Мстиславу Андрѣевичу с братью своею» (Л, 354; П, 76; Ип, 544); под 6677 (1169) г. — большая часть большого рассказа о Феодорце (от слов «В то же лѣто чудо створи» до слов «будет проклят, тако») (Л, 355—357; П, 76—78; Ип, 551—554); под 6683 (1175) г. — слова «Анбал Ясин ключник, Якым Кучкович» (Л, 369; П, 83; Ип, 586).

⁵³ Шахматов А. А. Обозрение. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 77—78, примеч.

в Переяславской, в том числе сообщение о смерти черниговского князя Владимира (Л, 416). В статье же 6701 (1193) г. в Радзивиловской и Переяславской действительно опущено — сравнительно с Лаврентьевской летописью (Л, 416) — поучение, следующее за сообщением о пожаре во Владимире, но считать это место началом ряда общих пропусков Радзивиловской и Переяславской реальных оснований нет.

Продолжим наши наблюдения. Хотя и за статьей 6683 (1175) г. более или менее регулярно встречаются общие избытки Лаврентьевской и Переяславской летописей относительно Радзивиловской,⁵⁵ однако же параллельно в Радзивиловской с этого момента обнаруживается то, что есть или только в Лаврентьевской,⁵⁶ или только в Переяслав-

⁵⁵ Под 6684 (1176) г. — слово «Всеволод» (Л, 379; П, 88); под 6688 (1180) г. — сообщение о смерти и погребении Мстислава Ростиславича (Л, 387; П, 92; ср.: Ип, 609); под 6691 (1183) г. — о смерти и погребении княгини Ольги-Евфросины (Л, 389; П, 93; Ип, 624); под 6693 (1185) г. — слова «освятившися, не разумехом, куплени бывше» (Л, 393; П, 95), «святое Богородици. . . и отца своего» (Л, 395; П, 96), «в понеде́льник. . . Евдокима Нового», «над врагы», «оружья добыша и конь и възвратившася» (Л, 396; П, 96); под 6694 (1186) г. — сообщение о рождении Константина Всеволодовича (Л, 396—397; П, 96) и слова «по 3 дни не пустили бяху ихъ к водѣ» (Л, 398; П, 97); под 6695 (1187) г. — слова «на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба» (Л, 404; П, 100); под 6697 (1189) г. — сообщение о смерти княжича Глеба (Л, 407; П, 101); под 6698 (1190) г. — слова «на память святого пророка Захарьи» (Л, 408; П, 101), «и тогда сущу князю великому в Переяслави в полюдьи» (Л, 408—409; П, 101); под 6700 (1192) г. — «сыну его Георгиеви» (Л, 409; П, 101); под 6702 (1194) г. — «в канунъ святого Дмитрия» (Л, 412; П, 102; ср.: Ип, 674); под 6703 (1195) г. — сообщение о том, что был срублен город Переяславль (Л, 412; П, 102); под 6704 (1196) г. — о рождении Всеволода-Гавриила (Л, 412; П, 102, за исключением слов «на память. . . Матроны»); под 6706 (1198) г. — слова «и поспригъся и в скымѣ бьвъ» и сообщение о рождении у Всеволода сына Иоанна (Л, 414; П, 104 — опять-таки за исключением слов «на память. . .»); под 6707 (1199) г. — слово «великий» (Л, 414; П, 104); под 6708 (1200) г. — «лѣпшиѣ мужи, Мирошчина чадѣ», «с поклоном и с молбою всего Новгорода», «князь же великий здумав. . . на всей своей воли, ку чудное святое Богородицы с радостию великою» (Л, 415—416; П, 104—105); под 6709 (1201) г. — слово «великою» и сообщение о смерти и похоронах княгини «Ярославлей» (Л, 416—417; П, 105); под 6710 (1202) г. — о смерти и похоронах княгини Февроньи Михалковой (Л, 417; П, 105); под 6711 (1203 г.) — слова «на память святого Силивестра пашы Римскаго» (Л, 418; П, 105).

⁵⁶ Под 6683 (1175) г. — слова «Всеволода», «брата», «съ благородными дѣтми» (Л, 371); под 6684 (1176) г. — «сѣмо» (Л, 375), «не хотяху створити правды Божия, но, «намъ», «завистью» (Л, 378), «и ѿха опять (РА: «възвратистася къ) Володимерю» (Л, 379); под 6690 (1182) г. — «Володимеръ» (Л, 388; П: «Суздаль»); под 6695 (1187) г. — «и стоя в монастыри у Вознесеня на самый празникъ Вознесеня Господня», «и Свято-славли мужи, и Ярославли, брата его, Всеволодичю Ольгову внуку», «к Роману и Игорю: Володимеру, Святославу и Ростиславу», «а брань славна лучшии есть мира студна, со лживым миромъ живуще велью пакость землям творять», «Юргевичъ Володимеръ внукъ Мономаховъ», «но аще безаконья наша назриши. . . подвижане на зло», «и Соломонъ премудрый глаголетъ. . . ни по грѣхом нашим въздасть намъ человекъ-любець» (Л, 404—406); под 6696 (1188) г. — «с ними с честию великою Новугороду», «Давидъ», «призирая на землю. . . жестокая по дѣлом ихъ» (Л, 406—407); под 6697 (1189) г. — «и сынѣ его Костянтинѣ», «и бысть радость велика в градѣ Володимери, и священна бысть» (Л, 407); под 6698 (1190) г. — «якоже Господь глаголетъ. . . пастуха всей земли Ростовской и Суздальской и Володимерской» (Л, 408), «на канунъ святого Олексѣя человекѣа Божья и друга Божья Лазаря» (Л, 408); под 6700 (1192) г. — «и бысть радость велика в градѣ Суздали, ту сущу блаженному епископу Иоанну» (Л, 409); под 6701 (1193) г. — «избавленъ (РА: «соблюденъ») бысть от пожара» (Л, 409); под 6702 (1194) г. — «и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 411; Ип, 673); под 6703 (1195) г. — «Рязаньскій» (Л, 412; П, 102: «Брянскій»); под 6704 (1196) г. — «на память святого апостола Фомы, и бысть радость велика в градѣ Володимери», «на память святого мученицы Капетолины», «на память святого мученика Акепсими», «на память святого отца Григорья Нисскаго» (Л, 413—414); под 6707 (1199) г. — «христоролюбивый», «на память святого мученика. . . и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 414—415); под 6708 (1200) г. — «на память. . .», «блаженнемъ», «на память святого отца Спиридона», «Костянтинъ», «Ярослав, Володимер, и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 415—416); под 6709 (1201) г. — слова «Юргевич, внукъ Володимеръ Мономаха», «на память. . .», «тогда сущу великому князю в Переяслави з дѣтми своими с Костянтином и Юргемъ», «братья же проводиша», «и бысть радость велика в градѣ Переяславши» и сообщение о смерти черниговского князя Володимера (Л, 416); под 6710 (1202) г. — «ту сущу великому князю Всеволоду и сыну его Костян-

ской.⁵⁷ Со статьи этого же года начинают встречаться смысловые исправления, следы активного вторжения в текст пера редакторов. Очевидно, отсюда пошла гораздо более актуальная для них часть повествования. Первый из случаев смыслового расхождения видим уже в самой этой статье: летописи различаются молитвенным обращением к Андрею Боголюбскому.⁵⁸ Надо сказать, отредактировано обращение не только в Переяславской летописи относительно Радзивиловской и Лаврентьевской, но и в этих двух — относительно Ипатьевской. Ср.:

И п а т ь е в - с к а я (594—595)	Р а д з и в и л о в с к а я Л а в р е н т ь е в с к а я (374)	П е р е я с л а в с к а я (85—86)
. . . Богу молися помиловати <i>братю</i> свою, подастъ имъ побѣду на противнѣ и мирную державу и царство <i>честно и многолѣтно</i> во вся вѣки вѣкомъ аминь.	. . . Богу молися помиловати князя <i>нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата</i> , да подастъ ему побѣду на противнѣ, и <i>много лѣта с княгынею и с благородными дѣтми</i> , и мирну державу ему (его — РА) и царство его (<i>небесное</i> — РА) и ныня и присно в бесконечныя вѣки аминь.	. . . Богу молися помиловати князя <i>нашего и господина Ярослава</i> , своего же приснаго <i>сыновца</i> , и дай же ему на противнѣ, и <i>много лѣта съ княгынею, и прижитие дѣтий благородныхъ</i> , и мирну державу его и царство <i>небесное</i> въ бесконечныя вѣки аминь.

Очевидно, что Ипатьевская летопись сохраняет первоначальный вариант мольбы к Андрею Боголюбскому, написанный когда были живы и правили во Владимиро-Суздальской земле еще оба его брата, Михалко и Всеволод, г. е. в 1176 г. Летописи же Радзивиловская и Лаврентьевская представляют вариант вторичный, возможный не ранее 1177 г., когда после смерти Михалко во Владимире начал княжить Всеволод Большое Гнездо. К тому времени он уже имел жену и детей: в 1179 г. родилась его четвертая дочь Пелагея-Сбыслава (Ип, 613), так что уже в 1177 г. он мог быть упомянут «с княгынею и с благородными дѣтми», если только не имелись в виду его сыновья, которые рождались у него позже дочерей (в 1186 г. — Константин, в 1189 г. — Георгий, в 1190 г. — Ярослав, в 1194 г. — Владимир, в 1196 г. — Гавриил, в 1198 г. — Иван). Этот вторичный вариант мольбы не мог быть написан позднее 1206 г., когда первая жена Всеволода, мать его детей, аланка княгиня Мария умерла (сообщение о ее смерти — последнее в Радзивиловской летописи). Переяславская же содержит третий вариант обращения, как отмечено К. М. Оболенским, — периода 1212—1219 гг., когда княживший в Переяславле-Залесском Ярослав Всеволодович был еще бездетным.

В Переяславской летописи есть и другие следы работы переяславского редактора над статьей 6683 (1175) г. Этот редактор старался что-то сказать

тину, и Юргню, и Володимеру» (Л, 417); под 6713 (1205) г. — «юже бѣ создала великая княгини и блаженная Всеволожа» (Л, 421); под 6714 (1206) г. — «на память святое мученици Евдокии» (Л, 421).

⁵⁷ Под 6683 (1175) г. — слова «и Суждалцем, и Муромцем» (Л, 374; П, 86; Ип, 598); под 6684 (1176) г. — «винами» (в Л и Ип «вирами»), в тринадцати случаях около имени Михалки — имя его брата Всеволода, «вороти», «и Полочане», «река» (Л, 374—379; П, 86—88); под 6685 (1177) г. — «и Переяславци» (Л, 380; П, 89), «и густниша ею из земли» (Л, 385—386: «хочемъ слѣбити и . . . множества ихъ ради клича»; П, 91); под 6693 (1185) г. — «априля 13» (Л, 392: «априля въ 18 день»; П, 94; Ип, 630); под 6696 (1188) г. — «детен» (Л, 407: «чади»; П, 101); под 6705 (1197) г. — сообщение об изгнании новгородцами княжеского свояка Ярослава и приглашении Ярослава Черниговского и о том, что великий князь посадил свояка в Новом Торжке (Л, 414; П, 103; ср.: Ип, 702); под 6707 (1199) г. — слова «прочъ», «становищемъ» (Л, 414: «к морю», «зимовищемъ»; П, 104); под 6713 (1205) г. — «о целовании креста Ольговичами к великому князю Всеволоду, к его сыновьям и к Роману» (Л, 421; П, 107); под 6714 (1206) г. — «а Святослава выведе к собѣ», сообщение о пострижении великой княгини Марии «Всеволожей», слова «пребысть бо в монастыри. . . поиде к Богови», «плачущюся», «и Юрью сыну ея плачущюся . . . и положиша ю в церкви святыя Богородицы» (Л, 421—425; П, 107—108).

⁵⁸ См выше, с. 60.

в защиту своих сограждан, воевавших в том году против Михалко и Всеволода, и вставил: «А переяславцемъ не хотящимъ его, но хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ», «Переяславци же не от сердца идяхуть, но принуждениемъ ростовскимъ», «А съ переяславци имяхуть володимерци едино сердце» (II, 85—86). Очевидно, тот же редактор в статье следующего года (автор-владимирец писал там о призыве из Чернигова Михалко и Всеволода, отмечал, что владимирцы «яшася по правду», а сверх того заявлял: «. . . володимерци прославлени Богом по всей земли за их правду, Богови имъ помагающую») три раза присовокупил к владимирцам «и переяславцев» (ср.: I, 375—379; II, 86—88). Он кое-что при этом и выпустил, изменив тем самым точку зрения повествователя: в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях рассказ идет от лица владимирцев и естественным образом говорится «сѣмо Володимерю» (I, 375), «не хотящим намъ добра завистью, граду сему и живущим в немъ» (I, 378); «сѣмо» и «намъ» в Переяславской летописи отсутствуют (II, 86—87). Кроме того, в статье 6690 (1182) г., наверное, он заменил г. Владимир на «Суждаль» (I, 388; II, 93), а в статье 6697 (1189) г. в рассказ об освящении церкви во Владимире почему-то вставил слова «въ градѣ Ростовѣ» (I, 407; II, 101). Но вот отсутствующие в Лаврентьевской летописи слова «и суждальцемъ и муромцемъ» во фразе «Не противу же Ростиславичемъ бяхуся володимерци, но не хотяще покоритися ростовцемъ и суждальцемъ и муромцемъ. . .» (1175 г., I, 374; II, 86) вставил не он, ибо они есть и в Ипатьевской летописи (Ип, 598); просто они пропущены в Лаврентьевской. Не является также ни редакторской правкой, ни смысловым различием указанное А. А. Шахматовым следующее отличие Лаврентьевской летописи от Переяславской и Радзивилловской: «. . . под 1196 г. каменная церковь заложена, по Лаврентьевской, во имя Акима и Анны, а по Переяславской и Радзивилловской во имя зачатия Богородицы». ⁵⁹ Иоаким и Анна — родители Богородицы, праздник ее зачатия — их праздник.

Среди особенностей статей Радзивилловской и Переяславской летописей 6684 и 6685 (1176 и 1177) гг., отличающих их от соответствующих статей Лаврентьевской, есть и смысловые, и не меняющие смысла. Границу между ними иной раз трудно провести. К смысловым относится сообщение под 6685 (1177) г. об ослеплении Ростиславичей. Вместо слов Лаврентьевской «. . . хотимъ слѣпити и! Князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людии множества ихъ ради клича» (I, 385—386) в Радзивилловской и Переяславской читаем: «И пустиша ею из земли» (II, 91). Вариант Ипатьевской (605) «И потомъ, изведше я и слепивше, пустиша» наводит на мысль, что мы имеем три вида сокращения одного и того же рассказа (в Лаврентьевской, заметим, он оборван, не дописан). Скорее всего имеет место пропуск в Радзивилловской и Переяславской, а не добавка в Лаврентьевской летописи, ибо и в Ипатьевской говорится о том, что люди у князя требовали, чтобы он или убил, или ослепил пленников. Разумеется, пропуск этот далеко не бессмыслен, но ничего специфически переяславского в нем нет.

Статью 6684 (1176) г. Радзивилловской и Переяславской летописей отличают излишние сравнительно с Лаврентьевской слова «и Полочане» в перечне горожан, у которых существовало вече («Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне. . .» — I, 377; II, 87). Редакторская ли это добавка? Скорее, опять пропуск в Лаврентьевской. Кроме того, сверх Лаврентьевской, рядом с именем Михалко в этих летописях тринадцать раз помещается имя его младшего брата Всеволода. Если это добавки редактора, то скорее редактора владимирского, работавшего в промежутке 1177—1206 гг., нежели переяславского 1213—1219 гг. Но нет уверенности и в том, что это добавки, ибо, во-первых, они ничего не меняют

⁵⁹ Шахматов А. А. Обозрение. С. 48.

в смысле рассказа: согласно Лаврентьевской летописи, Михалко пришел из Чернигова «с братом Всеволодомъ», вместе с ним одержал победу над Ростиславичами, и владимирцы «выидоша же с кресты противу Михалку и брату его Всеволоду» (Л, 375 и 377); а, во-вторых, ту же самую формулу «Михалко с братом его Всеволодомъ» мы встречаем пять раз в Ипатьевской летописи, причем — в пяти д р у г и х по сравнению с Лаврентьевской случаях, из которых три совпадают с «излишествами» Радзивиловской и Переяславской («Михалку же dospъвающе с братомъ Всеволодомъ», «поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду», «потом же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володоимирь» — Ип, 600—602). Рассказ Ипатьевской, заметим, значительно короче, чем повествование севернорусских летописей, но несомненно, что он восходит к общей с теми основе. И в данном случае в разных летописях она по-разному сокращена. В Лаврентьевской, очевидно, — позднейшими редакторами. А. А. Шахматов думает, что в данном случае «в Ипатьевской летописи отразился Суздальский (Владимирский) свод, более поздний, чем тот, который лег в основание Лаврентьевской».⁶⁰ Но мы видели, говоря о молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому, несомненно более ранние черты во владими́ро-суздальском тексте Ипатьевской летописи. Подобным может быть и этот случай. Как бы то ни было, свидетельствовать о присутствии в Радзивиловской летописи добавлений переяславского редактора он тоже никак не может.

А. А. Шахматов указывает как на результат редакторского недоразумения (относя это недоразумение на счет владимирского редактора девяностых годов XII в.) на два рассказа о борьбе с половцами южнорусских князей — под 6677 (1169) и 6679 (1171) гг. Он считает, что речь в них идет об одном и том же событии и что сначала во владимирской летописи (в «своде 1185 г.») находился только первый из них, почерпнутый из Летописца Переяславля Южного, а потом, в 1192—1194 гг., появился и второй, почерпнутый из другой летописи того же Южного Переяславля. Вставляя этот рассказ, владимирский редактор привычным образом, «следуя обычному своему приему», к имени Михалко, или Михаила Юрьевича, написал два раза имя его брата Всеволода (Л, 363; П, 80—81).⁶¹ В таком случае очень странно присутствие не одного только первого (под 1172 г.), но и второго из этих рассказов в южнорусской Ипатьевской летописи (под 1173 г.), причем с пятикратным упоминанием рядом имен братьев Михалки и Всеволода (Ип, 562—563). Никак нельзя вместе с А. А. Шахматовым быть уверенным, что речь оба раза идет об одних и тех же событиях: в рассказах есть схожие элементы, но различий там больше (в частности, в первом из них рядом с именем Михалки имя Всеволода не упоминается ни разу). А стало быть, сомнительно и существование двух летописцев Переяславля Южного, и то, что второе из этих сообщений было вставлено в летопись редактором позже, в девяностых годах XII в.

Вернемся теперь к различиям занимающих нас летописей. В Лаврентьевской под 6708 (1200) г. новгородцы, прося у Всеволода Большое Гнездо его сына к ним княжить, называют его по имени и отчеству: «Ты — господи́нь, князь великий Всеволодъ Гюргевичъ» (415). Согласно же Переяславской, они величают его именами его отца и деда: «Ты — господи́нь, ты — Гюрги, ты — Владимиръ» (104). А в Радзивиловской летописи имена деда и отца Всеволода соседствуют в обращении с его собственным именем: «Господи́не, ты еси Володимиръ, ты — Юрьгий, ты, Всеволодъ». Радзивиловская как будто соединяет варианты Лаврентьевской и Переяславской летописей или более полно передает то, что по-разному сокращено в них. Заметим, что тогдашняя дипломатическая манера почтительного приравнивания человека к его или своим старшим родственникам (означающая готовность ему подчиниться) отражена во всех сопоставляемых

⁶⁰ Там же. С. 75.

⁶¹ Там же. С. 53—54; ср.: Шахматов А. А. Исследование. С. 73—79.

нами памятниках. Так, под 6688 (1180) г. в Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописях говорится: «Присластася Глѣбовича, Всеволод и Володимеръ, ко Всеволоду Юргевичу, рекуще: Ты — господинъ, ты — отецъ, брат наю старѣйшій. . .» (Л, 387; П, 92); и под 6694 (1186) г.: «Они же, слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша к нему, глаголюще: Ты — отецъ, ты — господинъ, ты — брат. . .» (Л, 403; П, 99). Следуя этим традициям, переяславцы в Переяславской летописи под 6721 (1213) г. величают уже сына Всеволода, Ярослава, именно его отца: «Ты — нашъ господинъ, ты — Всеволодъ» (110). Заметим также, что статья 6708 (1200) г. Радзивиловской летописи имеет ряд мелких особенностей, сближающих ее с более полной статьей Лаврентьевской (слова «на память святаго мученика Кюрика и Улиты», «блаженнѣмъ» — о епископе Иоанне, «на память святаго отца Спиридона», «Костянтинъ . . . и бысть радость в градѣ Володимери», отсутствующие в Переяславской), но и та же статья Переяславской имеет ряд черт, общих с Лаврентьевской летописью и отсутствующих в Радзивиловской (слова «лѣпшии мужи, Мирошчина чадъ», «с поклоном и с молбою всего Новгорода», «князь же великий здумав. . . на всей своей воли», «у чудное святое Богородици с радостію великою», «с честию»). Кое-какие пропуски против общего исходного текста встречаются, как мы видели, и в Лаврентьевской. Очевидно, случай с обращением новгородцев к Всеволоду — из их числа. Смысловой разницы при этом не получилось, скорее — стилистическая: оказалась утраченной фигура речи. Представить себе обратное — что метонимия была создана позднейшим редактором — невозможно.

Как видим, иной раз не с первого взгляда возможно решить, что перед нами — след редактуры, стремления писца упростить свою работу или результат его бессознательного огреха; однако же несомненно то, что начиная со статьи 6673 (1175) г. изменяется не только «грушировка» летописей по степени близости, но и сам характер их отношений: появляются меняющие смысл исправления, сделанные разными редакторами.

3. Вторичные тексты

Есть и другой признак, указывающий приблизительно на то же время как на рубеж в истории владимиро-суздальского летописания: начиная со статьи 6685 (1177) г. в тексте Радзивиловской, Лаврентьевской и Переяславской летописей появляются заимствования из текста «Повести временных лет». На них обратил внимание более 128 лет тому назад автор статьи «Обзор русских летописцев в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом»; об откликах владимиро-суздальского летописца на упоминаемые им события он написал: «Разглагольствования его вышли не из собственного мышления; это чужие мысли, порожденные другими обстоятельствами, не понятые, не прочувствованные и не приспособленные к современности, а насильно приложенные к событиям и лицам другого времени и местности. . . Большая часть рассуждений взята суздальским летописцем из Нестора, у которого они полны намеков на тогдашнюю жизнь, приведены к стати, обмыслены и усвоены; тогда как у суздальского недостает даже искусства воспользоваться ими: он сводит мысли Нестора из разных мест в одно, или рядом стоящие разводит по разным местам». ⁶² Речь идет о восьми пространных компиляциях в статьях 6685 (1177), 6686 (1178) и 6693 (1185) гг. в общем тексте Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописей, почерпнутых из одиннадцати мест «Повести временных лет» (см. рис. 3). ⁶³ Кроме того, автор («Обзора»

⁶² Православный собеседник. 1860. Ч. 1. С. 385.

⁶³ 1) «. . . помысливше високоумьем своим, не вѣдуще. . . поне то есть глава земли» — 6685 (1177) г. (Л, 384; П, 89); ср.: «помыслив високоумьем своимъ, не вѣдый. . . понеже то глава есть земли» — 6523 (1015) г. (Л, 139—140); 2) «и многы церкви запали огнемъ. . . трепетаху, зряще убиваемыхъ» — 6685 (1177) г. (Л, 383; П, 90);

отметил, что «происшествия до 1170 года по Лаврентьевскому списку нисколько не связаны между собою, и нет ничего между ними общего. Но с этого времени все описания событий, исключая последние краткие заметки, имеют общее то, что все вращаются около Всеволода и его семейства».⁶⁴ Напомним, что М. Д. Приселков, основываясь на распределении в Лаврентьевской летописи южнорусских известий и на общих соображениях, датировал первый владимирский свод 1177 г.⁶⁵ Но мы видели, что Ипатьевская летопись хранит мольбу к Андрею Боголюбскому о его братьях, возможную только в 1176 г. Наши наблюдения заставляют думать скорее о том, что в 1175—1177 гг. работа над владимирским летописанием активизировалась, а с 1177 г. приобрела отчасти новый, допускающий компиляцию характер. «Первое, что обращает на себя внимание, — как сообщил мне О. В. Творогов, — что обращения к „Повести временных лет“ в основном группируются на протяжении статей 1177—1185 гг., т. е. можно полагать — перед нами тенденция, прием одного из составителей летописного свода, сохранившегося в составе Лаврентьевской летописи (также в Радзивилловской и Переяславской. — Г. П.), причем составителя, работавшего именно над статьями этого десятилетия». Может быть, этот летописец начал работать еще при жизни Михалко, но может быть — только с утверждением во Владимире Всеволода. Во всяком случае, мне кажется, ясно, что, откровенно черпая целые периоды из киевской летописи, этот владими́ро-суздальский летописец достаточно ясно и прямо указывал, на что он ориентируется как на образец и сознательным продолжателем какого летописания он выступает.

А. А. Шахматов полагал, что статьи 1176, 1177 и 1185 гг. Лаврентьевской летописи имеют признаки большей древности, нежели Радзивилловской

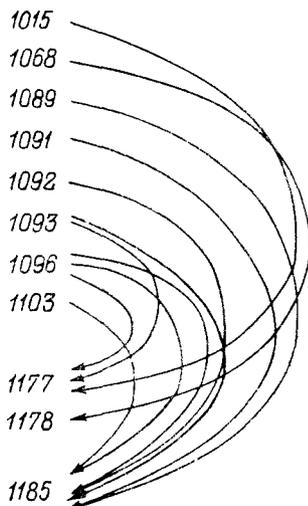

Рис. 3.

ср.: «и многы церкви запалиша огнем... трептахуть, зряще убиваемых» — 6601 (1093) г. (Л, 223); 3) «тѣм же и мы, послѣдующе Давиду пророку... оскверниша святыи дом твой» — 6685 (1177) г. (Л, 384—385; П, 91); ср.: «тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давиду... оскверниша и пожгоша святыи дом твой» — 6604 (1096) г. (Л, 233); 4) «тѣм же пророкомъ глаголетъ нам... а злюбъ вашихъ не могохъ истерти» — 6686 (1178) г. (Л, 386; П, 91); ср.: «тѣм же пророкомъ нам глаголетъ... а злюбъ вашихъ не могохъ истерти» — 6576 (1068) г. (Л, 168); 5) «Бысть же съ мужь молчалив, милостивъ къ убогимъ... и за землю Ростовскую, иже» — 6693 (1185) г. (Л, 391—392; П, 94); ср.: «Бысть же Иоан мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ... кротокъ, молчалив» — 6597 (1089) г. (Л, 208), «добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца... божьню помощью молися» — 6599 (1091) г. (Л, 212), «за поручение ему стадо... за землю Русьскую, иже» — там же (Л, 213); 6) «Се же ся здѣя грѣхъ ради наших... внити в царство небесное» — 6693 (1185) г. (Л, 392—393; П, 94—95); ср.: «Се же бысть за грѣхы наша... прочихъ злыхъ дѣлъ неприязни» — 6600 (1092) г. (Л, 215), «Богъ кажетъ рабы своя... внити в царство небесное» — 6604 (1096) (Л, 233); 7) «едино прѣщенье, едина казнь... паче инѣхъ казными есмы» — 6693 (1185) г. (Л, 393—394; П, 95); ср.: «едино прѣщенье, едина казнь... яко створихом, тако и стражем» — 6601 (1093) г. (Л, 223—224), «но обаче надѣмся на милость... благому Владыце казати» — там же (Л, 224), «неиздреченному челоуколюбью» — там же, «понеже хотяще уклонихомся отъ заповѣдий... плачь по всѣмъ улицамъ упространися» — там же, «да никто же дерзнетъ рещи... в летоу паче инѣхъ казными есмы» — там же (Л, 225); 8) «В 31 день... сдѣя Господь спасения велико... оружья добыша и конь» — 6693 (1185) г. (Л, 396; П, 96); ср.: «И сдѣя Господь в тѣ день спасение велико... Побѣдени быша иноплеменици» — 6604 (1096) г. (Л, 231—232), «и рече Володимер... Взятъ бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ» — 6611 (1103) г. (Л, 279).

⁶⁴ Обзор русских летописцев... // Православный собеседник. С. 432.

⁶⁵ Приселков М. Д. История. С. 64—78.

и Переяславской, и обратил внимание на то, что начиная с 1186 г. князь Всеволод Юрьевич именуется в летописи великим князем, а на этом основании высказал мысль о существовании владимирского свода 1185 г., отраженного в Лаврентьевской летописи.⁶⁶ В пользу этой мысли говорит то, что после 6683 (1185) г. картина с заимствованиями, вторичными текстами, меняется: в двух следующих статьях опять обнаруживается несколько цитат, однако уже не из «Повести временных лет», а из соседней, предыдущей статьи 6693 (1185) г.⁶⁷ (см. рис. 4). На это явление обращал внимание и автор «Обзора русских летописцев. . .»: «Наконец, в суздальской летописи встречаются постоянно повторения одних и тех же мыслей и одних выражений», — отметил он.⁶⁸ В чем тут может быть дело? Наскучив выискиванием подходящих сентенций в «Повести временных лет», летописец начал повторять самого себя?

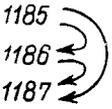

Рис. 4.

Вероятней кажется, что летописца, ориентировавшегося на Нестора или Сильвестра, сменил человек, столь же откровенно бравший за образец своего непосредственного предшественника. Так или иначе, этот ряд переносов заставляет думать о 1185 г. как о каком-то рубеже во владимирском летописании.

Наблюдения А. А. Шахматова над пропусками в Радзивиловской и Переяславской сравнительно с Лаврентьевской начиная с 1193 г. (об их неточности мы уже говорили) навели его на мысль о существовании владимирского свода 1192 или 1193—1194 гг., отраженного в Радзивиловской и Переяславской летописях.⁶⁹ М. Д. Приселков датировал второй владимирский свод, можно сказать, тем же временем — 1193 г.⁷⁰ В пользу этих гипотез наши наблюдения ничего не добавляют.

4. Рубеж 1206 г.

О датировке этими исследователями и Ю. А. Лимоновым владимирского свода начала XIII в. речь шла раньше. Здесь же я хочу указать на тот очевидный факт, что все три вида близкородственного текста, мыслимые нами как источники четырех реально дошедших до нас памятников — Радзивиловского, Московско-Академического, Архивского и Лаврентьевского списков, дружно оканчиваются на 1206 г. Представляется, стало быть, возможным говорить о сохраняемой этими памятниками в несколько различном виде с разной в разных местах степенью полноты и точности одной и той же владимирской, доведенной до 1206 г. летописи, или о Владимирском своде 1206 г.

Оканчивался он прочувствованным известием о смерти первой жены Всеволода Большое Гнездо Марии. Не ее ли заботами составлялся и иллюстрировался этот свод? Как известно, спустя пять лет, в 1211 г., ве-

⁶⁶ Шахматов А. А. 1) Исследование. С. 71—73; 2) Обзорение. С. 11—12.

⁶⁷ 1) «Се же и здѣся грѣх ради наших. . . да ны избавить от неприязни» — 6694 (1186) г. (Л, 400; П, 98); ср.: «Се же ся здѣя грѣх ради наших. . . грѣси наши и несправды» — 6693 (1185) г. (Л, 392), «Богъ бо казнить рабы своя. . . и иными различными казньми» — там же (392—393), «хрстьяномъ бо многыми настьми вниги въ царство небесное» — там же (393), «Согрѣшихом казними есмы. . . кажець ны добръ Владыка благий» — там же, «Да никто же дерзнетъ рещи. . . в лѣпоту паче инѣх казними есмы» — там же (394); 2) «Богъ бо казнить рабы своя. . . водою и огнемъ» — 6695 (1187) г. (Л, 405; П, 100); ср.: «Богъ бо казнить рабы своя. . . огнемъ и водою» — Л, 392—393 (это же место использовано в предыдущей статье); 3) «Но аще безаконья наша назриши. . . подвизанье на зло» — 6695 (1187) г. (Л, 405; в П нет); ср.: «Аще бо безаконья назриши. . . движенье на зло» — 6693 (1185) г. (Л, 393). Кроме того, обращает на себя внимание повторение в статье 6695 (1187) г. слов предыдущей статьи: «Брань славна луче есть мира студна. Съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять». — Ср.: Л, 403 и 405.

⁶⁸ Обзор русских летописцев. . . С. 439.

⁶⁹ См. выше, с. 65, 69.

⁷⁰ Приселков М. Д. История. С. 64—82.

ликий князь Всеволод вступил во второй брак с дочерью витебского князя Василька Брючиславича. Об этом скупо сказано («Приведоша княгыню. . .») в Переяславской летописи. Очевидно, новая великая княгиня для летописцев была несравнимо более далеким, чем Мария, человеком (и равным образом, наверное, — летописание для нее).

В Архивском списке владимирский свод 1206 г. продолжен переяславской летописью, в Лаврентьевской — ростовской. Так же прежде расходились летописи от «Повести временных лет» — по обособливающимся землям. В интересующее нас время шел процесс дробления Владимиро-Суздальской земли. Намечившееся еще в 40—50-х гг. XII в. дробление это сделалось политической реальностью за два первых десятилетия XIII в.⁷¹ Энергичный централизатор Всеволод Большое Гнездо, однако же, сам способствовал этому, выделяя уделы своим сыновьям. В 1207 г. Константин, его старший сын, получил от него в удел Ростов с пятью городами; летописателю Константина и принадлежит ростовское продолжение владимирской летописи в Лаврентьевской. А годом раньше, за день до пострижения его больной матери в монахини и меньше, чем за три недели до ее смерти, отец послал Константина княжить в Великий Новгород. Торжественная, непропорционально многоречивая, откровенно льстивая запись о его отъезде из Владимира, вступлении в Новгород и начале тамошнего его правления отличает статью 6714 (1206) г. Лаврентьевской летописи (Л, 421—424) от соответствующих статей Радзивилловской и Переяславской. И любопытно то, что в этой льстивой записи обнаруживаются — впервые после 1187 г. — заимствования, или цитации в речи летописца отрывков из предшествующей части повествования. Там их целая серия. Все они сделаны из статьи 6683 (1175) г., завершавшей, как мы знаем, или начинавшей какой-то этап во владимирском летописании. Шесть фрагментов рассказа об убийстве Андрея Боголюбского приспособлены для похвалы его племяннику Константину Всеволодовичу. «Рыдаеть же множество правобѣрных, зряще отца сирымъ и кормителя омраченымъ. . .» — говорится об оплакивании князя Андрея под 6683 (1175) г. (Л, 368); «Рыдаху же множество народа правобѣрных, зряще отцы сирымъ и кормителя отходяща» — говорится о провах князя Константина владимирцами под 6714 (1206) г. (Л, 422). И так далее.⁷² Седьмое заимствование компилятор посвятил матери Константина, умершей 19 марта 1206 г. — за день до его вступления в Новгород: «Аще не напасть, то не вѣнецъ, аще не труди, то ни честь, аще не брани, то ни дарове» (Л, 425; ср.: «Аще бо не напасть, то не вѣнецъ, аще ли не мука, то ни дарове» — Л, 368). Летописец явно облегчал себе задачу, прибегая в целях создания риторических перипетий к заимствованиям. Но, может быть, у владимиро-суздальских летописцев, начиная с того, который взялся за работу с исходом третьей четверти XII в., после убийства Андрея Боголюбского, стало хорошим тоном с самого начала путем откровенных повторений связывать свой текст с предшествующим, а тем самым и сопоставлять восхваляемого князя с его родственником-предшественником, и указывать на литературный образец, на который летописец в дальнейшем намерен ориентироваться. Но похоже, что этот придворный летописец Константина свою работу не продолжил. В Лаврентьевской — две статьи 6714 (1206) г., как обычно

⁷¹ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 98—101.

⁷² «На весь бо бяше церковный чинъ отверзль. . . паче и на милостыню» (Л, 422—423) — ср.: «на весь бо церковный чинъ и на церковники отверзль ему Богъ очи сердечныи. . . паче же на милостыню» (Л, 368); «слыша Господа глаголюща. . . то мнѣ створиште» (Л, 423) — ср.: «слыша бо Господа глаголюща. . . то мнѣ створиште» (Л, 368); «и паки Давидъ глаголетъ. . . и не преткнется» (Л, 423) — ср.: «и паки Давидъ глаголетъ. . . не поткнется» (Л, 368); «мужство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста» (Л, 423) — ср.: «мужство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста» (Л, 368); «вторый Соломонъ бывъ мудростью» (Л, 433) — ср.: «второй мудрый Соломонъ бывъ» (Л, 368).

бывает в тех случаях, когда к завершеному своду добавляют отдельно от него составленные записи. Кажется, и свод 1206 г. с его новгородским завершением существовал в дальнейшем как некое целое, которое уже последующие летописцы использовали как основу, как образец и как сокровищницу потенциальных цитат.

Первый признак такого использования этого варианта свода 1206 г. дает статья 6726 (1218) г., когда Константин Всеволодович, бывший к тому времени два года великим князем Владимирским, умер и на великокняжеский стол вернулся его брат Юрий: в посмертную похвалу князю Константину (Л, 442—443) включены фрагменты похвал Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому и самому Константину из статей 1125, 1175 и 1206 гг. (всего их семь).⁷³ (Поцутно заметим, что девять лет спустя, под 1227 г., сообщив о пожаре, уничтожившем во Владимире двор «блаженного князя Константина» и украшенную им церковь св. Михаила, летописец сказал несколько слов о причинах и смысле несчастий и вставил молитву (Л, 449—450), выписав почти все это из статьи 1185 г. (Л, 392—393), где тоже говорится о пожаре во Владимире.)⁷⁴ И несомненно, что сводом 1206 г. располагал или как-то выделял его в том, чем он располагал, автор повествования о татарском завоевании Руси, находящегося в Лаврентьевской летописи под 6745—6747 (1237—1239) гг.: мы обнаруживаем там невиданное прежде количество заимствованных фрагментов (двадцать один) — при небывало широком диапазоне использованного летописного текста — от статьи 941 г. по статью 1206 г. (последняя — опять-таки в «Константиновом» варианте).⁷⁵ (См. рис. 5). Это схоже с тем, как автор статей 1177—1185 гг. использовал «Повесть временных лет», но тот случай значительно уступает этому во всех измерениях.

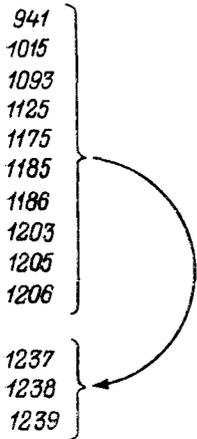

Рис. 5.

5. В пользу такого именно понимания дела. . .

Придя к выводу о том, что 1206 г. был важным рубежом во владимиро-суздальском летописании, нельзя не вспомнить тех, кто шел примерно в том же направлении или пришел к тому же заключению, хотя и не сказал подробно о своем пути. Первым, кажется, был М. Черемышлевский, писавший более ста пятидесяти лет назад: «. . . все они (летописи. — Г. П.),

⁷³ «украшенъ всѣми добрыми нравы» — ср.: «украшенный добрыми нравы» (1125 г. — Л, 293); «възлюби Бога всею душею» — ср.: «всею душею възлюби Бога» (1125 г. — Л, 294); «Божій страх отинудъ имѣ в сердци» — ср.: «Божій страх присно имѣя в сердци» (1125 г. — Л, 294); «не помрачи ума своего» — ср.: «не омрачи бо ума своего» (1175 г. — Л, 368); «Соломон бо рече: милостынями и безлобие и вѣрою очищаются грѣси» — ср.: «И Соломон глаголет: милостынею и вѣрою очищаются грѣси» (1206 г. — Л, 423); «Чтѣше же наче меры иерѣйскыи. . . от них молитвы и благословенья» — ср.: «чтѣшеть же излиха чернечскыи. . . от них молитвы» (1125 г. — Л, 294); «помяна слово, глаголющее. . . имѣнья своего раздавая требующим» — ср.: «помяна слово, Господне, глаголющее. . . имѣнья своего, раздавая требующим» (1125 г. — Л, 294).

⁷⁴ «Богъ бо казнит рабы своя напастми различными: огнем, водою, ратью» — ср.: «Богъ бо казнитъ рабы своя напастми различными: огнемъ и водою и ратью»; «христьяномъ многыми напастми и скорбьми внити в царство небесное» — ср.: «христьяномъ бо многыми напастми внити в царство небесное»; «но не предажь нас до конца имени твоего ради» — ср.: «но не предажь нас до конца имени твоего ради»; «аще бо на безаконья наша призриши. . . подвиженъ на зло» — ср.: «аще бо безаконья назриши. . . движенья на зло»; «но обаче надѣмся на милость твою» — ср.: «но обаче надѣмся на милость великаго Бога».

⁷⁵ Подробно об этом и полное сопоставление текстов см.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77—98.

однакож, до 1203 г. согласны в главных происшествиях, кроме небольших пропусков и маловажных разнословий, зависящих от неосторожности, глупости или высокоумия переписчиков. Следовательно, содержание сих летописей заимствовано из одного источника. С сего времени начинается существенная разность в списках; ибо является множество частных летописцев, кои подробно и нередко с пристрастием описывали только происшествия своей земли, не касаясь до прочих княжеств, кроме случаев, описание коих было необходимо для связи».⁷⁶ Вторым могу назвать Е. Ю. Перфецкого, написавшего: «Присмотревшись к взаимоотношениям сводов северной редакции, видим: Радзивиловский свод кончается в 1206-м году, Суздальско-Переяславский кончается в 1214-м году. Лаврентьевский же и Троицкий⁷⁷ своды, хотя и значительно дольше других ведут летописное повествование, но так разнятся, начиная с 1206 года, друг от друга, что издатели их, с этого времени начиная, печатают их тексты отдельно».⁷⁸ Затем А. Г. Кузьмин отметил, на мой взгляд, совершенно справедливо, что «чисто текстологические данные заставляют предполагать существование свода, доведенного до 1206 года», хотя сам он в обоснование этой мысли привел лишь одно наблюдение: «Именно на 1206 год приходится смена владимирских записей ростовскими и в Лаврентьевской летописи».⁷⁹

В пользу такого именно понимания дела свидетельствуют и данные, добытые при изучении Новгородской I летописи. Еще А. А. Шахматов отметил, что последнее по месту в рукописи известие Радзивиловской летописи о битве Ольговичей с Литвою в Синодальном списке Новгородской I находится не под 6713 (1205) г., где ему надлежало бы быть, а под 6711 (1203) г., иначе говоря, он отметил факт путаницы лет, свидетельствующий о том, что в распоряжении и этого летописца был владимирский источник, оканчивающийся около 1205 г.⁸⁰ Затем Н. Г. Бережков показал, что целая «группа статей Новгородской I летописи, излагающая события восемнадцатилетнего промежутка, с 6713 (1205/6) по 6730 (1222/3) год, отличается очень большой неправильностью, непоследовательностью в обозначении годов».⁸¹ В. Л. Янин уточнил, что в Новгородской I летописи младшего извода такая непоследовательность начинается даже несколько раньше, в статье 6712 (1204/5) г.⁸² И он сделал понятной ее причину, точнее сказать, причину того, что она начинается в этом месте: он показал, что оба извода Новгородской I летописи, старший и младший, в пределах до 6712 г. имеют один общий источник, который здесь обрывается (В. Л. Янин называет его «Временником» 1204 г.).⁸³ Значит, мы можем распространить на этот источник вывод, сделанный ранее Ю. А. Лимоновым — но только на основании анализа ряда известий XII в. Синодального списка Новгородской I летописи старшего извода, — «что они были заимствованы из северо-восточного источника», чтения которого, «отличные от чтений Лаврентьевской летописи, Летописца Переяславля-Суздальского, совпадают с чтениями Радзивиловской летописи».⁸⁴ Заметим также, что след присутствия в этом источнике известия 6713 (1205/6) г. о битве Ольго-

⁷⁶ П е р е м ы ш л е в с к и й М. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Учен. зап. имп. Моск. ун-та. 1834. Ч. 3, № 9. С. 421.

⁷⁷ Е. Ю. Перфецкий имеет в виду, называя по-старому, Московско-Академический список летописи.

⁷⁸ П е р ф е ц к и й Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 99.

⁷⁹ К у з ь м и н А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 59.

⁸⁰ Ш а х м а т о в А. А. Исследование. С. 51. В НИЛ младшего извода это сообщение — под 6712 (1204) г.

⁸¹ Б е р е ж к о в Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 247.

⁸² Я н и н В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники 1980. М., 1981. С. 175.

⁸³ Там же. С. 175—181.

⁸⁴ Л и м о н о в Ю. А. Летописание. С. 124—125.

вичей с Литвою позволяет считать возможной его зависимость от отраженного в Радзивилловской летописи Владимирского свода того же 1206 г.

Владимирская летопись, близкородственная Радзивилловской, по также и Лаврентьевской и Переяславской, фрагментарно отражена, как мы знаем, в первой части Ипатьевской, оканчивающейся 6706 (1198) г. (далее там следует галицко-волынская летопись).⁸⁵ Возможно только, что это была владимирская летопись, не доведенная еще до 1206 г. и не подвергшаяся при этом некоторой редакторской обработке.⁸⁶

Итак, памятник русского летописания, представленный Радзивилловским списком, имел очень важное место в истории не только владимирского, но всего русского летописания. Потому-то и дошел он до нас в многократно отраженном виде. А как показывает Радзивилловский список и свидетельствует своими пропусками (периподов текста, оказывающегося в Радзивилловском между миниатюрами) родственный ему Московско-Академический,⁸⁷ свод этот был проиллюстрирован — честь, которой удостоивался далеко не каждый, точнее сказать, очень редкий этап в истории русского летописания.

Результатам наших наблюдений — в том числе и ответу на поставленный ранее вопрос о соотношении Радзивилловской летописи и общего источника летописей Лаврентьевской и Переяславской — можно, мне кажется, придать следующее графическое выражение (см. рис. 6).

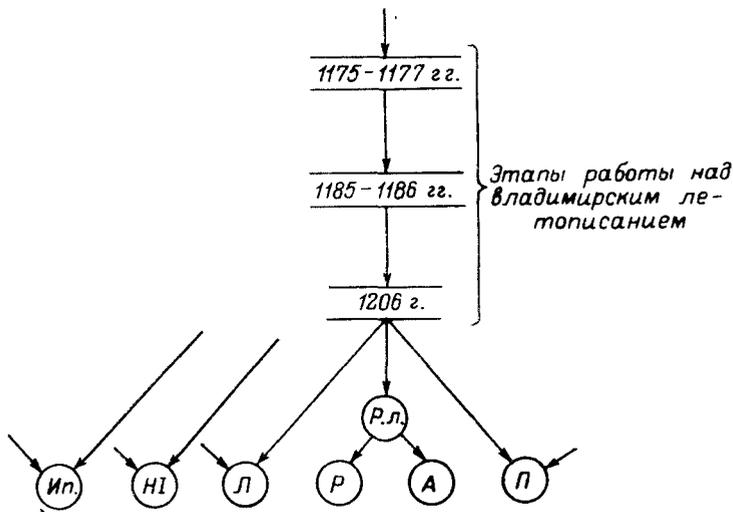

Рис. 6.

⁸⁵ См.: Шахматов А. А. 1) Исследование. С. 39—44; 2) Обзорение. С. 69—79.

⁸⁶ А. А. Шахматов указывает отдельные следы позднейшей, как он думает, обработки владимирского источника Ипатьевской летописи, но считает, что это была обработка значительно более поздняя, следов которой еще «не могло быть во владимирских сводах конца XII и начала XIII в.» (Обзорение. С. 75).

⁸⁷ См.: Шахматов А. А. Исследование. С. 27.

Я. С. ЛУРЬЕ

Еще раз о Первом послании Ивана Грозного к Курбскому

Проблемы истории текста и текстологии постоянно встают в работах по истории средневековых литературных памятников, в том числе памятников средневековой Руси. Только сплошное сопоставление рукописей изучаемого памятника дает возможность поставить вопрос об истории его текста; при этом, как справедливо отмечают современные филологи, решающую роль имеют существенные структурные совпадения и расхождения между текстами и безусловные общие ошибки, отличающие одни группы списков от других. Такие расхождения между текстами получили в советской филологической науке наименование «необратимых» соотношений, дающих основания считать чтения одного рукописного вида явно первичными а другого — вторичными.¹ Схемы, построенные на основе подобных сопоставлений, указывают не только на связи между теми или иными видами и списками, но и на их генеалогию.

В какой степени такие схемы сами могут быть «обратимы»? Можно ли, не отрицая установленных соотношений между текстами, объявить текстологических «предков» потомками и наоборот?

Вопрос этот недавно встал в связи с любопытной статьей Эдуарда Кинана о Первом послании Ивана Грозного князю Курбскому, опубликованной в сборнике, посвященном памяти А. А. Зимина.² Статья эта примыкает к ряду исследований Э. Кинана, в которых обосновывается «апокрифичность» и позднее (XVII в.) происхождение переписки Курбского с Иваном Грозным. Исходным толчком к построению Э. Кинана было сделанное им важное наблюдение: он обнаружил текстуальные совпадения между первым посланием Курбского царю и двумя сочинениями — «Плачем» и «Жалобой» — каменец-подольского апока Исайи, приехавшего на Русь, там арестованного и с 1561 г. находившегося в заточении в Вологде. «Плач» Исайи имеет точную дату: 1566 г. Считая сходные тексты у Исайи более первоначальными, а у Курбского — вторичными, Э. Кинан сделал из этого вывод, что первое послание Курбского было написано не ранее 1566 г. А между тем по смыслу это послание могло быть написано только сразу после бегства Курбского — в апреле 1564 г.; ответное послание Грозного имеет точную дату — 5 июля 1564 г. Следовательно, заключил Э. Кинан, дата переписки ложна: исходные послания Курбского

¹ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983. С. 227; Лурье Я. С. Изучение русского летописания: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 21; Зимин А. А. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 432; Данти А. О «Задовщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 78—79, 85.

² Keenan E. L. The Karp/Polikarp Condurum: Some Light on the History of «Ivan IV's First Letter» // Essays in Honor of A. A. Zimin. 1983. P. 205—231 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках).

и Ивана IV были написаны не сразу после бегства князя Андрея в 1564 г., как указывается в их тексте, а позже; перед нами не подлинная переписка, а «апокриф» XVII в. (от этого времени и дошли рукописи переписки).³ Недостаточность и неубедительность этой аргументации была показана рядом авторов: Э. Кинан не отверг возможность восхождения сочинений Курбского и Исайи к общему источнику и, главное, не доказал первичности текста Исайи и вторичности — Курбского. А. А. Зимин пришел к выводу, что влияние текста Курбского на «Жалобу» Исайи более вероятно, чем обратное соотношение; Дж. Феннел обратил внимание на явную вторичность (по отношению к тексту Курбского) текста «Плача» 1566 г. Поэтому, писал А. А. Зимин, влияние Курбского на Исайю более вероятно, чем обратное влияние, и, не опровергнув этого соотношения, Э. Кинан, по словам А. А. Зимина, обнаруживает явную тенденцию «уложить имеющийся материал в прокрустово ложе ошибочной авторской концепции, несмотря на явные несоответствия многочисленным фактам и текстологическим наблюдениям».⁴

В статье, помещенной в сборнике памяти А. А. Зимина, Э. Кинан не разбирает и никак не опровергает аргументов этого ученого и других авторов по основным пунктам своего построения. Статья его посвящена только одному памятнику переписки — Первому посланию Ивана IV, обычно датируемому 1564 г., но относимому автором к XVII в. Первое послание Грозного, самое обширное в переписке, дошло до нас в нескольких редакциях (все они, как и послания Курбского, сохранились в списках XVII в. и последующих веков). Это: 1-я пространная редакция; краткая редакция, содержащая лишь отдельные фрагменты ответа его противнику, расположенные без какого-либо определенного порядка; 2-я пространная редакция, в обоих видах которой (в составе хронографа и в «сборниках Курбского» конца XVII в.) обнаруживается абсурдная перестановка текста — фрагмент с цитатой из Дионисия Ареопагита попал из конца послания в середину рассказа о Сильвестре и Адашеве; и, наконец, сокращенная редакция, имеющая характерные черты поздней переделки. К какому времени относится возникновение этих редакций? Наиболее очевидной по отношению к остальным представляется первичность текста, дошедшего в редакции, которую мы определяем как 1-ю пространную: и по тексту и по его расположению (отсутствие абсурдной перестановки) она наиболее последовательно соответствует исходному посланию Курбского и включает ответы на все упреки оппонента. 2-я пространная редакция явно дефектна; краткая — фрагментарна и не содержит ответа на многие упреки Курбского. Если рассматривать переписку как реальный обмен посланиями, то вторичность краткой редакции по отношению к полному тексту Первого послания царя не вызывает сомнений; но считая всю переписку фиктивной, Э. Кинан уже в книге о переписке Грозного и Курбского утверждал, что краткая редакция послания «Псевдо-Грозного» предшествовала более полным его текстам.

Новое издание «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским», предпринятое Ю. Д. Рыковым, автором данной статьи и другими авторами

³ Keenan E. L. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha: The XVII Century Genesis of «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971.

⁴ Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л., 1976, Т. 31. С. 176—201. Ср.: Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ. 1972. № 4. С. 202—209; Андреев Н. Е. Мнимая тема: О спекуляциях Э. Кинана // Новый журнал. Нью-Йорк. 1972. № 109. С. 258—272; Скрынников Р. Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; Fenell J. L. I. Реп. на кн.: Скрынников Р. Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского // Russia Mediaevalis. München, 1975. Т. 2. Р. 188—198; Rossing N., Rønne B. Apocryphal — not Apocryphal? A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence between Tsar Ivan IV Grosnyi and Prince Andrey Kurbskii. Copenhagen, 1980.

в 1979 г., потребовало сопоставления всех текстов Первого послания Ивана Грозного (включая новонайденные) на всем их протяжении. Такое сопоставление показало, что 1-я пространная редакция послания может быть разделена на два вида: списки, в которых послание царя помещено отдельно от послания его противника, и так называемые «печерские сборники» (в списках первой трети XVII в.), содержащие Первое послание Грозного вместе с первым посланием Курбского царю, его посланиями в Печерский монастырь и др., где в послании царя обнаруживается ряд вторичных общих чтений. Краткая редакция оказывается тесно связанной с традицией «печерских сборников» и по составу (в большинстве ее списков также содержатся другие послания Курбского) и по чтениям — в ряде случаев явно вторичным. Такое соотношение текстов побудило автора этой статьи отказаться от своего прежнего предположения, что краткая редакция была следствием переработки текста, произведенного еще при Иване Грозном (в связи с ответными критическими замечаниями Курбского): краткая редакция возникла, очевидно, на основе текста 1-й пространной в «печерских сборниках» и может быть датирована тем же временем, что и эти сборники, — первой третью XVII в. Что касается 2-й пространной редакции, то вторичность ее чтений по отношению к 1-й обнаруживается на множестве примеров, причем ближе к 1-й редакции хронографический вид 2-й редакции, а наиболее удален (и имеет еще множество новых вторичных чтений) — текст в «сборниках Курбского». Сокращенная редакция повторяет специфические чтения «сборников Курбского» и представляет собой компиляцию середины XVIII в.⁵

В своей новой статье Э. Кинан принял изложенные выше текстологические наблюдения и согласился с установленной на их основе системой соотношений текстов. Но генеалогическую схему, отражающую это соотношение, он «перевернул».

Схему, предложенную автором этой статьи, Э. Кинан (называя 1-ю пространную редакцию просто «Полной» и разделяя 2-ю пространную редакцию на «Хронографическую» и «Сборники Курбского») изобразил так:

Но иная ред. → Хрон. → Сб. Курб. → Сокр. ред.

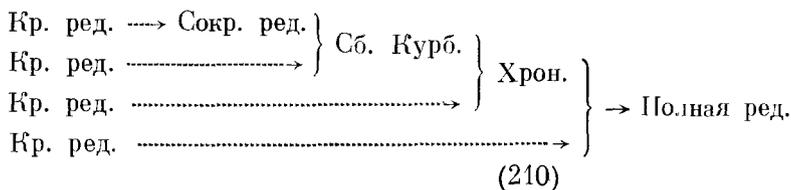
↓

Кр. ред.

(208)

Предложенная им самим «перевернутая» схема выглядит следующим образом:

⁵ См.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 528—559 («Литературные памятники»); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 315—348 («Литературные памятники») (2-е изд. М., 1981). Отличия отдельных списков 1-й пространной редакции от «печерских сборников» не были замечены Э. Кинаном, ошибочно указывающим, что список Б (ГПБ, собр. Погодина, № 1311) «часто стоит одиноко» по отношению ко всем остальным спискам 1-й пространной редакции (224, п. 17, 19). Это недоразумение вызвано непониманием особенностей издания «Переписки. . .» в «Литературных памятниках», многократно отмеченных в издании: в приложениях даются не все разночтения, а лишь исправления основного списка и «групповые разночтения» по другим спискам (ср.: Переписка. . . С. 351, 352, 355, 356 и т. д.). Как и всякий список, Б имеет многочисленные индивидуальные погрешности, исправляемые по всем спискам (КТПАВ). Но по отношению к групповым разночтениям «печерских сборников» (ПАВ) список Б «не стоит одиноко», а систематически совпадает с другим списком, не принадлежащим к числу «печерских сборников», — К (ЛОИИ, ф. 11, № 41), а иногда и с Т (ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121). При этом сходных вторичных чтений в Б и К не обнаруживается (Переписка. . . С. 318); следовательно, они не имеют особого общего оригинала, а непосредственно восходят к протографу 1-й пространной редакции; между тем в «печерских сборниках» содержится множество совпадающих явно вторичных чтений (буквенные обозначения здесь и далее даются в соответствии с изданием «Переписка. . .»).

Как же такое «переворачивание» текстологической схемы мотивируется? Метод, примененный нами, Э. Кианан определил как «микроанализ» (211), при котором более «правильные» чтения принимаются за первичные и обнаруживается тенденция к предпочтению «легких чтений» (*lectio facillior*) более «трудным» (*lectio difficilior*) (209). Сам же он предлагает «располагать (to arrange) и анализировать» версии текста с целью установить «более объемлющее редакторское поведение» (*more comprehensive editorial behavior*) (218).

Несовпадения «легких чтений» с первичными постоянно учитываются в текстологии. Отмечалось, что «как правило, переписчик „облегчает“ текст, непонятное для себя делает понятным, модернизирует его», но что правило это действует далеко не всегда — «бывали редакторы текста, систематически его облегчавшие, модернизовавшие, приближавшие к разговорному языку, но бывали редакторы текста, намеренно архаизовавшие текст . . . предпочитавшие книжные обороты».⁶

В истории текста Первого послания Грозного мы встречаемся со всеми подобными тенденциями и явлениями. «Сборники Курбского» обнаруживают настойчивое (хотя и не всегда последовательное) стремление к замене просторечных оборотов книжными: эти книжные обороты были часто более архаическими и «трудными», но они более соответствовали этикетным представлениям редактора (работа которого относится, по нашему мнению, к концу XVII в.), создававшего версию «сборников Курбского».⁷ Вообще же «трудные» (по соответствующие библейским и другим источникам) обороты более характерны для 1-й пространной редакции, чем для других версий — краткой редакции, 2-й пространной и особенно того вида, который представлен «сборниками Курбского». Так, в 1-й пространной редакции послания царь напоминает Курбскому о злом советнике Ахитофеле, подучившем царевича Авессалома выступить против его отца Давида, «и како потрясенно последи Хусея, единого старца разумом совет его рассыпая». Такое чтение соответствует 2-й Книге Царств (глава 17), где в роли мудрого советника, разрушившего «совет» Ахитофела, выступает Хусея (Хусий). Но для большинства книжников это было, очевидно, «трудное чтение», и сохранили его только два списка 1-й пространной редакции (БК), содержащие, как можно предполагать, первоначальный текст; уже в «печерских сборниках» вместо «последи Хусея» дано более «легкое чтение»: «последи с и я»; то же «легкое чтение» и в краткой редакции, аналогичный текст и в обоих видах 2-й пространной. В 1-й пространной редакции библейский военачальник Авенир именуется «храбрейшим во Израиле»; во 2-й пространной редакции этот оборот (писавшийся, как обычно, в сокращении и под титлом) не был понят, и его заменили на «храбрейший возрастом». Здесь также, очевидно, замена «трудного» чтения на «легкое». В 1-й пространной редакции автор, цитируя Григория Богослова, упоминал о «Дня рожества и крадение» (рождение и сокрытие Зевса), это «трудное» чтение было заменено во 2-й пространной редакции на более «легкое»: «неделю си рожества». В 1-й пространной редакции, в цитате из послания Дионисия Арсепита, упоминался его адресат Димофил: «. . . не враг Димофил, ниже терплю тебе

⁶ Лихачев Д. С. Текстология. С. 185—186.

⁷ Переписка. . . С. 341—344.

лихоимствуема»; во 2-й редакции вместо этого «легкое чтение»: «не враг домосильный же. . .»⁸

Во всех этих случаях, как видим, именно 1-я пространная редакция дает «трудное чтение», а последующие версии заменяют его на «легкое». Но дело не сводится только к «трудности» и «легкости». Чтения «храбрый возрастом», «неделю си рожества», «домосильный же» (речь идет здесь, как и всюду далее, о групповых чтениях, а не о ляпсусах отдельных списков), будучи более «легкими» чтениями для механически работавшего писца оригинала давших версий, вместе с тем бессмысленны в соответствующем контексте. Сравнение 1-й пространной редакции с другими, включая краткую, оба вида пространной и сокращенную, показывает, что текст ее ближе к библейским и патристическим источникам и не содержит множества бессмысленных и явно ошибочных чтений, встречающихся в этих версиях. Чтения 1-й пространной редакции отличает не большая «легкость» или «правильность», а осмысленность в противовес явной бессмыслице — они н е о б р а т и м о первичны.⁹ Так, в 1-й пространной редакции царь отвечает Курбскому, что «безогласных» (т. е. несогласных, враждебных) «бояр у нас несть, разве друзей и советников ваших, иже и ныне подобно бесом, все советы своя лукавыя не prestaюще содевати»; во всех списках краткой редакции вместо этого: «безогласных бояр у нас несть, разве друзей и советников». Таким образом, «безогласными» боярами в этой версии оказываются не тайные приверженцы Курбского (как в 1-й пространной редакции), а, напротив, «друзи и советники» царя.¹⁰ В 1-й пространной редакции автор, отвечая Курбскому, называвшему казненных Грозным бояр «мучениками», сравнивал этих бояр с жителями Иерусалима, не принявшими библейского царя Давида, и спрашивал: «Како убо их причтеша в мученики, яко не хотевшим от бога данного царя прияти?» Во 2-й пространной редакции (обоих видах) вместо этого явная бессмыслица: «Како убогих прочительных в вотчинники. . .?» Сокращенная редакция сделала этот текст еще более бессмысленным: «Кто либо убогие или вотчинники. . .?»¹¹ В 1-й пространной редакции, доказывая, что сам царь, а не сподвижники Курбского «прегордые царства разоряли и подручны нам сотворяли», автор восклицал: «. . . тако же и наш промысл и попечение о православи. . .»; тот же текст читался и в хронографическом виде 2-й пространной редакции, но в «сборниках Курбского» вместо этого: «. . . и подручны нам сотворили, талавии. . .» Древнерусское слово «талавии» нам неизвестно, и этот чинимый «гапакс» является результатом простого пропуска куска фразы: «тако же и наш промысл и попечение о православи» в оригинале «сборников Курбского».¹² Как же могут такие явные ляпсусы (примеров которых во всех списках данной версии может быть приведено множество) представлять собой первичные чтения текста? Даже если послание Курбскому составлял не царь, а некий книжник первой трети XVII в., как утверждает Э. Кинан, ясно, что и этот «Псевдо-Грозный» не стал бы писать заведомую бессмыслицу.

В пользу своей «перевернутой» генеалогической схемы происхождения различных версий Первого послания Грозного Э. Кинан выставляет, в сущности, только два текстологических аргумента.

В ответ на заявление Курбского о том, что царь не «узрит» его лица «до дне Страшного суда», в послании Грозного говорится: «Лице же свое показуеши драго. Кто убо и желает такового ефиопского лица видети?

⁸ Переписка. . . — Ср. с. 18 и 59, 67: 17 п 67; 35 п 83; 49 п 89; ср. также: с. 318—319. 327—328, 333—340.

⁹ См.: Лихачев Д. С. Текстология. С. 227; Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1968. Вып. 1 С. 24; Зимин А. А. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси. С. 432.

¹⁰ Переписка. . . Ср. с. 46 и 60.

¹¹ Там же. С. 19, 68; ср. с. 348.

¹² Там же. С. 37, 86; Послания Ивана Грозного. С. 108.

Где же убо обрящет мужа правдива и зыкры <голубые> очи имуща? Понеже вид твой и злолукавый твой прав исповедует». В краткой редакции этого пассажа нет, но в хронографическом виде 2-й пространной редакции он читается (без последней фразы). Зато в «сборниках Курбского» и совпадающей с ними сокращенной редакции слов «Лице же свое показуеши драго» нет; вместо этого: «Лице же свое пишешь не явити нам до Страшного суда божия. . .»; нет и слов «Где же убо обрящет мужа правдива и зыкры (зекры) очи имуща?»¹³ Здесь, как видим, отсутствует объяснение, почему царь не желает видеть лица Курбского, но зато есть более развернутая ссылка на оппонента: «Лице же свое пишешь. . .» По мнению Э. Кинана, текст «сборников» и сокращенной редакции «лучший, ибо слова Хр<онографической> и Пол<ной> редакции» без ссылки на исходные слова Курбского неясны» (219).

В послании Грозного встречаются обычные для канцелярского стиля XVI в. прямые ссылки на слова противника: «А еже писал еси. . .» или просто «А еже. . .» с перифразой слов Курбского («А еже нечто облыгаем православных. . .», «А еже убо мало рождшия своя зрел еси. . .»)¹⁴ Однако гораздо чаще царь отвечает на слова Курбского, отвергая обвинение без прямой ссылки на противника («О провинении же и прогневании подвластных. . .», «Безмертен же быти не мнюся. . .» и т. д.). Такое косвенное опровержение слов Курбского можно обнаружить в двух фразах, предшествующих словам «Лице же свое показуеши драго. . .»: «Бранные же дела твои нам всем ведомы. . . Мздовоздателя бога призывает. . .»¹⁵ С характерным для него уважением к литературному этикету составитель «сборников Курбского» несколько раз пытался усилить элементы эпистолярного стиля, заменив, например, оборот «А еже убо мало рождшия своя зрел еси. . .» (в 1-й полной редакции и хронографическом виде 2-й пространной редакции) на: «А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождшая тя. . .»¹⁶ Но, как и обычно, редактирование это было непоследовательным: чаще всего ответы царя Курбскому даются без прямых ссылок на то, что данные слова написал Курбский, — это и так было понятно.

Но если это так, то нет оснований утверждать, что оборот «Лице же свое показуеши драго» без ссылки на слова оппонента неясен и потому вторичен, а ссылка на «сборниках Курбского» «Лице же свое пишешь не явити нам. . .» (вдобавок неточная: у Курбского — «не узриши многа лица моего. . .») — первична.

Второй аргумент Э. Кинана основывается на тексте притчи, несомненно восходящей ко второй части послания Дионисия Ареопагита Димифилу (первая часть цитируется в другом месте) и данной в тексте 1-й пространной («Полной») редакции и хронологического вида 2-й пространной в двух вариантах. Первая версия притчи полностью совпадает с текстом кодекса, цитируемого в послании Грозного постоянно, — Великих Миней Четьих. Как и в ВМЧ, героем притчи здесь является критский «священный мужь» Карп, оскорбленный кем-то из «неверных», прельстивших христианина «к безбожию», ибо тогда еще праздновались «иларионские дни» (языческие праздники веселия). Карп молился о погибели грешников, и ему явилось видение: он узрел на небесной высоте Иисуса, а внизу пропасть, на краю которой находились проклинаемые им люди, а змеи обвивали их и тянули в пропасть. Зрелище это до того обрадовало Карпа, что он смот-

¹³ Переписка. . . С. 43, 94; Послания Ивана Грозного. С. 121. — Э. Кинан (224, п. 18) справедливо отметил ошибку, допущенную нами в издании «Посланий»: слова «Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшного суда божия» были приведены как текст из хронографического вида (ХСУ — ср.: Послания Ивана Грозного. С. 57, примеч. 6); в действительности этих слов там нет.

¹⁴ Переписка. . . С. 25, 26, 36, 43, 46.

¹⁵ Там же. С. 26, 34, 35, 38, 40, 41, 43.

¹⁶ Ср.: Там же. С. 43, 94 и Послания Ивана Грозного. С. 119, 120; ср. также: Переписка. . . С. 342.

рел в пропасть, пренебрегая тем, что происходило наверху, и Иисус, вставший с небесного престола и протянувший руку грешникам, предложил Карпу бить его рукой «простертой», если ему угодно «в пропасти со змиеми пребывание заменить еже з богом и благими человеколюбивыми аггелы». Рядом с этой притчей в 1-й пространной редакции и хронографическом виде 2-й пространной помещена вторая, где о погибели грешников молится уже другой праведник — Поликарп; предметом его негодования являются не «неверные», но «еретики», нарушившие «божественную службу»; подробного описания видения Поликарпа нет, но он также смотрит на грешников, а не на Иисуса, и тогда «аггельский владыка», сходя с «плещ херувимских», подставляет Карпу свои «плещи», которые он и «преже» дал «на раны». Заканчиваются обе притчи сходным поучением «злобесному изменнику» Курбскому, молящемуся против царя.¹⁷

Включение в послание Грозного двух сходных притч с одинаковой моралью несомненно требует объяснения — возможно, что наряду с текстом ВМЧ, точно воспроизведенном в первой притче, в распоряжении царя или, скорее, его помощников был какой-то рассказ, восходивший к Ареопагиту, но отличный от ВМЧ, и этот рассказ был принят за другую притчу с той же моралью.¹⁸ Составитель краткой редакции, сохранив введение к первой притче, присоединил к ней текст второй притчи (с «Поликарпом» и «еретиками») — в этом случае он несомненно предпочел более «легкую» версию «трудной» («иларионские дни» и т. д.).¹⁹ В «сборниках Курбского» — тоже только один вариант притчи, но отличный от всех других версий с характерным для этой версии введением: «А еже речени, глаголя: воссылати к богу об отмищении своем, и сия или не веси. . .» (у Курбского не совсем так: «буду . . . вопияти на тя пребезначальной Троицы. . .»)²⁰

Э. Кинан полагает, что первоначальным в данном случае был текст притчи в краткой редакции (происхождение которого и отношение к тексту Ареопагита он никак не объясняет). «Сборники Курбского» содержат «парафраз» этого текста краткой редакции (229). Составитель хронографического извода и «полной редакции», «который явно имел в своем распоряжении все тексты», использовал сперва притчу из «сборников Курбского» (выправив ее по тексту Ареопагита), а затем присоединил к ней притчу из краткой редакции, включая текст (поучение Курбского), который был взят из «сборников» и который он уже копировал (217).

Но объяснение это не представляется убедительным. Текст притч о Карпе—Поликарпе в 1-й пространной редакции и хронографическом виде 2-й пространной никак нельзя вывести из соединения текстов «сборников Курбского» и краткой редакции, ибо первая притча в 1-й пространной не имеет никаких специфических совпадений с текстом притчи «сборников». В первой притче главным действующим лицом выступает Карп, в «сборниках» — Поликарп; в первой притче он призывает кару на «безбожников» (язычников), в «сборниках» — на «развращающих церковь божию»; в «сборниках» нет ни видения, ни явления Христа и «щедрый» выражает лишь готовность грешников «спасати, аще ми покаются» (дополнение немаловажное!).

Таким образом, гипотеза Э. Кинана никак не помогает решить «загадку Карпа—Поликарпа».²¹

¹⁷ Переписка. . . С. 43—45, 94—96. Ср.: ВМЧ. Октябрь 1—3. СПб., 1870. Стб. 764—767.

¹⁸ Ср.: Лурье Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Т. 31. С. 227—228.

¹⁹ Переписка. . . С. 58—59.

²⁰ Послания Ивана Грозного. С. 121. Ср.: Переписка. . . С. 8.

²¹ Особенно подчеркивая значение заключительного поучения притчи («И аще убо. . .») о Карпе—Поликарпе, Э. Кинан придает почему-то важное значение тому, что в поучении ко второй притче в 1-й пространной («полной») редакции читается: «злобеснаго изменника неправедна на злую волю молящася. . .», а в хронографическом виде и «сборниках Курбского»: «злобесного <в «сборниках»: бессмысленное «без-

Этим исчерпываются текстологические аргументы Кинана. В остальном же он ограничивается изложением «истории дошедших до нас версий» (211) Первого послания Грозного Курбскому с целью уяснения «редакторского поведения» их создателей (218).

1) Первичной версией первого послания автор считает краткую редакцию (далее: кр. ред.). Он, правда, не утверждает теперь, что кр. ред. сохранилась только в списках, которые были созданы примерно в одно, наиболее раннее для традиции Послания Грозного время — 30—50-е гг. XVII в. По-видимому, он согласился (хотя и не оговаривая этого) с тем, что древнейшие списки 1-й пространной редакции не моложе древнейших списков кр. ред. и что кр. ред., как и другие (за исключением 1-й пространной редакции), продолжала бытовать и в традиции XVIII—XIX вв. Но кр. ред., согласно его схеме, остается наиболее ранней версией Первого послания царя. Каковы же были ее источники? В кр. ред. (как и в остальных) читаем обвинения против деда Курбского Михайло Карамыша и его отца Михаила Михайловича в измене при Иване III и Василии III. Обвинений такого характера нет ни в летописях, ни в каких-либо других источниках, кроме Первого послания Грозного.²² Если считать, что оно восходит к первоначальному тексту царского послания 1564 г. (оно читается в 1-й пространной редакции), то все объясняется просто: источником его является живая традиция (основанная на правде или клевете), существовавшая при современниках — Иване IV и Курбском. Но если это обвинение возникло 70 лет спустя (в кр. ред. послания), то его нужно было откуда-то взять. Откуда же?

Не привел Э. Кинан и каких-либо примеров «гладкости», «тематического единства» и «предпочтительных чтений» (207) кр. ред.²³ Напротив, очевидным остается ее фрагментарный и не соответствующий первому посланию Курбского характер. Предположим, что вся переписка Курбского с Грозным — это апокрифы XVII в., своеобразная «литературная игра». Но почему все-таки «Псевдо-Грозный», решив за чем-то ответить «Псевдо-Курбскому», не соблюл самых естественных правил «игры»: не ответил на упрёки своего оппонента достаточно последовательно и в том порядке, в каком они были высказаны? Мы уже отметили явную бессмыслицу в тексте кр. ред. по сравнению с 1-й пространной: враждебными, «безсогласными» боярами здесь объявляются не тайные друзья Курбского (как в 1-й ред.), а «друзи и советники» самого царя. И это не единственное нарушение логики изложения в кр. ред.: здесь обнаруживается ряд таких же бессмыслиц.²⁴ Но как мог составитель кр. ред., если именно он создавал первоначальный текст послания «Псевдо-Грозного», включить в него этот набор бессмыслиц (сохранившихся во всех списках кр. ред.)?

2) Наиболее загадочным звеном в реконструированной Э. Кинаном истории «редакторского поведения» создателей Первого послания Грозного является сокращенная редакция. В сущности она-то и была, по его схеме, первоначальной полной версией Первого послания «Псевдо-Грозного», в которой автор, используя кр. ред., расположил ее фрагменты в порядке, соответствующем оригиналу, и значительно дополнил их, создав ответ, более или менее (с пробелами) соответствующий первому посланию «Псевдо-Курбского». Когда же возникла сокращенная редакция (далее: сокр. ред.)? Все известные нам ее списки — второй половины

наго» измениника неправедника. . .» (220). Но форма «неправедна» (как и «неправедно. . . молящаяся») ничуть не менее законна грамматически, чем «неправедника», а близость хронографического вида и «сборников Курбского» естественна — это виды одной и той же редакции.

²² См.: Переписка. . . С. 57. Ср.: ИСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 253; То же. СПб., 1904. Т. 13. С. 2, 47, 82, 88.

²³ Ср.: К е е н а н Е. Л. The Kurbskii—Groznyi Аpostrophe. . . Р. 9—10, 77, 216; Переписка. . . С. 323—324; Л у р ь е Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. С. 217, примеч. 31.

²⁴ См.: Переписка. . . С. 325—326.

XVIII и начала XIX в.; утверждение Э. Кинана в его последней статье, что сокр. ред. «была неоднократно (repeatedly) копирована в семнадцатом и восемнадцатом веках» (207), совершенно непонятно. Никаких ссылок на рукописи сокр. ред. XVII или первой половины XVIII в. автор не приводит; списки, приведенные в «Переписке Грозного с Курбским», все — не раньше середины XVIII в.²⁵ Однако представленная рукописями второй половины XVIII—XIX вв. сокр. ред. действительно должна была, согласно схеме Э. Кинана, быть составлена не позже 30-х гг. XVII в., ибо она, по его мнению, предшествовала 1-й пространной редакции, а эта последняя бесспорно содержится уже в рукописях 20—30-х гг. XVII в. (ЦГВИА, ф. ВУА, № 3, ч. 1; ГПБ, собр. Погодина, № 1567). Любопытно, что в этом случае разрыв в 120 лет между оригиналом текста и его списками не смущает Э. Кинана, хотя в ином случае более скромный хронологический разрыв (начало переписки между Грозным и Курбским в 1564 г. и датировка древнейших рукописей 30-ми гг. XVII в.) казался ему странным и многозначительным фактом.

Но разрыв во времени между составлением сокр. ред. и ее рукописной традицией — действительно, не главная странность этой версии в схеме Э. Кинана. Составитель сокр. ред. не просто более осмысленно расположил фрагменты кр. ред. Он, согласно этой схеме, проделал огромную источниковедческую работу, пополнив текст кр. ред. историческими материалами, которых не было ни в кр. ред., ни в послании «Псевдо-Курбского». Именно здесь должен был впервые появиться рассказ об истории России в период детства и первых лет царствования Грозного, которого нет в кр. ред. (но который содержится в 1-й и 2-й пространных редакциях, относимых Э. Кинаном к более позднему времени). Здесь сообщается о произошедшем в годы правления Елены бегстве Семена Бельского и Ивана Лядского (Ляцкого) в Литву и об измене дяди царя Андрея Ивановича, в которой участвовал родич Курбского Иван Семенович (чьи общие с Курбским родственники — потомки ярославских князей — тут же перечислены). Далее автор переходит к годам боярского правления, рассказывает о приходе к власти Шуйских. Затем приводится известная сцена из детства Грозного: маленький Иван с братом играют, а князь Шуйский не обращает на них никакого внимания, упоминается даже ветхая шуба Ивана Шуйского. Так же подробно перечислены последующие события: отставка Ивана Шуйского, возвращение И. Ф. Бельского, мятеж Шуйских, вторжение Андрея Шуйского в царскую «столовую избу» и учиненное там бесчинство, вмешательство митрополита Макария, грубость Шуйских по отношению к митрополиту. Наконец, описываются события в период, который царь считал началом своего правления: пожар, мятеж против родичей царя Глинских, приход толпы в царское село Воробьево, потом собор с участием Макария, начало деятельности Сильвестра и Адашева, изменнические переговоры князя Семена Ростовского с литовским послом Довойно. Упоминаются и последующие события: поход князя Микулинского на Казань, легкомысленное поведение Курбского и князя Григория Темкина во время нападения крымцев на Тулу.²⁶

Откуда взял составитель сокр. ред. все эти известия, включающие десятки имен? Об измене С. Бельского и И. Ляцкого, борьбе Шуйских с Бель-

²⁵ Ср.: Там же. С. 314—315, 346. К середине XVIII в. относится, в частности, список ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, по которому Э. Кинан цитирует сокр. ред.: водяной знак рукописи — ярославской мануфактуры Алексея Затрапезного (герб Ярославля, литеры ЯАЗ); ср.: К у к у ш к и н а М. В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX вв. (Обзор собрания П. А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН. М.; Л., 1958. Вып. II. С. 303; U c h a s t k i n a Z. V. A History of Russian Hand Paper-Mills and Their Watermarks: Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia (IX). Hilversum, 1962. Pl. 9, N 24, 25; Pl. 192, N 469, 470; К л е н и к о в С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII—начала XIX вв. М., 1978. № 1054, 1070. С. 236.

²⁶ См.: ГПБ, собр. Михайловского, Q. 281, л. 96—106 об., 108, 111.

скими, пожаре и мятеже в Москве, измене Семена Ростовского, походе на Казань и нападении крымцев на Тулу составитель сокр. ред. мог узнать из официального летописания XVI в. (Никоновская летопись, «Царственная книга»); рассказывая о Сильвестре и Адашеве, он мог опираться (давая, однако, прямо противоположную их оценку) на «Историю о великом князе Московском» А. Курбского (которая помещалась в одних сборниках с сокр. ред. и с которой составитель этой версии был, по-видимому, знаком).²⁷ Но остается еще множество имен и подробностей, которых в летописи не было. Откуда составитель сокр. ред. мог взять упоминание об участии И. С. Ярославского в заговоре Андрея Ивановича Старицкого? Откуда взят рассказ о поведении Шуйского во время «детских игр» Ивана IV с братом и о шубе Шуйского? Ряд подробностей мятежа Шуйских в «столовой избе» в 1544 г. содержался только в приписке на полях «Царственной книги»²⁸ — очевидно, составитель сокр. ред. специально обращался к этим припискам. Откуда составитель узнал о пире, устроенном Григорием Темкиным во время нападения крымцев на Тулу? Ни в каких летописях об этом ничего не рассказывается.

Подчеркнем еще раз: если предполагать, что Первое послание Курбскому было составлено в 1564 г. самим царем и его приближенными, то подобных вопросов не возникает, — источниками могли служить живые воспоминания (точные или тенденциозные) прямых участников событий (проверка которых по текущему летописанию тоже не составляла труда). Но если все это писал неизвестный публицист 70 лет спустя, то требовалась и тщательная работа над источниками, и большие творческие способности (создание мнимых «воспоминаний детства» Ивана IV).

Но вот что удивительнее всего: неутомимый эрудит и талантливый сочинитель, которым мы должны считать составителя сокр. ред., оказывается одновременно крайне небрежным и неаккуратным писателем. Заимствовав из кр. ред. обвинение предков Курбского в измене, он перепутывает имя деда Курбского Михаила Карамыша, назвав его «Андреем Карамышем»; заимствовав из приписок к «Царственной книге» ряд подробностей о мятеже Шуйских в «столовой избе», он ухитряется перепутать имя жертвы мятежа Семена Воронцова, назвав его Семеном «Вороновым» и т. д.²⁹ Все это вполне понятно, если считать сокр. ред. позднейшей версией текста, и совсем непонятно, если видеть в ней отражение оригинала послания.

3) Аналогичные недоумения вызывает в схеме Э. Кинана и история возникновения версии «сборников Курбского». Версия эта, согласно Э. Кинану, возникла в результате соединения сокр. ред. с кр. ред., причем автор исправил текст и расширил заимствования из кр. ред. (210, 214). Предполагать такое вторичное обращение к кр. ред. исследователю, действительно, необходимо, так как в сокр. ред. отсутствовал ряд мест, читающихся и в кр. ред., и во всех остальных версиях, включая «сборники Курбского». Но предполагаемый составитель «сборников» должен был не только дополнить свой источник и исправить его ляпы (заменяв «Андрея Карамыша» на Михаила, «Воронова» — на Воронцова и т. д.), но проделать еще и другую, весьма обширную работу. Целый ряд рассказов из истории правления Ивана IV отсутствует в сокр. ред.; для того чтобы их вставить, составитель «сборников» должен был вновь обращаться к источникам — летописным и неизвестным. Рассказывая о мятеже Шуйских в 1544 г., «сборники Курбского» сообщают, в отличие от сокр. ред., об убийстве Бельского, сосланного на Белоозеро, и изгнании «с великим бесчестьем» митрополита Иоасафа. Первое из этих известий составитель «сборников» мог извлечь из нескольких редакций Никоновской летописи, но

²⁷ Ср.: Переписка... С. 347.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 443.

²⁹ Ср.: Переписка... С. 348.

второе содержалось только в приписках к «Царственной книге» — значит, приходилось обращаться и к ним. Читается в «сборниках» и отсутствующее в сокр. ред. известие о пожаре в церкви «Ивана Святого» (Ивана Великого) — в летописях его также нет, и книжник XVII в. должен был заимствовать его из неизвестного источника. Появляется здесь и известие о мятеже во время болезни царя (в 1553 г.) — извлечь его составитель «сборников» должен был опять из приписок к «Царственной книге».³⁰ Наконец, именно в «сборниках Курбского», согласно схеме Э. Кинана, появляется и известие об исцелении царицы Анастасии мощами «сродника» Курбского святого князя Феодора Ростиславича — известие, которого нет в летописях и которое также должно было восходить к какому-то особому источнику.

Но составитель «сборников Курбского» должен был, согласно «истории создания редакций», предложенной Э. Кинаном, обращаться не только к историческим источникам XVI в. Ему надо было привлечь еще ряд патристических текстов, оставленных без внимания сокр. ред., и в числе их — текст Дионисия Ареопагита. Ибо бесспорная цитата из его послания иноку Димофилу (если даже оставить в стороне притчу о Поликарпе, также входящую, видимо, к этому источнику) в «сборниках Курбского» читается наверняка. Это — раздел, где Ареопагит осуждает Димофила, оскорбившего священника,³¹ хотя и помещен этот раздел в очень странном контексте. Полемизируя с Курбским о войне в Крыму и «германских градах», об отрицательной роли Сильвестра и Алексея (Адашева) в этих событиях (полемики этой, кстати, тоже нет в сокр. ред.), составитель «сборников Курбского» восклицает: «Како же убо воспомяну о германских градах супротивъсловия попа Сильвестра восхищати может иже Сидору вдовица, суду не внемлюще, — ихже вы, желающие на христианство злая, составляете!»³² Что это значит? Как связан Сильвестр и германские города с «Сидором» и «вдовицей»? Загадка эта доставляла немало труда исследователям, пока не была обнаружена и опубликована в 1951 г. рукопись, где весь текст после слов «супротивъсловия попа Сильвестра», начиная с «восхищати может. . .» и кончая отрывком из послания Ареопагита Димофилу о священнике, бессмысленно обрывающемся на словах «Аще. . . видиши раба владыце или старцу юношу», оказался в конце послания и стал вполне понятным.³³ Э. Кинан упоминает эту «дезориентирующую перестановку текста» (208) во всех «сборниках Курбского» (и в хронографическом виде — т. е. во всей 2-й пространной редакции послания, по нашему определению), но хотя для него первичным является текст «сборников Курбского», а не 1-й пространной редакции, никакого объяснения сохранения этой «совершенно случайной» перестановки он не предлагает. Вслед за словами о «Сидоре» и «вдовице» в «сборниках» читаются: ответ на слова Курбского о связи Грозного с «Антихристом», помещенные в самом конце первого послания Курбского, осуждение попытки Курбского выступать «судией и учителем» и подкрепляющие это осуждение цитаты из Библии (Исайя, 3, 1—14) и послания Дионисия Ареопагита (обрывающегося, как мы уже отметили, на середине фразы).³⁴

Таким образом, составитель «сборников Курбского» выступает в по-

³⁰ Ср.: Там же. С. 390 (примеч. 76), 391 (примеч. 77), 393 (примеч. 83).

³¹ См.: Послания Ивана Грозного. С. 110—113; ВМЧ. Октябрь 1—3. Стб. 753—759.

³² Там же. С. 109. Ср.: Переписка кн. А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914. С. 74 (оттиск из РИБ, т. 31).

³³ Послания Ивана Грозного. С. 530—532, 543—544.

³⁴ В примечании к своей статье Э. Кинан указывает, что обстоятельства, при которых возникла эта перестановка в «сборниках Курбского», «слишком сложны, чтобы быть описаны здесь» (он предполагает осветить их в более пространной статье), и что в «сборниках» (в их первоначальном виде?) фрагмент письма Дионисия просто не вошел в авторский текст (223, п. 8). Но в «сборниках» явно не на своем месте оказывается не только оборванная цитата из письма Дионисия, но таинственная «Сидору вдовица», ответ Курбскому об «Антихристе» и все заключение.

строении Э. Кинана такой же странной фигурой, как и его предшественник, — ученым и старательным книжником, привлекающим разнообразные источники, и небрежнейшим редактором, нагромождающим бессмыслицы и обрывающим введенные им цитаты на полуслове.

4) Не более понятным оказывается и поведение создателя хронографического вида послания, который Э. Кинан почти не отделяет от «полной» (т. е. 1-й пространной) редакции Первого послания Курбскому. Версия эта рассматривается как результат «окончательной ревизии» текста послания в «сборниках Курбского» (210),³⁵ выразившейся в том, что автор вновь (в третий раз!) использовал кр. ред., дополнив и исправив по ней текст «сборников Курбского»; по мнению Э. Кинана, именно составитель этой версии «впервые обратился к оригинальному тексту письма Дионисия Ареопагита монаху Димофилу» (217). Но последнее утверждение неверно — даже если исходить из схемы истории послания, предложенной самим Э. Кинаном. К письму Ареопагита Димофилу восходит не только пассаж с Карпом—Поликарпом, но, как мы уже отметили, и раздел, где Ареопагит осуждает Димофила за оскорбление священника, и раздел этот, хотя и обрывающийся на полужае, читается и в «сборниках Курбского». Источник всего текста письма Ареопагита в Первом послании ясен: письмо дословно совпадает с соответствующим текстом в ВМЧ. Составитель хронографического вида вновь должен был обратиться к тому же источнику, ибо он нашел продолжение оборванного текста: «Аще видени раба владыце или старцу юношу. . .», начиная с окончания этой фразы: «. . . или сына отцу досаждающу вгупе . . . како не устыдитца имамы» и до конца первой половины письма Дионисия Ареопагита, где автор выражает надежду, что сам он будет кроток, «всех злых непричастен». Однако, сверившись с текстом письма Ареопагита, составитель хронографического вида, если исходить из схемы Э. Кинана, повел себя так же страшно, как его предшественники. Имея в своем распоряжении последовательный текст Дионисия Ареопагита, зная, следовательно, как он расположен, этот редактор не воссоединил естественным образом слова «старцу юношу» и их продолжение — «или сына отцу. . .», а оставил в неприкосновенности весь тот фрагмент послания Курбскому, где после упоминания «сусловий попа Сильвестра» «о германских градах» следуют таинственная «вдовица», ответ на концовку Курбского об «Антихристе», осуждение стремления Курбского быть «судьей и учителем», цитата из Библии и начало письма Ареопагита до слов «старцу юношу»; зато совсем в другом месте, в конце послания Курбскому, он привел дальнейший текст Ареопагита (до слов «всех злых непричастен») и собственные заключительные упреки Курбскому, завершающие (вместе с датой) все послание царя.³⁶ Не странно ли это? И не ставит ли такое «редакторское поведение» составителя хронографического вида под сомнение предложенную Э. Кинаном схему?

³⁵ Считая текст хронографического вида вторичным по отношению к «сборникам Курбского», Э. Кинан вместе с тем признает этот текст (как и текст «полной» редакции) наиболее «правильным» (208—210). Несколько иную точку зрения высказал недавно С. А. Морозов. Указывая, что «Я. С. Лурье привел . . . убедительные данные в пользу первичности 1-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного Курбскому по отношению ко 2-й пространной редакции», и соглашаясь (хотя и на основании сопоставлений, не имеющих никакого отношения к этому выводу), что «виды хронографический и „сборников Курбского“ восходят к общему прототипу, имевшему перебивку листов» (Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 111 и 113), автор объявляет вопрос о взаимоотношении обоих видов 2-й пространной редакции спорным. Пересмотр этого вопроса можно было бы приветствовать, но, к сожалению, С. А. Морозов сравнил тексты обоих видов не по рукописям, а по изданию. (См.: Там же. С. 112—113). Даже обратившись к различиям в издаваемом тексте (хотя и далеко не полным — см. выше, примеч. 5), автор мог бы убедиться, что индивидуальные чтения списка ГИМ. собр. Уварова, № 330 (например, «сына Навадяца», «Кипорта» — Переписка. . . С. 67, л. 14 об., примеч. в; с. 71, л. 20 об., примеч. а), отсутствующие в других списках хронографического вида, были им приняты за видовые.

³⁶ См.: Переписка. . . С. 86—89 и 98—100. Ср.: ВМЧ. Октябрь 1—3. Стб. 753—764.

5) Совершенно выпадает из изложения Э. Кинана объяснение последнего этапа намеченной им истории редактирования послания: превращение хронографического вида в 1-ю пространную (по его терминологии — полную) редакцию; он постоянно говорит о «Хронографической»-Полной» редакции как некой единой редакции (210, 216—218). А между тем, по его же схеме (210), «полная» (1-я пространная) редакция возникла как результат очередного исправления текста и нового обращения к кр. ред. (в четвертый раз!) для уточнения мест, явно неточно переданных в хронографическом виде и «сборниках Курбского». Вместе с тем составитель

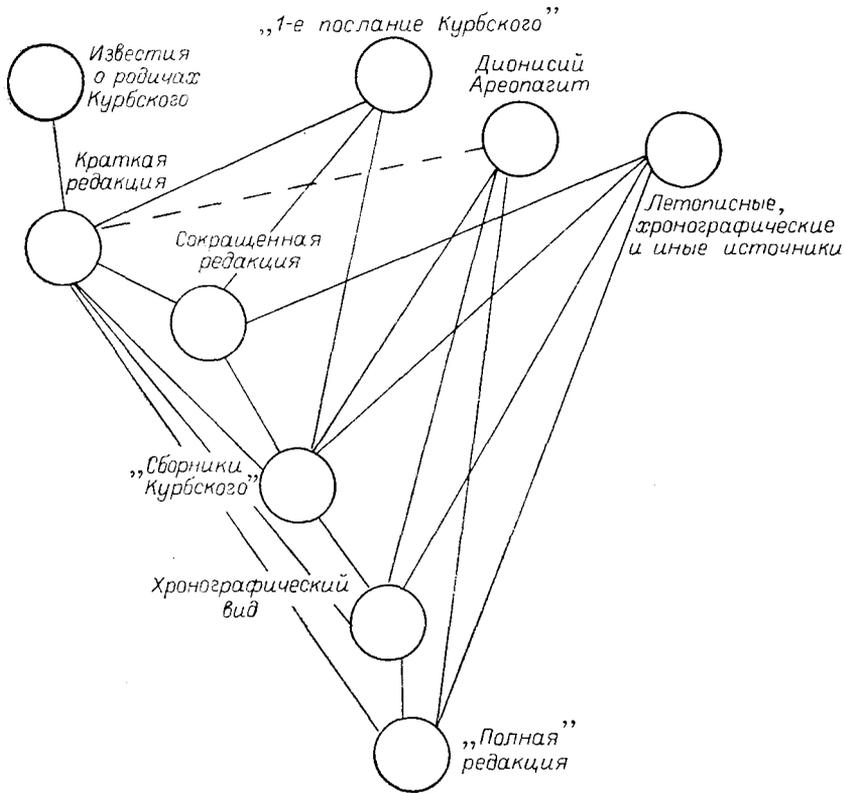

Рис. 1.

1-й пространной редакции смог наконец с помощью текста Дионисия Ареопагита (в ВМЧ) и на основании простого здравого смысла (почему-то не оказавшегося у составителя хронографического вида) воссоединить всю первую часть послания Ареопагита Димофилу и вообще привести текст окончания послания Курбского в нормальный порядок, соответствующий оригиналу. Кроме того, он должен был сочинить и вставить разделы, которые читаются только в 1-й пространной редакции послания и о которых почему-то совсем забыл Э. Кинан: очерк истории Византии после императора Анастасия Дикороса и рассуждение о власти (с осуждением наместничества) и об особенностях государственного управления, не дающих царю возможности осуществлять евангельскую заповедь — «иже бьющему в ланиту обрати другую», ибо она уронила бы царскую «честь».³⁷ Такое смелое и не вполне ортодоксальное рассуждение можно представить себе в устах Ивана Грозного, но мог ли сочинить его неизвестный книжник XVII в.? Этот вопрос, как и вся история возникновения

³⁷ Там же. С. 22—24.

«полной» (1-й пространной) редакции, вообще оставлены Э. Кианом без внимания.

Итак, вся «история дошедших до нас версий» Первого послания Ивана Грозного Курбскому представляется в изложении ее создателя мало логичной и противоречивой. К этому нужно добавить еще одно обстоятельство, особенно важное для текстолога. Схема Э. Киана требует допущения целого ряда многократных влияний одних и тех же источников на различные версии послания. Каждая из намеченных им версий должна была вновь обращаться к первому посланию Курбского («Псевдо-Курб-

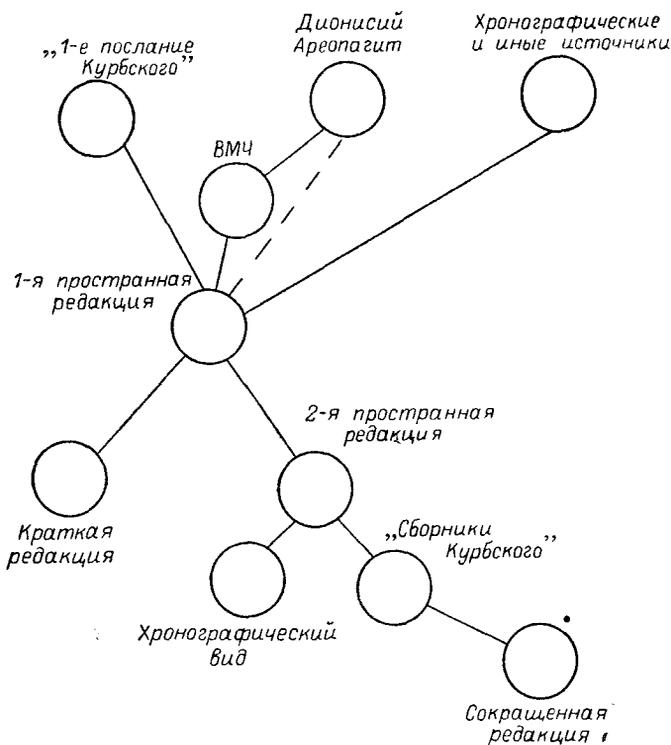

Рис. 2.

ского») для того, чтобы все более приближаться к тексту этого оригинала. Кр. ред. должна была быть использована четырехкратно — при создании сокр. ред., «сборников Курбского», хронографического вида и полной редакции. Три или четыре (если считать притчу о Поликарпе восходящей к этому источнику) раза должны были обращаться составители разных версий к Дионисию Ареопагиту. Четырежды должны были они обращаться и к летописным и другим историческим источникам (см. рис. 1). Конечно, вторичное влияние не раз обнаруживается при изучении истории текста средневековых памятников. Но в каждом случае предположение о таком вторичном влиянии должно с необходимостью вытекать из особенностей текста (дублировки и т. д.).

При обычном, естественном построении текстологической схемы, основанном на сплошном сопоставлении текстов, учете структурных различий между ними и необратимых соотношений, вопрос о вторичных влияниях встает лишь тогда, когда этого требуют показания текстов. Схема может оказаться сложной, но она не должна быть искусственно осложненной. Предлагаемая нами текстологическая схема Первого послания Грозного (см. рис. 2) предположений о вторичных влияниях (кроме, разве что, пассажа с Карпом—Поликарпом) не требует.

Предположения о многочисленных вторичных влияниях возникают обычно тогда, когда схемы не вытекают из сопоставления текстов, а строятся на неких идеях, возникших a priori.³⁸ Именно этим недостатком, на наш взгляд, отличается «перевернутая» текстологическая схема, предложенная Э. Кипаном.

---

³⁸ Ср.: Л у р ь е Я. С. 1) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 213—215; 2) О московском летоисании XIV в. // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 10—12.

Д. Н. АЛЬШИЦ

Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ «Избранной рады»

Проектируя и проводя важнейшие реформы по устройению русского централизованного государства, идя в этом направлении по пути новому и неизведанному, представители правящей власти конца 40—50-х гг. XVI в. неустанно выступали с разъяснениями своей деятельности, старались ее обосновать и даже увековечить. Все они — Макарий, Иван IV, Адашев, Сильвестр — не раз брались за перо публициста. Произведения, создававшиеся ими в обстановке острой политической борьбы, ярко отражают кипевшие вокруг политические страсти.

Для многих из этих произведений, особенно для тех, которые были написаны в начальную пору деятельности правительства, характерен поиск, нащупывание путей развития новорожденного централизованного государства. И поскольку речь в них идет о создании нового для Руси государственного уклада, публицисты черпают свою аргументацию то из опыта всемирной истории, то из высказываний церковных авторитетов да и светских «мудрых философов» (например из Демокрита), то создают утопические картины идеального государственного устройства, якобы существующего в тех или иных странах. . . Ветер перемен освежал застойную атмосферу удельной Руси и расчищал перед мысленным взором современников не виданные до тех пор дали. К числу выдающихся публицистов, вдохновленных самим этим временем, следует отнести и Сильвестра.

Отношение к Сильвестру в историографии, быть может, наиболее ярко показывает, какое сильное влияние имели на историков те оценки и характеристики, которые раздавал своим современникам Иван Грозный.

Многие исследователи повторяют прозвище, данное Сильвестру царем, — «поп-невежа». По мнению Р. Г. Скрынникова, прозвище это «было довольно удачным: в личности Сильвестра крайний фанатизм сочетается, как это часто бывает, с умственной ограниченностью».¹

Следует заметить, что Грозный произнес свою хулу уже после смерти Сильвестра. При его жизни царь не решился вступить в спор с «попом-невежей» на «очевистном суде» и предпочел, как известно, судить его заочно. Именно продолжением этого заочного суда и являются те характеристики, которые даны Сильвестру в позднейших сочинениях царя.

Р. Г. Скрынников напоминает, что во времена «всевластия» Сильвестра имел место случай использования «фанатизма черни». Сторонники Сильвестра натравили толпу на коломенского епископа Феодосия.² Об этом случае сообщает опять-таки Иван Грозный.³

Если верить царю в том, что именно Сильвестр натравил толпу на ко-

¹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1966. Т. 294. С. 117.

² Там же. С. 118.

³ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.: Л., 1951. С. 52.

ломенского епископа, надо считать достоверным и то, что Грозный говорит о мотивах поступка Сильвестра. Царь недвусмысленно объясняет причину вражды между Сильвестром и Феодосием. Последний был «нам советен», — пишет Грозный, т. е. был приближен к царю, пользовался его доверием. Вот что, согласно рассказу царя, раздражало Сильвестра и Адашева. Говорить об их, в частности Сильвестра, фанатизме, даже если они использовали фанатизм толпы в своих целях, здесь оснований нет.

В качестве примера фанатизма Сильвестра Р. Г. Скрынников приводит и тот факт, что юродивого Василия Блаженного хоронили в 1556 г. в присутствии официальных лиц, при громадном стечении народа.⁴ Следует ли, однако, делать Сильвестра ответственным за почитание юродивых в Московском государстве середины XVI в.? Юродивых почитали и до и после Сильвестра.

Царь Иван самолично нес гроб юродивого, когда тот умер. Погребение Василия совершал митрополит Макарий. В 1588 г., т. е. уже после смерти не только Сильвестра, но и Грозного, имя Василия Блаженного укрепилось за Покровским собором столицы, сооруженным в честь Казанской победы во второй половине 50-х гг. XVI в. Это было связано с тем, что к северо-восточной стороне собора, над могилой юродивого, была в 1588 г. пристроена небольшая церковь.

Особой высоты культ Василия Блаженного достиг в XVII в. Нет ничего удивительного в том, что смерть юродивого была отмечена в разрядных записях. Но именно к ним Сильвестр не имел решительного никакого отношения.

Впрочем, говоря о невежестве, умственной ограниченности и крайнем фанатизме Сильвестра,⁵ Р. Г. Скрынников утверждает в то же время, что Сильвестр относился к наиболее просвещенной и влиятельной части русского духовенства.⁶

Другое дело — арсенал педагогических средств Сильвестра, с помощью которых он сумел решительно повернуть юного царя от «отчаянных безобразий»⁷ в поведении к «благочестию». Этот арсенал безусловно состоял из набора всевозможных запугиваний юного грешника ужасными божественными карами. Курбский писал, что такого рода запугивание было нормой тогдашнего воспитания. Он вспоминает, что Сильвестр различные «чюдеса и аки бы явление от бога поведающе ему (царю. — Д. А.), не вем, аще истинные, обо так ужасновение пуцающе буйства его ради, и для детских неистовых его правов. . . яко многажды и отцы повелевают слугам детей ужасати мечтательными страхи. . .»⁸

Грозный также подчеркивает, что Сильвестр старался воздействовать на него «детскими страшилы».

Сильвестр, судя по всему, был сильным оратором и умел глубоко потрясти своего слушателя — юного Ивана Васильевича. Сам царь исключительно красочно написал о том, в каких ежовых рукавицах держал его до поры до времени суровый наставник. При этом царь подчеркивает, что покорялся Сильвестру «безо всякого рассуждения».⁹

И. И. Смирнов описывает Сильвестра как историческую фигуру, обладавшую исключительным влиянием на государственные дела своего

⁴ С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 118.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ См.: Там же. С. 107—118. — А. А. Зимин считает, что образованность Сильвестра носила по преимуществу богословский характер (см.: З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 58). Этот вывод исследователь основывает на том, что книги, которые Сильвестр давал в качестве вкладов в монастыри, были богослужебного и богословского содержания — основание для вывода о характере образования вкладчика недостаточное. Книги иного содержания монастырям обычно не дарили.

⁷ С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 117.

⁸ К у р б с к и й А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913, стб. 169.

⁹ Послания Ивана Грозного. С. 37.

времени. Такому впечатлению не могут помешать те оговорки, которыми исследователь — в духе своей концепции Избранной рады — старается принизить значение Сильвестра.¹⁰

Всесторонняя характеристика политической и литературной деятельности Сильвестра дана в книге А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (с. 41—70). Однако в некоторых оценках исследователь отдает дань традиционной схеме, рассматривающей все явления жизни в Московском государстве эпохи Грозного в связи с борьбой боярско-княжеских кругов против централизованного государства. По этой схеме, как известно, Сильвестр на определенном этапе (в 1553 г.) якобы изменил делу создания централизованного государства, начав заигрывать с некоторыми боярскими группировками, а потом и вовсе продавшись им.¹¹ Такой взгляд противоречит историческим фактам. Надо, однако, сказать, что подобного рода суждения о Сильвестре носят у А. А. Зимина, если так можно выразиться, внешний характер, поскольку не вытекают из того материала, который излагает исследователь.

До нас дошла исключительно интересная рукопись XVI в. — сборник сочинений нескольких духовных писателей, принадлежавший Сильвестру.¹² В конце сборника помещены два послания Сильвестра. Они, несомненно, написаны им. Речь идет о его письмах 1553 и 1554 гг. Первое адресовано казанскому наместнику, князю А. Б. Горбатову-Шуйскому. Второе — не поименованному в тексте опальному вельможе. Р. Г. Скрынников убедительно доказал, что этим опальным князем являлся князь Семен Ростовский.¹³

Относительно автора произведения, помещенного в сборнике перед названными письмами, — послания «Царю Ивану Васильевичу» — в литературе единого мнения нет. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что его автором также является Сильвестр.¹⁴ И. И. Смирнов полагает, что автором послания царю был митрополит Макарий.¹⁵

Попробуем в решении вопроса об авторстве послания «Царю Ивану Васильевичу» опереться на предметные основания.

Н. Коншин — издатель Домостроя — сделал любопытное палеографическое наблюдение, оставшееся, по-видимому, неизвестным И. И. Смирнову. Помеченные в рукописи («Сборник Селивестровский») произведения — поучения митрополита Фотия и послания старшего современника Сильвестра митрополита Даниила — имеют киноварные заглавия и перенумерованы.¹⁶ Последняя киноварная цифра этой нумерации стоит перед последним посланием Даниила. «На оставшихся белых листах <Сильвестр> вписывал для себя собственное свое, не удастая расцвечивать то краскою, не делая никаких заглавий и не ставя при начале очередной цифры».¹⁷

К этому наблюдению можно добавить еще одно. Последняя киноварная заглавная буква поставлена в рукописи за пятнадцать строк до на-

¹⁰ См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 231—257, 242—244, 245—247, 249—250.

¹¹ См.: Зимин А. А. И. С. Пересветов. . . С. 47—50.

¹² ГИБ, Софийское собр., № 1281.

¹³ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 107—108.

¹⁴ См.: Коншин Н. Комментарии // Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1, отд. 1. С. 67; Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой // Изв. ОРЯС АН СССР. 1929. Т. 2, вып. 1. С. 196; Жданов И. Н. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 199—202.

¹⁵ Смирнов И. И. Очерки. . . С. 233—239. — Этой же точки зрения придерживались и некоторые другие исследователи, в частности Макарий (Булгаков). См.: Краткий обзор мнений по вопросу об авторстве «Послания царю» // Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 198—199, примеч. 1.

¹⁶ ГИБ, Софийское собр., № 1281, л. 355 об.—406.

¹⁷ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 67—68 (ср. л. 294 рукописи).

чала послания «Царю Ивану Васильевичу». И начинается эта буква служебное слово — «Паки».¹⁸ В послании, начинающемся на обороте того же листа обращением «Царю», заглавная буква «Ц» написана теми же обычными чернилами, что и весь текст. Далее, ни в этом послании, ни в двух других сочинениях, бесспорно принадлежащих Сильвестру, киновари нет.

Если бы послание к царю принадлежало митрополиту Макарию, оно, надо полагать, было бы оформлено так же, как послания двух других митрополитов. Поскольку же оно палеографически приравнено к сочинениям владельца сборника Сильвестра, помещенным вслед за ним, — следует заключить, что это послание также принадлежит ему.

И, наконец, в качестве важнейшего аргумента в пользу авторства Сильвестра можно привести текстологические наблюдения.

И в послании царю, и в посланиях Сильвестра князьям — Горбатову-Шуйскому и Ростовскому — есть много мест, сходных текстуально. Более того, и автор писем князьям, и автор послания царю опираются на один и тот же источник XV в.

В 1480 г. на Русь надвинулись полчища хана Ахмата, вознамерившего повторить Батыев поход. Иван III под влиянием «дурных советников» готов был уклониться от битвы с татарами и бежать из Москвы. Эти намерения великого князя вызвали решительный отпор патриотических сил, в первую очередь простого московского люда. Толпа посадских людей, стаскивающих «в град, в осаду» свои пожитки, увидев Ивана III, покинувшего войско на Угре и явившегося в Москву, пристушила к нему с требованием защитить их от нашествия татар.¹⁹ С этим же требованием к прибывшему в Кремль князю обратились митрополит Геронтий и духовный отец великого князя владыка ростовский Вассиан.²⁰ Последний «нача зле глаголати князю великому, бегуном его называя. . . и много сие глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя. Того ради князь велики не обитав во граде на своем дворе, бояся гражан мысли злыя понимания, того ради обита в Красном селце».²¹

Описанная здесь обстановка во многом «роднит» обстоятельства того времени с событиями 1547 г.

И тут, и там дурные советники. И тут, и там взволновались посадские люди. И тут, и там убоявшийся своих подданных великий князь бежит из Москвы в подмосковное село. И тут, и там к великому князю с посланием обращается представитель церкви. Духовник Ивана III — епископ ростовский Вассиан не ограничился резким устным выступлением в Кремле и направил ставшее знаменитым «Послание владычне на Угру к великому князю».

Именно это резкое и смелое послание духовного отца Вассиана своему духовному сыну, великому князю Ивану III, взял за образец и держал перед собой автор послания «Царю Ивану Васильевичу». При этом и композиционное сходство с посланием Вассиана Ивану III, и прямые цитаты из него одинаково свойственны и посланию «Царю Ивану Васильевичу», и бесспорным произведениям Сильвестра.²² Этот факт вместе с другими приведенными выше наблюдениями палеографического характера с достаточной убедительностью свидетельствует, что автором послания «Царю Ивану Васильевичу» является Сильвестр.

В первую очередь убедимся в том, сколь очевидно родство послания Сильвестра с посланием Вассиана.

Оба послания начинаются славословием в честь адресата. Вассиан обращается к «благоверному и христолюбивому. . . богом венчанному

¹⁸ ГПБ, Софийское собр., № 1281, л. 355.

¹⁹ СЛЛ // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 6. С. 230—231.

²⁰ См.: Там же. С. 230—231.

²¹ Там же. С. 231.

²² См.: ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230; Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский переи Сильвестр. . . С. 69—87.

и богом утвержденному. . . государю великому князю Ивану Васильевичу».²³

Сильвестр вторит ему: «Богом возвышенный царю, Государь Князь Великий Иван Васильевич всеа Руси!»²⁴

Далее в тексте много дословно сходных оборотов. Сильвестр не раз выписывает из послания Вассиана некоторые рассуждения и цитаты из Священного писания.

Послание Вассиана:²⁵

«Напрязи, и стой, и царствуй истинны ради и кротости правды. . .» (с. 229).

«Бог. . . даст ти победу на твои враги и покорит под нозе твои всех супротивных твоих» (с. 225).

«. . . по Евангельскому Господню словеси великому: ты еси пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагает за овца; а наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, оставляет овца и бегает, и волк расхитит и распудит их, а наемник бежит, ако наемник есть не радеет о овцах» (с. 225).

Вассиан призывает Ивана III «сотворити суд и правду посреди земли» (с. 228).

Послание Сильвестра:²⁶

«Напрязи, и стой, и царствуй истинны ради и кротости и правды» (с. 69).

«Царь еси. . . на супротивных храбр яко, да покорены будут врази твои под ногами твоими. . .» (с. 69).

«Яко же сам господь рече: Аз еси пастырь добрый, пастырь добрый полагает душу свою за овца, а наемник, иже несть пастырь, ему же не сут своя овца, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бегает, и волк расхитит и распудит овца; а наемник бежит, яко наемник есть, не радит о овцах» (с. 77).

Сильвестр также рекомендует Ивану IV «творити суд и правду посреди земля» (с. 78).

Однако не этими только оборотами и евангельскими текстами, позаимствованными Сильвестром из послания Вассиана, сходно его произведение с произведением своего предшественника. Главное, что их сближает, — общий подход к назначению власти государя, решительное утверждение мысли о том, что самодержавие не совместимо с произволом. Несоблюдение государем обязанностей, которые накладывает на него положение верховного властителя, чревато для него тяжкими последствиями и в земной и в загробной жизни.

Оба автора исходят из понимания, что власть государя — это инструмент, действия которого определяются тем, в чьих руках этот инструмент находится. Поэтому в обоих посланиях с особой остротой и стоит вопрос о советниках.

В послании царю, так же как в послании Вассиана Ивану III, вернее, с еще большей настойчивостью, звучит требование отвергнуть, отогнать, отсечь дурных советников.²⁷

«Проблема советников, — отмечает И. И. Смирнов, — в то время являлась одной из самых острых политических проблем, непосредственно связанной с проблемой власти, с борьбой за власть».²⁸

Добавим к этому справедливому заключению, что вопрос о советниках оставался главным в борьбе за власть и во все последующие годы царствования первого царя. Он проходит красной нитью в политической публицистике эпохи Грозного. Его с особой остротой ставят и Пересветов, и Грозный, и Курбский. Однако первым в публицистике эпохи Грозного этот вопрос поставил Сильвестр. Послание Вассиана Ивану III послужило ему образцом как по существу постановки вопроса, так и по форме.

²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 225.

²⁴ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

²⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230.

²⁶ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69—87.

²⁷ См.: Там же. С. 30, 72, 78.

²⁸ Смирнов И. И. Очерки. . . С. 236.

«Помысли убо, о великомудрый государю! От каковые славы в каково бесчестие сводят твое величество»,²⁹ — риторически восклицал Вассиан.

Сильвестр следует именно этой конструкции, во много раз усиливая ее. Риторический вопрос — «. . . и тебе, Государю Великому, которая похвала в таких чужих неразумных советах. . .» — повторяется в послании в общей сложности восемь раз.³⁰

Обратим внимание на прием, заимствованный у Вассиана. Сильвестр нигде не говорит о личном участии царя в тех или иных порочных деяниях его вельмож, но страшные наказания, и земные и небесные, ожидают именно его. Этот прием — запугивание царя — в контексте обвинения иных лиц применен и в посланиях Сильвестра.

В письме опальному вельможе князю Семену Ростовскому Сильвестр рассказывает, как «Навуходоносор царь в скота претворен бысть и на поле со зверьми питаешся семь лет, душою и умом возопи к Богу. . .» И бог его помиловал — снова сделал царем.³¹

А царь «Манасея в вола медна всажен бысть гневом Божьим. . . молитвою Бога утоли и помилован бысть».³²

В послании «Царю Ивану Васильевичу» Сильвестр обрушивает на царя множество всевозможных «страшил». Он напоминает ему и о «Вселенском потопе и Содомском горении», и о «Иерусалимском нестроении», и о многом другом.³³

«Не об нем ли (о послании. — Д. А.) говорит ожесточенный царь в ответе князю Курбскому: „Ниже мните мя детскими страшилы устрашати, яко прежде сего с попом Сильвестром, и со Алексеем, лукавым советом прельстите“», — спрашивает Н. Коншин.³⁴

«Страшилы», с помощью которых Сильвестр в своем послании вразумлял царя, не сводятся к карам небесным. Может пострадать его государство — сама власть царя, его престиж в иностранных державах и уважение собственных подданных: «. . . и великому твоему государскому уделу не крепку быти, и тайным твоим речем в поношение быти, и во иных землях обнажатца; понеже ныне стойши со многими, изымався за руку».³⁵

Решающий аргумент Сильвестра, доказывающий неотвратимость божьего наказания, состоит в том, что бог уже наказал русское государство «грех ради наших», уже навел на него страшные казни.³⁶

Слова, прямо говорящие о недавних событиях (о народном восстании 1547 г.), не случайно помещены в конце послания.³⁷

Повторяя текст Вассиана, Сильвестр призывает царя «творити суд и правду посреди земля»,³⁸ поясняет, что его престол «правдою и кротостью и судом истинным совершен (т. е. славен. — Д. А.) есть. Сего смиряеши, а сего возносиши». Царь должен по завету бога «судити людем . . . в правду и нищим . . . в суд».³⁹

Послание Вассиана написано в духе тех самых взаимоотношений высшей церковной иерархии с великокняжеской властью, которые автору послания к царю и стоявшему за ним Макарию хотелось установить с властью царской.

Следуя враждебным по отношению к великокняжеской власти Ростов-

²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 226.

³⁰ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 78—81, 84.

³¹ Там же. С. 101.

³² Там же.

³³ См.: Там же. С. 80.

³⁴ Там же. С. 67.

³⁵ Там же. С. 79.

³⁶ Там же. С. 87.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Там же. С. 83.

скому владычному своду 80-х гг. XV в. и своду 1518 г.,⁴⁰ Сильвестр высказывался против того, чтобы царская власть походила по своему характеру на прежнюю великокняжескую с ее произволом, жестокостью, а главное — с ее противостоянием власти церковных иерархов. Царь, утверждает он, должен быть иным — справедливым, слушаться священников. . .

Мысль о том, что самодержец обязан во всем подчиняться богу и его установлениям, проходит через все послание царю.⁴¹ Сильвестр будет утверждать ее и в своем послании А. Б. Горбатову-Шуйскому 1553 г.: «Аще убо владатель уставлен еси Богом, но и с р а б е н (разрядка моя. — Д. А.) ему, единого бо Владыку всех точию имеем вси человецы: персть нашего рода един есть праотец».

Догмат о низведении царя богом на уровень обычного смертного в подобных рассуждениях церковных иерархов как бы сам собой переходит в догмат подчинения самодержца представителям бога на земле — священнослужителям.

В одном из сборников собрания Погодина читается небольшое сочинение второй половины XVI в., в котором по существу утверждается та же мысль о равенстве царя перед богом вместе со всеми смертными, о том, что он должен подчиняться своим духовным пастырям. Сочинение это восходит к произведению византийского церковного писателя Агапита «Изложение совещательных глав к царю Иустиниану», жившего в VI в. Произведение Агапита было известно Ивану Грозному, который цитировал его начальные строки, где власть царя на земле уподобляется власти бога, но, по понятным причинам, не желал цитировать то, что следовало дальше.⁴² Обратимся к тексту.

Сказание, повестие, божественных Писаний святых отец.

О царях и великих князех.

Естеством убо телесным царь точен всякому человеку. Властию же сана подобен. . . богу. Не имат бо на земли вышна себе. Подобае убо яко смертну не возноситься и аки богу не гневаться. Аще бо и образом божим почтен, но и персти земной приложен есть. К сему ж не мните. . . царь или князь, что избавит вечная муки. Почти убо церковь, яко да почтен будеши от бога! И священник стыдится яко отца духовнаго. Честь бо священническая на бога выходит. Егда князь беспорочен будет всем правом, то может. . . и мучити и пращати всех людей со всякою кротостью. А ярости и бести и сладости работая, — то первые будет посмешен людям. Занеже аще и злат венец носит, украшен драгим камением, целомудрием же не венчан. Тело бо егда багряницею покрыто, а душа его скверная останея.⁴³

Именно в такой обработке мысли Агапита были изложены в посланиях Сильвестра царю, а затем князьям С. Ростовскому и А. Горбатову-Шуйскому. Создается впечатление, что в погодинском сборнике читается выборка из этих сочинений Сильвестра.

Идея подчинения самодержавия церкви, как известно, не прекращала своего существования и в более поздние времена, несмотря на то что царь Иван Грозный не поддался воспитанию в ее духе и повел против притязаний церкви на мирскую власть беспощадную борьбу и словом и делом.

В самый разгар опричнины, т. е. во время яростного утверждения царем своего единовластия, с позиций названной идеи посмел выступить митрополит Филипп. Царь с помощью опричнины — руками Малюты

⁴⁰ См.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 237—240.

⁴¹ Г о л о х в а с т о в Д. П. и Л е о н и д. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁴² См.: П о к р о в с к и й Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 100—101.

⁴³ ГБЛ, Погодинское собр., № 1288. Сборник-конволют XVI—XVII вв. Данный текст — второй половины XVI в.

Скуратова — свирепо расправился с ним. И все же идея подчинения самодержавия церкви надолго пережила своего свирепого врага — первого царя Ивана Грозного. Она возрождалась в различных вариантах в течение всего XVII в., звучала в проповедях Гермогена, Филарета, Никона. Когда официальная церковь с ней рассталась и окончательно перешла на беспрекословную службу к самодержавию, идея эта была подхвачена религиозной оппозицией. Громко и неистово провозглашал ее протопоп Аввакум. В начале XVIII в., как бы признав свое бессилие в борьбе с властью царя-антихриста, идея эта подвергла себя самосожжению на раскольниковых кострах, угли которых тлели еще долго. Не раз пытались их раздуть во времена многочисленных бунтов и восстаний угнетенного люда против царского произвола. Однако обращение к этому обветшалому, всегда зовущему назад, а не вперед, знамени только затемняло смысл и подлинные цели народных движений. . .

В начале царствования Грозного идея подчинения царского государства церковной иерархии казалась ее сторонникам и прежде всего митрополиту Макарию перспективной. Церковь стремилась к тому, чтобы самодержавие оказалось по отношению к ней в том положении, в каком позднее она сама оказалась по отношению к самодержавию, а именно: полное фактическое подчинение при полном к себе внешнем почтении.

Иван Грозный в письмах Курбскому и в приписках к Лицевому своду сделает только Сильвестра мишенью своих обвинений в «злосесном» умысле подчинить мирскую (царскую) власть власти духовной.⁴⁴ Причина такого выделения Сильвестра вполне очевидна. Царь Иван не хотел противопоставлять себя церкви в целом. Менее всего подходило ему тревожить прах митрополита Макария — чернить руки, непосредственно надевшие на его голову царскую корону. Кроме того, Сильвестр пошел значительно дальше Макария и всех других своих единомышленников в области церковно-политической идеологии.

Сильвестр — что позднее хорошо понял Грозный — олицетворял соединение церковных и светских сил, стремившихся к созданию ограниченной монархии, номинально возглавляемой «предобрим и умирительным всему» «и смирением сердца украшенным. . . боголюбивым царем».⁴⁵

Конструкция изложения, с помощью которой Сильвестр стремится придать предельную убедительность своим государственным рекомендациям, весьма проста в своей основе. Бог поможет царю управлять царством и покорить своих врагов только в том случае, если он, царь, будет соблюдать целый ряд обязательных условий. Первое — он сам должен соответствовать необходимым нормам поведения и управления государством.

Царь должен расстаться с прежними советниками — «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, думающими лишь о своей наживе, «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с «простых» и «нищих» людей, к тому же развратными, ввавшими в «безудие», в «свинское житие».⁴⁶

И, наконец, царь должен ввести в своем царстве «правду» — справедливый суд, равный для всех, для великих и малых, закон. Вот тогда, предрекает Сильвестр царю, он станет «умилителен» и «на супротивный храбр»: «. . . обладаеши от моря до моря и от рек до конца вселенныя. . . и поклонятца тебе вси цари земстие, и вся языцы поработают тебе».⁴⁷

И в самом этом построении, и в содержании рекомендаций и перспектив

⁴⁴ Послания Ивана Грозного. С. 23—27; ПСРМ. Т. 13. С. II, 526.

⁴⁵ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69, 72.

⁴⁶ Эти мотивы отличают позицию Сильвестра от позиции Максима Грека, призванного царя в своих посланиях беречь и награждать в первую очередь именно вельмож и бояр. Ср.: Будовиц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 159—162.

⁴⁷ Голохвастов Д. И. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

при их исполнении, и более того — в самом тексте Сильвестра нельзя не увидеть нечто весьма знакомое. «Только его (царя. — Д. А.) бог соблюдет от того уловления велмож его, ино такового под всею подсолнечною не будет мудрого воина и счастливого к воинству, и введет во царство свое великую правду и утешит бога сердечною радостью, и за то ему господь бог многия царства покорит», — так писал в конце своей Большой челобитной современник Сильвестра Иван Пересветов.⁴⁸

Возникает вопрос: кто из двух авторов-современников оказал влияние на другого? Послание Сильвестра, в котором названная схема проступает исключительно ярко, написано раньше, чем Пересветов подал свою челобитную. Кроме того, источник, которому следовал Сильвестр и из которого он позаимствовал композицию, а также в значительной степени аргументацию для своего обращения к царю, — послание Вассиана Ивану III — намного старше и самого Сильвестра, и автора Большой челобитной.

Таким образом, арсеналом, из которого Пересветов черпал свои «великие мудрости», явились для него отнюдь не одни «философы и дохтуры латынския», мудрецы турецкие и греческие. Мудрость эта имела в первую очередь национальную почву и традицию, сложилась в ходе длительной борьбы различных социальных и политических сил за создание русского централизованного государства.

Послание Сильвестра царю Ивану Васильевичу, отразившее одно из направлений этой борьбы, оказало влияние на сочинения Пересветова, стало как бы одним из слагаемых в той широкой программе реформ, которая нашла в них свое литературное выражение. Так, например, тема «сильных», «богатых» и «брюхатых», прозвучавшая в послании Вассиана Ивану III и энергично подхваченная Сильвестром, стала традиционной в дворянской публицистике. Духовным феодалам пропаганда против «сильных» и «богатых» помогала в их борьбе со светской феодальной верхушкой за власть, за влияние и, в конечном счете, за землю.

В этом пункте сходились интересы церковных верхов и широких масс дворян, также мечтавших улучшить свое материальное положение за счет земельных владений крупных латифундистов, а свое политическое положение — за счет оттеснения их от политической власти. Можно думать, что вначале на этой почве и слились интересы Сильвестра и Адашева — представителей церковно-иерархических кругов, с одной стороны, и дворянской массы — с другой. В дальнейшем их альянс претерпел некоторые изменения — Сильвестр перешел на более широкие, «адашевские», позиции.

Наиболее четко этот переход, или, лучше сказать, это обогащение политической позиции Сильвестра, можно увидеть, обратившись к его посланиям князьям А. Горбатову-Шуйскому и С. Ростовскому в 1553—1554 гг. Письма эти написаны в иной тональности, чем послание царю 1547 г., созданное в смутные дни всеобщего потрясения. Послание гремело, грозило, заклиняло, но тем не менее автор как конкретная личность в нем себя не выявлял. Он целиком, если можно так выразиться, укрылся за широкой спиной бога, выступая от имени церкви вообще. . .

Письма вельможам написаны Сильвестром от себя лично. От этих его писем веет прочной уверенностью в своем положении и общей стабильностью, установившейся в правящих верхах на тот момент, ясным представлением о целях, которых следует добиваться, и о средствах, с помощью которых к этим целям надо идти. Сильвестр выступает как ярый поборник завоевания и колонизации Казанского края. Он горячо одобряет обращение неверных в христианскую веру, «аще и не восхотят»: «Песнописец он пророчествуя, изрек о христолюбивом Российском царствии. . . и не сбысть ли ся пророчество песнописца оного?» — торжествующе вопрошает

⁴⁸ Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин; Под ред. Д. С. Лихачева. М.: JL, 1956. С. 184.

Сильвестр и отвечает: «Ныне державный государь наш, самодержец всеа Росиа, царь и великий князь Иван Васильевич Божией благодатью сподобился царю Константину. . . град Казань розори своим благородием и вашим храбрством. . .»⁴⁹

Содержащееся здесь — в послании 1554 г. — указание на сбывшееся пророчество о покорении Казани царем московским Иваном Васильевичем звучит как прямой отклик на предсказания, изложенные в сочинениях пересветовского цикла, которые также постоянно сравнивают Ивана IV с царем Константином.⁵⁰

Сильвестр призывает представителей военных и других властей до-вольствоваться государевым жалованием, не «истязать» в свою пользу никаких даней и налогов с населения сверх установленных государством.⁵¹ Он требует от начальных людей всякого чина не допускать в своих действиях по отношению к населению произвола. «Истязающе людские дани ничтоже паче повеленного вам творите».⁵²

И эти призывы Сильвестра весьма схожи с той программой, которая развивается в сочинениях пересветовского цикла.

Сильвестр призывает «простых людей» к повиновению властям: «Простим людие повиновение и послушание к начальникам имейте и обретающимся влаstem, поставленным от благоверного нашего царя».⁵³ Злоупотребления в торговле и обмене — такие, как обмер и обвес с помощью неправильных мер, Сильвестр объявляет тягчайшим преступлением.⁵⁴

И эти поучения Сильвестра, подобно уже упомянутому, касаются темы, неоднократно поднимавшейся также и Пересветовым.⁵⁵

Красной нитью проходит в посланиях Сильвестра тема справедливого суда и правды.⁵⁶

Требование «праведного суда» является одним из лейтмотивов публицистических сочинений пересветовского цикла.⁵⁷

В письмах к А. Горбатову-Шуйскому и С. Ростовскому Сильвестр продолжает начатое в послании царю 1547 г. выстраивание образа идеального царя.

В письме к А. Горбатову-Шуйскому находим весьма примечательную цитату из послания Вассиана Ивану III, которое, как мы знаем, было перед глазами автора послания «Царю Ивану Васильевичу». Однако тогда Сильвестр не использовал это место из послания своего предшественника. По всей видимости, в официальном послании духовного лица, выступавшего от имени церкви и обращавшегося непосредственно к царю, такая цитата была неуместна. Здесь же, в личном письме к воеводе, не называя царя в качестве адресата своих поучений, Сильвестр мог писать, а также и цитировать нужные ему тексты значительно свободнее: «Слыши, что глаголет Димокрит, философ первый: князю подобает имети ум ко всем

⁴⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 89—90.

⁵⁰ Сочинения И. Пересветова. С. 162. — В другом месте у Пересветова читаем: «Слышав от многих мудрых людей и дохтуров и философ. . . так пишут о тебе, о великом царе, по небесному знамению, о ством царстве и о мудром воинстве: „Беречи веры христианския и умножити, неверных в веру приводити. . .“». (Там же. С. 173).

⁵¹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 98.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 25.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Сочинения И. Пересветова. С. 158, 179.

⁵⁶ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 97.

⁵⁷ Сочинения И. Пересветова. С. 150, 151, 153, 154, 155, 168, 169. — Небезынтересно отметить, что сочетание понятий «суд и правда» в качестве обозначения высшей справедливости устойчиво сохранялось на протяжении веков. Желая охарактеризовать произвол николаевских царедворцев, жертвой которого пал Пушкин, Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» написал: «Пред вами суд и правда — все молчи!»

временным,⁵⁸ а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок».⁵⁹

Благодаря капитальному труду профессора С. Я. Лурье, издавшего все дошедшие тексты Демокрита, у нас есть возможность отыскать тот фрагмент из его сочинений, который содержится в древнерусском переводе в послании Вассиана, а затем процитирован Сильвестром: «Правитель должен правильно оценивать момент («князю подобает имети ум ко всем временным», т. е. к обстоятельствам времени, деталям момента. — Д. А.), быть храбрым с врагами и благожелательным к подчиненным».⁶⁰

Сочинения Демокрита в виде различных цитат из них знали на Руси еще во времена Киевского государства. Они вошли в состав сборников типа «Пчела».⁶¹ Интерес к античной философии был характерной чертой культуры Киевской Руси. Знаменательно, что обращение Вассиана к тексту Демокрита совпало с моментом свержения монгольского ига и оказалось тем самым символом возрождения, первой ласточкой возвращения русской культуры в лице ее наиболее просвещенных представителей к прежней широкой приобщенности к мировым культурным ценностям.

В том, что Сильвестр обращается к Демокриту именно как к пропагандисту рационалистических взглядов, воспевавшему человека не как носителя «божьего разума», а как обладателя могучей силы мышления, — сомневаться невозможно. Цитату из Демокрита он предваряет восклицанием: «Великое богатство человеку ум!»⁶²

Интересно и то, что Сильвестр в своем изложении дополнил отрывок из Демокрита, процитированный Вассианом, следующим выводом: «. . . добродетель (а в нее, как мы только что видели, входит и «ум» — т. е. разумное отношение к действительности. — Д. А.) есть лучши всякого сана царского». И далее: «Ничто ж тако пользует человека, яко же самому себе розсужати: аще ли не тако, то далече есть таковой благаго разума».⁶³

Не приходится удивляться тому, что автор этой ограничительной по отношению к самодержавию доктрины заслужил у Ивана Грозного кличку «невежа». Но это произошло позднее.

При всем сходстве многих программных моментов посланий Сильвестра и сочинений Пересветова есть в позициях и взглядах этих авторов и некоторые различия. Они обычно рассматриваются исследователями как различия во взглядах «прогрессивного» Пересветова и «реакционного» Сильвестра.

Если от такого заданного отношения освободиться, то придется признать, что имеющиеся между ними расхождения во взглядах — это, скорее, расхождения между союзниками, расхождения (а может быть, даже полемика) внутри общих рамок.

Автор комментариев к сочинениям И. Пересветова Я. С. Лурье справедливо отметил, что Пересветов — решительный противник всякой «кротости» царской власти: «Не мочно царю без грозы быти. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».⁶⁴ Позиция действительно недвусмысленная. Я. С. Лурье противопоставляет ей позицию Максима Грека, который советовал царю считать «дивным советником» не того, кто «через правду на рати и воевания вооружает тя», а того, кто «советует тебе

⁵⁸ Так в тексте. У Вассиана — «временным». Ср. его послание: ПСРЛ. Т. 6. С. 227.

⁵⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁶⁰ Демокрит: Тексты; Перевод; Исследования. Л., 1970. С. 362, фрагмент 617.

⁶¹ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исслед. и тексты. М., 1904.

⁶² Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лурье Я. С. Комментарии // Сочинения И. Пересветова. С. 283.

мир и примирение любити всегда со всеми окресными соседы». ⁶⁵ При чем здесь, однако, Сильвестр?

Сильвестр всячески побуждает царя на дальнейшую борьбу с казанцами и крымцами. И Сильвестр, и Пересветов одинаково утверждают этим общую политику правительства того времени, направленную на покорение и колонизацию Казани и Крыма. ⁶⁶

Отнюдь не к кротости и миру с соседями призывает Сильвестр, цитируя вслед за Вассианом слова Демокрита о том, что правителю «подобает имети. . . на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любов и привет сладок». ⁶⁷ Трудно сказать — подписался бы под этими словами Максим Грек. . . Однако Пересветов подписался бы под ними несомненно.

Осуждение дурных советников, вельмож, советующих («шепчущи») великому князю «не противиться супостатам», со страстной силой прозвучало в послании Сильвестра царю до того, как это литературно разработал Пересветов. Слова «наприязи и стой и царствуя истины ради и кротости и правды» ⁶⁸ не помешали Сильвестру утверждать: «Царь еси . . . на супротивныя храбр яко, да покорены будут врази твои под ногами твоима». ⁶⁹

Что касается «грозы», с помощью которой Пересветов советует царю управлять своим царством, то и у него — у Пересветова — эта «гроза» имеет направленный характер. Она должна обрушиваться на «ленивых» вельмож, не желающих служить и «смертною игрою играти», на всякого рода дурных людей — татей, пьяниц, разбойников. ⁷⁰ Сильвестр тоже ратует за такую «грозу».

Вместе с тем Пересветов, как и Сильвестр, призывает царя и вообще властителей к милостивому и справедливому отношению не только к «воинникам», но и ко всем подданным: «Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая». ⁷¹

Мы видим, что и Сильвестр не без «грозы», и Пересветов не без «милости».

Как бы, однако, ни совпадали взгляды Сильвестра и Пересветова — первый остался для историков «консерватором», а второй — «наиболее передовым и радикальным» ⁷² представителем своего класса.

О Сильвестре, который точно так же, как и Матвей Башкин, был против кабального холопства, точно так же, как и он, «изодрал» кабальные своих холопов и «попущах» их на свободу, ⁷³ Я. С. Лурье пишет: «Неудобство . . . же вполне изжившей себя системы полного холопства — рабства . . . понимал даже такой консервативный человек, как Сильвестр». ⁷⁴ У Я. С. Лурье о столь важном для понимания позиции Сильвестра моменте сказано мимоходом, в скобках, у Р. Г. Скрынникова об этом же говорится в примечании. ⁷⁵

Между тем факт осуждения Сильвестром «рабства» — «кабального холопства» — заслуживает того, чтобы вынести его из скобок и примечаний.

⁶⁵ Там же. С. 305.

⁶⁶ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 90.

⁶⁷ Там же. С. 93.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230; Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

⁶⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

⁷⁰ Именно их, татей и разбойников, называет Пересветов «лихими людьми» (Сочинения И. Пересветова. С. 159). Я. С. Лурье считает, что под «лихими людьми» Пересветов подразумевает крамольников (см.: Лурье Я. С. Комментарии. С. 292).

⁷¹ Сочинения И. Пересветова. С. 168, 169.

⁷² Лурье Я. С. Комментарии. С. 280—290.

⁷³ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

⁷⁴ Лурье Я. С. Комментарии. С. 289—290.

⁷⁵ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

Прежде всего система кабального холопства отнюдь не была в момент выступления против нее Сильвестра «вполне изжившей себя системой», а протесты против нее и тем более практическое освобождение собственных холопов отнюдь не были общей нормой. Подобные выступления, как справедливо отмечает на тех же страницах Я. С. Лурье (применительно к Пересветову и Башкину), были большой смелостью.⁷⁶

Смелость выступления Сильвестра против кабального холопства была, на мой взгляд, большей, чем смелость Пересветова. Последний выступал до 1550 г., т. е. до того, как был утвержден Судебник, оставивший, если не считать мелких оговорок, в силе будто бы «вполне себя изжившую» систему полного холопства. Выступление Пересветова носило, таким образом, характер критики лишь стародавних порядков, доставшихся нынешнему царю в наследство, характер предложения изменить этот стародавний порядок в ходе намечаемых реформ.

Сильвестр и Башкин выступали против системы кабального холопства после утверждения нового Судебника. Их выступления, следовательно, носили характер если не протеста, то, по крайней мере, несогласия с порядком, подтвержденным только что при нынешнем царе. Если к тому же учесть, что Сильвестр находился среди «ближних» царя и в фактическом правительстве еще до принятия Судебника, во время его подготовки, следует признать его выступление против кабального холопства выражением недовольства тем, что ему и его единомышленникам не удалось внести в новое законодательство своих взглядов.

И это, и то, что не был воплощен целый ряд предложений Пересветова, свидетельствует об острой борьбе по ряду важнейших социальных вопросов, которая шла между силами, соединившимися в политическом компромиссе в конце 40-х гг. XVI в. Сильвестр, как видно из рассмотренных свидетельств, не принадлежал к числу тех, кто тормозил становление нового и «тянул» назад. Называть его «консерватором» и «реакционером» нет основания. Напротив, есть основания разглядеть в нем политическую фигуру, представлявшую интересы более широкого социального слоя, чем тот, который представлял Пересветов.

Аргументация Пересветова в пользу освобождения холопов предельно ясна: освобожденные из холопства и кабалы «боецы» вернутся в царское войско и будут наилучшим образом нести военную службу.

У Сильвестра преимущественный объект заботы и внимания иной. Холопы, которых сам он освободил, и те, кого выкупил «из рабства» у других владельцев и «на свободу попусках», — это не «боецы», вернувшиеся, став свободными, в царские полки. Это посадские люди.⁷⁷

Своего собственного сына Анфима Сильвестр пристроил не в «храбрые» и «лутчие люди», не на военную службу, а в торговлю, затем испросил для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами.⁷⁸

В письме Анфиму Сильвестр, священнослужитель по профессии, раскрывается и как выходец из определенной социальной среды, усвоивший весь комплекс присущих именно ей взглядов на жизнь. Среда эта — зажиточная верхушка городского посада, притом именно новгородского. Нравственные и деловые советы, которые Сильвестр дает сыну, в громадном объеме дополняются самим содержанием книги, послесловием к которой письмо к сыну и служит. Книга эта — знаменитый «Домострой» — свод бытовой и нравственной мудрости для городского, посадского человека, складывавшийся в течение долгого времени.⁷⁹ Не исключено, что

⁷⁶ См.: Лурье Я. С. Комментарии. С. 290.

⁷⁷ Домострой Сильвестровского извода. 3-е изд., испр. / Изд. И. Глазунов. СПб., 1911. С. 67.

⁷⁸ См.: Скрытников Р. Г. Начало опричнины. С. 113, примеч. 5.

⁷⁹ «„Домострой“ Сильвестра, если не написанный, то во всяком случае скомпонованный и отредактированный в 50-е годы XVI в.» — так говорит о происхождении этого памятника А. А. Зимин (см.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки

Сильвестр, когда жил и был священником в Новгороде, принимал участие в записи и редактировании этого свода.⁸⁰

Идейную направленность «Домостроя» очень точно сформулировал В. Б. Кобрин: «Создание светского произведения, освящающего именем бога быт, торговлю, паживу. . .». По мнению исследователя, в «Домострое» нашли отражение идеи бюргерских кругов.⁸¹

Если при оценке практической деятельности и идейных позиций Сильвестра мы будем учитывать и его происхождение из среды новгородского посада, и бесспорную связь его жизненных воззрений с воззрениями этой среды, станет ясным, почему священник Сильвестр, пугавший впечатлительного юношу-царя всевозможными божественными чудесами, являлся вместе с тем поборником рационализма, разумных основ государственного управления. Станет яснее, что могло сблизить Сильвестра с еретиком Матвеем Башкиным, «затронутым», как пишет А. А. Зимин, идеями европейского реформационного движения и объективно представлявшим интересы бюргерских кругов.⁸²

Сильвестр пишет об освобождении своих холопов уже после суда над Башкиным и почти в тех же выражениях, в каких записаны показания о вольнодумных речах и поступках преданного анафеме и осужденного еретика.⁸³

Близость Сильвестра к интересам зажиточной верхушки посада делает понятней и его борьбу со стяжательством церковников, за секуляризацию монастырских земель и сел.⁸⁴ По этому вопросу Сильвестр выступал против своего патрона — митрополита Макария и вместе со своими сторонниками добился немалых успехов.⁸⁵

Популярность нестяжательства в качестве истинно праведного для служителей бога образа жизни возрастала в периоды антифеодальных волнений. Возвышение вслед за Адашевым священника, являющего пример бескорыстного служения православной вере, было также вполне последовательным шагом для создания впечатления о демократизации правления в соответствии с громогласными заверениями царя на Красной площади.

Совокупное рассмотрение свидетельств о Сильвестре позволяет составить общий облик этой политической фигуры.

Сильвестр трижды подвергается нападкам со стороны официальной церковной иерархии и церковных догматиков за поступки, которые были ими расценены как покушение на основы церковного порядка, или как ересь. Речь идет о его выступлениях против стяжательства и за секуляризацию церковных земель, о его связях с еретиком Башкиным и общих с ним воззрениях на вопрос о кабальном холопстве, а также о создании под его руководством новаторской росписи Благовещенского собора в Кремле.

Сильвестр поддерживает царя как олицетворение единого централизованного государственного строя, однако он требует ответственности монарха перед богом и перед людьми.

Сильвестр решительно осуждает прежних советников царя — «вельмож», считая их источником произвола и прямо указывая, что народное восстание — результат их несправедливого, грабительского правления.

социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 362.

⁸⁰ Обзор мнений исследователей о «Домострое» дан А. А. Зиминим в кн.: П. С. Пересветов. . . С. 55—57, 64—70.

⁸¹ К о б р и н В. Б. Федор Иванович Карпов // История философии в СССР, т. I. М., 1968. С. 186.

⁸² З и м и н А. А. И. С. Пересветов. . . С. 169, 182, 451.

⁸³ См.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

⁸⁴ См.: Там же. С. 86—88; С м и р н о в И. И. Очерки. . . С. 17.

⁸⁵ См.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 86—88.

Сильвестр — сторонник ограничения самодержавия духовным советом, а также «разумом», устройением государства на основе справедливых законов.

Сильвестр выступает за ограничение личного произвола царя. Он стремится снизить удельный вес и значение родового, наследственного фактора — «сана царского» как такового — в психологии самого царя.⁸⁶

Сильвестр отстаивает программу реформ в интересах дворянства и верхушки городского посада. Его взгляды по этим вопросам во многом совпадают со взглядами современных ему дворянских публицистов.

В вопросах внешнеполитических Сильвестр — сторонник покорения и колонизации Казани и Крыма.

Однако в отличие от Пересветова, выступающего от лица воина-профессионала, для которого война — «смертная игра», источник дохода, смысл и оправдание его существования на высокой ступени социальной лестницы и тем самым как бы самоцель, для Сильвестра война — печальная необходимость. После выполнения военной задачи нужно тотчас устанавливать мир.⁸⁷ В этом вопросе, как и в ряде других, в позиции Сильвестра сказывается его принадлежность по происхождению, воспитанию и образу жизни не к дворянству, а к посадской верхушке.

Целый ряд идей Сильвестра вошел в качестве слагаемого в правительственную программу и проправительственную публицистику конца 40-х и 50-х гг. XVI в. При этом многие из тех идей, которые он высказал, были отнюдь не только его идеями. Одни из них разделялись Макарием или даже принадлежали ему. Другие разделялись Адашевым или принадлежали ему. Третьи разделялись в то время царем или принадлежали ему. Словом, сочинения и деятельность Сильвестра кроме его собственных взглядов в значительной степени отразили программную сущность и практическую деятельность правительства политического компромисса.

⁸⁶ В этом плане становится понятной взаимная неприязнь между Сильвестром и царской родней — Захарьиными. Последние в силу своего положения оставались рудиментом правления боярских группировок. Захарьины фактически стремились занять то место, которое до событий 1547 г. занимала группа других родственников царя — Глинских. Для деятелей Избранной рады такая перспектива означала возврат к прошлому, несла им удаление от власти и гибель. Позднее, в начале 60-х гг., именно это и произошло.

⁸⁷ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 100—102, 105—106.

И. Ю. СЕРОВА

«Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна*

«Летописная книга» (далее: ЛК) Катырева-Ростовского — одна из повестей о Смуте. Название ЛК возникло одновременно с атрибуцией повести кн. И. М. Катыреву-Ростовскому. В настоящее время ЛК рассматривается как произведение Семена Шаховского.¹ Эта точка зрения принята в «Истории русской литературы».² Однако существуют и другие мнения по поводу атрибуции ЛК Шаховскому,³ поэтому данный вопрос нельзя считать окончательно разрешенным. Далее в работе используется традиционное название памятника. Традиционно написание ЛК датируется 1626 г.⁴

В 1891 г. повесть опубликована в двух выделенных ее издателем (С. Ф. Платоновым) редакциях по шести известным ему спискам.⁵ Наиболее подробно классификация редакций ЛК представлена в статье П. Г. Васенко «О редакциях повести кн. Катырева-Ростовского»: ⁶ выделены Краткая (первичная) редакция (издана в РИБ по списку ГПБ, Q IV, № 154), Пространная (вторичная) редакция (издана по спискам: ГПБ, собр. Вяземского, F 61; ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 143; БАН, 16.13.2; ГВЛ, собр. Пискарева — все четыре списка читаются в составе Хронографа Кубасова ⁷) и промежуточная между Краткой и Пространной редакциями Посредствующая редакция (издана по списку ГИМ, собр. Уварова, № 609). П. Г. Васенко при описании индивидуальных особенностей редакций ЛК ограничился исследовавшим уже опубликованных списков повести, не привлекая новых рукописных материалов. В настоящее время, когда известно гораздо большее число списков ЛК,⁸

* Мы глубоко признательны О. В. Творогову, любезно предоставившему свои материалы по «Троянской истории», и нашему научному руководителю Н. С. Демковой за руководство и помощь в разработке данной проблемы.

¹ См.: К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75—78.

² См.: История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 305.

³ См.: З и б о р о в В. К. Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244—250; С е м е н о в а Е. П. Русская общественная мысль первой трети XVII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1982.

⁴ Эта дата содержится в заглавии Краткой редакции ЛК, традиционно же считающей первичной.

⁵ РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 556—624, 625—712. — ЛК издавалась и ранее, в отрывках (в «Русских достопамятностях» и в «Четырех сказаниях о Лже-Димитрии гр. Ростовчина») и полностью, как заключительная часть Хронографа Кубасова, в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» А. Попова (М., 1869. С. 283—315).

⁶ См.: Зап. имп. Археолог. о-ва. СПб., 1900. Т. 11, вып. 1—2. С. 378—384.

⁷ Список БАН, 16.13.2, так называемый Едомский летописец, содержит только «русскую» часть Хронографа Кубасова.

⁸ Нам известно 18 списков повести, работа по выявлению новых списков продолжается. Отметим, что уже сейчас найдены списки, которые могут изменить взгляд на соотношение редакций, а также позволяют выделить новые редакции ЛК.

предложенное П. Г. Васенко деление на редакции и выявленный им характер их взаимодействия требуют пересмотра. Необходимо новое текстологическое исследование повести с привлечением рукописного материала в полном объеме.

Несмотря на большой интерес, который ЛК вызывает у всех исследователей литературы первой трети XVII в., многие вопросы, возникающие при ее изучении, остаются недостаточно проясненными: к ним относятся не только атрибуция повести, на которую в настоящее время более всего обращают внимание, но и история текста памятника, его датировка, а также проблема выявления источников и состава ЛК, исследование ее взаимодействия с другими произведениями современной ей эпохи и ее влияния на последующую литературу.

В настоящей работе мы не сможем ответить на все перечисленные вопросы, каждый из них требует особого подхода и глубокого всестороннего анализа. Остановимся на вопросе о составе ЛК⁹ и связанной с ним проблеме одновременности или разновременности создания разных частей повести. Для решения этих вопросов мы обратились к сопоставлению ЛК с одним из основных ее литературных источников — «Троянской историей» Гвидо де Колумна (далее — ТИ). Отметим также, что в результате сопоставительного исследования ЛК и ТИ встал вопрос и о возможности пересмотра соотношения редакций ЛК.

Наши наблюдения над взаимодействием текстов ЛК и ТИ продолжают исследования А. С. Орлова, установившего, что «повесть Катыврева-Ростовского почти наполовину создавалась из того риторического и лексического материала, который дает русский перевод Троянской истории Гвидо де Колумна».¹⁰

ТИ — древнерусский перевод средневекового рыцарского романа «История разрушения Трои», написанного мессинским судьей Гвидо де Колумна в 70—80-х гг. XIII в. Перевод был осуществлен, видимо, в конце XV—начале XVI в. с одного из печатных изданий (предположительно — Страсбургского издания 1486 г.). Наиболее полный текст перевода сохранила Древнейшая редакция ТИ.¹¹ В настоящее время известно пять ее списков. Существуют и другие редакции ТИ, в которых первоначальный текст романа подвергся различным сокращениям и переделкам, — Титовская, Овчинниковская, Печатная, Погодинская, Краткая.¹²

При выделении заимствований из ТИ в составе ЛК А. С. Орлов остановился на описаниях сражений, «речах на воинских собраниях», описаниях природы, портретных характеристиках героев. В распоряжении А. С. Орлова был дефектный список ТИ,¹³ поэтому исследователь не имел возможности выделить все заимствования из романа Гвидо де Колумна в повести о Смуте. Сопоставляя ЛК с другими, в том числе более исправными, списками ТИ в Древнейшей редакции, которая содержит наиболее полный текст перевода романа (причем только в этой редакции извлечения из ТИ в составе ЛК имеются в полном объеме), мы обнаружили еще ряд

⁹ Речь идет о том, является ли ЛК целостным произведением, принадлежащим перу одного автора, или компиляцией, созданной на основе нескольких произведений разных авторов (последней точки зрения придерживаются О. А. Державина, В. К. Зиборов).

¹⁰ Орлов А. С. Повесть кн. Катыврева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 75.

¹¹ См.: Творогов О. В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. М., 1972. С. 153.

¹² Об этом см.: Творогов О. В. Троянские сказания в рукописной традиции // Троянские сказания. . . С. 168—183.

¹³ Список, которым пользовался А. С. Орлов, долгое время считался утраченным. Недавно установлено, что он хранится в ЦГАДА (Рукописное собрание ЦГАДА, № 3160/693). См.: Морозов В. Н. Новоописанная коллекция «Рукописное собрание ЦГАДА» // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 190. — Благодарим О. В. Творогова, указавшего нам на эту публикацию.

заимствований, не учтенных А. С. Орловым. При сопоставительном анализе двух произведений мы использовали текст Древнейшей редакции ТИ по списку ГИМ (собр. Уварова, № 525/12310 — далее: Ув.; Музейское собр., № 358 — далее: Муз.), БАН (Тек. пост., № 15 — далее: БАН) и тексты Краткой и Пространной редакций ЛК, опубликованные в РИБ. Текст ЛК при сопоставлении цитируется по тексту Пространной редакции: ее фрагменты, содержащие заимствования из ТИ, совпадают с соответствующими фрагментами Краткой редакции почти дословно. Если совпадения нет, это оговаривается специально.

Традиционно ЛК считалась цельным произведением, у исследователей не возникало сомнений относительно единовременности написания всех ее составных частей и в принадлежности их перу одного автора. Однако в 1950-х гг. О. А. Державина предположила, что ЛК создавалась постепенно, разными авторами путем присоединения последующих частей к части повести, содержащей историю первого самозванца. Эта часть ЛК представлялась исследовательнице наиболее законченной в сюжетном отношении.¹⁴ В цельности состава ЛК усомнился и В. К. Зиборов, признав «Написание вкратце о царях московских» (заключительный раздел ЛК) позднейшим добавлением к тексту ранее существовавшей повести о Смуте.¹⁵

Однако использование ТИ на всем протяжении текста ЛК и отражение во всем ее тексте одних и тех же приемов обращения к источнику (текстуальные заимствования и заимствования в построении сюжета) позволяют считать необоснованными мнения о неединовременности создания ЛК и о том, что она была написана несколькими разными авторами.

Убедимся в этом, проследив на материале наших собственных наблюдений и наблюдений А. С. Орлова использование выдержек из ТИ в тексте ЛК.

Первая часть ЛК представляет собой рассказ о периоде, начинающемся с царствования Ивана Грозного и кончающемся принесением мощей царевича Димитрия в Москву.¹⁶

А. С. Орловым было подробно рассмотрено сходство в описаниях сражений Отрепьева с царскими войсками с описаниями воинских действий в ТИ (в первой части ЛК таких описаний четыре).¹⁷

Дополнительно отметим, что уже в зачинах обоих произведений имеется совпадение (оно не было выделено А. С. Орловым).

Троянская история

Летописная книга

Царствова тогда царь некий, праведный и благородный, именем Пелеус, с его супругой, Фетидою нарицаемою. От их же супружества изыде муж толико смел, толико храбр, именем Ахиллес (Ув., л. 1).

Той же князь великий Василей царствова в том граде Москве с супругою своею, Еленою нарицаемою. От их же супружества изыде муж толико славен, толико честен, толико многогразуден, чмя ему Иван (РИБ. Стб. 626—627).¹⁸

Второй — центральной — частью ЛК является рассказ о царствовании Василия Шуйского. Как указывала О. А. Державина, все следующее за первой частью ЛК повествование буквально пестрит описаниями сраже-

¹⁴ Державина О. А. К истории создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1955. Т. 48, вып. 5. С. 29—45.

¹⁵ Зиборов В. К. Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244—250.

¹⁶ Для удобства описания мы условно делим повесть на четыре тематические части. При выделении частей использован тематический принцип, предложенный О. А. Державиной; однако наше деление не совпадает с делением О. А. Державиной.

¹⁷ См.: Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского. . . С. 80—94.

¹⁸ Отметим оригинальное, на наш взгляд, позднейшее чтение в списке ЛК (СПб. ДА, № 305): «. . . толико славен, толико честен, толико многогразуден, толико многомудр, имя ему великий князь Иван Васильевич всеа Руси» (л. 6).

ний (во второй части их 18, в третьей — 8). Однако исследовательница не обратила внимания на то, что все эти описания восходят к описаниям сражений из ТИ.¹⁹

Из не отмеченных ранее параллелей обратим внимание на рассказ ЛК о сожжении Старицы, соответствующий рассказу о «пожжении» города Тенедона в ТИ.

Троянская история

После городок он раскопает умыслиша, низложив крепости высокия. Весь рассекается от падения, и стенам разоренным на лице земли поверженным, яко повергающих прилежанием, тако огненным подкладанием высокая Тенедон низу имеется (БАН, л. 118).

Летописная книга

После же городок той запа- липа, и тако огненным подклада- нием пламеню <список П> снедающею высокий городок той Старица низу изменяется (РИБ. Стб. 675).²⁰

В рассказах о походах Шуйского против самозванцев встречаются отмеченные А. С. Орловым описания природы, заимствованные из ТИ. Одному из описаний А. С. Орлов приводит только латинский эквивалент, поскольку в списке ТИ, находившемся в распоряжении А. С. Орлова, это описание отсутствует.²¹ Сейчас мы имеем возможность привести эту параллель из ТИ по списку МУЗ.

Троянская история

Тогда, егда растаявшу снегу, хладни веючи ветрици, волнуют воды, тогда, егда источники пространные протоки протекают, сего ради сеются семена, растут жатвы зелению, поля разными цветы просвященные, тогда, егда украшается плоды земля, поют птицы, сладким воспеванием веселят. . . (МУЗ, л. 600).

Летописная книга

Растаявшу снегу и тиху веющую ветру, и в пространнии потоки источницы протекают. . . , растут жатвы и зеленеются поля, и новым лиственным облачаются древа, и отовсюду украшаются плоды земля, поют птицы сладким воспеванием. . . (РИБ. Стб. 666).²²

Третья часть ЛК посвящена описанию событий с момента изгнания Шуйского до воцарения Михаила Романова. А. С. Орловым выявлены заимствования в описаниях сражений и «речах на воинских собраниях». ²³ Дополним исследование А. С. Орлова еще двумя примерами заимствования из ТИ.

Рассказ ЛК о посольстве под Смоленск к Сигизмунду для переговоров о возведении на русский престол Владислава совпадает с описанием в ТИ дипломатической поездки Антенора к греческим царям (см.: БАН. л. 76—78; РИБ. Стб. 687—689). Интересно отметить, что в московском посольстве, в отличие от троянского, участвует не один человек, а несколько именитых бояр. Однако, следуя ТИ, автор ЛК наделяет основными посольственными полномочиями одного человека — Василия Голицына, которого он в соответствии с характеристикой Антенора представляет

¹⁹ На это указал Н. К. Гудзий. См.: Г у д з и й Н. К. К вопросу о составе «Летописной книги» кн. И. М. Катырева-Ростовского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 291.

²⁰ Более далекий от источника вариант, на наш взгляд, представляет чтение в списке ЛК, где текст повести атрибутируется Шаховскому (ГИБ, Соловецкое собр., № 880 (990): «. . . городок той Старица уже изменяется» (л. 195 об.)).

²¹ Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского. . . С. 94—95.

²² Отметим в этом фрагменте порчу текста в «списке Шаховского»: «. . . украшаются плоды земля, продают <так!> птицы сладкия, воспевают. . .» (л. 188 об.). Отметим также, что в одном из списков ЛК (БАН, 17.9.9) имеется следующее описание природы в ТИ: «. . . солнце обращается к северным кругом, и дресва своя одежды совлачаются, и селная красота увядает, и зиме приспевше. . .» (л. 641 об.).

²³ Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского. . . С. 80—94.

как «мужа великого разсуждения, изящна, в посольственных уставах искусства» (стб. 687).²⁴

Другое не отмеченное А. С. Орловым заимствование из ТИ является переделкой пророчества Кассандры: сестра Париса не радуется, подобно прочим троянцам, его женитьбе на Елене, но предрекает Трое несчастья. В ЛК пророчество Кассандры перерабатывается в своеобразное риторическое отступление — плач автора повести по поводу падения Москвы, занятой поляками. Интересно отметить, что отдельные выражения, перенесенные в ЛК из ТИ в составе заимствования, утратили в результате искажения при заимствовании свой первоначальный смысл.

Троянская история

Летописная книга

Отрините убо, бедныи гражене, немилостиве трут от домов, и егда лепо смерть да живот отгоните (БАН, л. 75).

...почто убо, бедныи гражене, не отринули естя немилостиваго трупа <так!> от домов своих, от них же ныне зрите конечное разорение и домом своим вечное падение (РИБ. Стб. 694).

Сопоставив эти два отрывка, мы сможем объяснить до сих пор бывшее «темным» место ЛК: непонятно, о каком «трупе» говорит автор повести.²⁵ Только при сопоставлении с ТИ выясняется, что слово «труп» — результат неверной передачи слова «трут» (под «трутом» в ТИ подразумевается Елена).²⁶

Заключительный раздел ЛК «Написание вкратце о царях московских», включающий характеристику семи московских правителей, почти полностью составлен на материале ТИ. Все заимствования были отмечены А. С. Орловым.²⁷ Обратим внимание только на компилятивность данных портретных характеристик в ЛК: описывая облик своих героев, автор повести использует материал ТИ, однако не ограничивается механическим переносом портретных характеристик, но составляет своеобразные компиляции, отбирая отдельные детали из описаний различных героев. Так, портрет Ксении Годуновой составлен из отдельных черт трех троянских героинь — Андромахи, Гекубы, и Поликсены.

Троянская история

Летописная книга

Андромахта: зельною бе красотою лепа. . . млечною белостию блистая, очи име многим блистанием светлы, красна лицом, черлена губами. . . , во всех женах благочестнейша, воистинну во всех делах чредима.

Гекуба: жена чюдного промысла (БАН, л. 87—87 об.).

Поликсена: многою бе красотою лепа. . . име нечто слезы речные от очей ея текущие, блистания очи ея омрачиша; поистинне сиде убо видящесе зрячим, да ея текущие слезы по лицу, по подобию ту сущее видящесе имети, аки аще ходитсу свежие слововые кости во своем млечном свете блистающу. . . (БАН, л. 257 об.—258).

Ксения: отроковица чюдного домышления, зельною красотою лепа, бела велми. . . червлена губами, очи имея черны велки, светлостию блистая, когда же в жалости слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию зельною блисташе. . . во всех женах благочиннейша. . . воистинну во всех делах чредима (РИБ. Стб. 709).

²⁴ Как известно, «великое посольство» возглавляли Голицын и Филарет. Автор ЛК не умалчивает участия Филарета в посольстве, более того: Филарет назван в этом фрагменте повести «мужем изящным, многоразсудным», однако именно образ Голицына соответствует образу Антенора, именно Голицын ведет переговоры с Сигизмундом.

²⁵ Отметим, что «список Шаховского» дает чтение не «трупа», а «труда» (л. 215). Поскольку такое чтение имеется в единственном списке повести и не вносит ясности в «темную» фразу, мы считаем его вторичным.

²⁶ Такая неверная передача слова «трут» (как «труп») встречается и в ряде списков ТИ: например, в списках ГБЛ, собр. Овчинникова, № 506 (Овчинниковская редакция ТИ), ГПБ, собр. Титова, № 2953 (Титовская редакция ТИ). Возможно, такое чтение было и в списке ТИ, которым пользовался автор ЛК при составлении своей повести.

²⁷ Орлов А. С. Повесть князя Катырева-Ростовского. . . С. 87—88. См. также: Творогов О. В. Из истории словесного портрета в русской литературе // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 127.

Наряду с дословными совпадениями текстов ЛК и ТИ отметим сходство отдельных сюжетных ходов этих произведений. Так, история первого самозванца в ЛК может быть соотнесена с историей Пирра в ТИ. (В основе рассказов о похождениях обоих героев лежит интрига, связанная с их царским происхождением, — мнимым у Отрепьева, действительным у Пирра; добиваясь своей цели, эти персонажи прибегают к переодеванию, распространению слухов о себе). С историей «возхищения» Теламоном Ексионы в ТИ соотнесен рассказ о насилии, учиненном расстригой над Ксенией Годуновой, в ЛК. Композиционно близки в ТИ и ЛК риторические отступления, посвященные обвинению Теламона и Отрепьева. Приведем отрывки.

Троянская история

Летописная книга

... о чудное безблагородство победника! Аще тебе длань победы соопщи, Ексеону сию бо тебе соопщити подобаше честно благодарение. Да толь благороднейшу девицу толикие красоты, образом лепу, толь честнейшими обычай научену, мужского совета союзом сообщил бы еси, да не безчестные похоти наслаждением ея укорил бы еси. Ея же два тебе датися можаше в союз, недостойну, учинил еси блядным ляганием от себе. . . (БАН, л. 7 об.—8).

О волче хищный, ненасытимый! почто не насытился еси сластолюбием кроме сия благородныя девица? Множество честнейших жем и множество благолепных девиц в царствующем граде ненасытным своим блудным хотением осквернил еси, — почто сию благородную девицу, дщерь цареву сушу, не помилова, девственный чертог ея опорочил еси? Ея же благородию в царствующем граде никто подобен бе, понеже воспитанна бысть в царском дому по обычаю своему? Благолепие же лица ея никто от синклит мог видети. . . — ты же сию блудом осквернил, и царское ея благородие обезчестил, и законному браку не сподобил. . . (РИБ. Стб. 652—653).¹

Таким образом, заимствования из ТИ имеются на всем протяжении текста ЛК, во всех ее тематических частях, что свидетельствует, на наш взгляд, о одновременности ее создания, о том, что она была написана одним автором. Если предположить существование некоего первоначального текста повести, лишь впоследствии распространенного заимствованиями из ТИ, весьма трудно представить себе, что мог включать этот текст, — ведь повесть на две трети составлена на материале ТИ. Если устранить эти заимствования из текста ЛК с целью получить представление о ее гипотетическом первоначальном тексте, то остается сводка выборочно приведенных сведений о битвах, появлении новых самозванцев, смене монархов. Поэтому возможность такого первоначального, нераспространенного текста довольно сомнительна.

Обратимся теперь к проблеме соотношения редакций ЛК. До сих пор наиболее близкой к первичному тексту повести считалась ее Краткая редакция.

Напомним, что одной из отличительных черт Пространной редакции является имеющееся в ней упоминание о Трое. Приведем его текст:

«. . . праведнаго и без вины закланнаго царевича Дмитрея от неблагодарнаго Бориса возоцияла кровь его к богу, яко праведнаго Авеля, — и вниде в того священноинока сатана, и обеща ему царствующий град поручити, якоже древле прельстивый сонным зрением Парида, сына Прияма, царя Троянскаго, и обеща ему жену некую прекрасну, от грек пленену, ввести во свое отечество, от сея же вины пленена и разрушенна бысть до конца превысокая Троя, и сам той царь Приям с прекрасными и храбрыми чады своими сладкаго и любезнаго света сего гонзоша».²⁸

С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко, в разное время записывавшиеся историей текста ЛК, признавали эту ссылку на Троицу неоправданной в тексте

²⁸ Часть текста со слов «якоже древле прельстивый. . .» имеется только в Пространной редакции ЛК.

повести и явно вторичной в ее составе, а Пространную редакцию ЛК, в которой эта ссылка содержится, — вторичной по отношению к Краткой редакции, ссылки не содержащей.²⁹

Однако А. С. Орлов, вновь обратившись к реминисценции, восходящей к ТИ, в составе Пространной редакции ЛК, считал, что «по-видимому, надо пересмотреть вопрос, какой из . . . двух изводов <ЛК> лучше сохранил текст протографа Повести». Исследователь объяснял свою точку зрения так: «. . .высказываю это на том основании, что именно в позднейшем, по терминологии Платонова (т. е. в Пространной редакции ЛК. — И. С.), изводе находится единственная ссылка на Троянскую историю, которой в первоначальном изводе (т. е. в Краткой редакции ЛК. — И. С.) нет».³⁰

При исследовании различных списков ТИ выяснилось, что данная «ссылка» на Троию не является только реминисценцией, навеянной какими-то сведениями о троянских событиях, но восходит к реальному источнику, которым автор ЛК пользовался при создании своей повести. В Титовской редакции³¹ рассказ о сне Париса озаглавлен «сонное зрение» (л. 94 об.), и далее в качестве резюме главы (такие резюме характерны для Титовской редакции) указывается, что Парис «поведати нача отцу своему, царю Прияму, ловитву свою, и како явися ему елень, и сонное зрение — како явися ему Меркурий и с ним три богини, и о яблоках разсудив их, и обещаша ему привести от грек жену честнейшу» (л. 96 об.). По-видимому, этот отрывок и послужил источником для «ссылки» на Троию в Пространной редакции ЛК.

Как известно, одним из существенных различий между редакциями ЛК является разделение Пространной редакции на главы с самостоятельными заглавиями. Начиная с С. Ф. Платонова, исследователи ЛК считали, что это разделение — результат позднейшего редактирования повести. Сопоставление ЛК и ТИ показывает, что ЛК уже в оригинале могла быть разделена на главы по образцу ТИ. О верности этого предположения свидетельствует композиционное сходство двух произведений и сходство формулировок в названиях их глав, например:

Троянская история

Летописная книга

О пришествии Уликсове от Трои.

О приходе князя Дмитрея Пожарского под Москву.

О пришествии царицы Пантазалеи в Троию.

О пришествии гетмана пана Хеттевиача.

О пришествии царей и князей в зашищение града Трои.

Пришествие воевод московских во град Кремль.

О послании послов греческих ко царю Прияму о отдании Еленине.

О пришествии на очищение Москвы воевод Прокофья Лепунова и князь Дмитрея Трубецкого и Ивана Заруцкого.

Посольство к полскому королю Жигимонту просити сына ево, Владислава, на царство.

О числе кораблей, иже греки привадоша на разорение троянское.

О пришествии послов к королю под Смоленск.

О том, сколько приведено воевод московскаго воинства к ростриге во град Путимль.

О образех и возрастех греческих челоуек. О образе и возрасте троян.

Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о яравех.³²

²⁹ Васенко П. Г. О редакциях повести кн. Катывева-Ростовского. С. 378—380. — Напомним, что Краткая редакция ЛК считалась первичной после трудов П. Г. Васенко и С. Ф. Платонова.

³⁰ Орлов А. С. Повесть кн. Катывева-Ростовского. . . С. 75.

³¹ Рукопись датируется 1610-ми гг.

³² Данное заглавие сохранилось перед разделом и в Краткой редакции.

Отметим, что Титовская редакция ТИ содержит несколько читающихся лишь в этой редакции глав с названиями: «О Медее укору», «Укоризны на Елену», «Поносы и укоризны на Ахиллеса о убийстве Троилове». В Пространной редакции ЛК имеются аналогичные разделы, озаглавленные: «Укору и поносы проклятому ростриге о царевнине срамоте и о пострижении» (заглавие сохранилось и в Краткой редакции), «О ростригине укоризны и поносы», «Понос и укоризны на царя Бориса» (заглавия имеются лишь в Пространной редакции). Напомним, что Титовская редакция ТИ близка к Древнейшей, однако имеет много оригинальных чтений, отличающих ее от первоначального извода ТИ. Титовская редакция не содержит всех фрагментов текста ТИ, послуживших материалом автору ЛК. Однако наличие в Титовской редакции оригинального материала, соотнесенного с ЛК, позволяет предположить, что автор ЛК при создании своей повести пользовался текстом ТИ в промежуточной между Древнейшей и Титовской редакцией.

Подведем итоги: разделение повести на главы в Пространной редакции, содержащаяся в ней «ссылка» на Троию свидетельствуют о том, что Пространная редакция сохранила более полное и последовательное использование источника (ТИ) и является первоначальной редакцией ЛК.³³ Альтернативно можно предположить повторное обращение к ТИ при создании Пространной редакции, хотя такое предположение кажется менее убедительным.

Так как приписка об авторстве Семена Шаховского, на основании которой ряд исследователей атрибутирует ЛК этому автору, находится в единственном списке повести (ГПБ, Соловецкое собр., № 880/990), содержащем Краткую редакцию ЛК, возникают сомнения в том, что Шаховской явился автором повести в ее первоначальном виде. (Еще раз подчеркнем, что ни один из списков Пространной редакции указания на Шаховского как на автора повести не содержит). Однако возможно, что Шаховской был составителем Краткой редакции ЛК или автором ее «Соловецкого» варианта. (Напомним, что повесть в данном списке имеет ряд оригинальных чтений — отсутствие риторического отступления по поводу участия Годунова в убийстве Дмитрия в Угличе, подчеркнутое внимание к Смоленску и деятельности смолян в период Смуты и проч.).³⁴ Отметим, что в настоящее время известен лишь один список ЛК, в котором содержится и указание на авторство Катырева-Ростовского (ГПБ, Q IV, № 154). Текст повести по данному списку представляет собой также один из вариантов Краткой редакции ЛК. Таким образом, атрибуция повести в первоначальном ее виде Катыреву представляется, как и атрибуция Шаховскому, недостаточно обоснованной.

³³ Напомним, что ссылка на Троию и частные заглавия, имеющиеся в Пространной редакции, составляют единственное различие между редакциями ЛК по использованию источника — ТИ.

³⁴ Подробнее об этом см.: Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте. С. 75—78.

Я. Г. СОЛОДКИН

К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева

«Временник» Ивана Тимофеева, принадлежащий к крупнейшим публицистическим памятникам Смуты, обнаруживает широкую начитанность автора. Вместе с тем своеобразие стиля произведения затрудняет выяснение его источников. К их числу с достаточной определенностью относятся только Александрию, Троянскую историю, Историю Иудейской войны, повесть о Варлааме и Иоасафе, Степенную книгу.¹

В свое время В. И. Корецкий попытался выяснить главный источник «Временника» в освещении событий начала XVII в. Прямой ссылкой на этот чужой труд (или чужие труды) исследователь считает выражения типа «нецы сказуют (глаголют)», не раз встречающиеся у Тимофеева.² Однако эти выражения скорее можно рассматривать как ссылки не на письменный, а на устный источник, на слухи. Согласно «Временнику», холопы Владимира Андреевича Старицкого оклеветали своего господина, «глаголаша», будто он домогается царства. Дьяк спрашивает, где «некогда глаголющие», что Борис Годунов невиновен в угличском деле; спорит с теми, кто «глаголет в нас», будто в пережитых и свершающихся бедах «повинен» «божий суд». Публицист замечает, что тушинцы «лжу сшивающе, глаголаша яко сохранишуся» царю Дмитрию, а бежавшие в 1608 г. из Новгорода «сказаша» о трудностях пути, «глаголаху» о своих намерениях в ответ на «глаголение» новгородцев. По утверждению дьяка, ему «сказаша» единоверцы, ранее «в содружестве на ны бывшеи» с «литвой», «что противнии некогда негде глаголаше им», будто Скопин-Шуйский достоин королевствовать над ними. Тимофеев признает, что о походе Скопина из Новгорода к Москве он знает по слухам. Следом говорится, что о Скопине «сказуют», будто враги не раз задерживали его. Тимофеев пишет, что о бегстве татар в 1591 г. все вельможи «сказующе патриарху же и царю». Русского ратника, допрошенного тогда крымцами, он называет «сказателем».³ По словам публициста, «сказуют», что М. И. Воротынский

¹ См.: Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1951. С. 362, 405 («Литературные памятники»); Временник. . . С. 466, примеч. 67; 495, примеч. 262. — Указано также на возможность использования дьяком «Истории» Авраамия Палицына и псковских летописцев. Мнение же П. Г. Васенко и О. А. Державиной о знакомстве Тимофеева с житием Никиты Переяславского, на наш взгляд, нуждается в уточнении: «Временник» близок к «Сказанию о новейших чудесах Никиты Переяславского», сопровождающему его житие в милютинских четьях-минях. См.: Временник. . . С. 20, 21, 183—185; Т и х о м и р о в М. Н. Российское государство XV—XVI веков. М., 1973. С. 75—78.

² Корецкий В. И. Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 115, 116.

³ Временник. . . С. 23, 36—37, 40, 44, 98, 122, 130, 131, 137, 143, 186, 201, 205, 209, 270, 296, 305—307, 313, 320. В таком же значении о сказателях говорится в «Ином сказании» (РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 97).

был искусен в военном деле, а двух предателей, «василиска и аспида», превзошел злобой какой-то мелкий купец.⁴ В. И. Корецкий раскрывает эти ссылки как указания на устные рассказы.⁵ Далее автор «Временника» неоднократно прямо ссылается на письменные источники («писания» из жития Никиты Переяславского, «животные книги», притчи, священное писание, памятник, названия которого не помнит),⁶ но ни разу не отмечает в этой связи «глаголания» «нецых». Последняя формула и в ряде современных Тимофеевской «книге» памятников обозначает только молву. Например, в Пискаревском летописце о поставлении Грозным на царство Симеона Бекбулатовича читаем: «А говорили нецых, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва в людех про то».⁷ Авраамий Палицын со ссылкой на «глаголание» «нецых» пишет о вызывающих действиях Лжедмитрия I по отношению к крымскому хану. Он следует устной версии, в достоверности которой сам не был уверен.⁸ Подобно Тимофееву⁹ многие его современники различали «глаголание» и «писание» и недвусмысленно ссылались на письменный источник в случае его использования.¹⁰

Ссылка «глаголют нецых» впервые сделана дьяком в рассказе о смерти Грозного, якобы вызванной действиями Бориса Годунова, Богдана Бельского и одного их сообщника, не названного по имени. С той же ссылкой эта версия утверждается в «Летописце вкратце» — резюме «Временника».¹¹ О. А. Державина и Д. С. Лихачев полагают, что смерть Грозного окружается у Тимофеева пародийной молвой.¹² В. И. Корецкий возводит свидетельство дьяка к литературному источнику, в другой работе он указывает, что сразу после кончины Грозного в Москве стали ходить родившиеся в ходе дворцовой борьбы упорные слухи о его умерщвлении Б. Бельским и Борисом Годуновым.¹³ Согласно Новому летописцу, дьявол «вложи

⁴ Временник. . . С 39, 142, 203, 319. — Под «василиском», «аспидом» и мельчаним «козмиком» В. И. Корецкий справедливо понимает М. Г. Салтыкова, В. Ф. Мосальского и Ф. Андропова. (См.: К о р е ц к и й В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 156). Однако заметим следующее: называя этих предателей на посольском съезде 1615 г., И. М. Воротынский мог следовать правительственному наказу, а не собственным воспоминаниям. Тимофеев же прямо пишет, что эти изменники — бывшие воеводы Орешка и Ладоги, которыми были именно Салтыков и Мосальский. Они, а также Андронов фигурируют в качестве предателей уже в так называемой «смоленской» грамоте начала 1611 г. (См.: Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 78, 232).

⁵ К о р е ц к и й В. И. Новые материалы. . . С. 155, 156; ср. с. 167.

⁶ Временник. . . С. 20, 21, 28, 60, 64, 71, 77, 82, 83, 86, 98, 105, 109, 137, 155, 183, 184, 192, 228 и др.

⁷ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 192; ср. с. 96, 113, 212, 215. См. также: Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть. . . С. 198, 206, 208; ср. с. 233 и др.

⁸ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 114; ср. с. 172, 182, 185, 205, 222; ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 147 (неизданная редакция «Истории»).

⁹ Временник. . . С. 42, 207.

¹⁰ См.: Сказание. . . С. 110, 260; РИБ. Т. 13. Стб. 98, 1313; ср. стб. 38, 113, 927, 932; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 319; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 2, 7; Сборник Русского исторического общества. М., 1913. Т. 142. С. 248; ср. с. 222; Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета, составленное А. И. Артемьевым. СПб., 1882. С. 67; Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Новая повесть. . . С. 208, 209 и др.

¹¹ Временник. . . С. 15, 151, 178, 328.

¹² См.: Временник. . . С. 456, примеч. 22; Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 20.

¹³ См.: К о р е ц к и й В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 196, 197. — Исследователю представляется достоверным и сообщение новгородского летописца об обвинении Бориса Годунова митрополитом Дионисием и крутицким епископом Варлаамом Пушкиным «перед царем за некоторое несправедное убийство», под которым нужно понимать смерть Грозного. (Там же. С. 203).

в человецы мысль такую», что Бельский со «своими советники извел царя Ивана Васильевича». О насильственной смерти Грозного со ссылкой на «глаголение» «недых» говорится также в Московском летописце начала XVII в. и Латухинской степенной книге; татищевская «Выписка из истории» с начала царствования Федора Ивановича обвиняет в смерти Грозного Б. Бельского — ближнего «свойственника» Бориса Годунова. Но мысли В. И. Корецкого, все эти известия почерпнуты из знакомой В. Н. Татищеву, но затем утраченной летописи «о разорении русском» Иосифа, келейника патриарха Иова.¹⁴

Относительно Московского летописца это вызывает серьезные сомнения. Его автор скорее всего принадлежал к кремлевскому соборному духовенству, а не к патриаршему окружению. Исследователи Московского летописца справедливо подчеркивают, что в нем проромановская тенденция проводится в ущерб Иову, а его составитель сочувствует митрополитам Антонию и Дионисию, патриарху Гермогену, но не Иову.¹⁵

В. И. Корецкий находит сходными версии о смерти Грозного, проводимые во «Временнике» и Новом летописце. Однако если Тимофеев пишет о возможности насильственной смерти Грозного, даже склоняется к этому мнению, то в Новом летописце оно решительно отвергается, объявляется дьявольским. Поэтому вряд ли можно полагать, что в данном случае Новый летописец и «Временник» имеют общий источник. Границы использования дьяком этого источника определяются, по мнению исследователя, указанием Тимофеева, что вскоре после смерти Грозного Борис Годунов победил вельмож одного за другим «и яже по сих — о сем пространнее впереди слово о нем бывшая изъяви». Поскольку во «Временнике» нет подробного изложения борьбы Годунова с боярами, то в данном случае Тимофеев якобы ссылается на свое повествование о воцарении Бориса и его свержении «расстригой».¹⁶ Думается, автор «Временника» действительно ссылается на собственное повествование, а не на чужой труд,¹⁷ однако едва ли имеет в виду свой рассказ о воцарении Бориса и низложении Годуновых. Ведь Тимофеев пишет, что Борис вскоре одолел тех «сентяряров», кто после смерти Грозного высокомерно не замечал Федора Ивановича. Эти слова перекликаются с утверждением дьяка, будто в начале своего «обладания» Борис удалял от царя и сылал «величайших». Учтем и свидетельство Тимофеева о том, что при Федоре Ивановиче правитель насильно постриг многих боярских дочерей, опасаясь как бы по побуждению «неких» царь не женился вновь из-за «неплодства» Ирины Годуновой.¹⁸ Вспомним, что в 1586 г. оппозиция как раз добивалась развода царя с Ириной и его нового брака в целях «чадородия». Расправу правителя с вельможами — великими столпами государства — дьяк рассматривает в качестве его первого убийства, за которым последовало «одоление» правителем «благородных» — это подробно описанные во «Временнике» события 1591 г., открывшие «срабному» Борису путь к престолу. К тому же о борьбе Годунова с боярством подробно говорится не только

¹⁴ См.: К о р е ц к и й В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1973. Вып. 5. С. 275—276, 278, 283; 2) Об основном летописном источнике. . . С. 116—117; 3) Смерть Грозного царя // ВИ. 1979. № 9. С. 94—98, 101, 103.

¹⁵ См.: Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 130, 136; ср. с. 129.

¹⁶ См.: Временник. . . С. 16, 178; К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 117.

¹⁷ Тимофеев очень часто ссылается на свои предшествующие или последующие «слова». См.: Временник. . . С. 18, 19, 21, 22, 26, 28, 37, 43, 44, 47, 51, 57, 59—60, 181, 182, 185, 189, 192, 201, 208 и др.

¹⁸ См.: Временник. . . С. 46, 62, 211, 230; ср. с. 47, 212.

¹⁹ Временник. . . С. 94, 265—266.

в Новом летописце и Латухинской степенной книге, но также в «Повести, како отомсти», послужившей источником «Повести, како восхити» и «Иного сказания», в «Сказании о Гришке Огрепьеве» и Пискаревском летописце,²⁰ знакомство авторов которых с «Историей Иосифа о разорении русском» слишком сомнительно.

Ссылка на «глаголение» «нецых» в рассказе о смерти царевича Ивана Ивановича, как отмечает сам В. И. Корецкий, есть не только во «Временнике», но и в хронографе второй редакции.²¹ Учтем также, что о царствовании Грозного дьяк пишет то, что «на память слышанием взыдоша».²²

Со ссылкой «глаголют нецыи» Тимофеев обвиняет правителя в смерти Федора Ивановича. Подтверждение тому дьяк видит в причастности Бориса Годунова к смерти царевича Дмитрия, о чем известно не только всем людям, но небу и земле. Последующее отступление о виновности «господоубийцы» (Бориса) и попустивших ему современников завершается словами: «А еже колик и каков того умолчание суть еже и о равнобратоубийстве и еже о царех, неискуснии во утвержение сии книги да почтут. И паки предиреченным имемся». По В. И. Корецкому, здесь дьяк отсылает читателя к другому письменному источнику, что обычно для компиляторов.²³ Однако сам исследователь замечает, что дьяк отошел от простого компилирования. К тому же аналогичную формулу («И паки прежереченных имемся») встречаем после рассуждения дьяка о злощастной судьбе царевны Ксении.²⁴ Если «книги», о которых пишет Тимофеев, — достаточно известный труд, то почему он говорит о «сих» книгах? О. А. Державина, никак не комментируя значение местоимения, переводит приведенную цитату в следующем смысле: то что не досказано об убийстве двух братьев и о царях, пусть незнающие прочтут в этих книгах. Получается, таким образом, что дьяк призывает прочесть о недосказанном именно в тех книгах, в которых не досказано. Примечательно, что в рукописи сперва фигурировало слово «суд», а не «суть»,²⁵ т. е. речь шла о божьем суде за умолчание по поводу преступлений Бориса Годунова — убийств царей-братьев;²⁶ чтобы убедиться в тяжести этого суда, автор советует прочесть «сии» книги — на наш взгляд, его собственное сочинение, в котором пространно говорится о губительных последствиях пресечения царского рода и захвата престола «срабным» Борисом.²⁷ Далее Тимофеев не раз утверждает причастность Бориса к смерти Федора Ивановича без всяких оговорок либо со ссылкой на мнение многих.²⁸ Об убийстве царя Федора Годуновым читаем также в «Повести, како отомсти» и Псков-

²⁰ См.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 241—243; РИБ. Т. 13. Стб. 720; ПСРЛ. Т. 34. С. 195, 196.

²¹ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 117. — «Бескорольеве» в Речи Посполитой наступило не в 1573 г., как пишет исследователь, а годом раньше; тогда же Литва в лице писаря М. Харабурды предлагала трон Федору Ивановичу. (См.: Базылев Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1976. С. 150, 151, 156, примеч. 73). Это подтверждает известие Тимофеева, что после смерти Сигизмунда II Августа Литва просила у Грозного на престол Федора Ивановича.

²² Временник. . . С. 15, 177.

²³ Там же. С. 26—27, 190—191; Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 118—119, 122.

²⁴ Временник. . . С. 86, 257.

²⁵ Временник. . . С. 410, примеч. з, к, с к с. 24—33. — Следом за данным отрывком говорится о божьем суде за кровь царевича Дмитрия, за попустительство этому преступлению Бориса и «прочие злобы». (Там же. С. 28, 192).

²⁶ В дальнейшем Тимофеев дважды называет царевича Дмитрия царем (Временник. . . С. 49, 50, 215, 216; ср. с. 28, 44, 192, 209).

²⁷ Временник. . . С. 28, 32—33, 35, 94, 152, 160, 164, 192, 196—197, 199—200, 265—266, 330, 338, 342—343; ср. с. 77, 246. — Напомним, что дьяк пишет о «животных книгах», под которыми можно понимать знакомые ему азбуковники.

²⁸ Временник. . . С. 52, 62, 94, 151, 218, 229, 266, 328; ср. с. 59, 226.

ской повести «о бедах и скорбех».²⁹ Думается, права О. А. Державина, которая под данным указанием «Временника» на «глаголание» «нецких» видит ссылку на слухи.³⁰ К тому же в публицистике начала XVII в. пока не прослежено использование летописи Иосифа, которую В. И. Корецкий и считает достаточно известными книгами, названными во «Временнике».

В. И. Корецкий отметил точки соприкосновения между Новым летописцем и сочинением дьяка в рассказе об угличской драме. Он объясняет это наличием у авторов обоих трудов общего источника.³¹ Однако известие об участии А. Клешина в убийстве царевича Дмитрия основано на слухе.³² Согласно В. И. Корецкому, авторы Нового летописца и «Временника» сравнивают Бориса Годунова, как виновника смерти царевича, со Святополком. Но Тимофеев не упоминает Святополка, в гибели Бориса и Глеба он упрекает их братьев, а «господоубийцу» Бориса Годунова уподобляет Ироду.³³ В. И. Корецкий признает существенные различия между свидетельствами двух памятников о реакции Федора Ивановича на весть о смерти брата. Вдобавок укажем, что, согласно Тимофееву, в Углич послали сарского митрополита, а по Новому летописцу — кого-то «от властей»; дьяк иносказательно пишет о «благородном» вельможе, а летописец прямо говорит о *Василии Шуйском*. В отличие от Тимофеева автор летописца не сообщает о награждении правителем дальних родственников угличских убийц. Стилистическая близость между двумя памятниками в рассказе о гибели царевича, которую видит В. И. Корецкий, очень относительна. Перед летописным отрывком, берущимся исследователем для сопоставления, тоже читаем: «Тех же окаяных и убойцов. . . ; тое же . . . Волохову».³⁴ Как уже подчеркнуто А. А. Рудаковым, о скорби и плаче царя Федора по младшем брате говорится и в «Повести 1626 г.».³⁵ Различия между «Временником» и Новым летописцем в описании угличских событий В. И. Корецкий объясняет влиянием на дьяка окружающих грамот Шуйского. Но почему он предпочел их источнику, якобы общему у него с Новым летописцем?

В. И. Корецкий обращает внимание на то, что в летописце и «Временнике» говорится о молитве Федора Ивановича об избавлении от нашествия Казы-Гирея. Но об этом пространно сказано в повести о Федоре Ивановиче, явившейся, по мнению Л. В. Черешина, источником Нового летописца, и упомянуто в Пискаревском летописце и разрядах.³⁶

В разрядной книге редакции 1636 г. находим ту же последовательность событий 1591 г. (угличское дело, московский пожар, приход крымцев), которую В. И. Корецкий отмечает во «Временнике» и Новом летописце.³⁷ Дополнительно к указанным исследователем отличиям двух памятников в рассказе о допросе татарами русского пленного подчеркнем, что Тимофеев говорит о приходе на выручку Москве войск с Псковской земли,

²⁹ Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» . . . С. 243, 244, 246, 247; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 123. См. также: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 273; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 155.

³⁰ Временник. . . С. 466, примеч. 71—72. См. также: Тюменев А. И. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. 1908. № 6, отд. 2. С. 342.

³¹ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 120, 121.

³² См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 140, примеч. 1.

³³ Временник. . . С. 31, 34, 43, 51, 94, 195, 199, 208, 217, 265. — Обвиняемый в гибели царевича Дмитрия Борис Годунов сравнивается со Святополком в псковской летописи. См.: Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941. С. 123.

³⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 42.

³⁵ См.: РИБ. Т. 13. Стб. 564; Рудаков А. А. Развитие легенды о смерти царевича Дмитрия в Угличе // ИЗ. М., 1941. Кн. 12. С. 264.

³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 12—13; Т. 34. С. 197; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 442; ср. с. 443, 444, 447; Разрядная книга 1550—1636 гг. II. М., 1976. Вып. 1. С. 84.

³⁷ Разрядная книга 1550—1636 гг. II. Вып. 1. С. 78—85.

пытках пленного и о том, что по возвращении этот пленный поведал царю о положении в крымском стане и своем пребывании там. Но в отличие от летописца дьяк не пишет, будто допрашиваемый пугал татар выстушением новых русских сил той же ночью, а крымцы во время бегства все бросали и топтали друг друга. По мнению В. И. Корецкого, между свидетельствами двух произведений о допросе русского ратника имеется даже текстуальное сходство: обращения татар к пленному в передаче Тимофеева и летописца начинаются оборотом «чесо<чего> ради». Но такое выражение находим и в повествовании дьяка о распросах новгородцами бежавших из города,³⁸ да и вообще оно обычно в письменности того времени. В. И. Корецкий сближает свидетельства «Временника» и Нового летописца об основании Донского монастыря в память о победе над Казы-Гиреем. Но такое же сходство наблюдается между этими памятниками и повестью о Федоре Ивановиче с Пискаревским летописцем.³⁹

По утверждению Тимофеева, крымский царевич Мурат-Кирей умер в Астрахани в результате происков Бориса Годунова. В Новом летописце об этом не говорится. Между тем в конце XVI в. ходили такие слухи.⁴⁰ Дьяк мог узнать это и во время астраханской службы 1618—1620 гг. Согласно В. И. Корецкому, обвиняя царя Бориса в смерти Иоганна Датского, Тимофеев имел в виду тот эпизод, который описан в Новом летописце и у Татищева. Скорее, дьяк опять пользуется слухами. Известно, что Борис Годунов любил датского принца; кончина последнего, по словам Палицына, была невыгодна царю.⁴¹

Да и сам Тимофеев однажды указывает, что королевич был «любезен» Борису.⁴² На слухах основано и известие «Временника» о причастности Годунова к смерти Густава Шведского, который умер в 1607 г., а царем Борисом был лишь сослан. Повторяя слухи, ходившие в 1591 г., Тимофеев инкриминирует правителью последовавший за угличскими событиями пожар в Москве.⁴³

Из «Временника» узнаем, что перенесенные в Москву мощи царевича Дмитрия встречал патриарх Гермоген. В. И. Корецкий полагает, что в данном случае Тимофеев обратился к письменному источнику, близкому к Новому летописцу. В последнем, правда, встречавший мощи нового «чудотворца» патриарх не назван по имени. По весьма убедительному предположению С. Ф. Платонова, патриархом являлся тогда Филарет Романов, вскоре «скинутый» с престола.⁴⁴ В этой связи понятно умолчание официального летописца, созданного, возможно, в окружении Филарета. Но если думать, что «Временник» восходит в этом случае к «Истории» Иосифа, работавшего при Гермогене,⁴⁵ такая ошибка дьяка трудно объяснима. Фактическая неточность «Временника» связана, видимо, с забывчивостью автора, о чем пишет сам публицист.

³⁸ Временник. . . С. 131, 307.

³⁹ См.: Временник. . . С. 43, 60, 208, 227; ПСРЛ. Т. 14. С. 15, 43; Т. 34. С. 197. — В Московском и Кратком летописцах начала XVII в. отмечено, что бой с крымцами был там, где ныне расположен Донской монастырь. (См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 234; Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 121, 129).

⁴⁰ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 126.

⁴¹ См.: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 43/1502, л. 159 об.; Сказание. . . С. 109, 257; ПСРЛ. Т. 34. С. 203, 240; М а я с о в а Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 296—297; С к р ы н н и к о в Р. Г. Борис Годунов. С. 141—142.

⁴² Временник. . . С. 85, 255.

⁴³ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 127; Т ю м е н е в А. И. Пересмотр известий. . . С. 342; З и м и н А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // ВИ. 1978. № 9. С. 107, 108.

⁴⁴ П л а т о н о в С. Ф. 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 232—234; 2) Смутное время. ПБ., 1923. С. 85, 109. Ср.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Борис Годунов. С. 158.

⁴⁵ См.: Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 141.

По замечанию Тимофеева, о свержении Бориса Годунова «инде вяде сказася». В. И. Корецкий не берется решить, какой источник имеется здесь в виду. В следующей же ссылке (о падении «рабоцаря» «. . . и во других о сем пространнее речеса местех») он усматривает указание на тот источник, где говорилось об убийстве Борисом Годуновым царевича Дмитрия и Федора Ивановича.⁴⁶

Но ведь дьяк ссылается на рассказ о падении Бориса, а не об убийстве им сыновей Грозного, о чем, кстати, в татищевской «Выписке» умалчивается. Можно полагать, что в обоих случаях публицист говорит о собственном сочинении. Следует отметить, что В. И. Корецкий упустил из вида еще две подобные ссылки, содержащиеся в том же разделе «Временника». ⁴⁷ Первая из них гласит, что о судьбе жены, сына и дочери царя Бориса «слово пространнее преди положися по своему чину». Ясно, что здесь имеется в виду дальнейшее изложение. Однако следом находим краткий и общий рассказ о низложении Годуновых.⁴⁸ Не исключено, что эта часть «Временника» сохранилась не полностью. Так, дьяк заявляет, что «выше рех» о прикосновении многих к телу «расстриги» во время его убийства. Но в сообщениях «Временника» о восстании против Самозванца этот момент обойден.⁴⁹ Возможно также, что рассказ о падении Годуновых вышел менее обстоятельным, чем замыслил автор вначале.

В. И. Корецкий подчеркивает, что во «Временнике» и Новом летописце говорится о плаче по Федору Ивановичу. Но об этом идет речь и в повести патриарха Иова, Московском летописце и Сказании о смерти Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова, читаемом в разрядах, в «Повести 1626 г.», приписываемой И. М. Кагыреву-Ростовскому или С. И. Шаховскому.⁵⁰ Исследователь отметил совпадение «Временника» и Нового летописца в датировке прошения Бориса Годунова на царство (вторник Сырной недели). Но эта датировка, как указывает он сам, встречается также и в Московском летописце. Ее находим в Соловецком летописце конца XVI в. и в грамоте Иова Гермогену, митрополиту Казанскому и Свияжскому, от 15 марта 1598 г. Из описи посольского архива 1626 г. известно, что такая же грамота была послана в Астрахань.⁵¹

Упомянув об изменнических действиях русских купцов во времена Смуты, дьяк прерывает свой рассказ: «. . .зде слово вмале сих, инде же многократно потонку речеса о них». ⁵² Вслед за И. И. Полосиным В. И. Корецкий думает, что это ссылка на Новый летописец, где часто говорится об изменах дворян и купцов, или близкий к нему труд. Однако Тимофеев ведет речь только о кушцах, которые «корысть бо свою паче веры почтоша». Поэтому ссылка В. И. Корецкого на изображение в Новом летописце предательских действий бояр и окольничего М. Г. Салтыкова в 1610—1611 гг. не кажется обоснованной. О том, что во времена Смуты купцы пеклись

⁴⁶ См.: Временник. . . С. 48, 58, 213, 225; К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 130.

⁴⁷ Временник. . . С. 62, 72, 230, 240—241. — В последнем отрывке, как и в первом из упомянутых В. И. Корецким, Самозванец сравнивается с козлом.

⁴⁸ Временник. . . С. 83—86, 253—256; ср. с. 66, 81, 234, 251. — Вопреки подсчетам В. И. Корецкого, дьяк называет Лжедмитрия I «скименом» не один, а три раза. (Там же. С. 83, 94, 120, 253, 266, 295). Начиная с С. Ф. Платонова, это «слово» «Временника» объявляют иностранным. Между тем оно встречается в русском фольклоре. (См.: Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отд. 2. С. 66).

⁴⁹ Временник. . . С. 90, 113, 122, 261—262, 286, 296—297.

⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 19—21; Т. 34. С. 235; Б у г а н о в В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. (Записи в разрядной книге) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С. 172—174; РИБ. Т. 13. Стб. 564, 632; ср. стб. 852—853.

⁵¹ См.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 145; Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печ. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 316; Т и х о м и р о в М. Н. Русское летописание. Л., 1979. С. 206. Ср.: Разрядная книга 1550—1636 г. II. Вып. 1. С. 134.

⁵² Временник. . . С. 113, 286.

только о прибылях, презрев гражданский долг, неоднократно говорится в «Истории» Авраамия Палицына.⁵³ О предательстве торговца Ф. Андропова читаем и в Пискаревском летописце, Казанском сказании и Рукописи Филарета,⁵⁴ не говоря уже о документах 1611—1613 гг.

Согласно Тимофееву, после его отъезда в Новгород началась тушинская осада Москвы и умножилось самовластие по городам. Пламя божьего гнева обратило все в пепел, «яко же во всеположении многословне о сем речено бысть». Несомненно, дьяк говорит тут о письменном источнике. В. И. Корецкий склонен сближать его с Новым летописцем, где исключительно подробно повествуется о Смуте при Шуйском.⁵⁵ Но весьма обстоятельно движения Болотникова и Лжедмитрия II описаны также Палицыным, в Пискаревском летописце, Казанском сказании, Повести о победах Московского государства и Рукописи Филарета.⁵⁶ Далее Тимофеев ссылается на «всесложение», лишь подчеркивая разрушительный характер многолетней Смуты.

Новый летописец при детальном изложении событий 1606—1610 гг. на этом моменте специально не останавливается. Зато Палицын, по словам В. О. Ключевского, даже утомляет «расточительным обилием ужасных реальных красок разрушения».⁵⁷ Сходство «Истории» Авраамия Палицына и «Временника» в описании Смуты при Шуйском отметили еще С. Ф. Платонов и В. С. Иконников.⁵⁸ Близко к «Истории» и следующее указание Тимофеева, которое В. И. Корецкий рассматривает как ссылку на чужое сочинение. По словам дьяка, восстали «наша» друг на друга, разделились, «совокупишася со языки, и навькоша дела их и, инде речеса. изыдоша от нас». Палицын же пишет, что жители южно-русских окраин «навькоша» от соседней еретиков и отложились от Московского государства, став «работниками» Польши. Вслед за данной ссылкой читаем во «Временнике», что среди тушинцев были не только «мельчайшии . . . наша войны», но и царские сановники; они прельщали оставшихся в Москве и те изменяли царю, а родственники убивали друг друга хуже неверных, что удивляло даже врагов. Во многом эти отрывки перекликаются с 6-й главой «Истории».⁵⁹

По мнению В. И. Корецкого, «Временник» и Новый летописец «исключительно согласны» в рассказе о бегстве Скопина-Шуйского из Новгорода в 1608 г. Однако Летописец объясняет это бегство результатом «совета» молодого воеводы с М. Татищевым и Е. Телепневым, а дьяк объясняет его злым влиянием на Скопина двух не названных по имени «сначалаников». Вряд ли можно разделять мнение С. Ф. Платонова (с которым со-

⁵³ О соотношении произведений Палицына и Тимофеева см.: Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына: (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984, с. 12—23.

⁵⁴ См.: Сказание. . . С. 113, 119, 198—200, 263, 269—270; ср. с. 213; ПСРЛ. Т. 34. С. 212, 216, 219; Сборник Муханова. С. 305; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 231—233.

⁵⁵ См.: Временник. . . С. 114, 288; Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 133.

⁵⁶ См.: Сказание. . . С. 116—126, 128—193, 197—201, 205—207, 266—279; ПСРЛ. Т. 34. С. 211—212, 214—216; Сборник Муханова. С. 272—287; 293, 296, 297, 303—304; Тихомиров М. Н. Классовая борьба. . . С. 221—227, 230—232; Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1977. М., 1977. С. 12, 18, 19, 21. — В. И. Корецкий почему-то утверждает, что о движении второго самозванца Палицын говорит «довольно кратко».

⁵⁷ См.: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. С. 75. См. также: Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.; Л., 1945. С. 328.

⁵⁸ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . . С. 158; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1839.

⁵⁹ См.: Сказание. . . С. 116—120, 266—270; Временник. . . С. 123—124, 298—299; ср. с. 125, 300.

гласен В. И. Корецкий), будто Летописец не обвиняет в бегстве самого Скопина, который и во «Временнике» представлен лишь жертвой. Ведь Скопин «советовал» об отъезде из Новгорода с Татищевым и Телепневым. Тимофеев в отличие от Летописца сообщает об измене Шуйскому не только Пскова, но и его пригородов и говорит не о переходе их на сторону «Вора», а о возникновении там самовластия.⁶⁰ В. И. Корецкий призывает, что ряд подробностей сохранил именно Тимофеев как очевидец бегства «сначалашников».⁶¹ Но зачем тогда дьяку нужно было сверять свой рассказ по другому источнику?

С оговоркой «скажут нецыи» дьяк обвиняет царя Василия в смерти Скопина-Шуйского. В. И. Корецкий усматривает здесь ссылку на чужое сочинение, близкое к Новому летописцу. Ведь Летописец намекает на причастность царя к смерти Скопина и подобно Тимофееву рассуждает о том, что своими победами Скопин был обязан богу, а умер в результате зависти людской. Но, как отмечает сам исследователь, в отличие от Летописца дьяк наводит читателя на мысль, что бог мог бы даровать Скопину царский венец. Звучащий в обоих памятниках тезис «о господе» как верховном существе, обеспечивающем успех людской деятельности, типичен для средневековья. Далее Тимофеев прямо обвиняет Шуйского в смерти племянника, сравнивая их с Саулом и Давидом.⁶² Такое же сравнение находим у Палицына и в «Рукописи Филарета».⁶³ Троицкий келарь намекает на причастность царя к смерти Скопина, а в «Рукописи Филарета» со ссылкой «глаголют убо нецыя» говорится об отравлении Скопина княгиней Екатериной Шуйской, женой брата царя, на крестинном пиру.⁶⁴ На молву об отравлении полководца Екатериной Шуйской ссылается и Новый летописец. Сам Тимофеев в том же отрывке пишет, что «веде от слуха», будто все роды втайне были готовы видеть Скопина царем.⁶⁵ Поэтому вслед за Б. Н. Путиловым и Л. Н. Черешниным надо полагать, что о насильственной смерти Скопина-Шуйского дьяк знал по слухам,⁶⁶ а не из письменного источника.

В разделе «о князе Михаиле же Шуйском» читаем, что убитого Скопина «перводесподским почтоша плачем», т. е., в переводе О. А. Державиной, «таким плачем, как бы о царе».⁶⁷ В. И. Корецкий считает этот перевод неточным и по аналогии с Новым летописцем полагает, что Тимофеев сопоставляет плач о Скопине с плачем о Федоре Ивановиче, якобы первом царе, смерть которого вызвала плач. Однако Московский летописец сообщает и о плаче по Грозном.⁶⁸

В начале «Временника» дважды указано на всеобщее слезное рыдание

⁶⁰ Временник. . . С. 128—129, 303—304.

⁶¹ К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 135.

⁶² Временник. . . С. 135—136, 213—313.

⁶³ Сказание. . . С. 206; Сборник Муханова. С. 287. — Редактор «Рукописи» вычеркнул свидетельство о неприязни Шуйского к победоносному племяннику. В так называемом Казанском сказании про Скопина говорится, что «господь бог устрояше его десницею своею» (Т и х о м и р о в М. Н. Классовая борьба. . . С. 228).

⁶⁴ И к о н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1836; Сборник Муханова. С. 287—288. — Об отравлении Скопина женой Д. И. Шуйского читаем и в повести о преставлении и погребении Скопина, хотя там подчеркнута скорбь царя о молодом полководце (РИБ. Т. 13. Стб. 1334, 1346). Со ссылкой на разговоры «нецыих» об отравлении Скопина читаем и во второй редакции «Повести 1626 г.» (РИБ. Т. 13. Стб. 683). См. также: Псковские летописи. Вып. 1. С. 119, 125—127.

⁶⁵ Временник. . . С. 136—313.

⁶⁶ См.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. С. 378; Черешнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 457.

⁶⁷ Временник. . . С. 136, 312.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 229—230. — В статье, написанной В. И. Корецким совместно с В. И. Бугановым, высказан взгляд об использовании «Истории» Иосифа в этом летописце. См.: Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И. Неизвестный Московский летописец. . . С. 129.

о царевиче Иване Ивановиче.⁶⁹ «Десподами» Тимофеев называет всех правителей, включая иноземных принцев; царский род, в том числе царевича Дмитрия, он называет корнем «Российских деспод». ⁷⁰ Поэтому, думается, обращение к Новому летописцу вовсе не проясняет данный пассаж «Временника».

То, что в этих памятниках говорится о плаче по Скопину, еще не свидетельствует о наличии у них общего источника, как представляется В. И. Корецкому.⁷¹ Пространный плач о Скопине помещен в повести о его преставлении и погребении; этот плач отмечен и Палицыным, причем он уподобляет его стенаниям по царю.⁷² Тимофеев, не являясь свидетелем кончины и похорон Скопина, мог знать об этом по рассказам очевидцев.

В разделе «О таборех» дьяк замечает, что о Скопине — победителе тушинцев — «пространнее инде слово сказа», а потом обещает, что о походе Скопина из Новгорода к Москве «явlene в прочих скажется местех».⁷³ По В. И. Корецкому, здесь имеется в виду труд, близкий к Новому летописцу, где поход Скопина описан наиболее подробно. Однако этот поход довольно обстоятельно изложен и в Повести о победах Московского государства, в «Рукописи Филарета», а также Палицыным.⁷⁴ Первую из данных ссылок можно рассматривать как указание на другие места «Временника», где весьма пространно говорится о Скопине.⁷⁵ Недаром Тимофеев замечает, что о беглецах из Новгорода «зде слово», а кроме имени, Скопин ни в чем не был схож с Татищевым, «якоже впреди слово скажет». О походе Скопина дьяк, бывший в Новгороде, знал лишь «вмале от слуха».⁷⁶ Со второй ссылкой на повествование о походе ⁷⁷ сходна по форме еще одна, встречающаяся в «Летописце вкратце» (о бедствиях Смуты «подробну на се довленьми в подобных местех скажется ясно, не иже нами»⁷⁸). В обоих случаях имеется в виду другой труд (или другие труды), но едва ли уже существующий (или существующие). Что Тимофеев не знает такого сочинения, видно из его слов: если найдется «сложение. . . добрейши и совершенейши» «Временника», последний кротко отступит. Но автор не верит, чтобы человек мог полностью воссоздать картину Смуты, это, по его мнению, доступно лишь «богоподобному». В другом месте публицист прямо указывает, что пока нет «ритора», способного рассказать о пережитом «витейством краткословне», никто не может выразить перенесенного Москвой и Новгородом зла. В концовке «Временника» автор заявляет, что о походе Скопина расскажут его участники, а события

⁶⁹ Временник. . . С. 19, 22, 182, 185. — Первое из этих свидетельств отметил Р. Г. Скрынников. (См.: С к р ы н и к о в Р. Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 95).

⁷⁰ Временник. . . С. 45, 133, 152, 211, 309, 330; ср. с. 77, 161, 246, 339.

⁷¹ К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 131, 137.

⁷² См.: РИБ. Т. 13. Стб. 1335—1346; Сказание. . . С. 206.

⁷³ Временник. . . С. 126, 143, 301, 320.

⁷⁴ См.: Е н и н Г. П. Неизвестная повесть. . . С. 12—13; Сборник Муханова. С. 282—290; Сказание. . . С. 131, 180, 187—190, 192—194. — Согласно В. И. Корецкому, о походе Скопина Палицын рассказывает предельно кратко, да и то с момента подхода освободительной рати к Троице (см.: К о р е ц к и й В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 134, 138). Однако келарь упоминает о Тверском сражении и подробно говорит о Калязинском. Это описание Калязинского сражения попало в повесть о «рождении» Скопина, что отмечено у С. Ф. Платонова, В. Ф. Ржиги и Г. П. Енина. По словам В. И. Корецкого, И. И. Полосин атрибутирует повесть о «рождении» Скопина Тимофееву. (Там же. С. 134). Но в данном случае И. И. Полосин имеет в виду ту повесть о Скопине, которую считает частью «Временника». См.: П о л о с и н И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1949. Т. 60, вып. 2. С. 153.

⁷⁵ Временник. . . С. 127—137, 142—143, 303—314, 318—320.

⁷⁶ Там же. С. 134, 135, 142, 310, 311, 320; ср. с. 127, 149, 303, 327.

⁷⁷ В. И. Корецкий относит ее к 1614—1617 гг. Однако данный отрывок не содержит хронологических реалий. Ссылка могла быть сделана и в 1610 г., когда войска Скопина заставили тушинцев отступить от Москвы, и после освобождения Новгорода от шведов (1617 г.).

⁷⁸ Временник. . . С. 152, 330.

Смуты подробно опишут очевидцы и умеющие писать. Сам же Тимофеев был свидетелем лишь немногих событий, о немногих слышал; из этого он рассказал то, что вспомнил.⁷⁹

В. И. Корецкий отмечает, что во «Временнике» и Новом летописце высоко оценивается как борец с «латынством» Гермоген и гневно обличаются предатели М. Салтыков и Ф. Андронов. Но это свойственно множеству документальных и нарративных источников того времени, начиная с патриотических грамот и «Новой повести».⁸⁰

Ссылка на другой труд (или другие труды), содержащаяся в «Летописце вкратце», сделана в рассказе о лихолетье, наступившем ввиду прекращения династии со смертью Федора Ивановича. Как подчеркивает В. И. Корецкий, пресечение «корени» Грозного и в Новом летописце рассматривается в качестве причины Смуты. Однако на прекращение династии с кончиной Федора Ивановича сетовал еще патриарх Иов. Этот мотив повторяется во многих литературных произведениях и документах начала XVII в.⁸¹

По мнению В. И. Корецкого, «Временник» и Новый летописец сходно определяют социальную среду, «поставлявшую» самозванцев. Но это сходство представляется нам весьма отдаленным: Летописец говорит о неведомо откуда взявшихся боярском человеке и пашенном мужике, а Тимофеев — о «мельчайших безымянных людях», «паче же от последних страдническия четь». ⁸² Заметим, что в палицынской «книге» и Пискаревском летописце подчеркнута холопское происхождение Лже-Петра.⁸³ Взгляд, что самозванцы начала XVII в. выдвигались из низов, был широко распространенным. Так, в 1625 г. в Перемышльском уезде ильинский поп заявил казаку Д. Федорову, что раньше казаки «воровали», «царей заводили».⁸⁴

Согласно Новому летописцу, после рождения царевны Феодосии «бысть радость на Москве велия». Тимофеев же пишет, что «тогда в людях премнога сотворися радость».⁸⁵ В. И. Корецкий усматривает между этими сообщениями текстологическую зависимость, но, как представляется, она относительна. К тому же Летописец говорит о радости только в Москве, а известие Тимофеева носит обобщенный характер. Не кажется доказательным и заключение В. И. Корецкого о терминологической близости двух памятников в рассказе об освобождении Москвы. Летописец припи-

⁷⁹ Временник. . . С. 118, 126, 148, 149, 164—167, 292, 300—301, 325, 327, 352—346.

⁸⁰ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть. . . С. 33—35, 37—39, 44—45, 49—53, 66, 69—71, 76, 78, 80, 90, 135—136, 158—159 и др.; Сказание. . . С. 213, 228; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Предисл. С. А. Белокурова. 2-е изд. М., 1906. С. 38, 39; Белокурова С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 22; ср. с. 59; Разрядная книга 1550—1636 гг. II. М., 1976. Вып. 2. С. 262, 263; Сборник Муханова. С. 303—306; Тихомиров М. Н. Классовая борьба. . . С. 231—233.

⁸¹ См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 2, 18—19; Т. 34. С. 189; ср. с. 194; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти. . .» С. 243, 244, 246, 247; Кушуккина М. В. Незвестное писание о начале «Смуты» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 197; Утвержденная грамота. . . С. 48; Зимин А. А. Акты Земского собора 1613 г. // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 19. С. 189; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 11 и др.; Псковские летописи. Вып. 1. С. 118; Сборник Муханова. С. 183, 299.

⁸² Временник. . . С. 32, 196; ПСРЛ. Т. 14. С. 89.

⁸³ Сказание. . . С. 116, 266; ПСРЛ. Т. 34. С. 211, 214. — «Воровские» цари называются «страдниками» и в грамоте боярского правительства в Ярославль от 26 января 1612 г. (СГГД. Ч. 2. № 277). См. также: Сб. Русского исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 414.

⁸⁴ Новомбергский Н. Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14. С. 17, 18.

⁸⁵ Временник. . . С. 152, 329—330; ПСРЛ. Т. 14. С. 45. — Вдобавок к названным В. И. Корецким произведениям, упоминающим Феодосию, укажем повесть о Федоре Ивановиче, Пискаревский и Бельский летописцы (ПСРЛ. Т. 14. С. 16; Т. 34. С. 198, 238).

сывает это освобождение «последним людям» Московского государства, Тимофеев же пишет в данной связи о малых «останках» людей.⁸⁶ Однако в другом месте, как отметила О. А. Державина, автор «Временника» говорит об «останках земных».⁸⁷ О малых останках (останке) православных христиан («рода христианского»), останках людей читаем у Палицына, в «Рукописи Филарета», патриотических грамотах 1611—1612 гг.⁸⁸ Так что здесь мы просто сталкиваемся с вариациями стилистического трафарета.

Добавим, что В. И. Корецким не учтены еще ссылки «Временника». В рассказе о серпуховском походе Бориса Годунова дьяк сообщает, что «снеговидный» палаточный город царя, «глаголати неким, могущь же некогда и устрашити» путников при первом взгляде, а потом и удивить.⁸⁹ Видимо, тут передаются отзывы очевидцев, которые дьяк слышал в 1598 г. (с такой оценкой палаточного лагеря царя Бориса встречаемся только во «Временнике»). Указав на «бесчестнейшее» низложение Шуйского, Тимофеев замечает, что позже о «сем самовенечнике» «паки с прочими пространнее инде слово скажет». Следом он снова пишет о том, что «низвержение же бесчестное сего венечника подробно сповесться в прочее».⁹⁰ Чуть дальше помещен обширный плач о свержении царя Василия,⁹¹ к которому, очевидно, и отсылал Тимофеев читателя. Предполагать использование здесь другого повествовательного источника нельзя и потому, что, по словам дьяка, о низложении Шуйского он узнал «вмале. . . от слуха». Не имея конкретных сведений об этом событии, Тимофеев и прибег к плачу.⁹²

То, что лишь во «Временнике» и татищевской «Выписке. . .» приведены конкретные данные о неприязни царя Бориса к Шуйским, еще не свидетельствует об их зависимости от одного источника, ибо эти данные не аналогичны.⁹³ Вообще ни одно из 14 свидетельств Татищева, сопровождающихся прямыми ссылками на уникальную летопись, не находит близких параллелей во «Временнике». Сам В. И. Корецкий не раз указывает, что в отличие от Тимофеева Иосифа привлекали перипетии закрепостительного законодательства Бориса Годунова.⁹⁴

Итак, в отличие от В. И. Корецкого, нам представляется, что ссылки «Временника» едва ли можно рассматривать как показатель зависимости Тимофеева от другого публицистического труда, а близость «Временника» и Нового летописца в ряде пунктов не свидетельствует о наличии у них общего источника — «Истории Иосифа о разорении русском». Последнюю, таким образом, нельзя причислять к литературным произведениям, знакомым Тимофееву.⁹⁵

⁸⁶ Корецкий В. И. Об основном летописном источнике. . . С. 128, примеч. 27.

⁸⁷ Временник. . . С. 91, 263, 491, примеч. 232.

⁸⁸ Сказание. . . С. 239, примеч. 90; ср. с. 194; Сборник Муханова. С. 273; СГГД. Ч. 2. С. 495; Любимиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 234. Ср.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . . С. 110; Дробленкова Н. Ф. Новая повесть. . . С. 228, 229, 232.

⁸⁹ Временник. . . С. 58, 224. — В другой работе В. И. Корецкий считает, что дьяк видел этот палаточный городок. (См.: Корецкий В. И. Новые материалы. . . С. 150).

⁹⁰ Временник. . . С. 101, 103, 274, 275. — В статье об «Истории» Иосифа В. И. Корецкий использует рассказ Тимофеева, где сделана первая из этих ссылок. (См.: Корецкий В. И. «История Иосифа о разорении русском. . .» С. 274).

⁹¹ Временник. . . С. 106—108, 279—281.

⁹² Там же. С. 106, 279. См. также: Киреева Р. А. В. О. Ключевский. . . С. 73; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 17. С. 460.

⁹³ О гонениях царя Бориса на Шуйских упоминает и Палицын (Сказание. . . С. 238).

⁹⁴ Корецкий В. И. 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 287; 2) Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ. 1971. № 5. С. 133; 3) Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 79.

⁹⁵ Нам уже приходилось сопоставлять выводы В. И. Корецкого об использовании «Истории» Иосифа в литературе XVII в., в частности Мазуринском летописце. См.:

По наблюдению В. Д. Назарова, судьбу Ксении Годуновой автор Нового летописца излагает сходно только с Тимофеевым. Поэтому исследователь предполагает, что летописец знал сочинение знаменитого дьяка.⁹⁶ Некоторые факты косвенно свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Как показал В. И. Корецкий, на рубеже 20—30-х гг. XVII в. Тимофеев жил в Москве и пользовался расположением Филарета, который мог знать о «Временнике».⁹⁷ Глава Записного приказа дьяк Т. Кудрявцев помнил Тимофеева как создателя «временных книг» и хотел разыскать его сочинение, чтобы воспользоваться им при создании нового труда по русской истории.⁹⁸ Думается, что некоторые случаи близости «Временника» и Нового летописца, отмеченные В. И. Корецким (известия об угличском деле, допросе крымцами русского пленного, бегстве из Новгорода Скопина-Шуйского), вполне объяснимы в свете этой гипотезы.

С о л о д к и н Я. Г. По поводу «Истории о разорении русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 438—439.

Вывод о зависимости «Временника» от «Истории» Иова-Иосифа (Траханиотова) В. И. Корецкий повторил в недавно изданной книге: К о р е ц к и й В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 57, 205—230.

⁹⁶ Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 310, примеч. 36.

⁹⁷ К о р е ц к и й В. И. Новые материалы. . . С. 159—164, 167. — По предположению исследователя, патриарх знал о сочинении дьяка от своего зятя И. М. Катырева-Ростовского, якобы использовавшего «Временник» в своей повести о Смуте. Однако принадлежность «Повести 1626 г.» Катыреву точно не установлена.

⁹⁸ См.: Б е л о к у р о в С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 62—63. — Это опровергает утверждение И. И. Полосина, будто «Временник» был непригоден для официального летописания. (См.: П о л о с и н И. И. Иван Тимофеев. . . С. 191).

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

**«Посольская книга Шарап-Веригина» —
литературно-документальное сочинение
второй половины XVII века**

Проблема вымышленных, так называемых фальсифицированных, разрядов была поставлена в науке уже в середине XIX в. П. Строев, описывая рукописи собрания И. Н. Царского, обратил внимание на две разрядные книги, написанные в конце XVII в.: «Книга чиновная, писаны походы на службу великого государя и великого князя Ивана Васильевича» — № 359 (походы на Казань 1544 г., на «свицкие немцы» 1549 г. и на польского короля Стефана Абатура 1551 г.) и № 560 (поход на «свицкие немцы» 1577 г., на шведского короля под город Кольвань 1579 г. и на польского короля Стефана Абатура 1575 г.). Комментируя эти рукописи, Строев писал: «... все годовые и месячные числа и подробности походов чистый вымысел, все фамилии выдуманы, у последней <рукописи> скрепа по листам „Диак Лука Ефимов“ явно фальшивая. Следовательно, в XVII веке, когда разрядные книги не были еще уничтожены, на них составляли уже пародии».¹ В собрании А. С. Уварова, частично включившем в себя собрание Царского, отмечены эти же рукописи с вымышленными разрядами и, кроме того, два списка «Посольской книги Шарап-Веригина» 1554 г., которую арх. Леонид посчитал необходимым причислить к сочинениям того же рода.²

В конце 40—середине 50-х гг. XIX в. И. Д. Беляев, классифицируя рукописные разрядные книги для подготовки их издания, выделил в особую категорию фальсифицированные разряды (в частности рукописи Архива Министерства иностранных дел, № 484/964, XVII в.), где «писаны походы под Казань и под Смоленск, кажется, с намерением подсмеять составителей печатных разрядных книг, ибо лица, годы и события искажены в противовес всем историческим данным по официальным свидетельствам», это «как бы пародия на разряды», в «книге чиновной описаны службы небывалых походов царя Ивана Васильевича».³

В 80-х гг. XIX в. исследование вымышленных разрядов было предпринято Н. П. Лихачевым. Материалы, собранные им, — описания рукописей, копии текстов, генеалогические выписки — хранятся в ЛО Архива АН СССР, в фонде Н. П. Лихачева (ф. 246, оп. 1). Здесь же находится рукопись реферата «О некоторых событиях и лицах, внесенных в наши генеалогические сборники из вымышленных разрядных книг» (ф. 246, оп. 1, № 38), читанного Н. П. Лихачевым 17 апреля 1887 г. на заседании

¹ Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие . . . И. Н. Царскому. М., 1848. С. 337—338.

² Леонид, арх. Систематическое описание славяно-российских рукописей собр. гр. А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 126, 218; 1894. Ч. 4. С. 231—232.

³ Переписка И. Д. Беляева с учеными и литераторами // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, разд. 5: Смесь. С. 27—30; Буганов В. И. «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 238.

Общества любителей древней письменности. Возможно, Н. П. Лихачев намеревался опубликовать реферат в Памятниках ОЛДП. Однако исследование нельзя считать законченным. Это, скорее, выявление материала (так, перечислено 17 списков разрядов из хранилищ Петербурга, Москвы, Томска), наблюдения о проникновении сведений из вымышленных разрядов в генеалогические работы М. Г. Спиридова: «Родословный российский словарь» (М., 1793) и «Сокращенное описание служб благородных российских дворян, расположенное по родам их» (М., 1810), а также в «Родословный сборник русских дворянских фамилий» В. В. Румеля и В. В. Голубцова; сопоставление вымышленных разрядов с подлинными, с местническими делами, сравнение их с вымышленными дипломатическими грамотами и статейными списками. Среди шифров вымышленных разрядов значится и «Посольская книга» посольства в 1554 г. в Царьград Шарап-Веригина.

Этот скупой перечень обращений исследователей к вымышленным разрядам остается завершить упоминанием статьи А. Введенского, опубликованной в начале 30-х гг. нашего века. Наряду с другими произведениями, написанными в форме документов, автор рассматривает эти разряды просто как откровенные подлоги и даже пытается объяснить их появление уничтожением в московских пожарах, а особенно в пожаре 1626 г., приказных архивов, что, по его мнению, явилось причиной создания поддельных документов для подтверждения родословных притязаний и обоснования местнических споров.⁴ Этот односторонний и довольно упрощенный взгляд на вымышленные документальные сочинения давно уже пересмотрен советской наукой, открывшей в так называемых подделках литературно-публицистические памятники, посвященные вопросам внешней и внутренней политики, разглядевшей в обращении к формам деловой письменности особый прием писателей, вышедших из среды приказных канцеляристов, а в их сочинениях — приметы древнерусской беллетристики.⁵ В свое время были опубликованы и изучены такие публицистические произведения конца XVI — первой четверти XVII в., как статейные списки посольств Ищеина и Сугорского (Повесть о двух посольствах) и дипломатическая переписка Ивана Грозного с турецким султаном (Легендарная переписка).⁶ Рассмотрим с этих же позиций Посольскую книгу Шарап-Веригина.

Вымышленное посольство в Царьград боярина Михаила Павловича Шарап-Веригина представлено в рукописях как «Книга посольская, писаны походы на службу послов в Царьгород ко царю Магмет Солтану лета 7062-м году» (1554 г.). Она известна в трех списках второй половины XVII в. Два из них отмечены Леонидом в Описании собрания Уварова: № 137/1879, 4° и № 1565/646 — копия со старых рукописей (этот список, кажется, утрачен — во всяком случае, сейчас его в РО ГИМ нет ?); третий список (ГПБ, Q.XVII.20) относится к 70—80-м гг. XVII в. Как и предшествующие ей Повесть о двух посольствах, состоящая из вымышленных статейных списков посольств Андрея Ищеина в Царьград и Захария Сугорского к цесарю Максимилиану, и Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном, Книга посольская рассказывает о време-

⁴ Введенский А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 99. (Тр. ист.-археолог. ин-та АН СССР. Т. 9).

⁵ См.: Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 252—253.

⁶ См.: Каган М. Д. 1) Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 247—272.

⁷ Благодарю И. Л. Жучкову за уточнение сведений о списках собрания Уварова.

нах Ивана Грозного. Однако ни упоминание имен царя и митрополита Макария, ни дата не могут ввести читателя в заблуждение и выдать Книгу посольскую за памятник XVI в. Если Повесть о двух посольствах опиралась на статейные списки подлинных посольств, приводила подлинные имена русских дипломатов, то Книга посольская Шарап-Веригина не имеет соприкосновения с подлинными документами, сюжет ее в своей повествовательной части построен на Повести о двух посольствах, причем использовано всего несколько эпизодов источника.

Посол Шарап-Веригин, как и Андрей Ищеин, отправляется в Царьград с жалобой на крымского хана Мингирея и на калгу Салтана, разоряющих военными набегами Московское государство. В ответе султана появляется мотив, использованный не только в Повести о двух посольствах, но и в Легендарной переписке и в некоторых других устных и письменных сочинениях, затрагивающих вопросы русско-татарских и русско-турецких отношений, — о дани, которую русский царь якобы обязан платить хану или султану. Набеги крымцев, поясняет султан, вызваны тем, что «ваш христианский государь за многие годы выходов и дани ко мне в царство не присылает». В центре повествования смелый поступок русского посла, который в ответ на угрозу султана разорять и впредь русские земли, а самого царя взять в плен, «дерзнул ко царю <султану> с ножем». Этот эпизод целиком заимствован из посольства Ищеина, но и там он не оригинален — так же поступает посол Захарий Тютчев с Мамаем в Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Как и в Повести о двух посольствах, турецкий султан милует приговоренного к смерти Шарап-Веригина и ставит его в пример своим визирям и пашам.

Эта часть Книги посольской Шарап-Веригина является вполне подражательным произведением со всеми характерными для такого рода сочинений чертами.⁹ Обращаясь к Повести о двух посольствах, автор заимствует диалоги не только из рассказа о посольстве Ищеина, но и из рассказа о посольстве Сугорского. Поэтому турецкий султан спрашивает Шарап-Веригина о русских святых и чудотворцах и поражается силе русского царя. Если эти речи были естественны в устах христианского императора Максимилиана, то совершенно неуместны в рассказе о царьградском посольстве, противоречат угрозам турецкого султана русскому царю. Страдает в Книге посольской и композиция. Если в Повести приговор послу следует сразу же за его преступлением, то Шарап-Веригин после того, как «дерзнул ко царю с ножем», еще держит речи, прославляющие силу русского царя, произносит угрозы крымскому хану и султану, а турецкие визири и паша по приказанию султана ему отвечают. Искусственность построения сюжета сказывается и в том, что героический эпизод посольства не предстает перед читателем внезапно, а как бы уже предрешиен в речи митрополита Макария, благословившего послов перед отъездом: «Аще хотя и смерть от нечестиваго царя примете, то вам вменит господь бог в мучительство и мзду за воздаяние и воспримете от него веньцы небесные . . . и сродником вашим по вас будет честь и слава вечная». Описательная часть Книги посольской гораздо беднее Повести, изображающей дворцы, города, посольские ритуалы и придворные обычаи, усиливающей занимательность вставными легендами. В Книге посольской ничего этого нет. В то же время заимствованные места ее подчас более многословны и растянуты, автор не цитирует свой источник, а пересказывает его на свой лад. Например:

⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 79—80.

⁹ См.: Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку; Игореве») // РЛ. 1964. № 3. С. 84—107.

П о в е с т ь
о д в у х п о с о л ь с т в а х

К н и г а п о с о л ь с к а я

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел тебе поклониться, извещаю тебе, царю, на твоего посаженника, на крымского на Менгирея царя и на калгу царевича — пришли в мою землю войною и повоевали, и Москву град пожгли.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич велел тебе, царю, говорить и жалобу творить на твоего посаженника, на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, что они под наши царевы города ходят шипом и разоряют села, и деревни пожигают, и в полон мужеской пол и женской берут, и наругательство им, женскому полу и мужескому чинят, ростлят, а иных запродают в твое царство на каторги и в иные земли.

Эти дополнения Книги посольской содержат и исторические реалии: упоминание пленных русских, а особенно украинцев, действительно пополнивших в Османской Порте армию рабов, выполнявших самые тяжелые работы; достоверный путь, которым идут русские послы, — на Воронеж и Азов, а затем морем в Стамбул. Послы, как правило, стремились миновать враждебный Крым, хотя иногда и заезжали в Кафу.¹⁰

Книга посольская только отчасти имитирует статейный список, занимающий центральную часть памятника. Так, в тексте можно усмотреть намек на обязательно входящий в этот вид документа «наказ» — перечень лиц посольства, подробный маршрут с указанием количества стрельцов, необходимых для охраны: «. . . а с Воронежа указал великий государь . . . итить . . . казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину . . .» и проч. В других частях автор обращается к документальной форме разряда. В небольшом по объему произведении полный список участников посольства, состоящего из тринадцати человек, — трех бояр, двух окольных, шести думных дворян, двух дьяков — приведен шесть раз. Намерение автора видеть в своем сочинении именно разряд подтверждается и тем, что во всех трех списках Книга посольская сопровождается вымышленным разрядом похода 1556 г. против польского короля Степана Абатура. Данный разряд несомненно связан с Книгой посольской, так как некоторые члены посольства участвуют в походе, причем уже в более высоких чинах, пожалованных им за посольскую службу. Эти пожалования им читает дьяк Андрей Клобуков в Золотой палате. Боярин Михаил Павлович Шарап-Веригин — в походе дворецкий, конюший и комнатный боярин; окольный Андрей Васильевич Сабуров — в походе боярин, кроме него тут же названы Замятня Иванович и Иван Михайлович Сабуровы. Думные дворяне Иван Михайлович Скуратов, Иван Федорович Сидоров, Иван Васильевич Рюмин-Березников, Михаил Михайлович Сухоносов, Василий Александрович Строев — в походе окольные. Кроме князя Михаила Васильевича Горбатого в поход выступают его родичи — князя Андрей Михайлович (сын?) и Семион Иванович Горбатые; вместо князя Ивана Михайловича Тростенского в походе значатся князя Семен Семенович и Василий Тимофеевич Тростенские. Такая же замена происходит и с дьяком Филиппом Стрешневым, пожалованным за посольство думным дьяком, в походе же фигурирует окольный Михаил Иванович Стрешнев. Разряд похода 1556 г., как и другие фальсифицированные разряды, специально не изучался, поэтому неизвестно, сочинен ли он одновременно с Книгой посольской или уже существовал раньше и был использован автором Книги, вставившим в него имена послов.

Как Книга посольская, так и следующий за ней разряд отличаются целым набором анахронизмов. Прежде всего бросается в глаза, что в 1556 г. не мог состояться поход против Стефана Батория, ставшего польским ко-

¹⁰ О пути послов см.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 30, 33, 71—73, 75, 77, 78, 83; Т. 2. С. 5; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 370. (Статейный список Новосильцева. Комментарии).

ролем только в 1576 г. Это же хронологическое несоответствие касается и ряда упомянутых в Книге посольской городов: Уржум был основан в 1584 г., Ефремов — в конце XVI—начале XVII в., Коротояк — в 1642 г., Усмань — в 1646 г. Крепость Воронеж была построена только в 1586 г. Однако появление в Книге посольской города Воронежа и Воронежского уезда не только анахронизм, но и путаница: название Воронежа как пункта на пути послов встречается в турецких и русских документах конца XV—начала XVI в., но там имеется в виду не город, а река.¹¹

Нарочитым представляется и подбор персонажей Книги посольской. Обращение к подлинным разрядам показывает, что эти лица не только никогда не собирались вместе, но вообще появлялись на историческом поприще в разное время. Так, князь Михаил Васильевич Кислой-Горбатый умер в 1535 г.¹² Последние Горбатые — известный воевода князь Александр Борисович и его сын — были казнены Грозным в 1564 г.¹³ Род князей Тростенских, среди которых в разрядной книге числится несколько Иванов (но не Михайловичей)¹⁴ — отрасль князей Оболенских, — превратился в 1607 г. Окольныйчий Андрей Васильевич Сабуров, государственный деятель конца XV—начала XVI в. («сказан» в бояре в 1532 г.), умер в 1534 г.,¹⁵ но род Сабуровых фигурирует и в XVII, и в XVIII вв. Так, разрядные книги (ЦГАДА, ф. 181, д. 112, конец XVII—начало XVIII в.; ЛОИИ, собр. Воронцова, № 661, вторая половина XVII в.; ГБЛ, М. 3276, конец XVII в.) принадлежали Сабуровым.¹⁶ Иван Михайлович Лихачев в 1579 г. был воеводой в Ракоборе, убит в осаде, но, по-видимому, никогда не участвовал в посольствах.¹⁷ В XVII в. (1635 г.) известен думный дьяк Федор Лихачев.

Наряду с представителями древних аристократических фамилий в Книге посольской фигурируют имена людей, выдвинувшихся во времена Грозного и позже. Таков Малюта Скуратов — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, представитель низшего дворянства, только в 1570 г. получивший чин думного дворянина в опричнине.¹⁸ К этой же группе лиц относятся представители сильной приказной бюрократии середины XVI—XVII в. дьяки Василий Шелкалов, Андрей Клобуков, Иван Филиппович Стрешнев (в Книге посольской — Филипп Стрешнев) — служащие Посольского и Разрядного приказов. Из «новых» людей интересна и фамилия Желябужского: Иван Афанасевич Желябужский, дипломат и государственный служащий, автор Записок за 1682—1709 г.; известен в документах и Михаил Васильевич Желябужский.¹⁹ Желябужские имели и свою разрядную книгу, составленную из разрядных выписок за 1537—1662 гг. (ЦГАДА, ф. 181, д. 125, конец XVII—начало XVIII в.).²⁰ В Книге посольской названы и другие лица, фамилии которых встречаются в разрядах и боярских книгах, но в целом о которых мало что известно: думный дворянин Иван Федорович Сидоров,

¹¹ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. . . Т. 1. С. 73, 78; Т. 2. С. 5; Карпов Г. Ф. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордями и с Турцией. СПб., 1885. Т. 2. С. 90, 94, 424, 680.

¹² См.: Древняя российская виблиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 20. Послужной список старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 (1462 по 1676) год. С. 15, 25, 26.

¹³ См.: Сухонин С. Последние Горбатые-Шуйские // Вестн. всемир. истории. 1900. № 7. С. 180—183.

¹⁴ См.: Альшиц Д. Н. Разрядная книга Московских государей XVI в.: (Официальный текст) // Пробл. источниковедения. М., 1958. № 6. С. 130—131.

¹⁵ См.: Древняя российская виблиофика. С. 25.

¹⁶ Буганов В. И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV—начала XVII в. // Пробл. источниковедения. № 6. С. 175, 197, 214.

¹⁷ См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Казань, 1888. С. 149—151.

¹⁸ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 23.

¹⁹ См.: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 48.

²⁰ Буганов В. И. Обзор. . . С. 177—178.

наместник кадомский (в Уваровском списке — радомский), Иван Васильевич Чернецв, думные дворяне Михаил Михайлович Сухоносос и Василий Александрович Строев, казачий голова Иван Васильевич Толбузин и стрелецкий голова Михаил Иванович Борков.

Без дополнительных разысканий трудно предположить, чем вызван именно такой подбор персонажей в вымышленном посольстве Шарап-Веригина. Можно обратить внимание на то обстоятельство, что значительное место уделено святому Сергию Радонежскому, к которому послы обращаются за помощью в их труде, и Троице-Сергиеву монастырю, куда едет царь в сопровождении 300 000 человек, как рассказывают об этом послы турецкому султану. Возможно, обращение к авторитету Сергия Радонежского и его обители здесь не случайно. Многие из названных в Книге посольской фамилий значатся в списке погребенных в Троице-Сергиевом монастыре: Борис Иванович, Александр Борисович и его сын Горбатые, Никифор Федорович Сабуров (ум. в 1598 г.), Дмитрий Федорович Скуратов (ум. в 1627 г.), Василий Шелкалов и его сын Иван, Андрей Федорович Клобуков (ум. в 1633 г.), но не дьяк Андрей Клобуков, умерший в 1591 г., Федор Григорьевич Желябужский, ездивший в Польшу к пленному Филарету.²¹

Есть в Книге посольской вымышленные или как-то зашифрованные лица. Прежде всего — глава посольства боярин Шарап-Веригин, в имени которого соединились подлинные дворянские фамилии Веригиных (XVI в.) и Шараповых (XVII в.). Напоминает это имя и подлинных дипломатов: Шарапа Лодыгина, посланного в княжение Василия III к Римскому папе,²² и Леонтия Шевригина по прозвищу Истома, посланного Иваном Грозным к императору Рудольфу и папе Григорию XIII в 1580 г. (он же значится в списке служивых людей Опричного двора в 1573 г.).²³ Вообще некалендарное имя Шарап стоит в Дворовой тетради на седьмом месте.²⁴ Не встречается в разрядах XVI и XVII вв. и Рюмин-Березников, хотя есть Рюмин-Звенигородский и просто Березников.

Книга посольская — произведение XVII в. Несомненно, она написана после Повести о двух посольствах (конец XVI—начало XVII в.). В самой Книге посольской датирующим может быть упоминание городов, основанных в 40-х гг. XVII в. Оба доступных списка Книги тяготеют к последней четверти XVII в. В рукописи ГПБ, Q.XVII.20 перед Книгой посольской в той же тетради и тем же почерком написана «История о царях и великих князьях земли Русской» Федора Грибоедова. Этот вид «Истории» — родословия рода Романовых, — состоящей из 34-х глав, датируется 1669 г. Здесь упоминаются как живые жена царя Алексея Мария Ильинична и сын Симеон, умершие в 1669 г. Возможно, что «История» Грибоедова и Книга посольская соединились в протографе списка Q.XVII.20, что позволило бы предположить возникновение Книги посольской не позже начала 70-х гг. XVII в. Своей генеалогией «История» Грибоедова тематически связана с Книгой посольской: в ней упоминается родство царя Михаила с Анастасией Романовой и уделяется внимание его жене Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Появление рядом с Книгой посольской сочинения Федора Грибоедова, разрядного дьяка и активного участника деловой, военной и посольской жизни Московского государства, не случайно; оба произведения возникли в одной общественной среде.²⁵

²¹ См.: Список погребенных в Троицкой Сергиевской лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880.

²² ПСРЛ. Т. 8. С. 272.

²³ См.: Лихачев Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин // Вестн. всемир. истории. 1900. № 2. С. 1—20.

²⁴ См.: Рюбин В. Б. Генеалогия и антропонимика: (По русским материалам XV—XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977. С. 87.

²⁵ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. (По списку СПб. ДА, № 306) / Сообщения С. Ф. Платонова (предисл.) и В. В. Майкова (изд. текста). СПб., 1896. (ПДП; № 124).

Книга посольская написана в деловых кругах скорее всего Посольского приказа как произведение публицистическое. Ее главная тема — внешняя политика Московского государства. Автор маскирует свою позицию внешнеполитическими проблемами 80-х гг. XVI в. Можно предполагать, что он был знаком с посланиями Ивана Грозного, в которых была высказана политическая доктрина единения польско-турецкого фронта против христианских государств, а Стефан Баторий, ставленник турецкого султана на польском престоле, объявлен защитником интересов Оттоманской Порты в Европе. Это обвинение содержится в дипломатических грамотах Ивана IV, посланных с гонцом Истомой Шевригиным императору Рудольфу и папе Григорию XIII в 1580 г.; в посланиях самому Стефану Баторию в 1581 г. русский царь писал, что польский король передает христиан басурманам, стремится, обессилив войной Русскую и Литовскую земли, отдать их туркам.²⁶ По-видимому, имя Стефана Батория в вымышленном разряде, помещенном после Книги посольской, появляется не случайно, как и соединение турецкой и польской темы в сборнике последней четверти XVII в.

Длительная война России с Польшей за Украину и Белоруссию, закончившаяся в 1667 г. Андрусовским перемирием, не разрешила русско-польских противоречий. Последующее наступление турок на Украину и Польшу вынудило Россию направить в 1672 г. войска на Дон. Россия была втянута в войну против Турции. Политические отношения с Польшей были осложнены враждебным отношением ее правительства к России. В начале 1676 г. русский посол Василий Тяпкин сообщил о тайных переговорах польского короля Яна Собеского с турками. По мирному договору 1676 г., который Польша, потерпев поражение в войне с Турцией, подписала в Журавне, польское правительство обязывалось помогать туркам в войне против России.²⁷ Таким образом, ситуация Книги посольской и разряда вполне соответствовала политической обстановке 70-х гг. XVII в. с ее неразрешимым узлом русско-польско-турецких военных и дипломатических противоречий.

Таким же актуальным для международной жизни оставался и основной вопрос посольства Шарап-Веригина — жалоба на военные действия крымского хана против Украины и Дона. Во всех многочисленных посольствах второй половины XVII в. в Турцию (например, Афанасия Нестерова в 1666—1669 гг., Василия Даудова в 1668—1669 гг., Афанасия Парасукова в 1669 г., Василия Даудова в 1672 г., его же и Федора Старкова в 1678 г., гонца Никиты Кудрявцева, посла Ивана Сухотина и дьяка Василия Михайловича в 1679 г.) этот пункт переговоров оставался традиционно неизменным.²⁸ Книга посольская — произведение антитурецкое. В переговорах с султаном русские послы прибегают к брани: «Царю, ты како страж гроба господня и обладатель надо всеми нами? Ты страж и гранитель и наследник адские пропасти, бе же тмы тмами ваши неверные, и вместо радости в будущем веце примут мучение вечное за свое некрещение». Автору не было надобности сочинять этот пассаж специально для Книги посольской, он мог почерпнуть эти выражения из распространенной во второй половине XVII в. в Посольском приказе переводной публицистики антитурецкого толка и, несколько изменив их, приспособить к своему тексту.²⁹

²⁶ См.: Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 513—514.

²⁷ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. . . Т. 2. С. 126—127, 133—134; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 520—521.

²⁸ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция. Т. 2. С. 114.

²⁹ См.: Каган М. Д. 1) Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 309—315; 2) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 226—240, 246—

Другой аспект Книги посольской можно определить как генеалогическую легенду. Если соединение разных персонажей в посольстве Шарап-Веригина представляется несколько загадочным, то относительно четырех фамилий можно сделать четкое заключение: Сабуров, Горбатый, Скуратов и Стрешнев имеют отношение к царствующему дому — разные их представители в разное время были царскими родственниками по женской линии. Соломония, дочь Юрия Константиновича Сабурова, — первая жена Василия III. Свадьба их, состоявшаяся в 1506 г., подробно описана в официальной разрядной книге. Фамилия Горбатовых связана с Шуйскими и, что для нас, по-видимому, важнее, — с Романовыми. Дочь самого знаменитого из них — Александра Борисовича — Евдокия была замужем за Романом Юрьевичем Захарьиним, дедом царя Михаила. Дочь Малюты Скуратова Мария была женой Бориса Годунова. В 1626 г. на дочери Лукьяна Степановича Стрешнева Евдокии вторым браком женился царь Михаил, после чего захудалый род Стрешневых поднялся по служебной лестнице. Евдокия Лукьяновна получила в 1636 г. свой штат стольников, где пятеро из десяти были Стрешневы. В 1640 г. ее отец был записан в Боярскую книгу.³⁰ Но особенно возвысился род Стрешневых в царствование Алексея Михайловича.

Таким образом, в Книге посольской сведены царские родичи как из особо знатных родов — Сабуровы, Горбатые, так и из мелких дворянских фамилий — Скуратовы, Стрешневы. В действительности цари не назначали своих наименитых родственников в такие службы, где бы они столкнулись в местничестве со знатными людьми, ибо, занимая важные государственные посты, Стрешневы, например, по разрядам стояли ниже многих.³¹ Возможно, создавая в Книге посольской своеобразную иерархическую лестницу, на нижнюю ступень которой был помещен дьяк Стрешнев, не имеющий даже отчества, автор хотел подчеркнуть, как низко стояли в прошлом теперешние сильные персоны, и тем самым выразить свое отрицательное отношение к окружению царя Алексея. Пренебрежительное отношение определенных кругов к Стрешневу отразилось и в Повести о Савве Грудцыне: Семен Лукьянович Стрешнев приглашает Савву к себе на службу, но бес, опекун и советчик Саввы, «с яростию» отвергает это предложение: «Почто убо хочещи презрети царскую милость и служить хологу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен. . .».³²

Вымышленные разряды, к которым в своей генеалогической части относится Книга посольская, не исследованы, поэтому неизвестно, для чего они создавались. Вопрос этот не был решен в свое время и Н. П. Лихачевым. Отмечая, что разряды этого типа никак не могли сойти за подлинные, он не находил в них никакой публицистики, никакой «литературщины». Дальнейшее изучение разрядов показало, что генеалогические легенды с целью возвеличивания своего рода проникали уже в подлинные разрядные книги, включались в них и вымышленные местнические дела. Особенно много фальшивых родословий и разрядов, а также поддельных грамот было изготовлено в 80-х гг. XVII в., когда встал вопрос о составлении новых родословных книг в связи с уничтожением местничества 12 января 1682 г.³³ Однако весьма вероятно, что такая обработка родословных

249; Waugh D. C. The great Turkes defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Ohio, 1978. P. 139—198, 211—214.

³⁰ См.: Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича // Учен. зап. II отделения АН. 1858. Кн. 4. С. 5.

³¹ См.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII веках. Одесса, 1888. С. 186—187, 541.

³² Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне: (Тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 248—249.

³³ См.: Зимин А. А. Генеалогические подделки конца XVII в.: К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI—XVII вв. // Вопр. источниковедения ист. СССР. М., 1963. С. 404—405. (Тр. Моск. ист.-арх. ин-та. Т. 17).

и разрядных книг происходила и раньше. Так, еще в XVI в. дьяки А. Шелкалов и И. Стрешнев вносили по своей воле изменения в разрядные записи и давали местнические грамоты угодным им лицам. А. Шелкалов внес подлог в свою пользу в разряд свадьбы герцога Магнуса.³⁴ Так создавалась почва для возникновения разрядов переходного типа — от достоверных к фальсифицированным, а затем и для появления разрядов целиком вымышленных.³⁵

С другой стороны, как отметил В. И. Буганов, в рукописных сборниках разрядные книги часто соседствуют с публицистическими и литературными произведениями, которые затем попадают в текст разрядов, становясь усложняющими их литературными вставками.³⁶ Отсюда стирание грани между документом подлинным и подложным, между деловой письменностью и литературным произведением. Форма разряда соприкасается с беллетристикой, форма делового документа заимствуется вымышленным литературно-документальным произведением, в котором исторические лица соседствуют с вымышленными литературными героями.³⁷ Именно таким является боярин Михаил Павлович Шарап-Веригин, герой смелого посольства, главное действующее лицо Книги посольской. Этот персонаж становится литературным стереотипом, а его смелое посольство — «бродячим сюжетом», заимствованным из Повести о двух посольствах и кочующим во второй половине XVII в. из произведения в произведение.

Несмотря на то, что посольство Шарап-Веригина известно всего в трех списках и, казалось бы, не было широко распространено в рукописях, оно оказало влияние на возникновение подобных же династических сочинений. Известны два текста в сущности этого же посольства, в которых почти все фамилии заменены. В Псковском древлехранилище, в списке второй половины XVII в. из собрания Н. П. Яхонтова (№ 272/49), имеется аналогичная Книга посольства князя Никиты Васильевича Кипрского, где одним из участников посольства является Иван Игнатьевич Яхонтов.³⁸ В ГПБ, в сборнике XVIII в. (F.IV.346), во главе такого же посольства стоит князь Курпский (Курбский?), так что, возможно, Кипрский произошел от Курпского (Курбского). Список посольства Кипрского XIX в. из бумаг Малиновского (№ III—№ 39) упоминается в записках Н. П. Лихачева. В списке ГПБ один из участников посольства — боярин, наместник пошехонский Иван Михайлович Вырубов; сразу же после Книги посольской помещена «копия» с грамоты царя Ивана Васильевича боярину и наместнику пошехонскому Ивану Михайловичу Вырубову: за его военную службу — походы против крымского царя и против Литвы — он пожалован поместьями и вотчинами в Переяславском уезде. Ясно, что псковский список составлен для Яхонтовых, а ленинградский — для Вырубовых.³⁹

Таким образом, к беллетризованному в XVI, а особенно в XVII в. жанрам деловой письменности — челобитным, статейным спискам, посольским грамотам, судебным делам, дорожникам, лечебникам, бытовым

³⁴ См.: Маркевич А. И. История местничества. . . С. 292—293.

³⁵ См.: Буганов В. И. Обзор. . . С. 158.

³⁶ См.: Буганов В. И. Разрядные книги как памятник русской культуры // Вестн. истории мировой культуры. 1959. № 6. С. 105—107; Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII в. М., 1961. С. 30.

³⁷ См.: Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1956. Т. 15, вып. 3. С. 201—214.

³⁸ Благодарю Д. О. Цыпкина за датировку и уточнение текста псковского списка.

³⁹ По сведениям В. В. Руммеля, Иван Михайлович Вырубов — боярин при Грозном, если, конечно, известие о нем не почерпнуто из такого рода разрядов. См.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Эфрон. Спб., 1892. Т. 7. С. 546. В разрядах под 1535—1537 гг. значатся подьячие Иван и Леонтий Вырубовы; правда, по определению В. И. Буганова, это место является вставкой в официальный текст. См.: Буганов В. И. Разрядные книги. . . С. 110.

документам ⁴⁰ — можно добавить и разрядные книги: вымышленные разряды с легендарной вставкой, представляющие собой окончательный этап беллетризации этой формы документа.

Текст Книги посольской издается по списку ГПБ, Q. XVII.20. Исправления сделаны по списку ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 137/1879. Тексты обоих списков отличаются незначительными разночтениями.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

**Книга посольская, писаны походы на службу послов
в Царьгород ко царю Магмет Солтану, лета 7062-м году**

л. 214

Указал великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец, велел быти на своей, великого государя, службе на посольстве в Царьград ко царю Магмет Солтану и бояром, и околичим, и думным дворяном, и дьяком: боярину Михаилу Павловичю Шарап-Веригину, да боярину князь Михаилу Васильевичю Горбатову, да боярину князь Ивану Михайловичю Тростенскому, да околичим: Андрею Васильевичю Саборову, да Ивану Михайловичю Лихачеву, да думным дворяном: Ивану Михайловичю Скуратову, да Ивану Федоровичю Сидорову, да Ивану Васильевичю Рюмину-Березникову, да намеснику кадомскому Ивану Васильевичю Чернцеву, да Михаилу Михайловичю Суханосову, да Василью Александровичю Строеву, да дьяком: Василью Щелкалову, да Филипу Стрешневу.

А наперед тех своих великих и полномочных || послов указал великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец, велел послать на Воронеж свою, великого государя, грамоту. А грамота писана такова: От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца на Воронеж воеводе Михаилу Васильевичю Желябужскому. В нынешнем 62-м году указали мы, великий государь, велели быти на своей службе, на посольстве, великим своим и полномочным послом в Царьград ко царю Магмет Солтану боярину Михаилу Павловичю Шарап-Веригину, да боярину князь Михаилу Васильевичю Горбатову, да боярину князь Ивану Михайловичю Тростенскому, да околичим Андрею Васильевичю Саборову, да Ивану Михайловичю Лихачеву, да думным дворяном Ивану Михайловичю Скуратову, да Ивану Федоровичю Сидорову, да Ивану Васильевичю Рюмину-Березникову, да намеснику кадомскому Ивану Васильевичю Чернцеву, да Михаилу Михайловичю Суханосову, да Василью Александровичю Строеву, да дьяком Василью Щелкалову да Филипу Стрешневу.

л. 244 об.

А поход им, послом нашим, с Москвы будет к вам на Воронеж в великий пост марта в последних || числах. И как к тебе наша грамота придет, и ты выбрал к нашему государеву струговому делу городовые службы добраго дворянина и велел зделать про послов наших сорок сем стругов и пустить на воду со всеми струговыми припасы. Да с ними же, послами своими, указали есмя, велели быти с Воронежа головам и с полковыми козаками и стрелцами казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину с приказом, да стрелецкому голове Михаилу Иванову сыну Боркову с приказом. А струги им велели делать себе особья своими людьми с казаками и стрелцами сметясь с полковыми своими людьми с казаки и стрелцы, сколко им стругов надобно будет. А что про послов наших указали мы

л. 215

⁴⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 162—163.

еся струги делать приписными городами работными людьми и Воронежским уездом, а иным работным людям велено быть в провожатых на стругах в гребцах. А ис которых городов велено иметь к тому нашему струговому делу работных людей и на сътруги в гребцы, и тому под сею нашу грамотою написана роспись. А как струги все зделаете к донскому отпуску со всеми || струговыми припасы, и ты б о том к нам, к Москве писал в розряд тотчас. Писана на Москве лета 7062-м году декабря в 27 день.

Р о с п и с ь г о р о д о м :

С Воронежа 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Елца 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Лебедяни 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Ефремова 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Ряска 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Рыбново 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Коротояку 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Донкова 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Усмани 20 человек, да гребцы 10 человек.

Из Новасили 20 человек, да в гребцы 10 человек.

Из Болховца 20 человек, да в гребцы 10 человек.

С Уржума 20 человек, да в гребцы 10 человек.

И как послы на отпуску похода своего с Москвы и пришли помолитца во святую соборную и опустульскую церковь и приложитца к честным иконам и честным чудотворцевым мощам. И отслушав святые божественныя литургия и молебного пения со слезами и рекли к богу, дабы сподобил нас владыко || и заступлением к богу московских чудотворцев Петра и Алексея, Ионы и молебника нашего и на бранех скорого заступника споборителя на враги Сергия Радонежскаго чудотворца, чтоб будучи на государеве службе на посольстве такое великое государево посолское дело совершилось в радости. И по совершении молебного пения пришли послы к преосвященному Макарию митрополиту принять от него благословение. И преосвященный Макарий митрополит благословил их честным и животворящим крестом и окропя святою водою и рече к ним, послом, преосвященный Макарий митрополит: «Посланы есте на службу, на такое великое государево посолское дело в ьное государство. И вы за дом пресвятые Богородицы и за святые божиа церкви постражите, потом же и за великого государя и за православную веру христианскую стойте. Аще хотя и смерть от нечестиваго царя примете, то вам вьменит господь бог в мучительство и мзду за воздаяние и восприимете от него веньцы небесныя, и в соборной и апостолской церкви || души ваши поминовены будут и сродником вашим по вас будет честь и слава вечная». И дав им благословение и отпусти с миром. Да с ними же благословил от руку своєю отпустил своего болшаго Успенскаго собора протопопа Ивана Михайлова с братьею.

И марта в 1-м числе по указу великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России самодержца послы боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин, да боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, да боярин князь Иван Михайлович Тростенской, да окопничей Андрей Васильевич Сабуров, да окопничей Иван Михайлович Лихачев, да думной дворянин Иван Михайлович Скуратов, да думной дворянин Иван Федорович Сидоров, да думной дворянин Иван Васильевич Рюмин-Березников, да намесник кадомской Иван Васильевич Чернецев, да думной дворянин Михайло Михайлович Суханосой, да думной дворянин Василей Александрович Строев, да дьяки Василей Щелкалов || да Филип Стрешнев пошли с Москвы на Воронеж сухим путем, а с Воронежа указал великий государь, велел быти для тех своих великих мочных послов литить с Воронежа казачье голове Ивану Васильеву сыну Толбузину с казакы да стрелецкому голове Михаилу Иванову сыну Боркову с стрельцы. А шли судами рекою Доном до казачья городка Черкаскаго, а из городка

пошли да Азова, а приняв послов в Азов с великою честью и пошли из Азова морем бусами и караблями до Царяграда.

И пришли послы в Царьград. И царь Магмет Салтан велел против русских послов учинить встречу, а встречали их, послов, гадуки. И как пришли послы ко царю Магмет Салтану в ответную полату и лист от великого государя ему, царю, поднесли, и царь Магмет Салтан повелел тот посольской лист перевесить своим переводчиком и они перевели. И послы боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин царю Магмет || Салтану от великого государя титулу говорил такую: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич Московский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Обдорский, Великопермский, Болгорский, и низовые земли и всех северных стран обладатель и повелитель велел о твоём здоровье спросить, как в своём государстве долгоденствует.

И царь Магмет Салтан велел визирям своим и пошам к послам говорить, как ваш христианской государь живет? И послы речь говорили: Божиею милостию и чудотворцев московских Петра и Алексея, и Ионы, и Сергия Радонежского, и всех святых к богу заступлением государя наш царь и великий князь Иван Васильевич вкупе же с отцем своим и богомолцем с преосвященным Макарием митрополитом и со всем освященным собором по воли ево святотворца своего бога здравствует и долгоденствует. И послы речь || говорили: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич велел тебе, царю, говорить и жалобу творить на твоего посаженника, на Крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, что они под наши царевы города ходят шишом и розоряют села, и деревни пожигают, и в полон мужеской пол и женской берут, и наругателство им, женскому полу и мужескому чинят, ростлят, а иных запродают в твое царство на каторги и в ыные земли. И ты, царю, вели дати на них оборонь и управу.

И царь Магмет Салтан велел везирям своим и пошам к послом говорить: Для того посаженник мой крымской Мингирей и калга Салтан под ваши города и ходят войною за то, что ваш христианской государь за многие годы выходов и дани ко мне в царство не присылает.

И послы речь говорили: Царю, мы того не ведаем, про какие ты выходы и дани велиши везирям своим и пошам к нам говорить! А государь наш царь и великий князь Иван Васильевич || живет в своём государстве и своєю областию; никою не боится и никому выходов и дани не дает. Толко мы, царю, присланы к тебе о том, вели дати оборонь на посаженника своего на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, чтоб они под наши государевы города шишом не ходили и нашу землю не разоряли, и в полон мужеской пол и женской не брали. А буде ты, царю, управы на них и оборони на посаженника своего, на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана дати не велишь, и государь наш царь и великий князь Иван Васильевич управитца с твоим посаженником, с крымским царем Мингиреем и с калгою Салтаном и собою.

И царь Магмет Салтан велел везирям своим и пошам к послам говорить: И впредь велю посаженнику своему крымскому Мингирею и калге Салтану ходить и ваше царство разорять, и самого велю привести, и женской пол и мужеской менить и к себе присылать в работу за многие выходы-дани свои.

И посол || боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин дерзнул ко царю с ножом. И речь посол говорил: Ты, царю, хош государя нашего восточного царя к себе неволею привести и царство наше разорить, и грады наши засесть, и женской пол и мужеской пленить. А государь наш и великий князь Иван Васильевич царь благоверный и царь христиански бога имеет и бога почитает и многия царства к нему,

государю нашему, приклонились, и многих орд царевичи у него, государя нашего, живут и служат вместо холопа.

И царь Магмет Салтан велел везирям своим и пошам к послам говорить: Царь наш Магмет Салтан турецкой имеет под собою державу и многия государства владеньем, и страж гроба господня, и несть иного такового славнаго на земли и обладателя надо всеми.

И послы речь говорили: Царю, ты како страж гроба господня и обладатель надо всеми нами? Ты страж и гранитель и наследник адцкие пропасти, бе же тмы тмами ваши неверные, и вместо радости // а. 249 об. в будущем веце примут мучение вечное за свое некрещение. Хошь ли, царю, то ведать, что государь наш царь и великий князь Иван Васильевич велит послать на твою убогую державу, на Крымскую землю и на Воложскую, и на Мытьянскую, и по степи азовской, на улусы нагайские подданных своих белгородцких черкас, и черкас запороских, и черкас заднепровских, и волных своих людей с Хвалынского моря, кулавинских казаков, и казаков терских, и казаков уфинских, и казаков еицких, и казаков донских многия тысячи, и велит крымскую твою землю, и воложскую, и мытьянскую, и по степи азовской улусы нагайские все разорить. И град твой лутчей, пристань корабленую Азов, велит выезжим своим подданным царевичем засести, и по морю Хвалынскому бусам твоим и катаргам, и караблям, и венгарям твоей земли не велит дать проходу ни в которые государства. А посаженника твоего, царя Мингирея и калгу Салтана, // а. 250 велит перед себя привести и казнить смертию, не описываясь к тебе, царю, на такова шиша, посаженника твоего крымского царя Мингирея и на калгу Салтана.

И царь Магмет Салтан рек к своим: Видете ли вы, ближнии мои люди визири и паши, сих послов, како смеют в моей полате дерзнуть ко мне с ножом и что им. послам, за то учинить и какое наказание? И везири и паши и всею ево царскою полатою приговорили русских послов казнить смертию за то, что они дерзнули в полате ко царю с ножом. И царь Магмет Салтан рек к своим к везирям и к пашам: Видите ли вы сих послов, что говорят и в неволе, да за государя своего стоят и умирают? Тако и вы, ближнии мои люди везири и паши, когда от меня куды посланы будите послами в ыные государства, или в их царство, и вы за меня тако же стойте и умирайте. А они люди невольныя, что велят, то и творят. И царь Магмет Салтан послов казнить не велел. //

И потом царь Магмет Салтан стал послов спрашивать. Скажите мне вы, послы, верные люди государя своего, сколько земля ваша Руская велика и что в ней святых мощей почивают, и какие от них к вам чудеса, и сколько государь ваш многолюден, и на которые земли войною ходит, и сколько войска с ним тысяч будет или куды пойдет молитца или тешитца, и в то время сколько с ним охотников конных и пеших лехких людей числом будет? И послы речь говорили: Царю, земля наша руская велика, болши иных всех государств, и в нашем государстве святых мощей много почивают, и чудеса от них к нам великия, и милость неизреченная. А как государь царь наш и великий князь Иван Васильевич по своему обещанию пойдет молитца из своего государства верст за пездесят в дом пресвятыя живоначалной Троице отцу и чудотворцу скорому нашему помошнику на бранех и кормителю всех царей росиских и держащему царю и нашему росискому царствию // а. 251 // свободителю преподобному же и предивному в чудесех Сергию споборителю на враги, и в то время пойдет з государем нашим людей за 300 000 и болши. А как изволит великий государь царь и великий князь Иван Васильевич иттигь на которую землю войною, или на королей, и он описываетца в ыные земли и во окресные государства и объявляет поход свой, что идет за их неисправление. А с ним, з государем нашим царем и великим князем Иваном Васильевичем, поидут царства и силы: царство Московское, царство Новгородское, царство Казанское, царство Астраханское, oprичь иных царств.

царства Сибирского, и царства Болгарскаго, и земли двинския, и страны заонежские, да с ним же, з государем нашим, пойдут уделные ево князи семдесят два, да у всякого князя своего войска по сту тысячь. И царь рек к своим везирым и пошам: немалое число.

И царь Магмет Салтан рек к послам: Скажите мне вы, послы, сколько у государя вашего всего войска тысячь и с царствами будет? || И послы речь говорили: Царю, неисповедимо и невозможно никому смелить, сколько нашего царства Росиского з государем нашим пойдут силы от восточныя наше страны по всем дорогам.

И царь Магмет Салтан повелел от себя написать лист под смертною казнию и послать в Крым к посаженнику своему, к паше Мингирею к нарядыне и к калге Салтану, чтоб они, крымской мой посаженник паша Мингирей и нарядыне и калга Салтан, на руские города белого царя войною не ходили. И царь Магмет Салтан повелел послов от себя отпустить с великою честью.

А из Царяграда шли послы на караблях морем до Озова, а из Азова провожали на судах до городка Черкасского со всеми людьми. А из Черкасского донской атаман Михайло Панов послал с ними, послами, своего атамана Ивана Климшина с товарищы в провожатых до Москвы. А шли сухим путем степью на Волуйки.

И как послы с посолства к Москве || пришли, боярин Михайло Павлович Шарап-Веригин, да боярин князь Михайло Васильевич Горбатой, да боярин князь Иван Михайлович Тростенской, да околничей Андрей Васильевич Сабуров, да околничей Иван Михайлович Лихачев, да думной дворянин Иван Михайлович Скуратов, да думной дворянин Иван Федорович Сидоров, да думной дворянин Иван Васильевич Рюмин-Березников, да намесник кадомский Иван Васильевич Чернецв, да думной дворянин Михайло Михайлович Суханосой, да думной дворянин Василей Александрович Строев, да дьяки Василей Шелкалов да Филип Стрешнев и великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии самодержцу посолства своего, как турецкому царю Магмет Салтану говорили и жалобу на посаженника ево на крымского царя Мингирея и на калгу Салтана, правительный лист подали.

И великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец || пожаловал послов своих боярина Михайла Павловича Шарап-Веригина, да боярина князь Михайла Васильевича Горьбатого, да боярина князь Ивана Михайловича Тростенского, да околничего Андрея Васильевича Сабурова, да околничего Ивана Михайловича Лихачева, да думного дворянина Ивана Михайловича Скуратова, да думного дворянина Ивана Федоровича Сидорова, да думного дворянина Ивана Васильевича Рюмина-Березникова, да думного дворянина намесника кадомского Ивана Васильевича Чернцева, да думного дворянина Михайла Михайловича Суханосова, да думного дворянина Василья Александровича Строева, да дьяков Василья Шелкалова да Филипа Стрешнева, велел их о здоровье спросить и у руки служб их милостиво похвалял, что они посольское наше государево дело исправили и не боясь смерти турецкого царя говорили по нашему приказу смело.

И за ту их посольскую службу великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец пожаловал их, || послов своих, велел им сказать честь и жалованье. А сказывал розрядной дьяк Андрей Клобуков им, послам, в Золотой полате: Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии самодержец пожаловал тебя, боярина Михайла Павловича Шарап-Веригина, велел тебе сказать дворечество и канюшей и комнатной боярин, да тебя же великий государь пожаловал за твою посольскую службу, указал тебе дать город Боровск в удел. А боярина князь Михайла Васильевича Горбатого пожаловал великий государь за посольскую службу, велел дати своего государева жалованья в Ярославском уезде в Черемиском стану дворцовое село Покровское з деревнями.

А боярина князь Ивана Михайловича Тростенского пожаловал великий государь за посолскую службу, велел тебе дати своего государева жалованья в Нижегородском уезде в околородном стану дворцовое село Екатеринино з деревнями. А околничего Андрея Васильевича Сабурова пожаловал великий государь, велел сказать боярство, да тебя же пожаловал за посолскую || службу, велел тебе дати своего государева жалованья в Серпуховском уезде в околородном стану дворцовое село Угру з деревнями. А околничего Ивана Михайловича Лихачева пожаловал великий государь, велел сказать боярство, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Вологодском уезде в околородном стану дворцовое село Фрязино з деревнями. А думного дворянина Ивана Михайловича Скуратова пожаловал великий государь в околничии, да его ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Ростовском уезде в околородном стану дворцовое село Великое з деревнями. А думного дворянина Ивана Федоровича Сидорова пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Коширьском уезде в Шатилловском стану дворцовое село Лишицы з деревнями. А думного дворянина Ивана Васильевича || Рюмина-Березникова пожаловал великий государь в околничие, да ево же пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Суздальском уезде в Посниковом стану дворцовое село Ерополчское з деревнями. А думного дворянина и намесника кадомского Ивана Васильевича Чернцева пожаловал великий государь в околничие, да ево же пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Костромском уезде в нагорской половине дворцовое село Сидоровское з деревнями. А думного дворянина Михаила Михайловича Суханосова пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Нижегородском уезде в Пониском стану дворцовое село Княинино з деревнями. А думного дворянина Василья Александровича Строева пожаловал великий государь в околничие, да ево ж пожаловал за посолскую службу, велел ему дати своего государева жалованья в Козелском уезде в околородном стану дворцовое село з деревнями. || А дьяков Василья Щелкалова да Филипа Стрешнева пожаловал великий государь в думныя дьяки, да их же пожаловал за посолскую службу, велел им дати своего государева жалованья в Суздальском уезде в околородном стану дворцовое село Лопатницы з деревнями.

л. 254 об.

Да их же, послов, великий государь жаловал *столами* и ковшами, и кубками золотыми, и шубами за ту их далнюю службу и за послование всемирное.

С. И. НИКОЛАЕВ

Поэзия и дипломатия

(Из литературной деятельности
Посольского приказа в 1670-х гг.)

На заре XVII в., в 1600 г., в Москву прибыл польский посол, канцлер Лев Сапега. На аудиенции у царя Бориса Годунова он от имени всего польского народа выразил желание жить с русскими в «согласии и вечной и нераздельной любви, как люди одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского».¹ Мысль «о вечном согласии», собственно, и варьировалась в 24-х статьях заключенного тогда договора. Однако уже события Смутного времени показали, что это утопия. Многолетние войны, украинский вопрос, пограничные конфликты — все это сделало польско-русские отношения основной проблемой внешней политики России на протяжении всего XVII в., оттеснив на задний план даже турецкие и шведские дела. Начиная с середины XVII в. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры, почти ежегодно страны обмениваются посольствами. Россия со второй половины 60-х гг., после Андрусовского перемирия (1667), стремилась учредить постоянную миссию в Польше — и наконец добилась этого в 1673 г. (Хотя впервые в качестве русского резидента В. Тяпкин был отправлен в Варшаву в 1668 г., он не был принят по случаю межкоролевья и возвратился в Москву). В 1673 г. в Москву прибыл польский резидент П. Свицерский, а в декабре того же года в Варшаву снова отправлен В. Тяпкин, который пробыл там до 1677 г. После его отъезда и до 1688 г. Россия не имела в Польше своего представительства, но потом оно существовало уже постоянно.² От войн и конфронтаций Россия шла к миру и союзу с Польшей.

Русские дипломаты внимательно следили за внешне- и внутривнутриполитическим положением Речи Посполитой. В Посольском приказе переводились сеймовые конституции, привилегии, королевская переписка, манифесты и т. д. Однако кроме официальных документов русских дипломатов живо интересовала и польская публицистика, а также окказиональная политическая поэзия, прямо не касавшаяся русских дел. Для изучения общественного мнения в Польше именно эта поэзия давала самый благодарный материал. Брошюры и летучие листы откликались на самые различные политические события: «элекции», коронации, браки высокопоставленных особ, «виктории» и т. д. Окказиональные политические стихотворения писали не только ремесленники. В этом жанре подвизались практически все крупные поэты польского барокко: «сарматский Вергилий» Самуэль Твардовский, государственный деятель и заговорщик Ян Анджей Морштын, арианин Збигнев Морштын, Вацлав Потоцкий, великий корон-

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 360—363.

² См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

ный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский и многие другие. Трудно сказать — интересовала ли русских дипломатов при чтении проблема художественного качества, но именно всеядность переводчиков приводила к тому, что наряду со слабыми сочинениями в их кругозор попадали и произведения высокого уровня. При обнаружении же произведений, заключающих в себе «бесчестье государства московского», русские посланники требовали для авторов наказания — вплоть до смертной казни. Вот характерный пример.

Посольство 1650 г. в Варшаву имело две основные цели: поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул великого русского государя. Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, избраженного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестьями» смертной казни, а кроме того — несколько городов и 500 000 золотых червонных.³

Какова же судьба книг? Г. Г. Пушкин писал царю, что договорились «те книги, которые есть в Варшаве, собрать, а собрав из книг . . . листы, на которых печатано с бесчестьем предкам великим государем царем российским . . . и всему Московскому государству, выдрав, все пожечь . . . И те листы . . . на рынку (т. е. на главной площади Варшавы. — С. Н.) пожжены, а иные и все книги . . . А посылали мы тех книг жечь из ответные полаты дворянина И. Т. Фустова, подъячего В. Михайлова и переводчика И. Максимова. А паны рада посылали судей И. Залеского с товарищи. А жег те книги на рынку кат, . . . в то время многие были польские и литовские люди»,⁴ которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!»⁵

Во всей этой истории примечательно то, что одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего польского поэта XVII в., создателя национальной эпопеи.⁶ Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.⁷ Например: «Двулетним стояньем Смоленск взят и воевода Михайло Шейн меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шейна с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Поточный остался в Смоленску воеводу, и многие неизчетные бесчестные укоризны писаны Московского государству людем, чего и писать стыдно».⁸ Хотя листы и были сожжены (в цитированной выписке указаны листы 6, 7, 9, 18, 20—22, 24—26), читалась, несомненно, вся поэма целиком. Из заглавия — «Владислав IV, король польский и шведский» — не видно что рчь в поэме идет и о России: следовательно, либо наши дипломаты имели хорошую информацию о литературной жизни (т. е. знали, где и что искать), либо читалась подряд вся печатная продукция. Так, очевидно, и получилось с поэмой С. Твардовского, которая послужила русским дипломатам лишь для скудных выписок. Как и следовало ожидать, после сожжения весь

³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 560.

⁴ Цит. по: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 32—33, примеч. 2.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 564.

⁶ См.: Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650 // Kubala L. Szkice historyczne. Warszawa, 1923. Ser. 1—2. S. 123—152.

⁷ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1861. Т. 3: 1638—1657. С. 443—444. — Г. Г. Пушкин действовал здесь самостоятельно, так как книга вышла всего за две недели до прибытия посольства в Варшаву и еще не могла быть известна в Москве.

⁸ Там же. С. 444.

тираж поэмы был моментально раскуплен поляками.⁸ Все хотели знать: что так оскорбило русских? В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», В. Потоцкий в поэме «Хотинская война» и В. Коховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя, проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не стореда, напротив, засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся (еще до отправления посольства Пушкина) царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «освидетельствованы» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтические книжки: «Wurgawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетради напечатано: „Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Вновь напечатана лета господня 1649-го“. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: „Как Албертус с войны пошел назад. Вновь напечатана в Кракове лета господня 1649-го“. А про Московское государство в той тетради ничего не написано».¹² Таким образом, уже в 1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совиэжальной литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что поэма «Владислав IV» хранилась долго (она значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел¹³), в то время как о книжках о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях этой библиотеки в XVII—XVIII вв. нет: очевидно, по той причине, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более представительной. Можно предполагать, что связано это с учреждением в 1673 г. постоянной миссии в Варшаве при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине. К этому времени в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг.

«Око всей России» — Посольский приказ — придиричиво смотрит за всем. Например, в том же 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной

⁸ Н. М. Рец. на кн.: C z e c h o w s k i H. Samuel's von Skrzyzna Twardowski «Wojna domowa»: Doktordissertation. Posen, 1894 // Киевская старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.

¹⁰ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3, отд. 4. С. 6.

¹¹ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416—417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wurgawa plebańska»: «Wywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. по 1-му изд. (1590 г.), перепечатанному в кн.: Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w. // Опр. К. Budzyk, Н. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954. Т. 2. S. 160).

¹³ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Приложения. С. СССXVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: D a r o w s k i A. Szkice historyczne. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; А д а р ю к о в В. Я. Добавления и исправления к подробному словарю

поэзии, то отметим следующее. В ней привлекают внимание не только панегирические стихотворения с такими упоминаниями о русском государстве, которые можно было использовать в дипломатической практике, но и стихотворения, отражающие либо борьбу группировок в Польше, либо критикующие ее современное состояние, политику магнатов (последняя имела целью создание магнатской республики, не зависимой ни от короля, ни от шляхты, а в конечном счете в XVIII в. привела страну к национальной катастрофе). Собирать подобные сведения также вменялось в обязанность русским дипломатам. Еще в 1649 г. в инструкции Г. Кунакову говорилось: «А едучи ему дорогою и будучи в Польше и в Литве, проведати, а о чем проведати, и о том ему дано писмо по статьям: 1. Польского Яна Казимера короля паны рада польские и литовские любят ли, и нет ли на короля от них, или от иных кого, рокошу? . . . 7. Паны рада польские и литовские в совете ли, и нет ли меж ими какие розни?»¹⁵

Среди печатной продукции, поступавшей из Польши до середины 1670-х гг., поэзия занимает довольно скромное место. Например, в 1670 г. в Посольский приказ поступили «Стихи, сочиненные на бракосочетание полскаго короля Михаила Коррибута с Елеонорою Мариєю Иозефою, княжною венгерскою, ерцгерцогинею австрийскою» (Temberski S. Serenitas Claramontana. Kraków, 1669), тогда же переведенные с латыни прозой на русский язык.¹⁶ Но более всего их поступило при Тяпкине, который долго жил в Польше, завел широкие знакомства и сам внимательно следил за литературными новинками. Так, уже через несколько дней после приезда в Варшаву ему принесли сочинение на польском языке, в котором речь шла о возможном избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол. (Тяпкин приехал в Варшаву в январе 1674 г., после смерти короля Михаила Вишневецкого.)¹⁷

Русский резидент следил и за поэзией, различными путями приобретал интересующие его произведения и отсылал их в Посольский приказ. Известно, что 18 августа 1676 г. он отправил в Москву «Вирши на королевское величество»,¹⁸ а 15 сентября того же года — «Писмо виршевное уставом полским».¹⁹ Названных текстов в архиве Посольского приказа найти не удалось, а по этим упоминаниям трудно установить, о каких именно «виршах» идет речь. Все же у нас имеются материалы, позволяющие восстановить весь процесс работы Тяпкина и русских переводчиков с польским поэтическим текстом, а затем и с использованием его результатов в русско-польских переговорах.

В январе 1676 г. вышла из печати «Польская муза на въезд Яна III в Краков» — анонимный панегирик, посвященный коронации Яна III Собеского,²⁰ которая состоялась 2 февраля того же года. Автором «Музы» был великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский — видный государственный деятель и не менее крупный поэт второй половины XVII в. Под одной обложкой с «Музой» также анонимно был на-

русских гравированных портретов Д. А. Ровинского (СПб., 1889) // Старые годы. 1910. № 2. С. 53; Лилейко Е. Варшавский замок. Варшава, 1980. С. 157; ср. с. 162—163. Ср.: Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674—1679. Wrocław, 1976. С. 149.

¹⁵ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 368, 369.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1970, № 6 (л. 1—30 — латинский оригинал, л. 31—36 — русский перевод).

¹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 505.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 417. — Здесь помещена роспись писем с сентября 1676 по ноябрь 1677 г. В самом письме к Л. Иванову, начальнику Посольского приказа, сказано: «Тут же на особном листу похвала поступкам королевского величества от его верных подданных по-полску». (Там же. Л. 307).

¹⁹ Там же. Л. 417.

²⁰ Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa. Kraków, 1676. Об этом издании см.: Pigoński J. Nieznany warjant «Muzy polskiej» S. H. Lubomirskiego // Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej. Kraków, 1964. Т. 16/1. С. 5—12.

печатан и панегирик Собе кому Вацлава Потоцкого.²¹ Тяпкин прочел эту книгу и, видимо, остался ею недоволен, так как вскоре на просьбу великого литовского гетмана Михаила Паца прислать войска для помощи Польше ответил: «Не погневайся на меня, гетман, если скажу, что не стоите вы доброго слова царского, не только военной помощи, когда позволяете печатать такие злокозненные и укоризненные сочинения, как книга, изданна здесь в Кракове после уже коронации в типографии Петраковича».²² Пац «просил с великим прошением», чтобы резидент не посылал в Москву этой книги и вообще о ней не сообщал. Тяпкин, однако, отправил ее, но в дороге книга и сопроводительное письмо были перехвачены. У дома, где разместились русские дипломаты, был поставлен караул, Тяпкину запрещено было выходить на улицу, о чем он жаловался в письме А. С. Матвееву: «От меня zelo скрываются и под смертию заказывают, чтоб со мною никто не виждля».²³

И все же «Муза» попала в Москву! Дело в том, что Тяпкин купил два экземпляра книги²⁴ и второй послал не сразу, а некоторое время спустя, через В. Тимофеева, что видно из записи на сохранившемся экземпляре: «Василий Тяпкин» и ниже «Послано из Варшавы 184 июля 8 чрез Василья Тимофеева».²⁵ В этом экземпляре против стихов, в которых упоминается Москва или русское государство, чернилами поставлены кресты, очевидно, самим Тяпкиным или Тимофеевым, а возможно, и переводчиком Тяпкина Семеном Федоровичем Лаврецким. Отмечены, например, такие стихи: «Z niewierną Rusią tu trudzili zdrowie», «Że się nam Moskał w polsieku nie zbliża»²⁶ и т. д.

В Посольском приказе был сделан выборочный перевод этих двух панегириков. Кроме отмеченных крестами стихов были переведены и такие стихи или строфы, которые к России отношения не имели.²⁷ Среди других в экземпляре Посольского приказа помечен крестиком первый стих 31-й строфы («статья», по принятой в Посольском приказе терминологии) «Музы» Любомирского:

Że Moskwę takie obleciały tchórże.
Nie same się też lęgną tam sobole,
Nie za Dniepr, ale uciekłyby za morze,
Kogo srogi strach śmierci w oczy kole.
Wróćą się oni znowu na Podole,
W pieszczonem ludzie Tryonie zrodzeni
Wytrwać niewczesnej nie mogli jesieni.²⁸

²¹ Paniegyryk najaśniejszemu królowi a panu swojemu miłościwemu. Kraków, 1676. — Первая редакция (1675 г.) перепечатана в кн.: Trembecki J. T. Wirydarz poetycki / Wydał A. Brückner. Lwów, 1910. Т. 2. S. 158—170.

²² Попов А. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 175. — Текст «Музы» цитируется далее по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Вроцлав), шифр XVII-17038-IV.

²³ Там же. С. 192. Ср.: Darowski A. Rezydent na dworze polskim w XVII w. // Darowski A. Szkice historyczne. Ser. 1. S. 173—175.

²⁴ В письме от 3 апреля 1676 г. он писал, что заплатил «за две пашквилные (по отношению к России. — С. Н.) книги, завомуу „Музу“, по ефимку за книгу» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 178, л. 369).

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8, л. 1. — Тут же приписка: «1676 фев<раля> 1. Стихи печатные польские на въезд полского короля Яна третьего в Краков для коронавания. Конца нет». Несовпадение дат (книга выслана 8 июля, пришла в Москву 18 августа (ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481), а в описании значится под 1 февраля) объясняется, очевидно, тем, что событие задним числом «приурочили» к коронации Яна Собеского, которая состоялась 2 февраля. В. Тимофеев — подьячий Посольского приказа. (См.: Русский биографический словарь: «Суворова—Ткачев». СПб., 1912. С. 536; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 514).

²⁶ Muza polska. К. С. К («С неверною Русью zde здравие трудили, Стократы там себя дороже учинили», «Что к нам москвитин в помочи не спешит, Как обещал с нами сабли не случит» — ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 482 об., 483 об.).

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481—485 об.

²⁸ Muza polska. К. С.

Вся октава переведена неравносложными (от 9 до 13 слогов) стихами:

Что Москву тако бы облетели хори,
 Не сами там родятца соболи.
 Не за Днепр, но ушол бы за море,
 Ково велик страх смерти в очи колет.
 Не вся Литва в таком позоре,
 Возвратятца они паки на Подоле.
 В нежном обиталищи люди урождени
 Вытерпеть несчастливой²⁹ не могли осени.³⁰

Переводчики более всего внимания уделяли, конечно, «укоризненным» стихам. Вот еще несколько строк из «Музы»:

Что к нам москвитин в помочи не спешит,
 Как обещал с нами сабли не случит,
 Ко общему отзываяся кресту.
 Тот нам в казаках обычну шатает веру,
 Претворяся в различную харю.³¹

Но переводились и такие места, какие имели отдаленное к России отношение. Проиллюстрируем это большими отрывками уже из панегирика В. Потоцкого. Поскольку книга издана анонимно, то в переводе, который следует за переводами из «Музы», сочинение Потоцкого названо: «В той же книге в особых строках положено». В этих фрагментах Потоцкий, говоря о заслугах Собеского, уже прославленного в Европе победителя при Хотине (битва состоялась 11 ноября 1673 г.), описывает упадок Польши при прежнем короле Яне Казимире:

Даже до твоего взятия булавы
 Никакой Корона полская не имела славы, ||
 Паче безчестье и срамоту вечну,
 Когда все вкратце наследник ростерял,
 Что Лех храброю рукою собирал.
 Где Копцы? Где столпы Болеславовы железны?
 Где Днепр? Где Черное, где Варяжское море?
 Где победа Грунвалская? Где Собачье поле?
 Стыдливы очи Пилавцами колет,
 Изметает голубь, дважды отереблен,
 Орлу на очи шведов с каплуны
 И печальные Корсуни и Жолтые воды,³² ||
 злословят фортуны.

.....
 Бог пусть на твоей венец утвердит главе
 И скиптр, которой в твои дает длани.
 Пусть благословит, чтоб такова слава
 Ныне тебя как прежде от булавы встречала,
 А скончав житие, так ж благоволит —
 На небе на престоле с святыми посадит,
 И видел после себя и тешился, когда ||
 Ов побивая турка, ов крепкого шведа,
 Ин дурную Москву, возвратятся с отместием в дом,
 Права дальнейшим написав народом.³³

Реакцию русского резидента на подобное освещение военной истории Польши от войн Б. Хмельницкого до 70-х гг. XVII в. предсказать не-

²⁹ *Испр.*, в ркп. «несчастливой». В польском тексте — «niewczesnej» (несвоевременной), переводчик прочитал это слово как «nieszczęsnej».

³⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481 об.—482. — Это первая октава на русском языке (*ававасс*).

³¹ Там же. Л. 483 об.

³² *Испр.*, в ркп. горы.

³³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 484—485 об. Ср.: Najsłniejszemu królowi. K. L₂ v—M, O₂. — В первом фрагменте три стиха не имеют второго, с ними рифмующегося. Эти «холостые» стихи появились, очевидно, из-за небрежности переписчика, так как переводчик заботился о рифмах, которые не всегда заимствованы из оригинала.

трудно и, как уже говорилось выше, сразу по выходе «Музы» Тяпкин высказал свое неудовольствие М. Пацу, а саму книгу с «отпискою» отослал в Москву. После того как письмо и книга были перехвачены, сам Ян Собеский выговаривал Тяпкину: «Мы имеем ясные доказательства, что ты писал ссорные письма».³⁴ Польский король прекрасно понимал, что претензии русского резидента лишь предлог в дипломатической игре.

Прошло несколько лет, и панегирикам Любомирского и Потоцкого опять пришлось сыграть аналогичную роль. В ходе переговоров, которые закончились «вечным миром» 1686 г., польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Польше Киева. В. В. Голицын тут же перечислил целый ряд причин, по которым это состояться не могло, в том числе были упомянуты и «прописки в титуле царского величества», а также книги, «которые на укоризну всему русскому народу печатаются». «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомнить страшно, например: „неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин“. И после этаких нестерпимых, лютых и явных досадительств, — заключал В. В. Голицын, — можете ли вы, поляки, надеяться когда-нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?»³⁵

Из этого примера характер использования поэтических произведений в дипломатических целях совершенно очевиден и он ничем не отличается от действий Г. Пушкина в 1650 г. Откуда, однако, узнал Голицын, что В. Потоцкий был автором, а вернее, одним из авторов этого «пашквиля»? Думается, что источник атрибуции можно указать почти безошибочно.

В сатирическом цикле стихотворений, переведенном в Посольском приказе в 1677 г. (о самом цикле см. ниже) о «Музе» говорится следующее:

Сей волк³⁶ лукавый с своими злодеями,
 Что иво хвалят лстивыми «Музами».³⁷
 . . . . .
 . . . Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
 У царя за ту «Музу»³⁸ Потоцкого
 И за прописки канцлера Паца, будто умнаго.
 . . . . .
 Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
 Ныне сладки суть стихи Сабеского.
 . . . . .
 Таковых завотчиков, понеж благочестиваго
 Царя поносили, крови не желающего,
 Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
 пост на него.³⁹

Поскольку ни автор этого стихотворения, ни Голицын не упоминают о Любомирском, действительном авторе «Музы» (панегирик Потоцкого припечатан после нее), именно этот цикл стихотворений можно считать источником атрибуции «Музы» для русских дипломатов. То обстоятельство, что атрибуция все же неверна или верна лишь отчасти, никак не умаляет значения кропотливой работы русских переводчиков по изучению современной польской литературы. В других случаях их атрибуция была безошибочна.⁴⁰

Неизвестный польский поэт, автор цитированных только что стихотворений, предугадал, кстати говоря, и реакцию русских на «Музу».

³⁴ Попов А. Русское посольство в Польше. . . С. 189.

³⁵ Цит. по кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 158—160.

³⁶ В ркп. на поле король.

³⁷ В ркп. на поле песни.

³⁸ В ркп. на поле книга.

³⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495 об., 496.

⁴⁰ См.: Николаев С. И. «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 255—256.

Тот Собеского славу писаньем прославлял,
Хотя здох с отчаявья, нам много лиха наделал,
Будет нам опять, хотя царь не живет —
  сын шею отсечет.
Опять, бедная Литва, ты потети будеш
И честных сынов к тому коронных приведеш,
Изопнеш морсу, уготовленного
  через Потоцкого.⁴¹

Из приведенных выше фрагментов ясно видно, что переводчики Посольского приказа не замыкались в пределах узкой темы «rossica». Доказательством этого служит и «Дума. Творение благодарения господу богу за победу, одержанную пот Хотинем ноября 11 дня лета господня 1673-го от поляков над Усейн пашею. Сим напевом поют как и о князе Корецком».⁴² Здесь подробно освещен не только ход знаменитой битвы, но и перечислены полководцы и отличившиеся в бою. Вот момент битвы: турки опрокинуты и бегут к Каменцу,

Тамо их литовские хорунг(в)и встречали,
Главы с чалмами от сабель летали;
Гетман Радзивил палашем одного —
  взял бунчук его.⁴³

Во всей «Думе» (174 стиха) нет ни одного упоминания о России. Этот текст переведен по той причине, что стихотворная информация была тогда наиболее быстрой и полной. Например, Збигнев Морштын, выпуская в свет в 1674 г. второе издание «Славной виктории над турками под Хотинем», значительно расширил текст. Родные и знакомые присылали ему «каталоги» раненых, убитых и отличившихся, сам он неоднократно встречался с участниками битвы для того, чтобы полнее воссоздать ход боя.⁴⁴ Как раз такая информация, собственно, и была нужна нашим дипломатам, да и не только им. Эта «Дума» проникла в XVII в. в русские рукописные песенники. Известна ее транслитерация в песеннике 1680-х гг.⁴⁵ Приведем для сравнения цитированную выше строфу по тексту песенника:

Там их литевские хоронгве витали,
Гловы в завоях од шабел лятали;
Гетман Радзивил палашем едного,
  взял бунчук его.⁴⁶

Исключительно внутриполитической ситуации в Речи Посполитой посвящен и сатирический цикл, который был переведен в 1676—1677 гг.: «Перевод с польского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенатором, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 <1676> году октября в 8 <день>».⁴⁷ Этот большой цикл (около 900 строк) представляет интерес не только для истории русской поэзии, но и польской, так

⁴¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 495.

⁴² Там же. Л. 446—450 об. Польский оригинал: *Pieśń o szczęśliwym zwycięstwie z Turków w dzień Świętego Marcina pod Chocimem roku Pańskiego 1673 otrzymanym. Nótą jako o książęciu Koreckim*. S. l., S. a. — Сличение делалось по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских, шифр XVII—5690—II.

⁴³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 448.

⁴⁴ См.: *Pełc J. Zbigniew Morsztyn na tle poezji polskiej XVII w.* Warszawa, 1973. S. 258—283.

⁴⁵ Текст по рукописи ГИБ, собр. Погодина, № 1974 опубликован. См.: По з д н е в А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 65—67.

⁴⁶ Там же. С. 66.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 486. — Далее ссылки даются в тексте статьи с указанием листов рукописи. Текст стихотворного цикла помещен в Приложении.

как есть основания полагать, что он сохранился только в переводе, сделанном в Посольском приказе.

Оригинала среди печатных произведений, посвященных Яну Собескому — главному герою этого цикла, — отыскать не удалось,⁴⁸ и вряд ли он был напечатан — тогда в переводе бы значилось, как обычно в таких случаях: «Перевод с польского письма с печатной тетради». Скорее всего, Тяпкину в руки попала рукописная тетрадь, в которой были собраны стихотворения разных авторов (двух или трех).

Окказиональная поэзия того времени изучена довольно неплохо, но интересующие нас тексты в литературе не указаны. Не упоминает о них К. М. Гурский в исследовании «Король Ян III в польской поэзии XVII в.».⁴⁹ Не значится он и в Картоотеке польской литературы XVI—XVIII вв., составляемой по рукописным материалам в Институте литературных исследований Польской академии наук (Варшава).⁵⁰ Не был известен этот цикл и самому авторитетному знатоку польской окказиональной поэзии Ю. Новаку-Длужевскому, который не пишет о нем ни в библиографии старопольской окказиональной поэзии, составленной преимущественно по рукописным источникам,⁵¹ ни в шестом томе своего монументального труда «Окказиональная политическая поэзия в Польше», который посвящен второй половине XVII в.⁵² Таким образом, мы имеем дело с неизвестными произведениями польской демократической сатиры. В самом этом факте нет ничего исключительного. В Польше при Яне Собеском ходило по рукам множество направленных против него сатирических стихотворений, которые, кстати, изымались и публично сжигались.⁵³ Неудивительно, что только в переводе некоторые из них и могли сохраниться. Вместе с тем, находки и публикации польских сатирических стихотворений до сего дня не редкость в науке.⁵⁴

Для точной датировки и атрибуции цикла исчерпывающих данных нет, но все же возможна довольно убедительная «локализация» всего цикла в общеполитической обстановке в Польше. В тексте упоминается коронация Яна Собеского (л. 504 об.), которая состоялась 2 февраля 1676 г.; о царе Алексее Михайловиче говорится, что он уже умер (л. 495), поэтому датировка всего цикла 1676 г. сомнений не вызывает. *Terminus ante quem* дан в заглавии перевода: «Присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8 [день]», т. е. 8 октября 1676 г. *Terminus post quem* можно извлечь из стихотворения «Поздравление Яну Третьему, королю польскому, возвращения его из французской земли в Варшаву 1676 году июля в 8 день» (л. 503 об.—506 об.). Хотя Ян Собеский и не покидал тогда пределов Польши и это лишь намек на его про-французскую ориентацию, можно полагать, что стихотворение написано после 8 июля 1676 г. Следовательно, цикл был составлен не ранее 8 июля и не позднее 8 октября 1676 г. Анализ цикла не только подтверждает такую датировку, но позволяет и уточнить ее.

⁴⁸ См.: Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1930. Т. 28. S. 355—371.

⁴⁹ См.: Górski K. M. Pisma literackie. Warszawa, 1913. S. 1—187.

⁵⁰ Этим сведениями мы обязаны любезности составительниц каталога М. Захары и К. Мрочек.

⁵¹ См.: Nowak-Dłuzewski J. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI—XVIII w. Warszawa, 1964. S. 65—78. См. также раздел, посвященный Михаилу Вишневецкому. (Там же. С. 56—64). — Отметим, что в библиографии учтены стихотворения, насчитывающие несколько строк.

⁵² См.: Nowak-Dłuzewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Warszawa, 1980. Т. 6: Dwaj królowi rodacy.

⁵³ См.: Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629—1674). Kraków, 1898. Т. 3. S. 11. — На русском языке имеется основательная работа, в которой можно найти общую характеристику сатирической поэзии в Польше. См.: Чернобаев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 255—333.

⁵⁴ См.: Śliziński J. Sobiescianum z roku 1674 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa, 1977. Т. 22. S. 203—205.

Исследуемые тексты относятся к редкой разновидности сатирической поэзии, которую можно условно назвать, пользуясь термином Г. А. Гукковского, «солдатскими стихами». Трудно указать, к какой из нескольких существовавших тогда в Польше политических группировок принадлежит автор (или авторы), ибо весь комплекс текстов — безжалостная и беспощадная сатира на короля и королеву, на духовенство — от папы до ксендзов, — на гетманов, на сторонников короля и на его завязых противников и т. д.

Автор только однажды говорит о себе, что он «мирской» и служит в армии 4 года (л. 493 об.), т. е. от начала польско-турецкой войны 1672—1676 гг. Во всех остальных случаях он выступает от имени войска: «нам, жолнером» (л. 487 об.), «а мы, квартияные» (л. 511); речь его явно звучит в военном лагере: «. . . тогда просим вас, ксендзы, до обозу» (л. 510), а обращаясь к краковскому епископу Анджею Тшебицкому, автор укоряет его: «Сам бы ты, бискупе, пужды отведал, в войске побывав, трупе, умел бы ты, как жолнера почитать, сена не давать» (л. 509 об.). Одно из стихотворений называется «Ответ некоего служивого х королю» (л. 507 об.—508), другое — «Ответ и мысль всего войска» (л. 508—509 об.). Во втором говорится, между прочим:

Пусть же сплит (Ян Собеский. — С. Н.)
 . . . . . лестьцов-полковников,
 Ротмистров кормит, будто бы мясников.
 Нас накормил часто мертвою кониною,
 . . . . . смрадною псиною.
 . . . . .
 Так вы, тыране, что хлеб наш ядите.
 Только б нас в обоз, сами не глядите,
 Сами в банкеты, в вина и в бастры,
 а нас на нож острый.
 (л. 508, 509)

Значит, эти стихотворения возникли в среде «ратных людей» (л. 486 об., 497 об.), в солдатской массе, голодной и обнищавшей, которой государство задолжало уже несколько миллионов золотых платы («кварти», одной четвертой части доходов короля, отсюда и название войска — «а мы, квартияные»; хотя само название «квартияное войско» было отменено в 1658 г., оно еще долго держалось по традиции). Деньги и вообще казна часто упоминаются в цикле в самых разных контекстах. Это позволяет уточнить датировку цикла.

Значительное место в цикле отведено жене короля Марии Казимире, урожденной д'Аркьен, которая прибыла в Польшу в 1646 г. десятилетней девочкой в свите Людвиги Марии, жены Владислава IV. Три десятилетия спустя и она стала польской королевой, проводившей свою, иногда независимо и в тайне от короля, политику. К королеве в Польше относились крайне недоброжелательно и даже враждебно, небезосновательно считая ее главным проводником профранцузской линии в Польше.⁵⁵ Поэтому, когда летом 1676 г. королева отправилась на лечение за границу, по всей стране поползли слухи, что она вывозит казну, а король только и ждет ее отъезда, чтобы окончательно погубить Польшу и бежать во Францию.⁵⁶ 21 июля 1676 г. королева в сопровождении короля и посла Франции марсельского епископа Форбен Жансона выехала в Гданьск. В тот же день в Гданьск прибыл из Франции еще один посол — маркиз де Бетюн, женатый на сестре Марии Казимиры. Оценив ситуацию, он отговорил

⁵⁵ Тяпкин, например, писал А. С. Матвееву, что при коронации, «стоя меж сенаторов и воевод», он «наслушался много басен <о Марии Казимире>, их же неудобь возможно писати» (П о п о в А. Русское посольство в Польше. С. 172).

⁵⁶ См.: Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Кое. СПб., 1773. Ч. 2. С. 108—109; Archiwum spraw zagranicznych francuskie do dziejów Jana III / Wydał K. Waliszewski. Kraków, 1884. Т. 3. S. 275.

королеву от поездки, о чем доносил Людовику XIV 5 августа. В начале сентября королева в сопровождении двух французских послов отправилась в имение Собеских недалеко от Львова.

По нашему мнению, именно этот эпизод описан в первом стихотворении цикла:

Златы поляком лучи солнице испущает,
Из Гданьска едина нам надежда приезжает.
.....
Казну покраденную назад всю привезла.

(л. 487, 487 об.)

Если это допущение верно, то *terminus post quem* следует перенести на начало сентября 1676 г.

Можно уточнить и *terminus ante quem*. В цикле неоднократно упоминается Львов: одно из стихотворений называется «Песнь львовская, которую казаки сложили» (л. 490 об.). Судя по всему, лагерь, о котором идет речь в цикле («обоз»), — военный лагерь подо Львовом. Ян Собеский стал собирать там войска как раз в начале сентября, а сам прибыл туда 17 сентября, 25 сентября началась осада турками Журавно, где заперся Ян Собеский с армией. Осада окончилась 17 октября 1676 г. польско-турецким договором, по которому Польша перестала платить ежегодную дань, получила назад Подолию, которая отошла к Турции по бучачскому договору 1672 г.⁵⁷ Между тем в нашем тексте о военных действиях речи нет. Более того — король «сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою. Ныне в Яворове (имение Собеского. — *С. Н.*) на удах сидит, на сельди глядит» (л. 510 об.), т. е. короля еще в лагере нет.

Эти наблюдения можно суммировать следующим образом. Сатирический цикл мог быть составлен в период с 8 июля по 8 октября, а завершен в лагере подо Львовом в первой половине сентября 1676 г. и, вероятно, сторонником Вишневецких — как умершего короля Михаила, так и Дмитрия Вишневецкого, «польного» (а затем и великого) коронного гетмана, с которым автор большей части стихотворений знаком и которого хотел бы видеть польским королем вместо Собеского:

Знаюся с польным коронным гетманом,
Лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрей пусть себя исправит,
Как гордость скинет, бог духа свята вправит.

(л. 502 об.)

Возможно, что весь цикл и есть упоминавшееся выше «Письмо виршевного уставом полским» (т. е. рукописное), которое Тяпкин выслал 15 сентября 1676 г., а к 8 октября оно вполне могло попасть в Москву.

Датировка сочинений подобного рода должна быть очень осторожной, так как в них вообще, в том числе и в нашем, много противоречий, в частности хронологических. Это и «возвращение» Яна Собеского из Франции, хотя он там не был; «Песнь львовская» может быть отнесена к лету 1675 г., так как в 1676 г. королева там не была и т. д. В только что приведенном фрагменте также есть анахронизм: Д. Вишневецкий был «польным» коронным гетманом до 2 февраля 1676 г., а после коронации Яна Собеского был назначен великим коронным гетманом, «польным» же стал Станислав Яблоновский, между тем датировка текста временем после 2 февраля 1676 г., т. е. после коронации, сомнений не вызывает.

Однако перед нами памфлет, а не историческое сочинение. Перевод сохранил нам то, что вообще редко попадает на бумагу, — стихию устной культуры, то, что в фольклористике принято называть «слуши и толки».

⁵⁷ См.: Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983. S. 163—181.

Отсюда не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, проставлены все акценты, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл давал ответ на вопрос: кто есть кто? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, именно такая сиюминутная информация и была необходима.

Памфлет «на потребу дня» иногда освещает те явления, которые не могли попасть в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу (см. Приложение).

Посольский приказ на протяжении всего XVII в. был литературным центром; ⁵⁸ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частный человек, ⁵⁹ к тому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, к приказной школе 30—40-х гг. нельзя возводить переводы, сделанные в 70-х. Прежде всего переводчики этого времени — в основном ипоземцы на русской службе, хотя среди них есть и русские, в том числе и поэты (Л. Т. Голосов). Так, в 70—80-х гг. в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стахей Гадзаловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии» Яна Жабчица), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали Леонтей Гросс, Юрий Гибнер (Hübner) и Николай Сфафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского — 3 или 4. ⁶⁰

Пока нет возможности указать, кто именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями. Потому неизбежен и тот комментарий, которым они снабжены. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме несомненной для русской поэзии жанровой новизны отметим другую особенность посольских переводов — поэтику барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина, что ему трудно достать верные сведения, поскольку «много составных проектов рассеивают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертолвные копце пты». ⁶¹ Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина, хотя бы практическом, с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованным, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и

⁵⁸ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

⁵⁹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35—42.

⁶⁰ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136—138.

⁶¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 518.

15 аршинами красного бархата.⁶² Таким образом, барочную поэтику и риторику они знали и понимали, и «вертоглавный» не означает «невразумительный»: здесь подразумевается то, что концепт для прямолинейного толкования сложен, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавными концептами». Тяпкина, как и других сотрудников Посольского приказа, они не устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы. Недаром художественно наиболее совершенны и ценны переводы сатирических стихотворений, не связанных с русской тематикой. Особенно замечательны переводы из книги «Небездельное безделье» (1674) одного из крупнейших мастеров польского барокко В. Коховского.⁶³

Переводчики успешно справлялись со своей задачей, сапфические строфы или октава не представляли для них трудностей. Единственная особенность стиха — нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских и для русских профессиональных поэтов уже было нормой.

Переводчики Посольского приказа не были скованы правилами и эстетическими запретами школы Симеона Полоцкого. Перевод был для них обыденной работой. Наряду с «Книгой конской езды» они переводили стихотворения Коховского, и это было для них в принципе одно и то же. Однако свою специфику стихотворный перевод имел. Он был выборочен. Причем выборочен не только в том смысле, что выбирались нужные места для перевода (это понятно), а в том, что в оригинале выискивалась и свободно передавалась основная идея (смысл): брались стихи или полустипшия из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод является точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощутима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестьем») переводятся точно, вплоть до пословного перевода.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике начала XVIII в. среди слов на праздники и высокотожественные дни Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁶⁴ У сына Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации польского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выдание о добронравии», который известен в 14 списках, и т. д. Эти данные, далеко не полные, говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись. Самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям, дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

В Приложении публикуется цикл сатирических стихотворений о Яне III Собеском, королеве и других лицах, переведенных в Посольском приказе в период с октября 1678 по сентябрь 1677 г.

⁶² Там же. С. 521.

⁶³ См.: Николаев С. И. 1) «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе. С. 251—258; 2) «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г. // РЛ. 1980. № 1. С. 121—126.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 520—522; ГПБ, Соловецкое собр., № 927/1037, л. 277—278 об.

л. 486 **Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом, и сенатором, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 [1676] году октября в 8 день**

Иоанна первого, короля полского седмопоясия победителственнаго королевствен-
ный верх.

Окаянный Яне, ослепл еси рано,
Аще бы от бога имел себе дано,
Могл бы отучить хвост своей супруги:
Присел к ней француз, а с ним бес безногий.
Естльи можеш, отрешь, пусть не окуривает,
Полшу с Литвою не обуривает.
Наклонь шею, не ленись, отучи от флюндер,
Не поможет ти тогда твой герценбрудер.^{1, а} ||

л. 486 об. А в лице написан король с поднятою рукою, возле него королева, положи правую руку на плечо, над королем над плечами струны, над королевою скрипичной смык. Возле королевы французской посол в скрипицу играет, над ним скрипица ж. У королевы саянной подол оббился х коленом французского посла. Под королем ратные люди грозят на него, поверх их написано:

л. 487 Струны окоянные — Ян, лукавый волк,
Злая Козимира — французский смык. ||
В скрипицу и в дуду сам француз играет,
А народ в Полше и в Литве рыдает.

Под послом (так! — С. Н.) посла французского написано:

Факция^б говорит: «Я престать не могу,
Пока дьявол выломит мне другую ногу».

Под тем подо всем:

л. 487 об. Златы поляком лучи солнце испущает,
Из Гданска едина к нам надежда приезжает.
Веселится и небо, красно уставляясь,
Напаяет^в же сушу, в дождах изливаясь.
Светло небо облаки темны разгоняет,
Сухи плоды, росами кропя, напаяет.
Когда небо весело и всяк веселится,
Королева приходит — всяк весел быть тщится. ||
Дайте партесы, ноты, петь буду веселы,
Плещите, руки! ноги, дрягайте, дебели!
От главы начнем перво, ясне веселися,
Велика бо причина, трижды обратися.
Казну покраденную назад всю привезла,
Прими хвостом, а отдай нам, жолнером, без зла.
Не королю принесла токмо добры песни,
Принесла и нам светлы, варшавяном, вести.
Принесла мир от турка и покой святой,
Чай, от теплиц^г сей страх нам принесла взятый.

^{1, а} В ркп. на поле брат сердешный. ^б В ркп. на поле тайной промысл фран-
цузской или посол. ^в Испр., в ркп. напаяет. ^г В ркп. на поле теплые воды.

ПЕСНЬ ПОЛСКАЯ И ИГРА НЕПЛОХА ЛИТОВСКАЯ

Ян Собеский — струны,
Жена его — смык,
Польша с Литвою — скрышица,
Король французской игрец. ||
Разумен от бога, глуп от здепняго мира,
Злый безбожник, не глядит, хоть от спекулятора
Или от диявола дела начинается,
что бес всеваает.

л. 488

Хотя ты, Яне, от третья состава,
Корень имаши дел с моего устава.
Не начну от дьявола се стиха твоего
для бога моего.

Хочю от мира начать, яко и шут шутить,
Покамест ты бог твой ис кожи не вылупит.
Сей старой шалбер четвертой меж вами,
той ты обманет.

Игрец Смык Струны
Четвертой дьявол хромый.
От смыка начну, в ыгреце помолчю,
На струнах удивлюся лукавству волчью,
Понеж смык склад один, а в смыке литеры^Д
всего четыре. ||

л. 488 об.

Начал бы от игреца, понеж начало
Того согласия не ново зачало,
А не от смыка, пулноного делишка,
конского волосишка.

Но как трудно молвити слово смык без еры,
Кроме хотя остались в лишке три литеры,
Так трудно игрецовых поступков составы
описать з главы.

Игрец — король французской, а смык — королева
Или Собеская бывша маршалкова,
А господин Собеский — горки наши струны,
под смык готовы.

Королем тебя, Яне, назвать не вем, како,
И твою своеволну кобету^Е инако,
Самые поступки по вас объявили, волче хиппливий.
Свидетельствует щастье за вашим урядом,
Видим очима, что бог дал то своим судом,
За наши грехи короля-тырона^Ж
дал нам за пана. ||

л. 489

Знатно по самом имени Янове,
И кто где слышал в прозвании такове,
Чтобы Ян был в свете победитель славный,
предстатель давный?

Хишных волков славою он не прославляет,
Чужой чести хишников он не величает,
И Иоан святыи в обиду Михайла
не даст сначала.

То имя Витольд или гром вторый
Олгерт, Едимин и Стефан Баторы,
Адолф и Август, Кобыбут, Болеслав
или Владислав,

^Д В ркп. на поле слова из букв. ^Е В ркп. на поле королеву называет кобетой или блудницею. ^Ж В ркп. на поле мучителя.

Генрик Ретко, Казимир, Михайло,
 Что им бог дал, то и тебе достало,
 Напихал свое брюхо пацовскою славою,
 сиди ж под лавою. ||

л. 489 об.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

И жена твоя угодила в име.
 Что Казимира, о том дивно в Риме,
 Чево Казимир не искажил глупый,
 она долупит.

Но советую, Яне, буди Болеславом,
 Как некогда бывало с святым Станиславом,
 Уччини над Требицким, страшным прожорою,
 лстивым Июдою.

А буде на год нам вас еще станет,
 С³ твоим пакостным смыком, хищный Яне,
 Пропадем все, для того пропади ты скорей,
 не мути болей.

Естьли при Казимире, короле преславном,
 Кровью, высочеством не тебе ли равном,
 Понеж не во время на престол нам дали,
 долго рыдали. ||

л. 490

Сверх того, кто ты и кто твоя пани?
 И счастье ваше видите вы сами?
 Мы видим, так бог милосерд над вами,
 как вы над нами.

Что сотворил еси Михаилу славному,
 Поистинне нам богом помазанному?^п
 Выпьеш и сам питье отравленно,
 тебе уготовленно.

Покамест сей конь з барана не всядет,
 Пота нам в тяжелой нужде скакать будет.
 Струны из барана, а смык ис хвоста, прохади
 (так! — С. Н.) хоть спроста.

Которой казаки на стыд нам и тебе
 От ея доброт сплели венец себе,
 Скоро узнали, хто строит банкеты,
 пуцает ракеты. ||

л. 490 об

ПЕСНЬ ЛЬВОВСКАЯ, КОТОРУЮ КАЗАКИ СЛОЖИЛИ

Ни в Варшаве, ни в Кракове
 Не видали дива, как во Львове,
 Коли королева выезжала,
 Своего милиша провожала.
 Простец король, беса знает,
 Кого посол обнимает.
 Гей, королева черноока,
 Бережеш крепко французского бока.
 Ой, наши жонки дивились,
 От королевы того не надеялись:
 Держит посла за ручище,
 А он у ней в распоре ищет.
 Для того Польша нездорова,
 Бегают за быками, что корова.

³ В ркп. написано дважды.   ^п Испр., в ркп. помазанному.

БРЕ, МОРЕ, БРЕ!

Смык как в руки крепки достанется,
Трещит, там и струна порывается,
Хотя мертвой лошади волосы бывают,
смыком называют. ||

Смыком покойна и Казимилова,
Хотя породю была королева,
А за доброту, как волосы в смыке,
имя ее кликнем.

Резала струны, когда королем владела,
Сколь та народу игра была мила:
Скакала бедна Полша многи годы,
тож и сего дни.

Бог, наказуя, дал сома^к з болота;
Умилостивись, боже, гинет голота! ^л
О, Великая Полша, когда так стонала,
а ныне обедняла.

РОД ГНИНСКИХ ТОЛЬ СТАР И СЛАВЕН, КАК И СОБЕСКИХ

Не див, что сенат полской ослепленный
Любит пьянство, разум их бешеный,
Не дивно, что лаял зерньшик Сивиявской
казак запорожской. ||

Не диво, что и Ян з зависти поносил
Святаго короля, диявол то в них вносил,
Дивно — Гнинской глотал честь его
сабакою из него.

Естьли слеп разум в главе у ково есть,
Сколь велик дом их, всяк им то повесть.
Сколь велик, Гнинской, твой, тех Собеский
сыннок был мейский.^м

Кто был Михайло? Которого рода?
Тех князей светлость та ли порода?
От Корибута ль? Сабежский хотя горюю —
королем Михайло.

и Когда б не ослепл Гнинской,
Вознеслься женою,
Хотя ис сената с пехотою храмою,
Мня себя богата, рекл ли бы сетование
о том немало.^о

Дивно, реку, ложному словеси духовному
Ныне примасу, ксендзу Ольшовскому:
«От колико, де, сот лет не имели такова
сих мер короля».

А ныне развратник и на нас уже шьет
Усты своими смрадными, и на него кует
Каштелян наш бреской, тут же подкоморье,
коронной переговорове, ||

Сарновской и иные, которых он, хитры,
Волк лукавый, подолстил, а не дал ни выдры.
У их краковской бискун, старая то беда,
шипит, что змея.

Но мы псов таких, двоеличное дело,
В свой не приемем союз, почтем в басни смело.

^к В ркп. на поле короля называет. ^л В ркп. на поле бедные люди. ^м В ркп. на поле мещанский. ^{н-о} В ркп. вся строфа написана на поле.

ПУСТЬ БУДЕТ МЕЖДУ СЛЕПЫМИ И ЕДИНОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ ||

Чего не учинят велможы, когда толикая тати дерзают, естли духовные те бредни *л. 493 об.*
пишут. Для чего мне, мирскому, четвертого не исполнили году, служа в том чину
и правду изъясняя с Яном Замойским, делом твоим; противу Шереметева у Чюднова,
чае, блюдо лизал с пресветлейшим Яном Казимиром, против Москвы и казаков за
Днепром з бою жестокого лесом убежал еси. А буде правда говорить, кто тебя знал
или слышал?

А ты, княже Димитрий, корыбуцка слава,
Перестань усы тянуть, понеж отрава
И тебе равно так же есть угованна,
как и для пана.

Будь осторожен и в грехах покайся,
Что был еси зол, горд, в карты играть
опасайся, ||

Поплачь пред богом и житие исправи —
бог тя прославит. *л. 494*

Толко в молитве день и ночь пребуди,
А бедных людей меры полнить не забуди,
Будь благочестив, а стыд и сором знай,
в карты не играй.

Соблюл бы господь от злых рук Михайла,
По се б время память его пребывала,
Когда бы в тебе княжкой поступок был,
так бы ты владел.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

Вещь сия драгая французской работы,
Будет ея бог весть до коей суботы,
Ис конского хвоста та волосина
в золото оправлена.

Хотя дешев сандал, но в золото обделан,
Тот играет смычком, от кого он зделан,
Заморское древо не одному око
выколет глубоко. ||

Гораздо накололся и князь Димитрей смелый, *л. 494 об.*
Костянтину (так! — С. Н.) не дивно,
дурачок тот целый.]

Воля в том божия, вольно ему золото
бросить в болото.

Дивно, что Димитр одурел немало,
Пред Собеским дрожит, бутто конь с пострела,
А как у себя о чем с нами радит,^x
ус гордо гладит.

Казнил вас господь за ваши злобы,
Что не выпросим денег за наши службы,
Лутчи зерню и карты проиграть Сапеге,
тем еси беден.

Отнял вам господь чести вашей степень,
Вверже в вас буйство, будто в море камень.
Где ваше сердце, литовские паны?
Все ныне блазны.

Похотел было оспорить Пац храбрый,
Но^ц Родивил (с предков изменник то старый)
Промыслом войско бунтовал в полю,
зять бо королю. !:

^x В ркп. на поле советует.   ц Испр., в ркп. на.

л. 485

Дивно то случилось тебе, Конецъполской.
Где твоя храбрость, где поступок твойской?
Когда боялось волчье рыло твоей руки?

Ныне ты мяхкий.

Возрим, что творят бесчинно Потоцкие.
Коль славен дом сей, ныне, аки мужицкие
Дети, и с каким обманом льстят пану,
так и оне Яну.

Чай, того ж рода, что древле булаву
Дал Хмелницкому, сам скочил под лаву,
Тот ныне шурмует царю около носа,
буutto остра коса.

Тот Собеского славу писаньем прославлял,
Хотя здох с отчаяния, нам лиха наделал.
Будет нам опять, хотя царь не живет,
сын шею отсечет.

Опять, бедная Литва, ты потети будеш
И честных сынов к тому коронных приведеш,
Изопьнеш морсу, уготвленного

чрез Потоцкого. ||

л. 495 об.

Невинные головы, хотя не ведаете того,
Однако ж узнаете зла много.
Тож и от сына будет, как некогда бывали,
а отца бегивали.

Сей волк^ч лукавый с своими злодеями,
Что иво хвалят лстивыми музами,^ш
Будет в стороне, как Казимир глухой,
народ облунил.

Сапегу Москве не отдал головою,
Что цареву честь отрекал, будто кропивою,
Жаль ему стало изменника Радивиля,
что потом было.

Иди в Киев, архимарит скажет,
Что Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
У царя за ту «Музу» Потоцкого
и за прописки канцлера Паца, будто умваго.
Крепко памятуеш, Мстиславле, кровью омытый,
Там сестры, братья и отцы побитыи. ||

л. 496

Не сто тысяч душ тамо под мечь положили,
за перо^з срубили.

Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
Ныне сладки суть стихи Сабеского,
Но вскоре плясать будеш, Литва бедная,
когда так же война

Будет на зло наше, как недавно делали,
Когда нас, что скотину, везде живьем брали,
Сверх того, что на поле и по селом детки
псы ели с матки.

Везде мучили, секли и рубили,
За прописки тех воров нам то учинили,
И fortuna^ю сабацки тем врагом служила,
гордость их была,

Таковых завоичиков, понеж благочестиваго
Царя повосили, крови не желающаго,
Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого

поет на него. ||

^ч В ркп. на поле король. ^ш В ркп. на поле песни. ^з В ркп. на поле прописки. ^ю В ркп. на поле счастье.

Тогда Радивил и вси сапежинцы
 Везде бегали, бутто волки ис под мелницы,
 А потом Вилню, что лютой змей, пожрал,
 а сам побежал.

Покамест господь им призрел с высоты
 На кровь невинную и на темноты,
 Яже просветил силою Чернецкого,
 вожда молодецкого.

Пожерл есть и того славу вол глотливый,^я
 Чрез уста лестных изменников лстивы,
 А как лгал сенат, здравствуя с послами:
 «Боже, буди с нами!
 Ты — Александр, ты — Гектор мужественный!»
 А весь свет знает, что с предков хорь
 боязненный,

Поел чюжие цветы голоден вол в поле,
 сам лежа в гное.

С ним безбожные вси его сверстницы,
 Поглотив Каменец, лукави хищницы
 Лстят ему, поглощая города с местами,
 спелят прикрасками. ||

Познали есмы ныне, что Пац в том правдовал,
 Теперво то правда — всем он добра желал
 И в правде спорил жирному сому,
 и мы споболезнуем тому.

Что ж, когда почали таковы королевать
 И властию жон своих скипетры принимают?
 Ныне достойно Полше с своею славою
 лежать под лавою,

За очи бить, сечь кому. Королевою
 Собеской быть с вертопрашною главою
 И княгинею Литве, а как привезли,
 на престол взнесли.

«Не позвалям»^{II, а} побежав, что собаки, молчат,
 Видя перед собою суровость волчью.
 Лестцы тотчас вскричали королю: «Королеву
 пусть увидим нову!»

Господин воивода сендомирской з бородою,
 Хотя не хотел, принужден итти их дорогою,
 Смотрит, где сенат стоит постоянно,
 умному все странно. ||

Куды кинеш оком, там везде шпыни,
 То лучшие люди, а все Морштины,
 Князь Доминик или недороден,
 где таков зброден.

л. 496 об.

л. 497

л. 497 об.

**БЛАГОДАРЕНИЕ ПАПЕ ЗА ДНИ ПРОСТИТЕЛНЫЕ
 И ЗА КАЗНУ РАТНЫМ ЛЮДЕМ**

Достоин еси, святе отче, хваления,
 Иже сим стихом от нашего желания
 Тебе за злат венец уготовленный
 будь поздравленный.

^я В ркп. на поле король.

^{II, а} В ркп. на поле (край листа оборван) то слово у поляк[ов] отрицательное, на [. . .] «не поступаюсь» [. . .], «не хочу», а здесь п[азы]вает тем сло[вом] тех людей, кото[рые] говорят «не позва[ляю]».

Святой папо, како ты нареци святым?
 Дашь уряды лакомцом проклятым,
 Но то не наше, знайся с легатами^б
 или блудниками.

За ними и французы скверна наша пани
 Непрестанно бегаёт вослед, аки лани,
 И замужние уже в Варшаве безчинней
 равны скотине. |}

л. 498

Аще когда сие, как ныне при щасливом
 Новосталом при Яне Собеском,
 Дал бог бискупов, также казнодеев,
 божних злодеев.

Правды не молвят, инии не дерзают,
 Что двор, то блудня горла заливают,
 Блудной двор пухнет, ужь его не хочют,
 чистоту псы лохчют.

Срамота, отче, изъяснять те злости,
 Или не ведомы варшавские пакости?
 Не велиш бискупом на ксендзов кричать,
 им судей обличать.

Как проповедал Христос: «Горе вам, блудники,
 Горе, змие, ехидна, народе жестоки».
 Обличал, шестма конми не ездил в карете
 зимою и в лете.

А не как ныне те наши бискупы,
 Которых соблазняют твои все легаты,
 И се поступки щоголя стройного,
 примаса честного. ||

л. 498 об.

Хоть уже гнезницким он арцыбискупом,
 Понеж король был ему заступником.
 Как ему из рук печать сильно взяли,
 * умрет, чаяли.

Боже, мало ли того беса ему,
 Но бискупу дивней краковскому,
 Которого толко мощи в стуле носят,
 так про него гласят.

Злоба и скупость неисповеданна,
 Змиевым ядом в конец натиранна,
 Сам умирая, на короля благого
 рычал дух его.

Варменской бискуп, сребролюбец старый,
 Видим, из Риму научились^в веры,
 Иезуиты ужь не кознадеи —
 шпыни, злодеи.

Не токмо слышат, видят и уж сами
 Мало не живут с теми кобетами,^г
 А без похлебства кричать уж некому
 во всяком дому. ||

л. 499

Содома страшна, о боже! и явно
 В день хоть пред отцом, что естли давно
 Дивно з собором, что земля жива
 не погрузила.

Видим мы в помощь ювилей^д святой,

^б В ркп. на поле послами. ^в Испр., в ркп. научились. ^г В ркп. на поле теми блудницами. ^д В ркп. на поле (край листа оборван) дни простителн[ые], которые попа [так!] п[о]сылает на оставление грехов.

Ты веси, боже, оле! проклятый
 Ослеп твой легат,^е лежа в гордости,
 не видит пакости.
 Смотрит на паньи или на их хвосты,
 Что хром дьявол несет или мужик просты
 Своевольным щоголям. Когда быти может
 сручняе, о боже!
 Стройный крижак^ж стройно устраивается,
 Сам дьявол стройно так не увивается,
 Когда повидаться^з с милою захотелось,
 тут удалось.
 А хотя б коей на мысли не было,
 Хотя бы ксездза любить не хотела,
 Лоск водоструйчат, кинув ся в очи,
 сердце розмочит. ||
 Атлас виницейской, образец новой,
 Обря струйчата и бархат стройной,
 Ожерелок, что дым шолков чюлочки,
 вчера с мачехи.
 Возри на стройной покроя примаса^н —
 У девок перенял строй и запястья.
 Лучши девица устроиться не может,
 казни его, боже!
 А хишник дьявол, что на мысль приводит,
 Держи чисто сердце, то тебе не вредит
 Трестися брюхом и пляски строить,
 Не грех ли, о враги? Пусть же творится,
 пока ад душ ваших исполнится.

л. 499 об.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА ДЕНЕЖНУЮ^к КАЗНУ

Щедра твоя рука, отче преподобный,
 Достойна мзды есть — господь праведный
 С небес да воздаст! — шла твоя казна
 Полше полезна. ||
 Но какая помочь нам от твоей казны?
 Бог весть сребролюбца лукава соблазны,
 Вовремя прислана злому волку-вору,^л
 угодило в пору.
 Хоть надежен друг француз, шалберов старшина,
 Не дал ему сукон в долг ни аршина.
 На слово голо кто бы условился,
 хотя б исполнился
 Тою казною, чтоб бедны силы
 Вспомочь, которы по крепостям были;
 Бедну пехоту, которую бог дает,
 в муку предает.
 По милости его, такъже и панов,
 На пагубу дал бог таких гетманов,
 Что для адава бруха своего
 наполнились всего.

л. 500

^е В ркп. на поле посол. ^ж В ркп. на поле (край листа оборван) монастырь крижа[ков] в Варшаве на Крак[овской?] улице, живут в [нем?] девицы непостри-
 ж[енные?] и буде которая п[р]. . . и замужь мочно и[дти?]. ^з Испр., в ркп. пови-
 дается. ^н В ркп. на поле (край листа оборван) [арцы]бискупа [гнез]ненского.
^к Испр., в ркп. дежую. ^л В ркп. на поле королю еще обранному.

Хоть мало запасу, однак вин венгерских
 Караваны ходят, толь-то чин жолнерский! —
 Курки печены, сахара привозят,
 нам голод множат.

Толко бы в обоз или в кой город
 Строем бы ввести свою хоруггов,
 Тотчас по дорогам запас разбивает,
 голоден не бывает.

Хлеб для пехоты — везде виселицы,
 Дай бы на толсту шею те вервицы,
 Не на нас, бедных, что будто сластями —
 кормимся псами!

Наши овощи — мышь, а телятина —
 Кошка, хотя мертва и кобылятина —
 Как есть не голод! На хлеб не помысли,
 пока король пришлет.

А король умной на нас призирает,
 Твою казну в Крым, отче, отсылает,
 Дает хану золото — хан поноворяет,^М
 будто уступает.

А лицемеры за то возванье
 Повели волка^Н на коронованье.^О
 Не дивно, что слепые мурзы поздравляют,
 с послы величают. ||

Из войска такъже многие начальники
 Посполство губят, вместе и с верстники
 Пехоту (поистинне мучеников!) с нами
 своими руками

Извели в розных прилучаях панство
 Горлом своим винным и различным пьянством,
 Моря их з голоду, остатки погане
 секли нещадне.

Как отступили татары ис подо Лвова,
 Лукаво с литвою идет волчья глава.
 Весь мир знает, естли б литва не пришла,
 нога б их не ушла.

Из-под Хотина как за бусурманы
 Вслед шли, не было б хулы на поганы,
 Когда б дал волю сердцам кавалерским,
 умам рыцерским.

Толко не ослы литва, знала ужа,
 Мстясь за Хотим, хотел съест у литвы мужа,
 Не ныне на пагубу та дуда надута
 играет, прокленута. ||

Тож сотворил, отче, и с твоим бряцалом,
 Ты ему дал золотом, а он нам ни салом.
 Кому король з женою твою^П казну дает,
 посол твой ведает.

Та богобоязненна пани — побожником
 На комедии, такъже плясалником,
 А что за пляски, пусть твой посол скажет,
 в Кракове укажет,

Какая комедиа бывала в Варшаве,
 А какво там цесаря дала поруганье,
 В небытии короля смех строя скаредный,
 но бог праведный

^М Испр., в ркп. поноворяязв.
 рованье. ^П Испр., в ркп. твою.

^Н В ркп. на поле короля. ^О Испр., в ркп. ко-

л. 500 об.

л. 501

л. 501 об.

Снищел в то время з громом, с молниею,
 Обличал то канцлер, студенты со всею силою,
 Для того достоин ада твой посол,
 естли не отписал. ||

ПРОШЕНИЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ У ПАПЫ

л. 502

Поздравляли есмы, святой отче, тебе,
 Нам такожде сотвори добро, сотвориш и себе.
 Днесь мало Полска Корона процвела,
 Днесь изволением божим рвать сети начала,
 Которых много Собески наставил,
 Как неприятель, то гораздо славил,
 Когда бы гетманом нам не поволлил
 Губить татаров, все брату наровил.
 Веждь, отче святой, кримскому хану
 Объявлял дружбу, псу-бусурману.
 Для того, дабы о нем помнил всегда
 Во время свое, Р как придет беда;
 Залазил себе волк у волка дружбы,
 Для своей чести доставил нас нужды.
 Ныне, слава богу, сердце некак растет,
 Мало уцелеет татарин в хворосте. ||
 Не как прежде — срубить татарина
 Избави боже! велика там вина.
 Тем охоту псы в загоны имели
 Пить, ест им было в полону до воли.
 Благослови ныне, пастырю святой,
 Сердца гетманов, чтоб чорт проклятый
 Куколю не сеял, как будут жить мирно.
 О Паце чаю, будет польной, то и дивно,
 Пить не охотник, а шалбер изрядный,
 Тем нас и Януш свел доброповодной.
 Знаюся с польным коронным гетманом,
 Лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
 Перво князь Дмитрей пусть себя исправит,
 Как гордость скинет, бог духа свята вправит
 В покорно сердце и збытки устанут,
 Когда на него лучи господни востанут,
 Как умножится к нищим милостыня,
 К бедным скуп не буди и жесток, гордыня.
 Тако мольвь, отче, ему чрез писание, ||
 Ждет бог его на лучшее востание.
 Довольно уж проливать вина и олканы,
 Полно грысть сахара, лакомы базаны.^с
 Та ли ныне пора и время ли по тому —
 Слуг вином поить и соблазнять к злому?
 Твоя ли то честь в карты, али ты Синявски?
 И Ян хотя королем, не изменяй своей ляски,
 Зри постоянство, как играет курфистр пруски,
 Делай, как Корибут, а не нынешний полский.
 Сколко вина в год изойдет всем паном
 В Полше и в Литве, шляхте и мечаном?
 Где жизнен виноград родит свой рой,
 Менши и вся вселенная выпьет; Польша вдвое
 Выпьет болши, нежели все народы под небом,

л. 502 об.

л. 503

Р Испр., в ркп. своей.   с В ркп. на поле прихоти.

Венгры, италиане болши живут хлебом.
 Поляк-бражник как вином горло не промочит,
 Тоскует с литвином, лезут изо лба очи,
 Лучши те збытки, отче милостивый,
 Вели отставить на хлеб ненасливый. ||
 Вели в обоз окарки возить и ветчину,
 Крупы, сухари, а не денежину.
 Воришка безделные то вымыслили,
 Тем своим вымыслом и земли сузили.
 Возить денешки — не хлеб до обозу,
 Что и по денгам, как выпал хлеб с возу.

л. 503 об.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЯНУ ТРЕТИЕМУ, КОРОЛЮ ПОЛСКОМУ,
 ВОЗВРАЩЕНИЯ ЕГО ИЗ ФРАНЦУСКОЙ ЗЕМЛИ В ВАРШАВУ
 1676 ГОДУ ИЮЛЯ В 28 ДЕНЬ

Здрава тя, короля, в возврате встречаем,
 Повеждь, откуда и кого ожидаем?
 Короля ль или блазна, твердь твоя по уши,
 Для чего возвратился, еси не без души?
 Рцы, почто королевы твоей не дождемся? ||
 И с каким постоянством чего надемся?
 Подобае королям постоянным быти,
 Дабы могл всяк по примеру королеву жити.
 От королей сих явно есть и крепко кажется,
 Что един в кренглях,^г другой в картах вяжется.
 Стыдно зело и нам, что он нас обманул,
 А сперва отрещися никто не догонул.
 А те болваны суть постоянни,
 Хотя их в лоб бьют и в проход задний.
 Не так от пулки трескается глава,
 Не толь заец беситца, когда ему сова
 Очи со лба дерет, как ты беснуешся,
 Что корова от слепней по хворосту суешся.
 Короли картовой своею охотою
 Не делают того, что ты с кобетою.^у
 Хотя короля в картах и о стол хто мечет
 Лбом или носом, однако ж не кричит.
 А тебя, ты, о Яне, кой дьявол брасает?
 Не ведунья ли, что ведунством летает? ||
 На хвасте тебя носит и с Казимирую,
 Покадить вас надобно псим калом с миррою.^ф

л. 504

л. 504 об.

ПЕРВАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Не тот ли тебя носит, которой к Варшаве
 Принесл тя с твоими пьяницы яве?
 ЕСТЬЛИ БЫ НЕ ПЬЯНИ БЫЛИ, СОРОМ БЫ ИМЕЛИ,
 Не было в них бога, как кровь лохтать хотели
 Из Михаила, от бога нам данна,
 Гой, знаем, чрез кого к смерти приведенна.
 Хмель то все делал и вместе з глотами,
 Что, забыв бога, злыми лаяли щеками.

^г В ркп. на поле игра городков деревянных девять, меж которыми девятый — король. ^у В ркп. на поле кобетою назва[на] королева, толк: блудница. ^ф В ркп. на поле имя королевино.

ВТОРАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Вторая добродетель та — по коронации
 Бежиш в диру, бутто тать из Францыи.
 Тебе короноватца она совет^х дала, ||
 Ехать в Краков с великою спесию желала.
 По короновании в диру стыд не было бежать,
 За то вам велим сабаку целовать
 Вместе обоим, что тайно бежите
 Ночью и днем. Так души себя вы лишите.

л. 505

ТРЕТЬЯЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Третьеѡ добро. Хто велел по частых хворостах
 Ловить перепелок,^ц где твой же дурак
 Вместо зайца уловил лукаву лисицу,
 Племянницу твою, красную девицу?

ЧЕТВЕРТАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Довольно уже было великого стыда,
 Что посол кизылбашской зделал не без смрада,
 Как покоевого твоего сильничал,
 Таков грех содомской злый пес здесь зачал.
 Оставя то, уже все днесь ты поздравляем,
 Что деетца в Францыи, тебя вопрошаем? ||
 Не урвали ль Парижу, будучи там, хвоста,
 Занеже к Гданску бегли, не спрашивая моста?
 Волохов ли^ч к вам или вас к италияном несли?
 Дивно, что в том полете души не вытрясли.
 Добр ваш Зевес, что вскоре прилучил вам воду,
 По желанию вашему учинил охолоду.
 То дивно, для чего ты миновал нас, Яне?
 Хотели поднести было тебе дар в замене —
 Панью Котовску, а ты с ффранцузами
 Пусти с Котовским з болными удами^ш
 Лечитца, хотя она королем учинила,
 Но та искушнейша шпынь, сверх того полька мила,
 Не будет на тебя^щ ни валком бросати,
 Не будет грысть, что червь, не будет ворчати,
 Как та твоя ффранцуженка, когда Михаила
 За короля взяли, каково стонала,
 Не⁹ сышала долго, что Михайло был паном.
 За то за лоб принималась рымарка^ю з гетманом,
 А сия добрехонка будет всегда ладить, ||
 Не испортит тебя, а будет беспрестанно гладить
 И уже меж горами полаты возносит,
 А у своих лошадей хвосты крепко красит.
 Толко ты, о Яне, не краси ей гриву,
 Покаместа Котовской излечит свою жилу,
 Она за то приберет шесть лошадей сивых,
 Не таких лошадишек рымарки смрадливых:
 Волокуются из Гданска, что мокрые седди,
 Болши бредет пеша, нежли на них едет.
 Паня Котовска многа лутчи в твердости,

л. 505 об.

л. 506

^х Испр., в ркп. свет.   ^ц Испр., в ркп. пелепелок.
^ш В ркп. на поле М.   ^щ Испр., в ркп. дебя.
^ю В ркп. на поле жена или дочь мастера, что кожи чеканит.

^ч В ркп. на поле
⁹ Испр., в ркп. на.

Давно бы возвратилась уж она с волости
 Француские земли, уж бы и салтана
 Утолила и брата твоего-то хана.
 Та там тебя королем смешным учинила,
 А сия бы цесарства вскоре доставила.
 И скорее летает, нежели Казимира,
 Везде ее полно и всякому мила.
 Жолнеры, ксендзы, святые езуиты,
 Любят ее вси цыганы и жида. ||
 Пусть не римарка владеет над нами,
 Но кровь шляхетская. Разсудите сами:
 Та не вывезет казны из нашей земли,
 Воспоможет узорочьем и денги своими.
 Не комидиями будет тя кормила,
 Даст жирной каши, увидиш, сколь мила.
 С одним с тобою будет и одному рада,
 Францускому уж послу не будет привада.
 Покамест Дмитр королем будет над нами,
 Бог с ним есть, узрете вы сами.

л. 506 об.

X КАЗНОДЕЕМ

Дивно нам на вас, милы казнодее,
 Будто вы не знаете, что ся в мире деет.
 Велят вам на нас кричать полские бискупы,
 смрадные трупы.
 Первый шалбир и лстивец великой Требицкий,^я
 Олшовский, арцыбискуп, и третей Варшицкий,^{III, а}
 Естьли вы сните, а служилой видит,
 хто ково обидит. ||
 Не ныне король губит своею рукою,
 Не рубит, толко мучит горкою мукою,
 Молит епископов: «Бога для, пастыри,
 мои шалбири!
 Ведите ксендзом, паче ж казнодеем,
 Пусть на амбоне кричат тем злодеем,
 Которые из войска скоро побежали,
 королю отказали.
 Знамена голы побросали в поле,
 Ни по городам, ни при самом короле,
 Пусть к знаменам своим возвращают,
 сколь возмогают.
 А у меня-де казна им готова,
 Денги и всякой запас дадут снова —
 Хочет ли хто на мушкет, хоть на виселицу,
 емлите пленицу». ||

л. 507

л. 507 об.

ОТВЕТ НЕКОЕГО СЛУЖИВОГО X КОРОЛЮ

Сам на ту мзду иди, Яне, з бискупами
 И сенатори, твоими лесцами.
 Мало что добрых и между бискупы,
 вместо их сконн.
 Збери каноников-милишев с собою,
 Ксендзов, пралатов, не пропадут^б с тобою.

^я В ркп. на поле бискуп краковской.III, ^а В ркп. на поле каштелян краковский.^б Испр., в ркп. пропадут.

В шелковых чюлках целой их собор
 пусть в прямой побор
 Пойдут до беса, а пусть на их место
 Жиды множатся. Пожди, Яне, еще
 Возми всех панов, с коими в Кракове
 был на розговоре.
 Во всю там зиму весело пировал,
 Спал до полдня, в вечеру сеймовал.
 А ночью «буди здрав!» или играл балеты^В
 для той кобеты.^Г || л. 508
 А мы б хоть здохли, понеж условлены
 Станы имели — кровли соломяны.
 Пусть-де радеют, как и я о себе.
 Сто чертей тебе!^Д

ОТВЕТ И МЫСЛЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Правда его крепко знатися нам дала,
 Сперва укусен был, а ныне что сало.
 Теперво видим, что зелье кропива,
 налево грива.
 Пусть же слепит лестьцов-полковников,
 Ротмистров кормит, бутто бы мясников.
 Нас накормил часто мертвою коницою,
 смрадною псиною.
 Тем похватили литовского гетмана,
 Пошел из обозу, не дожидаясь обмана,
 Он к злу концу вел всех. На что взираем,
 когда вси погибаем? || л. 508 об.
 Нихто того ныне нам не похули,
 Что королю гетманы на встречу ехали
 С лутчим то войска союза рыцарского
 на лукавство его.
 Правда ль то его? Нечестивым лакомцом
 Велеть хлеб возить в Каменец поганцом,
 Татар не рубить, отпускать их в платье,
 а ты гинь, брате.
 З жалем сердечным к богу воскликая,
 А на все злобство его порекая,
 Когда бы не было ис Киева помочи,
 треснуло б брюхо с мочи.
 Казнодейте ж вы, ксендзы, вельможам и купцом,
 Пусть нам хлеб возят, а денежки немцом,
 А которые во Гданск струги спровожают,
 пусть пропадают.
 Пусть не за море, пусть к нам до обозу
 И в крепости возят з головы по возу.
 Се есть от сотниц старо и ново,
 с того брюхо здорово. || л. 509
 А жид всякой пусть крепко служит,
 Пусть запас возит, коня добра держит.
 Когда в обозе болши хлеба будет,
 медь нам избудет.
 Ведайте, безбожнии, по вашей росправе
 Многие отказали гетманской булаве.

^В В ркп. на поле плясание. ^Г В ркп. на поле блудница, се есть королева.
^Д Испр., в ркп. себе.

Как под Хотином по счастью бывшего
 короля прежнего,
 Хотя по правде победители были
 И волею божиею врагов победили,
 Однако ж из обозу много ль пехоты
 сошли с той работы?
 Так вы, тыране,^е что хлеб наш ядите,
 Только б нас в обоз, сами не глядите,
 Сами в банкеты, в вина и в бастры,
 а нас на нож острый.
 Тем добро сердце у всех нас отбили
 И славного князя когда поморили,
 Тех ковалеров своим безумьем,
 лихим всезлобием. ||
 Того для помочь вам царь уготовляет,
 Король слеп ждет, а царь очищает
 Не за ловлею, хотя сам не в полю,
 иди с ним к бою.

л. 50 об.

К БИСКУПУ КРАКОВСКОМУ

Глух ты был,^ж чаять, бискупе краковский,
 Когда обличал тебя гетман польский,
 Князь хотя скупой, только ся исправит,
 бог его вславит.
 Молвил в сенате сам бы ты, бискупе,
 Нужды отведал, в войске побыв, трупе,
 Умел бы ты, как жолнера почитать,
 сена не давать.
 Знаеш, Иудо, людей брандебургского?
 Да и наряды курфистра пруского?
 Не молодцы ли? Твоим ли гниляком
 ровень жолдаком? ||
 Которых в Каменце поел, будто сельди,
 Отцев богатых и плачут их деды?
 А за тех из скарбу денег прошаеш,^з
 а не поминаеш.

л. 510

К КСЕНДЗОМ

Тогда просим вас, ксендзы, до обозу.
 Нет там голоду, нужды, ни морозу,
 Там кельи теплы, перины пуховы,
 шутики пороховы,
 Француской посол в золотой корете,
 Вина довольно зимою и в лете,
 Там хан в грехах прощает —
 головы срывает.^и
 О дай! бы не было бискупов-кабанов,
 Которых носят, что жирных баранов,
 Время, и плебанов, с ними каноников
 и исповедников. ||
 И тех боровков, обман-езувитов,
 Болши всех лести, правды — что у жидов.
 О! сколь того лиха везде размножилось:
 В ксендзы и в черницы, в спеваки збежалось.

л. 510 об.

^е В ркп. на поле мучителю (так!). ^ж Испр., в ркп. бы. ^з Испр., в ркп. прошаеш. ^и В ркп. на поле муде отрывает.

Обоз им смердит, а на амбоне

бьют в ладони.

Лутчи быть мнихом, а чотки имети,

Нежели пулку в ребрах, — учнет там свербети.

Постники, на смерть не много скорбите,

шалберы, молчите!

Или вы слепы? Король коль тверд в полю,

Сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою.

Ныне в Яворове на удах^к сидит,

на сельди глядит.

Будучи^л в Кракове на коронации,

В трубы и в сурны, в французски факции —

«Лей-поливай на всяк день, братчина!

Дай, дьяволе, вина!» ||

А мы, ^кквартьяные, удалы молодцы,

Буде кому силно, чево не отняли хлопцы.

Проподаем з голоду, а конь от соломы

на зубы хромы.

Отведайте, ксендзы, нынешней сладости,

Не старых королей поступок в нынешней пакости,

Переполощите дождем свои колнерики,^м

статны черевики.

Есть у вас соболи, куницы и рыси,

Берите в службу стаканы, серебряны мисы.

Даст вам и примас свои златы фляши,

будут те часы.

Воскресит вскоре^н нам господь Богдана,

Вывлечет на двор не одного пана,

И не одному топором отделит

лоб от гардели.^о

(ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 486—511)

^к В ркп. на поле на мудах. ^л Испр., в ркп. будичи. ^м В ркп. на поле ожерелки.
^н В ркп. написано над строкой. ^о В ркп. на поле от глотки голову.

М. ЧИККАРИНИ

Западные источники русско-польских фацетий XVII в.

В комических жанрах гуманистическо-возрожденческой литературы проявляются тенденции перехода от пародии, т. е. от шуточного искажения модели, функционально направленного на доказательство какого-то тезиса, к фацетиям — сюжетным повествованиям без нравочений, снизводительным, спокойным и самостоятельным.¹

Эволюция средневекового смехового элемента шутки — центральный момент в истории формирования нового времени и новой гуманистическо-возрожденческой антропологии. Начиная с «Декамерона» (1349—1351) Джованни Боккаччо, т. е. с момента превращения средневековых «ехет-пра», фábльо, куртуазных романов в новеллы, содержание которых, по характеристике Ч. Сегре, «более не составляют разрозненные эпизоды, выхваченные из человеческого бытия изумленным автором, но, напротив, разумно включаются в общую картину, объясняющую жизнь»,² мы находим богатую традицию шуточных произведений,³ в которых смех вызван веселыми, непредвзятыми наблюдениями над повседневной жизнью и где человек одновременно выступает и как автор и как исполнитель. Гуманистическая фацетия, как и Гуманизм в целом, возникла в Италии, но быстро — хотя и не везде одинаково успешно — распространилась по всей Европе. Из славянских государств Польша XVI в. была страной, которая наиболее активно и плодотворно развивала культурные связи с Италией. Эти отношения поддерживались как притоком поляков в итальянские университеты и присутствием итальянских знаменитостей при польских дворах, так и широким распространением в Польше произведений и трактатов гуманистическо-возрожденческого характера на латинском и итальянском языках. Способ отбора этих произведений был продиктован социальными запросами польского дворянства, чья избирательная восприимчивость привела к тому, что были, например, переведены или вышли в обработку такие книги, как «Придворный» Б. Кастильоне, «Zodiacus vitae» Палингения (П. А. Мандзолли), а позже появились в переводе «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо и «Неистовый Орландо» Л. Ариосто. С другой стороны, полностью отвергнутым оказался «Государь» Макиавелли,⁴ а в переводах из Боккаччо предпочтение отдавалось нравоучительным новеллам и трактатам на латинском языке.⁵

¹ Graciotti S. La facezia umanistica in Polonia e i suoi modelli italiani // Italia, Venezia e Polonia tra Medio Evo e età moderna. Firenze, 1980.

² Segre C. Introduzione // Bossaccio G. Decameron. Milano, 1977. P. 9.

³ Мы имеем в виду фацетии П. Браччолини, Л. Доменики, новеллы Ф. Саккетти, сборник фацетий Пьявано Арлотто и проч.

⁴ Malarszyk J. La fortuna di Niccolò Machiavelli in Polonia // Conferenze dell' Accademia polacca delle Scienze. Biblioteca e centro di Studi a Roma. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. Fasc. 42.

⁵ Ślaski J. La fortuna del Boccaccio nella Polonia del Rinascimento // Il Boccaccio nelle culture e letterature nazionali, Firenze, 1978.

Жанр фацеции также завоевал в Польше довольно большую популярность. Введенный в апофегматах, содержащихся в Житиях Григория Санокского и кардинала Олесницкого, автором которых был Филиппо Буонаккорси, прозванный Каллимахом,⁶ этот вид повествования очень быстро проложил себе путь, широко (хотя и не всегда прямо) включая в себя заимствования из таких итальянских источников, как «Liber facetiarum» П. Браччолини, различные сборники новелл Л. Доменики, куда входили также произведения из сборников других авторов, часть «Придворного» Б. Кастильоне, включающая в себя анекдоты, и «Декамерон». Во второй половине XVI в. эти книги использовались в польских собраниях фацеций «Figliki» (1562) и «Apoftegmata» (1568) Н. Рея, в посвященном фацециям разделе «Польского дворянина» Л. Горницкого (1566), в «Польских фацециях» (1570?) неизвестного автора. Последнему сборнику, а также его последующему переводу на русский язык и посвящено настоящее исследование.

Эта книга, состоящая приблизительно из ста восьмидесяти развлекательных анекдотов, выбранных из различных западных сборников или почерпнутых из устной традиции, имела большое количество изданий,⁷ что является доказательством успеха, которым пользовались включенные в нее истории, хотя невысокий художественный уровень новелл обусловил их расположение вне какого-либо литературного плана. Помимо большой популярности в Польше этот сборник получил широкое распространение на рубеже XVII и XVIII вв. в соседней России, где бедность содержания и формы этих рассказов отнюдь не мешала их успеху наряду с прочими произведениями западных авторов.

Насчитывается около тридцати дошедших до нас русских рукописей с переводом «Fascje Polskie» («Польских фацеций»), и, несмотря на текстовые и отчасти тематические несоответствия, появляющиеся в различных рукописях сборника, становится очевидным, что он восходит к польскому оригиналу, как, впрочем, явствует из его названия: «. . . Факедры или жарты полски, беседы, повести и утешения, от пяти разных трактатов предложены и во единствен порядок сочинены. . .».⁸

Первый вопрос, до сих пор не решенный, а потому заслуживающий анализа и изучения, относится к польскому прототицу переводного русского сборника. В своем вступлении к переизданию одного из польских собраний фацеций польский ученый А. Брюкнер⁹ утверждает, что первый перевод с польского языка на русский был сделан, вероятнее всего, около 1681 г. (уточняя при этом, что «Fascje Polskie», — лишь частично представленные в русском сборнике, — являлись, очевидно, не единственным польским источником, которым воспользовался русский переписчик, и что фацеции русских сборников, отсутствующие в перепечатанном самим Брюкнером польском издании 1624 г., возможно, были заимствованы из других источников; последние, однако, он был не в состоянии указать).¹⁰ Один из наиболее авторитетных исследователей в этой области, советский литературовед О. А. Державина, ставит под сомнение тот факт, что русский перевод основывался на польском издании 1624 г., так как в названиях русских рукописей говорится о переводе фацеций с польского текста, разделенного на пять частей, или трактатов, в то время как в переизданном Брюкнером сборнике их насчитывается шесть. Действи-

⁶ Gracioti S. La facezia. . . P. 377.

⁷ Ср.: Ciccarini M. La tradizione seicentesca delle «Fascje polskie» // Ricerche Slavistiche. Roma, 1982—1984. Vol. 29—31. P. 107—146.

⁸ См.: Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 104 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием фамилии автора и номера новеллы).

⁹ Brückner A. Fascje Polskie z roku 1624. Kraków, 1903 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием фамилии автора и номера новеллы).

¹⁰ См.: Ibid. S 14.

тельно, фации *Viz* шестого «брюкнеровского» трактата (содержащего истории «о глупцах») ни разу не присутствуют в русских рукописях.¹¹ Кроме того, советская исследовательница с уверенностью утверждает, что польское собрание фаций переводилось на русский язык по меньшей мере дважды: первый раз в конце XVII в. (см. рукопись ГПБ Q.XVII.12) и второй раз в начале XVIII в. (см. рукопись БАН 17.7.36). Переработка второго перевода привела к появлению в том же XVIII в. третьей редакции (Державина называет ее также третьим переводом) фаций на русском языке (см. рукопись БАН 13.6.8). Все остальные рукописи О. А. Державина считает «вариантами» одного из трех переводов.¹²

Другого мнения придерживается польская исследовательница Барбара Вальчак. В своей статье, написанной в ответ на выкладку О. А. Державиной,¹³ она отстаивает тезис о том, что в действительности польские фации переводились на русский язык только один раз — в конце XVII столетия. Существуют три редакции этого перевода. Первая восходит именно к концу XVII в., представлена рукописью ГПБ Q.XVII.12 и весьма близка к польскому оригиналу. Вторая редакция, по мнению Б. Вальчак, относится к началу XVIII в. и представлена рукописями ГИМ, собр. Щукина, № 255 и ГПБ, собр. Вяземского, № 286, хранящимися соответственно в Москве и Ленинграде. Вторая редакция стала основой для последующей — третьей редакции, созданной в середине XVIII в. и содержащей небольшое число фаций (см. рукопись БАН 45.5.30).

Наша работа по сопоставлению «польских фаций» на польском и русском языках зиждется на двух единственно существующих и доступных изданиях — Брюкнера и Державиной. Такой документальной базы достаточно для решения поставленной нами задачи — выявить западные источники указанных фаций. Мы, однако, занимаемся в настоящее время более тщательным изучением текстологической и литературной традиций «польских фаций» на польском и русском языках, проводимым по рукописям и старинным изданиям. Это позволит нам не только воссоздать не имеющуюся пока в нашем распоряжении историю обеих традиций фаций на польском и русском языках, но и снабдит нас также новым, более полным и обоснованным материалом для поиска и выявления западных источников фаций.

Сравнивая польский и русский сборники на основе двух вышеназванных изданий, мы не можем не подтвердить высказывания упомянутых авторов относительно следующих основополагающих фактов: а) собрание русских фаций не повторяет полностью польское издание Брюкнера, и отобранный материал является не дословным переводом, но включает в себе определенную долю свободной трактовки; б) не весь материал русской антологии, даже когда очевидно его заимствование из польского оригинала, можно обнаружить в издании Брюкнера.

Что касается непосредственно шестидесяти двух русских фаций (из общего числа 77), имеющих прямую связь с текстом Брюкнера, можно заметить, что их композиция полностью соответствует построению польских фаций. Кроме того, «полонизмы» в русских фациях указывают на прямую зависимость последних именно от текста польских напечатанных фаций.¹⁴

Однако русский сборник обладает своей собственной композиционной структурой. Первые фации (а именно 31) повествуют о случаях, относя-

¹¹ См.: Державина О. А. Фации. С. 46—47.

¹² Там же. С. 55—57.

¹³ См.: Walczak B. O przekładach facji polskich na język rosyjski // *Slavia Orientalis*, 1972. № 1. S. 47—64.

¹⁴ Например: в рассказе № 49 (Державина) повествуется о некоем «шляхтиче» (от польск. szlachta — знать); в рассказе № 51 — о некоем «кугляр» (от польск. kuglarz) и о некоем «опусте» (от польск. opuzst — мошенник) (вариант T-Q.XVII.12 той же самой фации см.: Державина, с. 135). В рассказе № 73 упомянут город, названный на польский лад «Кольна».

щихся к героям античности. Последние 24 (за исключением 75-й и 76-й) рассказыывают исключительно о «злых женах» (спесивых, вспыльчивых, обманывающих мужей, способных с помощью своего лукавства всегда «выйти сухими из воды»). Центральная часть сборника, составленная из 22 фацеций, посвящена коротким историям о жадных и плутоватых судьях, священниках, занятых чересчур земными делами, хитрых или глупых ворах, мудрых крестьянах и купцах-мошенниках. Таким образом, русский собиратель не сохранил порядка следования польских текстов, совершенно свободно расположив рассказы,¹⁵ не соблюдая разделение на трактаты, которое мы находим во всех польских сборниках.¹⁶

Второй бросающийся в глаза факт состоит в том, что 15 из 77 русских новелл не встречаются в польском издании 1624 г.¹⁷ В качестве вероятного источника новеллы № 77 Державина указывает один из рассказов «Апофегмат» Б. Будного, озаглавленный «Historia krotofilna o kurcu, który się założył o spotę żony swojej», в свою очередь заимствованный из новеллы II, 9 «Декамерона» Д. Боккаччо. Мы предполагаем также, что фацеция № 62 взята, хотя и со значительными переделками, из истории XXIX «Тиля Уленшпигеля» в издании Т. Мурнера.¹⁸ По поводу остальных русских фацеций можно выдвигать разные гипотезы, а именно: а) что они почерпнуты из какого-либо другого, нам не известного сборника «Fascje Polskie»;¹⁹ б) происходят из других польских сборников фацеций;²⁰ в) были написаны по общим для Польши и России мотивам устной традиции; г) родились на русской земле.

Действительно, нам кажется, не следует совершенно исключать возможность того, что некоторые фацеции²¹ были добавлены самим русским составителем (позволявшим себе, как мы уже подчеркивали, весьма свободно обращаться с польским материалом при отборе новелл), который, вероятно, мог создать их «ex novo» или в целях обогащения сборника просто поместить в нем истории, где-то им услышанные. Исключив фацеции № 49, 51 и 73, где встречаются полонизмы,²² заметим, что фацеция № 71, хотя и представляет собой уже не раз использовавшуюся на Западе историю (о злключениях доброй девушки, попавшей в сети

¹⁵ Единственное исключение представляет группа коротеньких рассказов о Диогене (см.: Державина, № 16, 17, 18, 19, 21), перенесенных подряд из польского текста (см.: Брюкнер, № LXII); фацеции № 45, 46 и 66, 67 у Державиной (см. соответственно: Брюкнер, № VI, VII, CXLII, CXLIII) также перенесены одна за другой из польского оригинала.

¹⁶ См.: В р ü с к н е р А. Fascje Polskie. . . — Названия шести трактатов, на которые разделен польский сборник 1624 г., таковы:

Traktat I. Który w sobie żartowne powieści zamyka (S. 27—78).

Traktat II. O mysternych kusach i fortelach (S. 38—81).

Traktat III. Apoftegmata. Abo z rozumu baczne powieści (S. 81—108).

Traktat IV. Trafne przymówki a szyderstwa (S. 108—137).

Traktat V. O chytróściach niewieścich (S. 137—173).

Traktat VI. O głupich. . . (S. 173—193).

¹⁷ Речь идет о новеллах № 20, 22, 49, 51, 52, 56, 57, 62, 65, 71, 72, 73, 75, 76, 77 по нумерации Державиной.

¹⁸ См.: Till Eulenspiegel / T. Murner. Leipzig, 1854 (1519). S. 112—114.

¹⁹ Из различных изданий мы проверили лишь издание 1661 г., совершенно идентичное в интересующем нас плане сборнику 1624 г. Не исключено, однако, что при анализе остальных не проверенных нами изданий можно будет получить новые ценные сведения.

²⁰ Мы просмотрели, не добившись при этом какого-либо результата, следующие польские сборники новелл: Bielski M. Satyry. Kraków, 1889 (Sen majowy, 1586; Rozmowa baranów, 1566; Sejm niewieści, 1566); Biernat z Lublina. Ezop. Kraków, 1910 (1522); Błażewski M. Setnik przypowieści ucieśnych. Kraków, 1608; «Co nowego». Kraków, 1903 (1650); K o r c z y n ś k i A. Fraszki. Kraków, 1950 (конец XVII в.); G ó r n i c k i Ł'. Dworzani polski. Warszawa, 1566; R e j M. 1) Kupiec. Kraków, 1549; 2) Figliki. Warszawa, 1970 (1562); 3) Apoftegmata. Kraków, 1905 (1568).

²¹ Мы имеем в виду фацеции № 49, 51, 52, 71, 72, 73, 76 у Державиной, также липенные западного источника.

²² См. примеч. 14.

коварной старухи, состоящей в услужении у сластолюбивого помещика, который не смущается никакими средствами для удовлетворения своих желаний (сошлемся при этом на новеллу XIV из «Disciplina clericalis» Петра Альфонса, относящуюся к концу XI в., и на сюжет «Селестины», написанной Фернандо де Рохасом в конце XV в)), но имеет довольно необычный конец: после своего освобождения похищенная девушка мстит старухе за сыгранную с ней шутку, избивая ее до крови при содействии нескольких подруг. А фацеция № 52 рассказывает о законе, введенном в Древнем Риме Марком Аврелием, по которому злые женщины получали наказание. Это первая из длинного ряда новелл, описывающих женское коварство и вероломство; и хотя мы не нашли для нее западного источника, ссылка на Марка Аврелия, как нам кажется, свидетельствует о том, что такой источник существовал. Фацеция № 72 — это совет женщинам прислушаться к словам пророка Давида и апостола Петра, а последняя из этой группы новелл, № 76, повествует о черте, нанявшемся к отшельнику сторожем — охранять огород с репой. Появившемуся вору черт приказывает отказаться от злых намерений и бежит предупредить хозяина. Но хитроумный вор, не придавший сначала значения словам черта, оправдывается перед подоспевшим взбешенным хозяином тем, что сам черт подбил его на это воровство.

Чтобы внести большую ясность в вопрос о том, какие из русских фацеций представляют собой непосредственный перевод польского текста, который имеется в издании Брюкнера 1624 г., приведем ниже таблицу, где слева с помощью арабских цифр будут перечислены русские фацеции с теми названиями и в той последовательности, в какой они помещены в книге О. А. Державиной, а справа им будут соответствовать польские новеллы из сборника Брюкнера, обозначенные (в самой книге и в нашей таблице) римскими цифрами.

На возможные западные источники «Faciesje Polskie» неоднократно, хотя и в общих чертах, указывали несколько исследователей.

Русский ученый А. Пыпин в своей работе «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» находит источники некоторых переведенных с польского языка русских фацеций²³ в следующих латинских сборниках: «Democritus ridens» (Amsterdam, 1655) (фацеции № 1, 9, 56, 57 находятся соответственно на страницах 16, 69, 29 и 12); «Nebulo Nebulorum» (Leipzig, 1786 (1634)) (№ 35 и 9 — на страницах 62 и 100); в произведениях следующих авторов: Д. Боккаччо, «Декамерон» (фацеция № 3, 61, 68, 69, 74, 77 соответствуют новеллы X, 1; VII, 2; VII, 7; VII, 4; VIII, 8; II, 9); П. Браччолини, «Liber facetiarum» (1491) (№ 42, 65 и 59 — соответствие не указано); Т. Мурнера, «Гиль Уленшпигель» (фацеция № 62 соответствует рассказу XXIX); И. Паули, «Schimpf und Ernst» (1535) (фацеции № 5, 9 соответствуют № LXXXVI, XXIII; отмечена также фацеция № 30, польское соответствие которой не указано).²⁴

А. Брюкнер в книге «Faciesje Polskie z roku 1624» утверждает, что около восьмидесяти польских фацеций можно обнаружить в «Convivium sermonum liber» И. Гаста (но уточняет он только некоторые, а именно: № 5, 63, 73, 76, 85, 108, 183), приблизительно сорок — в «Silva sermonum iucundissimorum» И. Хульсбуша (указаны № 8, 9, 10, 14, 18, 23, 25, 48, 56, 83, 116, 118, 148, 153, 154, 164), еще несколько — в «Directorium humanae vitae» Иоанна Капуанского (указаны № 151 и 157) и в «Historia septem sapientum» (№ 152), десять взяты из «Декамерона» Д. Боккаччо (указаны лишь № 26, 41 и 160), одна из «Придворного» Б. Кастильоне (№ 128). При этом, как видно, сборники новелл Л. Доменики даже не

²³ Указываем эти фацеции согласно нумерации О. А. Державиной.

²⁴ Все библиографические ссылки взяты из книги А. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857. С. 262—278), где они приводятся в полном виде.

<i>Державина</i>	<i>Брюкнер</i>
1. О Августе кесаре и о поете Виргилии.	LXXXII. Na pana niedatnego, trefna przy-powieść.
2. О Ироде и о злобе таковых.	CVII. O Herodzie.
3. О Августе кесаре и о ближнем его сановнике.	LXX. Na pana niedatnego.
4. О Филоксемене князе, его же убедил некая жена дров сеши.	LX. O Philoksemenie, książęciu nieu-rodziwym.
5. О гордом дворянине.	CVI. Na hardego.
6. О Агесилаусе, Лакедемонском царе.	CIX. O królu Lacedemońskim.
7. О Алцыпиадесе, князе Афин-стем.	LIV. Obmówiska trefne ustne.
8. О Димосфене и сени осли и о судах.	XC. O cieniu oślim.
9. О судии и о судившихся.	LXXVIII. O sędzim, co go dwa darowali.
10. О Сципионе Африкане.	LXXXIX. O Scypionie.
11. О Стратонусе.	LXVI. O lutniście, wierutnym łotrze.
12. О некоем князе.	XXXVIII. O śnie.
13. О держателем злобнем.	LXXVII. O babie, co na pana złęgo Boga prosiła.
14. О кесаре Августе и обнищав-шем куще.	LXVII. Na dłużnika.
15. О судии.	CIII. Na zimne ręce przymówka.
16. О ласкосердстве.	LXII. O Dyogenesie.
17. О сластолюбивых.	LXII. O Dyogenesie.
18. О зазрении.	LXII. O Dyogenesie.
19. О богатых и убогих.	LXII. O Dyogenesie.
21. На отрока.	LXII. O Dyogenesie.
23. На дурных.	XC. O malarzu, co szpetne dziecię miał.
24. На малых.	XCIII. Na małego żart.
25. О малом возносящемся.	XCIII. Na małego żart.
26. Аниибала на возносливого от-вет.	XCVI. Anibalowe szyderstwo.
27. О несогласии в советех.	LXXVI. O niezgodzie piękny przykład.
28. О Димосфене.	CIV. Na próżnochwały.
29. О изографе.	CXXVIII. O prałaciech, co malarza stro-fowali.
30. О юноше, иже подобообразен бе Августу.	XCIX. O młodzieńcu, co był podobny cesarzowi.
31. О цесаре Королусе, како пиан-ство изобличи.	I. O pijanicy, co cesarzem był.
32. О тате, иже прииде красти пианицу.	LXXIII. O złodzieju, co włożył do pija-nice.
33. О мнихе, како обреза курия.	LXXXIII. O mnichu, co kapłona wedle pisma rozbierał.
34. О некоем, при смерти лежа-щем.	CXXXII. O jednym, co stękał.
35. О некоем белянине, иже сына своего в научение предаде.	V. O sołtysie, co syn jego studio-wał.
36. Како прииде пынь исповеда-ться пред попа.	XII. Na księżą łakoma.
37. О неведущем языка воложка.	X. O Niemcu, co mu ząb wyjęto.
38. О господине и о рабыне.	LXXXIV. O Hiszpanie, co się do dziecięcia przyznać nie chciał.
39. О дву девицах и о балбере.	XLIV. O barwierz, co dziewczkom puszczał krew.
40. О сницаре и о плотяном исту-кане.	XXII. Jako jeden snicarz obrazuchiał poprawiać.
41. О некоем злобее, повелевшем очки купити.	XXXVII. O jednym, co okulary kupował.
42. О обретшем сокровище.	IV. O jednym, co skarb we śnie znalazł.
43. О индерлянском плуте, краву украдшем.	XIV. O jednym oszuście, co krowę ukradł.
44. О уздравлении подагры у пле-бана.	VIII. Dwa złodzieje jako księdzu pe-dogrę zleczyli.

Державина	Брюкнер
45. О немущем в болезни ветров и о блазне.	VI. O błaznie, co pana pierdzielem uzirowił.
46. О малпе или пифике, иже господина уздравил.	VII. O małpie, co pana uzdrowiła.
47. О дворянине и о прокураторе.	XVIII. O mikstatniku, co wołał wara.
48. О влохе и о венете.	XXV. Jako jeden Włoch Weneta oszukał.
50. Плебан ко шляхти в гости приехал.	XXX. Jako się szlachcic przed gościem brał z domu.
53. Обычай жен.	LVII. O Sokratesie.
54. Ответ Сократов.	LXVIII. O Sokratesie.
55. Некий муж гнев жены пицанием усмири.	XXVII. Fortel na złą żonę.
58. Муж жену вместо купы вверже в море.	CXXXIII. Która kupia nacięższa?
59. Муж утешую жену противу воды ищет.	CXXXIX. Co żony przeciw wodzie szukał.
60. Жена каялася, а муж подслушал.	XLVII. Złej żenie pokuta.
61. О жене, всадившей гостя в полбочку	CL. Co wlaźł w półkufek.
63. Како жена мужа прелукавила.	CXXI. Jako żona męża w pole wywiodła.
64. Како мужа жена поминала.	CXLVI. O niewieście, co kota sprzedała.
66. Девка веном юношу обольстила.	CXLVII. Jako panna młodzieńca wianem oszukała.
67. Како баба диавола обманула.	CXLVIII. O babie, co diabła oszukała.
68. Кассандры флоренския издевка над мужем, а к слуге милость.	CXL. O studze, co panu dał kijem.
69. О гражданине упивающемся и о жене его.	CLII. O niewieście, co się rzkomo wrzuciła do studniej.
70. Двух мужей две жены из разума вывели и обманули	CLVII. Jako dwie niewieście swe mężę oszukały.
74. О друзьях о Марке и Шпинелете.	XLI. O dwu Włochach.

упоминаются, а все внимание сосредоточено в основном на немецких авторах, на которых польский ученый, однако, не дает точных ссылок.

Используя заметки Пышина и Брюкнера, О. А. Державина в книге «Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века» расширяет круг исследований. Приводит то, что уже было сказано учеными, она добавляет, что из «Декамерона» Боккаччо были взяты также новеллы VII, 8; VII, 5; VII, 6; VIII, 1, однако не говорит (и нам также не удалось это выяснить), каким русским фацециям они, по ее мнению, соответствуют. Помимо этого особое внимание О. А. Державина уделяет И. Паули и его книге «Schimpf und Ernst», к которой исследовательница относит русские фацеции № 9, 12, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 33 и 58, не приводя опять-таки соответствующих новелл Паули. Фацецию № 58 вместе с № 63, 32, 34, 55, 46 можно, по ее мнению, найти и в «Шванках» Генриха Бебеля (Тюбинген, 1506 — О. А. Державина считает, что эти фацеции располагаются соответственно на страницах 21, 74, 20, 71, 109, 20—21 в рассказах № 35, 62, 32, 55, 139, 38). Кроме того, в книге И. Паули «Schertz mit der Warheyt» на страницах 10—12, 4, 31—32, 30 исследовательница находит соответствие фацециям № 77, 6, 59 и 63.

Среди польских ученых следует, наконец, отметить Е. Кржижановского. В работе «Paralele. Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru» (Warszawa, 1961. S. 104—114) он исследует книгу Л. Доменики «Facetie, et motti et burle. . .»,²⁵ цитируя издание 1593 г., и дает обзорное

²⁵ Facetie, et motti et burle di diversi signori et Persone Private, raccolte per M. Lodovico Domenichi et da lui di nuovo del settimo libro ampliate . . . Fano: P. Farri, 1593.

сравнение совпадений (целых 38!) между этим сборником и «*Fascije Polskie*», уточняя, однако, что на основе совпадений нельзя с полной уверенностью утверждать, что эта часть польских новелл происходит именно от Доменики. Исследователь указывает, что при составлении своего сборника Доменики широко пользовался произведениями различных латинских и немецких авторов, в том числе произведениями Гаста и Хульсбуша, которые в то время были особенно популярны в Польше. В этой связи Кржижановский останавливается на трудностях, проистекающих от того, что невозможно установить, на какого автора ссылается польский составитель — на Доменики или на один из источников последнего (например на Гаста). Кржижановский считает, правда, что иногда само содержание польского текста помогает рассеять сомнения. В доказательство он приводит пример фации № 92 «*Na medyka nieuczonego*», имеющей соответствие как у Доменики, так и у Гаста. На его взгляд, польский составитель заимствовал эту историю вероятнее всего у немецкого автора, так как в ней мы находим весьма колкий ответ, вложенный в уста Паузания; у Доменики же фигурирует некий синьор Антонио Гамба. Фация № 108 «*Co wzrok paleriej parawia*», напротив, была взята, по мнению Кржижановского, у Доменики, который упоминает имя Саннадзаро, в то время как у Гаста оно отсутствует.²⁶

Цель нашей работы состоит в том, чтобы как можно точнее установить, в каких произведениях западноевропейских авторов содержится материал тех польских фаций, которые в свою очередь послужили первоисточником для русского сборника.²⁷

Размотать хитросплетение нитей этого клубка — дело нелегкое, к тому же добавляется расплывчатость сведений, приводимых вышеперечисленными авторами. Однако, как бы то ни было, эти сведения явились отправной точкой в наших исследованиях. Трудность, на наш взгляд, заключалась в том, что необходимо было провести четкое разграничение между источниками, которые могли бы считаться прямыми, и источниками опосредованными, иными словами — между подлинными и ложными источниками. Во всяком случае, нам представлялось, что не лишено значения даже самое простое указание всех произведений, где содержится впоследствии перешедший в польские фации материал. Последующую же задачу — установление конкретных путей осуществления этого перехода — определить нелегко, так как отсутствуют как неоспоримые «зацепки» в тексте, так и неопровержимые внетекстовые документы.

Очевидным признаком этого вида шуточной литературы представляется постоянная зависимость последующих сборников от предыдущих. Немецкие авторы, от которых, как мы увидим, в значительной мере зависят «*Fascije Polskie*», широко использовали произведения современных, а еще чаще — предшествовавших им авторов. Ссылки на них встречаются уже в предисловиях к сборникам, где сами составители нередко указывают обработанные ими источники. Так поступил и Иоганнес Гаст. В сборнике «*Convivalium sermonum liber. . .*», изданном в 1541 г., он указывает имена авторов, из чьих произведений им частично заимствован материал для своей книги: Erasmus, Gellius, Luscinius, Barlandus, Keysepergius, Sabellicus, Margarita Facetiarum, Plutarchus, Svetonius, Diogenes, Alfonsus, F. Petrarca, Bebelius. В последующем издании 1542 г. появляется четырнадцатое имя — Poggius, а из более позднего издания 1543 г. этот список был полностью исключен.

²⁶ См.: K r z y ż a n o w s k i J. Paralele. . . S. 109.

²⁷ Условимся, что все последующее изложение относится исключительно к шестидесяти двум польским фациям (которые, как мы указывали, перешли в Россию) из ста восьмидесяти трех, составляющих общее число переизданных Брюкнером по сборнику 1624 г., и из семидесяти семи, включенных в антологию, изданную Державиной.

В Национальной парижской библиотеке мы изучили пять различных изданий сборника Гаста: 1) «Convivalium sermonum liber. . . meris jocis ac salibus. . . refertus. Nonnumquam etiam admixtae sunt narrationes, eaque omnia. . . decerpta per Joannem Peregrinum. . . Libellum de variis moribus urbium, virorom et mulierum. . . adjecimus. — Forcianae quaestiones, in quibus varia Italorum ingenia explicantur, multaque alia. . . , autore Philaethae» (Basileae, 1541); 2) «Convivalium sermonum liber. . .» (Basileae, 1542); 3) «Convivalium sermonum liber, utilibus ac jucundis historiis et. . . sententiis. . . refertus, ex optimis. . . autoribus. . . collectus et iam tertio libro recognitus et auctus» (Basileae, 1543); 4) «Tomus primus-tertius convivalium sermonum liber utilibus ac jucundis historiis et sententiis. . . refertus. . . ex optimis. . . avtoribus. . . collectus et tum quarto recognitus et auctus» (Basileae, 1554); 5) «Stesso titolo dell'edizione del 1554» (Basileae, 1566).

Издание 1543 г. — именно то, на которое мы постоянно ссылаемся, поскольку в первой его книге собраны 23 фации, имеющиеся в польском сборнике, о чем будет сказано ниже. Речь идет о следующих фациях: 1 (LXXXII), 2 (CVII), 7 (LIV), 8 (XC), 11 (LXVI), 13 (LXXVII), 17, 18, 19 (LXII), 23 (XCV), 24, 25 (XCIII), 56 (--), 30 (XCIX), 34 (CXXXII), 45 (VI), 53 (LVII), 55 (XXVII), 58 (CXXXIII), 59 (CXXXIX), 60 (XLVII), 61 (CL), 63 (CXLI).

Нетрудно заметить, что фация № 56 не имеет своего соответствия в «Fasesje Polskie», из чего следует предположить, что русский составитель взял фацию Гаста из другого польского источника. Издание 1543 г. немногим отличается от предшествующего ему издания 1541 г. (в котором не хватает историй 2 (CVII), 13 (LXXII), 30 (XCIX), 59 (CXXXIX)) и от издания 1542 г. (в котором не хватает фаций 2 (CVII) и 30 (XCIX)).²⁸ Последующие идептические друг другу издания 1554 и 1566 гг. состоят из трех книг, но два добавочных тома не представляют большой ценности для нашего исследования, так как не содержат ни одной из интересующих нас фаций. В числе авторов, к произведениям которых обратился Гаст, фигурирует также голландец Адрианус Барландус. Его сборник в редакции, представленной двумя изданиями 1529 г.,²⁹ состоит из трех книг, в которых отдельные анекдоты разделены по iocis ex определенного автора, и каждый снабжен указанием на источник (Macrobius, Quintilianus, Laertius, Pontanus). Страницы сборника не пронумерованы,³⁰ а в конце каждой книги даны приложения scholia, в которых автор добавляет другие фации, не указывая их источников. Фации Барландуса, находящиеся в польском сборнике 1624 г., таковы: 1 (LXXXII), 2 (CVII), 4 (LX), 7 (LIV), 8 (XV), 10 (LXXXIX), 11 (LXVI), 13 (LXXVII), 15 (CIII), 17, 18, 19 (LXII), 23 (XCV), 24, 25 (XCIII), 26 (XCVI), 53 (LVII). Чрезвычайно интересную подробность представляет собой уточнение, находящееся на первых страницах обоих изданий 1529 г. Там написано: «. . . prima editioni, nunc adiecti sunt libri duo. . .». Можно, таким образом, предположить, что издание princeps относится не к 1529 г. и даже не является тем, которым пользовался польский составитель при создании своего сборника, где имеются, как мы видим, фации, взятые из первой книги так называемых «libri duo».

²⁸ Издание 1542 г. имеет одну особенность, которая отличает его от всех остальных: первые двести страниц занимают фации из собрания А. Барландуса (V a g l a n d u s A. Iocorum veterum ac recentium libri tres. Coloniae, MDXXIX, mense Iulio).

²⁹ В Национальной библиотеке в Париже хранятся два издания этого сборника, одно из которых вышло в апреле, другое — в июле. Оба нами просмотрены. Выяснилось, что они совершенно одинаковы. В нашей работе мы, однако, пользуемся сборником, изданным в июле, так как именно он помещен на первых страницах сборника Гаста 1542 г.

³⁰ По этой причине мы не имеем возможности точно установить страницы, откуда были взяты отдельные польские фации. Такая же трудность возникает и с фациями у Гаста.

Среди немецких авторов фацеций важное место занимает Иоганнес Хульсбуш. Его сборник под названием «*Sylva sermonum iucundissimorum, in qua novae historiae et exempla varia facetiis undique referta, continentur*» (Basileae: S. Ariarium, 1568) содержит около трехсот пронумерованных страниц in ottavo (подобно собраниям Гаста и Барландуса). Все истории озаглавлены, но не сопровождаются порядковыми номерами. В начале книги отсутствует предисловие, в котором указывались бы источники, а вместо этого дан алфавитный указатель содержащихся в сборнике историй. Укажем «польские» фацеции, которые встречаются у Хульсбуша: 9 (LXXVIII), 33 (LXXXIII), 35 (V), 42 (IV), 43 (XIV), 44 (VIII), 45 (VI), 47 (XVIII), 48 (XXV), 55 (XXVII), 57 (--),³¹ 63 (CXLI), 64 (CXLVI), 66 (CXLVII), 67 (CXLVIII), 37 (X).

Следующий немецкий автор, новеллы которого мы находим в «*Faceseje Polskie*», — Иоганнес Паули. На материале его сборника «*Schimpf und Ernst*», вышедшего в 1535 г., — следовательно, позднее книги Барландуса, но раньше сборников Гаста и Хульсбуша, — мы не смогли проверить указания Державиной и Пышина относительно фацеций, перешедших, по их мнению, из этого сборника в русский. Ссылаясь на И. Паули, мы будем, таким образом, всякий раз приводить не проверенные нами результаты исследований этих ученых.

Генрих Бебель — первый по времени из рассматриваемых нами итальянских авторов.³² Его использует Гаст. В польском сборнике он представлен только десятью фацециями, а именно: 32 (LXXIII), 34 (CXXXII), 42(-), 55 (XXVII), 57 (--), 58 (CXXXIII), 59 (CXXXIX), 60 (XLVII), 62 (--), 63 (CXLI).³³ Собрание Бебеля под названием «*Facetiarum Heinrici Bebelii. . libri tres. .*» (Tubingae, 1555) состоит из трех книг, имеющих в общей сложности 128 пронумерованных страниц. В первой книге собраны «польские» фацеции № 32 (LXXIII) и 58 (LXXXIII), во второй — 34 (LXXXII), 55 (XXVII), 63 (CXLI), в третьей — 60 (XLVII). Далее следуют новеллы «. . selectae ex libro Poggii. .», из которых взяты фацеции 42 (IV), 57 (--), 59 (LXXXIX), 62 (--). Правда, в русском сборнике мы нашли две фацеции П. Браччолини (1470), которых нет у Бебеля: 9 (LXXVIII) и 65 (--). Значит, в Россию они попали не через Бебеля, а каким-то другим путем. Кроме того, фацеция № 65, не имеющая польского соответствия, должно быть, попала в Россию не через текст, переизданный Брюкнером, а через другого посредника. Среди итальянских авторов, представленных прямо или косвенно в польско-русском сборнике, назовем Доменики с его «*Facetiae, et moti et burle. .*».³⁴ Десять его фацеций имеются в польском сборнике. Это фацеции 32 (LXXIII), 34 (CXXXII), 38 (LXXXIV), 55 (XXVII), 56 (--), 58 (CXXXIII), 59 (CXXXIX), 60 (XLVII), 63 (CXLI). Фацеция 13 (LXXVII) обнаружена нами не в издании Доменики, которое Кржижановский использовал в качестве основы для своего исследования (см. с. 180 нашей статьи), но в сборнике Доменики, переизданном под редакцией Г. Фабриса в Риме в 1923 г.³⁵

Особое место в списке итальянских авторов, которые служили источником для «*Faceseje Polskie*», занимает Джованни Боккаччо и его «Дека-

³¹ Эта фацеция не имеет польского соответствия в сборнике Брюкнера 1624 г.

³² Согласно Л. Морери (*Le Grand Dictionnaire Historique*. Paris, 1759), первое издание фацеций Бебеля датировано 1508 г.

³³ Фацеции 42, 57, 62 не имеют польского соответствия в сборнике Брюкнера 1624 г.

³⁴ Цит. по: *Facetiae, et moti et burle di diversi signori et Persone Private, raccolte per L. Domenichi et da lui di nuovo del settimo libro ampliate. . . Venetia: D. Farri, 1584.*

³⁵ *Facezie / G. Fabris. Roma, 1923.* — В предисловии Г. Фабрис уточняет, что он берет эту фацецию из издания 1548 г.: «. . Questa scelta, che comprende 455 numeri, è stata condotta sulle seguenti edizioni: *Facezie del Domenichi, giusta l'edizione del 1548 (n. 1—29) e Giunti 1564. .*» В этом издании Фабриса фацеция, которая нас интересует, значится под № 20 (Державина, № 13). К сожалению, мы не имели возможности проверить издание 1548 г., так как в Риме имеются только издания 1562 и 1584 гг., в которых фацеции № 13 нет.

мерон».³⁶ Фацеции 3 (LXX), 61 (CL), 68 (CXL), 69 (CLII), 70 (CLVII), 74 (XLI), 77³⁷ были, несомненно, взяты из его книги и способствовали повышению художественного уровня польского сборника.

В поисках возможных образцов (прямых или опосредованных) для «Fasesje Polskie» мы опирались на обширную литературу повествовательно-дидактического и шуточного характера времен средневековья и Возрождения. Это позволило нам выявить ряд других авторов (среди них — Фришлин, Пьовано Арлотто, Кастильоне), а также и другие европейские сборники («Democritus ridens», «Facétieuses journées», «Gesta Romanorum», «Disciplina clericalis», «Directorium humanae vitae»), в которых прослеживается сюжетный материал пусть даже лишь одной из польских фацеций. Исключив таких авторов и такие лагисские сборники из числа прямых образцов, так как все их новеллы содержатся в указанных выше сборниках XV и XVI вв., несомненно, известных польскому составителю, мы включаем их в приводимую ниже таблицу, где указываем все произведения и всех западных авторов, у которых есть мотивы «Fasesje Polskie», впоследствии переведенных на русский язык.³⁸

В первой колонке указаны порядковые номера фацеций в издании Державиной, во второй — соответствующие номера (если таковые имеются) в польском издании Брюкнера, а в третьей — названия сборников и фамилии западных авторов, у которых эти фацеции встречаются.³⁹

Легко заметить, что значительная часть фацеций могла быть заимствована не у одного западного автора. Так, Гаст имеет общие анекдоты с Барландусом (№ 1, 2, 7, 8, 11, 24, 25, 53 из русских фацеций), с Барландусом и Доменики (№ 13), с Барландусом и Паули (№ 17, 18, 19, 23), с Паули (№ 30), с Доменики (№ 56), с Хульсбушем (№ 45), с Боккаччо (№ 61), с Доменики и Бебелем (№ 38, 58, 60), с Доменики, Бебелем и Хульсбушем (№ 55, 63), с Доменики, Бебелем и Браччолини (№ 59). Разделяя с другими возможность быть моделью в вышеперечисленных новеллах, Барландус наряду с этим — единственный источник фацеций № 4, 10, 15, 26, а Паули является таковым для № 5, 12, 14, 20, 21, 22. Хульбуш, кроме общих с Гастом, а также Доменики и Бебелем фацеций, разделяет фацецию № 9 с Браччолини, № 42 и 57 — с Браччолини и Бебелем и является единственным источником для № 33, 35, 37, 43, 44, 47, 48, 64, 66, 67. Браччолини, в свою очередь, имеет общую с Бебелем фацецию № 62 и является единственным источником для фацеции № 65. Доменики, кроме вышеназванных анекдотов, представлен самостоятельно фацецией № 38, и вместе с Бебелем — фацецией № 32. И наконец, Боккаччо — единственный источник для новелл № 3, 68, 69, 70, 74, 77.

Произведения каких из перечисленных авторов могут считаться подлинными моделями или источниками для «Fasesje Polskie»? Сразу же поя-

³⁶ Мы пользуемся полным изданием «Декамерона» под редакцией Серге (В о с с а с с и о G. Decamerone / C. Segre. Milano, 1977).

³⁷ Новеллы № 77 нет в польском сборнике Брюкнера. О. А. Державина указывает ее польские источники в «Apoftegmata» Б. Будны под названием «Historia krotofilna o kurcu który się założył o snotę żony swojej» и в «Schertz mit der Warheytt» И. Паули (Frankfurt, 1563). Существует, правда, отдельное издание этой длинной новеллы под названием «Historia bardzo piękna o Barnabaszu» (Kraków, 1615), представляющее собой стихотворный вариант новеллы Боккаччо в сокращении.

³⁸ Заметим, что в сборниках Гаста, Барландуса, Паули мы не указываем ни страниц, ни номеров фацеций, так как в их изданиях отсутствует порядковая нумерация.

³⁹ Ниже приведены выходные данные следующих изданий: для Барландуса — Кельн, 1529; для Гаста — Базель, 1542; для Хульбуша — Базель, 1568; для Паули — Страсбург, 1535 (по данным Пыпина и Державиной); для Бебеля — Тюбинген, 1555; для Доменики — Венеция, 1584; для Браччолини — Венеция, 1470; для Боккаччо — Милан, 1977; для Пьовано Арлотто — Виченца, 1664; для Кастильоне — Турин, 1955, для Фришлина — Амстердам, 1651; «Till Eulenspiegel» — Лейпциг, 1854 (1519); «Democritus ridens» — Амстердам, 1655; «Facétieuses journées» — Париж, 1618; «Gesta Romanorum» — Лион, 1555; «Disciplina clericalis» — Берлин, 1827; «Directorium humanae vitae» — Париж, 1887.

Державина	Брюкнер	Западные источники
1	LXXXII	Barlandus; Gast; «Democritus ridens» (p. 14).
2	CVII	Barlandus; Gast.
3	LXX	«Facétieuses journées»; Boccaccio (X, 1); «Democritus ridens» (p. 36).
4	LX	Barlandus.
5	CVI	Pauli.
6	CIX	Pauli.
7	LIV	Barlandus; Gast.
8	XC	Barlandus; Gast; «Democritus ridens» (p. 28).
9	LXXVIII	«Facétieuses journées» (p. 246); Bracciolini (p. 71); Hulsbusch (p. 29—258); «Democritus ridens» (p. 1—69).
10	LXXXIX	«Facétieuses journées» (p. 204); Barlandus.
11	LXVI	Barlandus; Gast.
12	XXXVIII	Pauli.
13	LXXVII	«Gesta Romanorum»; Domenichi (p. 8, N 20 — 1923 г.); Barlandus; Gast.
14	LXVII	Pauli.
15	CIII	Barlandus.
16	LXII	—
17	LXII	Barlandus; Pauli; Gast.
18	LXII	Barlandus; Pauli; Gast.
19	LXII	«Facétieuses journées» (p. 197); Barlandus; Pauli; Gast.
20	—	Pauli.
21	LXII	Pauli.
22	—	Pauli.
23	XCIV	«Facétieuses journées» (p. 199); Barlandus; Pauli; Gast.
24	XCIII	Barlandus; Gast; «Democritus ridens» (p. 21).
25	XCIII	Barlandus; Gast; «Democritus ridens» (p. 21).
26	XCVI	Barlandus.
27	LXXVI	—
28	CIV	—
29	CXXVIII	«Facétieuses journées» (p. 148); Castiglione; (p. 300—301); Pauli; Gast.
30	XCIX	Pauli; Gast.
31	I	—
32	LXXIII	Bebel' (p. 14); Domenichi (p. 63); «Democritus ridens» (p. 71).
33	LXXXIII	Hulsbusch (p. 255).
34	CXXXII	Bebel' (p. 39); Domenichi (p. 81); Gast; «Democritus ridens» (p. 251).
35	V	Hulsbusch (p. 8).
36	XII	—
37	X	Hulsbusch (p. 86).
38	LXXXIV	Domenichi (p. 200).
39	XLIV	Frischlin (p. 8).
40	XXII	—
41	[XXXVII	—
42	IV	Bracciolini (p. 39); Bebel' (p. 120); Hulsbusch (p. 62).
43	XIV	Hulsbusch (p. 266).
44	VIII	Hulsbusch (p. 78).
45	VI	Gast; Hulsbusch (p. 239).
46	VII	—
47	XVIII	Hulsbusch (p. 60).
48	XXV	Hulsbusch (p. 52).
49	—	—

Державина	Брюкнер	Западные источники
50	XXX	—
51	—	—
52	—	—
53	LVII	Barlandus; Gast; Piovano Arlotto (p. 249); «Democritus ridens» (p. 29).
54	LXVIII	«Facétieuses journées» (p. 208); Arlotto (p. 190).
55	XXVII	Bebel' (p. 64); Domenichi (p. 181); Gast; Hulsbusch (p. 30).
56	—	Domenichi (p. 436); Gast; «Democritus ridens» (p. 27).
57	—	Bracciolini (p. 19); Bebel' (p. 119); Hulsbusch (p. 33).
58	CXXXIII	Bebel' (p. 11); Domenichi (p. 57); Gast.
59	CXXXIX	Bracciolini (p. 20); Bebel' (p. 119); Domenichi (p. 57); Gast; Hulsbusch (p. 33).
60	XLVII	Bebel' (p. 105 об.); Domenichi (p. 48) Gast.
61	CL	Boccaccio (VII, 2); Gast.
62	—	Bracciolini (p. 70); Bebel' (p. 122); Murner (p. 112).
63	CXLI	Bebel' (p. 40); Domenichi (p. 114); Gast; Hulsbusch (p. 282).
64	CXLVI	Hulsbusch (p. 244).
65	—	Bracciolini (p. 71).
66	CXLVII	Hulsbusch (p. 9).
67	CXLVIII	Hulsbusch (p. 24).
68	CXL	Boccaccio (VII, 7).
69	CLII	«Disciplina clericalis» (p. 53, N XV); Boccaccio (VII, 4).
70	CLVII	«Directorium humanae vitae» (p. 51, N XIV); Boccaccio (VII, 8).
71	—	—
72	—	—
73	—	—
74	XLI	Boccaccio (VIII, 8).
75	—	«Democritus ridens» (p. 151).
76	—	—
77	—	Boccaccio (II, 9).

ним, что нам трудно дать окончательный и бесспорный ответ на этот вопрос, так как польско-русский текст,⁴⁰ как правило, отличается по форме от всех западных текстов, сохраняя в то же время неизменным содержание представленных там историй. Отсутствие текстовых согласований лишает нас возможности распознать действительный источник «Fasesje Polskie» в определенном западном тексте. За исключением единственного случая, о котором мы скажем ниже, в польско-русском тексте нет даже очевидных *leit-fehler*, способных обнаружить его зависимость от точно установленного текстуального прообраза. Сравнение текстов, таким образом, не слишком проясняет обстановку, а все рассуждения относительно вероятной модели имеют внетекстовую природу (как, например, замечания историко-хронологического порядка) и являются чисто предположительными. Как бы то ни было, наиболее полно из всех западных источников в польско-русском собрании представлены сборники Гаста, Хульсбуша и Паули. Суще-

⁴⁰ Позволим себе использовать эту сокращенную форму для обозначения текста, содержащегося параллельно в польском (в издании Брюкнера) и в русском (в издании Державиной) вариантах.

ствуют, однако, как мы уже писали, фацеции № 3, 68, 69, 70, 74, 77, имеющиеся только у Боккаччо, фацеции № 4, 10, 15, 26, обнаруженные только у Барландуса, фацеция № 65 (отсутствующая в польском издании) представлена только в сборнике Браччолини, а фацеция № 38 встречается только у Доменики. Последняя примечательна единственным случаем ошибки в тексте, которая, очевидно, доказывает прямую связь польско-русской фацеции с текстом Доменики. Действительно, в польско-русской фацеции рассказывается о мальчике, которого нарекают именем Аликанто, а у Доменики написано, что было отдано распоряжение продать мальчика «all'incanto», т. е. с аукциона, с наибольшей выгодой.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что польский составитель непосредственно ознакомился с произведениями Хульсбуша, Паули, Барландуса, Боккаччо, Браччолини и Доменики, ибо польско-русский сборник содержит некоторые фацеции, встречающиеся только у того или другого из этих авторов. Гаста, строго говоря, составитель мог и не знать, так как в нашем сборнике он всегда выступает совместно с другими возможными моделями: Барландусом, Паули, Хульсбушем, Доменики, Браччолини, Боккаччо. Но (пусть и в компании с другими) Гаст — именно тот автор, который чаще прочих фигурирует в качестве возможного источника, поэтому предположение о том, что творчество Гаста было непосредственно известно польскому составителю, дает нам право освободить последнего от знакомства с целым рядом других авторов. В любом случае никакая гипотеза, основанная только на материале польско-русских фацеций, не годится для решения вопроса о первоначальной зависимости польских фацеций от западных образцов. В самом деле, издание Брюкнера включает в себя 183 фацеции, между тем как издание Державиной насчитывает лишь 77, из которых только 65 встречаются у Брюкнера. Необходимо поэтому, чтобы работа по сравнению фацеций, изданных Державиной, с западными текстами вобрала в себя и оставшиеся новеллы Брюкнера. Только тогда будет иметь смысл попытка разобраться полностью в сложной картине выявления истинных образцов польских фацеций Брюкнера.

Л. Н. МОНЧЕВА

Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы*

Апостолические письма являются частью Нового завета и в качестве сакральной для христианства письменности, как и все Священное писание, имеют парадигматическое значение для поэтики и эстетики литературы христианских народов. И все-таки надо отметить, что при всей убежденности ученых в правомочности такой постановки проблемы вопрос о литературных качествах евангельской эпистолографии пока не выяснен. Действительно, письмам Христовых учеников и прозелитов посвящена богатая научная литература, но она преимущественно принадлежит экзегетам, историкам церкви, историкам религии и лингвистам-текстологам. Богатый вклад в критическое изучение текста писем внесла в науку Тюбингенская историческая школа.¹ Евангельскую эпистолографию как частный вопрос изучения библейских книг рассматривают и представители русской и советской критической школы.²

Специальное внимание письмам апостола Павла было уделено учеными русской дореволюционной исторической школы Н. Н. Глубоковским и С. А. Жебелевым.³ Глубоковский подверг их содержание богословско-экзегетическому анализу, выявив значение этих писем для истории христианской религии. С. А. Жебелев в своей монографии о Павловых посланиях дал краткую характеристику их литературной природы.

В последнее время советские византинологи и исследователи античной культуры С. С. Аверинцев и В. В. Бычков обратили внимание на апостолические письма с литературно-эстетической точки зрения. В меру своих творческих задач они разбирают преимущественно эстетическое содер-

---

* Работа болгарской исследовательницы Л. Н. Мончевой, посвященная теме апостолического послания, важна для славистов-медиевистов. К посланиям, о которых идет речь, ведет и сама столь важная при возникновении славянской литературы идея равноправия языков и стремление понять жанровые особенности ряда древнерусских произведений, генезис средневекового «образа автора» и средневековых представлений о «художестве» писательского труда. Послания эти, переведенные на славянский язык с греческого, принадлежат к тем явлениям мировой литературы, которые оказывали постоянное влияние на литературу Древней Руси. Учитывая это, Отдел древнерусской литературы принял решение о публикации работы Л. Н. Мончевой (ее доклад состоялся 14 апреля 1984 г.) на страницах «Грудов».

¹ Вагнер В. *Apostelgeschichte*. Berlin, 1850; *Kritik der paulinischen Briefe*. Berlin, 1850—1852; *Kritik der Evangelien und Geschichte ihres Ursprungs*. Berlin, 1850—1852. Pд. 1—4.

² См.: Вреде В. *Происхождение книг Нового завета*. М., 1930; Виппер Р. *Возникновение христианской литературы*. М., 1964; Лейцман А. Я. *Сравнивая Евангелия*. М., 1967; Кубланов М. М. *Новый завет: Поиски и находки*. М., 1968.

³ Глубоковский Н. Н. *Благовестие святого ап. Павла по его происхождению и существу* // Библиотека богословского исследования. СПб., 1905, 1910, 1912; *Годишник на Софийския университет, Богослов. фак. София*, 1925—1936. Кн. 3—13; Жебелев С. А. *Апостол Павел и его послания*. Пг., 1922.

жание новозаветных посланий в связи с выяснением основных вопросов культурного движения на стыке античности и средневековья.⁴

Нет сомнения, что апостолическая эпистолография — весьма сложный и трудный объект для исследования, поскольку она, как и весь корпус библейских сочинений, является сложным художественно-эстетическим комплексом, в который включаются разнородные культурные рецидивы и эстетические трансформации. Поэтому я не собираюсь досконально, во всей сложности исчерпать вопрос об апостолических письмах, а постараюсь только наметить их художественно-эстетическую роль в становлении поэтики средневековой литературы, в первую очередь — поэтики литературы славянского православия.

Однако прежде чем перейти к конкретному изложению, необходимо сделать известную оговорку. Определения «апостолическое письмо» и «апостолическая эпистолография» приведены здесь только для терминологического удобства. Наука давно доказала подложность большей части этой «продукции», которая связывается с именами Христовых учеников, но не принадлежит им. Это — дело разных компиляторов, смонтировавших письма на материале разных источников и в разное время. Аутентичными признаны наукой только 5 писем апостола Павла — к Римлянам, два к Коринфянам, к Галатам и к Филимону. Аутентичность этих писем, как и историчность их автора, установлены еще в прошлом веке основателем Тюбингенской школы Ф. Бауером и подтверждены в новое время. Так что в своих наблюдениях я буду опираться на эти письма и исходить именно из них — как исторически и литературно достоверных памятников.

Аутентичные послания Павла Тарсянина, прозелита христианского учения, являются древнейшей частью Нового завета. Они написаны в середине первого столетия новой эры, где-то между 50-м и 64-м гг., раньше Евангелий и Деяний св. апостолов. Последние создавались около конца I—начала II в. Этот факт придает письмам Павла особо важное методическое значение для изучения средневековой христианской культуры. Их надо рассматривать как первую художественную реализацию христианской эстетики, чье непосредственное продолжение происходит в практике ранневизантийских писателей III—V вв. («патристики»), а ее теоретическое обобщение совершается у Августина и Псевдо-Дионисия Ареопагита (V—VI вв.). В такой связи послания Павла как самые первые в хронологическом порядке христианские произведения имеют существенное значение для изучения генезиса художественно-литературных явлений средневековья.

«Апостолическое послание» наследует открытую форму античного письма, так называемую эпистолию. Но вместе с формой евангельская эпистолография является преемницей и довольно длинного и сложного процесса развития жанра в пределах греко-римской и ближневосточной литератур. При всей сложности это развитие в общетипологическом плане включает два основных направления жанра «эпистолии» — философско-публицистическое и поучительно-дидактическое. Со своей стороны они тоже имеют систематические подразделения, перечисление которых не имеет отношения к нашей теме. Важно то, что «открытое письмо», начиная с практики Исократ, Платона и Аристотеля, проходя через эпистолографию Цицерона и Плиния Младшего, доходит до начала нашей эры как один из активных элементов литературной системы античности, отражающий ее категориальные изменения в движении от строгого документализма к чистому эстетизму.⁵ При общетипологическом сопоставлении античной эпистолографии ярко выделяется ближневосточная традиция

⁴ См.: А в е р и н ц е в С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Б ы ч к о в В. В. 1) Византийская эстетика. М., 1977; 2) Эстетика поздней античности. М., 1981.

⁵ Античная эпистолография: Очерки / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1967.

дидактического открытого письма на моральные темы. Пример тому письма-поучения древнеегипетской литературы, повлиявшие на сирийскую и, особенно, на арамейскую литературу.⁶

Все эти традиции античного жанра письма по-особому скрещиваются в евангельской эпистолографии. Однако Павел, создавая свои послания, сильно расширяет емкость античной формы, внося в нее специфический дидактизм (близкий по типу к восточному), экзегезу, теологическую дискуссию, философское обобщение. Таким образом он создает довольно сложную конфигурацию художественной формы, которая отличается прежде всего своим жанровым синкретизмом. Это имеет особое значение для построения жанровой системы средневековой письменности, потому что в дальнейшем, расчлняясь, синкретическая форма апостолического послания порождает ряд канонических жанров, составляющих основное и постоянное ядро жанровой системы каждой в отдельности средневековой литературы. Это в первую очередь жанры поучительно-дидактического направления, а также апологетического, экзегетического, полемического и даже агиографического.

Письма апостола Павла появляются в силу культурно-исторической необходимости и имеют сугубо практическое предназначение — быть утилитарным средством, призванным обслуживать миссионерскую деятельность Павла в распространении христианства вне пределов христианской общины. Однако основное предназначение этой эпистолографии определяется условиями открытой борьбы христианства с язычеством, что сказывается на художественной природе Павловых писем и придает их жанру известную парадоксальность.

Жанровый парадокс апостолического послания выступает в очевидном противопоставлении предельной открытости его формы эстетической закрытости, точнее «засекреченности», его содержания. Стремление автора направить свое «послание» к наиболее широкому кругу читателей входит в противоречие с его художественной манерой строить текст на ассоциативных связях, недомолвках, недосказанности и незавершенности мысли во избежание всякой конкретности и детализации. Такая манера повествования на практике сужает предназначение произведения, ограничивает круг массового адресата. Художественно закодированный текст посланий фактически направляется только «посвященным», способным ориентироваться в лабиринте христианских логем, следуя за их интертекстуальным статусом.

Павел сознательно выбирает подобную манеру художественной интерпретации текста, потому что она ограждает произведение той «алогичностью», которая делает восприятие послания недоступным «чужим», «незнающим», т. е. не верующим в Христа, но вполне ясным и понятным для своих, «знающих». На эту особенность прагматики средневекового текста обращает внимание и Ю. М. Лотман.⁷

Во Втором послании Коринфянам Павел говорит: «...умы их (нехристиан. — Л. М.) ослеплены, ибо то же самое покрывало донныне остается неснятым при чтении Ветхого завета, потому что оно снимается Христом» (2-е Коринф., 3, 14). Таким образом, Павел постулирует связь проблемы генезиса со знанием Христа, и уже из данного постулата он выводит способность человека к художественному восприятию. Все это Павел обозначает как «духовное знание». «Духовное знание», терминологически кодифицированное в апостолическом письме, впоследствии образует в христианской письменности основное гнездо большого семантического поля, семиотически соотносимого со всяким проявлением средневекового про-

⁶ См.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 275; 1964. Т. 2. С. 867.

⁷ Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9. С. 57—58. (Учен. зап. Тартуского ун-та; Вып. 422).

свещения и книжно-богословской начитанности. Например, протопоп Аввакум, споря с никонианами, называет их «невелегласами» и «невеждами» (т. е. «незнающими») — в смысле христианского гностицизма.⁸

Так или иначе, жанровый парадокс апостольского послания закрепляется как основная черта средневековой литературной формы. Это — утилитарность, прагматическая функциональность жанра и его яркий эстетизм. Парадоксальная характеристика жанра убедительно выступает в произведениях «отцов церкви», в сочинениях «великих кашпадокийцев» Василия Кесарийского-Великого, Григория Нисского и, особенно, у Григория Назианского-Богослова. Известный византийский философ, писатель и ученый-энциклопедист XI в. Михаил Пселл, разбирая сочинения Григория Богослова в отношении их стиля, отмечает: «Удивительнее всего то, что не хуже любого другого он и ясен в своем словоупотреблении, и почти для всех неясен. . . многие из своих речей он приспособил так, что они имеют два смысла — явный и скрытый. Он хочет <сказать> то, что он скрыл, и он пускается в рассуждение, чтобы и тему раскрыть, как хочется, и изобличения избежать. Жалуясь на многое, перенесенное им, он делает это незаметно, и так искусно строит мысль, что большинство понимает, что ему хочется, сам же не раскрывает этого» (Слово к вестарху Пофосу, гл. 21, 23).⁹ Этот пример доказывает, что в практике поздней софистики эллинисткий риторический канон о всеилии слова стал рушиться под воздействием принципов христианской прагматики текста.

Евангельское письмо вводит характерные для средневековых литературных произведений устойчивые элементы композиции. В нем определяется композиционный трафарет средневековой письменности. Апостол Павел впервые в своих посланиях использует распространенные предисловия — обращения к адресату, а также и распространенную финальную часть — послесловие. Павлово предисловие, заменившее короткие приветствия «будь благополучен» (*χατρε*) в греческом и «будь здоров» (*salve*) в латинском письме, представляет собой своеобразную репрезентацию автора, в которой он обосновывает свою миссию проповедника и говорит об основной цели своего повествования: «Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к Благовестию Божию, которое Бог прежде обещал через пророков своих, в святых писаниях, о Сыне своем, который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем, через которого мы получили благодать и апостолство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом, — всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога отца нашего и Господа Иисуса Христа» (Римл., 1, 1—7).

Расширению Павел подвергает и заключительную часть послания, которая завершает общую дидактическую линию письма торжественно-благословляющим и прославляющим божество финалом.

Возникая впервые как композиционная особенность эпистолографического жанра, развернутое предисловие, имеющее свое основание в предельной раскрытости формы, в ее адресованности лично-безличному адресату, укрепляется в книжной деятельности византийских писателей. Практика в использовании развернутого предисловия настолько утверждается, что уже в пору развитого средневековья, когда именно и возникают древнеславянские литературы юго-восточной Европы, развернутое предисловие стало считаться обязательным моментом, отмечающим всякое начало книжной деятельности, будь она творческой (собственно писательской) или вос-

⁸ См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

⁹ M a j e r A. Psellos Rede über den rhetorischen character des Gregorius von Nazians // Byzantinoslavica. 1911. T. 20. S. 27—100.

производящей (компиляторской, редакторской и т. д.). Иными словами, развернутое предисловие начинает сопровождать каждый текст — и тот, который заключается в отдельном жанре (микроструктуре), и тот, который объединяет жанры (макροструктура средневековых сводов). Поэтому в книжном наследстве имеются великолепные славянские Прологи к переводным сборникам старшего периода — Прологи Иоана Екзарха Болгарского, Константина Преславского и т. п. Эти по существу пространные предисловия имеют неопенимую культурную ценность не только потому, что они оригинальные памятники славянской письменности, но еще и потому, что они совершенным образом вводят чужой материал в славянскую культуру, в домашний обиход славянской литературы. Становясь постоянными и устойчивыми частями композиции литературного произведения, развернутые предисловия и послесловия в своем средневековом бытовании следуют за общим ходом литературного развития, что хорошо исследовано на древнерусском материале в коллективной монографии московских медиевистов.¹⁰

Развернутое предисловие апостолического письма на византийской почве рождает другое вторичное явление — развернутый титул, или заглавие. Развернутое заглавие, идентифицирующееся в некоторых случаях с развернутым предисловием, несомненно связано с жанровым синкретизмом средневековой формы, но его основная функция состоит в том, чтобы подсказать читателю основное в содержании произведения, вручить ему ключ восприятия и настроить на определенный эмоционально-психологический лад. На эту особенность заглавий обращает внимание Д. С. Лихачев, отмечая их суггестивную роль.¹¹ Тяга средневековой письменности к распространенным заглавиям оказывается довольно живучей как традиция и сохраняется до Нового времени, входя в практику писателей славянского барокко и классицизма.

В непосредственную связь с проблемой предисловия и послесловия апостолическое письмо ставит особо важную для средневековой эстетики проблему автора. Каждый исследователь средневековой письменности сталкивается со сложностью этой проблемы. А сложность состоит в том, что автор старается как можно меньше заявлять о себе, он как бы ускользает, а то и вовсе исчезает. Все это дало основание науке утвердить аксиому анонимности средневекового автора. Мне кажется, что эту аксиому нельзя принимать глобально. Нужны известные оговорки, и, на мой взгляд, их должен учитывать прежде всего тот, кто исследует художественную природу средневекового текста.

Прежде всего надо иметь в виду, что анонимность автора как художественная категория не рождается средневековой эстетикой. Она оформляется задолго до появления христианской письменности еще в фольклоре и в античной литературе. Авторская анонимность просто входит в средневековые как эстетическая традиция.

Конечно, для атрибуции важно установить имя автора, но этим не исчерпывается вся проблема, потому что в таком случае исследователь подходит к автору с современной юридической точки зрения (об авторском праве). Для исследователя-литературоведа важно разграничить номинативно обозначенный исторический образ автора и его художественно и эстетически закодированный образ в литературном произведении. В таком смысле трудно говорить об анонимности автора. Примеров много, но я укажу на самый убедительный, на мой взгляд, — «Слово о полку Игореве». Его автор — анонимен, т. е. номинативно анонимен, однако в рамках своего произведения он утрачивает свою анонимность и эстетически легализуется, приобретая индивидуально-психологический и творческий

¹⁰ Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981 («Русская старопечатная литература XVI—первой четверти XVII в.»).

¹¹ Л и х а ч е в Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 57—59.

облик. И другой пример — «Моление Даниила Заточника» и статья «О писменех» Черноризца Храбра. Авторство этих двух замечательных памятников древнеславянской литературы отмечено, и тем не менее они в такой же степени анонимны, как и «Слово о полку Игореве». До сего дня — при наличии стольких научных гипотез об авторстве этих сочинений — их авторы не перестают быть объектами научных дискуссий. И только в самих произведениях выступает их творческая индивидуальность. Именно из этого исходит В. Г. Белинский, характеризуя Даниила Заточника как личность.¹²

Так в чем же анонимность автора? Действительно, она существует. Она канонизована и в ее средневековой специфике задана апостолом Павлом, задана опять в парадоксе.

Первый христианский писатель нисколько не осознает себя писателем, даже более того — он сознательно отмахивается от подобной мысли. Занятие литературой он связывает с «еллинской премудростью» греческих философов, а она, как всякая человеческая мудрость, — суета. Литература для Павла — суета и обман. Христианский апостол смотрит на писанное слово как на материализацию духа, как на средство для духовного строительства человека. Для апостола Павла литературное произведение (текст) — это не искусство для потехи, а материализованная субстанция божественной мудрости, сама источающая «мудрость», т. е. знания о боге для человека. Иными словами, человек может только внимать слову, но не создавать его. Ему нельзя быть художником-демиургом, ибо «вещь» (произведение) сама в себе, и человеку можно использовать ее только в духовном действии, как орудие духовного праксиса.

Поэтому Павел отрицает себя как автора, он считает себя «благовестителем», «учителем», «проповедником божьего слова»: «. . . слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой премудрости, но в явлении духа и силы . . . что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого. . .» (1-е Коринф., 2, 4—13). И чтобы закрепить эту свою эстетическую позицию, писатель доходит до крайнего самоуничтожения: «Невежда я в слове» (2-е Коринф., 11, 6).

Эта самооценка Павла как автора, которая в исторической критике подвергается иногда буквальной трактовке (в смысле того, что Павел осознавал свою необразованность и творческую немощь по сравнению с блестящими риториками греко-римской античности), на деле никак не увязывается с художественными качествами его эпистол. Хотя Павел сознательно идет на демократизацию языка и упрощение стиля произведения, он ничуть не оказывается ниже среднего уровня художественной практики своего времени. В своих посланиях он талантливо применяет образительные принципы и сложные стилистические фигуры поздней греческой риторики — параномасию, внутреннюю рифму, риторические повторы, антитезу, амплификацию и т. д.

Самоуничтожительная формула Павла «невежда я в слове» становится этикетной формулой, регламентирующей поведение средневекового художника, его эстетическую позицию. Этой формулой утверждается взгляд на творческий акт не как на искусство, а как на практическое духовное усилие, имеющее сугубо практические результаты, т. е. идентифицирующееся с ремеслом. Не случайно и в греческом, и в латинском языках такие понятия, как «искусство», «ремесло», «занятие» и «художник», «ремесленник», «мастер» обозначаются одним словом (*ἡ τέχνη*, *artifex*). Как в вербальных, так и в вещественных творениях автору отводится роль

¹² Белинский В. Г. Русская народная поэзия // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 351.

только воспроизводящего первообразца, содержащего в себе божественную идею.¹³

Творческую роль человека в художественном процессе — преимущественно в литературе — еще в античности подчиняли трансцендентальной силе и объясняли ею. Достаточно вспомнить, что античная поэзия от Гомера до Пиндара указывает на активное участие муз в художественном творчестве как на некий иррациональный источник. Поэту отводится роль «говорящего устами Музы» (у Гомера) или послушного ученика (*ἐπιστάρευος, δίδαχτης*), талантливо воспринимающего искусство муз (у Архилоха, Солона, Сапфо). Платон противопоставляет поэзию — выражение иррационального — рациональному интерпретированию творчества как стремления к знанию. Стоики видят в слове воплощенного Логоса и смотрят на произведение как на «убеждающую проповедь» (*«προτρεπτικός»*).¹⁴

Развивая античную идею об иррациональном факторе в творческом процессе, христианство приводит ее в соответствие со всем комплексом гностических, нравственно-этических и философско-эстетических идей своей монистической религии. В этой связи христианскому автору надлежит отказаться от самоизъявления. Самоотказ от авторской воли есть отказ от себя — знак преданности богу, знак приобретения высшей нравственности, и только приобретение этой нравственности дает право человеку-автору на сотворчество с богом-демиургом. Чем более углубляется самоуничтожение, тем более возрастает авторское право художника.

В своих посланиях Павел, не стесняясь, говорит о том, что будучи фарисеем он сам преследовал и убивал христиан. В плане самоуничтожения он намеренно описывает свои болезни и физический недуг, перечисляет все невзгоды апостольской жизни: «Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, попираемый всеми донныне». (1-е Коринф., 4, 11—13).

Паулианское самоуничтожение, именно как отказ автора от личных приобретений, зазвучит в предисловиях, послесловиях и приписках средневековых памятников. Оно звучит в приписке неизвестного автора к «Октоиху» — староболгарскому памятнику XIV в.

«Неисследимая высота божественных писаний не доходит просто до человеческого разума, но требует чистоты, много разума и удаления от всякой скверны и мирских вещей.

А я, скверный и неразумный, валяясь в этой суетной жизни, не сделал ни одного доброго дела на этом свете и не знаю, какое место меня примет, совершил это дело лениво и неразумно. Но прочее, умоляю вас ради сказанного господом, не воздавайте мне зла за зло, ибо писал не святой дух, а тленная и смрадная рука.

И руки того, кто пишет, сгниют и сотрутся в прахе, а писанное, если и грубо, есть божие слово и остается вовеки. . .»¹⁵

Авторское самоуничтожение становится обязательным для каждого, кто прикасается к книге, — автора, редактора, переписчика, даже покупателя книги. Контакт с книгой в средневековье расценивается как вторжение в сакральную «ауру» слова, требующее смирения. Так, в приписках «Болонской псалтыри», старославянского памятника XII в., и у переписчиков всего памятника, и у того, кто списал лишь один лист, и у покупателя книги одинаково звучит самоуничтожительное оправдание:

«Помяни, господи, своих рабов Йосифа и Тихоту, которые написали

¹³ В таком аспекте проблема художественного сознания средневековья поставлена Д. Э. Харитоновичем в его статье «Средневековый мастер и его представления о вещи» (*Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 24—39).

¹⁴ См.: Древнегреческая литературная критика. М., 1975. С. 13, 218.

¹⁵ Цит. по: Д и н е к о в П. Старобългарски страници: Антология. София, 1966. С. 58.

эту книгу божьей помощью и святой Богородицы, приснодевы Марии. Написалась она в городе Охриде, в селе, названном Равне, при болгарском царе Асене».

«Я, грешный Белослав, грешный и дерзкий ко злу, а к добру ленивый, чья отчизна — могила, а богатство — грехи, блудство, слава, написал брата своего Йосифа страницу Псалтыри. Слава навеки, аминь».

«Эту книгу купил я, грешный иеромонах Даниил, у граматика Феодора из Равне, и дал позолоченные кольца своей попадьи и два перпера среди града в Битоли».¹⁶

Авторские пометки имеют еще и значение исторического источника, но их главная эстетическая функция — это самоутверждение автора, книжника. В этом смысле самоуничижение становится эстетически закрепленным за автором и входит в литературный этикет средневековья.

«Литературный этикет» — понятие, приобретенное аксиоматическое содержание в разработке Д. С. Лихачева, узко смыкает авторский этикет с этикетом жанра. Это смыкание проявляется в «жанровом» образе автора.¹⁷ Однако жанровый образ автора есть филиация «апостолического» образа.

«Апостолический» образ синкретичен, так как синкретична и жанровая природа апостолического послания. Этот образ жанрово многолик и психологически усложнен. В нем сочетаются и переходят из одного в другой разные «лики автора»: проповедника, апологета, полемиста, богослова, экзегета, биографа, эпистолографа, которые впоследствии дифференцируются в жанровых типах авторского образа.

Кроме того, «апостолический» образ, как я уже отмечала, психологически сложен и богат, на нем лежит отпечаток автора, его личностных качеств. Например, эпистолярный образ Павла — это прежде всего образ человека, последовательно неутомимого в отстаивании идеи, человека неспокойной, ищущей мысли, пронизательного, гибкого ума, сильной воли, подчиняющей себе все. И наконец, «апостолический» образ Павла — это образ человека богатого эмоционального склада, у которого отдельные состояния быстро меняются в зависимости от обстоятельств. Он легко переходит от спокойного дидактического тона к угрозе, от обвинения к признанию в любви, от самоуничижения к самовозвышению, от императива к иронии, от разочарования к решимости отстаивать себя: «И готовы наказать всякое непослушание. . .» (2-е Коринф., 10, 6); «Ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа. Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее» (Гал., 1, 12—14); «Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, несмотря на то что чрезвычайно любя вас, я менее любим вами (2-е Коринф., 12, 15); «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе, мы немощны, а вы крепки, вы в славе, а мы в бесчестии» (1-е Коринф., 4, 10), и др.

Распад «апостолического» образа автора происходит в творчестве «отцов церкви». И самое любопытное то, что распад этот совершается опять-таки в рамках эпистолярного жанра. Речь идет о самом древнем агиографическом сочинении в византийской литературе — «Житии Антония Египетского», написанном Афанасием Александрийским. Житийное сочинение Афанасия Александрийского написано в форме послания и адресовано к монахам, пребывающим за границей. Оно включает биографический энкомий, проповедь, антиеретическую полемику, богословский трактат, а также и собственно эпистолярную часть. Таким образом, сочинение Афанасия и по форме, и по структуре уподобляется сочинениям апостола Павла. Здесь, как заметила Т. В. Попова, есть непосредственное влияние

¹⁶ Цит. по: Д у й ч е в И. Из старата българска книжнина. София. 1944. Ч. 2. С. 36.

¹⁷ См.: Л и х а ч е в Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 69.

древних мучеников Галльской и Смирнской церквей.¹⁸ Однако важно то, что «апостолический» образ в житийном произведении Афанасия Александрийского уже разделяется между автором и героем, всю полемическую часть жития Афанасий сосредоточивает на антиеретическом слове, вложенном в уста Антония Египетского. Эта тенденция к расщеплению «апостолического» образа постепенно приводит к жанровой характеристике образа автора.

Распадаясь, «апостолический» авторский образ не исчезает, он продолжает существовать как культурная традиция. Обычно он появляется в моменты перестройки литературы и пресемантизации литературных традиций. Так, например, в древнерусской литературе «апостолический» образ со всеми типичными чертами появляется у протопоса Аввакума. В нем одновременно отражаются изменения авторского самосознания и коренные сдвиги в поэтике средневековой литературы, перестраивающейся по новой системе эстетических категорий.

Эпистолярное творчество апостола Павла имеет особое значение для определения историзма средневековой литературы. В истории христианской религии Павлу Тарсианину отводится место миссионера, упорядочившего христианское учение, связавшего его с официальной идеологией власти и с идеей универсализации христианства. Стремление апостола Павла вывести христианскую идею из ее этнической замкнутости в иудейском обществе и превратить ее во вселенскую идею (так называемый «паулинизм») привело к результатам, касающимся не только идеологических оснований христианства, но и оснований всей культуры.

Эти результаты прежде всего отражаются на характере историзма эпохи. В евангельских письмах эта проблема впервые приобретает свою специфически средневековую трактовку именно в связи с паулианской концепцией времени, согласно которой дихотомия — вечное — переходное — разделяет художественное изображение на два плана. Кроме того, интерпретируя Ветхий завет как учение, предшествующее христианству, т. е. как некое «начало начал» исторического времени, Павел на деле регламентирует средневековую историософию.

Все эти особенности средневекового историзма хорошо известны науке и подробно разработаны в научной литературе. Поэтому я не буду вдаваться в подробный анализ отношения евангельской эпистолографии к средневековому историзму, а остановлюсь на одном из мало разработанных вопросов, имеющих отношение к паулианскому историзму, вопросе о форме существования средневекового текста.

Первый христианский текст, записанный апостолом Павлом, основан по крайней мере на трех источниках: это Ветхий завет, предания и легенды о Христе и особенно принадлежащие к устной традиции «Логии» (устные поучения мессии), а также сочинения античных писателей-философов. Так, например, ясно выступает связь знаменитого гимна любви, начинающегося словами: «Аще любви не имам, ничтоже не есмь» (1-е Коринф., 13, 2), с гимном любви Сократа из «Пира» Платона. Однако павловская редакция включает еще и отредактированную реплику Яхве в обращении к Аарону и Мириам из «Чисел» (12, 8): «. . . и уста в уста я буду говорить. . .» В Послании к Римлянам выступает связь апостолического письма с философией стоиков. Формула стоиков «Природа — все от нее, все в ней, все в нее» в послании звучит так: «Ибо все от него (бога. — Л. М.) и через него и в нем» (Римл., 11, 33—36). Компиляторско-редакторской переработке Павел подвергает и ветхозаветные тексты. В том же Послании к Римлянам, выступая против «еллинской мудрости» и противопоставляя ей мудрость божью, он использует ветхозаветный

¹⁸ Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. М., 1975. С. 225—226.

текст «Премудрости Соломоновой» (12, 27), присоединяя к нему и статью из «Книги пророка Иеремии» (10, 25).¹⁹

Итак, апостол Павел является первым христианским сочинителем, редактором и компилятором, применявшим устоявшуюся в древности книжную практику. Как видно из его посланий, к каким бы источникам он ни обращался, он неизменно применяет своеобразную методику усвоения чужого текста. Эта методика состоит в деконкретизации изображения путем освобождения текста от его исторической, этнической, социальной, эстетической (жанровой) закреплённости и приведении его в некий вневременной универсальный статус.

Извлекая текст из его историко-культурной среды, Павел синтезирует его. Под влиянием ветхозаветной письменности (а я убеждена, что и под влиянием устной паремимологической традиции, хотя это и трудно доказать на примерах) апостол Павел строит свой текст на небольших синтактико-словесных конструкциях типа речений, пословиц, сентенций, силлогизмов. Таким образом, текст у Павла выступает одновременно как микро- и макроструктура. По существу, он строится на принципе модульной системы, в которой отдельный элемент-модуль, имея завершённую композиционную структуру, легко сочетается с другими элементами, благодаря своим идейно-тематическим связям. Он может существовать сам по себе, обладая текстовой самостоятельностью, но может и включаться в текстовые комбинации.

Модульный тип текста можно разобрать, эксцерпировать, рекомбинировать, свести до минимального размера или расширить до большего объёма. Основная черта этого текста — его мобильность. Благодаря внеисторичности и универсальности содержания, текст свободно движется во времени, переходя границы эпох и национальных культур. Освобождённый от авторской и жанровой закреплённости этот текст легко входит во всякие формы литературного творчества.

Таким образом, апостол Павел на практике определил жизненный статус средневекового текста в движении синтетических форм — то, что французский медиевист Поль Зумтор определяет как «эссенциальное движение текста» (*la mobilité essentielle du texte*).²⁰

Правоммерно встает вопрос: при чем тут историзм? Дело в том, что при всей деконкретизации и обобщённости содержания текст возникает при определенных культурно-исторических условиях в связи с конкретными проблемами христианских общин. Например, проблему исполнения христианской обрядовости в многонациональной коринфской общине Павел решает в Первом послании Коринфянам (гл. 14), где в дидактическом духе утверждает равноправие языков. При решении этой проблемы Павел устанавливает общее правило, касающееся всех желающих исповедовать слово божие. В связи с распушенностью нравов той же коринфской общины Павел создает поучение, регламентирующее социальное и семейное положение женщины-христианки (1-е Коринф., 7; 11, 14).

Проблема Галатийской общины иудейских христиан — иная. Это вопрос о том, надо ли иудейским христианам придерживаться обрядовости ветхозаветной религии. Учитывая привязанность своего адресата к традиции, Павел паллиативно подходит к вопросу об иудейском обряде обрезания, предоставляя каждому человеку самостоятельное решение (Гал., 6, 15).

Можно привести множество примеров подобной исторической интерпретации фактов в апостолическом письме. Дело в том, что историческая канва евангельского письма уходит в подтекст (текст строится на идеологическом уровне произведения). Историческую канву можно ощутить

¹⁹ См.: Жебелев С. А. Апостол Павел и его послания. С. 139—148.

²⁰ Z u m t h o r P. Essai de poésie médiévale. Paris, 1972. P. 71.

только в границах целого произведения, где осуществляются все текстуальные связи.

Вот почему мне кажется, что проблема историзма имеет непосредственное отношение к проблеме статуса текста. Их связь убедительно выступает на примерах средневековой славянской литературы. В русские антиеретические сборники XVI—XVII вв. часто включаются два сочинения: «Слово на ариан» Афанасия Александрийского — памятник византийской литературы начала IV в. и «Беседа пресвитера Козьмы на богомиллов» — болгарский памятник X в. Эти памятники принадлежат разным эпохам и разным культурам, но они включаются в русские сборники по принципу идейно-тематического отбора. Включенные в круг древнерусской письменности эти сочинения в рамках целого свода и даже всего потока антиеретической литературы попадают в конкретную культурно-историческую ситуацию. Становясь частью литературы, воюющей против русских ересей, то есть ересей на русской почве, они приобретают новую историческую актуальность и более дифференцированную идейную функцию. Так, на мой взгляд, во взаимодействии историзма со статусом текста рождается культурная адаптация средневекового произведения.

И наконец, я коснусь вопроса о роли апостолической эпистолографии и в становлении национального облика культуры, преимущественно литературы. Этот вопрос связан опять-таки с паулианской универсализацией христианской идеи. Я уже ссылаюсь на 14-ю главу Первого послания к Коринфянам, в которой Павел утверждает равноправие языков, снимая таким образом проблему разноязычия коринфской христианской общины. Тезис Павла о равноправии языков в процессе распространения христианства и развития христианской культуры приобретает более широкое значение; он перерастает в идею открытости культуры и права народов на самостоятельное духовное развитие. Именно эта концепция, заложенная в новозаветных письмах Павла, сыграла решающую роль в культурном обособлении юго-восточного славянства и в определении национальных профилей славянской культуры.

Начало славянской культуры связывается с именами первоучителей Константина-Кирилла Философа и его брата Мефодия, создавших славянскую азбуку и распространивших славянскую письменность. В средние века славянские миссионеры и книжники первыми выдвигают паулианскую идею как идею культурологическую. Опираясь на нее в духовном становлении славян, они тем самым совершали переворот в культурном сознании эпохи. Самоопределение славянской культуры происходит в тяжелой борьбе с «триязычной ересью». В этой драматической борьбе с консерватизмом эпохи славянское самосознание утверждается на учении Павла о равноправии языков.

В пространном житии Константина Философа есть эпизод, повествующий о его споре с венецианскими схоластами — споре, в котором славянскому учителю надо было не только защитить себя, но прежде всего отстоять право славянства на духовную, культурную самостоятельность. Проявляя здесь блестящие полемические способности, славянский миссионер и первоучитель ссылается в основном на Первое послание Павла Коринфянам, приводя всю его 14-ю главу. Цитата из эпистолии Павла следует за безупречно построенной риторической частью в начале полемической речи Константина Философа: «Не посылает ли Бог дождь одинаково для всех? А также и солнце не светит ли всем? И не дышим ли мы все одинаково воздухом? И как вы не стыдитесь, признавая только три языка, чтобы другие народы оставались слепыми и глухими?»²¹

Таким образом, славянская культура рождалась под влиянием идеи о праве народа на духовную самостоятельность. В Болгарии эта идея определила выбор жанров и пути развития староболгарской литературы

²¹ См.: Д и н е к о в П. Старобългарски страници. С. 155.

IX—X вв. Самым показательным в этом отношении является апологетическое сочинение Черноризца Храбра «О писменех».

Культура Древней Руси складывалась в общем русле славянского самоутверждения, однако она возникла при иных исторических обстоятельствах, чем болгарская. Для Руси отстоять свою духовную независимость на практике означало отгородиться от притязаний Византии. В борьбе за самоутверждение русская культура опять-таки обращается к посланиям Павла. Используя экзегетическую часть Послания к Галатам (4, 19—31), противопоставлявшую в образах Авраама и его сыновей Новый завет Ветхому, митрополит Иларион в своем блестящем «Слове о законе и благодати» развертывает идею о праве «нового (русского. — Л. М.) народа» занять свое место среди культурных народов Европы.

Славянское самосознание как культурная традиция проходит через все средневековье и становится доминантой культурной памяти православного славянства. Доказательство тому — прекрасный гимн славянскому языку, включенный в русский рукописный перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, выполненный в начале XIX в.²² Прославление славянского языка в предисловии перевода «Ареопагитик» устанавливает прямую связь с древнейшими сочинениями болгарской апологетики «золотого века».

Вопрос о роли апостолического послания в становлении художественно-эстетической традиции средневековья довольно сложен и объемён. В этой связи данную статью следует рассматривать только как эскиз к разработке темы, которая в своей фундаментальной глубине развернется в будущих исследованиях медиевистов.

---

²² Этот гимн обнаружен и опубликован Г. М. Прохоровым. См.: Прохоров Г. М. Сочинения Дионисия Ареопагита в славянской рукописной традиции: (Кодикологические наблюдения) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 92.

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоани Кантакузин. Диалог с иудеем

Слово второе*

(Славянский XIV в. и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ВТОРО

Царь: Нужно zde мнѹ, Ксеню, истинное опасѣише ислѣдити. Аще убо и божии суще являетесе, правѣ убо примет о иже многих прѣгрѣшен'мы сѣ рещи пророку мнѣти. Аще ли же самыя вещи явѣ обличают далече нѣгде от Бога и истины стоещих вас, прочее убо буди не яко самь рекль еси о грѣсѣх, о вѣрѣ же речено быти.

К с е н ь: И тѣ убо увѣраеши ли се, цару, яко не убо правые чести речено бысть пророку елика убо речена быше?

Царь: Паче же. Како бо нѣ? И умрѣти убо изволил бих, аще кто не глаголеть.

л. 188

К с е н ь: Прочее, по сему || убо и Давида нужда ти есть инѣм съпричитающа, божествна и тоговаа непщевати и неотмѣтна.

Царь: Зѣло же.

К с е н ь: Не убо ли прочее уже Богови наслѣдие Израиля сѣ и Моўси явленѣ рѣше? Не инде ли людие божии глаголютсе, и святѣ езыкѣ, и царьское священіе? Како убо не безмѣстно есть Авраама, и Исаака, и Иакова вас дѣти сущих, паче же самому Богу, их' же от Бога даннаго закона хранещих, иже безкваснаа и суботы съблюдающих, празднигы съвршающих, туждихъ и отврѣжених вѣровати быти от Бога? И сиа — от толицѣх и таковѣх гласовъ иже къ Богу присвоение имущих тврѣдо! А иже идолослужителѣ и безбожных дѣти вас, иже дозде ветхыя злобы несытно имущих, и человѣка распета и умрѣша Бога и сына божиа непщевавших и кланяющихся быти Богу любопрѣтисе, благочыствовати же мнѣтисе и инѣхъ повиновати начинающимъ.

Царь: О Христѣ убо и крестѣ слово да пождити, а еже ниня имѣти разумѣти ти мнитсе, и ниня убо вашаа правилу писанному приносетсе. Мало же послѣди доволно азъ тебѣ скажу и о тѣх, якоже нѣгде и прѣжде сих варивъ възвѣстих.

л. 188 об.

Чтѹ убо вамъ множае || от еже таковѣми хвалитисе будет, сирѣчь еже дѣтемъ Авраам'скимъ быти, и чедом Божиимъ глаголатисе, и уже достояннѣ Божиа от Давида именоватисе, и инаа елика выш'ше мала прочель еси, аще не въ истиннѣи прѣбыли бисте вѣрѣ? Таково бо нѣчто дасть кто убо и диаволу, избран' бо прѣжде падениа бѣше сѣ съ свѣтлыми аггелы кругу. Еще же и прѣотець нашъ Адамъ самое сѣ прѣдлагает, яко убо явѣ рай тому от Бога вѣвѣренъ бысть и господинъ звѣремъ в'сѣмъ и инѣм водным' же и посушнымъ и въздушнымъ животнымъ нареченъ бысть от Бога; нѣ убо ни же оногѹ къ послѣднему падениу прѣжднее съ аггелы прѣбытие что ползева, нѣ вмѣсто аггела — диаволь, вмѣсто блага же ума — лукавь и нерадивъ, тма вмѣсто свѣта видѣнъ бысть. Ни же Адаму прѣваго достоин'ства обдрѣжаніе съврѣшеніе нѣкое бысть къ иже

* Начало публикации см.: ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41.

от невъздръжания послѣди напасти. Вещ'ших же пожелавъ, и им' же дрѣжатель бѣ лишише, злочыствнѣ изврѣжень от божеств'наго оного и радостнаго прѣбыванія. Никако же прочее ни вамъ добра нѣкаа будетъ къ отвѣту вина еже дѣтемъ Авраа || млимъ быти убо, люблени бѣсте убо от Бога, и многихъ отуду насладитесе благодѣтнн и дарований, аще ни же възлюбльшому ви Богу подобнѣ, ни же самому таковому отцу чысть трѣбуете, нъ врази и отцемъ досадителе бысте. Въправду бо убо и от наслѣдна вас изгнаномъ быти речеть кто убо, таковѣмъ сущимъ, еже по благодати отца вашего Бога.

. л. 189

К с е н ь: Словеса сиа инако быти мнѣ мнетсе, о цару, указаниомъ непричестни.

Ц а р ь: Добрѣ сѣ вѣждь, яко не свободишисе мене днесь, аще не тебѣ издалече свѣтла и явлена в'са прѣдъ лицемъ азъ низложу. Обаче вѣдети ти подобаеть, колика нѣкаа наша бесѣда и каа прѣдлежитъ зрѣти яко велика же и прѣзьестьств'на, и ни же по естеству хотѣти навькнути яже паче естества, грубо бо и вьсма неразумно, ни же по слову яже паче слова, ни же безгодно паки вьводити любочыстне, яко прѣрековати здравымъ и несупротивнымъ и ратовати и противу ходити къ явленымъ.

К с е н ь: Буй убо былъ бих и вьсуде обличусе, сѣнь ратуе, аще истину усрд'нь быхъ побѣдити.

Ц а р ь: Прочее, понеже, добрѣ творе, развѣ любопрѣнна общаваешисе послу || пати, оно прѣвѣе да възыщемъ, аще Божии людие, яко же тѣ рече, иудейсѣи суть людие. И прѣжде иннихъ Исаиа намъ да приидеть окръмитель и яко же руководитель къ обоимъ знаема.¹

. л. 189 об.

«Приближаются мнѣ, — рече, — людие сии усти своими и устнами ме чтут; сердце же ихъ далече отстоитъ от мене. Вьсуде же чьтут' ме, учеще учения, заповѣди чловѣчьскихъ». Давидъ же: «Слышите, людие мои, — рече, — и възглаголю вамъ, Израилю, и засвѣдетел'ствую тебѣ: Богъ, Богъ твой ес'мь азъ. Не о жрѣтвахъ твоихъ обличю те; в'сесьжежения же твоя прѣдъ мною суть вину. Не прииму отъ дому твоего телъц', ни отъ стада твоихъ козыл'; яко мои суть в'спъ звѣрие дубравни, скотцъ въ горахъ и волове. Познахъ в'се птице небесныя, и красота сел'на съ мною есть. Аще възалчу, не реку тебѣ; моа бо есть вьселена и испльнение ее. Еда ямъ мяса юнча? Или кровь козлю пиу? Пожри Богови жрѣтву хвалѣ и въздаждь Вышнему обѣти твое; и призови ме въ день печали твое, и избавлю те, и прославиши ме».

Еда убо не явеств'нѣ в'сѣмъ Исаиа рече и Давидъ, яко не кровнымъ жрѣтвамъ радуется Богъ, ни же цкварамъ, нъ без || кровнымъ и похвалнымъ святынямъ радуется?

. л. 190

Еще велегласнѣйши Исаиа: «Слыши, — рече, — небо, и вьнуши, земле, яко Господь възглагола: сыны родихъ и възвысихъ, типъ же отврѣгаше мене. Позна воль стежавшаго и ос'ль ясли господина своего, Израиль же мене не позна, и людие мои не разумѣше. Увй, языкъ грѣш'нь, людие испльнь грѣхъ, сѣме лукаво, сынове безаконни!». «Како бысть блудница градъ, вѣрни Сионъ, исполнь суда? Въ немъ же правда усну въ немъ, ныня же убийце».

Небо убо и землю купно на послушание словесъ его и свѣдетел'ства съпризва, яко, вашъ языкъ отъ Егѣпта съ мышцею высокою изведъ и чудес'мы убо вещьшими неже по слову озлобляющихъ васъ удививъ, чудно же велие и паче ума еже на Чрѣмнѣмъ мори прѣхождение вашему спасениу и потопление врагомъ съдѣлавъ, Законъ по многихъ толикихъ благодѣннн къ спасениу вамъ положи. Нъ отци ваши не прѣбыше въ положеныхъ, нъ на Моусеа убо злѣ глаголаху, Аарона же къ туждему богу съдѣтел'ства

¹ На поле около начала цитаты написано: «Исайино». Сама цитата выделена на поле значками вроде птички, положенной набок («крыльями» к наружному краю листа), противъ каждой строки. Подобнымъ образомъ выделены и все следующие цитаты.

а. 190 об. моляху, «Сътвори, — възпише, — намъ боги, иже прѣдидут прѣд нами. Моси бо съ, изведѣ нас изъ Егупта, не вѣмы что бысть». Зрѣ сего ради, колика бесту || д'ства и неразумиа, купно же и грѣдости и рыптаниа и многихъ таковыхъ плъни суть глаголы, и како душевнѣ ядъ блююще, яко убо таковѣми Моусеа убо зубы угризаху, горцѣ же и самому касахусе Богу, всѣхъ иже о нихъ начинаемыхъ чюдесѣ отъ бесловесныя злобы напрасно забывше. Еже бо рещи «Моуси съ, изведѣ нас изъ Егупта», и Моусеа бѣху уничтожающе и на Бога рыщущихъ — таковаго убо сложения явителни суть глаголы. Се же прѣдставляетъ явленѣ, яке отъ онѣхъ буиствнѣна игранна, паче нежели съдѣяна: тельць ибо истуканъ устроивше, поклонишеся ему и измѣнише славу Божию, въ подобие телца, ядущаго траву, веселящеся въ творении рукъ своихъ. Сего ради и къ съкрушению убо богоданныхъ скрижали Мосеа раздражише, на гнѣв' же благодѣтеля и тихаго Бога подвигоше. «Ог'нь бо, — рече, — разгорѣсе отъ ярости моеѣ; раждекаетсе до ада прѣисподняго; поястъ землю и жита ея, попалитъ основаниа горѣ. Съберу на нихъ зла, и стрѣлы мое скончаю на нихъ»; «Рѣхъ: рас'сѣю ихъ, уставлю же отъ чловѣкъ паметъ ихъ», «поощру яко мльнишу мьчь мой», а. 191 «упою стрѣлы мо||е отъ крови, и мьчь мой сънѣстъ мяса». И ина множаиша, еже на вѣ негодованиа его прѣзѣльное являюща.

Нѣ иже кротости и милованиа ревнитель Моси не до конца разгнѣвасе, ни же трыпѣаше погыбѣль божест'внаго гнѣва жестосръдихъ видѣти, нѣ тѣмъ примири Бога и гнѣвную теготу на единѣхъ молбахъ успи, естств'ную его призвавъ благодѣ. Тѣмъ же и прѣзре безаконие ихъ Богъ, никако же трыпе врагы ихъ радующихсе видѣти сихъ погыбѣль и тому убо судещихъ немощь, себѣ же в'се написующихъ силою же и крѣпостиу. Свѣдетели сего ради якоже нѣкъе еже къ нему онѣхъ неразумие и оного къ онѣмъ промышление и милование небо поемлетъ Богъ и землю: «Вънми, — глаголе, — небо и възглаголю; и да слышитъ земля глаголы усть моихъ. Да чаетсе, яко дѣждь, провѣщание мое и съидуть, яко роса, глаголы мое, — яко туча на трескотъ и яко иише на сѣно. Яко име Господие призвахъ; дадите величие Богу нашему» и прочаа.

а. 191 об. Давъ убо и паки тѣмъ законъ, еже на скрижалехъ въображена Моси съкруши, отпусти праведное гнѣву. Елма же по обѣщанной земли одръжаниа тиижде и паки бѣху, и къ прѣжднему идолослу || жениу сквърнино побѣг'ше собою приидоше и всѣхъ непоминателе бывше, их'же въ Егуптѣ прѣжде и въ пустыни на убо и фараона и тогово воин'ство чюдесѣ, и горши себѣ быше, поелику тогда убо единою, послѣди же многащи къ идол'скому служению и еже отъ сего сквърну выпадоше, призываетъ и паки прѣжде неоклеветаемыхъ Богъ свѣдетель, небо реку и землю, скръбе сего ради и болѣзнуе, аще сиче къ злобѣ прѣклонение имуть, таковаа пиня Исайемъ възпиеть: «Слыши, — глаголе, — небо и възпиши земле, иже и прѣжде явѣ яко поемлени свѣдетели мною: сыны родихъ и въз'высихъ, тии же от'врьгошеся мене. Позна воль стежав'шаго и ос'ль ясли господина своего, Израиль же мене не позна» — и елика потомъ въ Исайи речена быше. Сиа небу и земли вина отъ Бога призваниа, и за сие негодование тварь къ свѣдетел'ству неразумиа благопострадавшимъ призываетъ. Толика бо онѣхъ злоба, яко и всѣхъ убо пророкъ главизна Захарие пророка отрокъ Иоаннь, иже зѣло Христа прѣдтекъ и проповѣдае крщение покааниа, ехиднамъ тѣхъ уподоби рождениомъ, лукавнѣшимъ отъ в'сѣхъ звѣрий и суро || вѣйшимъ. а. 192 Сътекущихъ бо нѣкогда съ садукееи и фарисеи многихъ зре къ крщениу, «Порождениа, — рече, — ехиднова, кто показа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва», находящаго явѣ на иже въ Месиу не вѣровавшимъ Христу? Прочее убо усумнитъ ли се кто что божеств'ному уму пророку еже порождениа сихъ рещи ехиднамъ? Никакоже, язъ мнѣ. Явлено бо вѣистину, яко безчеловѣчныхъ и неблагодарныхъ и къ в'сакому жесточеству и убийствомъ скорѣйше отъ всѣхъ валяющеся. Яко же бо сиа звѣрь, яко же слово речеть, не по естеству инѣхъ животныхъ матерними утробы происходитъ, нѣ растрѣгнувшеся иже тѣ носещую утробу, сиче и иудейскѣи неблагодарни съборъ

пръвое убо просто на Бога, потом' же и на Сына и Слово его неистов'ство-ваше непрѣподобнѣ.

Еще тѣжде Исая рече: «Что ми множество жрътъвѣ? — глаголетъ Господь. — Испльнь ес'мь в'сесьежежения овнѣ и тука агньць; и кровь юньць и коз'лѣ не хошу. Ни же аще приходите явити ми се, кто бо възыска сиа от рукъ ваших! Ступати въ дворѣ моем не приложите. Аще принесете ми семидаль, сует'нѣ; кадило мръзост' ми есть. Новомѣсечиа вапа и суботы и день вели||кѣ не хошу. Постѣ и празность и новомѣсечиа вапа и празники ненавидитъ душа моа. Бысте ми въ испльнение. Не ктому оставлю грѣхы вапаше. Егда въздеждите руки вапаше къ мнѣ, отвращу очи мое от вас, и аще умножите моление, не услышу вас, рудѣ бо вапаше испльнь крови».

Еще тѣжде: «Виноградъ, — рече, — бысть възлюбленому въ силѣ въ мѣстѣ тучнѣ. И законъ положих, и оградих, и насадих виноградъ избранъ; и създахъ стльпѣ посрѣдѣ его, и точило ископа въ немъ, и ждахъ сътворити гроздие; и сътвори тръние. И ниня, живуцей въ Иерусалимъ и челоувѣкъ Иудовъ, судите между мною и посрѣди винограда моего. Что сътвору еще винограду моему и не сътворихъ ему? Зане прѣбыхъ да сътворитъ гроздь, сътвори же тръние. Ниня убо възвѣщу вамъ, что азъ сътвору винограду моему: отиму ограду его, и будетъ въ расхыщение; и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе. И оставлю виноградъ мой, и необрѣзанъ будетъ ни окопанъ; и възыдетъ яко на ледину тръние; и облакомъ заповѣмъ еже не одѣждити на не дѣждь. Виноградъ бо Господа Сава||офа домъ Израилевъ есть, и челоувѣкъ Иудовъ — новъ садъ възлюбленъ. Пождахъ, да сътворитъ судъ, сътвори же безаконіе».

Еще: «Отрину празники вапаше, — божеств'ный Амос рече, — и не обоняю въ трѣхъствахъ вашихъ, зане аще принесете ми в'сесьежежения и жрътвы вапаше, не приму сиа, и спасител'но явление вамъ не призру».

Сим' же и Малахиа исповѣдуетъ: «Нѣсть воля моа, — рече, — въ вас, глаголетъ Господь, и жрътвы вапаше не приемлю от рукъ ваших; зане от востока солнцу до запада име мое прослависе въ езыцѣхъ; и на в'сакомъ мѣстѣ жрътва приноситсе имени моему, и жрътва чиста, яко почитаетсе име мое въ езыцѣхъ. Вы же скврните тѣ».

А еже явленнѣйше в'сѣхъ от Бога прѣдставляетъ вас оставленѣхъ — еже от пророка Исая реченное есть: «Се бо гредутъ, — рече, — дние, глаголетъ Господь, и скончаю на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ завѣтъ новъ, — не по завѣту, еже сътворихъ отцемъ ихъ въ день, ем'шу ми руку ихъ извести ихъ отъ земли Егуптѣськые; яко тии не прѣбыше въ завѣтѣ моемъ, и азъ нерадихъ о нихъ, глаголетъ Господь. Яко сий завѣтъ, еже завѣщаю дому Израилеву по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь, дае законы мое въ мысли ихъ, || и на сръдци ихъ напишу ихъ. И буду имъ въ Бога, и тии будутъ мнѣ въ люди. И не научитъ къждо ближняго своего, и къждо брата своего, глаголе: „Познай Господа“; яко в'си увѣдетъ ме от мала ихъ до велика ихъ; яко милостивъ буду неправдамъ ихъ, и безаконіа ихъ не помену ктому».

Разумѣши ли убо глаголемыхъ, или храмлетъ твоа мысль къ постижениу? И убо явлена в'са и зѣло явьств'на благоразумнѣ истиннаа испитающимъ реченнымъ. Зрѣ бо како другъ друга коаждо съглашаютъ и якоже от исповѣдания приведеней в'си пророци сиа о тѣхъжде възвѣщавають. По еже бо унижити и охудити жрътвы вапаше, и пощения, и празники, и суботы, и показати в'сѣмъ явѣ, яко оставлени бысте от Бога — се бо необрѣзанъ и неокопанъ прѣдставляетъ виноградъ и ограды отъетиа, и стѣнамъ разорение, и еже въ расхыщение быти и попраніе мимоходещимъ, въ образъ бо иудейскаго езыка виноградъ пророки приемлетсе, — наведе, упражнение являе закону, яко хошетъ дати Завѣтъ Новъ, не по оному же данному отцемъ вашимъ, егда изведе ихъ отъ земли Егуптѣськые, нѣ || другы, благодатны, въ него же езыци вѣрваше. А еже виновное, о немъ же сего измѣнити вьсхотѣ, яко не вашимъ отцемъ истинною обѣщасе

дати, нь им'же от езыкѣ въ нь вѣровав'шимъ, — се же явлено есть от них'же рече: «От востокѣ солнца до западѣ хвално име мое въ езыцѣх, и на всакомѣ мѣстѣ жрътва приноситсе имени моему, и жрътва чиста, яко почитаемо есть име мое въ езыцѣх, глаголетъ Господь. Въ же осквръняете тѣ». Зрѣ же зѣло свѣтло симъ пророкомъ провъзглашаему еже въ езыки от Бога благодать, Новѣ реку завѣт, Еуаггелие? По еже бо изрещи находещихъ вашему езыку в'сачьские напасти, тогда рече Исая: «От Сиона изыдетъ законъ, и Слово Господне от Иерусалима». Се же что убо прочее бѣ ино, аще не Еуаггелие и апостолскаа проповѣдъ? Ни бо вмѣщается о вашемъ закону се явлено рещисе, сѣ бо въ Синаи и въ пустыни данъ бысть Моусеу от Бога. Зде же не «данъ быти» рече, нь «изыти» от Сиона, еже само тѣ, еже рѣкомъ Еуаггелие прѣдставляеть и проповѣдъ, оттуда бо сна, якоже убо и въ речете, начело прише.

Зрѣ же ниня убо како сьродное обоихъ показуется, Еуаггелиа явѣ и *з. 194 об.* Закона, и якоже пророчьское слово обоя све||зуетъ и сьвѣкупленое ихъ явѣ прѣдставляеть. И бо прочее и сице имѣти в'сакъ кто речеть ничтоже сумнесе, понеже не въ глыбину, ни же от прѣшдьшаго. Нь въ глыбину обоихъ възырати да вѣсть, и ни едину убо рать обрѣцетъ въ обоихъ и разногласие, нь супротивно в'сако, попечение высочайше и сыгласие, — обаче елико Законъ убо несъвршено Еуаггелие речеть, Еуаггелие же — Законъ высок' же и сьвршенъ.

И еже силою убо воинъ по случаю, или землемѣрц' бывъ младеньць, възрастъ же прочее и юность прѣмѣнивъ и въ мужи пришѣдъ, дѣйствомъ паче воинъ или землемѣрц' бысть, еже силою тогда упражнену. Аще убо въ дѣйство еже силою произъшдьшу не настоящее да зритъ кто, нь яко младенца воспоминае и несъвршенеа еще иже въ възрастъ пришѣдъша, и убо свѣтло овому убо силою показаему упражняемому, овому же дѣйствомъ свѣтло сияющу, что когда убо таковой быти тебѣ възьмнитсе? Не осужден' ли велми?

Таково убо и еже о Еуаггелии и Христу разумѣй. Закон' бо убо сѣнь *з. 195* якоже би и неявлени имѣаше их'же от Христа и Еуаггелиа || послѣди бывшимъ образомъ. Еуаггелие же о самой попечесе истинѣ, аще что Закону подобаше, в'се изредно сьврши и'издалече сияюща и свѣтлы тьмные оного сѣни всѣмъ прѣдстави вещи. Якоже еже речесе прѣжде мала, сѣ нехытростнѣ случаетсе явитсе, обоих' бо таинѣйшимъ, Еуаггелиа реку и Закона, в'сакъ, кто вънутрь прѣбывае речень, ни едино убо обрѣцетъ от другаго отстоюще, нь еуаггел'скаа убо в'са въ Законѣ ськрывена, и сего пакы сѣ в'сѣми иже от пророкѣ реченными въ ономъ сьвршаема узритъ. Ничто же мощно от малыхъ нѣкыхъ в'се тебѣ назнаменати, сьмотри сего ради.

Бѣ нѣкаа въ Соломоновѣ притворѣ купѣль, иже Вифес'да иудеомъ нарыщашесе. Въ той бо множества недугующихъ съхождаху дѣйствуемаго ради въ ней чудесе: аггелъ бо Гоподень на в'сако лѣто съходе, воду възмуцаше; и по семь иже прѣвѣ въскочивъ въ нѣю, яко же нѣкую ветху кожу, яковъ любо отлагаше недугъ, здравие чистѣйшее въприемле. Сѣ убо не въсуе кто убо речеть сьвршатисе тогда, вещьше же нѣчто ино прознаменоватисе. Аще в'си сѣ, что когда убо речеши ино, аще не иже божеств'нымъ крыщеніемъ порождение и еже от сел||го душамъ здравие же и крѣпость? Смотри сего ради, како вещьшаа и сьвршенѣшаа малыми и неявленными онѣми образи прознаменовахусе. Съходей бо и възмуцаей воду аггелъ Великаго Сьвѣта аггела, якоже Исаяа въпить, Сына являше Божиа, а еже, въкратцѣ, Соломонова притвора вода — еже по в'сей земли воды, ими же наитиемъ божеств'наго Духа освящаемымъ душамъ скврњи великы и тежчайший недугъ отмываемъ. И тамо убо единъ бѣше сѣ възприемлей цѣлбу, и сиу тѣчиу тѣлеси, ниня же в'са въселенаа, и душе купно сѣ тѣлеси исцѣлѣваютсе, еже от оного вещьше же в'сако и божеств'нѣише. Еще по Моусеову завѣту въ врѣме Пасхы закалаемаго агньца и сѣ дрѣвомъ

испечена — образъ и сему быти в'сакъ убо речет заклавшомусе за всѣхъ Христу Богу. Еже убо и происходеще явленѣйше явим. И еже пакы Моуси боговидецъ вамъ попускаеть дѣяти — еже жену умръшаго бесчедну поемати брату его и вскрѣшати сѣме умръшому — ни же сѣ просто повелѣно бысть. Аще ли же нѣ, каа нѣкаа полза от таковаго поетиа умръшому? Аще не Закону съединеное || разньствити кто всхоцет и гльбочайшаа зрѣти, аз же убо не зру. Нѣ в'сако такова нѣкаа есть законоположника и пророка мысль: Закон' бо его же брата нарычет прѣва, дѣяние поемъ въ жену, чеда сътворити не възможе, раздрѣшити явѣ яко проклетая бывшаа чловѣка. За сие бо ради и сущїи бездѣтнии, образъ суще образу законному явѣ, дароносеще, не приемлеми бѣху. Нѣ вторїи братъ, Еуаггелие явѣ яко, нанесеную клетву вьсма потрѣбивъ, благородно вскрѣси брату сѣме, — сущиимъ под солнцемъ спасение.

л. 196

От него же всѣмъ свѣтло являеться, яко и Законъ вънутрь сѣи бысть Еуаггелиа, и се же пакы Законъ есть съвршень. Аще ниня се сиче имат, ничто же покажетъ вьстрѣсно и жестоко, аще что Новаго намъ Завѣта въ словѣ прѣемлетсе, ничто же тебѣ и Еуаггелиу обще быти любопресе. Аще бо посѣщениемъ те божеств'нымъ Богъ посѣтитъ и, душевные ти смѣженые очи отврѣзь, свѣтъ выложитъ божеств'наго Еуаггелиа! Крылѣ тебѣ, по божеств'ному Давиду голубини израстут и, възлетѣвъ, почиши на небесехъ. Аще ли же — еже никогда быти! — ни о чесомъ вьмѣняеши яже ниня въ посѣщение твое, нѣ въ прѣльсти отецъ твоихъ жити вьсхо||щеши, прочее не реку. Нѣ о семъ убо Богови попечител'но.

л. 196 об.

Обаче нужно есть и оно съматрати, како в'сѣмъ аггеломъ и чловѣкомъ и в'сей твари сѣи Богъ, Богъ изредно же рече бывати Богъ, иже благодатию явѣ Еуаггелиа и крещениемъ просвѣщшимсе. Яко же бо «Азь есмь, — рече, — Богъ Авраамовъ, и Исааковъ, и Иаков'лъ», не симъ единѣмъ сѣи Богъ, якоже рѣхом, нѣ в'сакому быв'шому естеству, еже въ него истинную отечьскую прѣдставляе вѣру и свою къ онѣмъ любовь же и сложеніе; сиче же и въ сихъ буди съматрае. Езыккомъ бо изде извѣстную вѣру и непадател'ну показуе и еже къ нимъ любве его топлое, себѣ убо онѣмъ въ Бога, себѣ же онѣхъ въ люди рече бывати. Не убо же нѣ и еже милостивъ бывати глаголати неправдамъ ихъ и безаконіа и грѣхы не помѣну ктому, божеств'наго крещеніа знаменуеть благодать? О Законѣ бо рече: Сътворивѣи в'са написанаа въ книзѣ Закона, живъи будет. А иже Слову Божию и Сыну, Христу вѣровавъ и баню божеств'наго приемъ крещеніа, в'се въ немъ потоцивъ грѣхы, весь вьсходитъ чистъ. Се бо зре Исая: «Измыйтесе, — рече, — и очиститесе, отимѣте лукав'ствіа ваша», — оно проповѣдуе, || яко духовно нѣкое и божеств'но крещеніе чловѣкомъ от Бога даруется, в'се грѣхы отмывае и в'сакую скв'рну потрѣбляе от душахъ. Аще бо и множество звѣздамъ или мор'скому пѣску изравнетсе нѣкому грѣсы, съ толицѣмъ прѣзл'ствомъ крещеніе възможе потрѣбити, якоже убо аще кто шаку клькѣ въ неизреченную пучину огня вьврѣжет. Да назнаменаеть же тебѣ слово еже въ купѣли Силоам'сѣи древле съвршаемое чюдо, образъ сѣи и проявление еже водою намъ дарованному обновленію и отложение сьгрѣшениомъ: якоже бо тамо по еже от аггела божеств'наго бывшой водѣ вьзумущение прѣвѣи вьшѣдъ въ купѣль недуга в'сакого измѣняшесе, сиче и въ божеств'номъ крещеніи в'саку скв'рну душевную иже симъ съвршень, якоже нѣкую от гнилыхъ рызѣ, сьвлѣчесе и отврѣже и чистѣйши весь и святъ бысть. Вѣждъ же убо, яко прѣжде сьгрѣшениомъ оставление божеств'наа баня даруеть, и сѣ есть еже «Милостивъ буду неправдамъ ихъ и безаконіа ихъ не помену ктому». А иже по сиемъ в'сѣмъ длѣжни есмы томление въ непрѣльстнѣмъ ждущимъ дне Суда, егда Божий Сынъ приидетъ съ святими аггелы своими и мрътвыхъ испитати и живыхъ и праведно об' ||ль'чити овѣмъ убо милость и непрѣходимую славу же и царство благыхъ, а иже непрѣподобно пожив'шимъ — неизречен'ные скрѣби и негасимы ог'нь.

л. 197

л. 197 об.

К с е н ь: Мало удръжь, о цару. Прочее и судиу, якоже рече, мрътвымь и живымь съ в'сѣми инѣми сына Иосифова дрѣводѣле подобно быти нещевати глаголете? Или въ тыще сѣ выпросих. Ново бо ничесоже и сѣ вас о ономь слово творити, аще бо человекъ яд'ца и винопицу, мытаремь въ житии съобѣдующа, от зла же всѣх и уничижена села произышьдша, Назарета, от негоже ниедино благо никогдаже произыде, и Сына себе словотвореща Божиа, и сих ради распетиемь осуждена, и умръша, жити от мрътвыхъ вѣстав'ша бесловесно крѣпитесе, попечитесе убо ино пощедѣти баснословие, судиу живымь и мрътвымь того съ властиу и удоб'ствомь рукополагающе.

Ц а р ь: Ты убо рекше нещучеши обѣщаемыхъ забывша ме, къ инѣмь слово прѣлагати, и убоясе, да некако тебе сими прѣведу от прѣдлежащихъ отлучена. Нь дръзай. И обѣщаемыхъ бо еще помню, и вспомену; и в'са тебѣ о моемь Христѣ и Бозѣ слово неоскудно прѣдложу. Сего бо ради и сиа тебѣ прохожду удо||бно и без'болѣзы'но и благоприятно о онѣхъ положь постижение. Толико тычу о сихъ глаголю тебѣ ниня, яко въсма есть истина еже рекль еси и прѣжде мала, — яко мытаремь и грѣшникомь другъ бѣ, прѣждныхъ' бо врагъ сущихъ други сътвори, и «не прииде призвати праведники, нь грѣшники на покаяние». Якоже убо учения свѣтомь всѣхъ на покаяние грѣшнихъ призва, сице и иже прѣжде малыхъ и уничиженныхъ мѣсть възвеличи, и чисти яко велики достойныхъ показа. Абие бо Исайа: «Галилеа языкъ, — рече, — людие, ходеще въ тмѣ, видѣше свѣт велей. Живущей въ странѣ и сѣни смрътнѣй, свѣт въсияетъ на вѣ». И Михей же: «И ты, Вифлееме, — рече, — доме Ефравовъ, не мнѣй еси еже быти въ тысуцахъ. От тебе бо ми изыдетъ еже быти въ княза въ Израили» и прочаа, яже, проходеще, явленнѣйше въ коихъ'ждо мѣстѣхъ в'са покусим'се разумѣти. Ничто же ново прочее, аще, якоже Галилеу и Вифлеема, сице и Назареть великъ являше, еже тому въ немь жити изволити, и многихъ благъ и великихъ испльнити, непричестна сими суща прѣжде.

Яко убо судиа яко въистину живымь есть и мрътвымь, аще и проходеще простран||нѣйше речется, нь обаче ничтоже възбраняет мала нѣкаа и ниня рещи. Услышимъ убо, аще и мнози суть глаголющеи о семь, по настоящому же божеств'наго Давида — въ деветдесетом и петомь псалмѣ: «Р'цѣте, — рече, — въ языкѣхъ, яко Господь въцарисе; ибо исправи въселеную, яже не подвижитсе; судить людемь въ правину. Да възвеселетсе небеса и да радуетсе земля, да подвижитсе море и испльнение его; възрадутсе поля и в'са яже въ нихъ; тогда възрадутсе в'са дрѣва дубравнаа ѿ лица Господня, яко гредеть, яко приидеть судити земли, судити въселенѣй въ правду и людемь истинною своею». Еще тѣже въ псалмѣ девет'десет и седмомь: «Въскликнѣте, — рече, — прѣд царемь-Господемь. Да подвижитсе море и испльнение его, въселенаа и в'си живущей на ней. Рѣкы възплещутъ руками въкупѣ, горы възрадутсе от лица Господня, яко гредеть, яко приидеть судити земли; судити въселенѣй въ правду и людемь правостию».

Чтѣ убо? О человекѣ ли глаголетъ сиа пророкъ, или о аггелѣ, или о Бозѣ? Явлено есть в'сако, яко ни о человекѣ, ни о аггелѣ сиа глаголетъ. Ни бо есть мощно человеку себѣ судиу быти? || Не убо. Нь ни аггеломъ кто Господь или Судиа именуется, нь раби и сии именуется в'си и суть Божии творения, аще и тваремь инѣмь прѣимутъ честиу. Избостаетъ же Богови подобати нещевати глаголемаа. Еда убо Богу и Отцу подобати речеть кто? И убо не прииде онъ на земли. Избостаетъ убо о Сыну и Слову Божию сиа пророку глаголати пришьдшому на земли, якоже и в'си пророци и Иеремиа рече. Съматрай же добрѣ опаснѣство пророчьскихъ словесъ. Прѣжде убо рече просто, яко гредеть; таже наводитъ, яко гредеть судити земли, судити въселенѣй въ правду. Являетъ же прѣвое убо, яко въ смѣренѣ прииде образѣ, не судити въселенѣй, нь научити и просвѣтити и къ истинному богочестиу множество еврей руковод'ствовати,

и повинути ни безаконовати, ни идолослужити, дръжати же данный от него Новый Заѣтъ, Еуаггелие явѣ яко, о немъ же рече пророкъ, яко «Скончаю на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ Заѣтъ Новъ» и прочаа, егоже заѣтъ и апостоли прѣжде тѣмъ проповѣдаше, таже инѣмъ языкомъ. Въ вторѣмъ же его пришествии яко Богъ приидеть и Судиа страшнѣ, егда и небо — аггели явѣ яко в'си, и земля — иже на ней явѣ яко чело-вѣщи — подвигнутсе от лица его. ||

Видиши ли, о Ксеню, како судиа мрътымъ и живымъ мой Христос и л. 199 об. Богъ показуется? Сиа бо прочее, якоже рѣхъ и въ прѣждныхъ, явлена тебѣ сътворити покушусе многими и великими писменными указан'ми. Ниня же да възведемъ слово отнудуже изыдохомъ.

Моусеоваа книга патриарха Иуду съчетатисе глаголетъ Фамарѣ, своей сынѣ, и близнѣнъ зачети ей. Рождениу же врѣме дошѣдшу, прѣдтещи убо матернюю утробу Зарѣ — не по правости же, нѣ льстинно, и руку убо проложити от прочаго тѣлесе. Баб'ствующиа же устръмленiemъ нѣкимъ божеств'нымъ об'везати сиу предивомъ чръвенѣмъ. Оному же руку съпретавша вьнезаапу, Фаресу же уступити происхожденiа, послѣди же приити ему. Бабѣ же, чудесе се испльнѣ видѣвшою, от вѣдъхновениа нѣкоего божествна велегласно нѣчто и велми възупити: «Въскую разорисе тебе ради ограждение?» В'са убо прочее быти прѣславна, яже рождениу сему приключашаасе, в'сакъ кто убо речет. Что когда же убо речемъ разумѣти реченное от бабы, яко «Разорисе тебе ради ограждение»? И явѣ, яко Законъ, егоже и Исайя въ притчи винограда ограждение именована, || уступити рече Еуаггелиу, и виноградъ, языкъ л. 200 ванъ явѣ яко, въ расхыщение ожидается. Разумно бо прочитае реченнаа, се обрѣщеша рекши бабѣ не от себе, нѣ якоже рѣхомъ, Богомъ подвижима, еже пророкъ рече Исайя, яко «Разору ограждение винограда, и будетъ въ расхыщение». Якоже бо Зара, вьмалѣ явьсе рукою, съпретасе и съкрысе въ чръвѣ матер'ни; съзади же гредѣ Фаресъ прѣдвари, вьспет оставивъ мнѣщагосе прѣва быти; сице и иже евреомъ данны от Бога Законъ: вьмалѣ обладавъ и явисе, пришьдши же еуаггел'ской благодати нескуднѣ и съвршенѣ и въ миръ вьсъ просиавшой паче тмамы солн'цѣ, скрысе прочее Законъ.

К с е н ѣ: Аще, по твоему слову, о цару, Еуаггелие благодать есть и истина, изьостаеъ прѣльсть быти глаголати Законъ и лжу вьсма. Сматрати убо подобает, колико будетъ повьсуду безмѣстное: или убо не быти вьсма от Бога данъ Законъ понудимсе глаголати, или от него убо быти, лъжа же, яко възражатисе и обoими в'са святаа и чьстна, и в'си пророци, еще же и словущее на Синаи богоявление.

Ц а р ь: Нѣ глаголю, Ксеню, от сихъ ничтоже. Нѣ дану быти убо языку от Бога Законъ, — и азъ, и в'си убо рекут. Сѣнописанiе же нѣкое быти и якоже образу прѣд||начрътание: яко же убо съвршенемъ шаровомъ л. 200 об. образу приложенемъ потрѣбляеъсе убо прѣвое проначрътание сѣнописанiа, не затираетъ же се вьсма, истѣйшую бо истину образъ прѣдставляет, сице ми разумѣи и о Законѣ и Еуаггелии. Истина убо есть Еуаггелие, никако же лъжа Законъ являеъсе сего ради, нѣ и от Бога данъ быти вѣруеъсе, и праведнѣ быти, и святѣ. И якоже сѣнописан'ное къ явлениу несъвршено и тьмно образъ, сице и Закону недостаточное Еуаггелие наплъни, вьнутрь бо сего и Законъ добрѣ кто убо съматрае обрѣщет. Развѣ бо малыхъ, ихъ же съмотрениа ради и потрѣбѣ тогдашнему врѣмену подобныхъ прощенихъ, ихъ же и кромѣ никыйже послѣдуеътъ врѣдъ, в'са законнаа зѣло ясно утврждаеътъ и учить Еуаггелие. Абие бо, еже не прѣлюби сътворити, ни украсти, ни лъжесвѣдѣтел'ствовати, еже любити Бога от в'сее душе и крѣпости и мысли вещьше и по выш'шему зѣло слову учит Еуаггелие. «Не прѣлюби сътвориши», убо онъ рече; Еуаггелие же: «Ни да пожелаеши». Зри же различное: овъ убо, пожелавъ иного жену, въздрьжателъ убо рекше бывъ, искушенъ бысть убо, от||рази же въздрьжанiemъ прилогъ, ключи же се не супротивисе, нѣ побѣжденъ бысть. А иже л. 201

от начела не пожелавъ како убо когда прѣлюбодѣи будеть? Законъ рече: «Не украдеши»; Еуаггелие же не сему тѣкмо ошаятисе, нѣ и къ поданиу нищим готову быти и в'сѣмъ просещимъ. Онѣ «зубъ, — рече, — за зубъ въздавати; Еуаггелие же толико потрѣбовоа противу томление приеmati научити, яко и биемымъ еще себе подлагати, иже множае насытитисе трѣбующимъ гнѣва: «Иже бо те заушит, — рече, — въ десную ланиту, обрати ему и другую, и иже те поиметь поприще едино, иди съ нимъ двѣ». Законъ: «Вздаси, — рече, — Господеви клетвы свое», сирѣчь, да не клетвопрѣступиши; Еуаггелие же не клетисе вѣсма повелѣваетъ, ов' бо многази убо добрѣ кльн'се рекше аще когда и погрѣшит, а иже никако сѣ творе како убо когда въ клетвопрѣступленій етъ будеть? Законъ попушае мужу жены водити, елики аще питати может, о посадницах же слово никаково убо сѣтвори, нѣ безъ истезаниа остави; Еуаггелие же единому браку внимати уставляетъ, скончавши же се прѣвой мужу женѣ къ второму браку прихо||дити, а еже о посадницах вѣсма отрыцаеть, и ни даже до сихъ стоит, нѣ аще и бракъ не отрыцает нужде ради естества, вѣсть бо сѣ добрѣ сего съдѣтель, нѣ дѣвство прѣдпочтено полагаеть и вещьше вѣнчаваеть иже сему съжител'ствовавшихъ. Рече же сѣ, не нужду вьводе, нѣ бол'шее съвѣтуе и вып'шее, «Иго бо мое, — Господь рече, — благо естъ, и брѣме мое лг'ко».

л. 201 об.

К с е н ь: Еще и сѣ приеmati подобати речени, цару, яко и чловѣчьскому естеству естъ творецъ дрѣводѣле Иосифа сынъ?

Ц а р ь: Едино ти естъ нужда, Ксеню, искати: аще Богъ естъ. Аще ли сѣ тебѣ явлено будет, явѣ яко и творецъ убо будет чловѣчьскому естеству и в'сей твари яко Богъ. Аще ли нѣсть Богъ, в'сако ни же творецъ'. Нѣ убо о сихъ слово, по обѣтованиу,² да пождитъ. Да идемъ же на прѣжднаа.

Законъ рече, яко хотей да даст книгу распустную женѣ своей и да отпушаеть ею; Еуаггелие же: «Их'же Богъ, — рече, — съчета, чловѣкъ да не разлучает», «Оставит' бо чловѣкъ отца своего и мать и прилѣпитсе къ женѣ своей». И еще: «Да не разлучаетсе, — рече, — развѣ словесе прѣлюбодѣйна». Сиа убо в'са ни по чесому противетсе Закону, паче же убо подьемлетъ и съспособ'ствуетъ.

л. 202

К с е н ь: || Аще, по твоему слову, о цару, а не инако въ Еуаггелии писано естъ, и азъ и в'си убо тебѣ съгласет не быти сиа Закону разорение. А яже рекль еси Закону мала и ничтоже приносяца врѣдъ прѣступаема, каа сиа суть? Ни бо вѣмъ. Сего ради и ничесоже о онѣхъ извѣщаю. Чюдити ми се убо, аще что от законныхъ и зѣло мьше прѣступаема безъ истезаниа будет, ибо аще что от в'сѣхъ удобъ небрѣгомо было би и яково убо не принести тыщету прѣступаема, не би убо мнѣ испрѣва от Бога прѣдано было.

Ц а р ь: В'са сиа прошѣдъ намъ слово скажетъ.

К с е н ь: Буди сиа. Обаче еже рѣхъ — недоумѣние нѣкое немало помысль обращает мн. Кому толико крѣпость прѣмудростна прибысть. яко истипу показати законное разорение?

Ц а р ь: Мало удръжи и в'са тебѣ удобнѣ сказана будутъ. Буди да речемъ никакоже прогнѣватисе Богу на вашъ языкъ. Ни же сиче вѣсма недвижима законнаа прѣбыли би убо? Ни бо младенцемъ присно матер'нее пзливаетсе млѣко въ възрасть происходещимъ, нѣ тврдѣйшя пища подаваетьсе възрасту прикладнаа. Ни пестунмы присно съврѣшаютсе дѣти, възрасть юже прѣ||шьдѣше дѣтищны, нѣ учению же трѣбують съврѣшенѣйшихъ. Прочее ни вамъ присно свободное прѣбывати подобаше?

л. 202 об

Тогда убо вьновѣ от иже въ Егуптѣ нищѣ и страстий и идолослужения измѣншимсе не бѣ стрѣпѣти опасньство еуаггел'ское. Сего ради таковъ данъ бысть Законъ, добръ убо и святъ, несъврѣшенъ же обаче и невъзмож'нь о себѣ. Еже бо что несъврѣшено естъ въ себѣ едва нѣгде съврѣшит друго. Нѣ тѣ же да не услышавъ, яко, и не съгрѣшавшимъ вамъ, ни же къ томлениу Бога раздражившимъ, упразнитисе Законъ хотѣаше? Речени,

² Слова «по обѣтованиу» приписаны над строкой.

яко понеже несврѣшенъ бѣ Законъ и разорити се хотѣаше, излишно бѣ еже вѣнмати тому, аще бо и мѣ прѣступаемъ еже Богъ разарати хотѣаше, ничто же пакостно би было. Не сѣ глаголи, ни бо прибываетъ отвѣту сему праведное.

Принеси бо рѣди, нѣкаа потрѣбѣ понуждающе, кукуерицу от траве и трѣстия и прилучившихъ се дрѣвницъ всуе устроити и съ небрѣженіемъ, повнегда же сеи нужди мимогекши от каменія и желѣза и вара въ храмину благолѣпну и велику устроити. Таже вселна вввести въ нѣю. Оному же, съмотрение неразумѣвшу устроившаго || и неудобренное кукуерици скръбца, прѣжде врѣмене разорити, в'сакого съвѣта вѣнѣ устроившому же и съдѣтел'ствовашому. Что убо мнит' ти се: еда убо убѣже еже не дати мсть иже кукуерицу разоривъ? Не убо, речеши и самъ. Таково нѣчто разумѣти ти праведно и о Законѣ и езыцѣ иудейском. Хотѣаше убо иже роду единому вашему данъ Законъ, якоже рѣх, празднѣ быти, Еуаггелие же вселеную в'су и езыки в'се протещи въ врѣме же подобно. За ваше же неразумное и жестокое и злонравное, паче же нечѣстїа ради прѣвеличѣства, отъеть ограждение, рекше Законъ, иже винограда господинъ, сирѣчь языка вашего, и бисте въ поправление и расхыщение.

л. 203

И от нѣхъ же многихъ явлено Закону от Бога прѣложение будет ти. Пророкъ бо рече Давидъ, яко «Клет'се Господь и не раскается: тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Прѣвѣ убо поставивъ, испитай, как не рече «по чину Аароню», от левитскаго бо племени поставляхусе священники, из негоже бѣ тѣ, нѣ «по чину Мелхиседекову». Аще бо съврѣшение левитскаго священ'ства би было и людие на не възаконени би, что убо и еще потрѣбова «по чину Аа||роню» глаголатисе? Прѣлагаему бо священ'ству, в'сако кромѣ слова, и Закону прѣложение бываетъ. На него же глаголютсе сїа, колѣну иному причестисе, от негоже никто же причестисе къ олтареву, проявлено бо, яко от Иуды вѣсія Господь, от него же колѣна ничесоже о священ'ствѣ Моуси глагола. И лиш'ше еще явѣ есть, аще по подобію Мелхиседекову вѣстаетъ священникъ инъ, иже не по Закону заповѣди плѣтскыя бысть, нѣ по силѣ жизни неразрушеннѣй, свѣдѣтел'ствует' бо се, яко «Тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Вѣнми опасно, о Ксеню, глаголемымъ, да разумѣши, яко о Христѣ рече Давидъ, яко «Тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову», и яко прѣлагаему священ'ству от левитскаго колѣна въ Иудово, рекше Христово, от того бо бѣше, по нужди прѣлагаетсе и Законъ. Прѣвѣ бо убо сѣ прѣлагаетъ Законъ по нужди по ему же рѣхомъ слову; второе же, яко иже присно переомъ скончавающимсе инии прѣмляху священ'ство, яко убо да не великаа потрѣба сего прѣстанет. Христос же, единою умрѣ и въскрѣсь из мрѣтвых, прѣбывает по емуже чловѣкѣ, не ктому умирае, нѣ нетлѣніем и бесъмрѣтием || одѣянь, священникъ въ вѣкы, якоже божеств'ны рече Давидъ, яко «Клетсе Господь и не раскается: тѣ еси священникъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову». Видиши ли, како? Священ'ству убо Давидъ прорече прѣложено быти, прѣложено же бывшу сему, по нужди послѣдуетъ и Закону прѣложение. О семъ убо толика. На ино же слово да приведемъ, показующе в'сѣми, како вашъ убо езыкъ Богъ оставити хотѣаше за неблагодарное и жестокое и въ нѣ невѣрное, присвоети же езыки.

л. 203 об

л. 204

Единому от судий, Гедеонъ бѣ сѣ, Богъ повелѣ на иноплеменники напасти. Он' же, не възрѣвъ, ни разумѣвъ Божіе в'семоцное и неизмѣрное крѣпости, нѣ къ себѣ же и люд'ское зре перадение и устрашение, яко мали къ множеству иноплеменникъ бѣху, негодоваше повелѣние и прошаше от Бога знамение, да извѣститсе, аще вѣистину побѣдитъ иноплеменники, якоже оному повелѣно бѣ. Знамение же, еже прошаше, таково бѣ: да положену бывшу на гумнѣ руну влѣнѣ, на немъ тѣкмо убо да сънидетъ дѣждь, гумно же да прѣбудетъ сухо и не мокро, якоже прѣжде. Еже убо и бистъ: еже бо окрестъ руна земли ни малѣ у||бо причестившише влазѣ, на толицѣ причестисе руно, яко испльнити рукомы

л. 204 об.

воды изъжъмь. Он же, толику чюдеси недовольн' бьвь, ни умльчавь, паки прошаше росу и безъдъждие быти, сырѣчь на гумнѣ убо росу, сухо же прѣбыти руно. Еже убо по Гедеонову прошениу бысть и сѣ. И овь убо, извѣщение о сих приемь, сътвори убо повелѣнное от Бога, и брав'се съ иноплеменники, одолѣ и побѣди. Елма же в'са древняя образи и якоже прѣдначрътаниа будущимъ бѣху, и реченное не мьне знамение обрѣщет кто убо и паче сълагаемо иже послѣди скончавшимсе, прообразовати бо убо речеть кто гумно убо в'су землю, руно же иудейскѣ языкъ, росу же паки, еже на руно тъкмо пр'вѣ съшьдыши, иже от Бога посилаемую иудейскому множеству благодать же и посѣщение. Сушу же паки убо еже на рунѣ, а еже на гумнѣ росѣ обилие — еже лишитисе убо вамъ еже от Бога благодати же и помощи и присвоениа и упокоениа, в'су же землю и в'сакъ языкъ сими прѣизобылном быти.

Сиа бо и оно пророчское противу прорече, яко от лица Божиа глаголемо, яко «Разору оцлот винограда мо||его», рекше Законь, «и будет въ расхыщение, и заповѣдаю облаком еже не одъждити въ нь», на языки же — роса и в'сако благо. И еже пророкомъ Исаем паки глаголемо: «Възвеселисе неплоди, не раждающиа; растрѣгни и възупи небо-лѣвшиа», языкъ бесчеднаа церкви явѣ яко, «яко многа чеда пустыа, прѣжде бесчеднѣ и бесплоднѣ, нежели имущой мужа», реку же еврейской церкви, имущой Законь и пророки, или паче самого Бога. Се бо мужь назнаменует и чеда. Се бо самое прознаменоваше и еже неплоди роди сед'мь, сырѣчь множество сыновъ от божеств'на Духа раждаемых приеть языкьскаа церкви, и многаа въ чедѣх, реку же съньмь иудейскы, изнеможе. Въмѣсто еже пасту бысть от божеств'ныа благодати.

Прочее же за их'же рѣхом не въсма ли бывает явлено, яко и языкъ от древных оставлень бысть от Бога за их'же рѣхомъ вины, и Законь упражнениемъ осуждены бысть, и яже языкомъ даннѣ блага еуаггел'ские ради благодати издалече от всѣх пророкъ проповѣдано бысть? И убо аще в'са събрати по сихъ въсхотѣль быхъ яже сего явѣ прѣдставляюща, въ велику нѣкую длъготу намъ слово простретсе. Тѣ же како имаши о речен'ныхъ?

а. 205 об. К с е н ь: || Явѣ, о цару, яко божеств'наго Писаниа сиа в'са суть, и не инако убо противляюсе. Кое же убо извѣстно указание будет' ми, не о множеству неподобныхъ сиа в'са пророки глаголати, нь, якоже тѣ рече, о злочьстиу и невѣриу?

Ц а р ь: Азь убо мнѣ явѣ намъ и от иже съмѣрнѣ реченнымъ указано бити вашему граду раскопане и множество плѣна, и сего ради яко достойно и законное прѣложение. Елма же сумнишисе еще и не въсма повинувешисе, явленѣйша тебѣ сиа проходе поставити покушусе. Нужно же мню о нихже именована прѣжде мала, яко убо дрѣвесемь кланяемсе и идоломь, святые и честные иконы сице нарыцае, мала же нѣкаа въспомнути.

Всакъ убо грѣхъ инь, еже аще кто въ Бога съгрѣшает, Бога убо разгнѣва себѣ. Ничто же толико съдѣла, елико поклонивысе идоломь; се бо въсма отсѣцает от Бога, яко бѣсовомъ явѣ сѣ служба идол'ское поклонение. О сем' бо и еже «Рече безум'нь въ сердци своемъ: нѣсть Богъ», — пророкъ рече Давидь. Елма же таково нѣчто и о нас непщуети, явлено абие тебѣ положити непщую еже о семь.

а. 206 Немощни суще чловѣчьсци помысли и ничтоже имуще тврьдо, нь удобнѣ къ прилучившимсе влѣк||ми, скоро зѣло божеств'ныхъ благодѣаний забытливѣ бьвають, тѣмже и прѣмудрѣ рече Соломон, яко «Помышления мрътъвныхъ в'са страшива, и пакостна умышления ихъ». Да не убо по-малу растлитсе и отлетит чюднѣмъ дѣломъ память моего Христа и Бога, их'же съдѣла же и пострада яко чловѣкъ, нашу плоть понесе поистинѣ, художество нѣкое сѣ божеств'но и зѣло пользно отци избобрѣтено бысть, яко убо на стѣнахъ и нѣкыхъ дьскахъ оногю пишуще и зреще образъ, въ помет приходимъ толика благодѣяниа. Сихъ ради убо и пишемъ,

и покланяемсе и целоваемъ Христовъ убо и того божеств'ные, и приснодѣвы матери и инѣхъ святыхъ мужи.

Покланяем же се не служительнѣ, нѣ любовнѣ и еже къ нимъ любви показующе зѣло топлотное. Служителиѣ же тъкмо Христу покланяемсе, егоже написаны образъ. Саму же онѹ того рождышюу приснодѣву Марию и тое образу, еще и инихъ святыхъ и самѣмъ онѣмъ, не служительнѣ, якоже рѣхъ, нѣ почитателнѣ покланяемсе, прѣвосилающе почестъ на прѣвообразнаа, их' же ради о Христѣ различными брашесе скръбными, плоть свою добродѣтелиу изнуривше, и их' же инии многовидными смъртными образы въ||врѣжени быше.

1. 206 об.

Указание же тебѣ явлено еже почестъ образа на прѣвообразное прѣходити — повелѣние цареве. Вѣси бо, яко аще что таково от кого-либо прочитаемо случитсе, в'си прилучив'шеисе абие, аще сѣдеще случитсе суще, встают же, и многы испущают гласы, похвалами и благодарен'мы и в'сѣми вѣнчающе и въздающе цару гласы; мнози же и свое ихъ главы приложише. Се же и тебѣ вѣдѣти мнѹ добрѣ.

К с е н ь: Зѣло же.

Ц а р ь: Что же когда убо, еда мнети се хартии и чрънилу, или чръвени почестъ онѹ въздавати писменомъ? Никако же. Понеже от сихъ коеждо ничтоже есть о себѣ, на цара же прѣводеще почестъ, оному вые подклонити мнетсе, писмомъ, еже рѣхомъ, обрѣмѣнями.

К с е н ь: Мнит ми се.

Ц а р ь: Добрѣ. Да будет' же тебѣ знаемѣйше, еже не службнѣ сиа намъ покланятисе не мѣне и от сего. Назнаменаны бо от нумие, вѣси и самъ явѣ яко, яко овѹ убо Христова, ина же того матери, или нѣкоего от святыхъ образы имуть въображены. Нѣ мало, паче же ничесоже убо намъ брѣгомо о онѣхъ почести. Нѣ бо въ чсть прѣвообразныхъ сребра или злата та умышлено бысть назнаменоватисе. По||знание же якоже нѣчто сѣ златници начрътаваем и инако являюще, яко христианомъ сѣ есть. Сихъ бо ради, и по земли аще случитсе помѣтающе, и огню и изварениу прѣдающе, и заглаждающе, и съкрушающе, аще и замѣненмы же и куплями въ руцѣ нечестивыхъ полагающе, не раз'ньствуемъ. И тебѣ же самому вялагалище мнѹ или домъ аще кто испитает, таковыхъ христиан'скихъ златицъ немала убо обрѣщеть, от христианѣ в'сако, а не отинудѣ данна тебѣ. Нѣ ни яко что убо дающимъ брѣгомо. Толико бо трѣбуемъ образи служительнѣ угаждати, яко аще и по пѣкоемъ случаяю еже на дьсцѣ ключимо или на стѣнѣ написаному образу казь оцѣститсе, ничто же ино развѣ стѣнѣ еще стѣнѣ и дрѣво инако непщумемъ дьску, изнурающе, аще когда случитсе, и огнемъ. Видиши ли, яко не идоломъ служити есть, якоже мниши, еже кланятисе иконамъ. Ни же еже кланятисе, нѣ покланяющихсясе мысль имущихъ разумъ искушается. Аще ли хочени, и от вашихъ сѣ тебѣ сѣтворю явленнѣйше.

1. 207

Прѣродител' бо вашихъ неразумие и неблагодарное зре Богъ, яко скоро благодѣяний его и различныхъ благодатий забываху и удобнѣ памет в'сѣхъ изгоня||ху от душе, ихъ же благопострадаше въ Египтѣ же и въ пустыни и пов'суду, повелѣл' Моусеомъ въ книгахъ нѣкихъ написана чудеса руками священническими отдѣлитисе. Что же, когда убо хартии ли и чрънилу почестъ отдающе бѣху написан'наа? Никако же. Нѣ, зреще онѹ, благодѣяния помышляху, въздвизающе памет видѣниу и на благодарение по-малу утѣшающе. Что же: не боговидцѣ ли Моуси херувими образы, сѣтвори, положи въ оцѣстилище? Нѣ не мѣшесе идолослужити. Что же убо речеть кто о кивотѣ и ихъ же въ немъ, завѣтныхъ скрижали реку и имущой манну стамѣ, божествнаго же жьзла Ааронова и златые кадилнице. Не он' ли убо от дрѣвѣ, от вещи же сиа прѣстнѣ, злата бо бѣху суца? Нѣ ничтожде сѣ пристоаше иже изредно сиа чѣтущимъ же и почитающимъ; толико бо тѣмъ стидѣние прибысть и почести, яко убо иединому от в'сѣхъ мощно быти или приближитисе, или прикасатисе вьсма, аще не от священник

1. 207 об.

кто от левитскаго бѣ племене. Вѣси бо мнѣ Возана ³ оного, какво томление дрзости подѣть, и сиа от благочыстивые мысли, якоже непщеваше, *л. 208* съвѣкупльсе кивоту: подкрѣпляти || бо начинаше низвержену быти хотещу прѣклоншусе носещому юнцу. Нѣ никакоже запинаемо бѣ вѣщное еже божеств'на и быти и непщеватисе. И убо божеств'на нѣкаа в'сако и зѣло бѣху чыстна самаа же лежимаа и имущий кивот. Ни бо мнѣ трепета кромѣ есть поменути их'же оного ради съдѣваемых множицею чюдесѣ. Колико что бо бѣ Иорданово, ово убо подтечи и пролитисе въ море до дна его, ово же якоже ледь сѣгустившисе стати, священноком' же посрѣдѣ стояти рѣчные земле, кивот носещим, и прѣхождение без'трудно, по суху бо прѣхождаху, множеству подающимъ, иноплемен'ные же якоже видимыми страхомъ издыхающихъ зрѣти, и Иордану паки цѣлу въсприемлющу путь, понеже послѣди в'сѣхъ прѣидоше и священници. Колико же паки бѣше еже седмыи дньми обхождениа священником' же и кивоту Иерихону стѣнамаь сытресеномъ быти, и в'сѣмъ купно тѣмъ начелствующимъ плѣненомъ быти сущимъ въ немъ. Каа нѣкаа сила сиа дѣйствоваше: еда дрѣвеса же и прочаа? Нѣ. Нѣ понеже ино убо бѣ видимое, ино же разумѣваемое, разумѣваемому сила дѣйство||ваше дѣйствуемаа. *л. 208 об.*

Не от врѣмена убо будеть и юже рѣх умную силу тебѣ явити. Кивот бо образ' бѣ и подобие иже Сына и Слово Божие Христа рождышой чистѣйшей и приснодѣвы Марие, а яже въ нем, аще и Христа являше въселшагосе въ дѣвую, нѣ и сиа в'са тойжде бѣху образъ неск'вр'ные и прѣнепорочные Марие. Еже бо убо от дрѣвъ законное устройство кивоту прѣстное ее являше и еже Адамовѣ быти дщери. А еже злата кадилница — еже паче в'сѣхъ чистое ее и еже хотѣти ог'нь божества еже в'су изнурати злобу приети, Сына Божиа явлено, иже и умно суще кадило, аггели же в'се и человекы облагоухавае. Скрижали же и начрътан'наа от Бога словеса явленнѣйше прознаменоваху: ова убо — ту яко мрътвна сущи естества, словеса же — иже без сѣмене въселшасе въ нѣо Божиа Слова. Жъзль же и тѣ приснодевую Мариу образоваше: якоже онь сухъ сущъ и немокръ, напрасно процѣвте и плодови т явисе, инѣмъ жъзломъ сухомъ, якоже прѣжде прѣбывшимъ, сице и тѣ, от всѣхъ из'бран'на родовѣ, цвѣт нетлѣнна, Христа без сѣмене *л. 209* роди, — якоже жъзль без' земле и воды израсти. А иже манну || носещи златаа стама — сиа убо чистое являше Богородице и непорочное, а еже вънутрь имѣаше манну — иже съвыше въ нѣо съшьдѣша Бога Слово: якоже бо она прѣславно съхождаше, сице и Божий Сынъ паче в'сакого слова и в'сакые мысли аггел'ские же и человекъские на приснодѣвую съниде, от тое прѣчистиыхъ и несквръныхъ кровий же и плетий плоть себѣ създавъ. И якоже съврѣшень бѣ Богъ, сице и съврѣшень по в'сему бысть человекъкъ, нѣ не по привидѣнию, якоже нѣции непщеваше нечстыивѣ.

Помысли же и zde, како небесную ону и богоданную пищу, о ней же пророкъ Давидъ рече «Хлѣбъ аггел'скы яде человекъкъ», ядуще отци ваши, ни тако еже рыптати отступише, нѣ прѣд собою непщеваху егуптскаа мяса и иныхъ пицѣ, и паки крастели, и еже от нихъ сытость не устидѣвшесе, божеств'нымъ гнѣвомъ за неблагодарное искушени быше, еще и сиа брашну въ онѣхъ сущу устѣхъ. Блюди же: да не хлѣбъ аггел'скы слышавъ манну пророку рекшу, или аггелы тѣлесные нѣкое трѣбовати пице възнепщущи, елма манна тѣлесна бѣ, или въспет паки аггел'скою нѣкоею и умною пищею тѣлеса състоатисе человекком. Есть же ничесоже от сихъ: *л. 209 об.* нѣ от земле убо человеккомъ създание имущимъ, и земельнымъ потрѣба пищамъ; аггели же, умни суще и от вещи и тѣлесѣ далече, подобну имут естеству и пищу, яже есть самѣ Богъ, егоже и пищу имут неиздаему и неподтекущу, и радость непрѣстанну, и свѣт, в'саку прѣвьсходе свѣтлость, ееже пице себе диаволь отлучивъ, горшу в'сѣхъ и лютѣйшую прѣтрьпѣ смърть, аще

³ «Вѣ» приписано рукою писца на поле (слово начинает строку); первоначально было «Зана».

и жити мнит. Ангели же, сию ядуще пищу, присно живут и живи будутъ въ непрѣходимые и бесконьчныя вѣкы.

Сего ради на Бога самого възложихомъ аггелы имѣти пищу, манна же тѣхъ Бога и владыку Иисуса Христа проявляше съходяща съ небесѣ и выпльтившасе от чистие Дѣвы. Въ лѣпоту убо и пророкъ указателнѣ хлѣбъ аггелскы манну нарече, яко образуе хлѣбъ, рекше пищу аггел'ску, Господа, насытити хотещаго в'саку душу неиздаемые умныя и божественныя пице; якоже вмѣсто в'сакыя пице и она иудеом бываше. Сего ради убо и самъ Христос, выпльщ'се, глаголаше: «Азь есмь хлѣбъ, иже съ небесе съшьды». Не, якоже рѣхомъ, тѣлесны съ нарыче себе хлѣбъ, нъ указателнѣ хоте явити, выстину якоже нужднѣйши от в'сѣхъ есть хлѣбъ пица еже на в'сакъ день подтекае от тѣлесъ на||цльняе же и съставляе, сиче и Христос душе иже въ нъ вѣрующихъ исчезающихъ прочее и якоже издыхающихъ оживляеть и грѣеть.

л. 210

Яко убо будущее яко прѣшьдышее пророкъ рече, явѣ яко еже «яде» вмѣсто еже «ясти имать», да не почюдишисе. Обычай бо есть Писаниу множьствнѣ образомъ сѣмь въобразати слово. Яково есть и еже «На рѣцѣ Вавулон'сцѣ, ту сѣдохомъ и плакахомъ» — не у еже въ Вавулонѣ сълучившусе отведеніу, и еже «Въ рѣцѣ проидуть ногами» — еже съ кивотомъ въ Иордани глаголе прѣхождение людемъ.

Сиа убо в'са тебѣ приведох, оно разарае еже по нас о святныхъ иконѣ почести и поклонения грѣхъ, явѣ тебѣ прѣдставляе в'сѣми, яко не служител'нѣ симь, якоже нѣции мнет, поклоняемсе, нъ, якоже рѣхъ, на прѣвообразнаа прѣводеще почѣсть. Аще что убо повинуешисе, да глаголеши убо.

К с е н ь: Многа же и нужда иже от тебе глаголемыхъ исповѣдовати. И ни едино мнѣ укорити праведно мнѣ положено истиною.

Ц а р ь: Не безгодно убо нещущеси прочее молитву якоже начетки нѣкыя словесемъ Богови дати:

Богъ убо святой, иже въ Троици пѣваемы, иже твоимъ очесемъ умнымъ коснувысе и сихъ вѣсма смѣженыхъ ма||лито отврѣзь, тѣ и прилучившуюсе тѣмъ прѣльсть, якоже нѣкый врѣдъ, очистиши, и Авраама и Исаака и Иакова вѣру души твоей даровати, истинно сущое познати, юже о Бозѣ реку испытваемую истину, и не якоже въ гльбоцѣ невѣдѣнна тмѣ заблуждаему обноситисе.

л. 210 об.

К с е н ь: Сладцѣ зѣло молитвѣ, о цару, слышещу, любовь никакоже мала посрѣдѣ мною глаголемыхъ вскочи въ души о ихъ же рекль еси троичныхъ услышати словесъ. Слыше бо Троицу христианомъ вамъ почитати, никого же о сихъ выпрашахъ. Ниня же понеже добръ прибытькъ словесемъ сѣ приложилъ еси и усрѣдна себе даеши о нихъ же навькнути желаю, не малу мнѣ и сну добрѣ вѣждь благодать положь, аще и сиа скажеши.

Конѣцъ еже на иудеихъ второму слову.

СЛОВО ВТОРОЕ ПРОТИВ ИУДЕЕВ *

И м п е р а т о р: Нужно теперь, я думаю, Ксен, более тцательно исследовать, какъ обстоитъ дело. И если окажется, что вы — божьи люди, хорошо, примемъ то мнѣние, что пророкъ сказалъ это о многократно погрѣшившихъ. Если же сами дела ясно обличатъ васъ какъ людей, далекихъ от Бога и от истины, получитсѣ, что изреченіе имеетъ въ виду не грехи, какъ ты говоришь, а веру.

К с е н: А ты-то веришь, царь что не безъ божественнаго участія пророки изрекли то, что они изрекли?

И м п е р а т о р: Конечно. А какъ же иначе? Предпочелъ бы умереть, чемъ быть причисленнымъ къ неверующимъ.

* Благодарю А. И. Зайцева за проверку этого перевода.

К с е н: Раз так, то и Давида ты должен отнести к пророкам и его слова считать божественными и непреложными.

И м п е р а т о р: Разумеется.

К с е н: А разве он и Моисей не называют совершенно ясно Израиль уделом наследия Богу? И у других пророков не называется ли он народом Божиим, святым народом и царственным священством? Не нелепо ли верить, что мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, точнее же самого Бога, хранящие данный Богом закон, блюдущие опресноки и субботу, исполняющие праздники, чужды и ненавистны Богу? И это — люди, столькими авторитетными изречениями заверенные в близости к Богу! И при том утверждать, что вы — дети идолопоклонников и безбожников, по сю пору хранящие тлеющий жар древней испорченности, принявшие за Бога и сына божия распятого и умершего человека и поклоняющиеся ему, — божьи?! Нечестиво и думать так, и пытаться убеждать в этом других.

И м п е р а т о р: Разговор о Христе и кресте давай, если ты не против, пока отложим, а сейчас сопоставим ваши мнения с канонем Писания. Немного погодя я достаточно обстоятельно расскажу тебе и о них, как и прежде обещал.

Что пользы хвалиться вам тем, что вы — сыны Авраама, зоветесь детьми Божиими и что Давид назвал вас уделом наследия Богу и прочим, что ты только что высказал, коль скоро вы не удержались в истинной вере? Такого рода почести можно было бы воздать ведь и дьяволу, ибо до падения ему на долю выпало принадлежать к кругу лучезарных ангелов. Пример того же самого являет собой и праотец наш Адам: Бог доверил ему рай, и Бог провозгласил его господином всех животных и прочих существ, обитающих в воде, на суше и в воздухе; но и общение с ангелами никак не удержало его от падения, и вместо ангела он получил дьявола, вместо утробного добра — лукавство и обман, вместо света — тьму. И некоторая первоначальная причастность Адама к высотам достоинства не послужила ему на пользу при последовавшей за неводержанностью беде. Возжелав большего, он лишился и того, чем владел, злополучно потеряв тот божественный и радостнейший образ жизни. Так что то, что вы — сыны Авраама и, будучи возлюблены Богом, насладились многими милостями и дарами, не может служить основанием для оправдания в том, что вы неподобающим образом воспользовались божией к вам любовью и недостойно — честью такового отца и стали божьими врагами и отцеубийцами. И в высшей степени справедливому кажется, что раз вы таковы, то и лишены наследия по благодати отца нашего Бога.

К с е н: Слова эти, царь, кажутся мне пустыми и бездоказательными.

И м п е р а т о р: Знай же, что ты не освободишься от меня сегодня, пока я не сделаю все ясным и очевиднейшим в твоих глазах. Надо ведь тебе понять, насколько важен наш разговор и сколь большие и существенные вопросы предстоит нам рассматривать, и не стремиться по явлениям природы узнать то, что над природой, и по слову то, что выше слова, ибо это было бы невежественно и совершенно неразумно; и не привноси в разговор ненужного самолюбия, чтобы не противоречить здравому и бесспорному и не спорить и не бороться с очевидностью.

К с е н: Я был бы наивен и без пользы для себя посрамлен, пустившись в пустой спор и возжелав одолеть истину.

И м п е р а т о р: Итак, коль скоро ты обещаешь слушать, как и подает, без желанья поспорить, то давай сначала рассмотрим вопрос, является ли Божьим, как ты утверждаешь, народ иудеев. И пусть прежде всех Исаяя будет нашим третейским судьей и как бы руководителем в споре.

«Приближается ко мне, — говорит он, — народ этот устами своими, и губами чтит меня; сердце же их далеко отстоит от меня. Тщетно же поклоняются мне, уча учения, заповеди человеческие» (Исайя, 29, 13). Давид же говорит: «Услышь, народ мой, и возведу тебе, Израиль, и засвидетельствую тебе: я — Бог, Бог твой. Не за жертвы твои обличу тебя;

всесожжения твои всегда суть предо мною. Не приму от дома твоего тельцов, ни от стад твоих козлов; ибо мои суть все звери полевые, скот на горах и волы. Познал я всех птиц небесных, и красота полевая со мною. Если возжажду, не скажу тебе; ибо моя вселенная и все, что наполняет ее. Разве я ем мясо быков? Или пью кровь козлов? Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Вышнему молитвы твои; и призови меня в день скорби твоей, и я избавлю тебя, и ты прославишь меня» (Псалом 49, 7—15).

Не яснейшим ли образом говорят Исая и Давид, что Бог радуется не кровавым жертвоприношениям и запахам сжигаемых жертв, а бескровным и хвалебным религиозным обрядам?

Еще говорит велеречивейший Исая: «Слушай, небо, и внимай, земля, ибо Господь говорит: Я родил и возвысил сыновей, они же меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же меня не признал, и народ мой меня не понял. Увы, народ грешный, народ, преисполненный грехами, семя негодное, сыны беззаконные!» (Исая, 1, 2—4). «Как стал блудницей город, верный Сион, исполненный правосудия? Справедливость обитала в нем, а теперь убийцы» (там же, 1, 24).

И небо, и землю призвал Господь вместе слушать слова его и свидетельства о том, что, высокой рукой выведя ваш народ из Египта и чудесами большими, чем то может выразить слово, поразив озлоблявших вас, столь чудесным и превосходящим ум образом проведя вас через Красное море к спасению, а врагов ваших потопив, — после столь великих и многих благодеяний учредил он с целью вашего спасения Закон. Отцы же ваши не сохранили верность установлениям, но Моисея поносили, а Аарона призывали создать другого бога, крича: «Сделай нам богов, которые бы шли перед нами. Ибо с Моисеем этим, что вывел нас из Египта, мы не знаем, что стало» (Исход, 32, 1). Так смотри же, каким бесстыдством и упрямством, спесью и ропотом и многим подобным полны их речи и как, изрыгая яд своих душ, из безрассудной злобы разом забыв все совершенные ради них чудеса и словно в ответ на них, не только Моисея кусали они зубами, но и жесточайшим образом набросились на самого Бога. Ведь сказать «Моисей этот, что вывел нас из Египта», и при этом Моисея же презирать и роптать против Бога значит выказывать такой именно прав. Это со всей очевидностью показывает, что они скорее простодушно играли, нежели действовали сознательно: ибо, изготовив статую тельца, они поклонялись ей и тем самым изменяли Божьей вере, радуясь в изображении тельца, ядущего траву, творениям рук своих. Таким образом они побудили Моисея разбить богоданные скрижали и воспламенили гнев благодетельного и доброхотного Бога. «Ибо огонь, — говорит он, — возгорелся из ярости моей; будет сожжено все до ада преисподнего; пожрет землю и порождения ее, сожжет основания гор. Соберу на них беды и стрелы мои расточу на них» (Второзаконие, 32, 22—23); «Я сказал: рассею их и изглажу в людях память о них» (там же, 32, 26), «изошчрю, как молнию, меч мой» (там же, 32, 41), «упою стрелы мои кровью, и меч мой насытится мясом» (там же, 32, 42). Он говорит и множество другого, выказывающего крайнее его раздражение против вас.

Но ревнитель милости его и сострадания Моисей не до конца разгневался и не потерпел, чтобы жестокосердые эти увидели расточение божественного гнева, и примирил с ними Бога и длительными мольбами утишил его растущий гнев, взывая ради них к его природной доброте. Почему отнюдь и не дал Бог, несмотря на их беззакония, увидеть, как враги их радуются их погибели и, приписывая все своей силе и могуществу, решают, что он слаб. Но Бог призвал, словно неких свидетелей его заботы о них и сострадания к ним и их недоброжелательного отношения к нему, небо и землю, говоря: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих. Пролетит, как ливень, речь моя, и сойдут, как роса, слова мои, — как дождь на пырей-траву и словно снег на поле. Ибо имя Господне я призвал; воздайте величие Богу нашему» (там же, 32, 1—3) и т. д.

Итак, Бог снова дал им Закон, разбитый Моисеем со скрижалями, на которых он был вырезан, утишив свой справедливый гнев. Когда же, заняв обетованную землю, они вновь принялись за то же и, позорно ему изменив, прибегли к прежнему идолопоклонству, вовсе не помня чудес — не только происшедших в Египте и в пустыне, но даже и того, что произошло с фараоном и его войском, и стали еще хуже, чем были, поскольку сначала лишь раз, а потом многократно впадали в идолослужение и происходящее из этого бесчестие, Бог опять призывает прежних безупречных свидетелей, т. е. небо и землю, жалуясь на них и ужасаясь, что они имеют такую склонность ко злу, так вопия теперь через Исайю: «Слушай, небо, и внимай, земля, т. е. прежние мои свидетели: Я родил и возвысил сыновей, они же меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же меня не признал» (Исайя, 1, 2—3) и — по порядку все, что подробно изложено у Исайи. Вот причина призвания Богом неба и земли: по причине негодования на это он призывает тварь в свидетели недоброжелательства благодетельствованных. Порочность же их такова, что и глава всех пророков, пророка Захарии сын, знаменитый Иоанн, предшествующий Христу и проповедующий крещение покаяния, уподобил их порождениям ехидн, подлейшим и злейшим из всех диких животных, когда увидел, что многие из саддукеев и фарисеев сбежались на крещение, и сказал: «Порождения ехидн, кто научил вас бежать от грядущего гнева» (Матфей, 3, 7; Лука, 3, 7), настаивающего тех, кто не уверовал в Мессию Христа? Усомнитесь ли кто-нибудь когда-нибудь в том, почему божественный пророк назвал их порождениями ехидн? Ни в коем, думаю, случае. Совершенно ведь ясно, значит, что — как людей бесчеловечных, неблагодарных, способных на любую жестокость и убийства с большей, чем кто бы то ни было изощренностью. Ибо точно, как этот зверь, о котором говорят, что он не так, как другие животные, выходит из материнской утробы, но разрывая носящий его живот, так же и неблагодарный народ иудеев впал в кощунственное бешенство сначала против Бога, а затем и против его Сына и Слова.

Еще тот же Исайя говорит: «К чему мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесождениями баранов и туком овец; и крови быков и козлов не хочу. Не приходите лучше пред лице мое, ибо кто захочет этого из ваших рук! Не оскверняйте приношениями мой двор. Напрасно приносите лучшую муку; курение отвратительно мне. Новомесячия ваши, субботы и Великий день я не выношу. Посты и воздержания от работы, новомесячия ваши и праздники ненавидит душа моя. Я пресыщен ими. Уже не отпущу грехов ваших. Когда протянете ко мне руки свои, я отведу от вас очи мои, и когда приумножите моление, я не услышу вас, ибо руки ваши полны крови» (ср.: Исайя, 1, 11—15).

Еще он же говорит: «У возлюбленного моего был виноградник на вершине горы в плодородном месте. И построил я кругом него ограду, и обнес его частоколом, и насадил в нем отборный виноград; и соорудил башню посреди него, и выкопал в нем точило, и ожидал, что вырастут виноградные гроздья; а вырос терновник. И ныне, жители Иерусалима и человек Иуды, рассудите меня с виноградником моим. Что еще надлежит сделать для виноградника моего, чего я не сделал ему? Ведь я ожидал, что он принесет виноградные гроздья, а он принес терновник. Ныне я возведу вам, что я сделаю с виноградником моим: я отниму у него ограду, и будет он расхищаем; разрушу стену его, и будет растаптываем. И оставлю певозделанным виноградник мой, и да не будет он ни обрезаем, ни вскапываем; и зарастет он, словно бесплодный, тернием; и облакам повелю не проливать на него дождь. Ведь виноградник Господа Саваофа — это дом Израеля, а человек Иуды — любимое новое насаждение. Ждал я, что он рассудит право, он же совершил беззаконие» (Исайя, 5, 1—7).

И божественный Амос говорит: «Отвратительно мне праздники ваши, и я не обоняю запаха жертв во время торжественных собраний ваших.

потому что, когда вы приносите мне всесождения и жертвы ваши, я не приемлю их, и на спасительные почести ваши я не призрю» (Амос, 5, 21—22).

Согласно с этим свидетельствует и Малахия: «Нет воли моей в вас, говорит Господь, и жертвы ваши не приемлю из рук ваших; по этой причине от востока солнца до запада имени моему предстоит прославиться между народами; и на всяком месте приносится жертва имени моему, и жертва чистая, потому что чтится имя мое в народах. Вы же оскверняете его» (Малахия, 1, 11—12).

Яснее же всего показывает, что вы оставлены Богом, сказанное пророком Исайей: «Вот, приходят дни, — говорит Господь, — и заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет — не такой, какой дал я отцам их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; потому что они не пребыли в Завете моем, и я пренебрег ими, — говорит Господь. — Ибо тот Завет, который я заключу с домом Израиля после этих дней, — говорит Господь, — будет дающим законы мой мышлению их, и в сердцах их я начертаю их. И я буду для них Богом, а они будут для меня народом. И да не будет каждый учить ближнего своего и каждый брата своего, говоря “Познай Господа”, потому что все они узнают меня, от малого до великого; потому что я буду милостив к несправедливостям их, и беззаконий их да не вспомню больше» (Иеремия, 31, 31—34).

Понимаешь ли, о чем идет речь, или же разум твой хром на восприятие? А ведь это совершенно очевидно и вполне ясно тем, кто предпочитает разобрататься в вопросе непредвзято и точно. Смотри-ка, как все согласуется друг с другом и как все приведенные пророки, словно сговорившись, возглашают одно и то же об одном и том же. Ибо после того как Бог ни во что поставил и отверг ваши жертвы, посты, праздники и субботы и всем отчетливо показал, что вы им оставлены, — это ведь означает неподрезанный и нескопанный виноградник со снятой изгородью и разрушенными стенами, оставленный на разграбление и потоптание прохожим, ибо виноградник взят пророком как образ иудейского народа, — он добавил, показывая недействительность Закона, что намерен дать Новый завет, не такой, какой был дан вашим отцам, когда он выводил их из земли Египетской, но другой, благодатный, в который уверовали народы. Причина же, по которой он пожелал сменить его и при этом дать обетованные отнюдь не отцам вашим, а уверовавшим в него людям из других народов, — она ясна из его слов: «От востока солнца до запада похваляемо имя мое в народах, и на всяком месте жертва приносится имени моему, и жертва чистая, потому что почитается имя мое в народах, — говорит Господь. — Вы же оскверняете его» (Малахия, 1, 11—12). Видишь, опять же, что этими пророками была блестяще предсказана благодать божья в народах, т. е. благодать Нового завета, Евангелие? Так, изобразив печальную картину ожидающих ваш народ всевозможных бедствий, Исайя говорит: «Из Сиона явится Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 3). Какой другой закон мог здесь иметься в виду, помимо Евангелия и апостольского благовестия? Невозможно допустить, что это было сказано о вашем Законе, ибо он был дан Богом Моисею на Синае и в пустыне. Здесь же говорится не «дан», а «явится» из Сиона, т. е. именно то, что мы называем Евангелием и благовестием, ибо, как сами вы так или иначе говорите, это началось именно там.

Смотри также, как родственны друг другу оказываются Евангелие и Закон и как с каждым из них связывается и как объединяет их пророческое слово. И никто ведь ни в наше время, ни в прошлом ничуть не колеблется в сомнениях, таким ли образом обстоит дело. Если заглянуть в глубину того и другого, то не найдешь там никакого разногласия и противоречия их друг другу, но совершенно напротив: увидишь полную гармонию и согласие — с той разницей, что Закон можно назвать незавер-

шенным Евангелием, а Евангелие — законченным и законченным Законом.

Ведь если ребенок, который по врожденным способностям, в потенции, был, скажем, полководцем или геометром, выросши, миновав юность и достигнув зрелости, стал полководцем или геометром в большей мере, в действительности, то потенциальность на этом окончилась. А кто, игнорируя настоящее положение вещей, когда потенция уже перешла в действительность, станет взрослого человека рассматривать как не достигшего совершеннолетия ребенка, не обращая внимания на то, что потенциальность, блестяще раскрывшись, окончилась и ярко блистает действительность, — каким тот тебе покажется? Не в высшей ли степени ущербным человеком?

То же самое разумеи и относительно Евангелия и Христа. Ибо Закон был как бы тенью и неясным следом того, что позже явили Христос и Евангелие. Евангелие же, будучи вдохновлено самой истиной, наипревосходнейшим образом восполнило то, чего недоставало Закону, и всем представило в сияющем и блистающем виде бывшее там слабой тенью. И как сказано чуть выше, они совершенно совпадут для всякого пожелавшего подойти с любовью к более таинственному в том и другом, т. е. в Евангелии и Законе, ибо он не найдет в них ничего противоречащего друг другу, но увидит, что все содержание Евангелия скрыто в Законе, а в свою очередь Закон со всеми речениями пророков исполнен в Евангелии. Поскольку же ни одно из этих немногих соображений не смогло тебя полностью убедить, рассмотри следующее.

В портике Соломона был бассейн, называвшийся у иудеев Вифездá. Сюда по причине совершавшихся здесь чудес стекались толпы больных: ибо ангел Господен, сходя ежегодно, волновал воду, и с первого, прыгнувшего в нее после этого, болезнь сходила, словно сбрасываемая змеей старая кожа, и человек получал более крепкое здоровье. Кажется неслучайным происходившее с тем человеком и, более того, предзнаменующим. А если так, что же, скажи, иное предзнаменующим как не возрождение через божественное крещение и пристокающие отсюда душевное здоровье и крепость? Так смотри же, как значительное и совершенное предвещалось в малых и неясных образах. Ведь сходящий и возмущающий воду ангел обнаруживал Ангела Великой Воли, как его называет Исайя, — Сына Божия, а вода Соломонова портика, коротко говоря, — воды всей Земли, которыми после их освящения сошествием божественного Духа мы смываем пятна с душ, — самую страшную и тяжелую болезнь. И там ведь только один оказывался насладившимся исцелением, и то лишь в отношении тела, теперь же вся вселенная оздоравливается как в отношении душ, так и тел, что несравнимо более велико и божественно. Также и ягненок, приносимый, по завету Моисея, в жертву во время пасхи и поджариваемый на дровах, — и он, всякий это скажет, оказывается прообразом — прообразом принесенного в жертву за всех Бога Христа. В дальнейшем я это лучше объясню. Опять же и то, что Моисей-боговидец позволяет вам, чтобы жена умершего бездетным выходила замуж за его брата и восстанавливала умершему семья, — и это не просто так было заповедано. Есть ли какая-нибудь польза от этого брака умершему? Если не раскрыть сокровенного в Законе и не заглянуть поглубже, то я не вижу. Но мысль законодавца и пророка как раз такова: ведь первый брат, под которым он имеет в виду Закон, оказался неспособен исполнить свое дело по отношению к женщине — произвести детей, т. е. спасти проклятого человека. Потому и дары, приносимые бездетными, являющимися собой образ образа, т. е. Закона, не были принимаемы. Но второй брат, т. е. Евангелие, совершенно покончив с наложенной клятвой, благородно восстановил брату семья — спасение живущих под солнцем.

Из всего же этого ясно следует, что Закон, возникая, был в пределах Евангелия, и оно в свою очередь представляет собой законченный Закон.

Ноль скоро это обстоит таким образом, пусть не кажется тебе неприятным и резким, когда что-то из Нового Завета встречается в нашей беседе, хотя предполагается, что между тобой и Евангелием нет ничего общего. Если Бог блюдет в тебе божественное начало, пусть он позаботится открыть твои смеженные душевные очи, чтобы их достиг свет божественного Евангелия! Голубиные крылья, по божественному Давиду, вырастут у тебя, и ты, взлетев, отдохнешь на небесах. Если же — да не будет этого! — ни во что ты вменишь представляемое теперь тебе на рассмотрение, но предпочтешь блуждать ошибочным путем твоих отцов, большего я не скажу. Об этом позаботится Бог.

Прежде, однако, надо рассмотреть, почему Бог, являясь общим Богом ангелов, людей и всякой твари, говорит, что он будет Богом преимущественно тех, кто просветится благодатью, т. е. Евангелием и крещением. Как когда он сказал «Я есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова» (Исход, 3, 6), ответив на чистую веру в него отцов своей к ним любовью и расположением, будучи, как мы сказали, не только их Богом, но всей сотворенной природы, так же надо понимать и в этом случае. Ведь тогда он сказал, что будет для них Богом, а они для него народом, обнаруживая крепкую и негибемую веру народов и жар своей любви к ним. И разве же его обещание быть милостивым к их несправедливостям и беззаконий их и грехов не попомнить больше не намекает на божественную благодать крещения? О Законе ведь он говорит, что исполнивший все, написанное в книге Закона, будет жив. Уверовавший же в Слово Божие, Христа, и воспринявший купель божественного крещения, будучи омыт от всех своих прегрешений, отпускается совершенно чистым. Видя это, Исайя говорит: «Мойтесь и очищайтесь, освобождайтесь от вашей испорченности» (Исайя, 1, 16), проповедуя, что Богу будет приятно некое духовное и божественное омовение людей, счищающее все грехи и вымывающее из душ всю грязь. И даже если бы со звездами или песком морским по числу сравнялись у кого-нибудь грехи, путем такого необыкновенного омовения он смог бы от них избавиться, словно бросив пучок пакли в огромное море огня. Пусть свидетельствует тебе пример чуда, совершавшегося прежде в Силоамской купели и являющегося прообразом и проявлением дарованного нам обновления и оставления грехов посредством воды: как там первый, кто входил в купель после возмущения воды божественным ангелом избавлялся от всякой болезни, так и при божественном крещении принимающий его совлекает и отбрасывает всякую душевную скверну, словно некую обветшалую одежду, и весь становится чистейшим и святым. Знай же, что божественное омовение дарует оставление старых прегрешений, и это и означает: «Милостив буду к несправедливостям их и беззаконий их не попомню больше». А за все грехи, совершенные после этого, мы должны дать ответ в неложный день ожидаемого Суда, когда Сын Божий придет со своими святыми ангелами судить мертвых и живых и по-справедливости воздать добрым сострадание, неограниченную силу и царство, а тем, кто прожил нечестиво, — неизреченные скорби и неугасимый огонь.

К с е н: Немного подожди, царь. Неужели, как ты сказал, вы говорите, что сына плотника Иосифа надо считать наряду со всем прочим судьей мертвых и живых? Впрочем, я понапрасну это спросил. Ничего ведь странного, что вы и это про него сочинили. Ибо если вы безрассудно утверждаете, что обжора и пьяница, пировавший в течение всей жизни со сборщиками налогов, происходивший из по всему бедного и заброшенного местечка Назарета, из которого никогда не вышло ничего хорошего, человек, измысливший про себя, что он сын Божий, и за это осужденный на крест и умерший, восстал живым из мертвых, вряд ли вы удержались бы и от другой небылицы и без опасений с легкостью не установили бы путем голосования считать его судьей живых и мертвых.

И м п е р а т о р: Ты, похоже, полагаешь, что, забыв обещание, я повернул слово к другому, и испугался, как бы я таким образом не увел

тебя, отклонившись, от темы разговора. Но будь спокоен. Я еще помню, что обещал, и буду помнить; и все полностью расскажу тебе о моем Боге Христе. Того ведь ради я и об этом говорю тебе подробно — чтобы проще, легче и приятней было постичь то. Скажу тебе только сейчас, что совершенно верно сказанное тобой только что — что он был другом мытарей и грешников, ибо бывших прежде врагами он обратил в друзей и «пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Матфей, 9, 13; Марк, 2, 17; Лука, 5, 32). И как светом учения призвал он к покаянию всех грешников, так же и прежде ничтожные и презренные места возвеличил он и показал достойными величайшей чести. Вот, например, что говорит Исая: «Галилея языческая, народ, ходящий во тьме, зри свет великий. Живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас» (Исая, 9, 1—2). И Михей говорит: «И ты, Вифлеем, дом Еффафа, разве наименьший ты, чтобы быть в тысячах? Из тебя ведь произойдет мне тот, кто должен быть князем в Израиле» (Михей, 5, 2) и прочее, что далее мы постараемся более ясно рассмотреть по порядку. Так что ничего странного в том, что как Галилею и Вифлеем, так и Назарет явил он великим, избрав его для своего жительства, и эти места, прежде обездоленные, исполнил многих и великих благ.

Что же касается того, что он воистину есть судия живых и мертвых, то хотя дальше об этом будет сказано пространнее, ничто не мешает немного сказать об этом уже сейчас. Хотя и многие об этом говорят, теперь давай послушаем божественного Давида, — в девяносто пятом псалме он говорит: «Скажите народам, что Господь воцарился; ибо исправил вселенную, она не подвигнется; будет судить людей по правде. Да возвеселятся небеса и да радуется земля, да подвигнется море и наполнение его; возрадуются поля и все, что на них; тогда возрадуются все деревья дубравные от лица Господа, потому что грядет, потому что придет судить землю; будет судить вселенную по справедливости, и людей по истине своей» (Псалом 95, 10—13). А еще в псалме девяносто седьмом он говорит: «Воскликните перед царем-Господом. Да подвигнется море и наполнение его, вселенная и все живущие в ней. Реки восплекут руками разом, горы возрадуются от лица Господня, потому что грядет, потому что грядет судить землю; будет судить вселенную по справедливости, а людей — по правде» (Псалом 97, 6—9).

Ну как? О человеке ли говорит это пророк, об ангеле, или о Боге? Совершенно ясно, что не о человеке и не об ангеле. Ибо разве возможно человеку быть судьей самому себе? Нет, конечно. Но ведь и из ангелов никто не называется господом и судьей, но и они все — божьи рабы и творения, хотя и превосходят всех тварей честью. Остается считать, что сказанное подобает только Богу. А кто скажет, что это приличествует Богу-Отцу? Да он и не сходил на землю. Так что выходит, что пророк говорит это о Сыне и Слове Божием, сошедшем на землю, о чем говорят все пророки, в том числе и Иеремия. Обрати внимание на точность пророческих слов. Сначала он говорит просто, что грядет; затем добавляет, что грядет судить землю, будет судить вселенную по справедливости. Ведь первое показывает, что он придет в кротком виде, не судить вселенную, но научить, просветить и направить к истинному богочитанию множество евреев, убедить не поступать противозаконно, не поклоняться идолам и блюсти Новый Завет, который он должен будет дать, т. е. Евангелие, о котором говорит пророк: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет» (Иеремия, 31, 31) и так далее, — завет, который и апостолы проповедали сначала им, а потом другим народам. Во второй же раз он придет как Бог и Страшный Судия; тогда и небо, т. е. все ангелы, и земля, т. е. земные люди, будут потрясены видом лица его.

Видишь, Ксен, каким образом Христос мой и Бог оказывается судьей мертвых и живых? Это же я, как сказал, дальше постараюсь сделать бо-

лее для тебя ясным, приведя много важных и ясных доводов. Теперь же надо вернуться к тому, от чего мы отошли.

Книга Моисея (Бытие, 38) повествует, что патриарх Иуда совокупился со своей невесткой Фамарью и она понесла двойню. Когда же пришел час родов, то Зара пошел из материнского чрева не прямо, но боком, так что рука вышла прежде остального тела. Повивалка же, движимая неким божественным порывом, повязала ее цветной ниткой. Тот же неожиданно, подтянув руку, уступил выход Фаресу, а сам вышел после. Повивалка же, увидев, как совершилось это чудо, по некоторому божественному замыслу пронзительно и громко воскликнула тогда: «Что расторгло для тебя преграду?» Все необычно, что сопутствовало этому рождению, всякий согласится. В частности, как мы должны понимать слова повитухи «расторгло для тебя преграду»? Не ясно ли, что сказанное означает, что Закон, который и Исаяя в примере с виноградником назвал оградой, должен будет уступить место Евангелию, а виноградник, т. е. ваш народ, будет оставлен на расхищение? Рассудительно подходя к этим словам, ты найдешь, что повивалка сказала это не сама по себе, но, как мы уже говорили, подвигнутая Богом, и сказала то самое, что сказал пророк Исаяя: «Уничтожу ограду виноградника, и он будет расхищаем». Ибо как Зара, показавшись немного, подтянул руку и спрятался в материнской утробе, идущий же за ним Фарес, который, казалось, останется позади, оказался первым, так и данный евреям от Бога Закон: он ненадолго показался и явился, но когда пришла полная и завершенная благодать Евангелия, все в мире просветившая ярче десятков тысяч солнц, тогда Закон скрылся из виду.

К с е н: Если по твоим, царь, словам Евангелие есть благодать и истина, то Закон остается назвать заблуждением и совершенной ложью. Смотри, какая полная получается нелепость: либо мы должны сказать, что Закон вообще не Богом был дан, либо — что он был дан Богом, но лжив, причем и в том и в другом случае ниспровергается все святое и чтимое, все пророки и воспеваемое Синайское богоявление.

И м п е р а т о р: Я не говорю, Ксен, ничего подобного. Что Закон был дан народу Богом, — и я, да и всякий скажет. Но он является своего рода наброском и предначертанием образа; а когда на картину наложены краски, предварительный набросок делается невидим, но полностью не стирается, — ведь картина по отношению к нему являет собой более важную действительность, — так же надо понимать и соотношение Закона и Евангелия. Евангелие есть истина, но из этого никоим образом не следует, что Закон — ложь, и люди верят, что он дан Богом, что он справедлив и свят. И так же как незаконченность и несовершенство наброска служат ясности образа, ограниченность Закона — полноте Евангелия, ведь, хорошо взглядевшись, в нем можно различить Закон. За исключением немногого, что объясняется соображениями и нуждами того времени и отсутствие чего не причиняет никакого вреда, всему, что есть в Законе, вполне ясно наставляет и научает Евангелие. Например, не прелюбодействовать, не воровать, не лжесвидетельствовать, любить Бога всею душою, силою и помышлением Евангелие научает лучше и с гораздо большим эффектом. Закон говорит: «Не прелюбодействуй» (Исход, 20, 14); Евангелие же: «Не возжелай». Видишь разницу: возжелавший жену другого подвергся искушению, но, будучи, допустим, воздержанным, воздержанностью победил влечение, а может ведь статься, что и не устоял и был побежден. С самого же начала не возжелавший как может стать прелюбодеем? Закон говорит: «Не кради» (там же, 20, 15); Евангелие же заповедует не только это, но и быть готовым давать нуждающимся и всем просящим. Закон учит воздавать «зуб за зуб» (там же, 21, 24); Евангелие же настолько далеко от мести, что рекомендует ударенному подставлять себя еще желающим полностью насытиться гневом, говоря: «Если тебя кто-нибудь ударит в правую щеку, обрати к нему и другую» (Матфей, 5, 39), «И если кто-нибудь заставит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним

два) (там же, 5, 41). Закон говорит: «Исполни перед Господом клятвы твои» (там же, 5, 33), т. е. не преступай клятвы; Евангелие же повелевает вообще не клясться, ибо многократно поклявшийся правильно когда-нибудь да ошибется, а вовсе этого не делавший как может нарушить клятву? Закон позволяет мужчине брать в жены столько женщин, сколько он может прокормить, количество же наложниц он никак не ограничил, но оставил нашему произволению; Евангелие же предписывает единобрачие, вступать во второй брак позволяет только после смерти первой жены, а иметь наложниц запрещает полностью и на этом не останавливается, но, не отрицая брака ввиду природной необходимости, ибо хорошо знает о ней творец естества, все же выше почитает девственность и с большей честью венчает сохранивших ее. И говорит это, не принуждая, но советуя лучшее и более высокое, «Ибо иго мое, — сказал Господь, — благо, и бремя мое легко» (там же, 11, 30).

К с е н: Еще и то следует из твоих, царь, слов допустить, что сын плотника Иосифа — создатель человеческой природы?

И м п е р а т о р: Тебе, Ксен, одно нужно рассмотреть: является ли он Богом. А если это станет тебе ясным, то будет очевидным и то, что как Бог он — творец и человеческой природы, и всякой твари. Если же он не Бог, то, конечно, и не творец. Но разговор об этом, согласно уговору, давай отложим. Вернемся к прежнему.

Закон говорит, что желающий пусть даст разводное письмо своей жене и отпустит ее (Второзаконие, 24, 1); Евангелие же говорит: «Кого Бог сочетал, человек да не разлучает» (Матфей, 19, 6; Марк, 10, 9), ибо «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей» (Марк, 10, 7—8). И еще: «Не разводитесь, — говорит, — иначе как по причине прелюбодеяния» (ср.: Матфей, 19, 9). Все это ни в чем не противоречит Закону, скорее же подкрепляет его и содействует ему.

К с е н: Если так, как ты, царь, говоришь, в Евангелии написано, а не иначе, то и я, и всякий согласится, что это не является упразднением Закона. А то, о чем ты сказал, что есть в Законе нечто малое, нарушение чего не приносит никакого вреда, — что это такое? Я такого не знаю. Потому ничего об этом не скажу. Но я бы удивился, если бы что-нибудь из Закона, хотя бы и весьма незначительное, будучи преступаемо, оказалось не сопряженным с ответственностью, ибо если бы хоть чем-то можно было легко пренебречь и не понести наказание за преступление, таковое не было бы, думаю, с самого начала передано Богом.

И м п е р а т о р: Наше рассуждение все это прояснит по мере продвижения вперед.

К с е н: Да будет так. Однако то, что я сказал, — немалое затруднение, которое препятствует мне рассуждать. Кому достанет софистической силы, чтобы доказать, что в разорении Закона — истина?

И м п е р а т о р: Немного подожди, и все это для тебя разъяснится. Предположим, Бог нисколько не прогневался на ваш народ. Разве в таком случае содержание Закона осталось бы вовсе неизменным? Не всегда же детям дают материнское молоко, но, когда они подрастают, кормят их более твердой приличествующей возрасту пищей. Да и не вечно дети у нянек учатся, но, достигнув отроческого возраста, нуждаются в более содержательных науках. Неужели же вы должны вечно оставаться недоучками?

Ведь тогда, когда вы едва только освободились от египетской пищи, египетских мук и идолопоклонства, вам было бы не вынести строгости Евангелия. Потому и был вам дан такой Закон, хороший и святой, однако же сам по себе несовершенный и бессильный. А то, что несовершенно по себе, едва ли способно усовершенствовать другое. Но разве же ты не слышал, что, даже если бы вы не согрешили и не побудили Бога к наказанию, Закону предстояло быть упраздненным? Ты, может, скажешь, что раз Закон был несовершенным и должен был быть отменен, излишне

было и соблюдать его, ибо не было ничего страшного в нарушении того, что Бог имел намерение расторгнуть. Не говори так, ибо такой защите несвойственна справедливость.

Предположим, что кто-то, под давлением необходимости, из травы, соломы и случайных деревяшек легкомысленно и небрежно построил шалаш, с тем чтобы потом, по прошествии нужды, выстроить вместо него жилище из камня, железа и извести. Допустим, он ввел в него жилища. А тот, не зная намерения построившего и рассердившись на неблаголепие халупы, при первом удобном случае уничтожил ее без всякого ведома построившего ее хозяина. Как тебе кажется: избежит ли наказания разрушитель хижины? Вряд ли, скажешь и сам. Нечто подобное надо представить себе и применительно к Закону и народу иудеев. Ведь предстояло, как я говорил, Закону, данному одному только вашему роду, быть упраздненным, а Евангелию в подобающее время распространиться на всю вселенную и на все народы. Из-за ваших же неразумия, жестокости и злонаравия, а больше из-за чудовищной нечестивости, снял ограду, т. е. Закон, хозяин виноградника, т. е. вашего народа, и вы оказались в потопании и расхищении.

И из много другого пусть станет тебе совершенно ясна смена Богом Закона. Ведь пророк Давид говорит: «Клялся Господь, и не раскается: ты священник вовек по чину Мельхиседека» (Псалом 109, 4). Сначала, подумав, реши, почему он сказал «по чину Мельхиседека», а не «по чину Аарона», хотя священники ставились из левитского колена, из которого и ты сам. Когда культ был отправляем левитским священством и это было узаконено перед народом, какая была еще нужда говорить «по чину Аарона»? С переменой же священства, совершенно вне сомнений, сопряжена смена Закона. Поскольку же сказано так, ясно, что имеется в виду другое колено, из которого никто не прикасался к жертвеннику, а хорошо известно, что Господь вышел из потомства Иуды, о колене которого в связи со священством Моисей не сказал ничего. И еще более ясно, что если встает другой священник, подобный Мельхиседеку, то — не по Закону плотской заповеди, но по силе жизни неодолимой, ибо свидетельствует: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека». Тщательно вдумайся, Ксен. в эти слова: «Ты священник вовек по чину Мельхиседека» и пойми, что Давид сказал их о Христе и что при передаче священства из левитского колена в колено Иуды, т. е. Христу, ибо он происходил из этого колена, необходимо меняется и Закон. Так что перемена Закона была неизбежна, во-первых, по сказанной нами причине, во-вторых же, потому, что всегда, когда одни перестают быть священниками, священство наследуют другие, чтобы это великое дело не прервалось. Христос же, единжды умерев и восстав из мертвых, пребывает в силу этого человеком, больше не умирая, и облеченный неуничтожимостью и бессмертием пребывает священником вовек в согласии со словами божественного Давида: «Клялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мельхиседека». Видишь, как? Давид предрек, что священство будет передано, а за его передачей по необходимости следует и смена Закона. Хватит об этом. Переведем речь на другое и яснейшим образом покажем, как Бог вознамерился за неблагогодарность, жестокость и неверие в него оставить ваш народ и привлечь к себе другие народы.

Одному из судей — это был Гедеон — Бог повелел напасть на иноплеменников. Тот же, не видя и не разумея всемогущества и бесподобности силы Божией, но считаясь с собой и с нерадением и страхом народа, ибо их было ничтожно мало по сравнению с множеством иноплеменников, был недоволен повелением и просил у Бога знамения, чтобы увериться в том, что он действительно победит иноплеменников, как ему было повелено. Знамение же, о котором он просил, было таково: чтобы на положенную на гумне овечью шерсть выпал дождь, а кругом осталось бы сухо и не влажно, как и прежде. Что и произошло: земле вокруг шерсти ни-

сколько не досталось влаги, шерсти же досталось ее столько, что, когда ее отжали, наполнилась водой лохань. Он же, не удовольствовавшись столь ясным знамением и не успокоившись, вновь попросил, чтобы были роса и сухость, но чтобы роса была на гумне, сухою же осталась бы шерсть. По просьбе Гедеона произошло и это. И он, будучи этим утверждён, выполнил повеленное Богом и, схватившись с иноплемениками, обратил их в бегство и победил (Книга судей, 6—7). Поскольку же все древние образы были как бы прообразами будущего, то и рассказанное с неменьшим правом можно счесть знамением, особенно же при сопоставлении со случившимся позже, ибо можно сказать, что гумно было прообразом всей земли, а шерсть — иудейского народа, роса же, выпавшая сначала только на шерсть, — ниспосылаемых свыше иудейскому множеству милости и заботы, которых прежде вся земля была лишена. И напротив, сухость шерсти при обилии влаги на гумне — предвестие того, что вы лишитесь Божьих милости, помощи, близости и покоя, а вся земля и каждый народ будут ими преисполнены.

Совершенно ведь то же самое провозвестило пророческое изречение, высказанное как бы от лица Бога: «Сокрушу ограду виноградника моего», т. е. Закон, «и будет он расхищаем, и заповедаю облакам не проливать на него дождя» (ср.: Исайя, 5, 5—6), на народы же сойдут роса и всякое благо. И еще сказано пророком Исайей: «Возвеселись, бесплодная, нерождающая; восклицай и пой, не знавшая родовых мук», т. е. бесплодная церковь народов, «потому что много детей у одинокой, прежде бездетной и бесплодной, больше, нежели у имеющей мужа» (Исайя, 54, 1), т. е. у еврейской церкви, имеющей Закон и пророков или, точнее, самого Бога. Это ведь разумеется под мужем и детьми. То же самое предзнаменовало и то, что бесплодная родила семерых: имеется в виду, что множество сыновей получила от божественного Духа церковь народов, а «многая в чадах», т. е. иудейская синагога, обессилела. Вместо одиночества настала божественная благодать.

Неужели же из того, что мы сказали, не становится совершенно ясно, что народ издревле был оставлен Богом по указанным нами причинам, Закон осужден на бездействие, а блага, данные народам посредством евангельской благодати, еще в древности были проповеданы всеми пророками? Однако же если бы я захотел собрать все по порядку ясно это представляющее, наш разговор затянулся бы слишком надолго. Что же ты думаешь о сказанном?

К с е н: Очевидно, царь, что все это из божественного Писания, с этим я спорить не стану. Но кто мне докажет, что все эти пророческие слова относятся не к непотребствам большинства, а, как ты говоришь, к нечестию и неверию?

И м п е р а т о р: Я думаю, что и умеренно процитированное ясно показывает нам причину разрушения вашего города и порабощения большинства населения, а из этого естественным образом следует перемена Закона. Поскольку же ты еще сомневаешься и не полностью убежден, я постараюсь далее сделать это более для тебя ясным. А теперь, полагаю, надо обдумать то, что ты заявил несколько раньше, — что мы, дескать, поклоняемся дереву и идолам, назвав так святые чтимые иконы.

И всяким другим грехом греша против Бога, человек вызывает гнев Божий против себя. Но ничто не делает этого в такой степени, как идолопоклонство; ибо оно полностью отсекает человека от Бога, потому что поклонение идолам — совершенно то же, что почитание демонов. Именно об этом сказал пророк Давид: «Сказал безумец в сердце своем: Нет Бога» (Псалом 13, 1). Поскольку примерно так и ты думаешь о нас, я считаю нужным теперь же разъяснить тебе все, что этого касается.

Немощное и ни на чем не утвержденное человеческое мышление, легко увлекаемое случайностями, очень скоро забывает божественные благодеяния, по каковой причине премудрый Соломон говорит: «Все помышления

смертных жалки и ненадежны мысли их» (?). И чтобы понемногу не исчезла и не отлетела память о чудных делах Христа, моего Бога, которые он совершил, облекшись поистине в нашу плоть и пострадав, как человек, отцы пришли к такой божественной и весьма плодотворной мысли: писать на стенах и на специальных досках образы, чтобы, глядя на них, мы вспоминали то великое благодеяние. Ради этого, стало быть, мы и пишем, и чтим, и любим иконы Христа, его божественной приснодевственной матери и других святых людей.

Поклоняемся же мы им не как божествам, а относительно, выказывая избыток жара любви к изображенным. Как божеству мы поклоняемся только Христу, — где написан его образ. А родившей его приснодеве Марии и ее иконе, а также иконам иных святых и им самим, мы поклоняемся не как божествам, как я сказал, но, выказывая почитание, мы пересылаем честь их прообразам — по той причине, что одни из них, претерпев за Христа различные тяготы, добродетелями изнурили свою плоть, а другие были подвергнуты многим видам смертных казней.

Ясный же пример того, что честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, — императорское повеление. Ты ведь знаешь, что когда что-либо такого рода кто-нибудь прочтет вслух, все присутствующие тут же, если кто сидит, встают и начинают издавать громкие крики, на все голоса попеременно увенчивая императора похвалами и благодарностями; многие же прикладывают грамоту к своим головам. Это, я полагаю, и тебе хорошо известно?

К с е н: Конечно.

И м п е р а т о р: Что же, кажется тебе, что они воздают честь хартии и чернилам, или красным буквам? Ни в коем случае. Поскольку каждое из этого само по себе ничто, они полагают, что переводят честь на царя и перед ним склоняют свои шеи, обременяемые грамотой, о которой мы сказали.

К с е н: Мне так кажется.

И м п е р а т о р: Прекрасно. Еще понятней, что мы поклоняемся иконам не как божествам, тебе будет из следующего. О денежных знаках ведь и сам ты, уж конечно, знаешь, — что на одних из них отчеканены образы Христа, на других — его матери или кого-нибудь из святых. Но нас мало, а вернее сказать, никак не занимает их почитание. Ибо не для почитания прообразов было придумано делать их отпечатки на серебре или на золоте. Мы их наносим как своего рода знак достоинства монеты, а кроме того, чтобы показать, что монета принадлежит христианам. Потому, и на землю их при случае бросая, предавая огню и переплавке, истирая, разламывая, а при сделках и торговых операциях передавая в руки нечестивых, мы не смущаемся. Да и у тебя самого в кошельке или дома, если поискать, может найтись немало таких христианских монет, данных тебе исключительно христианами, а не кем-то другим. Однако тех, кто их дает, это нисколько не заботит. Ибо мы настолько далеки от того, чтобы служить образом как божествам, что если образ, написанный, допустим, на доске или на стене, оказывается почему-либо стертым, то ничего другого в стене, кроме прежней стены, и в доске, кроме дерева, мы не видим и при случае предаем их и огню. Как видишь, поклонение иконам не есть идолослужение, как ты думаешь. И разумные люди придают значение не поклонению, но помышлению поклоняющихся. Если хочешь, я на примере ваших обычаев сделаю это более для тебя ясным.

Бог, видя неразумие и неблагодарность ваших предков, потому что они чрезвычайно быстро забыли его благодеяния и различные милости и скоро изгнали из души память обо всем, чем они были облагодетельствованы в Египте, в пустыне и повсюду, повелел через Моисея подвешивать к рукам священников некие книжечки с записанными в них чудесами. Так что же, неужели хартии и чернилам воздавая почитание, прикрепляли к рукам написанное? Ни в коем случае. Но, глядя на них, думали о благодеяниях, потому что вид их пробуждал в них воспоминания и незаметно

побуждал к благодарению. И что, не боговидец ли Моисей, сделав образы херувимов, установил их на крышке ковчега Завета? Но он и не думал служить идолам. Что уж и говорить о ковчеге и находящемся в нем — я имею в виду скрижали Завета, сосуд с манной, божественный жезл Аарона и золотую кадьльницу. Не из дерева ли он был сделан, а то не из золота ли — такой преходящей материи? Однако ничего такого не приходило в голову тем, кто поклонялся им; и столь велик был их благоговейный страх по отношению к святыне, что никому из них всех не было позволено ни приближаться, ни прикасаться к ней, кроме какого-нибудь священника из колена левитов. Ты ведь знаешь, я думаю, о том Озе — какую он понес кару за дерзость, хотя он из благочестивых, как ему казалось, побуждений прикоснулся к ковчегу: ведь он хотел его поддержать, чтобы тот, наклоненный быком, не упал (1 Паралипоменон, 13, 9—10). Ничто ведь не препятствует материальному и быть и считаться божественным. Ведь чем-то вполне божественным и очень высоко чтимым было и то, что в нем лежало, и сам ковчег. Невозможно, думаю, без трепета вспоминать множество совершавшихся ради него чудес. Сколь великим, например, было чудо с Иорданом, когда вода с одной стороны утекла до самого дна и влилась в море, а с другой, стуславшись, как лед, стала, когда священники, носившие ковчег, стояли посреди речного дна, давая прочим возможность беспрепятственно посуху переправляться, а иноплеменники, видя это, чуть не умирали от страха, а затем Иордан вновь получил беспрепятственный путь, когда после всех перешли и священники (Иисус Навин, 3, 14—17). А каково то, когда после семидневного обхождения вокруг Иерихона священников с ковчегом пали его стены и все его жители вместе с правителями были поработены (там же, 6, 12—23). Какая-такая сила это делала: неужели же дерева и металла? Нет. Но ведь одно там было видимым, а другое умопостигаемым, и это совершала умопостигаемая сила.

Своевременно будет разъяснить тебе, что я понимаю под умопостигаемой силой. Ковчег ведь был образом и подобием родившей Сына и Слово Божие чистейшей приснодевы Марии, а его содержимое, хоть и было подобием вселившегося в деву Христа, но и оно все было образом той же нескверной и пренепорочной Марии. То, что ковчег был, согласно Закону, изготовлен из дерева, указывало на ее тленность и на то, что она дочь Адама, кадьльница же из золота — на ее все превосходящую чистоту и на то, что она поимет в себя истребляющий всяческий порок огонь божественности, т. е. Сына Божия, настоящий умственный фимиам, для ангелов всех и людей благоухающий. Скрижали же и начертанные Богом слова яснейшим образом предзнаменовали: скрижали — ее как смертную по природе, слова же — бессемянно вселившееся в нее Божие Слово. И жезл тоже был прообразом приснодевы Марии: как он, будучи сухим и лишенным влаги, внезапно процвел и оказался плодоносным, тогда как другие жезлы остались сухими, как и прежде, так и она, избранная из всех родов, без семени родила цветок нетления, Христа, — подобно тому как жезл без земли и воды пророс. Содержащий же манну золотой сосуд означал чистоту и безупречность Богородицы, а манна, которую он содержал, — свыше в нее сошедшего Бога-Слово: ибо подобно тому как манна удивительным образом сходила, так и Сын Божий превосходящим всякое объяснение и всякую ангельскую и человеческую мысль образом сошел на Приснодеву, от ее пречистых и нескверных крови и плоти плоть себе создав. И как был он совершенным Богом, так он стал по всему совершенным человеком, и — не по видимости, как некоторые нечестиво полагали.

Помысли же здесь и о том, как отцы ваши, питаясь той небесной богоданной пищей, о которой пророк Давид сказал: «Хлеб ангельский ел человек» (Псалом 77, 25), не удержались тогда от ропота, но поставили выше египетское мясо и прочую пищу, а также перенелов, и, не устыдившись пресыщен ия ими, испытали за неблагодарность божественный гнев в тот самый момент, когда пища была у них в устах (Числа, 11, 4—33). Смотри же

не подумай, что раз пророк называет манну ангельским хлебом, то ангелы нуждаются в какой-то материальной пище, поскольку манна была материальной, или наоборот, — что тела людей поддерживаются некоей ангельской умственной пищей. Ничего подобного: созданным из земли людям потребна земная пища, ангелы же, состоя из ума и будучи далеки от материи и телес, имеют соответствующую их природе пищу, каковой является сам Бог, который для них — и пища неиссякаемая и исчезающая, и радость непрестанная, и свет, превосходящий всяческое сияние, — каковой пищи себя лишив, дьявол претерпел самую худшую и жесточайшую смерть, хотя ему и кажется, что он жив. Ангелы же, питаясь такой пищей, живут вечно и живы будут в неисчислимые и бесконечные веки.

Поскольку же мы полагаем, что сам Бог — пища ангелов, получается, что манна была провозвестием сошествия с небес и воплощения от чистой Девы Бога и владыки Иисуса Христа. И пророк удачно образно назвал манну хлебом ангелов, поскольку она была прообразом хлеба, или пищи ангельской — Господа, имеющего насытить всякую душу неиссякаемой умственной и божественной пищей; так же точно она замещала иудеям всякую пищу. Потому ведь и сам Христос, воплотившись, говорил: «Я есмь хлеб, спедший с небес» (Иоанн, 6, 41). Называя себя нематериальным, как мы сказали, хлебом, он хотел, образно показать, что точно так же, как самой необходимой пищей, восполняющей и воссоздающей то, что каждый день уходит из тел, является хлеб, так и Христос умирающие и как бы издыхающие души верующих в него оживляет и согревает.

И не удивляйся тому, что пророк о будущем времени сказал в прошедшем: «ел» вместо «будет есть». В Писании ведь часто используется такой прием передачи мысли. Например, «На реках вавилонских, там сидели мы и плакали» (Псалом 136, 1) было написано до Вавилонского пленения, а «В реке пройдут ногами» (Псалом, 65, 6) — после перехода через Иордан народа с ковчегом.

Все это я привел тебе, отводя от нас обвинение, связанное с воздаянием чести и поклонения святым образам, и всячески тебе показывая, что мы поклоняемся им не как богам, как некоторые думают, но, как я сказал, переводя честь первообразам. Убеждает ли тебя это, скажи.

К с е н: Многое заставляет согласиться с тем, что ты говоришь. И думаю, никто не вправе укорить меня за то, что я присоединяюсь к истинному.

И м п е р а т о р: Тогда уместно было бы воздать Богу молитву в качестве своего рода жертвы от первых плодов наших рассуждений:

Бог святой, в Троице воспеваемый, коснувшийся очей твоего ума и оны, совершенно смеженные, немного приоткрывший, да очистит их сам от приставшего к ним обмана, как от некоего гноя, и да дарует твоей душе веру Авраама, Исаака и Иакова, чтобы ты познал истинно сущее, т. е. точно известную истину о Боге, а не блуждал в неведении, как в глубоком мраке.

К с е н: Мне в высшей степени приятно было, царь, слушать молитву, и в то же время в моей душе вспыхнуло сильное желание получить разъяснения о том, что ты назвал Троицей. Ибо, слыша о том, что вы, христиане, почитаете Троицу, я как-то никого об этом не расспросил. А теперь, когда ты своими словами доставил удобный случай и выказываешь усердие в том, чтобы я понял то, что мне хочется, я право же буду немало тебе благодарен, если ты объяснишь мне и это.

Конец второго слова против иудеев.

Е. А. ПРОХАЗКА

О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей

До сих пор одним из самых сложных вопросов в древнерусской литературе, касающихся так называемых воинских повестей, остается вопрос об их жанре. Существует ли отдельный жанр воинского повествования или нет? ¹ Употребляя именно это название — «воинская повесть» — ученые обычно (и часто бессознательно) выделяют данные повести из состава древнерусской повествовательной литературы в целом. К тому же употребляются и другие термины: «летописная повесть», «летописный рассказ», «историческая повесть», «героическая повесть», которые также обозначают литературные произведения на воинскую тему. Однако те, кто пользуется этими терминами, редко определяют их и редко уточняют, какие литературные черты они приписывают этой группе памятников. Даже академик А. С. Орлов, уделявший много внимания исследованию воинских повестей, никогда не определял точно, какие произведения принадлежат к этой категории повествования, не уточнял, что именно он сам подразумевает под термином «воинская повесть». Мы предпочитаем термин «воинское повествование».²

В последнее время понятие жанра вообще привлекает внимание ученых, но только В. Шмидт занимался вопросом о жанровой природе именно воинского повествования. Он применил теорию Д. С. Лихачева о жанрах-вассалах и жанрах-сюзеренах ³ к более обширному материалу, который исследовал в широком контексте жанра историографии.⁴ Он правильно заключает, что приемлемо включать древнерусские «Kriegserzählungen» в этот жанр, и считает древнерусскую воинскую повесть частью жанра исторических повестей. Итоги разысканий В. Шмидта не отвечают, однако, на вопрос, составляет ли древнерусское воинское повествование отдельный жанр или нет?

Мы не возражаем против классификации, предложенной В. Шмидтом, только уточняем ее и соглашаемся с тем, что древнерусские воинские по-

¹ Этот вопрос был темой кандидатской диссертации автора. См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives in Old Russian Literature: The Problem of Genre. (Thesis presented for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of London, School of Slavonic and East European Studies)*. London, 1978.

² Автор считает этот термин более уместным названием жанра, включающего в себя длинные воинские «записи», летописные рассказы, в которых фабула преобладает, и повести, граничащие с беллетристикой. См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives*. . . P. 21—24.

³ Лихачев Д. С. 1) *Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд. М., 1979. С. 59 и след.; 2) Система литературных жанров Древней Руси // *Славянские литературы*. Пятый международный съезд славистов: Докл. сов. дел. (София, сентябрь 1963 г.). М., 1963. С. 47—70 (особенно — с. 51—53).

⁴ Schmidt W.-H. *Gattungstheoretische Untersuchungen zur altrussischen Kriegserzählung: (Zur Soziologie mittelalterlicher Gattungen)* // *Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts: (Slavisches Seminar an der Freien Universität Berlin)*. Berlin, 1975. Bd 44.

вести на правах поджанра входят в состав историографического жанра. Однако, по нашему мнению, этот поджанр существует отдельно от других «жанров-вассалов» данного жанра. Такой вывод сделан на основе внимательного анализа многих древнерусских текстов, главной темой которых является война, и основывается на очевидном совпадении самых важных тем и стилистических черт произведений разных периодов древнерусской литературы. Такие совпадения мы называем «указателями жанра».⁵

Самым постоянным признаком служащим отличительной чертой жанра древнерусского воинского повествования, без сомнения является добровольная стандартизация литературного языка — характерные для большинства текстов всех периодов так называемые общие места, или *loci communes*. Уже давно обращалось внимание на склонность авторов воинских повестей к традиционным графяретным выражениям и стереотипной образности. Этот феномен, однако, не свойствен одному воинскому повествованию, а характерен также для всех средневековых литературных жанров.

Замечание Д. С. Лихачева о том, что не жанр произведения определяет употребление устойчивых формул, а содержание, не совсем нас убеждает.⁶ Конечно, в начальных стадиях исторического развития жанра содержание действительно способствовало развитию форм выражения. Позднее, однако, после того как жанровые условности фиксировались путем постоянного повторения и подражания, те же самые фразы и выражения, которые ранее служили отличительными признаками стилистической индивидуальности отдельного автора, становились стереотипными и начинали считаться условными признаками данного жанра. Итак, обсуждение «общих мест» любого произведения играет важную роль в определении его жанра. Определение жанра оказывается особенно трудным там, где «лексический фонд» одного жанра включается в другой, например, когда стилистические черты жанра «плача» регулярно включаются в жанр воинского повествования. В таком случае надо считать плач одним из традиционных компонентов воинского повествования.⁷

Несмотря на важность проблемы «общих мест» для изучения древнерусской литературы вообще, эта проблема вызывает весьма ограниченный интерес. Из исследований последних лет укажем на работу О. В. Творогова. Автор отдает себе отчет в том, что невозможно делать выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка без уяснения роли «общих мест», и предпринимает определение терминов. Он отбрасывает название «стилистическая формула», потому что, по его мнению, «общие места» в литературе почти несомненно являются рефлексом устной общеупотребительной речи. Вместо того исследователь выбирает термин «традиционная формула».⁸ Он заключает, что это проблема двусторонняя и что надо отличать «традиционные ситуативные формулы», т. е. стереотипные составные части какого-то описания, созданные из «общих мест» и названные им «устойчивыми литературными формулами», от самих «общих мест», которые он называет «устойчивыми словосочетаниями».⁹ В этом О. В. Творогов продолжает предложенное Д. С. Лихачевым разграничение между стереотипной формулой и стереотипной ситуацией.¹⁰

⁵ P r o c h a z k a Н. У. Military Prose Narratives. . . P. 13—15.

⁶ Л и х а ч е в Д. С. Литературный этикет Древней Руси: (К проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 6.

⁷ См.: P r o c h a z k a Н. У. Military Prose Narratives. . . P. 349—320.

⁸ Т в о р о г о в О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 277.

⁹ Т в о р о г о в О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 29—34. — Там, где О. В. Творогов пользуется термином «устойчивая литературная формула», автор настоящей статьи употребляет термин «plot unit».

¹⁰ См.: Л и х а ч е в Д. С. Литературный этикет. . . С. 8—9.

До сих пор только А. С. Орлов занимался анализом устойчивых словосочетаний в воинских повествованиях, в то время как другие исследователи часто ссылаются на элементы этого лексического фонда как примеры «общих мест» вообще, так как довольно просто их отождествлять. Кроме перечня некоторых самых очевидных «общих мест», в исследованиях А. С. Орлова придается мало значения литературным процессам, определяющим употребление таких формул.¹¹ В своих исследованиях А. С. Орлов намеревался дать общее представление о стилистическом оформлении «воинских повестей», и вследствие этого он не уточнял различия между самими «общими местами» и элементами повествовательной схемы, в которой они находятся, т. е. между «устойчивыми словосочетаниями» и «устойчивыми литературными формулами». Таким образом, многие из его примеров не иллюстрируют устойчивые сочетания, а являются образцами «ситуативных формул или образности».¹²

С другой стороны, О. В. Творогов делает два чрезвычайно важных вывода, а именно: во-первых, характерные черты, свойственные всем «общим местам» (и метафорическим и неметафорическим) — их устойчивость и шаблонность;¹³ во-вторых, определение «устойчивая формула» можно применять не только к выражениям, повторяющимся в неизменной грамматической форме, но и к лексическим элементам, выделяющимся из разных грамматических контекстов.¹⁴ Мы полностью соглашаемся в этом с О. В. Твороговым, и поэтому перечень устойчивых формул, заранее составленный нами, гораздо полнее, чем перечень А. С. Орлова.¹⁵

Можно объяснить популярность устойчивых формул у древнерусских авторов тем, что, как указал А. С. Орлов, эти выражения взяты из повседневной речи и особенно употребимы в контекстах, где не было точных деталей действительных событий как *exempla ficta*,¹⁶ и тем, на что указывает Д. С. Лихачев: традиция препятствовала употреблению неожиданной образности и деталей, стереотипные выражения приближали читателя к рассказу.¹⁷ В подтверждение этой точки зрения приведем два устойчивых словосочетания, регулярно повторяющихся в воинских повествованиях на протяжении всей истории древнерусской литературы, на основе которых можно сделать вывод об их превращении в стереотипы.¹⁸

¹¹ А. С. Орлов сам дает следующую оценку своей работы над «воинскими повестями»: «Мои наблюдения над средневековым литературным искусством не ушли дальше перечней исторических „общих мест“, правда, с их генеалогией и развитием в жанре воинских повестей. Установление шаблона, трафарета, состоящего из „общих мест“, прикрывающих историческую действительность условными образами, явилось конечным моим достижением». (Орлов А. С. Мысли о положении работ по литературе русского средневековья // ИЮЛЯ. М., 1947. Т. 6, вып. 2. С. 89). Основные исследования А. С. Орлова по этой теме — следующие: 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Т. 4, ч. 3. С. 1—50; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945; 3) Героические темы древней русской литературы: (Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв.) // ИЮЛЯ. М.; Л., 1945. Т. 4, вып. 2. С. 69—85 (далее: Обзор стиля); 4) Героические темы древней русской литературы: (Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв.) // Юбилейная сессия АН СССР 15 июня—3 июля 1945. г. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 710—735 (далее: Героические темы («Юбилейная сессия»)).

¹² См. перечень А. С. Орлова в статье «Об особенностях формы. . .» (с. 11—50).

¹³ См.: Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания. . . С. 277—278.

¹⁴ См.: Творогов О. В. Задачи. . . С. 38.

¹⁵ См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives. . .* Хотя мы следуем классификации О. В. Творогова в том, что считаем устойчивыми формулами основные слова, встречающиеся в разных лексических контекстах, однако не относим сюда такие «нейтральные» слова, как «жечи» и «воевати», связь которых с содержанием воинского повествования делает их познавательными.

¹⁶ Орлов А. С. Героические темы («Юбилейная сессия»). С. 712.

¹⁷ Лихачев Д. С. Поэтика. . . С. 71.

¹⁸ Ниже приводятся условные сокращения, встречающиеся далее в тексте статьи: Вож. — Повесть о битве на реке Воже // НВЛ. С. 309—310; Ворск. — Повесть о битве на реке Ворскле // Воскр. лет. С. 72—73; Воскр. лет. — Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8; ГВЛ — Галицко-Волынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908.

Выражение «грех ради наших» является лейтмотивом темы божественного возмездия,¹⁹ которая объясняет военный успех противника как божественное наказание за грехи. Постепенное развитие этой идеи и специфическое применение ее к поражению христиан в битвах с «погаными» можно проследить по самым ранним воинским повествованиям. Поучительное изложение идеи о божественном возмездии следует за повествованием о поражении русских на Льте (1068 г.), представляя победу «поганых» как одно из возможных божественных наказаний: «Земли же согрешившим которыхъ любо, „казнить бог смертью, ли гладом, ли наведенъем поганых, ли ведром, ли гусъницею, ли инъми казньми. . .“» (ПВЛ. С. 112).

В повествовании о битве на Стугне (1093 г.) автор также рассматривает поражение русских в бою как наказание за грехи: «Се бо на ны боги попусти поганая, не яко милуя их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганых» (Гам же. С. 145).

После того, как выработан идеологический стереотип, что победа врагов является неизбежным результатом прегрешений христиан, больше не нужно дополнительных сведений, и фраза «грех ради наших» обозначает эту идею без объяснительного примечания.²⁰

Библейское происхождение другого примера — словосочетания «мстити кровь (христианскую)» — ясно из следующего контекста в ПВЛ (1019 г.): «Ярослав . . . рече: „Кровь брата моего вопьет к тобѣ, владыко! Мсти от крове праведнаго сего, якоже мстил еси крове Авелевы. . .“» (ПВЛ. С. 97). Здесь идея и — что более важно — ее выражение еще не стереотипны, но и эта идея скоро становится частью шаблона: «Сам же великий князь Александр . . . поиде на землю Немецьскую, хотя мстити

Т. 2. Стб. 715—935; Е — Повесть о нашествии Едигея // Никоновская летопись (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11). С. 205—211; ЖАН—Ник. — Житие Александра Невского по Никоновской летописи (ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 118—128); ЖАН—С — Житие Александра Невского по СЛЖ (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 220—229); ЖДТ — Житие Довмонта Тимофея // Кн. степ. С. 302—305; З — Задонщина // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 9—17; ИПА — Историческая повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 47—56; КИ — Казанская история // М о и с е е в а Г. Н. Казанская история. М.; Л., 1954; КЛ — Киевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 285—714; Кн. степ. — Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая половина; ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2; ЛПКБ — Летописная повесть о Куликовской битве // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 29—40; Ник. лет. — Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10; СПб., 1897. Т. 11; СПб., 1901. Т. 12; НИУЛ — Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Пгр., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1; ПВЛ — Повесть временных лет // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1; ППА — Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси. С. 59—81; ПРР — Повесть о разорении Рязани Батыем // Там же. С. 9—19; Пск. — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // М а л ы ш е в В. И. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952; Слово — Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 9—31; СМП — Сказание о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. С. 43—76; СПА — Сказочная повесть об Азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. // Воинские повести Древней Руси. С. 85—112; ТА — Повесть о приходе Темир Аксака // Воскр. лет. С. 65—68; ЦТ — Повесть о взятии Царьграда турками // Там же. С. 128—144; ЦФ — Повесть о взятии Царьграда фрягами // СЛЖ. С. 185—189.

¹⁹ Хотя древнерусские воинские повести относят обычно к светской литературе, религиозный характер образования, полученного их авторами, дает о себе знать. Особенно характеризуется усилением элементов религиозного мировосприятия воинское повествование периода монголо-татарского нашествия, что отражает подобную же тенденцию в других сферах литературной деятельности.

²⁰ См., например: ГВЛ. Стб. 744, 795; ЛЛ. Стб. 400, 462; КЛ. Стб. 545, 648, 667; ПРР. С. 12, 13, 15; ЛПКБ. С. 38; ТА. С. 67; ЦТ. С. 129, 131, 136, 137, 143; Е. С. 208; Пск. С. 35, 42, 49, 56. Вариант этой формулы — «за грехи (наши)» — см.: ГВЛ. Стб. 769, 841; ЛЛ. Стб. 361, 362, 382, 438; КЛ. Стб. 561, 612, 668, 690; СМП. С. 43; Пск. С. 78, 93; КИ. С. 138; ЦТ. С. 133. В Пск. этот рефрен еще более разработан, например: «Многозельнаго ради греха нашего, всех злых грех ради наших» (с. 45). Менее обычный вариант этой формулы — «за <их, наше> согрешение»: ЛЛ. Стб. 398; З. С. 16; СМП. С. 44; ИПА. С. 47.

кровь крестияньскую» (ЖАН—С. С. 227). Царь «хотя сам второе двинути ся и на безбожную и поганую Казань, на презлыя и неверныя на недруги своя казанцы, мстити крови крестиянская. . .» (КИ. С. 113—114); ср. форму «отмыцати кровь»: «. . . хотяше . . . достушгити Магмета на отмыцение крови христианския» (ЦТ. С. 138); «. . . князь Домант начат побарати по Святѣй Троицы и отмыцати кровь христианскую» (ЖДТ. С. 302).

В данной статье различие между образными и буквальными устойчивыми формулами является элементом анализа, так как буквальныя выражения оказываются более устойчивыми, чем переносные образы.

Приведены, во-первых, примеры разных выражений, доказывающих, что некоторые воинские «общие места» оставались постоянными в течение всего периода истории средневековой литературы. Однако анализируются только менее знакомые словосочетания, так как здесь не приходится повторять таких выражений, как «трубы трубити», уже давно истолкованных.²¹

Б р а н ь т в о р и т и. «. . . занѣ хоти с ними брань створити» (ГВЛ под 1241 г. Стб. 792); «Царь же Мурчюфл крѣпляше боляре своя и вси людие, хотяху брань створити съ Фрягы» (ЦФ. С. 188); «. . . вьиде противу ему весь град, и сотвориша брань съ ними крѣпко».²²

В м а л е д р у ж и н е. «. . . аще поидеть на вы с ляхы губити вас, то вѣ противу ему ратью. . . ; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ» (ПВЛ под 1069 г. С. 116); «и прибѣжа Всеволод в Володимерь в малѣ дружинѣ» (ЛЛ под 1237 г. Стб. 460); «Ростислав же приде к полкомъ Галичкым в малѣ дружинѣ. . .» (КЛ под 1189 г. Стб. 664); «И убѣже Витофт в малѣ дружинѣ, а Татарове погнаша по них сѣкуще» (Ворск. С. 73); «Тогда же Мамай не в мнозе убежа и прибежа в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бежавша, посрамлена и поругана» (ЛПКБ. С. 39); «и сие увидев, в мале дружине в Ниневгию убежа и тамо от своих детей убиен бысть» (Пск. С. 53).²³

В о з в р а т и т и с п о б е д о й. «Володимер же възвратися в Киев с побѣдою и с славою великою» (ПВЛ под 992 г. С. 85); «князь же Ондрии воротися с побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю здраву» (ЛЛ под 1164 г. Стб. 352); «. . . на свой престол Рускаго царьства здрав и радостен с победою возвратишися» (КИ. С. 120); ср. следующее выражение из «Слова о полку Игореве»: «А погании с всѣх стран приходяху с побѣдами на землю Рускую» (Слово. С. 17). Выражение «приходити (приехати) с победою» встречается в других текстах, но обычно относится к русским, а не к врагу, например: Роман «приѣха во Брянскъ с побѣдою и честию великою» (ГВЛ под 1264 г. Стб. 862). Встречаются также подобные словосочетания: «возвратити с победою великою»²⁴ и «возвратити с славною победою» (ЖАН—С. С. 228).²⁵

Г о н и м и г н е в о м б о ж и м. «И не дѣхавше Мстиславичи повергоша стяг и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ и святое Богородици» (ЛЛ под 1176 г. Стб. 376); «. . . торци . . . помроша бѣгаючи, божьимъ гнѣвомъ гоними. . .» (ПВЛ под 1060 г. С. 109); «И посрамьлѣни быша погании Половци. . . побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ» (Вож. С. 310); «Царь же. . . побежа ноцию от града Тулы . . . с великимъ срамомъ, гонимъ божьимъ гневомъ. . .» (КИ. С. 122).²⁶

²¹ См.: Орлов А. С. Об особенностях формы. . . С. 24—26.

²² ЖАН—Ник. С. 123. Другие примеры: КЛ. Стб. 625; ЦФ. С. 186, ЖАН—С. С. 225; ЦТ. С. 132, 133, 137; КИ. С. 52, 135, 136, 148.

²³ Другие примеры: ПВЛ. С. 133, 172; ЛЛ. Стб. 352, 364, 399, 461; КЛ. Стб. 340, 369, 565; ГВЛ. Стб. 738, 758, 803, 823; Ворск. С. 174; КИ. С. 84.

²⁴ См.: ГВЛ. Стб. 856; ЛЛ. Стб. 303, 385, 398; ЖАН—С. С. 225, 229; ЖАН—Ник. С. 123, 128; ЛПКБ. С. 39.

²⁵ См. также ЖАН в кн.: Псковские летописи. М., 1941. Т. 1. С. 13.

²⁶ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 384, 390, 395, 398; КЛ. Стб. 601, 631; ЛПКБ. С. 36; ТА. С. 68.

И н ы и . . . и н ы и. Эта конструкция характерна для описаний гибели побежденных, особенно в случаях, когда враги тонут в реках: «. . . одолѣ Андрѣи, мало бѣ Ляхов. Иныѣ изби а ныѣ извоима, и вниде вели страх в Ляхы» (ГВЛ под 1254 г. Стб. 822); «А руками яша Немѣцѣ 50 нарочитых воевод и приведоша я в Новѣгород, а иных вода потопа, а инии злѣ язвени отбѣгоша» (ЖАН—С. С. 228); «. . . инѣх князеи много избиша, а иная Литва в Двинѣ истопоша, а инѣх Двина изверже 70 на остров Гойдов, а инѣх на прочая осѣтрово, а инии вниз по Двинѣ отплыша» (ЖДТ); ²⁷ «. . . инии в воде истопоша, а инии по лесом разбегошася. . .» (КИ. С. 68).²⁸

Многое множество. Этот тавтологический оборот относится к часто употребляемым: «. . . не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣг же множество мрого» (ПВЛ под 997 г. С. 87); «Киевляне же особно слаша в Олговы могылы, многое множество стоящим же ѣще полком межи собою» (КЛ под 1146 г. Стб. 325); «. . . бысть брань крѣпка зѣло и сѣча зла, и одолѣ супостатом, и изби многое множество их» (ЖАН—Ник. С. 124); «. . . аще ли гдѣ два и трие Татарины явятся, то многое множество христиан на бѣг устремятся. . .» (Е. С. 208); «И помилова бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество» (З. С. 17); «. . . устрашится людей от много множества сил наших. . .» (ШПА. С. 64); «Збежавшеся многое множество жен к проломному месту. . .» (Пск. С. 76).²⁹ Частый вариант предыдущего — оборот «б е с ч и с л е н н о е м н о ж е с т в о»: «. . . поидоша на коних и в лодѣях, бещислено множество, на торкы» (ПВЛ под 1060 г. С. 109); «(Воишелк) . . . поча вороги своѣ избивати. Изби их бещисленное множество. . .» (ГВЛ под 1264 г. Стб. 861); «. . . изумѣшася князи Рускии кому их которому поѣхати, бысть бо их бещисленное множество» (КЛ под 1185 г. Стб. 641); «И пришло бещисленное множество тое силы. . .» (СПА. С. 91).³⁰

От мала и до велика: «. . . повелѣ сбирати вой от мала до велика» (ПВЛ под 1078 г. С. 133); «. . . город же не тверд бяше взяше же и того; исѣкоша же всѣ, от мала и до велика» (ГВЛ под 1261 г. Стб. 855); «. . . усрѣгоша полкы Половѣцкѣи. Бяхуть бо до них dospѣлѣ вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия» (КЛ под 1185 г. Стб. 639); «Братиа моа милаа, сынове рускыа, от мала и до велика» (СМП. С. 63); «Головы же и дети боярские, и головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала же и до велика. . .» (Пск. С. 44).³¹

Поможе бог. Это выражение обозначает божественное вмешательство на поле битвы, обычно в поддержку русских: «. . . иде князь Андрѣи на Болгары. . . и поможе им Бог и святая Богородица на Болгары» (ЛЛ под 1164 г. Стб. 352); «. . . истопоша боле тысячѣ их, и поможе Бог Руси, и побѣдиша я» (КЛ под 1182 г. Стб. 626); «. . . и поможе Бог воеводам великого князя, и убиша ту Новгородцев с пять сот человек, а инѣх руками живых поимаша. . .» (Повесть о покорении Новгорода в 1471 г.).³² Сравните нестереотипное употребление этого выражения:

²⁷ См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 17.

²⁸ Другие примеры: ПВЛ. С. 109; ЛЛ. Стб. 313, 438; КЛ. Стб. 364, 432, 540, 672, 673; ЖАН—С. С. 225; ЦТ. С. 129, 133, 142; ЖАН—Ник. С. 124. См. также: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 134, 136; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 207, 210; Кн. степ. С. 305; ЛПКБ. С. 36; КИ. С. 56.

²⁹ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 316, 343; КЛ. Стб. 319, 377, 396, 413, 428, 434, 467, 477, 485; ГВЛ. Стб. 784, 823, 825, 839; ЦФ. С. 188; ЖАН—С. С. 225; ЖАН—Ник. С. 122, 123; Ворск. С. 174; Воскр. лет. С. 168; Ник. лет. Т. 12. С. 134, 135; СМП. С. 56, 61; ИПА. С. 55.

³⁰ Другие примеры: ПВЛ. С. 47, 48; ЖАН—С. С. 224, 228; ПСРЛ. Т. 8. С. 168; ЖАН—Ник. С. 127; Ник. лет. С. 136; НВЛ. С. 150.

³¹ Другие примеры: КЛ. Стб. 348, 369; ГВЛ. Стб. 854; ТА. С. 66, 67; ЛПКБ. С. 36; КИ. С. 100, 121; Пск. С. 57.

³² ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 10.

«О еси казаки, добрые молодцы, что вы тужите и о чем запечалились? Не тужите, завтра поможет нам бог Азов град взять» (СПА. С. 87).³³ Есть также аналогичные словосочетания: «с божиею помощю» и «божиею помощию».

Проли́ти кро́вь (хри́стианскую). «... дружина, рекоша Володимеру: „Княже! Нѣту ти в том грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губятъ землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани“» (ПВЛ под 1095 г. С. 148); «Воишелк же нача княжити в Новѣгородѣ; в поганьствѣ буда и нача проливати крови много» (ГВЛ под 1262 г. Стб. 858); «Нѣ нечестно одольѣсте, || нечестно бо кровь поганую пролияете» (Слово. С. 20); «... животы людские отъямая и кровь хрестьянскую проливая» (Повесть о присоединении Новгорода к Москве, 1477 г.);³⁴ «... крови не проливав литовскаго своего войска, скоро и спешне можем взяти Псков» (Пск. С. 81); «Коли де ты прямой царь, или воин, и ты де поиди сам и возми своею главою — также, как мы взяли, а не грозами, и кров свою также пролей» (Особая повесть об Азове);³⁵ «И чтобы . . . в Росийской земли Московского государства впредь церкви божия не разорялися и кровь бы хрестиянская престала ся лити» (ИПА. С. 53).³⁶

Я ти рука ми. «... овы сѣкуще, овы емьлюще, и яша их руками полторы тысячѣ, а прочии избиваша» (ЛЛ под 1169 г. Стб. 360); «... много их изби, а инѣх руками изоимаша» (КЛ под 1167 г. Стб. 526); «А руками яша Немѣць 50 нарочитых воевод и приведоша я в Новѣгород. . .» (ЖАН—С. С. 228); «... князь их ранен вкинулся в лотку, убѣже на Кльмогоры, многих же и руками изнимаша» (Повесть о покорении Новгорода в 1471 г.);³⁷ «... самого царя казанского Алехама жива яша руками, и с ними во град вшедша и яша мать его, и царицу его. . .» (КИ. С. 58).³⁸

Следующие примеры из более поздних произведений показывают процесс развития индивидуализированных вариантов от некоторых устойчивых словосочетаний. Шаблонное выражение «битися крепко»³⁹ развивается в «безотступно битися» (Пск. С. 70); «битися до смерти» (Пск. С. 48, 55); «битися прилежно» (ПРР. С. 11; ИПА. С. 55); «битися силно» (ЦТ. С. 139; КИ. С. 74, 152).

Борзый конь. В ранних повествованиях эпитет «борзый» в словосочетании «борзый конь» — постоянный: «... ят же бысть Олексию Орѣшьком; бѣ бо борз конь под ним, угонивы и н я его до города» (ГВЛ под 1227 г. Стб. 751); «Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони» (Слово. С. 11).⁴⁰ По всей вероятности, эта фраза восходит к народному эпосу, а в более поздних произведениях рассматриваемое словосочетание используется с другими прилагательными: «Великому же князю преседающе на избранный конь. . .» (СМП. С. 66);⁴¹ «Вседают же на своя коня сильная вси князи и воеводы» (КИ. с. 121; ср.: Там же. С. 156) «... телеса своя и крепкия мышца утвержайте, великия же своя кони упокоевайте. . .» (Пск. С. 45).

³³ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 308, 352, 363, 376, 378, 381—382; 445; КЛ. Стб. 290, 305, 311, 429, 460, 563, 569, 601, 623, 637, 687; ПСРЛ. Т. 4, вып. 1. С. 310.

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 212.

³⁵ Орлов А. С. Особая повесть об Азове 1637—1641 г. // ЧОИДР. М., 1907. Т. 223, № 4, ч. 2. С. 34.

³⁶ Другие примеры: ПВЛ. С. 90, 96, 177, 184; ЛЛ. Стб. 297, 304, 306, 347, 380, 381; КЛ. Стб. 291, 302, 380, 429, 431, 487, 500; ЖАН—Ник. С. 127; НІВЛ. С. 188; З. С. 11; КИ. С. 75. 90, 102, 114, 127, 145, 146; ИПА. С. 54; ППА. С. 69, 70, 81.

³⁷ Воскр лег. С. 166.

³⁸ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 384; КЛ. Стб. 507, 518, 549, 550, 559; ЖАН—С. С. 227; ЖАН—Ник. С. 126, 127; ПСРЛ. Т. 12. С. 134, 135; ПІЛ. С. 13, 16, 17; КИ. С. 151.

³⁹ ПВЛ. С. 150, 184; ГВЛ. Стб. 827, 840; ЛЛ. Стб. 303, 338, 342, 361, 398, 401, 438, 445; КЛ. Стб. 298, 333, 359, 423, 457, 472, 492, 500, 534, 544, 548, 560, 563, 576, 621, 641, 647, 667; НІВЛ. С. 192; ЖАН—С. С. 224, 225; ЦТ. С. 129, 131; ЖАН—Ник. С. 122; Ворск. С. 173; З. С. 11; СМП. С. 69; СПА. С. 100, 110; КИ. С. 70, Пск. С. 74.

⁴⁰ Другие примеры: ГВЛ. Стб. 735, 746; Слово. С. 10, 28; З. С. 11—15.

⁴¹ Ср.: Там же. С. 67; КИ. С. 150.

Бысть сеча зла. Это одно из самых популярных устойчивых выражений в древнерусских воинских произведениях любого периода.⁴² Часто встречающиеся варианты: «бысть сѣча велика»⁴³ и «бысть сѣча крѣпка» (ЛЛ. Стб. 334; КЛ. Стб. 438), но в ЦТ есть и другие варианты: «бысть сѣча зла и преужасна» (с. 129, 139); «бысть сѣча велиа» (Там же. С. 138); «и бысть сѣча крѣпчайшаа всѣх прежних» (Там же. С. 141).

Не мочь стояти противу. Это шаблонное словосочетание встречается в воинских повестях всех периодов,⁴⁴ но в КИ и других поздних повествованиях выражение изменяется и расширяется: «некому стати мощно вопреки ему» (КИ. С. 122); «. . . победаша во град казанский царь. . . не могути долго стояти и ни мало удержати руси. . .» (Там же. С. 126); «Но не может мал пламень много удержати, противитися велицей воде гашению, но скоро угасает, и ни малая прудина — великия реки быстрины, сиде же ни казанцы много стояти противу толикаго множества русских вои. . .» (Там же. С. 152). Сравните в Пск.: «. . . во Пскове люди вси, государю, убоятца и не имут против толики силы и сами стояти» (с. 52); «Или, государю, кий град или кая осада, преже и ныне, от наших крепких и храбрых и непобедимых вitezь и мудрых градоемец отстоятца?» (Там же. С. 53). Сравните также в ЦТ: «. . . но что мощно учинити противу таковыя силы. . .?» (с. 131). Вариант этого словосочетания имеет форму: «не мог стерпѣти противу» (ПВЛ. С. 85).⁴⁵ Сравните развитие выражения: «Литовские же гайдуки. . . претерпевати же не возмогоша, скорозельным бегством ис-под стену бежаху» (Пск. С. 88); «. . . покоритися ему не хотяху и не смеяху, противитися же не можаху» (КИ. С. 133); «. . . мы немощни есмя ныне и не силны противитися воем руским, аки неизученные младенцы» (Там же. С. 93).

Стояти крепко. Это устойчивое выражение⁴⁶ изменяется в КИ в «стояху в крепех» (с. 131).

Сила. Слово «сила» является компонентом самого большого количества устойчивых словосочетаний, среди которых можно назвать «с всеми силами»⁴⁷ и «собирати силу».⁴⁸ Наблюдая за вариантами подобных выражений в КИ, мы видим, что эти словосочетания постепенно теряют стереотипность и расширяются добавлением других прилагательных, например: «с темными своими силами» (КИ. С. 46); «собра к себе воинственную силу» (Там же. С. 53); «и сказуя многу, необычную силу рускую» (Там же. С. 69); «. . . яко избавлешему град их от таковыя несказанныя силы руския» (Там же. С. 149). Интересно, что из всех исследованных нами произведений именно в КИ чаще всего встречаются словосочетания, представляющие собой хотя и не шаблонные, но еще и не совершенно самостоятельные свободные выражения образной мысли древнерусского автора. Например, вместо словосочетания «пролити кровь (христианскую)» в КИ читается: «. . . пошлет в Киев на Русь к великому князю о миру, дабы от сего престал проливати крови тацех же крестьян сущих, верных людей греческих, откуда и сам проливая все кровь неповинную. . .» (КИ. С. 114). Сюда же можно отнести и довольно редкое словосочетание «стати на ко-

⁴² ПВЛ. С. 96, 98, 102, 112; ЛЛ. Стб. 360, 398, 465; КЛ. Стб. 382, 467, 558; ЖАН—С. С. 228; ЦТ. С. 134; ЖАН—Ник. С. 121, 127; Ворск. С. 173; Кн. степ. С. 303; ЛПКБ. С. 35; ППР. С. 11.

⁴³ ПВЛ. С. 50; ГВЛ. Стб. 840; ЛЛ. С. 460; ЖАН—С. С. 223, 225, 228; ЦТ. С. 134, 138; ЖАН—Ник. С. 124; Кн. степ. С. 305; КИ. С. 156.

⁴⁴ ПВЛ. С. 17, 54; Ср.: «И не смѣ Давыд стати противу Василикову брату» (Там же. С. 176); ЛЛ. Стб. 347, 404, 413; КЛ. Стб. 298, 487, 549, 661; КИ. С. 76, 139.

⁴⁵ Ср. там же: «. . . и побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья» (с. 144); ср. также: КЛ. Стб. 311, 364, 569.

⁴⁶ ПВЛ. С. 50, 144; ЦТ. С. 138; НВЛ. С. 192; Пск. С. 67, 69, 75.

⁴⁷ КЛ. Стб. 370, 400, 427; ЦТ. С. 130, 141; Ворск. С. 172; СМП. С. 44, 47; ППА. С. 72; КИ. С. 123, 137, 174.

⁴⁸ ГВЛ. Стб. 818; ЖАН—С. С. 222; ЖАН—Ник. С. 120; ЛПКБ. С. 30; ППА. С. 59; СПА. С. 91; КИ. С. 56; Пск. С. 52.

стех»,⁴⁹ которое означает «быть победоносцем». Например в СМП: «Князь же Владимир Андреевич ста на костех под черным знаменем» (ЛПКБ. 72). Сравните развитие этого выражения в КИ: «и на костех его вструбиша» (с. 57).

Интересно отметить, что крайне редко изменение устойчивого словосочетания происходит в результате употребления новых воинских терминов, как, например, в выражениях «из сънаряду бити»,⁵⁰ «бити из пушек».⁵¹ Такая редкость объясняется тем, что «техническая» лексика вообще редко встречается в древнерусских воинских повествованиях. Чаще всего общеупотребительные слова и выражения приобретают специфически «воинское» значение.

Применение авторами словосочетания «взяти плен» отражает перемену исторического значения слова п л е н, или п о л о н. В ранних повествованиях (до XIV в.) это выражение имело значение «добыча»: «. . . и не слуша их. Иде в горы лесныя и взя полон велик» (ГВЛ под 1254 г. Стб. 822).⁵² В более поздних произведениях слово «плен» приобретает значение «рабство» и образует словосочетания «взяти в полон» и «повести в полон»: «Кзаки же много их побиша, а иных в полон взяша» (СПА. С. 104).⁵³ Лаврентьевская летопись под 1177 г. содержит довольно ранний пример изменяющегося значения формулы: «ови ведутся полонени» (ЛЛ. Стб. 383). Сравните: «. . . иные в полон поведоша, многое множество» (Повесть о Московском взятии от царя Тахтмышы);⁵⁴ «. . . те азовцы . . . братию и сестрь наших . . . в плен к себе в работу не водили. . .» (ИПА. С. 52).

Среди таких новообразований, однако, есть анахронизмы. Часто ссылаются⁵⁵ на словосочетание «утерети пот» со значением «кончить кампанию с успехом», на самом же деле оно редко встречается в текстах. Сравните условное употребление этого выражения в ПВЛ под 1019 г.: «Ярослав же съде Кыевѣ, утер пота с дружиною своею, показав побѣду и труд велик» (С. 98)⁵⁶ с неправильным его употреблением в Пск.: «храбропобеднаго своего поту отерше государевы бояре» (с. 78). Автор КИ также не понимает метонимического значения традиционного словосочетания и пишет: «. . . правя скипетр державы своея, утер кровавый пот свой. . .» (с. 174), толкуя слово «пот» буквально.⁵⁷

Подобное непонимание смысла выражения «пити шеломом (Дон)»⁵⁸ может быть причиной образования оборота «не запустеет Дон головами нашими» (ИПА. С. 66).

С другой стороны, кажется вероятным, что есть и нарочитые анахронизмы. Метонимическое словосочетание «взяти на щит», т. е. «взять осадой», характерно для воинских повествований самого раннего периода древнерусской литературы. Хотя это выражение появляется и в КИ (с. 129) и в Пск. (с. 38, 65), нам не удалось обнаружить его в каких-либо других произведениях, написанных позже XIII в., а это дает основание полагать, что употребление этого выражения в текстах XVI и XVII вв. — стилистический анахронизм.

⁴⁹ Сравнительно с другими данное словосочетание встречается редко. Нам удалось найти лишь следующие употребления: Ник. лет. Т. 12. С. 136; НІВЛ. С. 308; Кн. степ. С. 304; З. С. 16; ЛПКБ. С. 38; СМП. С. 72, 75.

⁵⁰ ИПА. С. 74; Пск. С. 58, 63, 64, 89.

⁵¹ ЦТ. С. 133, 141; КИ. С. 85, 132, 135, 136.

⁵² Другие примеры: КЛ. Стб. 286, 318, 456, 460; ГВЛ. Стб. 730, 774, 796, 855, 856; ЛЛ. Стб. 291, 292, 301, 314, 397.

⁵³ Ср.: Там же. С. 85, 86, 106. Ср. также: ОПА. С. 32; КИ. С. 84, 156.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 210.

⁵⁵ См.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 35.

⁵⁶ Ср.: КЛ. Стб. 303, 577; ЛПКБ. С. 38.

⁵⁷ См.: Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций. М., 1912. С. 18.

⁵⁸ Ср.: ГВЛ. Стб. 716; Слово. С. 11, 19; З. С. 11, 15.

В ранних воинских повествованиях устойчивая формула «бысть радость великая» традиционно употребляется в рассказах о победоносном возвращении войска: «. . . того же дъни в недѣлю бысть радость велика в градѣ Володимѣрѣ» (КЛ под 1177 г. Стб. 602);⁵⁹ «Велиа же бысть радость тогда в градѣ Москвѣ» (Повесть о покорении Новгорода 1471 г.).⁶⁰ Однако в ИПА контекст этой формулы неправилен: «И в те поры у великого Донского Войска бысть радость великая о государьском жаловане и о прибылых людех. . . Донское Войско стреляли на Азов град» (ИПА. С. 52). Автор XVII в. неточно понимает здесь условность устойчивой формулы. Это говорит о том, что к XVI—XVII вв. авторы все меньше умели отличать буквальные выражения от условных устойчивых словосочетаний и формул, образующих лексический состав жанра древнерусского воинского повествования.

Не включено в предыдущий перечень такое хорошо известное клише, как «идяху стрелы, яко дождь», которое часто принимают за шаблонное словосочетание древнерусского воинского повествования. Как уже было сказано, надо видеть различие между механическим применением формулировки и стереотипной образностью, к которой древнерусские авторы прибегали, чтобы украсить рассказ. В следующем далее перечне образных выражений (заголовком служит основной компонент), по необходимости ограниченном самыми популярными из них (в большинстве случаев — сравнениями, иногда — метафорами), обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, лексика рассматриваемых выражений в меньшей степени стереотипна — условная устойчивость в этом случае состоит скорее в идее, на которой основан образ, чем в способе выражения. Во-вторых, чем старше произведение, тем менее сложна и разнообразна его образность. К этому следует добавить, что большая часть образов ориентирована на явления природы, и поэтому образность воинских повествований тесно связана с образностью фольклора.

Д о ж д ь. «. . . стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, аки дождь» (ПВЛ под 1097 г. С. 180); «. . . стрѣлам яко дождю идушу на град их» (ГВЛ под 1245 г. Стб. 796); «. . . и каменье, яко дождь, с небеси идяше» (Там же под 1251 г. Стб. 810); «. . . идушу же камению со забрал, яко дождю силну» (Там же под 1229 г. Стб. 755); «. . . с города, аки дождь, каменье метяху на нь» (ЛЛ под 1149 г. Стб. 325); «. . . идяху стрѣлы, аки дождь силен» (Ворск. С. 173). Барсов сравнивал фразу «итти дождю стрѣлами с Дона великаго» (Слово. С. 14) с фразой из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.⁶¹

Развитием этой формулы является выражение «стрѣлы омрачипа свѣтъ» (ГВЛ под 1240 г. Стб. 785). О. В. Творогов считает это словосочетание устойчивой формулой,⁶² но автор настоящей статьи нашла еще только один пример употребления этого выражения — в ЦТ (см. с. 138). В вариантах, на которые ссылается А. С. Орлов, выражается та же идея, хотя и не устойчивыми формулами.⁶³ Модернизированный вариант встречается в Пск.: «. . . яко от велика дождевна облака ручничными пулями, яко бесчисленными каплями. . .» (Пск. С. 69).

Г р о з а. Сравнение битвы или подхода войск с грозой встречается часто, но в каждом случае формула немного варьируется, например: «. . . крѣпко копьем же изломившимся, яко от грома трѣсновление бысть»

⁵⁹ По мнению О. В. Творогова, это выражение характерно для Киевской летописи (см.: Творогов О. В. Устойчивые словосочетания. С. 281).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 163. Другие примеры: ЛЛ. Стб. 385, 396, 413, 415; КЛ. Стб. 408, 602; ГВЛ. Стб. 738, 798, 799, 804, 834, 857; Ник. лет. Т. 12. С. 137.

⁶¹ Барсов Е. В. Критический очерк литературы «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1876. № 10. С. 112.

⁶² Творогов О. В. Задачи. . . С. 35.

⁶³ Орлов А. С. Об особенностях формы. . . С. 18.

(ГВЛ под 1249 г. Стб. 803); «И бе, яко гром велик, и шум мног и крик несказанен от множества обоего войска. . .» (Пск. С. 66); «И трескотаху копия и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен, глас и кричание. обоих вои громяще» (КИ. С. 152); «. . . и ржания и топота конскаго, яко велий гром и страшен зук далече на русских пределах, за 300 верст, слышашеся» (Там же. С. 136). Сравним следующий образ, где голоса, а не сама битва являются субъектом сравнения: «. . . и яко велицьи громи до небес слышашуся гласи их» (КИ. С. 161); «. . . от пушечного бо и от пищалнаго стуку, и от зуку звонного, и от гласов въплей и кричаниа от обоих людей, и от трескоты оружий . . . яко земли колебатися. . . бысть яко гром велий» (ЦТ. С. 129); «. . . как есть стала гроза великая над нами страшная, будто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси» (ППА. С. 61); «Как есть — страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею» (Там же. С. 71); «И от пушек их аки страшный гром стоял» (Там же. С. 74); «Подобно быть тогда грозы небесной, молния и страшный гром с небеси» (СПА. С. 93); «. . . земля стонеть вельми, грозу велику подавающе на восток полны до моря, а на запад до Дунаа» (СМП. С. 66).

Связанная с образностью грозы аллитерация «стук стучить, гром гримит» встречается в З. (с. 11) вместе с подобными выражениями: «быти стуку и грому велику» и «что шумит, что гримит» (Там же. С. 11, 12). Ту же формулу видим в СМП: «. . . слышитъ стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремить. . . а по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающе» (с. 64). Ср. также: «многий гром възгреме» (Пск. С. 66); «внезапу възгремѣ земля, аки гром велий» (ЦТ. С. 132); «возгреме земля, яко велий гром. . .» (КИ. С. 149).

К р о в ь. В древнерусских воинских повествованиях кровь часто сравнивается с водой, но встречаются разные формы этого сравнения. Самое распространенное сравнение — кровь течет, как река, — встречается в ПРР: «И течаше кровь христьянская, яко река силная. . .» (с. 12) и в ЦТ (с. 131). Оно может быть соотнесено с образом «. . . кровь же течаше, яки рѣка, и струя кровная влѣчаше трупье» из «Истории Иудейской войны». ⁶⁴ Та же идея выражается в КИ метафорой: «. . . кровѣих не напився, текущая реками» (с. 60); «Реки иже по всему граду крову их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колелу бродити» (Там же. С. 156). Ср. в том же произведении: «. . . кровию многию рускою и горкими слезами, яко реками, кипяше. . .» (Там же. С. 163).

Другое сравнение — кровь течет, как вода. ⁶⁵ Например: «. . . кровь их по улицам града течаше» (КИ. С. 155). Такие сравнения, вероятно, восходят к реальным впечатлениям и являются развитиями обычной формулы, основанной на опыте: «. . . кровию протекли реки»; «. . . Дон река три дни кровью текла» (З. С. 15, 16—17); ⁶⁶ «. . . и ступашася трижды, яко по удольемь крови тещи» (ПВЛ под 1019 г. С. 98). Употребление этого выражения в КИ иллюстрирует сочетание архаизации с новаторством стиля этого произведения. В то время как сохраняется старая форма выражения («. . . обе реки . . . течаста по 3 дни кровию» — (КИ. С. 62)), появ-

⁶⁴ См.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 417. См.: Там же. С. 21—22.

⁶⁵ ЛЛ. Стб. 463; Ворск // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 174; КИ. С. 76.

⁶⁶ См. также: СМП. С. 72.

ляется новое развитие старой идеи («...яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю»).⁶⁷

Иногда встречаются отдельные метафорические выражения. Например: «Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша?» (Слово. С. 22); «кровью наполниша черемския поля» (КИ. С. 84); ср.: «...и лименю Галатскому кроваву быти» (ЦТ. С. 131).

Неоспоримо, что в словарном составе древнерусского воинского повествования есть повторение то фабульных контекстов, то ситуативных формул, то отдельных фраз. Рассмотрение этих фраз составляет предмет настоящей статьи. Дословное повторение значительного количества рассмотренных речевых оборотов в течение всей истории древнерусской литературы от самых ранних этапов (памятников переводной литературы, сравнительно мало изменившихся) до XVII в. — времени постепенного освобождения литературы от условностей средневековья — показывает стереотипность рамок, в которых древнерусские авторы создавали свои художественные произведения. Власть жанровой системы всеобъемлюща. Устойчивая условность — одна из самых важных черт этой системы — и устойчивые словосочетания древнерусского воинского повествования являются одним из самых важных признаков определения условностей этого жанра.

Язык и содержание произведения тесно связаны, но трудно охарактеризовать сущность их взаимоотношения. Может ли язык влиять на выбор содержания? Да, возможно, но в большинстве случаев более вероятно, что содержание вместе с жанровой условностью определяют язык и художественный стиль, подходящие предполагаемому произведению. Часто упоминаемый отрывок из «Слова» Кирилла Туровского может служить подтверждением сказанного: «...историци и вѣтия, рекше лѣтописци и пѣснотворци, приклянують своя слухи в бывшая межю цесари рати и възпѣлчения, да украсятъ словеси и възвеличатъ мужьствовавъшая крѣпко по своемъ цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тѣх славяще похвалами вѣнчаютъ...»⁶⁸

Содержание произведения и условность жанра не только определяют тип языка и фразеологии, но и черты художественного стиля, как показывают приведенные выше примеры. Традиционность в языковом оформлении воинского повествования объясняется тем, что все средневековые авторы, в том числе и древнерусские, предпочитая устойчивые формулы своей собственной оригинальной фабуле и фразеологии, опирались на художественные образцы, созданные их предшественниками. Роль жанровой системы и ее канонов в древнерусской литературной практике огромна.

Относительный консерватизм определяемого жанром языка позволяет проследить процесс его развития. Язык воинских повествований в XVI и XVII вв. становится более гибким, менее подверженным условностям жанра. Об этом говорит усиление детализации летописных рассказов. Там, где автор XII в. создает фабулу рассказа путем использования постоянных ситуативных формул, диктуемых условностями жанра, автор XVI в. описывает каждую сцену в отдельности, отбросив эти стереотипные формулы. Однако процесс литературного развития, способствующий освобождению от определенных жанровых условностей, еще не завершен окончательно. Например, старая ситуативная формула «утер кровавый пот свой» повторяется как устойчивое словосочетание, к тому же неправильно понятое.

Особенно важно то, что в результате тщательного исследования отдельных словосочетаний можно прийти к значительным выводам о втором важном вопросе, касающемся древнерусского воинского повествования, —

⁶⁷ См.: Лихачев Д. С. Литературный этикет... С. 13.

⁶⁸ См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 344.

вопросе о стилистическом влиянии. В частности, можно различать три вида влияний, действующих на древнерусское воинское повествование: влияние переводных произведений, влияние устного народного эпоса, внутреннее влияние одного воинского повествования на другое. Так как обсуждение этого вопроса не предусмотрено рамками данной статьи, остается только подчеркнуть, что при объяснении роли древнерусской жанровой системы, относящейся к жанру воинского повествования, необходимо учитывать рамки жанровых условностей и особенно ограниченность устойчивых словосочетаний. Следует заключить также, что роль «общих мест», или устойчивых словосочетаний, в определении этого жанра неопределима.

Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского

Важным источником для изучения политической истории и идеологической борьбы в феодальном обществе являются жития святых. В период, когда «во всех областях умственной деятельности» отмечалось господство «богословия»,¹ рассказы о чудесах святых укрепляли авторитет различных княжеств, митрополии, епископских кафедр, монастырей и т. д. Решающее значение для правильного их понимания имеют установление соотношения между различными редакциями, по возможности максимально точная датировка каждой редакции, выявление их политической и идеологической направленности. Данная статья посвящена воссозданию литературной истории жития ростовского епископа Леонтия (XI в.). Этот памятник представлен несколькими оригинальными редакциями и множеством созданных на основе их литературной обработки или компилирования вариантов, видов и разновидностей. В рамках одной статьи невозможно охарактеризовать все эти редакции и разновидности исследуемого памятника. Наша задача — изучение двух наиболее ранних редакций жития Леонтия Ростовского. По названию фондов, в составе которых дошли древнейшие списки этих редакций (ГИМ, Синодальное собр., № 246, 2-я пол. XIV в. и ГБЛ, Троицкое собр., № 715, 1429 г.), далее в статье они называются соответственно Синодальной (*Син.*) и Троицкой (*Тр.*). Более поздние оригинальные редакции жития Леонтия, равно как и созданные на основе их переработки варианты, виды и разновидности, будут подробно охарактеризованы в ряде других статей.

Текст, близкий к *Тр.* (являющийся одним из более поздних ее вариантов, который был подправлен по *Син.*), публиковался по списку третьей четверти XVI в. Автор комментария к этой редакции полагал, что текст издаваемой им редакции, который включал рассказы об обретении мощей Леонтия и о перенесении его гроба в церковь Богородицы, сложился при Андрее Боголюбском. Эту гипотезу он обосновывал тем, что в рассказе о перенесении тела Леонтия в церковь Богородицы Андрей был назван «нашим князем».² Но «нашим князем» мог быть назван не современник, а давно умерший правитель той земли, в которой жил автор. В. О. Ключевский справедливо отметил, что рассказ о перенесении гроба Леонтия в церковь Богородицы в том виде, как он сохранился, не мог быть написан при Андрее Боголюбском: в нем сообщается об установлении празднования памяти Леонтия ростовским епископом Иоанном (1190—1213 гг.). В. О. Ключевский указал на два возможных пути складывания той редакции памятника, в которой говорилось об обретении мощей Леонтия и о перенесении его гроба в церковь Богородицы: либо ее создание в два этапа — в 1170-х гг., когда возник рассказ об обретении мощей Леон-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 360.

² Православный собеседник за 1858 год. Февраль. С. 297—318. — Публикацию других редакций жития Леонтия см.: Ярославские губернские ведомости. 1892. № 23; ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 1—30.

гия, и в конце XII—начале XIII в., когда был написан рассказ о перенесении гроба Леонтия в церковь Богородицы,³ либо составление обеих частей жития в конце XII—начале XIII в. при использовании каких-то ранних летописных записей об обретении мощей Леонтия, взятых в качестве источника для открывающего житие рассказа об обретении тела Леонтия. В. О. Ключевский, видимо, больше склонялся ко второму объяснению, ибо в дальнейших своих рассуждениях исходил из мысли, что редакция, содержащая рассказы об обретении мощей Леонтия и перенесении его гроба в церковь Богородицы, является древнейшей.⁴ Макарий, Н. П. Барсуков, Ю. А. Лимонов, А. Н. Насонов высказали мысль о написании старшей редакции жития Леонтия во второй половине XII в., но подробно вопрос о составе, путях и времени складывания древнейших редакций этого памятника не исследовали.⁵ Н. Н. Воронин и Г. Ю. Филипповский считали, что рассказ об обретении тела Леонтия был написан в 1160-х гг. Вопрос о времени складывания рассказа о перенесении гроба Леонтия в церковь Богородицы эти исследователи почти не затронули, присоединившись к гипотезе В. О. Ключевского о составлении этой части жития Леонтия в конце XII—начале XIII в.⁶

Наиболее ранний список *Тр.* (в которую включены рассказы об обретении мощей Леонтия и о перенесении его гроба в церковь Богородицы), по которому ее текст приводится в приложении к данной статье, датирован 1429 г.⁷ В рукописях XV—XVI вв. мне известны еще 10 списков, воспроизводящих характерные особенности *Тр.* В. О. Ключевский и Н. П. Барсуков, повторим, считали ее древнейшей редакцией жития Леонтия. Они практически упустили из виду редакцию жития Леонтия, в которой представлен лишь рассказ об обретении мощей Леонтия. Этот рассказ входил в состав так называемой второй редакции Пролога (чтение за 23 мая).⁸ В. О. Ключевский и Н. П. Барсуков считали древнейший список этой редакции (ГИМ, Синодальное собр., № 246, л. 102—103, 2-я пол. XIV в.) не отражением особой редакции жития Леонтия, а «неполным (т. е. дефектным) — *Г. С.*» списком *Тр.*, в состав которой входил не только рассказ об обретении тела Леонтия, но и рассказ о внесении его гроба в церковь Богородицы.⁹ Но сопоставление рассказов об обретении мощей

³ Вслед за автором комментария к публикации исследуемого памятника в «Православном собеседнике» В. О. Ключевский думал, что начало рассказа о перенесении гроба Леонтия в церковь Богородицы (сообщение о приезде в Ростов «нашего князя» Андрея), как и рассказ об обретении мощей этого епископа, восходит ко времени Андрея Боголюбского. Но с этим едва ли можно согласиться: сообщение о приезде Андрея в Ростов — составная часть рассказа о перенесении гроба Леонтия в церковь Богородицы и восходит, несомненно, ко времени написания этого рассказа.

⁴ К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 5—6.

⁵ М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1868. Т. 2. С. 329—332; Б а р с у к о в Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 323; Л и м о н о в Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 26—27; Н а с о н о в А. Н. История русского летописания. М., 1969. С. 128—129.

⁶ См.: В о р о н и н Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и русско-византийские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. М., 1963. Вып. 23. С. 23—27; Ф и л и п п о в с к и й Г. Ю. 1) Жанры историко-легендарного повествования владимирской литературы второй половины XII века: Дис. . . канд. филол. наук. М., 1979. С. 90—127. Машинопись. 2) То же: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1979. С. 16.

⁷ Гипотеза о том, что данная рукопись — более раннего времени (примерно середина 10-х гг. XV в.), выдвинутая в статье Л. П. Жуковской «О якобы датированных списках стижного пролога XV в. (Троицкое собрание ГБЛ)» (История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 99—101), не кажется мне удачной.

⁸ См.: С е р г и й. Полный месяцеслов Востока: Русская агиология. М., 1875. Т. 1. С. 242—263; Б у б н о в Н. Ю. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274—296.

⁹ К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития. . . С. 6, примеч. 1; Б а р с у к о в Н. П. Источники русской агиографии. Стб. 323.

Леонтия по рукописям *Син.* и *Тр.* показывает наличие в них ряда заметных и далеко не случайных разночтений. Причем основные особенности рассказа об обретении мощей Леонтия по рукописи из Синодального собрания, отличающие его от того же рассказа по рукописи из Троицкого собрания, удержаны еще в трех десятках известных мне списков исследуемого памятника, в которых также представлен только рассказ об обретении мощей Леонтия.¹⁰ Переписчики этих многочисленных списков не могли независимо друг от друга одинаково изменить *Тр.* Лишь предположение, что все эти списки восходили к общему протографу особой редакции жития Леонтия (*Син.*), объясняет близость их текстов.

Вопрос о соотношении *Син.* и *Тр.* пока не ставился. Те исследователи, которые выделяли *Син.* в особую редакцию (Н. Н. Воронин, Г. Ю. Филипповский), признавали ее первичность как нечто само собой разумеющееся. Однако краткости *Син.* сама по себе не является аргументом в пользу ее первичности: позднейшее редактирование могло идти и по пути сокращения ранее написанного. Первичность *Син.* будет доказана лишь в том случае, если удастся показать, что две составные части *Тр.* — рассказы об обретении мощей Леонтия и о перенесении его гроба в церковь Богородицы — созданы в разное время и разными авторами. В этом случае станет ясно, что *Син.*, содержащая лишь рассказ об обретении тела Леонтия, была не позднейшим сокращением *Тр.*, а хронологически предшествовала ей и была позднее дополнена рассказом о чудесах при гробе Леонтия. Аргументом в пользу гипотезы о разновременном создании рассказов об обретении мощей Леонтия и о внесении его гроба в церковь Богородицы, на мой взгляд, служит сопоставление следующих текстов в этих рассказах.

Рассказ об обретении тела Леонтия.
завершающий 1-ю часть *Тр.*

Начало рассказа о перенесении
гроба Леонтия в церковь Богородицы
во 2-й части *Тр.*

И повеле благоверный князь Андрей, сын великого князя Георгия, внук Володимерь, создати церковь камену во имя Пресвятой Богородицы на месте погоревшие церкви. . . (далее идет рассказ об основании церкви и об обретении тела Леонтия. — *Г. С.*). Видевше же людие (нетление Леонтия. — *Г. С.*) върадовашеся радости великою зело. И послаша весть ко князю Андрею, поведающе ему бывшее чюдо преславное. Слышав же князь, и прослави великую мудрость божию, и моляся богу глаголаше: «Владыко, господи, Иисусе Христе, что ти въздам за вся, аже еси въздал, яко в сей области, в моей державе, сподобил еси сицею сокровищу откровену быти?» И помяная спасеное слово, глаголющее, яко утаил еси се от премудрых и разумен и открыл еси младенцем. И посла вскоре гроб камен положить в нем тело святого, идеже и донны лежить, в церкви пресвятыя Богородица, сдевающе преславная чюдеса и подавая исцеление приходящим с верою к пречистой госпоже Богородици и к святейшей раце великого Леонтия в славу Христу нашему и в державу и в победу христоролюбивому князю.

Егда създаша церковь камену в Ростове повелением благочестивого господина и царя, и князя нашего Андрея, он же, приехав в Ростов, поклонися блаженному и святому телу великого Леонтия, глаголя: «Хвалю и славию тя, господи боже мой, и пречистую и пресвятую матерь твою, яко да сподобился еси сицева сокровища в области моего государства явити ми. Уже ничим же оужен есмь благодати божия, и дара милости твоей, владыко, о сем святем мужи, велицем Леонтии». И целова святое тело великого Леонтия и вси мужи его. И по сем поставиша и в раце и на стене, идеже и ныне лежит, и устрои свещи велицы у гроба его.

Иоан же епископ праздновати устави месяца маиа в 23 день. Многым же исцелением цветущим от гроба великого Леонтия молитвами святого.

По рассказу об обретении мощей Леонтия, ростовцы «послаша весть» к Андрею об этом событии, а князь ограничился тем, что «посла . . . гроб камен», который с р а з у ж е установили там, «идеже» он (гроб) «и д о н н ы н е л е ж и т, в церкви пресвятыя Богородица». По рассказу же о внесении праха Леонтия в церковь Богородицы получается, что гроб

¹⁰ Об этих особенностях текста *Син.* сравнительно с текстом *Тр.* см. на с. 245 настоящей статьи.

с телом покойного епископа установили в том месте церкви, «идеже» он «и ны не леж и тг», только после того, как князь со своей свитой приехал в Ростов, чтобы поклониться телу Леонтия. При этом оба рассказа завершаются фразой об исцелении людей от гроба Леонтия.

Таким образом, в двух составных частях *Тр.* представлены различные версии рассказа об установлении гроба Леонтия в церкви Богородицы, не согласующиеся друг с другом. Это служит аргументом в пользу гипотезы о одновременном создании этих составных частей: будь они написаны одновременно и рукой одного автора, наличие в них двух противоречивых версий вряд ли было бы возможно.

Автор *Тр.* не только написал рассказ о внесении тела Леонтия в церковь Богородицы, но и внес определенные изменения (по сравнению с *Син.*) в повествование об обретении его тела. Он внес множество малозаметных стилистических изменений (перестановка слов в предложении, замена одних слов другими, близкими по значению). Более существенно то, что при характеристике Леонтия *Тр.* систематически употребляла слово «великий», которого не было в *Син.* В рассказ о создании церкви предшественником Леонтия в *Тр.* вставлена фраза: «Иже бе създана от дрьвь дубовых бяше чюдна, ака же не бывала, ни потом не будеть».¹¹ Говоря об открытии гроба Леонтия и о том, что его тело осталось нетленным, *Тр.* добавляет: «...и свиток держаще в руке своей, в нем же бяху написани прозвитеры и диаconi, их же бе поставил своею рукою».¹² Повествуя о «чудесах» при гробе Леонтия, *Тр.* указывает, что они делались не только «в славу Христу богу нашему» (как в *Син.*), но еще «и в державу и в победу христолюбивому князю»¹³

Изучение археографической традиции *Син.* показывает, что эта редакция существовала уже к концу XIV в. *Син.* — составная часть Пролога, все известные мне ее списки, кроме одного, дошли в составе Пролога маргзовской половины года (чтение за 23 мая). Ясно, что *Син.* существовала по крайней мере к моменту создания той редакции Пролога, в состав которой вошла. Складывание этой (так называемой второй) редакции Пролога относят к XIII в.¹⁴ Мы считаем, однако, учитывать условность этой датировки систематическое источниковедческое изучение истории Пролога еще ждет исследователя. *Син.* не могла возникнуть ранее 1160-х гг. в ней упомянут пожар в Ростове (случившийся в 1160 г.),¹⁵ после которого началось строительство новой каменной церкви Богородицы в Ростове. Положенная в основу *Син.* легенда об обретении мощей Леонтия, несомненно, бытовала уже в 1220-х гг. в составленном тогда послании Симона

¹¹ Ипатьевская летопись (кон XIII—нач XIV в.) под 1160 г. сообщает, что «того же лета погоре Ростов и церкви вси и сборная дивная великая церкви святая Богородица, якоже не было, николи же не будеть». Лаврентьевская летопись (начало XIV в.) характеризует сгоревшую деревянную церковь словами, еще более близкими к тексту рассматриваемой редакции жития Леонтия «Того же лета погоре Ростов, и церкви все, и сборная дивная и великая церкви святая Богородица, якоже не было, ни будеть» (ПСРЛ М, 1962 Т 1 Стб 207—208, Т 2 Стб 160). Схожим образом рассказы о пожаре в Ростове читаются и в более поздних сводах (см ПСРЛ СПб, 1908 Т 23 С 45, Пг, 1921 Т 24 С 83, М, Л, 1949 Т 25 С 71). Соотнесенность слов о деревянной церкви в Ростове в *Тр.* и в летописях объясняется либо влиянием на них *Тр.*, либо наоборот.

¹² Весьма любопытная вставка, позволяющая думать, что в период между написанием *Син.* и *Тр.* зародился обычай вкладывать в гроб владык список поставленных ими пресвитеров и дьяконов.

¹³ Эта особенность характерна не для всех списков *Син.* Ниже (см приложение) будет показано, что в ряде ее списков (отразивших особые изводы) после слов «в славу Христу богу нашему» читается либо «и в державу и в победу христолюбивому князю» (как в *Тр.* и, очевидно, под ее влиянием), либо «и в державу и в победу христолюбивому князю Андрею», либо «и в державу и в победу христолюбивым князем нашим», либо «и в славу царю нашему», либо «и в державу и в победу христолюбивому царю нашему».

¹⁴ См. Серги и Полный месяцеслов Востока. Т. 1 С 242—263 Бу б н о в Н Ю Славяно-русские прологи С 274—276

¹⁵ См. ПСРЛ Т 1 Стб. 207—208

к Поликарпу указывалось, что бог «прослави» Леонтия «нетлением».¹⁶ Мне представляется наиболее вероятным складывание легенды об обретении мощей Леонтия в 1160—1170-х гг., когда Андрей Боголюбский пытался создать в Ростове не зависимую от Киева владычную кафедру.¹⁷ Наличие местных чудотворцев, конечно, подкрепляло претензии Ростова на церковную независимость от Киева и подчинение непосредственно константинопольскому патриарху. Установлению прямой связи Ростова с Константинополем, можно предположить, служило утверждение, будто Леонтий родился в Константинополе и был прислан в Ростов непосредственно оттуда. В Киево-Печерском монастыре бытовала иная версия жизни Леонтия, которую изложил в своем послании 1220-х гг. к Поликарпу суздальский епископ Симон (постриженник Киево-Печерского монастыря). По утверждению Симона, Леонтий был послан в Ростов из Киево-Печерского монастыря и убит язычниками.¹⁸ Так опровергалась связь Леонтия с Константинополем и утверждалась версия о его связи с Киево-Печерским монастырем. Достоверность обеих версий (созданных через много лет после смерти Леонтия) нельзя проверить и едва ли стоит пытаться примирить их друг с другом¹⁹ или же отдать предпочтение одной из них.²⁰ Они нацелены на обоснование противоположных идей и существенны только для правильного понимания церковно-политической борьбы конца XII—начала XIII в.

У нас нет бесспорных данных, чтобы решить, была ли легенда об обретении мощей Леонтия сразу же записана и оформлена как древнейшая редакция его жития, близкая (или идентичная) к *Син.*, или же она определенное время бытовала устно.²¹ Во всяком случае к концу XII—началу XIII в. рассказ об обретении мощей Леонтия, близкий (или идентичный) к *Син.*, скорей всего уже был написан. Напомним, что при епископе Иоанне (1190—1213 гг.) было установлено празднование памяти Леонтия. Аписание жития чаще всего либо предшествовало канонизации святого, либо сопровождало ее.

В тексте *Син.* отмечено, что при обретении мощей Леонтия «обретоша множество мертвых, идеже обретоша и блаженаго Исая». ²² Очевидно, к моменту составления *Син.* существовала и легенда об обретении мощей Исая: в противном случае трудно объяснить, почему он выделен из «множества мертвых». ²³ Весьма вероятно, что легенда об обретении мощей Исая, как и аналогичная легенда о мощах Леонтия, возникла в 1160—1170-х гг. и также служила для обоснования претензий Ростова на церковную независимость от Киева. Как и в случае с Леонтием, мы не знаем, бытовала ли легенда об обретении мощей Исая устно или была записана в древнейшей (до нас не дошедшей) редакции его жития. В любом случае

¹⁶ См.: ПЛДР: XIII век. М., 1980. С. 482.

¹⁷ См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. СПб., 1880. Т. 1, 1-я пол. С. 373—377; Ключевский В. О. Древнерусские жития. . . С. 18—19; Бугославский С. А. Литература Ростова XIII—XIV вв. § 2. Жития // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 66—67; Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского». . . С. 23—46.

¹⁸ См.: ПЛДР: XIII век. С. 482.

¹⁹ См.: Макарий. История русской церкви. Т. 2. С. 16, примеч. 59; Православный собеседник за 1858 год. Февраль. С. 298; Ключевский В. О. Древнерусские жития. . . С. 21, примеч. 1.

²⁰ См.: Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского». . . С. 23; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 135—149.

²¹ Н. Н. Воронин («Житие Леонтия Ростовского». . . С. 23—46), Ю. А. Лимонов (Летописание. . . С. 26—27) и Г. Ю. Филипповский (Жанры историко-легендарного повествования. . . С. 90—93) убеждены, что древнейшая редакция жития Леонтия возникла уже в 1160-х гг. Вполне возможно, что так оно и было. Но решающих доказательств существования близкой (или идентичной) к *Син.* редакции жития Леонтия уже в 1160-х гг. у нас нет.

²² ОР ГИМ, Синодальное собр., № 246, л. 103.

²³ Ср.: Приселков М. Д. Очерки. . . С. 135—149.

можно считать, что рассказ об обретении тела Исаяи (устный или письменный) послужил одним из источников сохранившихся редакций этого памятника, составленных в конце XV в., после 1474 г.²⁴

Н. Н. Воронин, Ю. А. Лимонов и Г. Ю. Филипповский высказали предположение, что древнейшая редакция жития Леонтия была одним из источников ростовского летописания 1160—1170-х гг., которое отразилось в Тверской и Львовской летописях. Это предположение не может быть строго доказано. В Тверской и Львовской летописях действительно указано, что в 1161 г. «заложена бысть церкви камена в Ростове князем Андреем; ту же обретоша святого Леонтия в теле».²⁵ Но нет никакой уверенности в том, что источником цитированного известия для этих сводов была именно восходящая к XII в. традиция ростовского летописания (которая, в свою очередь, имела источником своих сведений древнейшую редакцию жития Леонтия), а не какая-либо поздняя редакция жития Леонтия. Ведь все редакции жития Леонтия, в том числе и писавшиеся в XV—XVI вв., включали рассказ об обретении тела Леонтия, и любая из них могла послужить источником для Тверской и Львовской летописей. Отсутствие известия об обретении тела Леонтия в ранних сводах делает именно это последнее объяснение более вероятным.

Посредством незначительной обработки *Син.* позднее был создан ряд особых вариантов этой редакции рассматриваемого памятника.²⁶ Их подробное изучение — задача специального исследования (поскольку особые варианты оригинальных редакций, повторим, складывались преимущественно посредством компилирования друг с другом оригинальных редакций памятника).

Изучение археографической традиции рукописей, в составе которых представлена *Тр.*, показывает, что эта редакция существовала по крайней мере к 1420 г. Ряд рукописей, в состав которых она вошла, представляет собой особый вариант Стишного пролога за март—май. По предположению Л. П. Жуковской, этот вариант Стишного пролога был создан в Троице-Сергиевом монастыре в начале XV в.²⁷ Нижняя хронологическая грань *Тр.* — 1190 г. — определяется упоминанием в ней ростовского епископа Иоанна, установившего празднование памяти Леонтия.²⁸

В. О. Ключевский полагал, что изучаемая редакция жития писалась при епископе Иоанне (1190—1213 гг.), который установил празднование памяти Леонтия (23 мая) и написал канон в его честь. Но из всего этого

²⁴ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. . . С. 22—26.

²⁵ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 233; СП⁶, 1910. Т. 20, ч. 1. С. 122. См. также: Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского». . . С. 23—46; Лимонов Ю. А. Летописание. . . С. 27; Филипповский Г. Ю. Художественно-документальные жанры владимирской литературы 60-х годов XII в. // Вестн. Моск. ун-та: Филология. 1979. № 4. С. 40—41.

²⁶ Один из таких вариантов, представленный несколькими списками конца XIV—XVII вв., в котором отмечалось, будто Леонтий знал русский и мерский язык и прочитал много книг, издал Г. Ю. Филипповский (Древнерусские предания. М., 1982. С. 125—126). Он считает этот вариант особой редакцией. (См.: 1) Филипповский Г. Ю. Жанры историко-легендарного повествования. . . С. 90—127; 2) Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 159—161. Гипотеза Г. Ю. Филипповского о написании данного варианта *Син.* (по его классификации, ред. II) в конце 1160-х гг. во Владимире не может быть строго доказана. Некоторые особенности текста этого варианта *Син.* (на которых мы подробнее остановимся при характеристике более поздних оригинальных редакций жития Леонтия) наводят на мысль о его создании в конце XIV в.

²⁷ Жуковская Л. П. О якобы датированных списках Стишного пролога XV в. С. 78—122.

²⁸ На основании помещенного в Тверском сборнике сообщения, что праздник в честь Леонтия был установлен в 1194 г., В. О. Ключевский считает нижней гранью написания рассматриваемой редакции жития Леонтия именно 1194 г. (См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. . . С. 11; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 201—202). Однако источником этого известия послужила, по-видимому, одна из поздних (кон. XV в.) редакций жития Леонтия (4-я по классификации В. О. Ключевского). Степень достоверности содержащихся в ней известий не ясна.

еще не следует, что именно Иоанн был автором (или заказчиком) *Тр.* Исследователь обратил внимание на то, что церковь святой Богородицы в 1204 г. была разрушена и гроб Леонтия перенесли оттуда в церковь Иоанна Предтечи. В 1213 г. церковь Богородицы восстановили. Но гроб Леонтия вновь перенесли туда лишь в 1230 (или в 1231) г.²⁹ В. О. Ключевский считал, что, если бы рассказ о чудесах у гроба Леонтия был написан после 1204 г., в нем обязательно упомянули бы о падении церкви святой Богородицы, временном переносе оттуда гроба Леонтия, восстановлении церкви Богородицы и вторичном переносе туда праха епископа. Но житие Леонтия призвано было прославить этого чудотворца, а не служить хроникой из истории той церкви, в которой покоился прах святого. Поэтому рассказ о «чудесах» у гроба Леонтия в церкви Богородицы мог быть написан не только до 1204 г., но и после 1230 (1231) г. В то же время, в 1204—1231 гг., когда прах Леонтия покоился в церкви Иоанна Предтечи, *Тр.* возникнуть не могла: в ее тексте прямо указано, что гроб Леонтия и «ныне» (т. е. в момент создания *Тр.*) стоит в церкви Богородицы. Датировка *Тр.* временем после 1230 (1231) г. вероятнее, чем ее отнесение к концу XII—началу XIII в. В тексте дважды упомянут «князь»: «и в державу и в победу христолюбивому князю», «ему же предстояша за праведного и христалюбивого нашего князя». До 1212 г. владимирским, суздальским и ростовским князем был Всеволод Юрьевич. Но едва ли его имело в виду житие. Всеволод Юрьевич был «великим князем».³⁰ И *Тр.*, которая составлялась, вероятнее всего, в кругах, близких к ростовской владычной кафедре (где довольно внимательно относились к титулатуре князей), думается, назвала бы Всеволода именно так, если бы подразумевала его. Под «князем» скорее мог подразумеваться ростовский правитель. Ростовское княжество возникло в 1207 г., когда Всеволод выделил Ростов в удел сыну Константину.³¹ Но до смерти Всеволода в 1212 г. самостоятельный политический статус Ростовского княжества был скорее фикцией, чем реальностью. Очевидно, *Тр.* едва ли могла быть написана до 1207—1212 гг.

Итак, наиболее вероятно написание *Тр.* после 1230 (1231) г. — возможно, вскоре после перенесения мощей Леонтия во вновь построенную церковь Богородицы (событие, которое не могло не оживить интерес к этому ростовскому чудотворцу). В то же время *Тр.* едва ли могла появиться после 1331 г. В 1316—1331 гг. Ростовское княжество было поделено между двумя князьями (Константином и Федором) и в дальнейшем обычно имело нескольких правителей. Хотя преобладающее влияние имели потомки Константина, потомки Федора также сохраняли права на часть земель Ростовского княжества.³² И говорить о «христолюбивом князе» (как в *Тр.*) уже не приходилось. Речь должна была бы идти о «христолюбивых князьях» (именно так, во множественном числе, говорится в более поздних — конца XIV—XV вв. — редакциях жития Леонтия). Интересно, что в *Тр.* читается рассказ о божьей каре, постигшей клирика, который пытался затушить свечи у гроба Леонтия. По-видимому, в момент составления этой редакции кое у кого еще были сомнения в святости Леонтия.

На основе переработки и компилирования *Тр.* с другими редакциями жития Леонтия сложилось несколько ее вариантов, подробное изучение которых — задача особого исследования. Один из таких особых вариантов

²⁹ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 9—11; ПСРЛ. Т. 1. С. 185, 220; Т. 15. Стб. 294, 313, 314; Т. 20, ч. 1. С. 155; Т. 23. С. 60, 64, 73; Т. 24. С. 85, 86, 92; Т. 25. С. 104, 110, 125.

³⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 400—436; Т. 2. Стб. 666, 674—675.

³¹ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 98.

³² См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238—1505 гг.). СПб., 1891. Т. 2. С. 18—49; Кучкин В. А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 185—193; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 151—174.

Тр. читается, в частности, в Никоновской летописи (*Ник.*), митрополичьем своде конца 20-х гг. XVI в.,³³ под 1161 г. Митрополичьи летописцы подвергли текст *Тр.* определенной стилистической правке, в ряде случаев по-своему осмыслили и осовременили его содержание.³⁴

Автор *Тр.* использовал, как уже отмечалось, в качестве источника *Син.*, текст которой лег в основу рассказа об обретении тела Леонтия по *Тр.* В числе вставок, включенных автором *Тр.* в этот рассказ, возможно, была фраза из летописи о чудной деревянной церкви в Ростове, сгоревшей во время пожара. При создании рассказа о перенесении гроба епископа в церковь Богородицы и о двух «чудесах» в ней была использована проложная (входящая в Пролог 1-й и 2-й редакций) редакция жития великого князя Владимира:

Троицкая редакция
жития Леонтия Ростовского

Тем же, братие, не ленитесь почитти праздника сего и похвалите своего учителя, сице глаголюще: «Радуйся, светозарнаа звезда, омраченые просветивши и мъглу греховъную отгнавши идолския лъсти, и просветив святымъ крещением и омыв банею святого духа и веровати научив в святую и единосушную Троицу, отца и сына и святого духа, своа люди научи. Радуйся, ревнителю святыхъ апостол, искоренителю бесовския лъсти. Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Костянтина царя, Киевская земля — Володимира князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажает, сътворшаго дело, равно апостоломъ».

Проложная редакция
жития великого князя Владимира

Да како ты возможем по достоянию похвалити, створшаго дѣло равно апостолом. Хвалит убо Римская земля Петра и Павла. Ася Богословца Иоана, египетская Марка, Антиохийская Лука, а Грѣцкая Андрѣя. Вся же Руская земля тебе, Володимере, яко господня апостола, молебными дѣсми память твою празднующе. Похвалныя вѣнца приносим ти, глаголюще: «Радуйся Володимере, приемый вѣнцѣ от вседержателя бога. Радуйся, святая главо, бою и учителю наш, им же избывше от тмы свѣт познахом. Радуйся, честное древо самого рая, иже возрасти нам святѣмъ лѣторасли святую мученику Бориса и Глѣба, от нею же нынѣ сынови русии насыщаются, приемлюци недугом исцеление. Радуйся дѣлтелю веры Христовы, растерзав лестное терние и раздрусав, взора в крещениемъ всю землю и насьяв святыми книгами, от них же жнуть русѣи сынови полѣзныя руюкоти покаянию».³⁵

Создание *Тр.* оказало определенное влияние на древнерусскую литературу. Она вошла составной частью в более поздние редакции жития Леонтия. Кроме того, ее текст использовался и при создании житий других «чудотворцев». Так, близкий к *Тр.* вариант текста послужил главным источником для рассказа об обретении тела митрополита Алексея, включенного в написанную Пахомием Логофетом в конце 50—начале 60-х гг. XV в. древнейшую пахомиевскую редакцию жития Алексея.³⁶ В этом легко убедиться, сравнив тексты этих памятников.

³³ См.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

³⁴ См.: ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 230—231. — В *Тр.* имя предшествующего Леонтия епископа, который поставил деревянную церковь, не названо. По *Ник.*, это был Иларион. Андрей Боголюбский назван в *Ник.* «великим князем» (в *Тр.* — «князем»). В *Ник.* также указывается, будто епископ Иоанн установил празднование памяти Леонтия «благословениемъ Федора митрополита Киевского и всеа Руси» (отражение претензий митрополита Даниила на то, чтобы вопрос о канонизации святых решался бы только митрополитами) и будто при епископе Иоанне случилось «чудо» с пресвитером, загасившим свечу у гроба Леонтия (в *Тр.* имя епископа не названо).

³⁵ См.: С е р е б р я н с к и й Н. Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 16.

³⁶ См.: К у ч к и н В. А. Из литературного наследия Пахомия Сербя: (старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 242—258. — Текст рассказа об обретении тела митрополита Алексея цитируется по этому изданию (с. 215—252).

Житие Леонтия (Тр.)

Да сбудется реченое богом в святемъ еуангелии: «Не можетъ град, верху горы стоя, укрытися. Никто же, вжегъ свѣтилника, поставляеть его под спудом или под одромъ. Тако и сему наставнику и свѣтилнику, великому Леонтию, немощно на толико лѣтъ скровену быти под землею. Се же все бысть мудраго бога промысломъ. И копающе ров преднѣй стѣнѣ и обрѣтоша гроб. И бѣ покровен двѣма дѣскама. И людемъ недоумѣющемъ. И отверзоша гроб и видѣша лице великаго Леонтия свѣтящася, яко свѣтъ, и ризы его, яко вчера облечены, и свитокъ держаще в рудѣ своей, в немъ же бяху писани прозвитеры и диаконы, их же бѣ поставил своею рукою. О превеликое чудо, братие. Толикомъ летомъ минушемъ не измѣнися божественное тѣло его, но и ризы его не ислѣвша, паче же и гроб, в немъ же бѣ тело его пресвятое. Видѣвши же людие, възрадовашася радостію великою зѣло. И послаша вѣсть к князю Андрѣю, повѣдающе ему бывшее чудо преславное. Слышавъ же князь, и прослави великую мудрость божию. И моляся богу, глаголаше: «Владыко, господи Иусе Христе, что ти въздам за вся, яже еси въздал, яко в сей области и в моеи державѣ сподобил еси сичему скровищу откровене быти?» И поминаа спасенное слово, глаголющее, яко утаил еси се от премудрых и разумен и открыл еси младенцемъ. И посла въскорѣ гроб камен положити в немъ тѣло святого, идеже и доннѣ лежитъ, в церкви пресвятыя Богородица, сдѣвающе преславнаа чудеса и подаваа исцѣления приходящимъ с вѣрою к пречистѣй гощѣ Богородици и к святѣй рацѣ великаго Леонтия в славу Христу, богу нашему, и в державу и в побѣду христолюбивому князю.

Егда създаша церковь камену в Ростовѣ на мѣстѣ погоревшиа церкви повелѣниемъ благочестиваго господина, и царя, и князя нашего Андрѣа, онъ же приѣжавъ в Ростов, поклонися блаженому и святому тѣлу великаго Леонтия, глаголя: «Хвалю и славаю тя, господи боже мой, и пречистую и пресвятую матеръ твою, яко да сподобил мя еси сичего скровища в области моего царства явити ми. Уже ничимъ же оуженъ есмь благодати божиа и дара милости твоеа, владыко, о семь святѣмъ мужи, велицѣмъ Леонтии». И целова святоѣ тѣло великаго Леонтия и вси мужи его. И по семь поставиша и в рацѣ и на стѣнѣ, идеже и нынѣ лежит. И устрои свѣци велицы у гроба его. Иоанъ же епископъ праздновати устави мѣсяца маиа в 23 день. Многимъ же исцѣлениемъ цвѣтушимъ от гроба великаго Леонтия молитвами святого.

Житие Алексея

И начаша копати рвы въ основание церквьи, и абие обрѣтоша тѣло блаженаго Алексиа зѣло и невредимо, и ризы его не ислѣвше. О превеликое чудо! Толикымъ лѣтомъ минушимъ, святому въ гробѣ лежашу, не измѣнися святое его тѣло и ризы его, яко въчера оболчены, поне же убо да збудется реченное богомъ въ святомъ еуангелии: «Не можетъ град укрытися, верху горы стоя, никто же, вжегъ свѣтилникъ, поставляеть его под спудом или под одромъ». Тако сии. И сему свѣтилнику не мощно на толико лѣтъ скровену быти под землею. Се же все бысть всеумудраго бога промышлениемъ. И яко же слышано бысть святого обрѣтене, и се слышавше благовѣрный и христолюбивый великий князь Василей Васильевич и вси благовѣрнии князи приидоша скоро на дивное чудо и на обрѣтене тела святого. И пресвятѣйши же Фотѣе митрополите Киевскомъ и всея Руси и с нимъ же епископи и презвутеры и весь чинъ церковный приидоша съ псалмопѣниемъ и съ свещами и с кандилы, хвалу велию въздающе всемогущему богу и угодику его чюдотворцу Алексію. Народи же московстии мнози с радостію стекошася видѣти честное и святое его тѣло. И пришедъ же благовѣрный великий князь Василей Васильевич и всея Руси и вси благовѣрнии князи и видѣ такую славу божию и поклонися святому и божественному его тѣлу преподобнаго отца нашего Алексиа, възрадовася радостію великою зѣло и въздохнувъ из глубины сердца, глаголя: «Хвалю и славаю тя, господи боже мой, и пречистую и всенепорочную твою матеръ, яко сподобил мя еси, раба своего, в моя лѣта видѣти такое скровище, въ благодати дръжавы моеи явити ми. И яко же убо даль еси намъ второй источникъ благодатный въ градѣ нашемъ Москвѣ, творяща намъ дивная чудеса послѣднему роду нашему, но и не токмо же единому граду нашему, но и всѣмъ градомъ и странамъ, с вѣрою притекающимъ на таковаа и дивная чудеса и дара милости получитьи, владыко. Уже ничимъ же оужденъ есмь божиа благодати о сехъ святыхъ мужей. О преподобниче божий святителю нашъ чюдотворче Петре и святителю христовъ преподобне отче нашъ чюдотворче Алексіе! Не престай вкупѣ к господу молитися за ны и за вся вѣрныя рабы своя. Вы бо ести скорая помощника и заступника земли нашеи Рустѣй и стѣна необоримаа присному граду нашему Москвѣ». Великий же христолюбивый князь и всѣ с нимъ благовѣрнии князи и боляре и велможа их и вси московстии народи целоваста любезно святое его тѣло. И по семь церковь въздвижена бысть зѣло прекрасна, богу на се поспѣшествующу, и святого тѣло в рацѣ положиша въ предѣлѣ честнаго Благовещенна владычица наша богородица на десной странѣ, идѣ же суть видими святыя его мощи и доннѣ, всѣмъ исцѣления обилно подавающе.

Подведем итоги.

1. В 1160-х гг., видимо, возникли легенды об обретении мощей ростовских епископов XI в. Леонтия и Исаяи. Эти легенды понадобились для идеологического обоснования претензий Ростова на церковную независимость от Киева.

2. Легенда об обретении мощей Леонтия могла сразу же оформиться письменно — как древнейшая редакция жития Леонтия, близкая (или идентичная) к *Син.*, но могла в течение определенного времени бытовать и устно. *Син.* определенно была написана к тому времени, когда сложилась 2-я редакция Пролога (1. е., предположительно, к XIII в.), составной частью которого она была. Как мне кажется, она должна была существовать уже в конце XII—начале XIII в., когда установили празднование памяти Леонтия.

3. В XIII—начале XIV в. (скорее всего, около 1230 (1231) г. — в связи с повторным переносом тела Леонтия в церковь Богородицы) была составлена более поздняя редакция его жития — Троицкая: в ней к рассказу об обретении мощей Леонтия (отредактированному и дополненному) был добавлен рассказ о чудесах при гробе Леонтия.

Позднее, в XIV—XVI вв., житие Леонтия сохраняло свою значимость как важное средство церковно-политической борьбы. Об этом говорят новые редакции памятника, составленные в конце XIV—XVI в. Их изучение — задача специального исследования.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Т е к с т С и н о д а л ь н о й р е д а к ц и и

Съ бѣ блаженный Левонтий Костянтинаграда рожа и възпитание. И за премногую его добродѣтель епископом поставлен бысть Ростову. Занѣ преже бывшии ту епископи Феодор и Ларион и збѣгоше, не терпяще невѣрствия и многодосажения людии. Се же блаженный, укрѣпився силою крестною и помощью святыа Богородица и многим пощениемъ и бдѣниемъ и научи я вѣровати Христови и чудеса преславная сдѣяв, от них же едино вмалѣ скажемъ. Святому прилежащу учению, и наказующу в церкви, и ласкающе младыа дѣти отступити от лъсти идолския и вѣровати в свяую Троицу, отца и сына и святого духа, им же бо старии омрачившеся невѣрствиемъ своимъ, не внимаху учению его, яко же сам истина Христос рече: «Яко вино ново в новы мѣхы вливати, и обое съблюдется. Аще ли вино ново в ветхы мѣхы влеють, и мѣси просядутся и вино прольется, и обое погыбнетъ». Се же блаженный оставле старыа, младенца учаше. ||

4. 102 об. Абие устремихися невѣрнии на святопомазаную его главу, ови с оружиемъ, а друзии с дреколием, яко изгнати из града и убити и. Епископъ же нимало не смутися, но паче укрѣпляше суцая с ним прозвутеры и диаконы, глагола к ним: «Чадца, не убоитесь нахожения их, не могут бо нам что без божия поущения створити». И абие облечеса в священныа ризы и повелѣ прозвутером и дяконом облещися в ризы. И яко придоша, и видѣша лице его, яко ангелу. И абие падоша, яко мертви, а друзии ослѣпоша. Но святыи молитвою цѣлы и здравы встави я и научи вѣровати Христови, и кръстив я во святую Троицу. И ина много чудеса памяти достойна створи и к господу, его же изъмлада, Христа, възлюби, с миром отиде. И положено бысть святое его и честное тѣло в церкви пресвятыа Богородица, яже бѣ создалъ преже бывшии его епископ. По семь многимъ лѣтомъ минувшем по божию поущению загорѣся город Ростов, и погорѣ мало не весь град. И церкви погорѣ святыа Богородица. И повелѣ благовѣрныи князь Андрѣй, сын великаго князя Георгия, внук Володимерь, создати церковь камену во имя Пресвятыа Богородица на мѣстѣ погорѣвшиа церкви. И начаша копати ровы. И обрѣгоша множество мертвых,

идеже обрѣтоша блаженаго Исаия. И бѣ церкви мала основана. И начяша людѣ молитися князю, дабы повелѣл болшою церковь заложити. И умолен быв, повелѣ воли их быти. Се же все бысть. Да сбудеться богом рече||ное в святем еуангелии: «Не можетъ град укрытися, верху горы стоя. ^{л. 103} И никто же, вжег свѣтилника, поставляетъ его под спудом или под одром». Тако и сему наставнику и свѣтильнику немощно на толико лѣт скровену быти под землю. Се же бысть все мудраго бога промысломъ. И копающим ров предней стѣнѣ, и обрѣтоша гроб. И бѣ покровен двѣма досками. И людем недоумѣющимися. И отверзоша гроб, и видѣша лице его, яко свѣт свѣтящся, и ризы его, яко вчера облечены. О великое чудо, братие. Толикым лѣтом минувъшем, не измѣнися святое тѣло его, но и ризы его не истлѣша, паче и гроб, в нем же бѣ тѣло его. Видѣше же людие, възрадовашася радостию великою зѣло. И послаша вѣсть ко князю Андрѣю, повѣдающе ему бывшее чудо преславное. Слышав же князь, и прослави великую мудрость божию. И, моляся богу, глаголаше: «Владыко, господи, Исус Христе, что ти въздам за вся, яже ми еси vzdal, яко в сей области, в моей державѣ, сподобил еси сичему скровищу откровену быти?» И поминая спасенное слово, глаголющее, яко утаил еси от премудрых [и] разум открыл еси младенцем. И посла въскорѣ гроб камен, положить в нем тѣло святого, идеже и донинѣ лежитъ в церкви пресвятыя Богородица, сдѣвающе преславная чудеса и подавая исцѣленья с вѣрою приходящим к пречистѣй Богородице и к святѣй рацѣ его в славу Христу, богу нашему.³⁷

(ГИМ, Синодальное собр., № 246, л. 102—103, 2-я пол. XIV в.)³⁸

Текст Троицкой редакции

В тот же день слово о обрѣтении честнаго тѣла святого Леонтия, епископа Ростовскаго

Сий бѣ блаженный Костянтинаграда рожка и възпитание. И за премногую его добродѣтель поставлен бысть епископом граду Ростову. Им же преже бывшии ту епископи Феодор и Ларион и || збѣгоша, не терпяще невѣрства ^{л. 280 об.} и многодосажения людиа. Се же блаженный великий Леонтий, укрѣпился силою крестною и помощью пресвятыя Богородица, многым пощением и бдѣнием и научи я веровати Христови и чудеса преславна сдѣвав, от них же едино в малѣ скажем. Святому убо прилежащу учению, и наказующу в церкви и ласкающу младыа дѣти отступити от лъсти идолска и вѣровати в святую Троицу, отца и сына и святого духа, поне же бо старии омрачившися невѣрством своимъ, не внимаху учению великаго

³⁷ В некоторых рукописях далее следует: «и в державу и в победу христолюбивому князю нашему» (ГБЛ, Тр., № 761; Рум., № 321; Никиф., № 14; ГИМ, Увар. (1^о), № 693), «и в державу и в победу христолюбивым князем нашим» (ГБЛ, Тек. пост., № 420; Олон., № 2; Овч., № 243; ГИМ, Увар. (1^о), № 76), «и в державу и в победу христолюбивому князю нашему Андрею» (ЦГАДА, ф. 181, № 713), «в славу царю нашему» (ГБЛ, Прянишников, № 85; Муз., № 1815), «в державу и в победу христолюбивому царю» (ГБЛ, Никиф., № 250).

³⁸ Списки: 1486—1487 гг. — ГБЛ, Тр., № 761, л. 227—231 об.; кон. XV—нач. XVI в. — ГБЛ, Рум., № 321, л. 251—253; Пискарь, № 92, л. 245—247; Больш., № 191, л. 242 об. (дефектный список); ГИМ, Щук., № 99, л. 534 об.—535; Чуд., № 304, л. 219 об.—221; ГПБ, Тит., № 753/895, л. 193 об.—195; ЦГАДА, ф. 181, № 651, л. 231—232 об.; № 713, л. 154 об.—156; ГИМ, Увар. (1^о), № 240, л. 186—188 об.; (1^о), № 693, л. 335—337; ГБЛ, Олон., № 2, л. 143 об.—145; ГПБ, Соф., № 1345, л. 134 об.—136; 2-я пол. XVI в. — ГИМ, Увар. (1^о), № 680, л. 248 об.—250 об.; ГБЛ, Тек. пост., № 420, л. 73—74 об.; № 207, л. 279—280 об.; Овч., № 243, л. 278 об.—280 об.; Никиф., № 536, л. 168 об.—170; XVII в. — ГПБ, ОЛДП, ф. 242, л. 282 об.—284 об.; ф. 453, л. 194 об.—196 об.; ГИМ, Увар. (1^о), № 76, л. 231—233; (1^о), № 694, л. 143—144; ГБЛ, Больш., № 194, л. 257—259; Рогож., № 528, л. 166 об.—169; Прянишников, № 85, л. 242—244 об.; Усов., № 631, л. 393 об.—397; Никиф., № 14, л. 220—222; № 250, ч. 258—260; Муз., № 1815, л. 277 об.—279 об.

л. 281

Леонтия, яко же сам истина Христос рече: «Яко вино ново в новы мѣхы вляти, обое съблюдется. Аще ли вино ново в мѣхы ветхы, и меси просядутся и вино пролиется, и обое погыбнетъ». Се же блаженный оставль старца, младенца учяще. И абие устремшася невѣрнии на святопомазаную его главу, ови с оружиемъ, а друзии с дреколием, яко изгнати из града и убити и. Великий же Леонтий нимало убоися, но паче укрѣпляше сущая с ним прозвитеры и диаконы, глаголя к нимъ: «Чядца, не убоитесь нахождения ихъ, не могут бо нам сии без божиа поущения сътворити ничтоже». И абие облечеся в священныя ризы и повелѣ прозвитером и диаконом облещися в ризы. И як придоша, видеша лице его, яко ангелу. И абие падоша мертвии, а друзии ослепоша. Но великий Леонтий молитвою и цѣлы здравы вѣстави я и научи я вѣровати Христови и крести я в святую Троицу, и ина многа чюдеса памяти достойна створи к господу, его же изъмлада възлюби, с миром отиде. И положено бысть святое его и честное тѣло в церкви святыхъ Богородица, юже бѣ създал преже его бывший епископ, иже бѣ създана от древ дубовых, бяше же чюдна, ака же не бывала, ни потом не будетъ. И потом многимъ лѣтомъ минувшимъ по божью поущению загорѣся град Ростов, и погорѣ мало не весь. И церкви погорѣ пресвятыхъ Богородица. Богохранимый же князь Андрѣй, сын великаго князя Георгия, внукъ Володимеръ, повелѣ създати церковь камену в имя пресвятыхъ Богородица на мѣсте погорѣвшиа церкви. И начаша копати рвы. И обрѣтоша мертвыхъ множество, идеже обрѣтоша и блаженаго Исаию епископа. И бѣ церкви мала основана. И начаша людие молитися князю, дабы повелел болѣ церковь заложити. Едва же умоленъ быв, повелѣ воли ихъ быти. Се же бысть. Да сбудется реченое богомъ в святѣмъ евангелии: «Не можетъ град, веру горы стоя, укрытися. Никто же, вжегъ свѣтилника, поставляеть его под спудомъ или под одромъ». Тако и сему наставнику и свѣтилнику, великому Леонтию, немощно на толико лѣтъ скрону быти под землею. Се же все бысть мудраго бога промысломъ. И кошающемъ ровъ преднѣй || стѣнѣ, и обрѣтоша гроб. И бѣ покровен двѣма дѣскама. И людемъ недоумѣвающимъ. И отверзоша гроб, и видѣша лице великаго Леонтия свѣтящася, яко свѣтъ, и ризы его, яко вчера облечены, и свитокъ держаше в руце своей, в немъ же бяху написаны прозвитеры и диаконы, ихъ же бѣ поставилъ своею рукою. О превеликое чудо, братие. Толикомъ лѣтомъ минувшемъ не измѣнися божественное тѣло его, но и ризы его не истлѣша, паче же и гроб, в немъ же бѣ тѣло его пресвятое. Видѣвши же людие, възрадовавшася радостию великою зѣло. И послаша вѣсть к князю Андрѣю, повѣдающе ему бывшее чудо преславное. Слышавъ же князь, и прослави великую мудрость божью. И, моляся богу, глаголаше: «Владыко, господи, Исус Христос, что ти въздамъ за вся, яже ми еси въздал, яко в сей области и в моей державѣ, сподобил еси сичему скровищу откровену быти?» И поминаа, спасенное слово глаголюще, яко утаилъ еси се от премудрыхъ и разуменъ и открыл еси младенцемъ. И посла възкорѣ гробъ каменъ, положи^ати в немъ^б тѣло святого, идеже и доннѣ лежитъ, в церкви пресвятыхъ Богородица, сдѣвающе преславнаа чюдеса и подаваа исцѣления приходящимъ с вѣрою к пречистѣй госпожѣ Богородици и к святѣй рацѣ великаго Леонтия в славу Христу, богу нашему, и в державу и в побѣду христолюбивому князю.

л. 282

В тот же день слово о внесении телесе святого отца нашего Леонтия, великаго епископа ростовскаго, || в новую церковь и о мужи, исцѣлѣвшем у гроба великаго Леонтия

Егда създаша церковь камену в Ростовъ, на мѣстѣ погорѣвшиа церкви повелениемъ благочестиваго господина и царя, и князя нашего Андрѣа, онъ же, приѣхавъ в Ростов, поклонися блаженному и святому тѣлу великаго

^{а-б} Восстанавливается по тексту других списков.

Леонтия, глаголя: «Хвалю и славлю тя, господи боже мой, и пречистую и пресвятую мать твою, яко да сподобил мя еси сиего скровища в области моего царства явити ми. Уже ничим же оужен есмь благодати божия, и дара милости твоеа, владыко, о семь святѣмъ мужи, велицѣмъ Леонтии». И целова святое тѣло великаго Леонтия и вси мужи его. И по семь поставиша и в рацѣ и на стѣнѣ, идеже и нынѣ лежит. И устрои свѣщи великы у гроба его. Иоан же епископ праздновати устави месяца маиа в 23 день. Многимъ же исцѣлениемъ цвѣтущимъ от гроба великаго Леонтия молитвами святого. По нѣколицѣхъ же врѣменехъ приспѣ праздникъ святого и великаго Леонтия. На вечерни праздноваше людие отидоша. Вечер уже приспѣвшу, бысть в четвертую стражу нощи. Начаша пети ангели в церкви пресвятыа Богородица ростовскаа. И вѣста святой и великий чудотворецъ Леонтий из гроба. И възгоша ангели свещи у гроба чудотворнаго Леонтия. А сам святой Леонтий вземъ кадильницу, нача кадити по всей церкви. И обоня воня благоухаи || на всю церковь и весь град Ростов. Понамаревы же рано възбънувшу приде к дверемъ церковнымъ и въсхотѣ отворити. И виде свет пречюдень, и пение ангельская и святого Леонтия, стояща пред святою трапезою, руже свои горѣ въздвигша. Он же от страха паде на землю, не могый стояти. Надолзѣ же лежащу ему. По семь възвед очи свои, никого же не видѣ, но толико свеща горяща. И шед сказа вся си епископу. И начаша утренюю. И от того огня възгоша вся прочая свѣща. По отпѣнии же утреняа нѣкто от клирикѣ възсхотѣ угасити свѣща у целбоноснаго гроба святого отца нашего, великаго Леонтия. И шибен ангел, и бысть ослабленъ рукама и ногама, глухъ и нем, не могыйся ни двинути, но толико в помыслѣ сердца глаголаша: «О, госпоже владычице, Богородице, мати Христа бога нашего, помози ми, грѣшному своему рабу, и не погуби мена, нечистиваго, в безаконныхъ моихъ одержима, но подажь ми, госпоже, руку помощи и к свѣту възведи мя на покаание». По сем възведе очи к гробу, слезно на сердци моляше святого и великаго Леонтия и призываше святого на помощь. И по сем нача исповѣдати грѣхы своа к гробу, зря святого Леонтия. Людие же от страха, видѣвше чудо се, отидоша. Епископ же сего повѣле ту пустити. И бысть врѣмя литургия, начаша пѣти все по ряду. Оному же грѣхы || своа от рожения вся по ряду сказавшу. И нача молитися: «Отче святой, помилуй мя, грѣшнаго. Вем, милостиве, яко не презреть бог твоеа святыа молитвы. И прости мое съгрешения, дерзнувшу таковая истворити у твоеа святыа раки. Помилуй мя, пастырю и учителю наш, великий господине Леонтие». Си ему мыслию глаголищу, и ина болша сихъ. И егда начят диакон святое еуангелие глаголати, приде ему глас, глаголя: «Человеча, оставляють ти ся грѣсы твои». И вѣстав здрав. И поклонися цѣлбоносному гробу богоноснаго отца нашего, великаго Леонтия. Все же людие прославиша милосердаго бога и пречистую его мать, даровавшего такуюю благодать граду Ростову. Тем же и мы, братие, мужи и жены, унии и стари, истинное рождѣ винограда Христова, не лѣнимся свершати заповѣдий господнихъ, яже рече святыми апостолами. Здѣ бо апостоли не были, но учения претекоша конца, яко же рече Давид. В всю землю изидоша вѣщания ихъ и в конецъ вселенна глаголи ихъ. Да дѣлатель, и пастухъ, и стражъ нашъ възвеселится о нас пред богомъ, глаголя: «Се аз и дѣти мои, яже ми еси предал господи». Тѣмъ же, братие, не лѣнитесь почтити праздника сего и похвалите своего учителя, сие глаголюще: «Радуйся, свѣтозарнаа звездо, омрачена просвѣтивши и мѣглу грѣховную отгнавши идолския лъсти, и просвѣтивъ святымъ крещениемъ и омывъ банею святого духа, и вѣровати научи в святую и единосущную Троицу, отца и сына и святого духа, своа люди научи. Радуйся, ревнителю святыхъ апостол, искоренителю бѣсовския лъсти. Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Костянтина царя, Киевская земля — Володимера князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажаетъ, сътворшаго дѣло равно апостоломъ. Радуйся, яко укрѣпился еси надежею вѣчныхъ

л. 282 об.

л. 282

л. 282 об.

благ, с прежними почиваа святители, послѣдова бо учений их, и праву и всему правилу великаго Златоустаго, не стыдно предався за вѣру». Помоли же ся Христу богу, ему же предъстоиши за правовѣрнаго и христорлюбиваго князя нашего и за вся люди своа, и намъ испроси милость от бога и оставление грѣхов, славяше святую Троицю, отца и сына и святого духа нынѣ и присно, и в век.

(ГБЛ, Троицкое собр., № 715, л. 280—283 об., 1428—1429 гг.)³⁹

---

³⁹ Списки: 20-е гг. XV в. — ГБЛ, Тр., № 745, л. 94—98 об.; 1459 г. — ГИМ, Син., № 637, л. 110—116 об.; 60-е гг. XV в. — ГБЛ, Тр., № 762, л. 5—9 об.; 3-я четв. XV в. — ГПБ, Соф., № 1350, л. 242—244 об.; XVI в. — ГБЛ, Тр., № 716, л. 516 об.—522 об.; № 793, л. 174 об.—179; Унд., № 1254, л. 619—621 об. (дефектный список); ГИМ, Барс., № 1392, л. 50 об.—57 об.; Увар. (4^о), № 520, л. 30—34 об.; XVII в. — ГПБ, Пог., № 607, л. 247 об.—249 об.

М. Н. ГРОМОВ

К истолкованию апокрифа о сотворении Адама

В 1862 г. известным литературоведом А. Н. Пыпиным было опубликовано семь апокрифических сказаний об Адаме и Еве.¹ Среди них наше внимание привлекло «Сказание, како сотвори бог Адама».² Оно издано по рукописному сборнику XVII в. из собрания Румянцевского музея, описанному А. Х. Востоковым,³ но опубликовано неполностью и с некоторыми неточностями.⁴ В еще более сокращенном виде и с теми же неточностями «Сказание» помещено в хрестоматии Н. К. Гудзия,⁵ а также переведено по изданию в этой хрестоматии А. Л. Жовтисом на современный русский язык.⁶ Имеются и другие публикации этого текста.

Данный апокриф вкратце рассматривался А. Н. Пыпиным,⁷ Н. К. Гудзием,⁸ Э. Георгиевым⁹ и некоторыми другими исследователями, но специально обстоятельному анализу пока не подвергался. Между тем этот сравнительно небольшой по объему источник обильно насыщен философско-мировоззренческими образами и символами, характерными для средневековой литературы, и углубленное его рассмотрение могло бы прояснить отдельные особенности древнерусского мышления.

Текст апокрифа начинается с описания того, как Творец создал в «земли Маднамстей» первого человека: «... взем земли горсть ото осми частей: 1) от земли тело, 2) от камени кости, 3) от моря кровь, 4) от с(о)лнца очи, 5) от облака мысли, 6) от света свет, 7) от ветра дыхание, 8) от огня теп-

¹ Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Купелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 1—14.

² Там же. С. 12—14.

³ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 546.

⁴ Полный текст «Сказания» расположен на л. 147—176 (у А. Н. Пыпина указаны л. 147—177), а опубликованный — на л. 147—166. Неточности в публикации: вместо «от огня теплота» (л. 148 рукописи) — «от огня — оттепла» (с. 12 публикации); вместо «виде его гнусна измазанна» (л. 149) — «виде его мужа измазанна» (с. 12); вместо «древа плодовитая» (л. 163 об.—164) — «древа продовитая» (с. 14); в выражении «а в сем(ь) бо дне(й) обходит круг с(о)лн(е)чный» (л. 165) опущено последнее слово (с. 14) и т. д. Кроме того, иногда заменены или пропущены отдельные буквы, в других же местах, напротив, вставлены отсутствующие в рукописи буквы. Полный исправленный текст апокрифа см.: Апокрифическое сказание о сотворении Адама в составе сборника сер. XVII в. из Румянцевского собрания / Публ. М. Н. Громова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 76—81.

⁵ Последнее издание: Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков / Сост. Н. К. Гудзий. 8-е изд. М., 1973. С. 91—92.

⁶ Древнерусская литература: Хрестоматия / Сост. А. Л. Жовтис. 2-е изд. М., 1966. С. 82—84.

⁷ Пыпин А. Н. 1) Легенды и апокрифы в древней русской письменности // Вестн. Европы. СПб., 1894, март. С. 304—305; 2) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1: Древняя письменность. С. 425—426.

⁸ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 42—43.

⁹ Георгиев Э. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 87—88.

лота. . .»¹⁰ Апокрифические сочинения на этот сюжет были весьма популярны в средневековой письменности.¹¹ На Руси одно из них под названием «Вопросы и ответы, что от колика частей сотворен бысть Адам» (или именуется в виду все апокрифические толкования на данную тему?) было занесено в раздел «Книги отреченныя» общего списка запрещенных или не поощрявшихся для чтения сочинений, который содержится, в частности, в Кирилловой книге 1644 г.¹²

Вопрос о том, откуда взялись эти «части» и почему их число равняется восьми, заставляет обратиться к происхождению апокрифической литературы, к породившей ее эпохе, к влияниям, которым она подвергалась. Рассматриваемый текст относится к числу ветхозаветных апокрифов, сообщавших некоторые подробности о библейских персонажах, событиях и сюжетах, «недостаточно ясно охарактеризованных в канонических книгах».¹³ Возникнув в иудейской среде, возможно, среди ессеев, кумранцев, терапевтов и других оппозиционных официальному иудаизму общин, они подверглись дополнительным интерпретациям под воздействием многочисленных религиозно-философских школ и течений, существовавших в эллинистическую эпоху в Восточном Средиземноморье, и прежде всего гностиков, которым (по мнению Г. М. Шенке) «присуща тенденция сделать религию философией»¹⁴ и которые положили начало удивительному синтезу «мудрости Библии и мудрости Афин»,¹⁵ столь присущему средневековому христианскому миропониманию.

Так, предствление о восьми первоначалах можно связать с античным учением о четырех стихиях: воде, земле, огне и воздухе, названных Эмпедоклом «корнями вещей» и восходящих «к весьма древней традиции в истории античной мысли» (орфическим гимнам, поэмам Гесиода и Гомера).¹⁶ Эти четыре стихии, понимавшиеся как физическая основа вещей — «стойхейон» (στοιχεῖον) и как субстанциональное первоначало — «архэ» (ἀρχή), взаимодействуют под влиянием «двух космических сил, Любви (или Афродиты), с одной стороны, и Борьбы (или Ненависти), с другой»,¹⁷ образуя все многообразие бытия. Что касается пятой стихии — эфира, то она понималась в основном как небесная, нетленная стихия, отличная от четырех земных.

Позднее, ко временам Аристотеля, стали выделять не только четыре стихии, но и четыре всеобщих качества: тепло, холод, сухость и влажность.¹⁸ Соединение тех и других дало восемь первоначал, по-разному варьируемых в различных гностических школах. Об этом пишет, в частности, Ириней Лионский в своем сочинении «Об осмерице», где он критикует учение Валентина о восьми зонах, учение Секунда о четверице света и четверице тьмы и другие гностические концепции. О происхождении осмерицы Ириней, критикуя Маркосиана и его последователей, пишет следующее: «Сперва, говорят, произведены во образ вышней Четверицы

¹⁰ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 370, л. 147—148.

¹¹ См.: М о ч у л ь с к и й В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 75—91.

¹² Кириллова книга. М., 1644. Л. 7 об. второй пагинации.

¹³ См.: М е щ е р с к и й Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 183.

¹⁴ См.: Т р о ф и м о в а М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 25. — О гностицизме как социально-культурном явлении и его современных интерпретациях см. с. 15—58.

¹⁵ См.: А в е р и н ц е в С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 41.

¹⁶ См.: А с м у с В. Ф. История античной философии. М., 1965. С. 49—50.

¹⁷ С a h n С. H. Empedocles // The Encyclopedia of Philosophy. New York; London, 1967. V. 2. P. 497.

¹⁸ См.: E m m i n g e r A. Die vorsokratischen Philosophen nach den Berichten des Aristoteles. Würzburg, 1878. S. 76—78.

четыре стихии: огонь, вода, земля и воздух; и если к ним присовокупить их действие, как то: тепло и холод, сухость и влажность, то они представляют точное изображение осмерицы.¹⁹ Об этом же сообщается в «Ответах Афанасия Александрийского Антиоху», известных в древнерусском переводе уже в Киевской Руси (цитируется по списку XVII в.): «Четыре стихия ражаёт рекше теплое (θερμόν), и студеное (ψυχρόν), и сухое (ὑγρόν), и мокрое (ξηρόν).»²⁰ А в «Беседе трех святителей», привлекаясь М. Соколовым по списку из сербского пергаменного сборника П. С. Сречковича конца XIII—начала XIV в., указывается, что Адам создан «от осми чести четырех съставъ».²¹

Таким образом, выделение в апокрифе восьми частей, из которых был создан Адам, не является случайным и произвольным. Это подтверждается, во-первых, тем, что в разнообразных сюжетах на данную тему, распространенных в средневековой литературе, человеческое естество чаще всего связывается с четырьмя или восемью началами; во-вторых, прослеживается близость выделенных в античных и средневековых источниках природных субстратов, взаимопревращения и сочетания которых образуют сложное единство материального мира.

Анаксимен, выделивший в качестве первоосновы бытия «воздух», объясняет остальные «формы материи» его превращениями под влиянием тепла и холода. По истолкованию анаксименовой концепции Симплицием, воздушная первоматерия, «разрежаясь . . . становится огнем; сгущаясь же, она становится ветром, затем облаком, сгущаясь же еще более, <делается> водой, затем землей, потом камнями, <все> же прочее <возникает> из этих <веществ>».²² Фалес, выделявший в качестве первоосновы «воду», и Гераклит, отводивший подобную роль «огню»,²³ обосновывали их переход в другие стихии примерно по такой же схеме, включавшей в себя вышеперечисленные «основные материи»: «огонь», «воздух», «ветер», «облака», «воду», «землю» и «камни». В сравнении с нашим апокрифом точно совпадают взятые в качестве частей «огонь», «ветер», «облака», «камень»; «земля» упоминается как общее вещество — «взем земли горсть»; вместо воды в апокрифе указано «море», от которого происходит кровь; нет «воздуха», но добавлены «солнце» и «свет».

Человек, по единству макро- и микрокосма,²⁴ оказывался уменьшенным подобием мироздания, ибо тела людей «по своему существу сходны со вселенной» и «состоят из таких же по числу и сущности частей, как и мир».²⁵ Кости человека подобны камням, его плоть — земле, кровь — воде, дыхание — воздуху и т. д. Отсутствие полного совпадения восьми начал в античных источниках и средневековых памятниках вполне естественно, оно возникло за многие века развития исходной концепции в раз-

¹⁹ И р и н е й Л и о н с к и й. Против ересей / Пер. с лат. П. А. Преображенского. М., 1868. С. 79.

²⁰ К а р п о в А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 81 (ξηρόν и ὑγρόν переставлены здесь местами). Ср.: «. . . рекше от топла и стоудена, и соуза и мокра. . .» (К у е в К. Иван Александровит сборник от 1348 г. София, 1981. С. 249).

²¹ С о к о л о в М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1—5. С. 8. — Наиболее ранние русские списки «Беседы» известны в Ефросиновских сборниках XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088 и 22/1099). Версию о создании человека из семи элементов встречаем в апокрифической книге Еноха, известной на Руси с XII в. (См.: С о к о л о в М. И. Славянская книга Еноха праведного // ЧОИДР. 1910. Кн. 4, отд. 2. С. 151).

²² См.: М а к о в е л ь с к и й А. Досократики. Казань, 1914. Ч. 1: Дозлеатовский период. С. 52.

²³ Следует заметить, что «воздух» Анаксимена (ἀήρ) «воду» Фалеса (ὕδωρ) и «огонь» Гераклита (πῦρ) нельзя отождествлять с теми реальными феноменами, которые известны нам из эмпирического опыта. Они понимались древнегреческими мыслителями как «одушевленные существа, своего рода божества», наделенные энергией самодвижения. (К е с с и д и Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972. С. 30).

²⁴ См.: Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 38—83.

²⁵ М а к о в е л ь с к и й А. Досократики. . . С. XX.

личных исторических условиях. Это хорошо прослеживается при сравнении ряда средневековых текстов, в которых легенда о сотворении Адама дополнена новыми подробностями, довольно часто не совпадающими даже для близких друг другу произведений.

В «Беседе трех святителей», опубликованной А. Н. Пыпиным по рукописному сборнику XVII—XVIII вв., на вопрос: «От колких частей сотворен бысть Адам?» — дается от имени Василия Великого такой ответ: «От осми частей: 1) от земли тело; 2) от камня кости; 3) от Чермнаго моря кровь; 4) от солнца очи; 5) от облак мысль; 6) от востока дыхания власы; 7) от света дух; 8) сам Господь вдохнул ему душу и покори ему всяческая видимая и невидимая, в водах и в горах, на земли и по воздуху».²⁶

По списку «Беседы трех святителей» XVII в. из библиотеки Соловецкого монастыря, исследованному и изданному И. Я. Порфирьевым, имеем несколько иной вариант. На вопрос Григория Богослова о количестве «частей» или «ветров», привлеченных Творцом для создания Адама, следует ответ Василия Великого: от восьми. «Первая от земли тело, вторая от моря кровь, третья от солнца очи, четвертая от камени кости, пятое от облак мысли, шестое ото огня теплоту, седмое от ветра дыхание, от света свет, дух бо сам Господь в него вдохну».²⁷

В близком по характеру к «Беседе трех святителей» памятнике «Питаня и отповеди» (на украинском языке) в Боршевицкой рукописи 1713 г. снова имеем некоторое расхождение при общем совпадении: «Питаня. От колко части Адам сотворен? Отповедь. От осмих: 1 части од земли тело, 2 части <от> моря кров, 3 части од камене кости, 4 части од солнца очи, 5 части од облака мисли, 6 части од огня теплота, 7 части от ветра дыхание, 8 части од света бодрность. По сем сам вдихнув Г(оспо)дь дух свой с(вя)тый».²⁸

В переводном сочинении «Галиново на Иппократа» встречаемся с учением о четырех темпераментах.²⁹

Подобные примеры можно умножить. Они свидетельствуют о многообразии вариаций первоначальной концепции. При этом среди восьми пар связываемых вместе начал и их порождений обращает на себя внимание довольно устойчивое сочетание: «от облак — мысли». Правда, оно не везде присутствует, встречаются и другие истолкования. В британской рукописи X в. «Rituale ecclesiae dunelmensis» с облаком связывается «непостоянство ума».³⁰ В «Книге Еноха» по рукописи XVII в. «помысл» человека производится «от борзости аггельской и от облака».³¹ Встречается высказывание о том, что не мысль, а кости происходят от облака. Например, в рукописном сборнике конца XV—начала XVI в. из Румянцевского собрания Иоанн Богослов, отвечая на вопрос Григория Богослова: «От колк частей Адам создан?», сообщает: «. . . с(е)рдце от камени, тело от персти, кости от (о)блак. . .»³² А в болгарском «Разумнике» по рукописи XVI в. с облаком связывается разум, мысль же производится от ангельской быстроты, от смеха и плача человеческого: «. . . разумь его от облака. . . помысл его от бръзости аггелския, и от смеха и от плача».³³

²⁶ Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. . . С. 169.

²⁷ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС. СПб., 1890. Т. 52, № 4. С. 386.

²⁸ Франко І. Апокріфи і легенди з українських рукописів: Апокріфи есхатологічні. Львів, 1906. Т. 4. С. 18.

²⁹ См.: Змеев Л. Ф. Русские учебники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895. С. 242—245 (ПДПИ; Вып. 112).

³⁰ Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. С. 79.

³¹ Франко І. Апокріфи і легенди з українських рукописів: Апокріфи старозавітні. Львів, 1896. Т. 1. С. 50.

³² ГБЛ, ф. 264, Румянцевское собр., № 358, л. 281.

³³ Иванов И. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 260.

В целом же связь мысли человека с облаком в сочинениях на сюжет сотворения Адама из восьми частей довольно устойчива. Она могла породить представление о мысли как о чем-то легком, подвижном, парящем. «Отсюда мысль человеческая не прикреплена к телу, а свободно поднимается к небу, особенно тогда, когда человек думает о высоком».³⁴ И выражение «летая умом под облакы» из «Слова о полку Игореве» наглядно отражает это представление о мысли как удивительной способности человека духовно устремляться всюду, куда влечет его пытливый разум. О таком понимании процесса мышления древнерусским человеком свидетельствует один небольшой фрагмент (из цитированной выше рукописи) под названием «О уме философ рече». Ум, «в главе бо ему седящю», изображается как владыка тела, управляющий сердечными помыслами: «Ум бо бесплотн ес(ть), аще и умале теле, но обходит всю землю, и в н(е)-б(е)сныя прилетая. Кима крилома прелетает на высоту, коим ли путем приходит? Преходит въздух, и облакы, и вся планиты звездныя; и видит и соглядает разумныа ты доброты, и паки в теле обрящетьс(я)».³⁵

Что касается «привязывания» мысли к облаку, то оно, скорее всего, имеет своим источником ветхозаветную традицию. Этот символический образ (как и учение о стихиях) почерпнут из переводной литературы, обогащавшей древнерусское мышление архетипами различного, нередко весьма древнего, происхождения.

В Библии облако неоднократно предстает как особый покров, окутывающий бога, когда он общается с людьми; указуя на его присутствие, оно одновременно скрывает его, ибо видеть Творца людям не дано.³⁶ Об этом говорится в «Исходе», когда спасаемые израильтяне бежали из Египта: «Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы итти им и днем и ночью» (Исход, 13, 21). В пустыне Сина во время ропота богоизбранного народа «слава Господня явилася в облаке» (Исход, 16, 10). При вшествии Моисея на гору Синай «сошел Господь в облаке, и остановился там близ него» (Исход, 34, 5). При устройении скинии «покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию» (Исход, 40, 34). Облако выступает как зримый символ связи бога с людьми, как покров высшей мудрости и благодати, как посредник между небом и землей.

Этот символический образ проходит через всю Библию. Во «Второй книге Царств», в песне Давида описывается, как господь, восседающий на престоле, «мраком покрыл Себя, как сению, сгустив воды облаков небесных» (2 Царств, 22, 12). Елиуй в «Книге Иова» восхваляет могущество Вседержителя, который «повелевает свету блистать из облака Своего» (Иов, 37, 15). В одной из наиболее символических частей Ветхого завета — «Книге пророка Даниила» — сообщается о явлении будущего мессии в облачном одеянии: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему» (Дан., 7, 13).

В Новом завете образ облака в сакральном смысле встречается реже (Матф., 26, 64; Деян., 1, 9; Иуды, 12; и др.), но в наиболее насыщенном пророческими символами Апокалипсисе он вновь предстает с прежней силой: «И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому» (Апок., 14, 14). С облаком связана также сцена Пре-

³⁴ Лихачев Д. С. Монументально-исторический стиль древнерусских литератур // Славянские литературы. VIII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. дел. М., 1978. С. 124.

³⁵ ГБЛ, Румянцевское собр., № 358, л. 276—276 об.

³⁶ Этимологически «облако» в данном случае воспринимается как «облачение». В Книге Бытия по списку XIV в. читаем: «Егда облакы облакы на землю» (С р е з н е в с к и й, Материалы. Т. 2. Стб. 518). Облака понимаются как «одежда неба», как то, что покрывает его. См. у В. И. Даля: «Небо облачится, облака находят. . . Небеса облаками одеваются, радугой опоясываются» (Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 594—595).

ображения, описанная, например, в Евангелии от Луки: «Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный; Его слушайте» (Лук., 9, 34—35).

Клубящееся облако как символ связи неба и земли, бога и человека, истины и ее вопрошания — один из традиционных для средневековой культуры образов. Восседающим на облаке изображался в стенных храмовых росписях Саваоф; из облака появлялся благословляющий перст в иконах и миниатюрах рукописей; облака окружают ангельский сонм, взятых на небо праведников, все святые силы, что особенно впечатляюще выглядит в композиции Страшного суда. И в нашем апокрифе читаем: «. . . в той ж д(е)нь г(оспод)ь на облацех судити всему миру . . . и воздаст комуждо по делом его». ³⁷

Как сакральный символ, причастный вышней мудрости, облако порою связывается с Софией Премудростью и Параклитом, духом истины и Утешителем. В «Службе Софии» находим такие слова: «Бог премудростию своею землю основá, уготова же небеса мудростию. Положи облак во одеяние, и составив свет утренний, вратницы же адовы тоя видевше убояшася». ³⁸ Максим Грек, в творчестве которого тема Параклита занимает особое место, говорит об остужении страстей «облаком Параклитовым». ³⁹

С Максимом Греком связан перевод Толковой Псалтыри, где содержится построчное символическое истолкование всех 150 псалмов. В истолковании слов из 17-го псалма «Темна вода во облацех воздушных, ото облистания пред ним облацы проидоша» обнаруживаем следующие интерпретации. «„Исихиево (и Афонасиево)“: Облацы же пророцы глаголются, яко имеюще действия духа, их же вода темна сиречь неявна, прежде Спасова пришествия бываше». «„Кириллово“: Облацы же, яко же мню, гл(а)голет сими с(вя)тых ап(о)с(то)л и евангелист, иже по подобию облак еже с небесе низпосылающе слово, всю аки напаяют поднебесную, и плодovиту сотворяют». ⁴⁰

В данных интерпретациях с облаком сравниваются мудрейшие из людей, причастные духовной благодати, — пророки, апостолы, евангелисты. Как божественную влагу несут они в себе истинное учение, которое благодатным дождем льется с небес на землю, просвещая души людей. Христос при этом сравнивается с блистающей молнией, озаряющей всю Вселенную. В истолковании Дидима: «. . . до сих облак истинна блистает тем душам, вливающе слово духовное аки дождь неземный, но воздушный суть». ⁴¹ Идея о том, что «облацы суть проповедатели б(о)ж(е)с(т)венаго слова», содержится в истолковании того же 17-го псалма Кассиодором в Толковой Псалтыри Брунона Вюрцбургского, переведенной Дмитрием Герасимовым. ⁴²

С облаком связывались не только мысль и благодать, но порою и сам разум, как это видно по списку «Измарагда» XVI в.: «. . . мысль ему даде от скорости анг(е)лския . . . разум его от облака». ⁴³ Представление о том, что высшее, «словесное», разумное начало в человеке связано с горним миром посредством облака в некоторой степени дожило до Нового времени, но преимущественно в тех социальных кругах, которые ориентировались на средневековые источники. Например, духоборы в XIX в., имевшие близкое к апокрифической легенде представление о сотворении человека, считали, что «. . . тело в человеке от земли, кости

³⁷ ГБЛ, собр. Румянцева, № 370, л. 165 об.—166.

³⁸ Ф л о р е н с к и й П. Служба Софии Премудрости Божией // Богословский вестн. Сергиев Посад, 1912. № 2. С. 8.

³⁹ Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 150.

⁴⁰ Рукопись конца XVI в. — ГИМ, Синодальное собр., № 156, л. 147—147 об.

⁴¹ Там же. Л. 148.

⁴² Рукопись XVII в. — ГИМ, Синодальное собр., № 305, л. 85—85 об.

⁴³ Т и х о н р а в о в Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 448.

от камня, жилы от кореня, кровь от воды, волосы от травы, мысль от ветра благодать от облака».⁴⁴

Однако мысль человеческая связывалась с облаком не только в связи с понятием «вышнего», «горнего», удаленного от земли. Облако порою служило символом текучести, неустойчивости, изменчивости мятущейся человеческой души. В сербском «Разумнике» по списку XV в. мудрость человека связывается с солнцем, а его непостоянство — с облаком: «. . . аще ес(ть) от с(о)лнца семе, то будеть мудрь умень; аще ли ес(ть) от облака семе, то прельство. . .»⁴⁵

Более ярко эта идея выражена в «Свитке Иерусалимском», записанном П. А. Бессоновым на основе устного сказания в XIX в. и близком по содержанию знаменитой «Голубиной книге». В перечислении «частей» согласно ветхозаветному апокрифу обращает на себя внимание сравнение мыслей человеческих с облаками (во множественном числе), увлекаемыми воздушной стихией:

Как оболыци ходють на небеси, ветром и ненастьем,
Такожда в человеке ходють мысли худья и добрыя;
От добраго разума душа воскресаеть,
От худаго разума душа погибаеть;
За добрым пошол, — добро и будет,
За худым пошол, — пропал во веки.⁴⁶

В данной интерпретации проступает более натуралистическое, нежели сакральное, истолкование связи «мысль—облако». И здесь дело, пожалуй, не столько в преобладании элементов обыденного сознания у представителей простонародья — «калик переходжих», сколько в постепенном «тускнении» некогда ярко сиявших средневековых символов в секуляризованной культуре Нового времени. Символический способ глубокомысленного истолкования бытия постепенно уступал место рациональному его анализу, таинственные символы превращались в рассудочные аллегории, в чисто художественные метафоры и олицетворения.

В заключение для полноты картины следует сказать, что в канонических и апокрифических источниках наряду с символическим истолкованием облака часто встречаются другие интерпретации его как многозначного образа, да и само слово «облако» в средневековой литературе представлено весьма полисеманлично: в различных контекстах оно используется от явно эмпирического описания природных явлений до попыток иносказательного выражения сокровенных тайн бытия.

Рассмотрение лишь нескольких строк «Сказания» убедительно показывает, насколько насыщен глубокими образами и символами этот памятник, несущий в себе синтез «мудрости Библии и мудрости Афин». Заслуживают внимания также содержащиеся в нем символические истолкования имени Адама; семи дней его пребывания в раю, прообразующих жизнь человека и всю историю человечества; сотворенных дьяволом семидесяти недугов и другие зашифрованные во внешне незатейливую форму народного предания глубокие символические образы средневекового сознания. Подобные апокрифы наряду с разнообразным воздействием на читательскую среду служили формированию своеобразного «онтологического и морального бесполойства»,⁴⁷ порождали интерес к смыслу человеческого существования, к тайнам бытия. Что касается предложенного в данной статье объяснения эзотерического смысла нескольких строк апокрифического «Сказания», то оно выдвинуто пока как гипотеза, требующая для своего подтверждения (или опровержения) дальнейших углубленных исследований.

⁴⁴ Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 31.

⁴⁵ Тихонов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 444.

⁴⁶ Бессонов П. А. Калики переходжие. М., 1864. Вып. 6. С. 73.

⁴⁷ Naumov A. E. Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowianskiej. Wrocław etc., 1976. S. 75.

Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе

В памятниках древнерусской литературы с древнейших времен встречаются известия о «Железных вратах». Проблема их местонахождения вызывает серьезные затруднения, так как сведения о Железных воротах не сопровождаются точными географическими ориентирами. Согласно общепринятому мнению далеко не в каждом известии о них речь идет о Дербенте, поскольку Железных ворот было несколько: на Балканах в среднем течении Дуная, в горах Средней Азии близ Термита, на Кавказе (Дарьяльское ущелье), в Заволочье (Чудская земля) и т. д. Поэтому исследователи локализуют упомянутые в одном и том же памятнике Железные ворота к разным местностям, не принимая во внимание характеристику этого топонима в целом в памятниках древнерусской литературы. По этой причине комментарии к Железным воротам в изданиях летописей и некоторых других памятников страдают досадными противоречиями, на которых мы остановимся ниже. Между тем только после тщательного анализа сведений о Железных воротах можно получить достаточно прочные основания для их идентификации. Прodelать эту работу мы и ставим своей целью в данной статье.

Древнейшее известие о Железных воротах содержится в Софийской I и Новгородской IV летописях под 6540 г. (I III 1032—28 II 1033 гг.): «...и тогда же Улеп изыде из Новагорода за Железная врата, и опять мало их прииде».¹ Эта запись восходит к общему источнику этих летописей — Новгородско-Софийскому своду 1430-х гг. (свод 1448 г.).

В комментариях к упомянутым Железным воротам в томах ПСРЛ их обычно помещают в Чудской земле, основываясь на мнении П. С. Савельева, полагавшего, что поход новгородцев был направлен в Заволочье, где на р. Сыsole находится урочище Железные ворота.² Однако эта точка зрения основывается лишь на логических построениях и не подтверждается источниками.

В анонимной «Истории Дербенда», написанной около 1106 г. и дошедшей до нас в труде турецкого историка XVII в. Ахмеда ибн Лютфуллаха (Мюнеджжим баши),³ мы находим свидетельство о знакомстве русских с Дербентом уже в конце X—начале 30-х гг. XI в. В этом источнике для нас представляет интерес сообщение под 424 г. (7 XII 1032—25 XI 1033 гг.) о том, что русские и аланы вознамерились отомстить дербентскому эмиру Мансуру ибн Маймуну за разгром, учиненный им в предыдущем году.

¹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 2. С. 126; Пгр., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 113.

² Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. С. СХIII, СХIV, примеч. 208; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 62. См. также Указатели географических названий в томах ПСРЛ.

³ См.: Миорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 13—17; Шихсаидов А. Р. К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда» // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 236—252.

Они собрались вместе и направились к Дербенту, но были разбиты у Караха. Погибло много русских и аланов.⁴

Как видно из сравнения сведений русского и дербентского источников, речь идет об одном и том же событии — походе русских, в числе которых были новгородцы во главе с Улебом, на Железные ворота — Дербент в 1032—1033 гг.⁵

Второе упоминание о Железных воротах мы имеем в Ипатьевской летописи под 1201 г., в Галицко-Волынской летописи XIII в., где рассказывается о том, как Владимир Мономах изгнал половецкого князя Отрока с его ордой «во Обезы, за Железная врата».⁶

Советские исследователи установили, что вплоть до XVI в. топоним «Обезы» обозначал в русской исторической литературе первоначально Абхазское царство, а затем собственно Грузию.⁷ В то же время нет единого мнения в отношении местонахождения упомянутых Железных ворот. Большинство исследователей идентифицируют их с Дарьялом,⁸ опираясь на сообщение сборника грузинских летописей Картлис Цховреба о том, что царь Давид Строитель заключил мир между половцами и аланами и провел своего тестя Отрока с его ордой в Грузию «через крепости Дариальские и все врата Оветии и Кавказских гор».⁹

Несомненно, что русская и грузинская летописи рассказывают об одном и том же событии — переселении в Грузию в 1-й четверти XI в. половецкой орды хана Отрока. Тем не менее идентичность Железных ворот с Дарьялом вызывает сомнение. Дело в том, что слова «за Железная врата» являются пояснением к «во Обезы», обращенным к русскому читателю, который должен был уяснить себе, что Обезы (Грузия) находились за Железными воротами, которые, как видели выше, уже с конца X—начала 30-х гг. XI в. обозначали Дербент.

Со времен В. Н. Татищева существует точка зрения, в соответствии с которой Железные ворота отождествляются с Дербентом,¹⁰ но она не встретила поддержки ни в русской, ни в советской литературе. Мы не можем согласиться с утверждением Н. Ф. Котляра о том, что, с точки зрения южнорусского летописца (в случае отождествления Железных ворот с Дербентом), «изгнать за Железная врата» означало «загнать Отрока в Каспийское море». Если смотреть не на карту, а на показания источников, мы увидим, что в XII—XIII вв. при грузинских царях Давиде Строителе, Деметре, Георгии III и царице Тамар Дербент и Ширван находились под политическим покровительством Грузии, которая вследствие этого простиралась от Черного моря до Каспийского.¹¹ В этой связи у русского

⁴ См.: М и н о р с к и й В. Ф. История. . . С. 54, 70, 71, 100, 150—154.

⁵ В Новгородской V летописи, Никоновском своде и Степенной Книге под 6537 г. (I.III.1029—28.II.1030 гг.) говорится о походе Ярослава Мудрого на ясов (аланов) и победе над ними (ПСРЛ. Пгр., 1917. Т. 4, вып. 1, ч. 2. С. 116; М., 1965. Т. 9. С. 79; СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 170). По всей вероятности, именно к этому времени восходит русско-аланский союз начала 30-х гг. XI в., о котором сообщает «История Дербента».

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Стб. 715, 716.

⁷ Критический анализ предложенных гипотез см.: П а н а с к и р и А. Л. К вопросу образа «обежания» // Сухумский пед. ин-т: Сб. ст. Сухуми, 1970. С. 174—188; Ц у л а я Г. В. «Обезы» по русским летописям // Сов. этнография. 1975. № 2. С. 99—105; П а н а с к и р и З. В. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982. С. 82—104.

⁸ Н. Ф. Котляр отождествлял эти ворота с «одним из проходов в западной части Кавказского хребта» (Половцы в Грузии и Владимир Мономах // Из истории украинно-грузинских связей. Тбилиси, 1968. С. 17, 18), Н. П. Маргулия — с Мамисонским перевалом (К вопросу о переселении половецких орд в Грузию // Из истории украинно-грузинских связей. Киев, 1971. С. 46, 47), Г. В. Цулая — с Клухорским перевалом («Обезы». . . С. 101).

⁹ П а н а с к и р и З. В. У истоков. . . С. 57.

¹⁰ Т а т и щ е в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 241, 311.

¹¹ См.: П а н а с к и р и З. В. У истоков. . . С. 60—66, 72, 74—76; Ц у л а я Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1980. Т. 7. С. 200, 201, 206, примеч. 46.

летописца XIII в. сложилось убеждение в том, что Обезы (Грузия) располагались за Железными воротами — Дербентом.

Третье сообщение о Железных воротах содержится в «Повести о Михаиле Тверском», написанной в 1319—1320 гг. Автор сообщает, что тверской князь был казнен в Орде 22 ноября 1318 г., пробыв в заключении и ожидании смерти «за рекою Терком, на реце на Севенци <вар. Севенчи>, под городом Тютяковым, минувши горы высокия Ясския, Черкасския, близ врат Железных».¹²

Этот текст служит основным источником для исследователей, задавшихся целью найти ясский г. Дедяков (Тютяков).¹³ При этом в зависимости от того, отождествлялись ли упомянутые Железные ворота с Дербентом или с Дарьялом, этот город искали в Южном Дагестане или в Северной Осетии.

Большинство современных исследователей помещают Дедяков на месте крупнейшего аланского городища на левом берегу Терека около с. Эльхотово, известного в науке под названием Верхний Джулат (Татаргуп).¹⁴ Нам кажется неубедительной позиция тех исследователей, которые не отождествляют месторасположение Дедякова и место убийства Михаила,¹⁵ поскольку автор «Повести о Михаиле Тверском» определенно указывает место гибели этого князя в непосредственной близости от г. Дедякова.¹⁶

Следует отметить, что локализация Дедякова на месте Верхнего Джулата не соответствует той географической ситуации, которая сопутствует упоминанию этого города в «Повести о Михаиле Тверском».¹⁷ В то же время, следуя общепринятому отождествлению р. Севенци с р. Сунжей,¹⁸ невозможно локализовать Дедяков на городище Алхан-кала, расположенном на левом берегу р. Сунжи,¹⁹ поскольку на нем не обнаружен культурный слой XIII—XIV вв.²⁰ Что касается локализации Дедякова в Приморском Дагестане у Дербента, то эта точка зрения вызывает серьезное возражение.²¹

¹² К у ч к и н В. А. 1) Где искать ясский город Тютяков? // Изв. Северо-Осетинского науч.-исслед. ин-та. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 171, 172; 2) Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 156—168, 211—265.

¹³ Историю изучения вопроса см.: П ч е л и н а Е. Г. О местонахождении ясного города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 114. С. 152—156.

¹⁴ К у ч к и н В. А. Где искать ясский город Тютяков? С. 176—183; К р у п н о в Е. И. Еще раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 292—297; В и н о г р а д о в В. Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «славном граде яском Дедякове» // Учен. зап. Чечено-Ингушского пед. ин-та. Сер. историч. наук. Грозный, 1968. Вып. 8, № 26. С. 62—70; К у з н е ц о в В. А. 1) Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 157—163; 2) Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 260—262; М а м а е в Х. М. О городе Дедякове и Алханкалинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 112—117; Е г о р о в В. Л. Историческая география Золотой орды XIII—XIV вв. М., 1985. С. 121, 194, 198, 214.

¹⁵ См.: К у ч к и н В. А. Где искать ясский город Тютяков? С. 174, примеч. 2; В и н о г р а д о в В. Б. Еще раз. . . С. 62, 63; К у з н е ц о в В. А. Алания в X—XIII вв. С. 158; М а м а е в Х. М. О городе Дедякове. . . С. 115.

¹⁶ См.: В а г а п о в Я. С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении аланских городов Ма'ас и Дедякова // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 20, 21.

¹⁷ См.: П ч е л и н а Е. Г. О местонахождении. . . С. 154, 155; М а р к о в и н В. И., О ш а е в Х. Д. О местоположении ясного города Дедякова: (По следам археологических исследований) // СА. 1978. № 1. С. 86, 87, 90, 92.

¹⁸ См.: П ч е л и н а Е. Г. О местонахождении. . . С. 156; В и н о г р а д о в В. Б. Еще раз. . . С. 63; К у з н е ц о в В. А. Алания в X—XIII вв. С. 157, 158; М а р к о в и н В. И., О ш а е в Х. Д. О местоположении. . . С. 85; М а м а е в Х. М. О городе Дедякове. . . С. 113.

¹⁹ См.: М а р к о в и н В. И., О ш а е в Х. Д. О местоположении. . . С. 83—92.

²⁰ См.: К р у п н о в Е. И. Еще раз о местонахождении. . . С. 294; В и н о г р а д о в В. Б. Еще раз. . . С. 68, 69; К у з н е ц о в В. А. Алания в X—XIII вв. С. 160; М а м а е в Х. М. О городе Дедякове. . . С. 115, 116.

²¹ К у ч к и н В. А. Где искать ясский город Тютяков? С. 177.

Таким образом, мы можем признать проблему местонахождения Деякова открытой, а идентичность Железных ворот с Дарьялом сомнительной.

Автор «Повести о Михаиле Тверском», очевидно, не случайно упомянул Железные ворота. Они стояли на том же самом пути, по которому двигалась орда Узбека, намереваясь вторгнуться во владения иранского ильхана Абу-Саида. Судя по сведениям персидских историков Вассафа (начало XIV в.) и автора «Продолжения Сборника летописей Рашид ад-дина» (1-я половина XV в.), орда Узбека появилась на Северном Кавказе со стороны Половецкой степи и направилась по «Дербентской дороге». Затем она стремительно прошла Хазарскую степь между Терекем и Дербентом²² и прорвалась в Иран. Внезапность ее вторжения объясняется тем, что лезгинь не сообщили эмиру Тарамтазу, охранявшему Дербентский проход, о продвижении по их землям орды Узбека.²³ Исходя из этих данных можно думать, что орда Узбека до вторжения в Иран кочевала где-то в начале Хазарской степи, по-видимому, на Тереко-Сулакской равнине.²⁴

Двигаясь к этому кочевью, орда Узбека миновала Ясские и Черкасские горы. Судя по тому, что все кабардинские курганы к востоку от Пятигорска датируются временем не ранее XIV в., а переселение кабардинцев на их теперешнюю территорию — XIV—XVI вв.,²⁵ можно с уверенностью сказать: Черкасские горы не могли быть близлежащими к Деякову в начале XIV в. По-видимому, автор «Повести о Михаиле Тверском» писал ее еще в то время, когда находился в Орде на Северном Кавказе, где его действительно отделяли от Руси Ясские и Черкасские горы в указанной им последовательности. Маршрут движения орды Узбека, вероятно, пролегал от устья Дона через бассейн р. Лабы и Кубани вблизи Черкасских гор и далее через р. Терек, Сунжу и Аксай мимо Ясских гор в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии на Тереко-Сулакскую равнину.

Следовательно, татарское кочевье, где был убит Михаил, располагалось на Тереко-Сулакской равнине. Здесь должны находиться р. Севенца и г. Деяков. Утверждение, что реки Севенца и Сунжа — одно и то же, мы признаем сомнительным,²⁶ так как имеем свидетельство турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби, который видел р. Сунжу и р. Канла-Севинч, но не отождествлял их между собой. О последней он сообщает следующее: «Эта большая река течет с гор Дагестана и с гор Ачик-

²² К р и ш т о п а А. Е. Дагестан XIII—XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 4. С. 96.

²³ См.: Т и з е н г а у з е н В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 86, 87, 141.

²⁴ Персидский историк Рашид ад-дин (нач. XIV в.) сообщает, что лазутчик Хулагу-хана перешел «через горы Легзистана» и попал на кочевье Ногая. В другом месте он отмечает, что зимнее пограничное кочевье находилось «около реки Терек, у Дербенда». По его словам, кочевье Ногая граничит с кочевьем Токта-хана по «реке Тарку», т. е. Терку (Р а ш и д а д - д и н. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 74; 1941. Т. 3. С. 60). Египетские авторы начала XIV в. Руки ад-дин Бейбарс и Эннувейри указывают, что пограничной рекой между кочевьями Ногая и Токта-хана была р. Яса (Яксай, Аксай) (Т и з е н г а у з е н В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 111, 159).

²⁵ См.: Б а г а е в Х. М. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII—XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. 2. С. 68, 69; Б а т ч е в В. М. Предкавказские половцы и тюркизация средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Т. 1. С. 85; Н а г о е в А. Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Т. 1. С. 121—123. — Следует отметить, что персидские историки начала XV в. Низам ад-дин Шахи и Шереф ад-дин Йезди, описывая походы Тимура Хромого на Северный Кавказ в 1395—1396 гг., знают черкесов только на р. Кубани. См.: Т и з е н г а у з е н В. Г. Сборник материалов. 1941. Т. 2. С. 122, 180.

²⁶ В. А. Кучкин первоначально усомнился в их тождественности, но затем согласился с ней (К у ч к и н В. А. 1) Где искать ясский город Тютяков? С. 175, 176, 178; 2) Повести о Михаиле Тверском. С. 290).

Баш (горы Кавказа. — *В. Ш.*) и в трех переходах от Демир-капу впадает в Каспийское море.²⁷ Из всех рек Дагестана указанным признакам отвечает только р. Сулак, образованная слиянием Андийского и Аварского Койсу, первая из которых берет начало с гор Тушетии в Грузии, а вторая — с гор Дагестана.²⁸ Сулак примерно в 3-х днях пути от Дербента впадает в море. Данную локализацию подтверждает указание Э. Челеби о том, что р. Канла-Севинч находилась в местности Баш-тепе, граничившей с Терской крепостью.²⁹ По всей видимости, слово «канла», что значит по-турецки «кровавая», было эпитетом, данным Сулаку (р. Севенци) из-за коричневого цвета его воды.³⁰

Отождествив р. Севенци с р. Сулак, мы находим поблизости от нее р. Аджи-Горесть,³¹ за которую в день убийства было перевезено тело тверского князя. Это — река Аджи-су, правый приток Акташа. Где-то в бассейне р. Сулак, Акташ и Аджи-су, поблизости от Андрей-аула, который в начале XIX в. располагался между р. Акташ и ее порожистыми притоками Ачи и Чумлы и высокими горами,³² надо искать «славный град ясский Дедаков», сожженный 8 февраля 1278 г. русскими князьями.³³

Четвертое известие о Железных воротах находится в «Задонщине». Здесь говорится о распространении славы о Куликовской битве «к Железным вратам, и к Караначи <Орначу>, и к Риму, и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле ко Царюграду».³⁴

Одни комментаторы отождествляют упомянутые Железные ворота с ущельем Железные ворота в среднем течении Дуная,³⁵ другие видят в них Дербент,³⁶ а третьи колеблются между этими точками зрения.³⁷ На наш взгляд, стратегическое значение Железных ворот на Дунае не могло служить основанием для известности, ставившей их в один ряд с такими знаменитыми городами, как Рим, Константинополь, Кафа, Орнач (Ургенч?) и Тырнов. В этом смысле они не могли соперничать с тысячелетней славой Дербента.

Пятое сообщение о Железных воротах мы имеем в «Повести о Темир

²⁷ Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 104, 125.

²⁸ См.: Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Буйнак, 1926. С. 34, 35.

²⁹ Челеби Э. Книга путешествия. С. 108, 109.

³⁰ См.: Добрынин Б. Ф. География. . . С. 35.

³¹ В Симеоновской летописи и Владимирском летописце, близких по своим особенностям к Троицкой пергаменной летописи, под 1318 г. сообщается об убийстве Михаила Тверского на р. Нап, или на р. Наче, у г. Дедакова (ПСРЛ. Т. 18. С. 89; М., 1965. Т. 30. С. 103). Согласно объяснению В. А. Кучкина, высказанному в устной беседе, название р. Наче появилось в результате наложения предлога «на» на само название — «на (Аче)». Очевидно, р. Ачи идентична р. Аджи-Горесть. По всей вероятности, эта запись восходит к московскому своду 1408 г. митрополита Киприана. (См.: Лурье Я. С. Троицкая летопись и московское летописание XIV в. // ВИД. Л., 1969. Вып. 6. С. 85, 97, 104).

³² См.: История, география и этнография Дагестана в XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 213, 241, 242.

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 89. — Если на городище, расположенном на правом берегу р. Акташ в 150—200 м к юго-западу от Андрей-аула (см.: И с а к о в М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966. С. 39), будет обнаружен культурный слой XIII—XIV вв. и слой пожараща, датированный 1278 г., то его можно уверенно отождествить с яским г. Дедаковым.

³⁴ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 10, 134.

³⁵ Задонщина. М., 1947. С. 45; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 215, примеч. 33; Поле славы. Саратов, 1980. С. 228; Задонщина. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. М., 1980. С. 58, примеч. 32; Задонщина: Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище. М., 1982. С. 248.

³⁶ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 304, примеч. 40; Русские повести XV—XVI вв. Л., 1958. С. 172; За землю Русскую // ПЛДР: XI—XV вв. М., 1981. Примеч. к с. 270; Воинские повести Древней Руси. Л., 1982. Примеч. к с. 163; Сказания и повести. . . С. 310, примеч. к с. 10.

³⁷ Поле Куликово. М., 1980. Примеч. к с. 39; ПЛДР. XIV—середина XV в. М., 1981. Примеч. к с. 104.

Аксаке», написанной между 1402—1408 гг.³⁸ Здесь рассказывается, что Тимур Хромой происходил «от за(я)цких татар, от Самархинския земли, от Синие орды, еже бе за Железные врата». Среди городов и стран, завоеванных Тимуром, названы «Темир Кабы, рекше Железные врата».³⁹

Название «Темир Кабы» — это искаженное на русской почве турецкое название Дербента.⁴⁰ Что касается Железных ворот, за которыми располагались зауральские татары, Самаркандская земля и Синяя орда, то они явно соответствуют Дербенту.⁴¹ У автора «Повести о Темире» представление о местоположении Железных ворот было, по-видимому, аналогичным тому, какое мы видим у автора «Сказания о Железных вратах», записанного со слов русского путешественника, побывавшего между 1436—1447 гг. в Дербенте: «А земля за Железными вороты . . . распространится до синева моря Хвалыньскова и до Инъдеи богатие».⁴²

Подведем итоги. Анализ историко-географического содержания сведений о Железных воротах в древнерусской литературе привел нас к выводу, что на Руси в X—XVII вв. этот топоним обозначал только Дербент.

³⁸ См.: Гребенюк В. П. «Повесть о Темир Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—XVIII вв.). М., 1971. С. 185—206.

³⁹ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 124—128.

⁴⁰ В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., читаем: «. . . город Дербент, Железные ворота тоже, а по турски Темир-Капы» (М.; Л., 1950. С. 89).

⁴¹ См. Указатели географических названий к томам ПСРЛ. Иногда эти Железные ворота отождествляются с «узким проходом в южной части Уральских гор» (Повести о Куликовской битве. С. 212, 383; ПЛДР: XI—XV вв. Примеч. к с. 230; За землю Русскую. . . Примеч. к с. 378).

⁴² Кучкин В. А. «Сказание о Железных вратах» // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 274—277; Бегунов Ю. К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана // ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 126—131.

И. Д. СОЛОВЬЕВА

Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина

Среди рукописей библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря сохранились два кодекса, в которых встречается имя мастера Ефрема. В одном из них — сборнике 90-х гг. XV в., составителем и владельцем которого был монах-книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, — на обороте листа с изображением Александра Македонского сохранилась помета: «В лѣт(о) 7000-е [1491] ок(тября) 20 сии Александръ написанъ быс(ть) Ефремом Ефросиноу».¹ Помимо изображения Александра Македонского в этом же сборнике на обороте листа 127 есть еще одна миниатюра с изображением кентавра Китовраса.

В другом сборнике, датированном по времени игуменства Венедикта 1486—1489 гг., находится запись: «По бл(аго)с(ло)венію г(о)с(по)д(и)на и о(т)ца н(а)шего начах писати синаксарь сии игумена Венедикта въ обители пр(е)ч(и)стые Кіриловѣ монастыри Ефрѣмишко изугараф. Да помази ми г(осподи) и вразуми мя г(осподи) съ тцаніем кончати».² У исследователей этих рукописей не возникает сомнений в том, что обе надписи относятся к одному и тому же лицу — изуграфу Ефрему.³

В то же время, в Русском музее хранится икона «Распятие», поступившая в музей в 1913 г. из собрания Н. П. Лихачева. На тыльной стороне иконы сохранилась надпись: «А сию иконоу дал Еоѣрѣм Требес своего писма Никитѣ с(вя)т(о)му в ц(е)рковь своей д(у)ши на поминокъ в лѣт(о) 7020 [1512] авгоус[та] 29 при игуменѣ Федоси(ц)».

Представляется возможным предположить, что писец Синаксаря 1486—1489 г., автор миниатюр 1491 г. в сборнике Ефросина и иконописец Ефрем Требес, создавший «Распятие» 1512 г., — один мастер.

Указанные произведения привлекали внимание специалистов. Однако высокие художественные достоинства всех трех памятников и наличие столь подробных надписей, содержащих одно имя, заставляют обратиться к подробному их исследованию, а также к попытке выяснить какие-либо сведения об их создателе.⁴

Остановливаясь на особенностях приведенных надписей, можно за-

¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр. (далее: КБ), № 11/1088, л. 19. — Подробное описание сборника см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 172—196.

² Синаксарь. — ГПБ, КБ, № 56/1295, л. 1 об.

³ См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 141; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников... С. 172; Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 116.

⁴ Миниатюры впервые были воспроизведены в кн.: Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания: Атлас. СПб., 1906. Ч. 2. Табл. СССLXXI, № 743, 744. — Икона «Распятие» воспроизведена в кн.: Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий: Каталог выставки / Вступ. ст. В. К. Лауриной; Ред. и сост. Т. Б. Вилинбахова, В. К. Лаурина, Г. Д. Петрова. Л., 1981. Табл. 58.

метить, что все они по своей палеографии отличаются друг от друга.⁵ Исследователи рукописей имеют разные мнения относительно того, чьим почерком сделана надпись 1491 г. в сборнике Ефросина. В отличие от Н. В. Поньрко, полагающей, что надпись принадлежит Ефрему, Н. Н. Розов допускает, что она могла быть сделана рукой Ефросина.⁶

Въ свѣдѣніи е. ш. к. е. и. м. л. е. у. д. р. а. н. а. м. н. с. а. н. з. в. ѿ е. ф. р. е. м. ѿ е. ф. р. о. с. и. н. а. м. у. 13.
Стр. 19.

Надпись в сборнике, составленном Ефросином. 90-е гг. XV в. ГПБ, КБ № 11/1088, л. 19.

Запись на тыльной стороне иконы Русского музея, нанесенная чернилами и гусиным пером и не вызывающая сомнений в подлинности, по своему написанию может быть соотнесена с почерком текста Синаксаря 1486—1489 гг. Вместе с тем почерк Синаксаря отличен от почерка записи, характеризующегося явным стремлением к декоративности письма. Однако следует учесть, что в XV в. один и тот же писец мог владеть разными

⁵ Приношу глубокую благодарность Т. В. Рождественской и Н. Н. Розову за консультацию по вопросам палеографии.

⁶ См.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников. . . С. 172. — Мнение Н. Н. Розова, высказанное в личной консультации, отличается от его утверждения о принадлежности записи руке Ефрема, приведенного в кн.: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. С. 116.

почерками.⁷ Кроме того, надписи сделаны на разных основах — бумаге и дереве, а дерево существенно влияет на характер почерка, к тому же в позднее время при реставрации надпись на иконе была частично поновлена.

Вместе с тем, в содержании надписей при всей их традиционности много общего. Их роднит то, что в каждой Ефрем подразумевается или назван

Простосекоградъ и ширшии ступахъ днса хсинахъ дръскъ,
 игохмона воевожди. вѣдѣнъ и прѣтѣе кѣрнѣ стѣмо
 мѣстни. ефремѣи хсинахъ дръскъ. дѣламо вѣи хсинахъ
 брагу мѣлѣи свѣцѣлѣи хсинахъ.

Синоша

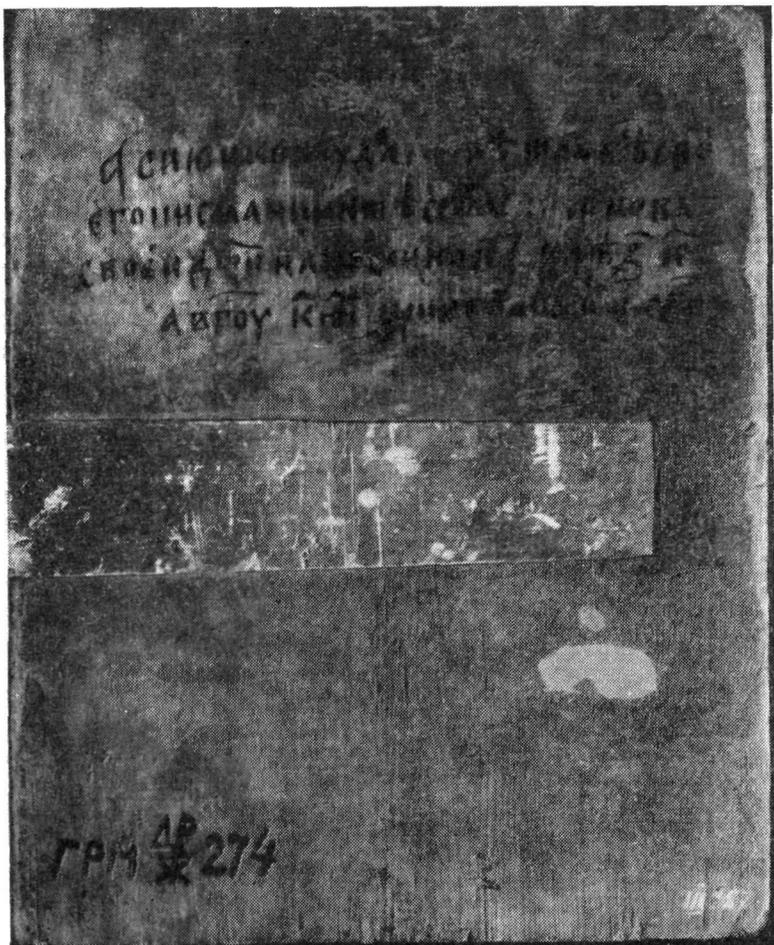
Надпись мастера Ефрема в Синаксаре. 1486—1489 гг. ГПБ, КБ № 56 1295, л. 1 об.

именно иконописцем, «изугарафом».⁸ То, что Ефрем считает себя прежде всего иконописцем, а не писцом и не книжным декоратором, косвенно подтверждается отсутствием в ефросиниевском сборнике и переписанном им Синаксаре каких-либо орнаментальных элементов — заставок, концовок, орнаментальных полос. Надписи Синаксаря и «Распятия» объединяет их конкретность и обилие подробностей — Ефрем указывает названия монастырей и имена их игуменов, даты. Во всех трех случаях объясняются мотивы, побудившие Ефрема к созданию произведения: Синаксарь переписан «по благословию» игумена; миниатюры сборника сделаны по просьбе или заказу его владельца Ефросина; икона создана и вложена в Никитский монастырь «своей души на поминок».

⁷ См.: Розов Н. Н. Скорописание или скоропись? Об уточнении термина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 134—143.

⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 195.

Из содержания записей рукописей следует, что Ефрем был тесно связан с Кирилло-Белозерским монастырем.⁹ С 1448 г. по 1470-е гг. в грамотах Кириллова монастыря, а в 1490-х гг. — в документах Ферапонтова монастыря неоднократно упоминается некий старец Ефрем, участвовавший в монастырских земельных разделах.¹⁰ В братском синодике Кирил-

Надпись на иконе «Распятие». 1512 г. ГРМ, инв. № 274.

лова монастыря в период между 18 сентября 1511 г. (смерть келаря Галасея) и 9 ноября 1514 г. (смерть брата игумена Макария Кирилла) дважды, ближе к 1511 г., упоминается имя Ефрема. Рядом поставлено имя Ефросина (не составителя ли знаменитых сборников?).¹¹ К сожалению, среди многих родословий синодика Кириллова монастыря имя Ефрема Требеса или «изугарафа Ефрема» не встречается.¹²

⁹ Я. С. Лурье принадлежит предположение о том, что Ефремом могло быть сделано описание монастырских книг конца XV в., поскольку на рукописи сохранилась помета: «Сборник Ефремовский» (Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность. . . С. 141).

¹⁰ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 100, 149, 187, 289, 290, 334.

¹¹ См.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Т. 1, прилож. 5. С. LX.

¹² См.: ГПБ, КБ, № 759/1016. — О Требесовых, посадских людях из Новгорода (1582 г.), сообщает С. Б. Веселовский (Ономастикон: Древнерусские прозвища, имена

В надписи на «Распятии» мастера Ефрема указывается на Никитский монастырь как на место вклада иконы. Можно предположить, что это был небольшой Никитский Белозерский монастырь, располагавшийся на реке Шексне в 10 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря, чьи земельные владения граничили друг с другом. Сведения о нем крайне скудны; время основания — неизвестно. А. И. Копанев полагает, что монастырь был образован во второй половине XV в.¹³ Но, по-видимому, он существовал и раньше — в грамоте Василия Александровича Монастырева игумену Белозерского монастыря Кириллу, датированной 1397—1427 гг., и в Купчей грамоте Кирилла 1397—1410 гг. упоминается «святой Микита за озерком». Последний документ, сохранившийся в более позднем списке, сделанном между 1451 и 1455 гг., называет никитского игумена этого периода Вассиана.¹⁴ В грамоте 1477 г. великой княгини Марии Ярославны игумену Кириллова монастыря Нифонту «Никита святой на Шокьстне» поставлен последним в ряду перечисляемых обителей и, по-видимому, относится к разряду «скудных».¹⁵ В Зверинский предполагал, что в XVI в. ему «благодетельствовал» князь Андрей Иванович Старичий.¹⁶ И. Ф. Тюменев без ссылки на источники указывал, что «в начале XVII в. игумен и братия Никитского мужского монастыря были перерезаны поляками в Смутное время».¹⁷ Возможно, этим разорением объясняется отсутствие монастырского архива XV—XVI вв. Белозерская Писцовая книга 1626—1627 гг. перечисляет незначительные земельные владения Никитского монастыря — 11 деревень и 9 пустошей.¹⁸

С 1648 г. Никитский монастырь был приписан к Кирилло-Белозерскому. В 1764 г. он был упразднен и превращен в приходскую церковь. К 1813 г. на месте монастыря сохранились две деревянные церкви — великомученика Никиты и Благовещения.¹⁹ В настоящее время в Новгородском музее-заповеднике хранятся две монастырские, видимо храмовые, иконы с изображениями великомученика Никиты и Благовещения, находящиеся под поздней записью.

Этим ограничиваются документальные сведения, связываемые с Ефремом, и можно перейти к разбору самих памятников.

В рукописи, подписанной «Ефремишкой изугарафом» (ГПБ, КБ, № 56/1295), разделы текста открываются многочисленными киноварными инициалами. В основном, это инициал «В», рисунок которого варьируется от совсем простого и геометризованного до сложного, составленного из плавных изгибов стеблей, дополненных побегами, точками, листиками, частями пальметт. Другие декоративные элементы в кодексе отсутствуют.

и фамилии. М., 1974. С. 322). В прошлом веке среди рукописей Петрозаводского архиепископского дома находилась книга Петра Дамаскина, на листах которой сохранилась надпись: «Книга, глаголемая Петр Дамаскин, игумена Ефрема иконника». Значительная часть этого собрания происходила из Выголексинской старообрядческой библиотеки, составившейся, в свою очередь, из кодексов разных церквей и монастырей. Исследователями эта рукопись датировалась XVI в. (Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке: ЛЗАК. 1872—1875. СПб., 1877. Вып. 6. № 27; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной Руси. СПб., 1890. С. 289—290, № 19; Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 64—65).

¹³ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XIV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 49.

¹⁴ Акты социально-экономической истории. . . № 3, 39, 78 и др.

¹⁵ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1, № 210. С. 356.

¹⁶ Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2, № 945. С. 212.

¹⁷ Тюменев И. Ф. По Марининской системе // ИВ. СПб., 1903. Т. 92, кн. 2. С. 1094.

¹⁸ См.: Копанев А. И. История землевладения. . . С. 101.

¹⁹ См.: Амвросий. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 186—187.

Александр Македонский. Миниатюра из сборника Ефросина. 90-е гг. XV в. ГИМ,
КБ № 11/1088, л. 19 об.

Как отмечалось, в сборнике Ефросина (ГПБ, КБ, № 11/1088) сохранились две миниатюры с изображением Александра Македонского и кентавра Китовраса, созданные мастером Ефремом.²⁰ Если сборники Ефросина определяются их исследователями как новый жанр литературы,²¹ то миниатюры мастера Ефрема играют важную роль в развитии древнерусской иллюстрированной книги, входя в группу памятников двух последних десятилетий XV в., миниатюры которых выполнены в графической манере с легкой раскраской.²²

Оба изображения расположены в левой части разворота листов в виде фронтисписов.²³ Юный Александр Македонский изображен фронтально, сидящим на широкой скамье с подножием. Он одет в красный царский далматик, украшенный широкими желтыми оплечьем, вошвой и каймой по подолу, с камнями, и в зеленый гиматий. Голову Александра венчает корона, также с камнями. Левой рукой он поддерживает длинный жезл-посох. Архитектурный стаффаж составляет два столпообразных здания с перекинутым поверх их крыш велумом.

Китоврас представлен спокойно стоящим с чуть приподнятой передней ногой. Его пышные волосы увенчаны короной с камнями. Юное лицо немного повернуто влево. Китоврас одет в красную рубаху с желтыми каймами. Два мощных крыла помещены на уровне плеч, левое — опущено вниз, правое — поднято и направлено параллельно конскому туловищу Китовраса, развернутому в профиль вправо. В руках Китоврас держит меч, выдвигаемый им из длинных ножен.

Обе миниатюры имеют лаконичные, умело построенные композиции. Диагональное движение в первой композиции, создаваемое фигурой Александра Македонского и поддерживаемое контурами подножия и скамьи, посохом и диагональным (относительно стены) расположением палат, придает композиции внутреннюю динамику. Статичности лишено и изображение Китовраса, чему способствует параллельное расположение правого крыла, выдвигаемого из ножен меча и конского туловища.

Иконография первой миниатюры традиционна. Александр Македонский представлен так, как на многочисленных фронтисписах изображали евангелистов и других канонических авторов. Нетрадиционным в данном случае является то, что изображен не автор текста, а герой повествования. Появление в рукописи кентавра Китовраса, а также его иконография более редки.

Апокрифический образ кентавра Китовраса был популярен в древнерусской литературе, а также в прикладном искусстве и архитектурной орнаментике.²⁴ В древнерусской миниатюре изображения Китовраса появлялись в тератологических инициалах и в иллюстрациях к Христианской

²⁰ Помимо миниатюр, в рукописи отсутствуют какие-либо другие элементы украшения текста, лишь в некоторых местах встречаются киноварные заголовки и небольшие инициалы простого рисунка.

²¹ См.: Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 168—169.

²² См.: Попов Г. В. Иллюстрации «Хождения Иоанна Богослова» в миниатюре и станковой живописи конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 211—212; Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI века. М., 1975. С. 71.

²³ Современное местоположение листов с миниатюрами в кодексе, возможно, не соответствует первоначальному: первый лист в настоящее время не закреплен, второй крепится к корешку с помощью более поздней бумажной надставки. Миниатюра с изображением Александра Македонского ранее имела шелковую зеленую завесу, остатки которой сохранились на листе справа. Размер листов — 14.4×8.8.

²⁴ См.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Марольфе и Мерлине. СПб., 1872; Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 1950. № 13. С. 139—172; Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров // Там же. 1975. № 2. С. 100—119; Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир. Боголюбово. М., 1969.

топографии Козьмы Индикоплова, где он представлен в виде зодиакального стрельца.²⁵ Изображения коронованного крылатого кентавра, вынимающего из ножен меч, иконографически близкие к Китоврасу на миниатюре мастера Ефрема, находятся на донышке сосуда, найденного в Московском Кремле в погребении XV—XVI вв., а также на монетах удельных

Китоврас. Миниатюра из сборника Ефросина. 90-е гл. XV в. ГПБ, КВ № 11/1088, л. 127.

княжеств XIV—XV вв., в которых присутствуют некоторые разночтения в деталях.²⁶ А. В. Чернецовым эта «довольно значительная самобытная группа изображений» связывается с феодальной эмблематикой.²⁷ По всей видимости, Ефрем был знаком с этой иконографией. На изображение Китовраса в царском одеянии оказала влияние характеристика его в сбор-

²⁵ См.: Чернецов А. В. Древнерусские изображения кентавров. С. 108.

²⁶ См.: Там же. С. 106.

²⁷ Там же. С. 113—114.

нике Ефросина как царя и брата царя Соломона.²⁸ Важным атрибутом княжеской, царской власти является и меч в руках Китовраса.²⁹

Помимо редкости подобных изображений и их иконографии миниатюры, созданные Ефремом, интересны как результат нового подхода к оформлению книги и как отражение личных интересов ее владельца и составителя.³⁰ Появление миниатюр не случайно — в состав сборника включены Сказания о Соломоне и Китоврасе, а также тексты Сербской Александрии и из Хроники Георгия Амартола. К этим произведениям Ефросин относился с особым интересом и собрал их в своих сборниках с исключительной полнотой.³¹ Кроме того, рассматриваемые литературные персонажи связаны друг с другом кругом идей и значений, которые вкладывались в период средневековья в эти образы, представлявшиеся идеалом мудрости, волшебной силы и власти.³² Таким образом, появление в книге изображений Александра Македонского и Китовраса продиктовано индивидуальной заинтересованностью и конкретным заказом Ефросина.

Благодаря своему расположению в виде фронтисписов на отдельных листах миниатюры Ефрема непосредственно не слиты с текстом и тем самым связаны с прежней традицией оформления кодексов. В то же время соотносимость изображений с конкретным содержанием, а также отсутствие рамок и цветного фона роднят миниатюры с собственно иллюстрациями, являются своеобразной переходной формой к ней.

Миниатюры выполнены в графической манере. Их контуры, уверенно проведенные непрерывной линией, заполнены жидко разведенными красками. Цветовая гамма первой миниатюры построена на сочетании красного, желтого и зеленого цветов разных оттенков. Ефрем умело использует цвет для выделения фигуры Александра, киноварь одежды которого является наиболее ярким цветовым пятном в композиции. Киноварные велум, жезл и надпись становятся дополнительными цветовыми акцентами, выделяющими центральную фигуру. Детали архитектурного окружения и позем тонированы светлой зеленой краской разных оттенков и представляют своеобразную раму для центрального изображения. Объем фигуры Александра создается многочисленными складками, в тенях переданными темной краской, постепенно высветляющейся и оставляющей в освещенных местах бумагу незакрашенной. При раскраске скамьи, палат, стены миниатюриста не заливают их краской полностью, а оставляет вдоль контуров полосы незакрашенной бумаги.

Легкая и нежная красочная гамма второй миниатюры, состоящая из розового, желтого и серого цветов, как нельзя лучше соответствует юному облику и спокойному состоянию Китовраса. Контуры изображений в разных частях имеют различный цвет. Обводка короны, верхней части крыльев и декоративных полос на рубахе Китовраса сделана светло-коричневыми чернилами. Контуры нижней части крыльев и рубашки — красные, а рисунок волос, лика, меча и конского туловища обведен темной коричневой линией. Нижняя, конская, часть фигуры подцвечена вдоль контура совсем светлой серой краской, которая была использована и для местами просматривающегося первоначального рисунка этого изображения.

Личное письмо в миниатюрах отличается особой простотой и не имеет какой-либо красочной основы, некоторая объемность создается за счет

²⁸ «Г(лаго)лють его яко ц(а)ревъ с(ы)нъ Д(а)в(и)довъ» (ГПБ, КБ, № 11/1088, л. 262 об.). См.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность. . . С. 159.

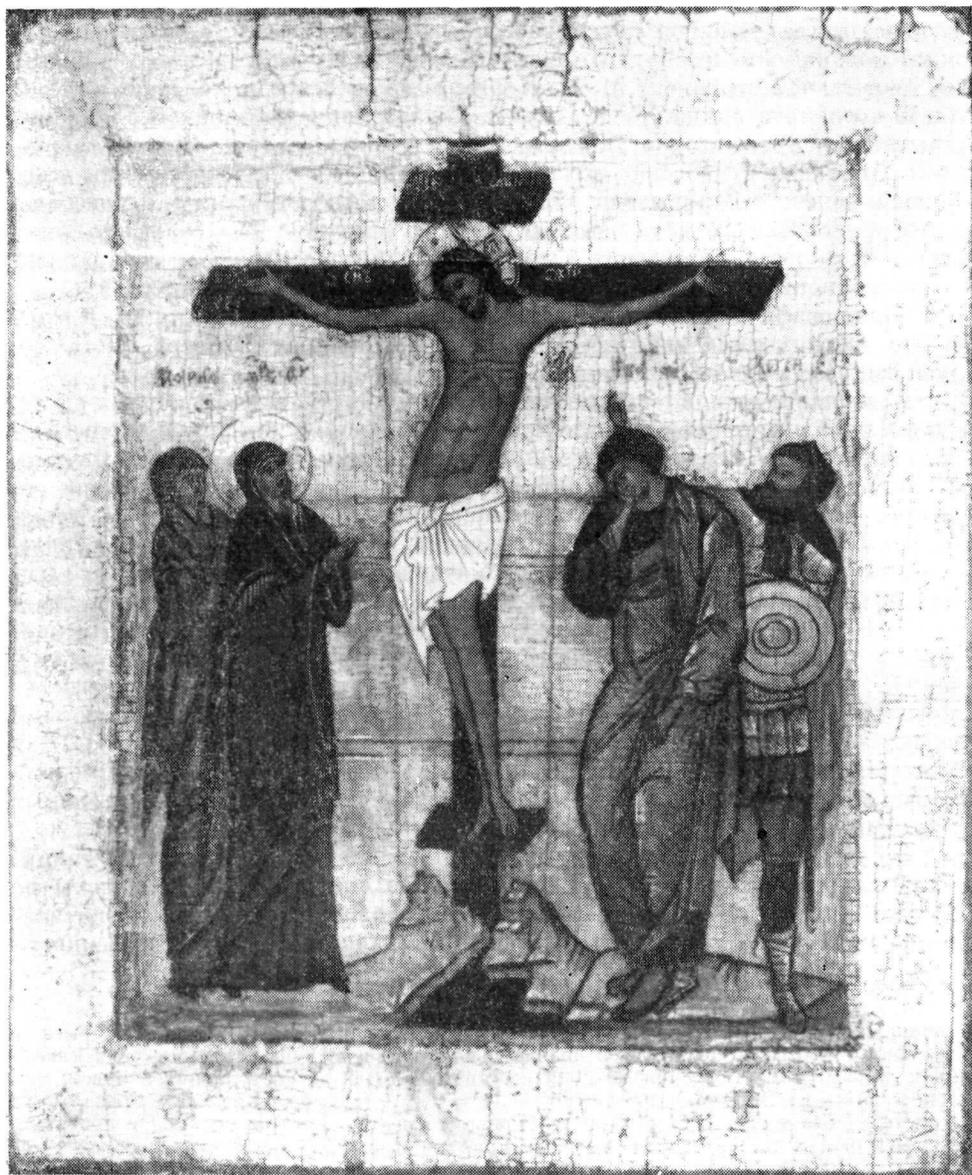
²⁹ См.: Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII века из г. Дмитрова // КСИИМК. М., 1951. Т. 41. С. 94—95.

³⁰ См.: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. С. 76, 116.

³¹ См.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность. . . С. 155—162.

³² См.: Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. . . С. 55, 356; Окладников А. П. Бронзовое зеркало. . . С. 156.

отметок разбавленной красной краски, положенных на шее, лбу, щеках, губах. Лик Китовраса дополнительно моделирован едва видимой желтой полосой под подбородком.

Икона «Распятие». 1512 г. ГРМ, инв. № 274.

В иконе «Распятие» 1512 г.³³ мастер Ефрем создал гармоничную, ритмически тонко построенную композицию. В центре на кресте, установлен-

³³ ГРМ, инв. № 274. — Икона написана на цельной доске размером 25.7×21.5×1.8, без паволоки, с одной врезной односторонней шпонкой и имеет плохую сохранность. Красочный слой значительно потерт, золото фона и лузги утрачено, так же как и живопись полей, которые первоначально, по-видимому, были светло-зеленые, несколько более темного оттенка, чем окраска стены. На изображении находятся многочисленные остатки разновременных записей и реставрационных прописок. Жидко

ном между двумя небольшими горками над пещерой с «Адамовой головой», на фоне иерусалимской стены возвышается фигура распятого Христа. По сторонам от него изображены предстоящие: слева — Богоматерь и сопровождающая ее Мария, справа — Иоанн Богослов и сотник Логин.

Всеми исследователями, останавливавшимися на иконе «Распятие», отмечаются ее высокие художественные достоинства и принадлежность к московской школе. Датируется произведение годом, указанным в надписи на тыльной стороне.³⁴ М. К. Каргер высказал предположение, что оно было создано в конце XV в., а дата вклада является нижней временной границей.³⁵ Ряд авторов указывают на влияние, которое оказало творчество Дионисия и мастеров его круга на стилистические особенности этого произведения.³⁶ Эти выводы подтверждаются исследованием стилистических и иконографических особенностей «Распятия». К сожалению, плохая сохранность красочного слоя иконы, многочисленные реставрационные пропуски затрудняют разбор ее стилистических особенностей.

Иконографически «Распятие» восходит к московской традиции, в частности — к иконе «Распятие» 1405 г. круга Андрея Рублева из Благовещенского собора Московского Кремля.

Для письма ликов в иконе характерна сплавленность красочных слоев. Они мягко моделированы по неяркому оливковому санкирю коричневатожелтой охрой с легкой подрумянкой и неяркими белильными оживками. Колорит «Распятия» тонко сгармонирован и построен на сочетании зеленого и близкого к нему по тону синего цветов (поля иконы, стена, горки и позем, мафорий Марии, одежды Иоанна Богослова и Логина), а также вишнево-коричневого (мафорий Богоматери и цвет креста) и красного (гиматий Иоанна Богослова и Логина).

Подводя итог, следует выделить то общее, что характерно для икононого и миниатюрных изображений. Их композиции объединяют ритмичность, уравновешенность и лаконичность, отсутствие активно выраженного движения, строгий отбор деталей. Выдвинутость фигур на первый план, замкнутость изображений создает неглубокое пространство. Для колорита «Распятия» и миниатюр характерна сдержанная, смягченная гамма, а для иконы и изображения Александра Македонского и единый принцип сопоставления основных цветов — красного и зеленого.

Все три изображения объединяет также плавность силуэтных линий, удлиненность фигур, их пропорциональное соотношение. Упущены не только композиции, но и все формы, что, в свою очередь, усиливает значение контуров и графической разделки складок одежд. Эти особенности

прописаны все теневые участки, сильно правлены описи и черты ликов, контуры изображений. Плохо сохранилось и значительно прописано личное письмо, за исключением лика Иоанна Богослова. Икона реставрировалась до поступления в музей: живопись была расчищена и прописана в местах утрат, заново написаны правая нога Христа, кисть руки сотника Логина, копы и трость, сделаны надписи в среднике, опушь и разгранка по краям лужи. Повторно икона реставрировалась в Русском музее в 1913 г. — была удалена потемневшая и загрязненная олифа и некоторые участки предыдущих реставрационных записей (Архив Отдела древнерусской живописи ГРМ, реставрационный протокол от 25.X.1913 г.). Принишу глубокую благодарность С. И. Голубеву, подробно исследовавшему под микроскопом сохранность иконы.

³⁴ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII в.: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 1. № 294, примеч.; Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы. С. 44 (в монографии фамилия (или прозвище) Ефрема приведена неправильно); Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий. С. 55—56, табл. 58.

³⁵ Каргер М. К. Материалы для словаря русских иконописцев // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1. С. 118.

³⁶ Лихачев Н. П. Список икон и предметов, составляющих собрание Н. П. Лихачева, поступивших в Русский музей. 1913. Отд. 3, № 257 (рукопись хранится в Архиве Отдела древнерусской живописи ГРМ); Каргер М. К. Материалы. . . С. 113, 118; Дмитриев Ю. Н. Государственный Русский музей. Путеводитель: Древнерусское искусство. Л.; М., 1940. С. 46.

говорят о стилистической близости «Распятия» и фронтисписов. Миниатюрные размеры иконы косвенно свидетельствуют о создании ее мастером, привыкшим работать в «малых формах».

Стилистические черты рассматриваемых произведений находят аналогии в живописи Москвы второй половины XV—начала XVI в.³⁷ Кроме того, они позволяют отметить влияние, которое оказало на творчество Ефрема искусство Дионисия или мастеров его круга. Особенно заметным оно становится при сопоставлении «Распятия» и одноименной иконы Дионисия 1500 г. Композиционная близость двух произведений может быть объяснена общей основой их иконографии — это праздничные иконы кремлевского Благовещенского собора и Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Икона Дионисия отмечена чрезвычайной утонченностью образов, ликующей цветовой гаммой, возвышенной трактовкой сюжета. Изображаемому событию придан вселенский характер, чему способствуют введенные Дионисием олицетворения ветхозаветной и новозаветной церкви, а также фигуры слетающих ангелов. В иконе Ефремова письма изображение Христа, Иоанна Богослова и Логина, так же как цвета одежды и рисунок их складок, близки к одноименному произведению Дионисия 1500 г. В то же время упрощенность цветовой гаммы, некоторая масштабная несоотнесенность фигуры Иоанна Богослова с фигурами других предстоящих указывают на нестолычную выучку иконописца.

В заключение, опираясь на обнаруженную стилистическую близость иконы «Распятие» и миниатюр ефросиниевского сборника, с большой долей уверенности можно предположить, что созданы они одним человеком. Это, в свою очередь, позволяет по-новому определить Ефрема как мастера с разносторонними интересами — книжного писца, миниатюриста и иконописца.

³⁷ Принадлежность миниатюр к московской художественной традиции отмечена Г. В. Поповым в кн.: Попов Г. В. Живопись и миниатюра. . . С. 44.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей

Псковская земля периода средневековья была одним из значительных центров книжности и литературы, откуда вышло немало писателей, известных и неизвестных, оказавших влияние в той или иной степени на литературное развитие Руси. К числу авторов-псковичей принадлежит и Ермолай-Еразм. Расцвет его творчества падает на середину XVI в., когда он находился в Москве, так что тематика его произведений непосредственно с Псковом не связана. Поэтому, насколько известно, в научной литературе не предпринимались попытки определить значение псковского периода жизни Ермолая в развитии его творческой биографии.

Специфика дошедшего до нас материала ограничивает наши возможности в области всестороннего изучения творчества отдельных писателей. Но в некоторых случаях удается не только атрибутировать произведение определенному лицу, но и установить некоторые факты биографии писателя и его литературную среду. Писательское наследие Ермолая-Еразма дошло до нас в сравнительно полном виде. Дело в том, что сохранились две рукописи, представляющие собой собрание сочинений Ермолая-Еразма, написанные и исправленные им самим. В свое собрание сочинений Ермолай-Еразм не включил только послания. Одна рукопись, в которой он называет себя Ермолаем Прегрешным, обнаружена совсем недавно — в 1970-х гг.¹ Она была собрана автором в 50-х гг. XVI в., до его пострижения в монахи. Вторая рукопись составлялась им позже, в 60-х гг., когда он получил монашеское имя Еразм.² Некоторые произведения из первой рукописи им были включены во вторую с добавлением правки внутри текста, а также и на полях. Скучные биографические сведения о Ермолае-Еразме устанавливаются главным образом на основании его собственных сочинений. Важным в этом отношении является его «Моление к царю», адресованное Ивану Грозному.³

В 40-х гг. XVI в. Ермолай-Еразм жил в Пскове, в конце 40—начале 50-х гг. он оказался в Москве. Как полагают ученые, именно он упомянут в Никоновской летописи под 1555 г. среди лиц, участвовавших вместе с митрополитом Макарием при поставлении Гурия епископом Казанским: «протопоп Спасской з дворца Ермолай».⁴

Видимо, переезд Ермолая из Пскова в Москву и получение там должности протопопа кремлевского собора не случайны. Как полагал А. А. Зи-

¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 287/307. См.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 72—73, 114—117.

² ГПБ, Софийское собр., № 1296. — Здесь автор называет себя «прегрешным Ермолаем, в иноках Еразмом» (К л и б а н о в А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 178—179).

³ Текст издан: Ш л я к и н И. Ермолай Прегрешный — новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 565—567; Повесть о Петре и Февронии. С. 327—328.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 250.

мин, во время пребывания в 1546 г. царя в Пскове Ермолай, будучи человеком образованным, обратил на себя внимание царского книгочя кир Софрония, по заданию которого он и написал Зрячую пасхалию.⁵ Действительно, Ермолай-Еразм еще до своего пострижения, не позднее начала 50-х гг. XVI в., составил текст Зрячей пасхалии, о чем собственноручно и написал: «Бога же ради, сотворшаго вся, помяни прегрешнаго Ермолая, открывшаго мудрость сию на изъявление всем христианом».⁶ До А. А. Зимина считалось, что Пасхалия вместе с сопровождающим ее посланием кир Софронию была написана и отправлена в Москву в 70-х гг. XVI в.⁷ А. А. Зимин оказался прав, утверждая, что Зрячая пасхалия была написана не позднее 40—начала 50-х гг. Однако принадлежность Ермолаю-Еразму послания кир Софронию в настоящее время оспорена А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым.⁸ Они считают, что послание кир Софронию («Предисловие святцем») было написано в 1579 г. и принадлежит другому псковскому писателю — Ивану Рыкову. Приведенные исследователями аргументы действительно ставят под сомнение принадлежность послания кир Софронию творчеству Ермолая-Еразма.

Как раз в 40—50-х гг. под руководством митрополита Макария особенно интенсивно работал большой круг церковных писателей по созданию жизнеописаний русских святых. Макарий, по всей видимости, привлек к этой работе и Ермолая. В связи с канонизацией на соборах 1547—1549 гг. Ермолаю было поручено составление жизнеописания муромских святых.

Время работы над этими произведениями было наиболее благоприятным как для творчества Ермолая, так и для его церковной карьеры. Но оно оказалось непродолжительным. Уже в «Молении к царю», которое датируется исследователями концом 40-х или началом 50-х гг. XVI в.,⁹ Ермолай жалуется на притеснения и враждебное отношение к себе со стороны царских вельмож. Видимо, и со стороны Макария произошло охлаждение к его писательскому таланту. Макария явно не удовлетворили агиографические произведения Ермолая на муромскую тему. Он не захотел включить Повесть о Петре и Февронии в составлявшийся в это время новый сборник Четий Миней, а текст Повести о епископе Василии был значительно переработан, прежде чем его использовали в составе Жития князя Константина, которое было написано другим автором, видимо, в 1554 г.¹⁰

Ермолай-Еразм, хотя и находился в непосредственном общении с влиятельными церковными и политическими деятелями своего времени, но ни к какой определенной группировке, вероятно, не принадлежал. До нас не дошло никаких свидетельств о его контактах с какими-либо литературными кругами или с определенными лицами из писательской среды. Это касается и псковского периода его жизни. В научной литературе идет спор о том, чьи интересы защищал Ермолай в своем обращении к царю в трактате «Благохотящим царем правительница и землемерие». Одни из исследователей считают автора идеологом дворянства, другие

⁵ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 116.

⁶ ГПБ, Соловецкое собр., № 287/307, л. 156 об.

⁷ Впервые предположение о том, что послание кир Софронию как сопровождающий текст к Зрячей пасхалии было написано Ермолаем-Еразмом, высказано А. И. Соболевским (Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС АН. СПб., 1912. Т. 17, кн. 3. С. 94—96). Эту точку зрения полностью принял В. Ф. Ржиги (Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗКАК. Л., 1926, вып. 33. С. 111—112). Текст послания («Предисловие святцем») опубликован по рукописи XVII в., ГИМ, собр. Уварова, № 685/182 (Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова / Сост. арх. Леонид. М., 1893. Ч. 2. С. 57).

⁸ Турилов А. А., Чернецов А. В. 1) Софроний, книгочий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 88—89; 2) Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 272—277.

⁹ См.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 122.

¹⁰ См.: Повесть о Петре и Февронии. С. 79—94.

склонны видеть в нем защитника крестьянских интересов.¹¹ Не имея поддержки со стороны какой-либо определенной правительственной группировки, он не смог сыграть значительной роли в политике церкви и государства.

Большие надежды, возлагаемые Ермолаем на царя как на главную силу в установлении и социальной справедливости, и его личной судьбы, не оправдались. Выйти из создавшегося неблагоприятного положения, на которое Ермолай жаловался в своем послании царю, видимо, не удалось, и примерно в начале 60-х гг. XVI в. он постригся в монахи. Отказавшись от участия в политической жизни, Ермолай-Еразм не прекратил литературной деятельности, но сосредоточил внимание на церковно-богословской тематике. Имя его как писателя было еще известно в 60-х гг., но позже о нем забывают, и произведения его переписываются как анонимные. Из них самым популярным оказалась Повесть о Петре и Февронии, которая усердно переписывалась на протяжении XVI—XX вв.

Наиболее важным публицистическим произведением Ермолая-Еразма является его трактат «Благохотящим царем правительница и землемерие». В первой редакции он озаглавлен «Аще восхотят царем правительница и землемерие»; скорее всего, под этим первоначальным названием он был направлен царю с предложением проведения социальных реформ. В нем изложен проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «Правительницы» явно сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благосостояния общества. Он пишет: «В начале же всего погребни суть ратаеве; от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна — богови в службу безкровная жертва хлеб приносится и в тело Христово претворяется. Потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема».¹² По его мнению, крестьянство, более всего притесняемое боярством, терпит непосильные лишения. Ермолай предложил заменить все виды повинности, лежащие на крестьянине, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Введение такой реформы действительно облегчило бы тяготы крестьян. Предложенная Ермолаем-Еразмом программа, возможно, служила бы интересам дворянского сословия, но более всего автора волновала судьба трудового крестьянства, что подтверждается всем его творчеством.¹³

Позиция сочувственного отношения Ермолая к крестьянству тесно связана с идеей гуманности, проводимой им в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается и в его сочинениях нравственно-богословского и назидательного характера.¹⁴

Эти глубоко волновавшие Ермолая идеи нашли свое полное и гармоничное выражение в Повести о Петре и Февронии. Источниками как для этой повести, так и для Повести о Василии Рязанском послужили муромские легенды. Повесть о епископе Василии написана Ермолаем предельно

¹¹ Историография вопроса изложена в книге А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (с. 113—115).

¹² ПЛДР: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 652. — По мнению Н. А. Казаковой, мысль писателя о том, что труд крестьян составляет основу общественного благосостояния, «поднята до высоты философского обобщения» (К а з а к о в а Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 245).

¹³ Сочувственное отношение к народным массам как характерную черту творчества Ермолая-Еразма отмечает А. А. Зимин в книге «И. С. Пересветов и его современники» (с. 134).

¹⁴ Анализ состава авторского сборника Ермолая-Еразма (ГПБ, Софийское собр., № 1296) позволил А. И. Клибанову характеризовать все его произведения как единую систему социально-философских и политических идей (К л и б а н о в А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. Т. 16. С. 186—189).

сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали не разработаны. Совершенства в разработке сюжета, выразившегося в ясности передачи главной мысли, конкретности деталей, четкости диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, в композиционной завершенности, Ермолай достиг в Повести о Петре и Февронии. Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. Народное предание о муромском князе оказало на Ермолая такое сильное влияние, что он — высокообразованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, — создал произведение, по существу не имеющее ничего общего с агиографическим жанром.

Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это время создавалась в писательском кругу митрополита Макария. Кстати, можно вспомнить, что другой псковский писатель Василий-Варлаам хорошо приспособился и успешно трудился в агиографическом жанре, соблюдая предъявляемые Макарием требования — многословие, пышность выражений, заимствования сюжетов, фразеологии и даже отрывков текста из существующих образцов житийной литературы. Многие написанные им жития были включены в Великие Минеи Четьи.¹⁵

Как уже упоминалось, Повесть о Петре и Февронии не понравилась Макарию. Она разительно отличается от других житий, написанных в это время, и стоит одиноко на фоне последних, не имея ничего общего с их стилем. К ней, скорее, можно найти параллели в произведениях повествовательной литературы второй половины XV в., построенных на новеллистических сюжетах, — таких как Повесть о Дмитрие Басарге, Повесть о Дракуле, Житие Михаила Клопского. В Повести о Петре и Февронии рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всесильных бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Ермолая, нашли наиболее полное выражение именно в этом произведении.

Социальная позиция Ермолая-Еразма, наиболее четко выраженная в двух его самых значительных произведениях — трактате о социальных реформах, направленном царю, и Повести о Петре и Февронии, — определилась уже в период его пребывания в Пскове. В данной статье делается попытка обратить внимание на немногие факты, в известной степени подтверждающие это предположение. У нас нет никаких конкретных свидетельств о происхождении Ермолая и о той псковской среде, где могли бы сложиться его социально-политические взгляды и определиться литературные вкусы. Но в содержании самих произведений нашли отражение псковские впечатления автора, свидетельствующие о том, что именно псковская действительность прежде всего определила направление его творческой мысли.

Свою «Правительницу» Ермолай несколько неожиданно заканчивает натуралистическим описанием безобразий, связанных с продажей спиртных напитков на постоянных дворах, и сетует о том вреде, который приносит существование «корчемниц». Безусловно, описание это сделано на основании его псковских впечатлений, так как, говоря здесь и о других городах, он прежде всего упоминает Псков: «Зде же видим, яко во граде, нарицаемом Пскове, и во всех градах русийских — корчемницы».¹⁶ Поэтому естественно предполагать, что и бедственное положение крестьян-

¹⁵ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 552 (автор раздела В. П. Адрианова-Перетц).

¹⁶ ПЛДР: Конец XV—первая половина XVI в. С. 660.

ства Ермолай должен был знать прежде всего по псковским впечатлениям. Учитывая, что «Правительницу» он решил передать царю в конце 40-х или самом начале 50-х гг. XVI в., т. е. примерно в то же время, когда он прибыл в Москву, следует признать, что идеи предложенного царю проекта реформ возникли у него еще в период жизни во Пскове.

Есть свидетельство и тому, что увлечение муромской легендой о крестьянке и ее замужестве, на основании которой составлено жизнеописание муромского князя Петра и княгини Февронии, не явилось для Ермолая случайным, а тоже было связано с псковскими впечатлениями. Кроме того, что весь сюжет произведения соответствовал его социальным воззрениям, надо сказать, жанр новеллы, в который он перевел содержание своего повествования о муромских святых, был ему близок и знаком по псковскому материалу.

Такое заключение можно сделать, исходя из сопоставления одного из новеллистических рассказов в Повести о Петре и Февронии с псковской легендой о княгине Ольге. В Повести Ермолая имеется небольшая новелла на фольклорную тему «все женщины одинаковы». ¹⁷ Эта новелла к развитию основного конфликта прямого отношения не имеет, хотя и выполняет вполне определенные функции: в ней дается конкретное представление о путешествии героев и подтверждается характеристика Февронии как мудрой женщины. Суть новеллы заключается в следующем. Изгнанные Петр и Феврония едут по Оке. Плывущий на одном судне с Февронией женатый человек позволяет себе взглянуть на княгиню, по выражению автора, «с помыслом». Феврония замечает это и обращается к назойливому спутнику со словами: «„Почерпи убо воды из реки сия с ю страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: „Почерпи убо воды з другую страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Она же рече: „Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?“ Он же рече: „Едина есть, госпоже, вода“. Паки же она рече сице: „И едино естество женско есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!“» ¹⁸ — заключает княгиня.

В псковском устном рассказе о княгине Ольге, дошедшем до нас в записи XIX в., точно таким же образом и в той же самой обстановке будущая княгиня Ольга отвергла притязания князя Всеволода. Приведу соответствующую часть рассказа, записанного П. И. Якушкиным: «С первоначалу жизни, немного по после, была, как сказано, Ольга крестьянка перевозчицей в Лыбуге. Раз перевозит она князя Всеволода. . . — Какой такой князь Всеволод? — Всеволод да и Всеволод — не знаю. . . Увидел Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу; а этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его на пустые речи ответ: „Князь! зачерпни рукой справа водицы, изпей!“ Тот зачерпнул, изпил. — „Теперь, говорит Ольга, теперь, князь, зачерпни слева, изпей и этой водицы“. Князь зачерпнул и слева водицы, изпил. — „Какая же тут разнота: та вода и эта вода?“ — спрашивает Ольга у князя. — „Никакой тут разноты нет, говорит князь: все одна вода“. — „Так, — говорит Ольга, — что жена твоя, что я, для тебя все равно“». ¹⁹

Наличие несомненной близости между этими двумя рассказами не вызывает сомнения. Еще Ф. И. Буслаев, основываясь на записи П. И. Якушкина, обратил внимание на прямую связь между ними. ²⁰ Можно думать,

¹⁷ Наличие этого мотива в составе Повести о Петре и Февронии отмечено: Саенко С. В. Русская народная сказка. Киев, 1914. С. 46; Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1976. С. 193.

¹⁸ Повесть о Петре и Февронии. С. 219.

¹⁹ Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 155—156.

²⁰ Буслаев Ф. Рец. на кн.: Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870 // ЖМНП. 1871. № 4. С. 229.

что данный фольклорный мотив отсутствовал в муромской легенде и был внесен в Повесть о Петре и Февронии самим Ермолаем — псковичем, хорошо знакомым с псковским устным рассказом о княгине Ольге.

О том, что такой устный рассказ о княгине Ольге бытовал не только в XIX в., а в своем вполне сложившемся виде был хорошо известен на псковщине во времена Ермолая, свидетельствует наличие его в жизнеописании княгини Ольги в Степенной книге, которая, как известно, была составлена не позднее 60-х гг. XVI в.²¹

Н. Серебрянский обратил внимание на то, что составитель Степенной книги в свое повествование об Ольге наряду с другими источниками привлек Проложное псковское житие Ольги, а также в эпизоде «О великом князе Игоре, како сочтася со блаженною Ольгою» использовал какой-то псковский рассказ. По мнению исследователя, это был или устный рассказ, впервые письменно изложенный составителем, или, что вероятнее, заимствованный им из уже существующей записи, или сочинен самим составителем.²² Отметим, что в тексте Степенной книги сделана следующая помета об источнике рассказа: «яко же неции поведаша дивно сказание».²³ Не вдаваясь в подробности решения вопроса о взаимоотношениях текста Степенной книги с устным рассказом, записанным П. И. Якушкиным (что выходит за рамки нашей темы), отметим только одно различие: в Степенной книге Ольга перевозила своего будущего супруга, князя Игоря, а в устном рассказе речь идет о каком-то князе Всеволоде.²⁴

Параллельное сравнение названных трех рассказов показывает принципиально разный подход к истолкованию устного источника Ермолаем и составителем Степенной книги. Ермолай точно воспроизводит прямую речь, заимствованную из псковского источника, а в Степенной книге вместо живого диалога и наглядного примера «о едином вкусе воды» Ольга, «уразумевше глумления коварство», произносит длинное наставление, которое автор завершает своим разъяснением: «И ина многа премудрено о целомудрии глаголя».²⁵ В результате оба рассказа выглядят как не имеющие ничего общего, хотя они и написаны примерно в одно время и довольно близки друг другу своим литературным языком. Так, в них можно отметить почти одни и те же выражения: в Повести о Петре и Февронии — «Они же пловуще по реце в судах. . .», «возрев на святую с помыслом», «Она же, разумев злый помысл его»; в Степенной книге — «И пловущим им и возре на гребца оного», «Она уразумевше глумления коварство». Следует обратить внимание на самое главное: Ермолай сохраняет тему народной новеллы, переданной и в устном псковском рассказе в виде диалога, а в Степенной книге эта тема отсутствует: она заменена простым

²¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, вып. 1. С. 6—31.

²² Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 40.

²³ ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 7.

²⁴ Кроме того, в отличие от Степенной книги, в записи устного рассказа, сделанного П. И. Якушкиным, сообщается, что крестьянка Ольга была перевозчицей в Лыбуге. Название селения передано здесь ошибочно. В Степенной книге говорится о происхождении Ольги из «Псковской страны», «от веси, именуемая Выбутская» (ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 6). Селение Выбут на реке Великой, где был брод, неоднократно упоминается во всех псковских летописях. Наиболее интересными для нашей темы являются топографические сведения ПИЛ в статье 1393 г., которых нет в других летописях: «И тогда убиша копорскаго Иоана под Ольгиной горою, а инех многих избиша на Выбуге. . .» (ПИЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 30). Издатель и исследователь псковских летописей А. Н. Насонов отметил своеобразную черту ПИЛ: составитель этой летописи среди прочих материалов обращался к устным рассказам, особенно это касается XV в. (ПИЛ. М., 1941. Вып. 1. С. XLIV—XLVI). Упоминание одновременно названия Ольгиной горы и Выбуга, а также наличие древней летописной записи в ПВЛ (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Стб. 29), ПИЛ (М.; Л., 1950. С. 107) и ПИЛ о том, что князь Игорь привел себе жену «от Пскова именем Ольгу» (ПИЛ. Вып. 1. С. 8), являются косвенным подтверждением бытования на псковской земле местной устной легенды о княгине Ольге ранее XVI в.

²⁵ ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 8.

правоучением, сделанным умной и прозорливой героиней — будущей княгиней.

Таким образом, пример с новеллой на тему «все женщины одинаковы» позволяет думать, что художественные принципы, использованные Ермолаем-Еразмом при создании произведений на муромскую тему, были усвоены им еще во время пребывания на псковской земле; на формирование его взглядов и литературных вкусов оказало влияние не только широкое распространение письменности на псковщине, но и знакомство с устным народным творчеством. Но, к сожалению, до нас не дошло каких-либо конкретных свидетельств о той среде, в которой происходило формирование писательского таланта Ермолая-Еразма.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что своеобразие писательского мастерства Ермолая-Еразма при создании Повести о Петре и Февронии выразилось в том, что он не отступил от основного художественного принципа своих устных источников, осознав важность сохранения диалогов как основного фактора новеллистического построения. И этот принцип был четко выдержан на протяжении всего повествования. В силу указанных обстоятельств в середине XVI в. писателем, чьи литературные вкусы определились во время его пребывания на Псковской земле, было создано одно из лучших произведений древнерусской повествовательной литературы.

О. В. ТВОРОГОВ

Материалы к истории русских хронографов 3. Троицкий хронограф*

Троицким хронографом мы предложили называть хронографическую компиляцию, известную в настоящее время в трех списках: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1; ГПБ, Новое собрание рукописной книги (НСРК), 1918, Ф. 27, — которые мы обозначаем далее соответственно как списки *Т*, *У* и *Л*. Списки *Т* и *У* были известны еще А. А. Шахматову, определившему их как списки особой (третьей) редакции Летописца Еллинского и Римского: «хронограф, положивший в основание Хронику Амартола, но дополнивший ее выписками из других памятников и статей, каковы, например, апокрифическое Деяние ап. Петра и Павла, обзор языческих пророчеств, относящихся ко Христу, рассказ о семидесяти толковниках, о рождении Константина Великого, о построении храма св. Софии и др.».¹

Исследование Троицкого хронографа (далее: *Тр. хр.*) привело нас к выводу, что он основан на «Хронографе по великому изложению» (далее: *Хр. по ВИ*) — хронографическом своде, составленном на Руси на основе Хроники Георгия Амартола и Хроники Иоанна Малалы не позднее последней четверти XI в., — но дополнен материалами, входившими в своеобразный «конвой» *Хр. по ВИ*.² К *Хр. по ВИ* обращались в разное время и русский летописец, составитель Начального свода,³ и создатель *Тр. хр.*, и составители Полной и Краткой редакций Хронографической палеи, и составитель второй редакции Летописца Еллинского и Римского.

Таким образом, в *Тр. хр.* содержится два пласта источников: текст, восходящий к *Хр. по ВИ*, и материалы, введенные в хронограф его составителем из других источников. Восходящими к *Хр. по ВИ* мы можем считать те фрагменты, которые являются общими для *Тр. хр.* и хронографических палей. Эти общие чтения отмечены и соотнесены в описании состава этих памятников.⁴

Наблюдения над текстом Хроники Амартола, включенным в *Тр. хр.* через посредство *Хр. по ВИ*, привели к выводу, что помимо редакций этой Хроники, названных В. М. Истриным первой и второй,⁵ существовала особая — Хронографическая — редакция Хроники, которая в отдельных случаях лучше передавала текст первооригинала перевода, чем

* Предыдущие статьи этой серии см.: ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 256—274; Там же. 1983. Т. 37. С. 188—221.

¹ Шахматов А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века // Византийский временник. СПб., 1900. Т. 1. С. 13—14.

² Обоснование этой точки зрения см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. Гл. 2 и 3.

³ См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99—113.

⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 239—274.

⁵ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исследование и словарь. Пгр.; Л., 1920—1930. Т. 1—3.

списки первой редакции, зачастую совпадая при этом со списками второй редакции. Сравним отразившиеся в *Тр. хр.* чтения Хронографической редакции с чтениями первой (*Ам-Тр*) и второй (*Ам-2*) редакций.⁶

<i>Тр. хр.</i>	<i>Ам-Тр</i>	<i>Ам-2</i>
в народѣ тяжцѣмъ	въ силѣ тяжцѣ (200, 11)	народѣ тяжцѣ
мерзость	мерзокъ (201, 1)	мерзость
словесъ мирьскихъ	глаголы мирныя (204, 11)	словесъ мирьскихъ
гѣло его	того (216, 1)	гѣло его
тыя воиномъ избити	скоро отъ нужда тыя не избави (216, 15)	въскоро отъ воинъ тыя избити
наповѣдано ему	побѣда ему (264, 5—6)	наповѣданое

В тех же случаях, когда вторая редакция Хроники отступала от первооригинала перевода, лучше представленного в списках первой редакции, то *Тр. хр.* совпадает именно с этой последней. Например:

<i>Тр. хр.</i>	<i>Ам-Тр</i>	<i>Ам-2</i>
именуются	именуются (199, 10)	нарекошася
разори	разори (215, 21)	расточи
праздникъ	праздникъ (263, 2)	день
всепогибелье	всепогибелье (263, 6)	погибение

Но значение *Тр. хр.* не ограничивается тем, что он позволяет реконструировать состав *Хр. по ВИ* и тип текста Хроники Амартола, в нем отраженный. *Тр. хр.* содержит также ряд фрагментов, которые не имеют аналогий в известных нам древнерусских письменных источниках. Их исследование — особая задача, решение которой будет, надеемся, облегчено данной публикацией. Сейчас же ограничимся перечислением тех фрагментов *Тр. хр.*, которые не восходят к *Хр. по ВИ*.

1. На л. 342—343 об. читается статья «От елиньскаго хронографа пророчества о Христѣ историка». Источник ее не установлен. Отмечалось, что одно из чтений этого фрагмента совпадает с чтением в составе Послания Климента Смолятича.⁷

2. На л. 343 об.—344 об. читается фрагмент о семидесяти двух переводчиках библейских книг «Бысть же мужъ добръ къ всѣмъ . . . сия причастны рещи». Источник фрагмента не установлен.

3. На л. 346 читается фрагмент из Хроники Амартола (205, 20—206, 4) «Изби же убивъшихъ стрѣя его . . . рекше Диевъ градъ», отсутствующий в палеях.⁸

4. На л. 347—347 об. читается фрагмент «Въ Иерусолимѣ же тогда бяше . . . продающе и по нужи», источник которого не установлен.⁹

5. На л. 349—350 читается фрагмент «Бысть же в лѣто четверодесятное . . . уча и препирая от писании», отсутствующий в палеях.

6. На л. 350—350 об. читается фрагмент «Иродъ же в то время . . . свитающии недѣли», источник которого не установлен. Возможно, он восходит к тому же источнику, что и фрагмент 4.

7. На л. 353—362 об. читается обширный фрагмент, извлеченный из апокрифических Деяний Петра и Павла.

⁶ Первая редакция (по Троицкому списку, отсюда обозначение — *Ам-Тр*) цитируется по изданию В. М. Истрина с указанием страниц и строк.

⁷ См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 96—97.

⁸ Далее не указываются фрагменты *Тр. хр.*, восходящие к Хронике Амартола, но отсутствующие в палеях (фрагменты № 81, 91, 92, 104, 105, 108, 113—115, 118, 120—123, 132, 228 в описании состава *Тр. хр.* См.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 262—274). Видимо, эти фрагменты были опущены в том виде *Хр. по ВИ*, который был использован составителями палей.

⁹ Отметим, что в *Тр. хр.* есть также фрагменты, повествующие о событиях в Риме и Иудее, которые имеются и в палеях: это фрагменты № 98, 101, 106, 110, 112, 117, 125, 126. Все они, возможно, восходят к какому-то общему источнику.

8. На л. 364—367 читается обширное извлечение из Жития Константина и Елены «Сущю же Косте триуномъ . . . отпущени быша».

9. На л. 367 об.—368 продолжение извлечения из Жития «Яко приде царь Костянтинъ . . . въ снѣ ему повелѣ».

10. На л. 373 об. читается фрагмент «Царь же Феодосеи . . . созда град мученикъ», источник которого не установлен.

11. На л. 376—383 обширное извлечение из Сказания о построении Софии Цареградской «Царь же 5 лѣто царства . . . великия божия церкви».

12. На л. 384—386 фрагмент «Въ лѣто же того Фоки . . . въ велицѣмъ и ветсѣмъ Римѣ», озаглавленный в списке Л «О Хоздрои». Источник статьи не установлен.

13. На л. 392 об. небольшой фрагмент из летописи «И придоша по семь Русь . . . от створения миру. Аминь».

Каждый из перечисленных здесь фрагментов *Тр. хр.* может стать материалом для различных источниковедческих и историко-литературных разысканий.

Тр. хр. известен в настоящее время в трех списках. Старший из них — список ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728. *Тр. хр.* входит в состав сборника, содержащего библейские книги (книгу Иисуса Навина без начала, книгу Судей, книги Царств). Первоначально сборник датировали XIV в., но затем Н. П. Лихачев датировал его началом XV в.¹⁰

Второй список — в составе сборника ГБЛ, собр. Ундольского, № 1. Текст *Тр. хр.* следует после библейских книг (Пятикнижия, книг Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Премудрости Соломоновой, Есфирь). Сборник датировался первоначально 1423 г.,¹¹ но затем Н. П. Лихачев¹² и Б. М. Клосс¹³ отнесли его к последней четверти XV в.

Третий список *Тр. хр.* входит в состав обширного сборника ГПБ, НСРК, 1918, Ф. 27. На этот сборник любезно обратила наше внимание Н. А. Дворецкая. В сборник входят библейские книги (Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Есфирь), «Сказание о трех пленениях Иерусалима», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (Промежуточной группы Отдельной редакции, по классификации Н. А. Мещерского) и «Рыдание» Иоанна Евгеника. По филиграммам сборник может быть датирован рубежом XV—XVI вв. На л. 248 любопытная запись писца: «Слава богу, навръшившему книгу сию грѣхослужителною десницею, обаче же рещи — грѣшнѣишаго въ всѣхъ человекѣхъ священноиерея Ишапа,¹⁴ служителя святѣи Богородици, честнаго ея покровца на Вытерги (так! — *О. Т.*), а правил есмь сию книгу с митрополициѣ бытии, а писана книга сия с Ферапонтовские бытии, а от сих мѣсть писал есмь с митрополициѣ бытии. 1-е Александрово хождение». Судя по месту приписки в сборнике, «митрополциѣм бытием» писец назвал именно текст *Тр. хр.* Н. Н. Розов предположил, что речь идет о рукописи, принадлежавшей митрополиту Спиридону-Савве, который в начале XVI в. находился в ссылке в Ферапонтовом монастыре. В том же монастыре находился и источник других статей сборника — «Ферапонтовское бытие». Если высказанная догадка верна и одним из источников сборника была рукопись из библиотеки Спиридона-Саввы, то этот факт имеет косвенное отношение к датировке сборника: Спиридон-Савва был сослан в монастырь в период

¹⁰ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. С. 293.

¹¹ Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. Стб. 6.

¹² Лихачев Н. П. Палеографическое значение. . . С. 293.

¹³ Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1971. Вып. 32. С. 68.

¹⁴ Имя Иван, написанное простой литореей.

между 1490—1494 гг. и находился там по крайней мере до 1503 г.¹⁵ В сборнике кирилло-белозерского книгописца Ефросина, составленном в 90-х гг. XV в.,¹⁶ мы также находим отражение *Тр. хр.* Возможно, что рукопись, послужившая оригиналом для списка *Л*, и рукопись, к которой обращался при составлении своей хронографической компиляции Ефросин,¹⁷ идентичны.

Как было показано в работе, посвященной *Тр. хр.*, состав этого свода, по всей вероятности, был таков: первым ее компонентом являлась компиляция, повествующая о событиях от времени завоевания Иерусалима Навуходоносором до времени Александра Македонского, второй компонент — «Александрия» особой редакции,¹⁸ третий компонент — хронографическая компиляция, в которой рассказывается об истории стран Ближнего Востока после крушения державы Александра, Рима и Византии вплоть до времени Романа Лакапина. Именно этот третий компонент, наиболее интересный для истории русской хронографии, и публикуется ниже. Что же касается двух предшествующих компонентов, то публикация первого из них может быть целесообразна в рамках исследования истории библейских текстов в составе хронографических компиляций (этот компонент основан на книге пророка Даниила с толкованиями Ипполита и книге пророка Иереми), а второй едва ли заслуживает отдельной публикации, так как представляет собой компиляцию из текстов первой и второй редакций «Хронографической Александрии». Именно поэтому считаем возможным и целесообразным публикацию приводимого далее компонента *Тр. хр.*

Необходимо также отметить следующее. В основу публикации положен текст Троицкого списка. Список из собрания Ундольского не привлекается, поскольку он представляет собой копию Троицкого, повторяя даже его описки, а правка его по другому списку носит по преимуществу орфографический характер. Список НСРК (*Л*) в ряде случаев сохранил первичные чтения *Тр. хр.* сравнительно со списком *Т*, но он не может быть положен в основу издания, так как содержит ряд индивидуальных чтений и отличий: в нем имеется лакуна в рассказе о времени правления императора Тиберия (см. разночтение II, 84—85), пропущен рассказ о построении Софии Цареградской (см. разночтение IX, 68—69), и конец хроники заменен выписками из Хроники Амартола (см. разночтение XII, 24). Из этой же Хроники в список сделано несколько добавлений (см. разночтения VIII, 40; VIII, 76; VIII, 81; VIII, 92; IX, 72; X, 37—38; XII, 15—16; XII, 18; XII, 23; XII, 24).

Особую трудность при издании представляет текст «Сказания о построении Софии Цареградской», читающийся лишь в идентичных списках *Т* и *У*; мы лишены, таким образом, возможности исправить многочисленные описки в этом тексте по списку *Л*. Поэтому нам пришлось корректировать текст по отдельному списку «Сказания» (ГИМ, собр. Уварова, № 902/1319¹⁹), восходящему, как показал еще С. Г. Вилинский, к тексту *Тр. хр.*²⁰

Публикация *Тр. хр.* в какой-то мере предварительная: она должна расширить возможности дальнейшего исследования этого интереснейшего памятника древнерусской хронографии.

¹⁵ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 75, 77.

¹⁶ См.: Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 172.

¹⁷ См.: Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов: 1. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 257—259.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 86.

¹⁹ Список был издан: Леонид. Сказание о построении Софии Цареградской. СПб., 1889 (ПДПИ, № 78).

²⁰ Вилинский С. Г. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в хронографе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 7—8. — Вилинский называет *Тр. хр.* третьим видом Еллинского летописца.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

I. А Царство Антиохическое^{6, 1, 1}

По Александрѣ же царствова Селевкии, иже и Никаноръ нарицашеся. То три грады созда: единъ въ страны Кыликииския,² а два въ страну³ Сурскую.⁴ Единъ же въ свое имя нарече Селевкия, а други въ сыновни — Антиохия, а третии въ дщерию, бѣ бо имя ей Лаодикия.

При томъ родияняѣ⁵ моремъ обладавше, поставиша въ островѣ кумиръ мѣдянь соляцю, ему же величествиемъ нарекоша Колосонъ, тѣмъ же и сами колосоняне⁷ именуются.

По Сежукыи же царствова Антиохъ, сынъ его, и инѣхъ Антиохъ 5. Таче цесарствова⁵ Антиохъ Горьдыи, сынъ Селукыевъ, рекше Отецлюбець. При томъ бысть 2-е погыбение Иерусолиму, но маковѣяне⁴ быша, перки осквернися по Данилову прорицанию. Рече бо, глаголавъ к нему, архангель о 3 лѣта и ⁶пол полона^ж сего: и во время измѣнения безъпрестани дасться мерзость запустѣнью, имъ днии 1000 и 200 и 90.⁶ Таче раздрушение злomu благовѣстуга наводитъ глаголя: «Блаженъ стерпѣвыи дошедъ во дни 1000 и ⁷300 и 30 и 5⁸».

Се же Антиох злыи устремися на егуптяны, яко да створить едино цесарство⁹ Антиохию же и¹⁰ Егупта. И пришедъ въ Егупетъ в народѣ тяжцѣмъ на колесницах // и на слонѣхъ с вои многыми и¹¹ съвокуися с полкомъ Птоломѣвовомъ, цесаремъ¹² егупетскимъ, и побѣди его. Избѣгну Птоломѣи, Антиохъ же облада сущими грады въ Егупте, вся поплени.

Святому же граду живуцу всѣмъ миромъ, святительскаго рода Ониова ненавиждящому лукавства, ключися по всему граду въскорѣ за днии 40 являтися на въздухъ на конихъ, рищюще и въ оружьи и златыя одежа имуца, и полкыи обоя бываемыхъ¹³ и оружьемъ двизания, златыя красоты блистаниемъ,¹⁴ всякимъ видомъ оболченымъ¹⁵ въ броня. Сего ради вси моляхуся, да благо будетъ являемое явление, еже проявляшется се злое пришествие Антиохово. Заповѣдавъ бо съ побѣдою многою / и сверѣпу имы душу, от многога безумья и горьдыня приде на Иерусолимы и взя градъ кошимъ,¹⁶ и погуби и. Таче повелѣ воемъ¹⁷ не шадяща сѣчи сущая въ градѣ. И избѣвени быша темъ 18.¹⁸ И дерзну въ святыню вшедъ съ горьдынею великою, постави капище идоломъ, мерзость¹⁹ запустѣние, церковь оскверни нечистыми жертвами и церковь Дионусоу людемъ Диоу нарече. И тако на висоцѣи мѣстѣ сѣдъ, и воемъ его предъстоящимъ округъ его въ оружьи, повелѣ носящому копие единому каждо ихъ жидовина яти и мясъ свинныхъ ²⁰идоложерътвенныхъ²¹ нудити вкушати имъ. Аще ли²² не хочеть от нихъ кто скверна вкушати, сия, истомивше, избийте.

Многымъ же ятымъ, в нихъ же баше Елезаръ именовемъ, старѣишина³ книгчиямъ, мужъ же престарѣвся възрастомъ, нудимъ баше от сквергныхъ ѣсти. Се же с^И добрословиемъ смерть паче изволи,²³ с ненавистью житие прияти, самъ къ муцѣ идяше тако со многими ранами и язвами, премѣнивъ²⁴ свое житие,²⁵ не точию унымъ, но и състарѣвшимся своею смертью образъ добръ и память добродѣтельную остави. С нимъ инии бяху 7 братии, смертию различною мучими, страстотерпѣскими вѣнци такоже вѣнчани быша. О нихъ великый Григорей глаголетъ: «Тако въсприятъ ²⁶иерѣиский чинъ²⁷ божественныи Елезаръ, научися научи²⁸ небесныхъ, и не вънешнемъ кроплениемъ Израиля освяти, но своею кровью створивъ конецъ, конечное таино.²⁹ Тако и уни отроци | не сладости работавше и тѣло чисто створив-

1, а-б Царство Антиохии написано вязью. В Испр. по Л; Т родияняне. Г Испр. по Л; Т колосяне. Д Испр. по Л; Т маководяне. ^{6-ж} Испр.; ЛТ полна.

⁸ Испр. по Л; Т старѣишинамъ. И Доб. по Л.

1, 1 Доб. еже царствова по Александрѣ. 2 киликииския. 3 страны. 4 Сурьска. 5 царствова. 6 70 и 7. 7-8 200 и 70 и 7. 9 царство. 10 Нет. 11 Нет. 12 царем. 13 бываемая. 14 блистание. 15 оболчены. 16-17 Нет. 18 12. 19 мерзв. 20-21 идолъ жерътвенныхъ. 22 Доб. же. 23 Доб. или. 24-25 житие свое. 26-27 иерѣи книгчия. 28 Нет. 29 таинство.

л. 339 об.

шимъ къ безгрѣшнѣи жизни предъставишася. Тако пріягъ многочадна мати, тако и живымъ и³⁰ еще сущимъ украсися и отшедъше с ними въ покои есть, ихже роди въ миръ господеви предъпостави». Удивив же ся Антиохъ, тако предложи чюдо прещение свѣдають дивитися и ратни мужьскаго добродѣтеля,³¹ егда ярость кончася о собѣ, дѣяние искусится. И кии отиде бес помощи и безъ истовья. Тѣмже³² убо мучитель, осрамився, паче разгнѣвався и святыхъ съсудъ вземъ, злата и сребра безъ числа, и весь градъ поплѣнивъ, и скотину въ мяса створивъ, и, велерѣчьствовавъ, отиде въ Антиохию и велии плачь остави въ сыномъ израилевимъ. И по двои лѣту собрався на перьсы и посла князя дани собирають на грады ерусалимьскыя. То пришедъ со многою силою, глаголавъ с лестью къ граду Ерусалиму, въшедъ, порази я съ язвою великою, и разори я³³ стѣны градныя, и весь градъ зажеже, и церковь же блудства и скверныхъ³⁴ жертьвъ исполни, не хотящихъ же жидомъ приступити въ елиньскую вѣру и скверныхъ вѣкушати, не щадя избиваше. Многыя мужа и жоны и дѣти со многыми муками избивъ, а другия плѣнивъ, отиде, князя оставивъ, да мучить иудѣя.

л. 340

Матѣфѣя же иѣкыи ерѣи имѣ³⁵ сыновъ 5, от нихъ же Июда, иже и Маковѣянинъ баше³⁶ ревениемъ исполчився, вѣста на князя и убию его, собравъ своихъ всѣхъ, пришедъ, нечестивыхъ капище раскопа елиньскыхъ, приступившимъ жидомъ законъ, избии я. Антиох же нелѣпо побѣжен от Перьскаго земля, но опять заповажение створи от многого уныния разболѣвся,³⁷ вѣща к вельможамъ своимъ: «Отступилъ есть сонъ от очию моею. И низпадох печально многою и нынѣ убо помянухъ злыхъ, ихже створи во Иерусалимѣ, и разумѣхъ, яко тѣхъ ради обретохъ злая. Се погыбаю въ земли чюжей». И повелѣ оружнику своему беспрестани погнати мановениемъ шествованиемъ, разумѣвая явѣ, яко с вышняго суда мука есть: одержаше его безъпрестани болѣзнь въ сердци и люты внутрь || мука.^к Ключи же ся ему низу пасти с колесница, заше борзо везому, и въ злое впадение впадеся, вся телесная удеса его разслабѣша, недугъ же ся тольма проволооче, яко и червемъ всъкыпѣти, и болѣзными распадатися плоти его. Еще же и от смрада океаннаго его тѣла всѣмъ воемъ тяжко баше от смрада, и повелику много похвалися и мьного зла створивы, и тако нелѣпо уродство, но житие въ чюжей странѣ испровержесе, где же по правдѣ³⁸ неправеднѣ же мученъ бысть и умеръ же по худѣ тамо паче мучимъ³⁹ бысть.

л. 340 об.

По Антиосѣ же царствова Антиохъ, иже Иевѣпатаръ,⁴⁰ сынъ его. При томъ Июда Маковѣянинъ старѣишая Антиоховы стража избии. И приде Антиохъ на Еру|солимъ, и бѣ у него конникъ 20 тысящъ, а пѣшець 100 тысящъ, а колесницъ 300, а слоновъ 50 и 5 наученымъ на брань. И раздѣливъ слоны на заступы и приставникъ коемуждо слону 1000 мужъ броньстець въ единомъ же⁴¹ ужи желѣзнѣ, и шеломи мѣдяни на главахъ ихъ, и конь 5000 наряжени къ коемуже⁴² звѣри, забрала древяна на коемъже звѣри, и кознью горазною⁴³ замышлени. И на коемъже слонѣ по 30 мужъ и по два въ оружыхъ и въ браняхъ. Якоже восиаше солнце на златыя щиты и на оружие, блистахуся горы от нихъ и сияхуся, яко свѣтилници горящей. Тѣмъ же возмущахуся вси видящей глас множество и скрипанія колесницъ; бѣ бо полкъъ велии крѣпкокъ зѣло. Вои совокупи безъ числа въ оружьи. Яко удлился^л брань и увидѣ⁴⁴ Елизаръ, братъ Июдовъ, ражженымъ⁴⁵ слонемъ и стрѣлникомъ сущимъ⁴⁶ на них, единого же увидѣвъша ихъ и въ цесарьскую брань оболѣчены, мнѣвъ на немъ сущу цесарю.⁴⁷ Исключивъ ис полъка своего, прилѣпися противнымъ стоящимъ, и многы язвивъ округъ слона и под онъ подѣтече и прободе въ чрево слома. И паде

^л Испр. по Л; Т матѣвѣянинъ. Т удался.

^к Испр. по Л; Т ка.

^л Испр. по Л;

³⁰ им. ³¹ добродѣля. ³² тѣмъ. ³³ Нет. ³⁴ скверныхъ. ³⁵ имѣя. ³⁶ Доб. сеи. ³⁷ разбѣлѣвся. ³⁸⁻³⁹ мученъ. ⁴⁰ Невѣпатаръ. ⁴¹ Нет. ⁴² коемуждо. ⁴³ Нет. ⁴⁴ увидѣвъ. ⁴⁵ наряженнымъ. ⁴⁶ сущи. ⁴⁷ царю.

слонъ на немъ и скрушися. Се же Июда, видѣвъ крѣпѣишую⁴⁸ брань ратныхъ, въ Ерусалимъ бѣжа. И погна Антиохъ и ста округъ града. Таче словесъ мирьскихъ съ клятвою створившу,⁴⁹ приять его Июда внутрь града. Се же вшедъ клятву преступи и стѣну гра|дскую бывшую испроверже и живущая в немъ пленивъ, въ Антиохию възвратися. Потомъ же Июда за 3 лѣта вѣре изнемогъшися, отечскую вѣру приять и многы показавъ брани и побѣды многы створи на антиоховы люди, отгна от своихъ странъ, и церковь чисту сътворивъ себе. Си людие иудѣистии святительство ему даша.

При томъ Исусъ Сираховичъ премудрыи, много учивъся предобродѣтелну премудростию⁵⁰ съвѣщавъ еврѣомъ вѣдомо бѣаше.

**Се же пакы пишет еминьскихъ хронографъ
яко въ лѣто Езикѣя царя иудѣиска¹¹*

Быста два брата въ западныхъ странахъ Ромъ и Римъ. Ромъ же старѣи Рима.⁵¹ Створиста градъ *ои нарекоста и Римъ.*¹¹ Та же брата построиста полату пола|нгову⁵² и прозваша Румъски кацотелионъ,⁵³ еже ся нарече глава граду. Брата же та въздвигоста вражду, и уби Ромъ Рима, и царствова Ромъ единъ. Отнелъ же уби брата своего, трясется нача весь градъ Римъ, и народи мястися начаша, и бивъ⁵⁴ в нихъ усобица. И шедъ Ромъ⁵⁵ въ требище, въпраша бога: «Почто в мое царство си дѣются?» И обрѣтесе ему от проповѣдника: «Аще не⁵⁶ сядеть ти братъ с тобою на престолѣ царьстѣмъ,⁵⁷ не имать предъставити градъ Римъ тряс шеся, ни рать улеpci. Но створи образъ брата своего златъ до пояса и посади и⁵⁸ на престолѣ съ собою, на немже сѣдьяше». И тако царствова прочая своя лѣта, сѣдая съ златымъ образомъ брата своего Рима. И преста трусъ града, и леже⁵⁹ мятение града. | Аще что глаголаше о уставѣ, то от себе и от брата своего глаголаше: «Уставляя повелѣхомъ и уставихомъ». Оттолѣ и въ грады⁶⁰ суцая по нему же обычая царь и доселѣ глаголетъ. Под властью римскою разъпустиша образы, поясъ поставити у князь, и на златицахъ тако образъ творити нача: себе о едину страну, а оног⁶¹ — другую. Ромъ же цесарь⁶² по кончании створи имя мѣсяцю то «мартъ», еже наричетъ ратный богъ, еже по вся лѣта праздникъ творить руми и доселѣ нарочить день празднака того по полу играоче. И сотвори им подърумье в Римѣ, хотя расъсыпати народы римлянъ, яко встаяху ша нь брата дѣля. И створи Римъ подърумье в румѣхъ, первое нача играти в то|и земли за-паденне въ Италии, колесницами и четырьми кони, рекъше: «Земли, ти морю, ти огню, ти въздуху». И створи имена^Р Ромъ: земли зеленую^С часть, якоже есть трава, а морю синяя часть, якоже есть вода, а огню червьленую часть, яко черьмну суцу, а въздуху бѣлу часть. От того увидѣша 4 части в румѣхъ, наръкоша зеленую часть прасина, яко трава, и причта къ земнѣи части, съвѣкупивъ къ прасину бѣлую часть, еже есть от въздух, елма работает^Т земли, и красить ю, дождь пуцая, аки воднѣи части. К венету причта червьленую часть, якоже есть огонь, елма вритъ вода огню, работающе ей, огонь водою угашается. Раздѣлиша же ся римляне | на части, и к тому не быша къ собѣ, но другъ на друга бысть, рькуще, да ⁶³бы наша⁶⁴ страна одолѣла акы пѣкую вѣру держаще, не хотяху ся видѣти. И вѣста въ Римѣ расколъ много отнелѣ же въздвиже Ромъ игру ту. И прихожаше множество бес числа на позоръ от всѣхъ земель и градъ на ту нарочиту игру цесарскую.⁶⁵ Живущии же по морю и въ островныхъ градѣхъ и въ всѣхъ приморьскихъ корабленици моляху бога, дабы одолѣвъ нося синюю котугу, еже есть Посидонъ, рекъше: «Аще останеть, иже за Посидона

л. 341

л. 341 об.

^{М-н} Доб. по Л. ^{О-п} Доб. по Л. ^Р Испр. по Л; Т рмена. ^С Испр. по Л; Т земле-ную. ^Т Испр. по Л; Т работаемъ.

⁴⁸ крѣпльшую.

⁴⁹ створшю.

⁵⁰ премудрость.

⁵¹ щимъми

⁵² Нет.

⁵³ Юпитолионъ. ⁵⁴ бы.

⁵⁵ Римъ.

⁵⁶ Нет.

⁵⁷ царстѣмъ.

⁵⁸ Нет.

⁵⁹ улеже.

⁶⁰ градъ. ⁶¹ одного.

⁶² царъ.

⁶³⁻⁶⁴ быша.

⁶⁵ царскую.

играете, поскуду рыбы будутъ и всюду вѣтри злѣ^У встануть, да кораблемъ не лѣзѣ⁶⁶ будетъ плавати». А иже свѣне моря живутъ и молахуся, дабы одолѣвъ носяи зеленую ризу, ꙗ глаголюще, яко: «аще^Ф останеть, иже за Дмитрию играюще, еже есть земля, то скуда будутъ жита, и масла, и вина, и овощи». Ромъ же цесарь⁶⁷ уже видѣ страну и ставшю то с тобою будяше встающая на нь народы и боляры брата дѣля, или⁶⁸ иное дѣля которыя вины, тѣмъ бываше по оставѣшии части и к себе я принимаше, аки печалныя, да ему будет с кымъ быти на встающая на нь. Отъ того примыше и по того строению жити начаша, иже по немъ быша цесари⁶⁹ римъстии. Рома же и Рима сказуютъ поверъжена в ласѣ, мати бо има солнца бога Арѣа жрица бѣ и сѣключивши с воиномъ, роди близнятѣ — Рома и Рима. И обрѣте я жена польская, пасуща овца, и вскорѣми я млекома | своимъ. По Ромѣ же цесарьствова⁷⁰ инѣх 6 до Трокуниа. И бы⁷¹ Трокуниа 7 цесарь,⁷² изверъгоша и. По изверъжении же его строиша Римъ упати до кесаря Иулиа лѣт 400 и 60 и 4.

*От елиньскаго хронографа пророчества
о Христѣ историкиа^А*

Въ дни же упатъ тѣхъ бѣше мудрыи Омиръ въ елинь,⁷³ иже въ своихъ книгахъ всписа створеная всячская богомъ, рече бо: «Въ не свѣдомѣ водѣ исподи лежащая глубины держать в себѣ зѣло славны ризы, явѣ плавающа непроходимыя пучины». В тои ся куплетъ Омиръ. Аристателъ же и учитель Александра цесаря⁷⁴ македоньскаго что вѣща о твари божьи: «Во вратѣхъ подѣ землею всяк, яко водѣнны гад, егоже ꙗ не можетъ никтоже ищести, кто тому изваяно⁷⁵ верѣтпыи и ямы безъ руки и безъ оружия». Что же рече Перфурии прехвалныи о премудрости и о очистительствѣ Христовѣ: «Бози же благочестно избавиша и, бесмертна бывѣша хвалнѣ, еже бо его⁷⁶ поминають». Паки то же рече: «Тако иже от него служили бяху, нарицаемии бози, ему же мудрость доиде, то же дастъся иерѣемъ, тѣмъ на бракъ⁷⁷ цесарь⁷⁸ почитаемъ богъ истъ», ему же и Дионисии славныи афинѣискыи рече: «Небесная словеса глубокая, невидимы стезя имѣюща, явѣ текутъ по стези, не осяжемѣ». Евсѣвѣи же и Сиула приркости красно и лѣпо о небесныхъ знаменыхъ афинѣискы, ему же вся⁷⁹ колѣнаносни | и припадающе кланяють многуобразну знамению, ни грипъ бо възбояся Александра въздухохожения, елиньска нырениа». Что же паки Реергѣлт⁸⁰ руминъ о воплощении Христовѣ: «Послѣднее лѣто полну, ему же лѣты приходитъ, уже и дѣвая приближается, уже и новая поражаетъ, с высокога небеси посылается и съ твердостию утвердитъ и умирениу⁸¹ укротитъ⁸² отча обычая». Паки же о тайнемъ и плотнымъ⁸³ роженіи господа нашего Исуса Христа рече Сувила волхва Филипова едина трихъ: «Егда же унича слово божие неизреченно въ чревѣ приметъ, тогда руми царьствуютъ». Наченъшю бо Августу царствовати в Римѣ, въ⁸⁴ на дѣсят лѣто⁸⁵ царствиа его родися господъ наш Исусъ Христосъ в лѣто 5000-ное и 500 лѣто от створеніа миру. От Августа бо кесаря царство Римъское начинается.

Что^Ч же паки ркоша философи о верѣтпѣ и ослѣхъ и о дрѣвѣ крестнѣмъ? Древо сурумии⁸⁶ ово хвалящимъ ся оружьи положенымъ силамъ каменя горъ небесныхъ дрѣвесъ⁸⁷ моря и всячскихъ еже въ водѣ. О томъ всимъ ше просто ни без ума извѣщано. Что противу симъ отвѣщаете елини? Сии бе въ книгахъ вашихъ писана суть, яже вы чтуще не разумѣете, яже пророчествоваша бози ваши о святѣи Троици и о сынѣ божьи и о святѣи богородици Марьи. Философи же и вѣтїа и мудрии ваша сказаша вамъ

У Доб. по Л.   Ф Доб. по Л.   х-Ц Доб. по Л.   Ч Так Л; в Т отсутствует киноварная буква Ч.

⁶⁶ не злѣ.   ⁶⁷ царь.   ⁶⁸ ини.   ⁶⁹ цари.   ⁷⁰ царствова.   ⁷¹ бысть.   ⁷² царь.
⁷³ елиньхъ.   ⁷⁴ царя.   ⁷⁵ извая.   ⁷⁶ е.   ⁷⁷ брань.   ⁷⁸ царь.   ⁷⁹ ся.   ⁸⁰ Реве-
ергѣлт.   ⁸¹ умиру.   ⁸² утротить.   ⁸³ плотнымъ.   ⁸⁴⁻⁸⁵ 14.   ⁸⁶ сурумии.   ⁸⁷ дрѣвос.

и написаша, вы же прельстистесь, покланяющесе изваянымъ хитрости рукъ^ш челоувѣчьскъ. Еда нѣ чгосте^щ въ книгахъ сво|ихъ, еже исписаша риторы ваши и вѣтїа о разорении богъ вашихъ и опустѣнїи^ъ о кумирницахъ⁸⁸ ваша. Сице пишюще слово Сфирмингильско высокоымъ словомъ зѣло смечтано повелѣнїе свѣтлыя твердѣли⁸⁹ спирмингильскы устроено, ^ы стѣною заставлень⁹⁰ одръ, подробну измечтанъ еже влачяше пилами и инѣми оружїи дѣлательскы изваяно древомъ негниющимъ сотворено аки облызано многозобатою пилою же суть совлачены протираемима руками челоувѣчьскыи шума велика прошедша от многозубатыя пилы протираемо дрѣво иваяное же. Друзїи много трудившесе створиша дѣло сего храма, кїи нынѣ погыбають прелестью кумирьскою, чистота^ъ || в немъ *л. 343 об.*

вельми славими да толикъ трудъ погыбнеть без ума. Си⁹ же чтуще елини не разумѣша, кїи познаша бога творца всѣхъ, по многа бысть леть в нихъ. В Римѣ же тогда не бяше цесаревъ,⁹¹ но держажу правила римьскыа иупати лѣт 300 и 60 и 4 до Уліа Кесаря нероженаго.

ю Царьство егупетское^а

По¹¹, а умертвїи Александра царя Македоньскаго раздѣлися царство его 4-мъ другомъ его, якоже преди сказаномъ. Птоломѣю же нареченному⁹² Спасу, милостнику сущу, и второму⁹³ от Александра повелѣно бысть тѣло Александрово вести въ Егупеть градъ Мефѣ, яко очинѣ сущи ему, да ту и положить. Привезену⁹⁴ же сущу ему въ Егупеть и змирною повить, явїся жерцемъ ихъ проявление въ капищи, яко идеже аще положить тѣло Александрово, градо-тъ не престанеть мятыся браньми и ратьми, но въ градѣ, еже есть самъ създалъ в Ракотиде Александрию, и ту положить. Птоломѣи⁶ же повезе его тамо, и обратїся въ Егупеть на царство, егуптяне бо молиша и, да будетъ имъ цесарь.⁹⁵

Бысть же мужъ добръ къ всѣмъ и живыи въ Егуптѣ. Бысть мужъ любивъ писаниемъ, и созда книгохранилницу въ островѣ Фарасега. И събра книги от всего писания елинескѣ же и прочїихъ списанїи словесъ, писанныхъ от всѣхъ языкъ, и вся цесаря⁹⁶ и мѣстныхыа князя чествьми даря, принесе книги ихъ, и пристави книгамъ хранителя, мужа нѣкоего именемъ Дмитрея. И въпраша и цесарь,⁹⁷ глаголя: «Колїко книгъ събрахомъ, аще свѣси?» Дмитрию же рече, яко «суть уже польшесты тьмы боле ли или мене». И глагола ему Дмитрию: «Владыко! || Яко слышахомъ, еще *л. 344* множество⁹⁸ книгъ въ Егуптѣ и въ Вифаидѣ и въ Ефиопїи и въ Персѣхъ и в Сурии, но во Юудѣ⁹⁹ суть книги многы, имуще о бозѣ и о миротворенїи. Да аще хочеть господинъ¹⁰⁰ мой цесарь,¹¹ да послеть ко жрецемъ и къ старѣшинѣ жреческому сущому въ Иерусалимѣ, и послють ти книги ихъ, в ня же приникъ, великѣ^в пользу приметъ господь мой цесарь». Бѣ же то Дмитрию родомъ еврѣянинъ. Тогда цесарь³ посла мужа къ сущому тогда къ⁴ старѣшинѣ въ Иерусалимѣ, именемъ Алеазору, написавъ послание къ нему, купно и инѣмъ жрецемъ, имуще сице:

«Цесарь¹⁵ Птоломѣи благочестїа учителемъ множае радоватїся! Книгохранилницу устрои хъ въ Фарсїистѣмъ островѣ и събра хъ книгъ много множество зѣло. Слыша хъ же и у васъ суща | книги, имуща о бозѣ и миротворенїи, жела хъ и ты положити въ ⁶ книгохранилници, юже⁷

^ш Испр.; ЛТ рекъ. ^щ Испр. по Л; Т гтосте. ^ъ Испр. по Л; Т опустыни. ^ы Испр. по Л; Т утроено. ^ь Испр. по Л; Т чистотать. ⁹ Так в Л; в Т отсутствует киноарная буква с. ^{ю-я} Доб. по Л.

^{11, а} Так в Л; в Т отсутствует киноарная буква п. ^б Так в Л; в Т отсутствует киноарная буква ц. ^в Далее в Т зачеркнут текст. ^г Так в Л; в Т отсутствует

⁸⁸ кумирница. ⁸⁹ твердилѣ. ⁹⁰ заставлены. ⁹¹ царевъ. ⁹²⁻⁹³ Нет. ⁹⁴ призовену. ⁹⁵ царь. ⁹⁶ царя. ⁹⁷ царь. ⁹⁸ Доб. суща. ⁹⁹ юдѣи. ¹⁰⁰ господь. ^{11, 1} царь. ² царь. ³ царь. ⁴ Нет. ⁵ царь. ⁶⁻⁷ книгохранилницу иже.

сътворихъ. Вы же помянѣте убо, яко бѣсте пленници, отъ вашея вочины⁸ въ нашу, и вся, елико ихъ обрѣтохъ азъ и⁹ вдаю, юже¹⁰ требѣ на путь послахъ и язвенныя ицѣливъ, нагныя одѣвъ и еже требѣ на путь давъ, тако послахъ я къ вамъ. Сии же глаголю не понося, но да увѣсте, яко не въ пошость, ни въ¹¹ смѣхъ, ни въ поруганіе хощу книгъ вашихъ. Да не будетъ то, но⁶ пользы ради души нашеи. Се послахъ къ¹¹ вамъ злато и сребро и требникъ златъ и съсуды послахъ въ домъ бога вашего, дарове же вамъ да будутъ».

Она же, примѣше дары и съсуды и требникъ, възрадовашеся и не обрегѣше¹² о томъ, възборзѣ златы писмены еврѣискы исписавше¹³ прислаша. *л. 344 об.* Примѣ же я цесарь Птоломѣи и¹⁴ прочести. Паки || мужа ему бысть послати другое писаніе имущее сице:

«Царь^ж Птоломѣи богоучителемъ¹⁵ множае радоватися! Источнику печатлѣнну и скровищу скровну, кая полза въ обоємъ? Тако яже отъ васъ мнѣ посланая писмена, и рѣчи ихъ не съвидѣ, възшоцете убо послати мужа мнѣ правы,¹⁶ свѣдуща елинъскую и еврѣискую рѣчь, да истолковавше припишутъ греческы». Тогда убо послаша изъ Ерусалима 72 сказателя книгамъ отъ кождо племени по 6 мужъ. Птоломѣи же създа имъ 30 и 6 хизинъ въ Фарьсиистѣмъ островѣ. И тако затвори по двѣма въ коемъ же хизѣ, вси книги повелѣ комуждо истолковати, не остави же ни дверецъ хизомъ тѣмъ, да съчетавшеся развратятъ книги, но оконьца верху створи | свѣта ради. Да аще внимаше кде, два отъ нихъ слово обрѣтъша излиха рѣчь и прочии тако же умяху. Аще ли приложиста два рѣчь едину, яко не достаточну сущю слову, и вси приложяху яко и духа святаго сия причастны рещи.

И бысть царства Птоломѣева Братолюбца лѣтъ 17²⁰ и 5.¹⁸ Птоломѣи Отцелюбець лѣтъ 19³⁰ и 4.²⁰ При томъ Исусъ Сираховичъ мудрый вѣдомъ баше.

По³ томъ же царствова Птоломѣи Възрачныи. При томъ людие еврѣистии плѣнены быша въ Егупеть. То бо повелѣ вельможамъ своимъ словомъ 500 приготовить и сихъ напоити вина линъ, да упившеся иудѣя побьютъ. Иудѣемъ же помолившемся къ богу, словомъ²¹ на своя же²² воя и народы устремившеся, много отъ нихъ избиша. И тако иудѣяне преславно спасени быше,²³ невредими идоша въсвои.

л. 345 Потомъ^и царствова Птоломѣи Словолюбець лѣтъ 29, || Птоломѣи^и Надъмыи лѣтъ 17, Птоломѣи Спасъ лѣтъ 25. Птоломѣи^к Матеролюбецъ лѣтъ 8. Птоломѣи^п Александръ царствова лѣтъ 10. По^м семь сынъ его царствова Дионисии лѣтъ 30, Птоломѣи бо тогда нарицахуться сынове егупетьстии. Посемъ царствова Клеопатра, сестра Дионисиева, сию Августъ уби въ 4 лѣто царства своего и прия Егупеть и Александрию, разоривъ царство ихъ, владѣвшимъ^н лѣтъ 200 и 90.

°Царствовавши въ велиции Антиохии°

Бысть^р по умертвии Александра, цесаря²⁴ Македоньскаго, раздѣлено бысть царство его на 4 части. И царствова Вавилономъ и Асуріею Селевкии. То три грады созда въ Суриистѣи странѣ: единъ нарече Селевкии въ свое имя, а вторыи Лаодикия въ дочерне имя, третии нарече въ сыновне имя Антиохия. И | ту самъ царствова и умре. По Селевкии же царствова

Д В Т слово въ написано дважды. ° Испр.; ЛТ ни. ж Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква ц. ³ Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква п. ^н Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква п. ^к Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква п. ^л Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква п. ^м Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква п. ^п Испр. по Л; в Т прорвана бумага. ^{о-п} Доб. по Л. ^р Так в Л; в Т отсутствует киноварная буква б.

⁸ очины. ⁹⁻¹⁰ вдавъ еже. ¹¹ Нет. ¹² обрѣтше. ¹³⁻¹⁴ Нет. ¹⁵ богочестья учителем. ¹⁶ Нет. ¹⁷⁻¹⁸ 25. ¹⁹⁻²⁰ 34. ²¹⁻²² же на своя. ²³ быша. ²⁴ царя.

Антиохъ, сынъ его Гордыи, рекше Отцелюбець. При томъ бысть второе погубление Ерусалиму и о Макавѣяне быша церкви оскверниши по Данилову прорицанию: рече бо, глаголавъ к нему, архангель: «3 лѣта и поль *полона*^с сего». И во время измѣненія сего беспрестани дасться мерзость заустѣнню днии 1000 и 200 и 90. Таче²⁵ разрушение злomu благовѣстуя наводитъ блага. Блаженъ стерпѣвъ, и дошедъ въ дни 1000 и 300 и 30 и 5 Антиохъ же нелѣпо побѣженъ от Персыя земля, злѣ испровержеши²⁶ животь свое бѣгая.

По сем царствова сынъ его Еупатом. По семъ — Дмитрии Селевкинъ. По Дмитрии же — Александръ Ваваловичъ.²⁷ По Александрѣ же — Никаноръ. По Никанорѣ же — Антиох. || По Антиосѣ же — Трифонъ. По Трифонѣ же — Птоломѣи. По Птоломѣи²⁸ — Антиох Сидитянинъ. По Антиосѣ же — Дмитрии. По Дмитрии же — Антиох Грипидьский.²⁹ По Антиосѣ же — Антиох Кузикиянинъ и инѣх 7 царевъ премину до Селевкии Грипичица. При том Антиохия плѣнена бысть и сурийская власть владѣвши лѣт 200 и 50.

Царство Римское

Правиша римския скипетры упатѣ лѣт ³⁰464.³¹ И бысть у них 1 царь Иулии нероженныи, ибо матери его умерши 9-и³² мѣсяць, пропорше ю, изыша из^ф нея отрочя, тѣмже и Кесарь наречеся. Кесарь глаголется римский «испоротокъ». От негоже кесареве цари римстии наречени быша. Съ же Иулии и³³ законъ римляномъ устави и индыкты и висикосты обрѣте и мѣсяца иулия нарече, преже кунтулия нарицаема. И въ Александрѣю же Великую ходивъ, създа ту градъ Кесария, въ имя своего сына, иже имѣ от Клеопатры,^х уже възлюбилъ зѣло, юже обрѣте изгнану въ Вифанѣду³⁴ от своего брата Птоломѣя. Сию Кесарь истливи,³⁵ непраздну створи. И роди сынъ, егоже нарече Кесария. Кесарии же Иулии от Александрии изгна брата ея Птоломѣя от царства Египетска. Сынъ же Клеопатринъ и Кесаревъ умре малъ. Пришед же Кесарии Иулии въ Римъ убиенъ бысть от боярь въ сборѣ, царствовав лѣт 18. При томъ Антипатр, Бродовъ отецъ, царемъ въ Июдѣи бѣ.

По Улии же царствова великии и славныи кесарь Август, сыновець его, сынъ Октавиевъ,³⁶ си же³⁷ Севасть сказуемъ, еже есть честныи. От сего Севастии, рекше честнии, августии римстии цесареве³⁸ наречени быша, им³⁹ цесарь⁴⁰ Август нареченъ бысть, преже Екѣстилии именуемъ, изби же убивъших стрѣя его Иувия. Създа же ²⁴¹града: единъ же в Понтѣ, а други въ Аравии, и етеръ градъ въ Сурии, падшии божемъ гнѣвом, именем Саламинъ създавъ бо нарече и Анкуръ, зане сущю ему межю морема ⁴²Поньтскимъ и Асирийскимъ,⁴³ въ имя стражевъ създавшю Диосполии, рекше Диевъ градъ. Оттолѣ въ правду начинается четвертое царство, его же Данил уже на 4 звѣрхъ видѣние, четвертому звѣри болѣ инѣх образно⁴⁴ | именуеть.

Бысть же по сих слышавъ⁴⁵ Август, яко отвержеся его Египетъ и цесарица⁴⁶ их Клеопатра, яко създа въ Александрии великии форъ въ островѣ, нарицаемѣмъ Кеуса, прямо Александрѣи самои, поприца 4. И насыпавшю землю и камене створи море на толицѣ мнозѣ ходити по морю до острова того и до фара чловѣкомъ, еже зѣло приграно дѣло створи си Оклепатра Дексиофаномъ⁴⁷ Климиемъ хитрецемъ,^д иже море створи землю. Увидѣвши уми отвергошася Египтия и Клеопатры царица ихъ, изиде от Рима Антонии ⁴⁸въоружився⁴⁹ на Клеопатру, царицу ихъ,

^с Испр.; ЛТ на. Т-У Доб. по Л. ^ф Испр. по Л; Т иж. ^х Испр. по Л; Т Клеопатры. ^ц Испр. по Л; Т хитрецъ.
²⁵ тако. ²⁶ испроверже. ²⁷ Ваваловичъ. ²⁸ Доб. же. ²⁹ Припидский.
³⁰⁻³¹ 400 и 60 и 4. ³² Нет. ³³ Нет. ³⁴ Вифаиду. ³⁵ истлѣвъ. ³⁶⁻³⁷ иже.
³⁸ цареви. ³⁹ имя. ⁴⁰ царь. ⁴¹ два. ⁴²⁻⁴³ поньтенкимъ и асискимъ. ⁴⁴ образно.
⁴⁵ слыша. ⁴⁶ царица. ⁴⁷ Дексиофаимъ. ⁴⁸⁻⁴⁹ во оружии вся.

л. 346 об. и ^чна Египтя и на Прѣскую страну,^ш вѣстокъ бо бяху возмывъ || съ⁵⁰ ратми и сице на Египет съ многою силою. А си Антонии, пришедъ на Александрию, осѣдяше градъ воюя, пусти къ Клеопатрѣ, да ти посагнетъ за нь, видѣлъ бо ю прежде съ Кесариемъ Иулиемъ.^щ Клеопатра же въсписа ему, лѣстящи, акы хотящи за нь. Антонии же превѣстися и въсхотѣ ея и покорися ей. Бѣ же Клеопатра низька и приимши Антониа и воя его; посагну на нь. Антонии же поимъ ю женѣ, вратися на румы, створивъ корабля въиски многы, и низьплувъ иде на румы. Увидѣвъ же бывъшу възвращению, абие Августъ въоружися на ня Рима дѣля и умирения дѣля сестры его, еже приобидѣ^б ю Антонии. И поя Август у стратига Агрипу | и вда за нь сестру свою Актауию. И устремився от Рима съ Агрипою и с войскими силами. И пришед на Лииръ страну, сѣнидеся съ Антоньемъ и съ Клеопатрою сѣдемъ великомъ, множество вои обоихъ покрыва землю и море. И сѣдено бѣ толико вои въ Антонии и въ Клеопатры в корабленѣмъ сѣди множество, и яко же водѣ морьстѣи и ⁵¹съ кровию смѣсившися волнамъ⁵² кровнамъ являтися. И одолѣ Август и уби Антония. Клеопатру же, имъ и⁵³ связавъ, обличи,^б повелѣвъ хранити ю, да ю ведеть в Римъ плѣнницу и укорить. Клеопатра же сама уморися, от аспиды уядена бывши, и умре, ношаше бо аспиды въ съсу^ддѣхъ и ины гады въ кораблях на войску. Стрѣтомъ же ей от воинъ отаи умре от аспидъ, а не живы ея ведут въ Римъ. По умертвии же ея несено бысть тѣло ея в Римъ змурною обявано на увѣщанье⁵⁴ сестрѣ Августовѣ. И пришеды и съ Августомъ море и прииде в Римъ и възнесеся, яко покори миръ весь и примучи боляры, царствовавъ самъ, убивъ брата, иже бѣ убилъ кесаря, стрыя ему. Бысть же кесарь первый единъ румомъ сии славныи Август, нарицаше же⁵⁵ ся сиче: Кесарь Октаунось побѣдникъ честныи, славныи, фились, упараторъ, иже есть самодержецъ.⁵⁶ В лѣто же 4 царства своего уби Антониа и Клеопатру. Бѣ же Август низьк, тонокъ,^б простъ, | власы чернъ, тьнѣмъ лицемъ доброокъ, добронося. И бѣ обладаа всею землею. Въ Иерусалимѣ же тогда баше концинии⁵⁷ архирѣи: Аристовулъ, брат Уркановъ, иже царскимъ ся вѣнцемъ увязаше.⁵⁸ Сыи от племени Июдина.⁵⁹ Приближышу же ся Христову рожеству, посла Август из Рима Помниа воеводу. И пришедъ ятъ Аристовула ерѣя и съвязана его посла с дѣтми в Римъ. Жидомъ же часть. Данило жъ Уркана брата Аристовула и ерѣя въ дружбу имяше съ Антипатромъ аскаланитѣниномъ отца Иродова, има же повелѣ Помпай⁶⁰ воевода строити страну ту.

л. 347 об. Бѣ же Иродъ сынъ его доволенъ о устроении и многи разбоини⁶¹ погуби, Уркану же плѣнену бывъшу парфы, и || Антипатру таи убиену, и никому же не сущу строити земля, наскочи на область Иродъ, обрѣза бо ся, и давъ премногое имѣние римляном, даньникъ имъ⁶² бысть. И архирѣя постави въ Иерусалимѣ иноплеменика Анонилона. Августу же кесарю грядущю съ вои многы на брань Клеопатрину, срете Иродъ, творя ему велью службу вои же и пищею, предасть же богъ Клеопатра в руцѣ Августа цесаря,⁶³ и оттолѣ преста сила египетська. Август же грядыи в Римъ, яко послужыша⁶⁴ Ирода съ свѣтомъ велможъ своихъ, постави и цесаря⁶⁵ жидовския земля, възложъ на нь вѣнецъ. Жидомъ же не хотящимъ его прияти, яко иноплеменикъ, много их погуби, расплѣнъ град и церковь, вся писаная колѣномъ и родомъ книги, Ездрую | *списанья*,⁹ огнемъ пожьже, да не вѣдомо будетъ, от коего суть отечества жидове, или кто суть тоземци, или кто суть тигнори. Священную же одежею печатью запечатлѣ. И оттолѣ на мнозѣ имѣнии священние продаше и по нужи от странныхъ языкъ царь нарицашеся июдѣиски, злѣ строя область.

^ч-ш Испр. по Хронике Малалы; ЛТ ступтия и на переку трану. ^щ Испр. по Л; Т Иулиемъ. ^б Испр. по Л; Т приодѣ. ^б Испр. по Л; Т обли. ^б Испр. по Л; Т тнокъ. ⁹ Доб. по Л.

⁵⁰ въ. ⁵¹ Нет. ⁵² водамъ. ⁵³ Нет. ⁵⁴ вѣщание. ⁵⁵ нарица. ⁵⁶ самодержици. ⁵⁷ конечныйи. ⁵⁸ увязе. ⁵⁹ Июдова. ⁶⁰ Помнии. ⁶¹ разбоиники. ⁶² Нет. ⁶³ царя. ⁶⁴ послушаша. ⁶⁵ царя.

Господу же нашему Исусъ Христу плотью рожьшюся, Ироду злѣ житѣе свое преминувшю,⁶⁶ съвершися глаголаное, яко не оскудѣеть князь от Июды, дондеже придетъ, иже хочетъ быти, еже есть сказаемо Христос. Зане самъ Ирод иноплеменникъ бысть, иноплеменника постави архирѣя Ананилона. При тою преста по⁶⁷ божественному прорицанию еже от Июды⁶⁸ власть, ибо яко же преди глаголахомъ, пришедъ || римскыи стратигъ, Иерусалима плѣни, оскверни же святая, цесаря⁶⁹ же и архирѣя конечнаго Аристовула, оковавъ, въ Римъ посла.

И оттолѣ оскудѣша июдѣистии архирѣи и владыкы по святительскому глаголаню, ибо архирѣи от Июды⁷⁰ быша по матери, зане великыи Аронъ Аминодавлю дщерь приведе си женѣ, посему сродници бяху, суще от Июды и от Левгия, тѣмъ супи от Арона,⁷⁰ Елисаветѣ ужика наречена бысть богородици Марьи, иже бѣ от отецъ святительское прятие разрушиша, оскудѣвши иерѣомъ и прорицаемыи владыка Даниломъ приимаеть конецъ.

Се же истинѣ укажемъ, наченше убо от Дарья обновление церкви, кончавше же при Урканѣ⁷¹ лѣтъ 400 и 83, яко же и Даниль свѣдѣтельствуетъ, глаголя: «И увѣсть и разумѣ|еть от исхода слова, да отвѣщааетъ и да съзиждеть Иерусалима до Христа^я владыкы седмцѣ⁷² 7 и седмица 60 и 2, ибо 60 и 2 седмице съвершають лѣтъ 480 и 3». Сего Даниль пророчествуетъ, глаголя, и по 7 и 60 и 2-ю седмицъ погибнеть пророчество и правда не будетъ, и прочаа. Семь⁷³ седмицъ же по въсхоженю пленения,^{III, а} дажь и до създания церковнаго. 60⁷⁴ и двѣма съчтаемомъ седмицею въ время одержаху благие владыкы, едину же седмицу, егда господь проповѣда новыи завѣтъ, въ седмици полѣ прииде на спасеную страсть и взятъся от среды Моисѣомъ преданыи законѣ. И оттолѣ раздрушися еже от Июды власть, по владыху иноплеменници.

Ирод же имяше сыны единоименны себе 3. Первыи Ирод Антипа, || иже Предтечи главу^б усѣкну. При томъ и господь распятся. И Ирод Филиппъ, егоже преже Иродия съчтася, дщерь имѣяше Саломию, яже бѣ плясавши предъ Иродомъ. И Иродъ Агрипа, иже Иякова уби Зеведѣовица, к немуже и народи възгласиша: «Се глас божи, а не человекъ», осужение приать въскорѣ. Въ одежу бо от сребра облеченъ и на позорище вшедъ на высоцѣ престолѣ сѣдъ и къ народу глаголюще, солнечная же луча припадши на одежу и сияниемъ зарю от одежа испущающа, лица предъстоящимъ въсьоблисташа. И дивящимся о семъ, яко бога похвалиша и. И възгордѣся⁷⁵ паче океанныи, егоже и въборзе поразиша напрасно аггелъ господень, и въскочи от престола, зане търгахутся злѣ чрева е|го. Оканныи же Иродъ, за неколико днии тляемъ и червми расточаемъ, злѣ житие си разори, якоже и нечестивыи отецъ его. Тако и се злѣ творяше ученикомъ Христовомъ, егоже по правдѣ судъ прия, тѣмъ бо, и рече Иосифъ, тѣло его многыми страстьми раздѣляшеся, огнь бо силенъ бѣ, своробъ же бесчисленны по всему тѣлу и по лицу, и въ оходе беспрестани страсть, на ногу ступи⁷⁶ смердящи, утробѣ же горящи,^в сраму гниющу, черви испущаша, скверныи же смрадѣ^г из усть его исхожаша, яко служащи ему глаголаху, богомъ посланыи раны на нь. Си же убо и множайша страсть на многа время одержаху и, толику⁷⁷ имяше болѣзнь нестерпиму,⁷⁸ яко сам ся въсхотѣ погубити.

Испросивъ бо яблоко сыро и ножъ, рекъ, яко: «Въже||лалъ⁷⁹ есмь самъ о себе, да въкушу». И примъ ножъ, въ гортань свои въколоти хотѣ, и вколлол бы, аще бы слуга его не^д видѣлъ, скоро ножа из-руки его нужею исъхватилъ. И еще же болѣзньми мучимъ, сестру свою Соломию и мужа

^ю Испр. по Л; Т Аронъ. ^я Испр.; ЛТ дха.

^{III, а} Испр. по Л.; Т пленяи.

^б Доб. по Л.

^в Испр. по Л; Т горящици.

^г Испр. по Л; Т срамьдѣ. ^д Доб. по Л.

⁶⁶ премѣнившю.

⁶⁷ Нем.

⁶⁸ Иды.

⁶⁹ царя.

⁷⁰ Иды.

⁷¹ Уканѣ.

⁷² седмъ.

⁷³ 7.

⁷⁴ Доб. же.

⁷⁵ възгордѣша.

⁷⁶ уструпи.

⁷⁷⁻⁷⁸ имя на

многа время нестерпиму. ⁷⁹ въжадалъ.

ея Александра повелѣ яти и июдѣискими⁸⁰ старѣишины, и затворити в темници, яко да умершоу ему въскорѣ тыя воиномъ избити, да не будетъ смертныи⁸¹ его день радость июдѣемъ, но плачу причастенъ будетъ.⁸² И си повелѣвшю ему и зло ископавъ съ многими болѣзными душоу отверже, и абие Силамии же Иродова жена съ чяды своими бысть омрачена и съ ближники своими и страстьми лютыми и неизъглаголанными зѣло. О сихъ же⁸³ пишеть индѣ Иосифъ. Бысть же в лѣто четвертодесятное кесаря | Августа изыде от него повелѣние написати всю вселеную, сирѣчь даничство. Изиде же Иосифъ съ Марьею написатся,⁸⁴ якоже въ еуангелии пишеть. Кесарь же, яко приязнива сущи, Курюнѣя постави и владыкою надъ Сурьею, сирѣчь надъ жидовъскую.

Въ третии-на-десять упатию Августа кесаря родися господь нашъ Исусъ Христосъ въ Вифлеомѣ июдѣистѣ въ тридесятное лѣто и 3-е лѣто царства Иродова Антипатрова, послѣже 8 каландѣ генруа. Епифанъ же святыи Купрскыи извѣстуетъ, яко преже 50 недѣль генваря вѣистину родися господь нашъ Исусъ Христосъ от святыя богородица. Святии же отцы кафоличскыя церкви, яко единѣми усты рѣша рожественныи день господа нашего Исусъ Христа преже осми день каландѣ генваря родиса

л. 349 об. Христосъ въ Вифлеомѣ въ четвертодесятное || и второе лѣто Августа кесаря, а Иродова царства Антипатрова въ 30-третьее, егда и вѣльсви приду въ Иерусалимъ, ищюще роженанаго царя вѣслѣдъ звѣзды, ямо же ведяше я. Тѣмъ же слышавъ Иродъ, разумѣ знамение нечеловѣчьско сущи и, призвавъ, въпрашаше архиерѣя, где Христосъ ражається. Они же рѣша: «Въ Вифлеомѣ июдѣистѣ».

Отанъ же призвавъ волхвы, испытавъ от нихъ в лѣто явленна звѣзды и лестию рече, яко, аще обрящють отроча, вѣзвѣстятъ ему. Они же идоша вѣслѣдъ до Вифлеома и обрѣтъше желаемого, поклонившися, даша дары и вѣсть приемше от аггела, инѣмъ путемъ идоша на страну свою. Иосифъ же божиемъ повелѣниемъ поимъ Марью и отроча, бѣжа въ Египеть, и бѣ ту до умертвиа Иродова. Тогда | разгнѣвався Иродъ, изби младенца. Иродъ же лютымъ недугомъ разврати животъ свои.

О царствова въ него мѣсто сынъ его Архелаи. Тогда Иосифъ повелѣниемъ божиемъ вѣзвратися съ отрочатемъ, съ Марьею, сущю 20 и 4 лѣт и вселися в Назаревъ, слышавъ, яко Архела царствуетъ въ Ирода отца своего. Иродъ бо имѣ 4 сыны: Архелаа, Ирода, Филипа и Лусанью, имяше кождо ихъ четвертую часть царства. Въ 8 лѣто царства Архелаева нача Исусъ приходити въ церковь, посредѣ учитель сый, 12-ма лѣтома плотскимъ роженнемъ. Не по мнозѣ же Иосифъ сконча животъ свои, мнимъ быти всѣми отецъ господень. Пожив же Архелаи и еще лѣто едино, разврати животъ свои, не оставль наслѣдника никогоже. Исусъ || нача входити въ съборища июдѣиска, уча и препираа от писании. Великыи же славныи цесарь Августъ конецъ житию прия, поистинѣ великъ, зане во дни его родися господь нашъ Исусъ Христосъ. И бысть цесарьства Августова лѣт 50 и 6 и полъ лѣта, и умре.

л. 350

По Августѣ же царствова Тиверии, сынъ его, лѣт 20 и 3. Тъ създа градъ въ Июдѣистѣ странѣ при езерѣ и нарече и въ свое имя Тивериадъ. При томъ трусь бысть и разори грады 13 и до земля: Ифесъ, Магнисиин, Сардъ, Мостинъ, Лиганъ, Ерокесарии, *Филаделфи*,^е Чимовъ, Коминъ, Мурьянанъ, Аполонии, Диянъ, Урканю. Бѣ же господь нашъ тогда 15 лѣт. Тиверии же кесарь, присныи другъ имѣя Пилата, воеводу постави надъ жидаы. И бѣ ту до умертвиа Кесарева. Въ второе же на десять лѣто владычествия Тиверея Кесаря | приде Иоанъ проповѣдаа крещение покаания въ все Июдѣи. Крести же ся господь от него в 15 лѣто Тивериева царствиа и начаша про-

^е Испр. по Хронике Амартола; Т Наанелфи.

⁸⁰ июдѣискыя. ⁸¹ страстныи. ⁸² буденъ. ⁸³ Нет. ⁸⁴⁻⁸⁵ написа. Далее заговорокъ Прѣние Петрово съ Сумономъ волхвомъ, затемъ текстъ: По Тиверии убо царствова Гаи (ср. Т, л. 351 об.).

повѣдати еуангелие, сии лѣт 30. Иродъ же в то время отгналъ бѣ жену свою, дщерь сущю Арефы, царя аравитьска, и поялъ Иродъяду, жену Филипа, брата своего, ^жпред иио облитающую.³ Ирод же хотя угодые створити любодѣица пророка усѣкну, нѣ не понудивъ възмездье приять за убийение: жена бо его бе-щесты отгнана, иде къ Орефе, отцу своему, и тужаше о тои печали. Арефа же за досажение дщере своея, събравъ люди своя, посѣче вся воя его, и землю его огнемъ пожегъ, растли. Нѣ ни такъ не преста Иродъ от злобы своея: въ лѣто 18 Тиверия Кесаря, Ироду, владѣющу жидовскою, и Понтъскому Пилату, бысть || спасенаа мука преже л. 350 об. 13 каландъ априля; пострада же господь нашъ Исусъ Христосъ за ны волею, богъ сии истиненъ и человекъ истиненъ, и въ третии день възкресе, въ 29 фанемофа мѣсяца, рекше марта, еврѣиски же нимасъ, въ 25, свитающии недѣли.

По сих же Пилать, по Христовѣ распятии и образы кесаревы постави въ церкви нощию отай. Утру же бывшию, иудѣи видѣвше, болма възматосаша, яко Пилать, убоявся, инамо я принесе, и еще же и святаго скровища, нарицаемаго каровану, расказивъ, виновать убийству бысть. Стекшемся многимъ иудѣомъ, оттолѣ ненавистенъ имъ бысть, встанья бо ихъ бояся, ставляшъ бо ины предъ престоломъ своимъ, внутрь въоружени, съверху же въ простых одежахъ, да не разумѣють, яко устремшася иудѣи, вставши на нь, пусти же воиники на ня. Они же древомъ и камениемъ бьющеся, и, уязвивше отгнаша я, другыя же и отгнаша.

Мнози же от жидовъ, другъ друга рѣя, растоптани бывше, погибоша, и, ищетше, обрѣтоша людии бе-щисла убиеных, размѣси же кровь ихъ съ жертвеною кровию Пилать образомъ таковымъ. Галилѣяне, отвѣтомъ послѣдующимъ Иуды галилѣянина, сия убо Лука въ Дѣянихъ апостольскихъ поминаеть. Струпивъ некии лежаше, многимъ мухамъ гнои его испивающимъ. Мимойды нѣкыи, мя же, не могущу ему мухъ отгонити, приступивъ отганяше. Струпивыи же рече: «Молю ти ся, премини, и не отгони ихъ, болма бо мя врѣжаеши: си бо уже напившися крови, не оттинудь недуга болѣзнь ми да||ють, аще ли се отгнаны будутъ, то другыя прилѣтѣвше гладны, болѣзнь большу ми творять, яко и живота лишити ми ся. Сего ради и азъ самъ, от многа унырения игѣмоны казнящимъ видя, часто не въздаваю. Пекыися зѣло правды ради, писаше бо всегда къ градом своимъ, глаголя: «Аще ли что възпишу, паче законъ повелѣваа быти». Сего ради Пилать все дѣянное господомъ нашимъ Исусъ Христосъ възвѣсти Тиверию Кесарю, яко распять бысть Исусъ, рекомыи Христосъ, и възкресе 3-и день, и чюдеса дѣются ученикомъ его. Слышавъ же Тиверии и дивлься, вѣрова господеву и хотѣ абие царскомъ нарокомъ нареци его бога, възбраненъ бысть своими велможамъ, буиствомъ нарекше слово божие. Тиверии же держаше словеса си въ сердци своемъ и вадящая на хрестыяны губляща. И увидѣвъ же, яко Иродъ свѣтенъ бысть на смерть Христову и яко неправеднымъ прелюбодѣяннемъ много зла бысть на странѣ тои, яко Иоана Крестителя, мужа праведна суща, убилъ за обличение законопреступныя жены. И си слышавъ кесарь възнегодова и повелѣ Ирода, связана прелюбодѣицею, вести в Римъ, изъдринувъ ис княжения, имѣние его отымъ от земля посла и съ Ирод(и)ядоу въ Испанию, ту же живя животъ свои сконча злѣ, плясавшую же дѣвицю пожре земля злѣ живу, ^{си} же | не вся по еуангельскому проповѣданю быша. Вѣща великыи еуангелистъ Иоаннь, ибо Тиверии такъ сы мудръ и словеса философскими изъ уности просиявъ, на старость врѣдоуимемъ от бѣса гонимъ, убийствомъ и блудомъ, инѣми дѣлы себе осквернивъ, злѣ животъ свои испроверже, царствовавъ лѣт 20 и 3. ||

По Тиверии же царствова Гаи лѣта 4. Сии бѣ мужъ сверѣпъ, величавъ. К сему приведенъ бысть Пилать в Римъ и толику подья от царя напасть, яко и самому ся погубити. Жидове же на больша ся мятежа увратиша, л. 351 об.

тѣмже и мнози убиены быша римляны. Царь же Гаи инога рода Аристовула, рекомаго Агрипу, цесаря надъ жидовскою землею постави, предавъ ему вся чѣтверетьства лѣтъ, яко злѣ творяше ученикомъ Христовымъ. Уби же Иякова, брата Иоаннова, мечемъ по писании святыхъ дѣянии. Блаженаго же Иякова видѣ на путь ведома смертныи оклеветавый его и раскаався, припаде апостолу, глаголя: «Прости мя, человекѣ божии, яко оклеветалъ тя». Блаженны же, обლობызавъ, рече: «Миръ ти, чадо!». И прощение о прегрѣшении ему дасть. Онъ же велиемъ гласомъ христиана себе нарече предъ всѣми и тако причтася къ оклеветаному от него и с ним вѣнецъ мучениа приять.

Видѣвъ же Иродъ, яко годѣ бысть июдѣомъ, преложи яти Петра, аще бы не избаленъ аггеломъ. Не преста же се Иродъ Агрипа величаяся, дондеже мечь божию приять и бысть червymi изѣденъ издыше. В то время Ияковъ, братъ господень, бѣ первый епископъ въ Иерусалимѣ, жидом же, гонящимъ ученики господня, множае зло приаша. Мнози бо тогда от римлянъ сами избьени быша, бѣ же инъ Агрипа переялъ царство жидовское, егоже и святыи Павелъ мѣнить. Се же все бысть въ Иерусалимѣ, царь же Гаи по двою лѣту цесарьства своего, иступивъ человекѣческаго смысла, по подобию отца своего Тиверия, бога себе сѣтворивъ, кумиры въ свои образъ всѣмъ градом и по церквамъ пославъ постави. Тако же и въ Иерусалимскую церковь божествословивъ, новаго Гаия церковь повелѣ именовати, ино точию жиды мучаше, но и вся суцаа в Римѣ, избивъ нарочитыи и взимааше богатство ихъ. И сиче законъ устави: рабомъ повелѣ оклеветати господа свою, что творяща свѣдуше и мучаше многы, оклеветаны от рабовъ, имѣние оттимаше, ина же многа бѣсованія творяше, и женою ся творяше, и въ порты ся женьскыа облачаше, и заплетинами главу заплѣташе, и все скверно дѣяние творя. Празники замысли, и еще же и свою дщерь возьмъ, на лонѣ кумиру посадивъ ю, тако рече: «Ты ю родилъ, отецъ еи по закону ты еси». Си убо воины, видѣвши не по закону творяща и не терпяще, убиша и, в бани мьющуся ему. При томъ Стефанъ первый мученикъ мученъ | бысть, и Павелъ вѣрова, и Филонъ, и Осифъ сущии от еврей въдоми бяху тогда.⁸⁵

По Гаи же царствова Клаудии лѣтъ 13.⁸⁶ Изискавъ, избии убица Гаиева, уморенъ же бысть от своея жены отравою. При того царствии Симонъ вълхвъ бѣ противяся Петрови злыми словесы волшебными. Петръ же от⁸⁷ божественных писании противляшеся нечтивому⁸⁷ Симону. И Климянтъ римлянинъ, ученикъ Петровъ, словесы ромѣискими⁸⁸ и елиньскими противляся. Бѣ же при Клаудии⁸⁹ цари въ Дѣянии святыхъ апостолъ нарицаемыи⁸⁹ египтянинъ разбоиникъ,⁹⁰ изводивый карьяны в пустыню,⁹¹ яже приведе Филипъ воевода от Рима ружники, си же карьяны нарицаху от мечевъ, яже ношаху. В то же время наста гладъ по всеи вселенѣи великъ по пророчеству Агавлю. Тогда жидове || въ Иерусалимѣ, усобившеся по улицамъ и по путемъ, другъ друга убиваху.⁹² Се⁹¹ слышавъ, царь Клаудии посла нарѣчѣ къ цесаремъ⁹² язычнымъ⁹³ без милости убивати⁹⁴ жиды.⁹⁴ Мнози же тогда умроша,⁹⁵ и домове и чада ихъ на⁹⁶ расхыщение быша, от Италия же и Рима изгнани быша. Се же все бысть имъ, зане господа распяша. В то же время и Марко еуангелистъ въ Египтѣ церкви⁹⁷ сздавъ многи,⁹⁸ монастыря постави и доселѣ⁹⁹ же въ тои странѣ мнози монастыри пребывають.¹⁰⁰ И еуангелие¹¹¹, что свое² въ Египтѣ списа и церковь въ Александрии сзда и многи,³ учениемъ своимъ просвѣтивъ,⁰ къ богу⁴ приведе, яко же⁵ Евсевий Памфилови исписа. Клаудии же умре, царствовав лѣтъ 14.

и Доб. по Л. и Доб. по Л. к Испр. по Л; Т Кавдии. л Испр. по Л; Т пусты, конец слова стерт. м Испр. по Л; Т убиваемъ. н Испр по Л; Т убавати.

о Испр.; Т просвѣтивъ.
⁸⁵ Далее продолжается список Л. ⁸⁶ Доб. и. ⁸⁷ нечестивому. ⁸⁸ римскими.
⁸⁹⁻⁹⁰ египтянинъ разбоиникъ. ⁹¹ Доб. же. ⁹² царемъ. ⁹³ египетымъ.
⁹⁴⁻⁹⁵ умроша же мнози тогда. ⁹⁶ Нет. ⁹⁷⁻⁹⁸ мнози сзда и. ⁹⁹ доннынъ.
¹⁰⁰ суть.

III, 1-2 Нет. 3-4 къ Христу. 5 Доб. и.

По Клавдии же царствова Неронъ, сынъ его, лѣтъ 14. При семь Симонъ волховъ пришедь в Римъ и многа знамениа | вольшвениемъ⁶ и призраки творя нѣкоторыми и себе бога нарицаѣя. Великому апостолу⁷ Петру в Римъ тогда пришедшу и къ волхву шедшу, обрѣте пса превелика зѣло, привязана ужы⁸ желѣзны⁹ у вратъ Симоновъ, тако река, да быша к нему не проходили,¹⁰ их же не хотяше къ себѣ. Не устравившеся¹¹ величства¹² пса Симонова — се бысть первое чюдо¹³ — хотящю Петру внити к Симану.¹⁴ Видѣвъ¹⁴ же Петръ¹⁵ пса, толь велика и свѣрѣпа, увѣдѣвъ, яко многи¹⁶ погуби,¹⁷ хотяща внити к Симону, и преже повелѣниа Симоня имъ Петръ пса и раздрѣши и, и рече ему: «Вниди к Симону и рци ему челоувѣчьскимъ гласомъ: „Петръ, рабъ Христовъ, внити к тебѣ хочеть“». ¹⁸ И псу абие скоро вшедшу и тако изгласившу,¹⁹ удивившася сущии съ Симономъ, глаголюще: «Кто естъ²⁰ Петръ, || и которая толика сила естъ его?». Отвѣща к нему Симонъ: «Се вамъ да²¹ не дивно будетъ, и аз си же створю к нему». И призвавъ грича, тако же повелѣ ему²² челоувѣчьскомъ гласомъ рещи²³ Петрови, да²⁴ внидетъ. И тако створи,²⁵ паки шедъ гричъ²⁶ къ Петрови. И вниде Петръ к Симону, и съпрѣвса с нимъ Симонъ о чюдотворении. Одолѣ Петръ, целбы творя, и мнози вѣроваша и крестипася,²⁷ и бысть в Римѣ мятежь великъ и съристание Петра ради и Симона ради, яко пред обоу творяхуться чюдеса.

4. 358

Се же увидѣвъ Агрипа епархъ и донесе цесареви²⁸ Нерону, глаголя: «Еста мужа²⁹ въ градѣ, чюдо творяща противу собѣ каждо ею. Единъ же ею глаголетъ себе суца Христа, други же иного суци распятаго Исуса, рекъ: «Азь есмь ученикъ Исусовъ». Повелѣ же³⁰ Неронъ привести я пред ся и глагола к Симону: «Ты ли | еси, егоже глаголють Христа?» Онъ же тако отвѣща: «Азь есмь». Тако же Петра въпраша, аще поистинѣ³¹ се естъ Христос. Отвѣща Петръ: «Нѣсть тако! Азь бо есмь ученикъ распеншагося при поньстѣмъ Пилатѣ, и въскресша, и на небеса вшедша». ³² Неронъ же,³³ яко безгодословесника и бе-щести,³⁴ напрасно от лица своего изгна. Си же, пребывающа в Римѣ, творяста³⁵ чюдеса каждо ею прямо себе.³⁶

Слышавше же Петръ Павла жива суца въ Апиорѣ и повелѣ ему прити к собѣ в Рим, бяху бо принесли усѣкнувшѣ³⁷ иного мужа главу к Нерону царю въ³⁸ облазиѣ, такоже³⁹ плѣшиву, и вси сущии в Римѣ творяху Павла мертва суца. Пронесе⁴⁰ же ся в градѣ⁴¹ Римьстѣ,⁴² яко Павелъ, братъ Петровъ, грядеть в Римъ, вѣрующии радовахуса радостию великою. И бысть мятежь великъ въ иудѣихъ, и шедше к Симо||ну волхву⁴³ молишася, глаголюще: «Възвѣсти⁴⁴ цесареви,⁴⁵ яко нѣсть⁴⁶ Павелъ ⁴⁷ умерль, но⁴⁸ живъ естъ, и прииде⁴⁹ сѣмо».

4. 358 об.

⁵⁰ Симонъ же рече къ иудѣомъ: «Да чья естъ глава принесена⁵¹ от По-тооли к цесарю,⁵² еда и та не бяше плѣшива?». Пришедшу же Павлу в Римъ, страхъ великъ⁵³ нападе на иудѣя, и снидошася иудѣи к Павлу и моляхуть и, глаголюще: «Вѣры, в неиж еси роженъ, сея мсти. Неправедно бо естъ, да еврѣи сыи⁵⁴ изъ еврѣя ся наречеши⁵⁵ учительъ языкомъ и мстителъ необрѣзанныхъ, и самъ сы не⁵⁶ обрѣзанъ, да и обрезаюу⁵⁷ упразниши вѣру. Егда убо узриши Петра, въспротивитися на ученики его, яко весь нашъ законъ разрушилъ⁵⁸ естъ». Отвѣщавъ Павелъ, рече к нимъ: «Аще естъ учение его истинно, еврѣискъ книгъ учениемъ утвержено, | то лѣпо естъ всѣм нам послушати его». Си ⁵⁹ имъ подобна⁶⁰ Павлу глаголющю,

II Испр. по Л; Т Симну.

⁶ вольшвениемъ. ⁷ убо. ⁸ узы. ⁹ желѣзными. ¹⁰ приходили. ¹¹ устравив пер ся пса. ¹²⁻¹³ Нет. ¹⁴ увидѣвъ. ¹⁵⁻¹⁶ Нет. ¹⁷ погубити. ¹⁸ Доб. се же первое чюдо бысть. ¹⁹ изглаголавшу. ²⁰ Доб. се. ²¹ Нет. ²²⁻²³ рещи гласомъ челоувѣчьскимъ к. ²⁴ Доб. не. ²⁵⁻²⁶ гричъ пришед. ²⁷ къстипася. ²⁸ цареви. ²⁹ два. ³⁰ Доб. царь. ³¹ вѣстину. ³²⁻³³ нероженъ царь. ³⁴ бес чести. ³⁵ и. ³⁶ Доб. творяста. ³⁷ Нет. ³⁸⁻³⁹ образѣ. ⁴⁰ промче. ⁴¹ Нет. ⁴² Римѣ. ⁴³ Нет. ⁴³⁻⁴⁴ умолиша его, да шедъ възвѣститъ. ⁴⁵ цареви. ⁴⁶ Нет. ⁴⁷⁻⁴⁸ Нет. ⁴⁹ грядеть. ⁵⁰⁻⁵¹ да чья естъ — рече Симан — принесена глава. ⁵² царю. ⁵³ велики. ⁵⁴⁻⁵⁵ наречешися. ⁵⁶ Нет. ⁵⁷ образую. ⁵⁸ разрушилъ. ⁵⁹⁻⁶⁰ Нет.

увѣдѣ⁶¹ Петръ, яко Павелъ пришелъ естъ в Римъ, рад же бысть великою радостю, и абие, вставъ, иде к нему. Видѣвша же другъ друга от радости великое въсплакаста и надъзлѣ⁶²Р обуимъшася, слезами другъ друга омочи, и яко всѣх своихъ дѣянии бытъе Петрови исповѣда⁶³ Павль,⁶⁴ и како⁶⁵ водными труды пришелъ⁶⁶ естъ. И Петръ противу исповѣда ему, еже пострада от Симона волхва и вся лаанія его. И си рекъ,⁶⁷otide къ вечеру.⁶⁸ Наутрия же пришедъ, обрете многи иудѣя предъ враты Павли, быше же межю иудѣи и крестияны⁶⁹ мятежь велии. ⁷⁰Иудѣи же глаголаху: «Мы родъ есмь избранныи⁷¹ царскыи Арафема, друзии же Авраамли,⁷² Исакови, Иако||вли и всѣх пророкъ, с ними же бесѣдова богъ, его же вы остависте, не покоршеса. Сии такова⁷³ въпреки глаголющимъ имъ ⁷⁴рече Павль апостолъ: «Не трѣбѣ имъ естъ⁷⁵ таковыхъ межю собою пре имѣти, но се внимати паче, яко исполнил⁷⁶ естъ богъ своя обѣщанія, якоже клятеся къ Аврааму, отцу нашему, яко от семени его наслѣдитъ⁷⁷ въ⁷⁸ вся языки, нѣсть на лица зрѣти от бога». Сии Павлу рекшу, укротѣша иудѣи и иже от языкъ, но князи иудѣистии належаху на Петра къ облицающимъ, иже сборища их отрицашеса. ⁷⁹Рече же Петръ: «Слышите⁸⁰ и о патриарсѣ Давидѣ, обѣщавшю святому духу, рече бо, яко от плода чрева его⁸¹ посажю на престолѣ его.⁸² Сему убо цесарь⁸³ рече: «Сынъ мой еси ты, азъ днесь родих тя», его же завистию архиерѣи распяша. И да свершит мирное⁸⁴ спасение изволивый си | вся пострадати, якоже убо от ребра Адамля създаана бытъ Евга, тако же ⁸⁵издрebra⁸⁶ Христова създаана^c бытъ церкви, яже не имать скверны, ни порока.⁸⁷ Сими же всѣми исходъ отверзе сыномъ Аврамлимъ, Исаковымъ, Иаковлемъ, да будутъ въ вѣрѣ^t церковнѣи, а не въ невѣрїи⁸⁸ съборища ради. Обратитесь убо и внидѣте въ радость отца вашего Авраама, зане что обѣща ему богъ, то и сконча. Тѣмже и пророкъ глаголаше: «Клятеся господь и не раскается». Ты еси ерѣи въ вѣкы по чину Мелхиседекову, иерѣи бо не на крестѣ бытъ, егда вся съжгаема своего тѣла кровь и за миръ всь жертву принесе». Си же и яже симъ подобна глаголющю Петру, болшаа часть вѣроваша къ господу нашему Исусу Христу. Прилучи же ся и цесарицы,⁸⁹ женѣ Нероновѣ, именемъ *а. 354 об.* Дивии и епарха Агрипы || подружью такоже вѣрова въ Христа, сына божїя, яко и тима убо от своею мужю учениемъ Петровомъ и Павлемъ. Мнози, не брегуще ⁹⁰сана и честь цесареву ни во что же брѣгуще,⁹¹ прилѣпляхуса господеву богу истинну, яко убо и от ложа цесарева⁹² прити етеромъ къ Петру, и быша крестьяни, и к тому не възвратишася въ воинство и в полату.

Тѣм же Симонъ, рвѣниемъ движимъ, вѣста и нача о Петрѣ много зла, вѣлхва и льстыца нарицаше и глаголя. Вѣроваху же Симанови, дивящеся⁹³ знаменіемъ его, творяше бо змиѣ⁹⁴ мѣднѣи дивизатися сами, яко живѣ, и каменымъ телцемъ смиятися и дивизатися самѣмъ. Самому же потечи и внезапно всхищену быти на иерь. Противу же Симоновимъ знаменіемъ Петръ болящаа исцѣляя словомъ и слѣпныя зрѣти творяше | молитвами, бѣсы именемъ Исусъ Христовымъ прогоняше и мертвеца вѣставляше. Глаголаше же Петръ к людем, сице ѣ уча, да не токмо от льсти Симовы⁹⁵ отбѣжати и, нѣ и к тому явѣ облицати и, дияволу работающа. И бытъе тако, яко всѣмъ говѣинымъ мужемъ ненавидѣти Симона волхва и неподобника его проповѣдаху. Паки же к Симонови прилѣплшися глаголаху Петра вѣлхва⁹⁶ суца, зане сами всегда бяху съ Симономъ. Яко словеси цесаря⁹⁷ Нерона дойти, и повелѣ Симона волхва к себѣ вѣвести. Онъ же, вшедъ, ста пред нимъ, единаче внезапно зракъ премѣнїя

Р Испр. по Л; Т надъзлѣ. С Испр. по Л; Т създавъ. Т Испр. по Л; Т вѣ.
⁶¹ увидѣвъ. ⁶² обуимъшимся. ⁶³ исповѣдавшю. ⁶⁴ Павлуви. ⁶⁵ тако.
⁶⁶ пришех. ⁶⁷⁻⁶⁸ идоша въсвоися. ⁶⁹ хрестиянъ. ⁷⁰⁻⁷¹ Нет. ⁷² Доб. и.
⁷³ такъв. ⁷⁴⁻⁷⁵ Нет. ⁷⁶ исполнися. ⁷⁷ Нет. ⁷⁸ Доб. во вѣ. ⁷⁹⁻⁸⁰ Слыши-
те — рече Петр. ⁸¹ твоего. ⁸² моемъ. ⁸³ Нет. ⁸⁴ всемирное. ⁸⁵⁻⁸⁶ от
ребра. ⁸⁷ покура. ⁸⁸ вѣрѣ и. ⁸⁹ царици. ⁹⁰⁻⁹¹ Нет. ⁹² царева. ⁹³ ди-
вятеса. ⁹⁴ змиѣи. ⁹⁵ Симановъ. ⁹⁶ волха. ⁹⁷ царя.

ся, яко быти ему въ малѣ дѣтицю възоромъ и паки по малѣ образомъ старцю, овѣгда же бысть паки уношею. И премѣнися 3-ми образы предъ Нерономъ цесаремъ,⁹⁸ имуща около себе служитель дьявола. ||

Се же увидѣвъ,⁹⁹ Неронъ удивлься, истиню божия сына именована суца, Петръ же, апостолъ господень, учаще, глаголя Симона лжа суца и вълхва, студовна же и неподобна и ¹⁰⁰оступника^{IV}.¹ о всемъ, и божии истинѣ протививна. Тогда вшедъ Симонъ к Нерону, рече ему: «Аще мужу сею не отженеши отсюду, то не можетъ стати царство твое». Тогда Неронъ наполни печали, повелѣ тощю привести я к собѣ. Въ утрѣи же день вшедшемъ к нему Петру и Павлу, христовыма апостолама, Симон же рече: «Се еста ученика назарѣова, има² зѣло нѣсть добро, тae³ еста от людии жидовескъ». Рече же царь Неронъ: «Кто убо есть назарянинъ?». Симонъ рече: «Есть градъ въ Июдѣи, иже вамъ противень естъ». Тогда Петръ рече к Симону: «Чюжюся нѣкими чарми предъ цесаремъ⁴ мудръ дѣпешиса или непыщюеши, яко | волшебною хытростию Христовома ученикома одолѣти^У убо надѣбешиса?» Неронъ рече: «Кто убо есть Христос?» Петръ рече: «Аще хощеша увѣдѣти,⁵ цесарю,⁶ кто есть Христос, или съдѣянаа чудеса о немъ въ июдѣихъ, то възми книги поньтскаго Пилата, си же прочте⁷ къ Клавдиеви цесарю⁸ посланы от Пилата, и тако увѣси все по ряду». Неронъ же, слышавъ от Петра, повелѣ принести предъ ся книги Пилатовы и чести предъ собою.

Имѣяхуть же книги ты начало писанию сиче образно. «Понетъскыи⁹ Пилатъ, завѣщая сиче, пишю, Клавдию цесарю¹⁰ радоватися! Въновѣ си створиса, еже азъ обнажихъ не разумѣвъ, потомъ бо жидове зависти ради своими лютыми суды сами ся мучиша, отци бо ихъ такова обѣщаниа имуща, яко послеть намъ богъ сына своего¹¹ съ небесе, иже истиненъ имъ || цесарь¹² наречется. Сего же послати богъ съ небесе обѣща имъ на землю; и въплотися от дѣвица чисты без мужа, якоже пророкъ Исаия рече: Се дѣва въ чрѣвѣ приметъ и родить сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, иже естъ сказаемо «с нами богъ». И бысть тако. Мнѣ же, владыцѣ суцу, се убо Христосъ прииде въ Июдѣю. И увѣдѣша¹³ июдѣи слѣщия просвѣщающа, прокаженыа очищающа, ослабленыа ицѣляюща, бѣсы от челоувѣкъ отгоняща, мертвыа възкрешающа, вѣтромъ запрѣщающа, по волнамъ ходяща и ина многа творяща чудеса. И вси июдѣистии людие сына и суца и божия именованаху, глаголюще архиерѣи же, завистию подвижими,¹⁴ на нь. И мнѣ праша, и ино зло¹⁵ много сългавыше на нь, глаголаху же льстець суца наричюще и, и противна^Ф закону рекуще и. Азъ же вѣровавъ имъ тако, и тою же бивъ одержимъ и предахъ и воли ихъ. Они же распяша и, и погребше и, и¹⁶ стража приставиша и над нимъ. То же стражемъ моимъ стрегущемъ и, третии день вѣста. Толма же разгорѣся жидовскаа злоба, яко дати сребро воиномъ, глаголющемъ и рцѣте, яко ученици тѣло его украдоша, но тии сребреникы вземше и умолчати бывшаго не възмогоша, но ти самы вѣставше свѣдительствоваша видѣнаа, и от июдѣи въземше и сребро. Се¹⁷ же дѣлма възвѣстихъ твои державѣ, да инъ никтоже не съльжетъ, и възнеавидиши вѣровати жидовскимъ лживымъ словесемъ».

Прочтенъ^Х же бывши еписотльи предъ Нерономъ, и рече Неронъ: «Рци ми, Петре, тако ли си вся дѣяпаша?» Петръ¹⁸ рече: «Тако естъ, цесарю!¹⁹ Се бо Симонъ полнъ естъ лжа и лъсти. Аще и мнится, е||же нѣсть богъ, въ господа²⁰ моего Исуса Христа свершена естъ побѣда, иже челоувѣчьска²¹ ради спасения, изволи божественымъ своимъ смотрениемъ съ челоувѣкы пожити». Симон же рече Петрови: «Уже ти не могу терпѣти, но секретъ повелю аггеломъ моимъ, и, пришедше възкорѣ, мстыать мене

^У Испр. по Л; Т одѣлѣти. прочтенѣ.

^Ф Испр. по Л; Т противна.

^Х Испр. по Л; Т

⁹⁸ царем. ⁹⁹ увѣдѣвъ. ^{100-IV, 1} отступника же. ² Доб. же. ³ та. ⁴ царемъ. ⁵ увидѣти. ⁶ царю. ⁷ пророче. ⁸ царю. ⁹ оветъскыи (киноварное п отсутствует). ¹⁰ царю. ¹¹ Доб. богъ. ¹² царь. ¹³ увидѣша. ¹⁴ Доб. и. ¹⁵ зломъ. ¹⁶ Нет. ¹⁷ сего. ¹⁸ Доб. же. ¹⁹ царю. ²⁰ Доб. же. ²¹ челоувѣчьскаго.

от себе». ²² Петръ же рече: «Не ²³ бою я съ ²⁴ ни тебе, ни аггелъ твоих: твои бо аггели паче ²⁵ мене боятсѣ, ²⁶ зане азъ есмь съ силою господа моего Исуса Христа». Неронъ ²⁷ же рече: «Да ли не боишия Симона ты, о Петре, извѣщшаго свое божество вещми многими?» Петръ же рече цесареву: ²⁸ «В томъ есть божество, иже испытываетъ безвѣстнаа *сердцю*.^Ч Се же аще убо есть богъ, да речеть нынѣ явѣ предъ тобою, что помышляю на сердци или что творю въ умѣ моемъ, первое ²⁹ же, цесарю, ³⁰ явлю ³¹ твоима ушима, ³² да не сължетъ помышления | моего». Цесарь ³³ же Неронъ рече Петрови: «Приступи сѣмо и рци ми, что помышляеши». ³⁴ Петръ же рече: ³⁵ «Повели, цесарю, ³⁶ принести хлѣббы ячмяны ³⁷ таи и вдати мнѣ». И паки ³⁸ рече Петръ: ³⁹ «Да речеть ныня Симонъ, что речено мною къ цесарю ⁴⁰ и что бывшее». Цесарь ⁴¹ рече: ⁴² «Симоне, изнеси мысль Петрову, да слышим». Симонъ рече: «Се вѣжъ, цесарю, ⁴³ яко помышления челоувѣчъ никтоже не ⁴⁴ вѣсть, точию богъ единъ». Отвѣща убо ⁴⁵ ему Петръ: «А ты себо глаголеши сына божия. То оже еси сынъ божии, рци, что помыслихъ или что створиши втайнѣ нынѣ, скажи нынѣ предъ цесаремъ». ⁴⁶ Петръ же бя ⁴⁷ благословилъ вся ⁴⁸ ячмяныя ⁴⁹ хлѣббы ⁵⁰ и преломль ^Ч ⁵¹ десною рукою и рукою шуею ⁵² въ рукумы ⁵³ сбираше. Тогда Симонъ не возмогъ издрещи ⁵⁴ апостоля неизреченна, ⁵⁵ възпи, си глаголи: «Да излѣзуть пси величии». И устремившася пси ⁵⁶ пришедъ || ше ⁵⁷ на Петра. Петръ же простре ⁵⁸ руцѣ на молитву, ⁵⁹ показавъ яже ⁶⁰ благослови хлѣббы. Его же видѣвши пси не явившася к тому, нъ отбѣжаша, яко уранени крѣщцѣ. Тогда Петръ рече къ Нерону цесарю: ⁶¹ «Сеи показавъ ти Симона волхва и лествца суца не словесы, нъ и дѣлы, обрѣкъ бо ся пустити на мя аггелы свои предъ тобою, и створи ти имъ бѣ мечь его надо мною. Се ти пси и изведе на мя, си ли его быша аггели? Да показа уже сего не божественна имѣя аггели, но пьсьскыа ⁶² дѣмоны».

4. 856 об.

Тогда Неронъ царь рече къ Симону: «Что убо еси Симоне? Убо мню, яко уже побѣжена есѣ». Симонъ рече: «Тако же ми и въ Июдѣи створи и въ Палестинии и въ Кесарии». Тогда Неронъ рече къ Павлу: «Ты почто ничтоже не глаголеши, Павле?» Отвѣща ^{III} Павелъ и рече: «Вѣжъ се, цесарю, ⁶³ аще попу | стиши волхву сему тако створити, велико зло отечеству твоему». И рече цесарь ⁶⁴ Неронъ Симонови: «Что ты глаголеши, Симоне, противу тому?» Симонъ рече: «Азъ аще не покажею, ни явлюся, доколѣ бога суца, то ничтоже ми должныя чести створить». Неронъ рече: «То уже что медлиши, а не показашаши ся въскорѣ истиною, яко да сия мучима будета?» Симонъ рече: «Повели ⁶⁵ ми створити столпъ высокъ дровомъ, да възлѣзъ на нь, призову си аггели своя и повелѣ имъ, да, всѣмъ зрящемъ, възнесутъ мя къ отцу моему на небо, сего же си не могуца створити, обличитася яко челоувѣка ненаказана еста». Неронъ рече Петрови: «От сего явится велику силу имать, аще се есть богъ нашъ». ⁶⁶ Петръ же рече: «Державный цесарю! ⁶⁷ Аще хочещи || разумѣти, яко съ есть полнъ бѣсовъ». Паки же Неронъ рече: «Что ми обхождение творити въ утрѣи день искусити вы?» Симонъ рече: «Аще вѣруеши, благыи цесарю, яко азъ нѣсмъ волхвъ, повели усѣкнути мя въ мѣстѣ темнѣ. Ти ту мя остави усѣкновѣна, и аще 3-и день не възкресну, то увѣжъ мя волхва суца, аще възкресну, то вѣжъ мя сына божия суца». Се же створити повелѣвшю кесареву во тмѣ, волховьнѣмъ художествомъ Симонъ створи, да овенъ усѣкнутъ в него мѣсто, на толико же, яко овьнъ, якоже Симонъ явися, дондеже усѣкновенъ бысть во тмѣ. Испыта убо усѣкнуввыи его, изнесъ на свѣтъ главу, обрѣтъ главу овьною, и не смѣ повѣдати цесарю, ⁶⁸ да не обранить его ранами, по-

4. 857

^Ч Испр. по Л; Т прдца. ^Ч Испр. по Л; Т преломъ. ^{III} Испр. по Л; Т от-вѣщаша.

²² тебе. ²³⁻²⁴ боюся. ²⁵⁻²⁶ боятсѣ мене. ²⁷ нероженъ. ²⁸ цареву. ²⁹ прежде. ³⁰ царю. ³¹ Доб. въ. ³¹⁻³² твои уши. ³³ царь. ³⁴ Доб. на сердци. ³⁵⁻³⁶ царю, повелѣ. ³⁷ ячмыи. ³⁸ Нет. ³⁹ Доб. к Симану. ⁴⁰ царю. ⁴¹ царь же. ⁴² Доб. Симану. ⁴³ царю. ⁴⁴ Нет. ⁴⁵ Нет. ⁴⁶ царем. ⁴⁷ Нет. ⁴⁸ Нет. ⁴⁹ ячмыи. ⁵⁰ хлѣбъ. ⁵¹⁻⁵² и. ⁵³ руку. ⁵⁴ изрещи. ⁵⁵ изреченна. ⁵⁶ Нет. ⁵⁷ Доб. пси. ⁵⁸ простеръ. ⁵⁹ Доб. и. ⁶⁰ же. ⁶¹ царю. ⁶² спасьскыа. ⁶³ царю. ⁶⁴ царь. ⁶⁵ повелѣ. ⁶⁶ Нет. ⁶⁷ царю. ⁶⁸ царю.

велѣвшю ему втайнѣ створити. От того убо глаголася въ день третии обрѣстися, зане глава^ш овня взята и удѣ от мѣ|ста того, а кровь ту съсѣ-деся. И въ 3 день показася Нерону, глаголя ему: «Повели⁶⁹ знаменовати кровию моею противу, яко се усѣкновенъ бывъ, якоже обѣщаша и 3-и день въстахъ».

И яко рече Неронъ, яко утренни день искуситъ и, обращая къ Павлу, рече: «Что ничтоже вѣщаеши?» Отвѣщавъ же Павелъ, рече къ Нерону: «Сего словеси не хоши услышати, цесарю,⁷⁰ блазнитель бо есть и влхвѣ, и въ погыбель хошетъ въвести душу твою и царство твое, яко егупетская волхва и Ании⁷¹ и Амбрии прельстиша фараона и вся воя его, дондеже погрязоша в моря. Тако и съ възисканьемъ отца его дѣвола препираетъ человекы многы въ свою погыбель⁷² створити и многы от кроткихъ прельщаетъ на искушение царствия твоего. Азъ же надѣюся силѣ господа моего Исуса Христа, яко въскорѣ явить,⁷³ кто есть, и елико мнѣтся възне-стися на небо, толико погрязнути имать въ⁷⁴ глубинѣ адовѣ, идеже есть плачь и скрежетъ зубомъ». Не||ронъ рече: «Что^б есть ученье Христово, твоего учителя?» Рече к нему Павелъ: «Ученье учителя моего не видять его вси, о нем же мя въпрашаеши, нѣ точю чистии сердцемъ и вѣрою приступа-ющии, елико бо есть мирная и любаа, сему учитель есть. Азъ бо от Иеру-салима и около до Люрѣка наполнихъ слово⁷⁵ се мирнаго,⁷⁶ якоже от него навыкох, учитель бо есмь, да любовью другъ друга прислѣбеть, владыкамъ и благодати⁷⁷ намъ не превозноситися и не надѣатися богатъству ради ища-зующему,⁷⁸ нѣ на бога надежу свою класти, нищимъ въ своей радоватися нищетѣ, отцемъ учити чада своя наказанию въ страсѣ господни, чадам послушати родительскъ научение спасеное.

И научихъ церкви вѣрныхъ въ единого бога отца вседержителя^л не-видима и непостыжима и въ сына его едиnorodнаго бога Исуса Христа. Сими же молитвами не от человекъ, ни человекомъ, нѣ Иисусъ Христомъ дана бысть, съ небесы⁷⁹ глаголавшю, иже и⁸⁰ посла мя на проповѣдь, рекъ: «Иди, яко азъ буду с тобою, и все, елико речеши и елико тво|риши,⁸¹ азъ оправдаю». ^б Се слышавъ Неронъ и въздвигъся и обрящеся Петрови, рече: «Ты что глаголеши?» Петръ рече: «Все, елико глагола Павелъ, истина есть, от нашихъ епископъ написана⁹ сущихъ вселения о бываемыхъ и глаго-лемыхъ. Гонителю бо ему бывшю закона суца и възва и глас съ небесе и научи истинѣ, зане быаше врагъ по зависти ревнуя вѣры, нѣ по невѣрству быша бо и преже насъ, нѣ лжии апостоли, и лжии пророци, иже на свя-щенная и начѣртаная пришедше, начаша празнити⁸² истину, ина ты нуже⁸³ быаше избрати мужа сего ничтоже иного пытати, нѣ точю божиа закона,¹⁰ || имже истинѣ милостыникъ, а лжи будетъ гонитель дерза,⁸⁴ зане же гоне-ние его не завистию бысть, но законнаго ради общения. Сама истина съ небесе бесѣдова к нему, глаголющи: «Уже престани убо гоня мя, яко язъ есмь истина». Понеже боряся непщюеши, яко убо разумѣ таково суце оставль,⁸⁵ егоже мыщаеши, и нача мыщати сего пути истиннаго Христови, егоже преже гоняше, иже есть путь истинный ходящимъ по нему цѣло-мудрнѣ.

Сн глаголавшю Петру, Симонъ рече: «Разумѣи, благыи цесарю,⁸⁶ яко свѣщалася еста оба на мя. Азъ бо есмь истина, и сиа супротиву⁸⁷ мнѣ мудрствуетъ». Петръ же рече: «Ни единая же истины нѣсть в тебѣ, все дѣжеши, глаголя!» Симонъ же рече к Нерону: «Чему сего не урозумѣ-еши,⁸⁸ цесарю⁸⁹ благыи, и сиа человекка уже съглядала кротость твою и связала^л тя лестными словесы своими». Неронъ же рече къ Симону:

^ш В Т гла гла/ва. ^б Испр. по Л; Т кто. ^л Испр. по Л; Т вседержите. ^ь Испр. по Л; Т обравдаю. ⁹ Испр. по Л; Т написания. ^ю Конец столбца без текста. ^а Испр. по Л; Т всязала.

⁶⁹ повелѣ. ⁷⁰ царю. ⁷¹ Ании. ⁷² погыбель. ⁷³ явѣтъ. ⁷⁴ къ. ⁷⁵⁻⁷⁶ въсе-мирнаго. ⁷⁷ богати. ⁷⁸ ищающему. ⁷⁹ небесъ. ⁸⁰ Нет. ⁸¹ створиша. ⁸² блазнити. ⁸³ нужне. ⁸⁴ дерзая. ⁸⁵ оставлению. ⁸⁶ царю. ⁸⁷ супротивно. ⁸⁸ суразумѣеши. ⁸⁹ царю.

«Ни ты же мене о тебѣ самомъ извѣстилъ еси». Симо|нѣ рече къ Нерону: «Колѣко вещи и знаменїи азъ бо съ собою показахъ тебѣ, цесарю,⁹⁰ и чюжюся, како вѣры не имаши. То уже ничтоже ти отвѣщаю». Неронѣ рече: «Им же лжеши, сего ради⁹¹ не глаголеши, то уже ничто ты мню, якоже бо обрѣтохъ лъжь еси предо^{IV}, а всемъ и что много глаголю, вы тревь всемъ не явѣ, вѣрна мя створисте, яко же убо не могу^Б кому вѣры яти». Петрѣ рече: «Единому богу истинну и отца господа нашего Исуса Христа, егоже исповѣдаимъ створшаго небо и землю, море и вся, яже суть в них, иже есть истовыи цесарь». ⁹² И Симонѣ же рече паки Павлови: «Азъ⁹³ и се не вѣста мене, Петра⁹⁴ и Павле, но не отвѣщаю, Петре и Павле, на вы, сему бо въсхоцета, да мучению ваю уподоблю велию». Петрѣ и Павелъ^В рѣста къ Симонови: «Николи же тебе да не будетъ добра, началниче вѣчнѣи тмѣ, Симоне волхве, и горести полне». Симонѣ же рече: «Благовѣрныи царю Нероне! Много *терпѣ*^Г и досады от челоувѣку сию, да ужъ извѣсто вѣжъ лестьци суца, мене же увѣжъ съ небесъ послана суца. || Вѣ утрѣи бо день на небеса взиду, ⁹⁵отнюду же истидохъ и паки възиду⁹⁶ къ пославшему мя, да вѣрующая о мнѣ блаженны створю, и славныи не постыдныа на сею тако смѣвшеи и дерзнувшею отврещися мене, злѣ гнѣвъ свои покажу на *Днею* до⁹ вѣка».

л. 358 об.

Петрѣ же и Павелъ рѣкосте: «Наю богъ давно⁹⁷ звалъ есть въ свою славу, ты же, Симоне, тыщися, амо же еси званъ отцемъ своимъ дяволомъ в муку». И разгорѣся Симонѣ нествояся, оканною яростию своею на святыа апостола господня, и рече къ^Ж Нерону: «Благыи цесарю!⁹⁸ Слушаи мене, повѣдающую ти добръ свѣтъ и къ благымъ ты готовяща. Сїа же нецстоящаяся, отлучи от себе, да николи же не будещи въ лестныхъ словесехъ ею. Да егда пойду къ отцю моему на небо, възмогу тебе милостивъ быти». Неронѣ рече: «Да се увѣмъ, яко взидещи ты на небо». Симонѣ рече: «Сї уже, цесарю⁹⁹ благыи, сверьшишася, яже о мнѣ, там и подобаетъ исполнити, нѣ по моеи воли створи ми, да ми будетъ | столпъ высокъ, древъмъ и бервныи великыми, якоже и преже рѣхъ, възлѣзу на нь, и аггели мои на перѣ мя обрящюти. Съде быхъ е призвалъ к собѣ, нѣ се межю грѣшникъ¹⁰⁰ есмь, да сего дѣла сде не могутъ прити ко мнѣ».

Тогда Неронѣ цесарь повелѣ на поли матруновѣ,^V ¹ доспѣти столпъ превысокъ, бервныи великыми,² по изволеню Симонову. И потомъ рече Симонѣ к Нерону: «Се уже азъ иду на небо къ отцю моему, пославшему мя на землю, и многыи чюдныи вещи³ створихъ пред очима твоима и всѣхъ людий твоих, и какы убьенъ бывъ, кровь свою прольавъ, и 3-и день възкрѣснухъ. И се ныня възходящю ми на небеса, да сидутся вси вкупѣ, и всѣмъ зрящемъ пред ними вознесуся, да видятъ славу мою и прославятъ имя мое у отца моего на небесѣхъ».

л. 359

И заповѣда цесарь⁴ Неронѣ, и снидошася вси людие и вся воиньскыа четы на позорѣ Симоана. Въ то же събрание повелѣ цесарь Неронѣ Петру и Павлу ту же предѣстати, посреди ⁵многаго народа людий. Къ нима же рече⁶ Неронѣ: «Нынѣ иматъ убо истина явитися, льстивная же и чаровная словеса⁷ облицена будетъ⁸ въ сѣмъ⁹ явѣ». Рекоста же ¹⁰апостола Христова¹¹ Петрѣ и Павелъ к Нерону,¹² стоящая¹³ посредѣ многа народа: «Вѣсто разумѣи,¹⁴ цесарю,¹⁵ вѣ¹⁶ не облицавѣ его, нѣ сама истина, господъ нашъ Исусъ Христосъ, сынъ бога живаго, его же именемъ Симонѣ самъ¹⁷ смѣ ся нареци, рекыи:¹⁸ „Азъ есмь“».

Тогда Павелъ Петрови рече: «Мнѣ есть колѣнѣ преклонивше¹⁹ бога молити, тебе же есть горѣ зрѣти. Руцѣ и очи и сердце на небо съ слезами

^{IV}, ^a Испр. по Л; Т при. ^б Испр. по Л; Т мугу. ^в Испр. по Л; Т Павелъ. ^г Испр. по Л; Т Петра. ^{д-е} Испр. по Л; Т сею дѣ. ^ж Испр. по Л; Т нѣ. ⁹⁰ царю. ⁹¹ Доб. отвѣщаю. ⁹² царь. ⁹³ Доб. есмь, его же вы ищета. ⁹⁴ Петре. ⁹⁵⁻⁹⁶ Нет. ⁹⁷ давно. ⁹⁸ царю. ⁹⁹ царю. ¹⁰⁰ грѣшники. ^v, ¹ матруновѣ. ² великыи. ³ вещь. ⁴ царь. ⁵⁻⁶ многа рода. И рече к нимъ царь. ⁷ слова. ⁸ бужуть. ⁹ предо всѣми. ¹⁰⁻¹¹ Христова апостола. ¹² царю. ¹³ стояща. ¹⁴ разумѣвай. ¹⁵ царю. ¹⁶ мы. ¹⁷ облицавемъ. ¹⁸ дерзну реши. ¹⁹ преклонь.

молитву творите²⁰ господеви. Егда же аще²¹ узриши начнуща Симона взиматися,²² столпа на носилѣ бѣсовѣ, велие створивъ очию сердечною къ господу смѣрено моление не престающимъ гласомъ, яко ты преже избранъ бысть господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ апостолъ». И преклонъ колѣнѣ блаженны ²³Павель апостолъ²⁴ моляше господа нашего Исусъ Христа.

Тогда блаженны Петръ | възрѣвъ на Симона волхва и рече к нему: «Концаи, иже си²⁵ началъ творити.²⁶ Уже бо, — рече, — приближилось есть твое обличение и наю²⁷ възращению,²⁸ вижу бо господа моего, зовуща мя к собѣ и Павла». Неронъ²⁹ рече къ Петрови: «Что и камо идѣте чересь мою волю?» Петръ же рече к Нерону: «Ямо же аще призоветъ нас господъ наю³⁰ Исусъ Христосъ». Неронъ рече къ Петрови: «То или³¹ вы ³²паки хочъ таже на небо³³ взити?» ³⁴Петръ рече:³⁵ «Еже ся изволить господеви богу нашему зовущему вы³⁶ къ собѣ». Симонъ рече к Нерону: «Да увѣси уже,³⁷ царю³⁸ благаи, сия человекъка въскорѣ обличитася имать злобная ею лестию.³⁹ Се убо яко взиду абие на небо къ отцю моему, ту пуцю⁴⁰ аггелы азъ на землю к тобѣ. То се⁴¹ ти створю, възнесуть тя аггелы мои ко мнѣ». ⁴²Неронъ рече:⁴³ «Уже створи скорѣе, хочю бо видѣти тя възносима, аще скончаеши, еже глаголеши». Тогда Симонъ взиде на столпъ предъ всѣми и подъ руцѣ увясть дафниемъ. И взяша и бѣси съ столпа на носилѣ, якоже с ними свѣщася, и абие нача||тъ лѣтѣти.⁴⁴ Неронъ же, видѣвши летяща, и укори и Петра и рече: «Истиньныи есть человекъкъ Симонъ, безъ вольхвованя. Ты же, Петре и Павле, льстьца есѣта, якоже ми Симонъ изглагола рекыи: «Въскорѣ имать лестъ обличитися лестъ ею».

⁴⁵И Петръ⁴⁶ рече к Нерону: «Секратъ разумѣши нас, убо ученика Христова истова, сего же не суца Христова, но волхва и злодѣя». Неронъ рече Петрови: «То ли⁴⁷ и еще противитася, а уже видита на небо идуща». Тогда Петръ, възрѣвъ на Павла, и рече: «Въсклонися!» Павель же въсклонися, испълнь слезъ. И видѣ Симона летяща,⁴⁸ и гордящася на носилѣ бѣсовствѣ. И рече Павель Петрови: «Концаи, еже⁴⁹ нача, уже бо призываетъ нас господъ нашъ Исусъ Христосъ».

Неронъ же слышавъ явѣ смѣся и рече: «Сия уже видитася побѣженная,⁵⁰ блядета!» Петръ⁵¹ рече: «Секратъ увѣси, ⁵²не блядию наю суцу». ⁵³Рече же Павель⁵⁴ Петрови: «Створи уже, еже твориши!» Тогда Петръ възрѣвъ на Симона, и⁵⁵ еще держиму ему бѣсы ³ ⁵⁶посредѣ аера,⁵⁷ и рече: «Заклинаю | вы, аггелы сотонини, иже носять Симона по въздуху на прелестъ сердце невѣрныхъ человекъкъ, ⁵⁸богомъ Исусомъ, господомъ нашимъ, створшимъ вся⁵⁹ и въскресьшимъ^и ⁶⁰ въ 3-ий⁶¹ день ⁶²из мъртвыхъ,⁶³ и на небеса вшедша, и сѣдяща одесную отца, тѣмъ вы заклинаю: не носите его уже от сего часа, нъ останѣтеся его». И абье Петрови кончающю молитву, трепетни бывше бѣси,⁶⁴ упустиша Симона съ въздуха на землю.^к И паде на мѣстѣ, рекомѣмъ Кравья, еже есть священъ путь. И падъ, бысть на 4 части, 4 силныи^л совокуши, еже суть послушество апостольскыи си побѣды до днешняго дни.

Тогда Неронъ, ярости исполнивсья и имъ Петра и Павла, створи я въ узахъ быти и темници. Тѣло же Симоне повелѣ прилежно до 3 днии хранити, надѣася ему 3-и день въскреснути. К нему же прилѣжно рече Петръ: «Се уже не вѣста, не вѣстанетъ, понеже воистину умре и въ вѣчную осуженъ муку». Неронъ рече Петро||ви: «Кто ти повелѣ таку вещь сътворити люту?»

³ Испр. по Л; Т есы. ^и Испр. по Л; Т въскресьша. ^я В Т над и ошибочно стоит титло. ^к Испр. по Л; Т земли. ^л Испр. по Л; Т силныи.

²⁰ творити. ²¹ Нет. ²² Доб. съ. ²³⁻²⁴ апостолъ Павель. ²⁵ еси. ²⁶ створити. ²⁷ наше. ²⁸ възращение. ²⁹ Доб. же. ³⁰ нашъ. ³¹ Доб. и. ³²⁻³³ Хотите на небо же. ³⁴⁻³⁵ Нет. ³⁶ ны. ³⁷ нынѣ. ³⁸ царю ³⁹ лестъ. ⁴⁰ спущу. ⁴¹ сиже же. ⁴²⁻⁴³ Нет. ⁴⁴ лѣтати. ⁴⁵⁻⁴⁶ Петръ же. ⁴⁷ или. ⁴⁸ лѣтающа. ⁴⁹ Доб. еси. ⁵⁰ Доб. и. ⁵¹ Доб. же. ⁵²⁻⁵³ Нет. ⁵⁴ Доб. к. ⁵⁵ Нет. ⁵⁶⁻⁵⁷ на аерѣ. ⁵⁸⁻⁵⁹ господомъ нашимъ Исусъ Христомъ створшимъся. ⁶⁰ Нет. ⁶¹ 3. ⁶²⁻⁶³ Нет.

⁶⁴ Нет.

Петръ рече: «Ереси его и злыи умъ его, и власвимиа его подаши ему погыбнути». Неронъ рече: «Обуморену⁶⁵ ми мысль створисте. Сего ради злѣ погублю вы». Петръ рече: «Не еже ты хоцещи, будетъ тако, нъ еже нама общахъся,⁶⁶ тому подобаеть сконъчати ся». Тогда Неронъ рече Агрипѣ, епарху своему: «Человѣка невѣрна злѣ погубити^н достоино есть, кинарии убо желѣзными бьюща, велю^н я на Ививахии мѣсто убити и вся таковыя злѣ скончати мучимы. Агрипа же епархъ рече к Нерону: «Благыи цесарю! Не лѣпо тако сею злѣ погубити,^о яко невѣрну сущу». Неронъ рече: «Почто Агрипа епархъ рече сице предо мною, им же рече: „Павелъ безъ вины есть, а Петръ убииству⁶⁷ повиненъ есть, аще же и безаконенъ“. Неронъ рече Агрипе епарху: «Что ти ся мнить, да тако предо мною въпреки вѣщаеши, а не моихъ повелѣний твориши». Убоавъся Агрипа, | разумѣвъ цѣсаря гнѣвна, и въскорѣ свѣтъ свои преложи. И рече к Нерону: «Якоже мнѣ явѣ есть, то сице праведно есть предъ тобою извѣщаю, еже има⁶⁸ створити: Лавлови^п главу отсѣщи. Петра же подобаеть общити на крестѣ, зане иже убииство створи. Тъ есть ходатаи смерти Симоновѣ». Неронъ рече: «Добрѣ судии». Тогда отведена бысть Петръ и Павелъ от лица Нерона, приимъша отвѣтъ.

Бысть же ведому^р Павлу на усѣкновение из града съвязану, стрегуще же воини 3 быша суще рода велика, и шдшемъ имъ уже из вратъ, яко поприще едино, сrete я⁶⁹ етера жена благочестива, и видѣвъши Павла въ желѣзѣнѣ ужи ведома, съжалиси о немъ велми и въсплака зѣло. Бѣ же имя женѣ тои Перпетуя. Бяше же единѣмъ окомъ слѣпа, и видѣвъ ю Павелъ плачущюся, глагола ей: «Дажъ ми убрусь твою, юже на главѣ твои, и яко егда възвращюся, въда^лмъ ти опять». Она же, снемше съ главы убрусь^с свои, въда ему. Они же ведущей Павла, видѣвшеи чудо, иже створи жена, и, призъвавши, рекоша ей: «Что се створи испръти главо тяжко свою, сего ли не вѣси, яко на усѣкновение идетъ». Перпетуя же рече к нимъ: «Заклинаю вы кесаревымъ спасениемъ: симъ платомъ моимъ завяжете ему очи, егда усѣкающе ему главу». Якоже и бысть: обязаша ему очи убрусомъ и усѣкнуша главу честную Павлу, рабу^т Христову, на мѣстѣ, зовемѣмъ Икосавлия, близъ дуба Стровилия, и якоже благоизволившу богу, преже, даже не възвратишася воини и въдася женѣ убрусь, имѣющъ каплю кровь, и яко покрься имъ жена, и абие отверзеса ей око^у томъ часѣ. ^ф

Воини же, усѣкнувше святаго Павла,⁷⁰ възвратишася на мѣсто распяти Петра. И яко придоша къ Петрови, и молися имъ Петръ, да не тако^х распнуть его, яко самъ господь распять | бысть на крестѣ простъ главою къ небеси, но земли главою, а ногама въспръ. Агрипа же епархъ си възвѣсти Нерону. И рече Неронъ: «Буди тако!» Воини же уже бяху поставили крестъ, яко бѣ крестъ господень, и рече Петръ блаженный: «Понеже господь мои Исусъ Христосъ съ небесе на землю сниде, и простъ на крестѣ пригвоздися, мнѣ же его от земля съ небеси звати сподобляеть. Распятъе мое и главу мою къ земли вратите. Тако бо долженъ есмь показати собою и къ небеси направити нозѣ мои. Им^ч же бо нѣсмь достоинъ на крестѣ быти, яко господь мои Исусъ Христосъ, да о семь молю вы: обратите пяло мое». Они же абие обратиша крестъ къ земли главою, и нозѣ его пригвоздиша горѣ. Събра же ся народъ правовѣрныхъ людии безчисла къ Петрови, и вѣсташа на цесаря крѣпцѣ, яростью исполнены, яко хотѣти имъ съжечи имъ глагола сице цесаря⁷¹ Нерона и хотѣша сняти и Петра со креста.

Петръ же възбраняше имъ, глаголя сице: «Преже маломъ днии сих, ||

^н Испр. по Л; Т погубити. ^п Испр. по Л; Т вели. ^о Испр. по Л; Т погубити.
^п Испр. по Л; Т Вавлови. ^р Испр. по Л; Т вѣдомо. ^с Испр. по Л; Т усъ.
^т Испр. по Л; Т рѣбу. ^у Испр. по Л; Т о. ^ф Испр. по Л; Т часа. ^х Испр.
по Л; Т како. ^п Испр. по Л; Т м.
⁶⁵ обуирену. ⁶⁶ общахъсь (после х буква стерта, буква с над строкой).
⁶⁷ Доб. не. ⁶⁸ и нама. ⁶⁹ Нет. ⁷⁰ Доб. и. ⁷¹ царя.

егда бѣхъ въ темници, тѣ изведенъ быхъ аггеломъ моимъ, и видѣхъ господа моего Исуса Христа, и поклонихся ему, и рѣхъ: «Господи, камо идеши?». И рече ми, яко «в Римъ иду паки распятыся». И азъ же даждь въслѣдъ его идохъ и възвратихся паки въ Римъ. И рече ми: «Не боися, Петре, распягя, яко азъ с тобою есмь, дондеже въведу тя в домъ отца моего и ключъ его тобѣ дамъ». Сего ради, чада моя, молю вы: «Не оставляйте пути моего. Уже бо нозѣ мои на небеса божиемъ идета путемъ, да сего ради не жалуете мене, чада моя любимая, но радуетсяя со мною паче, яко бо днесъ плодъ труд моихъ приемлю». И се рекъ, помолися къ господу гласомъ велиемъ, глаголя: «Хвалю тя присно, господи боже мои Исусъ Христе, благыи пастуше, яко сподобилъ мя еси часу сему въ радости ми прияти. Нѣ⁷² молю ти ся, господи милосерде, кончай ми желание мое прошение, овца, яже ми еси дѣль пасти и хранити от волкъ и врагъ истовыхъ губитель о нолежащихъ бес правды на стадо твое, да не остануть разно тя имуще бога, им же и азъ возмогохъ стадо се пасти по тебе, уповая на тя, господи. Ты бо еси истинныи пастухъ, и животъ вѣчныи, и спасъ⁷³ душъ нашихъ». И, кончавъ молитву, предасть⁷⁴ духъ при царствии Нероне.

Тогда же ту явишася святѣи ти⁷⁵ мужи на мѣстѣ томъ, ихъ жь мужь никтоже николиже преже видѣвъ, ни потомъ възможе кто видѣти. Ти же мужи сице глаголаху, яко мнящеися от Ерусалима пришедше. Въ отхождении ис телеси къ богу на небеса святого апостола Петра и Павла ина повѣдахуся мужии, пришедше с Маркелаемъ мужемъ и Лустринномъ, иже бѣша преже вѣровати⁷⁶ Христови, оставльше злопагубнаго губителя Симона волхва и по Петре хожяху. Ч-ш Възяша же тѣло святого Петра мужии вѣрнии таи и говѣние въ креста. И положиша въ егерѣ хлѣвинѣ близъ сущи наутрии на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Витикани. 3-е же воины, отсѣкше святого || Павла, яко⁷⁷ по 3-хъ⁷⁸ часѣхъ томъ же дни придоша воины съ печатью, носяще кесареви, и сретше Перпетую жену, яже бяше дала убрусъ свои, сънемши съ главы, егда ведяхуть и на посѣщение из града. И рѣша воины⁷⁹ Перпетуи, глаголюще: «Что ти бысть, жено! Егда въстазахомъ тебе, дабы не дала убруса съ главы своея Павлови, ты же не послуша. И шнепокорениемъ си⁸⁰ погуби покров главы своея». Она же рече к нимъ: «Вѣру ми имѣте, мужи. Се къ вамъ истиною глаголахъ, и око мое прозрѣвъ.⁸⁰ И се вы глаголю: «Живъ господь богъ Павловъ, яко азъ молихъ, и да сподоблюся раба⁸¹ быти господа бога Павлова».

Тогда воины, имущи печати, познаша убрусъ, яко тѣмъ бяста завязана очи Павловѣ, и паки преже видѣли ю, быша слѣпу сущю однимъ окомъ, и се нынѣ⁸² видѣша ю,⁸¹ видящую положениемъ убруса, бывшимъ на очю Павлови.⁸² И възпиха гласомъ вельемъ, яко единѣми усты глаголюще и рекоша к женѣ: «И мы уже отселѣ раби есмь⁸³ | владыкы Павлови». И не идоша къ царю Нерону. Жена же Перпетуя шедши въ полату и повѣда царю Нерону, сице рекущи, яко воины, усѣкнувшя Павла, сице пребываютъ, глаголяще: «Да не влѣземъ боле отселе къ цесареви⁸³ въ полату. Мы бо вѣруемъ Христови, егоже проповѣдаше Павелъ, и тому единому да послужимъ и уже крестьяне есмь». Тогда Неронъ ярости исполнивъся и въздрика, яко лъвъ, оканномъ гласомъ, и повелѣ Перпетую хранити в темници, повѣдавши ему о воинѣхъ и связану. Они же триа⁸⁴ воины, усѣкнувшя Павла⁸⁰ || и уже вѣрующая вѣрою Павлею въ Христа, единого мечемъ усѣкнути створи, она же паки два каменiemъ побити внѣ града, единого поприща въдале. Перпетуя же бѣ въ темници блюдома въ желѣзнѣ ужи. Бяше⁸⁵ же и Апонтяна,⁸⁶ дѣвица честна рода царска. Бѣ Неронъ цесарь сестру еи старѣишую поалъ собѣ женѣ. И та Апонти-

Ч-ш Испр. по Л; Т хожиху. Щ-ъ Испр. по Л; Т не покоренъ есмь. Ы Испр. по Л; Т раби. Ъ Испр.; ЛТ нѣнѣ. ⁹ Испр. по Л; Т всямя. ¹⁰ Конецъ столбца безъ текста.

⁷² ѣ (киноварное не отсутствует). ⁷³ спасовъ. ⁷⁴ предаеть. ⁷⁵ Нет. ⁷⁶ вѣ-
ровали. ⁷⁷⁻⁷⁸ въ трехъ. ⁷⁹ воинии. ⁸⁰ прозрѣхъ. ⁸¹ Нет. ⁸² Доб. же.
⁸³ цареви. ⁸⁴ 3. ⁸⁵⁻⁸⁶ Напонтяна.

ана не възлюби красных мира сего, ни красоты тѣла ли⁸⁷ лица своего, въ уности цвѣтуща, не помилова, нѣ сице глаголаше: «Въ умѣ моемъ смѣренѣмъ и въ кротости сердца се оставлю родителя своя и все имѣние отца моего, и похоти плотныя не познаю отинудь, и wholly хрестыяна быти».

Перпетуя⁸⁸ же, прилѣпльшися ей, исповѣда ей все о Павле. Она же слышавъше от Перпетуе, паче подвижесе о Христовѣ вѣрѣ. И жена Неронова, сестра Поонтияны дѣвица, и та же възвѣсти ей о Христе, сице глаголюще ей, яко: «До вѣка вѣчную радость имуть вѣрующую во нь, яко и вся вѣчнующая⁸⁹ въсприимуть». Си же слышавъше от Перпету|я цесарица,⁹⁰ жена Неронова, не въсхотѣ царства мира сего, ни чести и от рабѣ и от рабынь, и избѣже от мужа своего ис полаты, и етерамъ боярынямъ, такоже избѣжавшимъ от мужии своихъ съ цесарицею⁹¹ въ вѣру Христовѣ. Измѣни образъ^я от туги Неронъ и въздрикае, яко левъ, и приведе предъ ся Перпетуя, рекъ ей: «Чаровная волшебнице! почто прельсти жену мою?» И многими различными муками мучивъ ю. И потомъ навяза камень на выю ей, повелѣвъ врещи ю въ брегъ. И тако предасть духъ направльшюму ю въ свѣтъ будущаа жизни.

Лежить же и еще останокъ^{в. а} ей. Ученицѣ еѣ, жена царева⁹² Момонтана, и сестра ея Апоптияна дѣвица и ины с нима, и на ты наложи Неронъ различныя многы муки, и ты вся терпяще крѣпко и призывающе господа прити на помощь имъ. И посла господъ ангела заштити⁹³ я от ранъ, и не чюяху болѣзни, яко чюжими телеси стражаще⁹⁴ бяху. Неронъ же, видѣвъ я крѣпко стражюща и не покорящася нечестивымъ е||го глаголомъ, разгнѣвася зѣло и повелѣ створити огонь превеликъ, и ввержены быша въ огонь и тако предаша душа господу. Святии же мужи, рекъшеися от Ерусалима пришедше, их же не бѣ никтоже видѣлъ, и⁹⁵ рекоша всѣмъ людемъ: «Радуйтеся и веселитесь, яко велика отецьника яви⁹⁶ сподобистесь имѣти, святая апостола, друга господа нашего Исусъ Христа. Видите же сего лукавог^б царя Нерона. По скончани святуя апостолу Петра и Павла к тому не мощи ему царства держати».⁹⁷

л. 362 об.

Святою апостолу телесе мало лучися⁹⁸ от вѣсточныхъ мужъ взятома быти, и текше людие⁹⁹ римьстии постигъша я на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Катокомба, пути же Апасниискаго¹⁰⁰ града третьяго поприща, и ту стрежаху^в телеси святою лѣто 1 и 6 мѣсяць, дондеже съзижуть има^{vi.1} честнѣ мѣстѣ. Святаго Петра на мѣстѣ, зовемѣмъ Наумаха, съ славою и пѣснюю положено бысть.

Святаго же Павла тѣло положено бысть при Вестисиянѣ² пути, от града поприщю двою, на нею же мѣстѣ | молитвами ею благодѣiania многа подаются вѣрнымъ, покланяющимся въ имя господа нашего Исусъ Христа. И бысть по сихъ сложиша³ вси людие рѣчь съ воины цесаревы⁴ на царя Нерона. И случися ему сице: убо възненавидѣну быти от своихъ воинъ и от всѣхъ людии римьскихъ. И сию^г рѣчь положиша о немъ, яко призвати и, и⁵ въ вѣцѣ и судити о немъ, предъ всѣми людями бити его, дондеже биемъ, достоинъ будетъ издыхания.

Съ⁶ же бысть зѣло блуденъ, якоже никтоже, и нача гонити крестьяны, уби же Якова, и Петра, и Павла и многи добра рода и от вельможъ уби.

Тъгда Филистъ воевода, одинако держитъ жидовскую власть, умре. Жидове же болии мятежъ створиша и убиша Иякова, брата господня, и прочья ученикы бьюще, изгнаша я из града. Ини же явлениемъ божиемъ изидоша в гору Иорданьску, будущаго ради зла граду по пророчьству господню. Тогда всѣ языкъ жидовскъ отвержеся от Рима. Тогда Нел||ронъ

л. 363

^я В Т образъзъ.

^{в, а} Испр. по Л; Т останкъ. ^б Испр. по Л; Т лукаго. ^в Испр. по Л; Т стрежеху. ^г Испр. по Л; Т сичю.

⁸⁷ Нем. ⁸⁸ ерпетуя (киноварное п отсутствует). ⁸⁹ вѣчнующа. ⁹⁰ царица. ⁹¹ царицею. ⁹² царства. ⁹³ заштити. ⁹⁴ стражуще. ⁹⁵ Нем. ⁹⁶ явѣ.

⁹⁷ Доб. и. ⁹⁸ улучися. ⁹⁹ Нем. ¹⁰⁰ Апустелиискаго.

^{vi.1} и нама. ² Вестиянѣ. ³ служивша. ⁴ царствы. ⁵ Нем. ⁶ бѣ.

⁷разгнѣвася, ⁸ посла къ вѣсточнууму вѣводѣ Успасиану, ⁹ тогда бѣ веля ему събрати вся, яже суть под ним, и прити на жиды и погубити я. Жидове же вѣбѣгыше въ Иерусалимъ, зане бѣ твердъ градъ 3-ми стѣнами ограженъ и столпове. Воевода же, пришед на Иерусалимъ, ополчися и, вся грады галилѣйскыя раскопавъ, пожже. ^ДПришедше на^е Иерусалимъ, сѣде о немъ лѣто все, воюя от года до года, многы образы боряся и ничтоже успѣ, зане твердъ бѣ градъ, нѣ излазаше^ж из града убиваху римляны. Вышед же в Кесарию Успасианъ отпусти вся воя опрепочите. В то время убьень бысть в Римѣ.

³Си же^и иудѣи по господи нашемъ възнесени ней воюеми быша за лѣт 40, Христу долго терпящю о безаконии богохульствия ихъ, яко да разумѣти хуливше о таковое прегрѣ^жнение, да таковое створять покаание. Тѣмъ имъ страшная знамениа показоваше, хотящее быти имъ пленение проповѣдая, | ибо егда въ опрѣсночньи празникъ въ час 9 ноци толма свѣтъ въ церкви и въ жъртвеницѣ вѣсия въ час единъ, яко мнѣти день бысть. По семь же вѣсия звѣзда надъ градомъ въ образъ копийныи, иногда вѣсточная и мѣдѣная дверь градская, желѣзными затворы завираемъ и едва 30 мужъ отверзаема, явися въ 8 час ноцнии отверена. И пакы видима иногда быша прежде солнышнаго захода, яко колесница на высоту, и полѣци. въ оружии рищюще на въздуси и градъ наставляюще. По сихъ же во дни скинопигийскыя, рекше у кущных ¹⁰истокъ, прежде 4-рь¹¹ лѣт кромолѣ преставиши, миру бывшю и гобъзующю и еше граду, человекъ нѣкыи, Исусъ именовъ, пришедъ въ празникъ, внезапно ¹²тѣ възъпи¹³ въ церкви. глаголя: «Глас от вѣстока, глас от запада, глас от четырь вѣтръ, глас на Иерусалима и во всѣхъ людии». И се за многи дни и ноць ходя въ граде бес престани вѣпаше. Сего ради нѣкци от на||рода разгнѣвавшеся, ранами .i. 363 об. его уязвиша. Оному же наипаче слезами вѣпующю и глаголющю коеиждо ранѣ: «Увы, увы, увы, Иерусалиму!» Въ тѣже¹⁴ празникъ вошь, на жертву приведенъ, роди агница посреди церкви, имже, мню, кромѣ естественнаго роди рожества, проявляя премногая нужа и вѣпля градскаго, агньць же ради, еже къ агницю божию отмѣтание иудѣйское явѣ извѣщевая бывшее имъ и праспо и горкое убийство,^к всепогибелье. Иудѣиомъ¹⁵ бо к римлянѣмъ повинование, дани даяти и отвергъшемъся. И посла Нерон от Ахаиа¹ и Успасиана,^м сына своего, съ сыномъ его Титомъ, рекше внукомъ, вѣевать на Иерусалимъ и въ силѣ тяжкѣць зѣло. Въ день праздника пасхы вси от иудѣи въ Иерусалимъ придоша от римлянъ въ митрополию, рекше «мати градомъ», заверты быша едини.

Неронъ же одержаемъ его области в неподобныхъ и скверныхъ¹⁶ дѣянии испаде, и изыде неподобно царствующимъ замысли¹⁷ ве|щи, и гуда¹⁸ и поа мирскихъ и пляша на позорищихъ. Къ симъ вѣсѣмъ его неправеднаго дѣяния и богохульствинныи ненавистъ приложи, гонитель пръвьи бысть божественному слову. По сихъ же умышлению на нь бывшю наповѣдано ему бысть, и сего ради велии гнѣвъ въшедь, уби матеръ и сестру, ¹⁹жену свою и инѣхъ множайшихъ родомъ,²⁰ приближающихся²¹ ему. И еше же и в Римѣ нарочитыхъ, сущаго вѣстаниа от нихъ убоася, и тако от многа гнѣва, яко скотина бысть, и в село ишедь, рукама своима сѣрѣзася. И Успасиану объсѣдящю Иерусалимъ.

41. По Диклитианѣ же и Максимъанѣ царствова Коста Зеленыи лѣта 2, кесаремъ же лѣт 13. Зеленыи же нареченъ лица его ради блѣда. Тѣ от Елены роди Костянтъина въ Дакииствѣ²² градѣ, яко вѣщаецъ Евсевии. Я²³ Коста благочестивъ бѣ и сына своего Костянтина подобна наказа, и еже на нас гонение никакоже обьщася,²⁴ но и сущимъ у него крестъяномъ беспре-

Д-е Испр. по Л; Т пришед же. ж Испр. по Л; Т излазаше. 3-и Испр. по Л; Т нижего (?). 9 Доб. по Л. К Испр. по Л; Т уиство. 1 Испр. по Хронике Амартола; Т хана, Л Ахана. М Испр. по Л; Т Успасиана. 7-8 всь языкъ Ёвася. 9 Спасиану. 10-11 истоки пожре 4. 12-13 Нет. 14 тожде. 15 идѣом. 16 скверныхъ. 17 Доб. и. 18 года. 19-20 Нет. 21 и ближающихся. 22 Дакииствѣмъ. 23 а. 24 обьщася.

л. 364 стани не възбрани || учить. Суццю же Косте триуномъ, не наречену кесарюмъ.²⁵

Царствующю же Максимьяну, Еркулу²⁶ и Диоклитияну, убившю Карина, царя римскаго, сына Корова, и того ради персьи и парфи, еже суть соуромати, пришедше, плѣняху страны римскыя съ царемъ своимъ Урахомъ. И посланъ бысть Коста, нареченъ от цесаря²⁷ Максимьяна, къ востоку, къ жьрьцьмъ парфьскимъ, къ Феону и къ Умѣнѣу,²⁸ тѣма молити еже о мирѣ царя пархеска, еже не изыти на римляны воевать, но быти римлянѣмъ дани дающе къ персомъ покорения. Съ же Коста, блаженнаго Костянтина отецъ,²⁹ наречены Зеленыи,³⁰ имяше жену, именемъ Феодору, дщерь Максимьяну Яркуля, сестру же Максентову, в Римѣ убиенаго. Бысть же Костя мужь благоу правомъ и крѣпокъ тѣломъ и храбръ, тривунъ сантъмъ, пославъ³¹ от царя мира дѣля в Персы. И изыде от Рима съ инѣми тремя воины честныи и, ишедше Римскыя страны, доидоша на | вѣстокъ, глаголемаго Серпа, ѡже посемъ нареченъ бысть Еленинъ градъ, обиташе въ етерѣ мѣстѣ, гостинницѣ, и учрежени³² быша любьзно испочити от путнаго шествия.

Бысть же Косте вложену быти въ похоть женьскаго похотѣниа, ти яко възнести³³ не удержим ся похоти гостиньнику. Онъ же, видѣвъ толь честна мужа неударжимыа похоти суццю, ему дщерь, именемъ Елена, неискусна мужеви, красна сущи и мудра, дасть ему. Коста же, видѣвъ доброту ея, похотью^н спидеся с нею, давъ ей багряницу и постелю ея ради. Суццема има нощи той, преславно кѣнако видѣние в ту ноцъ явися днесъ: явлено бо солнце чресъ естество от Океяна^о бо лежа³⁴ възвратися напрасно, луча пуцааше, озаряя четверочастно домъ,³⁵ идѣже Коста съ дѣвицею спаше. Удивль же ся Коста богочытець, сирѣчь теплый рачитель своая вѣры, миѣвъ от нихъ суца Яполона быти, смотрителя уности, бе-студа пребысть,

л. 364 об.

яше^п бо быти || чудеси тому о зачати блаженнаго Костянтина. Вѣсиавшю же солнцю, призвавъ отца отроковица и дары его укротивъ, предасть ему отроковицю, умоливый схранити ю³⁶ ему честну.³⁷ Аще ли съключитися ей родити и схранити дѣтищъ, яко зѣницю ока, чая будущая то ся конча от ноцнаго видѣниа. Самъ же иде въ Парфы къ царю сирьску^р и, створивъ миръ, инѣмъ путемъ отиде, принесъ же цесареви³⁸ Диоклитиянъ мирныа образы, многы чѣсти от него взя. Бысть же по миновеньи лѣт от божественнаго промышления,³⁹ Костѣ кесаремъ наречену быти купно с⁴⁰ Максимьяномъ уношею Галепри^с тезоименитно^т нарицаему от Диоклитияна царя. По некоемъ же лѣтѣ хотя Диоклитиянъ ити в Никомидью, въ Римѣ же остави царя Максимьяна Еркуля и нареченая с нимъ. Тогда кесаря августа — Коста и Максимьянъ Галеръ. И прешедшу времени, повелѣша паки молбу послати къ персомъ. Костя же, отецъ Костянтиновъ,⁴¹ кеса|рь посла в персы мира дѣля, избравъ старѣишыи въ полатѣ. Случи же ся сломъ тѣмъ или путемъ тѣмъже, идеже святаа Елена^у пребываше корьмящи, иже Фроди *отроча от Косты* дивнаго,^х реку Костянтина. Витавшимъ же мужемъ ту, ключися дѣтищю от мужь тѣхъ разгнѣвану быти и^ц печалну, яко^ч прецаху ударяюще и. Елена же явѣ створи, чии есть отрочищъ. От нея же цесареви⁴² мужи слышавше, посмѣяшася и рѣша: «Елено! Ругаеши ли ся, или истину глаголеши?» Она же рече: «Тако ми бози, не прельцаю вас, но истину рекохъ». Цареви мужи^ш рѣша тако: «И что ради коли се бысть, извѣсти ны».⁴³ Елена: «Нынѣшний царь Коста ваш, егда бѣ триунъ, пребысть съ мною, мимоидя⁴⁴ от рати сауроматъ. Примыше въ чревѣ, родихъ. Аще ли вѣруете воистину, яко право гла-

^н Испр. по Л; Т похоть. ^о Испр. по Л; Т Олеана. ^п Так ЛТ. ^р Испр. по Л; Т царьску. ^с Испр.; ЛТ Галепри. ^т Испр. по Л; Т тьзовметно. ^у Испр. по Л; Т Елина. ^{ф-х} Испр. по Л; Т родивнаго. ^ч Испр. по Л; Т и не. ^ц Испр. по Л; Т я. ^ш Испр. по Л; Т мужю.

²⁵ кесариемъ. ²⁶ Ерьксулу. ²⁷ царя. ²⁸ Умению. ²⁹ отца. ³⁰ избавль ны. ³¹ посланъ. ³² учрежени. ³³ възвестити. ³⁴ лежа. ³⁵ дамъ. ³⁶⁻³⁷ чисту. ³⁸ цареви. ³⁹ Доб. яко. ⁴⁰ весьма. ⁴¹ Константина. ⁴² цареви. ⁴³ имъ. ⁴⁴ мимоидяше.

голю,⁴⁵ *Щаще ли не вѣруете,*⁴⁶ покажу вы и мѣзду жожа моего, еже ми⁴⁶ дасть». И пренесьше⁴⁷ показа имъ багряницу одеже, юже они видевше, милости прошаху, лобзаний⁴⁸ же и ласкании обуимше отроча, серебро его в руци давшѣ дѣ||ржати укротиша. И отголи прешедше къ цесареви⁴⁸ перськууму и, глаголюще о мирѣ утѣшениемъ, идоша инѣмъ путемъ къ царю Костѣ, и с радостию прияти быша от Косты и въпрашаеми от него, чѣ страннѣ и необычно⁴⁹ видѣли⁴⁹ на вѣстоцѣ, они все по ряду ему сказаше. Послѣди же сказаша цареви, яже о⁵⁰ Елени родившеся от нея отроча, и образъ подобья его имат, на мѣстѣ, убо глаголемѣмъ Серпине, кормимъ есть, царскимъ блещася образомъ. Слышавъ же се, Коста помысле, егда сна съ Еленою, видѣ нощю слище свѣтивше⁵¹ всѣ храмъ и разумѣ от бога быти тому. И давъ имъ дары многы, повелѣ имъ на Сърпное съ возылы и колесницами собѣ⁵² всѣмъ угрожениемъ въскорѣ дойти съ дары царскими, привести Олену со отрокомъ Костянтиномъ. Они же въскорѣ дошедше и въсадивше на возило царское Олену и со отрокомъ, доведоша⁵³ къ Костѣ. Видѣв же и,⁵⁴ възрадовався зѣло, обуимъ| отроча, възлюбивъ уную, въведе внутрь въ царская. Костянтину⁵⁵ же наказану отцемъ измлада⁵⁶ святымъ книгама и благочестью, царскимъ же разумомъ и нравъ⁵⁶ и мужества добродѣтель.⁵⁷ Приде же слухъ о Оленѣ⁵⁸ законнѣи женѣ Костинѣ Феодорѣ, дщери Еркульевы, от неяже имяше 3 сыны: Костянтинъ, Анавальяна же и Далматя⁵⁸ и дщерь Костянтю, жену Ликинъеву. И ни единъ от нихъ достоинъ бысть отня царства. Боя же ся Коста, еда како от рѣвности и льстинно будетъ убѣена уная съ отрокомъ, смотривъ, посла со грамотами отроча къ цесареви⁵⁹ Диоклитиану и къ того зяти⁶⁰ Максимьяну в Никомидю. Приять же бысть Костянтинъ въ царскомъ⁶¹ дворѣ и⁶⁰ учиненъ въ ряду демстиковъ, яко царскимъ бѣ таль, сирѣчь мира залогъ, в полатѣ бѣ питаемъ, наказанъ елиньстии мудрости. Ненавидяи же добра⁶² аабѣсь въздвиже на нь⁶² ненавистники, бѣсовъ бо⁶¹ боящии же ся, въ ня же вѣроваху съ || Диоклитианомъ и Максимьяномъ Еркульемъ чаровници и волсѣви разумѣша от бѣсѣвъ⁶² о Костянтинѣ, не точю быти хотяща миродержыца, но и благочестиваго цесаря⁶³ и потребителя елиньскыя лъсти, велика же проповѣдателя о бозѣ Христова царствиа, искаху времени, да быша и убили.

Костянтинъ же, очютивъ свѣтъ ихъ, нощю⁶⁴ всѣдъ⁶⁵ на коня борзья, от Никодимья бѣжа къ отцю въ Бретани и Галья живущи, и до сии при смерти⁶⁶ недужи завѣты творяща, и радостенъ бывъ, его же желаше приять. И Костянтинъ же вся отцю исповѣда, аже⁶⁶ пострада от нихъ.⁶⁷ Си слышавъ Коста тѣломъ, яко орелъ, обновися и абие с теплыми слезами цѣловаше отрока. Продължающе же ся и еще недугу, и любовию къ великому Костянтину отцю связавъ, ины дѣти оставивъ дасть ему скипетры, селико режѣ⁶⁸ сунгклицу и всѣмъ воемъ своимъ: «Нынѣ | смерть ми будетъ живота сладчаеши, нынѣ по разуму умираю, великое на гробѣ вземъ твое владычество,⁶⁸ сыну мой, еже оставити тя на земли цесаря⁶⁹ крестьянъска, слезы отерти могуща от Максимьянъ ничистаго на крестьяны дерзновенемъ. Ти⁷⁰ се ми уже дасть блаженства мѣсто,⁷¹ си режѣ къ сыну его Костянтину, поживъ⁷² духомъ, яко патриархъ Ияков Иосифу, своему сыну. И въставъ съ одра, и сѣде на царскомъ⁷³ престолѣ, съзвавъ сунгклицы⁷⁴ и вся воя его и еще множество крестьянъ, домашняя же инеземца, прибѣгъшая къ

⁴⁵ *Испр.*; *Т* нет, *Л* аще ли вѣруете. ⁴⁶ *Испр.* по *Л*; *Т* любозаконни. ⁴⁷ *Испр.*; *ЛТ* пообычно. ⁴⁸ *Испр.* по *Л*; *Т* измада. ⁴⁹ *Испр.*; *Т* Оленьнѣ; *Л* Олѣне. ⁵⁰ *Испр.* по *Л*; *Т* взяти.

⁵¹, ⁵² *Испр.* по *Л*; *Т* царством. ⁵³ *Испр.*; *ЛТ* безъ въздвиженъи. ⁵⁴ *Испр.* по *Л*; *Т* смерти. ⁵⁵ *Испр.*; *ЛТ* рень. ⁵⁶ *Испр.* по *Л*; *Т* царсткомъ. ⁵⁷ *Испр.* по *Л*; *Т* сунгклицы.

⁴⁵ *Испр.* ⁴⁶ *Испр.* ⁴⁷ принес е, после с две буквы стерты. ⁴⁸ цареви. ⁴⁹ видиста ли. ⁵⁰ от и. ⁵¹ освѣтивше. ⁵² съ. ⁵³ довозопа. ⁵⁴ я. ⁵⁵ Костянтинъ. ⁵⁶ нравомъ. ⁵⁷ добродѣтелью. ⁵⁸ Даматся. ⁵⁹ цареви. ⁶⁰ *Испр.* ⁶¹ *Испр.* ⁶² бѣсѣ. ⁶³ царя. ⁶⁴ Доб. нощю. ⁶⁵ всѣт. ⁶⁶ иже. ⁶⁷ Доб. и. ⁶⁸ чловѣчество. ⁶⁹ царя. ⁷⁰⁻⁷¹ *Испр.* ⁷² пожитъ.

царьству его. Възрѣвъ же Костя къ множеству съшедъшихся крестьянъ и: «Дерзайте, — рече, — вси, иже бога не отверзъшеся, Христось бо съ Костянтинѣмъ, прочее за вы вооружается». Си рек и цѣлова въся и отрока обуимъ въ багряници унаго, державу и области наслѣдника проповѣдатель отроку и || август самодержецъ Римьскыа области^д въ 1 лѣто двосотныа алумпиады нареченъ бысть.

Умершю же отцю его въ Вретании, царьствовавъшю лѣт 13, а 50 и 6 поживъ, остави царство сыну своему Костянтину и Еленину сынови. Костянтинъ⁷³ же честнѣ погребѣ мощи отца своего, слыша о рати персьскыа, яко исходъ створиша на грады римьскыа и плѣнять я, избравъ мужъ сильныхъ крѣпости, искусенъ на бранѣхъ, яко 2000^е мужа, си дары почтивъ, изыде на брань с ними. И не уже съступу обою страну бывъшю, перси, яко сущеи всидѣици и лъстиви, в нощи римьскыа стража емше лестю, исѣкоша, нападаша внезапно на вся и, вшедше посредѣ, много исѣкоша от римлянъ, и царя Костянтина яша, и шатры его, и все оружие расхытиша въскорѣ, а прочая вся въеводы же и нумеромъ начальныкы, овы убо подѣ мечемъ положиша, овы же прогна|ша до предѣлъ римьскыхъ, елико же ихъ борзостю конь от убивственныхъ рукъ възмогаша убѣжати и съкрышася в горѣ лѣсною перстьби. Оканъни⁷⁴ же перси възвышеся⁷⁵ о побѣдѣ и, поимше римьскаго царя Костянтина, съвязаша и⁷⁶ оковами ъelmi. И повелѣша рожественныи день створити богомъ своимъ, да у⁷⁷ трѣбища мечемъ посѣкутъ и. Нѣции же от римлянъ, убѣжавше⁷⁸ от лица персьскаго, скрышася внутрь горы и усмотриша нѣкыа персьскы рабы, ходяща по горамъ древлениа ради. Искусивше⁷⁹ же скоро от лѣса, обиступивше, яша я.

Они же, видѣвше воины, аки мерьтви от страха быша, рекоша имъ римляне:⁸⁰ «Речете намъ съ извѣщаниемъ, яже суть о цари нашемъ». Поръсяне же, припадше^ж къ коленомъ воиномъ, живота прошаху, възвѣщающе имъ, ничто же зла имъ не⁸¹ створити: «Мы бо раби есмь персомъ и ничтоже о семъ съгрѣшихомъ. Нынѣ не⁸² убийте насъ, римляне! И повѣ|дѣ вамъ всю истину». Тогда кляшася имъ воины, и⁸² яко не убити ихъ. И рѣша имъ: «Слышите от насъ, мужи римьстии! Царь нашъ и князи повелѣша створити день рожественныи, да царя вашего заутра заколютъ на требище. Есть же стѣна окрестъ, идеже есть требище. Единъ же есть входъ въ то⁸³ требищи, и нѣсть обычая персомъ тогда⁸⁴ съ оружьемъ служити богомъ, оружие бо ихъ внѣ стѣны оставляють, сами же входятъ безъ оружья, утрети его, да ликують и похвалять, тогда закалають предъложение же⁸⁵ жьрты. Заутра есть устройте же насъ, и блюдемъ прилѣжно. И егда начнутъ⁸⁶ ликовати они,⁸⁷ и мы възвѣстимъ вамъ, и тако, пришедше отаи, возмете оружие, лежащее внѣ церквѣ,⁸⁸ и начнете сѣчи и заклати^ия, и тако спасете⁸⁹ царя вашего». И годѣ бысть слово се предъ римляны. Тогда кляшеся римляне и перси, яко не преступити роты. И тако а отпустиша въ град. | Бысть же посемъ въведоша царя Костянтина, яко агница непорочна, заклати^и хотяще, и⁹⁰ положиша и⁹¹ на требища, связавше ему рудѣ и нозѣ путы. Внегда же пройти имъ мимо требище трыжды и ликовати, въставше римляне от ловитвы и възхытивше оружие персьское, лежащее внѣ стѣны, и ввидоша внутрь отаи над требище. И начаша сѣпци⁹²я раною⁹³ великою, еяже николиже видѣша. Притекшимъ же имъ къ царю Костянтину, 10 римлянѣмъ, разрѣшиша и от узъ и⁹⁴въспивше рекоша:⁹⁵ «Великъ еси, господи⁹⁶ Исусъ Христось,⁹⁷ распятый⁹⁸ при Поньстѣмъ Пилатѣ⁹⁹ и творя дивная единъ велья».¹⁰⁰ Тогда царь персьскыи^ви. 1 и купно² съ

^д Испр. по Л.; Т облисти. ^е Испр. по Л.; Т 2. ^ж Испр. по Л.; Т припадше. ^з Доб. по Л. ^и Испр. по Л.; Т заклати. ^й Испр. по Л.; Т заклати. ⁷³ Костянти. ⁷⁴ окаани. ⁷⁵ възвышеся. ⁷⁶ Нет. ⁷⁷ на. ⁷⁸ убѣжавшии. ⁷⁹ скончавше. ⁸⁰ Доб. не. ⁸¹ Нет. ⁸² Нет. ⁸³ Нет. ⁸⁴ Нет. ⁸⁵ Нет. ⁸⁶ Доб. они. ⁸⁷ Нет. ⁸⁸ стѣны. ⁸⁹ Доб. я. ⁹⁰ Нет. ⁹¹ Нет. ⁹²⁻⁹³ язвою. ⁹⁴⁻⁹⁵ въспиаша. ⁹⁶⁻⁹⁷ Исусе Христе. ⁹⁸⁻⁹⁹ Нет. ¹⁰⁰ Нет.

оставшими его ³ружьники⁴ припаде к ногама Костянтиновыма, ⁵къ к римляномь, ⁶ прося мира съ клятвою быти на урьченѣмь ему, и ⁷ животь имь подаги, еже⁸ створи милосердыи царь пресвятыи⁹ Константинъ. Царь же персьскыи предасть и¹⁰ царю и¹¹ римскому 1000^к || вои персь, [иже царемь .л. 367

¹²стражи наречени быша¹³ персьстии комити и тако съ чьстїю и¹⁴ миромь в Римь отпущени быша.

Потомъ же Северу цареви¹⁵ умершу, Ликинии, зять Костянтинъ, в него мѣсто въведенъ бысть. Костянтину же ¹⁶разболѣтися ему ключи,¹⁷ яко ни врачемъ, ни волѣхвомь недуга его мочи¹⁸ исцѣлїти,¹⁹ аще не омѣшися, рече, кровью, заклавъ^л младенца, исцѣлѣши ноци тои. Печалну сущю ему, явистася ему два мужа, от Рима пришедше, глаголюща: «Аще хощеши, о царю, сдравъ быти, призиви Селивестра, сушаго святителя, крестися от него». Тако же и папе явистася святая Петръ и Павелъ, веляще ити въ Вузантию. Онъ же, вземъ икону святую, принесе ко царю. Костянтинъ же, познавъ являшаяся ему святая в ноци, и цѣлова любезно.^м И повелѣ^н блаженныи Селивестръ купѣль водную ²⁰створи и крести²¹ царя. И абие възиде²² ис купѣли сдрав и остави телесныя струпы въ водѣ, яко чешюя рыбныа. Се же боляре видѣвше, и вси людьє рѣша: «Единъ богъ крестьянєскъ, и вси вѣруемъ ему и крещаемься!» Ту и мати его Елена крестися и его же ужикы же и друзи. Си слышавъше вѣрнии любовью ражгошася.²³

По сихъ же слышавъ Максентиемъ творимая злая в Римѣ, о немъ же и молбу от римлянъ примъ, воиноу на нь иде, и, знаменье²⁴ крестьное на небесе свѣтлообразно видѣвъ, написа: «Симъ побѣжай!» И абие злато припаынымъ каменемъ изобразивъ и на копие вѣстокнувъ, видителю своимъ воемъ повелѣ быти. Тѣмъ побѣди Максонтия и въ рѣку вѣоружена въверже, тако въ Римъ вниде, обладаа Римь. Утошшу же²⁵ Максентию^о в рѣцѣ гониму, о немъ же Евсевии рече: «При тѣхъ явѣ скончася оружье фараоне, силу его въверже в море». Тако бо Максени и²⁶ иже о немъ погрязоша въ глубинѣ, егда плещи дасть силѣ, а иже бога сущимъ съ Костянтиномъ къ рѣцѣ, егоже самъ^п хытростїю съпрягъ и помостивъ, на ся погыбель устрои и гро^б ископавъ и владысе во нь, и обратися болѣзанъ его на главу его, и погрязоша, яко олово. Костянтинъ же с побѣдоу к Риму погна, римляне же съ похвалами и многою радостью прияша и. .л. 367 об.

Временикъ хрестьянскихъ царии и Костянтинъ велицемъ

По Максентии же царствова Костянтинъ великыи. Тъ съ тщаниемъ великомъ посла всюду привести заточеныя крестьяны²⁷ въсвоаси. И капища идольская раскопати, Христовы же церькви зѣдати.²⁸ И заповѣда всюду хрестьяномъ тѣчию владѣти и рядити, и въ среду же и в пятокъ *поститися*^т страсти ради Христовы, недѣля же въскресения ради Христова. И жидомъ рабъ *Уне купити. Иже*^ф и жену имяше Максимину именовъ, дщерь Диоклитяна царя, от нея же роди сыны 3:²⁹ Костянтина и Костянтю и Костянтъя. Брата же бѣста у него два — Далмать и Костянтинъ. Долмать же имяше сына Долмать же, Костянтъгианъ же | имяше Гала, Пиона. И потомъ хотя Костянтинъ създати градъ въ имя свое на западныа страны, въ спѣ ему богъ повелѣ в Вузантия. Въ другое на десять лѣто царствїя его въ Римѣ^х створивъ Коньсту и Костянтїя, своа сыны, кесаря, а Долматїа, сыновца своего, въ Вретании, оставивъ има³⁰ западныа страны. Приде

^к Испр. по Л; Т 1. ^л Испр. по Л; Т заклывъ. ^м Испр. по Л; Т любозно.
^н Испр. по Л; Т повелѣ. ^о Испр. по Л; Т Максению. ^п Испр. по Л; Т са.
^{р-с} Доб. по Л. ^т Доб. по Л. ^{у-ф} Доб. по Л. ^х Испр. по Л; Т мирѣ.
³⁻⁴ съ оружныи. ⁵⁻⁶ Нет. ⁷ Нет. ⁸ Доб. и. ⁹ святыи. ¹⁰ Нет. ¹¹ Нет.
¹²⁻¹³ наречени быша страже. ¹³⁻¹⁴ от персь римляном и с. ¹⁵ царю.
¹⁶⁻¹⁷ включися разболѣтися. ¹⁸ разумѣти и. ¹⁹ Доб. не могущимъ. ²⁰⁻²¹ створити крестити. ²² изыде. ²³ разгорешася. ²⁴ молбучи. ²⁵ Нет. ²⁶ Нет.
²⁷ Доб. с великою чьстїю. ²⁸ създати. ²⁹ три. ³⁰ и.

ѣ^ц Вузантию с матерью своею Оленою и сына Костянтѣа и Ликинѣя, зятѣ своего.³¹ Яко приде царь Костянтинъ к³² Вузантию, не прияша его акы царя, ни дани ему дати въсхотѣша. Градъ же бѣ малъ, преже създанъ Вузомъ царемъ въ лѣто Манасиа, царя Июдѣиска. Бывшую же брани межю ими избѣиша от римлянъ 3000^ч в пръвѣи день. Бѣ же скорбѣя о томъ царь Костянтинъ, съвокупиша же второе брань паки, избѣиени быша от римлянъ 3000.^ш И рѣша вузантиемъ: «Еще единою съвокупимся на брань и възможе||мъ обѣяти римляны плѣнники, бѣ бо малъ мужьства». И тогда царь Костянтинъ, вечеру сущю, и недомыслящеся видѣ, възведъ очима на^ш небо, якоже и преже ему явися при Максимѣане мучителеви³³ в Римѣ писание звѣзды, глаголюще ему: «Призови мя въ день скорби твоея,³⁴ избавлю тя, и прославиши мя». Ужась же ся видѣ крестъ, звѣздами стоящъ на небеси, и писание, глаголюще ему: «Симъ знаменемъ побѣдиша ратныя!»

л. 368

Царь же, пришедъ въспомяновении преди явльшагосѣ знаменѣа, имже побѣди Максентѣа, изнес копице³⁵ свое, створи древомъ знаменѣе крестъное и повелѣ преди носити. И съвъкупишасѣ въ прочѣи день, избѣиша римляне вузанты храбрѣя въ тѣ день силою крестъною,³⁶ прея Костянтѣинъ градъ Вузантии.

Хотящю же ему градъ здати въ свое имя на поли прямо солнцю надънѣтовомъ | гробомъ, богъ же въ смѣ^б ему повелѣ обновити ему Вузантии градъ, древле създанъ Визъмъ царемъ. И приложи едино поприще, нарече³⁷ Костянтинъ градъ. Мало же видѣ живущихъ въ градѣ, зане велии бѣ градъ, тако створи: от Рима събра сановники и,^б от инѣхъ странъ събравъ³⁸ и дома великы създавъ³⁹ имъ, и повелѣ имъ жити. Създа же и⁴⁰ полату иподърумѣ,⁴¹ и улицѣ покровнѣ, и търгъ ризный, на немже и столпъ камень постави всѣ багрянъ, егоже из Рима принесе, и постави на немъ кумиръ, егоже⁴² от Солнца принесе града, имуще на главѣ лучъ^б 7. Столпа же того за 3 лѣта принесе по морю,⁴³ зане бѣ великъ, от моря же до торгу за⁴⁴ лѣто принесенъ бысть. И царю часто приходѣящю и злато⁴⁵ людемъ дая. Таче положи въ основание 12 коша, яже Христосъ благослови, и секиру Ноеву, еуже дѣланъ бысть ковчег, ту вложи, и древа честна||я, и святыхъ мощи на утверждение и съхранение, на красоту же ему и лѣпоту мѣдяныя обручи, при кои мѣнози поперци.⁴⁶ Потомъ созда церковь святыхъ апостолъ и святѣя Ирины и святого Мокия и архангела Михаила, иже на Инапловѣ лимѣни. Та же створи кесаря Костянтѣа, сына своего, въ Цариградѣ, Ликинѣя, зятѣ своего, въ Никомидии. Костянтѣинъ же на персы воеватъ иде. Умолиша⁴⁷ же и персяне и, данъ възложивъ на нь, възвратисѣ.⁴⁸ И услышавъ, яко в Никомидии Ликинѣи мучитель крестъяныи убиваетъ, разгнѣвавъ на нь повелику. Исполъчившема же ся има и бившемасѣ, ятъ бысть Ликинѣи, иже въ Корсуполим, заточи его в Селунъ. Паки же ему наченшо лихое мыслити и оружье вземшю, повелѣ Костянтѣинъ убити и. И убьенъ бысть нечестивѣи.

л. 368 об.

Елена же въ Иерусалимъ шедши, обрѣтъши креста, създа церковь на владычнѣ гробѣ и раздружи | капище Афродино. И от Ерусалима възвратившисѣ, много сынови о Христовѣ вѣрѣ изъглаголавши. Престависѣ сущю лѣтъ 80 и погребена бысть⁹ сыномъ своимъ въ церкви Святыхъ апостолъ. Имяше же Христово подобьственое смѣренъе на всякомъ, паче же мнихомъ. А въ дѣвѣствѣ живущимъ мнихомъ, призывающи же и на постели и полагающи сама о нихъ служащи. И брашно полагаеше предъ ними, чашю даеше и воду на руки ихъ възливааше,⁴⁹ рабынино дѣло свершающи. Тако же и сына своего казаше не высокъ имѣти умъ, добру житию приле-

^ц Испр. по Л; Т к. ^ч Испр. по Л; Т 3. ^ш Испр. по Л; Т 3. ^щ Доб. по Л. ^ъ Испр. по Л; Т стѣ. ^б Доб. по Хронике Амартола. ^ь Испр. по Л; Т лукъ. ³ Испр. по Л; Т бысть съ.

³¹ Доб. и. ³² в. ³³ мучители. ³⁴ Доб. и. ³⁵ копице. ³⁶ Доб. и. ³⁷ Доб. и. ³⁸⁻³⁹ Нет. ⁴⁰ Нет. ⁴¹ иподромѣе. ⁴² Доб. из ри. ⁴³ морь. ⁴⁴ зане. ⁴⁵ Доб. бес числа. ⁴⁶ подпорци. ⁴⁷ молиша. ⁴⁸ възвратисѣ. ⁴⁹ възлиаше.

жати, работати богу по книгамъ съ страхомъ и трепетомъ. Тако же и самъ съхрани заповѣди божиа.

При томъ внутрънии ^юИюдѣ и ^я иверье придоша на святое крещение. И армяне вѣроваша въ Христа съ своимъ царемъ Тиридатомъ при Григорьи, ⁵⁰мучиша его же. ⁵¹ При семь Костянтинѣ бысть трусь въ Камбаньстѣи ⁵² странѣ, гради 10 распадошася, || яко ^{VII. а} ищезенью солнцю ^{л. 369} бысть въ час ⁵³ третий день, яко и звѣдамъ на небеси явитися.

И в Милиистѣи странѣ змяямъ, от всего рода събравшемся, просто ставше самѣмъ, яко до 5 час и бившемся, избивше другъ друга, яко странѣ той от телесъ ихъ вѣсмердѣтися.

Июдѣомъ молитву ⁵⁴ створшемъ на создание церковное, еже въ Иерусалимѣ. Божественны же Костянтинъ многы измучи, а другыя расточи, а другымъ ушеса урѣза и навязааша на шия ихъ ^бза непослушество ихъ и противление, разводи я всюду, да прочии жидове да ⁵⁵ не дерзнуть такоа вещи творити.

И пщеваниемъ таковыимъ ^Г видя бо великыи Костянтинъ царь церковь Арьемъ възмущену, сбра от всея вселенны сборъ, ибо епископомъ повелѣ на людскихъ конихъ и на мьсках на сборъ прити. Сам же в Никѣю иде. Съшедшимъ же ся всѣмъ ^{55а} дом велии въ *царевыхъ* ^Д полатахъ повелѣ устроить и ⁵⁶ пре|столь поставити в неи. Таче повелѣ имъ внити. И самому напоследокъ вшедшу въ малѣ дружинѣ и, ставъ посреди, повелѣ всѣмъ сѣсти. Таче малу престолчу поставлену, повелѣша ему вси епископи сѣсти, сѣде же ⁵⁷ самъ. Послѣ ⁵⁸ же всѣхъ велии срамъ и студъ одержаше царя, мужъ дѣля: ови же цвѣты приточными ^е главу ему вѣнчавааху на божие послѣшение и благословление въздавааху ему. Онъ же о съвзкуплении съглашение събравъ словеса, многыя же другы створи словеса и дары многы, яже постела повелѣ пристроити и ⁵⁹ купно всѣмъ обитовати. Старѣишая же на трапезѣ съ собою посадити, прочая же на инѣхъ трапезахъ посади. Видѣ же етеромъ деснаа очеса извѣртана, и увидѣвъ, яко ^жДиоклитьяномъ и Максимьяномъ, ^з яко Христа ради претерпѣста. И усты своими струпы ты обლობызаше, прияти от тѣхъ благословение лобзаньемъ вѣруя. Тако бо бѣ дивный и ⁶⁰ тъ мужъ въ ||здержаниемъ и ^{л. 369 об.} вѣрою и смѣрениемъ блистася.

Наутрѣя же епископи вси и царь ^й на едино мѣсто съшедшеся, призваша Ария, ⁶¹ купномыслеящимъ ⁶² съ нимъ на сборъ, повелѣвающю ему стати съ своими предании. Бяху же преданиа его нечестиваго ⁶³ тако: ⁶⁴ не присно богъ отецъ бысть, но ^к бысть, егда богъ отецъ не бысть, не ⁶⁵ присно бысть божие слово, нѣ ⁶⁶ от небытѣа бысть. Ибо сый бог не сущаго створи, тѣмъ бысть ⁶⁷ нѣкогда, егда же не бысть. Създание бо ⁶⁸ есть ⁶⁹ тварь и ⁷⁰ сынъ, ни подобенъ же есть ^ли сынъ *убо отцю*, ^м истиненъ ⁷¹ же естествомъ, отче слово есть, ни истина ⁷² премудрости его, ни единъ бо от твари роженъ есть на потребу ^н же. *Глаголетъ* ^о слово и премудрости ⁷³ бысть, и тъ своему отцю слово и премудрость, ⁷⁴ тѣмъ вся и того створи богъ, тѣмъ же и предложень бысть и суетныи естествомъ, якоже и всячьская словесна, странны ⁷⁵ и чюжь, отлученъ есть слово от божиа сущьства, и невидимъ есть отецъ сынови, ни бо весьма знаетъ слово отца, ни весьма видѣти | его ⁷⁶ можетъ, ибо свое естество не вѣсть, ⁷⁷ яко сынъ есть, ⁷⁸ насъ ⁷⁹ бо ради створенъ есть, да насъ ⁸⁰ его ради, аки органомъ створить богъ, и не бы ⁸¹ и бысть, аще не бы хотѣл богъ створити.

^{ю-я} Доб. по Л.
^{VII. а} Испр. по Л; Т я. ^{б-в} Доб. по Л. ^Г Испр. по Л; Т таковыи. ^Д Испр. по Л; Т церквахъ. ^е Испр. по Л; Т проточными. ^{ж-з} Испр. по Л; Т Диклитомъ и Максимомъ. ^и Доб. по Л. ^й Испр.; ЛТ цари. ^к Испр. по Л; Т не. ^{л-м} Доб. по Л. ^н Испр. по Л; Т погребу. ^о Испр. по Л; Т благость.
⁵⁰⁻⁵¹ его же мучиша. ⁵² Камьбастѣи. ⁵³ Нет. ⁵⁴ молву. ⁵⁵ Нет.
^{55а} Доб. в. ⁵⁶ им. ⁵⁷ Доб. и. ⁵⁸ послѣди. ⁵⁹ Нет. ⁶⁰ Нет. ⁶¹ Доб. и.
⁶² мыслящих. ⁶³ Доб. треклятаго. ⁶⁴ тако яко. ⁶⁵ но. ⁶⁶ не. ⁶⁷ Нет.
⁶⁸ уже. ⁶⁹ Доб. и. ⁷⁰ Нет. ⁷¹ истинно. ⁷² Доб. же. ⁷³⁻⁷⁴ Нет. ⁷⁵ странен же. ⁷⁶ Доб. же. ⁷⁷⁻⁷⁸ да. ⁷⁹⁻⁸⁰ Нет. ⁸¹ бысть.

Въпроси бо ихъ нѣкто: аще можетъ слово божие приложитися, яко приложися дьяволъ, и⁸² не убоишется рещи, яко тако можетъ приложитися, приложенъ бо есть естествомъ створенъ и създанъ сы.

Но еже въ сборѣ бѣ чюдо, неправо есть умолянути ны. Къ преславному царску повелѣнью философи, ритори на сборы пришедше, словесници зѣло горазни.⁸³ В нихъ же бяше нѣкыи елин. И тѣ всѣмъ дивенъ бяше епископомъ, по Арии многа гнѣванія даа, яко велико послушания от поучения. Быти множество людий сътѣкающыи, ни единъ же ихъ от епископъ премудраго ритора приложити,⁸⁴ глаголюще тогда, яко всѣмъ сътекающемся угодна бяху раздрѣшая, хытро глаголемоя, яко угоря⁸⁵ не може яти⁸⁶, тако и того фило|софа *Чи ни единѣмъ словомъ дрѣжимъ. Имъ же мняшеся ту быти и с трепетомъ крѣпцѣ противляшеся о разумнѣи высотѣ, и глае и языкъ рѣчистъ.*^Р Нѣ да покажетъ богъ, яко не словомъ царствие небесное есть, но^С силоу. Человѣкъ нѣкыи купреянъ от святыхъ⁸⁷ и граду Тримифитскому епископу, именемъ Спиридонъ, простъ же словомъ и не книжникъ родомъ, зѣло прашаше времени, *да^Т дадутъ ему глаголати къ философу.* Отци же, вѣдуще простство его, яко не книжну ему сущю, браняхутъ ему, да не от грѣшникъ поругани будутъ. Оному⁸⁸ же не слушающую ихъ, приде к мужеву и рече: «В имя Исуса Христа послушай, философе, о истинѣ преданія». Онъ же отвѣща: «Рци, да послушаю». Святги же рече: «Вѣдѣ,^У яко богъ единъ есть, яко небо и землю сътвори, человѣка създа и видимая вся и невидимая словомъ и духомъ състави. Сего убо мы слова сына божия вѣдуще, покланяемся вѣрующе, нашего ради спасения напоследокъ от дѣвы родитися и распятемъ и смертию, въскресениемъ ему свободити родъ человѣческыи, его же надѣемся пришедше⁸⁹ судити живымъ | и мертвымъ и всѣмъ правдою. Вѣру имеша ли симъ,^Ф о философе?»

Онъ же ужасеся, яко глухъ и нѣмъ умолякну. Се едино извѣща, яко «и азъ мню тако^Х есть». И старецъ отвѣщавъ: «Ставь убо послѣдствуи ми⁹⁰ церкви и приимеша знамение вѣры сея». Философъ же, обратився, глагола ученикомъ своимъ: «Послушайте, о мужи, доселѣ творяхъ слово съ тщаниемъ, словеса къ словесемъ прикладая,⁹¹ къзнию глаголати прикладахъ. Егда же противу слово слышахъ, сила нѣкая изыде изъ устъ старца сего, не възмогаша словеса моя силѣ противитися, ни который есть человѣкъ богу противитися. Сего ради и аще от вась можетъ разумѣти, яко азъ разумѣхъ, да вѣруеть въ Христа и да послѣдствуетъ старцу сему, в немъ же глагола богъ». И таковымъ правомъ бысть крестьянъ философъ, радъ бяше, побѣженъ старцемъ.

Отци же Арья прокляша и мыслящихъ с нимъ, хулящую же бога слово — тварь есть. || Отци же купно 300 и 18 повелѣша проповѣдати всѣмъ едино существо, исправивша, кромѣ Арья нечестиваго *Чи инѣхъ купно смыслящимъ с нимъ,*^Ч ихъже прокленше божественныи отци.⁹² Царь оземствова ихъ. Отци же проповѣдаша сына, единосущнаго⁹³ отцю, и бога истинна, творца всѣмъ, преславно проповѣда сборъ от пророка, глаголюще ему: «И-щрева⁹⁴ прежде деньница родихъ тя».

Бяху бо старѣишины собору си: от Силивестра изъ Рима Вить⁹⁵ и Викентии прозвутера, Митрофанъ от Визанития, Александръ изъ Александрия, Евѣстафий изъ⁹⁶ Антиохия, Макарий от Иерусалима на Ариа прозвутера, бывша въ Александрии.

По⁹⁷ сихъ же етера клеветолоубници на другыя епископы исписавше клеветы, даша цареву. Онъ же, примъ, связа харатью и жуковиною своею запечатавъ, повелѣ съхранити ю. Таче миромъ и съвокуплениемъ научивъ я жити, и клеветныя харатиа принесть предъ всѣми и ижъже,⁹⁸

п-р Доб. по Л. с Испр. по Л; Т ни. Т Доб. по Л. У Т вѣдѣ. Ф Испр. по Л; Т самъ. х Испр. по Л; Т та. Ц-ч Доб. по Л.
⁸² Нем. ⁸³ горазднн. ⁸⁴ Доб. и. ⁸⁵ угорича. ⁸⁶ Доб. никтоже.
⁸⁷ Доб. Кигриа иже родом. ⁸⁸ отному. ⁸⁹ пришедше. ⁹⁰ Доб. къ. ⁹¹ Доб. и. ⁹² Доб. и. ⁹³ единосущна. ⁹⁴ ис чрева. ⁹⁵ Доб. земли хранитель.
⁹⁶ Нем. ⁹⁷ о. ⁹⁸ сже.

клятвою | урѣснивъ им, яко не прочте в нихъ сущихъ написаныхъ, рекъ: «Не подобаетъ прегрѣшени ерѣискъ ни явити многимъ, да не съблзньныя⁹⁹ вины приемлюще от того беспрестани грѣхы дѣють». Рекъ: «Аще быхъ видѣлъ епископа, блудъ творяща, покрылъ быхъ прапрудномъ ободомъ своимъ безаконие творимое».

И тако вся наказавая и многы честнии дары ерѣеомъ да, всѣхъ умоли дойти въ своя си стада. Съ пьрвыи сборъ бысть, царствующю Костянтину царю лѣт 20, от Рима пришедшу. Образъ же даша нам празновати святую паску, якоже держимъ. Нѣдци же от пьрвыхъ челоуѣк в 14 луны празднують.

Времени¹⁰⁰ минувшу, умоленъ бывъ ^{viii, 1} сестроу² Костянтиею и приведе Ария от поточения, мня покаявшюся. Арью же пришедшу и въпрошену бывшую царьмъ, пристанеши ли вѣрѣ исправлению бывши³ имъ въ Никѣи сборъ, абие отвѣща: «Вѣрую тако!» Царь же чюдився, къ|ля- а. 371 тися ему повелѣ. И Арии плѣннати хотя царя и клятвѣ отмѣтаяся, рече: «Тако смышлю, яко исписано имамъ». Бѣ бо окаянии написал свою вѣру на харатью и, в надрѣхъ нося, кленяше: «Поистинѣ тако смышляше,⁴ яко исписано есть, явѣ уже створи». Кленъшу же ся ему, да не смыслить противу сбору, и пусти его ца. ъ, рекъ: «Аще права есть вѣра твоя, добрѣ клятыся, или неправда или разврачена, судить господь бог от тебе въскорѣ». И повелѣ Афанасью на общение его прияти царь, яко уже покаявшюся Арью. Афанасью же не приемлющю, вѣдающю ему Арьево злонравье, и оземствова от престола своего святаго Афанасья, вѣровавъ клеветамъ,^{III} иже⁵ на нь арьяне извѣщевали, якоже и Давидъ прельщенъ бывъ от раба своего Сива.

Костянтину же царьствовавши въ Римѣ лѣт 20, а в Никомиди преставльшюся ему, сущю лѣт 60 и 5. Трие сынове его обладаша Римскою и Грецьскою страню. Въстокъмъ владѣяше Костянтинъ, западомъ же Костянтин и Коньста. Уби брата своего Костянтина и царствова единъ лѣт 16,⁶ Усуегина бо ся лъжощеи, глаголюще, яко к умертвию крестися.⁷ Но се лжа есть арианъ, хотящъ въ свою ересь вѣрника явити Великаго Костянтина, от арианъ, рекъше, крестивъшюся и глаголюще ему. Царствова же Костянтинъ лѣт всѣх 33.

2. По Костянтинѣ царствова Коньстянти,⁸⁻¹⁰ сынъ его, лѣт 11. Тъ по отчи умертвию^{III} въ арианьскыи умъ впадъ, нужю творяше Александру, епископу Костянтина града, прияти Арья въ общение. Оному же не хотящю прияти его, шъ глаголющю царю: «Егоже от 318 отецъ осужена и проклята прияти не могу». И глагола царь: «Вижь, епископе, еда и не хотя приимеши его». Се бо сбору² повелѣхъ быти^{III} на испытание обоихъ васъ истинно». Святый же епископъ Александръ вѣста, въскорѣ изыде от лица царева, || глаголя: «Воля господня да будетъ». И вшедъ въ церковь и при- а. 371 об. падъ пред святую жертвеницу, всю ношъ вѣпаше къ богу, глаголя съ слезами: «Господи, боже! Не дажъ бестудному волку и¹¹ хыщнику въ святу церковь твою внити, но суди по правдѣ неправеднаго въскорѣ».¹²

Наутрия же сбору съшедшюся къ церкви, ¹³Арии, иды¹⁴ со всѣми купносмыслными¹⁵ своими,¹⁶ вниде в домъ етера, чревнаго ради прохода, назадъ Ризнаго¹⁷ торго, на мѣстѣ Кататодии⁵ глаголема, ниць падъся внезапно, расѣдеся ему чрево, и¹⁸ истекша вся нутреня⁹ его. Мысльници¹⁹

ш Испр. по Л; Т клеветамъ. ш Испр. по Л; Т умертвию. ъ-ы Испр. по Л; Т повелѣ ихъ бити. ъ Испр. по Л; Т такотодии. ъ Испр. по Л; Т утренняя.

⁹⁹ съблзньныя. ¹⁰⁰ времени. ^{viii, 1} Доб. царь. ² Доб. своею. ³ бывшую. ⁴ смышляше. ⁵ еже. ⁶ Доб. и убиен бысть от людий. ⁷ Доб. а еже дотолѣ ни. ⁸⁻¹⁰ Костянтин. ¹¹ Доб. и. ¹² Доб. фрагмент аще таи то ся, да себе распинает, аще ли суд на общение, да мучится. Мука же достойно повелѣваетъ, повелѣние же да ся испишетъ, исписаная же да истиньствуютъ, истиньствующая же исправляются дѣлесы и пакы любви да ликостуеуть. ¹³ цареви. ¹³⁻¹⁴ Ариа до и. ¹⁵ единомысленными. ¹⁶ Доб. и. ¹⁷ тризнаго. ¹⁸ Нет. ¹⁹ единомысленици.

же его повелику посрамышася, пастырь же добрыи Александръ, церкви^ю же²⁰ радующися,²¹ святыю службу сверши.

Великаго же Костянтина сыновца Галъ и Иульянъ четьца быста въ Антиохии, рекъше дьячъца, церковь же Маманту мученику замыслиста здати.²² Якоже яся страна Иульяну здати, земля не приимаше:²³ всегда здааху, наутрия разорено обрѣтаху, развращение о|канаго разума^а бездушное^в, а тимѣние преди проповѣдаше. Тои власы постригъ и въ мнишьское пощение осудився,^б въ Афины^в сниде, царствія желая и въ Еладу^г шъствуя, волхъ искааше и кобника,^д аще събудеться желанне ему. Уполучи же ся ему челоувѣкъ нечъстивъ, о²⁴ сихъ преди глаголя ему, яко сбытися ему. Поим же его въ етеро капище идольское, в темно мѣсто сведе и прелестныи бѣсы призва, тѣмже со многомъ призракомъ явившимся, нуди Иульяна страхъ положить на челѣ крестное знамение. Видѣвъше же знамение, бѣси ищезоша отуду. Разумѣ же онъ любодѣ,^е егоже ради бѣжаша, разгнѣва²⁵ на Ульяна, глаголя: «Не убоавшеся, якоже ты мниши, нъ мръзкое же о тебѣ есть створено, еже отидоша». Како уловивъ плѣнника, научи и зависти исполъни его, кровъми бо скверными отмы от него божие крещение, желанна ради царскаго от благочестья обнажи. Таче Коньстантій || призва его, нарекъ и кесаремъ, с нимъ на перси иде. Възвратившо же ся²⁶ ему от персъ, постави его самодержъцемъ²⁷ и самъ умре в Килики. При томъ же Еуноми,²⁸ Фотинъ, и Македонии, и Аполинарии старѣшени еретикомъ. При семъ Флавианъ Аньтиохийскыи надвое пѣвческыа лыкы раздѣливъ по Игнатию^ж и ²⁹ Давыдскыи научи пѣти пѣние преже всѣхъ въ Антиохии, таче разождося до конца вселеныя. При семъ Ефрѣмъ словяше, та многа исписанія остави, в нихъ же исписано 300 темъ изълочи стихъ,³⁰ поють суряне. И сущимъ въ блазнѣ сианія^з истрегнуты^и пѣнна ради сладкаго съглашения. И знамение явися на небеси при Курилѣ Иерусалимьстѣ от мѣста лобнаго дажъ.

По Костянтинѣ³¹ царствова Иульянъ Преступникъ лѣта 2 и полъ. Тъ ³²деръзну и³³ идолъ капища отверзе и скверныи³⁴ службы творяху, божиа же церкви раскопаша, крестьяны зѣло мучаху. Въ Аскалонѣ | же и Газии сущимъ мужемъ и женамъ святымъ, в житии сы дѣвство хранъшимъ, раздрѣзавъше чрева ихъ, насыпаша ячмене и даша свиинямъ^и на ядь, их же утрникъ^к и кровь вкусиша нечестивии. В Севастии же градѣ святаго Предтеча ковчегъ^л отверзоша и огневи предаша, мощи же и прахъ святаго³⁵ расыпаша. Ульянъ же вооруживъся на крестьяны, въ градѣхъ утръ и^м въ^иуду истоки^н жертвами оскверняаше. Послѣдъ же и продаемая на торгу оскверняаше я, обливане^о бо хлѣбы, и мясо, и овощъ, и зелие и прочее, елико на ядь. ³⁶Си убо³⁷ видяще, крестьяне стеньяху и плакахуся.³⁸ Сѣдъ самъ на престолѣ царьстѣмъ, преложи кромѣ обычая капище, исполни угли и ливану, предъстоющю на трапезѣ предъ лицомъ его, и повелѣ хотящимъ злато взяти комуждо ихъ, преже всути^п ливанъ на угли жертвенныя, таче злато взяти³⁹ от руку его. И повелѣ нечестивии свои об-
разъ написати на златъницѣ Дию *Pu Arria*.^с ⁴⁰И повелѣ жи||домъ церковь здати въ Иерусалимѣ. Жидомъ же отвсюду събравъшимся, онъ же посла

^ю Испр.; Т церквви. ^я Испр. по Л; Т разузу.

^в Испр. по Л; Т въсудився. ^в Испр. по Л; Т Афины. ^г Испр. по Л; Т сладе. ^д Испр. по Л; Т ковника. ^е В Хронике Амартола лютодѣи. ^ж В Хронике Амартола изгнани. ^з В Хронике Амартола вардисяни. ^и Испр. по Л; Т стрегнузи. ^и Испр. по Л; Т свѣньяемъ. ^к Испр. по Л; Т устропники. ^л Испр. по Л; Т ковче богъ. ^{м-н} Испр. по Л; Т въи и скоти. ^о Испр. по Л; Т бливаше. ^п Испр. по Л; Т всу. ^{р-с} Испр. по Л; Т перѣа.

²⁰ Нет. ²¹ Доб. и. ²² създати. ²³ Доб. но. ²⁴ от. ²⁵ разгнѣвася. ²⁶ Нет. ²⁷ самодержацамъ. ²⁸ Доб. и. ²⁹ Нет. ³⁰ стихов. ³¹ Доб. же. ³²⁻³³ деръзнувъ. ³⁴ скверныа. ³⁵ его. ³⁶⁻³⁷ силу бо. ³⁸ Доб. и приимаху ядь, апостольску учению послѣдующе. ³⁹ взя. ⁴⁰ Доб. фрагмент: и тако неблаженныи дасть . . . на сопровитление намъ (Хроника Амартола. С. 361, 9—12).

с ними князя и многу службу, ^Ти *зижителя*. У И круглая свѣтилна и верижичѣ сребренныя сковавъ, посла. Пришедшимъ же имъ на мѣсто, наченшимъ имъ копати, и персть^Ф сыплющемъ многомъ тмамъ, вѣтрѣ величѣ и вихри въздунувшемся на съвкуплени⁴¹ имъ суцимъ воѣм, развѣяны быша разно вѣтры и вихры. И пакы наченшемъ^Х дѣлати, огонь, от основаниа^Ц копаньнаго ишедь, пожьже ⁴²множайша ихъ. ⁴³Тои же ноци и по тои явися на небеси образъ крестныи, свѣтлообразень, озаряя землю всю ту, егоже видѣвшье жидове урозумѣша, яко божии гнѣвъ есть на нихъ, отбѣгоша^Ч съ срамомъ въсовая.

Ульянъ же тяжкосердый то услыша, и то ожести сердце, яко и фараонъ. И⁴⁴ потомъ же персяне на грекы изыдоша воевать. И Ульян протиу имъ ополчися. Въпрашавшю же ему волхвъ, повелѣваху ему, глаголюще, яко | «побѣду ти от бѣсовъ пріяти». Ко богонечестивому^Ш написану⁴⁵ прочитаху, имуще написано тако: «Нынѣ вси бози собрахомъся одолѣнию⁴⁶ побѣды приносити при рѣцѣ Рафири». ⁴⁷Етеромъ персянином^Щ прельщену бывшю, глаголюще ему, яко «за 3 дни предамъ ти Вавулонъ». И не требовати ему^Ъ многа брашна и абие кумбары⁴⁸ зажьже, в нихже брашно вожуху воемъ. Сам же шествоваше по перегыни,⁴⁹ люто водимъ персяниномъ прельстившаго. И персянинъ же внезапно избѣже и остави и,⁵⁰ блудяща с вои и скорбящемъ о⁵¹ пустыни и о недостатѣ^Ы брашна. Толикъ гладь⁵² одержаше, яко и конину и мѣщину имъ ясти. Блудящимъ воемъ гиблющемъ, обрѣтоша Ульяна ница лежаща. Внезапу копие послано на нь, и прободенъ бысть въ мышцу. И вниде же ему⁵³ въ ребѣра, не вѣдущю ему, и кто и уби, и никтоже свѣсть и до днешняго дне, или человекъ, или аггелъ се створи, || божию мановению служитель бысть. Оному же *л. 373* рѣша, приемшему прободение, исполни^Ъ руцѣ крови и възрѣвъ³ на аерѣ⁵⁴ и⁵⁵ рече: «Побѣдилъ еси, галилѣанине, побѣдилъ!»⁵⁶ Таче принесоша тѣло его скверьное въ Тарсъ и погребоша и. И възверѣ^{10 57} и изверженъ бысть.⁵⁸

По^Я Улиане царствовав⁵⁹ Овианъ мѣсяць 8 и умре въ Ликинии, велии плачь оставивъ людемъ.

По Иовиянѣ⁶⁰ же царствова Уалентиянъ Великий лѣтъ 12, иже бысть при Ульянѣ цари и изгнанъ имъ из войскыя дружины нашея ради вѣры. И умре на воинѣ в луцѣ.

По^{IX, а} Уаленти царствова Градиян сынъ его лѣто 1.

По Згратиянѣ же царствова Феодосии Великий лѣтъ 17. При семь бысть сбор 2 в Костянтини градѣ 100 и 50 святыхъ отецъ при Дамасѣ папежи римьстѣмъ: Тимофѣи Александрьскы, Мелетии Антиохийскыи, Куриль Ерусалимьскыи, Григории Богословецъ — на Макидоніа, бывша епископу Костянтину граду. То еще б^{сыи} с Ариемъ^В власвимисаше,⁶¹ тако же и духа святаго⁶² нѣсть и⁶³ богъ истиненъ глаголаше, но тварь и то внимаше. То сборъ съшедь, постави боярина в Костянтини градѣ епископа, а епископа Макидония прокля и с нимъ Савелия куавианина,⁶⁴ одно лице въ святой Троици славяще, еще же и Аполинария Лаодиокіянина,⁶⁵ глаголющю ему въчеловѣчъшюся слову неразумно⁶⁶ сущю, в разумѣ же мѣсто слово въ душу родися, духъ же святый богъ есть животворяи и единъсущьну отцю и сыну, проповѣда сборъ. Приложи же иже⁶⁷ изложено от бывшихъ в Никее отецъ свѣтъ о святѣмъ духе и святое⁶⁸

^Т-У *Испр. по Хронике Амартола; Т* и зедники; *Л* изыде нѣкыи. ^Ф *Испр. по Л; Т* перть. ^Х *Испр. по Л; Т* начнемъ. ^Ц *Испр. по Л; Т* огньваниа. ^Ч *Испр. по Л; Т* отбогоша. ^Ш *Испр. по Л; Т* богънечестивууму. ^Щ *Испр. по Л; Т* персянъ. ^Ъ *Испр. по Л; Т* емуу. ^Ы *Испр. по Л; Т* нестатѣцѣ. ^Ь *Испр. по Л; Т* исплони. ³ *Испр. по Л; Т* врагъ; *В Хронике Амартола* вергъ. ^Ю *В Хронике Амартола* възврѣ земля. ^Я *Так в Л.; в Т отсутствует киноарная буква п.*
^{IX, а} *Испр. по Л; в Т отсутствует киноарная буква п.* ^{б-в} *Испр. по Л; Т* си а съ Арем.

⁴¹ съвокупление. ⁴²⁻⁴³ множайшихъ. ⁴⁴ *Нет.* ⁴⁵ написаху. ⁴⁶ *Доб. ти.*
⁴⁷ *Фири.* ⁴⁸ *комбары.* ⁴⁹ *пустыни.* ⁵⁰ *Нет.* ⁵¹ *от.* ⁵² *Доб. и.* ⁵³ *Доб. и.*
⁵⁴ *аеръ.* ⁵⁵ *Нет.* ⁵⁶ *Доб. еси.* ⁵⁷ *възрѣве.* ⁵⁸ *Доб. от земля оканныи.*
⁵⁹ *царствова.* ⁶⁰ *Овианъ.* ⁶¹ *иласвимисаша.* ⁶² *Нет.* ⁶³ *Нет.* ⁶⁴ *кувианина.*
⁶⁵ *Лаодикиянина.* ⁶⁶ *неразумну.* ⁶⁷ *Нет.* ⁶⁸ *Доб. и.*

животворяи и прочее. При Феодосѣ глава Крестителя Иоана в Костянтинѣ град принесена бысть, обрѣтена древле у мниху двою, сущема еретичьства макидоньева, иже изъ Ерусалима пришедше в Киликии пребыста. Пославшу же Ауленту царю принести ю въ Царьградъ. Послании же по главу възложиша ю на колесницу и доидоша гостиньницѣ. Наутрѣя же хотяще, не поступиша с мѣста того мѣска, и положиша ю во Енкосилаистѣ⁶⁹ вси. Уалентиану не повелѣ богъ, но⁷⁰ Феодосью царю повелѣ принести ю. И положена бысть въ Цариградѣ, и церковь велию създа.

Царь же Феодосей и посла святаго Даруфа епископа к цареви перьскому мира дѣля, добродѣтель же его ради. И почѣстиша и персяне и въсприяша, и паче яко цареву^Г дщерь, имущю бѣсъ, молитвою ицѣбли и многу имѣнию да ему, тои иного ничтоже не проси, токмо да возьметъ мощи, иже в Персѣхъ мученикъ, и положити на единомъ мѣстѣ. И повелѣ царь тогда создати градъ во имя свое⁷¹ мученикъ и нарече имя Мартирополи, рекше мученичьскыи градъ, еже глаголетъся Меферкыи,⁷² положи в немъ мощи святыхъ мученикъ. По лѣтехъ же ^Дпослѣднихъ⁶ самъ болѣвъ святии Даруфу⁷³ успе. Въ тои же день, ⁷⁴во нь же⁷⁵ създа град мученикъ.⁷⁶

По Феодосии же⁷⁷ царствова ⁷⁸сынъ его, Феодосиевъ,⁷⁹ Аркадии⁸⁰ лѣт 30. ⁸¹При семь⁸² земля въздуся⁸³ зѣло за 7 днии, и трус велии бысть по всему миру.⁸⁴

9.⁸⁵По Аркадии же царствова ⁸⁶сынъ его Феодосии⁸⁷ лѣта 33. И шедъ в⁸⁸ поле, пропустися на кони, и,⁸⁹ падъся с коня, умре.⁹⁰ Созда церковь святѣи Богородици⁹¹ въ Халкопатии.⁹²

При семь⁹³ въ Ефесе 7 отрокъ възкреснуша, ⁹⁴спавшемъ 300 и 70 и 2 лѣта.⁹⁵ И трусь бысть велии в Костянтинѣ градѣ, яко и стѣна⁹⁶ пасться, ⁹⁷и болшии части граженомъ избѣгнути в различная мѣста. Трусь же бѣше⁹⁸ за 3 мѣсяци. Сего ради царь бо⁹⁹ патриархом Прокломъ и со всѣмъ народомъ градъскымъ кресты носяще, молбу творяху за многы дни. ¹⁰⁰Въ дни же¹⁰¹ ¹ты бысть ²дѣтицю етеру³ възхыщену быти от людии, и научися от аугельскаго учения тресвятю гѣснѣ. Дѣтицю ⁴отпущено⁵ и егоже ся наугчи исповѣдаше и то възпѣвшю ему с народомъ: «Святѣи боже»⁶ по хернонии,⁷ и абие преста гнѣвъ божи.

От 2 сбора до 3-его лѣт 8. При семь Феодосии бысть третии сборъ въ Ефесѣ, двою стѣ⁸ отецъ.⁹ И бяху старѣишиныбору правѣи вѣрѣ: Куриль Олександрьскыи, Келестинъ Римьскыи, Овеналию Ерусалимьскому, сущимъ епископомъ на^Ж Несторѣя, епископа Костянтина града. Пришедъшю и тому въ Ефесѣ,¹⁰ глаголющу: «Нѣсть Богородица свята Марья, но Христосъ родися, и два сыны единого Христа бога¹¹ басньнословущю и 2 существѣ, иного¹² же суца слова от отца рожена, етера же от Мариа рожена чловѣки¹³ и держаниемъ же совокуплена богу слово и тезомъ³ и тому сыномъ глаголему». И сему призвану быти на сборъ и не възмогшио

^Г Испр. по Л; Т царову. ^{Д-е} Испр. по Л; Т послѣди иже. ^Ж В ЛТ на повторено. ³ Испр.; ЛТ тозмо.

⁶⁹ еньколаистѣи. ⁷⁰ ни. ⁷¹ Нет. ⁷² Доб. и. ⁷³ Даруф. ⁷⁴⁻⁷⁵ Нет. ⁷⁶ Доб. фрагмент Въ днехъ же убо, въ нихъ же богъ благи . . . велью създавъ (Хроника Амартола. С. 376, 17—381, 13; 382, 12—23 и 386, 6—17). ⁷⁷ Нет. ⁷⁸⁻⁷⁹ Нет. ⁸⁰ Доб. сынъ его. ⁸¹ Доб. фрагмент Тъ столь постави . . . потомъ же и (Хроника Амартола. С. 392, 13—15). ⁸¹⁻⁸² Нет. ⁸³ возрѣ. ⁸⁴ Доб. фрагмент Нектарию архиепископу преставльшюся . . . имя Анфуси (Хроника Амартола. С. 392, 16—27). ⁸⁵ Нет. ⁸⁶⁻⁸⁷ Феодосии, сынъ его, иже и доброписецъ. ⁸⁸ на. ⁸⁹ купно. ⁹⁰ Доб. тогда. ⁹¹ Доб. сущему. ⁹² Доб. фрагмент Древле бывшу съборищу . . . за 60 днии (Хроника Амартола. С. 398, 26—28). ⁹³ Доб. сущии. ⁹⁴⁻⁹⁵ минувшемъ лѣтомъ 372 мучени бывше при Декии цари. ⁹⁶ стѣнамъ. ⁹⁷⁻⁹⁸ граднымъ, и болша часть гражанъ избѣгнути в разныи мѣста, и въ села, и въ страны, въ Фракиисъ, и в Поньѣ финиискыи, и въ Фругии, Галатии. И одержаше трусь. ⁹⁹ Доб. съ. ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ ¹ творящемъ же имъ молбу дни.

²⁻³ етеру дѣтищу. ⁴ Доб. же. ⁵ отпущену. ⁶⁻⁷ Нет. ⁸ Доб. святыхъ. ⁹ Доб. в лѣто 13 царствующю Феодосию Малому, сыну Аркадиеву. ¹⁰ Доб. и. ¹¹ Нет. ¹² ино. ¹³ чловѣка.

ему противу глаголати сборно,¹⁴ разрушиша,¹⁵ яко не хотящу ему правыхъ повелѣнии приложитися, проклять его сборъ, едину же Христа бога нашего особъ упасть и двѣ ествѣ явѣ за|коньствовавъ сборъ. Тому же сущю богу ни¹⁶ чловѣку и святую Марью,¹⁷ истинну и безложную Богородицю, исповѣдаша. Нестории же оземьствованъ в Соасии.¹⁸

По Феодосии же царствова Маркианъ¹⁹ лѣта 2,²⁰ Сего постави сестра Феодосьева Пульхери,²¹ рекоши²² ему: «Сохраниши дѣвство мое до смерти». Онъ же общася ей тако. При семь спадоша камене трие с небесе въ Фракии²³ превелии.

При семь 4 сборъ бысть в Халькидоне 700 и 30 отецъ. Бяху же старѣишины правѣи вѣрѣ: Леонтии, папезъ римьскыи, Пасхасуя, и Люкииси епископа, и Внифатию прозвутера, Антония Костянтина града и Ювеналии иерусалимьскыи епископи,²⁴ сущи на Евтуха, бывъшу ему архиманьдритуи и на Диоскора, бывшу²⁵ ему епископу во Александрии, глаголющема: «Нѣсть плоть господня единосущна намъ, но от двою ествству совокуплена бывшу.²⁶ Едину же || свершитися по совокуплении, яко мечтомъ въ плоть облечися». Господу баснославящимъ и то²⁷ божеству страсть предѣляющимъ, их же соволкъше, яко хулники, прокляша и изгласиша свершена бога и свершена чловѣка, того же въ двою ествству не солъно, не раздѣлно господа бога нашего Исуса Христа.²⁸ 2 же²⁹ рекоша ествствѣ слово разнество, а не слово разделение. Приша же и Федорита и Иванъ, яко прокленъшема Нестория. При семь Семеонъ вшедь на столпъ, сборъ же похули^к его, яко замысли первое стояние. Не веляху ему отци. Та же увѣдѣвше отци житие, пакы ему повелѣша.

л. 374 об.

По Маркианѣ царствова Леонъ Великий лѣт 18. При семь явися знамение на небеси: облакъ трубою образенъ за днии 40. И иконьникъ етеръ хотѣ написати Христа по образу Диеву, дерзнувшу е, абие рука | его усьше. И ицѣли его Генадии патрархъ.

12.³⁰ По Леонѣ царствова Леонъ Уныи лѣта 2, сынъ Зионовъ.

13.³¹ По Леонѣ же царствова Зиновъ, отецъ его, лѣт 16. При семь Маргурии епископствова остави Зинова ради развращения, посредѣ церкви рече: «Наслѣдие не повинно мое, людии непослушливыхъ и церкви оскверныи отрицаюся, храня и в собѣ святительскыи санъ. Сему же отступившу, Петръ Бѣльлиникъ³² на престоль силою въскочи.³³ То перьвое замысли мюро въ церкви предъ всѣми людми освѣщати³⁴ и на богоявление на водахъ^л и призывание вѣры быти, и на коеиждо³⁵ молитвѣ Богородицю имеповати, и во всеи службѣ божие учение вѣры да ся глаголетъ, рекше: «Вѣрую въ единого бога». Древле бѣ не глаголемо, токмо единою лѣтомъ въ великую пятницу.

По Зиноне же царствова Анастаси Дуряханивъ³⁶ лѣт 27. И громомъ и молньямъ вьющимся³⁷ и царю единому оставлену, тружающуся ему и бѣгающу по мѣстомъ, во едину ложницу вари его гнѣвъ божии и порази его, и внезапно обрѣстися мертвецемъ.

л. 375

По Анастаси³⁸ же царствова Иустинъ³⁹ лѣт 9. При семь бысть трусь въ Цариградѣ. Великий же градъ Антиохии страсть приять неизглаголану, толма бо гнѣвъ божии и нападе на ня, яко пастися всему граду и гробу быти живущимъ в немъ. Другым же погребеномъ подъ землею, еще живомъ сущемъ, огонь ишедь и-земля, попали я. Еще же етеръ огонь, яко молюши от аера схожаше, яко искры, пожагаше егоже обрѣташе. Поомпийскыи же градъ Мусиски⁴⁰ страны расѣдъшися на полы: полъ его падеся съ

^л Испр.; Т Пльхери; Л Полхери. й Испр. по Л; Т аихиманьдриту. ^к Испр. по Л; Т похили. ^л Испр. по Л; Т водихъ.

¹⁴ сборнѣ. ¹⁵ Доб. его. ¹⁶ и. ¹⁷ матерью. ¹⁸ Асии. ¹⁹⁻²⁰ лѣт 6. ²¹ Доб. царемъ. ²² рекше. ²³ Фракисъ. ²⁴ епископъ. ²⁵ вшю. ²⁶ бывшину. ²⁷ къ. ²⁸⁻²⁹ и двѣ же. ³⁰ Нем. ³¹ Нем. ³² Бѣльникъ. ³³ въскори. ³⁴ освѣщати. ³⁵ Доб. на. ³⁶ Дурянин. ³⁷ бующимся. ³⁸ Настасии. ³⁹ Доб. Фракиоанянъ. ⁴⁰ Мусийскыи.

живущими в немъ, етери в немъ взываху подъ землю челоуѣцы, милостыня ищюще. И пребысть | земля трясущися беспрестани то все лѣто.

17.⁴¹ По Устинѣ же царствова Иустинианъ Великий, сыновъ⁴² его, лѣт 39. Се обнови великую церковь Софью красотою и величствомъ древле создана Костянтиемъ, сына Великаго Костянтина. Предасть же и трепарь⁴³ въ церкви, да поеться въ⁴⁴ едино чадо и сыне и слово божие. Придасть же усрѣтенъе празновати, иже нѣсть было причтено къ господскимъ праздникомъ, по точью 7 праздникъ противу створения миру: 1 рождество Христово, 2 просвѣщения, 3 о страсти, 4 въскресеие, 5 възнесеие, 6 пришествие святаго духа день, 7 чаемо всѣмъ мертвымъ всѣмъ въскресеие.

При X.^a а семь 5 сборъ бысть въ лѣто царствія его 20 и 6-е лѣто во Цариградѣ о 165 при папѣ Велигии.⁴⁵ И бяху старѣишины собору правецъ вѣрѣ Ивтеухии⁴⁶ Царяграда, Апоринариа⁴⁷ Александрьскыи и Домьнинъ Антиохийскыи, Стефанъ, епископъ Тивериадьскаго града, // и Дамиянъ, епископъ Созопольскыи, мѣстосмотрѣици же Евѣтухия Ерусалимьскаго на Орена^б и его предания нечестивая. Примившимъ Дидима и Евагриа, древле изыскавшимъ и изложившимъ главизны от нихъ, в нихже блядаху древле бывшимъ душамъ телесъ от елиньскыхъ изводяще законъ вмѣшение, славяще душевное, и конецъ есть^в муцѣ, и тѣломъ нашимъ не въскреснути в тыя въскресеие, и бѣсовную въ древлени⁴⁸ приложитися образъ, рая отрицающе, ли бывше, нѣсть от бога естествепаго⁴⁹ раю, ни плотью созданъ Адамъ. Сим же проклятомъ от божественныхъ отецъ, прокляша же вся еретики, осуженыя от 4 сборъ, доже⁵⁰ и до конца пребывающимъ въ своемъ злословии и скверности съ отцемъ лживымъ и съставителемъ дьяволомъ,⁵¹ причетъшеса к нему. И мы имъ глаголемъ: «Идѣте въ свѣтъ огня вашего и въ пламень, егоже ражѣдегосте».

Въ то время умертвие бысть челоуѣко|мъ въ Костянтинѣ градѣ, яко пребыти непогребеномъ⁵² за 3 дни на изношени^г умирающимъ. Створи одрѣвъ въ⁵³ тысячу царь, и ти не доволни быша. Кола повелѣ многа пристроити и въскладающе на ня, изнопаху мертвеца. Удолъжившию же ся умертвею,⁵⁴ метаху множаиша при брезѣ, и пребываху не погребени за днии 6, зане в лодияхъ не утягяху превзити погребать, и нѣ бѣ мѣста, идеже не бѣ мертвеца. Мнози же не вѣщавающе умраку,⁵⁵ в лица чюжа къ своимъ прихожаху, занѣ всѣмъ внезапно умирающемъ ужикомъ искрнимъ. Пребысть же мор отъ мѣсяца въ⁵⁶ 2 июлию и августа.

Быша⁵⁷ же громи велии и молонья страшныи, яко челоуѣкомъ почивающемъ от молонья пожагаемымъ быти. Еще же и трусь бысть по всѣи вселенѣи, и погыбоша челоуѣци мнози. В Костянтинѣ же градѣ церкви и домове падоша, мнози страны и градьскыя стѣны, и по // мроша обрушениемъ челоуѣци. И пребысть трусь за днии и ноции 40. И огонь явися на небеси, яко образъ кошинны, от востока и до запада влекыися. И бысть трусь пакы, яко раздрушитися 2-ма стѣнама граду и⁵⁸ царю, и церкви и домове падоша до земли, и многы земля погуби. И бысть земля трясущияся за дни и ноции 10.⁵⁹ Тѣмъ печалуяся царь, на Рожество и на Богоявления безъ вѣнѣца приде къ церкви. И по обычаю обѣда^д и вечера за 12 дни не твори, по все брашно, и вино, и все сребро нищимъ раздая. Во Онтиохии же бысть въ час 1 услышанъ бысть скрежетъ съ небеси страшень, и умроша 10 тысячъ.⁶⁰ Кресты же носящимъ и молящимся явися челоуѣку етеру, да⁶¹ напишютъ над дверми своими «Христось с нами», и уставитеса. И сему бывшю, абие уставися гнѣвъ божии. И звѣзда явися велиа на западѣ, испущающи лучѣ, иже именоваху Лампадию, рекше

X.^a Испр. по Л; в Т отсутствует киноварная буква п. б Испр. по Л; Т Ортена.
 в Испр. по Л; Т сть. г Испр. по Л; Т зношение. д Испр. по Л; Т обѣя.
 41 Нет. 42 сыновець. 43 трерь. 44 съ. 45 Велигния. 46 Евѣтухия. 47 Апоринариа.
 48 древнии. 49 естевнаго. 50 даже. 51 дьяволимъ. 52 непотребномъ.
 53 Нет. 54 умертвию. 55 умирааху. 56 Нет. 57 Сыша. 58 Нет. 59 5.
 60 Доб. друг на друга падающе. 61 Нет.

Блистанницу, сто|яше на небеси, и пребысть за днии и⁶² 20, сияюща бысть. По времени етерѣ звѣздамъ течение съ вечера до утра, яко всѣмъ глаголати, яко въпадають⁶³ звѣзды. И за мало пакы солнце без лучь сияше. Крамолы же и медузы и умертье челоуѣкомъ не престаеше, грѣхъ ради наших. Етери бо блудъ творяху⁶⁴ и яти быша царемъ и погублени.

Царь же в 5 лѣто царства своего нача церковь, церковное сдѣланіе^е святыя Софѣя. Первѣе въздвиже великыи Костянтинъ похмапо, якоже ины церкви. Сю же созда, красотою подобну Агафонику и святому Акакию. И скончавъ ю, постави церкви многы. И довлѣе таковаа создания лѣт 70 и 4 в лѣто Феодосія Великаго.

Во вторыи сборъ, в Костянтинѣ градѣ бывшии, и въззустившеся ариане, попалиша покровъ таковыи церкви. Нектарии же пресвятыи патриархъ сдѣяше въ святѣи Иринии вѣтъсѣ, иже⁶⁵ сам въздвиже великыи Костянтинъ. Мину|ста же лѣта два и стояше непокровени. Царь же Феодосии повелѣ^л Руфиниану⁶⁶ магистру, да покрыеть ю мороморомъ. По 30-хъ и двою лѣт Феодосіа царя, въ 80 и 200 лѣт Великаго Костянтина, въ 5-и Устиана Великаго по избѣени бывшим на подрумии лѣт 30-мъ и 5 тысяще избѣеномъ. Понеже нареченомъ бысть от обою людьскую страну Ипатию патрику⁶⁷ и сбору началнику части синяго.

⁶⁸Въ 5 же лѣто царства Иустиніана царя вѣдъхну богъ во умъ его создати церковь, якоже не создано бысть от Адама. Написа же стратигомъ, и началникомъ, и судиямъ, и данъ собирающимъ надъ странами всѣми, яко испытати имъ всюду, егда како обрящють столпы же и подѣстолпия, надѣстолпы же и преграды дверныи и прочюю вещь достоиную на въздвижение церкви. Все же повелѣнии от него обрѣт|ше^ж от идольскыхъ церковь, и от ветохъ бань, и домовъ. И собравше, послаша къ царици Иустиніану и с покровами от всякоя страны, от вѣсточныи и западная, от севера же и уга, и от всѣхъ островъ 50 убо столповъ римьскыхъ, якоже Плутан нотаріе посланиемъ писецъ Иустиянъ, жена^з нѣкая посла от Рима, именемъ Маркия, имяше же я въ даръ мѣсто своихъ. Стояху же в Римѣ^и въ церкви святаго Ильи, созданыи от Аврикияна царя, предавша себе персомъ. Осмь же зеленыхъ столповъ досточюдныхъ принесе^к Костянтинъ, стратигъ от Ефеса, сдѣланы вся прежереченыхъ, яже Маркия написа царици: «Послахъ столпы равны въ долготу и равны в широту и равны въ мѣру». Прочая же столпы овы^л от Кузика, овы от Трояды, иныи же от окружныхъ островъ. Тако же и прочая ина довольная вещь принесена || бысть, вся же вещь собрана бысть от полъ сема лѣт.

Во второе же на^м 10 лѣто царствіа Иустиньяна прежереченую церковь, от Великаго Костянтина созданную, от основы разори и вещь ея оприснъ положи, ни потреби бо имяше ея, зане многую и безъчисленную вещь уготовати ему.

1 к у п л е н и е. Начаша же дома икуповати, ту суцая близъ. И первѣе убо вдовица нѣкыи, именемъ Аны, домъ ищѣненъ бысть на 80 и 5 злата. Онои же не хотящи сего продати, послаша к ней царь многы от вельможъ своихъ на мольбу, и ничтоже свершиша. Пришедъ же царь самъ, моляшеся ей о дому ея. Она же, видѣвши царя, паде пред нимъ, молящиися и глаголющи: «Цѣны не хошу прияти на дому моемъ, въ церкви же, юже хочещи создати, молю ти ся, да имамъ мзду, и азъ въ день судныи погребена буду ть, близъ дому своего». И обща|ся ей царь прегрести ю ту по свершении церкви, и поминають выну, яко свое прятяжение давши. Есть же мѣсто дому ея съсудохранильца вся.

К у п л е н и е^н 2. Нарѣцаемыи же кладъзъ святыи и олтарь весь и мѣсто амбонное посреди церкви бѣше же история нѣкоего каженика

^е Испр. по Л; Т сълание. ^ж Испр. Т обрѣше. ^з Испр.; Т женна. ^и Испр.; Т Ри. ^л Испр.; Т столпъповъ. ^к Испр.; Т при семь. ^л Испр.; Т отвы. ^м Доб. ^н В Т отсутствуетъ киноарная буква к.

⁶² Нет. ⁶³ спадають. ⁶⁴ творя. ⁶⁵ юже. ⁶⁶ Руфиниану. ⁶⁷ патрио. ⁶⁸⁻⁶⁹ Нет.

именем Анѣтиоха, иже исцѣнь бысть литръ 8^о и осмью. Скорбяцю же ему и не хотяцю продати церкви, и Устинианъ праведнолюбивъ сии, и не хотя приобѣдити никогже, скорбяше же, печалуя, что створить. Стратигъ же магистръ, иже царева имѣ имѣнниа, царевъ творимыи брат, обѣщася цареви устроити се нѣкъсю кознью. Реченыи же остиарии любивъ подрумию сыи, и бивъшию и коньному уристанию, затвори магистръ в темници. День же уристания коньнаго нача звати каженикъ в темници и глаголати: «Да вижду уристание и волю цареву створю». Приведоша же и на мѣсто сѣдалицю, идеже поклоняхуся цареви, и ту створи || прода-
 л. 377 об. ние, написавшимъ ту куестору и всѣмъ сунѣклитии преже искушение конь. Уставъ же бѣ ветхыи: внигда въсхожаше царь на сѣдалище, абие течаху снузънии кони, имже тогда праздноваху, на проповѣдание каже-ника. И до сего дне тихо исходятъ снузъния колесница конь.

К у п л е н и е 3. Десная же страна но до столпа святаго Василья бѣше Ксунофанѣта нѣкоего хытростью, иже, хотя предати домъ свои, проси у царя не токмо прияти сугубъ на дому своемъ, да ина бывающа имъ уристания и коньнымъ почтенныи будутъ, и поклоняемъ от четырь снузныхъ яздохъ. Царевии повелѣвшю же на смѣхъ сему быти, створи сему быти выину, и въ день настоящаго уристания коньнаго сѣдети ему ерѣдѣ преграды и поклонятися ему заду его на смѣхъ преже въсхождения имъ на колесници. И се бысть до днии царя благочестиваго, царя багрянороднаго. Со бо в то мѣсто | честныя иконы ту поклонятися створи^п владыкы и Христа бога нашего и рожьшюю его чистую и богу матеръ и святаго Иоана пророка и предтечу. Облачаша же ся долѣ, тако поклоняемъ бывая во образъ каженика в ризу бѣлу истѣкану, очервлену, иже князь преисподнихъ нарицаешя.

К у п л е н и е 4. Лѣвая же страна от выше до столпа святаго Васи-
 лия и от церкви же часть нѣка бѣше до Харитона каженика тезоименитна, гуси продающа, иже проданъ бысть съ благодарениемъ.

К у п л е н и е 5. Дольная^с же церкви и 4 притвори и баня, окрестъ ихъ бѣше домъ Дамияна, патрикия селевкийскаго, иже исцѣненъ бысть злата литръ 10-ю, примъ цѣну его со многию радостью, дасть церкви.

О с н о в а н и и. Царь же Иустинианъ, размѣривъ мѣсто и обрѣтъ
 л. 378 вѣчныи камень и олтаря же и долная комаръ, основа ту, || около основана великаго верха; от комаръ же и до вѣчнаго^т притвора и на слабѣшимъ и на гущѣшимъ основа.

З д а н и и. Наченъ же основание здати, призвавъ же Евтухия патриарха и створи во оставлении церковнѣмъ молитву. Тогда царь Устинианъ рукама своима примъ и скудѣль съ извѣстию и, възрѣвъ на небо, благодарьстви всѣхъ бога, вложи въ основание, первѣе всѣхъ, преже церковнаго основаниа и ину церковицю златомъ покровну створи, прекрасну, круглу во имя^у святаго крестителя каменiemъ бесцѣннымъ, юже близъ постави внѣшнего часовника, нарицаемое крещение, яко пребывати ему ту с боляры своими, многашды же и обѣдати. Тогда бо и въсходъ созда, от полагы до великия церкви достигающа, яко преходити ему часто и невидиму быти ни от кого же престоянию зданию и достойное по|велѣние творити. Бѣше же хытрець мастеръ 100, имѣюще на имникъ по сту кождо ихъ, яко быти всѣмъ тысящъ 10, и 5 тысящъ убо мужъ десную страну начаша, друзии же о шюю, зане многомъ тѣщаниемъ дѣло творити. Ангель господень показа въ снѣ цареви. Бѣше же и первыи зижитель миханикъ и Фзѣло мудрьствование^х имѣяи на въздвижение церкви.^д По си в ну^ч в котлѣхъ варимъ бѣше и ячмень, и с водою тою мѣшаху извѣсть и скудѣль. Въ воды мѣсто таковыи убо укропъ есть клеваеать,

^о В отдельных списках Сказания 30. ^п Испр.; ^т строи. ^р Испр.; ^в ^т от
 существует киноарная буква к. ^с Испр.; ^в ^т отсутствует киноарная буква д.
^т Испр.; ^т вѣчнаго; ^у Доб. ^{ф-х} Испр.; ^т зль мудрьствоватие. ^{д-ч} В списке
 ГИМ, собр. Уварова, № 902 (далее — Увар.) по сих вново.

от древа, глаголемаго вербья, усѣкающе, вѣмѣтаху в котлы, купно съ ячѣмены, и творяху корыта,^ш 4-ру углы имуща по 50 локоть в долготу и 50 в широту и 20 в толще, и полагаху въ основание. Да ни тепла сего творяху, ни паки студена, но тепло зане быти ему лепку. И верху корыт^ш полагаху камень превеликъ, равенъ в широту и в долготу. И бѣ видѣти то|гда, аки жѣлѣзо, держаща на два локты, възвышншюся основанию, л. 378 об. издающъ бысть злата кентинарии^б 300 и 50 и два, якоже прежереченыи творецъ иже издание пиша. Сребреники же приношаху от полаты и полагаху в часъницѣ. И елико възношаху камене на здание стѣнъ, на единомъ комъждо камени приимаху по сребренику единому. И се тако бываше, зане не приобидѣти никогоже от нихъ или похулити. Единъ же от посящихъ камене негодовавъ и въздѣхну, и абие на землю падъся, скрушися. И здание створи все прежереченыи стратигия и царьскаго имѣнния хранитель и царевъ творимый брат. Стѣнамъ же възвышшимъся, иже великъмъ столпомъ римьскимъ же зеленымъ етавшемъ, царь полудне подвизаяся, не поспаше, но много тѣщание и прилежание, яко приходити и видѣти каменныя сѣчъчая, древодѣлники и вся зижю|щая с Троиломъ и яко бедникомъ своимъ. И си зря тѣщаниемъ вся имѣти повелѣваше, тѣмъже и внѣ мзды ихъ благодаяше имъ, в куюждо нѣделю одиноую или двожды по единому златнику^в или боле. Облачаше же ся царь в тонку бѣлу поныаву, и убрусь темень имяще на главѣ своей, и в руцѣ своей жезлъ имяше. Възведъ же комары горняя, лѣвья и дѣсныя, и сия покрывше, яко повальными и комарами. Бысть, зане не принести сребреникъ от полаты въ день суботный въ час 2, повелѣ стратигъ дѣлательмъ всѣмъ и хытрецемъ на обѣдъ. Съшед же и преждереченыи Игнатии, первыи сии зижителемъ, остави сына своего горѣ, идеже здаше^б на дѣснѣи стране, яко да хранити ему зижидителныя съсуды. Отрокъ же бѣ лѣт 15.

Ч ю д о⁹ 1. Сѣдящу убо отроку тамо, и явися ему каженикъ нѣкто, въ свѣтлу одежу одѣнъ, красенъ образомъ, яко от пола|ты пущенъ. И глагола ему: «Что ради не скончаютъ дѣла божия дѣлающии и оставльше и отидоша обѣдать?» Отрокъ же рече ему, яко: «Господи мои, скоро взидуть». Глагола же каженикъ: «Но шедъ глаголи имъ: тѣцю бо ся и къ исполнению дѣла». Отроку же противу глаголющу, яко не умѣти, какъ оставити съсуды, да не погибнетъ что от них. Рече ему онъ: «Иди скоро и рци имъ, яко да придуть скорѣе, и азъ клену ти ся, чядо, тако ми святаа Софья, иже есть слово божие, си нынѣ зижема, и не отиду отсюду, дондеже възвратишся, здѣ бо ми есть повелѣно пребывати и хранити от слова божия». Си слышавъ отрокъ иде скоро къ отцу своему и къ прочимъ дѣлательмъ, оставивъ ту аггела господня, хранящая наздание. Шедшу же отроку и повелѣвъвшу отцу своему и прочимъ всѣмъ, и поя тыи отецъ его и приведе къ цареви Иустинияну и къ сущимъ ту, предтеча церкви в часъ|ники. И услышавъ си цесарь отрока, призва все каженики своя, и казаше ему когождо ихъ, глаголя ему: «Егда се есть, и се, или се?» Отрокъ же рече, яко ни единому от нихъ подобну быти по тому каженику, яко и въ бѣлахъ ризахъ быти ему. Рече отрокъ: «И от обличья его огню исходити». Разумѣ царь, яко аггелъ божии бѣ, и прослави бога. И радовася радостию неизъглаголанною, яко благоизволи богъ на дѣло его, и паче якоже и увидѣ церковное наречение, понеже не малы первѣе имѣаше и печаль о церковнѣ наречении.

Оттолѣ же прия такое наречение церкы, именуется святаа Софья, слово божие. Царь же Иустиниянъ свѣтъ в себѣ помышляше, яко к тому на здание не възвратитися отрочяти, яко да хранитъ святаи аггелъ такую церковь по клятвѣ его до скончания всего мира, еже и створи. Бо-

^ш Испр.; Т крына. ^ш Испр.; Т горы. ^ъ Испр.; Т кантари. ^в Испр.; Т влатнику. ^б Испр.; Т ждаше. ⁹ Испр.; в Т отсутствует киноварная буква ч.

л. 379 об. гатьствомъ многом и саномъ почетъ^ю отрока. В окружняа остро||вы сего посла свѣтомъ и волею отца и отроцяти.

Ч ю д о^я 2. Бог се на десѣи странѣ, идеже^{х¹}, а нынѣ честная икона великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа, утвердися. Постигъшимъ же зижкоючимъ на горница, и поставльшемъ^б верховная столпы и комары и покрывшимъ около, скорбяще царь, зане не имѣти злата количества. Стоящу убо ему на горница, хотящимъ въздвигнути верхъ въ день суботный въ час 4, и прискорбну сущу цареви за оскудѣние издаяния, явися ему каженикъ въ бѣлах ризах, глагола ему: «Что скорбиши, владыко, издаания ради. Заутра скоро повели приити нѣкимъ от велможь своих, и азъ дам ти злата, елико аще трѣбуеши». Заутра же пришед самъ каженикъ, прошаше у царя, им же велить въсприяти злато. Давъ же ему стратегия магистра и Василида строителя, Феодосиа патрика тезоименита, ты ковника и слугъ 50, и съ двѣма десятъма мѣскъ по единѣм | облогомъ. Сия поимъ, каженикъ изыде от Златых вратъ и пришедше въ триулие, явишася посланымъ полати новозданы. Слѣзъше^в же съ конь, възидоша купно съ кажеником во оны храмы, и вынемъ ключ мѣдянъ свѣтель, отверзе едину храмину, и бѣ ту присыпано злато много множество. Взем же лопату каженикъ вкупѣ^г кентинарии 100 и 80. Они же, взявше таковое злато, идоша къ царю, а каженика оставиша ту. Примъ же царь таковое злато и удивився, рече имъ: «На кое мѣсто идосте?» Они же възвѣстиша ему вся. И шедъ царь купно на мѣсто съ принесшими злата того, не обрѣтоша ни единой храмини. Удивив же ся убо царь и разумѣвъ, яко аггелъ божи бѣ, и се даръ есть его, прослави бога.

И егда хотяху съвершити святый олтарь, царь же помышляше о просвѣщающих оконцих, и овогда убо въ едину комару просвѣ||щение веляше быти ту, якоже и въ прочих чястехъ церкви, и да не възможна створить, овѣгда же двѣма веля быти. Въ единъ же от днии, въ день суботный въ час 5, аггелъ господень явися въ образѣ царя и глагола ему: «Да ми створиши 3 оконьца тресвѣтла во имя отца и сына и святаго духа». Купно со словомъ, и отиде яко въ полаты первыя. Иже зижитель не могли бѣседовати к нему, зане скоро ищезуть ему от него, шедъ въ полату, глаголаше къ цареви: «Ты, царю, слова не имааше: овѣгда убо единому и овѣогда^д убо двѣма оконьцама повелѣвааше быти, нынѣ же, пакы пришедъ, ми^{дд} глагола тремъ быти оконьцема во имя отца и сына и святаго духа». Рекъшо же цареви: «И не изити от полаты въ день тъ». И повѣда ему мастеръ явльшееся ему видѣние и рече ему: «Воистину аггелъ божи бѣ, якоже ти заповѣда тако створити». Все же изъмоли церковнии внутрюдо и внѣбуду желѣзными | ключи суть сътяжены другъ къ другу, и суть тако неподвижимы. Обаче извистъ здание съ деревянымъ масломъ смѣшена есть. Посла же царь Троила кувъкаисия и Федора епарха, и Василида строителя въ островъ Цвѣтныи, и съдѣлаша ту кѣрамиды, равны въ мѣру и равны в долготу, великий назнаменаны тако: «Богъ посредѣ ея, и неподвижатися поможетъ ея богъ утро за утри». И чтущихъ количество посыпаху цареви и мѣрило же 12 есть керемиду единого от своискихъ, зане быти малу легьку зѣло, и губообразну и душляю и бѣлу обличьемъ. ^еТѣмъ и слово нашское подобиться, яко от кисъра есть върхъ, нѣ нѣсть убо. ^жЛегко^з же есть тѣми керемидами зѣдаша^и 4 комары великия, егда начаша върхъ по 12-те керемидѣ зѣдания творяху чиститель о съставѣ церковнѣмъ молитву и пакы полагаху другая 12-те ряда зижюцаий и пакы бываше мо||литва творяху зижюции^к и на тѣхъ 12 ряду пожагаху чиститель честныя и святы мощи и тако творяху^л до скончания верху. Створиша же и умошьскыи престоящъ, по семь створиша пре-

^ю Испр.; Т печать. ^я Испр.; в Т отсутствует киноварная буква ч.

В х¹. ^а Испр.; Т деже. ^б Испр.; Т поставльшемъ. ^в Испр.; Т съзвше. ^г Увар. вда имъ. ^д Испр.; Т вѣгда. ^{дд} Испр.; Т м. ^{е-ж} Этих слов нет в Увар. ^з Испр.; Т лькѣ. ^и Испр.; Т зѣдаша. ^й Испр.; Т зижюцаий. ^к Испр.; Т зижюции. ^л Испр.; Т троряху.

добрыи и дивныя простыя мороморы. Позлати же вчетанья мороморомъ и главы столпюм, и преклады комарныя, двокровныя и трекровныя. Тѣща же позлащения бѣ, яко единого пьрѣста. Покровы же вся вѣторныхъ и третьихъ съ первыми, и сторонная и окрестъ, и 4 притворъ покровъ позлати от злата чиста многоцѣнна. Подъ же церковныи украси различнымъ и многообразнымъ мороморомъ. Окружныя же вся украси бѣлыми и великими и многоцѣнными. Святы же олтарь весь, и столпы вся, и святыя двери, и суцая въ олтарихъ 4 святыя трапезы, и 7 степенни чистительскихыхъ купно съ святительскими и многоцѣннымъ престоломъ и съ четырьми столъпы теремецкыми, и того самого теремца, и ины многы вещи створи от сребра чиста позлащена, толщею много. Теремце же различнымъ жъжениемъ украси. Верху же его постави яблоко злато все, имуще мѣру кентунарии 18 и крипъ злату кентунарии 6. И верху его крестъ златъ. Камениемъ многоцѣннымъ имѣя литръ.^м

О святѣи трапезѣ. Святую же трапезу пречестну створити хотя, и честнѣишу всего злата и сребра и камня многоцѣнна, помышление таково помысли створити: совокупи^н бо всяку вещь земную от злата же и сребра, и от камня всякого и бисера, от мѣди же и пруда, от олова и желѣза, и прочее от инѣхъ въ горнило вложи въ огнь и съмяте я, и егда съмѣшиша, подобное обое изльи въ образъ, и егда исътыде, исъче ю, и постави ю недомыслену и неподобну, коеждо бо ихъ свои свершаютъ зракъ, || и не можетъ бо разумѣти или рассмотреть доброты ея, зане овьгда златѣ являти ся ей видящимъ ю, овьгда же срѣбренѣ или камену, или паки ины образы по различью вещи. Ноги же на нихъ же и стоять, и степень около ея суцнии створи от сребра чиста и от^{нн} злата. И просто рещи, такую всюду украси, яко всѣмъ дивитися видящимъ ю, о несказанѣи добротѣ ея и чудеси. Створи же двери троя. Предняя от сребра чиста и злата, ины двери овы убо мѣдяны елькетръ, овы же слоновы позлащены, яко бытъ всему числу церковныхыхъ двери 360 и 5. Хотящю ему весь подъ церковныхыхъ створити сребренъ, и утоленъ бысть от афинѣи звѣздочетецъ от Иерофѣя и все свѣтнааго. Извѣстиста бо ему, яко в послѣдняя дни придуть царствія темная и възмутъ ю, и отступи от того начятія мѣся же на вся дни сре|бреники и обрѣтахуть я си износящеи, вся тѣщахуся къ изношению его. Вся же вещи, якоже и преже рекомъ, събрана бысть за семь лѣт и пять, царски же създана бысть от десяти тысящ мужъ, якоже преже речено бысть, съ многоя прилежаниемъ за осмь лѣт и за десять мѣсяць, въкупѣ всѣхъ лѣт 16 и мѣсяць 4.

л. 381

Сказание о омбомѣ. Амбонъ же съ створи сарьдонихи имя камени въ надстолпни мѣсто, столпы же створи вся златы съ аспиднымъ камениемъ и съ кристалы и самфоромъ. Тако же и верхъ такового амбона створи весь златъ съ бисеромъ и свѣтлыми смарагды,^о и створи же верху его крестъ отъ злата чиста литръ 100 и преимущии бисеры велики въ надстолпни же мѣсто постави златы. Устие же святаго кладязя принесено бысть ис Самориа, и того ради именуется тако, зане на немъ господь Исусъ Христосъ и богъ || нашъ къ самаряныни бесѣдова. Трубы от Ерихома принесены^п быша, еже суть въ Робразъ труб,^с яже держажу тогда аныгли, егда падоша тѣгда и стѣны Ерихона. Честныи же крестъ, иже стоитъ нынѣ въ съсудохранилници мѣра^т въздрати господа нашего Исуса Христа, якоже извѣсто измѣренъ бысть от вѣрныхъ, иже въ Иерусалимѣ. И сего ради обложи и сребромъ чистымъ и златомъ и камениемъ многоцѣннымъ, тѣмъ и до днешняго дни недугы различны ицѣли и бѣсы от человекъ прогонитъ. Въ всякомъ же столпѣ, горѣ же и долѣ, мощи святыхъ честныя вложи. Створя же и съсуды златы священы двою на десятъ праздику различнымъ образы. И паки от еуангелии священными

л. 381 об.

^м В Увар. доб. 70. ^н Испр.; Т овокупи. ^{нн} Испр.; Т о. ^о Испр.; Т маргады. Испр.; Т принены. ^{р-с} Испр. Т озъ трубы. ^т Испр.; Т меца.

рукомья, и гольци,^У комкалница, и блюдъца златы, и камениемъ драгимъ, и жьньчюгомъ, числомъ тысящю едину. Индития златы с камениемъ драгимъ 300, вѣнца 100, да будутъ | въ киждо празникъ различны плати комкалнии вси, златы съ жьньчюгомъ и каменьемъ многоцѣннымъ тысящю едину, еуангелии 300 по двѣма кентинарема злата, кадилницъ 30 и 6; вся златы съ камениемъ, по единому кентинареви, свѣтилникъ 300, имущи вся по 40 литръ гръзновъ, и поникадиль амбоньныхъ и олтарныхъ 6 тысящъ съ двѣма женьскыма и съ притворомъ. Устави же и притяжаніе 300 и 60 и 5 отъ Егупта же и отъ Индия, и отъ всего вѣстока и Асиа, и запада въ строение церкви. Таковыи же празникъ устави — взимати масла древеняго корчагъ тысящю, и вина корчагъ 300, и хлѣбовъ тысящю. Постави же и клирики и отъ чистительъ и до послѣднихъ тысящю едину, пѣвце 100, раздѣляющихся на двѣ недѣли, дасть же и клиросу келия околная по чину ихъ, и пѣвѣцемъ храмнѣ || *достойны*.^Ф Створи же и кресты велики златы отъ всякого каменія, имущимъ цѣну по 50 кентинарев,^Х и свѣтилѣ двѣ велицѣ отъ стѣкла чистаго извѣртенѣ, имуще ноги златы вся и цѣнены златы кентинарии единого. И верху надъ нихъ постави свѣще двѣ велицѣ *позлащенѣ*^Ц и съ камениемъ драгимъ, имущимъ цѣну кентунарии единого. И створи же ина превелика свѣтильна отъ сребра чиста 8 и ина сребрена въ долготу мужеву 200, да стоятъ въ олтари. Въ амбонѣ же токмо удѣли^Ч всего злата дань, еже взимаше отъ Егупта 300 и 60 и 5 кентинарии, да тысящи кентинарии взимаше и Великии Костянтинъ отъ Саравара, царя перьскаго, и отъ инѣхъ многихъ, устави первѣе убо церкви приимати. Съ же отъ единого Егупта, и имать удѣленіе^Ш таковая церкви, кромѣ священныхъ съсудъ, и сель и отъ тѣхъ приходящихъ туне, отъ | всякоя вещи церкви злата кентунарии 3 тысящи и двѣ стѣ.

Иустинианъ же царь единъ нача и единъ свѣрши. Чюдо же объдержаше тогда, видяще такову церковь, како блещашеся, и бѣ вся свѣтла отъ злата же и сребра, и отъ женьчюга, и отъ прочаго всякого украшения. Подъ же не мало удивленіе бяше видящимъ, моромора *бо различне*,^Щ аки море видимо бяше, ли рѣку присно^Ъ текущую, четири бо церковныя, четири рѣки нарече исходяща изд-рая. И положи законъ, да къждо по грѣхомъ своимъ отлучаяся, станеть на нихъ. Створи же и въ крѣстилиціи около клядзя и притвори, и львы камены, износяща воду изъ устъ ихъ на умовеніе простыхъ людий. На деснѣи странѣ створи море, пяди единою възвыше възходити водѣ лѣстввицю едиму на възхоженіе ея чистителемъ. Постави же прямо^Ы лицо приемлющему воду издѣла^Ъ льва 12, сернѣ 12, орелъ и заяць и тельця || и враны, и сия по двѣ створи. И вода исхожаше изъ^Э усто ихъ на умовеніе единѣмъ чистителемъ, иже нихъ мѣсто же нарече львоуе, идеже въздвиге храмину позлащену, да ходящю ему въ церкви, спати в ней. Красоту же, якоже рекохомъ, и превеличство доброты таковыя церкви и кто исповѣсть.

Цареву же Иустиниану таковую преславную и пречистую церковь свершившю съ всѣми священными съсуды^Ю ея, мѣсяца декабрия въ 26, и ишедъ отъ полаты, приде въ двери августя и сѣде на колесниці четворосънужнѣи. И закла воловъ тысящю, кокошей и кокотъ 10 тысящъ, овецъ 6 тысящъ, олении 6 сотъ, вепревъ тысящю, пшенице съ пудовъ 2 тѣмѣ и 3 ста, и дасться убогимъ въ тѣ день до 3-яго часа. И тогда створивъ церковь съ крестомъ и съ патриархомъ Евгухиемъ.

Пришедъшю же ему къ краснымъ дверемъ, отъргнувся отъ патриархъву руку, тече до амбо|на и, воздвигъ руцѣ на небо, рече: «Слава сподобльшюму мя таковое дѣло свершити! Одолѣхъ ти, Соломоне!» И по

^У В Увар. горниц. ^Ф Испр.; Т постоянны. ^Х Испр.; Т пентупарев. ^Ц Испр.; Т позашенѣ. ^Ч Испр.; Т удѣ. ^Ш Испр.; Т удѣненіе. ^Щ Испр.; Т разліе. ^Ъ Испр.; Т прис. ^Ы Испр.; Т промо. ^Ь Испр.; Т извѣла. ^Э Испр.; Т в. ^Ю Первые три буквы стертъ.

въходѣ дасть людемъ злата кентинарии 3, стратигию и магистру сия про-
сыпавше на землю. Заутра створи отверзение церкви больша первыхъ,
заклавъ жертвы до святыхъ богоявлении, до 15 днии пирь творяше всѣмъ
и ружаше, благодаря бога. И тако скончаша желание его дѣла. И радо-
ваше в себѣ до скончания своего живота сущии и славнии и вѣрнии царь
Иустинианъ.

Умершу же ему по семѣмъ на десять лѣтъ, царствующю Иустину,
сыну его, въ другое лѣто, въ четверга въ час 6 паде таковыи преславныи
церковныи верхъ, и скруши таковыи и преславныи и досточюдныи амо-
бонъ, и погуби вся украшения его: сарадонихи, иже и замвукки, и сам-
фуру, и жевъцюгъ, и стакляя, и чистое стекло, и золатая надѣстолпя,
и столпы, и е||же ино что, и долняя и части верха пребыша непод-
вижимо.

л. 328

Призвавъ же царь Иустинъ преже вдавшаго миханика мастера, въпра-
шаше вины таковыи падения верха. Онъ^я же рече к нему: «Стрии твои,
много тѣщание имѣя о таковѣи церкви, яко дабы быстро свершивъ ю,
и потѣщавъся отъя скоро помосты, преже, да иже не приметъ свершения
дѣло: «И скоро прииму се ея». И яко высокою створи, да отъвсюду вид-
ятъ ю, яко възмогъ отсѣкающе, мастери матаху, и от метания расѣда-
хуся основания и не съдержася верхъ. И отъ того таковое падение бысть».

Посла же царь Иустинъ въ островъ Цвѣтныи, якоже и стрии его,
и створи керемиды, якоже и первыи. И създа^х¹¹, а таковыи верхъ, отсѣкъ
от^б первыи высоты сяжении 5, боя же ся, да не падеть, якоже и первѣе.
Постави же древо за едино лѣто, дондеже разумѣша | яко утвердися.
Амбона бо не възмогъ створити, якоже и первѣе створи и камениемъ^в
и столпиемъ посребренѣмъ. Подобии же не възмога створити таковыихъ.
Посла Манасию патрикию на островъ Прискъ, и сътере тамо мораморы,
яко видими суть въ образъ земли, синия же мраморы въ образъ рѣки,
въходящихъ въ море. Егда же отсѣкоша помосты верхняя и хотяху
сънести древо пять писти възвыше, и тогда метаху древа въ воду, и не
расѣдахуся основания. И посемъ мусиею попса. Сего ради глаголють
нѣщии, яко Иустинъ зда се. По силѣ сказание пресвятыи и великия божия
церкви.⁶⁹

По Устиниане же царствова Тивери лѣта 4 и отравленъ умре.

19.⁷⁰⁻⁷¹ По Тиверии же царствова Маврикии.⁷² При семь жена
дѣтичь роди во Цариградѣ⁷³ безъ очию и⁷⁴ безд-руку,⁷⁵ въ чресла⁷⁶ бѣ
ему⁷⁷ рыбии хвостъ приросл въ образъ чрево^{||}кожныя рыбы. И песь^{л. 328 об.}
родися шестоногий,⁷⁸ главу имѣя львову, образъ⁷⁹ превелии.⁸⁰ И бысть же⁸¹
въ Фракии 2 дѣтища родитася: единъ о 4-хъ⁸² ногахъ, а другии о дву⁸³
главу. Глаголють же нѣщии от⁸⁴ образникъ и⁸⁵ знаменуется благое въ
градѣхъ, иже⁸⁶ аще тако родися. ⁸⁷И яви⁸⁸ же ся въ рѣцѣ Нилѣ, солнцу
вшедшу, челоуѣкомъобразнѣ 2 животнѣ, мужъ и жена, яже и сирины
нарицуются,⁸⁹ рекше вилы, сладкоглаголна⁹⁰ всѣма⁹¹ умертвяща,⁹² об-
разъ же имуща⁹³ от главы⁹⁴ до пуца челоуѣчьскъ,⁹⁵ прочее же птичь.
Мужъ же красноперьсье дивенъ, женѣ же лице и власы чермни, подоб-
но же и муже сесца имаше безъ власъ, власи же на чернь.

И⁹⁶ людье^Г же съ⁹⁷ епархомъ чюднѣсся, клятвы приложиша тѣма
мажъженѣма, да не раздрушитя⁹⁸ видѣ. ⁹⁹Да же вси видятъ и до 9-аго¹⁰⁰

я В Т ѿнь.
ХП. а Испр.; Т съзла. Испр.; Т сто. в Испр.; Т мамениемъ. Г Испр.
по Л; Т лидѣе.

⁶⁹ Далѣе продолжается список Л. 70-71 Нет. ⁷² Доб. фрагмент иже от Ка-
подокки . . . в Костянтинѣградѣ (Хроника Амартола. С. 428, 18-20). ⁷³ Костян-
тинѣградѣ. ⁷⁴⁻⁷⁵ безъ руку. ⁷⁶⁻⁷⁷ ему бѣ. ⁷⁸ шестоногъ. ⁷⁹ Доб. бысть же.
⁸⁰⁻⁸¹ зѣло. Также и. ⁸² четырехъ. ⁸³ двою. ⁸⁴ Нет. ⁸⁵ не. ⁸⁶ идеже.
⁸⁷ родится. ⁸⁷⁻⁸⁸ виста. ⁸⁹ нарицуются. ⁹⁰ сладко глаголють. ⁹¹ весма.
⁹² умертвяща. ⁹³ имуть. ⁹⁴ Доб. и. ⁹⁵ челоуѣчьскаго. ⁹⁶ Нет. ⁹⁷ Доб. в.
⁹⁸ раздрушита. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ преже аще и до девятаго.

часа. X. ¹И си² людие, видяще,³ дивляхуся,⁴ такоже паки в рѣку внидо-ста. Сима же погряжьшима,⁵ корькодили въсплывше,⁶ искочивше, многи челоуѣки поѣша. | Ибо коркодилъ звѣрье есть великъ, купно же и рыба⁷ от⁸ главы⁹ и до хвоста. И образъ хребръта его яко чернь камень есть, чрѣво же его бѣло,¹⁰ и ноги¹¹ ему 4,¹² хвостъ ему велии остръ, хребетъ¹³ его¹⁴ одина кость, до конца изощено,¹⁵ аки¹⁶ тернье, яко пилѣ зубы и конци, и бьетъ тѣмъ, на негоже ¹⁷ся гнѣваетъ,¹⁸ и многи творить язвы. Глава же его¹⁹ при раму исходящи. Дондеже не зинеть, звѣрина главѣ есть,
л. 384 егда же зинеть, ²⁰усты всѣ²¹ есть, ²²до раму зиванна²³ творя. || Убиваетъ же ²⁴его по²⁵ многажды идриа. И²⁶ в той²⁷ рѣцѣ суши и образъ имущи^Д пьсии и²⁸ таком нравом;²⁹ ибо уста своя³⁰ коркодилъ отверзъ³¹ почюваетъ, идриа³² же, обалившися въ калъ³³ и усты его ³⁴въ чрево³⁵ вшедши, и рас-тергнувши скоро, исходитъ оходомъ его, и³⁶ мертва ³⁷его оставивши.

По Маврикии же царствова Фока мученикъ лѣтъ 8, и усѣкнутъ бысть и съжженъ.³⁸

50.³⁹ Въ лѣто же того Фоки Хоздрои етеръ скверньнии и нечистыя царствие въсхитилъ бяше Пърское, емуже на толико продорьгнути ся презрѣ гордость, да от ближнихъ земель, яже с тѣмъ своимъ ⁴⁰погань-скимъ и злымъ⁴¹ мучилъ бяше, подъ область кланятися себѣ повелѣъ, якоже и богу зыватися: «Богъ богомъ, царь царемъ и господь господемъ». Не такоже ему се на свое понижение досити бяше пагубы, но въистину Сурью и Палестину подъ ся примучи и Егупетъ|скаго царствия и яже об ону страну,⁴² о сью около ихъ бяше своеи области лютѣиши повину. Въ Иерусалимъ вниде и церкви Христовы раздружи, и всю землю християнскую⁴³ посѣче, и пожьже, и повоева. Къ гробу же господну хотѣ приступити, устрашенъ отиде, но обаче древа часть спасителнаго, еже чествѣишия цесарца⁴⁴ ту свѣдѣние силы оставила бяше, ⁴⁵вся. Створилъ же бяше⁴⁶ себѣ столпъ сребренъ и на немъ свѣтящимся каменемъ створи небо, и столпъ златъ съ драгимъ каменемъ, иде колесницу солнцу и лунѣ и образъ звѣздный хитростию^Е устрои. На немъ же тайными пицальми воду възведе, да яко и богъ съвыше дождь видѣлся бы кропя. И подъ землю окрестъ скалъ коньми влацющими около, столпъ устроень движущься. Съ небомъ видяшеса, и аки нѣкторымъ рутиемъ
л. 384 об. грома подражати ремесльнику лъгаше людемъ. На томъ же || мѣстѣ въистину столъ себѣ^Ж уготова и близъ стола, аки другъ ся творя богу крестьянскоу побѣдитель, крестъ господень постави. Сыну же своему царство предавъ, а самъ в томъ безакоунии сѣдѣше.

В то же время умре Фока царь, и бысть в него мѣсто царь Ираклии,⁴⁷ мужъ къ оружью снажъ,⁴⁸ языка рѣчию хитрительми приказанъ, аще и дѣломъ мирьскимъ подаанъ бяше, но обаче вѣры съборныя и о божнихъ рабѣхъ смѣренъ и поакорен, доброволенъ и обѣтень.³ И слышавъ си вся, въздохнувъ и рече: «Луче бы ми съмреть, негъже⁴⁹ животь! Почто ли царьство крестьянско держахъ, а древо святое и землю одержатъ поганин. Любо быти тому^И цесаремъ,⁵⁰ любо ли мнѣ». И пославъ к нему, рече: «Строися на мя, а азъ на тя». И пришедъ же сынъ Хоздроевъ противу Ираклиеви, у рѣки велика⁵¹ ста съ воии всѣми. А сеи о другии полъ съ своими.
⁵²Послѣднее же⁵³ въдъхновенъ милости спасителемъ, о|бѣма цесаре-

Д Испр.; Т смущи; Л имущ. Е Испр.; Т простию; Л хитростию. А Испр.; ЛТ тебѣ. ³ Испр. по Л; Т обѣнень. И Испр. по Л; Т туму.

X. 1-2 вси. ³ Нет. ⁴ Доб. зряще животины тоя. ⁵ погрязнувшима. ⁶ въсплывше и. ⁷ рыбы. ⁸ о. ⁹ Доб. доже. ¹⁰⁻¹¹ ноги же. ¹² четьри и. ¹³ Доб. же. ¹⁴ Доб. есть. ¹⁵ изъострена. ¹⁶ яко и. ¹⁷⁻¹⁸ гнѣвается. ¹⁹ ему. ²⁰⁻²¹ всѣ усты. ²²⁻²³ да разумѣвание. ²⁴⁻²⁵ сего. ²⁶ глаголемая. ²⁷ Доб. же. ²⁸ Нет. ²⁹ образомъ. ³⁰ своя. ³¹ Доб. тако. ³² идриа. ³³ калѣ. ³⁴⁻³⁵ ко чреву. ³⁶ Нет. ³⁷⁻³⁸ оставивши его. О семъ же доселѣ на прочее да шествуетъ. Далее текст: Крамолѣ же събравши . . . скоро конце житиа си приять (Хроника Амартола. С. 429, 17-433, 21). ³⁹ Нет. На поле киноварью О Хоздрои. ⁴⁰⁻⁴¹ поганьскими и злыми. ⁴² Доб. и. ⁴³ крестьянскую. ⁴⁴ царца. ⁴⁵⁻⁴⁶ Нет. ⁴⁷ Враклии. ⁴⁸ снаженъ. ⁴⁹ неже. ⁵⁰ царемъ. ⁵¹ велыки. ⁵²⁻⁵³ послѣднеемъ.

ма, ⁵⁴ годѣ быста, сама ся посрѣдѣ рѣкы на мостѣ на бои съшлася, и емуже жребии подасться побѣды, то бес пагубы обоихъ вои державу да примет. И усужение съ ротою изыде, да аще который от тѣхъ людий царю своему дерзнетъ помощи, усѣченомай рукама и ногама от самого, и в рѣцѣхъ погрузиться. Бысть же се любо людемъ обоимъ, да сама ся межю собою, якоже речено есть, боруща.⁵⁵ Дълго именно посреде моста ся снисста, послѣднее же потолькновентъ слъзми крестьянскими, силою святаго духа, емуже ся томъ дне Ираклии царь съмотри. И опоруцил бѣ Христосъ вѣрному своему цесареву пода⁵⁶ побѣду. Тако же и мысли измѣненна, и страх на Хоздроевы воя нападе, да не токмо реченыя роты не хотяху приступити,⁵⁷ нѣ воистину волне съ всею челядью и съ чады Ираклию ся повиняше. Яже царь благоволиѣ примѣ, подасть⁵⁸ милость свою, да || быша^к вся ⁵⁹крестiane же⁶⁰ створити купнѣ^л вси обѣщашася. Ираклии же царь съ своими полкы обуялѣ бѣ царство Хоздроево окрестъ, и пришедѣ^м въ град перскый съ маломъ вои, на столѣ его възлѣзе, и пришедѣ к нему, и сѣдяще на столѣ златѣ обрѣте и. Никтоже бысть от вои его, ⁶¹и еже⁶² ему сказа побѣжения и убения сыновня, яко ожестоцания⁶³ ради гордости его всѣ ненавидяху, но достоинъ и по правдѣ,^н иже не скривено богу противляшеша, то како от твари божиимогль бы быти любимъ. И егда устраши вся, зѣло цѣлования изношаше Ираклиеву Хоздрои. Ираклии отвѣща: «Аще хочещи съдравие и цѣльвь⁶⁴ имѣти за то, еже древо святаго креста,^о аще зѣло не достоинъ, по пѣсьнымъ твоимъ разъмышлялѣ еси, и аще хочещи вѣровати господу⁶⁵ Исусу Христу и рабъ того быти, егоже азъ есмь рабъ, того воистину проповѣси. Царствие дам ти толико Персское съ ротою, и тако взятъ я от Вифаиды, тольми имѣти почнеши». И егда же Хоздрои той рѣци никакоже хоте пристати, Ираклии вынезь мечъ, главу его усѣкнувъ, обаче погresti его повелѣ, яко царь бяше. Сына же его мнѣшаго, егоже с нимъ обрѣлѣ бѣ сѣдяща, повелѣ крестити и⁶⁶ сам, и от святаго источника изытъ, уже бо бяше 5 лѣтъ, написанна же царьства Перскаго под негоже имя створити повелѣ, епископы и прозвутеры с нимъ нарядивъ. Сребро же столпа того на плѣнь своимъ воемъ отдасть, злато же и драгое камение на съсуды на обновление церквамъ дать, яже бѣ лютыи царь раздрушилѣ.^п Примѣ же древо честнаго креста,^р еже нечестивый царь отнеслѣ бѣ, къ Иерусалиму приближися. Радующи же ся вси людие, съ вѣтвемъ фуника и съ свѣщами и съ пѣсьными противу изидоша, а друзии преди, а друзии же въслѣдоваху.⁶⁷ И егда же царь схожаа||ше с горы Елионьскыя тѣми враты,^с имиже господь въшелѣ бѣ, егда на страсть грядыи.

Ираклии^т же бѣ сѣдяи,⁶⁸ одѣнными царьскими украшенъ, и хотящю ему внити, напрасно камение вѣрфиное⁶⁹ спадѣ, заклежущася сами, и створися стѣна одина.⁷⁰ И егда же чюжахуся, устрашени велиемъ страхомъ, възрѣвше горѣ, узрѣша знамение честнаго креста^у въ небеси, огненною молоньею^ф свѣтящася. Ангелъ же господень вземъ его в рудѣ и надъ верейми ставъ, рече: «Егда царь небесный и господь всего мира живыхъ и мертвыхъ къ страсти святей сиими верейми въшествиемъ въходяше, не багряницею ся украсивъ, ни гдоваблемъ⁷² (так! — О. Т.) ся свѣтъ издали, ни коня силнаго на въседание възиска, но смѣренъ на жеребятине хрѣбте сѣды, слугамъ своимъ остави образъ, а не якоже вы, пѣнящимися коньми и въ тварехъ яздыще». Сим же излаголоаномъ словесемъ от аггела, и⁷³ възыде на небо. То|гда царь, радуяся о господни посѣщении аггелъ-

^а Слово усѣченома в Т повторено. ^к Испр. по Л; Т бышаша. ^л Испр. по Л; Т купле. ^м Испр. по Л; Т прише. ^н Испр. по Л; Т праведѣ. ^о Испр. по Л; Т крестъ. ^п Испр. по Л; Т раздрушилъ. ^р Испр. по Л; Т Христа. ^с Испр. по Л; Т враги. ^т Испр. по Л; в Т отсутствует киноварная буква и. ^у Испр. по Л; Т Христа. ^ф Испр. по Л; Т мльею. ⁶⁴ царема. ⁶⁵ борущася. ⁶⁶ подасть. ⁶⁷ преступити. ⁶⁸ Доб. имь. ⁶⁹⁻⁷⁰ крестилися еже и. ⁶¹⁻⁶² иже. ⁶³ ожестуянна. ⁶⁴ цѣльбу. ⁶⁵ господову. ⁷² Нем. ⁷³ послѣдоваху. ⁶⁸ сѣдша и. ⁶⁹ вѣренное. ⁷⁰ одѣна. ⁷¹ мртвыхъ. ⁷² годованиемъ. ⁷³ Нем.

стѣмъ, сложивъ царскія ризы и изувся, тогда пешь, толико лняномъ поясомъ поясава, крестъ господень в рудѣ возьмъ,⁷⁴ польавъ лице слезами, на небо⁷⁵ очи въздвигъ, приближашеся,^х къ вратомъ приходя. Тогда же въ смѣрzenie ему пришедшю, жесточество каменное^ц небесную державу ошюти, и абие веревя ся въздвигоша, пространно въшествие входящим⁷⁶ явѣ створиша. Воня же благосластьнаа, яже лѣтающимъ божественнымъ повелѣниемъ вѣтромъ от Персыскія земля по далечимъ прѣдѣломъ вселенныя въ Иерусалимъ бысть вѣнесена въ часъ той,^ч въ нь же⁷⁷ от сквернения⁷⁸ Хоздроева святыи крестъ, Ераклиемъ бѣ носящимъ, въшедъ тогда възвратися, и всѣхъ персемъ ся наля.⁷⁹ Благовѣрныи же цесарь,⁸⁰ похваливъ силу крестьяную и цѣловавъ другую часть древа, юже *л. 386* ⁸¹съ собою ношааше⁸² на свое мѣсто опята. || Том же дне умрыи пріяи животъ одинъ, разслабленни⁸³ ицѣлѣша 4, прокаженных 10 оидистися,⁸⁴ слѣпыхъ 15 прозрѣ, мнози же от бѣсъ, от различныхъ недуговъ избавишася. Цесарь⁸⁵ же Ираклии обнови церкви запусѣвшая и плѣнники обрати на свободу. И добрѣ управивъ, въ градъ въ⁸⁶ Костянтинъ възвратися, и бысть царствія его лѣтъ 30.

Бысть же преди, егда Хоздрои прииде до Халкидона съ вои своими, бысть у него мужъ, именемъ Анастаси, съ пришедъ съ Хоздроемъ въ Халкидонъ, увидѣвъ^{86а} о честиѣмъ древѣ, оставивъ бо славу мирьскую, иде въ Ераполь, посемъ въ Иерусалимъ, и крестися, и бысть мнихъ въ лаврѣ святаго Савы. И възжелавъ по Христѣ мучень бысть, иде паки въ Персиду и ятъ бывъ от персь и мучень крѣпко, послѣди же усѣченъ бысть от Хоздроя. Мнихъ же нѣкто от монастыря мученика видѣвъ воя Ираклиевы, яко крестьяно⁸⁷ сущемъ,⁸⁸ принесе къ | нему^ш ризу мученика и повѣда^щ ему въ персехъ бѣснующася одѣвъ ицѣли.

Ираклии убо въ 20 лѣто царства его принесе въ Иерусалимъ честное древо. Епискупъ же нѣкый посланъ бысть отъ съборнаго епискупа на гречьскія части, и възять мощи святаго Анастаси, и принесе въ Кесарию, и ту давше малу часть, прочее удержаше. Чястнѣи⁸⁹ же главѣ мученика и иконѣ поклоняются вѣрнии въ велицѣмъ и ветоѣмъ Римѣ.

И по семь царствова сынъ его Костянтинъ лѣто едино и отравленъ умре. И посемъ Ираклинъ 4 мѣсяць. Съ принесе^в вѣнецъ царскыи въ святую Софью

По Ираклинѣ же царствова Коньстя, правнукъ Ираклиевъ, сынъ Костянтинъ, лѣтъ 27.⁹⁰ При томъ великъ вѣтръ и⁹¹ яръ, дунувъ, многа древа и велия ис кореневъ^м стерну, многи же столпы столбникомъ мнихомъ опроверже низъ.

л. 386 об. Нъ и срацинскыи лъжицпророкъ и началникъ Бохмитъ ис колѣна Измаи^ллева, сына Авраамля, родися. Иизаръ бо, Измаилево ищадье, отецъ имъ всѣмъ наречень бысть. Се убо роди 2 сына, Мудара и Равья. Мударъ же роди Кусаря, и Каитона, и Фемимина,^в и Асадона, и нѣкыи безъ именъ. Сии Мадѣнѣискую⁹² пустыню наслѣдивше, скоты питаху, въ куцахъ живуще. Суть же и внутрьнии сихъ, рекше далнии, не от сихъ колѣна, но от Нектонова колѣна, глаголемии омиритяне, рекше амани-тяне. Убогу же сущю преженареченому Болмиту, ключися ему наятися⁹ к женѣ богатѣ и сродници ему, нарицаемѣи Дигана, на вельблюдѣхъ куплю дѣветъ съ единоплеменники своими въ Егупеть и в Палестию. Таче по малу дерзну перелести жену, сущи вѣдовѣ ей, и поиметь ю собѣ женѣ. Пребывающю же ему въ Палестини, и пожи съ иудѣи и крестьяны, ловляше от исписания нѣкыхъ словесъ. Имяшеть же и страсть, | румы ши-

^х Испр. по Л; Т приближаше. ^ц Испр. по Л; Т ваменное. ^ч Испр. по Л; Т от. ^ш Испр. по Л; Т игему. ^щ Испр. по Л; Т побѣда. ^в В Т при принесе. ^м Испр. по Л; Т креневъ. ^б Испр. по Л; Т Фемимимина. ^з Испр. по Л; Т наяти.

⁷⁴ Доб. и. ⁷⁵ Доб. и. ⁷⁶ възходящимъ. ⁷⁷⁻⁷⁸ оскверненна. ⁷⁹ началаи. ⁸⁰ царь. ⁸¹⁻⁸² събою ношааше. ⁸³ раслабленни. ⁸⁴ оидистися. ⁸⁵ царь. ⁸⁶ Нет. ^{86а} увѣдѣвъ. ⁸⁷ крестьяномъ. ⁸⁸ Доб. и. ⁸⁹ честиѣи. ⁹⁰ Доб. и. ⁹¹ Нет. ⁹² Мадиаамскую.

бение въздручашеть бо ся, ибо жена его печальна бяша зѣло сего ради, яко велика рода сущи,⁹³ богата, и такому мужю съчетавшюся, не точию убога, но и румою шибена. Замысливъ же, рече к ней, яко страшно видѣние аггелское вижду, именованъ Гаврила, и не терпя его видѣния изънемагоу и въздручаюся. Вѣру же ятъ ему жена, лъжесвѣдѣтельствовавшю ему, мниху⁹⁴ лъжеименуяся лихааго ради притяжания и божие⁹⁵ бышю прельсти его, и тако жена прельщена бывши имъ, инѣмъ бесѣдовавши женамъ единоплеменьникъ своихъ проповѣда, яко пророку ему сущю. Прельсти же си лжющия, доиде⁹⁶ до мужа,⁹⁷ князя колѣна того, именованъ Вуваракъ. Жена же⁹⁸ умерши, Бохмиту остави багатство. Оттолѣ бысть славенъ,⁹⁹ и одержима бяше злая прелесть еретичества его странамъ ефривовьскимъ. Съ бо ненавистьникъ бесѣдова съ евръяны и съ крестьяяны, рекше съ арианы и несторияны, и от всѣхъ тѣхъ много приять.¹⁰⁰ от июдѣанъ единоначальствое,^{XI. 1} от арианъ же — слова и духа створена, от несториян же — чловѣкъслужения, от себе вѣру створи, и разврати всъ языкъ тъ, и научи я обрѣзатися¹⁰ мужемъ и женам, и единому поклонятися богу, а Христа не честити, яко слово божие, не сына же, но от духа свята рожена. Слова же и духа изъглаголема и на въздусѣ изливаема разумѣти, ни едино упостасъна ни² родителю, ни единосущствена. Святую же дѣвицю Марию не глаголати³ Богородицю, но Арону и Мосѣову сестру внимати сущю. Ни креститися, ни суботити⁴ их научи, ни законнымъ же еуаггелскимъ обычаемъ послѣдствовати, но отвращатися от Христа и стену распеньшюся Христу исповѣдати. Научи же я бышю закона отвергшимся не примати свиныхъ мяс, вина же всьма не примати. И рече себе ключару быти райскому. Сего ради день судный по престоаянии Мосѣовѣ израилтяномъ, яко преступники закону Муисинъ¹ и огню предати я. Абие же Исус престоаяти и отрещися пред богомъ, яко не глаголахъ себе сына божия. Крестьяномъ же, яко тако деръзнувшим пристроитися Христу имени и бога, сына божия, и слова выплощена, и распята благоеловившемъ — огню геоньскууму предани, будут. Таче себе нарече богочъстивящю, и сего ради ключару райскууму быти. Таче по отверзению райскууму имъ бышю, внити с нимъ 70 тысящъ. Прочимъ же обрѣтшимся грѣшникомъ харьтича написаны на шия навязаны имущи, в рай имъ внити. И симъ нарицатися «прощеники божии». Бохмич суть же и 3 рѣки в рай: 1 медвена, 2 молочьна, 3^{XIII. a} виньна. Женамъ же с ними быти, всяко бугажати ему,^b сластолюбъзная телеса ихъ. Июдѣомъ⁵ и крестьяномъ жерьтва огню бывшимъ, остави || же, самаритямъ,⁶ рече, да от прохода гноя ихъ от рая износятъ, яко да не⁷ съмрадятся рай. Кождо бо уже поживеть съдѣ ли богат, ли в нищеть, такоже и тамо. По смерти же послано⁸ на Бохмита явися на полудне звѣзда идокит, рекъше копие, проповѣдая аравитяне сихъ власть бысть за 30 днии. Томъ же лѣтѣ воеваше аравитяне — си древле глаголемии, пынѣ же срачини — Аравию оставивше, придоша въ страны Дамаскынъ⁹ и, съкъшеса съ грѣки, побѣдиша крестьяны и вселишася въ землю обѣтованую. Въ неижже в зимнѣи годинѣ износитъ орѣхъ, а въ знои финики, и многи творить олѣа, вина бо и смокви за 10 мѣсящъ изоблюють, прочихъ же плодъ 2-шды от года до года емлють. Величество же вина гръзнъ 2 на дрвѣ подымета, пиганъ же яко смоковница. Къ сѣвернуюю¹⁰ же предѣлу корень бывает пламянообразнѣи, именованъ ватъгарить, от негоже къ вече|ру съяет свѣт. Никии¹¹ же от чловѣкъ въскопати

¹⁰ Испр. по Л; Т брѣзатися. ¹¹ Испр. по Л; Т му.

XIII ^a Испр. по Л; Т оа. ^{b-v} Испр. по Л; Т ужати емь.

⁹³ Доб. и. ⁹⁴ Доб. нѣкоему ариану. ⁹⁵ Нет. ⁹⁶ Доб. и. ⁹⁷ муже. ⁹⁸ Доб. убо. ⁹⁹ Доб. зѣло. ¹⁰⁰ тѣхъ.

XI. ¹ единоначальствие. ² Нет. ³ глагола. ⁴ суботи. ⁵ Доб. же. ⁶ самаританомъ. ⁷ Нет. ⁸ Доб. и. ⁹ Дамаскынскы. ¹⁰ сѣверною. ¹¹ нѣкыи.

можеть его, зане въборзѣ^Г его уморит, и токѣмо аще къ корени прикоснется рукою. Округъ окопавше корения того и песь привязавше, вѣстергнеть корени того песь, послѣдствуя человѣку хотящо, и абие умреть песь. Корени же того прикасают^Д бѣсующимся, и отпускает бѣсу, от корени изгонишу.¹² Инѣ же градъ Галилѣискъ, рѣкы имыи, островѣта мѣста въ немъ же, ибо вѣтри вѣнѣ рѣкы суши пѣску в рѣку влекущо, абие мѣсто пѣсокъ тѣ въ стѣкло предлагаетъ,^Е и многи лодия¹³ присташа, стѣкляныи тѣ пѣсокъ извлекше.^Ж И паки вѣтри дунувше наполняютъ мѣсто то. Еще же и въ Палестини источникъ и цѣлѣбы подова, въ немже господь, путьшествовавъ, нозѣ умы. И древо стоитъ, всему *недугу*^З врачѣба. Егда Иосифъ, Христа въземъ съ святою Богородицею л. 388идиши въ Егупетъ, на || землю преклонися, древо поклонися, егоже образъ и доже¹⁴ и доныня хранять покланяние.

29.¹⁵ По Коньстѣ же царствова Костянтинъ, сынъ его,¹⁶ лѣтъ 17. При томъ бысть 6 сборъ въ^И Костянтинѣ градѣ,¹⁷ съшедшимся 100 и 70 святыхъ отецъ. Сему же сбору бяху старѣишины правовѣрнии: Феодоръ, Георгии прозвутера,¹⁸ Иоанъ урарьныи,¹⁹ зѣлосмотреници Агафонъ, папѣжъ римскыи, Георгии²⁰ Костянтиня града, Феофанъ Антиохийскыи. Тѣмъ сборъ²¹ поставленъ²² строение²³ же александрьскууму,²⁴ Петръ мнихъ иерусалимьскууму едина, ѥ зане престолома²⁵ вдовашима.²⁶ Бысть же сборъ на еретики, на Макарии,²⁷ и на Сергия, ^Кна Кура^Л александрьскаго, и на Пура, и на Павла, и на Петра Костянтиня града. Еще же и на обновившихъ еретичество Симоново. И²⁸ рекъшемъ еретикомъ:^М «Едина воля и²⁹ едино дѣяние на Спаса нашего Исуса Христа | и бога», яже проклять сборъ, възгласи 2 воли естѣственѣ, рекъше воли 2 естѣственѣ на единого Христа бога нашего показується. Тако же и святу Христа бога нашего образу сборъ изобрази. Тако на етерахъ иконахъ тако исписание агньца перстомъ Предтеча показуетъ, написано естъ, яко образу причтенъ благодатному, истиннааго намъ закономъ и пророки древле проявляя Христа, бога нашего, убо ветѣхъ³⁰ образныи стѣнь, яко истинѣ образи же предписания церкви и³¹ предавшимъ лобызаемъ, славяще отца и сына и святаго духа.

26.³² По^И Костянтинѣ же царствова Иустиньянъ лѣтъ 16. Съ воева на западъ и полони множество словѣнъ и избра от нихъ вои 30 тысящъ.

27.³³ По Устиниянѣ же царствова Леонтии лѣта 3.

28.³⁴ По Леонтии же царствова Апсимаръ, иже и Тиверии, лѣтъ 7.

29.³⁵ По^О Апсимарии же царствова Иустиянъ Къръноносы лѣтъ 7.

л. 388 об.

30.³⁶ По Устиниянѣ же царствова Фи||липикъ.³⁷

31.³⁸ По Филикии³⁹ же царствова Артемии⁴⁰ лѣта 2.

32. По Артемии⁴¹ же царствова Феодоси лѣта 2.

33.⁴² По Феодосии же царствова Леонъ Исаврянинъ, иже и Кононъ, лѣтъ 25. *Сеи*^И бѣ кузнецъ замочныи, идущую ему *путьмъ*,^Р приде къ источнику, обрѣте евреянина 2. И сѣдъшо ему у него, час бѣ яко 6, таче ютробовльншьбьникама⁴³ сѣжажета ему, яко держати ему Гречьское⁴⁴ царство. Леону же не вѣрующю, на свою великую нищету възирая, клятвами увѣрится от ненавидящю Христа тою, яко сему тако быти, аще ли егда ся сбудеть се все убо, елико испросита, беспрестани будетъ⁴⁵ има от не-

^Г Испр.; ^Т въвѣрзѣ, ^Л въверсѣ. ^Д Испр.; ^Т прикасаю; ^Л прикасаются. ^Е Испр. по ^Л; ^Т предълагаетъ. ^Ж Испр. по ^Л; ^Т извѣлкѣше. ^З Испр.; ^Т гу. ^И В ^Т въ повторено дважды. ^И Испр.; ^Т едана, ^Л же едина. ^{К-Л} Испр. по ^Л; ^Т Вакура. ^М Испр. по ^Л; ^Т ерекомъ. ^Н Испр. по ^Л; ^в ^Т отсутствуетъ киноарная буква п. ^О Испр. по ^Л; ^в ^Т отсутствуетъ киноарная буква п. ^П Испр. по ^Л; ^Т всѣ. ^Р Испр. по ^Л; ^Т тѣмъ.

¹² извѣмогу. ¹³ люди яко. ¹⁴ даже. ¹⁵ Нет. ¹⁶ Доб. Брадатецъ и умре прелогѣ. ¹⁷ Доб. лѣтъ 13 царства Костянтиня. ¹⁸ прозвутеръ. ¹⁹ Доб. и. ²⁰ Георгии. ²¹ сборомъ. ²² и наставника бывша Макариа потреблену быти. ²³ строенну. ²⁴ Доб. Петромъ. ²⁵ престоломъ. ²⁶ вдовящимъ патриаршескымъ. ²⁷ Доб. и нареченаго антиохийскаго престольника. ²⁸ Нет. ²⁹ Нет. ³⁰ ветхо. ³¹ Нет. ³² Нет. ³³ Нет. ³⁴ Нет. ³⁵ Нет. ³⁶ Нет. ³⁷ Доб. лѣта 2. ³⁸ Нет. ³⁹ Филипкии ⁴⁰⁻⁴¹ Нет. ⁴² Нет. ⁴³ Доб. да. ⁴⁴ чречское. ⁴⁵ будутъ.

го. Бѣ же близъ церкви святаго мученика Феодора. Абие же пригото-
вися⁴⁶ замчекователь Леонъ, имься святыхъ при градѣ олтаревныхъ,
дасть имъ ходатая мученика Христова Феодора и межи | их ходатаема
стояща пюдѣма въ двѣрехъ⁴⁷ церковныхъ и приимающа клятву от
него, таче кѣждо въсвои отиде. Бе же етеръ на вѣстоцѣ держакъ стра-
тижьство, патреки саномъ, именемъ Сисинии, воиники избирая. Въ нихъ-
же и Леонъ, пещьмъ истови⁴⁸ хитрець глаголемыи, наречени⁴⁹ вои-
никъ, таче мечникъ, царьмъ Феодосиємъ. ⁵⁰Таче тѣмъ царьмъ Феодосиємъ⁵¹
въ западныя страны посланъ въ ⁵²Кампилии, рекѣше Новъгородъ, от-
туду доиде царскихъ домовъ и от воиникъ⁵³ нареченъ бысть царемъ.
Феодосии же, кроткый царь, преже срѣтъ его, сънемъ вѣнецъ съ главы
своея и възложи на нь. И бысть Леонъ царемъ.

Таче придоста жидовина она, просящи у царя дара. Царю же от-
вѣщавъшю: «Аще что просита, то вама готово дано». Отвѣщавъша же бого-
хулиника, рекоста: «Сего просивъ у тебе, деръ||жавныи царю, да образъ
назарянина⁵⁴ Христа⁵⁵ и матере его Мариино⁵⁶ изъ всѣхъ церквъ ѡвидѣ-
ниа⁵⁷ да потребиши, и, се створивъ, будетъ ти царствовати за 100 лѣтъ
в родѣ своемъ». Он же обѣщася се створити.

И⁵⁸ възбѣсовавъся убо на правую и древною вѣру, призва Германа
патриарха, начать приближаться ему и говорити на царя, преже его быв-
ших, и⁵⁹ на патриархы, и на вся крестьяны, яко кумирслужителя, по-
кланяния ради святыхъ икон. Герману же⁶⁰ молящюся много и глаго-
лющю къ вѣлку: ⁶¹«Есть же въ градѣ икона⁶² Едесе — нерукотвореныи
образъ Христовъ, дивна чюдеса творя,⁶³ егоже самъ богъ въ убрूसѣ
своего образа Фадѣомъ исписани, ни человекъска⁶⁴ образа его, Авгару
земовластью въ градъ Едесъ посла и недугъ его исцѣли. Еще убо и апо-
столомъ^с Лукою изображена, и пречистыя богоматеръницѣ,⁶⁵ еще же
сущи еи вѣру святыи образъ | посла въ Римъ къ Феофилу, к немуже и
еуангелие⁶⁶ и Дѣяние святыхъ апостолъ посла, иже и и донинѣ чюдеса
творя.⁶⁷ Се же и 6-и сборъ всея вселенныя обрѣтъше покланяемымъ и⁶⁸
честьмомъ⁶⁹ приша». И ничтоже о нихъ изъглаголаша противу. Мучитель
же, рикая бещести, праведнаго изъгна, идолослужителя нарицая его,
и своима рукама бивъ^т святаго, исъ царскихъ полатъ изгна и. И сборъ
нечестивыхъ на святыхъ иконахъ створи, призва Германа, мня,^у да
послушаетъ его, да припишетъ на святыхъ иконъ. Преподобныи же не
послуша утѣшения и прегрѣше горькаго бѣса, паче, положивъ амфоръ,
отречеся святительства и тако изиде от среды ихъ. Богохулныи же царь
постави въ него мѣсто⁷⁰ Анастасиа, прозвутера великия церкви. И при-
ложися къ нечестью его, все же иконское изображение Иисуса Христа
и бога, и богоматеръницѣ, и всѣхъ святыхъ испроверже и съжже. И го-
нение ве||лие въздвиже, многи иерѣа и мнихи и простыца⁷¹ разъ-
личными муками ⁷²и смерть⁷³ приложи. Сихъ ради убо и великаго Рима
преестолникъ Григорий повинующимъся церковь его отрину, нелѣпаго^ф
еретичества его избѣгну, клятвѣми мирныхъ подѣ властью нѣмьческою
приимъ съ всею Италиею дани абие не дасть. Анастасиа же и сущихъ
с нимъ проклять. В та лѣта трусь бысть велии, и церкви и домове распа-
дошася мнози, и изъмроша людий бес числа, и земля потрясеса лѣта 2.
В то чину прескверныи лютыи Львъ умре прелоги, царь Леонъ.

л. 389

л. 339 об.

^с Испр. по Л; Т опустоломъ. ^т Испр. по Л; Т бивъ. ^у Испр. по Л; Т мня.

^ф Испр. по Л; Т нелѣпаго.

⁴⁶ приготовася. ⁴⁷ дворехъ. ⁴⁸⁻⁴⁹ Нет. ⁵⁰⁻⁵¹ Нет. ⁵² Нет. ⁵³ воинникъ.
⁵⁴ назанина. ⁵⁵ Нет. ⁵⁶ Мариинъ. ⁵⁷ съвѣдѣниа. ⁵⁸ Нет. ⁵⁹ Нет. ⁶⁰ Доб. богонос-
ному. ⁶¹ Доб. Слышахомъ, о царю, от нѣкихъ, и еще же и обрѣтохом от святыхъ
отець 6 събора всея вселенныя: «Встанеть царь иконоборецъ, ему же имя Кононъ.
Но се не буди при твоем царствии». Слышавъ же Леонъ, яко рече «при Кононѣ», отвѣ-
щавъ рече: «Вистину азъ есмь, и тако измлада еще съи нареченъ быхъ дѣтищемъ».
⁶² Доб. вь. ⁶³ творяще. ⁶⁴ человекъскаго. ⁶⁵ богоматере. ⁶⁶ Доб. написа.
⁶⁷ творят. ⁶⁸ Нет. ⁶⁹ честьмоимъ. ⁷⁰ Доб. нн. ⁷¹ просца. ⁷²⁻⁷³ смерти.

По Леонѣ же царствова Коньстянтинѣ⁷⁴ лѣта 34. Съ больма святых иконѣ отступисъ,⁷⁵ всю⁷⁶ написа никому же не глаголати вседе⁷⁷ свята угодники господня, но и мошемъ обрѣтаемымъ не радити,^х ни мольбы ихъ просити, ничто бо, рече, помогутъ⁷⁸ помощи, ни Мария призвати на мольбу, | ни паки же богородцю нарицати.⁷⁹

Пѣри семь померзе Поньтское⁸⁰ море 100 поприщъ, а в глубину локоть 2,⁸¹ на той же снѣгу падъшоу, въздрате другиихъ 20⁸² локоть. Февраля же на многи кры раскрушивъшюся, яко горы, тако по Судови доплуше къ граду. От великихъ же къръ тѣхъ 2 кърѣ оттергышися, едина^ч съкрушися, си же къ граду приде и от основаниа града потрясе повелику, и мнози домове распадошася. И априля мѣсяца течение звѣздное бысть до небеси, и оттергахуся на землю, яко видящимъ мнѣти уже сущи коньчинѣ. Тогда въздухъ възяся повелику. Въ Сурии же бысть трусь велии, земля же и межирѣчье за поприща 3 и расѣдъшюся^ч и етеру^ш въскыпивъшоу бѣду и пѣсѣчну землю, изиде иж нея мьска,^щ челоувѣчскомъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи наитъе языкъ, еже⁸³ бысть въборзѣ.

4. 390 35.⁸⁴ || По Коньстянти⁸⁵ же царствова Леонъ, сынъ его, лѣт 5, въ время благочѣстивъ бывъ, послѣди же прельстися.^б

36. По⁸⁶ Леонѣ же царствова Костянтинѣ, сынъ его, лѣт 17. При томъ благовѣрье нача быти, и слову божию расширитися,^м и мѣнастыремъ съ всею^б тишиною здатися. При семь челоувѣкъ, копавъ, обрѣтѣ раку написану: «Христосъ хочеть родитися изъ Марья дѣвы. Вѣрую въ нь при Костянтинѣ, Ирины при правовѣрнихъ^з ихъ⁸⁷ царь,⁸⁸ о солныце паки мя узрѣши».

При⁸⁹ семь бысть 7 сборъ. От Рима и прочихъ святыхъ престоль и сущимъ подъ царскимъ градомъ и всѣмъ епискупомъ и въ церкви святыхъ апостоль собравшемся, божественныхъ исписаниа наченъшимъ прочитати и прилагати^ю въ слухъ всѣмъ царемъ же и людемъ. Вѣсташа на ня Гноуютьзовьнаго учителя ученици, извълекъше своя меча, сборъ разориша. | Ихъ же царе⁹⁰ въ тѣ час изведу безъ оружия изъ града, рекше на пиръ въ Малагина, въ своя страны и бе-шести изыгнаша. Божественаго же Тарасия съ епискупи в Никииский градъ послаша я,⁹¹ бывшую святая *всѣя*^я вселеняя сбору, и приять церкви старую слою и первую красоту. 7 же⁹² сборъ бысть в Никии Фивейскимъ, спедьшимся ввторое 300 и 50 отецъ въ царство осмага лѣта^{xiv, a} Костянтина, Иринии, матери его. Сему сбору старѣишины бяху: Петръ, прозвутерь святаго Петра, и Петръ, прозвутери⁹³ и игумень святаго монастыря Савы, мѣстодержашее Ядрин, папезъ римский, Тарасия Костянтина града, Иоанъ, Георгии, Фома мнихъ и прозвутерь⁹⁴ и землихранители апостольскимъ престоломъ⁹⁵ апостольскомъ святою⁹⁶ Паитианъ⁹⁷ же Александрьския и Феодоритъ Антиохийскы,^б Илья иерусалимьскы на первыи || незаконно събрану Костянтиномъ, царствовавшимъ и незаконно нареченъ 7 сборъ на досажение^в и разрушение честныхъ иконѣ тѣщесловившемъ, яко богомъ тѣхъ крестьяни поклонишася. Прокленъше тѣхъ старѣишины, Феодосию ефесъскууму, нареченъ Пастила, Василии анътиохийскы, нисадиски, нарицаемаго Трькодильника, и честныхъ иконѣ изъначала дана церкви чисти обновивши, повелѣ искръ тѣхъ съ крестомъ поклонятися.

4. 390 об.

^х Испр. по Л; Т родити. ^ц Испр. по Л; Т едана. ^ч Испр. по Л; Т расѣдъшю а. ^ш Испр. по Л; Т теру. ^щ В Т слово повторено дважды. ^б Испр. по Л; Т перельстися. ^м Испр. по Л; Т рапитися. ^я Испр. по Л; Т всю. ^з Испр.; Т правовѣрнихъ. ^ю Испр. по Л; Т прилати. ^я Испр. по Л; Т своя. ^{xiv, a} Испр. по Л; Т сбора. ^б Испр. по Л; Т атиохийскы. ^в Испр. по Л; Т досажение.

⁷⁴ Доб. Гноетезныи. ⁷⁵ отступивъ. ⁷⁶ всюду. ⁷⁷ вездѣ. ⁷⁸ могут. ⁷⁹ Доб. и ⁸⁰ Нонетское. ⁸¹ 30. ⁸² 10. ⁸³ Доб. и. ⁸⁴ Нет. ⁸⁵ Коньстянтинѣ. ⁸⁶ о. ⁸⁷ Нет. ⁸⁸ цари. ⁸⁹ ри. ⁹⁰ Нет. ⁹¹ и. ⁹² Нет. ⁹³ прозвутерь. ⁹⁴ прозвутери. ⁹⁵⁻⁹⁶ апостольскому строю. ⁹⁷ Политианъ.

37. По^Г Костянтинѣ же царствова мати его Ирини едина лѣтъ 5.

38. По Оринѣ же царствова Никифорѣ лѣтъ 8 и полъ.⁹⁸ При семь Тарасию патриарху умършу, Никифорѣ поставленъ бысть в него мѣсто.

39. По Никифорѣ же царствова Ставракии, сынъ его, лѣто 1 и мѣсяца 2.

40. | По Ставрокии же царствова Михаилъ, зять его, лѣто 1 и мѣсяца 9.

41. По Михаиле же царствова Леонъ Армянинъ, иже преступникъ послѣже явися, лѣтъ 7 и мѣсяць 5. Свъзбѣсовався⁹⁹ бещисла, божественаго Никифора оземствова, Феодота постави в него мѣсто патриархомъ безъгласнѣиши рыбѣ.¹⁰⁰ Царь же, взискавъ,^{ХП, 1} обрѣте Днона аго конигочия,^е паче же и Аньна инога, ли Симона, въ мѣдяници вълшвениа^ж и отравы и зълыми дѣянни словущую инѣх нѣкиихъ ианитянь,³ и авритянь, и симонитянь единомыслящия ихъ, призоветь Никифора патриарха и² съ нимъ сущиимъ старѣишинамъ, епискупомъ и учителемъ пред болярскимъ сборомъ рече: «Вѣдати, яко нѣции глаголюще^и вѣсташа — не подобаеть кланятися иконамъ. Да съпритесь с ними о сихъ». Никифору || же глаголавшу, не послуша³ святый Ефимий, рече Съдрейскы:⁴ л. 391 «Вънимаи, царю, съпроста речениихъ. По нему Исус Христосъ приде на землю, доже и доныня 8 100⁵ лѣтъ преидоша повсюду стѣнико пишеться Христосъ, и на иконахъ покланяемъ есть. Кии убо^к сварливъ можетъ, толику времени минувшу, апостольскихъ предани и отечьскихъ,^л кто^м дръзнетъ отречися или преставити? Апостолу глаголющо: держите преданиа, ихъ же приясте ли словомъ, ли епистолиею, ли аггелъ съ небеси благовѣстуе⁶ вамъ паче же приясте, проклять да будетъ». С нимъ отвѣщавъ Феодоръ, студийскый⁷ игумень, глаголя: «Не престави, царю, устава церковнаго. Рече бо апостоль: „Ихже положи богъ въ церкви первѣ⁸ апостолы, второе же⁹ пророкы, третье пастыря и учителя, и не рече: царя“». Рече бо: «Тобѣ градскый уставъ данъ есть, о томъ же печалуиси, а¹⁰ церковь остави | пастыремъ и учителемъ по божественому слову. Аще ли не хочеша ихъ вънимати въры нашея ради, аще и аггелъ съ небеси съшеды и хотя развратити насъ, не послушаймъ его, ни тебе, царю». Томитель же, си¹¹ слышавъ,¹² ражѣдежеся¹³ яростью и всѣхъ¹⁴ досажениемъ изгна,¹⁵ и честнаго Феодора, изгнавъ, заточи, такоже и божественаго Никифора оземствова, постави въ него мѣсто Феодота,¹⁶ саномъ бывшу мечьнику и звѣрообразень. Оттолѣ убо обрѣтающимъ ся имущоу икону, кланяющимся, злыми ранами и муками губяше. И самъ окаяныи убиень бысть.¹⁷

По Леонѣ же царствова Михаилъ Самарянинъ¹⁸ лѣтъ 8 и мѣсяць 9.¹⁹

По Михаиле же царствова Феофилъ,²⁰ сынъ его,²¹ новыи Валтасаръ и богостудный,²² святымъ досадитель скверьныи,²³ лѣтъ 12 и мѣсяць 3, и умре прелогы.²⁴

По Феофилѣ же царствова Ми||хаилъ, сынъ его, съ матерію Феодорою л. 391 об. лѣта 4, а единъ 10 лѣтъ, а съ Василиемъ лѣтъ 30 и мѣсяци 4.²⁵ Феодора же

^Г Испр. по Л; в Т пропущена киноварная буква п. Д-е Вместо Иоанна, глаголемаго книжца (Хроника Амартола. С. 489, 23). ^Ж Испр. по Л; Т въния. ^З Испр. по Л; Т лштянь. ^И Испр. по Л; Т блюще. ^К Испр. по Л; Т у. ^Л Испр. по Л; Т течьскихъ. ^М Испр. по л; Т то.

⁹⁸ Доб. Ирину оземствова в Селовнѣстѣмъ островѣ. ⁹⁹ свѣсовався. ^{100-ХП, 1} Нет. ² иже. ³ послушавшу. ⁴ съдрейскый. ⁵ сотъ. ⁶ благовѣстуетъ. ⁷ Доб. и. ⁸ первое. ⁹ Нет. ¹⁰ Нет. ¹¹ Нет. ¹² Доб. и. ¹³ ражѣжеся. ¹⁴ яко левъ рикая и вся съ. ¹⁵ изгнавъ. ¹⁶⁻¹⁷ Доб. патриархомъ, мареченаго мечника. И се грѣшникъ и звѣрообразный. Далее текст: взятыя на благочестие, болма гоняше ю . . . и осужение дерзновенныхъ (Хроника Амартола. С. 491, 2-24; 495, 2.). ¹⁸ Амореанинъ. ¹⁹ Доб. и умре прелогы, не могъ мочити. И далее: При том Фома . . . крѣпляшеся, якоже и Давид (Хроника Амартола. С. 498, 18-27; 499, 20-21; 500). ²⁰⁻²¹ Нет. ²² Доб. и. ²³ Нет. ²⁴ Доб. (П)ри томъ срацини пришедше . . . злобы и неприязниства (Хроника Амартола. С. 501, 7-502, 23). ²⁵ Дальнейший текст отсутствует. В Л читается фрагмент: По умертвию же Васильевѣ . . . вся исповѣда ми свѣщаная (Хроника Амартола. С. 527, 1-532, 12).

та бѣше вѣрна и простославна, ввела же въ святыхъ Феодосия, мниху сущю, и постави патриарху. Вся же епискупи, Феофиломъ заточеныя и въ оземьствие посланыя, и вся съвокупишю, простославную вѣру утверди и святыхъ иконъ покланяние проповѣда 1-ю недѣлю поста святаго.

По сихъ же царь на агаряны изиде воевать. Дошедшю же ему Черныя рѣкы глаголемыя, вѣсть ему епархъ посла, яко русь на Костянтинъ градъ идуть. Тѣ царь прочее ни иде. Русь же, внутрь Суда вшедше, много убийство крестьяномъ створиша и въ 200 лодии Ко|стянтинъ градъ окружиша. Царь же, вшед едва въ градъ, вниде съ патриархомъ Фитиемъ къ суци церкви святыя Богородица Влахириахъ, всюнощною мольбу створиша. Имя же се приять мѣсто то, нѣкоторому князю скуфанику, Вѣлахирну нарицаемую, ту ему убьену быти. Та же божественая святыя Богородица ризу съ пѣснми изнесъше, въ море skutъ омочиша. Тишинѣ бывши и морю укротивъшюся, абие буря съ вѣтромъ вѣста, и вълнамъ велиямъ въздвигъшемся засобѣ, безбожьныхъ^н руси лодия възмате и къ берегу приверже и изби, яко мало от нихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути и въсво-яси съ побѣжениемъ възвратиса.

45. По Михаилѣ же царствова Василии лѣтъ 9, единоподержецъ бысть. л. 392 При семь тру||съ бысть з 40 днии, поченъ въ святаго Полуекта.

По Василие же царствова Леонъ лѣтъ 25 и мѣсяць 8.

По Леонѣ же царствова Александръ, братъ его, лѣто 1 и днии 29.

По Александрѣ же царствова Костянтинъ, сыновець его, и царствова съ матерью лѣтъ 7, купно же съ Романомъ,^о тестемъ^п своимъ, съ въ повиновении инѣхъ лѣтъ 27, единоподержецъ же лѣтъ 15, иже суть все лѣтъ^р царства его лѣтъ 55. При семь воева Сумеонъ съ болгары и, миръ створивъ, отиде.

49. По Костянтинѣ же царствова Ромонъ, поставленъ Костянтиномъ царемъ и Николою патриархомъ въ лѣто 36 428^с индикъта.

Иуня же мѣсяца въ 5 день придоша русь^т на Царьградъ въ лодияхъ, тысящъ 10, иже и скыди^у оба глаголемыи, от рода варяшскаго сущимъ. Много же и велие зло створиша русь, преже да|жъ греческимъ воемъ не приближышимся. Тогда бо Судъ^ф весь пожгоша, а ихже имше пльнныи, овѣхъ расъсѣваху, и ины же къ земли прѣсѣваху, а другия же, яко стража поставляюще, стрѣлами растрѣлаху. Елико же ратичскому чину заламляху,^х опакъ связавше руцѣ, гвозды желѣзны посреди главы вбиваху имъ. Елико ихъ бѣаше в Костянтинѣ градѣ съ Феофаномъ патрикиемъ, Феофанъ же, воя лоденныя нарядивъ преже и уготовивъ, потомъ же и слезами себе утвердивъ, руси^д ожидаше, въ лодяхъ на ня хотя ити, искръ столъпа, глаголемаго Форо стражница, в неijke огнь влагаемъ на просвѣщение ноци. Се^чна Устиняна сына добророднаго и Понта^ш стражи дѣя, зане^щчистоте развеличанья за страны наганье,^б иже изби Ираклии ту^ыдо наитья русьскимъ лодьямъ разруши устроены||мъ имъ.^б Прокъ же лодии обратиса на бѣгъ руеъ, и мнози погибоша.

л. 392 об.

По времени же царь Романъ долгою старостию и недугомъ изнемогъ, въ правду^з роженана Костянтина в лѣто 6453 индикта^ю третии по ряду на второе и третье своя воя утверди.^я На Романа же богъ попусти въ старости найти сыну своему Степану, якоже древле Авесолому на Давида.

^н Испр.; Т безбежьныхъ. ^о Испр.; Т Романо. ^п Испр.; Т темъ. ^р Испр.; Т ленѣ. ^с Следует 3428 (Хроника Амартола. С. 553, 1). ^т Испр.; Т рурь. ^у Испр.; Т скы. ^ф Испр.; Т съсудъ. ^х Следует изъимаху (Хроника Амартола. С. 567, 30).

^ц Испр.; Т туси. ^{ч-ш} Следует: наутриа Еуксина Понта, сирѣч Доброродна Понта (Хроника Амартола. С. 567, 8—9). ^{щ-ъ} Следует: честое ту разбоиничество на страцныя наганье (Хроника Амартола. С. 567, 10). ^{ы-ь} Следует: ту създа церковь . . . плькы русьскимъ лодиямъ разруши и устроеномъ огнемъ много сожже (Хроника Амартола. С. 567, 1—15). ^я Вместо въ прапруду. ^{ю-я} Ср.: днии три и порядку на 2-е и 3-е своя сыны, еже от нихъ явѣ утверди (Хроника Амартола. С. 570, 21—22).

Се с полаты злѣ сведе, в островъ оземьствовавше, и постригоша его чернорисцемь. ^{xv.} ^аОставле самодержець ^б Костянтинъ. ^вСего свѣта славу ^г мѣсяца декабря въ 20 в лѣто 6454. Романъ же царь въ старости умре.

И придоша по семь русь на Царьградъ ^д со княземъ своимъ Олгом в лодяхъ, множьству много, и покрыша морь Костянтине. Вои же въставиша лодья на колеса, ^е въздѣша парусы, вѣтру сущю велику, по | суху взимахуся лодья. Они же затвориша врата градъная, выслаша дары многи, злато и паволоки, мира просящи. Русь ^ж же створиша миръ, отступиша въсвои.

По малѣ же лѣтъ придоша на святое крещение съ княземъ своимъ Володимеромъ. Бысть же по строению божию слѣпу быти князю ихъ Володимеру в Курсуни, яко възложи руку ^з на нь епископъ въ святѣи купѣли, и абие прозрѣ. И оттолѣ приять земля Русьская святое крещение въ лѣто 6496 от створения миру. Аминь.

---

^{xv, a-6}, *Ср.*: оставленъ убо самодръжцемъ (*Хроника Амартола. С. 570, 30—571, 1*).
^{в-г} *Ср.*: сего зять (*Хроника Амартола. С. 571, 1*). ^д Слово стерто, читается с трудом. ^е Слово стерто. ^ж Испр.; *Г* сусь. ^з Испр.; *Г* ру.

Т. Н. ЧЕРНЫШЕВА

Композиция «Дигениса Акрита» и «Девгениево деяние»

«Дигенис Акрит» имеет большое значение в истории греческой литературы. Это признанная точка отсчета литературы Новой Греции.

В XIX в. европейские литературы были очень чувствительны к проблеме национального эпоса. Бурное развитие капитализма в европейских странах и связанный с этим рост национального самосознания привели в области литературы к возникновению и расцвету романтизма с его повышенным вниманием к национальной истории, с его попытками культурного самоопределения, к своеобразному культу фольклора как непосредственного носителя национальных особенностей. Сформировалось убеждение, что каждая литература должна начинаться с эпоса, по возможности фольклорного происхождения. Непременным признаком такого эпоса считалась его насыщенность национальным своеобразием. Это не было никем сформулировано, но отчетливо осознавалось всеми. Образцовыми произведениями эпического жанра считались «Илиада» и «Одиссея». Во всех европейских странах разыскивали рукописи собственных эпосов. Франция, располагавшая «Песней о Роланде», Испания — «Песней о Сиде», Англия — «Беовульфом» и Германия — эпосом о нибелунгах, чувствовали законную гордость. Народы, чьи героические песни не были оформлены в древности в законченное эпическое повествование, ощущали это обстоятельство как некую неполноценность национальной культуры. От этого недостатка старались избавиться. Так, Э. Ленрот в 1835 г. на основе народных финских песен создал национальный эпос Финляндии — «Калевалу», а А. Пумпур в 1888 г. составил латышский эпос «Лачплесис». Острая потребность в эпосе как отправной точке в развитии национальной литературы толкала поэтов даже на мистификации. Так, шотландский поэт Дж. Макферсон в 1765 г. создал сборник «Сочинения Оссиана, сына Фингала», где свои обработки кельтских преданий и легенд выдал за подлинные песни легендарного воина и барда Оссиана, а чех Вацлав Ганка оказался творцом даже двух «древних» рукописей — Краледворской (1817 г.) и Зеленогорской (1818 г.).

Новогреческая литература в отношении эпоса находилась в особом положении. С одной стороны, на нее распространялось обаяние античной культуры вообще и гомеровского эпоса в частности. С другой, сами греки ощущали, что имеют косвенное отношение к Гомеру, пожалуй, не многим большее, чем любая другая новая европейская литература. Поэтому, когда С. Иоаннидис в 1868 г. нашел в одном из монастырей Трапезунда рукопись эпоса о Дигенисе Акрите, она освободила души греков от тягостного ощущения национальной неполноценности и была встречена с подлинным ликованием.

«Дигенис» значит «двуродный». Из двух элементов — греческого и восточного — слагался в сущности и самый греческий народ византийской эпохи. Впоследствии восточный элемент в составе народа Новой Греции усилился еще за счет турецкого влияния. Во всяком случае, двуродность (греко-восточная) является фундаментальной особенностью современного греческого народа. Поэтому эпическое произведение, отражающее

эту особенность, по праву смогло стать национальным эпосом Новой Греции. Недаром греческая литература XX в. рассматривает Дигениса Акрита как символ греческого народа, а крупнейший новогреческий прозаик Никос Казандзакис заявил: «Верую во единого бога, который есть Дигенис Акрит, т. е. греческий народ».

Вслед за Трапезундской рукописью были обнаружены еще пять версий «Дигениса Акрита». Древнейшая рукопись, Гротта-ферратская, относится к XIV в. Все шесть рукописей стали объектами живейшего интереса со стороны ученых многих стран мира. Тщательное изучение «Дигениса Акрита» не прекращается и по сей день, затрагивая самые разнообразные аспекты произведения: исторический, социологический, литературоведческий, языковой и др. Синоптическое издание рукописей «Дигениса Акрита», предпринятое Эрихом Траппом в 1971 г., явилось серьезным подспорьем для исследователей этого произведения.¹

Изучая тексты «Дигениса Акрита», многие ученые отмечали, что некоторые мотивы в этой поэме повторяются дважды: например, битва со львом, с драконом и с апелатами происходит в 4-й и в 6-й песнях. Свадьба совершается в 1-й и 4-й песнях. Повторяемость мотивов обычно смущала исследователей. Ее относили за счет позднейших вставок, небрежности переписчика и т. п. Известный греческий историк литературы Константин Димарас даже отказал «Дигенису Акриту» в праве называться греческим национальным эпосом и вопреки восторженному отношению к нему со стороны представителей новогреческой поэзии определил это произведение по жанру как несовершенный рыцарский роман. Особую по отношению к парности мотивов в «Дигенисе Акрите» позицию занял Ганс-Георг Бек в своей «Истории византийской народной литературы».² Он счел дошедший до нас текст результатом искусственного объединения двух произведений: *Emir-Lied* и *Digenes-Roman*.

Но если внимательно приглядеться к композиции «Дигениса Акрита», можно заметить, что решительно все мотивы в его тексте повторяются дважды:

1. Рождение: а) мать Дигениса Ирина и б) Дигенис. 2. Брак путем умыкания: а) эмир похищает Ирину и б) Дигенис похищает Евдокию. 3. Посещение родителей: а) эмир посещает мать, б) Дигенис посещает отца. 4. На охоте Дигенис убивает двух медведей. 5. Битва со львом: а) на охоте, б) при встрече с императором. 6. Битва с драконом: а) на охоте, б) после свадьбы. 7. Битва с апелатами: а) после охоты (1-я песня), б) после свадьбы (6-я песня). 8. Мудрые советы: а) эмира матери (3-я песня), б) Дигениса императору Василию (4-я песня). 9. Супружеская измена: а) с дочерью Аплорравада Аиссэ, б) с амазонкой Максимо. 10. Смерть: а) родителей Дигениса, б) Дигениса и Евдокии.

Возможно ли, чтобы такая закономерность была результатом случайной порчи первоначального текста, соединения текстов или свидетельством неумения создать композиционно стройное произведение? Вряд ли.

Замечено также, что все отдельные мотивы «Дигениса Акрита» имеют многочисленные параллели в литературе других народов, в частности в ближне-восточной, и прежде всего в античной мифологии: 1) брак путем умыкания — Плутон и Персефона; 2) борьба со львом — Геракл; 3) борьба с драконом — Геракл и Лернейская Гидра, Персей; 4) борьба с разбойниками — Тесеи; 5) супружеская измена — похождения Зевса; 6) смерть от болезни — Геракл; 7) мудрые советы — «Труды и дни» Гесиода; 8) посещение родителей — Тесеи; 9) рождение героя и его богатырский рост — Геракл. В античной мифологии и литературе отсутствует только мотив битвы с медведем. Удвоенность же мотивов в «Дигенисе Акрите» представляется индивидуальной особенностью этого греческого

¹ Digenes Akrites: Synoptische Ausgabe der ältesten Versionen // Wiener byzantinischen Studien. Wien, 1971. Bd 8.

² Beck H. G. Geschichte der Byzantinische Volksliteratur. München, 1971.

эпоса. Не исключено здесь и влияние Нового завета, где удвоенность некоторых мотивов до сих пор вызывает controversy исследователей;³ дважды происходит там, например, чудо умножения хлеба и рыб. С евангелием сближает византийский эпос и двойственная природа главного героя: как уже говорилось, «Дигенис» означает «двуродный» — он сын арабского эмира и гречанки.

Типологические особенности «Дигениса Акрита» становятся более наглядными при сопоставлении с его древнерусским переводом — «Девгениевым деянием». Древнейший список «Девгениева деяния», как известно, сгорел вместе с рукописью «Слова о полку Игореве», принадлежавшей Мусину-Пушкину. Известны только позднейшие списки — Тихомировский, Погодинский, Титовский. По особенностям языка специалисты относят перевод к XI—XII вв. Это значит, что греческий оригинал этой версии является более древним, чем Гротта-ферратский список «Дигениса Акрита».

Долгое время основные усилия исследователей были направлены на определение пути эволюции от «Девгениева деяния», которое полагали более или менее тождественным архетипу «Дигениса Акрита», до Гротта-ферратского списка. Многократно предпринимались попытки их сопоставления как в плане отдельных эпизодов,⁴ так и в целом.⁵ Последняя из них сочетается с тонким анализом фольклорной стихии «Девгениева деяния». Общий вывод О. В. Творогова таков: «Девгениево деяние — поздняя переделка, значительно фольклоризированная и русифицированная, не дошедшего до нас древнего перевода» (Тв, 92). Но разве нельзя представить, что произведение претерпело изменения не в процессе длительного бытования на Руси, а в момент перевода?

Сопоставим текст «Дигениса Акрита» (по синоптическому изданию Э. Траппа) с текстом «Девгениева деяния» (по суммарному изданию В. Д. Кузьминой).⁶

Обращаем внимание прежде всего на композиционные элементы как на более инвариантные. При этом мы видим, что в русском тексте: 1. Эпизод охоты близок к «Дигенису Акриту» текстуально. 2. Сохраняется удвоение мотивов а) битвы с медведем и б) свадьбы; вводится удвоение мотивов а) стычки героя с противником и б) встречи героя с богатыршей. 3. Не сохраняется мотив супружеской неверности. 4. Изложение всех мотивов отличается от греческого оригинала этикетом, известным по произведениям русского фольклора, в частности по былинам. 5. Отчетливее ощущается агиографический характер. 6. Греческие реалии заменяются местными.

Рассмотрим внимательнее судьбу отдельных эпизодов «Дигениса Акрита» в «Девгениевом деянии». Охотничьи подвиги в русском фольклоре трактуются так же, как и в греческом. Удадь на охоте приличествовала славянскому богатырю не менее, чем византийскому. Вероятно, это и способствовало буквальному сохранению эпизода охоты, включая битву с медведем.

О рождении героя греческий эпос информирует предельно скупо: родился младенец, назвали так-то. Русская версия сообщает при этом интересные подробности: «. . . и нарекоша имя ему Акрит, и крести его божественным крещением, в том крещении и нарекоша имя ему Девгений» (К, 170). Это несомненно отражает обычай в Руси домонгольского периода давать человеку два имени: языческое и христианское.

³ См.: Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. С. 47—48.

⁴ См.: Schmaus A. Philopappos-Maximo Szene und Kaiserepisode im Altrussischen Digenes // Byzantinische Zeitschrift. 1951. № 44. S. 495—508.

⁵ См.: Творогов О. В. Переводная беллетристика XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 180—194 (далее в тексте: Тв).

⁶ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962 (далее в тексте: К).

О свадьбе повествуется со множеством подробностей. При общем тождестве мотива брака путем умыкания этикет поведения Дигениса во время сватовства и на свадьбе значительно отличается от этикета поведения Девгеня. Дигенис галантен по отношению к прекрасной Евдокии, признает за ней право любить другого и в этом случае не намерен чинить ей препятствий (Тв., 194—195). Девгений в этой ситуации заявляет Стратиговне: «Аще бы я бога не боялся, смерти бы предал тя. Дажь мне ответ вскоре, что имаше на уме? Хочешы слыти Девгениева Акрита жена, или требуешы ему быти раба полоненна?» (К, 148). Дигенис почтителен со Стратигом и братьями невесты (Тв, 41—43). А Девгений, даровав по просьбе невесты побежденным свойственникам жизнь, связывает их и тащит за собой. Он даже собирается «положить им на лице знамение», как обычным своим пленникам, и, лишь уступая просьбам Стратиговны, соглашается на выкуп (К, 151—152). Эпизод похищения невесты в «Девгениевом деянии» расширен мотивом ожидания погони. Девгений мог бы довольно далеко ускакать со Стратиговною, ~~но~~ не опомнились Стратиг с сыновьями. Однако кодекс чести богатыря требует сразиться с отцом невесты, чтобы тот не мог сказать: «. . .пришед и обольстив, побеже от нас» (К, 150). В ожидании Стратига Девгений хочет вздремнуть и просит невесту: «Сяди, обыщи ми главу мою» (К, 150). В целом встреча Девгеня со Стратигом аналогична фольклорному мотиву встречи героя с драконом. От этого и Стратиг приобретает зловещие «драконь» черты.

В «Дигенисе Акрите» отсутствует мотив ожидания противника. Стратиг греческого эпоса, услышав голос похитителя дочери, немедленно отправляется в погоню. Встреча Дигениса с тестем и братьями невесты происходит по правилам рыцарского поединка.

Свадьбу Девгеня справляют три месяца в доме невесты, а затем еще три месяца в доме жениха. Следует подробная опись приданого невесты и подарков жениху (К, 152—153). При всей эпической гиперболизации в этом фрагменте несомненно описывается свадебный обряд Древней Руси. В «Дигенисе Акрите» свадьба совершается сначала в доме жениха, а затем в доме невесты, приводится опись приданого и подарков не только жениху, но и невесте. Списки подарков в греческой и русской версиях не совпадают, что тоже свидетельствует о том, что повествование в обоих случаях строилось в согласии с местными обычаями. Формы этикета, отраженные в греческом произведении, согласуются с кодексом поведения, известным нам по любовной лирике западного средневековья, этикет же русского текста — тот же, что в сказках и былинах. Однако греческий оригинал все время просматривается сквозь древнерусский перевод, и заканчивается описание свадьбы героя одним и тем же сюжетным ходом: Дигенис уединяется с Евдокией где-то на границе Романии (Византии) на реке Евфрате (Тв, 45), а Девгений «сам начат жити и ловы деяти, зане быше охочь един храбровать» (К, 153).

Поведение Стратиговны в «Девгениевом деянии» отличается от поведения Евдокии в «Дигенисе Акрите» не менее, чем поведение уже рассмотренной пары Девгений—Дигенис. Стратиговна оказывается богатыршей, «имеет мужескую дерзость и храбрость» (К, 177) в отличие от кроткой Евдокии греческого эпоса. Это дает возможность сопоставить ее с воительницей Максимианой (в греческом оригинале — амазонка Максимо) и тем самым отметить в «Девгениевом деянии» новую для данного сюжета парность мотивов встреч героя с богатыршами. Каждая из них готова стать женой героя. На судьбу же его влияет предсказание: «А Девгеню написано: аще прикоснешися Максимане и жития его шестнадцать лет, аще совокупится со Стратиговною, то жития его тридцать шесть лет» (К, 178). Пророчество это отсутствует в греческом оригинале.

Очевидно, удвоенность мотивов в «Дигенисе Акрите», как и двойственное происхождение героя, не имели в глазах древнерусского переводчика важного значения. Но, может быть, снимая удвоенность семи мотивов

(посещение родителей, мудрые советы, битва с разбойниками, битва со львом и драконом, супружеская измена, смерть), он пытался отчасти восполнить эту потерю, удваивая два других мотива (стычка с противником и встреча с богатыршей).

Из двух мотивов посещения родителей «Девгениево деяние» сохраняет посещение царем Амерой его матери. Причем в «Дигенисе Акрите» эмир, уже крещёный, после свадьбы собирается с женой и маленьким сыном посетить мать, по ее просьбе. Этому противодействуют братья жены. Один из них видел вещий сон, будто эмир собирается бежать с женой из Романии к себе на родину. Эмиру приходится ехать одному. Он прощается с женой, едет на родину и убеждает мать и родственников креститься и переселиться вместе с ним в Романию. Эмир возвращается к Ирине с матерью, родственниками и богатыми дарами. В «Девгениевом деянии» Амера, еще некрещёный, едет перед свадьбой на родину повидаться с матерью и собрать вено. Он не обращает мать в христианство, а обмашивает ее своим намерением «пакости творити в греческой земле» (К, 166), нагружает на верблюдов богатства и возвращается к невесте, где «сотвори брак велик, преславен зело по три месяцы» (К, 168). Узнав об обмане, разгневанная мать посылает к сыну послов, чтобы те вернули Амеру вместе с женой и ребенком на родину. Вещий сон в «Девгениевом деянии» видит жена Амера, нигде не названная по имени. «Книжницы и фарисеи» истолковывают его как предвещение опасности, грозящей царице. Ее братья сначала подозревают в коварстве Амеру, затем по указанию толкователей находят «срачинских послов», побеждают их, силою обращают в христианство и ведут «жити у Амира (Амеры) царя». Русская версия, таким образом, предпочитает пропаганде «горячим словом убежденья» решительные действия.

В греческом тексте мотив посещения родителей пересекается с мотивом мудрых советов. Формально их объединяет действие посещения. Амир посещает мать, император Василий — Дигениса. В обоих случаях мудрость исходит от юного героя. Сцена встречи с царем Василием в русской версии, известная только по Тихонравовской рукописи, на первый взгляд, имеет мало точек соприкосновения с греческой: перекликаются лишь имена действующих лиц и место действия — берега реки Евфрат. Вместо мотива о юном советчике царя мы видим мотив столкновения богатыря с царем. Это дало повод А. Грегуару еще в 1941 г. высказать предположение, что «Девгениево деяние» является переводом греческого архетипа — «Дигениса Акрита», более демократического по характеру, чем позднейшие версии, приспособленные к новым социальным условиям в Византии.⁷ Для Грегуара столкновение Девгения с царем Василием послужило основой, на которой он создал свою гипотезу о том, что «Дигенис Акрит» возник в павликианских кругах (известно, каким гонителем павликиан был Василий I) и что запрещенная в Византии павликианская версия эпоса попала на Русь через болгарских павликиан. Однако гипотеза А. Грегуара не нашла подкрепления в источниках.

Еще А. Шмаус обратил внимание на то, что в «Девгениевом деянии» столкновение Девгения с царем Василием сходствует с его битвой с Филиппом и Максимианой. Русская версия заменяет, таким образом, удвоенный мотив мудрого советника удвоенным мотивом боя. Надо сказать, греческий текст дает для этого некоторые основания: соответствующий эпизод происходит там в атмосфере сильного взаимного недоверия. Дигенис отказывается ехать к императору, возможно, чувствуя себя в большей безопасности среди своих, и требует, чтобы император прибыл на встречу с небольшой свитой. Император вынужден принять условия, но все же он едет к Дигенису в сопровождении вооруженных телохранителей. Встреча сопровождается демонстрацией доблести Дигениса. Он укрощает

⁷ Grégoire H. Digenis Akritas. New York, 1924. P. 295—299.

дикого коня, голыми руками убивает разъяренного льва, от которого в страхе бежал император. Доблесть же Девгения обращена не против диких зверей, а против царя с его войском. Царь Василий в страхе бежит от Девгения. При тех же опорных моментах сцена встречи героя с правителем в «Девгениевом деянии» развивается по чину русских былин — таких, например, как «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» и «Бунт Ильи Муромца против Владимира».⁸ Отвлеченные наставления и метафоры греческого текста замещаются здесь действенным уроком уважения к богатырю.

В «Дигенисе Акрите» герой дважды встречается с атаманом апелатов Филопапом. При первой встрече Филопапп расхваливает Дигенису выдержку и разбойную удаль апелатов. Во второй раз Филопапп и его апелаты сражаются с Дигенисом. Побежденный Филопапп призывает на помощь свою родственницу и союзницу Максимо. Дигенис, разумеется, один побеждает всех, но не может устоять перед женской прелестью Максимо. В «Девгениевом деянии» (по Погодинской и Титовской рукописям) сражению Девгения с Филипаппом и Максимианой предшествует обмен посланиями, отсутствующий в «Дигенисе Акрите». Героя вызывают на реку Евфрат, и он едет ради удовольствия явить свою доблесть. Победив противников, он отправляет их связанных в подарок родителям.

Сопоставление этих центральных эпизодов повествования показывает, что именно здесь пролегает межа, разделяющая два эпоса, две культуры. Каждое из произведений являет образ идеального эпического героя. Каждый герой чтит богатырский кодекс чести своей земли и старается ему следовать. Для Девгения достаточно подвигов ратных. Византийский эпос трансформируется на Руси в русский богатырский эпос свадебного типа. Поэтому «Девгениево деяние» завершается свадьбой Девгения со Стратиговой: «И жити нача добре и скончаса со Стратиговой» (К, 184). Эпизод встречи героя с царем Василием сохраняет известную самостоятельность (как отдельная былина).

Дигенис же в качестве идеального героя обязан превзойти всех людей не только силой, но и мудростью. Его отец, эмир, красноречием обращает свою мать в христианство; сам он, блистая красноречием, дает мудрые советы императору. Кроме того, ему как идеальному герою надлежит с честью похоронить родителей (7-я песня). И наконец в самой смерти он должен быть образцом для людей. Поэтому вся 8-я песня посвящена описанию его кончины вместе с любимой женой, поэтому и мотив смерти в «Дигенисе Акрите» разработан так подробно. («Девгениево деяние» лишь упоминает об этом в конце повествования.)

Христианские элементы в «Дигенисе Акрите» (изложение эмиром символа веры для обращения в христианство матери и родственников — 3-я песня; покаяние Дигениса — 6-я песня) не были по существу развиты в древнерусской версии, несмотря на появление там отдельных агиографического типа оборотов вроде «Бе некая вдова царска роду и предала себя ко спасению, от церкви николи же отхождаше» (К, 157) или «Радуйтесь, отче с матерью моею, вашу молитвою и Божиею помощию все по мне збылося» (К, 184).

Итак, мы имели возможность убедиться, что мотив греческого эпоса последовательно обращен в его русской версии в мотив русского фольклора; что греческие реалии заменены там русскими (например, музыкальный инструмент, на котором играет греческий герой — *τάρμπορι* — вид лютни, обращается в гусли); что сюжет в общих чертах сохранен, хотя значительно сокращен размер произведения (против 3749 стихов Гроттаферратской рукописи «Дигениса Акрита» — 510 строк Тихонравовской рукописи «Девгениева деяния»). Заметим еще, что христианское имя героя, Девгений, является контаминацией неизвестного на Руси имени

⁸ Былины. 2-е изд. Л., С. 324, 330—333. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Дигенис с уже известным Евгений; христианское же имя героя греческого эпоса, Василий, в русском тексте отсутствует. Название должности — акрит (пограничник) — обращено там в собственное имя. Таким же путем появились в русском тексте царь Амир (Амера) — ἀμῆρας, Стратиг — στρατηγός. Христианское имя дочери Стратига, Евдокия, в «Девгениевом деянии» не упоминается; она известна там только по отчеству, как Стратиговна (ср. Ярославна).

Итак, представляется, что «фольклоризация и русификация» «Дигениса Акрита» были делом не времени, а самого русского переводчика, еще не следовавшего жестким нормам дословного перевода. Явления подобного «приспособления» переводимого произведения к своей культуре известны и новейшему времени. Так, в XIX в. при переводе «Илиады» Гомера на украинский язык она под пером Ст. Руданского обратилась в «Ильенянку», а Ἀχιλλεύς Πηληϊάδης — в Ахилло Пелейенко. Нет ничего от трагедии и в переводе П. Нищинского «Антигоны» Софокла, хотя хор фиванских старцев и поет у него украинскую народную песню «Ой, не шуми, луже. . .» Даже в XX в. при переводе сербского эпоса на украинский язык переводчик не смог сохранить образ матери, по-змеиному шипящей от горя. У него мать в горе летит кукушкой по реке (ср. «Слово о полку Игореве»).

Всякий перевод неизбежно связан с потерями и находками. Их баланс зависит и от степени развития воспринимающей литературы, и от индивидуального чутья переводчика. Неизвестный нам древнерусский переводчик «Дигениса Акрита» проявил, как представляется, обостренное чутье при сопоставлении двух культур: угадав значение переводимого текста для греков, он нашел способ сделать его своим для русских. Изменения, которые при этом претерпело произведение, обусловлены несовпадением «культурного времени» передающей и воспринимающей литературы.⁹ Напомним, что славянский мир не знает других древних переводов «Дигениса Акрита».

⁹ Ср.: Дерюгин А. А. Третьяковский — переводчик. Саратов, 1985. С. 98.

Н. М. ТУРЦОВА

Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в.

В ярославской иконописи второй половины XVII в., отличающейся тематическим разнообразием, усиливается интерес к отечественной истории, сюжетам как религиозного, так и светского характера. Особое внимание уделяется событиям, связанным с Киевом и киевскими князьями. Возрастание интереса к киевской теме в Ярославле этого времени особенно заметно на фоне его многовековой истории культуры. Данная тема до XVI в. затрагивалась сравнительно редко, тогда как в XVI—XVII вв. становится заметным явлением в искусстве. Во второй половине XVII в. в ярославской иконописи большое распространение получают сюжеты из Киево-Печерского патерика, например «Богоматерь передает царьградским зодчим икону своего Успения», «Царьградские иконописцы приходят к Никону Печерскому», «Киевское чудо о соутопшем дегтище» из жития Николы и другие. В станковой и монументальной живописи часто встречаются изображения крестителя Руси киевского князя Владимира и его предшественницы княгини Ольги. Их именами назван ряд приделов и престолов ярославских храмов рассматриваемого периода.

В данной работе мы остановимся подробно на нескольких, как нам кажется, наиболее значительных памятниках иконописи Ярославля второй половины XVII в., в которых нашла отражение киевская тема, попытаемся объяснить причины ее распространения.

В первую очередь мы остановимся на двух иконах, в состав клейм которых включены сюжеты из Киево-Печерского патерика. Первая — «Богоматерь на престоле с тридцатью двумя клеймами» собрания Ярославского Художественного музея, выполненная, как предполагает В. Г. Брюсова, около 1682 г.,¹ вторая — «Богоматерь на престоле с со-

¹ О датировке см.: Брюсова В. Г. Семен Спиридонович Холмогорец — икограф XVII в. (1642—1695 гг.): К вопросу о холмогоро-устюжской школе живописи // Ежегодник Института истории искусств. 1960: Архитектура и живопись. М., 1961. С. 277. Инв. И—478; 156×107 см.

Пояснительные надписи к клеймам передаются следующим образом: выносные буквы обозначены курсивом, титла раскрываются и восполняемые буквы заключаются в скобки, на месте утраченных букв и слов — многоточие.

Перечень клейм и сопровождающие их тексты: 1) Пророчество Исайи: «Се д(е)ва во чреве примет и родит с(ы)на, и нарекут имя ему Е(м)мануил»; 2) Рождество Богоматери; 3. Введение во храм; 4. Благовещение; 5. Рождество Христово; 6. Сошествие святого духа; 7. Евангелист Лука, пишущий образ Богоматери; 8. Успение Богоматери; 9. Вознесение Богоматери; 10. Чудо в Лидде; 11. Чудо о приведении в Анастасиупольский монастырь кораблей с житом; 12. Чудо отроку Герману: «С(вя)тый Герман отрочий вниде в монастыр и узре образ Б(огоро)д(и)цы, на руках Х(ри)с(та) держащ. уме усе в ру. . яблоко и дава оно. . Х(ри)стунко отротачи и тогда образ Б(огоро)д(и)цы простре руку и принел»; 13. Патриарх Герман отправляет икону Богоматери в Рим по морю: «С(вя)тый Герман патриарх Пусты . . . Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы при из заточения на м. . . к папе с(вя)тому Григорию. . . и постави во ц(ер)кви»; 14. Отсечение руки Иоанну Дамаскину и исцеление: «С(вя)тому Иоанну Дамаскину. . . сече кн(я)з сарац. . . руку, он же приложи к осна Б(огороди)це пред обр(а)зом ея . . . д. . . исцелит, и во сне показася Б(огоро)д(и)ца и руку . . . . .»; 15. Исцеление

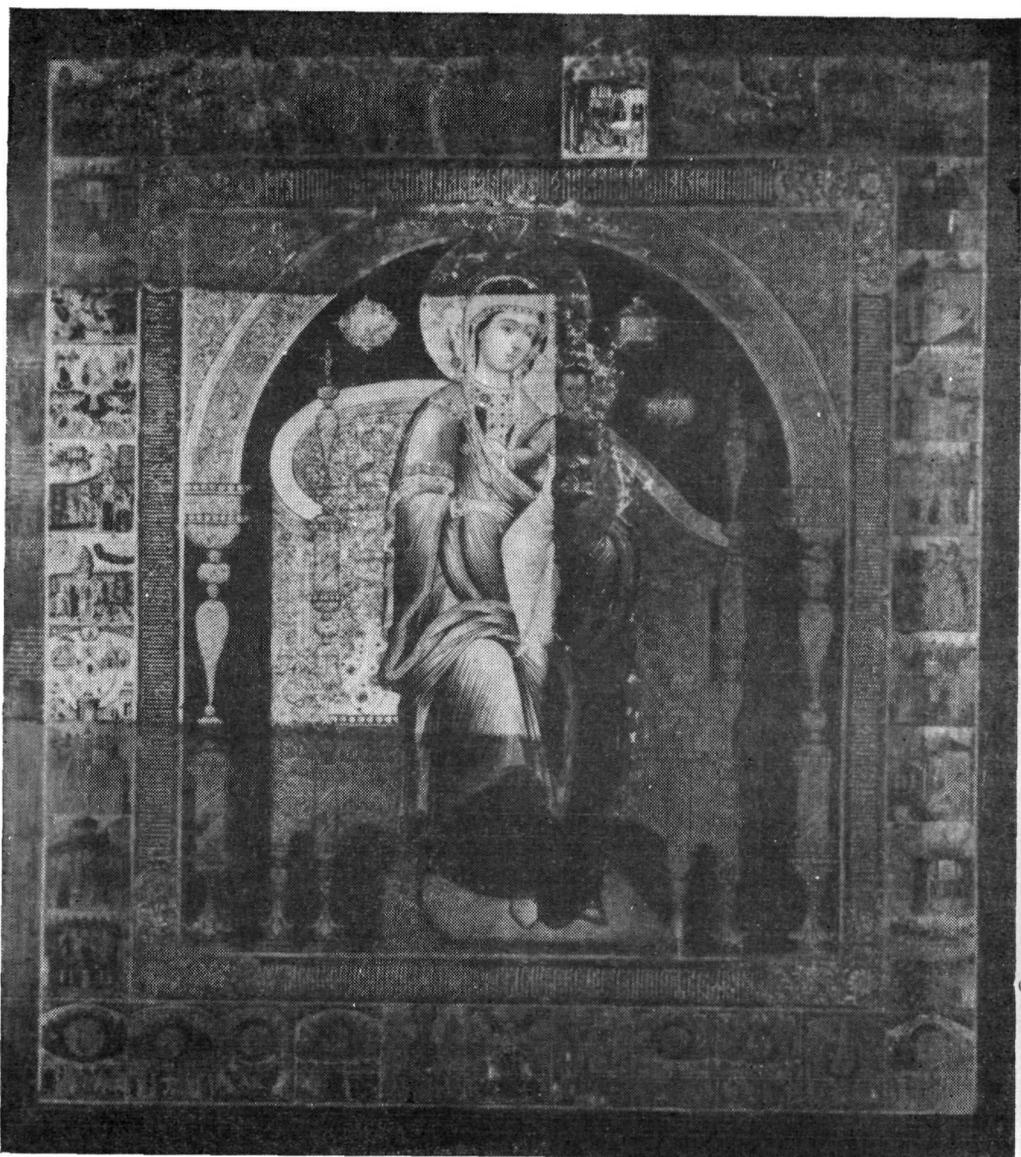
Семен Спиридонов Холмогорец и мастер его круга. Икона «Богоматерь на престоле с тридцатью двумя клеймами». 1682 г. Ярославский художественный музей, инв. № И-478. 156×107 см.

рока клеймами» Русского музея, судя по авторской подписи, была завершена 29 декабря 1687 г.² Эти произведения интересны в первую очередь

царя Феофила-иконоборца: «Феофилъ ц(а)рь иконобо. . . ц? боле . . . чадъ икон ради с(вя)тых и в болезни раз. . . езоп на уста его явися внутрен. . . ц(а)р(и)ца Феодора принесе. . . абие изцеле»; 16. Богоматерь живоносный источник; 17. Покров; 18. Чудо Богоматери Домоустроительницы-Экономиссы Афанасию Афонскому; 19. Богоматерь передает царьградским зодчим икону своего Успения: «Призва Влахерну б(огоро)д(и)ца муляров, злата даде икону и посла в Киевъ предстоящимъ же ту Антонию и Феодосею»; 20. Царьградские иконописцы приходят к Никону Печерскому: «Приидоша из того Б(о)гохранимаго К(о)н(с) тантина г. . . да ис. . . цы Нион писания ко бл(а)жен(н)ому Никону ижемену»; 21. Чудо от иконы «Богоматерь Знамение». Битва новгородцев с суздальцами; 22—23. Символические изображения «похвал» Богоматери.

² ГРМ, ДРЖ—2894, 169,5×137×4. — Поступила в ГРМ в 1957 г. из Ярославского музея. Происходит, по-видимому, из церкви Николы Мокрого в Ярославле. Перечень клейм и сопровождающие их (сохранившиеся) тексты: 1. Пророчество Исайи (сопровождающий текст идентичен пояснительному тексту к первому клейму иконы И—478); 2. Рождество Богоматери; 3. Введение во храм; 4. Благовещение Богоматери; 5. Рождество Христово; 6. Сошествие святого духа; 7. Евангелист Лука, рисующий образ Богоматери: «С(вя)тый ап(осто)ль Лука написал образ пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы и принесе к ней, она же благослови»; 8. Успение; 9. Вознесение Богоматери: «Егда видеша ап(о)ст(о)ли на воздухе пр(е)с(вя)тую б(огоро)д(и)цу со анг(е)лы и глаголюще прес(вя)тая»; 10. Чудо Богоматери в Лиде: «Егда ап(о)ст(о)ли Петръ Иоа(н)нъ в Лиде на . . . пр(е)ч(ис)той Б(огоро)д(и)це создаша ц(е)рк(о)вь, в то час образ пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы чудесно показася»; 11. Чудо о приведении в Анастасиупольский монастырь кораблей с житом: «С(вя)тыя Феодор Сикеот бл(а)гоговени ко при. . . д(е)ве, егда недоста в м(о)н(а)ст(и)ре пшеницы, повеле останок постави на олтар; тогда м(о)л(и)тве прес(вя)тыя д(е)вы приде в монастырь триденит кор. . . лей жита»; 12. Чудо отроку Герману: «С(вя)тыя Германъ отроча сый иде в монастырь и узре образ м(а)т(е)ри . . . б(о)жий Хр(и)ста на ру. . . в руке своей. . . »; 13. Патриарх Герман отправляет икону Богоматери в Рим по морю: «С(вя)тый Германъ патриархъ посла образ в Рим на море пустыши пр(е)с(вя)тыя б(огоро)д(и)цы ко Григорию папе римскому. Он же откровением б(о)жим Изде во ср. . . ление»; 14. Отсечение руки Иоанну Дамаскину и исцеление ее: «С(вя)тому Иоан(н)у Дамаскину кн(я)зь сорадинский неприя(е)дн отсикоша руку, он же молишеся пр(е)с(вя)теи Б(огоро)д(и)цы пред образом ея исцеление получи»; 15. Исцеление царя Феофила — иконоборца: «Феофила ц(а)р(и)ца Феодора в. . . ем образ пр(е)ч(ис)тыя д(е)вы со младенцем даде ему целовати в тои час оуста ему обратипася»; 16. Богоматерь живоносный источник: «Чюдеса пр(е)с(вя)тыя б(огоро)д(и)цы от источника ꙗ—Я»; 17. Покров; 18. Чудо Богоматери Домоустроительницы-Экономиссы Афанасию, игумену Афонскому: «. . . Афон. . . игумен Афанасий с(вя)тый вышел из монастыря сво.о недо. татка ради его вер.ѣте пр(е)с. . . я д(е)ва к но послѣ возврати . . в монастырь сама строителъ царыти и оуверения ради . . . мвъ оудари абие изго. . . изыд и невидима»; 19. Богоматерь передает царьградским зодчим икону своего «Успения»: «В Ц(а)реграде пр(е)с(вя)тая Б(огоро)д(и)ца, призваши к себе зодчихъ Влахерну, повеле имъ итти в Киевъ ц(е)рк(о)вь создати во имя свое и дао злата и с(е)ребра имъ и образ оупения своего»; 20. Видение зодчим церкви в воздухе: «Делатели же и. . . из лажеры от пр(е)с(вя)той Б(огоро)д(и)цы и видеша на воздухе»; 21. Похвала: «Что ты наречемъ, о Благодатная, н(е)бо яко воссияла еси, слиц правде рай яко возрастила еси, цвет нетления дву яко пребыла еси, нетле(н)ая ти с(вя)тая м(а)т(е)рь, яко имел еси наруку с(ы)на всехъ святого моли сп(а)стися д(у)шамъ нашимъ»; 22. Зодчие передают икону «Успение Богоматери» Антонию и Феодосию Печерским. Выбор места для церкви: «И приидоша зодчии ко пр(е)п(о)д(о)бнымъ Антонию и Феодосию из Ц(а)ря Града и принесоша икону оупения пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы»; 23. Царьградские иконописцы приходят к Никону Печерскому: «Приидоша из того же де. . . Града маистеры икон(и)а писания ко блажен(н)ому Никону»; 24. Раскаяние Сергия: «Ч(о)до пред икона пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы кающеся Сергею . . . »; 25. Избавление Феодора Сикеота от смерти: «С(вя)тому Феодору сикоту людие злиа дата яядъ пяти смертной, и явися ему пр(е)ч(ис)тыя д(е)ва избавила его от смерти»; 26. Явление Богоматери святому Кириаку: «С(вя)тому Кириаку явися Пр(е)с(вя)тая Б(огоро)д(и)ца, ея же моляше Витити в келию свою, она же невосхоте, но рече: имаше врага моего в келии своей, и невидима бысть»; 27. Исцеление некоей жены в Неории: «Некая жена болезнию великою объята, явиша ей в нощи пр(е)ч(ис)тая д(е)ва и рече ей: иди в ц(е)рк(о)вь пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы в неории и будешь здрава, она же сотвори тако и бысть здрава»; 28. Чудо Богоматери Кипрской: «В кипрском острове . . . ц(е)рк(о)вь, на вратехъ тоя ц(е)ркви образ пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы, некий арап оустрели пр(е)ч(ис)тую Б(огоро)д(и)цу в колено, и абие изыд кровь каплющи на земли, арап же, видевши Чудо, ужа. . . ся беже и оумре»; 29. Чудо иконы «Богоматери Знамение». Битва новгородцев с суздальцами: «Суздаль(ь)ский кн(я)зь воеваша на великий Новград, в то час Иоаннъ Архиепископъ новгородцкй моляся Б(о)гу и слыша глас, г(ла)голющ к нему: иди в ц(е)рк(о)вь на Ильину оулицу и возми образ пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы и постави на стенихъ града . . . вление а. . . сотвори тако

как работы, очень близкие иконографически и написанные в разное время в мастерской одного из наиболее видных художников, работавших в то

Семен Спиридонов Холмогорец. Икона «Богоматерь на престоле с сорока клеймам». 29 декабря 1687 г. ГРМ, ДРЖ-2894. 169. 5 × 137 см.

время в Ярославле, — Семена Спиридонова Холмогорца (1642—1694/1695). Сопоставление этих памятников, как мы увидим в дальнейшем,

и бо избавление»; 30—40. Похвалы Богоматери: 30. «О тебе радуются благодатная всякая твар(ения) анг(ельскии); 31. «Осв(я)щеный храм и раю словесный д(е)вствен-ная Похвало, из нея же Б(о)гъ воплотися и мл(аде)н(е)ць»; 32. «Ложесна бо твоя пр(е)столь отвори и чрево протраннее н(е)б(е)сь содела»; 33. «О тебе радуется, Б(ла)годатная, всякая тварь, слава тебе»; 34. «Похвала пр(е)с(вя)тия Б(огоро)д(и)цы»; 35. «Образ оумиления и посещения страждущим»; 36. «Песнь Б(огоро)д(и)цы от Луки с(вя)того. . . м(а)т(е)рь отроковицу Б(огоро)д(и)цу в песнехъ величаемъ»; 37. «Достойно есть яко воистину Бл(а)жития Б(огоро)д(и)цу»; 38. «Присно Бл(а)женную и пренепорочную . . . . .»; 39. «Честней . . . юхерувим и славнейшую воистину серафимъ»; 40. «Неистления Б(о)га слова рождшюю сущюю Б(огоро)д(и)цу ты величаемъ».

дало неожиданный материал в отношении интересующей нас проблемы.

Кроме сюжетов из Киево-Печерского патерика, рассказывающих историю принесения на Русь из Влахерны иконы Успения Богоматери, ряд клейм повествует о чудесах икон «Богоматери Лиддской» (клейма 10, 11, 13), «Богоматери Владимирской» (клеймо 7), «Богоматери Трое-речицы» (клеймо 14), «Богоматери Знамение» (клеймо 29) и др. Следовательно, раз при работе над иконами были использованы разнообразные легенды об иконах Богоматери, то это предполагает обращение иконописцев к целому ряду различных сочинений или к единому сборнику, содержащему извлечение из разнообразных источников.

Попытаемся уточнить литературные источники, тематическую структуру рассматриваемых икон и в первую очередь — их названия.

В научной литературе данные произведения известны как «Богоматерь Кипрская, в житии» или «Богоматерь на престоле с акафистом». Однако оба этих названия не вполне соответствуют содержанию икон, так как изображения в средниках в точности не передают особенностей ни одного из известных нам иконографических типов, в том числе и Богоматери Кипрской, хотя последний является наиболее близким иконе Ярославского художественного музея. В иконе Русского музея Холмогорец изображает лик младенца фронтально, в иконах же «Богоматерь Кипрская» — в три четверти. Кроме того, художник наделяет образ Богоматери с младенцем державой и скипетром. Отсутствуют в иконе Семена Холмогорца и изображения архангелов. Основным доказательством того, что в среднике изображена не Богоматерь Кипрская, служит точное воспроизведение этого иконографического типа в клейме (28) иконы Русского музея «Чудо Богоматери Кипрской» (в иконе Ярославского музея сюжеты подобного рода вообще отсутствуют). При сопоставлении текстов клейм икон с песнопениями акафиста Богоматери выяснилось, что эта тема почти совсем не затронута иконописцем. Исключение составляет текст кондака, расположенного в рамке, разделяющей в обеих иконах средник и клейма: «Возбранный воеводе победительная. . .». Однако, как известно, этот текст является вполне самостоятельным и приводится в молитвенниках независимо от цикла акафиста Богоматери. Порядок изложения «бытийных» или «исторических» событий соответствует, скорее, текстам четвероевангелия, чем акафиста. К такой неточности в определении названий икон и их сюжетов исследователей привело следующее. Изучалась, главным образом, не икона Русского музея, а ее аналогия Ярославского художественного музея. Пояснительные надписи в клеймах этого произведения почти не сохранились, что позволило С. И. Масленицкому принять мирную сцену «Приведение Богоматерью кораблей с житом в Анастасиупольский монастырь» (клеймо 11) из жития Феодора Сикеота за сюжет из акафиста «Осада Константинополя военными кораблями».³ Во избежание голословности приведем текст пояснительной надписи к этому клейму, восстановленный при сравнении с надписями к аналогичным сюжетам в иконе 1687 г. и раме от иконы Богоматери в двадцати восьми клеймах (ЯХМ).

С(вя)т(ый) Феодор сик(и)от бл(а)гогов(о)в(и)и ко пре(ч)истой
д(е)в(е), егда недо(с)та в монастыре пшеницы, повеле остаток
постави. . . на олтар; тогда по молитве пр(е)с(в)ятыя
д(е)в(ы) прииде в монастыр тридеиют кор. лей жита;

Изучение сюжетов клейм данных икон позволило нам разделить их на три основные темы: «Бытийная», «Чудеса Богоматери и ее икон», «Похвалы Богоматери». Большинство клейм сопровождаются подробными пояснительными текстами, некоторые не имеют развернутого пояснения,

³ Масленицын С. И. Писал Семен Спиридонов. М., 1981. С. 98.

обозначены односложно. Вероятно, они писались без непосредственного соотнесения с текстом — при помощи иконографических образцов.

«Бытийная» тема в иконах представлена в основном клеймами верхних регистров. События земной жизни Богоматери заимствованы из текстов Нового завета («Рождество Христово» и т. п.), Деяний апостолов («Сошествие святого духа на апостолов», «Успение Богоматери») и т. д. Эти сюжеты являются в иконописи традиционными и сопровождаются краткими подписями. Исключение в обеих иконах составляет первое клеймо — «Пророчество Исаи» («Се дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил»). Надпись, поясняющая этот сюжет, в точности повторяет текст, приводимый в Ветхом завете (Исаия, 7, 1), в евангелии (Матф., 1, 23), в сочинении Иоанникия Галатовского «Небо новое, с новыми звездами сотворенное. . .» и в ряде других источников.

Литературным источником для последней темы послужили молитвенные песнопения — похвалы.

Что касается цикла «Чудеса Богоматери и ее икон», то при сравнении текстов пояснительных надписей к клеймам и текстов различных сборников, посвященных деяниям Богоматери, нам удалось установить, что литературной основой для него послужила уже упомянутая работа Галатовского, впервые изданная во Львове в 1665 г. Этот сборник — единственный из известных нам, который содержит все дидактические новеллы, встречающиеся в двух первых циклах икон. «Бытийный» цикл иконы начинается с пророчества Исаи «Се дева. . .», дважды повторяющегося в первых главах сборника.⁴ В иконах, как и в сочинении Иоанникия Галатовского, акцентирована тема приснодевства Марии («прежде рождества дева, в рождестве дева, по рождестве дева»).⁵

Аналогичный иконам Семена Холмогорца подбор сюжетов мы встречаем в ряде икон ярославских мастеров — «Богоматерь на престоле в сорока клеймах» из церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, 1690-е гг. (Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник); «Рама от иконы Богоматери с двадцатью восьмью клеймами», последняя треть XVII в. (Ярославский художественный музей).⁶ Вне всякого сомнения, изографы использовали тот же литературный источник, что и Семен Холмогорец, — «Небо новое. . .».

Попытаемся выяснить некоторые особенности работы мастеров указанных икон с литературными текстами, сравнив их между собой.

«Небо новое. . .» охватывает огромное количество литературных источников византийского и русского происхождения, а также сочинений западно-европейских авторов (Кесаря Барония, Александра Гваньини, из сборника «Феатрон» и др.). Местом действия новелл являются Париж и Киев, Константинополь и Рим, Нидерланды и Англия и т. п. При работе над иконами изографы строго избирательно подходят к сборнику. Они выделяют среди множества сюжетов, приводимых Иоанникием Галатовским, только те, которые были написаны православными авторами, главным образом — византийскими. Среди них — истории из сочинений таких известных писателей, как Иоанн Мосх («Луг духовный»), или «Лимонарь» — клеймо 26: «Явление Богоматери Кириаку»), Никифор (клеймо 16: «Чудо от живоносного источника»), Сурий (клеймо 12: «Чудо отроку Герману»), а также из греческого синаксаря на неделю православия (клеймо 28: «Чудо от иконы Богоматери Кипрской»), «Жития Фео-

⁴ См.: Галатовский И. Небо новое, с новыми звездами сотворенное. . . Львов, 1665. (Гл. «Чудеса Богородицы, пребывающей в церкви Соломоновой». Чудо 3; «Чудеса. . . во время рождества Христова». Чудо 3). В иконах — клеймо 1.

⁵ См.: Галатовский И. Небо новое. . . «Чудеса. . . во время рождества Христова». Чудо 4. — На иконах — нижняя строка текстовой рамки.

⁶ Первая опубликована в альбоме: Первухин Н. Г. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. Ярославль, 1923. С. 26; вторая не публиковалась (И—400, 196.5×157).

дора Сикеота» (клеймо 11: «Приведение в Анастасиупольский монастырь кораблей с жито», клеймо 25: «Избавление Феодора Сикеота от смерти»), «Жития Иоанна Дамаскина» (клеймо 14: «Отсечение руки Иоанну Дамаскину и ее исцеление») и т. д.

Обращает на себя внимание то, что не только сцены, но и сопровождающие их тексты не повторяют друг друга. Каждая икона трактована самостоятельно. Различие пояснительных надписей к односюжетным клеймам объясняется не только тем, что иконописцы используют различные редакции литературного произведения (доказательство этому будет приведено чуть ниже), но также и невозможностью привести тексты полностью. «Небо новое. . .» изобилует сюжетами, пространно описываемыми. Это обстоятельство вынуждало иконописцев к краткому пересказу событий, осмыслению и выбору наиболее интересных, по мнению художников и заказчиков, подробностей. Сопоставление пояснительных надписей на иконах Спиридонова из Русского и Ярославского художественного музеев и на иконе предтеченской церкви с литературными текстами позволило несколько прояснить вопрос о работе авторов перечисленных икон с различными редакциями сборника «Небо новое. . .». Нам удалось пока выделить две редакции текста XVII в.: украинскую (трижды издававшуюся на Украине: Львов, 1665; Чернигов, 1677; Могилев, 1699) и русскую рукописную. В украинском варианте и в иконе Ярославского художественного музея Семена Холмогорца для обозначения зодчих использован термин «муляры», младенец Христос назван «Христунок». Вероятно, потому, что «Небо новое. . .» издавалось на Украине на польском и русском языках, в издании на русском языке сохраняются польские термины. Для обозначения «живописца», «иконописца» Галытовский использует термин «маляр», для «зодчего» — «муляр». Последний термин⁷ был известен на Руси не позднее приезда Аристотеля Фиораванти, но, видимо, не имел широкого распространения, поэтому в рукописном сборнике из собрания Государственного архива ярославской области в русском варианте писец переводит слово «муляр» как «живописец».⁸ Этой редакцией, вероятно, и воспользовался мастер иконы предтеченской церкви. В сцене «Богоматерь передает царьградским зодчим икону своего „Успения“» он заменяет «зодчих» на «живописцев».⁹ Сходство целых фраз позволяет считать, что книгу этой редакции читал и Семен Спиридонов Холмогорец при работе над иконой Русского музея. Однако он сумел избежать ошибки мастера предтеченской иконы, так как использовал два литературных источника. «Небо новое. . .» — для всех клейм цикла «Чудеса Богоматери. . .», кроме киевских сюжетов. Последние же даны не в пересказе Галытовского, а по изданию Киево-Печерского патерика. Это подтверждается не только близостью терминов, заимствованием фраз, но и тем, что в иконе 1687 г. изображены сюжеты, не упомянутые в сборнике Иоанникия Галытовского, но приводимые в патерике (клеймо 23 «Избрание места для церкви»). Кроме того, компоновка клейм с изображениями киевских сюжетов сравнительно точно повторяет гравюры Киево-Печерского патерика изданий 1661 и 1678 гг.

При сравнении иконы 1687 г. с ее ближайшей иконографической аналогией (иконой «Богоматерь на престоле в тридцати двух клеймах») обращает на себя внимание некоторая перестройка в порядке изложения событий. В иконе Ярославского художественного музея, хотя и не всегда соблюдается принцип построчного прочтения клейм, присутствует временная последовательность. События разворачиваются от евангельских времен

⁷ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Т. 9. С. 307.

⁸ Государственный архив ярославской области. Коллекция рукописей, оп. 1, ед. хран. 461 (184), л. 322 об.

⁹ Текст клейма предтеченской иконы: «Во Ц(а)р(е)граде пр(е)с(вя). . . дева призва ж.вои. . . в ко . . . лахерну и повеле имъ итти в рускую землю во град Киев и даде имъ образъ Усп.ния и да злата».

до эпохи становления и утверждения христианства, главным образом в иконоборческий период; далее следуют различные чудеса VIII—X столетий, происходящие на Афоне, в Константинополе и т. д. Завершается цикл чудес событиями XI—XII вв., происшедшими в Древней Руси или связанными с ней («Богоматерь отправляет царьградских зодчих в Киев», «Приход царьградских иконописцев к Никону Печерскому» и «Битва новгородцев с суздальцами»). В иконе Русского музея этот временной порядок нарушен. События Киевской Руси перенесены в центр цикла «Чудес Богоматери. . .», и к ним добавлены еще три сюжета — также из Киево-Печерского патерика («Видение зодчим церкви в воздухе», «Принесение иконы „Успение Богоматери“ преподобным Антонию и Феодосию Печерским», «Раскаяние Сергия перед иконой Богоматери»). Попытаемся определить, что побудило иконописца к нарушению временного порядка.

Почти все приводимые в иконе 1687 г. сюжеты, давно известные в литературе, не имели в XVII столетии иконографической традиции. Вероятно, с этим связан факт, что в клеймах иконы иконографические типы Богоматери не всегда соответствуют сюжетам. Так, в сцене «Чудо Афанасию Афонскому» вместо иконы Богоматери Домоустроительницы-Экономиссы изображена икона Богоматери Корсунской (клеймо 20). В иконе Русского музея нет ни одного сюжета, посвященного Богоматери Одигитрии Смоленской и ее чудесам, однако этот тип наиболее часто используется изографом в клеймах данной иконы. Выбор этот не случаен — Богоматерь Одигитрия являлась военным палладиумом города Константинополя, а со времен Ивана III — и Москвы. Считалось, что обладание палладиумом обеспечивало военные успехи.¹⁰

Есть в иконе еще одна примечательная особенность. Во всех произведениях, написанных Холмогорцем, текстовые рамки содержат направленные навстречу друг другу тексты тропаря и кондака. Тропарь занимает верхнюю и правую боковую части рамки; кондак — левую боковую и нижнюю. Икона Русского музея является пока единственным исключением из правил изографа. Ее текстовая рамка начинается не с тропаря, а с кондака. Как известно, данный кондак «Возбранный воеводе победительная, яко избавили нас от злых. . .» — не обычное восхваление Богоматери, а благодарственная молитва за освобождение от врагов. Важно отметить, что в иконе Русского музея эпизод из истории Новгорода по-прежнему завершает цикл «Чудес Богоматери. . .», значит, понадобилось выделение не просто русских сюжетов, а именно киевских. Напомним, ранее мы доказали, что для работы над киевскими сюжетами иконы 1687 г. Семен Холмогорец использовал текст самого Киево-Печерского патерика, хотя, вероятно, ему удобнее было бы обойтись для всего цикла «Чудеса Богоматери. . .» сочинением Иоанникия Галятовского — как при работе над иконой из Ярославского художественного музея.

Для объяснения выявленных особенностей обратимся к истории Русского государства этого времени. Икона Русского музея завершена в декабре 1687 г. Незадолго до ее создания произошли чрезвычайно важные события. В 1686 г. русское правительство добилось от Константинопольского патриарха передачи киевской митрополии под власть Москвы.¹¹ В том же 1686 г. при подписании вечного мира с Польшей Россия окончательно получает во владение Киев, левобережную Украину и другие земли.¹² Выделение центральным местоположением сюжетов, связанных с Киевом, неоднократное изображение в клеймах иконы военного палладиума Московии, выдвижение в текстовой рамке на первый план благодарственной молитвы за освобождение, непосредственное

¹⁰ См.: Кондаков Н. П. Иконография богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 157.

¹¹ См.: Памятник событий в церкви и в Отечестве: В 6 т. М., 1818. Т. 1. С. 168.

¹² См.: История СССР: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 312.

обращение к тексту самого Киево-Печерского патерика, а также важные явления в религиозно-политической жизни страны, происшедшие незадолго до создания произведения, — все это позволяет нам считать, что в иконе 1687 г. нашли отражение события, связанные с присоединением Киева к России. Таким образом, икона Семена Спиридонова Холмогорца из собрания Государственного Русского музея является своеобразным памятником крупного исторического события.

Возможно, при дальнейшем исследовании более определенное объяснение найдет сопоставление отдельных сюжетов изучаемой иконы. Так, в цикл «Чудеса Богоматери. . .» введены эпизоды из легенды о Богоматери Троеручнице, повествующие о том, как невинно оклеветанному Иоанну Дамаскину отрубили руку. По милости Богоматери рука приросла вновь; тогда-то, в благодарность, Иоанн пропел иконе Богоматери: «О тебе радуется, благодатная. . .». Именно с этого песнопения и начинается иллюстрирование третьего цикла иконы — «Похвалы Богоматери» (нижний регистр клейм) — Семен Холмогорец.¹³ Вероятно, в сюжете возвращения руки иносказательно отображено событие возвращения России ее исконных земель.

Появление такого памятника далеко не случайно. Ему предшествует и следует целый ряд произведений иконописи, объединенных киевской темой. Однако, если в иконе 1687 г. иносказательно отражено реальное событие, то причиной появления киевских сюжетов в остальных является интерес к внешне-политической деятельности русского государства XVI—XVII столетий по дальнейшему объединению земель России. В конце XV в., после освобождения от монголо-татарского ига, внимание правительства Москвы обращено на запад, к исконно русским владениям: Украине, Белоруссии и другим областям, находящимся под властью иностранных держав.

В это же время возникает ряд концепций, обосновывающих притязания Московии на эти земли: «Москва — второй Киев, а московские князья — наследники киевских»; «Русские цари — исконные государи на своей земле», так как они — прямые потомки киевских князей Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Уже в XVI в. эти концепции становятся официальными правительственными теориями.¹⁴ В рассматриваемый период окрепшее после разорений Смутного времени русское государство вновь выступает на международной арене как наследник прав и земель домонгольской Руси.¹⁵ С середины XVII столетия возобновляются войны с Польшей и Турцией за Украину и Белоруссию.¹⁶ В общественно-политической литературе того времени этим войнам уделяется огромное внимание. В произведениях видных деятелей XVII в. — идеолога русского абсолютизма Симеона Полоцкого, Юрия Крижанича и других — они трактуются как «праведные» — освободительные. О вопросе киевского наследства в истории России XVI—XVII столетий существует значительная литература, поэтому не имеет смысла останавливаться подробнее. В свете политических событий становится понятным обращение художников к сюжету иконописи. Проповедник «даровитый» и «многосведующий», блестящий полемист, он был известен как ярый противник иезуитов. Его деятельность была актуальна как раз в период борьбы за

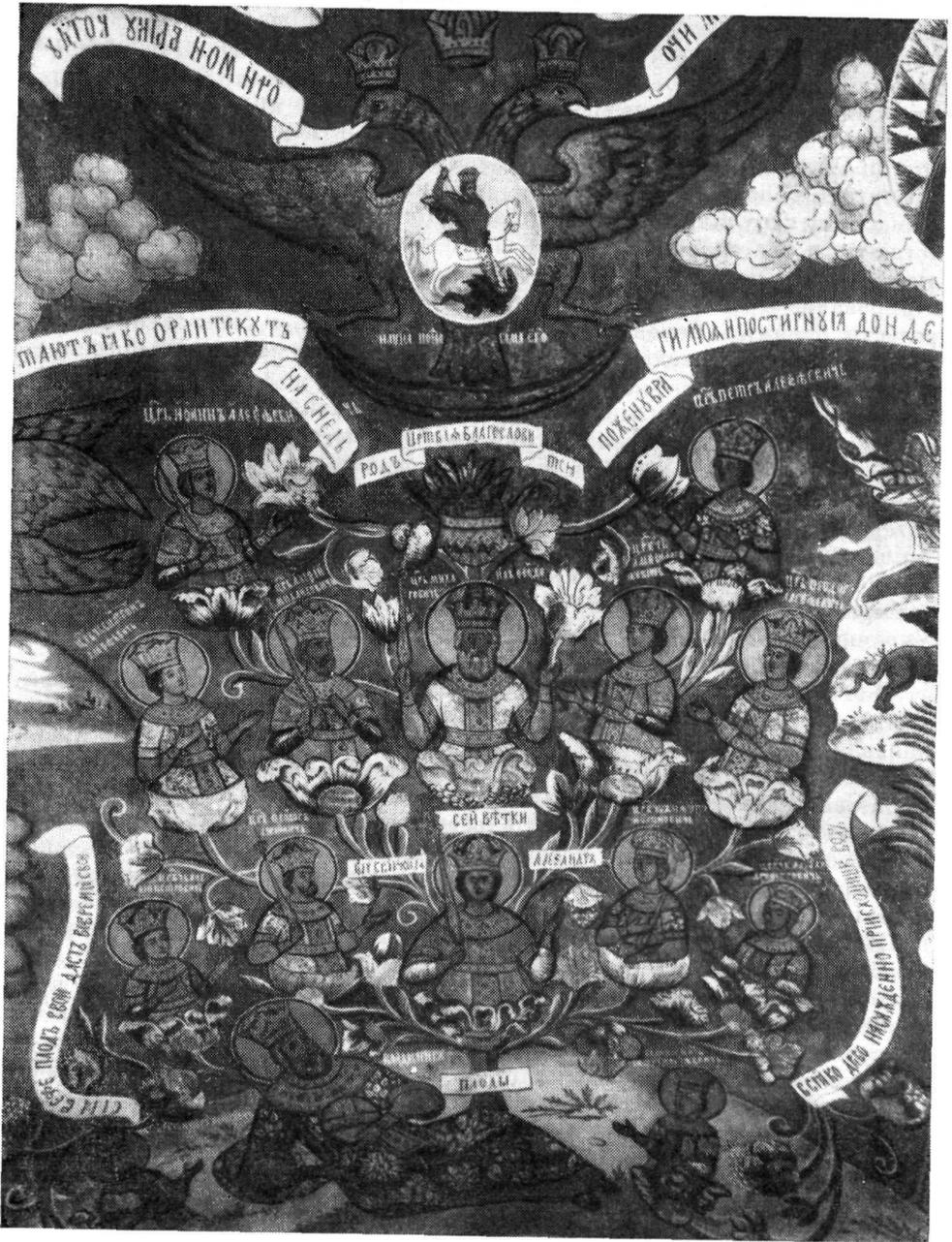
¹³ Эти же сюжеты изображены на иконе Ярославского художественного музея, написанной после признания в 1681 г. Турцией Киева как русского города. Однако Киев продолжал оставаться во власти Польши. (См.: Там же. С. 312).

¹⁴ См.: Л и х а ч е в Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 105.

¹⁵ См.: П у ш к а р е в Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. М., 1982. С. 7.

¹⁶ Имеются в виду войны с Польшей 1632—1634 и 1654—1686 гг., со Швецией — 1656—1661 гг., с Турцией — 1677—1681 гг.

Киев. Известно, что Галятовского приглашали к царскому двору в 1671 г. И в дальнейшем он не порывал связи с Москвой. Некоторые сочинения Галятовского 1686, 1688 гг. были посвящены членам царской семьи.¹⁷

Фреска «Родословное древо дома Романовых». 1716 г. Церковь Ильи Пророка в Ярославле.

Следующий интереснейший памятник, отражающий киевскую тему, — фреска, представляющая композицию родословного древа русских царей в ярославской церкви Ильи Пророка (в своде северного крыльца). Она

¹⁷ См.: Филарет. Обзор русской духовной литературы (862—1720 гг.). Харьков. 1859. С. 289.

написана в 1716 г.,¹⁸ по в основе ее лежит образец, принадлежащий более раннему времени. Об этом свидетельствует изображенный над деревом герб Москвы (Георгий Победоносец на фоне двуглавого орла), а не новой столицы — Петербурга; подчеркнуто также равное положение на древе Петра и Ивана Алексеевичей (как известно, Иван умер в 1696 г.). То, что тема переходит в XVIII в., лишний раз свидетельствует о ее важности. Эта композиция как бы расказывает о родственной связи дома Романовых с киевскими князьями. Предлагаем этому следующеe объяснение. Пришедшие на смену династии Рюриковичей Романовы не были потомками киевских князей. Это могло поставить под сомнение право Москвы на киевское наследство, которое почти два столетия усердно оспаривалось Польско-Литовским правительством в особых ходатайствах перед Римской империей.¹⁹ Это, видимо, и послужило причиной создания фантастической родословной Романовых, по которой матерью первого царя династии Михаила Федоровича была некая Икономасия, дочь «тирана Ивана Васильевича» Грозного, а не бедная костромская дворянка Ксения Ивановна Шестова, что соответствовало действительности. В исторических исследованиях этой «династии» не уделено внимания, хотя и отмечаются постоянные ссылки Романовых на родство с Иваном Грозным. Среди дочерей Ивана IV мы не находим ни одной с именем Икономасия, поэтому не совсем ясно, через кого связывается родство двух династий. Может быть, имелась в виду царевна Евдокия Ивановна, скончавшаяся через год после рождения будущего царя Михаила (остальные умерли задолго до этого события). Однако скорее всего составителями «династии» Романовых была допущена сознательная ошибка, в результате которой Икономасия (Анастасия Романовна Захарьина) стала не женой, а дочерью Ивана Грозного. Посольство Римской империи в Москве было подробнейшим образом ознакомлено с этим «династическим древом».²⁰ Опирающаяся на него идея «исконности власти русских царей» нашла отражение во фреске церкви Ильи Пророка. В основе ее композиции, внизу, изображен князь Владимир I Святославович, от его колен произрастает дерево, по стволу которого расположены изображения Александра Невского, выше — Михаила Федоровича; по обеим сторонам от последнего изображены Алексей Михайлович и его старшие сыновья, венчают дерево Петр и Иоанн Алексеевичи. Петр изображен вторично, внизу композиции, молящийся перед основателем рода — князем Владимиром. Показательна надпись, расположенная в трех картушах на древе: «плоды» (над князем Владимиром), «сей ветви» (над Александром Невским), «род царствия благословится» (над Михаилом Федоровичем).

Прототипом данной композиции и ей подобных является гравюра к книге украинского писателя Лазаря Барановича «Меч духовный», изданной в Киеве в 1666 г.²¹ В этом же году книга, получившая чрезвычайно широкое распространение в России, была привезена автором в Москву.²² В гравюре отсутствуют изображения Александра Невского и Михаила Федоровича. Здесь представлена царствующая чета: Алексей Михайлович, Мария Ильинична и их дети — Симеон, Феодор, Алексей.

¹⁸ См.: Вахрамеев И. А. Церковь святого пророка Ильи в г. Ярославле. Ярославль. 1906. С. 71.

¹⁹ См.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 105.

²⁰ См.: Корб И. Дневник путешествия в Московию посольства Римской империи (1698—1699 гг.). СПб, 1906. С. 202—203.

²¹ В. Г. Чубинской доказано, что данная гравюра и ряд других послужили образцом Симону Ушакову при создании иконы «Богоматерь Владимирская. Древо Московского государства» (см.: Чубинская В. Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская. Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 291—308). По мнению А. Г. Сакович, фреска церкви Ильи Пророка имеет сходство с древом Иисуса библии 1506 г., отпечатанной в Венеции (см.: Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692—1696. М., 1983. Т. 1. С. 25).

²² См.: Чубинская В. Г. Икона Симона Ушакова. С. 304.

Изображения князя Владимира встречаются относительно часто. Обычно он представлен отдыхающим под пышной кроной насажденного им древа православия или, как мы видели на предыдущем примере, — родословия. Иногда напротив него точно в такой же позе располагается император Константин — первый православный владыка Византии. Одинаковыми позами и атрибутами (каждый держит крест) подчеркивается их равная значимость (Навершия царских врат. Ярославль. Вторая половина XVII в.²³). Не как восприемники, а как равные изображаются Владимир и Ольга рядом с Константином и его матерью Еленой на фреске ярославской церкви Богоявления (1692—1693 гг.).

Популярность киевской темы именно в Ярославле объясняется, вероятнее всего, тем, что ярославцы видят в ней продолжение событий начала века, а именно — освобождение России от польско-шведских интервентов. Ярославль сыграл в них значительную роль. И. П. Болотцевой отмечалось, что «сознание величия своей освободительной деятельности» было главным нервом ярославского искусства всего XVII столетия.²⁴

Рассмотренные работы ярославских изографов и Семена Спиридонова Холмогорца подтверждают эту мысль и дают новые, даже несколько неожиданные сведения. Не только иносказательное отображение важнейшего события в истории России — присоединение Киева (в иконе 1687 г.), изображение происхождения рода московских царей от киевского князя Владимира (фреска церкви Ильи Пророка), но и сам факт использования ярославцами иконографических схем, разработанных украинскими художниками, интерес к литературе Украины (в частности к сочинению рьяного противника католицизма Иоанникия Галятовского) свидетельствуют о живейшем внимании к важным событиям современности, об активности ярославского искусства.

²³ В настоящее время хранится в собрании Ростовского историко-архитектурного музея-заповедника.

²⁴ Болотцева И. П. Ярославская иконопись второй половины XVI—XVII веков: Автореф. дис. . . . канд. искусствовед. наук. Л., 1984. С. 9.

Л. Н. МОНЧЕВА

О графической семантике стихотворений Симеона Полоцкого

Поэтическое наследие выдающегося поэта-силлабиста второй половины XVII в. в последнее время особенно привлекает внимание ученых, так как в нем выступает во всей сложности эстетическая природа русского литературного барокко. Научная литература об этом направлении — в его европейском и русском вариантах — настолько увеличилась, что невозможно перечислить все фундаментальные исследования, имеющие отношение к предлагаемой теме. Но нельзя не указать те из них, которые сыграли значительную роль в выяснении вопроса о литературной природе русского барокко и, в частности, поэтики Симеона Полоцкого. Это всем известные работы И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. А. Морозова, А. Н. Робинсона, А. М. Панченко, Св. Матхаузеровой, И. А. Чернова.¹ В этом же ряду надо указать и коллективную монографию московских ученых.²

На фоне названных научных исследований о барокко и Симеоне Полоцком предлагаемое сообщение прозвучит репликой. Я попробую поделиться некоторыми своими наблюдениями над графической семантикой стихотворений Симеона Полоцкого в связи с общей идейно-эстетической установкой его поэзии. Так как эта связь выступает более отчетливо в придворно-панегирических виршах, то в своих наблюдениях я остановлюсь прежде всего на словесно-изобразительном корпусе «Книжиц», включенных в сборник «Рифмологион».³

Вопрос о графическо-изобразительном статусе русских барочных стихов и до сих пор обычно интерпретируется с двух позиций — с общеэстетической и с компаративистской. Общеэстетическая точка зрения на графическо-изобразительное содержание виршей основывается на принципе «творческой игры» словом и формой, при котором писатель достигает «неожиданного эффекта», вызывает удивление, тем самым провоцируя у чи-

¹ Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 125—148; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 165—214; Морозов А. А. Проблемы барокко XVII—начала XVIII в. (Состояние вопроса и задачи изучения) // РЛ. 1962. № 3. С. 3—38; Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982 («Русская старопечатная литература XVI—первой четверти XVIII века»). С. 7—45; Панченко А. М. Истоки русской поэзии // Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 5—34; Mat ha u s e r o v á Sv. Simeon Polockij a jeho poeťti textu // Československa rusistika. 1968. N 1; Чернов И. А. Литературная культура русского барокко (пути и методы изучения): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Тарту, 1975.

² Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

³ Рифмологион. — ГИМ, № 1003 (Синодальное собр., № 287). См.: Смирнов Н. А. Орел Рослийский: Творение Симеона Полоцкого // ОЛДН. СПб., 1915. Вып. 133. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.: Л., 1953, С. 95—159. («Литературные памятники»).

тателя-зрителя ощущение необычного.⁴ С этой точки зрения графика стихов воспринимается как чисто формальный элемент лирического произведения, результат самоцельных упражнений поэта, создающего экспонаты для «литературного музея курьезов и раритетов».⁵

Вторая позиция выдвигает в компаративистском плане влияние западноевропейской (польской) геральдической поэзии.⁶ Таким образом общетипологическая черта барокко — эмблематичность — в русской силлабической поэзии оказывается привнесенной извне, причем графическо-изобразительная сторона этой поэзии предстает в довольно упрощенном виде, опять-таки как чисто формальный элемент, отражающий роль вещи в барочном мировосприятии.

И формалистические увлечения, и геральдичность русского барокко имманентны самому направлению. Ими можно объяснить явления общетипологического порядка, но с их помощью невозможно проникнуть в суть национального профиля, разобраться в специфически сложном взаимодействии его художественных компонентов.

Это взаимодействие особенно заметно в случаях, когда силлабическая поэзия переходит от трактовки общих для средневековья тем (нравственно-этических, богословско-гносеологических, школьно-просветительских и т. д.) к темам конкретно-историческим, касающимся актуальных вопросов жизни русского общества конца XVII в. Именно тогда в поэтике виршей приводятся во взаимодействие традиции русской культуры, конечно, транспонированные в эстетической системе барочной поэзии. В таком случае ощутимо проступает культурный базис русского барокко, на котором складывается и его национальная характеристика.

На мой взгляд, культурный базис русского барокко убедительно выступает в церемониальных «Книжицах» Симеона Полоцкого, где и содержание, и форма виршей семантически закреплены в основной идее всего панегерического корпуса, в идее утверждения русского просвещенного абсолютизма. Графическо-изобразительные элементы «Книжиц» имеют не только стилистическую, формально-эмблематическую функцию, но они, как мне кажется, исполняют еще и суггестивно-идеологическую роль. В таком плане можно допустить преднамеренное и продуманное использование формальных элементов Симеоном Полоцким.

При анализе специфической семантики графики приветственных виршей Симеона Полоцкого надо иметь в виду общетеоретическую посылку о повышенной знаковости барочного творчества, реализованной в интенсивном использовании символа и аллегории при полном развертывании их семантики и перекрещивании их семиотических оттенков. Как раз графика визуально закрепляет одно из множества значений. Иными словами: графическая фигура стихов умиряет поток ассоциаций, кодифицируя одну из них.

Усвоение определенного типа символически-аллегорического изображения обычно происходит в сопровождении с герменевтикой текста. «Толковательное» начало может реализоваться или вербальными средствами — интертекстуально, или вне текста — графическо-изобразительным способом. Первый тип герменевтики, хотя и используется литературой, более типичен для фольклора. Второй тип выступает только в литературе, где в рамках определенного жанра происходит слияние слова с изобразительным искусством. Поэтому в средние века появляются толково-объяснительные произведения чисто вербального характера и такие, которые сочетают в себе слово и изображение.

⁴ Об эффекте «неожиданности» барочной поэтики см.: Вельфлин Г. Ренессанс и барокко, СПб., 1913.

⁵ См.: Панченко А. М. Истоки русской поэзии. С. 27; Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. С. 153.

⁶ См.: Покотилова О. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII—начала XVIII столетий // М. В. Ломоносов. СПб., 1911. С. 67—78.

Графика придворных виршей Симеона Полоцкого демонстрирует переосмысление русской толковой традиции в условиях перехода от средневековья к новому времени. Ученые давно уже отметили связь творчества Симеона Полоцкого с «Азбуковниками» и «Физиологом», но не заметили связи его творчества с Толковой (и в частности Лицевой) псалтырью. А ведь не малозначителен тот факт, что псалтырь всегда вызывала интерес писателя, и не случайно ему принадлежит первое на Руси стихотворное переложение библейских псалмов.

В «Книжцах» Симеона Полоцкого впечатляюще выступают графические изображения, раскрывающие световую символику текста, — преимущественно в системе солнечно-астральных образов (солнце, звезды), — и это тоже не случайно.

Рожденная как художественная реалья древнейшими мифологическими и языческими воззрениями человека, световая символика традиционно соотносится семантически с иерархией социума, в культурный обиход которого она входит. Например, известная русская колядка, в которой хозяин сравнивается со «светлым месяцем», хозяйюшка — с «красным солнышком», а «малы деточки» — с «частыми звездочками», без сомнения содержит в себе рецидивирующие семантические связи с иерархией матримониального общества, в котором «мать-солнце» занимает первенствующее место.

В средневековую эпоху световая символика еще более дифференцирует семантику, образуя два параллельных ряда: церковно-христианский с метафорой-символом «Бог-солнце» и светский с метафорой-символом «Князь-солнце». Эти иерархические ряды символов подробно исследованы В. П. Адриановой-Перетц в ее великолепной монографии «Очерки поэтического стиля Древней Руси».⁷

Дифференциация средневековой световой символики разворачивается в метафорических образах, которые закрепляют в художественном сознании эпохи определенные семантические атрибуты основного образа-символа. Так например, за образом бога-солнца стоит ряд метафор-символов с духовно-спиритуалистическим содержанием: «солнце праведное», «солнце незаходимое», «солнце истинное», «солнце разумное», «солнце мысленное» и т. п. Только за богом-солнцем признается право источать свет и ему даются космические прерогативы «освещать весь мир». За образом князя-солнца (метафорический образ «Красного Солнышка» в фольклоре) закрепляются иные значения, характеризующие его как государственного деятеля-державника. Он воитель, креститель, просветитель, светило, «облистающее» свой народ и свое государство.

Еще до написания «Книжиц» в «Декламациях» полоцких отроков («Стихи краесогласные», 1660 г.), поднесенных впервые царю Алексею Михайловичу, Симеон Полоцкий вводит образ царя-солнца, который впоследствии в придворно-панегирических виршах станет ведущим образом. Однако еще здесь, в «Декламациях», Симеон Полоцкий насаждает на традиционный светский символ-трафарет семантику христианско-церковного ряда:

5

... Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
Земля и море, аер исполнь ея,
буди ж и в небѣ глас славы твоя.

6

...
Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца. . .

7

... Лучами твоя будем благодати
возвратившеся изрядно сияти.

⁷ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.

11

Еще свѣтила и аз усмотряю,
в них же солнечну силу обрѣтаю.
Князи, боляре не мрачно сияют,
егда ти царску волю исполняют.
А зари свѣтлы в онѣх суть тобою,
яко же солнцем в звѣздах со луною.⁸

Одновременно с этим поэт обращается и к семантике фольклорной песни-колядки:

9

Ты — солнце; луна — Мария царица;
Алексей свѣтла царевич денница,
.....

10

Царска сияет царевен лѣпотами,
звѣздам подобных всеми добротами.⁹

И дальше, в «Книжицах», этот образ уже закрепляется. Например, во втором «приветстве» «Гусли доброгласной» происходит полная унификация традиционных семантических значений:

Тѣм же, кто велик солнцем нарицаем,
и царя мира солнцу уравниаю.
Что аще иным прилично бывает,
кто-либо хочет, то да рассуждает.¹⁰

Постоянство в использовании символического образа солнца, как совмещение христианской и светской семантики, проявляется и в драматических произведениях Симеона Полоцкого. Так, в предисловии к драме «О Навходоносорѣ царѣ. . .» он утверждает:

Да нам свѣтиши яснѣ добротами,
яко же солнце свѣтлыми лучами!
Велий есть свѣт твой, тмѣ одолювает,
мрак безвѣрїя весма отгоняет.¹¹

Итак, образ солнца в виршах Симеона Полоцкого вобрал в себя все устоявшиеся культурные традиции в интерпретации солярно-астральной символики.¹² Как результат переосмысления этих традиций в барочных стихах русского силлабиста рождается образ царя-солнца, семантически связанный с государственной идеей монархизма и образом просвещенного монарха. А. Н. Робинсон справедливо отмечает, что Симеон Полоцкий на год предваряет становление идеологии западноевропейского абсолютизма, провозгласившего Людовика XIV «королем-солнцем».¹³

Необычность и новизна «Декламаций», по свидетельствам слушавших их, поразили царя и окружавших его лиц своей «темностью» и невняtnостью. Можно допустить, что странность текста «Стихов краесогласных» заключалась не только в странном языке, смешавшем русские слова с белорусскими и украинско-польскими, но еще и в том, что образная система приветственных виршей не отвечала традиционному пониманию символики. Новая семантика светового образа в стихах Полоцкого нуждалась в толковании и закреплении.

⁸ Цит. по: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 99—102.

⁹ Там же. С. 100, 101.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² См.: Мончева Л. К проблеме символического образа в древнерусской литературе // Материалы и исследования по славяноведению: Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Szeged, 1984. Т. 6. P. 45—46.

¹³ Робинсон А. Н. Симеон Полоцкий и русский литературный процесс. С. 12—13.

Так, на мой взгляд, в «книжице» «Орел Российский» (1667 г.) белорус Самуил Ситнианович-Петровский, ставший придворным поэтом и заручившийся покровительством самого царя Алексея Михайловича, стремится быть предельно ясным и понятным, чтобы оправдать свое положение придворного панегириста. Он не только очищает и улучшает свой русский язык, но делает более понятным и поэтический язык своих стихотворений, уснащая их художественно с помощью эмблематического изображения. Изображение это графически представляет образ монарха в виде солнца с сорока семью лучами, причем в каждом луче этого солнца заключена особая нравственная добродетель. Такое изображение само по себе — как воплощение идеальной нравственности — могло вызвать ассоциацию с христианским богом. Чтобы направить ассоциацию на образ монарха, внутри солнца помещен государственный герб — двуглавый орел со скипетром и мечом, с московским велико-княжеским гербом на груди. Таким способом поэт, наверное, хотел ощутимо, зрительно внушить идею о просвещенной монархии и о самодержце, наделенном атрибутами и прерогативами божественной власти.

Интересен факт, что Симеон Полоцкий осуществляет свою задачу, используя композиционную схему Толковой псалтыри. Эта схема включает псалтырный текст-цитату, художественное изображение, иллюстрирующее псалтырный текст, и толково-объяснительный текст, раскрывающий скрытый смысл псалтырного текста. Центр композиции занимает художественно-графическое изображение, а вербальная часть расположена по концам в виде надписи и подписи. По подобию Толковой псалтыри Симеон Полоцкий обрамляет изображение текстом. Для надписи он подбирает псалтырный текст, гласящий: «Во солнце положи селение свое» (Псалтырь, 60, 5), а в подписи предлагает толкование: «Что есть солнце небу, то скипетродержатель». Таким образом, Симеон Полоцкий не оставляет никакой возможности для иного толкования изображения. Тем самым он переориентирует и русскую герменевтику. Поворот в русской толковой традиции болезненно ощущался старообрядцами.

Не допуская смешения рядов средневековой символики, русские традиционалисты конца XVII в. ополчились против идентификации государственной эмблематики с символами христианства. Эта оппозиция ярко выражена, например, в «Послании против поклонения двуглавному орлу». Список «Послания» конца XVIII в. находится в Пинежском собрании Древлехранилища ИРЛИ под № 50.

Изобразительно истолкованная идея русского абсолютизма находит свое дальнейшее развитие в фигуральных стихах Симеона Полоцкого. Это два его стихотворения, написанных в форме сердца и креста. Они входят в его второй и пятой (последней) «книжицах» «Рифмологиона».

«Крест» и «сердце» относятся к сакральной христианской эмблематике и представляют часть знаковой триады «крест»—«якорь»—«сердце» (вера—надежда—любовь). Выбирая фигуру сердца для своих стихов, помещенных под зодиакальными виршами в «Орле Российском», Симеон Полоцкий связывает эмблематичность фигуры с идеей верноподданничества и любви к самодержцу. Эти вирши отличаются своим интимным звучанием; над ними стоит эпиграф: «От избытка сердца уста глаголют» (Лука, 6, 27), что может натолкнуть на заключение, будто поэт выразил здесь свое личное отношение к царской фамилии.¹⁴ Однако в идейной системе целого корпуса панегирических виршей эти стихи приобретают значение регламентации поведения рядового члена русского общества в отношении к самодержцу. Христианское требование беспрекословной любви и преданности богу здесь заменяется преданностью и верностью подданного венценосцу.

¹⁴ См.: Смирнов Н. А. Орел Российский... С. XXVIII—XXIX.

Интерпретация самодержавной идеи входит в свою кульминацию в последней «книжице» «Гусли доброгласная», предназначенной для вручения в день венчания на царство царя Федора Алексеевича (18 июня 1676 г.). Здесь в полной мере разворачивается концепция Симеона Полоцкого о царе и царской власти. Во всех предшествующих «Гусли доброгласной» «книжицах» (за исключением третьей и четвертой траурных «книжиц») поэт утверждает просвещенную монархию, но в последней он идет дальше и художественно-образительным путем, посредством графики виршей, сакрализует личность самодержца и его власть.

Приветственные вирши, посвященные венчанию на царство, написаны в «Гусли доброгласной» в форме креста. «Крест» есть сакральный знак христианства с богатым кодовым значением веры, силы, страдания, смирения, спасения, защиты, власти, святости, божественности. Словесное содержание виршей в пятой «книжице» разворачивается на значениях веры, силы, власти, божественности. Графическая форма восьмиконечного креста, замыкающая в себе текст, вносит новое значение — значение «святости», которое закрепляется визуально формой стихов. Это значение исходит прямо из текста виршей, но оно соотносится и с толкованием в псалтыри «воздвижения креста», в котором графическое изображение креста неизменно идет со словами псалма: «Превознесите Господа бога нашего и поклоняйтесь подножием его; свято оно!» (Псалтырь, 98, 5). Крестовидная графика торжественных виршей соотносится и с литературной традицией графического оформления торжественных (эпидейктических) слов. В форме креста написано, например, «Слово о кресте» в сборнике XVI в. (ГПБ. О. XVII. 50).

Связь придворных виршей Симеона Полоцкого с русской духовной культурой выступает и в графике фигурных стихов третьей «книжицы» — «Френы, или плачи о смерти царицы Марии Ильиничны». «Френы» заканчиваются стихами — благопожеланиями членам царской семьи, которые расположены в четырех миниатюрных квадратах, заключенных в единый большой квадрат, по сторонам которого написано «многая лета».

Для современного читателя геометрическая графика виршей кажется не более чем проявлением эксцентричности барочной поэтики. И это в известной мере так, но мне кажется, что в графике траурных виршей «Френ» заключена еще и семантика русского нагрудного креста — энколпиона. Этот крест носили все — и миряне, и черноризцы. Он представлял собой миниатюрный ящичек, в свободном пространстве которого располагался крест. Энколпион существовал до Петра I, а в Петровскую эпоху был заменен обыкновенным крестом. Нагрудный крест давали ребенку при крещении, и кроме знака принадлежности к христианской религии этот крест имел значение оберега от нечистой силы.¹⁵ Представляется вероятным, что ограниченное с четырех сторон пространство энколпиона, разделенное внутри крестом на четыре равные части, лежит в основе графики фигурных стихов траурной книжицы «Френы».

В заключение надо сказать, что Симеон Полоцкий облакает свои придворно-панегирические вирши в графическо-образительную форму, которая на устоявшихся в национальной культуре семантических моделях визуально закрепляет идеологические акценты русской самодержавной власти: «царь есть бог», «царствие есть святость». Таким образом, Симеон Полоцкий на художественном уровне доводит до конца средневековое развитие русской государственной идеи и открывает новый этап в ее эволюции — этап просвещенного монархизма в его действительно-преобразующей роли.

¹⁵ Об энколпионах см.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1895. Т. 16а. С. 658—659.

В. А. ЧЕРНОВ

На каком языке писал Аввакум?

В современной русистике уже, можно сказать, признано за объективную истину утверждение о генетической неоднородности древнерусского литературного языка, о том, что в одних — высоких — жанрах письменности использовался церковнославянский язык, в других, — обслуживающих деловые нужды общества, — язык сначала восточнославянской, а затем и великорусской народности.

Рядом с ними существовала устная разговорная речь русского народа, которая, служа потребностям производственного и бытового общения, выглядела на фоне письменно обработанных, литературных (преимущественно церковнославянских) разновидностей как речь безыскусственная, опрошенная. Как просторечие она противопоставлялась церковнославянскому красноречию.

Учитывая наличие в Древней Руси письменного церковнославянского языка, пользующегося особым престижем, с одной стороны, и устной речи, которой отводилась второстепенная роль, — с другой, Б. А. Успенский приложил к языковой ситуации, имевшей место в XI—XVII вв., идею Ч. Фергюсона о диглоссии.¹

Главным при диглоссии, в отличие от двуязычия, является сосуществование двух близкородственных языков, причем они функционально специализированы и один из них, обладающий письменной формой, считается более важным, второй же, бесписьменный, — подчиненным. Первый к тому же в типичных случаях является языком культа, что придает ему особую престижность. Именно такая языковая ситуация и наблюдается, по мнению Б. А. Успенского, в России XI—XVII вв.

Однако состояние было более сложным, чем представляется Б. А. Успенскому. Ведь в России в то время сосуществовали не менее чем три функционально специализированные языковые системы: церковнославянский письменный язык, русский письменный деловой язык и русская народно-разговорная речь — следовательно, ситуация должна оцениваться как ситуация полиглоссии.

С конца XVII в. в течение примерно столетия происходила, как утверждает Б. А. Успенский, языковая революция, которая ликвидировала состояние диглоссии. Но это в полной мере относится и к ситуации полиглоссии.

В условиях завершения ситуации полиглоссии и протекала писательская деятельность Аввакума Петрова. В это время, по словам английского ученого Г. В. Лудольфа, «никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского».² Далее он писал: «. . . так у них и говорится,

¹ Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 4—8.

² Лудольф Г. В. Русская грамматика. Перевод. / Пер., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 114.

что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски».³ Добавим, однако, что на славянском (т. е. церковнославянском) языке следовало писать все, что не относилось к сугубо деловой сфере. Владение церковнославянским языком было делом престижа. Об этом снова свидетельствует Лудольф: «...чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях».⁴

Будучи сыном своего века и священнослужителем-профессионалом, Аввакум обязан был писать на церковнославянском языке. И он действительно пишет свое «Житие» на нем, однако не все части. Теологические рассуждения в начале сочинения не вызывают сомнения относительно типа языка — он церковнославянский. Однако, описывая «волокигу», особенно сибирский период жизни, Аввакум срывается на письмо по-русски: он употребляет русские слова и выражения, образует русские грамматические формы и конструкции.⁵ Это замечено многими, не только специалистами-филологами, но и рядовыми читателями. Аввакум строит свое повествование в сказовой манере, и читая «Житие», как бы слышишь неторопливую речь современного крестьянина. Отрывки такого характера — не только в «Житии», но и в других произведениях — и создали Аввакуму репутацию писателя-новатора, стремившегося писать на русском языке,⁶ да и сам он как будто бы это утверждает. Но об этом несколько позже.

Чем же можно было бы объяснить то, что писатель одни части «Жития» пишет на церковнославянском языке, другие — на русском?

Сравним два небольших отрывка, помещенных во вводной части этого сочинения Аввакума. Оба они содержат описание «солнечного знамения». Одно представляет собой пересказ библейского эпизода, другое — изложение рассказа современника Аввакума об астрономическом событии XVII в.

«Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Исус крестообразно, сиречь разпротре руде свои, и ста солнечное течение, доньдеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече и бысть во дни том и в нощи тридесет четьре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло» (л. 193—193 об.).⁷

«Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирский и в полудне тма бысть перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним» (л. 192—192 об.).⁸

В первом отрывке встретилось 8 маркированных церковнославянских глагольных форм: причастие «секий», аористы «бысть» (дважды), «ста»

³ Там же.

⁴ Лудольф П. В. Русская грамматика. С. 113.

⁵ Ср.: «Изменник Курбский в своих посланиях к Грозному старался придерживаться церковнославянского языка, но тоже „собачился“ (употреблял вульгаризмы русского просторечия. — В. Ч.), когда распалился» (Ф и л и н Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 281).

⁶ Ср.: «Аввакум невысоко ценит „плетение словес“, характерное для книжнориторических стилей, и отдает явное предпочтение живой разговорной речи народа» (Е ф и м о в А. И. История русского литературного языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1967. С. 89—90); «Первое, что обращает на себя внимание в сочинениях Аввакума, — это его живая русская речь, или перебивающая речь книжную, церковнославянскую, или в большинстве случаев совершенно ее вытесняющая» (Г у д з и й Н. К. История древней русской литературы. 3-е изд., перераб. М., 1945. С. 456) и т. д.

⁷ Р о б и н с о н А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963. С. 140—141.

⁸ Там же. С. 140.

(дважды), «разпростре», «погуби», «потече»; 5 именных: твор. п., мн. ч. — «иноплеменники», вин. п., дв. ч. — «руце», вин. п., мн. ч. — «враги», а также «во дни», «в нощи»; все наречия и союзы: «егда», «еже», «доньдеже», «паки», «понеже». Русских же глагольных форм — всего 4 (да и те не в описании события, а в комментарии Аввакума): «возвратилося», «отбежало» (дважды), «прибыло»; именная — 1: «часов»; остальные формы не маркированы. Во втором отрывке из церковнославянских форм встретились 3 глагольные: «бысть», «померче», «являя», 2 местоименные: «сего ради», «своя», адъективная — 1: «церковная», тогда как русских глагольных форм — 8: «плыл», «стояли», «подтекала», «казил», «излиял», «был», «забыть», «плачючи», адъективная — 1: «сибирской», союз — 1: «неколи», имеются также 2 конструкции приблизительного счета: «недели за две», «часа с три»; остальные глагольные и адъективные, а также все именные и местоименные формы пришли во второй отрывок, вероятно, в составе библейских штампов описания «солнечных знамений».

Отсюда, хотя других таких параллелей в памятнике больше нет, можно заключить, что Аввакуму было легче следовать нормам церковнославянского языка тогда, когда он имел в памяти соответствующий образец, когда пересказывал какие-то места из церковных книг, в которых и черпал готовые штампы, формулы, формы. В случаях оригинального творчества преобладают русские народно-разговорные формы, проникшие в текст сочинения из повседневной, «мирской» речи билингвиста Аввакума, который при отправлении культа был обязан пользоваться церковнославянским языком, а в обыденной жизни, в светском общении с мирянами, с семьей не мог обойтись без простой разговорной речи.

Существование таких носителей двуязычия в XVII в. можно предположить, исходя из того, что и в настоящее время — в конце XX в. — старообрядцы-беспоповцы на своих молитвенных собраниях сохраняют даже особое церковнославянское произношение, отличное от их произношения в бытовом и производственном общении.⁹

Вообще, наблюдения над языком «Жития» показывают, что наибольший процент церковнославянских форм приходится на первые 39 страниц памятника (л. 189—208), из которых на л. 189—196 об. содержится богословское введение, на л. 197—198 об. — традиционный зачин собственно жития и описание «вещего сна», на л. 199—208 — рассказы о конфликтах с неблагочестивыми прихожанами и неправедными начальниками (язык этих рассказов характеризуется постепенным переходом от письма на церковнославянском языке к письму на русском). На последующих 154 страницах относительная употребительность (среднее количество на одной странице) церковнославянских форм любой части речи оказывается всегда не более той, которая обнаруживается на первых 39, а для русских форм показательна обратная закономерность. Это подтверждается конкретными наблюдениями. Для примера рассмотрим употребительность нескольких форм.

Такое распределение церковнославянизмов и русизмов по частям «Жития», очевидно, может свидетельствовать о том, что, во-первых, Аввакум не имел осознанного намерения писать на русском языке, а собирался создавать свое сочинение на традиционном для неделовых жанров письменности (тем более агиографического жанра) церковнославянском языке; во-вторых, начав писать на церковнославянском, он не сумел удержаться в его рамках, хотя субъективно, вероятно, не замечал, что язык «Жития» во многих отрывках ближе к народно-разговорному, чем к церковнославянскому языку.

⁹ См.: Успенский Б. А. Архангелская система церковнославянского произношения: (Из истории литургического произношения в России). М., 1968. С. 7, 88, 96, 98 и др.

Форма	Тип языка	Объем текста	
		Л. 189—208 (39 страниц)	Л. 208 об.—285 (154 страницы)
Им. п., ед. ч., м. р. имен прилагательных	ц.-сл. (-ый, -ий)	0.410	0.115
	рус. (-ой, -ей)	0.103	0.397
Личное местоимение 1-го лица	ц.-сл. (аз)	0.359	0.282
	рус. (я)	0.718	1.262
Аорист	ц.-сл.	2.000	0.603

Но что же тогда скрывается за известной тирадой Аввакума о его любви к «русскому природному языку»? Не указывает ли это все-таки на сознательное намерение писать не только на церковнославянском языке? Рассмотрим высказывания Аввакума о языке. В так называемом Предисловии к третьей редакции «Жития» находим: «. . и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позарите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими <sic!> не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет» (3, 162 об.—163),¹⁰ а далее он пишет: «. . не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго» (3—163).¹¹ В «Книге толкований и нравочений» имеется еще одно рассуждение о языке, обращенное к царю Алексею Михайловичу: «Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить: да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а во грядущем ничимже ползует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане бывало, добренько, и рцы по русскому языку: „Господи, помилуй мя грешнаго!“ А кирьелейсон-от оставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его».¹²

При сопоставлении этих высказываний становится очевидным, что Аввакум противопоставляет простую речь, просторечие «виршам философским», «красным словесам» и объясняет просторечие своих сочинений приверженностью к «русскому природному языку». Вообще, он считает несущественным, на каком языке (латинском ли, греческом, еврейском или «природном русском») говорит верующий: важно лишь высоко нравственное (в пределах христианской морали) поведение. Поэтому Аввакум, не заботясь о красноречии, и пользуется русским языком. Однако цитата из «Книги толкований» показывает, что протопоп своеобразно понимает термин «русский язык». Для него это не столько русская народно-разговорная речь, сколько церковнославянский язык, на который Кирилл и Мефодий перевели профессиональные книги. Конечно, это не древнеболгарский язык первых переводов, а русская форма церковнославянского языка, бытующая в XII в., но все-таки не народно-разговорная речь. Это, кстати, демонстрируется и контрастом между призывом, обращенным к царю, говорить по-русски и языковой формой предполагаемого

¹⁰ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 112.

¹¹ Там же.

¹² Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. С. 475. (Русская ист. б-ка; Т. 39).

восклицания, которая может быть оценена как церковнославянская. Наконец, из этой цитаты видно, что Аввакум в действительности противопоставляет не русский язык церковнославянскому, а церковнославянский греческому (кирьелейсон = *kyrie eleison* — господи, помилуй).¹³

Некорректность в употреблении термина «русский язык» была при- суща не только Аввакуму. По наблюдениям П. С. Кузнецова¹⁴ и Н. И. Толстого,¹⁵ так же нечетко осмыслили письменный язык своего времени и многие другие древнерусские книжники, хотя в конце XVII в. возникает восприятие церковнославянского как языка иностранного.¹⁶

Таким образом, высказывания в так называемом Предисловии заостре- ны не против того или иного языка, а против упрека в просторечии, ко- торое Аввакум предпочитает красноречию. Красноречие — высокий стиль, тогда как просторечие — сниженный. Просторечие — это манера говорить, «яко же поселяне». Перенося манеру такого «говорения» в про- изведение письменной литературы, Аввакум и должен был пояснить, почему его произведение оказалось до такой степени насыщено русиз- мами, что у читателя появляется ощущение просторечия.

Думается, что не случайно эта статья о любви к русскому языку на- писана только для «Пустозерского сборника», найденного И. Н. Заво- локо, содержащего третью редакцию «Жития». Аввакум к тому времени уже должен был получить критические отзывы о своем сочинении и о его языке. Не исключено, что ближайшим таким критиком, критиком весьма ядовитым, был дьякон Федор, «соузник» Аввакума, отношения с которым у протопопа на почве расхождений по теологическим вопросам были напряженными. Оправдывая себя, Аввакум и объявил, что язык его со- чинения далек от чистоты церковнославянского по принципиальным сооб- ражениям, что это — результат сознательного замысла.

Подводя итоги, можно сказать, что Аввакум не имел осознанного на- мерения отступать от традиции писать на церковнославянском языке, который у него, однако, не являлся четко очерченной системой. Но под напором впечатлений от остро переживаемых событий в жизни страны, в жизни церкви и в личной жизни он не сумел удержаться в рамках тра- диции и незаметно для себя перешел к передаче содержания на письме средствами народно-разговорной речи.

¹³ Ср.: Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 273.

¹⁴ Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. С. 11.

¹⁵ Толстой Н. И. Старинные представления о народно-языковой базе древне- славянского литературного языка (XVI—XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. 1976. Вып. 1. С. 197.

¹⁶ См.: Филлин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 72— 73.

С. Н. ГУХМАН

**«Выезд из службы из Персии стольника
Василья Александровича Даудова» —
литературный памятник конца XVII в.**

В ГБЛ, в собрании В. М. Ундольского (ф. 310, № 1089) содержится рукопись Сводного Уложения 1751 г., в которой на л. 624—635 об. находится текст под названием: «Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова, который выехал из города Казмина, а имя ему было Алимардан был Бабаев сын Даудов».¹

Текст «Выезда» с небольшим предисловием, включающим описание рукописи и краткую характеристику памятника, был впервые опубликован в «Русском архиве» в 1889 г. под названием «Автобиография В. А. Даудова»² и с тех пор не привлекал внимания исследователей.

Данный текст явно переписан с какого-то неизвестного нам списка и не является первоначальным, авторским. Об этом говорит запись на первом листе рукописи: «Списана в городе Арзамасе в прошлом 1751-м году дежурными писарьми». Об этом же позволяет судить и изменение первоначального имени Даудова, известного по документам XVII в., Алимардан — на Алимардан.

В списке «Выезда» встречаются описки, повторы. Так, например, на л. 625 об. два раза повторено слово «великаго», вместо «боялись» читается «боярину» (л. 631 об.), вместо «пожаловал» — «пожаловалал» (л. 628 об.), ошибочно названа дата последней посылки Даудова в Царьград — «тысяща семьсот двести седмаго» и др.

«Выезд» начинается с известия о прибытии в Персию к шаху Аббасу русского посольства во главе с князем И. И. Лобановым-Ростовским в 1653 г.; далее излагается история необычной жизни «стряпчего» шаха Аббаса — Алимардана Бабаева, сына Даудова.

По обычаю персидских царей, Алимардан был послан с подарками к прибывшему русскому посольству. Увидев в посольской избе иконы, он стал расспрашивать о них толмача Ивана Ширмова. Во время следующих тайных посещений русского посольства шахский стряпчий узнал о христианской вере, о евангелии, и когда однажды посол И. И. Лобанов-Ростовский предложил ему ехать вместе на Русь, Алимардан согласился.

Через шесть недель, когда русское посольство, отпущенное шахом на Русь, прибыло в Шемаху, Даудов, оставив свои поместья и вотчины, захватив лишь две тысячи девятьсот золотых, с двумя иноходцами поехал вслед за Лобановым-Ростовским. Спустя неделю Даудова хватились, и шах, снабдив своих гонцов указами к шемахинскому хану, приказал догнать беглеца и затравить собаками. Из-за наступления зимы русское

¹ Рукопись подробно описана в машинописном обзоре: ГБЛ, ф. 310, собр. В. М. Ундольского, т. 3, № 1084—1586; см. также: Д. Л. Автобиография В. А. Даудова // Рус. архив. 1889. № 2. С. 5—6.

² Рус. архив. № 2. С. 6—20.

посольство не успело выехать вместе с Даудовым из Шемахи. Шемахинский хан, согласно шахскому указу, направил против русского посольства вооруженный отряд (из 700 человек!), чтобы отбить Даудова.

Без больших усилий беглец был отбит, и связанного его привели к шемахинскому хану, который отдал его приставу Агамет-бею и приказал заковать в железо. После пыток закованный Даудов шесть недель пробыл в Шемахе в заточении. Затем в сопровождении двух стражников и десяти стрельцов его препроводили из Шемахи к шаху. Участь его, казалось, была решена. Но судьба явно благоволила к герою. По дороге к Ардевилю в селе Келграни, где, по обычаю захороненных здесь сефевидских царей, колодников освобождают, кормят и поят, Даудов был отбит у стражников местными жителями.

Провожатые шемахинцы «с горькими слезами» умоляли свою жертву ехать вместе с ними к шаху, но Даудов отказался, зная о готовящейся над ним расправе.

Освобожденный узник прожил в Келграни два месяца. Однажды, под тот самый день, когда его освободили, он увидел пророческий сон: некий храбрый муж с оружием сказал, что должен охранять Даудова. Находясь под впечатлением увиденного во сне, герой попросил местных жителей проводить его в Ардевиль — такое же безопасное для пленников место.

В Ардевиле он прожил три недели, пока его не разыскал там переводчик Григорий Гастев. От него Даудов узнал, что русское посольство зимует на берегу Каспия в Низовой и очень о нем беспокоится. Даудов ушел вместе с переводчиком; спасаясь от преследований шахских людей, он прожил в построенной для него земляной избе с сентября по май.

Наступила весна, и Даудов вместе с русским посольством под строжайшей охраной (численностью в 500 человек!) добирается морем до Астрахани, затем по Волге до Симбирска, где путники зазимовали, а весной приходит в Москву.

По приказу царя Алексея Михайловича, Даудов был отдан в Чудов монастырь и через шесть недель по приезде крещен — 26 апреля 1656 г., в день священномученика Василия Амасийского. Крестным отцом его стал думный дьяк Александр Степанович Дуров; с того времени Даудова и нарекли Василием Александровичем.

На этом заканчивается необычная предыстория жизни героя.

Далее следует описание его долгой и трудной посольской службы Русскому государству: сначала, в зрелом возрасте, — царю Алексею Михайловичу, затем — Федору Алексеевичу и уже глубоким стариком — молодому Петру I.

Первая служба началась в 1667 г., когда Даудов вместе с Афанасием Нестеровым и дьяком Иваном Вахрамеевым был послан к турецкому султану Магомету в Царьград с поручением русского правительства вывезти русских пленных, а также уладить дела вселенских патриархов — Макария антиохийского и Паисия александрийского, — незаконно низвергнутых с занимаемых должностей.

За выполнение посольской службы Даудов был пожалован царской милостью — ему выдали из Сибирского приказа на 400 рублей соболей.

В 1672 г. вместе с подьячим Посольского приказа Никифором Даниловичем Венюковым Даудов был снова послан к турецкому султану. В Азове посланцы попали в тюрьму; Даудов с трудом добрался до Царьграда, откуда вернулся в Москву через Адрианополь—Яссы—Чигирин. За эту службу он был пожалован воеводою в Яренский городок, а Никифор Венюков из молодых подьячих переведен в среднюю статью с прибавлением к жалованью 15 рублей.

В 1675 г. состоялась третья служба Даудова. Это было посольство в Хиву и Бухару к Хивинскому Ановша Магамед Богдадырхану, результатом которого был вывоз 63-х русских пленников.

В 1679 г. Даудов был вновь послан к турецкому султану вместе с подьячим Посольского приказа писарем Федором Старковым. В «Выезде» сообщается и об участии Даудова в Крымском походе в 1687 г. вместе с его сыном Петром.

Перечисляются далее его службы и должности в Яренске, Чаронде, приводятся поименные перечни пленных, вывезенных за все четыре посольства из Турции.

Заканчивается «Выезд» указанием на посылки Даудова под Азов и в Царьград с Емельяном Украинцевым и Каргопольским наместником.

«Выезд» насыщен точными датами фактов и событий из жизни Даудова, он содержит упоминания исторических лиц, событий русской истории, имена государственных деятелей Руси и стран Востока.

Какие же источники использовал автор для написания «Выезда»? Такими источниками были подлинные документы о жизни и деятельности Даудова, которые можно разделить на официальные (царские и правительственные указы Даудову, отпускные грамоты, сказка о роде Даудовых) и личные (челобитные царям и др.).³

Вероятно, в числе источников находился и статейный список Даудова, на который указывает автор (в рукописи на л. 633 об. см.: «И посланник Василей Александрович Даудов тех 55 человек пленных людей привез с собою к Москве . . . А записаны они все в статейном списке, а статейной список отдан в Посольской приказ. . .»), утраченный, к сожалению, еще в прошлом столетии.⁴ Именно поэтому «Выезд» приобретает особую ценность как единственный сохранившийся источник сведений о результатах посольства Даудова в Турцию.

Совпадает с документами и указание «Выезда» на должность Даудова у шаха Аббаса, а также объяснение мотивов, побудивших Даудова бежать вместе с русским посольством во главе с И. И. Лобановым-Ростовским в Москву.

Очевидно, автор «Выезда» заимствует и сообщение Даудова о приезде в Москву и крещении в христианскую веру в Чудовом монастыре.

«В ы е з д»

«Сказка . . . Василя Даудова»

«В том же Чудове монастыре он, Даудов, крещен во святу православноу христианскую веру. . . Восприемьник, отец ему крестной был думьной диак Александр Степанович Дуров, во святом крещении нареченно ему, иноземцу Даудову, имя Василей».

«. . . И в православную христианскую веру крестился в Чудове монастыре; а восприемник был, по его, великаго государя, имянному указу думной дяк Александр Степанович Дуров».⁵

Во второй части «Выезда», подробно повествующей о службах Даудова и посылках на Восток, из документов взяты лишь отдельные сведения, главным образом даты всех его служб и посылок. В рассказе о первой посылке Даудова в Царьград «Выезд» приводит из «Сказки о службах и посылках Василя Даудова»⁶ и из «Челобитной Василя Даудова об отставке»⁷ лишь поименное число русских пленных, вывезенных Даудовым в Россию.

Рассказ о том, как Даудов стал узником Калачинской башни во время второй посылки в Царьград, заимствован в «Выезде» из описания самого Даудова, приведенного им в той же «Челобитной».⁸

³ Эти подлинные документы, извлеченные из различных архивов, были опубликованы Н. Н. Селифонтовым. См.: С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василя Александровича Даудова // ЛЗАК. СПб, 1871. Вып. 5. С. 1—41; Приложения. С. 1—196.

⁴ См.: Б а р т о л ь д В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 180—182.

⁵ С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк. . . С. 170. — «Сказка о службах и посылках Василя Даудова (1686 г.) цитируется здесь по списку 1799 г.

⁶ С е л и ф о н т о в Н. Н. Очерк. . . С. 61.

⁷ Там же. С. 87—90.

⁸ Там же. С. 88.

«В ы е з д»

«. . . и Азовскому воеводе учили против говорить, что де они лазутчики . . . и оне де их повесят на башнях, против казачьих пушек. . . А последнею де башню до половины разбили. И волею божиею от Гнилова Азовскаго моря ветер потянул, и прибыльная вода казачьи шанцы потопила, и казаки отошли прочь. . .».

«Ч е л о б и т н а я»

«. . . и называли меня, холопа вашего, лазутчиком . . . и приговорили они меня, холопа вашего, казнить смертью. . . А как казаки одну башню разбили и почели бить другую башню. . . И в ночь, волею божиею, ветер потянул с Гнилого Азовскаго моря, и прибыльная вода потопила казачьи санчи . . . и казаки прочь отошли. . .» (с. 89).

Подробности взятия Гурьева городка восставшими казаками во время третьей посылки Даудова в Царьград также совпадают с рассказом об этом событии в «Челобитной».⁹

Описание третьей посылки в «Выезде» заканчивается известием о вывозе пленных, дается перечень их имен. Приводится это описание и в «Сказке о службах и посылках Василья Даудова».¹⁰

Автор «Выезда» упоминает также о должностях Даудова в Яренском городке, Чаронде, Скопине, Рязске, перечисленных и в документах.¹¹

Но наряду с использованием документальных материалов в «Выезде» имеются сведения, которые не вошли в известные нам источники. Так, из первой части «Выезда» читатель узнает подробности пребывания Даудова в Персии — о его бегстве и о последующих преследованиях со стороны Шаха Аббаса, об аресте, освобождении в селе Келграни и т. д. Кроме того, в «Выезде» присутствуют вымысел, преувеличения, отступления от реальных фактов. Именно это и позволяет рассматривать «Выезд» не только как деловой документ, но и как памятник литературы. Хотя он насыщен фактическими данными, чаще всего подтверждаемыми историческими источниками, по типу изложения это биографическое повествование, отразившее жизнь Даудова со всеми ее трудностями, преодоление которых зависело не только от его воли, но и якобы от чудесного вмешательства. Так, «. . . в ночи явился де ему во сне храброй муж со оружием, на коне, и говорит де ему: „Я де прислан поберечь тебя, чтобы ты из рук не ушел“». Этот эпизод определенно носит черты литературного жанра видений.

В другом месте находим приметы, характерные для жанра мученичества: «. . . шемахинской хан отдал ево (Даудова. — С. Г.) приставом . . . и приказал на шее, и на руках железа, и на нагах железа класть. И тот печестивой басурманин . . . с великим скаредным мучением клал железа на шею, и на руках, и на нагах, и шесть недель в Шемахе держали вкрепе».

Сочетание элементов различных жанров в биографическом повествовании было типично для рубежа средневековой и новой литературы; «Выезд» занимает свое место в ряду произведений этого периода.

Но более всего он интересен с познавательной стороны — общеисторическими, географическими, этнографическими данными, которые приводятся при описании стран Востока. Эти данные, основанные на личных впечатлениях, обогащали представления русских людей о чужих странах, о дипломатических отношениях Руси периода позднего средневековья, а иногда дополняли исторические сведения, так, например, о восстании яицких казаков и т. д. Информативная часть «Выезда» причудливо сочетается с гиперболизацией численности отряда, охраны и т. д.

В языке «Выезда» встречаются словосочетания, характерные для деловой письменности посольской среды, а также термины сравнительно редкие: «стряпчий», «парсуна», «фортуна» и др.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Там же. С. 17.

Кто же мог быть автором «Выезда»? В XIX в. считалось, что «Выезд» написал сам Даудов. Нам же представляется, что это мог сделать близкий ему человек, с которым Даудов делился на склоне лет своими воспоминаниями и которому были доступны официальные документы, связанные с его дипломатической деятельностью. Повествование ведется только в третьем лице, как бы со стороны.

Возможно, это был один из сыновей Даудова (вспомним, что старший его сын Петр участвовал вместе с отцом в Крымском походе). Заметим, что «Выезд» как будто не вышел за пределы семейного круга; недаром он известен пока в единственном списке и является как бы приложением к рукописи, принадлежавшей внуку Даудова. На первом листе рукописи читается запись: «Сие Сводное Уложение надворного Советника Петра Федорова сына Даудова, описано в городе Арзамасе в прошлом 1751-м году дежурными писарьми, дано от писма 4 руб., где я находился за дежурмаера при господине генерал-майоре Иване Федоровиче Юрлове, а подписал сию книгу я, Петр Даудов, свею рукою в Новосильской своей вотчине в сельце Никольском в нынешнем 759 году декабря 20 дня».

Когда же мог быть написан «Выезд»? Мы полагаем, что он был написан не ранее 1696 г., когда состоялась последняя служба Даудова, т. е. еще при его жизни (умер он около 1702 г.). Заметим, что в рукописи жизнеописание не имеет выраженной концовки. Может быть, в оригинале был утерян последний листок.

Ниже приводится текст «Выезда» в соответствии с правилами публикации, принятыми в «ТОДРЛ».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

л. 624 **Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова, которой выехал из горада Казмина, а имя ему было Алимардан был Бабаев сын Даудов**

Лета 7161 году, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, полномощным послом посылан был в Персицкую землю к шах Абас величества боярин князь Иван Иванович Лабанов-Ростовский. С ним товарищи были: стольник Иван Богданович Камынин, дьяк Василий Нефедьев. Будучи в Персицкой земле, в городе Казмине, обычай Персицких царей — от себя подарки посылают стряпчими и з жильцами полномощным послам. И как шах Абас величество послал от себя подарки стряпчими и з жильцами к боярину князю Ивану Ивановичу с товарищи в городе Казмине, будучи у него полномощнаго посла с подаркою, один человек персиденин стряпчей, именем Алимардан был Бабаев сын Даудов, и взглянул на святой образ и спросил у тольмача у Ивана Иванова сына Ширмова, что за парсуни стоят на полъке? И он, тальмач, сказал про святой образ и про благочестивою христианскою веру. И ему, персиденину, вельми полюбилась христианская вера. И тот персиденин учал ходить потайком к боярину князю Ивану Ивановичу, и он, боярин, через тольмача сказал ему, персиденину, про святое крещение, и про Евангелие, и про святую христианскою веру, и ево, персиденина, звал он, боярин, с собою, чтобы он выехал на великаго государя имя, и он, персиденин, обещался, чтоб выехать на великаго государя имя. И как боярин князь Иван Иванович отпущен от шаха, звал таго персиденина к себе и велел за собою ехать, шесть недель спустя горада Шамахи, где карабельное пристанище.^а И как шесть недель минула, || и тот персиденин не пожелел сваего поместья и вотчены, именование, излюбя христианскою веру, взял с собою две тысеци девять сот червонных залатых, купил два ино-

л. 624 об.

^а Испр., в ркп. припристанище.

ходца, персицкой обычай, как персицкие гонцы гоняют, и поехал за боярином за князь Иваном Ивановичем.

Спустя недели, и начальныя люди известили у шаха, что Алимардан Даудов безвестно пропал, и указал шах бирючью кликать в гораде Казмине о Олимардане и сыскивать ево, жив или убит. И в Казмине, где стоял на посольском дворе боярин князь Иван Иванович, того посольскаго двора дворенин босурманин известил начальным людям, что тот Алимардан Даудов к руским послам почасту хаживал. И начальныя люди шаху известили и шах велел скорогонных ганьцов своих поставил перед собою и указал им, гоньдом, за послом гонять до горада Шемахи и свои указы им дал, покаместья он, боярин князь Иван Иванович, не уехал за море, не увез бы Даудова.

И как боярин приехал к Шамахе, и стала зима, морской хот минулся, и от шаха гоньцы скоро поспели к городу Шемахи и шахов указ подали Шамахинскому Мегралихану, и он, хан, семьсот служивых людей с оружием, в паньсырях, послал к боярину князь Ивану Ивановичю и велел отбить Алимардана Даудова. И как те служивые люди персиане пришли к боярину, и Алимардана Даудова отбили и, взявши ево, руки назад у него свезали и поставили его перед шемахинским ханом. И шемахинской хан отдал ево приставом, начальному человеку Агамет-бею, и приказал на шее, и на руках железа,^б и на нагах железа класть. И тот нечестивой басурманин, взявше к себе на двор, с великим скаредным мучением клал железа на шею, и на руках, и на нагах, и шесть недель в Шемахе // держали вкрепе. И хан шемахинской двух человек своих начальных людей, да десять человек стрельцов от Шамахи отпустил к шаху с Алимарданами Даудовым. И как будут за две версты от горада Ардавила, в селе Кельгрране, и Даудова отбили у провожатых и отняли: потому что обычай персицкой, где их цари погрибены, положена клятва: отбить колодников, не пропускать, отбить их, и сколько время колодники похотят жить, и в таких местах поят их и кормят, и вольно им куда итти. А в том селе Кельгрране лежит шах София, отец Саит-Набраил. И таго Даудова в том селе отняли, и праважатым шамахинцам начальным людям и стрельцом выговор и лист указа старых персицких царей показали им, харатейная, и тожа писана золотом за многими персицких царей печатми и за руками. А в том листе писана клятва и запрещение, что через то село Кельгран и круг таго села по шести верст отнюдь колодников не пропустить, отбить.

И в том селе Кельгрране ево, Даудова, поили и кормили, и провожатыя шемахиньцы з горькими слезами приходили к нему, Даудову, и звали ево с собою ласкавыми славами, чтобы он с того запрещеннаго места поехал с ними к шахову величеству. И он, Даудов, им отказал и с ними не поехал, потому что от шаха указано было именно: в кои час приведут и ево, Даудова, к нему, шаху, на очи не пуская, стравить собаками. И те праважатые шамахиньцы поехали к шаху одни и били челом шахову величеству горькими слезами и известили о том, как ево, Даудова, отбили в селе Кельгрране. И шахово величество указал им дать свой лист к шамахиньскому хану, чтоб им, праважатым, он, шемахиньской хан, никакой шкоды не учинил.

И он, Даудов, в том селе Кельгрране жил два месеца. || И почело ему в том селе Кельгрране скучно быть. А в котором числе ево, Даудова, в селе Кельгрране отбили, и под то число в ночи явился де ему во сне храброй муж со оружием, на коне, и говорит де ему: «Я де прислан побережь тебя, чтобы ты из рук не ушел». И почал он, Даудов, бить челом того села Кельгррана тутошним людям, чтоб ево проводили ночью до горада Ардавила, потому что в том городе Ардавиле лежит персицкый царь шах София, и в том городе Ардавиле такожде запрещено колодников отбивать.

^б В ркп. (железа).

Где он лежит в городе Ардавиле, в котором месте погребен персицкой царь шах Софья, зделано кругом в том дворе келей больше семи сот, а в тех кельях живут духовнаго чину люди, персиане, и поят, и кормят их, и платья им дают от шах Софеивой казны. А в казну к шах Софеиву доходов идет с вотчин, с лавок, з гостинных дворов з девеноста тысяч.

И ево, Даудова, из села Кельграна ночью проводили до города Ардавила. И где погребен шах Софья, и в том месте известили начальнику про него, Даудова, что пришел, и указали ему, Даудову, келью и корм, чем ему сыту быть.

И жил тут он, Даудов, три недели. И в том месте пришел к нему, Даудову, русской человек, посольскаго приказу талмач именем Григорей Гастев, и сказал ему, что полномощной великой посол боярин князь ^В Иван Иванович Лабанов-Ростовской с товарищи за моря не пошли, зимуют у берега Хвалынскаго моря, у корабельнаго пристанища, во селе Низове. Он же, Григорей, говорил ему, Даудову: послы де и руские люди об тебе вельми печалютця, не чают, что ты жив, для раде Пресвятыя Богородицы; ты, Даудов, не забудь истинныя христианския веры, призови великаго ^Г Бога на помощь. И с таго места ушел к послам к карабелнаму пристанищу.

И послы, боярин князь Иван Иванович с товарищи и все руские люди, увидев ево, Даудова, zelo обрадовались, и приказал боярин астраханским стрельцом ночью зделать || земляную избу для кызылбашских людей, чтоб ево, Даудова, не видали, и в той избе жил он, Даудов, с сентября месяца до мая месяца.

И как боярин с государскими людьми почал убиратца в бусе и в полночь пришел к земляной избе и велел вызвать Даудова перед себя и учал говарить о том: Бог де дал путь лета, стала пора ити в Русь. И велел посадить ево, Даудова, в лодку с своими людьми и отвести в бусе, и заказал персицких людей бусных работъников на берех не выпускать потому, чтоб кызылбашким людем про него, Даудова, ведомости не было.

А как боярин зимовал на берегу у моря, и ево пять сот человек караулили кызылбашких ратных людеи, чтоб ему никакой шкоды не учинилось.

И пришли послы в Астрахань после Троицына дни, а из Асторахани пришли Волгаю стругами и после Семени дни пришли в Синьбирской и в Синбирском жили до зимьяго пути, а зимьем путем пошли к Москве.

По указу великаго государя Даудов отдан в Чюдов монастырь под начал, и под началом был шесть недель. В том же Чюдове монастыре он, Даудов, крещен во святуя православною христианскую веру месяца апреля 26-м числе, на память святаго священномученика Василия, епискупа Амасийскаго. Восприемъник, отец ему кресной был думьной диак Александр Степанович Дуров, во святом крещении нареченно ему, иноземцу Даудову, имя Василей.^Д

Первая ево, Васильева Александра сына Даудова, великому государю служба. Во 175-м году послан он, Василей, в Царьград с стольником с Афанасьем Нестеровым да з диаком Иваном || Вохрамеевым. Путь их на Азов, через Черное море шли и пришли в Царьград. И Турскаго царя салтана Махамета в Цареграде не было, был в то число цареграцкой наместник Исуп-паша. Указал им посольской двор дать, где стоять, и честь воздал им, и их, Афонасья з государскими людьми, призвал к себе в дом, зделал стол и на государских людей вздел по кавтану залатому и говорил им, что де государь ево во Аньдреанеполе, и зимовать де будет в том Аньдреанеполе, и про приезди их, Афонасья Нестерова с товарищи, он, паша, писал к турскому салтану и велел дожидатца указу, и поденьной денежной корм велел им имать. В Цареграде жили шесть недель, и от салтана прислан указ, чтоб им, Афонасию с товарищи, ехать во Аньдреанеполе.

^В В ркп. буквы кн под кляжсой. ^Г В ркп. слово великаго повторено дважды.
Д В ркп. доб. ему.

И приехав во Анъдреанеполе Афонасей Нестеров, да Иван Вохрамеев, да Василей Даудов, да перевотчик. И государским людем всем по кавтану залатому дали ^е и честь воздали. А за столом сидели: везирь Кара Мустафа-паша с иными пашами и ближними людми, и турецкие цари никогда с послами за столом не сидят. И во Анъдреанеполе зимовали. А как от салътана отпуск был, и Афонасей Нестеров и з государскими людми были в саду, также салътановы очи видели оне, Афонасей Нестеров, да Иван Вохрамеев да Василей Даудов, да перевотчик, и золотые кавтаны вздели все. И салътан Афонасью Нестерову на двор прислал лошадь с седлом, и щепраком, и с муштуком, и з бувою и велел ехать к великому государю к Москве, — дали два карабля.

Тем же путем Черным морем пошли и пленным руским людем велели ехать с Афонасьем Нестеровым с товарищи, у которых были отпускныя. Назад едучи, на Черном море распутье от фартуны учинилось, и живот свой мучели шесть недель. А как из Азова шли в Царьград, поспели || л. 627 в девять ден.

А послан был Афонасей Нестеров с товарищи в Царьград для великих государских дел и для вселеньских потриархов.

И назад идучи, будучи на Дону, Афонасей Нестеров, да диак Иван Вохрамеев Василья Даудова отпустили с отписками к Москве к великому государю через степь на украинной город, на Валуйку. Доньской атаман Корней Яковлев дал ему проважатых петънатцать человек казаков до Москвы. И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, Василья Даудова пожаловал денежным жалованьем и всяким запасом.

И вселенские патриархи, папа патриарх Паисей александрийской, да патриарх Макарий антиохинской били челом великому государю словесно: Афонасей де Нестеров, которой указ взял у турецкого салътана об их потриарших делах, и ^жтот де ^з указ им не годитца, потому что живут де они в босурманской земле, бутто невольники, и как де были они на Москве, и на их де место по указу турецкаго салтана поставлены новые патъриархи, им де от того разарение ехать к своим местам немошно, чтоб указал великий государь послать к турецкому салтану Василья Даудова с своею государскою грамотою просить и взять у турецкаго салътана указы и грамоты, чтоб александрийскаго новаго патриарха с места збить и послать ево в сыльку, куда салтан укажет, чтоб ему, папе и патриарху, Паисию александрийскому быть по прежнему в патриаршестве во Александрии, на прежном своем месте, такожде бы и Макарию, патриарху антиахийскому, быть в Онътиохии по прежнему же на патриаршестве, на своем месте.

И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, || л. 627 об. всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, указал послать к турецкому салтану, по челобитью вселеньских патриархов, с своею великаго государя грамотою Василья Даудова, оп чем они, вселеньские потриархи, били челом. Да с ним же, Васильем Даудовым, послали греченина Мануила Иванова товарищам. А на подъем ему, Василью Даудову, дали денег пять сот рублей, да на четьреста соболей раздачи великих государей дел. А указал великий государь Василью Даудову ехать к турецкому салтану во сто семьдесят седьмом году на Смоленск через Польшу и на Валахи. И он, Василей Даудов, з греченином с Мануилом поехали с Москвы.

И как были в^н Валаской земле в городе в Ясе, дук воевода, господарь молдавской, их, Василья Даудова с товарищи, звал к себе и великаго государя грамоту у них принял и цаловал, которая к нему послана была. Оной же дук воевода встал с места и снял шапку, великаго государя о здравии спросил и учал^к государские дела говорить. И говорил

^е В ркп. доб. и зачеркнуто и честь. ^{ж-з} Испр., в ркп. тод ди. ^н Доб., в ркп. нет. ^к Испр., в ркп. учил.

он, воевода, Василью Даудову: Турецкой де царь в походе, а в Цареграде ево нет, зимует де в городе Ларсе, а по турецки называют Егигешегер, выше Селуни града, блиско Веницейской земли. И волоской господарь дал подьводы и праважатых, и велел ехать во Андреанополь, потому что на Ларсу ехать дорога лежит на Аньдреанополь. И Василей Даудов с товарищи приехал в Андреанопаль, и андреанопольской воевода бастанжибаши умер. Ага дал два человека бустанже праважатых и подьвод, велел на дароге везде корм давать и дал подорожною везде часу не держать до салтана, а приказал ехать на град на Селунь. И будучи || в Селуне, они, Василий Даудов с товарищи, из Селуня дали им подьвод такожде и правожатых. И шли от Селуня к Ларсу пять дней берегом Белаго моря и приехали в Ларсу и салтана застали в Ларсе.

л. 628

Василей Даудов послал от себя Мануила греченина к ближнему человеку Камакам Мустафе-паши, чтоб он об его, Васильеве, приезде доложил салтану. И Мануила, придет от него, гаварил Василью Даудову: велел де ближней человек Камакам-паша тебе, Василью, приехать к себе, и буде от великаго государя грамота есть к нему паше, и он де бы Василей привез с собою. И на другой день он, Василей Даудов, взявши от великаго государя грамоту, которая к нему, паше, послана, да черной лисей мех, и пришли к нему, паше, на двор, и он, паша, великаго государя грамоту принел чесно и лисей черной мех принел же он, паша, и приказал им, Василью с товарищи, сесть. И Василей Даудов говорил ему паше, чтоб доложил салтану об его, Васильеве, приезде. И Камакам-паша говарил: салтану де известно твой, Василев, приезд, готовся де к завтраму и салтановы очи увидить. А на другой день у салтана были, и салтан великаго государя грамоту принел. Он же, салтан, турецким языком у него, Василья, спрашивал: от великаго государя есть ли де словесной приказ, говори де мне. И он, Василей, известил ему турецким же языком, чтоб указал он, салтаново величество, словесной приказ на письме принять ближнему человеку и потом известить ево салтанову величеству. И салтан приказал ближнему своему человеку Камакам-паше принять и себе доложить, и ему, Василью, велел ехать на стаялой двор.

л. 628 об.

И он, Василей Даудов, подал на письме || дела великаго государя, о которых дела великому государю били челом вселенские патриархи. И ближней человек Камакам-паша, салтану докладывал, и салтан указал и велел дать свой указ и грамоты, чтоб патриархи вселеньския, александрийской и онътиахийской, с Москвы поехали к своим престолом, и быть по прежнему на потриаршестве, а новых патриархов указал с места збить и сослать их в сыльку.

И Василей Даудов с товарищи жили в Ларсе три недели, и салтан указал ево, Василья, отпустить к великому государю к Москве, и Камакам Мустафа-паша ево, Василья, звал к себе от салтана и грамоту к великому государю, такожде указу от салтана о потриарших делах поднес Василью и велел дать правожатых и подводы и велел ехать на Царьград. Такожде, от салтана особно, указ дали ему Василью к цареграцкому Камакам-паше Исуп, чтоб он Исуп-паша звал бы к себе цареграцкова греческова патъриарха и сказал бы ему, патриарху, салтанов имяньной указ, чтоб он, патриарх, по христианскому греческому закону учинил бы сабор с архиереи в соборной церкви и чтоб проклинали александрийскаго новаго патриарха, потому что старой патриарх жив, а он сел на патриаршестве по посулям. И цареграцкай патриарх в соборной церкви сабор учинил и новаго патриарха проклинал.

И Василей Даудов с товарищи ис Царяграда поехали к Москве на Волошскую землю и на Польшу, и к Москве приехал он, Василей, с товарищи. И великий государь пожаловал^л ево, Василья, указал выдать

^л Испр., в ркп. пожаловалал.

ему за то ево службу из Сибирскаго приказу на чтыреста рублей са-
болей.

|| Вторая его, Васильева Даудова, великому государю служба. По л. 629
указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайло-
вича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самадержца, во 180-м году
с ево, великаго государя, грамотою послан он, Василей, к Турецкому
салтану, да с ним, Васильем, послан был Посольскаго приказу подья-
чей Никифор Данилов сын Венюков, на низ Дону и на Азов. И как донь-
ския казаки одъдали ево, Василья, с подьячим Никифором азовцом,
и в то число скоро они, казаки, с ними азовцы размирились и с пушками
пришли пот Каланчиския башни, и учали по башни бить ис пушек, и
одну башню до пошвы разбили и почали по другой башне бить. И в то
число их, Василья да подьячева Никифора с людми, Азовской воевода
Магмет-бий велел в тюрьму посадить, рняяся и за даньских казаков. И азов-
ской янычары служилыя люди буньтом приходили к тюрьме и хотели
тюрьму ломать и их, Василья и Микифора, бить до смерти, и азовскому
воеводе учали против говорить, что де они лазутчики, а не посланъные
люди и чтоб отдали их, Василья и подьячего Микифора, им, и оне де их
повесят на башнях, против казачьех пушек, и у них де бы з донскими
казаками было мирно. А как де они, Василей да Никифор, были в Озове,
а доньския казаки с ними азовцы размирились. И в тех же числах два
казака из Черкаска изменили, ушли в Азов и абусурманились и сказали
про них, Василья да Никифора, что де они, Василей да Никифор, измень-
ники: как де они с Москвы приехали на Дон и в Рузе казакам подали
великаго государя грамоту, а в грамоте написано: Атаман Карней Яков-
лев с войском отдав || Василья Даудова в Озов, и с азовцами размиритесь л. 629 об.
и войною под те под Каланъчиския башни. И они, воевода и озовцы, пуще
стали супостата ему, Василью. А последнею де башню до половины раз-
били. И волею божиею от Гнилова Азовскаго моря ветер потянул, и
прибыльная вода казачьи шанцы потопила, и казаки отошли прочь.
И озовцы глиною и сырыми кирпичами учали Каланъчинския башни
биты починивать, а их, Василья да Никифора, из Азова отпустили
ф Кафу.

И кафимьскаго Имъбраим-паши наместник Мусаил—Усман-ага от-
пустил ево, Василья, с подьячим Никифором в Царьград в корабле.
И божим изволением фартуна и ветр встрешнай встал и вернула назат
к гораду Трапизону и носила по морю многое время. И в том же путном
шествии стал супротивной ветр, и фартуна и волны морские коробль
унесло назат, и потопал трожды. Ис Трипизона шли возле берега до
горада Синопа, от Синопа карабельщик не поехал в Царьград, зимовал,
потому что зимою невозможно караблям ити в Царьград. И они, Васи-
лей да подьячей Никифор, говарили воеводе, чтоб велел дать им лехкай
струк и грещов и праважатых от Синопа да Царяграда, и воевода им от-
казал: бес салтанова дие указа струга и провожатых дать вам не смею.
И он, Василей, в Синопе нанил стружок у гречинина Апостала ехать
да Царяграда греблю. А з Дону из Черкаскаго горотка отъпущен в Азов
июня в || 29-м числе, а донския казаки приходили под Колонъчиския л. 630
башни августа в двотцатом числе и били башни августа 1 числа, а оташли
прочь ани, казаки, сеньтября 1 день, а Василей отпущен из Озова в Царь-
град в корабле с приставам с Мустафою чилибеям. И октября в 9-м числе
пришли в Керчь того ж октября месеца в 17 день, а ф Кафу приехали
сухим путем от Керчи в том же месяце в двадесятом числе, а от Кафы
отпущен он, Василей, в Царьград в корабле октября в дватцать девятом
числе и пришли в Синоп ноября в дватцать седмом числе, от Синопа пошли
в Царьград декабря в тридесятом числе в Царьград и пришли генваря
в девятом на десять числе, ис Царьграда отпустили и Василья с товарищи
во Андреанополе февраля в третьем числе с приставам с Азаном чеушом,
а во Анъдреанополь пришел февраля в 1 числе.

Иза Ондреанополя^М они, Василей да подъячей Никифор, иза Ондреанополя отпущен к Москве марта в дватцатый день с приставом с Усманом чеушем в Волоскаю землю, а в Ясу приехал сухим путем апреля шестнадесять день, в Каменец приехал в Подольской того ж месяца в дватцеть втары день, в Чигирине к Дорошеньку приехал мая в седмы день, а ис Чигирина отпущен Василей к Москве в четверты день, таго ж месяца мая в дватцать девятом числе. 181 году августа в 28 день от великих государей пожалован Василей Даудов за сию Царегороцкую службу, воеводою отпущен в Еремьской городок. || А Посольскаго приказу подъячей Никифор Данилов сын Венюков пожалован за ту Царегороцкую службу из молодых подъячих в середнею статью, ему ж б прибавлено к годовому денежному жалованью петънатцать рублей.

л. 630 об.

Третья ево, Васильева Даудова, великому государю служба. Лета 7183 году февраля в 28 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу и по наказу ис Посольскаго приказу за приписью дьяка Емельяна Украинцова велено ехать ему, Василью, в Хиву и в Бухару в посланниках, ему, Василью Александровичу Даудову, великаго государя з грамотами к Хивинскому Анавша-Магамет Богадырхану да к Бухарскому Абдул Азиз Богадырхану. От великаго государя послана с ним, Васильем, Бухарскому Абдуле Азиз Бугадырхану четыре кречита да иных поминькоф да соболей на пятьсот рублей, да ему же Бухарскому хану посланы органы, а Юргенскому хану послана в поминьках по двести рублей. Великаго государя жалованья на подъем ему, Василью, дано двести рублей денег, да на триста рублей сабалей, всего на петъсот рублей. А с ним, Василеем, посланы для обереженья кречетав сокольник Епением Подваснев да кречетъников Ефим Малинин, Михайла Петъров, Фадей Ярцав, Ларион Мартемьянов, а за органами послан органист дворовой человек Федор Текутьев. И с ним, посланъником с Васильем Даудовым,

л. 631

с товарищи послано || из Казани татарских языков талмачей: Анисим Васильев, да Иван Горской, да три человека стрельцов, Ивашка Носов с товарищи. С ним же посланъником, с Васильем Даудовым, посланы из Астрахани съезжай избы подъячей Данила Гольдыбин, да Василей Бочков, да перевогчик астраханьской татарин Мурмешка. А с Москвы пошел он, посланник Василей Даудов, во 183 году мая в 15 числе. Шел реками Москвою и Окою и Вольгою бес простою, и в Казань пришел июля во 12-м числе, а в Астрахань пришел июля в 17-м числе. А з Астрахани отпущен он, Василей, с товарищи бусуюю августа 22-м числе, и шол через Хвалынское море на Караганскаю пристань з государьскими людми, пришли на Карагинскую пристань 184-го году сентября в дватцать пятый день.

Посланъник Василей з государьскими людми нанел у Трухменца верблюдов и лошадей дорогою ценою под великаго государя казну и под себя, и под запас, и под рухлеть. Пошли степью, а они, воры проклятыя бусурмана трухменъцы, вели Василья з государьскими людми безызвестными пустыми степями нарошно, и воды такие скаредные, хуже дехтю, а едуци де тою нужною дорогою, пустою степью, они, проклятыя трухменъцы, подвозчики и провожатыя в тех местах, думали была среди степи в безводных местах их, посланника Василья Даудова з государьскими людми, изрубить, а казну великих государей грабить. И едуци в той степи в нужных местах, великия жары были, а девить ден воды не показали, а шли тою степью дватцать пять дней, а от них, воров || трухменъцов, над государьскими людми грабежу и ругателства многажды было, и боялись^Н их, трухменъцов, смертнаго убивства, давали им платьем и товаром, откупалися. А пришли в Хиву октября в дватцатый день и в Хиве у хана

л. 631 об.

были, великаго государя поминъки хану поднесли, он же, хан, два кречета сильно отнял.

Хивинская земля самая нужная, места всяким запасом и товаром и водою, и сеном, и лесом гораздо скудно. Послом и посланьником корму и подвод не дают, только у хана у стала бывають послы и посланьники, а дают им чалму да кафтан и азым, временем от хана посылают вместо корму еств да денъгами не по большому месту, рублей по двести и по полтараста на приезд и на отпуск, толко дважды дают, а подводы наимают сами, харчи и конской всякой корм покупают дорогою ценою. А ис Хивы пошол он, посланник Василей Даудов, з государскими людьми генваря в шестом числе через Дарью реку, а в то число река Дарья замерза, шли через лет, а шли от Хивенскаго крайнего горада пустою степью в Бухаре тринадцатъ дней, в 21-м числе приехали в Бухары. На август в 18-м числе посланник Василей Даудов с товарищи поехал в Хиву, и во 185 году сеньтября во втором числе пришли в Хиву они, посланник Василей Даудов з гасударевыми людьми и с посланниками. А ис Хивы апреля во втором надесять числе пошли степью пустою на Яик да на Гурьев городок. А та пустая степь вельми нужна, безводна и бездровна, всякой харч, и вода, и верблюдна, и конской корм вазили на верблюдох. А пришли в Гурьев городок в Яик за два дни да Вознесеньева дни. И в самой Вознесенев день за час до свету вор изменник яицкой казак Васка Петров сын Касимов с товарищи своими ворами исзменники, человек || их л. 632 с триста, и они, воры изменники, изменили великому государю, Гурьев-городок взятьем взяли, великаго государя всякую казну, ружье и порох ограбили, також и посланника Даудова и торговых людей иназемцов, бухарцов и хивинцов, которыя пошли с товары своими ис Хивы и из Бухары с ним, посланником Васильем Даудовым, в Росиское государство торговать, ограбили всех без остатка и ево, Василея Даудова, а иных иназемцов и до смерти растреляли. А посланника Василья Даудова ограби без остатку отдали за казачей народу. И не по одно время они, воры изменники, думали, что посланника Василья Даудова потерять. И пленной поп Афанасий Иванов с товарищи с пленными людьми собралися все и били челом им, вoram и изменъникам, горками слезами многожды и просили об нем, посланнике, чтобы они, воры, ево, Василея, не казнили. И они, воры и изменники, им, пленным людем, попу Афонасию с товарищи, сказали, что де у него, посланника, инога каменья дорогова и червонных золотых. И поп Афонасей им, изменникам, говорил: великаго государя казны де с ним, Василем, не послано, а нас де пленных людей 55 душ купил на свои денъги и большую де половину и пленных людей поил и кормил и подводы де под них дал, через степь до Гурьева горотка, своими денгами нанел. И они, воры изменники, выслушав такия слова у него, Афонасия, и говорили ему, попу Афонасию: в утри де у них, воров, круг будет об нем, посланнике Василе, и что де казаки придумают в кругу, а вам де будет известно; и ему, попу Афонасию, они, воры, велели в круг притти на другой день. И на другой день они, воры изменники, учинили круг и придумали про него Василья Даудова: не русской де он человек, иноземец, || за што де ево напрасно потерять? И для ради и прошения их л. 632 об. пленных людей, попа Афонасия с товарищи, потому что де он, Василей, их, пленных людей, из дальнава государства через такую нужнаю степь вывез и поил, и кормил, и от себя подводы дал, можно ево, Василья Даудова, от смерти свободить. И того же числа они, воры изменники, праклятой атаман сказали в круге, сказали им, попу Афонасию с товарищи: казаки де придумали ево, Василья Даудова, свободить от смерти для ради вашего прошения. И розаря Гурьев городок, те воры изменники великаго государя всякую казну, также и Василья Даудова и иноземцов торговых людей ограбя ж без остатку, начевали три ночи в Гурьеве горотке и нагрузили теми пограбленным козною и животами и товары козачьи свои воровския струги полны и пошли на Хвалынское море

воровать. И в то число в Гурьеве горотъке посланъников Василья Даудова вскормленник, дворовой человек немъчин, именем Левка Дементьев, в то время изменил и с ними ж, изменъниками козаками, вместе пошел на море, им, изменъникам ворам, на него, Василья, ушничивал и проживоты, и про платъя, и про всякую рухледь им, ворам, сказывал. А торговых всяких иноземъцов грабежем взяли они, изменъники, больше семидесять тысячъ рублей, а у посланника у Василья Даудова они же, воры изменъники, взяли грабежем семь тысячъ рублей. И ево, посланника Василея Даудова, в Гурьеве городке одевали, и поили, и кормили добрыя люди до Острахани. А из Бухар и из Хивы он, посланник Василей Александрович, вывез с собою русских пленныхъ людей розныхъ чинов Московскихъ и розныхъ городов мужескаго и женскаго полу и девок: Казанскаго уезду попа Афонася Иванова с пападью да с дочерью и з зятем да с самарским стрелецким сыном с Максимкою, да данъскаго казака Артамошку Анофрива, да посацкаго человека Василья Городенъца, да Ивашку Васильева, московскаго || стрельца Ивашку Дмитрева, самарскаго стрельца Васку Семенова, саратовскаго ж стрельца Ивашку Арскаго, салъдата Фетку Зарайченина, Якушку Сидараву, Заинскаго горотъка казачью жену Наташку, жену Юрьеву з дочерью Анюткою, Новаго Шешминска казака Сенъку Бабаева, Старого Шешминска стрельца Гришку, ис Сибири Тарскаго горотъка казачью жену Варварицу, того ж горотъка казачью дочь девку Маврушку, ростовскаго уезду села Великаго Ганъку Иванова, резанца Мартина Ермолаева, шешминскаго казака Савку, самарскаго стрельца Степку Заматая, города же Самары полонянюку вдову Варварицу, нижегоротъца Игнатъя Дружинина, Ерыклинскаго горотъка казака Лучку, Заискаго горотъка казачью жену вдову Авдотицу, да Ерыклинскаго горотка стрельца Логинъку, того ж горотка Лучку Власава, синъбиринина посацкаго человека Сенъку Деревягина, московскаго стрельца Харитонъку Ипатава, казанскаго уезду новокрещеннаго Еремку Яковлева з женою и з детьми, казанскаго уезду новокрещеннаго Гришку Иванова, Фетьку Степанова, Карпушку Иванова, Макарку Максимова, нижегородъца Захарку Реброва, Левку Харкова, беларусицу Матъренъку да Грикерицу Клеменьтьеву дочь, Феврошку Иванову, кастромитину Левку Степанову, села дворцовава Ганъку Иванова, ламовца Алексашку Федорова, саратовскаго стрельца Ивашку Савельева, самаренина Макурку Варабьева, ломовца Карпушку Иванова, да казанскихъ татар Круд Булакудал, Маметку Маремъяну Петрову, да Заипскаго горотъка Елисафету Евдокимову дочь, Парасковку Семенову, Феврошку || Иванову, Матренъку Васильеву, Дарьицу Минину, Грикерецу Клеменьтьеву, Анютку Лавренътеву, Марфутку Самсонову, Устинъицу Тимофееву, Дарицу Макееву, Матрошку Леонтьеву, мордвина Ганъку.

Всехъ вышеписанныхъ плененныхъ людей число шездесят три человека, ис того числа на дороге умерло восем человек, а осталось пидьдесят пять человек. И посланник Василей Александрович Даудов тех пидьдесят пять человек пленныхъ людей привез с собою к Москве и отдал имянно в Посольскомъ приказе. А записаны они все в статейномъ списке, а статейной списокъ отдан в Посольской приказ.

Четвертая ево, Васильева Александрова сына Даудова, служба. Лета сем тысячъ сто восемдесят седмого (1679) году февраля в 19 день по указу великаго государя царя и великаго князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, великаго государя з грамотами в Царьград к Турскому царю салтану Магмет Ибраимовичу. А для писма с ним, Васильем, послан Посольскаго приказу подъячей Федор Старков. Велено ему, Василью, ехать с Москвы в Царьград на Киев через Польшу. И он, Василей, в Киеве был, а ис Киева через Польшу ехал на польския города на полонныя: на Старой Костянътин да на Новой Кастенътин, да на Ми-

жебоже, да на Коменец^о Подольской, да на Волошскую землю, на Ясу, где Волошской господарь живет. А как в Ясе был он, Василей, и Волошской господарь дукъ ка || воевода честь ему воздал и кормил ево, есть и пить у него было довольно. Он же, волошской господарь дукъка воевода, велел дать ему пристава и провожатых и подводы, отпустил через Дунай в Царьгород. И он, Василей, приехал в Царьград в том же году в самой велик день в апреле месяце. Ис Царяграда отпущен он, Василей, и ему, Василью, дано корм и приставов и провожатых и подвод довольно. Ис Царяграда пошел в том же году в августе месяце в первом числе и приехал в Волоскую землю августа в 15 день в город Галад, которой сидит на берегу Дунай реки. И от великих жаров он, Василей, со всеми людьми скорбел лихоратькою и огневицею, а подъячей Федор Старков тое болезнию в Польше и умре, погребен в полонъном горотке. А в Киев приехал он, Василей, назат в 188 году в сентяб্রে месяце, а к Москве приехал он, Василей, в том же году. И за ту ево службу учинена ему придача государскаго жалованья к годовому денежному окладу и к поденному корму, и прибавлено.

А шестая служба Васильева с сыном Петъром в Крымском походе во 195 (1687) году в полку, были завоевотчики у боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи.

За ево, Василевы, за многия службы, за частыя дальныя посылки в иныя государства пожалован он ваеводю в Яренской город, отпущон ис приказу Новгородской^п чети во 182 году. Он же, Василей, пожалован ваеводю в Чаранъду, отпущен ис Приказу Новгородской чети во 188 году. Он же, Василей, || пожалован, отпущен в Скопин воеводю во сто дивеносто шестом году, отпущен ис Приказу Большаго Дворца. А в Яренском он, Василей, переменил Бориса Михайлова сына Наисарова, а ево, Василья, переменил стольник Василей Федоров сын Шишкин, а в Чаранъде он, Василей, переменил Петра Иванова сына Протопопова, а ево, Василья, переменил стольник Анъдрей Анъдреев сын Поливанов, а в Скопине он, Василей, переменил стольника Ивана Анъдреева сына Поливанова.

Василей Александров сын Даудов посылан во сто семьдесят пятом году в Царьград, а ис Царяграда вывез пленъных людей розных городов и чинов мужеска и женъска полу: Анъдрея Бутина, Сергея Шергина, Ивана Рохманова, Василья Захарова, Афонасья Бурина, Александра Гутина, Фоку Барбышева, Ивана Микифорова, Василья Сергеева, Богдана Мартынова, Романа Шатырева, Афонасья Ремизава, Ивановскою жену Серебрекова, Марью Купреянову дочь, да пападью Дарью Григорьеву дочь.

В другой посылке ис Цареграда во 177 году вывез пленъных людей розных городов и чинов: Лукьяна да Федора Ларионовых, Семена Григорьева, Петра Федорова, Сергея Попова, Максима Кляусова, Ивана Беляева, Василья Новосильцова, Афонасья Ливенъца, Макара Высокаго, Федора Мартынова, беларусцов Ивана Иванисова, Матвея Григорьева, Емельяна да Лексея Стародушцавых.

|| В трети посылке ис Царя же града во 180-м году вывез пленъных людей розных городов и чинов: Емельяна Патянина, Любима Васильева, Ивана Степанова, Авдакима Максимова, Ивана Михайлова, Мирона Попова, Акинтия Дурнова, Григория Иванова, Алексея Михайлова, Прохора Кушинова, Василья Гунъта, Авдакима Микифорова, Прохора Проковьева, Максима Думрачеева, Акинтия Дудукина, Фирса да Анъдрея Авакумавых.

Он же, Василей, посылан во 187 (1679) году в четвертые в Царь же град, и будучи в Цареграде, салтан и визирь^р Мустафа-паша заказали,

^о Испр., в ркп. Комец. ^п Испр., в ркп. Носогородской. ^р Испр., в ркп. визирь.

чтоб с Васильем Даудовым никаких русских пленных людей в Русь не пускать для Чигириньской службы.

Во 194 году по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, шестая ево, Василья Александрова сына Даудова, служба: посылан он, Василей, в Крымьской поход.

Лета семь тысячъ двести четвертаго году по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, под Азов.

Лета тысяща семьсот двести седмаго году мая в восмы день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, || всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, посылан он, Василей Александров сын Даудов, в Царьград з думным дьяком Емельяном Игнатъевичем Украинцовым и с Каргапольским наместником.

(ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1089, л. 624—635 об.)

М. В. МЕЛИХОВ

«Сказание о Мамаеве воинстве»

Куликовской битве 1380 г. посвящен целый ряд произведений: «Задонщина», краткая и пространная летописные повести и различные редакции самого распространенного произведения этого круга памятников — «Сказания о Мамаевом побоище» (далее — СМП).

Единственным отражением событий 1380 г. в русском фольклоре (через посредство СМП¹) до недавнего времени считалась записанная в середине прошлого века в Шенкурском уезде Архангельской губернии так называемая сказка «Про Мамаю безбожного» (далее — МБ). Она была издана А. Н. Афанасьевым в его собрании «Народных русских сказок».² Что же касается былины «Мамаево побоище», обнаруженной также на севере, в г. Мезени, и изданной П. С. Ефименко,³ то она непосредственно с Куликовской битвой не связана и, по мнению В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, «представляет собой одну из версий былины „Илья и Калин-царь“».⁴

В 1982 г. в коллекции рукописных и старопечатных книг, приобретенных научной библиотекой Сыктывкарского университета у вдовы сотрудника Коми Филиала АН СССР Ю. В. Гагарина, был обнаружен рукописный старообрядческий сборник-конволют конца XVIII в., содержащий текст неизвестного произведения, созданного в демократической среде по мотивам СМП. Он озаглавлен «Цветник», в 4^о, 213 л. Водяные знаки: буквы БСМ, СФР (см.: К л е п и к о в, № 156), цифры 1794, 1796. Крышки переплета склеены из нескольких слоев толстой бумаги, к ним пришит нитками кожаный корешок. Переплет плохой сохранности. Сборник написан небрежной скорописью двух почерков. Один писец оставил автограф: л. 1—144, 183—213 написаны неким Вуколом Конановым (вариант — Кониновым), имя второго, написавшего л. 145—182 — неизвестно. Самая ранняя датированная запись принадлежит В. Конанову — 1797 г. (л. 49 об.): «Сия квига Орловской округи Велиретского оброчного стана Чудиновской волости крестьянина Вукола Конанова. Писал сего апреля 1797 года», последняя — его родственнику или однофамильцу: «1827-го года апреля 27 дня волости Чудиновский крестьянина Ивана Конинова» (л. 173 об.). Автограф третьего владельца сборника никаких сведений о нем не содержит: «Писал Аника Опарин» (л. 12 об.).

Содержание сборника: 1. Слова и поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Пустынника, Василия Великого о пьянстве,

¹ См.: Путилов Б. Н. «Сказка „Про Мамаю безбожного“ и эпическая традиция // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 288.

² Первое издание выходило с 1855 по 1863 гг. Последний раз текст переиздан в серии «Литературные памятники» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков, М., 1985. Т. 2. С. 377—383).

³ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878, ч. 2. С. 32—35.

⁴ Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 1. С. 522.

о злых женах, о кадиле, о сквернословии и др. (л. 1—96); 2. Повести о купце Федоре, о некоем христианине, «како искуси диавол в помышлении», о папе Григории, о царе Аггее, о царице и львице (л. 97—144); 3. Духовные стихи об Адаме, о прекрасной пустыни и др. (л. 145—182); 4. Текст, названный нами «Сказание о Мамаеве воинстве» (далее — СМВ), в основу сюжета которого положено СМП. Тетрадь с ним включена в состав сборника позже времени ее написания (первый и последний листы загрязнены сильнее остальных, окончание текста уграчено (лл. 183—213 об.)).

Несмотря на то что механических повреждений тетради, содержащие СМВ, не имеют, текст его чрезвычайно дефектен. Связано это с тем, что безграмотный переписчик (Вукол Конанов), копируя более ранний текст (возможно, написанный в 1785 г. — эта дата проставлена на его первой странице), не всегда понимал его. Непонятые слова и выражения он в одних случаях пропускал (так им были пропущены буквенные обозначения цифр даже в устойчивом словосочетании «даги за (. . .) лет» и в формуле, с помощью которой рассказывается о бегстве врага: татары «от того русского человека (. . .) бежит и по (. . .) тотар от двух бежит» и т. д.), в других — механически, не задумываясь над их смыслом, переносил на бумагу. Так, например, слово «возрастом» в характеристике Михаила Бренка (в СМВ — Бренского) передается им как «возвратился» «Тот Михайло Бренской был лицом и возвратился как князь Димитрей Иванович» и т. п.

Более развернуто наши наблюдения над текстом СМВ изложены в специальной статье⁵ и сводятся к следующему.

Отличительной особенностью СМВ является множественность его источников и соединение отдельных книжных мотивов, встречающихся в разных памятниках Куликовского цикла, с фольклорными — песенными и былинными, а также с мотивами, восходящими, по-видимому, к устным преданиям или письменным произведениям, связанным с событиями XV—XVII вв., с переосмысленными элементами обрядовой народной магии. Необходимо отметить, что все эти элементы претерпевали существенную трансформацию и практически ни один эпизод СМВ не имеет прямых аналогов ни в памятниках древнерусской литературы, ни в произведениях устного народного творчества.

Сюжет СМВ значительно упрощен и сохранил только самые основные моменты сюжета исходного произведения (по всей вероятности, им была Распространенная редакция СМП). Большая часть сохранившихся мотивов также упрощена и трансформирована. Сокращено количество героев СМП, функции некоторых из них переосмыслены. Так, например, образ главного героя — великого князя Дмитрия Ивановича Донского — лишен традиционной для произведений Куликовского цикла идеализации, и великий князь изображается в СМВ с самой неприглядной стороны: он предстает человеком малодушным и жалким, который, получив известие о готовящемся нашествии Мамаю, собирается сдать «великое Московское государство», построить струги и бежать на Соловки. В отличие от других героев — посла Захарии Тютчева (в СМВ — Тютнева), князя Владимира Андреевича, Сергея Радонежского, иноков Пересвета и Осляби и др. — Дмитрий Иванович до самого последнего этапа сражения не верит в его благополучный исход. Подобное негативное отношение к образу главного героя Куликовской битвы связано, по-видимому, с тем, что автор СМВ ориентировался, с одной стороны, на закрепленную в былинах народную точку зрения на то, как должен был вести себя ге-

⁵ М е л и х о в М. В. Вновь найденный текст «Сказание о Мамаеве воинстве» (сыктывкарский список конца XVIII в.) // Литература Древней Руси. Источниковедение. II., 1987.

рой-князь до и во время сражения⁶ (обычно он пассивен, при получении известия о вражеском нашествии поведение его крайне малодушно,⁷ непосредственного участия в сражении князь не принимает); с другой стороны, им могли быть использованы мотивы устных или письменных преданий не только о самом Дмитрие Донском (известно, что в 1382 г. великий князь покинул Москву во время нашествия хана Тохтамыша), но и о других великих князьях XV—XVI вв. — например, об Иване III, бежавшем из Москвы перед нашествием крымского хана Ахмата и отправившем к Белому морю жену с государственной казной,⁸ или о Борисе Годунове, который, намереваясь бежать в Англию в 1585 г., также перевозил казну в Соловецкий монастырь.⁹

Переосмыслен в СМВ и образ другого героя СМП — разбойника Фомы Качибея. На это указывает необычная приписка к его имени: в СМВ он не разбойник, а «Фома Качеберов Александровой слободы». И если в СМП он только сообщает Дмитрию Ивановичу о видении, предвещающем русскому войску победу в сражении,¹⁰ то в СМВ о Фоме Качеберове упоминается как об одном из военачальников — он приводит на помощь великому князю 60 тысяч воинов.

По-видимому, мотив помощи, присланной из Александровой слободы, не случаен и связывает СМВ с событиями «смутного времени» и деятельностью русского полководца М. В. Скопина-Шуйского, который вел из Александровой слободы активные военные действия против поляков.¹¹

Оригинальным в СМВ является эпизод, рассказывающий о стрелах, которые выпускает в татар Дмитрий Иванович. Дважды они возвращаются обратно, что истолковывается великим князем как неблагоприятное знамение. На третий раз стрелы летят в цель и не возвращаются. Тогда Дмитрий Иванович с оставшимся войском вступает в сражение и разбивает врага.

Можно предположить, что этот мотив пришел в СМВ из фольклора, например из популярной сказки «Царевна-лягушка» или из сказки «Иван Сученко и Белый Полянин». Но в этих сказках мотив «пускания стрел» встречается в иных, чем в СМВ, функциях: или при выборе их героями жен («Царевна-лягушка»), или при испытании их силы («Иван Сученко и Белый Полянин»).¹² Данный эпизод СМВ несколько ближе по своей функции — предвещанию исхода сражения — к рассказу о последнем пророчестве библейского пророка Елисея. Предсказывая судьбу израильского царства, пророк просит царя Иоаса несколько раз выстрелить из лука. Первая стрела истолковывается им как стрела избавления от вра-

⁶ См.: Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII вв. // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. М.; Л., 1960. С. 71—72.

⁷ См., например, былинку «Илья Муромец и Калин-царь» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1950. Т. 2. № 75, с. 21), в которой князь Владимир, узнав о подходе к Киеву войск Калина-царя,

. . . по горенки да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь
горючин. . .

⁸ См. Мавродин В. В. Образование единого русского государства. Л., 1951. С. 234; ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 199.

⁹ См.: Крыльников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 32.

¹⁰ См. Распространенную редакцию СМП: Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982. С. 95—96.

¹¹ См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв. СПб., 1899. С. 412; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 4. С. 551, 552 и след.

¹² См. «Указатель сюжетов» к кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т. 3. С. 478.

гов — сирийцев, а три последующие знаменуют три победы израильтян над сирийцами.¹³

Очевидна связь этого эпизода и с рассказом об участии в Куликовской битве засадного полка (отметим, что самого этого рассказа в СМВ нет). Согласно СМП засадный полк, возглавляемый князем Владимиром Андреевичем и воеводой Дмитрием Волынцем, не вступал в сражение до тех пор, пока встречный ветер (реальная причина возвращения стрел) не изменил своего направления и не стал попутным для русских воинов.¹⁴ Эта ситуация изображена, например, в лицевой рукописи СМП XVII в.: знамя засадного полка, выезжающего на татар, развевается не справа налево при движении рати слева направо, а по направлению ветра — слева направо.¹⁵

Предварительный анализ СМВ подводит нас к выводу о том, что оно является вполне оригинальным произведением, появившимся на скрещении двух традиций: литературной, идущей от Распространенной редакции СМП, и фольклорной — в первую очередь былин и исторических песен, а также исторических преданий XV—XVII вв. Особого внимания заслуживает тот факт, что большая часть художественного материала СМВ вполне самостоятельна и не зависит ни от СМП, ни от фольклорных произведений.

Эти особенности несколько сближают СМВ с псевдоисторическими повестями XVI—XVIII вв., также связанными с реальными историческими лицами и событиями (например с преданиями о казанской царице Сююн-Бике и со «Сказанием о царе Василе Костентиновиче по имени града Костентина» и др.). Но необходимо указать на бóльшую, чем в названных произведениях, близость СМВ к своему письменному источнику. Оно представляет большой интерес еще и потому, что позволяет проследить критерии, которыми руководствовался в отборе исторического, фольклорного и литературного материала его сочинитель, насколько широк был круг используемых им письменных и устных источников и какие именно произведения были распространены в то время, когда создавалось СМВ.

При публикации СМВ сохранены без изменения варианты имен собственных (Тутнев — Тютнев, Дмитрий — Дмитрей и т. п.), слов с чередованием гласных и согласных (тотарин — татарин, кровавая — крововая и т. п.) и фонетические диалектизмы (мец, битца, дратца; пояду, няго и др.). Наиболее явные и грубые опiski исправлены. Исправления выделены курсивом. Восполняемые при издании буквы и слова по возможности восстановлены по смыслу. Они заключены в квадратные скобки. Ошибочно употребленные слова, повторяющиеся предложения и предложения, смысл которых неясен, помещены в подстрочник. Места лакун, не поддающиеся восстановлению, отмечены многоточием. Непонятые переписчиком буквенные обозначения цифр обозначаются многоточием в круглых скобках.

Не оговариваются специально исправленные при публикации текста спорадически не дописываемые переписчиком -с в предлоге из(ис), замененные на полную форму краткие прилагательные (велики, московски и др.).

¹³ Библия. 4-я кн. Царств. 13, 14—19.

¹⁴ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 99.

¹⁵ Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII в. из собр. ГИМ / Авт. вступ. ст. и описаний рукописи и миниатюр Т. В. Дианова. М., 1980. Л. 74.

//а^а 1785 года

л. 188

С[казани]е^б о Мамаеве воинстве

Как было на великом Моско[вско]м государстве при благоверном и великом князе Дмитрии Ивановиче. Отпущает великий московский князь Димитрей Иванович своего руского посла князя Захарии Тютнева в Половетскую землю, к царю Мамаю безбожному, с выгоды и с пошлыны, з большими и с меншими, за (. . .) лет. И как будет Руские земли посол князь Захарей Тютнев в Поло[ветско]й земли пред царем Мам[ае]м безбожным, и говорит посол таково слово: «Царь Мамай, царь Востонные страны, Болшие орды, Половетские земли! Приими, государь, дани и выгоды нашего великаго || Московского государства».

л. 188 об.

В то время неверной царь Мамай безбожной воспалился за умножение грехов наших на всю нашу и святорускую землю, на все наши преосвященные церкви, на все наши на святые, и на наши великаго царя Димитрея Ивановича, и на руского посла Захария Тютнева очей не подымет, дани и выгоды не примет. И тогда Руские земли посол князь Захарей Тютнев стоит пред царем Мамаем безбожным по три дни и по три ноши, и говорит посол таково слово: «Государь царь Мамай, царь Востонной страны, царь^в Болшие орды, Половецкой земли!» Приими, государь, дани—выходы нашего великаго Московского государства».

л. 184

И в то время неверный царь Мамай безбожной земли Половецкой снимал с ноги свой [бахил], а сам говорит таково слово: «Ой еси ты Руские земли посол князь Захарей Тютнев! Облизуй ты у меня ногу, и у меня тебе такова честь будет царская!» Тогда Руские земли посол князь Захарей Тютнев свято^д пред царем Мамаем безбожным прослезился и сам^е нам^ж пошел, заплакал. И в то время царь Мамай безбожной земли Половецкой обратился на руского посла князя Захария Тютнева,^з говорит таково слово: «Ой еси ты Руские земли посол князь Захарей Тютнев! Три годы [будешь] ты у меня служить в Половетской земли!» || Не хочет ево, руского посла,

л. 184 об.

воспу[с]тить ис Половетской земли^и к великому Московскому государству. И говорит Руские земли посол князь Захарей Тютнев: «Государь царь Мамай, царь Востонной страны,^к царь Болшие орды,^л Половетской земли! Д[озволь] м[не] посолство справить на наше великое Московское государство, к нашему великому князю Димитрею Ивановичу». И то слово царю Мамаю безбожному полюбилось, и зговорит царь Мамай таково слово: «Ой еси ты Руские земли посол князь Захарей Тютнев! Только ты мне не солжешь и ты у меня столь же честен будешь в Половетской || земли, каков был у великаго князя Димитрея Ивановича».

л. 185

И тог[да] царь Мамай безбожной земли Половетской отпущал руского посла князя Захария Тютнева ис Половетской земли к великому Московскому государству. И за ним отпущал три тысячи татар на заимку, и велел преж себя занять великое Московское государство. А сам царь Мамай говорит таково слово: «Ой еси ты Руские земли посол князь Захарей Тютнев! И я буду на Русь воевать святя Руси, к[огда] у вас будет на Русе овес кудряв да баран мохнат». И он тогда, Руския земли посол князь Захарей Тютнев, поежает ис Половецкой земли к великому Московскому государству. || И за ним пошло на заимку три тысячи готар, и хотят

л. 185 об.

^а Одно слово не читается — дефект ркп. ^б Слово затерто, сохранились только две буквы — начальная С и конечная е. ^в Слово повторено. ^г Далее испорченный текст: Приими, государь, дани и выгоды нашего великаго. Государь царь востонной страны, царь Болшие орды Половецкие земли! ^д Так в ркп. ^е ^ж Окончания слов неразборчивы. ^з Далее испорченный текст: нам царь. ^и Слово повторено. ^к Слово написано над зачеркнутым словом земли. ^л Слово повторено.

поле Куликове, и он тогда три тысячи татар [побил],^М ободрал у них по пол-голове кожу и выдрал у них по полу-бороде. И сам он, князь Захарей Тютнев, писал грамоты и ерлыки и отпущал он трех татар в Половетскую землю к царю Мамаю безбожному. И тогда царь Мамай безбожной земли Половетские примал грамоты и ерлыки и распечатывал, и п[р]осматривал.

а. 186 И в грамотах было написано: «От руского посла || князя Захария Тютнева к царю Мамаю безбожному. Что я, Руския земли посол князь Захарей Тютнев, не изъвещал во всю сторонской^Н земли и не навживал^О и [не видел] такова глупа, как глуп царь Мамай безбожной земли Половетской». И тогда царь Мамай безбожной грамоты и ерлыки [порвал], сам он пал на сырую землю, терзает у себя черные кудри: «Ах, де, я глуп есть царь Мамай безбожной земли Половетские, что я такову слугу в[ы]-пустил от себя ис Половетские земли к великому Московскому государству. И он со мною учинил великий спор и задор, побил он, руские посол, три тысячи татар моих». И еще говорит Мамай безбожной земли Половетские: || «Ой еси сы, старые князи, темные илены! Запомнили ли вы, когда воевал царь Батый Кабанович святорускую землю?» И говорят таково ему старые князи, темные илены: «Государь ты царь Мамай, царь Востонной страны, царь Болшие орды, Половецкие земли! Мы, государь,^П запомнили: когда воевал царь Батый Кабанович святорускую землю, и он церкви божия не разорял и божества не обирал». И говорит он, царь Мамай безбожной земли Половецкие: «Тако бы и мне воевать святорускую землю — церкви божия не разорять и божества церковныя не об[и]рать». И он, царь Мамай безбожной земли Половецкие, почал себе собирать великое воинское со всей своей Половецкой земли. И берет он татар, каков татарин может на коне || сидеть и каков татарин [может] топор в руках держать, и он, царь Мамай безбожной, такова татаршиа имал на Русь воевать святя Руси. А сам он говорит татарам: «Ну-те мы, братия, поедем безъмятежно».

И он тогда, Руския земли посол князь Захарей Тютнев, как он побил три тысячи татар промешь тихим Доном и рекою Несправицею на поле Куликове, а сам он не поячал, князь Захарей Тютнев, к великому Московскому государству, и он отписал грамоты и ерлыки на великое Московское государство к великому московскому князю Димитрею Ивановичу. И сам он, князь Захарей Тютнев, почал себе^Р збивать и собирать волных казаков.

а. 187 об. И тогда от руского посла доходили || грамоты и ерлыки к великому Московскому государству, к великому князю Димитрею Ивановичу. И тогда великий московский князь Димитрей Иванович принимал грамоты и ерлыки и распечатывал и просматривал. В грамотах было написано: «К великому князю Димитрею Ивановичу от руского посла князя Захария Тютнева. Государь наш великий московский князь Димитрей Иванович! Воспалилсьа на нас царь Мамай безбожной земли Половецкой за умножение грехов наших, на всю нашу святорускую землю и на все наши на святя отцы и на тебя, государя великаго князя Димитрея Ивановича, и на меня, рускаго посла князя Захария Тютнева; очей же не подынет и дани и выгоды не примет. Он хочет быть на Русь, воевать святя Руси, как будет на Русе овес кудряв || да баран мохнат. Он меня выпустил ис^С Половецкие земли рускаго посла к великому Московскому государству и за мною он послал три тысячи татар на займку, велел презь себя занять великое Московское государство. И я тепер с ним учинил велик задор: побил три тысячи татар промеж тихим Доном и рекою Несправицею на поле Куликове. И ты, государь великий московский князь Димитрей Иванович, не убоися ты окаянного врага царя Мамаю безбож-

^М Далее испорченный фрагмент: Го еси мои слезы всю тысячи татар и тех казенных. ^Н Так в ркп. ^О Так в ркп. ^П Испр., в ркп. горд. ^Р Далее в ркп. и соби.

^С Далее в ркп. с.

ного! Призывай ты к себе господя царя небеснаго Исуеа Христа, собирай ты силы и великое воинство и бери ты от трех двух, а в три двора оставляй по единому человеку. Пойди ты дратца против востошного царя Мамаеа безбожного».

И он, великий московский князь Димитрей Иванович, просматривал || грамоты и ерлыки; своєю был силою богатырь, а сердцем дроблив. И, убоявшись, падает он на сырую землю, терзает у себя черные кудри, а сам он говорит таково слово: «Ах, братия, что не дело нам завести — дратсы против востошного царя Мамаеа безбожного! И нам будет всем испить крововая чаша. И мы, братия, суды изготовим и убежим на Соловетской остров, к соловецким чудотворцам, и здадим великое Московское государство». И сам он, великий московский князь Димитрей Иванович, велел суды изъготовить и бежать на Соловецкой остров, к соловецким чудотворцам. И хочет он здать великое Московское государство. А сам он, великий московский князь Димитрей Иванович, походил из великого Московского государства в Чудов манастырь к своей матери, великой старице. Придет он в келию, || молитву сотворит, и мати ево великая старица «аминь» отдала: «Аминь, мое чадо милое, великий московский князь Димитрей Иванович! Что ходишь, и что второе пришествие твой путь, и что твое к нашему убожеству?» И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Государыня моя матушка, великая старица! Что мне думы дашь, что мне благословения дашь? Воспалилься на [нас] неверный царь Мамаеа безбожной земли Половецкой за умножение грехов наших на вею нашу Святорускую землю и на наши преосвященные церкви, и на все наши святые отцы, на меня, великого князя Димитрея Ивановича, и на руского посла на князя Захария Тютнева, очей не подынет, дани и выгоды не примет. Он, царь || Мамаеа, хочет быть на Русь воевать святая Руси.[†] И я его, окаянного врага, царя Мамаеа безбожного, не смею здать в великое Московское государство, велел изготовить суды и хочу я бежать на Соловецкой остров к соловецким чудотворцам, и хочу здать великое Московское государство».

И ему говорит мати великая старица: «Государь мой великий князь Димитрей Иванович! Бог тя не благословит убежать на Соловецкий остров к соловецким чудотворцам. Бог тя не благословит здать великое Московское государство, что покоренит крещенскую веру. Бог тя благословит собирать себе силу великое воинское со всей своей Святоруской земли. И бери ты от трех двух, [а в три] двора оставливай по единому человеку, и призывай на помощь ты к себе господя бога царя небеснаго Исуеа Христа. Пойди дратца || против востошного царя Мамаеа безбожного. И пойди ты в Сергиев манастырь и благословись [у] Сергия игумена, и он тебе думы[‡] Сергия на помощь даст ис Сергиева манастыря».

И великий московский князь Димитрей Иванович походил ис Чудова манастыря в великое Московское государство. И как будет князь Димитрей Иванович в Московском государстве, и почал он росписывать грамоты и ерлыки, и почал по городам росылать по всей своей Святоруской земли, и почал он себе силы собирать великое войское воинство Руской земли, и берет от трех двух, а в три двора оставливай[т] по единому человеку. А росылат он по городам грамоты и ерлыки по всей Святоруской земли, а сам великий князь Димитрей Иванович походил из великого Московского || государства в Сергиев манастырь. И как будет великий князь Димитрей Иванович в Сергиеве манастыре, и Сергие игумен стречает с крестом, благословляет, сам говорит таково слово: «Государь наш, московской великий князь Димитрей Иванович! Что ходишь и что путь твой, и что твое второе пришествие к нашему убожеству?» И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Отче святой Сергий игумен! Что мне думы дашь, что мне благословения дашь? Воспалилься царь

[†] В ркп. над буквой и написана буква е.   [‡] Далее в ркп. слово дас.

Мамай безъбожной земли Половецкой на нашу^ф на всю Святорускую землю, и на все наши преосвященныя церкви, и на все наши святыя отцы, и на меня, государя великого князя Захария Тютнева^х, дани и выходы
 л. 191 не примет. Он хочет, || царя Мамай, быть на Русь, воевать святыя Руси. И я его, окаяного врага царя Мамаю безъбожного, не смею ждать в великое Московское государство, и я велел суды изготовить, и хочу^ц бежать на Соловецкой остров, к соловецким чудотворцам, и хочу здать великое государство». И говорит ему Сергие-игумен: «Государь наш великий московский князь Димитрий Иванович! Бог тя не благословит здать великое Московское государство и покоренить Святорускую землю! Бог тя не благословит! Собирай ты себе силы великое воинское и бери ты от трех двух, а в три двора оставливай по единому человеку, и призывай
 л. 191 об. ты к себе господа || бога царя небеснаго Иисуса Христа. И поиди ты дратца против востощного царя Мамаю, и я тебе^ч дам силы на помощь ис Сергиева монастыря двух старцов, Слепя и Пересвета. И те два старца, Слепя и Перествет, будут тебе, государь, первое закание от злых татаров промеж тихим Доном и рекою Несправицею на поле Куликове».

[Великий] же московский князь Димитрей Иванович почал в Сергиеве монастыре молебны служить, и отсл[у]жа молебны, Сергий-игумен звал к себе на трапезу хлеба ясти. И походил великий князь Димитрей Иванович к Сергию-игумену хлеба ясти, и пришел, сел за стол. || Сергий-игумен перед него принес край хлеба сухово да в ковше воды, и сам отшел, челом ударил, и говорит Сергий-игумен: «Государь наш, великий московский князь Димитрей Иванович, хлеб да соль!» Великий государь князь Димитрей Иванович сидит, нечево не говорит. Сергий-игумен тож слово говорит: «Государь наш, московский великий князь Димитрей Иванович, хлеб да соль!» И великий князь Димитрий Иванович сидит за столом, нечего не говорит. Сергий-игумен втретие то ж слово говорит: «Государь наш, великий московский князь Димитрий Иванович, хлеб за соль!» И великий князь Димитрей Иванович ставал на ноги, и подымал край хлеба сухово выше главы, и прославил господа бога царя небеснаго: «Слава тебе, господи, царю небесному, что есть || в Сергиеве монастыре хлеб да соль!»
 л. 192 об. И ему, великому князю Димитрею Ивановичу, почувлось: с правую сторону аки сильный гром грянул прет тучею, а с другую сторону много пошло пития и естви; бог дал всякому благодати. И великий князь Димитрей Иванович почал он хлеб купать у Сергия-игумена в Сергиеве монастыре.

И^ш Сергий-игумен дал ему силы на помощь государю старцов Слепя и Пересвета. Понесли шесты и доспехи, и палицы железныя, и шеломы злаченныя, и сами оне почали ржавчину обдирать. А говорят оне два старца: «Ах ты, железо, акаянное жалезо, не могли мы от тебя,^щ железо,
 л. 193 утти || в темную келию и под черную скиму! Бог нам суди[л] головы положить промеж тихим Доном и рекою Несправицею на поле Куликове».

И он, великий московский князь Димитрей Иванович, хлеба откушал в Сергиеве монастыре [у] Сергия-игумена. Великий князь Димитрей Иванович походил ис Сергиева монастыря к великому Московскому государству. И Сергий-игумен ево провожает с крестом, благословляет. И ему говорит великий московский князь Димитрей Иванович: «Отче, святыи Сергий игумен! Отче, мне у тебя на трапезе почувлось: с правую сторону аки сильный гром грянул пред тучею, а з другую сторону много пошло пития || и есвы, бог дал всякие благодати». И говорит ему Сергий-игумен: «Государь наш великий князь Димитрей Иванович! Ты, государь, пришел в Сергиев монастырь и с тобой пришло много отпатшия силы окаянных. И оне твоему слову радовалися, чтоб ты погубил край хлеба сухова и разгневал бы господа бога, царя небеснаго. И я тебе, государь, вместили во уста добрую мед,^з и ты похвалил господа бога и край хлеба сухова.

^ф Слово повторено. ^х Так в ркп. ^ц Далее в ркп. здать и. ^ч Слово повторено. ^щ Далее в ркп. и. ^з Так в ркп.

И то слово полюбилось, и господь сослал с небесе ангел крылатых, и те ангелы побили и потоптали пре[д] тобою отпашную силу, акаянных врагов. Тебе почулось, аки сильный гром || грянул пре[д] тучею, а з другую л 194 сторону много пошло пития и ествы, бог дал всякому благодати есте. Государь, московский великий князь Димитрей Иванович, не убойся ты акаянного врага царя Мамая безбожного! И хотя у него, востощного царя Мамая безбожного, сила несчетная и несметная, вся его сила вконец погибнет, и самому царю Мамаю безбожному вконец же погибнуть. А у тебя, великого князя Димитрия Ивановича, хотя будет сила невеликая, да небесная, и будет твой верх — великого князя Димитрея Ивановича».

И великий князь Димитрей Иванович походил ис Сергиева монастыря || к великому Московскому государству. . . л 194 об.

. . . Князь Володимер Андреевич, пришло силы семдесят тысяч на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу. Еще пришел князь Димитрей Бобрец, Волоницкие земли, с ним пришло силы восемьдесят [тысяч] на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу. И еще пришел Фома Качеберов Александров[ой] слободы, с ним пришло силы шездесят тысяч на помощь. И еще пришел князь Михайло Бренской с волными терскими казаками; с ним пришло силы восемьдесят тысяч || на помощь. л 195 Еще пришел князь Михайло Тупик, с ним пришло силы шездесят тысяч на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу . . . московская сила и новгородская, и от княгини-посадницы, и та[кая] сила не бывала к великому Московскому государству. И оне пришли своею дорогою к тихому Дону и к реке Несправице. И оне не приворачивали к великому Московскому государству. И великий московский князь Димитрей Иванович походил из великого Московского государства с великим воинским. И как будет великий || князь Димитрей Иванович на чистом поле, и он изъясчал л 195 об. цивал свою силу святорускую, все полки. И сам он, великий московский князь Димитрей Иванович, походил от великого Московского государства к тихому Дону с воинским. За ним аки грозныя туча подымалась — то его сила собрана со всей Святоруской земли. И оне поднесли свое оружие — копия мурзомецкиа, и у них от знамений, аки от утрянные багрены зори, свет посияет.

И как будет великий князь Димитрей Иванович у тихова Дону, и тут сошлись сила вся во едино место — || московская крепкая и новгородская л 196 и со всей ево Святоруские земли. Ино уж силы стало у великого князя Димитрея Ивановича и несчетная и несметная.

Говорит великий князь Димитрей Иванович: «Что, братия, есть ли у нас в воинском такой человек, кто бы горазд силы смекать, и сметил бы, много ли^ю у нас всея силы?» И с ним были благоверные князи, горазды были силы смекать. И оне смекают, у кого сколко силы было. И оне не могут столко силы сметить,^я не могут оне умом подумать, чтобы вся сила сметить. И говорит великий московский князь || Димитрей Иванович: л 196 об. «И мы, братия, возмем всякой воинской человек по камешку, а всякой камешек з бобовой горошек, и метнем во едино место. Много ли мы закидаем дубов доверху?» И оне военным великим воинством имали всякий человек по камешку, и оне закинули ровно шесть дубов доверху. И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Что же, братия, по сю ли сторону нам тихова Дону ждять царя Мамая безбожного или нам переехать за тихой Дон?» И ему говорят: «Великий московский князь Димитрей Иванович! Как нам по сю сторону тихова Дону ждять царя Мамая безбожного, || л 197 и та^а наша некрепка будет: иному зжалется отец и мати, иному зжалетца род и племя, и нас останетца треть или половина, и некому будет у нас дратца против царя Мамая безбожного, и нам будет всем испить кровавая чаша. И мн, государь, передем за тихой Дон со всем воин-

^ю Далее в ркп. бы.

^я Далее в ркп. и новгородскому.

^а Так в ркп.

ским^б . . . всяк кинетца под саблю под острую, сложить свою буйную голову за веру крещенскую». И великий московский князь Димитрей Иванович перевозился за тихой Дон со всем своим воинским.

И тогда посла весть и к Олгу Рязанскому, королю литскому,^в чтобы
 л. 197 об Олгий Рязанской, король || литской . . . «тово ты не знаешь и не ведаешь, сопротивлется князь Димитрей Иванович против востощного царя Мамая безбожного, и он перевозился за тихой Дон со всем великим воинским». И говорит Олгий Рязанской, король литской: «Как такову пастырю^г можно умом подумать, что[бы] сопротивляется против востощного царя Мамая безбожного, силы несчетной и несметной». И ему дал силы на помощь востощному царю Мамаю своих двух сынов Лговичев и силы с ними, и дал з братом по сороку тысяч. И он, Олг Рязанской, отрядил своих двух сынов
 л. 198 Лговичей, Юрья да Александра, || силы им дал з братом по сороку тысяч и посла он их к востощному царю Мамаю безбожному. И оне два брата пошли, Лговича, Юрье да Александр, и с ними пошло силы з братом по сороку тысяч.

И как будут оне в чистом поле, и оне почали волховать и жеребиевать,^д сколько силы и чай^е будет в поле божия помощь. И сколько оне волхуют и жеребиюют . . . хотя у востощного царя Мамая безбожного сила будет несчетная и несметная, и вся его сила вконец погинет, и самому ему, царю
 л. 198 об Мамаю безбожному, || вконец же погибнути, а у великого князя Димитрея Ивановича . . . И оне говорят, два брата Лговичи, Юрей да Александр: «Что же нам, братия, служить востощному царю Мамаю безбожному, а веть^ж нам тако ж служить и великому князю Димитрею Ивановичу. И мы постоим за веру крещенскую, и нам будет не во грех — [во] великое спасение». И оне, два брата, промеж собою слово промолвили: «И мы, брате, поедем за тихой Дон! Скоро ли переедет великий князь Димитрей Иванович за тихой^з || за Дон^и со всем своим великим. И оне, два брата Лговичи, поехали к тихому Дону и посмотрели изъ-зо степи за тихой Дон. А уж великий князь Димитрей Иванович и переехал за тихой Дон со всем своим^к великим. И подняли знамяна церковные, на знаменых было надписано: «Святая пресвятая богородица». Им таково чудно показалось, аки утряная багрена зоря замычется.^л И оне, два брата Лговича, таково устрапились, и хотят оне прядатца к великому князю Димитрею Ивановичу и стоять за веру крещенскую. А уж вкругом их степи обошел Руские
 л. 199 об земли посол || князь Захарей Тютнев с волными казаками, с черкаскими казаками и пристушили их к тихому Дону, и стало ути некуды. И на долгой стороне стоит великий князь Димитрей Иванович.^м И оне переехали за тихой Дон, и предалися к великому князю Димитрею Ивановичу. И прибыло силы в руские полки два брата Лговичи, Юрей да Александр, а с ними пришло силы, з братом, по сороку тысяч на помощь к великому князю Димитрею Ивановичу. И еще пришел князь Захарей Тютнев с волными козаками, с черкаскими казаками на помощь^н || к великому князю Димитрею Ивановичу. У нас уж стало, у великого князя Димитрея Ивановича, сила несчетная и несметная.

И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Что же, братия, есть ли у нас [в] войским таково человек, кто бы гораз летать черным вороном? И полетел бы он [в] востощную сторону, где бы мог налететь на востощного царя Мамая безбожного и ево бы силу сметил, много ли у него силы всея на все». И был летать гораз черным вороном князь Михайло Тупик, и он обернулся черным вороном, полетел [в] востощную сторону, налетел на востощного царя Мамая безбожного — на уст[ь]е реки Медыни перевозитца царь || Мамай через реку Медыню. И он, князь Михайло Тупик,
 л. 200 об

^б Далее в ркп. испорченный фрагмент: да суды рад сердцем не. ^в Так в ркп. ^г Так в ркп. ^д Далее в ркп. тако же. ^е Так в ркп. ^ж Далее в ркп. ты. ^з Далее в ркп. Дон. ^и Далее одно слово написано неразборчиво. ^к Слово написано над строкой тем же почерком. ^л Так в ркп. ^м Далее идет испорченный фрагмент: передатца волею а свою точию неволю передатца стало. ^н Слово повторено.

над силою, над войским, летал, смекал он силу великое воинское по три дни, и не может он умом подумать, а [не] то чтобы вся сила сметить. И он, князь^о Михайло Тупик, [с]толко силы сметил у царя Мамаю безбожного, сколко у великого князя Дмитрея Ивановича вся на все, а столко у востошного царя Мамаю на одних пегих кобылах — сила несчетная и несметная. И гонит он, царь Мамай безбожной, татар, каков татарин может на коне сидеть и как[ов] татарин может топор в руках держать, и он, царь Мамай, такова татарина^п || имел на Русь воевать святяги Руси. А сам он, татарин, говорит: «Ну, мы, братия,^р и поядем мы же на Русь воевать на богатую, на Русе на богатой поживем безмятежно».

И он, князь Михайло Тупик, полетел во свои полки руски[е] к великому князю Дмитрею Ивановичу. И ему говорит великий князь Дмитрий Иванович: «Ой еси ты князь Михайло Тупик, мог ли ты где налететь на востошного царя Мамаю и мог ли ты у него силу сметить?» И говорит ему князь Михайло Тупик: «Государь наш князь Дмитрий Иванович! Налетел [я] на востошного царя Мамаю || безбожного на устье реки Медыни, перевозится царь Мамай через реку Медыню. И я у ево летал по силе и по вой[н]скому ровно^с три дни и смекал силу великое войско по три дни, и не мог я умом подумать, чтобы вся сила сметить. И я [с]толко у него силы сметил, сколко у тебя, великого князя Дмитрея Ивановича, силы всея на все, у востошного царя Мамаю безбожного [с]толко силы на одних пегих кобылах,^т и у него [на] конях сила несчетная и несметная, и [гонит]^у он, царь Мамай безбожной, тогда как татарин может на коне сидеть и как может в руках топор^ф держать, и он, татарин, || такова имал [с] собою на Русь, воевать святяги Руси. А сам он, царь Мамай, говорит татарам: «Ну мы, братия, поедем на Русь на богатую, на Русе на богатой поживем безмятежно».

И великий московский князь Дмитрий Иванович, силою он багатырь, а сердцем дроблив, убоязлив. Падает он на сырую землю, терзает у себя черные кудри, а сам говорит таково слово: «Ах, братия, не дело мы завели — дратца против востошного царя Мамаю безбожного, и нам будет всем испить крововая чаша». И ему говорят^х двенадцать князей белозерских, братьей родных, || князь Володимер Андреевич, князь Дмитрий Борец, волотские земли, князь Михаил Бренской: «Государь ты наш великий московский князь Дмитрий Иванович, не убойся окаянаго врага царя Мамаю! Призывай ты к себе на помощь господа бога царя небеснаго Иисуса Христа, и поиди дратца против востошного царя Мамаю безбожного». И великий московский князь Дмитрий Иванович становился он со своим великим с народом в месте промеж тихим Доном и рекою Несправицею на поле Куликове.

Пришел царь Мамай безбожной земли Половецкой, и он становилсьа со своим воинским || на бугрянном месте. И от него, востошного царя Мамаю, из войского выехал татарин печенег, поганой Огаряк. Голова у няго что пивной котел 40 ведер, промеж плечами у него сажень добраго мужа, а промеж глазами петь четвертей добраго мужа, а подобен тот татарин древленому Голияту. А сам он, тот татарин, на коне яздит, в руках держит палицу железную. И приежжает тот татарин к рускому войскому, и говорит он: «Гой еси ты ротой,^ц дай ты против меня сопровитника! Хоть ты не дашь против меня сопровитника, и я твое войское побью своею палицею железною. || Двоих^ч твоих князей и бояр под мец приклоню и тебя, Дмитрея Ивановича, поневолю и пожалую своего востошного царя Мамаю. И он тебя поверстае в постелники или в рукомоиники».

^о Слово повторено. ^п Далее в ркп. не. ^р Далее испорченный фрагмент: на Русь воевать святяги Руси. ^с Далее в ркп. по. ^т Далее в ркп. и на. ^у В строке слово говорит зачеркнуто, над строкой неразборчиво го. . т. ^ф Далее в ркп. де. ^х Далее в ркп. великий князь. ^ц Так в ркп. ^ч Так в ркп.

И великий московский князь Димитрей Иванович силою был багатырь, а сердцецем дроблив, убоязлив. Падает на сырую землю, терзает свои черные кудри, а сам говорит таково слово: «Ах, братия, не дело мы завели — [дратца] против востошного царя Мамая безбожного, и нам будет всем испить крововая чаша». И ему говорит старец Ослепа ис Сергиева монастыря: «Государь наш великий || московский князь Димитрей Иванович, и ты, государь, о том не кручин[ь]ся, и я пояду драться против татарина, и ты, государь, дай своего князенецкого коня».^{III} И то слово получилось великому князю Димитрею Ивановичу, и он ему отдает своего князенецкого коня, и тот старец Ослепа ис Сергиева монастыря приобрелся, подпоясался и сел на коня, и так же старец подобен довленному^{III} Голияту. И говорит старец Ослепа ис Сергиева монастыря: «Государь наш великий князь Димитрей Иванович, и ты, государь, || посмотри: как сядешь с тотарином драться, и я татарина побью или побьет татарин меня, и то моя рука посягнет на тотарския груди или хошь моя старческая ряска станется на тотарские груди, и ты, государь, московский князь Димитрей Иванович, дерись против востошного царя Мамая безбожного да и силу теряй; а то будет татарин наверх меня, и ты, государь, не дерись против востошного царя Мамая безбожного да силы не теряй».

И тот старец Ослепа ис Сергиева монастыря дратца поехал против татарина, и оне в поле, аки две || сильныя горы, вместе скатилися, тако збегалися два сильные могучие багатыря. И оне ударились саблями булатными — и сабли у них переломилися. Оне почали копиями колотца — копия у них поломалися. И оне почали битца палицами железными боевными — и палицы у них в калинку⁹ разгорелися. И оне схватилися за ремение подпружное, и почали оне боротся румарным¹⁰ битием. Оне здернули^Я друг друга с коней, упали на сырую землю, и от них земля подрожала, и оба ушиблися о сырую землю. Князь Димитрей Иванович велел посмотреть, || чья в поле болшая^{III}, а помощь. Навели трубки, посмотрели, а уж спанулась старческая ряска на татарския груди, закинула груди тотарские. Говорит великий князь Димитрей Иванович: «Ну, мы, братия, по старческому п[р]орочеству поедем дратца против востошного царя Мамая безбожного».

Сперва-наперво пошло силы московская и новгородская, княгини посягницы, дратца против востошного царя Мамая безбожного.⁶ И оне дерутся три дни и три ноци, и никакже им нет божи помощи. И он, великий московский князь Димитрей Иванович, || не может он стерпеть со свое багатырское сердце, и емлет в руки тугой лук, и емлет первую перемену стрел. И ему говорит:^В «Великий князь, государь ты наш, великий московский князь Димитрей Иванович! Тебе, государь, не подобает сперва-наперво драться против востошного царя Мамая безбожного. И тебе, государь, подобает стоять при бугренном месте, смотреть по выслуге, уметь бы и жаловать». Великий князь Димитрей Иванович не может терпеть со свое сердце багатырское, почал он первую перемену стрел стрелять, || и те стрелы почали ушами к татарам, а железцами к руским. И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Ах, братия, не дело мы завели — драться против востошного царя Мамая безбожного! То ли на нас божи не разгневания, что стрелы обертываются ушми к татарам, а железцам к руским!» И говорят ему князья белозерские: «Государь ты наш, великий московский князь Димитрей Иванович!^Г Призывай к себе на помощь господа бога царя небеснаго Исуса Христа и поиди ты драться против востошного царя Мамая безбожного». || И та сила московская и новгород-

^{III} Далее в ркп. испорченный фрагмент: а себе государь унесет от всякого блага времена. ^{III} Так в ркп., по-видимому, древленому (см. выше характеристику печенга Огаряка). ⁹ Так в ркп. ¹⁰ Так в ркп. ^Я Испр., в ркп. здернулися.

^{III} а Так в ркп. ⁶ Далее испорченный фрагмент: и я сперва наперво. ^В Так в ркп. ^Г Далее в ркп. окаяннаго врага царя Мамая безбожного и.

ская [бьется] три дни, по три ноци, и никако же нет божии помощи. И ту силу татара порубили.

И ту силу пере[ме]нили князей белозерских два брата родные, и оне пошли драться против востошного царя Мамая безъбожного, и с ними пошло силы со всяким братом по сту тысяч. И оне дерутся по три [дни], и никако же им нет божии помощи.

И великий князь Димитрей Иванович стреляет другую перемену стрел, и те стрелы такожде^д обертываются ушми к тотарам, а железцами к руским. Говорит великий князь || Димитрей Иванович: «Ах, братия, то ли [на] нас не божие разъгневание, что стрелы обертываются ушми к тотарам, а железцами к руским!» Говорит ему досталныя князи: «Государь ты наш, великий князь Димитрей Иванович! Призывай ты господа бога царя небеснаго Иисуса Христа к себе на помощь и поиди ты драться против востошного царя Мамая безъбожного!» И та сила князей белозерских дрались по три дня, по три ноци, и никакой же им нет божии помощи. И тех князей белозерских татара порубили во едином месте, силы с ними порубили со всеким братом по сту || тысяч.

И ту силу переменит князь Михайло Брянской. Тот Михайло Брянской был лицом и возрастом^е как князь Димитрей Иванович. И говорит князь Михайло Брянской: «Государь ты наш великий князь Димитрей Иванович! Дай мне свое княженецкое платье, и я пояду во твое княженецкое место драться против востошного царя Мамая безъбожного. И так моей головы татара и не доступают, как тебя доступают, великого князя Димитрея Ивановича». И то слово полюбилось великому князю Димитрею, и он ему отдает все свое || княженецкое платье, князю Михайлу Брянскому.^ж И на себя оболокал четыре дос[пехи] крепкие, и наверхъ оболокал зипуннице серое, пугъвицы медные, а на голову клал шляпу овчинную. И тот князь Михайло Брянской нарядился он [в] княженецкое платье, сядился на коня и почал он отбирать своих тысяч черкасских казаков. И с ним собралось (. . .), и они оковались в булатное платье, и пошли оне драться против востошного царя Мамая безбожного.

И дерутся оне такожде по три дни и по три ноци, и никакоже им нет божии помощи. И ту силу || тотара порубили, князя Михаила Брянского срубили, голову его на копях носят, и сами оне говорят, татара: «Ах вы, русь глупая, за ково бьтеться, за ково вы деритесь! Уж ваш князь Димитрей у нас поневолен, и мы у ево голову срубили, на копях носим». И в ту пору говорят досталныя князья благоверныя: «Ах, нечестивыи татара, почему вам знать нашего великого князя Димитрея Ивановича! Наш великий князь Димитрей Иванович у нас^з и топерво жив!» Великий князь Димитрей Иванович в то время стреляет третью перемену стрел. И те стрелы почали ладно падать: || ушми к руским, а железцами к тотарам. И говорит великий князь Димитрей Иванович: «Ну, мы, братия,^и дал нам бог день, [а в] дне час! Поедем все досталныя войским драться против востошного царя Мамая безъбожнаго». И оне почали садитя на добрых коней.

И был у них князь Иван Квашнин. Стал садитя, сам спердел.^к И говорит князь Иван Квашнин: «Ах вы, братия, не веруйте некому! || И конь не счихал, как я спердел да на коня сел, так от нас спердит царь Мамай безъбожной земли Половецкие. И он не веровал в сон или в чех, или непердеж». Садились оне на добрых коней и ехали оне драться против востошного царя Мамая безъбожного. Господь бог такую дал им^л на тотар небесную силу невидимую, и оне, руские люди, с косами^м были, а вдвое того

^д Так в ркп. ^е Испр., в ркп. возвратился. ^ж Далее в ркп. дефектный фрагмент: а сам говорит великий князь Димитрий Иванович. ^з Далее в ркп. в скобках и нас. ^и Далее в ркп. в скобках поедем. ^к Далее испорченный фрагмент: и говорит: Иные великий князь что же нам братия, яхать, али подает против востошного царя Мамая безбожного. У нас мужик сел на коня да спердел. ^л Далее испорченный фрагмент: дал стра и дал. ^м Так в ркп.

конми мнут, не могут руские люди и кони в трупах тотарских проскакивать. И оне, татара, сколко дерутся, а вдвое того от русских бегучи сами друг друга давят. Оне, татара, || от того руского человека (. . .) бежит и по (. . .) тотар от двух бежит. Съсяча татар, их руские люди много побили, собрания тотарского. И оне, татара, [стали] плакати и възърыдати, и жалобу оне творят на востошного царя Мамаю безбожного: «Государь ты наш, царь Мамай безбожной земли Половецкие! Что сперва-наперво у нас притравили лутьчих людей? А то сперва^н у нас осталось старой да малой, некому у нас стало драться против великого князя Дмитрея Ивановича. А Русь горазда драгаться. Оне сперва-наперво притравили худых людей, а топерво у них остались все борцы и нас оковань.^о И оне почали, татара, прибегать к съвоему востошному царю Мамаю безбожному, || и сами плачут и възърыдают, челом царю Мамаю безбожному: «Государь наш, царь Мамай, царь востошной страны, царь Большие орды, Половецкие земли! Ты стоишь, нечего не зънаешь и не ведаешь! Уж великий князь Дмитрей Иванович побил силу твою всю, у востошного царя Мамаю безбожного!» Ездит князь Дмитрей Иванович на коне по колен в крове и говорит царю: «Мамай безбожной земли Половецкие! Как же такову пастырю мощно умом подумать, что моя вся сила побита? У меня сила несчетная и несметная!» И в то время царь Мамай не верил. В другую пору почали татара прибегать || к востошному царю Мамаю безбожному. И татара на него възбияли^п и говорят ему нечесно: «Ах ты, царь Мамай безбожной земли Половецкие! Ты стоишь, ничего не знаешь и не ведаешь! Уж великий князь Дмитрей Иванович побил твою силу всю, у востошного царя Мамаю! Ездит великий князь Дмитрей Иванович на коне по чреву в крове, к тебе придет, да что козла за бороду возмет да поведет!» И в то время устрашился царь безбожной земли Половецкие, что татара воспали^р и говорят ему нечесно^с. Мамай безбожной от всего своего воин[ск]аго отступилса и побежал, толко взял || с собою столников да чашников, и в поле [надел] на себя он платье простого татарина, и забежал он, царь Мамай безбожный, в город в Гафу. Торговал [там] гость белорусец, и он торговал на великом Московском государстве, и он знает великого князя Дмитрея Ивановича. Господин гость белорусец в Половецкой земли значен^т, царя Мамаю безбожного [в] ту пору его опознал, и за ворот поймал, и говорит белорусец: «Ах, старой черт, царь Мамай безбожной земли Половецкой! Опустошил ты всю свою Половецкую землю да опустошишь ты великое Московское государство. Топерво ты || убежал, и ты прибежал во свою землю и подынешь иные земли, опять роживешша^у и придешь опять воевать в великое Моско[вско]е государство!» И гость белорусец не оглустил царя Мамаю безбожного, и повел ево в мясной ряд, и взял в руки мясничной топор, и положил его на мясничной стул, да мясничным топором и голову отрубил.

И в то время руские люди побили собрание тотарское: сколко оне сами биют, а вдвое того конми мнут. И не могут руские кони проскакивать в трупу тотарскому. А великий князь Дмитрей Иванович вшел во свое багатырское сердце. . .

. . . з досталным войским к великому Московскому государству. И как будет великий князь Дмитрей Иванович, || где у него было всем великим войским закинено шесть дубов доверха. И говорит великий князь Дмитрей Иванович: «Что же, братия, много ли у нас силы осталось?» Оне досталным войским имали по камешку, всякой камешек з бобовой горошек. И оне только розобрали полдуба, а полшеста дуба осталось у них камешков. И говорит князь Дмитрей Иванович: «Слава тебе, господи, царю небесному! Еще мы^ф людми на Русе роживемся!»

^н Так в ркп., по-видимому, теперь. ^о Так в ркп. ^п Так в ркп. ^р Так в ркп. ^с В ркп. невесно ^т Так в ркп. ^у Так в ркп. ^ф Далее в ркп. и тем.

И великий князь Димитрей Иванович поежает он с войским к великому Московскому государству. И как будет великий князь Димитрей || Иванович [на] великом Московском государстве, его тогда стречают кня[г]ины и боярские жены, государские жены хрестиянския. Сами плачут, и все зрыдают, и бьют челом великому князю Димитрею Ивановичу: «Государь ты наш, великий московский князь Димитрей Иванович! Ты, государь, яздил на свою грозную царскую службу и прияхал ты добр и зъдрав. Где ты, государь, дел наших ласковых гостей и приветливых, кому нас, бедных вдов,^x одевать и обувать, кому указывать, малых детей поить и кормить?» И великий князь Димитрей Иванович, смотря на них, прослезился, и говорит великий князь Димитрий Иванович: «Ой еси вы, княгини и боярыны || < . . . >

(Ркп. 6-ки Сыктывкарского гос. ун-та, инв. № 230891, XVIII в.)

---

^x Далее в ркп. одно слово затерто.

Н. С. ДЕМКОВА

Из истории русской повести XVII в.

Об одной древнерусской параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий» («Повесть о некоем убогом отроце»)

В рукописной тетради в 4-ку, без переплета, состоящей из 16 л. (ЦГАДА ф. 187 (собр. ЦГАЛА), оп. 1, № 66), датируемой первой четвертью XIX в. (бумага с филигранью — двуглавый орел в круге, литеры «ЯМБА», дата «1814»), на л. 1—7 находится обнаруженная нами «Повесть о некоем убогом отроце», который «молением матерним ко святому отцу Николе чудотворцу не токмо богатство получи, но и царем соделася». ¹ Текст этой древнерусской повести замечателен очевидной близостью к сюжету гоголевского «Вия», к его фантастической и трагической кульминации: он содержит интересную параллель к сцене последнего испытания Хомы Брута — к сцене чтения им в церкви Псалтири над умершей панночкой-ведьмой.

Герой повести, безымянный купеческий сын, обнищавший после смерти отца и всеми отвергнутый (мотив блудного сына), получает, по молитве матери к Николе-чудотворцу, «чудесного помощника». Он попадает на корабль неизвестного ему седого старца (в полную волю которого отдает его мать), и тот берет его с собой торговать. Однако торговля в заморском царстве, куда они вскоре приплывают, задерживается самим царем (мотив, известный по «Повести о Басарге»): условие торговли — чтение Псалтири в церкви над мертвой царевной (мотив народной сказки), царевна же — «обладана дьяволом» и «поедает еретичеством своим на каждый день по человеку». Отрок дважды читает Псалтирь в церкви вместо двух своих дядей-купцов, получая за это их корабли с товарами, а в третий раз — читает за себя. С помощью старца, советующего посыпать пол «вкруг налою» песком и читать Псалтирь без страха, «не устрасась царевны», отрок выходит из испытания живым и невредимым, а на третью ночь — освобождает от заклятья и саму царевну, ставшую его невестой (ср. мотив «некнижного жития» Николы, освободившего беснующуюся в церкви девицу²). Нищий

¹ Рукопись писана полууставным почерком, в конце тетради, на л. 16 об., сохранилась запись писца (владельца?): «Сей список Андрея Кузнецова». В состав рукописи входят еще четыре текста: «Слово о царе Агее» (л. 7 об. — 10), «Слово о неиспытанных судьбах божиих» (л. 10—11 об.), «Слово о Федоре-купце, иже взима злато у жидовина» — из Пролога, 31 октября (л. 11 об.—14 об.), выписки из житий (л. 15—15 об.).

² См.: Орлов А. С. Русское «некнижное» житие Николая Чудотворца // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 347—358. — Аналогичный сюжет, совпадающий во всех узловых деталях, имеет сказка «Иван купеческий сын отчитывает царевну: по совету матери, герой находит «чудесного помощника» — старца, плывет с двумя своими дядями на кораблях в «чужестранное царство», читает за своих родственников и за себя Псалтирь над мертвой царевной, поедающей каждую ночь по человеку, получает в награду за свои труды корабли с товарами, с помощью старца вначале оживляет, а затем и избавляет от «злого духа» царевну, женится на ней и т. д. См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 73—75.

отрок становится теперь царем, а пренебрегавшие им дядья служат ему, как «раби» (реализуется мотив христианской литературы — «неисповедимости судеб божиих», мотив, разрабатываемый во многих оригинальных повестях XVII в. — о Марфе и Марии, об ангеле, послушавшемся бога, о царе Агее, и др.). Однако сюжет повести этим не исчерпывается, действие продолжается далее, причем уже после наступившей развязки: в сюжет вводится — в духе сюжетных контаминаций XVII в. — новый мотив демонстрации демоноборческой силы «чудесного помощника», и, соответственно, возникает вторая развязка. Во время путешествия по морю при возвращении отрока-царя с женой к матери старец окончательно освобождает царевну от бесовской власти, разрубая ее пополам и изгоняя «демона», а затем и уничтожая его своею секирою: «Демон и з секирою утопе в море». Только вернув царевну отроку, отрока — матери, а корабли с товарами — дядям, старец открывает свое имя («Аз есмь Николай Мирликийский») и исчезает (подобно ангелу в «Повести о царе Агее», повести «О искушении бога, о царе некоем» в Жюлевском сборнике,³ и др.).

Популярный персонаж народных верований Никола-угодник выступает в этом тексте во всем многообразии своих функций: он — «чудесный помощник», победитель бесов, покровитель брака, искусный врачеватель.⁴

«Повесть о некоем убогом отроце», и созданная, по-видимому, в XVII в. на основе сказок и народных преданий о Николае-чудотворце,⁵ примыкает одновременно к циклу повестей о купцах (к изучению этой группы повестей как произведений, характерных для XVII в., призывает исследователь Д. С. Лихачев⁶), и особенно близка она по тематике и ряду мотивов к «Повести о купце, купившем мертвое тело».⁷ Яркая особенность повести — то, что она была создана на основе сказочного сюжета о смерти ведьмы и о чтении над ней в церкви Псалтири, мотив которого использовал Н. В. Гоголь в повести «Вий».⁸ Однако только ли далеким предшественником Н. В. Гоголя выступал древнерусский книжник? Не была ли и сама

³ См.: ГИМ, Синодальное собр., № 908, л. 53—55 об. — В настоящее время повесть издана: Р о м о д а н о в с к а я Е. К. Повести о гордом царе. Новосибирск, 1985. С. 285—286.

⁴ Об этом см.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточно-славянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

⁵ См., например: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. Казань, 1914. с. 88—89 (запись из собрания В. Даля).

⁶ Лихачев Д. С. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 526—527.

⁷ См.: Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 126—135. — Здесь есть и мотив демоноборчества «волежного помощника», и связь с народным культом Николы (погребение мертвого тела, выкупленного у кредиторов купеческим сыном, совершается в монастыре «чудотворца Николая»). С описанием изгнания беса в «Повести о некоем убогом отроце» здесь совпадает момент умерщвления «змея», выходящего из уст царевны: «Слуга же . . . вынес меч и удариша ее. Она же паде на землю, аки мертва. И выскочивши из нея изо уст змеинное гнездо, в нем же змеенков семьдесят, аки черви колышуща. Слуга же, подняв ее и перекрести, и даде ему живу. . .». Сходные эпизоды можно найти в сказке «Иван купеческий сын отчитывает царевну»: старик «выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. С. 75) и в «Сказке о Силе-царевиче и об Ивашке-белой рубашке»: «Ивашка-белая рубашка набрал костер и зажег, выхватил меч и рассек королеву надвое . . . Как скоро рассек он королеву — из чрева ее поползли всякие гады . . . Пожег всех гадов, потом сложил тело королевы и sprынул живую водою: в ту же минуту она ожила и сделалась столь же кроткою, сколь прежде была злою». (Там же. С. 278).

⁸ Исследуя фольклорную основу «Вия», В. И. Еремина пишет: «Целый цикл сказок о ведьме лег в основу „Вия“ и особенно выделяет ряд украинских сказок, близких повести Н. В. Гоголя («Видьма та видьмак» — в издании М. Драгоманова, «Видьма» — в издании И. И. Манчжуры, «Упирь и Миколай» — в издании И. Рудченко). См.: Еремина В. И. Н. В. Гоголь // Русская литература и фольклор: (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 256—257; см. также: Восточнославянская сказка: Указатель сюжетов. М., 1977.

рукописная повесть знакома Гоголю? Трудно сказать . . . Тем не менее следует обратить внимание на то, что повесть эта примыкает к «некнижным» вариантам чудес Николая-чудотворца, особенно популярным в украинской и белорусской рукописной традициях,⁹ и вероятность интереса Николая Васильевича Гоголя к народной точке зрения на культ популярного и соименного ему святого достаточно велика. Кроме того между текстом повести и гоголевской интерпретацией поведения Хомя Брута в церкви есть существенная точка соприкосновения — христианская идея о необходимости спасительной веры (может быть, даже слепой). Никола говорит отроку: «Егда царевна встанет и придет к тебе, ты же никакоже утрашися ея, токмо читай, ничтоже сумневайся». Настойчивое желание Хомя Брута (его имя прихотливо соединило представление о древнеримском герое-тираноборце и непослушном ученике Христа Фоме «неверующем», усомнившемся в воскресении учителя) — взглянуть на Вия — на фоне этого рассуждения воспринимается как молодецкое «самохотие», самоволие, осуждаемое средневековой традицией, а мгновенность его смерти оказывается как бы реализацией евангельской формулы об исполнении «божьей воли» «в мгновении ока». Отметим также, что в древнерусской повести появляется тема, отсутствующая в сказке и весьма важная для повестей Гоголя, — тема материнской любви и молитвы за отрока, мотивирующая в сюжете древнерусской повести возникновение «чудесного помощника» (ср. обращение сына к матери с просьбой о молитве за него в трагическом финале гоголевских «Записок сумасшедшего»).

Из факта знакомства Н. В. Гоголя с народными поверьями о 29 февраля и Касьяне, послужившем источником образа Вия (это было выявлено А. А. Назаревским¹⁰), следует вывод, что, создавая повесть, Гоголь пользовался не только сказочными материалами, но и материалом устных и, возможно, письменных агиографических легенд, связанных с традициями рукописных книг.

Таким образом, «Повесть о убогом отроце», наряду с уже установленными фактами чтения и использования Н. В. Гоголем жития византийского мученика Акакия (по-видимому, по Минеям Четиим Дмитрия Ростовского¹¹), Домостроя, Пролога и сочинений Иоанна Златоуста,¹² расширяет круг древнерусских параллелей к повестям Гоголя¹³ и одновременно дополняет новыми материалами проблему связи русской средневековой литературы с литературой нового времени.

Вновь найденная повесть публикуется ниже по второму известному нам и более раннему списку XVIII в.¹⁴

⁹ См. выше, сн. 2.

¹⁰ Назаревский А. А. Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // *Вопр. рус. лит.* Львов, 1969. Вып. 2. С. 39—46.

¹¹ См.: Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 318.

¹² См.: Птиченко М. «Выбранные места из переписки с друзьями» и традиции древнерусской литературы: *Дипломное сочинение, защищенное на кафедре истории русской литературы ЛГУ в 1985 г.* Машинопись.

¹³ Установленная В. Э. Вацуро интересная и бесспорная реминисценция в гоголевском «Вии» (в редакции 1842 г.) из романа А. Ф. Вельтмана «Светославич, вражий питомец. . .» (М., 1835. Ч. 1. С. 105—107) в сцене осады церкви нечистью (см.: Вацуро В. Э. Из наблюдений над поэтикой «Вия» Гоголя // *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976. С. 307—311) может быть дополнена указанием на типологически близкий вариант разработки этого мотива в древнерусской «Повести о согрешившем пресвитере», известной мне по рукописному сборнику 1665 г., переписанному и, возможно, составленному новгородским посадским человеком С. В. Жюлевым (ГИМ, Синодальное собр., № 908): в повести описывается осада церкви птицами, которые должны заклевать грешницу. Текст рукописной повести оказывается весьма близким к тексту А. Ф. Вельтмана и, соответственно, Н. В. Гоголя. Отметим попутно, что сюжет, использованный «Повестью о некоем убогом отроце», послужил также основой для повести А. М. Ремизова «Верный» (или «Никола Верный» (1915)). См.: Ремизов А. 1) Николины притчи. Пгр., 1917. С. 52—62; 2) Три серпа. Париж, 1929. Т. 2. С. 116—127.

¹⁴ Список был любезно указан мне Е. К. Ромодановской. — «Повесть о некоем убогом отроце» находится на л. 85—89 об. (верхняя пагинация) старообрядческого

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Повесть о некоем убогом отроце, иже^а молением матерним ко святому отцу Николаю чудотворцу не токмо богатства получи, но и царем соделася л. 85

З е р ц а л о

Бысть в Палестинских странах в некотором граде, стоящаго близ моря, живяше в нем купец вельми богат и знаем всеми гражданы, имея у себя токмо единого сына млада отрока, и держа его во всяком наказании и страхе божии. И повелением божиим оный купец умре, а сын его младый отрок остася един с матирею своею. И нача жити пространно и прохладно, и отеческое изживение все испроверже, и в убожество такое прииде, что и пищи не имея, и прося у сродников своих и у граждан дневняя пищи. И никтоже ему не даяше, видяша его непостоянство, и всегда измираша голодом.

Мати же его господу богу моляшеся и призываше на помощь всегда угодника его, великаго святителя Николая чудотворца, дабы сын ея возвратился на истинны путь.

И некогда сродники их, дядие сыну ея, идуще в торговлю с товары кораблями || в заморския страны. Тогда мати онаго отрока прииде к ним и глаголаше с плачем: «О милые сродницы мои, примите сына моего, да он с вами торговлю будет иметь!» И даваше им оставшаго от имения мужа своего токмо едино сто сребренник. Они же рекоша ей: «Отдаждь сие сыну своему, да поне и оные избудет в проклад свой». А сами с кораблями поидоша. л. 85 об.

Она же горко нача плакати и рече сыну своему: «Что ми с тобою будет?! И сродницы от тебя отступисася, а другие кто тебя возмет за твое неистовство!» И в горести и плачи восклицаше: «О великий угодниче Христов, святителю Николаю чудотворче! Помилуй мя, грешную, и з чадом моим, буди помощник и заступник в беде сей! Како ты святыми своими молитвами везде избавляеши, тако и мене спаси и помилуй с чадом моим и не даждь вскоре изриновенной быти».

И в том молении стоящу ей и з сыном на брегу и видяща пловущ един корабль по морю, на нем же стоящ муж благообразен и сединами украшен и лицом велми светел — той бо есть святитель Христов Николай чудотворец. А оная жена не ведаю, кто есть.

И приста ко брегу и рече: «О жено, чесо ради || тако плачеш и почто на помощь призываеши Николая чудотворца?» Она же поведаша ему все приключаяся. Скорый же помощник и теплый заступник Николай чудотворец рече ей: «Отдаждь ми сына своего, аз возму его для торговли. Токмо повели ему быти послушну ми и ничтоже без воли моей творить». Она же падоша ему на нозе и отдаде сына своего. л. 86

И егда прият его божий угодник на корабль, тогда поднышася ветрило само о себе, и понесоша корабль по морю вельми быстро.

И тогда божиим повелением оных дядей ево принесоша на кораблях в некоторое царство, в котором царстве лежит в церкви царевна, мертвая и обладанная дияволом, и поедает еретичеством своим на каждый день по человеку.

И егда они присташа ко брегу, тогда царевы стражие взяша их и с кораблями, и товары их осмотреша, и предаша их под охранение царское. И по мале времени прииде и угодник Христов Николай чудотворец и с племянником их отроком. К ним же никтоже смеяше приступити.

сборника в 4-ку, 192 л., писанного полууставом во второй половине XVIII в. Состав: выписки из «Книги о вере», повесть об отроке, «чудеса» богородицы (из «Звезды пресветлой»), «Слово о неисповедимых судьбах божиих», «Слово Ишполита, папы Римского, об антихристе», жития Мины, Онуфрия Великого, Киприяна-мученика, «Чудо о царице Франчийской, «Слово о царе Агеи» и др.

^а *Испр., в ркл. и.*

И увидеши племянника дядие и подивися о том, како он прииде с таковым благообразным мужем, а не ведая, кто с ним на корабле.

4. 86 об. В то же время || прииде цареvy слуги и повелеша первому дяди итьти в церковь к царевне для читания Псалтыри. Он же ужасошася и призва отрока, и рече ему, чтоб он шел за него в церковь. Тогда отрок рече ему: «Егда повелит ми оный благообразный муж итьти, то я за тя и пойду». И поведае о том угоднику божию, яко просту человеку. Тогда святитель Христов Николай чудотворец глагола отроку: «Поиди за него, егда отдаст тебе корабль и с товары». Дядя же обеща ему корабль свои отдати и с товары, с написанием, а сам размышляя, яко ему тако от царевны будет кончина, а не ведая о том божию воли и чудес святителя Николая чудотворца и ни во что вменяя.

И по обещании того вдаде ему святыи узел песка и рече отроку: «Егда ты приидеши в церковь к налою, то посыпь вокруг его песком и начни читать Псалтырь. Егда царевна встанет и приидет к тебе, ты же никакоже утрашися ея, токмо читай, ничтоже сумневайся».

4. 87 Тогда отрок взя данное ему от святого, и прият благословение, и поиде в церковь. И егда страж церковный пусти его внутрь церкви, где царевна-еретича мертвая, и запре церковь, и запечатов || царскою печатью, тогда отрок прииде к налою и повеленное ему от святого сотвори: осыпашася песком и ста чести Псалтырь.

И егда наставшу полунощи, и восташа царевна из гроба, и прииде ко отроку, и хотяху его жива поглотити, и не можаху к нему блиско прийти, и языком своим доставаху, яко серпом махаху, и другими мечтами на него меташася. И ничтоже сотвори. И доиде чтения девятыя кафизмы 67 псалма «Да воскреснет бог, и разыдутся врази его», и царевна паде во гроб свой и омертве.

О братие и сестры! Видите, како Псалтырь есть добро читати! И диявол никакоже что может сотворити!

И наставшу утреннему пению, прииде страж церковный и по обычаю отпечатав и отопре церковь и, увидев отрока, стояща жива, и поведа о том царю. Царь же о том подивися и повеле отрока отпустити.

Отрок же, отслушав утренню, и прииде на корабль свой здрав, прием благословение от святого, а не ведая о том, кто есть.

4. 87 об. Дядя же вельми о том смугися, и не хотя корабля с товары ему отдати и называху его чародеем. Святыи же повеле отроку итьти к судии || и объявити рукописание. И егда написание предложено судии, тогда и корабль отдан бысть отроку и с товары.

Во вторую же ноц и меньшему дяди ко оной царевне повелено итьти. И таким же образом сотворися и оному дяди. И оба дяди стаха в убожестве.

В третью же ноц достася итьти отроку за себя. Тогда святыи повеле ему: «Егда царевна к тебе приидет, и ты ея по чтении псалтырнаго удари оною Псалтырию троекратно и глаголи: „Во имя отца и сына и святого духа, аминь!“»

4. 88 И егда прииде отрок к церкви, и церковный страж по обычаю впусти его в церковь и запре, и запечата, отрок же нача чести Псалтырь, царевна же востаха и нача скакати и руками плескати и языком его, яко косою, доставати и страшаше всякими привидении, и ничтоже сотвори. И егда отрок сконча псалтырное чтение и согнув книгу, и удари царевну по главе троекратно, тогда царевна ста на месте кротко и смиренно, озираяся семо и овамо. И рече отроку: «Ты кто еси?» Он же глагола: «Аз есмь создания божиа, человек». И повеле ей сотворити || молитву Иисусову. Она же сотвори молитву. И стаха оба поблиску себя.

И егда прииде страж церковный, и по обычаю отопре церковь и сотвори молитву, тогда отдаша «аминь» мужеск и женск глас, и увиде царевну, стоящую близ отрока смиренну. И затвори церковь и, шед, поведа о том царю. Царь же взя с собою вельможей своих и поиде в церковь.

И вниде, и виде царевну, дочь свою, стоящу близ отрока здраву, тогда приступи к ним и рече: «Ты ли еси дочь моя единородна?» Она же рече: «Аз есмь». И повеле ей творити молитвы.

Царь же собра в церковь митрополиты, архиепископы и епископы, и весь причет церковный и нача молебствовать господу богу и пресвятей богородице и угоднику Христову Николаю чудотворцу о таком избавлении дщери своей от насилия дияволи. И услыша о том царица, и вси граждане стекочася на такое чудо. И по отпении молебна глагола царь отроку: «Возми сию дщерь мою за ся, тебе ради и твоими молитвами здрава сотворися». Он же рече: «Не мною сие сотворися, || но божим л. 88 об. повелением и наставника моего, мужа благоговейна, именем Николая».

Тогда царь рече: «Где оный муж есть?» Он же рече: «Обитает на корабле». И царь посла к нему архиепископа с причтом и вельможи своими, а сам царь поиде со отроком и царевною в свои царские чертоги.

И егда приидоша архиепископ с вельможи на корабль к тому благоговейну мужу, и увиде его, и поклонилася ему, и размышляя в себе: «Воистинну, сей муж непрост человек есть». И поведает ему о отроке и царевне вся бывшая. Оный же муж глагола ему: «Сие сотворися божим повелением и молением матерним отрока онаго». И поиде с ними к царю.

И егда прииде к царским чертогам, и царь встрече его, и поклонися ему, и подивися благообразию его, и не смея спросити, кто он есть, и вшед в чертоги. Тогда отрок и с царевною падше на нозе его и ничтоже вещаше, токмо глагола: «Святче божий, помилуй ны!» И оный муж благослови их и рече отроку: «Сия девица буди тебе супруга».

И по мале времени царь отдаде дочь свою за отрока и учини его на свой престол царем. || И бысть в том царстве велия радость. И егда л. 89 отроку бывшу царем, тогда дядие его служаху ему, яко раби. И потом святой рече ему: «Поими ныне войско и повеле корабли уготовити, и поидем во отечество твое, да ты отдам матери твоей, понеже бо она нас ожидает и плачь на плачь прилагает».

И егда корабли уготовися, и войска в корабли седоша, а отроку и з женою святой же повеле быти на корабли своем, и пустишася по морю, и припешу ко отечеству его.

Тогда завидеша того града граждане и жены дядей его, и рече: «Сии корабли оных мужей». И радовахуся оные жены, а мать отрока плакаше и в перси бияше. Оные же посмевахуся ей и глагола: «Уне сын твой с кем поиде на корабли?» И чая его быти в нищенстве.

И егда приидоша ко брегу, и увидеша войска на кораблях, а отрока царем, а дядие служаху ему рабами, тогда вси граждане ужасошася, како то сотворися.

И призва святой отрока и рече ему: «Отдаси мне половину || жены л. 89 об. своей и разрубим надвое, понеже, егда кто с кем торг имеет, то по половине разделяют, а мы с тобою сию девицу обще из мертвых воскресили». И отрок велми о том смутися и ничтоже глагола. Святой же взя царевну и положи на доску корабельную и взя секиру и возмохнуса. И абие изыде из нея демон, яко вран. Тогда святой секиру на врана бросив, и демон и з секирою угоде в море.

И взя святой царевну и даде отроку, и рече ему: «То есть половина моя». И призва мать его и глагола: «Сего сына приими от мя сохранна». Потом повеле отдати дядием корабли и с товары. Вдова же паде святому на нозе: «Благодарю тя за твое великое милосердие и благость». И рече святому: «Прошу тя, кто еси ты?» Он же рече: «Аз есмь Николай Мирликийский». И в том часе невидим бысть.

О братие! Како моление матерне велико есть, а отеческое благословение свято!

Отрок же поят мать и сродники своя и возвратися во свое царство. И тако живяше царем благоугодно даже и до скончания века своего. ||

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. П. Бударагина)

Г. В. МАРКЕЛОВ

Латгальская рукописно-книжная традиция

Материалы к изучению

Результаты широко развернувшейся в стране полевой археографической деятельности, находки все большего числа рукописей, бытовавших в крестьянско-старообрядческой среде на протяжении XVIII—XX вв., со временем должны привести к научному осмыслению фактора влияния местных рукописно-книжных традиций на формирование идеологии русского крестьянства, его жизни, культуры и быта. Нет нужды говорить о том, как важны для исследователя публикации описаний археографических находок и сопутствующий им анализ бытования книг в «низовых» слоях общества. В этой связи мы продолжаем публикацию описаний рукописей Латгальского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома, а именно первых 144-х номеров собрания, которые по тем или иным причинам не были опубликованы ранее.¹ Описание мы предворяем обзором двух прибалтийских коллекций рукописей из Библиотеки АН СССР, осмотренных с целью выявления рукописей латгальского происхождения. Как известно, еще в 1945 г., вскоре после освобождения Латвийской ССР от немецких захватчиков, В. И. Малышев ездил в г. Даугавпилс (тогда еще Двинск) в воинскую командировку. В свободное от выполнения задания военного командования время ему удалось познакомиться с местными держателями старины и осмотреть их собрания рукописей.² Установившиеся дружеские отношения и переписка с двинскими старообрядцами позволили Малышеву стать инициатором первой археографической экспедиции в Латвию, которую совершили сотрудник Библиотеки АН СССР В. А. Петров и известный собиратель древнерусских рукописей Ф. А. Каликин. В декабре 1952 г. ими были доставлены 29 рукописей XVI—XIX вв., записанных в Собрание текущих поступлений БАН. Позднее в библиотеке был выделен отдельный фонд — Двинское собрание,

¹ О первых археографических находках в Латгалии см. наши статьи (без описания рукописей) в т. 30, 31, 34 и 36 ТОДРЛ; описания поступавших с 1980 г. находок латгальских археографических экспедиций (№ 145—380) см. в наших статьях в т. 34 и 40 ТОДРЛ. В 1984 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома поступила одна весьма ценная рукопись, последним владельцем которой был наставник Лубанской (Даугавпилсский р-н) общины: № 381. «Л е с т в и ц а И о а н н а Л е с т в и ч н и к а, XV в. (II-я четв.), в 4-ку, 307 л., полуустав трех почерков, имеются орнаментированные киноварные буквицы, переплет не сохранился. Первые 13 листов переписаны полууставом в III-й четв. XVIII в. На многих листах имеются приписки полууставом XV в. к тексту, содержащие толкования и выписки из монашеско-учительных сочинений исихастского характера с упоминанием Григория Синаита, Ефрема Сирина, Василия Великого и др. авторов. В тексте «Лествицы» имеются следы правки последующих переписчиков. Рукопись содержит Житие Иоанна Лествичника, «Лествицу» в 30-ти главах русского извода сербского перевода и Послание Иоанна Лествичника к «пастырю», заказчику книги.

² См.: М а л ы ш е в В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновца, Риги, Двинска и других городов / ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 466—467.

в который вошли находки 1952 г. и приобретенные впоследствии отдельные рукописи из Прибалтики (всего 48 ед.).³ В кратком обзоре новополучивших из Латвии материалов В. А. Петрова,⁴ к сожалению, нет точных указаний, от кого приобреталась та или иная рукопись, опущены также сведения о приписках, записях и пометах на книгах. Для изучения латгальской рукописно-книжной традиции важна история каждой местной рукописи, поэтому мы должны привлечь сведения о латгальских книжниках, почерпнутые из приписок на рукописях Двинского собрания БАН.

На четырех наиболее древних (XVI—XVII вв.) богослужебных рукописях собрания находится библиотечный штамп Двинской Успенской единоверческой церкви (№ 7, 8, 9, 35). Одна из этих рукописей (№ 7) — Евангелие-апракос, XVI в., западно-русского (?) письма — содержит любопытную вкладную запись от 1557 г., которая сообщает, что иерей Козма Васильевич «родом Смоленска» при ковельском старосте Франтишке Хвалишевском и епископе Владимирском Иосифе (?) «покладает по своей душе» Евангелие в церковь святой Троицы в селе Вербцы. Напомню, что село Вербцы (Вербки, близ Ковеля) в 1553 г. было подарено Сигизмундом II Августом князю Андрею Курбскому и принадлежало ему по ленному праву. В том же селе, в монастыре святой Троицы Курбский и был похоронен в 1583 г.⁵ Таким образом, мы имеем автограф лица, весьма близкого, надо полагать, опальному князю, — настоятеля храма, где Курбский велел себя похоронить. На этой же рукописи, а также в рукописном Октоихе XVI в. (№ 35) имеется немало записей XVI—XVII вв. на польском языке и помет западно-русской скорописью. Евангелие XV в. (№ 8) содержит продажную запись от 1604 г. Михаила Микитина и его же вкладную запись в церковь Николая Чудотворца. Во вкладной записи певческого сборника XVII в. (№ 20) указано имя писца — вероятно, знатока пения и распевщика середины того же столетия: «... а писал и знаменил сию книгу Стихарь Феодор Демьянович Ап релев своею рукою».

Один из владельцев рукописного Сборника (№ 24) в записи от 1764 г. употребил описательную цифровую тайнопись, в которой зашифровал слово «диакъ».⁶ К 1775 г. относится послесловие к «Богословию» Иоанна Дамаскина (№ 19) известного выговского деятеля Алексея Иродионова (Попова), впоследствии перешедшего в православие и ставшего протопиреем новгородского Николаевского Дворищенского собора. Список «Богословия» был сделан по заказу Иродионова с неопубликованного перевода Дамаскина, выполненного семинарским учителем иеродиаконом Иеронимом. Алексей Иродионов кроме послесловия и полистной записи сделал на полях рукописи многочисленные поправки к тексту по переводу архиепископа Амвросия (изд. 1774 г.). К XVIII в. следует отнести и владельческую приписку на Минее ноябрьской XVI в. (№ 10): «старобрядческой моленной купецкого сына Федора Иванова Лосева».

В рукописях Двинского собрания выявлены пометы владельцев и читателей XIX в.: Иоанна Абрамова, священника, 1893 г. (№ 39); К. О. Батинькова, 1860 г. (№ 18), М. М. Иванова (№ 17); А. Макринова, 1861 г. (№ 29); Николая Кузьмича, 1888 г. (№ 38); Т. Г. Папкова (№ 24); А. Ракитина (№ 38); Т. О. Роголева, 1820 г. (№ 18); А. И. Самсонова

³ Кроме того, в БАН имеется Неманское собрание, сформировавшееся из рукописных находок археографических экспедиций в Литовскую ССР.

⁴ Петров В. А. Археографическая поездка в города Даугавпилс и Ригу Латвийской ССР для сбора рукописей // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 493—496.

⁵ См.: Волинские епархиальные ведомости. 1890. № 18. С. 586. — Благодарю А. А. Цехановича за справку.

⁶ Тайнописный текст является фрагментом из послесловия к известному «Лаодикийскому посланию» дьяка Федора Курицына. См.: Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4. С. 114.

(№ 17); Я. Т. Сеченкова, рижского мещанина (№ 17); Турчанинова (штемпельная напечатка) (№ 18); Я. И. Шагина (г. Режица), который в 1835 г. приобрел рукопись (№ 25) у И. А. и П. Е. Песьяцких в г. Опочке. В Сборнике XVIII в. (№ 29), содержащем между прочего списки «Трепетника», «Знаменника», лекарственные рецепты и др., имеются различные записи жителя г. Двинска о домашних и хозяйственных расходах, о вскрытии льда на реке Двине, фенологические приметы и т. п., относящиеся к середине XIX в.

К XX в. относятся владельческие записи: А. Т. Бурова, головщика из г. Резекне, 1949 г. (№ 40); А. М. Быстрова (переписчика), г. Рига, 1945 г. (№ 47); И. У. Вакоњи, г. Рига, 1952 г. (№ 36); И. Н. Заволоко, г. Рига (№ 28, с экслибрисом); М. Ф. Колосова, г. Москва (№ 39); К. Т. Красовского, наставника Юдовской общины г. Двинска, 1922 г. (№ 1); Л. С. Михайлова, наставника Гребенщиковской общины (№ 33); Л. С. Муршикова, наставника Тартуской общины (№ 34, с пометой «родовая»); С. Никифорова, 1935 г. (№ 30); И. М. Простакова, д. Тихотка, Причудье (№ 46 — ксерокопия рукописи); П. Т. Стрелкова, наставника Гривской общины г. Даугавпилса (№ 5, 14, 19) и Трошковой (№ 48). Несколько рукописей (№ 36, 38—43), приобретенных у рижского иконописца и книжника К. А. Павлова, содержат и его владельческие пометы.

Три рукописи XVIII в. из Двинского собрания (№ 22 — «Поморские ответы», № 23 — «Меч духовный», № 25 — Сборник), судя по почеркам и оформлению, следует отнести к выговскому письму. Несколько более поздних рукописей (№ 28, 34, 41, 46) относятся к причудской рукописно-книжной традиции, десять рукописей (№ 14, 17, 18, 26, 38, 40, 42, 44, 47, 48) идентифицируются как рукописи латгальского происхождения.

Аналогичный материал можно извлечь из поступившего в БАН в 1977 г. небольшого (всего 14 ед.), но весьма ценного собрания рукописей Гребенщиковской общины.⁷ С конца XVIII в. латгальские и курляндские старообрядческие (и соответственно — книжные) центры постепенно передают главенство Рижской общине, превращающейся в богатый хозяйственно-экономический, идеологический и духовный центр всего старообрядчества Прибалтики. За счет пожертвований и приобретений растет и Книжница Гребенщиковской общины. Естественно, что туда попадают и рукописи латгальского происхождения. Однако в Гребенщиковском собрании БАН рукописей, относящихся безусловно к латгальской традиции, не обнаружено. Тем не менее в приписках и пометах XIX—XX вв. встречаются имена владельцев, сходные с именами латгальских книжников. Так, в Торжественнике начала XV в. (№ 1) имеются пометы братьев Никифоровых, рижского мещанина И. В. Волохинова. Летописцем начала XVIII в. (№ 10) обладал Б. Т. Мартынов (XIX в.). Цветник 1883 г. переписал Ревельской инвалидной команды рядовой Михаил Петера. Три рукописи Гребенщиковского собрания имеют многочисленные пометы И. Н. Заволоко (№ 11, 12, 14). Таким образом, обследование Гребенщиковского и, особенно, Двинского собраний рукописей БАН позволило расширить картотеку латгальских книжников. Ныне нам известны имена почти двух сотен владельцев латгальских рукописей XVIII—XX вв. и более пятидесяти имен переписчиков и авторов того же периода. К этому следует добавить более 80 лиц, передавших за последние годы рукописи из своих нынешних собраний участникам археографических экспедиций ИРЛИ в Латвии.

После последней публикации⁸ увеличился фонд латгальских материалов в коллекции И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома.

⁷ См.: Б у б н о в Н. Ю. Рукописи из собрания Рижской Гребенщиковской общины в Библиотеке АН СССР // Книжное дело в России в XVI—XIX веках. Л., 1980. С. 103.

⁸ См.: М а р к е л о в Г. В. Коллекция рукописей И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 377—387.

И. Н. Заволоко, еще в 20-х гг. ставший первым собирателем рукописей в Латгалии, до последних дней жизни⁹ живо интересовался местной книжностью и оказывал неоценимую помощь нам, археографам. В 1978—1982 гг. от него поступили следующие латгальские материалы: бумаги из архива Е. С. Суворова (д. Бесовка Режицкого уезда) — видного деятеля второй половины XIX—начала XX в. Режицкой, Преображенской и Стародубской старообрядческих общин — с копиями его посланий полемического и увещательного характера к братии в общины и наставникам в Москву, Петербург, Казань, посад Злынку, Кинешму и Режицу, подборки его выписок из разных книг учительного и богословского содержания, хозяйственные приходо-расходные записи, выписки по пчеловодству, а также письма к нему разных лиц (№ 309, 331); письма и документы латгальских книжников (духовное завещание, «плачевное» послание, письма о поисках и приобретении книг) XIX—XX вв. (№ 310); послание Е. Фролова (отца известного причудского иконописца Г. Е. Фролова) сыновьям в г. Режицу (№ 311, ок. 1880 г.); бумаги из архива М. Е. Суворова (сына Е. С. Суворова, известного латгальского феодеосеивца), содержащие его послания в местные общины, выписки полемического и учительного содержания и т. п. (№ 313); *Обиход певческий* на крюках письма екабпилсского наставника И. И. Волкова (№ 314, 1947 г.); сборная рукопись богослужебного содержания, латгальского письма (№ 336, XVIII—XIX вв.), один из почерков ее идентичен почерку Дягучаевской летописи (см. ниже: Латг. собр., № 51); *Октоих певский* на крюках (№ 339, XIX в.), принадлежавший в 1931 г. Я. С. Порозову (д. Обелишки Режицкого уезда); подборка документальных материалов XIX—XX вв., касающихся прибалтийских старообрядцев, в которой содержатся предписания рижского генерал-губернатора об особых дискриминационных мерах в отношении жен и детей раскольников (1847 г.), выписки из *Журнала рижского секретного совещательного Комитета по делам раскольников* о принятии мер к обузданию раскола в Лифляндии и Курляндии (1852 г.), приветственные «адреса» рижских и режичских старообрядцев Александру II (1863 г.), записки о встрече Александра II с рижскими старообрядцами и др. (№ 340); подборка частных писем латгальских крестьян-старообрядцев XIX—начала XX в. (№ 343), в которых упомянуты Рига, Полоцк, д. Речини, Римши (Латгалия) и др.¹⁰

⁹ Иван Никифорович Заволоко скончался 6 марта 1984 г. в Риге, похоронен в г. Резекне.

¹⁰ Пользуясь случаем, сообщу и о некоторых других, наиболее ценных, пополнениях коллекции И. Н. Заволоко, о которых еще не сообщалось в печати. В 1982 г. собиратель передал Пушкинскому Дому выговскую рукопись первой трети XVIII в. «Евангелие и Апостол» (№ 335), в 8-ку, с миниатюрами четырех евангелистов, богато украшенную многочисленными заставками, буквицами и концовками поморского орнамента. Бархатный переплет книги украшен чеканными серебряными наугольниками и средником с изображениями евангелистов. Ценнейшим даром И. Н. Заволоко стал фотоальбом «Выгореция. Памятники древнерусского искусства на Выге» (№ 353). В альбоме собраны уникальные фотоснимки конца XIX—начала XX в., содержащие 5 разделов: «Зодчество» — 33 снимка общих видов общежития Выга и Лексы и отдельных сооружений; «Иконопись» — 16 снимков выговских иконостасов, отдельных икон и фрагментов икон поморского письма; «Орнамент рукописей» — 12 снимков и 2 рукописные заставки в красках и золоте из поморских рукописей; «Резьба по дереву» — 19 фотоснимков резных распятий, икон, намогильников и других образцов выговской пластики; «Литье» — 16 снимков и 6 цветных иллюстраций литых икон и складней, подготовленных для издания книги В. Г. Дружинина «Поморское литье». (№ 354) От Л. С. Михайлова, наставника Гребенщичковской общины, в собрание Заволоко поступила Сборная рукопись первой четв. XVI в. В состав ее кроме служб, в том числе и русским святым, вошла Повесть о Темир Аксаке, каноны, уставы и проч. Кроме того, коллекция пополнилась старообрядческими полемическими сочинениями, изданными в XIX—XX вв. подпольно на гектографе (№ 344—349); перепиской И. Н. Заволоко с Ф. А. Калининим на темы: «София премудрость Божия», об иконописи и реставрации, о поморском литье, о путешествиях на Выг и др. (№ 350); гравюрами, прорисьями икон, географическими картами XVIII—XIX вв. (№ 337) и др. материалами.

Весьма допустимо, что латгальские рукописи находятся и в других архивохранилищах страны. Миграции рукописей в старообрядческой среде показывают, что нередки случаи, когда книга оказывалась у нового владельца за многие сотни верст от места переписывания. В Латгалии бытовали рукописи не только из близкого Причудья или соседней Литвы, но и из Карелии (Выголексинские), Стародубья, Ярославля, Рыбинска, Москвы, Восточной Пруссии и других районов. Примером книгообмена латгальских книжников с другими общинами служит недавно приобретенный Древлехранилищем рукописный Октоих певческий на крюках в списке последней четверти XIX в. (Латг. собр., № 382). На протяжении многих десятилетий Октоих находился в д. Куликовке (Самодуровке) Вольского р-на Саратовской обл., в доме старообрядца И. Ф. Мартынова. Вполне вероятно, что латгальские рукописи могут оказаться и в других приволжских районах, а следовательно — и в местных архивохранилищах и библиотеках. Установить латгальское происхождение Октоиха оказалось возможным не только по почерку, но и по художественному оформлению, особенно по красочным буквицам и инициалам, весьма характерным для латгальской рукописной традиции. Возможность атрибутировать именно латгальские рукописи в разных архивах, особенно периферийных, ныне значительно облегчена нашей публикацией типичных образцов рукописного декора латгальских книгописцев.¹¹

Напомню, что Латгальское собрание начало формироваться еще при основателе Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышеве, по инициативе которого состоялась моя первая поездка в города Даугавпилс и Резекне в декабре 1972 г. Тогда мне удалось привезти первые 24 рукописи фонда. В дальнейшем, благодаря регулярным археографическим экспедициям и командировкам, собрание пополнялось так: 1973 г., январь — № 25—41, август — № 42—75, декабрь — № 76—80; 1974 г., июль — № 81—109; 1977 г., декабрь — № 110—116; 1979 г., сентябрь — № 117—141. В ноябре 1979 г. и в апреле 1980 г. в г. Даугавпилс ездили сотрудники Фонограммархива ИРЛИ С. В. Фролов и В. П. Шифф с целью записать на магнитофон образцы местного певческого искусства. Знатоки пения по крюкам П. Т. Стрелков и М. С. Поддубников исполнили для записи около 150 текстов на крюках, взятых из певческих рукописей латгальского письма. Участники поездки доставили в Древлехранилище 3 рукописи (№ 142—144), пленки с записями пения хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Таким образом, и певческая традиция латгальских старообрядцев в известной мере стала доступна исследователям.¹²

Публикуемое ниже описание первых 144-х номеров рукописей Латгальского собрания печатается с незначительными сокращениями

1. Сборник исторический, XVII в. (конец), в 4-ку, 713 л., скоропись нескольких почерков и полуустав, заголовки киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, со следами двух застежек. Водяные знаки: «Голова шуга» и «Герб Амстердама». На л. 4 запись 30-х гг. XIX в. владельца сборника, который видел подобную рукопись у петербургского купца А. Беспалова и сделал оттуда дополнительные выписки в данный сборник; почерком этого же владельца кое-где сделаны приписки к тексту типа: «Который Гранограв ныне у Алексея Филиповича Фиалковского» (л. 7 об.), «Справиться в Рифмологионе» (л. 30 об.), «у Круглова дошедшей от Беспалова, во оном сия 77 глава на 128 листу находится». Кроме

¹¹ См.: Бударягин В. П., Маркелов Г. В. Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. 1984. Т. 38. С. 271—284.

¹² Кроме указанных, в Фонограммархиве ИРЛИ находятся записи песнопений, исполненных головником и большим любителем древнерусского крюкового пения А. Т. Буровым (г. Резекне).

того, имеются приписки: на л. 2 от 1898 г. о продаже книги Петром Баинщиковым священнику Петру Злотникову за 5 руб., а также некоего «секретаря Степана Ферапонтова» (на л. 276 об. скорописью XVIII в.). На л. 8 об. следы оттиска двух круглых печатей или штемпелей с изображениями святых. На полях л. 8 проставлена дата «1684 г.», л. 81 — «1742 г.». Л. 1—3 без текста. С о д е р ж а н и е: трактат «Описание вин или причин, киими к погибели и к разорению всякие царства приходят и киими дела в целости и в покои содержатся, преведено с различных книг латинского языка на русский Василием Садовулиным. . .»; «Стихи амвийстие на четвертую монархию» и пророчества Даниила «о четвертом звере» с толкованиями; выписки из хронографов (?) о Юлии Цезаре и Октавиане Августе; выписка из Козьмы Индикоплова о Птолемее Братолюбце; сказание «О преложении книг еврейских на еллинский язык» с посланиями царя Птолемея; «Сословие» самодержцев старого Рима вкратце; Хронограф псевдо-Дорофея Монеувасийского с двумя предисловиями (о переводчиках Арсении и Дионисии Греках и о первом издателе Апостоле Цыгаре), текст — без разделения на главы, начинается со статьи «Начало народодержавия ромского», заканчивается «Царством Иоанна Палеолога»; «Повесть о пленении Константинополя» из «Туркогрецьи» Мартина Крусия, дополнена главами о турецких султанах, правивших до 1684 г.; статья о создании Венеции и венецианских правителях Константинополя, о Михаиле Палеологе; сказание «О царе Иоанне Палеологе, како иде во Флоренцию сотворити собор с папоу, соединити церкви, яко да даст ему папа помощь на турки»; «Символ веры».

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

2. **Сборник**, XVII в. (конец)—XVIII в. (начало), в 8-ку, 190 л., полуустав, имеются киноварные заголовки и инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками одной медной застежки. На листах, приклеенных к переплету, имеются пометы, пробы пера и краткий англо-русский словник скорописью XVII в. На л. 1 помета Касьяна Ульянова, скорописью XVII в. На л. 2 пометы XVIII в. Андрея Амосова и Тиронова. На л. 40 помета (ок. 1773 г.) Семена Иванова Борисова, крестьянина д. Коцдозеро Шунского погоста. На л. 87 приписка скорописью XVIII в. о календарном составе года. С о д е р ж а н и е: слова и поучения Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Ефрема Сирина, Василия Великого, св. Нила, св. Григория, Анастасия Синайского; повести: о жене, обретенной на острове с сыном, о святом Герасиме, «како ему зверь поработа, веры его ради», о Таксиоте, воине воскресшем; поучения: о страсти Христовой, к судьям — «да судят справедливо», о добронравии, о воздержании языка, о послушании, об Иосифе прекрасном; Чудо св. Николы о Димитрии; Житие св. Екатерины и др.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

3. **Триодь постная и цветная на крюках**, XIX в. (первая четв.), в 4-ку, 164 л., полуустав, заставки и инициалы в красках гуслицкого орнамента, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками. Владельческая запись Лариона Касаткина, крестьянина с. Городища, Екатеринбургской губ. Славеносербского уезда. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. В конце рукописи — ряд демественных песнопений с демественной нотацией.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

4. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (20-е гг.), в лист, 168 л., полуустав, имеется миниатюра в красках, изображающая богородицу и молящегося отрока, заставки и инициалы в красках гуслицкого орнамента, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками. Вла-

дельческие записи бронницкой мещанки А. Смирновой и К. Г. Гунина (XIX в.). С о д е р ж а н и е: Октоих, стихиры евангельские, богородичны на 8 гласов, всеобщие пения, избранные праздничные песнопения, подобны на 8 гласов (из Обихода). Имеется путевой роспев с греческим текстом, демество и т. д. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

5. **Сборник, XIX в. (1-я треть), в 8-ку, 292 л., полууустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками.** На л. 4, 9, 91, 110, 163, 183, 194 орнаментированные заставки в красках в подражание поморскому стилю. На л. 127 оттиск гравированной заставки. Имеется много орнаментированных киноварных инициалов. На л. 145, 145 об., 146, 158 об. изображения перстосложений и крестов, на л. 231 об. рисунок пером, изображающий орла. На л. 232—234, 243 орнаментированные в красках таблицы. Л. 1—3, 126, 203, 235, 290—292 — без текста. С о д е р ж а н и е: слова Андрея Денисова на Рождество Христово и «Откуду и како познати подобает посреди раздоров истиную Христову церковь»; духовные стихи, распеты на крюках: о Борисе и Глебе, «рифмы детей ко умершей матери», о страшном суде, о последнем времени, плач Адама, стих «поморских отец, глас 7», о пустыне; краткая запись о сибирской ссылке Аввакума и выписка из его «Книги бесед» о патриархе Никоне; слова и поучения Василия Великого, преподобного Арсения, Геннадия патриарха, Григория папы римского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина; повести и слова из Пролога, патериков, Великого Зеркала; Повесть об Иверской иконе богородицы; Сказание о семи эфесских отроках; Житие Алексея, человека божия; апокриф «Слово пресвятыя Богородицы, како начат Иосиф вопрошати о благовещании ангелове»; «Прогласица поморская» на крюках; календарно-астрономические статьи и таблицы и др.

От А. Т. Бурова (г. Резекне).

6. **Сборник служебный, XIX в. (30-е гг.), в 4-ку, 106 л., полууустав разных почерков, переплет не сохранился.** С о д е р ж а н и е: тропари дневные и воскресные, богородичны; песнопения из Троицы цветной, стихиры покаянны, евангельские чтения и др.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

7. **Ирмологий с розниками на крюках, XIX в. (середина), в 4-ку, 138 л., полууустав, имеются орнаментированные инициалы и заставка в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками.** Владдельческая запись крестьянина П. К. Нестерова (д. Сурвицы). Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От Е. Т. Нестеровой (г. Даугавпилс).

8. **Календарные таблицы с указанием песнопений, исполняющихся на каждый день года, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 14 л., полууустав, в бумажной обложке.** Таблицы сопровождается «сказание оkozрительному знамению» — расшифровка условных знаков в таблицах. Вид и название знаков совпадают с видом и названием крюков.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

9. **Сборник, XIX в. (3-я четв.), в большую 4-ку, 80 л., полууустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками.** С о д е р ж а н и е: Катехизис — список с издания Иосифа патриарха (М., 1649) и «Главы о вере» Геннадия, патриарха Царьграда.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

10. **Чин исповеди** православным христианам, мужчинам и женщинам, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 56 л., полуустав, в картонном переплете.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

11. **Сборник**, XIX в. (посл. треть), в 8-ку, 274 л., полуустав, заглавия киноварные, от переплета сохранилась верхняя крышка-доска, покрытая тисненой кожей, с остатками двух застежек. Л. 1—6, 264—274 — без текста. На последних листах пометы типа пробы пера. **Содержание**: слово Максима Грека «...к хотящим оставлять жены своя без вины законныя и ити во иноческое житие»; Повесть о Петре и Февронии Муромских (2-й редакции); Стих-плач «о озлоблении кафоликов» (вариант); слова и поучения: священноинкока Дорофея, Иоанна Златоуста, Никона Черногорца, Федора Студита, Симеона Нового Богослова; повести из патериков и Пролога; чудеса богородицы; выписки из разных книг эсхатологического содержания и др.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

12. **Сборник**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 233 л., подражание печатному, заглавия — красными чернилами, в картонном переплете с холщовым корешком. Тексты расположены в календарном порядке года от сентября до августа. **Содержание**: краткие жития (памяти): Саввы Вишерского; Никона, ученика Сергия Радонежского; Петра, царевича Ордынского; Авраамия Галицкого Чухломского; Сказание о церкви Георгия в Киеве; Слово на обретение мощей Всеволода — Гавриила Псковского; Повесть о знании Новгородской иконы богородицы; Слово похвальное Григория Цамблака пророку Илье; Сказание о чуде во время похода Андрея Ростовского «на булгары»; поучения и притчи Варлаама к Иоасафу; слова и поучения: на Воздвижение креста, на собор архистратига Михаила, о Евхаристе пастухе, «О двою мниху, иже спасоста блудницу», о смирении, о «сарацыне», о 70 пустынных, о покаянии, на Преображение господне, на пренесение нерукотворного образа от Эдеса в Царьград; памяти: мученика Папы, апостола Анании, Романа Песнетворца, «великого труса» в Константинограде, Иоанна Златоуста, Григория чудотворца, Лазаря писца, Платона мученика, мученика Романа, Закхей дьякона, Алимпия столпника, Иакова отходника, Иакова персиянина, Петра и Павла, Ильи пророка, мучеников Маккавейских, мучеников Пергийских, память «...егда возврати со студом безбожныя агаряны при Лье царе»; жития: Иоанна Богослова, Дмитрия великомученика, Иоанна Златоуста; поучения: Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, св. Василия; чудеса архистратига Михаила; Прение Петра апостола с Симоном волхвом; повести из «Старчества» и патериков и др.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

13. **Сборник апокрифов**, XIX в. (посл. треть), в 16-ю долю листа, 37 л., подражание печатному, имеются орнаментированные заставки-рамки, в картонном переплете, покрытом тисненой кожей. **Содержание**: Сказание, каким святым от какой болезни молиться, Сон богородицы, Лист Иисуса Христа.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

14. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 237 л., полуустав, имеются оригинальные орнаментированные инициалы в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками и пятью «жуками». **Содержание**: песнопения из цветной Триоди, Канон Пасхи, тропари воскресны, богородичны избранным праздникам, пения панихидные, на погребения, стихиры за упокой и др. Столповое

знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Встречается дество, путь, Большой роспев и варианты роспевов.

От Е. Т. Нестеровой (г. Даугавпилс).

15. **Сборник**, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 121 л., полуустав нескольких почерков, на л. 34, 70 об. оттиснуты со штампов орнаментированные заставки зеленой краской, на л. 70 концовка орнаментированная в красках, заглавия и буквицы — красной тушью; переплет картонный, покрытый тисненой кожей. На л. 2 — надпечатка наставника А. Г. Волкова. С о д е р ж а н и е: слово Андрея Денисова «Откуда и како познати подобает посреде раздоров истинную Христову церковь» (здесь озаглавлено: «. . . Слово о вере»); «Прение Живота и Смерти» (3-я редакция, 3-я группа); Житие Марии Египетской; Чудо Параскевы Пятницы о граде Никомидийском; Слово Иоанна Дамаскина на Благовещении «по буквам»; Житие Кирика и Улиты; «Увещание, бывшее в духовной консистории крестьянина Дмитровского уезда Мартина»; выписки из разных книг эсхатологического содержания и др.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

16. **Сборник**, 1886 г., в 4-ку, 427 л., полуустав нескольких разновидностей одного почерка; на л. 3 заставка, орнаментированная в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. На л. 412 выходная запись писца: «Ныне же с оной переписано лета 7394 августа 20 день в богоспасаемом граде Риге в Гребенщиковской старообрядческой моленны. Настоятель С. С. Попов». Имеется чернильная надпечатка А. Волкова и карандашные пометы типа: «Выписать!». Л. 1, 2, 346, 347. 413—427 — без текста. С о д е р ж а н и е: Сказание Храбра Черпорица, «како состави Кирилл Философ азбуку языка словеского»; сказания: «. . . чего ради червлено яйцо», о папе Фармосе-еретике, о древе благоразумного разбойника, из каких частей состоит крест господень; повести: о бесе в непокрытых сосудах, о украшающих себя прелестными ризами («из древлеписьменной книги Сергиева монастыря»), об Иверской иконе богородицы, о бесе Зерефере, о Созомоне милостивом, об Авве Логине знаменосце, Кирилла Александрийского о трех иконах; о том, что сотворил бог, а что дьявол; «Главы о вере» Геннадия патриарха; чудеса Федора Тирона; слова и поучения: об иконах и иконописцах (русские), о книгах еретических, о покаянии, о гневе, о сребролюбии, о пьянстве, о блуде, о злых и добрых женах, о почитании родителей, о наказании чад, о справедливых судьях, о двух воскресших братьях, о двух разбойниках, распятых с Христом, о скоморохе, спасшемся с двумя женами; повести: из Лавсанка, из Патерика скитского, из Старчества, из Великого Зеркала (18 повестей); притчи из повести о Варлааме и Иоасафе; апокрифы: о Марии Египтянине (3), «Эпистолия Иисуса Христа в Рим», вопросы и ответы типа «Беседы трех святителей», «Сказание об Адамовой главе», вопросы апостола Варфоломея Андрею Первозванному об Адаме и Еве, «Аптека духовная»; отрывки из житий Ефросина Псковского, Елифана Кипрского, Паисия Великого, преподобного Пахомия; выписка из Хронографа о пророчестве на гробе царя Константина; слова и поучения: Никона Черногорца, Иоанна Златоуста, Спиридона чудотворца, Феоктиста Студийского, Анастасия Синайского, Григория Богослова («о древе креста, како зачася»), св. Афанасия, Антиоха, Нила и др.; старообрядческие сочинения: «Показание от святого писания и рассуждение учителей церковных, коль тяжек есть грех прелюбодеяния», «Сказание о страдании и скончании великомученика Павла Коломенского . . . от Никона патриарха. . .», «Разговор проповедника с юношей», «Из книги поморской рукописной в лето 7288-е . . . о древнем обряде».

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

17. **Ирмологий на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 215 л., полуустав, имеются заставки и инициалы орнаментированные в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками. Столбовое знамя с киноварными пометами, элементы раздельноречия.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

18. **Сборник**, XIX в. (конец), в 16-ю долю листа, 51 л., подражание печатному, имеется заставка в красках, без обложки. С о д е р ж а н и е: стихиры Рождеству Христову (на крюках), молитвы Успению богородицы и Архистратигу Михаилу.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

19. **Чин венчанию и поучение к новобрачным**, XX в. (начало), в 4-ку, 15 л., полуустав, без обложки.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

20. **Почтение к новобрачным**, XX в., в 4-ку, 6 л., полуустав, без обложки, новейшего письма.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

21. **Почтение «... како лепо жити христианом со своими женами»**, XX в., в 4-ку, 4 л., полуустав, без обложки, новейшего письма.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

22. **«Стихословия, поемые на свадебных вечеринах»**, XX в. (начало), в 4-ку., 65 л., полуустав, в картонном переплете. Отпечатано на гектографе. Владельческая запись В. Т. Красникова.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

23. **Конволют**. 1) Духовные стихи/Собрал В. З. Яксанов. Саратов, 1914. 80 с.; 2) Духовные стихи для домашнего употребления. 1912 г. 24 л. (с оглавлением). Гектограф; 3) Духовные стихи на крюках. 1910-е гг. 50 л. Гектограф.

От Д. Д. Михайлова (г. Даугавпилс).

24. **Почтения на праздники и разные случаи жизни латгальского наставника А. Власова (д. Застенки)**, XX в. (30-е гг.), в 16-ю долю листа, 119 л., новейшей скорописью, без обложки.

От А. Е. Савельева (г. Даугавпилс).

25. **Сборная рукопись**, XVIII в. (конец)—XIX в. (середина), в 4-ку, 39 л., полуустав разных почерков (в том числе и поморский), в картонном переплете с кожаным корешком. Владельческая запись Петра Михайловича Софронова. С о д е р ж а н и е: Слово Василия Великого о смерти, Канон Марии Магдалине, Канон Софии — премудрости божией, Акафист Иоанну Богослову.

26. **Праздники на крюках**, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 214 л., полуустав, в картонном переплете с кожаным корешком. Владельческая запись Д. Д. Михайлова.

27. **Сборник**, XX в. (начало), в 4-ку, 53 л., подражание печатному, в картонном переплете. С о д е р ж а н и е: поучения о крещении «ко хотящим креститься», выписки из Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Иосифа Волоколамского, Федора Студита, из Кормчей, Лествицы, Триоди и других книг.

28. **Чин венчанию и бракосочетанию**, XX в. (1-я пол.), 19 л., подражание печатному, в бумажной обложке.

29. **Праздники лицевые на крюках**, 1951 г., в лист, 477 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя металлическими застежками. Имеются 16 миниатюр акварелью, сделанных с репродукций икон праздничного ряда, работы иконописца Е. Ф. Иванова. Письмо рукописи и переплет работы Д. Д. Михайлова.

30. **Сборник**, 1951 г., в 4-ку, 87 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова, в картонном переплете. **С о д е р ж а н и е**: притчи Варлаама о трех друзьях, о временном сем веке, поучение его о жизни и смерти; последование погребения христианам, женам и младенцам. Ряд текстов на крюках.

31. **Аптека духовная**, XX в. (50-е гг.), 1 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова.

32. **«Стихиры Иоанна Грозного»** («Творение царя Иоанна, деспота российского») на преставление Петра Митрополита и на сретение Владимирской иконы богородицы, XX в. (50-е гг.), в 8-ку, 8 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова.

33. **Поучения Д. Д. Михайлова**, XX в., полуустав письма автора. 1) На память Марии Магдалины (8 л.). 2) На Пасху (8 л.). 3) На день Четыредесятницы (5 л.).

34. **Тропари сретению Владимирской иконы Богородицы**, XX в. (50-е гг.), в лист, 3 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова.

35. **Канон пророку Даниилу**, XX в., в 8-ку, 8 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова.

36. **Алфавитный указатель** к какому-то сборнику церковно-догматического содержания, составленный Д. Д. Михайловым, XX в., в 4-ку, 8 л., полуустав письма автора.

37. **Приписка** (копия) Д. Д. Михайлова к реставрированной им книге «Апостол-тетр» изд. 1644 г., 1960 г., в лист, 2 л., полуустав. **С о д е р ж а н и е**: история владельцев этой книги от Никона патриарха до Гайковской Двинской общины.

38. **Сборник**, XX в. (60-е гг.), в 8-ку, 33 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова, в картонном переплете. **С о д е р ж а н и е**: список богородичных икон и дней их празднования; месяцеслов русских подвижников, не вошедших в святцы, изданные до Никона; список святых, канонизированных белокриницкими старообрядцами.

39. **Стихира протопопу Аввакуму**, составленная и распетая на крюках Д. Д. Михайловым, XX в. (60-е гг.), в лист, 2 л., полуустав письма автора, без обложки.

40. **Сборник**, XX в., в 4-ку, 41 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова, в дерматиновом переплете. **С о д е р ж а н и е**: молитвы и тропари Николу, архистратигу Михаилу, Иоанну Богослову, богородичным иконам: Казанской, Федоровской, Владимирской, Боголюбской, Толгской и Гребневской.

41. **Последование неопалимой купине** (на произвол и молнию), XX в., в 4-ку, два идентичных текста — 18 л. и 9 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова.

№ 25—41 приобретены у наследников даугавпилсского наставника Д. Д. Михайлова.

42. Праздники певческие на крюках, XVI в. (конец), 139 л., в 8-ку, полуустав, без переплета, часть листов в середине и в конце рукописи утрачена. Кроме двенадцатых праздников рукопись содержит стихиры рождеству Иоанна Предтечи. Столповое знамя, без киноварных помет, раздельноречие.

От Н. Е. Орлова (д. Фольварк).

43. Сборник певческий на крюках, XVII в. (1-я четв.), в 8-ку малую, полуустав, переплет — доски, покрытые кожей, с остатками двух застежек. Владельческая запись XVII в. Родиона Микитина. Столповое знамя без киноварных помет, новое истинноречие. Часть текстов дописана позднее. Содержание: Ирмологий с розниками; Октоих; Обиход (не полностью); Литургия Иоанна Златоуста; Литургия преждеосвященная; заупокойные, погребальные, евангельские стихиры; тропари и богородичны; имеются варианты роспевов, демество.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

44. Канонник с дополнениями, сборная рукопись XVII в. (3-я четв.)—XIX в. (конец), в 4-ку, 387 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками двух застежек. Содержание: каноны Варлааму Хутыньскому, Сергию Радонежскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Борису и Глебу, Александру Вологодскому (Кушскому), Андрею Первозванному и др.; службы и каноны иконам богородицы Тихвинской, Казанской, Костромской, Владимирской, Кирику и Улите, каноны молебные и др.

От К. А. Зимова (г. Резекне).

45. Сборная рукопись, XVIII в. (середина—3-я четв.), в 8-ку, 497 л., полуустав нескольких почерков, имеются орнаментированные киноварные и красочные инициалы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя металлическими застежками работы Д. Д. Михайлова, им же произведена реставрация рукописи и вставка дописанного текста на л. 267—270. На л. 271—272 владельческая помета XIX в. Андрея Федорова Малафеевского. На л. 27, 64, 275 наклеены старопечатные заставки. На л. 2, 101, 243, 405, 461 имеются орнаментированные в красках заставки, часть из них наклеена, в картушах изображения голгофского креста, Иисуса Христа, Спаса Эммануила. Л. 271—274, 402—404 — без текста. Содержание: «Пчела» в двух вариантах: «Книга духовная от святых отец» и «Гранеси душеполезны ко многим потребам» с толкованиями; Повесть о Хмеле; «Прение Живота и Смерти» (3-я редакция, 3-я группа); выписки о переводе книг с греческого языка на славянский Константина Философа и его азбучная молитва; «Видение» Антония Галичанина (1496 г.) из жития Павла Обнорского; Послание Иосифа Волоцкого великому князю Василию Иоанновичу о еретиках и ответ заволжских старцев; Сказание Максима Грека о крестном знамени; Указ 1620 г. из «Потребника» Филарета Московского о принятии приходящих от еретиков; «Заповеди» 1683 г. Иоакима патриарха; выписки из послания Иеремии патриарха царю Федору Иоанновичу о Москве — III-м Риме; выписки из «Стоглава»; «Сказание Феодосия Печерского, како вопроси его Изяслав князь о латынской вере и о варяжской»; Сказание о «прелести латынской и о ереси Петра Гугнивого»; притчи Варлаама; Слово о умилении души (русский покаянный текст); «Видение» Василия Великого о пьянстве; апокрифы о Макарии Египтянине; поучения (русские): о крестном знамени, о недопустимости бритья бород, отца духовного к детям; повести и слова: о войне Таксоте, о девице Мононии, о Магистриане, об отце Данииле, о двух соседях, из патериков, Старчества, Пролога, Великого Зерцала; поучения: Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Стефана Фивейского, Макария Великого, Патрикия епископа, священноинок

Дорофея, Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, преподобного Арсения; выписки из жития Андрея Юродивого; Житие преподобного Андроника; старообрядческие сочинения: «Вопросы о вере о кресте, ответы от святых писаний» (в 16 вопросах), послание анонимное об антихристе в виде трактата, выговское сочинение.

От Ф. С. Кузьминой (г. Даугавпилс).

46. Праздники певческие на крюках, XVIII в. (конец), в лист, 242 л., поморский полуустав, переплет — доски, покрытые фланелью. Имеются орнаментированная в красках и золоте поморская заставка-рамка и орнаментированные инициалы. Содержит двенадцатые праздники с песнопениями на малой и великой вечернях. Столповое знамя с киноварными пометами, без признаков, раздельноречие. Все фиты даны с разводами. Многие стихиры имеют 2—3 варианта роспева. Встречаются большой и малый варианты роспевов и путь столповым знаменем.

От Н. С. Полякова (д. Захариха).

47. Триодь цветная на крюках, XVIII в. (конец), в лист, 187 л., полуустав, имеется несколько заставок — рамок в красках и заставок с инициалами в красках, текст наречного роспева, переплет — доски, покрытые гарнитолью, с двумя металлическими застежками, корешок кожаный. Столповое знамя с киноварными пометами, истинноречие.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

48. Сборная рукопись духовных стихов, XIX в. (начало)—XX в., в 4-ку, 18 л., поморский полуустав и подражание печатному, в картонном переплете, часть стихов распета на крюках столповым знаменем с киноварными пометами. С о д е р ж и т стихи о блудном сыне, о втором суде, «Человек живет на земли. . .», «Жил юный отшельник. . .», «Прошу выслушать мой слог», «Поздно, поздно вечерами», о Христе и др.

От С. Т. Белова (д. Обелишки).

49. Сборник, XIX в. (1-я четв.), в 16-ю долю листа, 158 л., поморский полуустав и скоропись. Переплет — доски, покрытые орнаментированной кожей. Стихи в основном на крюках. С о д е р ж а н и е: величания богородичны; стихи покаянные, стихи о пустыне, об Иосафе царевиче, Адаме, стихи поминальные по Андрею Денисове; Слово Аммония о грехах человеческих; повести проложного и патерического характера, в том числе против гнева, стяжательства, о разбойнике, исправившемся стараниями богородицы, о нищелюбивом человеке и др.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

50. Сборник духовных стихов, XIX в. (2-я треть), в 4-ку, 24 л., полуустав и скоропись, без переплета. С о д е р ж а н и е: Стих о браке в Кане Галилейской (на крюках), Стих на Рождество Христово, Стих о двух старцах в пустыни и отрывок из Плача богородицы.

От К. А. Зимова (г. Резекне).

51. Сборник, 1842—1851 гг., в 8-ку, 187 л., полуустав, заглавия и буквы киноварные, имеются орнаментированные заставки и изображения истинных и ложных крестов, переплет — доски, покрытые тканью, с кожаным корешком и одной латунной застежкой. С о д е р ж а н и е: две «увещательные грамоты» Никиты Марковича (Маркова?) некоему Матвею Гавриловичу о ложном «тittle» на крестах — «ИНЦИ» и истинном — «Царь славы Иисус Христос» (список 1842 г.); «Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовский» — «Дягучаевская летопись», или «Дегуцкий хронограф». Хронограф содержит погодные записи с 1652 по 1850 гг. событий общерусской и местной (курляндско-литовской) истории.

Наибольший интерес представляют описания достопамятных событий местного значения: история возникновения (с 1678 г.) старообрядческих общин в крае, описание и перечисление (по «степеням» преемственности) выдающихся наставников, погодные описания (до 1850 гг.) всевозможных случаев из жизни и быта русских крестьян-старообрядцев в Курляндии, вставные новеллы («повести») о жизни местных деятелей, а также московских, выговских, черниговских и других старообрядцев. Ряд событий записан в стихах. Кроме того, в Хронографе приведены даты написания многих духовных стихов, канонических и полемических старообрядческих сочинений и книг. Центральное место в Хронографе занимают события, связанные с селом Дегуци (ныне г. Дягучай Литовской ССР). Автор-компилятор, местный житель, использовал в качестве источников Хронографа сведения «обительской» дегуцкой «истории», а также московской (Преображенского кладбища), выговской, курляндской, литовской, новгородской, петербургской и др. «историй» (старообрядческих «летописцев»). Данный список Хронографа является авторской рукописью. Текст готовится к публикации.

От И. Ф. Павлова (г. Зарасай).

52. **Синодик старообрядческий беспоповский**, XIX в. (середина), в 4-ку, 31 л., подражание поморскому полууставу, в картонном переплете.

От К. А. Зимова (г. Резекне).

53. **Сборник служб нетрадиционного состава на крюках**, XIX в. (середина), в 8-ку, 45 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. **С о д е р ж и т**: литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого, преждеосвященную; службы избранные с вариантами редких роспевов (в том числе «средний роспев»). Столбовое знамя с киноварными пометами, иногда признаки истинноречия.

От С. Т. Белова (д. Обелишки).

54. **Образцы демественного пения**, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 5 л., полуустав, без обложки.

От А. Т. Данилова (д. Заболотье).

55. **Сборник «Цветник»**, 1883 г., в 4-ку, 99 л., полуустав, на л. 17 и и 55 орнаментированные чернильные заставки, имеются киноварные орнаментированные инициалы, карандашные «пробы пера», детские рисунки, переплет не сохранился. На л. 99 об. запись: «Сия книга, нарицаемая Цветник, избрана из церковных книг, напечатана в типографии Почаевской в лето 7302-е (1794). Из оной написашася второе в лето от Рождества Христова 1883-е месяца декабря 22 дня на память святые великомученицы Анастасии Фармаколитрии». **С о д е р ж а н и е**: слова Кирилла Александрийского о исходе души от тела, Палладия мниха о втором пришествии Христове; Житие Кирика и Улиты; Сказание о явлении ангела Макарию Египтянину; Повесть о Федоре купце; поучение Нила о добре; «. . . линока Захарии ко ученику своему Евфимию» слово о знаменях антихриста.

От А. Т. Данилова (д. Заболотье).

56. **Псалтырь толковая**, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 616 л., подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками двух застежек. Рукопись содержит подробные богословские толкования каждого стиха Псалтыри. Имеется интересная приписка об оригинале книги, написанной в 1685 г. в Вильно. Толкования собраны «от Анфелога», при участии князя Феодора Леоновича Лубенского.

От М. П. Роголева (д. Ломы).

57. **Сборник**, XIX в. (3-я четв.), в 4-ку, 218 л., полуустав (почерк Л. К. Буцева), имеются орнаментированные чернильные буквицы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух латунных застежек. На обороте нижней крышки переплета владельческая запись: «Григория Филиппевича деревни Сапожках (?)». С о д е р ж а н и е: «Прение Живота и Смерти» (3-я редакция, 3-я группа); Повесть о двух страх-близнецах, спасенных от сарацин, и об осаде Успенского монастыря; Повесть о 12 снах Мамера царя; жития Симеона Столпника, Кирика и Улиты; слова о милостивом Созомоне, о целомудренном купце и разбойнике, о купце христолюбивом; поучение «. . . иже лице мастью мажущий»; слова и поучения Иоанна Златоуста, св. Василия, Петра инок, Евагрия мниха; повести из Пролога, патериков и Старчества.

От Ф. С. Кузьминой (г. Даугавпилс).

58. **Сборник**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 79 л., полуустав, имеются киноарные буквицы, утрачены начальные и конечные листы и переплет. С о д е р ж а н и е: слова о Месите-чародее, о Мартирии черноризце, о Марке мнихе, на Рождество Христово; чудеса богородицы (из «Звезды пресветлой»); отдельные главы из «Страстей Христовых».

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

59. **Сборная рукопись**, XX в. (1-я четв.), в 4-ку, 327 л., подражание печатному, имеются орнаментированные инициалы красными чернилами, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя латунными застежками. На полях встречаются пометы писца типа: «Чти над гробом умершего к народу», «Сие чти в пост к народу» и т. п. Большую часть рукописи занимают статьи и выписки из печатного Пролога. Кроме того, содержится более 10 поздних старообрядческих поучений и проповедей на русском языке (возможно, местных латгальских авторов) на разные темы, в том числе с цитатами из посланий протопопа Аввакума, компилятивными выписками из разных книг о последних временах, об антихристе, а также о чае, кофе и табаке. В рукописи с о д е р ж а т с я повести о Костромской Федоровской иконе богородицы, о киево-печерских отцах Евагрии дьяконе и Тите попе, об Удоне Магдебургском и другие повести из Великого Зеркала, Скитского патерика, Старчества; слова Василия Великого о пьянстве, о матерном слове, о языческих игрищах на Рождество; сказания о лестовке, о загробных муках; Притча о богатых; Ответ Андрея Первозванного на вопрос апостола Варфоломея о Каине (апокриф) и др.

От Ф. И. Вылевой (д. Риебини).

60. **Сборник**, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 139 л., подражание печатному, начальных и конечных листов недостает, переплет не сохранился. С о д е р ж а н и е: отдельные главы из «Страстей Христовых»; повести: об освящении церкви Георгия в Киеве, о видении Козьмы игумена, об Иоанне Новгородском (отрывки); слова: на обретение мощей Всеволода — Гавриила Псковского, о знамени Новгородской иконы богородицы, на двенадцатые праздники, на собор архистратига Михаила; жития: Евстафия Плакиды, Кирика и Улиты; памяти: Саввы Вишерского, Иоакима и Анны, апостолов Фомы и Анании, Иякова персиянина, Романа чудотворца, Акакия Синайского; Прение Петра апостола с Симоном волхвом; притчи Варлаама; чудеса Андрея Юродивого, Иоанна Златоуста, Михаила архистратига; поучения Ефрема Сирина, Федора Студита, Иоанна Дамаскина, Стефана, Иоанна Златоуста и др.

От М. А. Андреева (д. Стародворье).

61. **Житие Иоанна Кушника**, XIX в. (конец), в 4-ку, 24 л., подражание печатному, без обложки.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

62. **Житие Марии Египетской**, XIX в. (конец), в 4-ку, 34 л., подражание печатному, без обложки, начало не сохранилось.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

63. **Сборник**, XIX в. (конец), в 4-ку, 65 л., полуууаст, имеются киноварные заголовки, в картонном переплете, покрытом дерматинoм, с кожаным корешком. Имеется владельческая помета В. Вакоњи. С о д е р ж а н и е: Повесть о старце, видевшем беса в корчаге, и о самоцветном камоке; слова Иоанна Златоуста о милостыне и о супружеской жизни; Чин венчания; молитвы запрещаальные; выписки из разных книг о необщении с еретиками и др.

От С. Т. Белова (д. Обелишки).

64. **Сборник**, XIX в. (конец), в 4-ку, 226 л., подражание печатному, имеются грубо орнаментированные чернильные инициалы и одна такая же заставка (л. 220 об.), в картонном переплете с кожаным корешком. В тексте встречаются отметки карандашом с примечаниями типа: «Сие чти» или «Преступи». С о д е р ж а н и е: Житие (память) Артемия Беркольского; жития: Николая Чудотворца, Георгия великомученика, Алексея человека божия, Екатерины великомученицы; поучения: Иоанна Златоуста, Иоанна Евхайтского, Григория Антиохийского, Кирилла Александрийского, Василия Великого (о пьянстве); слова: на двенадцатые праздники, против языческих игрищ, на воспоминание огненного праха в царство Льва Премудрого, о пречистых тайнах, о предании господа, об огненном восхождении Ильи пророка на небо; Видение Андрея Юродивого; повести из Великого Зеркала и Пролога.

От М. С. Поддубникова (г. Даугавпилс).

65. **Слово Кирилла Александрийского об исходе души от тела и о втором пришествии**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 19 л., без обложки.

От К. А. Зимова (г. Резекне).

66. **Сборник**, XIX в. (конец), в 4-ку, 100 л., подражание печатному, имеются буквицы чернилами в орнаментированных прямоугольных картушах, рисунки перстосложений в виде украшений, двойная пагинация славянскими и римскими цифрами, переплет не сохранился. С о д е р ж а н и е: жития и памяти: Моисея Мурина, Евтихия и Флорентия, Иоанна отшельника, Павла врача, Исихии постника, Емилиана монаха; слова и поучения: о добрых и злых женах, о посещении болящих, о блуде, о покаянии, о умилении души; сказания: о власти архангелов; о том, что сотворил бог, а что бес; о некоем лысом боярине, о спасшемся князе; повести: о некоем отроке, о трех иконах Шемахинских, о бесе в непокрытых сосудах, о Созомоне милостивом; поучения: св. Нила, Иоанна Златоуста, Василия Великого; «Беседа трех святителей» (вариант); стихи духовные покаянные (5 текстов); толкования о кадиле, яйце, свече; выписки из разных книг против пьянства и др.

От Г. Т. Мигуева (г. Даугавпилс).

67. **Азбука крюкового пения** (отрывок), XX в. (начало), в лист, 5 л., подражание печатному, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От С. Т. Белова (д. Обелишки).

68. **Иконописный подлинник и последование церковного пения**, XX в. (1-я четв.), в лист, 61 л., скоропись, без переплета.

От В. С. Филонова (г. Зарасай).

69. **Сборник «Цветник»**, 1907 г., в лист, 439 л., имеются орнаментированные инициалы чернилами, переплет — доски, покрытые тисненой

кожей, с двумя латунными застежками. На л. 439 об. запись: «Сия книга, нарицаемая Цветник, Анания Архипова. Она мною начата писать в 1907 года». Л. 287, 288, 435—439 — без текста, несколько листов в середине книги утрачены. С о д е р ж а н и е: «Слово из Стоглавника о хмельном питии, отчего уставися горелое вино душепагубное»; «Прение Живота и Смерти» (3-я редакция, 3-я группа); Сказание Мефодия Иерусалимского об Александре Македонском и о последних царях; повести: о грешнице Екатерине, о видении иноком матери в аду, из Великого Зеркала и патериков; Чудо Георгия о змие и девице; жития и памяти: Кирика и Улиты, Параскевы Пятницы, Ульянии великомученицы, Андрея Критского, Николая Чудотворца (с чудесами); апокрифы о Макарии Египтянине, «Хождение богородицы по мукам», «Иерусалимский свиток»; слова: о милостыне, о женитбе и прелюбодеянии, «Инока Захарии ко ученику Стефану о прелести антихристовой», о матерной брани, о покаянии, о блудниках, против языческих игрищ на Рождество; поучения: Иоанна Златоуста, Кирилла мниха, Кирилла Философа, Палладия мниха, Григория папы римского, Евагрия мниха, Василия Великого, Кирилла Александрийского и др.

От Н. Е. Орлова (д. Фольварк).

70. **Сборная рукопись**, 1907—1925 гг., в 4-ку, 378 л., полууставный почерк нескольких разновидностей писца Анания Архипова (см. его выходную запись на л. 241 об. и приписку на л. 378 об.), заглавия и буквы красными чернилами, переплет — доски, покрытые дерматином, с кожаным корешком и наугольниками, имеются две латунные застежки. Многие листы рукописи — из школьных учебных тетрадей. С о д е р ж а н и е: выписки из разных книг (Катехизиса, Кормчей, Апостола, Стоглава, Зеркала Мирозрительного, Книги о вере, Апокалипсиса, уставов («из поморских книг»)) о молитвах, постах, еретиках, идолопоклонниках, пьяницах, иерях, об антихристе, женах, браках, почитании родителей и т. п., а также — по многим обрядовым вопросам; Григориево видение; толкования на Евангельские тексты; поучения: Григория папы римского, священноинока Дорофея, Анастасия Синайского, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа, Мефодия Иерусалимского; отдельные главы из «Страстей Христовых»; апокрифы о Макарии Египтянине; слова: о пришествии Иисуса Христа, инока Захарии к ученику Стефану, против языческих игрищ на Рождество; повести: о бесе в непокрытых сосудах, из Пролога, из Великого Зеркала; старообрядческие сочинения: «Сказание о кресте», «О заповедях божиих», «О воздвижении честного креста», «О крестном знаменнии и о поклонах», ответы Павла Прусского на вопрос о старообрядческих наставниках, компилятивные тексты на русском языке о древних праотцах.

От Н. Е. Орлова (д. Фольварк).

71. **Азбука знаменного церковного пения** (с рисунками) / Сост. П. Ф. Фадеев. Рига, 1931. Гектографированное издание Кружка ревнителей русской старины при Гребенщиковской старообрядческой общине. С о д е р ж и т вступление (история церковного пения и его техническое устройство), толкование знамен, фитник, краткие замечания о путевом и демественном пении и др.

От У. С. Зимова (г. Резекне).

72. **Ирмологий с добавлениями**, 1943 г., в лист, 327 л., полуустав письма Д. Д. Михайлова, его же работы переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя латунными застежками, имеются орнаментированные заставки-рамки красками и золотом, миниатюра в красках Иоанна Дамаскина (работы Е. Ф. Иванова?). Столбовое знамя с киноварными пометами. Тексты приводятся в раздельноречном и истинноречном вариантах. Пере-

писчиком осуществлен перевод нотной (синодальной) записи песнопений на крюковую (знаменную). Добавлены розники, припевы праздникам, хвалебные песни богородице, каноны Цветоносию, Пасхе, Троице, Успению, «Душевный вопль к богородице грешника» — музыкальная композиция Д. Д. Михайлова; его же пространнейшее послесловие с указанием источников-оригиналов и обращением к читателям.

От А. Н. Кисляковой (г. Даугавпилс).

73. Д. Д. Михайлов. «Сборник поучений на воскресные дни всего лета и на праздники господския, богородичныя и святых великих», XX в. (середина), в лист, 541 л., полуустав письма автора, переплет — доски, покрытые дерматином, с двумя алюминиевыми застежками. На л. 7, 302 наклеены заставки из печатных книг, по листам имеется надпечатка автора. На л. 5 примечание автора: «К составлению настоящего сборника поучений послужили следующие источники: книги Ветхаго и Новаго заветов, творения св. отец: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Лествичника и проч., Четьи Минеи Дмитрия Ростовскаго в славянском и русском изложениях, проповеди белокрыницкаго священника Г. М. Карабиновича, труды духовных писателей и проповедников синодальной церкви: свящ. М. Менстрова, Б. Белюстина, А. Желобовского и проч. и другие разные книги и брошюры духовного содержания». В сборнике содержатся 100 различных поучений на русском языке на воскресные дни года, на двенадцатые праздники и нарочитым святым, сказания о чудотворных иконах богородицы Владимирской, Казанской, Тихвинской и Одигитрии, а также поучение о непостижимости божией, о молитве, о молитве за умерших, о милостыне, о зависти, о злословии и о неосуждении, о пользе божественных писаний. Все тексты составлены (или скомпилированы) двинским наставником и начетчиком — книжником Д. Д. Михайловым. Сама книга также целиком изготовлена им самим.

От А. Н. Кисляковой (г. Даугавпилс).

74. Житие Василия Нового и «Слово о истинной жизни челоуестей», 1944 г., в 4-ку, 54 л., подражание печатному, переплет не сохранился.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

75. Проповеди, поучения и выписки Д. Д. Михайлова, XX в., 18 л. разного формата, полуустав и скоропись автора. С о д е р ж а н и е: Житие Ефрема Сирина; поучения (на русском языке): на Великий пост, на Рождество Христово, новобрачным; «Аптека духовная» и др.

От А. Н. Кисляковой (г. Даугавпилс).

76. Отрывок из старообрядческого беспоповского сочинения в вопро-соответной форме на темы брака, крещения, еретичества, иерейства и т. п., XIX в. (конец), в 4-ку, 20 л., полуустав, без обложки. С о д е р ж и т выписки из Кормчей, Маргарита, Златоструя, Потребника и других книг.

От А. М. Быстрова (г. Рига).

77. Литургия Иоанна Златоуста (отрывок), XIX в. (конец), в лист, 12 л., полуустав, имеются орнаментированные инициалы, без обложки.

От А. М. Быстрова (г. Рига).

78. Сборник певческий на крюках, XIX в. (30-е гг.), в 4-ку, 158 л., полуустав нескольких (в том числе — поморского) почерков, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. С о д е р ж а н и е: трезвоны, стихиры Николе, Канон Пасхи, Служба Илье про-

року, триодные песнопения, покаянный стих «Не остави нас в человеческое предстояние. . .», глас 7-й и др. Столповое знамя с киноварными пометами, текст раздельноречный. Имеется путь, демество столповым знаменем, большой, малый и варианты роспевов.

От М. С. Поддубникова (г. Даугавпилс).

79. **Сборник**, XX в. (начало), в 4-ку, 193 л., подражание печатному, заглавия красными чернилами, в картонном переплете с матерчатым корешком. На л. 2 надпечатка А. Е. Федорова; имеются пробы пера некоего Фирса, карандашная помета В. Федорова; л. 170, 171, 192, 193 — без текста; бумага линованная. С о д е р ж а н и е: жития и памяти: Макария Калязинского, Даниила Перяславского, Алексея человека божия, Агация чудотворца, Иоанна Крестителя, Артемона Селевкийского, Георгия Митилинского, мучеников — Марина, Каллиопа, Феодула, Агафоника, Феодоры и Дидима; «Прение Живота и Смерти» (6-я редакция); слова: «. . .ко всем православным . . . еже не упиватися», против матерной брани, на Рождество богородицы: повести: об иконе Иисуса Христа во граде Вирите, Аввы Серапиона о Марке Фряческом, о Макарии Египтянине, из Старчества и патериков; Исаино пророчество; чудеса: Георгия о змии, Николы Чудотворца; поучения: св. Григория, Кирилла Философа, Иоанна Златоуста, Анастасия Синайского, Ефрема Сирина; старообрядческий сатирический стих о пьянстве.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпилс).

80. **Службы протопопу Аввакуму**, XX в. (60-е гг.), в школьной общей тетради, 35 л., подражание печатному, почерк М. С. Поддубникова. На л. 2 наклеена репродукция иконы Аввакума. С о д е р ж и т службы на память Аввакума 2 декабря и 14 апреля.

От М. С. Поддубникова (г. Даугавпилс).

81. **Сборник-конволют**, 1618 г.—XVIII в. (1-я четв.), в 4-ку, 613 л. Л. 1—54, 510—613 — рукопись 1-й четв. XVIII в., полуустав; л. 55—509 — печатный текст: Минея общая. М., 1618 (полный экземпляр). Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух латунных застежек. С л. 62 следует полистная запись: «Лета 7127 (1619) июля в 25 день книга, глаголемая Минея общая печатная, в полдесть у Соли у Вычегоцкие на посаде святаго пророка Илии и священномученика Климента папы римского куплена казенными денгами», с л. 63 полистная запись от 19 сентября 1895 г. о пожертвовании книги Никитой Григорьевым в Кублицкую Троицкую часовню «ненарушимо никем в роды родов»; кроме того, отиснуты печати и имеется запись о принадлежности книги той же Кублицкой общине. С о д е р ж а н и е: «Минея общая», кондаки и тропари нарочитым святым и триодные, стихиры воскресные, каноны: богородице (в том числе Казанской и Знамению), Троице, Иисусу Христу, Иоанну Златоусту; «Лунное течение» (таблица) и др.

Из библиотеки общины д. Кублицино

82. **Сборник**, XVIII в. (1-я четв.), в 16-ю долю листа, 241 л., мелкий полуустав, имеются заставки в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками одной застежки. На л. 1 помета Н. Абакумовой от 1912 г. С о д е р ж а н и е: Житие и поучения Ефрема Сирина; слова Аввы Дорофея и Исаака Сирина; первые 5 глав из Книги Бытия; слова: о Ефросине терпеливом, об отроче в пустыне, о почитании книжном, об иноческом житии и др.

От А. Т. Бузова (г. Резекне).

83. **Житие и чудеса Василия Нового**, XVIII в. (60-е гг.), в 8-ку, 56 л., полуустав, имеются заставки и буквы в красках, переплет не сохранился.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

84. **Сборная рукопись**, XVIII в. (посл. четв.), в 8-ку, 56 л., полуустав и скоропись разных почерков, переплет не сохранился, имеются пометы: на л. 14 — Суботина, на л. 16 об. — Клокова, на л. 42 приписано: «Рига, 1827 года генваря 22», на л. 16 об. молитвословная приписка почерком писца Дягучаевской летописи (см.: Латг. собр., № 51). **Содержит выписки из разных книг о необщении с еретиками и схизматиками; поучения о поклонах, молитвах, постах, покаянии, крестном знамени; предисловие к Псалтыри.**

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

85. **Сборник**, XVIII в. (посл. четв.), в 8-ку, 55 л., скоропись, заглавия киноварью, переплет картонный, покрытый тканью. На л. 47 приписка: «Господь мне помощник, не убоюсь, что сотворит мне человек» и названия букв славянской азбуки; начальные и конечные листы утрачены. **Содержание:** «О римском падении» — противокатолическое русское сочинение (ср. в Хронографе, 1512 г.); «Повесть душеполезна Никодима Типикариса»; выписка из Степенной книги о патриархе Иоакиме; «Повесть о видении некоему мужу духовну» благовещенского протопопа Терентия, 1606 г.; Повесть о видении Козьмы игумена.

От А. И. Кудряшова (г. Даугавпилс).

86. **Сборник**, XIX в. (начало), в 8-ку, 53 л., полуустав двух почерков, заглавия киноварные, переплет не сохранился, нижний левый угол блока сильно обгорел. **Содержание:** слова на Воздвижение честного креста, на Покров, на Рождество богородицы; Память преподобного Ефросина; Повесть о Карпе и двух грешниках; выписки из Апокалипсиса и др.

От А. И. Мосюлина (д. Кирилино).

87. **Сборная рукопись**, XIX в. (середина), в 4-ку, 588 л., полуустав 3-х почерков (1-й почерк: л. 1—18, 2-й почерк: л. 19—77, 3-й почерк: л. 79—482), заглавия красной краской во многих местах совершенно выцвели, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. На л. 78 помета карандашом: «Неправильно написано, много ошибок», на л. 144 исправления читателя в тексте, на л. 172 об., 384 пометы Т. И. Евстигнеева от 1925 г. (Старый Форштадт, г. Двинск); л. 78 без текста. **Содержание:** сказания: «... о Рождестве Иисуса Христа от Евангелия и от святых отец и достоверных повествователей собранное», о поклонении волхвов, о бегстве богородицы в Египет с младенцем; «Память святых младенцев четырнадцать тысяч, иже в Вифлееме от Ирода избивенных»; жития: св. Симеона, Параскевы Пятницы, Алексея человека божия, Георгия великомученика, Иоанна Богослова, Николая Мирликийского, Димитрия Солунского; Чудо Георгия о змие; Повесть об Иверской иконе богородицы; слова: Антония Иерусалимского о стригольниках, «Слово о кончине всего мира»; слова похвальные: Козьме и Дамиану, архистратигу Михаилу, Илье пророку, св. Симеону, о житии богородицы и др.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

88. **Сборник текстов, читаемых 1-го октября**, XIX в. (середина), в 4-ку, 115 л., полуустав, заглавия киноварные, на л. 17 простенькая заставка геометрического орнамента, л. 1—16, 17—23 вставлены позднее, переплет картонный, покрытый тисненой кожей, со следами двух застежек. На первом и последнем листах владельческие пометы от 1866 г.

Савелия Семенова и рижского мещанина Дмитрия Мозалева. Имеется своя полистная пагинация. Все тексты читаются на 1-е октября, но количество их больше, чем в ВМЧ Макария. С о д е р ж а н и е: слова на Покров богородицы (в том числе Пахомия иеромонаха, Иоанна Златоуста, старообрядческое — о последних временах); Служба, канон и стихиры Покрову; памяти: Саввы Вишерского, апостола Анании, Михаила Звийского, Романа песнетворца, Домнина мученика; чудеса и видения Андрея Юродивого; Сказание о Влахернской церкви богородицы и др. От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

89. **Сборная рукопись**, XIX в. (середина—конец), в 4-ку, 205 л., полуустав и подражание печатному нескольких перемежающихся почерков, имеются простенькие заставки геометрического орнамента (л. 91, 114, 146), заглавия киноварные; в картонном переплете, покрытом тканью, с кожаным корешком. На л. 100 об., 145 об., 178 об. записи скорописью фрагментов из разных кириллических текстов; на л. 106 запись на польском языке торговой рекламы. С о д е р ж а н и е: Слово Кирилла Туровского на Вознесение господне; «Повесть Никодима Типикариса»; «Слово блаженного Евсевия о сошествии Предтечи во ад и о предании Господни, како благовести сушим во аде»; апокрифы о Макарии Египтянине: «Эпистолия Иисуса Христа»; жития. Кирика и Улиты, Фоманды мученицы; «Притча о богатых»; притчи Варлаама; Прение Петра апостола с Симоном волхвом; чудеса: Георгия о змии. Николы Чудотворца; слова: о лжи и о клевете, о сребролюбии, о милостыне, о блудном сыне, о мытаре и фарисее, на Рождество Христово против языческих ириц «. . . инока Захарии ко ученику своему Евфимию» слово о значении антихриста; повести из Великого Зеркала и патериков; поучения: Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Евагрия мшха, Симеона епископа. святых — Афапasia, Антиоха, Нила, Нифонга, священнопопко Дорорея старообрядческие сочинения Слово о пьаницах («о тьстивцах»), слова об антихристе и кончине мира и о последних временах; «Ангела духовная» и др.

От А. И. Мосюлина (д. Кириллино).

90. **Стихира Евангельская во святую седмицу**, XIX в. (3-я четв.), настенный лист, 28×85 см, текст на крюках, полуустав, имеется рамка и орнаментированный инициал. Владельческие записи И. Савельева 1877 г. и Г. И. Мосюлина.

От А. И. Мосюлина (д. Кириллино).

91. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 291 л., полуустав, имеется заставка в красках, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с мегаллическими паугольниками и двумя застежками Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие, встречаются путь, демество, Большой роспев и др. С о д е р ж а н и е: Октоих, Последование всенощного бдения, стихиры Покрову, Пасхе, величания знаменные и путевые на господские праздники и избранным святым.

От Н. М. Сорокина (с. Дувшас)

92. **Сборная рукопись**, XIX в. (посл. треть)—XX в. (начало), в 4-ку, 345 л., подражание печатному и полуустав разных почерков, от переплета сохранилась нижняя крышка из картона, покрытого кожей. С о д е р ж а н и е: Житие Марии Египетской, Служба на Великий четверток, Полунощница, Месяцеслов, Часослов и др.

От Е. С. Шорст (г. Даугавпилс).

93. **Сборная рукопись**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 214 л., полуустав и подражание печатному нескольких перемежающихся почер-

ков, большая часть рукописи представляет собой листы из школьных тетрадей, заглавия красными чернилами, переплет картонный с кожаным тисненым корешком. Имеются карандашные пометы и исправления текста; владельческие пометы Х. Барановского (л. 27, 147) и В. Е. Федорова (л. 88). На л. 88 приведены записи народных пословиц и поговорок, начало песни «Станем, братцы, вкруговую. . .». На л. 123 фрагмент песни «Над курганами степными. . .», на л. 134 басня «Утка и месяц». Л. 1—3, 45, 71, 87, 211—214— без текста. С о д е р ж а н и е: жития Кирика и Улиты, Георгия великомученика; Видение Андрея Юродивого; слова: на двенадцатые праздники, о купце христоробивом, на Сретение господне, о поклонении волхвов, о пречистых тайнах Христовых, о иконах и иконоборцах; повести: о Мурине дровосеке, о Созонте дяконе, из Лимониса и патериков; поучения: Пахомия иеромонаха, Иоанна Златоуста, Кирилла архиепископа, Григория папы римского, Андрея Иерусалимского, Прокла патриарха, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина, Леонтия папы римского и др.

От А. Г. Волкова (г. Даугавпиле).

94. **Ирмологий на крюках**, 1872 г., в 4-ку, 271 л., полуустав, заглавия киноварные, имеется орнаментированная заставка-рамка в красках и орнаментированные буквицы, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками. Возможный писец книги — В. А. Портной, певец Рестонишского прихода. Владельческая запись Б. Н. Кудряшова, имеется надпечатка «А. К.». Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Н. М. Сорокина (с. Дукштас).

95. **Сборник**, XIX в. (посл. треть), в большой лист, 14 л., полуустав, заглавия киноварные, без обложки. С о д е р ж а н и е: «Прение Живота и Смерти» (сокр. вариант): слова на Покров богородицы и на Рождество ее; Ответ апостола Андрея Первозванного на вопрос апостола Варфоломея о Канне; Слово Григория Богослова о древе чесного креста; Сказание о двух разбойниках, распятых с Христом.

От М. Е. Соловьева (д. Шарковщина).

96. **Псалтырь с воследованием**, XIX в. (посл. четв.), в лист, имеется чернильная заставка, полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

97. «**Беседа с попом**», XIX в. (посл. четв.), в 8-ку, 11 л., полуустав, без обложки, без начала и конца. Старобрядческое противоединоверческое сочинение.

От И. А. Герасимова (д. Смелины).

98. **Отрывок старообрядческого сборника**, XIX в. (ок. 1890 г.), в 4-ку, 33 л., полуустав, заглавия красными чернилами, имеется орнаментированная заставка, без обложки. Текст на л. 1—20 написан поверх такого же текста, отпечатанного на гектографе. С о д е р ж а н и е: старообрядческое сочинение 1890 г. «Слово на ожидающих чувственного антихриста и его обличителей святых пророков Илию, Еноха и Иоанна Богослова»; толкования на отдельные стихи книги пророка Даниила (список с московского издания 1816 г.).

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

99. **Ирмосы на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 100 л., подражание печатному, имеется инициал оригинального орнамента, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, часть нотации без помет. Раздельноречие.

От Б. И. Шорст (г. Даугавпиле).

100. **Месяцеслов**, 1890 г. (по пасхалии), в 4-ку, 120 л., полуустан, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

101. **Сборник**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 35 л., подражание печатному, писец — Т. М. Гришман, житель д. Рузан, Гавриловского общества, Перебродской волости, Дисенского уезда, Виленской губ.; имеется заставка чернилами, без обложки. Владельческие записи И. И. Заборнова и П. Кума. С о д е р ж а н и е: Повесть о 12 снах царя Мамера, жития Филарета Милостивого и Кирика и Улиты.

От М. Е. Соловьева (д. Шарковщина).

102. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 54 л., подражание печатному, без обложки. С о д е р ж а н и е: каноны Пасхе, Николе, светильны на господские праздники, псалмы хвалитные и др. Столповое знамя с киноарными пометами, часть нотации не помечена, текст истинноречный.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

103. **Октоих**, XIX в. (конец), в 4-ку, 220 л., полуустан, переплет — доски, покрытые дерматином, с двумя застежками. Столповое знамя с киноарными пометами, раздельноречие. Владельческая запись Н. М. Сорокина. Подклеена современная репродукция «Троицы» Андрея Рублева.

От Н. М. Сорокина (с. Дукштас).

104. **Сборник-конволют старообрядческих обрядово-полемических сочинений**, отпечатанных на гектографе, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 195 л., полуустан, в бумажной обложке. Имеются владельческие и читательские пометы Ф. и Г. Пучковых. С о д е р ж а н и е: статьи об обличении еретиков, никониан и миссионеров; руководства: мирянам о пастырях, об исповеди и покаянии, о самокрещении, о пострижении, о церковном пении и погребении.

От М. Е. Соловьева (д. Шарковщина).

105. **Сборник**, XX в. (начало), в 4-ку, 24 л., подражание печатному, заглавия красными чернилами, имеются орнаментированные заставки, без обложки. С о д е р ж а н и е: Слово о злых женах; слова с толкованиями: о кадиле, свече, червленых яйцах, о чае, кофее и табаке; повести из Великого Зерцала; поучения против матерной брани и пьянства, выписки из Пчелы и других книг.

От М. Е. Соловьева (д. Шарковщина).

106. **Слово на Благовещение Богородицы**, XX в. (начало), в 4-ку, 20 л., полуустан, без обложки, начало не сохранилось.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

107. **Сборная рукопись**, 1906 г.—XX в. (1-я треть), в 4-ку, 63 л., полуустан, почерк И. Гущенко, имеются орнаментированные заставки и инициалы (на л. 2 в красках оригинального орнамента), в картонном переплете с матерчатым корешком. На л. 27 об. писцовая помета: «Писано 1906 гда декабря 4. И. Гщнк» (т. е. «И. Гущенко»), с л. 28 рукопись того же писца, но более поздняя; на нескольких местах имеется надпечатка М. Л. Блинова. С о д е р ж а н и е: Слово похвальное Григория Цамблака Илье пророку: Память Ильи пророка; старообрядческое поучение на память Ильи пророка; слова Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста и др.

От Н. М. Сорокина (с. Дукштас).

108. **Сборник погребальных служб**, 1933 г., в 4-ку, 93 л., полуустан (писец — Семен Стефанович), в картонном переплете с кожаным кореш-

ком. Владельческая запись С. Б. Горкина. Содержит чины погребения, каноны за умерших, помянник общий и т. п.

От Н. М. Сорокина (с. Дукштае).

109. **Сборник**, 1930 г., в 4-ку, 40 л., подражание печатному, в бумажной обложке. С о д е р ж а н и е: каноны Паисию Великому, за умерших, чин панихиды, Церковный календарь на 1930 г. и др.

От К. А. Константиновой (г. Ливаны).

110. **Ирмологий с розниками на крюках**, XX в. (начало), в 4-ку, 283 л., подражание печатному, заголовки киноарные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками. С о д е р ж а н и е: Обиход постный, Канон, тропарь и кондаки Пасхе, Чин вечерни, Утренняя, Полунощница, припевы и светильны праздникам. Столповое знамя с киноарными пометами, новое истинноречие.

От А. С. Соловьева (г. Ленинград).

112. **Травник**, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 46 л., полуустав, в картонном переплете с матерчатым корешком. Владельческие записи А. Ф. Малеевой (д. Крюки) и Н. В. Бондаревой (г. Валка). Содержит описания около 60 растений и их целительных свойств, иногда сопровождаемые заговорами.

От А. С. Соловьева (г. Ленинград).

113. **Псалтырь**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 314 л., полуустав двух почерков, имеются чернильные орнаментированные заставки и инициалы. Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками двух застежек. Владельческие пометы Смольниковых и Тихонина.

Из магазина № 53 Ленкниготорга.

114. **Сборник выговский**, XVIII в. (посл. треть), в 4-ку, 433 л., поморский выговский полуустав нескольких почерков, имеется заставка-рамка в золоте и красках поморского орнамента, некоторые из многочисленных киноарных инициалов орнаментированы. На л. 2 современная помета карандашом: «Приказано Аввакуму Тимофееву Бурову». Переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застежек. С о д е р ж а н и е: «Сказание о Мамаевом побоище» распространенной редакции в выговской обработке; сказания: о белом клобуке, об Авгаревом образе Спаса нерукотворного с чудесами, Ивана Пересветова о царе «турском» Махмете, «како хотел сожещи книги греческие», Максима Грека о Ватопедском монастыре; повести: о посаднике Шиле, о Тимофее Владимирском, о Николе Зарайском, о богородичных иконах — Воронийской (Череповецкой), Выдропусской, Тетюшской, Толгской и Иверской, о царице и львице, о покоянии Феофила эконома, повести из Великого Зеркала (около 40 текстов), из Лавсаика, патериков и Старчества (свыше 40 текстов); книга «Пчела» (165 изречений); подборка из «Измарагда» (70 изречений); книга «Эсфирь» ветхозаветная; «Суд Соломона царя»; «Сказание о 12 сивиллах»; «Сказание о 12 снах царя Мамера»; статьи из Хронографа: о начале русских князей, об отложении мяса инокам, о начальнике «турском» Аламундаре, об Августине философе, о Рождестве Христовом, о волхвах и крещении, счет серебряникам, о Голгофе и др.; жития: Андрея Первозванного, царицы Пульхерии; чудеса и видения из жития Андрея Юродивого; чудеса богородицы, св. Георгия, Гурия, Самона и Авива; «Прение Живота и Смерти»; «Притча о царе» из повести о Варлааме и Иоасафе; Слово (повесть) на Воздвижение честного креста; Сказание об Августине Ипонийском; «Похвала девственницам»; Поучение против самоубийств; вопросы св. Антиоха и ответы

св. Епифания; Притча о теле человеческом; Сказание св. Нила о восьми помыслах; повести о Макарии Египтянине; Повесть о приходе богородицы с Иоанном Предтечей и Иоанном Богословом в обитель Каламонскую; слово преподобного Агацита «...чего ради оставляет человек богатство, жену и детей»; слова Иоанна Златоуста; выписки из Космографии; «Слово о душе от патерика» — ритмизованный текст типа покаянных стихов; Слово о языке — «водители гневу», Слово о злой матерной «лаи» и др. (всего 159 статей).

От А. Т. Бурова (г. Резекне).

115. **Сборная рукопись**, XIX в. (начало)—1821 г., в 4-ку, 54 л., подражание печатному двух почерков, заглавия киноварные, имеются простенькие чернильные и впечатанные со штампов заставки, обложка не сохранилась. На л. 36, 36 об., 38 об., 39 владельческие пометы от 1870-х гг. писаря деревни Серповки И. Е. Бурова, на л. 35 об. запись о переписывании книги с 20 декабря по 12 февраля 1821 г., та же дата вписана в заставках-штампах; л. 36 — без текста; многие листы в начале и середине рукописи не сохранились, язык второй рукописи отличается ярко выраженными диалектными особенностями. **С о д е р ж а н и е**: повести: о богатом новгородце — «ротоимце немилостивом» (сокр. вариант повести о посаднике Щиле); о купце, заколовшем младенца; о покаянии бывшей монахини; о двух враждовавших братьях; о царе, который никогда не смеялся (из Великого Зеркала); выписки из уставов о постах и отпусках и др.

От А. Т. Бурова (г. Резекне).

116. **Паремийные чтения на праздник Рождества Христова**, XIX в. (3-я четв.), в лист, 13 л., полууустав, без обложки.

От А. Т. Бурова (г. Резекне).

117. **Канон и служба Николаю Чудотворцу**, XVIII в. (3-я четв.), в 4-ку, 21 л., имеется орнаментированная заставка, переплет не сохранился. Владельческие пометы Е. Соколова и Т. Вавилова.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

118. **Сборная рукопись**, XVIII в. (1-я треть—3-я четв.), в 8-ку, 119 л., полууустав трех почерков, заглавия киноварные, имеются орнаментированные киноварные заставки и буквы, переплет картонный, покрытый кожей. Л. 1, 106—107 — без текста. **С о д е р ж а н и е**: повести: о бесе Зерефере и старце Антонию, о Федоре купце; Григориево видение; жития: Евстафия Плакиды, Кирика и Улиты, Харлампия Магнисийского; Чудо Николы об Агрикове сыне Василии; старообрядческое сочинение о силе крестного знамения и о сложении перстов; Слово Иоанна Златоуста о воздержании; Служба Илье пророку.

От Е. И. Дубровой (д. Парамоновка).

119. **Сборник поучений Аввы Дорофея**, XVIII в. (посл. четв.), в 16-ю долю листа, 91 л., полууустав, близкий к скорописи, в картонном переплете с кожаным корешком. Владельческие записи Я. М. Тимофеева, Ф. С. Яковлева (д. Гроверишки), В. Ф. Быстрова. **С о д е р ж и т** поучения о смирномудрии, добродетелях, искушениях, о лжи, «чревообъядении», о помыслах блуда и т. п.

От К. В. Паниной (д. Заболотье).

120. **Канон явлению Казанской иконы богородицы**, XVIII в. (конец), в 16-ю долю листа, 32 л., полууустав, имеются киноварные орнаментированные инициалы, в картонном переплете, покрытом тканью. Имеется помета Н. Мининой.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

121. **Повесть о боярыне Морозовой (пространной редакции)**, XVIII в. (конец), в 4-ку, 39 л., полуустав, без переплета, отсутствуют первый и несколько последних листов.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

122. **Азбука певческая на крюках**, XIX в. (30-е гг.), в 8-ку, 162 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Имеются заставки и нетрадиционное изображение горюсходного холма в красках. **С о д е р ж а н и е:** Азбучная проучка («Аз, буки, веди. . .»); «Указание знамени, имена и поступки»; «Строки и попевки имена» (выписанные имена и начертания строк и попевок с редкими розводами разделены на 8 гласов, внутри которых выделены строки октайные, строки из ирмосов и Праздников); Фитник (начертания и наименования фит и лиц с розводами). Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От К. В. Паниной (д. Заболотье).

123. **Сборник**, 1877 г., в лист, 196 л., полуустав, почерк Лариона Кузьмича Буцева, имеются орнаментированные заставки (л. 2, 3 об.), заглавия и орнаментированные буквы — фиолетовыми чернилами, на л. 123 об. запись писца: «Дерзнула моя брeнная и многогрешная рука написать сию святую и богодухновенную книгу, нарицаемую Страсти Христова, в лето от Рождества Христова 1877 ноября 29 дня. Молю вас, господие братие и сестры, аще обрящете где погрешности ошибки, тогда Господа ради не клените, но помолитесь о мне грешнем ко Господу Богу, да не сведуся по грехам моим в место мучения. Ларион Кузьмин Буцев.»; переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с бронзовыми «жуками» и следами двух застежек. На л. 189 об. читательские пометы Лариона Меркульева Селявина (д. Шкрябы) и записи дат свадьбы и рождения детей Ульяна Ерофеева Федорова (1900-е гг.). **Л. 1, 190—196 — без текста.** **С о д е р ж а н и е:** «Страсти Христовы»; «Свиток Иерусалимский»; Слово на Рождество Христово против языческих игрищ; повести и сказания: о Макарии Египтянине, из Пролога и патериков, о милостивом купце и дочери его и злой жене; Память Антония Римлянина; жития Евстафия Плакиды и Кирика и Улиты; Слово Иоанна Златоуста о злых женах; выписки о пьянстве, чревобесии, о постах и др.; Память Климента папы римского.

От П. Г. Ивановой (д. Липушки).

124. **Сборник**, 1888 г., в 4-ку малую, 140 л., полуустав, почерк близок к почерку Л. К. Буцева (см. № 123), заглавия — красными чернилами, переплет — доски, покрытые кожей, с одной бронзовой застежкой. На л. 140 об. писцовая запись от 15 июля 1888 г. и новейшая помета от 1977 г.; л. 1 — без текста. **С о д е р ж а н и е:** слова и поучения Иоанна Златоуста и Кирилла Александрийского; апокрифы о Макарии Египтянине; Поучение о почитании родителей; повести и слова из Пролога.

От П. Г. Ивановой (д. Липушки).

125. **Сборная рукопись**, XIX в. (середина—посл. треть), в 8-ку, 86 л., полуустав двух почерков, некоторые заглавия выведены красными и фиолетовыми чернилами, на л. 19 заставка чернилами, имеются простенькие концовки, без переплета. **Л. 23, 27 — без текста.** **С о д е р ж а н и е:** Повесть о Тите, пресвитере Киево-Печерского монастыря; Повесть об Иверской иконе богородицы; Слово о некоей девице, пастуховой дочери; памяти: Алексея человека божия, Козьмы и Дамиана, Андреяна и Натальи; слова Иоанна Златоуста; повести и слова из Пролога и Великого Зеркала.

От К. В. Паниной (д. Заболотье).

126. **Фрагмент певческого сборника на крюках**, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 15 л., подражание печатному, без переплета. **Содержание:** «Проучки», изображение горвосходного холма, начало певческого Октоиха (глас 1-й). Столповое знамя с киноварными пометами, раздельное речие.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

127. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 68 л., полуустав, переплет картонный. Имеются росписи А. Никифорова (с. Сотниково). **Содержание:** Служба праздникам Вознесения и Троицы. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

128. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 78 л., полуустав, переплет картонный. Имеются пометы от 12 октября 1905 г. А. Никифорова (с. Сотниково). **Содержание:** службы праздникам Благовещения, Входа в Иерусалим и канон «В неделю цветную». Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

129. **Сборник певческий на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 68 л., полуустав, переплет бумажный. Имеются пометы А. Никифорова (с. Сотниково). **Содержание:** службы Рождеству богородицы и Воздвижению. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие; имеются варианты роспевов: «Путевой» и «Ин роспев». Гектограф.

130. **Потребник**, XIX в. (конец), в 4-ку, 35 л., полуустав, в картонном переплете, некоторые листы утрачены. **Содержит** чины крещения и исповеди. Гектограф.

131. **Устав богослужебный**, XIX в. (конец), в 4-ку, полуустав, 45 л., владельческие пометы А. И. Никифорова (с. Сотниково), без переплета. **Содержит** указания праздничных всеошных, указ отпущам, службы на год и т. п. Гектограф.

132. **Служба Рождеству Христову на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 35 л., полуустав, сохранились остатки бумажного переплета. Имеются пометы А. Никифорова (с. Сотниково). Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеющиеся варианты роспева выделены пометами «Ин роспев». Гектограф.

133. **Служба Богоявлению на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 29 л., полуустав, без переплета. Имеются пометы А. Никифорова (с. Сотниково). Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

134. **Служба Введению богородицы на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 8 л., полуустав, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

135. **Азбука крюковая**, XIX в. (конец), в 4-ку, 47 л., полуустав, переплет бумажный. Имеются пометы А. Никифорова (с. Сотниково). **Содержание:** изображение горвосходного холма, «Извещение» (пространное вступление к Азбуке); перечисления и толкования исполнения знамен; Кокизник и Фитник. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

136. **Служба Сретению на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 18 л., полуустав, сохранились остатки бумажного переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Гектограф.

№ 127—136 получены от А. А. Алексеева (д. Астицы).

137. **Азбука певческая на крюках**, XIX в. (конец), в 4-ку, 68 л., подражание печатному, переплет картонный. Имеется владельческая запись жителя деревни Парамоновки Ф. Л. Борисенко от 1926 г. **С о д е р ж а н и е**: молитвы «пред начинанием пения»; «Проучки»; «Знамени имена и поступки» (встречающиеся здесь «лица» даны с розводами); «Строки и попевки» на 8 гласов, в которых иногда делаются ссылки на певческие книги Праздники и Октоих, а часть попевок дана с розводами; «Фиты в лицах и розводах». Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

138. **Толкование на Слово Иоанна Златоуста в неделю 25-ю по памяти всех святых о последних днях и о казнях божиих**, XX в. (начало), в 4-ку, 62 л., полуулав, имеется орнаментированная заставка (аналогичные заставки см. в рукописях причудского письма). В бумажном переплете. Владельческая помета Л. Борисенко.

От Г. С. Шнитова (д. Заболотье).

139. **Фрагмент певческой азбуки на крюках**, XX в. (первая четв.), 24 л., подражание печатному, без переплета. **С о д е р ж и т** строки, попевки, имена (на 8 гласов), часть лицевых начертаний дана с розводом. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От А. М. Богданова (д. Парамоновка).

140. **Азбука певческая на крюках**, 1927 г., в 4-ку, 138 л., подражание печатному, вязь и орнаментированные инициалы в красках, переплет картонный. Имеются различного рода записи и пометы писца Нила Ивановича Добринского, жителя д. Лоси, Узулмуйжеской вол., Режицкого уезда. **С о д е р ж а н и е**: Учебная молитва; изображение горвосходного холма; «Знамени имена и поступки» (знамена с розводами); строки певчие из Ирмология, Октоиха и Стихирарей триодного и праздничного и лица с розводами; Фитник; Азбука толкования по гласам; Азбука перечисления (в символах). Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От К. В. Паниной (д. Заболотье).

141. **Сон Богородицы и Сказание о 12-ти пятницах**, 1959 г., в 4-ку, 10 л., новейшая скоропись, перписывал Л. И. Громов, без обложки.

От Ф. П. Громовой (д. Заболотье).

142. **Сборник певческий на крюках**, XVII в. (середина), в 8-ку, 325 л., полуулав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с остатками двух застёжек. Имеется полистная стертая запись от 1655 г. Сборник дополнен вставкой XVIII в., содержащей текст анонимного послания (выговского?), обличающего самовольное бегство иноков из обителей. **С о д е р ж а н и е** певческой части сборника: Ирмологий с розниками; Фитник краткий; Октоих; Обиход (литургия Иоанна Златоуста, всеобщее бдение, величания, обиход постный с дополнительными разделами); две подборки стихов покаянных; «Многолетие» царю Алексею Михайловичу демеством. Нотация столповая, знаменная, имеются путевой и демественный роспевы, Большой роспев, текст раздельноречный с истинноречными вариантами.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

143. **Сборная рукопись**, XIX в. (середина), в 8-ку, 28 л., подражание печатному двух почерков, переплет картонный с кожаным корешком. **С о д е р ж а н и е**: каноны богородице, всем скорбящим; Скитское покаяние; «Устав инокам» от ночного соблазнения.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

144. **Сборник**, XX в. (1-я треть), в лист, 180 л., подражание печатному, заглавия и орнаментированные буквицы выведены красными чернилами, переплет картонный с кожаным корешком. Л. 1, 148, 161 — без текста. **С о д е р ж а н и е**: старообрядческие сочинения (возможно, местных авторов, в т. ч. и на русском языке): против баптистов и адвентистов, о необщении с еретиками, об иконах и иконоборчестве; жития Николая Чудотворца и Иоанна Богослова; каноны молебные на разные случаи; слова из «Горжественника»: на Воскресение господне, «...егда възыде Исус в церковь в преполовение праздника», о пророке Илье и о вдовице, на Преображение господне; повести из Пролога; выписки из Кормчей.

От П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

А. Г. БОБРОВ, Н. В. ШУХТИНА

Пинежская экспедиция 1985 г.

Уже более 20 лет археографические экспедиции Древлехранилища им. В. И. Малышева Пушкинского Дома и Ленинградского университета обследуют Пинежский район Архангельской области.¹ За эти годы сложилось Пинежское собрание рукописей — одно из крупнейших и наиболее интересных территориальных собраний Древлехранилища. Результаты последних трех экспедиций — 1979—1981 гг. (руководитель Н. И. Николаев) — были более скромными по сравнению с предшествующими — 60-х гг., однако и они отразили древность и непрерывность пинежской рукописной традиции.

Участники экспедиции 1985 г. (А. Г. Бобров, Л. А. Валькова, О. Ю. Клокова, М. В. Мелихов, М. А. Морозова, Е. О. Николаичук, Ю. Г. Фефелова, Н. В. Шухтина) являются учениками Н. С. Демковой, возглавлявшей университетские экспедиции на Пинегу в 1968—1971 гг. Археографическая группа, как и в прошлые годы, входила в состав фольклорной экспедиции филологического факультета ЛГУ (руководитель — Н. М. Герасимова).

Первые находки ждали нас неподалеку от Архангельска. В д. Верхнее Ладино мы встретились с И. Г. Тестовым, уже передававшим старопечатные книги в Научную библиотеку ЛГУ. И в этот раз он подарил 3 интересных издания XVIII в.: И. Гергард. «Богомыслие» (Чернигов: тип. Троице-Ильинского монастыря, 1710 или 1711); Петр Могила. «Православное исповедание веры» (М., 1743); Димитрий Ростовский. «Жития святых» (5-е изд. М., 1782). Кн. 1 (сент.—ноябрь). Эти книги некогда принадлежали родственнику дарителя — Евграфу Ивановичу Тестову (ум. в 1940 г.). Как фамильная реликвия сохраняются у Ивана Григорьевича две рукописи, содержащие записи хозяйственного и бытового содержания, которые велись его предками с 30-х гг. XIX в.

Далее наш маршрут вел уже собственно на Пинегу, где был обследован район от Лавелы до Шотовой Горы. Со времени последней Пинежской экспедиции прошло всего несколько лет, но археографическая ситуация здесь за этот небольшой срок заметно изменилась. Если раньше мы сталкивались главным образом с владельцами рукописей и старопечатных книг, читающими «по-славянски», разбирающимися в их назначении и содержании, то теперь таких людей осталось очень мало. Характерно, что почти все наши находки и приобретения были сделаны уже у наследников пинежан, читавших некогда рукописи и старопечатные книги. Теперь, однако, редки случаи, когда потерявшие, казалось бы, живую связь со старинной книжной традицией относительно молодые наследники выбрасывают или отдают бездумно первому встречному хранящиеся у них книги. Видимо, и пропаганда бережного отношения к памятникам истории, и «городская мода», и самостоятельные наблюдения и раздумья

¹ Отчеты о предыдущих экспедициях на Пинегу см. в следующих томах ТОДРЛ: 20, 23, 25—28, 36, 37, 39.

над изменениями в родных краях заставляют местных жителей не только хранить, но и пытаться разобраться в «дедовских книгах».

По материалам Пинежского собрания, насчитывающего более 600 единиц хранения, прослеживаются фамильные крестьянские библиотеки и архивы Мерзлых, Рудаковых, Никифоровых, Поповых, Шиловых и др. В 1985 г., благодаря находке в Немнюге, мы узнали еще об одной «книжной» пинежской фамилии — Томиловых. Жительница д. Киглохта Анна Михайловна Осетрова (Томилова) разрешила археографам осмотреть чердак своего старого немнюжского дома, где было обнаружено 29 документов и фрагментов рукописных книг XVIII—начала XX в.

Один из представителей этой семьи ранее упоминался в литературе: живший в начале века учитель Семен Никифорович Томилов из Марьиной Горы, «страстный краевед, собравший огромный материал по истории и этнографии края, но сохранившийся, к большому сожалению, до наших дней».² В Пинежском собрании уже была одна рукопись С. Н. Томилова с пометой 1915 г. (№ 509).³ На этот раз обнаружены его записки о первой мировой войне, где он был солдатом пулеметной команды 1-й Финляндской стрелковой бригады (№ 614). Из других материалов Томиловых следует отметить документы из фамильного архива: прошения, постановления крестьянских сходов, письма, а также рукописи, переписанные отставным унтер-офицером Василием Томиловым в 60—70-х гг. прошлого века (№ 593—596, 598, 599, 601—603). В круг его интересов входили сказания о чудесах Казанской, Тихвинской и Красногорской (Пинежской) икон богородицы; жития Сергия Радонежского (Епифания Премудрого), его ученика Никона, Антония Сийского; заговоры; история России от Рюрика до Николая I и т. д. Рукописи Василия Томилова — яркий пример того, что древнерусская книжная традиция на Пинеге сохранялась не только в старообрядческой среде, но была распространена среди разных слоев населения.

Пожалуй, наиболее редкие книги были обнаружены студенческой экспедицией в Веркольском сельсовете. В самой Верколе и прилегающих к ней деревнях теперь уже почти не осталось грамотных старообрядцев; за последние годы умерли многие наши старые знакомые, дарившие археографам рукописи и старопечатные книги (У. М. Вороницына, Т. Е. Стахеева, М. А. Чуркина, А. С. Ставрова). Однако в д. Летопала, расположенной в нескольких километрах от Веркольского монастыря, удалось, благодаря тактичной помощи Р. П. Коракиной, приобрести у Т. П. Фроловой 4 рукописные и 1 старопечатную книгу. На чердаке предназначенного на слом дома были обнаружены Стихирарь постный начала XVI в. (№ 569), Пролог (март—август) 50—80-х гг. XVI в. (№ 570), Измарагд 2-й редакции с дополнением того же времени (№ 571), Евангелие-тетр второй четверти XVII в. (№ 573) и Апостол 1623 г., напечатанный в типографии Кондрата Иванова. Интересно, что все 5 книг оказались хорошей сохранности, а на некоторых встречаются различные записи XVII—XVIII вв. (см. описание). Особо следует отметить запись XVII в. на форзаце Измарагда: «Сия книга еретическая. . .» — ведь А. Д. Седелников, а вслед за ним Н. П. Попов связывали возникновение Измарагда с еретическим движением стригольников.⁴ Интересно также включение в сборник канонических произведений дополнительного текста — апокрифического Жития апостола Фомы.

Еще в одном случае археографам удалось получить буквально мешок книг: А. Д. Тюлев, житель Карпогор, отдал хранившиеся у него в старом

² См.: Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 62.

³ Здесь и далее в скобках дается шифр рукописи Пинежского собрания Древле-хранилища ИРЛИ.

⁴ Седелников А. Д. Следы стригольнической книжности // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 128—130; Попов Н. П. Памятники литературы стригольников // ИЗ. М., 1940. № 7. С. 34—35; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 155—162.

доме в Кевроле более 10 синодальных изданий XVIII—XIX вв. и 1 рукопись — Минею служебную XVI в. (№ 572).

В той же Кевроле живут К. М. и А. И. Тюлевы. В 1981 г. здесь побывал Н. И. Николаев и познакомился с хранящимися у них книгами, на многих из которых встречаются владельческие и дарственные записи жившего в конце XIX в. Василия Ивановича Тюлева. Об интересной судьбе этого человека Н. И. Николаев написал в книге «Неотчуждаемая ценность»,⁵ что для родственников В. И. Тюлева было подтверждением заинтересованности археографов в широком изучении крестьянской культуры Пинежья. На этот раз они решили передать в Научную библиотеку ЛГУ Евангелие 1619 г., особо интересное тем, что вкладная запись в Кеврольскую церковь была сделана уже 17 сентября того же года.

У родственников Тюлевых — А. С. и Е. Н. Кыркаловых из д. Шотова Гора, — также благодаря подготовительной работе археографов в 1981 г., был получен певческий сборник середины XVII в. (№ 574).

Остальные находки приблизительно равномерно распределяются по всем обследованным деревням. Среди них стоит особо отметить: Устав церковных богослужений 80-х гг. XVII в., полученный от А. А. Родионовой (д. Явзора) (№ 575); Служебный сборник 50-х гг. XVIII в. — от Е. А. Дунаевой (д. Явзора) (№ 576); 2 фрагмента из Повести о белом клобуке 3-й четверти XVIII в. — от А. П. Дурьнина (д. Явзора) (№ 577); сборник молитв конца XIX в. — от А. Г. и Н. П. Логачевых (д. Шардомень) (№ 584); Псалтирь. Вильна, 1794/1795. — 4°. — Унд. нет — от Д. С. Вехоревой (д. Шотова Гора); Требник. М., 1773. — 2°. — ЗК 853 (только ГИМ) — от А. Д. Тюлева (с. Карпогоры); Псалтирь. М., межд. 1773 и 1776 гг. — 8°. — В библиографии нет — от И. Е. Порохина (д. Еркино).

В целом Пинежское собрание Древлехранилища Пушкинского Дома пополнилось в этом году 48 рукописями, из которых 7 относятся к XVI—XVII вв. В Научную библиотеку ЛГУ поступило 32 старопечатные книги кирилловской печати XVI—XIX вв. и 37 изданий гражданской печати XIX—начала XX вв.

Итоги экспедиции говорят о том, что археографические исследования в районах традиционной книжной культуры должны продолжаться, и, на наш взгляд, их необходимо активизировать. Отдача археографических экспедиций очень высока — и не только материальная (оценка обнаруженных книг во много раз превосходит затраты на экспедицию), но и духовная. Археографы и сами приобретают неоценимый опыт человеческого общения с хранителями книг, участвуют в формировании современного общественно-исторического сознания с его уважением к древности, умением ценить и сохранять памятники прошлого.

Ниже публикуются краткие описания привезенных рукописей (сост. Г. В. Маркеловым) и старопечатных книг XVI—XVII вв. (сост. Н. И. Николаевым).

Рукописи

1. (569). Стихирарь постный, XVI в. (1-я четв.), в 4-ку, 178 л., полуулав двух почерков (2-й почерк на л. 96—103, 112—120), заглавия киноварные, переплет — доски вровень с обрезом, покрытые замшей, со следами двух ременных застежек. На л. 70 об., помета: «Помилуй мя, боже» почерком 1-го писца. На л. 95 об. помета: «Зри впереле, перекин(ь) 8 листов», а на л. 111 об. приписано: «Отпят(ь)ся назад, где сперва преступил» — полуулавом 2-го почерка. Некоторые киноварные инициалы имеют орнаментировку. Имеется собственная пагинация тетрадей. С. л. 56 следует служба Иоанну Лествичнику. Начальных и конечных листов недостает.

⁵ Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Неотчуждаемая ценность. Л., 1984. С. 154—155.

2. (570). **Пролог (март—август)**, XVI в. (50—80-е гг.), в лист, 419 л., полуустав двух почерков, причем часть книги 1-го почерка (л. 3—14, 23, 56, 63, 223, 239—419) переписана позднее части 2-го почерка (остальные листы), переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками (работы XVIII в., посл. четв.). С л. 3 по л. 53 вкладная полистная запись: «Сия книга Пролог дал в церковь Рождеству Богородицу в дом Феодор Фокин и сын его Илья и Спиридом (так! — *Г. М.*) и Никоном и с Иваном и женою Ульяниєю, дал яз Феодор по душам своим на век Рождеству Богородицу, а денег не взял за книгу нисколки, 171 году гевваря в 20 день». На л. 92 помечено: «Амос Кон(стан)тинов сам с(вое)ручно, 1785 год, марта». Подпись того же лица см. на л. 143 об. На л. 144 карандашная помета 1820 г. На л. 302 об.—303 запись: «Сия книга продано ис церковныя казны и деньги принято в казну сполна Костянтину Васильеву» скорописью XVIII в. С л. 316 следует незаконченная полистная запись: «Сия книга жертве. . .» Перед началом текстов каждого месяца следуют киноварные заглавия вязью. Л. 1, 2 подплетены при переплете (бумага 1786 г.), без текста, но на л. 1 вписано оглавление Пролога по месяцам почерком лица, сделавшего нумерацию листов книги в XVIII в.

3. (571). **Измарагд II редакции с дополнением**, XVI в. (3-я четв.), в 4-ку, 480 л., полуустав, заголовки киноварные (некоторые заголовки не вписаны), имеются киноварные орнаментированные инициалы, на л. 1 орнаментированная заставка чернилами, переплет — доски, покрытые кожей, с одной ременной застежкой. На 1-м форзаце почерком конца XVII в. переписаны духовные стихи: «Оле, смерть страшная, прадедом познанная. . .» (стих о смерти и гробе) и текст: «В царскую багряницу от девических кровей к речным течением наг восходиша, мою одевая наготу. . .» На л. 8 владельческие записи скорописью XVII в.: «Сия книга Златоуст Коземки Филинова, бывшаго прежде. . .» и «Сия книга Златоуст Луки Митрева сына Мельникова». На л. 121 об. тем же почерком, что и на 1-м форзаце переписан тот же стих о смерти и стих: «Человече, что всеу мятешися и о земных печешися. . .», а также текстовые пробы пера и дата: «1694 г.». На 2-м форзаце помета скорописью XVII в.: «Сия книга еретическая, и хозяин скарет у ей Лукою Меленица». В составе Измарагда пропущены (по В. А. Яковлеву) главы 129, 137, 148—150, 163, глава 147 приписана в конце книги под № 160, у глав 93—96, 104, 128—165 смещена нумерация, главы 125—127 помещены без заглавий. С л. 317 вставлен дополнительный текст редкого апокрифа — Жития апостола Фомы. Текст отличается от опубликованного в ВМЧ.

4. (572). **Миней служебная (декабрь)**, XVI в. (посл. четв.), в 4-ку, в ветхом состоянии.

5. (573). **Евангелие-тетр**, XVII в. (2-я четв.), в лист, 253 л., полуустав, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застежек. На 1-м форзаце запись: «1788 году месяца сентября сей книгу куплено, дано полтора рубли, за переплет уплачено полтора рубли, сего три рубли». Имеются киноварные заглавия вязью и киноварные буквы. Л. 1, 253 — без текста, подклеены при переплете книги в 1788 г.

6. (574). **Сборник певческий на крюках**, XVII в. (середина), в 8-ку, 381 л., полуустав, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, со следами двух застежек. На полях встречаются позднейшие пометы и исправления к тексту. С л. 168 неоконченная полистная запись: «Сия книга Матвея Митро. . .» На л. 381 об. помечено: «Конец» и «Pabiful» (?) Л. 165, 166 — без текста, но с черновыми записями текстов на крюках. На л. 165 об. записи счищены и зачеркнуты. На л. 168

киноварное заглавие выведено вязью и здесь же орнаментированный киноварный инициал. Имеется своя нумерация тетрадей. Столбовое знамя без киноварных помет, текст раздельноречный, имеются указания: «путь», «ин перевод», «ино знамя», «левая страна» (л. 88), «четверогласник» (л. 156). Встречаются кое-где позднее проставленные киноварные пометы. Начальных листов недостает. **Содержание:** праздники двенадцатые с вставками текстов песнопений в Неделю цветную (л. 104) и на Пятидесятницу (л. 127). Везде величания «путные»; песнопения на избранные праздники и нарочитым святым, среди которых русские: на память трех святителей московских, Знамению Новгородской иконы богородицы, на преставление Алексея митрополита Московского, Прокопию Устюжскому, явление Казанской иконы богородицы.

7. (575). **Устав церковных богослужений**, XVII в. (80-е гг.), в 4-ку, 577 л., скоропись, заглавия киноварные, переплет — доски, покрытые кожей, с остатками двух застежек. Начальных листов в рукописи недостает.

8. (576). **Сборник служебный**, XVIII в. (50-е гг.), в 8-ку, 40 л., полуустав и скоропись, переплет «сумкой» с тиснением и ремешком. На л. 2 запись: «Сия книжица Охтенских слобод плотника Семена Григориева сына Раманова и подписал своею рукою 1753-го году мая 16 дня»; на л. 30 писцовая запись более позднего времени: «Писал Михайло Никифоров канон за умерших» (переписаны л. 16—36 об.); на л. 2—4 расчетные записи 1785—1789 гг. Листы 5 об., 37—39 — без текста. На л. 16 заставка, выполненная пером и чернилами; в оформлении текста использована охра. **Содержание:** помянники, «Последование о усопших», Канон за усопших, «отпусты» на господские и богородичные праздники.

9. (577). **Повесть о белом клубуке**, 2 фрагмента XVIII в. (3-я четв.), в 4-ку, 2 л., скоропись, без обложки. На л. 1 — 1-й фрагмент, начинающийся со слов: «. . . скрыся время довольно, но творец всея твари господь наш. . .»; на л. 2 — 2-й фрагмент, начинающийся со слов: «. . . не в кую ночь папе оному спящу на ложе своем, прииде к нему ангел. . .».

10. (578). **Канон за умершего**, XVIII в. (посл. четв.), в 16-ю долю листа, 177 л., полуустав, заглавия и буквицы киноварные, в картонном переплете. Л. 1 — без текста, с пометой некоего Степанова.

11. (579). **Расписка 7 крестьян Шотогорского селения с мирского согласия о занятии денег на рубку дров**, 1793 г., 17 марта, в лист, 1 л., скоропись.

12. (580). **Полюбовная расписка** крестьян Ярушевской волости Мелеховской деревни братьев Кирилла и Давыда Чеусовых в том, что они поделили между собой доставшуюся им от отца расчищенную землю, 1864 г., 13 июня, в лист, 2 л., скоропись.

13. (581). **Чин исповеди**, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 30 л., полуустав, без обложки, л. 30 — без текста.

14. (582). **Конспект по истории педагогики** воспитанника 3-го класса Тотемской учительской семинарии Григория Янцева, 1889 г., в 4-ку, 44 л., скоропись, без обложки. Текст переписан коричневыми и синими чернилами, на полях встречаются карандашные дополнения к тексту.

15. (583). **«Сон Богородицы»**, 1896 г., в 4-ку, 10 л., подражание печатному, без обложки. На л. 1, 5 об., 8 тексты ирмосов из рукописного

Ирмология 3-й четверти XVIII в., чистые листы из которого писец использовал для переписки «Сна Богородицы», причем на л. 8 об. и 9 об. текст апокрифа (начало) тем же переписчиком повторен дважды. Писец — Александр Нифантьев (см. помету на л. 7), на л. 1 об. помечено: «Списано 1896 года февраля 7 дня».

16. (584). **Сборник**, XIX в. (конец), в 16-ю долю листа, 57 л., полуустав и подражание печатному, переплет — доски в коже со следами одной застежки. В оформлении текста использована охра. Л. 1 об., 24 об., 57 об. — без текста. **С о д е р ж а н и е**: Молитва кресту, Молитва богородице, архангелу Михаилу, Сон богородицы, Молитва священномученика Киприана, Молитва Иисусу Христу.

17. (585). **Сборная рукопись**, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 8-ку, 60 л., подражание печатному нескольких почерков, заглавия киноварные, в картонном переплете с матерчатым корешком. На л. 5 об. список имен для поминания. На л. 7, 7 об., 60 пометы Константина Бурачкина. На л. 15, 23 орнаментированные заставки чернилами и киноварью простого рисунка. Л. 15, 23, 34, 35 — без текста. **С о д е р ж а н и е**: «Последование о усопших», Стихира Покрову богородицы на крюках, Поучение Иоанна Златоуста о милостыне, Чин погребения и др.

18. (586). «**Письмо Иисуса Христа**», XX в. (нач.), в 4-ку, 2 л., скоропись, без обложки.

19. (587). «**Природа мира! Как ты прекрасна. . .**» — стихотворение, черновик, XX в. (начало), в 4-ку, 1 л., скоропись. Возможный автор — М. Н. Томилов.

Рукописи, деловые бумаги и письма пинежских крестьян Томиловых XVIII—XX вв.

Получены в дар от Анны Михайловны Осетровой (Томиловой)
из д. Киглохта

20. (588). **Копия с указа Екатерины II** о подаче ежегодных ведомостей из Архангельской губернии Кеврольского стана о числе умерших и о родившихся приписных людях, 1768 г., в лист, 1 л., скоропись.

21. (589). **Сборная рукопись** (отрывок), XVIII в. (конец), в 8-ку, 16 л., подражание печатному и скоропись, без обложки. На л. 16 помета Томилова. **С о д е р ж а н и е**: Канон Николе Чудотворцу, Сказание, что сотворил бог, а что бес и др.

22. (590). **Сказание, каким святым от какой болезни или напасти молиться**, XIX в. (начало), в 8-ку, 9 л., скоропись, без обложки. На л. 1, 8 карандашная помета: «Дом к. Андре(и) Томилов», на листе 3 об. помета: «Петр Старцов руку приложил», на л. 9 об. помета 1810 г. Имеется своя постраничная нумерация. Л. 1, 8, 9 — без текста.

23. (591). **Копия прошения крестьян Пинежского уезда Ваймушской волости Фофановского сельского общества** взыскать 100 рублей недоимочных денег крестьянина Анто́на Томилова с крестьян Лоходского селения, виновных в потраве принадлежащих Томилову сенных покосов, 1839 г., март, в 4-ку, 2 л., скоропись.

24. (592). «**Книга, когда кто именно ходил дорогам**», XIX в. (1865—

1880 гг.), в 8-ку, 6 л., подражание печатному, без обложки. Л. 5, 6 — без текста. Содержит сведения об участии крестьян рода Томиловых в тушении пожаров.

25. (593). **Сборник Василия Томилова, 1865—1873 гг.**, в 8-ку, 294 л., подражание печатному, переплет не сохранился. На л. 112 об. писцовая запись: «Писал сие житие о(т)ставной ундер-офицер Василий Томилов», его же записи на л. 149 об. от 1867 г. и на л. 184 об. без даты. На л. 150 помечено: «Кетрать» и «Книга». На л. 293 об. Томиловым помечено: «1873 году послана Немнюга месеца апреля 27 ч., Пинега, 30 — начели молоты мая 6 ч., себе — 7.7.18.14.66». Каждая часть сборника (по законченным текстам) имеет, как правило, свою нумерацию листов. Л. 113 и 294 — без текста. **Содержание:** Житие Василия Нового и видение Григория, ученика его; жития: Параскевы Пятницы, Иоанна Дамаскина, Киррика и Улиты, Сергия Радонежского, ученика его Никона; Сказание о явлении иконы богородицы в Казани и др.

26. (594). «**О проявлении божия милосердия и покровительства в бытии Русского государства**» — краткое популярное изложение русской истории от Рюрика до Николая I, XIX в. (60—70 гг.), в 8-ку, 74 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки. На л. 48 фенологическая помета: «1872 году месяца февраля 2 ч. сонцо катается колы высоко, сходит у лисниці, закатываица у гумна» — почерком В. Томилова. Текст «истории» конца не имеет.

27. (595). **Сборник заговоров, XIX в. (3-я четв.)**, в 8-ку, 7 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки. На л. 7 об. помета Василия Томилова. Имеется своя постраничная нумерация. **Содержание:** охотничьи заговоры, Заговор от колдунов и ведунов, «Замок молитвами свят оцей нашех Христовых. . .».

28. (596). **Сборник заговоров, XIX в. (3-я четв.)**, в 8-ку, 6 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки. **Содержание:** Охотничий заговор; заговоры: от колдунов и ведунов, от порчи, на верный выстрел.

29. (597). **Заговор «ловить зверей», XIX в. (3-я четв.)**, в 8-ку, 2 л., скоропись, без обложки.

30. (598). **Сборник (отрывок), XIX в. (3-я четв.)**, в 8-ку, 10 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки. **Содержание:** Канон по усопшим, Заговор (только начало), указание несчастливых дней в году.

31. (599). **Чудеса Пинежской Красногорской иконы богородицы, XIX в. (3-я четв.)**, в 4-ку, 8 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки. Начало не сохранилось. На л. 7 об. черновик начала частного письма 1912 г. Текст начинается с 5-го чуда, всего 29 нумерованных чудес.

32. (600). **Ведомость о выдаче лесоматериалов и дров крестьянам Лохотского и Киглохотского селений, 1869 г.**, в 4-ку, 2 л., скоропись.

33. (601). «**Канон за всех умерших**», XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 10 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки.

34. (602). «**Требник**», XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 69 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, без обложки.

35. (603). **Сказание о Тихвинской иконе богородицы**, XIX в. (70-е гг.), в 8-ку, 22 л., подражание печатному, почерк Василия Томилова, в бумажной обложке. Текст сказания не дописан.

36. (604). **Чинопоследование службы на святую Пасху**, XIX в. (посл. треть), в 4-ку, 14 л., новейшая скоропись, без обложки.

37. (605). **Паспорт** («вид на жительство») отставного матроса 1-й статьи 10-го флотского экипажа пинежанина Ивана Антонова Томилова с перечислением его заслуг, наград, прохождения службы и т. п. с 1849 по 1869 гг., выданный в 1870-м г., копия 1885 г., в лист, 2 л., скоропись.

38. (606). **Канон за единоумершего**, XX в. (начало), в 8-ку, 29 л., полуустав, в бумажной обложке. На л. 1 карандашный рисунок креста и приписка: «Павел Минин, щитай, не збивайсе и не ври, поминай вернее — дак будет хорошо».

39. (607). **Приговор крестьянского схода** Кеврольского общества селений Немнужского и Киглохотского об избрании попечителей и помощников церковному старосте, 1908 г., в лист, 1 л., скоропись.

40. (608). **Постановление сельского схода** крестьян селения Киглохотского Кеврольского общества об избрании в церковные сторожа крестьянина П. И. Бутюкова сроком на полгода, 1911 г., 11 окт., 1 л., скоропись.

41. (609). **Сборник апокрифов**, XX в. (10-е гг.), в 8-ку, 7 л., новейшая скоропись, без обложки. Рукопись представляет собой отрывок из записной книжки. На л. 5 записи бытовых расходов солдата (?); на л. 7 фронтовая дневниковая запись; на л. 7 об. адреса военнослужащих действующей армии, вероятно, пинежан — И. С. Бузохина, С. Осипова, Т. В. Пиминкова. **Содержание:** Святое письмо, Сон богородицы и др.

42. (610). Томилов Михаил Никифорович, **письмо** родителям, 1913 г., 2 сентября, 2 л. Письмо солдата срочной службы, из Петербурга, бытового содержания.

43. (611). **Уведомление** управителя Артинского завода Златоустовского горного округа на заказ Томилова Михаила Никифоровича на косы и другие изделия Артинского завода, 1915 г., 10 декабря, 1 л., машинопись.

44. (612). Немытовы Александр, Анатолий и др., **письмо** племяннику Томилову Михаилу Никифоровичу, 1916 г., 24 марта, 2 л. Письмо из г. Тегерана (!), бытового содержания.

45. (613). К. (?) Евдокия Михайловна и Лосев Василий, **письмо** Томилову Михаилу Никифоровичу, 1914—1917 г., 1 л. Письмо содержит описание госпитального быта, сведения о том, что М. Н. Томилов писал стихи и др.

46. (614). Томилов Семен Никифорович, бывший солдат пулеметной команды 1-го Финляндского стрелкового полка 1-й Финляндской стрелковой бригады. Его **записки** об участии в первой мировой войне на территории Восточной Пруссии, Польши и Прибалтики за период с июля по ноябрь 1914 г., XX в. (1-я четв.), в 8-ку, 54 л., скоропись, без обложки.

47. (615). Томилов Лука Никифорович, письмо родителям, 1928 г., 25 марта, 2 л. Письмо из г. Брянска, бытового содержания.

48. (616). Томилов Валентин, письмо матери Надежде Григорьевне Томиловой, 1945 г. 22 ноября, 1 л. Письмо бытового содержания от военнослужащего.

Книги кирилловской печати XVI—XVII вв.

1. **Триодь постная.** — М.: Андроник Тимофеев Невежа, 1589. — 2°. — Зерн. 10 (вар. 1). — Деф. — Запись 1683 г.: «7191 года февраля в 19 день приложил сию книгу Триодь посную с Москвы церкви Николая Чудотворца, что на Сретенки, поп Петр Прокопиев с прихожены на Вагу Верховажские четверти в церкви в Вознесенскую пустыню при строителе при черном попе Ионе, а потписал Николаевской поп Петр своею рукою».

2. **Евангелие.** — М., 1619. — 2°. — Зерн. 37. — Запись 1619 г.: «Лета 7128 сентября в 17 при благоверном царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии и при святейшем патриархе Филарете Московском и всеа России положыл сию книгу Евангелие на престольное с евангелисты в дом Троицы Живоначальной и Николе чудотворцу Кеврольские волости, положил Анкидин Семенов сын Осетров по отказу брата своего двуродного Григория Антоманова сына Немира, что он отписал по духовной грамоте Троицы Живоначальной и Николе чудотворцу в Кевролу в дом шесть рублей денег, и аз Анкидинко Осетров на те деньги выменил сие Евангелие на престольное с евангелисты, а дал на нем два рубля десять алтын денег и положил его в дом Троицы Живоначальной и Николе чудотворцу в Кевролу по брате своем двуродном Григорие Немире, и велел подписать на нем воскресенскому диакону Юрию Леонтиеву». — Деф.

3. **Апостол.** — М.: Кондрат Иванов, 1623. — 2°. — Зерн. 46. — Запись 1691 г.: «Двусотнаго году месяца ноября в 1 день Ферапонтова монастыря крилоской дьячек Иван Иосифов брянец положил сию книгу села Киова в церковь Николе чудотворцу и святые великомученицы Праскевы, нарицаемыя Пятницы, вкладом безденежно по своей души и по своих родителей неподвижно во веки. Аминь». — Деф.

4. **Требник.** — М.: В. Ф. Бурцов, 1642. — 8°. — Зерн. 117. — Деф.

5. **Сборник переводов Епифания Славинецкого.** — М., 1665. — 2°. Зерн. 311. — Деф.

6. **Пролог, 1-я пол. (дек.—февр.).** — М., 1696. — 2°. — Зерн. 468. — Деф.

Е. А. БОБКОВ, А. Е. БОБКОВ

Певческие рукописи с Ветки и Стародубья

В Белорусском собрании Древлехранилища имени В. И. Малышева (ИРЛИ АН СССР) имеется значительное количество певческих рукописей с Ветки и Стародубья, поступивших туда в результате нескольких экспедиционных поездок.¹ Певческие рукописи, происходящие из этих тесно связанных исторически районов поселения старообрядцев, представлены также в фондах Отдела редких книг и рукописей МГУ,² Брянского и Гомельского областных краеведческих музеев, Ветковского музея народного творчества, в ряде частных коллекций.

Стародубье начало заселяться старообрядцами в 70-е гг. XVII в. на землях Стародубского полка в Черниговских пределах (ныне Клиновский, Новозыбковский и Климовский р-ны Брянской обл., а также Репкинский р-н Черниговской обл.).³ Документально известны 7 стародубских слобод, но их, видимо, было больше. При усилении гонения на старообрядцев в годы правления Софьи Алексеевны они были вынуждены уйти за польский рубеж. На Ветке они основали Покровский монастырь и 14 (по другим сведениям — 20) слобод вокруг него (ныне это территория Гомельского, Ветковского и Добрушского районов Гомельской обл.). В 1735 г. последовала первая «выгонка» с Ветки. По распоряжению императрицы Анны Иоанновны, полковник Сытин с пятью полками войска окружил ветковские поселения и вывел оттуда в Россию до 40.000 жителей. Часть жителей выпросилась у Сытина и вернулась в Стародубье.

Уже через пять лет ветковские поселения оправились от запустения, но в 1764 г. произошла вторая «выгонка» с Ветки. При этом, однако, стародубские жители смогли перенести с Ветки Покровскую церковь и вновь поставить ее между посадами Климово и Митьковкой.⁴ Ослабление Ветки способствовало повышению значения Стародубья. Неоднократные переселения из Стародубья на Ветку и обратно, а кроме того, перенесение в Стародубье знаменитой церкви Покровского монастыря с Ветки обусловило преемственность и глубокую внутреннюю и внешнюю связь этих районов. Тем более, что в 1772 г. территория Ветки в составе Могилевской губернии отошла к России.

¹ См.: Малышев В. И. Древлехранилище Пушкинского Дома: (Литература 1965—1974 гг.). Л., 1978. С. 72; Понырко Н. В. Археографическая командировка в Гомель // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 420—421; Бударягин В. П. Экспедиция в Витебскую область // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 382—384.

² См.: Богомолова М. В., Кобяк Н. А. Описание певческих рукописей XVII—XX вв. Ветковско-Стародубского собрания МГУ // Русские письменные и устные традиции и духовная культура: По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг. М., 1982. С. 162—227; Игошев Л. А. К вопросу о значении традиций древнерусского певческого искусства: (По материалам археографического обследования Ветковско-Стародубских слобод) // Там же. С. 228—237, 306—317.

³ См.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. С. 5.

⁴ См.: Там же. С. 288—302.

Ветка и Стародубье создали не только своеобразный стиль оформления рукописей, но и свой стиль художественного шитья, иконописания и т. д.⁵ Интересны эти районы и в фольклорном отношении.⁶

Известный русский писатель П. И. Мельников (А. Печерский) во время своей службы в Министерстве внутренних дел составил в 1854 г. «Отчет о современном состоянии раскола», где между прочим отмечал: «Лучшими переписчиками считаются поморские, т. е. живущие в скитах и деревнях Олонецкой губернии. Поморское письмо отличается как правильностью орфографии, так и каллиграфическим искусством. За поморскими следуют рукописи слободские, т. е. писанные в Черниговской губернии; в последнее время их распространяется несравненно менее. Наряду с слободскими рукописями стоят московские и иргизские, т. е. писанные в прежде бывших саратовских раскольничьих скитах. Наконец, в последнем разряде рукописей стоят сибирские и верховые, т. е. писанные в губерниях Нижегородской, Владимирской, Костромской и Ярославской. Кроме того, пишутся рукописи без особых притязаний на красоту почерка во всех почти местностях, где есть раскольники».⁷

На оформление рукописей Ветки и Стародубья, очевидно, оказали влияние московские рукописи XVII в., которые захватывали с собой староверы, уходя в эти районы. Экспедиции МГУ находили здесь рукописи этого периода.⁸ Некоторые переписчики рукописей на Ветке работали в гуслицком стиле.⁹

Наиболее известным центром создания местных рукописей был Ветковский Покровский монастырь. Как отмечал известный исследователь Ветки и Стародубья М. И. Лилеев, «грамотные и письменные иноки-скитники специально иногда занимались списыванием книг; на Ветке это было обыкновенным явлением еще при Феодосии Ворыпине, любившем и лично заниматься перепиской книг. Рукописи, выходявшие из скитов, по большей части отличались характером художественного книгописания, орнаментации, миниатюристики и рисования. Книги писались и переписывались по-старинному с благоговейной мыслью о спасении души своей и потом перевозились с места на место, из края в край обширной России, продавались и покупались сравнительно за огромные деньги».¹⁰ Кроме того, певческие рукописи переписывались жителями старообрядческих слобод Ветки и Стародубья. В каждом старообрядческом поселении была церковь или моленная. Жители слобод пели на клиросах за службой, изучали знаменное пение в семье или у специальных учителей. Из среды этих знатоков пения выходили переписчики певческих книг.

Нотация в певческих рукописях этих районов — знаменная или крюковая. Так же, как и все старообрядческие певческие книги, певческие рукописи Ветки и Стародубья являются пометными, т. е. содержат киноварные пометы, появление которых в середине XVII в. связывается с именем известного певца и распевщика Ивана Шайдурова. Но эти рукописи содержат и признаки, разработанные певческой комиссией Александра Мезенца, сохранившиеся, однако, впоследствии в рукописях

⁵ См.: Гусева Э. К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гемельщине // Из истории фойдов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 130—135.

⁶ См.: Абрамов И. 1) Старообрядцы на Ветке. СПб., 1907; 2) Поездка в Стародубье. СПб., 1911.

⁷ Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1910. Т. 9, ч. 2. С. 313.

⁸ См.: Поздеева И. В. Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба (1970—1972) // Памятники культуры; Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976. С. 56—58.

⁹ См.: Богомолова М. В., Кобяк Н. А. Описание певческих рукописей XVII—XX вв. С. 163.

¹⁰ Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. С. 221.

у старообрядцев, имеющих священство, и отсутствующие у старообрядцев-беспоповцев. Текст песнопений в певческих рукописях Ветки и Стародубья истинноречный или наречный, что также характерно для среды старообрядцев, имеющих священство. У старообрядцев-беспоповцев текст обычно раздельноречный или наонный, т. е. содержит гласные О или Е на месте редуцированных гласных или полугласных.

Орнамент певческих рукописей Ветки и Стародубья своеобразен. Он менее строг, чем гуслицкий, и уступает ему в торжественности и

Ветковский роспев (ИРЛИ, Дрeвлехранилище, Белорусское собр., № 93, л. 30 об.).

нарядности. Так, например, на Ветке и в Стародубье совсем не встречается золото в орнаментах певческих рукописей. Элементы травного стиля соседствуют в них с барочными элементами, в цветовой гамме преобладают оттенки красного, зеленого, синего, желтого. В оформлении рукописей можно отметить два направления, сильно различающихся по красоте и строгости рисунка: одно из них, более строгое и изящное, имеет приглушенные тона и отличается большим графическим мастерством, другое характеризуется менее строгой цветовой гаммой и грубоватостью рисунка. Нужно отметить, что в гуслицком и поморском орнаментах подобного резкого расслоения по мастерству не наблюдается. Инициалы рукописей многоцветные или киноварные, но часто вместо киновари используется близкая по тону краска. В некоторых рукописях встречаются изображения Иоанна Дамаскина, райских птиц, другие рисунки.

На Ветке и в Стародубье вплоть до первой четверти XX в. было широко распространено иконописание, шитье бисером и жемчугом, резьба по дереву. Такие занятия предполагают художественно одаренных людей,

которые могли, в свою очередь, украшать орнаментом и рисунками певческие рукописи. Переплеты рукописных книг делали из тонких досок, обтянутых темно-коричневой кожей с орнаментальным тиснением.

Следует отметить, что в певческих рукописях Ветки и Стародубья имеются следы развития традиций древнерусской музыки местными певцами. Так, в частности, в 1983 г. авторы этих строк обнаружили в Новозыбковском р-не Брянской области и передали в Древлехранилище имени В. И. Малышева певческий сборник на крюковых нотах начала XX в., содержащий в своем составе песнопение «Да ся исправит молитва моя. . .» с пометой «Ветковского роспева».¹¹ В сравнении с другими известными певческими роспевами этого песнопения оно имеет характерные отличия. Оставаясь в рамках знаменного роспева, это произведение ветковских роспевщиков отмечено внутренним динамизмом, экспрессией.

Рукописная традиция у старообрядцев Ветки и Стародубья сохранилась до середины XX в. Так, Феоктист Петрович Бобров, скончавшийся в 60-х гг., почти до самой смерти занимался перепиской певческих книг в с. Огородня-Гомельская. В с. Крупец Гомельской области еще в 50-х гг. переписывал рукописи Архип Иванович Галкин.

В рукописях нередко встречаются владельческие, вкладные, хронологические записи, реже можно найти записи писцовые. Все они представляют несомненный интерес при изучении рукописной традиции Ветки и Стародубья.¹²

Ниже приводится список имен известных нам мастеров ветковско-стародубской рукописной книги. Имена переписчиков расположены в хронологической последовательности, далее указывается место их жительства, название, время написания и место хранения рукописи.

Назаров Макарь Ларионович (д. Косицкая Гомельской обл.). — Стихиарь, XVIII в. (конец). ОРК НБ МГУ, Ветковско-Стародубское собр., № 288.

Быков Федор Семенович (г. Новозыбков Брянской обл.). — Трезвоны, 1829 г. ИРЛИ. Древлехранилище. Белорусское собр., № 13.

Ковалев Симеон Дмитриевич. — Сборник певческий, 1837 г. Белорусское собр., № 15.

Кублицкий Иван Исаевич (г. Новозыбков Брянской обл.). — Праздники, 1877 г. Белорусское собр., № 25.

Приходкин Федор Андреевич. — Трезвоны и Обиход, 1877 г. Белорусское собр., № 74.

Юров Амос Григорьевич (г. Клинцы Брянской обл.). — Сборник певческий, 1887 г. ОРК НБ МГУ, № 8087—4—72.

Матфей, иеродиакон (пос. Чонки Гомельской обл.). — Октоих, 1889 г. ИРЛИ. Древлехранилище. Колл. Шклярова, № 6; Обиход, 1890 г. ОРК НБ МГУ, Ветковско-Стародубское собр., № 573.

Сырников Никита Симеонович (пос. Воронок Брянской обл.). — Праздники, XIX в. (конец); Октоих, XIX в. (конец); Обиход, 1909 г. Ветковско-Стародубское собр., № 327, 527, 343.

Епифаний (с. Перевоз Брянской обл.). — Азбука демественная, 1908 г. Ветковско-Стародубское собр., № 494.

Галкин Архип Иванович (с. Крупец Гомельской обл.). — Херувимская песнь, 1925 г. ИРЛИ. Древлехранилище. Белорусское собр., № 58.

Бобров Феоктист Петрович (с. Огородня-Гомельская). — Праздники, XX в. (2-я четв.). Гомельский областной краеведческий музей.

¹¹ ИРЛИ. Древлехранилище. Белорусское собр., № 93, л. 30 об.

¹² Писцовые записи см.: Там же. № 13, 15, 25, 58, 74; записи летописного характера см.: Там же. № 49, 52.

ХРОНИКА

Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987)

Некролог

3 февраля 1987 г. в г. Скопле на 93 году скончался Владимир Алексеевич Мошин, действительный член Македонской Академии наук. Ушел из жизни замечательный организатор активной археографической работы в Югославии, неутомимый труженик, научные интересы которого были направлены на изучение русской и южнославянской истории, русско-византийских, византийско-южнославянских и южнославянско-русских отношений. За шестидесятилетний период ученой деятельности В. А. Мошин опубликовал около 250 работ, в которых освещаются вопросы, касающиеся названных выше тем; в них также содержатся методологические разработки по камеральной археографии, палеографии, филигранологии, хронологии, художественному оформлению средневековых южнославянских рукописей; среди них есть работы по дипломатике, эпиграфике и сфрагистике. Им исследовано и опубликовано несколько десятков источников по истории южных славян и эпиграфических памятников, издавы капитальные труды по водяным знакам древней бумаги, из-под его пера вышли и опубликованы отдельными томами полные научные описания рукописей наиболее значительных коллекций, хранящихся в Югославии.

В. А. Мошин родился 9 октября (26 сентября ст. ст.) 1894 г. в Петербурге в семье писателя и профессора эстетики Алексея Николаевича Мошина. По завершении гимназии в 1913 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Начавшаяся первая мировая война прервала занятия: со второго курса Мошин ушел добровольцем на фронт. После демобилизации в 1918 г. он продолжил обучение в Киеве. Оказавшись в Югославии, с 1921 по 1932 г. преподавал историю в реальной гимназии в Копривнице. В 1928 г. защитил докторскую диссертацию на философском факультете Загребского университета. В этот период на короткое время избирался доцентом византологии на философском факультете университета в Скопле. В 1932 г. был переведен в гимназию в г. Панчево и одновременно избран приват-доцентом в Белградском университете. С 1939 г. Мошин — доцент византологии в университете г. Скопле.

В 1947 г. он стал сотрудником Исторического института Сербской Академии наук и в то же самое время принял приглашение на место директора Архива Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. На этой должности оставался с сентября 1947 г. до 1959 г. В марте 1959 г. при Совете по культуре Народной Республики Сербии была образована Археографическая комиссия, куда после выхода на пенсию Владимир Алексеевич был приглашен для работы по систематическому описанию кириллических рукописей, хранящихся в Югославии, и сербских рукописей за ее пределами. Спустя два с половиной года Археографическая комиссия была расформирована, и ее функции приняло на себя Археографическое отделение Национальной библиотеки Сербии в Белграде.

(первоначально называвшееся «Отделение по описанию и регистрации рукописей»), а Владимир Алексеевич был назначен руководителем этого отделения. Находясь в Белграде, он читал лекции по славянской палеографии на филологическом (1964/65 гг.) и философском (1966/67 гг.) факультетах университета. С 1967 г. и до последних дней своей жизни В. А. Мошин работал в Государственном архиве Македонии. В 1971 г. он избран академиком Македонской Академии наук. В 1945 г. принял советское гражданство.

В студенческие годы Владимир Алексеевич прошел прекрасную историко-филологическую школу у профессоров-славистов И. А. Бодуэна де Куртенэ, М. В. Довнар-Запольского, С. И. Маслова, С. Ф. Платонова, П. П. Смирнова, Т. Д. Флоринского и византологов Д. В. Айналова, А. А. Васильева, Ю. А. Кулаковского. В семинарах занимался изучением источников, текстологией и славянской палеографией. В университетах его научные интересы получили то направление, которое впоследствии реализовалось в разработке многих проблем истории византийской и славянской средневековой культуры. Уже в 1919 г. он имел возможность под руководством профессора Киевского университета С. И. Маслова на практике применить знания по славянской палеографии, участвуя в регистрации древних рукописей и книг.

В копривницкий период жизни (20—30-е гг.) Владимира Алексеевича интересовал в основном русско-варяжский вопрос, которому посвящены его докторская диссертация и около 30 статей.

В тридцатые годы в качестве члена редакции по изданию греческих источников по истории Сербии Сербской Академии наук В. А. Мошин занимался разысканием, изучением и публикацией средневековых документов, освещающих внутреннюю и внешнюю политику сербских князей и деятельность православных монастырей и их обитателей. С целью выявления этих материалов он неоднократно командировался на Афон и в Фессалоники. Итогом этой работы стала публикация «Грчке повеље српских владара» (1936, совместно с А. Соловьевым; репринт: Лондон, 1974), а также несколько десятков статей, посвященных византийско-южнославянским и русско-византийским отношениям (темы эти оставались в центре внимания Владимира Алексеевича на протяжении всей его жизни) и специальным вопросам дипломатики, сфрагистики и палеографии: «Средневековни српски печати» (1939), «Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв.» (1947, 1950), «Мартовско датирање» (1951) и др.

Очень плодотворной была деятельность Владимира Алексеевича на посту директора Архива Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. Здесь, благодаря его исключительным организаторским способностям, высокой квалификации, большому научному кругозору, была проведена активная и целенаправленная работа по систематизации, регистрации и каталогизации всех коллекций архива, осуществлено описание кириллических и глаголических рукописей, начато описание латинских рукописей. По его инициативе приступили к машинной реставрации рукописных материалов, была основана специальная лаборатория и сконструирована машина для импрегнирования (один из способов консервации бумаги с помощью полимерной пленки), которой сейчас пользуются реставраторы во многих странах мира. Одновременно В. А. Мошин активно занимался разысканием и описанием рукописей в различных местах Югославии. Здесь же он начал систематически собирать водяные знаки древней бумаги, в результате чего образовалась коллекция численностью около 10 000 знаков, часть которых вошла в опубликованные им альбомы филиграней: «Vodeni znakovi XIII i XIV veka» (1957, совместно с С. Траличем); «Водени знак „Круна са звездом и полумесецом“» (1963, совместно с М. Грозданович-Паич); «Agneau pascal» (1967, совместно с М. Грозданович-Паич); «Anchor Watermarks» (1973).

В 1958 г. в Москве состоялся IV Международный съезд славистов, на котором рассматривался вопрос о составлении генерального каталога славянских рукописей по странам и методах описания их. Активное участие в обсуждении данной проблемы принял Владимир Алексеевич, к тому времени уже накопивший богатый опыт археографической работы. На съезде был принят его метод, учитывающий новейшие требования наук к описаниям рукописей. Возвратившись со съезда, он обратился в Совет по культуре Народной Республики Сербии с предложением перспективного плана систематической работы по выявлению и описанию славянских рукописей в Югославии и сербских рукописей за ее рубежами. Этим планом предусматривалось решение следующих задач: 1) составление каталога всех собраний южнославянских рукописей; 2) составление каталога рукописей по отдельным собраниям; 3) систематическое описание южнославянских рукописей для будущего «Корпуса южнославянских кириллических рукописей». Для выполнения предложенного плана и была создана Археографическая комиссия и заменившее ее позднее Археографическое отделение Национальной библиотеки Сербии. С целью осуществления первого и второго намеченных пунктов Владимир Алексеевич продолжил поездки по Югославии и зарубежным странам. Им опубликован список хранилищ, владеющих кириллическими рукописями (1961; на русском языке: ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21), зарегистрированы и кратко описаны кириллические рукописи большинства собраний Югославии и наиболее крупных фондов Ленинграда (1958, 1973). С 1971 г. началось осуществление и третьей части плана: изданы два двухтомника полного научного описания рукописей — 1) Исторического музея Хорватии, собрания Е. Копитара и Цойсова отрывка в Любляне и 2) славянских рукописей Македонии. В 1986 г. увидело свет описание собрания рукописей Национальной библиотеки Сербии, составленное учениками Владимира Алексеевича, а немного раньше, в 1978 г., его ученик академик Дм. Богданович опубликовал (также в двух томах) каталог кириллических рукописей монастыря Хиландара.

В каком бы учреждении Владимир Алексеевич ни работал, всюду с присущей ему энергией он организовывал обучение сотрудников методам описания рукописей, щедро делился опытом археографической работы, результатами научных исследований и своими материалами (его десятилетнее собрание водяных знаков стало основой коллекции филиграней Национальной библиотеки Сербии, насчитывающей сейчас свыше 40 000 знаков), читал курсы палеографии, истории художественного оформления рукописей, переплета и водяных знаков. В Загребе, Белграде и Скопье продолжают начатое им дело прошедшие его школу специалисты-древники. Некоторые из них стали профессорами и академиками.

Свои обширные знания и богатый опыт Владимир Алексеевич передавал и советским специалистам; живо интересовался их делами, радовался успехам и помогал советами. Во время кратких посещений Москвы и Ленинграда он находил время выступить с докладами и сообщениями в научных учреждениях (например в Институте славяноведения и балканистики и ИРЛИ), провести практические занятия с сотрудниками рукописных отделов библиотек и даже индивидуальное обучение заинтересованных сотрудников. С благодарностью вспоминаю дни его пребывания в Ленинграде, когда можно было обсудить с ним общие вопросы южнославянской камеральной археографии и получить исчерывающую консультацию по конкретной рукописи.

Заслуги Владимира Алексеевича в развитии археографии, южнославянской палеографии, дипломатики, эпиграфики и других вспомогательных историко-филологических дисциплин огромны. Им написано несколько работ, имеющих важное методологическое и теоретическое значение. Из таковых можно назвать: «Filigranologija kao pomoćna histo-

rijska nauka» (1954), «Ornament južnoslovenskih rukopisa XI—XIII veka» (1957), «O periodizaciji rusko-južnoslovenskih književnih veza» (1962; на русском языке: ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19), «Револуције у историји старог српског правописа» (1964), «Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici» (1965), «Најстарата кирилска епиграфика» (1966), «Палеографско-правописне нормe за јужнословенске рукописе пергаментног раздобља» (1970), «Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей» (1973). Не менее значимы в этом отношении и введения к его книгам: «Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije» (1955) и «Македонско евангелие на поп Јована» (1954).

Как византолог и славист широкого профиля, Владимир Алексеевич, естественно, не мог не коснуться и Кирилло-Мефодиевской проблематики. Ей посвящены его статьи: «Heretici trojezičnici u staposlovenskom prijevodu Trioda» (1972), «Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama» (1973), «Почему Кирилл Философ перевел Мт XI:5 и Лк VII:22 — „и нищи благовествуют“» (1984).¹

Почти до последних дней жизни Владимир Алексеевич сохранил юношескую свежесть восприятия и завидную работоспособность. В свои 90 лет он с легкостью совершал дальние поездки из Скопле в Ленинград, где ежедневно работал в библиотеках, встречался с коллегами и посещал научные заседания. Во время последнего пребывания в нашем городе осенью 1984 г. Владимир Алексеевич без перерыва прочел вызвавший живой интерес двухчасовой доклад об исторической связи Остромирова евангелия и Куприяновских листков, хотя в это время он уже страдал почти полным отсутствием зрения и единственным реальным инструментом общения для него оставался слух.

Память о Владимире Алексеевиче Мошине, бескорыстном и самоотверженном ученом, многолетние и плодотворные усилия которого заслуженно отводят ему место среди самых выдающихся медиевистов нашего времени, навсегда сохранится в наших сердцах.

В. М. Загребин.

¹ Библиографию трудов В. А. Мошина до 1981 г. см.: 1) Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977. С. 7—16; 2) Археографски прилози. Београд, 1983. Бр. 5. С. 75—77.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Хронологический список трудов Надежды Феоктистовны Дробленковой

1955

Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1955. 16 с.

1956

1) Дополнения за 1956 г.; 2) Именной указатель // Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. / Сост. В. А. Колобанов, О. Ф. Ковалова и М. А. Салмина; Под ред. и со вступ. ст. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956, С. 158—160, 161—170.

1957

Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 561—568. [Совм. с Л. С. Шепелевой].

1958

Список печатных трудов чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 7—20.

Вирши о взятии Азова в 1696 г. // Там же. С. 427—432. [Совм. с Л. С. Шепелевой].

Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР за 1956—1957 гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 439—473.

1960

«Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность: Исслед. и изд. текста / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1960. 240 с., ил.

Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528—538.

Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровской районы Московской области в декабре 1958 г. // Там же. С. 539—542. [Совм. с Н. С. Сарафановой].

1961

Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1947—1957 гг. [С тремя указателями] / Под ред. и со вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1961. 434 с.

1962

Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР за 1958—1959 гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 499—551.

* В настоящем томе мы помещаем список работ старшего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР к. ф. н. Н. Ф. Дробленковой.

1963

Рец. на кн.: Archiv für slawische Philologie. Gesamthaltverzeichnis / Bearbeitet von K. Günther. Berlin, 1962, X. 88 S. (Sonderreihe Bibliographie. Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Herausgegeben von H. N. Bielfeldt) // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 1. С. 67—68.

К 75-летию Варвары Павловны Адриановой-Перетц: (Очерк деятельности) // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 2. С. 153—155.

Новые приобретения Пушкинского Дома // Вестн. АН СССР. 1963. № 12. С. 104—105. [Совм. с Н. С. Демковой].

Странствия Львовского «Апостола» // Лит. газ. 1963. 14 ноября. № 136. С. 3. [Совм. с Н. С. Демковой].

1964

Задачи составления библиографии библиографий по древнерусской литературе // ТОДРЛ: Актуальные задачи изучения древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 333—350.

Археографическая командировка в Сольцы // Там же. С. 412—414. [Совм. с Н. С. Демковой].

1965

«Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка // ТОДРЛ: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 252—258. [Совм. с Н. С. Демковой].

1966

Библиография научно-исследовательских работ по «Задонщине» (1852—1965) // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 557—583. [Совм. с Ю. К. Бегуновым].

1968

К изучению древнейших славянских стихов // ТОДРЛ: Литературные связи древних славян. Л., 1968. С. 27—61. [Совм. с Н. С. Демковой].

1969

«Живые мощи»: Житийная традиция и «легенда» о Жанне д'Арк в рассказе Тургенева // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1969. Т. 5. С. 289—302.

По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне» // ТОДРЛ: Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., 1969. Т. 24. С. 129—135.

Список печатных трудов чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг. (Продолжение) // Там же. С. 15—20.

«Сказание» Авраамия Палицына. [Подгот. текста и коммент.] // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 487—508, 765—770. («Б-ка всемир. лит.»).

1970

Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ. Увар. № 206 (1776) // ТОДРЛ: Памятники русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 309—318.

Взаимоотношение литературы и деловой письменности в XV в.: (Постановка вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 56—65.

[Материалы к главе «Оригинальная беллетристика XV в.»] // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров, сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 368—369.

Ред.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности: Сб. статей. Л., 1970. 180 с. [Совм. с Д. С. Лихачевым].

1971

Хронологический список трудов Веры Дмитриевны Кузьминой // ТОДРЛ: Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. Л., 1971. Т. 26. С. 368—373. [Совм. с О. А. Державиной].

1972

Поправка к XXVII тому Полного собрания русских летописей // ТОДРЛ: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., 1972. Т. 27. С. 458—460.
Неизвестный вариант стиха о потопе // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 215—227.
Список печатных работ В. И. Малышева (1940—1971 гг.) // Там же. С. 406—421.

1974

Ранняя редакция Жития Епифания // ТОДРЛ: Вопросы истории русской средневековой литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 223—242.
В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор // Там же. С. 26—32.

1975

Житие Епифания, часть I; Житие Епифания, часть II. [Подгот. текста и коммент.] // Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 80—91, 112—138, 243, 249—252.
Житие Епифания: (Литературная история) // Там же. С. 185—210.
Сибирские материалы в картотеке В. Н. Перетца // Археография и источниковедение Сибири: Сб. статей. Новосибирск, 1975. С. 156—163.

1976

Ранний вариант декабрьской Великой Минеи Четии // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 386—390.
Bibliografija sovetskich ruskich rabot po literature XI—XVII vekov: 1917—1957 gg. (Фотомеханическое переиздание кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII веков: 1917—1957 гг. М., 1961). Leipzig, 1976. 434 S.

1978

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Ч. 1 (1958—1962 гг.) / Ред. В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л., 1978. 206 с.

1979

К вопросу о средневековом историзме: («Обежанин» Сказания о Вавилоне граде) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 116—128.
Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958—1967 гг. Ч. 2 (1963—1967 гг.) / Ред. В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л., 1979. 278 с.
10 лет археографической работы в Сибири // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 425—431. [Совм. с Т. С. Троицкой].
Ред.: ТОДРЛ: Древнерусские литературные памятники. Л., 1979. Т. 33. 463 с., ил. [Совм. с Д. С. Лихачевым и Г. М. Прохоровым].

1980

[Библиография к разделам кн.]: История русской литературы X—XVII веков: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 31—33, 138—141, 181—182, 202—203, 247—249, 286, 331—333, 370—371, 446. [Совм. с М. В. Рождественской].

1981

Сказание о нашествии Едигея. [Подгот. текста, пер., коммент.] // ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 244—255, 567—570.

1982

«Царица Александрия, родом арменина. . .» в древнерусском легендарно-политическом сказании // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 375—386.

Сказание о Вавилонском царстве. [Подгот. текста, пер., коммент.] // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 182—187, 596—597.

Подготовка в Пушкинском Доме научных кадров для национальных республик и автономных областей Советского Союза: (К 60-летию образования СССР) // РЛ. 1982. № 4. С. 208—214.

1985

Великие Минеи Четии // ТОДРЛ, Л., 1985. Т. 39. С. 238—243.

Киприан // Там же. С. 53—71. [Совм. с Г. М. Прохоровым].

Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 77—91. [Совм. с Г. М. Прохоровым].

Илья (XVI в.) // Там же. С. 96—97.

Федор (Ростовский) // Там же. С. 169—171.

Список печатных работ В. И. Малышева. (Продолжение) // Древнерусская книжность: (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 340—345.

[Библиография к разделам кн.]: История русской литературы X—XVII веков: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. Д. С. Лихачева. 2-е изд. М., 1985. С. 30—31, 124—125, 158, 176, 217, 252, 290, 322—323, 395—396, 409—424. [Совм. с М. В. Рождественской].

1986

Из истории жанра Минеи Четых в русской литературе (XI—XIX вв.) // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван. 1986. С. 139—181.

Из Великих Минеи Четих Макария: «Летописец» Макария. [Подгот. текста, пер., коммент.]; «Слово похвальное Льва Филолога Михаилу и Федору Черниговским». [Подгот. текста и коммент.]; «Слово о убийнии Батя» Пахомия Серба. [Подгот. текста, пер., коммент.]; Предисловие и Послесловие Тучкова к «Повести о житии Михаила Клопского». [Подгот. текста и коммент.]; «Житие Георгия Нового». [Подгот. текста, пер., коммент.]; Запись писца Мокня. [Подгот. текста, пер., коммент.] // ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 478—549, 625—640.

1987

К поэтике имен в древнерусской литературе // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 73—81.

Житие Ефрема Новоторжского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI—первая половина XIV в. / Ред. Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев (отв. ред.), О. В. Творогов. Л., 1987. С. 148—150.

«Новая повесть о преславном Российском царстве». [Подгот. текста, пер., коммент.] // ПЛДР: Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 24—57, 546—553.

1988

Сказание о Вавилоне; «Новая повесть о преславном Российском царстве»; Повесть о видении во Владимире в 1611 г.; «Повесть о Валтасаре королевиче, како служа некоему царю» (перевод 1680 г.); Повесть о царе Василии Константиновиче // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 19—24, 45—46, 53—54, 96—98, 124—128.

Авраамий Суздальский; Борис Федорович Годунов; Великие Минеи Четии; Гермоген; «Грамота Утвержденная» 1598 г.; Евдоким-грамматик; Епифаний Премудрый. [Совм. с Г. М. Прохоровым]; Житие Сергия Радонежского; Иван Черный; Илья (XVI в.); Киприан. [Совм. с Г. М. Прохоровым] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. 1: А—К / Ред. Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев (отв. ред.), Г. М. Прохоров. Л., 1988. С. 3—5, 93—101, 126—133, 153—163, 166—169, 203—205, 217—220, 330—336, 393—394, 401—404, 470—475

1989

Леонид (XVI в.); Макарий; «Минеи Четии Чудовские (Годуновские)»; «О Риме»; Огарков Михаил Федорович; «Повесть об Амурате»; «Повесть о Валтасаре Вавилонском»; «Рыдание» Иоанна Евгеника; Симеон Суздальский; «Сказание о Вавилонском царстве» (цикл); «Сказание о взятии Астрахани» (2-я половина XVI в.); «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню»; Федор (Ростовский); Феодорит; «Хождение во Флоренцию» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л—Я / Ред. Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев (отв. ред.), Г. М. Прохоров. Л., 1989. С. 7—9, 76—88, 114—116, 150—152, 210—211, 223—225, 316—317, 334—336, 351—358, 401—403, 448—450, 454—456, 486—489.

Житие Елифания [Подгот. текста и коммент.] // ПЛДР. М., 1989. С. 310—336.

Имя героя и его роль в формировании сюжета в древнерусской литературе // В памяти Отечества: Материалы чтений по истории и культуре Древней Руси. Горький, 1989. С. 46—58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты собранные ... Археографической экспедицией.
 АЕ — Археографический ежегодник.
 АИ — Акты исторические.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XVI—начала XVII в.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брикё В. И. — Briquet C. M. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вспомогательные исторические дисциплины.
 ВМЧ — Вопросы литературы.
 ВОИДР — Великие Минеи Четви, изд. Археографической комиссии.
 ГАКО — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственный архив Калининской области.
 — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 Гераклитов — Гераклитов А. А. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГПНТБ СО АН СССР — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР.
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
 ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИВ — Исторический вестник.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИФиф — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск).
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
 КИХМ — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник.
 Клепиков, Филигр. — Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 и штемп. — Клепиков С. А. Бумага с филигранью «голова шута (Foolscap)» // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1963. Вып. 26.
 Клепиков, Шут. — Краткая литературная энциклопедия.
 КЛЭ — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 КСИМК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 ЛЗАК —

- Л и х а ч е в, Вод. зн. — Л и х а ч е в Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
- МДА — Московская духовная академия.
- Мошин — Mošin V. A., Traljić S. M. Vodeni snakovi XIII i XIV vijeka. Zagreb, 1957. I—II.
- НИЛ, НИЛ, НИЛЛ, НИВЛ, НВЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
- ПВД — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- П и к к а р д — Piccard G. Die Ochsenkopf — Wasserzeichen Findbuch II, 1, 2, 3 der Wasserzeichenkartell Piccard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart, 1966.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
- ПНЛ, ПНЛ, ПНЛЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РЛ — Русская литература.
- СА — Советская археология.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
- СИЛ, СИЛ — Софийские первая и вторая летописи.
- С р е з н е в с к и й, И., Материалы — С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Т р о м о н и н — Т р о м о н и н К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
- Х и в у д — Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum: the Pater Publikations Society, 1950.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР.
- Ч е р ч и л л ь — Churchill W. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- РГ — Migne J. P. Patrologiae Graeca.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

И С С Л Е Д О В А Н И Я

<i>Рожественская М. В.</i> (Ленинград). К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.). К 55-летию отдела	3
<i>Прохоров Г. М.</i> (Ленинград). Радзивиловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания	53
<i>Лурье Я. С.</i> (Ленинград). Еще раз о Первом послании Ивана Грозного к Курбскому	77
<i>Альшиц Д. Н.</i> (Ленинград). Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ «Избранной рады»	92
<i>Серова И. Ю.</i> (Ленинград). «Летописная книга» Катыврева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна	107
<i>Солодкин Я. Г.</i> (Кустанай). К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева	115
<i>Каган-Тарковская М. Д.</i> (Ленинград). «Посольская книга Шарап-Веригина» — литературно-документальное сочинение второй половины XVII века	128
<i>Николаев С. И.</i> (Ленинград). Поэзия и дипломатия. (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг.)	143
<i>Чиккарини М.</i> (Рим). Западные источники русско-польских фаяцаций XVII в.	174
<i>Мончева Л. Н.</i> (Шумен, НРБ). Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы	188

МА Т Е Р И А Л Ы И С О О Б Щ Е Н И Я

<i>Прохоров Г. М.</i> (Ленинград). Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем. Слово второе. (Славянский XIV в. и современный переводы)	200
<i>Прохаза Е. А.</i> (Великобритания). О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей	228
Семенченко Г. В. (Москва). Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского	241
<i>Громов М. Н.</i> (Москва). К истолкованию апокрифа о сотворении Адама	255
<i>Штро В. А.</i> (г. Дмитров, Московская обл.). Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе	262
<i>Соловьева И. Д.</i> (Ленинград). Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина	268
<i>Дмитриева Р. П.</i> (Ленинград). Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей	280
<i>Творогов О. В.</i> (Ленинград). Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф	287
<i>Чернышева Т. Н.</i> (Киев). Композиция «Дигениса Акрита» и «Девгениево деяние»	344
<i>Турцова Н. М.</i> (Ленинград). Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в.	351
<i>Мончева Л. Н.</i> (Шумен, НРБ). О графической семантике стихотворений Симеона Полоцкого	363
<i>Чернов В. А.</i> (Свердловск). На каком языке писал Аввакум?	369
<i>Гузман С. Н.</i> (Баку). «Выезд из службы из Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII в.	374
<i>Мелихов М. В.</i> (Сыктывкар). «Сказание о Мамаеве воинстве»	389
<i>Дежкова Н. С.</i> (Ленинград). Из истории русской повести XVII в. Об одной древнерусской параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий». («Повесть о некоем убогом отроце»)	404

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>Маркелов Г. В.</i> (Ленинград). Латгальская рукописно-книжная традиция. Материалы к изучению	410
<i>Бобров А. Г., Шухтина Н. В.</i> (Ленинград). Пинежская экспедиция 1985 г.	439
<u>Бобков Е. А.</u> , <i>Бобков А. Е.</i> (Москва). Певческие рукописи с Ветки и Стародубья	448

ХРОНИКА

<i>Загребин В. М.</i> (Ленинград). Владимир Алексеевич Мошин. Некролог	452
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Хронологический список трудов Надежды Феоктистовны Дробленковой	456
Список сокращений	461

*Научное издание*ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
т. XLII

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
Академии наук СССР
(Пушкинский Дом)*

Редактор издательства Е. Г. Кащева
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры А. З. Лакомская, Э. В. Коваленко,
С. И. Семиглазова и Г. И. Тимошенко

ИБ № 33069

Сдано в набор 26.09.88. Подписано к печати 23.10.89.
М-36449. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 40.60. Усл. кр.-от. 42. Уч.-изд. л. 44.33.
Тираж 1800. Тип. зак. 849 Цена 5 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12